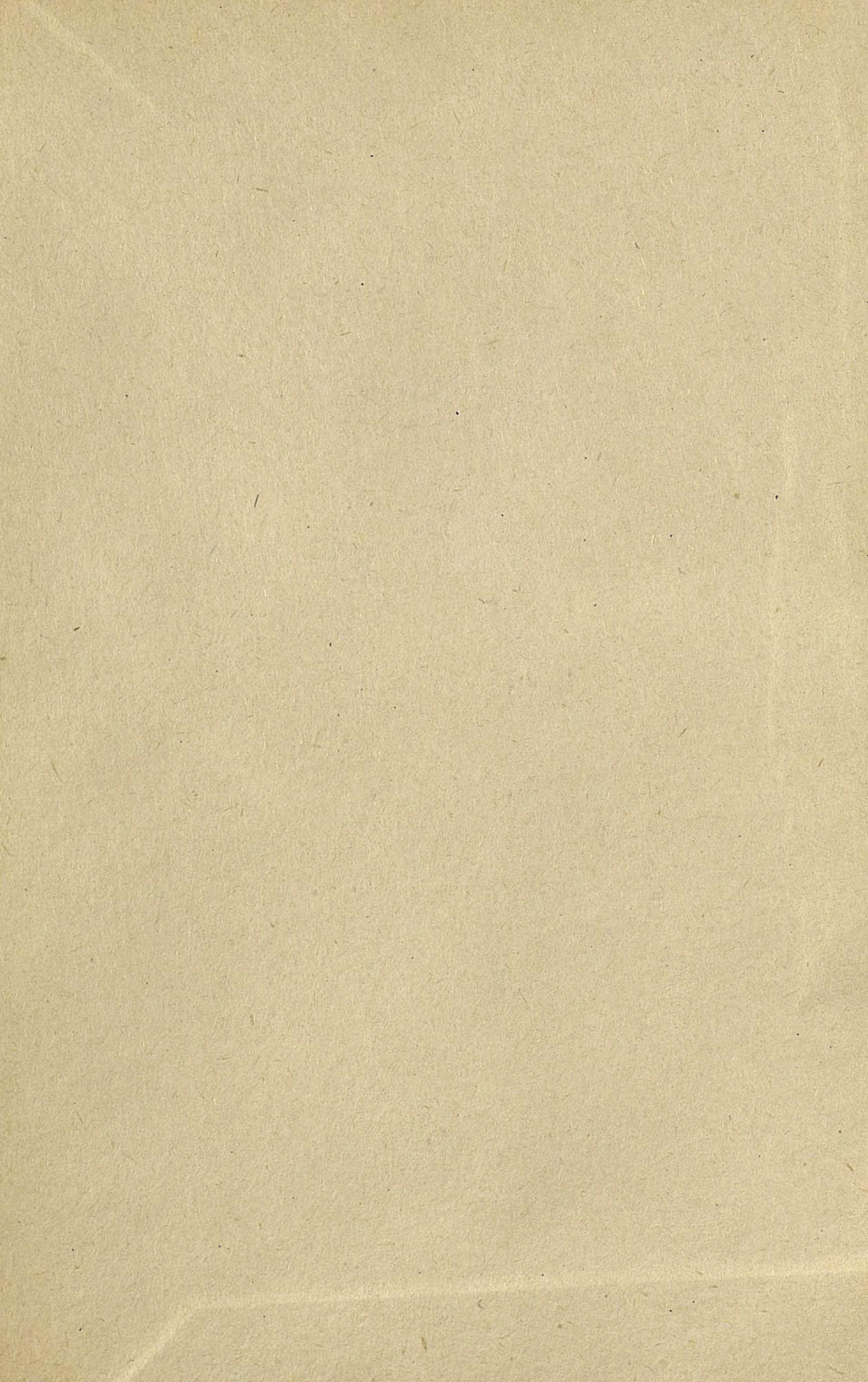
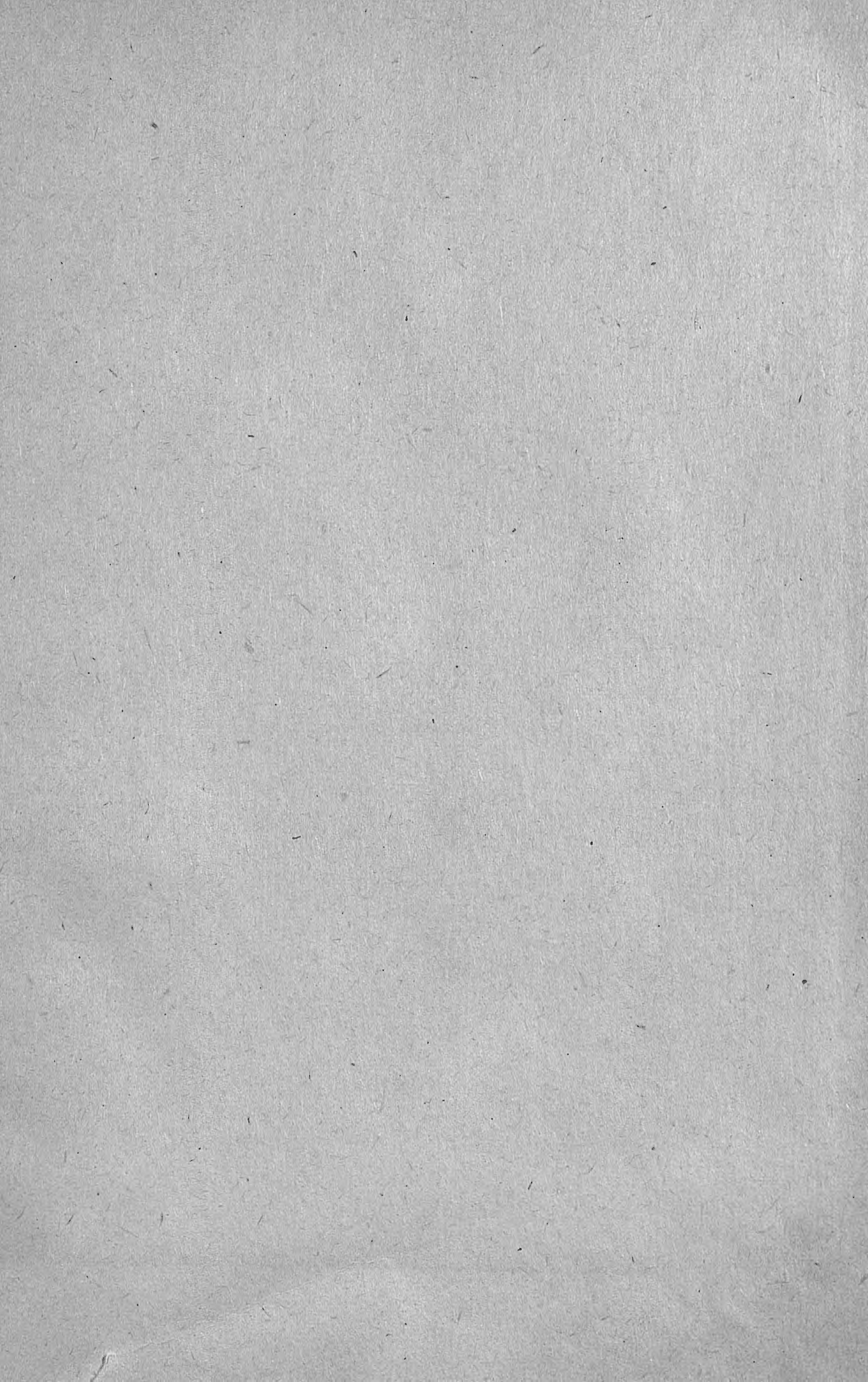
Латкин, В. Н.
Учебник истории русского права
2-е изд.
Спб, 1909

УЧЕБНИКЪ
ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА
періода имперіи
(XVIII и XIX ст.).

В. Н. Латкина,

Ординарнаго Профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

(Переработанное и дополненное).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Монтвида, Гончарная, д. 7
1909.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ

Настоящій „Учебникъ“ составленъ изъ лекцій, читанныхъ мною въ СПБ. Университетѣ по исторіи русскаго права императорскаго періода, и имѣетъ значеніе руководства для моихъ слушателей. Издать его побудило меня отсутствіе въ данное время какихъ бы то ни было пособій по исторіи русскаго права XVIII и XIX ст. Дѣло въ томъ, что „Лекціи и изслѣдованія“ проф. В. Й. Сергѣевича, будучи выпущены въ свѣтъ въ ограниченномъ количествѣ, давно уже вышли изъ продажи, „Обзоръ“ же проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, не смотря на многія свои достоинства, въ той части, которая посвящена новѣйшей исторіи права, составленъ въ формѣ конспекта и, слѣдовательно, очень кратко. Курсы проф. Леонтовича и Самоквасова излагаютъ только древнѣйшій періодъ исторіи права, а „Лекціи“ Михайлова и Бѣляева очень устарѣли и также не имѣются въ продажѣ. Что же касается до руководствъ по дѣйствующему праву, то изложенію исторической части въ нихъ, конечно, отведено очень немного мѣста. Въ виду всего сказаннаго, студентамъ, при приготовленіи къ экзамену, приходится прибѣгать къ разнымъ литографированнымъ лекціямъ, запискамъ, конспектамъ, репетиторіумамъ и т. п., въ большинствѣ случаевъ составленнымъ крайне неудовлетворительно. Изданіе настоящаго „Учебника“ избавитъ моихъ слушателей отъ этого.

В. Л.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ основу второго изданія своего Учебника я хотя и положилъ первое изданіе, но существенно переработалъ и дополнилъ его. Нѣкоторые отдѣлы написаны вновь, а всѣ остальные дополнены, какъ на основаніи новой литературы, появившейся за послѣднее десятилѣтіе со времени выхода перваго изданія, такъ и на основаніи тѣхъ монографій старой, которыхъ я не имѣлъ возможности использовать при составленіи перваго изданія. Ко второму изданію приложенъ указатель литературы исторіи русскаго права періода имперіи, столь необходимый для студентовъ. Въ заключеніе считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія моихъ слушателей, что хорошимъ пособіемъ при изученіи исторіи русскаго права является сборникъ В. М. Грибовскаго „Памятники русскаго законодательства XVII ст.", СПБ. 1907 г., гдѣ изданы главные законодательные акты императорской эпохи, на которые постоянно приходится мнѣ ссылаться въ своемъ Учебникѣ.

В. Л.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Внутренняя исторія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

Государственное право.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

Населеніе.

ГЛАВА. III.

ГЛАВА IV.

Управленіе.

ГЛАВА III.

Право вещное.

ГЛАВА IV.

Право обязательственное.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Судопроизводство.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ВВЕДЕНІЕ.

Задача исторіи права вообще есть научная разработка юридическаго быта извѣстнаго народа въ его историческомъ развитіи. Поэтому цѣль подобной разработки заключается въ раскрытіи законовъ, регулирующихъ юридическую жизнь народа, т. е. управляющихъ постепеннымъ развитіемъ правовыхъ нормъ, съ одной стороны, и формъ ихъ выраженія и осуществленія на практикѣ, съ другой. Такимъ образомъ, задача науки исторіи русскаго права, по самому своему существу, состоитъ въ раскрытіи: во-первыхъ, формъ, въ которыхъ юридическія нормы и институты выражались и осуществлялись на практикѣ, и, во-вторыхъ, сущности, содержанія и основныхъ началъ самыхъ юридическихъ нормъ и институтовъ. Изъ этого двойственнаго характера задачи науки исторіи русскаго права логически слѣдуетъ распаденіе послѣдней какъ бы на двѣ науки: исторію внѣшнюю или исторію источниковъ права (юридическихъ обычаевъ и законодательныхъ памятниковъ) и исторію внутреннюю или исторію нормъ и институтовъ. Первая изслѣдуетъ обычное право, а въ отношеніи законодательныхъ памятниковъ показываетъ причины появленія послѣднихъ, т. е. мотивы и цѣли, руководившіе законодателемъ при ихъ изданіи, затѣмъ элементы, легшіе въ основаніе памятниковъ или ихъ источники, внѣшній составъ и содержаніе памятниковъ и, наконецъ ихъ соотношеніе съ другими, какъ предшествующими имъ, такъ и послѣдующими за ними памятниками; т. е. общее значеніе каждаго памятника въ цѣлой системѣ современнаго ему законодательства.

Внутренняя исторія права занимается раскрытіемъ законовъ, регулирующихъ постепенное развитіе юридическихъ нормъ и институтовъ. Поэтому въ ея задачу входитъ изученіе сущности, содержанія и основныхъ началъ, а также внутренней связи и послѣдовательности такихъ нормъ, какъ

по отдѣльнымъ памятникамъ, такъ и по эпохамъ развитія законодательства.

Изъ опредѣленія внѣшней и внутренней исторіи права вытекаетъ ихъ соотношеніе. Разработка источниковъ права, какъ извѣстно, главная цѣль внѣшней исторіи, только подготовляетъ къ изученію исторіи отдѣльныхъ отраслей права. Всестороннее изученіе внутренней исторіи возможно только послѣ основательной критической оцѣнки источниковъ права по ихъ формѣ и содержанію. Вотъ почему въ большинствѣ учебниковъ исторіи русскаго права изложеніе внѣшней исторіи предшествуетъ изложенію внутренней, такъ какъ объ исторіи, отдѣльвыхъ постановленій, напр., законодательныхъ памятниковъ, само собою разумѣется, нельзя говорить безъ предварительнаго ознакомленія съ самими памятниками. Такимъ образомъ, внѣшняя исторія права, изучая отдѣльныя источники права, этимъ самымъ работаетъ, такъ сказать, для очистки матеріала, оперированіе надъ которымъ составляетъ функцію внутренней исторіи [1]).

Въ виду того, что наука исторіи права имѣетъ дѣло съ законами развитія юридическаго быта извѣстнаго народа, необходимо изучать ее по отдѣльнымъ періодамъ, въ которыхъ отразилась послѣдовательность этого развитія. Основаніемъ дѣленія исторіи извѣстнаго народа на періоды являются внутреннія отличительныя свойства каждаго періода, тѣ присущія ему особенности и специфическія черты, которыя отличаютъ одинъ періодъ отъ другого.

Изучая историческое развитіе юридической жизни русскаго народа, мы замѣчаемъ, что она прошла черезъ три періода, а именно: удѣльно-вѣчевой, періодъ Московскаго государства и періодъ имперіи. Нашему разсмотрѣнію подлежитъ послѣдній.

---

[1]) См. Леонтовича Исторію русскаго права, стр. 6 и слѣд,; *мои* Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права (2-е изд. 1890 г., стр. 1 и слѣд.); Ясинскаго Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, стр. 4 и слѣд.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВНѢШНЯЯ ИСТОРІЯ.

ГЛАВА I.

Законодательная дѣятельность.

Единственнымъ источникомъ права въ императорскую эпоху признается законъ. Обычай, игравшій такую важную роль въ области права въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ и въ Московскомъ государствѣ, отступаетъ теперь совершенно на задній планъ и, если не всегда de facto, то de jure совсѣмъ утрачиваетъ значэніе фактора образованія права. Въ виду этого, характеръ законодательства императорскаго періода имѣетъ мало общаго съ характеромъ законодательства Московскаго государства. Въ то время, какъ законодательные памятники московскаго періода, будучи въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ инымъ, какъ сводами предшествующаго законадательнаго матеріала, главный источникъ котораго составляло обычное право, отличались, въ силу этого, вполнѣ *консервативнымъ* характеромъ, законодательство императорскаго періода, порвавъ всякую связь съ обычаемъ и являясь или плодомъ, такъ сказать, чисто теоретическихъ соображеній отдѣльныхъ лицъ, или же будучи сколкомъ съ иностраннаго законодательства, усвоило себѣ вполнѣ *реформаторскій* характеръ.

Главная причина, обусловившая господство закона въ качествѣ источника права и, вслѣдствіе этого, видоизмѣнившая самый характеръ законодательства, состояла въ томъ, что въ изучаемую эпоху единственнымъ субъектомъ законодательной власти сталъ самодержавный государь, воля котораго творила законъ. Истинность этого положенія доказывается массою законодательныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о значеніи государя въ качествѣ субъекта законодательной власти. Такъ, на докладныхъ пунктахъ Синода, представленныхъ Петру I въ 1721 г., значится слѣдующая помѣтка самого государя: „какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ (т. е. о законѣ),

то не должно ни въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ *безъ подписанія нашей руки* чинить“. Тоже встрѣчаемъ и въ указѣ 1722 г.: „Сенату чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока *отъ насъ оный апробованъ*, напечатанъ и къ регламентамъ присоединенъ будетъ“. „Должна сія коллегія, читаемъ въ Духовномъ регламентѣ, новыми правилами дополнять регламентъ свой, однакожъ дѣлать сіе должна *не безъ нашего соизволенія*“. Та же мысль проводится и въ указѣ 1762 г., запретившемъ Сенату издавать такіе указы, „кои въ законъ или въ подтвержденіе прежнихъ служатъ, *не представя* напередъ намъ и не получа на то *апробацію*“. Точно также указъ 1780 г., запретившій генералъ-губернаторамъ „дѣлать отъ себя собственно постановленія“, предписалъ имъ въ случаѣ необходимости изданія таковыхъ, представлять объ этомъ Сенату, „который не преминетъ взнести *къ намъ и крайнюю нашу волю исходатайствовать*“. Наконецъ, въ Учрежденіи Государственнаго Совѣта 1810 г. читаемъ: „никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходятъ изъ Совѣта и не могутъ имѣть совершенія безъ *утвержденія* верховной власти“. Такимъ образомъ, изъ анализа содержанія указанныхъ памятниковъ видно, что единственнымъ субъектомъ законодательной власти въ XVIII и XIX ст. является государь. Правда, были эпохи, когда законъ могъ издаваться и безъ санкціи со стороны государя, напр., при Петрѣ до 1722 г. (во время отсутствія государя изъ столицы или изъ государства) и въ царствованіе Елизаветы Петровны, когда законодательная власть сосредоточилась въ рукахъ Сената, вслѣдствіе нелюбви императрицы заниматься государственными дѣлами (объ этомъ будетъ сказано ниже), но такія эпохи являлись исключеніемъ. Въ виду подобнаго положенія вещей, необходимо признать тотъ фактъ, что въ изучаемую эпоху, хотя разнымъ учрежденіямъ (напр., Сенату, Синоду, совѣтамъ при особѣ государя) и принадлежали законодательныя функціи, но *права* законодательства они не имѣли, такъ какъ участіе ихъ въ законодательной дѣятельности государей обусловливалось только соображеніями удобства, а не присущими имъ правами, хотя бы основанными на обычаѣ.

Въ императорскомъ періодѣ уже сознается различіе понятій закона, административнаго распоряженія и судебнаго рѣшенія, хотя нельзя сказать, чтобы въ законодательствѣ это различіе вполнѣ отразилось. Такъ, уже указы 16 Марта

1714 г. и 29 Апрѣля 1720 г. различаютъ постоянные и временные указы. Подъ первыми понимаются такіе, „которые въ постановленіе какого дѣла изданы *по вся годы*". Подъ вторыми—временныя распоряженія. Затѣмъ въ 1743 г. генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой, предписывая составить сборникъ указовъ съ 1730 г., въ тоже время указываетъ на необходимость различать временные указы отъ принадлежащихъ „до вѣчнаго опредѣленія". Точно также въ 1763 г. Сенатъ предписываетъ собрать указы, имѣющіе характеръ вѣчныхъ законовъ въ отличіе отъ временныхъ распоряженій. Это же различіе между указами мы встрѣчаемъ при Екатеринѣ II. Такъ, сама императрица въ разсказѣ о первыхъ годахъ своего царствованія, характеризуя состояніе законодательства въ то время, указываетъ, между прочимъ, на плохое различіе между „временными и непремѣнными законами" [1]), о чемъ она также говоритъ и въ своемъ извѣстномъ манифестѣ 14 Декабря 1766 г. Впервые попытку разграничить понятіе закона отъ административнаго распоряженія дѣлаетъ извѣстный Наказъ, но крайне неудачно. Подъ законами онъ понимаетъ „тѣ установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться", подъ „указами" же— „все то, что для какихъ нибудь дѣлается приключеній, и что только есть случайно или на чью особу относящееся и можетъ со временемъ перемѣниться". Нѣсколько удовлетворительнѣе этотъ вопросъ разрѣшенъ въ Наказѣ, данномъ Непремѣнному совѣту 5 Апрѣля 1801 г. Онъ знаетъ „государственныя постановленія временныя" и „коренныя или непреложныя". Подъ первыми понимаются „всѣ тѣ, кои опредѣляютъ какое-либо обстоятельство государственное, по существу своему перемѣнѣ подлежащее" (напр., воспрещеніе или разрѣшеніе извѣстнаго рода торговли, наложеніе пошлины, установленіе тарифа, разнаго рода распоряженія по строительной части и т. п.). Подъ вторыми понимаются „тѣ, коихъ предметы постоянны и непремѣнны и которыя объемлютъ въ себѣ всѣ времена и узаконяются на вѣки" (напр., Жалованная грамота дворянству, городовое положеніе, общіе гражданскіе законы и т. п.). Они составляютъ „главное, непремѣняемое и незыблемое основаніе всѣхъ законовъ имперіи", въ то время, какъ „временныя постановленія преходящи и подвержены перемѣнамъ". Постановленія обѣихъ

[1]) Русскій Архивъ, 1865 г., кн. IV.

категорій вносятся въ особыя книги, причемъ книга постоянныхъ постановленій утверждается большою государственною печатью. Благодаря Сперанскому въ различеніи понятій закона и административнаго распоряженія былъ сдѣланъ большой шагъ впередъ. Такъ, въ своемъ извѣстномъ Проектѣ уложенія государственныхъ законовъ (о немъ см. ниже) онъ уже вполнѣ разграничилъ эти два понятія. „Законъ положительный, читаемъ въ проектѣ, не что другое есть, какъ ограниченіе естественной свободы человѣка. Но не всѣ сіи послѣдствія равно существенны для политической и гражданской свободы. Въ отношеніи къ свободѣ они могутъ быть раздѣлены на два главные класса. Въ первомъ должно положить тѣ постановленія, коими вводится какая-либо перемѣна въ отношеніяхъ силъ государственныхъ или въ отношеніяхъ частныхъ людей между собою. Во второмъ тѣ, кои, не вводя никакой существенной перемѣны, учреждаютъ токмо образъ исполненія первыхъ. Первымъ принадлежитъ въ точномъ смыслѣ толкованіе *закона*, вторымъ—*уставовъ* и *учрежденій*. Первыя должны составлять предметъ *законодательнаго* сословія, вторыя же относятся къ дѣйствію власти *исполнительной*". Къ законамъ Проектъ относитъ: 1) уложеніе государственное и законы органическіе, 2) уложеніе уголовное, 3) гражданское, 4) коммерческое, 5) сельское и 6) „всѣ общія дополненія и изъясненія предметовъ, въ уложенія сіи входящія". Къ законамъ же, по Проекту, должны быть отнесены: судебный уставъ, учрежденія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, всѣ постановленія о налогахъ и повинностяхъ и т. п. Къ административнымъ распоряженіямъ, такъ называемымъ, уставамъ и учрежденіямъ Проектъ относитъ: постановленія о войнѣ и мирѣ, мѣры, „пріемлемыя правительствомъ къ спасенію отечества среди какихъ-либо бѣдствій", и „всѣ частныя инструкціи, учрежденія, распоряженія, удостовѣряющія, изъясняющія и дополняющія прежніе уставы и учрежденія и разрѣшающія частныя въ нихъ сомнѣнія и затрудненія" [1]).

---

[1]) Въ этомъ отношеніи проектъ Сперанскаго стоитъ выше другого проекта, составленнаго въ 1818 г. Новосильцевымъ подъ названіемъ „Государственной уставной грамоты" (см. ниже), гдѣ законы хотя и различаются отъ административныхъ распоряженій, но за то послѣднія раздѣляются на двѣ категоріи, опредѣляемыя въ проектѣ крайне неудачно. Подъ законами уставная грамота понимаетъ „всѣ законодательныя распоряженія, кои основаны на началахъ по существу своему непремѣнныхъ и кои не могутъ быть иначе отмѣнены, какъ...тогда только, когда будутъ вынуждены причинами важными и рѣшительными" (ст. 27).

Однако, практика не дѣлала никакого различія между закономъ и административнымъ распоряженіемъ, если послѣднее исходило непосредственно отъ верховной власти, считая ихъ по силѣ дѣйствія вполнѣ равнозначущими. Напротивъ, административныя распоряженія подчиненныхъ властей (напр., коллегій, губернаторовъ, воеводъ и т. п.) различались отъ закона и должны были быть подзаконны, т. е. издаваться въ предѣлахъ закона и не переходить черезъ послѣдніе.

Что касается до судебнаго рѣшенія, то оно трактовалось, какъ примѣненіе закона къ отдѣльному конкретному случаю, а не считалось закономъ, изданнымъ ad hoc, что нерѣдко имѣло мѣсто въ Московскую эпоху.

Переходимъ къ *моментамъ* составленія закона. *Инициатива* закона существовала въ формѣ оффиціальнаго и частнаго почина. Первый принадлежалъ государю и подчиненнымъ властямъ. Внѣшняя форма иниціативы государя могла быть устная и письменная. Впрочемъ, при Петрѣ, какъ то было предписано Генеральнымъ регламентомъ, иниціатива государя обязательно должна была выражаться въ письменной формѣ.

Что касается до иниціативы подчиненныхъ властей, то она принадлежала какъ центральнымъ (Сенату, Синоду, совѣтамъ при особѣ государя, коллегіямъ, министерствамъ и т. п.), такъ и мѣстнымъ учрежденіямъ. На основаніи Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. мѣстныя учрежденія могли возбуждать законодательные вопросы при слѣдующихъ условіяхъ: генералъ-губернаторъ созывалъ общее собраніе изъ членовъ губернскаго правленія, казенной, гражданской и уголовной палатъ, которые, въ присутствіи губернскаго прокурора, постановляли обязательно единогласное рѣшеніе, заносившееся въ журналъ засѣданія и представлявшееся въ Сенатъ [1]). Затѣмъ, на основаніи Жалованной грамоты

Къ административнымъ распоряженіямъ относятся, съ одной стороны уставы и учрежденія, а съ другой, указы, повелѣнія, рескрипты и постановленія. Подъ первыми понимаются распоряженія, „требуемыя обстоятельствами для защиты государства, для устройства разныхъ предметовъ по части внутренняго управленія и по дѣламъ, до порядка службы и до усовершенствованія общаго и частнаго благосостоянія касающимся“ (ст. 28). Подъ вторыми же понимается „все, что предписывается къ исполненію по частнымъ и случайнымъ обстоятельствамъ, или что относится до какого-либо начальства или частнаго лица“ (ст. 29).

[1]) Впрочемъ, по свидѣтельству Сперанскаго, иниціатива закона со стороны мѣстныхъ учрежденій фактически не существовала. „Хотя на сію

дворянству 1785 г. дворянскія собранія имѣли право ходатайствовать о своихъ нуждахъ и пользахъ черезъ особыхъ депутатовъ передъ Сенатомъ и непосредственно передъ самимъ государемъ.

Частный починъ хотя и существовалъ, но далеко не имѣлъ того значенія, какое было присуще ему въ XVI и XVII ст., когда огромная масса законовъ первостепенной важности возникала благодаря частнымъ челобитіямъ. Иногда само правительство требовало возбужденія законодательныхъ вопросовъ со стороны общества путемъ подачи, такъ называемыхъ, наказовъ съ изложеніемъ нуждъ и желаній сословій, какъ, напр., въ 1767 г., при созваніи Екатериной II своей извѣстной коммиссіи по составленію проекта новаго Уложенія.

Второй моментъ составленія закона, а именно *составленіе проекта*, сосредоточивался обыкновенно въ государственныхъ установленіяхъ (въ Сенатѣ, Синодѣ, коллегіяхъ и пр.) или въ особыхъ коммиссіяхъ, организовавшихся спеціально для этой цѣли (напр., безчисленныя коммиссіи по составленію новаго Уложенія, длинный рядъ которыхъ тянется отъ Петра I вплоть до Николая I).

Третій моментъ—*обсужденіе проекта*—выражался въ формѣ предварительнаго и окончательнаго обсужденія. Предварительное обсужденіе происходило въ коллегіяхъ и спеціально для этого учреждаемыхъ коммиссіяхъ; окончательное же имѣло мѣсто въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ (въ Сенатѣ, Синодѣ и въ совѣтахъ при особѣ государя). Съ образованіемъ Государственнаго Совѣта въ 1810 г. онъ сталъ единственнымъ мѣстомъ (если не считать Синода и Военнаго совѣта) обсужденія закона. Иногда, какъ при составленіи, такъ и при обсужденіи проекта, правительство призывало депутатовъ отъ сословій. Такъ, при обсужденіи Духовнаго регламента, были созваны три съѣзда изъ духовныхъ лицъ (одинъ въ Москвѣ, другой въ Казани и третій въ Вологдѣ). Затѣмъ въ коммиссіи по составленію проекта новаго Уложенія нерѣдко призывались сословные депутаты (при

отмѣну, говоритъ онъ въ своемъ „Отчетѣ въ обозрѣніи Сибири", нѣтъ яснаго постановленія, но какъ всѣ губернскія примѣчанія и даже самые простые вопросы всегда почти встрѣчаемы были въ Сенатѣ выговорами, угрозами и нерѣдко пенями, то само собою составилось въ губерніяхъ общее правило, по коему всѣ таковыя представленія считаются, если не преступленіемъ, то по крайней мѣрѣ опаснымъ дерзновеніемъ" (Прутченко, Сибирскія Окраины, прилож., стр. 39).

Петрѣ II, Аннѣ Ивановнѣ, Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II).

Послѣднiй моментъ составленiя законовъ—*санкцiя его со стороны верховной власти*—всегда осуществлялся государемъ. Если были такiя эпохи, когда законъ получалъ санкцiю и помимо государя (при Петрѣ во время отсутствiя государя до 1722 г. и при Елизаветѣ Петровнѣ), то онѣ являлись исключенiемъ и продолжались недолго. Напротивъ, въ отличiе отъ Московскаго перiода, теперь дѣйствовало правило, что санкцiя со стороны государя есть необходимое условiе, conditio sine qua non превращенiя каждаго законопроекта въ законъ. Санкцiя выражалась какъ въ устной, такъ и въ письменной формѣ. Впрочемъ, при Петрѣ на основанiи Генеральнаго регламента для санкцiи была предписана только письменная форма. „Того ради, читаемъ въ регламентѣ, соизволяетъ его царское величество всякiе свои указы въ Сенатъ и коллегiи отправлять письменно, ибо, какъ въ Сенатѣ, такъ и въ коллегiяхъ словесные указы никогда отправляемы быть не надлежатъ“ (глава II). Въ другомъ мѣстѣ регламентъ предписываетъ коллегiямъ „неотложно исполнять указы, которые надлежатъ быть письменные и зарученные, а не словесные“ (глава IV). Напротивъ, преемники Петра допускали и устную форму. Такъ, уже Екатерина I предписала исполнять словесные указы, подписанные секретаремъ Верховнаго тайнаго совѣта [1]). При Петрѣ II, Аннѣ Ивановнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ словесная форма получила широкое распространенiе, въ силу чего неоднократно возникали противорѣчiя между словесными и письменными указами. Любопытно, что словесные указы существовали въ это время на практикѣ, но не по закону, такъ какъ послѣднiй не признавалъ за ними никакой силы и неоднократно предписывалъ имъ не вѣрить [2]). Въ виду такого положенiя вещей при Петрѣ III былъ изданъ указъ (22 Января 1762 г.),

---

[1]) „И которые указы, гласитъ указъ 28 Марта 1726 г., не будутъ за собственною нашею рукою, и въ тѣхъ по датумѣ будетъ писано: по нашему указу; а къ тѣмъ указамъ подписывать д. с. с. Степанову“. Впрочемъ, указомъ, изданнымъ 5 Авг. того же года, было предписано „не вѣрить“ словеснымъ указамъ, имѣющимъ своимъ предметомъ „важныя дѣла“, къ каковымъ императрица отнесла „выдачу сверхъ штату денегъ и тому подобное, что регламентамъ и правамъ противно“.

[2]) Вотъ что читаемъ, напр., въ указѣ 10 Янв. 1743 г.: „отъ сего времени въ Сенатѣ никакихъ предложенiй, о чемъ бы они и отъ кого бы ни были, ни письменныхъ, ни словесныхъ, *безъ письменныхъ нашихъ указовъ, за нашею рукою,* въ дѣйство не производить“.

признавшій дѣйствительнымъ только тотъ словесный указъ, который 1) объявлялся опредѣленными лицами, а именно сенаторами, оберъ-прокуроромъ, президентами трехъ высшихъ коллегій (иностранныхъ дѣлъ, военной и морской), 2) не отмѣнялъ письменнаго указа и 3) не касался извѣстныхъ предметовъ, точно поименованныхъ въ указѣ 1762 г. [1]. Указы же, не удовлетворявшіе этимъ тремъ условіямъ, признавались недѣйствительными и не подлежали исполненію. Въ царствованія Екатерины II и Павла I было произведено значительное расширеніе числа лицъ, объявлявшихъ словесную волю государя, такъ что правительство снова стало склоняться идти по прежнему пути. При Александрѣ I словесная форма санкціи государя была совершенно уничтожена (учрежденіемъ министерствъ 1802 г.) [2], письменная же получила новую форму, а именно: „внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта, постановляемъ или учреждаемъ“ [3].

---

[1]) А именно словеснымъ указомъ нельзя было лишить кого-либо жизни, отнять честь и имущество, раздать сумму свыше 10000 р., пожаловать населенное имѣніе и произвести въ чинъ выше полковника.

[2]) Вотъ что гласитъ ст. 10 учрежденія министерствъ 1802 г.: „ежели государь, по изслѣдованіи доклада министра, признаетъ предлагаемыя министромъ средства за полезныя и увидитъ, что онѣ не требуютъ ни отмѣны существующихъ законовъ, ни введенія или учрежденія новыхъ, то, утвердивъ собственноручно сей докладъ министра, возвращаетъ къ нему для учиненія по онымъ исполненія“. Въ 1806 г. Сенатомъ былъ объявленъ даже выговоръ Московскому губернскому правленію за то, что члены его — „не только неправильно истолковали, но и приняли объявленный бывшимъ министромъ юстиціи указъ въ семъ неправильномъ смыслѣ къ исполненію, въ отмѣну общихъ законовъ, за подписаніемъ нашимъ изданныхъ“. Впрочемъ, съ учрежденіемъ Государственнаго совѣта въ 1810 г. словесные указы опять получили довольно широкое примѣненіе на практикѣ.

[3]) Въ этой формулѣ до послѣдняго времени видѣли ограниченіе власти государя. Дѣло въ томъ, что Государственный Совѣтъ былъ признанъ единственнымъ и обязательно необходимымъ законодательнымъ учрежденіемъ, поэтому, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (напр., Градовскій, Сергѣевичъ, Романовичъ-Славатинскій, Владимірскій-Будановъ, Энгельманъ и др.), только тотъ законъ могъ получить санкцію со стороны государя, который прошелъ черезъ Государственный Совѣтъ, т. е. за который высказалось большинство членовъ Государственнаго Совѣта. Вотъ почему государь, утверждая новый законъ, долженъ былъ выражать это въ формѣ: „внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта“. Такимъ образомъ ограниченіе власти государя, заключавшееся въ приведенной формѣ, состояло въ томъ, что проектъ закона, противъ котораго высказалось большинство въ Государственномъ Совѣтѣ, не могъ быть утвержденъ государемъ, такъ какъ подъ нимъ нельзя было написать: „внявъ мнѣнію совѣта“ (см. Сергѣевича Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 762) Подобное же толкованіе указанная формула вызвала и въ современномъ ей обществѣ, какъ то видно изъ записки о древней и новой Россіи Карамзина, представленной имъ императору Александру I. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ этой запискѣ: „поздравляю изобрѣтателя сей новой формы или предисловія законовъ: „внявъ мнѣнію совѣта“. Государь россійскій внемлетъ только мудрости,

Однако, эта формула употреблялась сравнительно недолго, а затѣмъ и вовсе вышла изъ употребленія, сперва на прак-

---

гдѣ находитъ ее: въ собственномъ-ли умѣ, въ книгахъ-ли, въ головахъ-ли лучшихъ своихъ подданныхъ; но въ самодержавіи не надобно никакого одобренія для законовъ, кромѣ подписи государя. Онъ имѣетъ всю власть, Совѣтъ, Сенатъ, комитеты, министры суть только способы ея дѣйствій или повѣренные государя; ихъ не спрашиваютъ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ. Выраженіе: „le conseil d'état entendu" не имѣетъ смысла для гражданина россійскаго; пусть французы справедливо или несправедливо употребляютъ его. Правда и у насъ писали: „государь указалъ, бояре приговорили", но сія законная пословица была на Руси нѣсколько лѣтъ панихидою на усопшую аристократію боярскую: воскресимъ-ли форму, когда вещь и форма давно истребились". Однако, подобное толкованіе названной формулы, какъ справедливо замѣтилъ проф. Коркуновъ, не имѣетъ за собою другого основанія, кромѣ нѣкоторой двусмысленности слова: внявъ, которое можетъ означать и „выслушавши" и „согласившись". Между тѣмъ не трудно убѣдиться, что установленіе этой формулы не имѣло и не могло имѣть цѣлью ограничить чѣмъ-либо власть государя. Ссылаясь на слова Карамзина, приведенныя выше, проф. Коркуновъ правильно замѣчаетъ, что указанная формула является ничѣмъ инымъ, какъ переводомъ съ французскаго: „le conseil d'état entendu", что означаетъ „выслушавъ" совѣтъ, а не „согласившись" съ нимъ, такъ какъ мнѣнія (avis) французскаго государственнаго совѣта никогда не признавались и не признаются обязательными для правительства, въ виду того, что первый никогда не ограничивалъ и не ограничиваетъ власти послѣдняго. Президентъ французской республики можетъ не согласиться съ мнѣніемъ совѣта и по такимъ дѣламъ, которыя онъ обязанъ рѣшать „conseil d'état entendu", такъ какъ для него обязательно только выслушать мнѣніе государственнаго совѣта, но не слѣдовать непремѣнно этому мнѣнію. Второй доводъ проф. Коркунова противъ указаннаго толкованія формулы: „внявъ мнѣнію совѣта", кажущійся намъ также вполнѣ убѣдительнымъ, основывается на анализѣ содержанія Образованія Государственнаго Совѣта 1810 г. Дѣло въ томъ, что въ немъ нѣтъ постановленія о томъ, чтобы императору къ утвержденію представлялось только мнѣніе большинства. Такъ, по ст. 54 члены, не согласившіеся съ общимъ заключеніемъ, въ теченіе недѣли доставляютъ къ государственному секретарю свои мнѣнія, которыя и прилагаются въ подлинникѣ къ журналу. Затѣмъ, согласно ст. 55, государь можетъ повелѣть эти особыя мнѣнія вновь обсудить въ совѣтѣ. Наконецъ, послѣднее доказательство проф. Коркунова заключается въ слѣдующемъ. Если еще могло быть какое-нибудь сомнѣніе (говоритъ онъ), не имѣлъ-ли Государственный Совѣтъ ограничительнаго значенія, то уже во всякомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы для императора въ какомъ бы то ни было смыслѣ могли быть обязательны мнѣнія назначаемыхъ имъ генералъ-губернаторовъ. Между тѣмъ въ Высочайшихъ манифестахъ того времени по дѣламъ Финляндіи встрѣчается такая формула: „внявъ мнѣнію финляндскаго генералъ-губернатора и тамошняго правительственнаго совѣта" или даже „внявъ мнѣнію финляндскаго генералъ-губернатора и тамошняго правительствующаго сената, равно какъ и подлежащихъ консисторій". Очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ формула „внявъ мнѣнію" понималась въ смыслѣ: „выслушавъ мнѣніе" (Коркуновъ. Значеніе формулы: „Внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта", Юрид. Лѣтопись 1892 г., № 12). Противъ воззрѣній пр. Коркунова выступилъ проф. Щегловъ, ставшій на прежнюю точку зрѣнія ограничительнаго характера названной формулы (Государственный Совѣтъ въ Россіи, т. II, стр. 478 и слѣд.). Однако, аргументація г. Щеглова недостаточно убѣдительна. Такъ, противъ перваго довода проф. Коркунова, а именно, что мнѣнія французскаго государственнаго совѣта никогда не были обязательны для правительства, и что совѣтъ не ограничивалъ его власти, г. Щегловъ, къ сожалѣнію, совершенно голословно замѣчаетъ, что все это не имѣетъ ни-

тикѣ, а съ изданіемъ новаго Учрежденія Государственнаго Совѣта 15 Апрѣля 1842 года и въ законѣ [1]).

Съ утвержденіемъ закона государемъ наступалъ моментъ *публикаціи* закона. Необходимость его по крайней мѣрѣ въ судебныхъ дѣлахъ была вполнѣ сознана уже при Петрѣ, предписавшемъ „примѣнять къ судебнымъ дѣламъ указы, всенародно напечатанные и повсюду объявленные“. То же самое, но по отношенію уже ко всѣмъ законамъ, предписала Екатерина II, высказавъ въ Уставѣ благочинія 1782 года слѣдующее положеніе: „нельзя взыскивать исполненія по закону, не обнародованному“. Въ дѣлѣ публикаціи важную роль игралъ Сенатъ. По указу 1721 года всѣ новые законы должны были представляться въ Сенатъ на „апробацію“,

---

какого отношенія къ русскому „Государственному совѣту по образованію 1810 г., который былъ основанъ на совершенно иныхъ началахъ“, такъ какъ Сперанскаго „не удовлетворяло тогдашнее политическое устройство Франціи“. Тутъ же проф. Щегловъ считаетъ нужнымъ признать ссылку на Карамзина не убѣдительнымъ доводомъ, въ виду того, что послѣдній „былъ ярымъ противникомъ реформъ Сперанскаго“ и „рѣшительно отвергалъ тотъ характеръ, какой они имѣли на самомъ дѣлѣ“. Но говоря это, проф. Щегловъ забываетъ, что Карамзинъ, толкуя формулу: „внявъ мнѣнію“, стоитъ совершенно на той же точкѣ зрѣнія, какъ и онъ самъ, слѣдовательно, по мнѣнію же г. Щеглова, въ данномъ случаѣ никакъ не могъ „отвергать того характера, какой она имѣла на самомъ дѣлѣ“. Со вторымъ доводомъ пр. Коркунова проф. Щегловъ въ сущности согласенъ, такъ какъ и самъ вынужденъ признать, что по Образованію 1810 г., „было предписано прилагать къ рѣшеніямъ большинства и мнѣнія меньшинства“, и что на практикѣ эти мнѣнія „иногда подавали поводъ къ вторичному рѣшенію дѣла въ общемъ собраніи совѣта“. Наконецъ, третій доводъ пр. Коркунова остается совершенно не опровергнутымъ. Г. Щегловъ только вскользь замѣчаетъ, что формула: „внявъ мнѣнію финляндскаго генералъ-губернатора“ объясняется „особеннымъ политическимъ положеніемъ Финляндіи“. Однако, это замѣчаніе могло бы имѣть извѣстное значеніе въ томъ случаѣ, еслибы названная формула относилась къ актамъ, исходящимъ отъ сейма, но ужъ никакъ не отъ генералъ-губернатора, назначаемаго государемъ и являющагося его представителемъ. Въ сущности мнѣніе проф. Щеглова о характерѣ Государственнаго совѣта по Образованію 1810 г. далеко не отличается опредѣленностью. Такъ, онъ нѣсколько разъ констатируетъ „двойственный“ характеръ совѣта, въ виду того, что въ Образованіе 1810 г. былъ „включенъ принципъ самодержавной власти русскаго государя *вмѣстѣ* съ началомъ ограниченія его власти“. Но вѣдь эти два принципа взаимно исключаютъ другъ друга, и едва-ли возможно „вмѣстѣ“ и одновременно включать ихъ куда бы то ни было! Любопытно, что самъ Сперанскій не придавалъ Государственному Совѣту значенія, ограничивающаго власть государя. Вотъ что онъ писалъ Александру I въ своемъ извѣстномъ письмѣ изъ Перми: „другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія (Государственнаго Совѣта) стѣсняетъ власть государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по государеву-ли повелѣнію дѣла вносятся въ совѣтъ? *Не единымъ-ли* словомъ его рѣшаются?“ (Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, стр. 479 и слѣд.).

[1]) Названная формула за все царствованіе Александра I встрѣчается только въ 32 манифестахъ. Первый изъ нихъ изданъ въ 1810 году, послѣдній въ 1824 г. (Щегловъ, Государственный Совѣтъ въ Россіи, т. II, стр. 482).

утверждаться подписью его членовъ и публиковаться во всеобщее свѣдѣніе. То же предписываетъ и указъ 1723 года. „Когда отъ его императорскаго величества, читаемъ въ немъ, которой коллегіи или канцеляріи присланы будутъ письменные или словесные указы, и о тѣхъ указахъ немедленно объявлять въ Сенатъ, чтобъ, за неизвѣстіемъ о такихъ указахъ, не происходило въ дѣлахъ помѣшательства". Роль Сената въ дѣлѣ публикаціи законовъ не умаляется и впослѣдствіи. Такъ, Учрежденіемъ Сената 1802 года было предписано: „всѣ именные указы вносить въ Сенатъ отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, которымъ оные даны будутъ".

Что касается до формы публикаціи, то на основаніи указа 1714 года она должна была заключаться въ печатаніи. „Указы, гласитъ названный законъ, для всенароднаго объявленія велѣть печатать и продавать всѣмъ". По отпечатаніи, они разсылались мѣстнымъ начальникамъ, затѣмъ по нѣскольку разъ читались въ церквахъ и, наконецъ, расклеивались на площадяхъ и улицахъ. Однако, въ виду того, что нерѣдко въ формѣ указовъ расклеивались и пасквили, на основаніи узаконеній Екатерины II публикація законовъ на мѣстахъ была передана въ вѣдѣніе губернскаго правленія и полиціи. Порядокъ ея точно опредѣленъ въ Уставѣ благочинія 1782 года (обнародованіе законовъ стало функціей частныхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей—каждаго въ своей части и кварталѣ).

По обнародованіи, законъ приводился *въ исполненіе*, причемъ, моментомъ, съ котораго онъ становился юридически обязательной нормой, признавалась публикація. „Управа благочинія, читаемъ въ уставѣ этой послѣдней, не взыскиваетъ съ людей исполненія по закону, буде законъ не обнародованъ". Правила, обязательныя при исполненіи закона, были слѣдующія:

Во-первыхъ, законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. До 1785 года этотъ принципъ хотя и признавался, но въ равной мѣрѣ и нарушался. Такъ, извѣстный указъ о единонаслѣдіи 1714 года, съ одной стороны, признаетъ его („сей указъ не на прошедшія времена, но съ сего 1714 года дѣйство свое имѣетъ"), съ другой стороны, отрицаетъ („хотя въ прошедшіе два мѣсяца какіе раздѣлы имѣній и сдѣланы, то оные передѣлать по сему указу"). Затѣмъ въ томъ же 1714 году состоялся указъ, отмѣнившій тѣ изъ новоуказныхъ статей и указовъ, постановленія которыхъ противорѣ-

чили Уложенію, и дозволившій просить о перевершеніи всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ уже на основаніи отмѣненныхъ законовъ. Такимъ образомъ только съ указа 18 Декабря 1785 года было признано, что законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. Это правило нѣсколько разъ подтверждалось впослѣдствіи (напр., указомъ 1817 г. и др.).

Во-вторыхъ, дѣйствіе закона распространяется на всѣхъ лицъ, живущихъ на территоріи государства, причемъ не принимается въ расчетъ національность и подданство послѣднихъ. Этотъ принципъ вполнѣ ясно высказанъ въ Уставѣ благочинія. „Управа благочинія, читаемъ въ немъ, съ иногородныхъ, иностранныхъ и иновѣрныхъ, въ городѣ живущихъ, равно какъ и съ природныхъ, взыскиваетъ исполненія узаконеній по гражданству“.

Въ-третьихъ, невѣдѣніемъ закона никто не можетъ отговариваться. Впервые это правило было высказано въ Воинскомъ уставѣ 1716 года, который было предписано отпечатать и разослать по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался“. О томъ же говорятъ и многіе указы. Впрочемъ, иногда, въ видѣ исключенія, неслыханіе Воинскаго артикула со стороны молодого солдата могло служить обстоятельствомъ, смягчающимъ наказаніе.

Въ-четвертыхъ, законы должны исполняться точно и буквально и толкованіе ихъ, напр., со стороны судей и администраторовъ (въ отличіе отъ нашего времени) строго воспрещалось. Вотъ почему законы должны писаться яснымъ и точнымъ языкомъ, а въ случаѣ отсутствія таковаго, должны разъясняться Сенатомъ и даже самимъ государемъ. „Буде-же въ регламентахъ, читаемъ въ указѣ 17 Апрѣля 1722 года, что покажется темно или такое дѣло, что на оное яснаго рѣшенія не положено, такія дѣла не вершить, ниже опредѣлять, но приносить въ Сенатъ выписки о томъ, гдѣ повинны собрать всѣ коллегіи и объ ономъ мыслить и толковать подъ присягою, однако-же не опредѣлять, но, положа на примѣръ свое мнѣніе, объявлять намъ“. Тѣ-же идеи пропагандируетъ и Наказъ. „Судьи, судящіе о преступленіяхъ, говоритъ онъ, потому только, что они не законодавцы, не могутъ имѣть права толковать законы о наказаніяхъ. Такъ кто-же будетъ законный оныхъ толкователь? Отвѣтствую на сіе: самодержецъ, а не судья, ибо должность судьи въ томъ единомъ состоитъ, чтобы изслѣдовать: такой-то человѣкъ сдѣлалъ или не сдѣлалъ дѣйствія, противнаго закону... Нѣтъ

ничего опаснѣе, какъ общее сіе изреченіе: надлежитъ въ разсужденіе брать смыслъ или разумъ закона, а не слова... Ежели право толковать законы есть зло, то также есть зло и неясность оныхъ, налагающая нужду толкованія. Сіе неустройство тѣмъ больше еще, когда они написаны языкомъ, народу неизвѣстнымъ или выраженіями незнаваемыми. Законы должны быть написаны простымъ языкомъ, и Уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быть книгою весьма употребительною".

Высказавъ эти идеи въ Наказѣ, Екатерина II проводила ихъ и на практикѣ. Такъ, въ манифестѣ 15 Декабря 1763 г. мы читаемъ: „каждый департаментъ Сената имѣетъ принадлежащія ему дѣла рѣшать на точномъ разумѣ законовъ". „Палаты, гласитъ Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., да нерѣшатъ дѣла инако, какъ въ силу государственныхъ узаконеній". Точно также указъ 7 Апрѣля 1788 года предписываетъ Сенату основывать свои опредѣленія „вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ на изданныхъ законахъ и предписанныхъ правилахъ, не перемѣняя ни единой литеры, не доложася намъ". Тѣ же правила дѣйствовали и въ XIX ст. вплоть до изданія Судебныхъ уставовъ 1864 г. Такъ, учрежденіе министерствъ 25 Іюля 1811 г. постановляетъ, что „въ Сенатѣ дѣла разрѣшаются по существующимъ законамъ и учрежденіямъ", а „гдѣ законы и учрежденія недостаточны, тамъ дѣло представляется на Высочайшее усмотрѣніе". Точно также и Сводъ законовъ (изд. 1832 г.) предписываетъ исполнять законы „по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія", причемъ, „всѣ безъ изъятія мѣста должны утверждать опредѣленія свои на точныхъ словахъ закона, не перемѣняя въ нихъ, безъ доклада Императорскому Величеству, ни единой буквы и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій" (ст. 65 т. I, ч. 1) [1]).

[1]) Запрещеніе толкованія законовъ существовало въ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст. не только въ Россіи, но повсемѣстно и въ западной Европѣ, что объяснялось состояніемъ тогдашняго законодательства и уголовной юстиціи. Въ виду неполноты, неясности и несистематичности законовъ, произволъ толкованія былъ неизбѣженъ, а это и довело къ запрещенію толкованія вообще (см. Кистяковскаго Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу имп. Екатерины II въ Кіевск. Унив. Изв. 1864 г., кн. IX, а также Дубровина Аналогія при примѣненіи уголовнаго закона въ Журн. Мин. Юст. 1899 г., кн. V и VI). Проф. Липинскій въ своей статьѣ „Къ исторіи русскаго уголовнаго права XVIII ст. (Журн. Гражд. и Уголовн. Права 1885 г., кн. X) собралъ не мало примѣровъ изъ судебной практики XVIII ст., когда суды, при постановкѣ своихъ рѣшеній, совершенно не стѣснялись закономъ, видоизмѣняя по своему усмотрѣнію санкцію уголовнаго закона, наказывая за дѣйствія, зако-

Въ-пятыхъ, въ отношеніи противозаконныхъ предписаній начальства подчиненные должны соблюдать принципъ закономѣрнаго повиновенія. Впервые этотъ вопросъ былъ затронутъ въ указѣ 20 Января 1724 г. „Всѣмъ подчиненнымъ, читаемъ въ немъ, какъ въ Сенатѣ и Синодѣ, такъ и во всѣхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и во всѣхъ мѣстахъ всего государства, гдѣ какія дѣла отправляются, быть въ послушаніи у своихъ командировъ во всемъ, что не противно указу. А ежели что противно, того отнюдь не дѣлать подъ наказаніемъ, яко преступнику указа, но долженъ командиру своему тайно объявлять, что то противно указамъ, и ежели не послушаетъ, то протестовать и доносить высшему надъ тѣмъ командиромъ, кто приказываетъ; а ежели и въ томъ такожъ увидитъ противность, то генералъ-прокурору; а ежели въ немъ усмотритъ противность, то доносить Его Величеству, но чтобъ была самая истина“ [1]). Тотъ-же самый принципъ закономѣрнаго повиновенія былъ обязателенъ для коллегій, а со времени Учрежденія о губерніяхъ и для палатъ въ ихъ отношеніяхъ къ Сенату.

Что касается до *отмѣны* закона, то на этотъ счетъ существовали слѣдующія правила. По Наказу Сенатъ являлся „хранилищемъ“ законовъ и въ качествѣ таковаго онъ былъ обязанъ вписывать въ особый регистръ и обнародовать только такіе законы, которые не противорѣчили Уложенію (въ то время составлявшемуся). Въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ представлять верховной власти о необходимости ихъ отмѣны. Указомъ 21 Марта 1803 г. на Сенатъ была возложена функція входить съ представленіемъ къ государю объ отмѣнѣ старыхъ законовъ. Затѣмъ на основаніи Учрежденія о губерніяхъ вопросъ объ отмѣнѣ законовъ могъ разрѣшаться въ соединенномъ засѣданіи губернскаго правленія и палатъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-

---

номъ непредусмотрѣнныя, создавая своимъ приговоромъ юридическія нормы ad hoc и т. п.

1) Любопытны соображенія извѣстнаго Трощинскаго касательно практическаго осуществленія правила объ исполненіи противозаконныхъ предписаній начальства. „Тщетно законы, писалъ онъ, въ разныя времена усиливались положить предѣлы слѣпому повиновенію подчиненныхъ, но несогласно съ природою, чтобы подчиненный противупоставилъ законъ своему начальнику, отъ котораго зависитъ все его счастіе и несчастіе. Начальникъ опредѣляетъ его къ мѣсту, тотъ же начальникъ лишаетъ его мѣста, когда заблагоразсудитъ, слѣдственно подчиненному не остается ничего другого, какъ только содѣйствовать видамъ начальника, которому онъ всѣмъ обязанъ, отъ котораго онъ всего ожидаетъ и отъ неудовольствія котораго долженъ непрестанно опасаться худыхъ для себя послѣдствій“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. III, стр. 44).

губернатора и въ присутствіи губернскаго прокурора. Для разрѣшенія его, какъ и при возбужденіи вопроса объ изданіи новаго закона, требовалось единогласное рѣшеніе и представленіе журнала засѣданія въ Сенатъ.

Послѣдній вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, это о *раздѣленіи* законовъ на виды. Впервые онъ былъ возбужденъ въ Наказѣ, который раздѣлилъ всѣ законы на три категоріи, а именно, законы, учрежденія временныя и указы. Законы, это — „тѣ установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться, и таковыхъ числу быть не можно великому". Временныя учрежденія, это — „есть порядокъ, которымъ всѣ дѣла должны отправляемы быть, и разные о томъ наказы и уставы". Наконецъ, указы, т. е. административныя распоряженія, „заключаютъ въ себѣ все то, что для какихъ-нибудь дѣлается приключеній и что только есть случайное или на чью особу относящееся и можетъ со временемъ перемѣниться". Но практика не знала этого дѣленія и, признавая всѣ законы вполнѣ равными по силѣ дѣйствія, дѣлила ихъ по внѣшней формѣ на уставы, регламенты, и сепаратные указы. Впрочемъ, какъ справедливо замѣтилъ проф. Филипповъ [1]), наша юридическая терминологія никогда не отличалась особенною опредѣленностью и устойчивостью, почему съ тѣмъ или инымъ наименованіемъ, подъ которымъ являлся въ свѣтъ данный законъ, не связывалось всегда одного опредѣленнаго содержанія, и не рѣдко сама практика употребляла извѣстные термины въ весьма различныхъ смыслахъ.

ГЛАВА II.

Уставы.

Подъ уставами понимались спеціальные законодательные акты, изданные для извѣстнаго вѣдомства и имѣющіе въ виду опредѣленную отрасль матеріальнаго права [2]). Та-

[1]) Учебникъ исторіи русскаго права, стр. 505 и 508.

[2]) Въ XVIII ст. уставы не соотвѣтствовали „учрежденіямъ" (регламентамъ), а являлись *сводами* узаконеній, касающихся извѣстной отрасли управленія и содержащихъ въ себѣ нормы матеріальнаго права (Филипповъ, назв. соч., стр. 509).

кими законодательными памятниками были, напр., Воинскій уставъ 1716 г., Морской уставъ 1720 г., уставъ о векселяхъ 1729 г., уставъ о винокуреніи 1765 г., уставъ благочинія 1782 г., Училищный уставъ 1786 года и Банкротскій уставъ 1800 г.

Первый уставъ, изданный въ царствованіе Петра Великаго, былъ Воинскій 1716 г. Со времени его изданія слѣдуетъ считать, по вѣрному замѣчанію П. О. Бобровскаго, учрежденіе регулярнаго войска въ Россіи совершившимся фактомъ, потому что только съ принятіемъ къ руководству этого устава русское войско получило единство, организацію и законы соотвѣтственно требованіямъ и условіямъ военнаго искусства новѣйшихъ временъ и согласно началамъ, выработаннымъ въ Западной Европѣ въ концѣ XVII ст. [1]).

Въ виду того, что значеніе Воинскаго устава далеко не исчерпывается важностью его въ области исторіи одного военнаго права, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ русскаго уголовнаго законодательства XVIII ст. причемъ его опредѣленія имѣли далеко не одно спеціальное значеніе, такъ какъ многія изъ нихъ примѣнялись и въ гражданскихъ судахъ, необходимо нѣсколько остановиться на нихъ.

30 Марта 1716 г. былъ утвержденъ въ Данцигѣ, гдѣ въ это время находился Петръ, Воинскій уставъ, и именнымъ указомъ Сенату велѣно было отпечатать не менѣе 1,000 экземпляровъ его. Вотъ что писалъ по этому поводу Петръ Сенату: „Господа Сенатъ, посылаю Вамъ книгу Воинскій уставъ, который зачатъ въ Петербургѣ и нынѣ совершенъ, который велите напечатать число не малое, а именно, чтобы не меньше 1,000 книгъ. И понеже оный хотя основаніемъ воинскихъ людей, *однако же касается и до всѣхъ правителей земскихъ*, какъ изъ онаго усмотрите. Того для, когда напечатаютъ, то разошлите пропорціи во всѣ корпусы войскъ нашихъ, также *по губерніямъ и канцеляріямъ*, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался“ [2]). Такимъ образомъ изъ этого указа видно, что Воинскій уставъ долженъ былъ при-

---

[1]) Бобровскій, Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ, вып. 1, стр. 24.

[2]) До насъ дошли и другіе указы, предписывавшіе примѣненіе Воинскаго устава общими судами, таковъ, напр., указъ 9 Дек. 1723 г., гласящій: „Его Имп. Вел., будучи въ канцеляріи вышняго суда, указалъ: свидѣтелямъ ложнымъ, которые будутъ подписывать неправыя крѣпости, указъ чинить по Воинскимъ артикуламъ“ и др.

мѣняться не только въ военныхъ судахъ и по отношенію къ однимъ военнымъ, но и въ гражданскихъ судахъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ разрядамъ жителей.

Воинскій уставъ не былъ, какъ это утверждали нѣкоторые изслѣдователи, буквальнымъ переводомъ какого-нибудь одного иностраннаго военнаго сборника [1]). Онъ представлялъ собою капитальный трудъ, которымъ занимался Петръ въ продолженіи многихъ лѣтъ, сличая, сравнивая и выбирая законы изъ лучшихъ военныхъ сборниковъ Западной Европы и стараясь согласовать ихъ съ потребностями и характеромъ русскаго войска. Очевидно, что такой громадный трудъ не могъ быть оконченъ въ короткое время, и дѣйствительно, есть данныя, на основаніи которыхъ можно предполагать, что дѣло составленія устава началось уже въ 1697 г., когда государь поручилъ генералу Вейде отправиться въ Вѣну для изученія устройства и порядковъ, существовавшихъ въ австрійской арміи, что, между прочимъ, видно изъ предисловія Вейде къ Воинскому уставу, составленному имъ въ 1698 г. Кромѣ Вейде, ближайшими сотрудниками государя въ этомъ дѣлѣ были еще: Головинъ, „надзиратель артиллеріи" Виніусъ, оберъ-аудиторъ Кромпенъ, составившій черновикъ Воинскихъ артикула и процессовъ, т. е. второй книги Воинскаго устава, докторъ правъ баронъ Гюйссенъ, извѣстный каб.-секретарь Макаровъ и др. лица. Но, несомнѣнно, что главная, такъ сказать, редакторская часть труда все-таки принадлежала самому Петру, какъ это видно изъ безчисленныхъ поправокъ, вставокъ и измѣненій, сдѣланныхъ рукою государя на подлинной рукописи устава, хранящейся въ библіотекѣ Главнаго Штаба, и, наконецъ, изъ слѣдующихъ словъ манифеста 30 Марта 1710 года.: „Еже черезъ собственный нашъ трудъ собрано и умножено". [2]).

---

[1]) Этого мнѣнія придерживается нѣмецкій ученый Штейнъ въ своемъ изслѣдованіи „Geschichte des russischen Heeres" (1885) и отчасти проф. Энгельманъ (см. его рецензію на изслѣдованіе Бобровскаго „Военное право въ Россіи при Петрѣ". Въ журналѣ „Centralblatt für Rechtwissenschaft, 1882 г., 1 B., H. 7—8). Бобровскій, видѣвшій подлинную рукопись Воинскаго устава и сличившій ее съ западно-европейскими уставами, вполнѣ опровергнулъ подобное мнѣніе. „Не смотря на то, говоритъ названный ученый, что главнымъ матеріаломъ служило военное законодательство различныхъ европейскихъ государствъ, Воинскій уставъ въ каждой своей части представляется оригинальнымъ, а не копіею законовъ одного какого-либо государства" (Военное право при Петрѣ В., вып. 2, стр. 205. См. также его Военные законы Петра В. въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ, стр. 76 и слѣд.

[2]) Розейнгеймъ, Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи, стр. 105; Бобровскій, Военное право въ Россіи при Петрѣ В., вып, 2,

Что касается до источниковъ Воинскаго устава, то, благодаря изслѣдованіямъ Бобровскаго [1]), извѣстно, что главными изъ нихъ были шведскіе военные законы, а именно Воинскій артикулъ Густава Адольфа въ редакціи Карла XI 1683 г. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, ни одинъ памятникъ западной Европы изъ числа подражавшихъ военнымъ артикуламъ Густава Адольфа не стоитъ къ нему такъ близко, какъ Воинскій уставъ Петра. Сходство въ общемъ планѣ, въ одинаковомъ наименованіи главъ, въ порядкѣ подбора и распредѣленія матеріала по главамъ доказываетъ, что составители разсматриваемаго законодательнаго памятника приняли, главнымъ образомъ, за образецъ шведскія военно-уголовные законы. Благодаря трудамъ Бобровскаго, теперь вполнѣ установлено соотношеніе между шведскимъ и нашимъ Воинскимъ уставомъ. Нашъ Воинскій уставъ, въ частности Воинскій артикулъ, составленный вполнѣ по общему плану шведскаго, въ основныхъ идеяхъ и въ средствахъ для поддержанія порядка и дисциплины въ войскахъ, вполнѣ проникнутъ духомъ оригинала; но онъ отличается отъ оригинала, во-первыхъ, внѣшнею обработкою большинства статей, написанныхъ въ болѣе сжатой формѣ, во-вторыхъ, детальнымъ развитіемъ, особенно выдающимся въ главахъ объ общихъ, наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, въ-третьихъ, пополненіями, вслѣдствіе вставокъ новыхъ артикуловъ и новыхъ юридическихъ нормъ, въ-четвертыхъ, толкованіями. Эти пополненія и толкованія составлены преимущественно по военно-уголовнымъ законамъ датскимъ и по комментаріямъ къ голландскимъ, бранденбургскимъ или къ нѣмецкимъ имперскимъ военнымъ артикуламъ. Иначе говоря, специфическія особенности шведскаго артикула не могли быть строго выдержаны; и дѣйствительно, въ русскомъ Воинскомъ уставѣ на нѣкоторыхъ статьяхъ общеуголовнаго, однако не спеціально военнаго, характера замѣтно вліяніе уголовнаго уложенія Карла V (1532), господствовавшаго въ Европѣ въ эпоху Петра, или же саксонскаго права. Наконецъ, въ числѣ источниковъ Воинскаго

стр. 189, а также его Военные законы Петра В. въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ, стр. 44 и 59. По сообщенію Бобровскаго на рукописи одного только Воинскаго артикула имѣется 75 поправокъ текста, сдѣланныхъ рукою Петра (Военные законы Петра В., стр. 48).

[1]) Бобровскій, Военное право въ Россіи при Петрѣ В., вып. 1, 2 и 3, а также Военные законы Петра В. въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ.

устава были также и французскіе ордонансы. Такъ, третья книга его (О экзерциціи) составлена главнымъ образомъ на основаніи французскаго строеваго устава [1]). Такимъ образомъ изъ сказаннаго видно, что кромѣ шведскихъ законовъ, источниками Воинскаго устава были еще военно-уголовные законы датскіе и голландскіе, затѣмъ комментаріи на бранденбургское военное право и на имперскій военный артикулъ, наконецъ, имперскіе, саксонскіе и даже французскіе военные законы. Иначе говоря, Воинскій уставъ носилъ вполнѣ компилятивный характеръ, но, въ отличіе отъ предшествующаго ему законодательсва, напр., Уложенія, также отличавшагося тѣмъ же характеромъ, совершенно не былъ построенъ на національной и исторической почвѣ, а являлся ничѣмъ инымъ, какъ сводомъ иностраннаго законодательства, далеко не всегда примѣненнымъ къ условіямъ русской юридической жизни.

Воинскій уставъ состоитъ изъ трехъ книгъ. Книга первая, названная собственно Воинскимъ уставомъ, имѣетъ вполнѣ учредительный характеръ и раздѣляется на 68 главъ. Послѣднія содержатъ въ себѣ постановленія, касающіяся организаціи и функцій всѣхъ учрежденій и высшихъ чиновъ, существующихъ въ войскѣ. Исключеніе составляетъ одна 49 глава, озаглавленная „Патентомъ о поединкахъ" и касающаяся нѣкоторыхъ преступленій и наказаній, слѣдовательно, имѣющая отношеніе къ уголовному праву. Этой главѣ слѣдовало бы имѣть мѣсто во II книгѣ, въ Воинскомъ артикулѣ, являющимся ничѣмъ инымъ, какъ военно-уголовнымъ сборникомъ.

Вторая книга подраздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая озаглавлена „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ" и состоитъ изъ 24 главъ, раздѣленныхъ на 209 статей или артикуловъ; многіе изъ нихъ сопровождаются комментаріями или толкованіями. По вѣрному замѣчанію Бобровскаго, система этой части не сложна, напротивъ, весьма проста: часть раздѣлена только на главы безъ подраздѣленія на отдѣлы, разряды и классы, а между тѣмъ всѣ статьи одной и той же главы имѣютъ внутреннюю связь и единство. Но это единство по главамъ въ общемъ нарушено вторженіемъ началъ, нерѣдко даже противорѣчивыхъ

---

[1]) Бобровскій, Военное право, вып. I, стр. 24, Военные законы Петра В., стр. 9 и 71.

одно другому. Статьи, имѣющія военное и общее значеніе, соединены въ особыя отдѣльныя главы и, благодаря такому ихъ внутреннему содержанію, легко можно выдѣлить матеріалъ общегражданскаго характера. Если нѣкоторыя преступленія общаго характера попадаются въ главахъ характера чисто военнаго и обратно—воинскія преступленія встрѣчаются въ главахъ, имѣющихъ характеръ общеуголовныхъ, то это обстоятельство служитъ только объясненіемъ духа эпохи, не сдѣлавшей принципіальнаго различія между общимъ и воинскимъ преступленіями [1]).

Вторая часть первой книги, озаглавленная „Краткое изображеніе воинскихъ процессовъ или судебныхъ тяжбъ", составляетъ ничто иное, какъ уставъ военнаго судоустройства и судопроизводства и состоитъ изъ 16 главъ, заключающихъ въ себѣ 81 статью, раздѣленныхъ на четыре отдѣла. Въ концѣ этой части помѣщенъ особый отдѣлъ: „О оглавленіи приговоровъ", составляющій нѣчто въ родѣ лѣстницы наказаній, хотя далеко не исчерпывающій всѣхъ наказаній, упоминаемыхъ уставомъ. Мѣсто этому отдѣлу, собственно говоря, въ первой части второй книги.

Третья и послѣдняя книга, носящая названіе „О экзерциціи, о пріуготовленіи къ маршу, о званіяхъ и должностяхъ полковыхъ чиновъ", дѣлится на три отдѣла или росписи. По своему содержанію она является ничѣмъ инымъ, какъ уставомъ о строевой и караульной службѣ.

Для насъ представляетъ интересъ только вторая книга, заключающая въ себѣ военно-уголовный сборникъ и уставъ военнаго судоустройства и судопроизводства, къ изложенію содержанія которыхъ мы и приступимъ при обзорѣ уголовнаго права и судопроизводства изучаемаго періода.

Второй уставъ, изданный въ царствованіе Петра, это — Морской 1720 г. Изъ именнаго указа 13 Января 1720 г. видно, что Морской уставъ, подобно Воинскому, представляетъ собою не копію съ какого-нибудь одного западно-европейскаго устава, но компилятивный сборникъ, составленный изъ пяти иностранныхъ морскихъ регламентовъ [2]) и дополненный оригинальными статьями („и къ тому довольную часть прибавили, что потребно"), авторомъ которыхъ былъ самъ государь („еще все, говорится въ указѣ, черезъ собственный нашъ трудъ учинено и совершено". Дѣломъ со-

---

[1]) Бобровскій, Военное право, вып. I, стр. 65.

[2]) Англійскаго, французскаго, датскаго, шведскаго и голландскаго.

ставленія устава Петръ занялся еще въ 1715 г. По крайней мѣрѣ отъ этого года до насъ дошло письмо государя князю Куракину, бывшему посланникомъ въ Англіи, въ которомъ Петръ писалъ, что „правы морскія воинскія, да штатъ адмиралтейскій мы нынѣ собираемъ всѣхъ государствъ, и уже датскій, французскій и голландскій переведены". Въ томъ же году Кононъ Зотовъ получилъ предписаніе отправиться во Францію и „все, что ко флоту надлежитъ, сыскать книги и перевесть на славянскій яз.". Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ 1717 г. иностранный законодательный матеріалъ былъ переведенъ, и государь вмѣстѣ со своими сотрудниками (адмираломъ Крюйсомъ, кн. Мих. Голицынымъ, Госселеромъ, барономъ Шафировымъ и Паддономъ) приступилъ къ составленію устава. Нужно думать, что главная роль въ этомъ дѣлѣ такъ-же, какъ и при составленіи Воинскаго устава, принадлежала самому Петру. Не даромъ подлинная рукопись Морского устава, по свидѣтельству г. Зейделя [1]), писана рукою государя. Источниками устава, какъ было уже сказано, являлись пять иностранныхъ морскихъ регламентовъ. Кромѣ того, въ основу его легли еще многіе законодательные акты, какъ иностранные, такъ и русскіе, изданные Петромъ до 1720 г. Указъ объ изданіи Морского устава состоялся 13 Янв. 1720 г., но самъ уставъ былъ обнародованъ 13 Апр. того же года. Онъ состоитъ изъ пяти книгъ, раздѣляющихся на главы и статьи. Для насъ представляетъ интересъ только послѣдняя книга, носящая названіе „О штрафахъ" и являющаяся ничѣмъ инымъ, какъ уголовнымъ сборникомъ, соотвѣтствующимъ Воинскому артикулу.

Относительно постановленій, касающихся преступленій и наказаній, Морской уставъ большею частью составляетъ ничто иное, какъ дословное повтореніе Воинскаго артикула. Говоримъ: „большею частью", такъ какъ нѣкоторое различіе въ этомъ отношеніи все же существуетъ между обоими уставами, а именно: Морской уставъ, во-первыхъ, пріурочиваетъ совершеніе преступленій къ кораблю вмѣсто лагеря, крѣпости и города, являющихся мѣстомъ совершенія преступленій по Воинскому уставу. Во-вторыхъ, въ области общаго ученія о преступленіи Морской уставъ вноситъ нѣкоторыя особенности, не существующія въ Воинскомъ

---

[1]) Очеркъ исторіи Морского устава, изданнаго при Петрѣ Великомъ (Морской Сборникъ 1860 г., кн. 9, стр. 520).

уставѣ; такъ, онъ расширяетъ наказуемость голаго умысла и еще болѣе ограничиваетъ необходимую оборону, чѣмъ Воинскій уставъ. Въ третьихъ, перечисляя отдѣльныя преступленія, Морской уставъ уступаетъ въ полнотѣ Воинскому, оставляя непредусмотрѣнными многія преступныя дѣянія. Впрочемъ, эта неполнота, допущенная Петромъ скорѣе для избѣжанія повтореній и вслѣдствіе того, что, при составленіи Морского устава, законодатель имѣлъ въ виду ограничить сферу преступленій по возможности кораблемъ и предѣлами собственно морской службы, не имѣетъ юридическаго значенія, такъ какъ совершенно восполняется ст. 143 и 144 XX гл. Дѣло въ томъ, что на основаніи первой изъ этихъ статей, въ случаѣ совершенія на кораблѣ преступленія, не нпредусмотрѣннаго уставомъ, вопросъ о наказаніи его разрѣшается по аналогіи, и постановленное такимъ образомъ судебное рѣшеніе представляется въ Адмиралтействъ-коллегію для внесенія новой статьи въ уставъ въ законодательномъ порядкѣ. На основаніи же 144 ст. всякое преступленіе, совершенное морякомъ на землѣ, карается по Воинскому уставу. Въ-четвертыхъ, перечисляя отдѣльныя наказанія, Морской уставъ вноситъ два вида ихъ, неизвѣстныхъ Воинскому уставу, а именно: кошки и спусканіе съ райны, т. е. сбрасываніе съ реи въ воду, но не съ цѣлью утопленія.

Изданіемъ Морского устава Петръ завершилъ свое военное законодательство, авторомъ котораго былъ въ большинствѣ случаевъ самъ. Этотъ его трудъ въ отношеніи полноты и системы превосходилъ даже современные ему военные и морскіе законодательные сборники западноевропейскихъ государствъ. Не будучи одностороннимъ переводомъ или подражаніемъ котораго либо изъ нихъ, онъ представлялъ собою скорѣе сравнительный выводъ изъ постановленій всѣхъ лучшихъ военныхъ и морскихъ законодательныхъ памятниковъ его времени, причемъ крайности и недостатки одного смягчались, благодаря другимъ [1]).

Третій уставъ, но изданный уже въ царствованіе Петра II, это уставъ о векселяхъ 1729 г., весьма важный въ исторіи гражданскаго права вообще и въ исторіи вексельнаго права въ особенности. Цѣлью его было урегулировать употребле-

---

[1]) Розенгеймъ. Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи (стр. 178 и слѣд.). См. также Зейделя, Очеркъ исторіи Морского устава Петра В. (Морск. Сборн. 1860 г., кн. IX и X).

ніе векселей въ области частнаго оборота, такъ какъ до его изданія векселя, хотя и были извѣстны, но не существовало никакихъ правилъ касательно ихъ употребленія Источниками устава были существовавшіе въ то время нѣмецкіе вексельные законы, по образцу которыхъ онъ и былъ составленъ.

Мы обладаемъ немногими свѣдѣніями относительно исторіи его составленія. Извѣстно только, что уставъ былъ составленъ коммиссіей о коммерціи, учрежденной Екатериною I, предсѣдателемъ которой былъ Остерманъ. Поэтому предположеніе о составленіи устава какимъ то профессоромъ лейпцигскаго университета, высказанное въ наукѣ, не можетъ быть принято.

Что касается до поводовъ изданія устава, то о нихъ говорится въ указѣ 16 Мая 1729 г. Изъ него видно, что уставъ изданъ въ интересахъ казны и купечества, такъ какъ отъ употребленія векселей ожидались слѣдующая польза: 1) освобожденіе отъ расходовъ, сопряженныхъ съ провозомъ денегъ, 2) устраненіе путевыхъ опасностей, 3) доставленіе денежныхъ выгодъ казнѣ и купечеству и 4) устраненіе вывоза изъ государства золота и серебра.

Что касается до содержанія устава, то онъ раздѣляется на три главы, изъ которыхъ двѣ первыя въ свою очередь дѣлятся на статьи. Глава первая содержитъ въ себѣ правила касательно употребленія купеческихъ векселей, а глава вторая говоритъ о векселяхъ на казенныя деньги. Третья глава не дѣлится на статьи и содержитъ въ себѣ образцы и формы векселей съ толкованіями.

Въ виду того, что уставъ о векселяхъ говоритъ только о членахъ торгово-промышленнаго класса, какъ о субъектахъ вексельнаго права, и ни словомъ не упоминаетъ о дворянахъ, то de jure право обязываться векселями принадлежало только однимъ купцамъ. На практикѣ оно, дѣйствительно, такъ и было, и это право считалось исключительно купеческимъ, вслѣдствіе чего для пользованія имъ дворянамъ приходилось прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и обходамъ закона. Вотъ почему, когда имп. Екатерина II созвала свою извѣстную законодательную коммиссію (въ 1767 г.), то дворяне, воспользовавшись случаемъ представленія наказовъ съ изложеніемъ сословныхъ нуждъ и недостатковъ, просили императрицу объ измѣненіи вексельнаго устава и о распространеніи на нихъ права обязываться векселями. Однако,

Екатерина II не удовлетворила этого ходатайства, и прежній вексельный уставъ продолжалъ оставаться въ силѣ, признавая (по крайней мѣрѣ формально) только за однимъ купечествомъ право обязываться векселями. [1]) Въ слѣдующее же царствованіе (имп. Павла) дворянамъ даже прямо было запрещено всякое употребленіе векселей, что случилось съ изданіемъ Банкротскаго устава 1800 г., замѣнившаго собой уставъ о векселяхъ 1729 г.

Весьма важный уставъ въ исторіи государственнаго и уголовнаго права, это — уставъ благочинія, изданный Екатериною II въ 1782 г. Цѣль его—организація городской полиціи. Онъ состоитъ изъ 12 главъ и 274 статей. Уставъ вводитъ въ большинствѣ городовъ особое полицейско-судебное учрежденіе—управу благочинія, въ составъ которой входилъ двоякій элементъ: чиновный (городничій и два пристава) и выборный (два ратмана, избираемыхъ городскимъ населеніемъ). Функціи управы — вѣдѣніе города въ полицейскомъ и отчасти въ судебномъ отношеніи. Пятая глава устава заключаетъ въ себѣ наказъ, т. е. инструкцію управѣ, которой она должна была слѣдовать въ своей дѣятельности. Эта инструкція начинается цѣлымъ рядомъ нравственныхъ сентенцій (число которыхъ въ уставѣ доходитъ до 15), напр., „блаженъ, кто и скота милуетъ, буде скотина и злодѣя твоего спотыкнется—подыми ее" и т. д. Но, кромѣ подобныхъ сентенцій, инструкція содержитъ въ себѣ и изложеніе обязанностей управы въ области полиціи и суда. Уставъ не ограничивается созданіемъ одной управы благочинія, но организуетъ цѣлую систему полицейскихъ должностей и раздѣляетъ городъ на части и кварталы, во главѣ которыхъ, поставлены имъ особые полицейскіе чины. Заканчивается онъ, такъ называемыми, „запрещеніями" и „взысканіями", составляющими двѣ его послѣднія главы и касающимися уголовнаго права. Эти двѣ главы въ сущности подтвердили все, дѣйствовавшее въ то время, уголовное законодательство и, если гдѣ и сдѣлали въ немъ измѣненія, то самыя незначительныя.

---

[1]) См. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.", т. I, СПБ. 1887 г.

ГЛАВА III.

Регламенты.

Другой формой закона являлись регламенты, т. е. учредительныя акты, определяющие составъ, организацію, компетенцію и дѣлопроизводство отдѣльныхъ органовъ управленія, Ничего подобнаго не знала Московская Русь, гдѣ даже такія важныя государственныя учрежденія, какъ Боярская дума, земскій соборъ и приказы, не имѣли своихъ учреждений и дѣятельность которыхъ регулировалась исключительно однимъ обычаемъ. Регламенты были продуктомъ законодательныхъ мѣропріятій новой Россіи, именно Петровской эпохи. Назовемъ нѣкоторые изъ нихъ: 1) регламентъ Кригсъ-коммисаріату 10 Декабря 1711 г., излагающій правила содержанія полковъ и раздачи жалованія; 2) регламентъ Штатсъ-конторѣ 13 Февраля 1719 г., определяющій правила составленія штатовъ государственнымъ расходамъ, что являлось функціей названной конторы; 3) регламентъ Коммерцъ-коллегіи 3 Марта 1719 г., въ составъ компетенціи которой входила забота о торговлѣ и отчасти вѣдѣніе торгово-промышленнаго класса; 4) регламентъ Камеръ-коллегіи 11 Декабря 1719 г., завѣдывавшей всѣми государственными доходами; 5) Генеральный регламентъ 28 Февраля 1720 г., являющійся учрежденіемъ всѣхъ коллегій и излагающій правила гражданской службы; 6) регламентъ Главному магистрату 16 Января 1721 г., излагающій составъ и функціи этого учрежденія (названный регламентъ весьма важенъ для исторіи торгово-промышленнаго класса и городского устройства и управленія); 7) Регламентъ о управленія адмиралтейства и верфи 1722 г.; 8) Духовный регламентъ 25 Января 1721 г., являющійся, съ одной стороны, учрежденіемъ Св. Синода, съ другой же, сводомъ церковныхъ законовъ Въ виду важности этого регламента, мы нѣсколько остановимся на немъ.

Петръ I, рѣшившись уничтожить патріаршескую власть считавшуюся имъ опасной для цѣлости и спокойствія государства, и замѣнить ее коллегіальнымъ учрежденіемъ, создалъ, такъ называемую, Духовную коллегію (впослѣдствіи

Св. Синодъ) и далъ ей регламентъ, опредѣлившій ея положеніе въ государствѣ.

Что касается до исторіи составленія послѣдняго, то мы знаемъ о ней слѣдующее. Еще въ 1717 г. Петръ высказалъ мысль объ учрежденіи Духовной коллегіи. Такъ, на одномъ изъ докладовъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго онъ написалъ: „а для лучшаго впредь управленія мнится быть удобно Духовной коллегіи". Вскорѣ послѣ того онъ поручилъ извѣстному Ѳеофану Прокоповичу составить регламентъ для этой коллегіи. Прокоповичъ исполнилъ возложенное на него порученіе въ 1720 г. Петръ самъ просмотрѣлъ проектъ регламента, сдѣлалъ въ немъ нѣсколько измѣненій [1]) и 23 Февраля 1720 г. внесъ его въ Сенатъ, предписавъ послѣднему совмѣстно съ архіереями разсмотрѣть его и сдѣлать соотвѣтствующія замѣчанія [2]). Сенатъ исполнилъ предписаніе государя и въ засѣданіяхъ 23 и 24 Февраля разсмотрѣлъ проектъ, дополнивъ нѣкоторыя его постановленія, касающіяся мірскихъ людей, раскольниковъ и приходскихъ священниковъ, „а о прочихъ предъявилъ, что все учинено изрядно". Послѣ этого проектъ былъ доложенъ государю, который 25 Февраля [3]) далъ Сенату слѣдующее предписаніе: „понеже вчерась я слышалъ, что проектъ о духовной коллегіи какъ архіереи, такъ и выслушали и приняли всѣ за благо, того ради надлежитъ архіереямъ и вамъ оный подписать, который потомъ и я закрѣплю". По исполненіи этого предписанія, проектъ былъ разосланъ во всѣ епархіи. По мнѣнію г. Голубева, цѣль подобной посылки неизвѣстна. Быть можетъ (думаетъ названный ученый), Петръ хотѣлъ, чтобы епархіальныя власти близко стоящія къ духовной жизни провинціи, сдѣлали свои замѣчанія и пополненія къ проекту; иначе говоря, у Петра была мысль привлечь къ участію въ составленіи Духовнаго регламента и провинціальное духовенство. Съ другой стороны (говоритъ г. Голубевъ), цѣль посылки проекта, быть

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, говоря, что государь въ проектѣ регламента „кое что перемѣнилъ и прибавилъ отъ себя" (Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 47—48).

[2]) По указу Петра Сенатъ могъ „ремарки поставить", но долженъ былъ „на каждый ремаркъ экспликацію дать".

[3]) По свидѣтельству г. Рункевича (Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Прав. Синода, стр. 121) письмо свое Петръ написалъ „позднимъ вечеромъ 24 Февраля, такъ сказать, уже отъ имени завтрашняго дня". Сенатъ же его получилъ 25 Февраля.

можетъ, ограничилась только тѣмъ, чтобы добыть однѣ подписи епархіальныхъ властей, имѣя въ виду этимъ способомъ придать регламенту большую силу и значеніе [1]). Эта вторая цѣль и была единственной, такъ какъ указъ государя прямо гласитъ, что проектъ долженъ быть разосланъ по епархіямъ „для *подписанія* прочимъ архіереямъ“ [2]). Какъ бы то ни было, но посылка регламента состоялась въ Мартѣ (18 или 20 числа). Сенатъ постановилъ послать полковника Давыдова съ проектомъ и съ приказомъ созвать архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ опредѣленной части епархій въ Москву. Духовные чины другой части епархій должны были собраться въ Вологдѣ и Казани. Давыдовъ получилъ инструкцію, на основаніи которой долженъ былъ прочесть собравшемуся духовенству регламентъ и „предложить имъ указомъ царскаго величества, чтобы они подписали его руками своими“. Если же кто либо не захотѣлъ бы подписать, то Давыдовъ долженъ былъ взять у него письменное объясненіе подобнаго поступка и немедленно донести объ этомъ Сенату. Всѣмъ указаннымъ собраніямъ Давыдовъ представилъ регламентъ, который члены собраній, по выслушаніи его, и подписали [3]). Послѣ этого онъ былъ возвращенъ государю (въ послѣднихъ числахъ Декабря 1720 г.), а въ Январѣ слѣдующаго (1721) года обнародованъ [4]).

Сличая этотъ законодательный памятникъ съ другими актами древне-русскаго церковно-государственнаго законодательства, мы найдемъ, по справедливому замѣчанію г. Кедрова, что въ основаніи его прежде всего лежатъ тѣ общія начала церковнаго управленія, которыя опредѣлены главнымъ образомъ въ различныхъ каноническихъ постановленіяхъ вселенской церкви и затѣмъ были приняты во всей силѣ и русскою церковью. Въ оглавленіи, приданномъ регламенту его составителемъ, мы читаемъ: „управленія основаніе, то есть законъ Божій, въ Св. Писаніи предложенный,

---

[1]) Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 Октября 1740 г. по 25 Ноября 1741 г., кн. II, изд. Архива мин. юстиціи (статья Голубева и Тихомірова „Св. Синодъ“, стр. 230).

[2]) Рункевичъ, назв. соч., стр. 121.

[3]) Всѣхъ подписей подъ регламентомъ имѣется 87 (Рункевичъ, назв. соч., стр. 133).

[4]) См. Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 Октяаря 1740 г. по 25 Ноября 1741 г., кн. II, изд. Архива мин. юстиціи (статья Голубева и Тихомірова „Св. Синодъ“); Ольшевскаго „Св. Прав. Синодъ при Петрѣ Великомъ“ (Кіевск. Унив. Изв. 1894 г. кн. III, стр. 13 и слѣд.); Барсова „Св. Синодъ въ его прошломъ“, стр. 200 и слѣд. и Рункевича „Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Прав. Синода“, стр. 112 и слѣд.

такожъ каноны или правила соборныя Святыхъ отецъ и уставы гражданскіе, слову Божію согласные, собственной себѣ книги требуютъ, а здѣ не вмѣщаются". Впрочемъ, не смотря на это замѣчаніе, авторъ регламента въ очень многихъ параграфахъ своего труда въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ рядъ цитатъ изъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, какъ равно и изъ правилъ отцовъ и учителей церкви. Иногда, не приводя самаго текста тѣхъ или другихъ каноническихъ правилъ въ подтвержденіе истинности своихъ словъ, онъ замѣчаетъ вообще, что „суть каноны", т. е. каноническія правила, запрещающія епископу или какому другому лицу то-то и то-то. Что касается ближайшихъ источниковъ, легшихъ въ основу Духовнаго регламента, то, разбирая его, не трудно замѣтить, что автору его были не безъизвѣстны памятники и древнерусскаго церковнаго законоучительства, и онъ нерѣдко ими пользовался, какъ готовымъ и уже вполнѣ обработаннымъ матеріаломъ. Нѣкоторыя опредѣленія, напр., Стоглаваго собора и соборовъ позднѣйшихъ повторяются регламентомъ почти съ буквальною точностью. Таковы особенно постановленія о монашествѣ, о бѣломъ духовенствѣ, о правахъ и власти епископовъ и нѣкоторыя другія. Рядомъ съ правилами русскихъ церковныхъ соборовъ въ основаніе регламента легли и тѣ памятники, которые были первоисточниками древнерусскаго церковнаго законодательства со времени принятія Россіей христіанства. Мы говоримъ о Номоканонѣ и Кормчей книгѣ. Постановленія послѣдней авторъ регламента приводитъ иногда прямо, иногда же, какъ, напр., послѣ изложенія правилъ о монашествѣ, просто лишь заявляетъ, что „многая о сихъ обрѣтается въ книгѣ Кормчей". Такимъ образомъ Духовный регламентъ, какъ памятникъ церковнаго законодательства, въ своей основѣ держится всѣхъ тѣхъ источниковъ, которые всегда признавались церковью за источники, опредѣляющіе церковное право. Но, помимо этихъ церковныхъ источниковъ, въ регламентѣ живо отразился духъ и характеръ современнаго ему свѣтскаго законодательства. И въ этомъ отношеніи регламентъ рѣзко отличается отъ предшествовавшихъ ему законодательныхъ памятниковъ русской церкви. Вотъ почему онъ является памятникомъ сколько церковнаго, столько же и свѣтскаго законодательства. Такъ, прежде всего за образецъ при его составленіи брались несомнѣнно раньше его появившіеся регламенты разныхъ госу-

дарственныхъ учрежденій. Вліяніе свѣтскаго законодательства отразилось на Духовномъ регламентѣ настолько, что авторъ его не счелъ нужнымъ упоминать о правилахъ касательно порядка отправленія дѣлъ въ устанавливаемой имъ духовной коллегіи, замѣтивъ, что образцомъ въ этомъ отношеніи для послѣдней долженъ служить Генеральный регламентъ [1]).

Что касается до содержанія Духовнаго регламента, то оно можетъ быть раздѣлено на семь отдѣловъ. Первый отдѣлъ (вступительный) излагаетъ причины изданія регламента и учрежденія духовной коллегіи. Второй отдѣлъ содержитъ въ себѣ постановленія касательно духовныхъ чиновъ и распоряженія по разнымъ дѣламъ, относящимся къ духовному учрежденію. Въ третьемъ отдѣлѣ излагаются обязанности епископовъ. Четвертый содержитъ въ себѣ постановленія объ училищахъ и учителяхъ, пятый—о проповѣдникахъ слова Божія, шестой—о мірскихъ людяхъ и седьмой (организаціонный) о духовной коллегіи [2]). Изъ этого перечисленія содержанія регламента видно, что онъ, въ отличіи отъ другихъ регламентовъ, не является только учредительнымъ актомъ, но напротивъ касается и разныхъ сторонъ матеріальнаго права, представляя собою ни что иное, какъ сборникъ церковныхъ законовъ.

Къ регламентамъ можно причислить и такіе законодательные акты вполнѣ учредительнаго характера, какъ Учрежденіе о губерніяхъ 1775 года и Жалованныя грамоты дворянству и городамъ 1785 года, изданныя Екатериной II и на многія постановленія которыхъ имѣли сильное вліяніе сословные наказы, поданные депутатами въ законодательную коммиссію 1767 г.

ГЛАВА IV.

Сепаратные указы.

Слѣдующей, третьей формой закона были сепаратные

---

[1]) Кедровъ, Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго, стр. 41.

[2]) Въ 1722 г. къ регламенту было составлено, а затѣмъ и издано такъ называемое „приполненіе“, т. е. дополненіе, касающееся священно и церковнослужителей и монаховъ. Въ его составленіи также принялъ большое участіе самъ государь, сдѣлавъ въ немъ не мало измѣненій и внеся въ него нѣсколько новыхъ статей.

указы, инструкціи и манифесты. Законодательство императорскаго періода вообще и петровскаго времени въ частности развивалось главнымъ образомъ въ этой формѣ, причемъ весьма важные законы, существенно видоизмѣнявшіе государственный и гражданскій бытъ Россіи, издавались въ формѣ указовъ. Но рядомъ съ этимъ въ эту форму облекались и простыя распоряженія, имѣвшія вполнѣ временное значеніе и не обладавшія никакимъ законодательнымъ характеромъ. Число указовъ громадно, причемъ многіе изъ нихъ совершенно не согласованы другъ съ другомъ и съ Уложеніемъ 1649 г., содержаніе котораго, однако, существенно измѣнено послѣдующимъ законодательствомъ и, въ силу этого, должно было быть согласовано съ нимъ. Мы разсмотримъ только нѣкоторые изъ болѣе важныхъ законодательныхъ актовъ этой категоріи, какими безспорно являются: указъ о единонаслѣдіи 1714 г., указъ о формѣ суда 1723 г. манифестъ о вольностяхъ дворянству 1762 г. и указъ о воровствѣ 1781 г. Такимъ образомъ законодательные памятники, подлежащіе нашему разсмотрѣнію, будутъ относиться къ разнымъ отраслямъ права, а именно къ государственному, къ гражданскому и къ уголовноиу праву и судопроизводству.

Указъ о единонаслѣдіи 18 Марта 1714 г. играетъ весьма важную роль въ исторіи гражданскаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ нагляднымъ примѣромъ несостоятельности всѣхъ попытокъ реформировать государственный и гражданскій быть народа въ направленіи, совершенно противоположномъ историческимъ традиціямъ послѣдняго. Указъ 1714 г. долженъ былъ создать въ Россіи систему майората т. е. тякой институтъ, для котораго не было у насъ никакой исторической почвы и который являлся продуктомъ исторической жизни западной Европы, развивавшейся совершенно при иныхъ условіяхъ, чѣмъ историческая жизнь Россіи. Въ этомъ несоотвѣтствіи новаго порядка наслѣдованія, перенесеннаго Петромъ съ Запада въ Россію, съ условіями русскаго юридическаго быта и кроется неудача названной реформы, равно какъ и недолгаго существованія указа о единонаслѣдіи.

Что касается до исторіи составленія разсматриваемаго законодательнаго памятника, то намъ извѣстно, что Петръ еще задолго до 1714 г, рѣшилъ собрать и изучить законы, опредѣляющіе порядокъ наслѣдованія во многихъ западно-

европейскихъ государствахъ. Въ виду этого, государь поручилъ извѣстному Брюссу составить краткое описаніе законовъ о наслѣдствѣ, дѣйствовавшихъ въ Шотландіи, Англіи и Франціи. Затѣмъ до насъ дошло письмо Головкина, писанное имъ въ 1711 г. секретарямъ Посольскаго приказа, гдѣ между прочимъ мы находимъ слѣдующее мѣсто: „желаетъ его царское величество вѣдать подлинно изъ правилъ французскихъ, англійскихъ и венецiйскихъ (т. е. венеціанскихъ), какое у нихъ опредѣленіе, какъ въ недвижимыхъ маетностяхъ и домахъ, такъ и въ пожиткахъ дѣтямъ, по отцамъ оставшимся, мужеска и женска пола, въ наслѣдстіи и раздѣлѣ оныхъ, какъ знатнѣйшихъ княжихъ, графскихъ, шляхетскихъ. такъ и купецкихъ фамилій. И вы поищите такихъ правилъ въ книгахъ, которыя вывезъ къ Москвѣ Петръ Посниковъ и, ежели того нѣтъ, то велите перевести" [1]). Наконецъ, до насъ дошелъ обширный проектъ Салтыкова, такъ называемыя, „Пропозиціи", присланный имъ Петру изъ заграницы, куда онъ былъ посланъ государемъ для покупки кораблей. Проектъ относится къ 1713 г. и раздѣленъ на 15 главъ, заключающихъ въ себѣ предложенія разныхъ реформъ по многимъ отраслямъ управленія. Глава 2-я проекта, посвященная „мірскимъ господамъ и дворянамъ", содержитъ въ себѣ предложеніе о майоратѣ, причемъ нѣкоторыя мнѣнія Салтыкова (напр., доводы въ пользу введенія майората) повторяются и въ указѣ о единонаслѣдіи [2]). Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что проектъ Салтыкова былъ до извѣстной степени источникомъ закона 1714 г. При составленіи послѣдняго, Петръ, по своему обыкновенію, принималъ самое дѣятельное участіе. Такъ, онъ собственноручно написалъ все введеніе къ указу до ст. 1 включительно. Затѣмъ нѣкоторыя другія статьи указа также были написаны имъ [3]).

Указъ 1714 г. встрѣтилъ въ обществѣ сильнѣйшую оппозицію. такъ какъ совершенно не согласовался съ народными воззрѣніями, ставъ въ разрѣзъ въ исконнымъ порядкомъ наслѣдованія — раздѣла имущества между всѣми дѣтьми, этого продукта долгой исторической жизни, окончательно формулированнаго въ Уложеніи 1649 г. Вотъ, почему роди-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVI (изд. 3-е), стр. 199.

[2]) Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго, стр. 536; Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, стр. 52.

[3]) Павловъ-Сильванскій, назв. соч., стр. 52.

тели, по свидѣтельству сенатскего доклада имп. Аннѣ Іоанновнѣ въ 1730 г., начали употреблять всевозможныя средства, чтобы обходить законъ. и, не смотря на строгое запрещеніе, дѣлить поровну между дѣтьми свое имущество. Не преувеличивая, можно сказать, что ни одна изъ петровскихъ реформъ не встрѣтила столько несочувствія и такого отпора на практикѣ, какъ разсматриваемый указъ, получившій названіе „пунктовъ“ 1714 г. При первомъ же удобномъ случаѣ, когда общество получило возможность высказать свои нужды и желанія, именно въ 1730 г., при избраніи на престолъ имп. Анны Іоанновны, оно высказалось за отмѣну указа 1714 г. и за возвращеніе къ постановленіямъ Уложенія. Имѣя въ виду это настроеніе общества, Сенатъ въ Декабрѣ 1730 г. представилъ императрицѣ докладъ, въ которомъ подвергъ рѣзкой критикѣ указъ 1714 г. и ходатайствовалъ объ его отмѣнѣ. Анна Іоанновна исполнила желаніе Сената и сословій и указомъ 1731 г. „пункты“ 1714 г. были отмѣны. Но постановленія ихъ не остались совсѣмъ безслѣдны. Дѣло въ томъ, что указомъ 1714 г. было окончательно уничтожено всякое различіе между вотчинами и помѣстьями, т.-е., иначе говоря, завершился тотъ процессъ сближенія обоихъ понятій поземельной собственности, начало котораго еще относится ко времени Московскаго государства. Анна Іоанновна, отмѣняя указъ 1714 г., не отмѣнила, однако, измѣненія, внесеннаго имъ въ область разграниченія понятій вотчины и помѣстья, которыя послѣ того стали одинаково называться недвижимой собственностью.

Другимъ весьма важнымъ законодательнымъ памятникомъ, относящимся къ категоріи сепаратныхъ указовъ и хотя съ большими измѣненіями, но все же продолжающимъ дѣйствовать по сіе время, была табель о рангахъ 1722 г. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предполагать, что инициатива изданія табели принадлежала Лейбницу, съ которымъ Петръ постоянно совѣщался, шествуя по пути своей преобразовательной дѣятельности. Кто принималъ участіе въ составленіи табели, съ точностію установить трудно. По мнѣнію Соловьева, она была составлена Головкинымъ, Брюсомъ и нѣкоторыми другими лицами [1]). По нѣкоторымъ другимъ, болѣе достовѣрнымъ, даннымъ можно предполагать

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 139 (изд. 3-е).

участіе въ ея составленіи Остермана. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что главная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежала самому Петру. Такъ, до насъ дошли первые проектѣ табели, написанные начерно собственноручно Петромъ. Затѣмъ, по составленіи окончательнаго проекта и по переписаніи его набѣло, онъ еще исправлялся и дополнялся Петромъ. Наконецъ, одновременно съ табелью составлялись и особые пункты для руководства при введеніи табели на практикѣ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ также написаны Петромъ [1]). Источниками разсматриваемаго памятника были росписанія чиновъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, а именно: Швеціи, Франціи, Пруссіи, Даніи и Англіи, главнымъ образомъ табели прусская и датская. Сначала Петръ предписалъ составить подробный сводъ и сравнительную таблицу должностей и чиновъ названныхъ пяти государствъ, а также „показаніе" (списокъ) древне-русскихъ чиновъ [2]) а затѣмъ уже приступилъ къ составленію проекта табели. По окончаніи этой работы, проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе въ Сенатъ, причемъ послѣднему были представлены и росписанія чиновъ иностранныхъ государствъ, послужившихъ образцами при составленіи табели. Сенатъ сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія противъ проекта, часть которыхъ была принята во вниманіе государемъ. Такъ, между прочимъ, Сенатъ возразилъ на постановленіе о рангѣ канцлера. „Въ регламентахъ о рангахъ, писалъ Сенатъ, во французскомъ, въ датскомъ, въ англійскомъ канцлеръ, а въ Швеціи изъ сенаторовъ старшій королевскій совѣтникъ написаны въ первомъ классѣ, а въ присланной табели написанъ канцлеръ во второмъ классѣ, того ради мнѣніе наше тому чину быть въ первомъ классѣ". Напротивъ, съ другимъ возраженіемъ государь не согласился. А именно, Сенатъ представилъ слѣдующее донесеніе: „понеже еще остались въ древнихъ чинахъ нѣкоторыя персоны, а именно: бояре, кравчіе, окольничіе, думные дворяне, стольники, спальники и прочіе чины, того ради предлагается, не изволитъ ли его царское величество оныхъ по ихъ животъ опредѣлить противъ другихъ рангами, ибо въ Россіи изъ тѣхъ чиновъ нынѣ опредѣлены и впредь опредѣляемы быть имѣютъ въ губернаторы, въ воеводы, а ежели ранги имъ будутъ не опре-

---

[1]) Евреиновъ, Гражданское чинопроизводство въ Россіи, стр. 34.

[2]) Сводъ, таблица и „показніе" изданы г. Евреиновымъ (см. назв. соч., стр. 82—89, прил. № 1 и 2).

дѣлены, то отъ подчиненныхъ имъ будетъ не безъ противности“ [1]). Однако, это донесеніе было оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ табель о рангахъ совершенно игнорировала древніе чины. Кромѣ Сената, проектъ табели разсматривался еще въ Военной и Адмиралтействъ-коллегіяхъ. Затѣмъ въ 1721 г. онъ былъ подписанъ Петромъ съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „сіе не публиковать и не печатать до Сентября, дабы еще осмотрѣться“. 24 Января 1722 года табель была обнародована [2]).

Значеніе табели о рангахъ въ исторіи русскаго государственнаго права вообще и въ исторіи русскаго дворянства въ особенности было громадно. Благодаря ей, Петру удалось упразднить вліяніе на государственную службу породы, водворить начало годности лица и дать возможность каждому даровитому человѣку выдвинуться впередъ, каковы бы ни были его родъ и племя. Слѣдствіемъ этого было то, что къ дворянству постоянно приливали новыя силы изъ народа, и оно не могло замкнуться въ особую касту [3]), Дальнѣйшее законодательство о чинопроизводствѣ уклонилось отъ первоначальной идеи табели о рангахъ. По табели были подведены подъ извѣстные ранги или классы три категоріи служебныхъ отличій, а именно: военные и гражданскіе *чины* (послѣдніе въ смыслѣ почетныхъ титуловъ) [4]), затѣмъ всѣ *должности* центральнаго и мѣстнаго управленія по обще - гражданской, придворной, военной и морской службѣ и, наконецъ, *ордена* (собственно говоря, одинъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго—по примѣру датскаго ордена Слона). Такимъ образомъ табель вполнѣ различала понятія чина (въ смыслѣ почетнаго титула), должности и ордена.

---

1) Мнѣніе Сената напечатано въ назв. соч г. Евреинова (стр, 99, прил. № 3).

2) Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. I; Соловьевъ, Исторія Россіи. т. XVIII (изд. 3-е); Евреиновъ, назв. соч.

3) Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, стр. 14.

4) Гражданскихъ чиновъ въ нашемъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ почетныхъ титуловъ по табели только два, а именно: дѣйствительный тайный совѣтникъ и тайный совѣтникъ. 7 Мая 1724 г. къ этимъ чинамъ Петръ присоединилъ еще два—дѣйствительнаго статскаго и статскаго совѣтниковъ. Соловьевъ (Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 139) думаетъ, что дѣйствительный тайный совѣтникъ при Петрѣ не былъ чиномъ въ нашемъ смыслѣ, но должностью, такъ какъ подобные совѣтники засѣдали въ особомъ тайномъ совѣтѣ, учрежденномъ Петромъ. Однако съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, такъ какъ тайный совѣтъ былъ созданъ уже въ концѣ царствованія Петра, а именно 13 Февраля 1720 г.. чинъ же дѣйствительнаго тайнаго совѣтника жаловался Петромъ еще задолго до этого (случаи подобныхъ пожалованій приведены у г. Евреинова, въ назв. соч.).

что не мѣшало ей подвести ихъ подъ особые ранги [1]). Напротивъ, позднѣйшее законодательство (указы 16 Дек. 1790 г. и 9 Дек. 1799 г.) существенно модифицировало табель въ смыслѣ превращенія многихъ должностей въ чины (должности регистраторовъ, секретарей, ассесоровъ и совѣтниковъ въ коллегіяхъ были превращены въ чины коллежскаго регистратора, секретаря, ассесора и совѣтника) и въ смыслѣ созданія табели только однихъ чиновъ, а не должностей и орденовъ, что, какъ извѣстно, существуетъ и понынѣ дѣйствующему праву.

Кромѣ того, вполнѣ демократическій характеръ петровской табели нарушился тѣмъ, что, для производства въ нѣкоторые чины, для дворянства были установлены сокращенные сроки. Во всякомъ случаѣ вліяніе табели на судьбы нашего дворянства огромно. Какъ ни старалось послѣ нея дворянство замкнуться въ отдѣльное сословіе, бюрократическое начало табели всегда брало верхъ надъ аристократическимъ началомъ. Такимъ образомъ значеніе табели состояло въ томъ, что она водворила въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ перевѣсъ чина надъ породой и обусловила чиномъ внѣшніе знаки почестей и отличій [2]).

Третьимъ по времени указомъ былъ извѣстный указъ 5 Ноября 1723 г. о формѣ суда. Мотивомъ къ его изданію послужило желаніе правительства уничтожить ябедничество и волокиту, эти страшныя язвы нашего древняго судопроизводства. Самый указъ начинается жалобой на то, что въ судахъ „много даютъ лишняго говорить и много неподобнаго пишутъ". Однако, указъ о формѣ суда не только не улучшилъ недостатокъ судопроизводства, но еще значительно увеличилъ ихъ число. Крайнимъ стѣсненіемъ дѣйствій сторонъ, расширеніемъ произвола судей, широкимъ допущеніемъ повѣренныхъ, отсутствіемъ установленія сроковъ для постановки приговоровъ и, наконецъ, несогласованіемъ и противорѣчіемъ своихъ постановленій съ постановленіями Воинскихъ процессовъ онъ произвелъ полнѣй-

---

[1]) Какъ извѣстно, до послѣдняго времени въ литературѣ преобладало обратное мнѣніе, а именно: будто табель смѣшивала понятіе чина и должности до полнаго ихъ отожествленія (см. напр., Романовича-Славатинскаго Дворянство въ Россіи, стр. 14). Любопытно, что на такой же точкѣ зрѣнія стояли и авторы всѣхъ законопроектовъ, касающихся табели и составленныхъ въ XIX ст. (напр., проектъ комитета 6 Декабря 1826 г.). Опроверженію этого мнѣнія посвящено названное сочиненіе г. Евреинова, съ доводами котораго нельзя не согласиться.

[2]) Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, стр. 14.

шую дезорганизацію въ области судопроизводства, подъ покровомъ которой стали процвѣтать такіе порядки, которые не могли имѣть ничего общаго съ цѣлями правосудія. Вотъ причина тѣхъ обличеній указа о формѣ суда, которыя мы находимъ въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ сословіями въ Екатерининскую законодательную комиссію 1767 г. и которыя составляютъ большую часть содержанія наказовъ [1]).

Весьма важнымъ сепаратнымъ закономъ является Манифестъ о вольностяхъ дворянства 1762 г., составляющій цѣлую эпоху въ исторіи дворянскаго сословія. Манифестъ былъ изданъ Петромъ III подъ вліяніемъ И. И. Шувалова, Р. Л. Воронцова и другихъ приближенныхъ къ государю лицъ. Авторомъ его былъ генералъ-прокуроръ А. И. Глѣбовъ. Изданіемъ Манифеста (скажемъ словами проф. Романовича-Славатинскаго) началось *раскрѣпощеніе* сословій, закончившееся 19 Февраля 1861 г. Вотъ почему въ литературѣ неоднократно можно встрѣтить проведеніе параллели между двумя названными манифестами, раздѣленными ровно столѣтіемъ. Подобно Манифесту 19 Февраля 1861 г., освободившему крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, Манифестъ 18 Февраля 1762 г. освободилъ дворянство отъ лежавшаго на немъ тягла—обязательной сужбы государству, ставившей его также въ положеніе сословія крѣпостного. Вліяніе его на послѣдующія судьбы дворянства неисчислимо. Онъ составляетъ поворотную точку въ исторіи этого сословія, когда оно изъ крѣпостного служилаго, какимъ было во все продолженіе своего существованія, превратилось въ привилегированное и стало въ полномъ смыслѣ этого слова высшимъ сословіемъ въ государствѣ [2]). Манифестъ, уничтожившій обязательную службу дворянства естественно былъ встрѣченъ со стороны послѣдняго съ восторгомъ. Такъ, Сенатъ въ полномъ своемъ составѣ отправился къ императору съ просьбой о разрѣшеніи поставить ему золотую статую; дворянство всѣхъ мѣстностей Россіи разными способами старалось выразить свою радость и благодарность государю и т. д.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, хотя дѣйствіе Манифеста, какъ нужно думать, и не было пріостановлено, но императрица учредила въ 1763 г. особую комис-

[1]) См. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.", т. I.

[2]) Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, стр. 193.

сію съ цѣлью разсмотрѣнія названнаго акта и приведенія его содержанія въ „лучшее совершенство“, такъ какъ, съ точки зрѣнія Екатерины II, Манифестъ „еще болѣе стѣсняетъ свободу, нежели общая отечества польза и наша служба требовать могутъ“. Комиссія получила особые „Пункты къ разсужденію о вольности дворянства“, заключавшіе въ себѣ 13 вопросовъ, на которые она должна была дать отвѣты, а также „Росписаніе по пунктамъ и по матеріямъ“ содержанія Манифеста 1762 г. Проработавъ около мѣсяца, она представила императрицѣ особый докладъ, состоявшій изъ вступленія и 21 статьи съ „изъясненіемъ“ на каждую. Въ немъ она высказалась за сохраненіе постановленій Манифеста, прибавивъ къ нимъ еще нѣсколько новыхъ льготъ дворянству, о которыхъ Манифестъ умолчалъ, напр., освобожденіе дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія и др. Высказываясь за подтвержденіе Манифеста, комиссія мотивировала необходимость этого тѣмъ, что „нѣтъ ни малаго сомнѣнія, чтобы просвѣщеніе увидѣвшіе дворяне или уже родившіеся въ ономъ, обратились къ прежнему нерадѣнію о службѣ“, а потому „никакой нужды не видится принужденіе дѣлать къ службѣ“. Императрица, продержавъ у себя докладъ около семи мѣсяцевъ и сдѣлавъ въ немъ нѣсколько редакціоныхъ замѣтокъ, возвратила его въ комиссію съ предписаніемъ сочинить законъ и Манифестъ о вольности дворянства. Тогда комиссія подала императрицѣ новый докладъ, въ которомъ находила невозможнымъ составлять законы, не имѣя у себя „подлиннаго и точнаго“ опредѣленія со стороны государыни размѣра вольностей дворянству. О такомъ предварительномъ опредѣленіи она ходатайствовала предъ императрицею. Однако состоялось-ли оно или нѣтъ, намъ неизвѣстно [1]). Во всякомъ случаѣ съ изданіемъ Жалованной грамоты дворянству въ 1785 г. постановленія Манифеста 1762 г. были подтверждены и окончательно получили силу закона.

Послѣдній указъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, это—указъ „о судѣ и наказаніяхъ за воровство разныхъ родовъ“ 1781 г., важный въ томъ отношеніи, что имъ

---

[1]) Сборн. Русск. Ист. Общ. т. VII, стр. 232 и слѣд. и Матеріалы для исторіи русскаго дворянства, изд. Калачева, вып. II, гдѣ А. Н. Куломзинымъ (Первый приступъ въ царствованіе Екатерины II къ составленію грамоты россійскому дворянству) напечатаны документы, касающіеся комиссіи 1763 г. См. также Чечулина, Проектъ императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II (Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г., кн. III).

впервые смягчено наказаніе за мелкіе кражи. Подъ послѣдними указъ призналъ кражи „цѣною ниже 20 рублей“.

ГЛАВА V.

Кодификація.

§ 1. Кодификація отъ Петра I до Екатерины II.

Сепаратные указы были самой многочисленной формой закона въ продолженіи всего XVIII ст. Если же прибавить къ нимъ еще уставы и регламенты, а также и новоуказныя статьи, продолжавшія дѣйствовать и въ императорскомъ періодѣ, то получится огромная масса законодательнаго матеріала, совершенно не сведеннаго ни въ какую систему, слѣдовательно, представлявшаго неимовѣрныя трудности при осуществленіи его на практикѣ. Уже въ XVII ст. правительство сознавало необходимость кодификаціи и принимало нѣкоторыя мѣры, долженствовавшія до извѣстной степени упорядочить дѣйствовавшее законодательство. Тѣмъ болѣе потребность въ кодификаціи дала у себѣ знать съ наступленіемъ XVIII ст., когда благодаря преобразовательной дѣятельности Петра, появилась масса законодательныхъ памятниковъ, притомъ совершенно не согласованныхъ съ прежнимъ законодательствомъ и нерѣдко по своимъ основнымъ началамъ даже діаметрально противоположныхъ ему.

Петръ ясно сознавалъ необходимость систематизаціи всего законодательнаго матеріала и въ продолженіи 25 лѣтъ трудился надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Уже въ первый годъ XVIII ст., а именно 18 Февраля 1700 г., состоялся царскій указъ, которымъ учреждалась особая палата объ Уложеніи, т. е. комиссія, обязанная заняться пересмотромъ и исправленіемъ Уложенія 1649 г. Палатѣ предписывалось внести въ подлежащія мѣста названнаго законодательнаго сборника всѣ, послѣдующіе послѣ его изданія, именные указы и новоуказныя статьи, а также состоявшіеся по рѣшеннымъ дѣламъ боярскіе приговоры, иначе говоря, палата должна была составить, такъ называемую, Новоуложенную книгу или сводъ прежняго Уложенія съ законодательнымъ матеріаломъ, изданнымъ въ промежутокъ времени отъ 1649 г. до 1700 г. Указъ предписывалъ дьякамъ всѣхъ приказовъ собрать именные указы, новоуказные статьи и бояр-

скіе приговоры, хранящіеся въ приказахъ, и, сдѣлавъ съ нихъ списки, доставить въ палату. Затѣмъ онъ опредѣлилъ составъ послѣдней. Въ нее должны были войти исключительно члены служилаго класса, а именно: бояре, окольничіе, думные дворяне, стольники и дьяки (всѣхъ 71 человѣкъ). Кромѣ того, по распоряженію государя, къ палатѣ были прикомандированы подъячіе изъ приказовъ, на обязанности которыхъ было вести все письменное дѣлопроизводство. Кто былъ предсѣдателемъ палаты—неизвѣстно, но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно думать, что эту роль игралъ князь И. Г. Троекуровъ. Такъ, въ спискѣ бояръ его имя поставлено первымъ; затѣмъ изъ дошедшаго до насъ поденнаго журнала палаты видно, что засѣданія послѣдней, независимо отъ другихъ причинъ, прекращались одинъ разъ, потому что онъ ѣздилъ въ Ярославль, и въ другой разъ по случаю его болѣзни.

Палата начала свои засѣданія 27 Февраля 1700 г. Въ протоколѣ перваго засѣданія прописанъ весь указъ 17 Февраля объ учрежденіи палаты и въ концѣ протокола прибавлено, что бояре приказали этотъ указъ вписать въ книгу. Затѣмъ палатѣ было представлено оглавленіе Уложенія съ показаніемъ, сколько въ каждой главѣ сборника помѣщено статей. Въ слѣдующемъ засѣданіи 28 Февраля бояре приказали послать во всѣ приказы предписанія дьякамъ, чтобъ они распорядились изготовленіемъ списковъ съ новоуказныхъ статей и чтобы эти списки внесли въ палату, Изъ матеріаловъ, относящихся до исторіи палаты, видно какимъ способомъ она сносилась съ приказами. Обыкновенно туда посылались подъячіе, находившіеся въ вѣдомствѣ палаты. Послѣдніе снабжались краткими записками, въ которыхъ излагалась сущность требованія палаты и которыя подъячіе предъявляли судьямъ и дьякамъ приказовъ. Получивъ отвѣтъ, подъячіе по возвращеніи своемъ въ палату, записывали въ особую тетрадь какъ данное имъ порученіе, такъ и сдѣланное ими по этому порученію исполненіе.

Палата, какъ видно по всему, спѣшила со своимъ трудомъ, приказы же, по сущности самаго дѣла, не удовлетворяли этой поспѣшности. Оно и понятно. Первая только выслушивала доставленные ей указы, а на обязанности послѣднихъ было пріискать ихъ, списать съ нихъ списки и провѣрить ихъ. Естественно, что они не могли вполнѣ удовлетворить требованіямъ палаты, тѣмъ болѣе, что для оты-

сканія указовъ не было никакихъ вспомогательныхъ средствъ, и руководствомъ въ такихъ случаяхъ служила единственно память дьяковъ и подъячихъ, обращавшихся продолжительное время съ дѣлами.

Въ срединѣ Мая приказы представили всѣ нужные списки, и палата могла безпрепятственно приступить къ своей работѣ. Къ Іюлю 1701 г. палата выслушала все Уложеніе, пересмотрѣла и дополнила его новоуказными статьями. Такимъ образомъ была окончена вся работа и составлена Новоуложенная книга [1]).

Какія причины воспрепятствовали обнародованію новаго Уложенія—неизвѣстно. По всей вѣроятности, значительная неисправность въ его составленіи, выразившаяся главнымъ образомъ въ пропускѣ многихъ указовъ и новоуказныхъ статей, оставшихся такимъ образомъ не сведенными съ прежнимъ Уложеніемъ, послужили причиной этому. Фактъ нераспущенія палаты и ея дальнѣйшія работы служатъ доказательствомъ вѣроятности подобнаго предположенія. Такъ, въ Августѣ палата снова начала свои засѣданія и продолжала ихъ вплоть до 14 Ноября 1703 г., занимаясь въ теченіе всего этого времени дополненіемъ Уложенія тѣми изъ новоуказныхъ статей, которыя она пропустила при первоначальномъ составленіи Уложенія. Этимъ прекращаются свѣдѣнія о дѣйствіяхъ палаты и объ ея дальнѣйшей судьбѣ.

Какъ бы то ни было, но плата выполнила порученное ей дѣло; старое Уложеніе было сведено съ новоуказными статьями, и Новоуложенная книга была составлена. Но нужно думать, что Петръ остался недоволенъ результатомъ трудовъ палаты, такъ какъ новое Уложеніе никогда не было обнародовано, и трехлѣтнія занятія палаты совершенно пропали даромъ. Мало того, не смотря даже на то, что палата, составивъ новое Уложеніе, еще около двухъ лѣтъ занималась его исправленіемъ и дополненіемъ тѣми указами, которые пропустила вначалѣ, Петръ всетаки не обнародовалъ Новоуложенной книги и черезъ нѣсколько лѣтъ нарядилъ новую комиссію, поручивъ ей заняться тѣмъ же дѣломъ. Именно въ 1714 г. Петръ снова возбудилъ вопросъ о новомъ Уложеніи. 20 Мая онъ издалъ на имя Сената указъ, которымъ предписалъ судьямъ всѣ дѣла рѣшать только по одному Уложенію. Что же касается до новоуказныхъ статей и се-

---

[1]) Полѣновъ, Матеріалы для исторіи русскаго законодательства.

паратныхъ указовъ, то они совсѣмъ не должны были приниматься въ расчетъ. Въ одномъ только случаѣ судьи получили разрѣшеніе обращаться къ нимъ, это—при разборѣ такихъ дѣлъ, которыя не были предусмотрѣны Уложеніемъ, иначе говоря, только за тѣми указами и новоуказными статьями была оставлена сила законодательныхъ актовъ, какіе „учинены не въ перемѣну (т. е., не въ измѣненіе), но въ дополненіе Уложенія“. Подобный порядокъ вещей долженъ былъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Уложеніе, „вслѣдствіе недовольныхъ въ немъ рѣшительныхъ пунктовъ, исправлено и въ народъ публиковано будетъ“. Всѣ же новоуказныя статьи, изданныя „не въ образецъ“, но „противно“ Уложенію, хотя бы онѣ были „помѣчены именными указами и палатными приговорами“ (т. е. боярскими приговорами), велѣно было „оставить, на примѣръ не выписывать и вновь отнюдь не дѣлать“. Указъ заканчивался предписаніемъ Сенату озаботиться собраніемъ тѣхъ изъ новоуказныхъ статей и указовъ, которые были изданы для рѣшенія дѣлъ, не имѣвшихъ возможности быть разрѣшенными на основаніи Уложенія, съ цѣлью кодификаціи этихъ законодательныхъ актовъ.

Въ силу этого указа, Сенатъ учредилъ комиссію подъ предсѣдательствомъ сенатора Апухтина, предписавъ ей заняться названнымъ дѣломъ. Комиссія собрала новоуказныя статьи и росписала ихъ по особой табели, указанной Сенатомъ, вслѣдствіе чего 16 Сентября 1717 г. были даны изъ Юстицъ-коллегіи дьякамъ Помѣстнаго и Земскаго приказовъ пункты о составленіи свода полнаго Уложенію или, какъ тогда говорилось, своднаго Уложенія. Нужно думать, что въ этой работѣ приняла также участіе и апухтинская комиссія. Въ результатѣ оказалось составленіе десяти главъ Уложенія, но, въ виду того, что они не были окончены то и остались безъ разсмотрѣнія и вообще безъ всякихъ послѣдствій [1].

Такимъ образомъ и вторая комиссія ровно ничего не сдѣлала. Тогда Петръ рѣшилъ оставить попытки къ составленію *своднаго* Уложенія и предписалъ создать *новое* Уложеніе [2]), взявъ за образецъ для него шведскій и датскій

[1]) Сперанскій, Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, стр. 13.

[2]) Г.г. Нефедьевъ (Причина и цѣль изданія Полнаго Собранія Законовъ и Свода, Казнь, 1889 г., стр. 11) и Кассо (Къ исторіи Свода зако-

кодексы. Вслѣдствіе этого 9 Мая 1718 г. послѣдовала высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-коллегіи объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ по примѣру Швеціи, о переводѣ шведскаго кодекса на русскій языкъ и объ „учиненіи" свода русскихъ законовъ со шведскими. Иначе говоря, было предписано учрежденіе третьей кодификаціонной комиссіи, на обязанности которой лежало разрѣшеніе крайне трудной задачи. Легко можно себѣ представить, какія препятствія должны были встрѣтиться во время „сведенія" русскихъ законовъ со шведскими, главнымъ образомъ вслѣдствіе различія въ языкѣ, недостатка въ свѣдущихъ людяхъ и, наконецъ, вслѣдствіе кореннаго несходства двухъ разныхъ системъ законодательства, тѣмъ болѣе, что наше Уложеніе, не будучи сведено съ новоуказными статьями, по вѣрному замѣчанію Сперанскаго, не представляло никакой возможности опредѣлить съ достовѣрностью, что должно было въ немъ считаться дѣйствующимъ и что отмѣненнымъ [1]). Но эта трудность въ то время не сознавалась, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ фактъ назначенія государемъ десятимѣсячнаго періода времени для сведенія нашихъ законовъ со шведскими. Указъ, назначившій срокъ, когда Уложеніе должно было быть составлено (изданный въ концѣ 1719 г.), опредѣлилъ также и методъ его составленія и указалъ, кромѣ шведскаго и датскаго кодексовъ, также на эстляндское и лифляндское законодательство, какъ на источники Уложенія. Иначе говоря, Петръ, наскучивъ ожиданіемъ, когда, наконецъ, будетъ составлено систематическое

новъ гражданскихъ, Журн. Мин. Юст. 1904 кн. г., 3) утверждаютъ, что въ XVIII ст., и въ началѣ XIX ст. съ терминомъ „уложеніе" не связывалось „понятія о законодательномъ творчествѣ", а подъ „сводомъ" не понималось „простого воспроизведенія дѣйствующихъ нормъ". „Въ теченіе XVIII столѣтія, замѣчаетъ г. Кассо, когда говорилось о новомъ уложеніи, имѣлось въ виду главнымъ образомъ внесеніе накопившихся нормъ въ рамки Уложенія 1649 г.; на оффиціальномъ языкѣ такая работа называлась или сводомъ уложенія, или сводным уложеніемъ, что лучше всего доказываетъ отсутствіе контраста между этими двумя сопоставленными словами". Дѣйствительно, между „уложеніемъ" и „сводомъ" контраста не было, но былъ контрастъ между „новымъ уложеніемъ" и „сводным уложеніемъ". Съ первымъ въ теченіе XVIII ст. всегда связывалось понятіе о законодательномъ творчествѣ, и источникомъ подобнаго сборника признавалось не только русское, но главнымъ образомъ иностранное законодательство. Подъ „сводным" же уложеніемъ всегда понимался сводъ дѣйствующаго русскаго права (см. *мои* „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст." т. I, а также *мою* статью „Къ исторіи кондификаціи въ Россіи въ XVIII ст." въ Журн. Мин. Юст. 1902 г., кн. 5, гдѣ приведено много данныхъ въ пользу этого мнѣнія".

[1]) Сперанскій, назв. соч., стр. 14.

собраніе русскихъ законовъ, рѣшилъ замѣнить его готовымъ шведскимъ кодексомъ, дополнивъ и исправивъ послѣдній принаровительно къ потребностямъ русскаго общества. Такимъ образомъ историческая почва была оставлена, и правительство въ отношеніи кодификаціи, какъ и въ отношеніи всего остального, пошло по пути заимствованій. Петръ, очевидно, надѣялся, что, идя по второму пути, можно скорѣе достигнуть какихъ бы то ни было результатовъ и вотъ, почему назначилъ сравнительно весьма короткій срокъ для составленія Уложенія, угрожая въ противномъ случаѣ строгимъ наказаніемъ. Но угроза ни къ чему не привела, и Сенатъ, повидимому, не придалъ ей никакого значенія, такъ какъ только черезъ семь мѣсяцевъ вспомнилъ объ Уложеніи и распорядился нарядить особую комиссію (счетомъ третью) для его составленія. 8 Августа 1720 г. былъ изданъ сенатскій указъ, которымъ учреждалась эта комиссія. Въ составъ ея вошли три иностранца, находившіеся на русской службѣ, и пять русскихъ; впрочемъ, составъ комиссіи не разъ измѣнялся за время ея существованія.

Какъ шли дѣла комиссіи въ первый годъ послѣ ея возникновенія, мы не имѣемъ извѣстій, но нужно думать, что не особенно удачно, и чѣмъ дальше разсматривали шведскій кодексъ, тѣмъ больше встрѣчалось неудобствъ въ приспособленіи его къ русской жизни. Срокъ, назначенный Петромъ для окончанія Уложенія (конецъ Октября 1720 г.), давно уже наступилъ, а между тѣмъ комиссія была еще далека отъ окончанія своихъ работъ.

Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за ходомъ этихъ работъ въ продолженіи слѣдующихъ четырехъ лѣтъ, хотя о дѣятельности комиссіи за это время до насъ дошло не мало любопытныхъ документовъ, найденныхъ *мною* въ архивѣ Кодификаціоннаго Отдѣла и изложенныхъ въ *моемъ* изслѣдованіи о законодательныхъ комиссіяхъ въ Россіи въ XVIII ст. [1]), куда и отсылаемъ интересующихся. Скажемъ только, что за это время комиссія продолжала трудиться надъ порученнымъ ей дѣломъ, составляя проектъ новаго Уложенія, долженствовавшій состоять изъ семи книгъ, раздѣленныхъ на соотвѣтствующее число главъ и артикуловъ. Работа комиссіи подвигалась медленно, что объяснялось, какъ трудностью самой задачи, для разрѣшенія которой была орга-

---

[1]) Т. I, 1887 г.

низована комиссія, такъ и тѣми условіями, при которыхъ находились члены комиссіи. Такъ, до насъ дошло не мало донесеній въ Сенатъ отъ приказныхъ служителей (входившихъ въ составъ комиссіи и игравшихъ весьма важную роль въ дѣлѣ составленія новаго Уложенія, такъ какъ на нихъ, какъ на юристовъ-практиковъ и знатоковъ письменнаго дѣлопроизводства, возлагалась вся черновая работа, и они такимъ образомъ являлись настоящими составителями Уложенія), изъ которыхъ видно, въ какихъ жалкихъ условіяхъ въ смыслѣ матеріальнаго обезпеченія находились послѣдніе. Можно, не преувеличивая, сказать, что приказные чуть не умирали съ голоду и нерѣдко влачили въ полномъ смыслѣ слова нищенское существованіе, что само собою разумѣется, не могло споспѣшествовать ускоренію работъ комиссіи и приведенію ихъ къ благополучному окончанію. Затѣмъ нерѣдко комиссія, по крайней мѣрѣ фактически, прекращала совсѣмъ свое существованіе или вслѣдствіе выхода старыхъ членовъ изъ ея состава и неназначенія на ихъ мѣсто новыхъ, или вслѣдствіе отсутствія хорошаго помѣщенія со всѣми приспособленіями для занятій, или, наконецъ, вслѣдствіе какихъ либо другихъ причинъ. Все это имѣло въ результатѣ тотъ фактъ, что Петру такъ и не пришлось увидѣть результата работъ комиссіи, и онъ скончался, не дождавшись окончанія составленія новаго Уложенія.

Единственно, что успѣла сдѣлать комиссія въ продолженіе его царствованія,—это составить четыре книги Уложенія. Но эти книги, по всей вѣроятности, вслѣдствіе ихъ неудовлетворительности, никогда не получили санкціи со стороны законодательной власти. Между тѣмъ множество новыхъ указовъ, часто противорѣчившихъ другъ другу, сбивало съ толку судей и производило страшную путаницу и медленность въ дѣлахъ. Поэтому Петръ, не дожидаясь окончанія Уложенія, еще въ Ноябрѣ 1723 г. издалъ указъ, которымъ предписывалъ разобрать состоявшіеся въ разное время по поводу одного и того же дѣла указы и тѣ изъ нихъ, которые будутъ имъ утверждены, напечатать и присоединить къ соотвѣтствующимъ регламентамъ. Этою мѣрою онъ желалъ уничтожить какъ разрозненность указовъ, такъ и многочисленность ихъ по поводу одного и того же дѣла. Наконецъ, очевидно, отчаявшись въ окончаніи новаго Уложенія, государь 11 Марта 1724 г. издалъ именной указъ, которымъ повелѣлъ всѣ новые указы печатать и присоединять

одни къ регламентамъ, а другіе къ старому Уложенію, причемъ было предписано, въ случаѣ несоотвѣтствія указовъ съ Уложеніемъ, рѣшать дѣла на основаніи первыхъ, а не на основаніи втораго. Такимъ образомъ Петръ, вслѣдствіе полнѣйшей неудачи задуманной имъ систематизаціи законодательства, рѣшился до извѣстной степени ослабить ее двумя названными мѣрами, а также путемъ изданія отдѣльныхъ регламентовъ по разнымъ частямъ управленія, игравшихъ роль, по его же собственнымъ словамъ, всѣхъ ихъ указокъ, куда относитъ тотъ или другой указъ. А между тѣмъ комиссія, ни мало не унывая и, очевидно, воображая, что порученное ей дѣло близится къ благополучному окончанію, поспѣшила, какъ и палата объ Уложеніи, составить проектъ манифеста и даже предисловіе къ Уложенію, являющіеся весьма любопытными литературными памятниками того времени [1]).

Дѣятельность третьей петровской комиссіи не прекратилась со смертію Петра. Такъ, уже три недѣли спустя послѣ восшествія на престолъ Екатерины I, Сенатъ издалъ указъ, предписавшій увеличить составъ комиссіи назначеніемъ въ нее новыхъ членовъ, въ которомъ нельзя не видѣть слабой попытки обращенія къ обществу. Въ виду того, что прежде назначенные члены, говорится въ указѣ, по разнымъ причинамъ выбыли изъ нея, въ данный моментъ она состоитъ только изъ двухъ лицъ, вслѣдствіе чего въ сочиненіи Уложенія произошла остановка и „пропущеніе" времени. „Того ради Прав. Сенатъ, разсуждая, дабы Уложеніе при довольномъ числѣ членовъ сочиняемо было съ поспѣшеніемъ, приказали: быть при томъ сочиненіи членамъ изъ духовныхъ, изъ военныхъ, изъ гражданскихъ и изъ магистрата по двѣ персоны". Такимъ образомъ въ составъ комиссіи было назначено восемь человѣкъ, изъ которыхъ трое должны были быть избраны: одинъ Военной коллегіей, а два главнымъ магистратомъ. Очевидно, правительство рѣшилось на нѣкоторую попытку обращенія къ обществу, думая, что при его содѣйствіи вопросъ о новомъ Уложеніи будетъ разрѣшенъ гораздо скорѣе и успѣшнѣе. Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться, и Екатеринѣ I, также не пришлось дождаться окончанія трудовъ комиссіи.

---

[1]) См. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII. ст.," т. I.

Въ 1727 г. со смертію императрицы прекратила свое существованіе и комиссія.

Съ воцареніемъ Петра II вопросъ о новомъ Уложеніи не былъ оставленъ, хотя правительство, видя безплодность работъ третьей комиссіи, рѣшило измѣнить порядокъ, принятый за основаніе для составленія Уложенія въ 1719 г. Справедливо полагая, что главная причина неудачъ комиссіи кроется въ самой задачѣ, надъ разрѣшеніемъ которой она должна была трудиться, а именно въ примѣненіи къ русской жизни иностраннаго законодательства, т. е. въ перенесеніи въ Россію такихъ правовыхъ началъ, которыя явились продуктомъ совершенно иныхъ историческихъ условій и потому никакимъ образомъ не могли быть „примѣнены" (не говоря уже о томъ, что въ случаѣ возможности подобнаго „примѣненія" самый процессъ его былъ бы сопряженъ съ неисчислимыми трудностями, вслѣдствіе крайне низкаго уровня юридическаго образованія въ то время), оно, т. е. правительство, въ лицѣ Верховнаго тайнаго совѣта, повернуло на прежній путь, покинутый въ 1719 г., путь составленія свода русскихъ законовъ. Иначе говоря, фундаментъ, на которомъ должно было быть воздвигнуто зданіе Уложенія, снова сталъ національнымъ и историческимъ, а не заимствованнымъ со стороны, т. е. иностраннымъ. 14 Мая 1728 года Верховный тайный совѣтъ далъ Сенату указъ, которымъ предписывалъ организовать новую комиссію, долженствовавшую заняться составленіемъ своднаго Уложенія. „А для того сочиненіи, говорится въ указѣ, выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ за выборомъ изъ шляхетства". Срокомъ для пріѣзда депутатовъ было назначено 1 Сентября 1728 года. Такимъ образомъ правительство рѣшилось обратиться только къ одному сословію и созвать однихъ дворянскихъ депутатовъ, считая, почему-то, другія сословія не компетентными въ дѣлѣ составленія Уложенія. Въ этомъ отношеніи царь Алексѣй Михайловичъ поступилъ гораздо правильнѣе, созвавъ всесловный земскій соборъ и давъ ему возможность принять участіе въ составленіи новаго законодательнаго сборника.

Сенатъ распорядился послать указы по губерніямъ съ цѣлью организаціи выборовъ и присылки депутатовъ въ Москву. Но дворяне не спѣшили съ выборами, а депутаты

не спѣшили въ Москву: очевидно, и тѣ, и другіе смотрѣли на участіе въ законодательныхъ работахъ, какъ на новую тяжелую повинность, наложенную на нихъ правительствомъ, и далеки были отъ мысли смотрѣть на него съ другой точки зрѣнія. 1-е Сентября—срокъ, положенный для прибытія депутатовъ въ Москву—наступилъ, а между тѣмъ ни одного депутата изъ дворянъ и офицеровъ не было. И только 4 числа въ Сенатѣ было получено увѣдомленіе о прибытіи перваго депутата. Однако, въ Сентябрѣ явились весьма немногіе, такъ что Сенатъ долженъ былъ не разъ подтверждать губернскимъ канцеляріямъ о немедленномъ исполненіи объявленнаго имъ высочайшаго повелѣнія. Изъ этого образовалась довольно пространная переписка. Губернскія канцеляріи въ свое оправданіе нашли нужнымъ не разъ доносить Сенату въ подробностяхъ какъ о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ, такъ и о разныхъ случаяхъ, препятствовавшихъ скорому исполненію указовъ Сената. Изъ этой переписки мы можемъ видѣть, до чего халатно относилось общество къ избранію своихъ представителей и какъ мало интересовалось возможностью принять участіе въ составленіи законовъ, непосредственно касавшихся его интересовъ. Мѣстнымъ начальствамъ приходилось прибѣгать ко всевозможнымъ репрессивнымъ мѣрамъ въ родѣ, напр., ареста женъ депутатовъ, захвата ихъ крѣпостныхъ, конфискаціи ихъ имущества и т. п., чтобы заставить дворянъ участвовать въ выборахъ, а депутатовъ ѣхать въ Москву, и все-таки въ результатѣ получилось избраніе совершенно неспособныхъ къ дѣлу лицъ. Вотъ почему правительство, оставшись крайне недовольнымъ присланными депутатами, издало 16 Мая 1729 г. указъ, которымъ опустило депутатовъ обратно домой и назначило новые выборы. Но ужъ этотъ разъ правительство не рѣшалось довѣриться однимъ избирателямъ и предписало губернаторамъ контролировать выборы. На основаніи указа губернаторы, „согласясь обще съ дворянами“, должны были избрать новыхъ депутатовъ. Такимъ образомъ неудача предыдущихъ выборовъ, халатность общества по отношенію къ исполненію своихъ обязанностей, нежеланіе со стороны депутатовъ участвовать въ законодательныхъ работахъ и ихъ крайній индифферентизмъ къ государственнымъ дѣламъ имѣли въ результатѣ то, что правительство ограничило выборное начало до минимума и дало возможность губернаторамъ назначать депутатовъ,

тѣмъ болѣе что за неспособность послѣднихъ первые подлежали строгой отвѣтственоости.

Депутаты были выбраны, но явились въ Москву уже послѣ смерти Петра II, когда въ царствованіе его преемницы Анны Іоанновны все еще не рѣшенный вопросъ объ Уложеніи снова былъ поднятъ, и правительство опять было вынуждено обратиться за содѣйствіемъ для его разрѣшенія къ обществу. Вотъ что гласитъ именной указъ 1 Іюня 1730 г., данный Сенату: „Вамъ (т. е. Сенату) извѣстно, какое попеченіе имѣлъ императоръ Петръ Великій еще съ 1714 г., чтобы исправить Уложеніе, но, отвлеченный другими дѣлами, онъ не имѣлъ возможности довести это исправленіе до благополучнаго окончанія. И хотя имп. Екатерина I и имп. Петръ II также старались разрѣшить этотъ вопросъ, однакожъ и понынѣ ничего не сдѣлано". „А между тѣмъ мы ни въ чемъ такъ не нуждаемся, какъ въ совершенномъ Уложеніи", потому что, вслѣдствіе накопленія массы указовъ, сплошь да рядомъ совершенно другъ другу противорѣчивыхъ, „безсовѣстные судьи", подбирая законы, рѣшаютъ дѣла крайне неправедно". „Поэтому, стремясь къ тому, чтобы „во всей нашей имперіи былъ судъ равный и справедливый, повелѣваемъ начатое Уложеніе немедленно оканчивать и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, выбравъ ихъ изъ шляхества, и духовныхъ, и купечества". Очевидно, Анна Іоанновна рѣшилась значительно шире примѣнить выборное начало, чѣмъ предыдущіе государи, и созвать настоящій земскій соборъ, въ составъ котораго должны были войти представители тѣхъ трехъ сословій, которыя всегда являлись составными элементами древне-русскихъ представительныхъ учрежденій.

Между тѣмъ, не дожидаясь пріѣзда депутатовъ, срокомъ для котораго было назначено 1-е Сентября 1730 г., правительство распорядилось приступить къ составленію новаго Уложенія и организовать для этого коммиссію (счетомъ пятую), тѣмъ болѣе, что ей предстояла нелегкая задача, такъ какъ мысль Петра I о дополненіи законовъ изъ иностранныхъ источниковъ, какъ извѣстно, устраненная въ предыдущее царствованіе, при Аннѣ Іоанновнѣ снова завоевала себѣ полное право гражданства. Въ то время, какъ въ первой, второй и четвертой коммиссіяхъ все дѣло главнымъ образомъ состояло въ составленіи своднаго Уложенія, исправленіе же и дополненіе его являлись лишь, какъ

слѣдствіе изъ этого, задачей пятой коммиссіи, равно какъ и третьей, было сочиненіе новаго Уложенія, сводъ же существующихъ законовъ долженъ былъ служить къ тому только пособіемъ. Зная, сколько трудностей ожидаетъ коммиссію на подобномъ пути, правительство рѣшило немедленно организовать ее и начать работу еще до прибытія депутатовъ. Полтора мѣсяца спустя (28 Іюля) составители Пложенія были призваны въ Сенатъ и спрошены, въ какомъ положеніи находится порученная имъ работа. Члены коммиссіи заявили, что ими сведена первая глава (о богохульникахъ), которую они представили въ Сенатъ. Послѣдній, разсмотрѣвъ ее, предписалъ коммиссіи придерживаться въ своей работѣ того порядка главъ и статей, который существовалъ въ старомъ Уложеніи, начиная съ первой главы и первой статьи.

Неизвѣстно, прибыли ли выборные къ означенному сроку, нужно думать, что нѣтъ. Даже 8 Декабря было въ Москвѣ только пять депутатовъ, и то однихъ дворянскихъ. Поэтому неудивительно, что правительство, видя упорное нежеланіе общества принять участіе въ законодательной работѣ, отказалось отъ своей мысли привлечь послѣднее къ составленію Уложенія и рѣшило отпустить вышеназванныхъ депутатовъ обратно домой, а также распорядившись прекращеніемъ высылки еще не прибывшихъ, поручило однимъ чиновникамъ всю работу надъ Уложеніемъ.

До 1735 г. коммиссія занималась составленіемъ проектовъ „вотчиной“ и „судной“ главъ Уложенія, нѣкоторыя „части“ которыхъ, какъ окончательно изготовленныя, были внесены въ Сенатъ и коллегіи и выслушаны ими. Но всетаки до окончанія Уложенія было еще очень далеко, и работа надъ нимъ, не смотря на многія понуканія со стороны правительства, подвигалась весьма медленно и почти безуспѣшно. Между тѣмъ крайнія затрудненія въ судахъ и управленіи, происходившія болѣе отъ противорѣчія и неизвѣстности законовъ, чѣмъ отъ ихъ недостатка, представили необходимымъ, по вѣрному замѣчанію Сперанскаго, прежде всего и не ожидая новаго привести въ порядокъ и извѣстность старое [1]). Въ виду этого, правительство снова рѣшилось пойти по прежнему пути и обратиться къ перво-

---

[1]) Сперанскій, Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, стр. 19.

начальной задачѣ первой коммиссіи: къ составленію своднаго Уложенія, тѣмъ болѣе, что подобный путь былъ значительно легче того, по которому коммиссія шла до сихъ поръ. Нужно, однако, замѣтить, что правительство не отказывалось отъ мысли составить новое Уложеніе, такъ какъ, предписавъ печатаніе своднаго Уложенія, оно тѣмъ не менѣе не распорядилось относительно прекращенія занятій надъ составленіемъ перваго и не разъ впослѣдствіи торопило коммиссію кончать сочиненіе новаго Уложенія. По всей вѣроятности сводное Уложеніе должно было имѣть силу закона до изданія новаго Уложенія. Думая, что сводное Уложеніе уже болѣе или менѣе готово, такъ какъ надъ его составленіемъ работала не одна коммиссія, правительство предписало „выправить“ его съ позднѣйшими указами и напечатать. Однако, исполнить это предписаніе не было никакой возможности по той простой причинѣ, что своднаго Уложенія почти не существовало, нѣкоторыя же его главы, составленныя предыдущими коммиссіями, оказались настолько измѣненными новыми указами, что требовали фундаментальной переработки. Правда, предыдущія коммиссіи составили нѣсколько выписокъ изъ законовъ, но послѣднія не имѣли ни связи между собой, ни цѣлости закона и поэтому не могли служить основаніемъ для рѣшенія дѣлъ и постановки приговоровъ. Находясь въ такомъ положеніи, коммиссія признала, что къ составленію своднаго Уложенія не было другого способа, какъ поручить самимъ коллегіямъ и судебнымъ мѣстамъ сперва собрать законы, регулирующіе предметы ихъ вѣдомства и, слѣдовательно, имѣющіяся у нихъ, и затѣмъ, составить по каждой части управленія отдѣльные своды, которые впослѣдствіи можно было бы соединить въ одинъ сводъ. Но этотъ планъ коммиссіи о возложеніи всей работы по составленію Уложенія на коллегіи и судебныя мѣста не встрѣтилъ сочувствія въ правительствѣ. Единственно, что было удержано изъ него, это— возложеніе на коллегіи и канцеляріи собранія указовъ и составленія съ нихъ копій, что, хотя и являлось для нихъ довольно трудной и кропотливой работой, но за то и возможной въ виду того, что каждая коллегія или канцелярія были въ извѣстномъ смыслѣ этого слова „хранилищами“ законовъ, относящихся до ихъ компетенціи и регулирующихъ предметы ихъ вѣдомства. Однако, вслѣдствіе того, что приказнымъ служителямъ всѣхъ коллегій и безъ того

дѣла было не мало, персоналъ же ихъ, не смотря на возложеніе на нихъ новой обязанности, оставался однимъ и тѣмъ же, собираніе указовъ подвигалось весьма медленно впередъ, не смотря даже на принятіе со стороны правительства разныхъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ названнымъ учрежденіямъ. Сама же коммиссія, не обращая вниманія на медленную доставку указовъ и понукаемая правительствомъ составляла сводное Уложеніе, не имѣя подъ руками большей части матеріала для подобнаго свода, т. е. указовъ, новоуказныхъ статей и другихъ законодательныхъ актовъ, безъ которыхъ, однако, подобный сводъ не имѣлъ никакого смысла.

Въ началѣ 1739 г. комиссія окончила составленіе „вотчиной" главы и внесла ее на разсмотрѣніе въ Сенатъ. Въ концѣ же 1740 г. комиссія составила и „судную", но, вслѣдствіе смерти Анны Іоанновны, ни та, ни другая глава не получили законодательной санкціи.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Елизаветы Петровны комиссія, хотя и не была распущена, но совершенно прекратила свои занятія. Изъ дошедшихъ до насъ документовъ видно, что подобное номинальное существованіе ея продолжалось до конца 1744 г.; тогда же прекращаются всякія извѣстія о ней. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что правительство Елизаветы Петровны менѣе интересовалось вопросомъ о новомъ Уложеніи, чѣмъ предыдущія правительства. Вопросъ былъ настолько жизненъ, настолько уже назрѣлъ, что разрѣшеніе его являлось крайнею необходимостью, обусловленною потребностью самой жизни. Вотъ почему ни одно правительство не могло его игнорировать, но вынуждаемое обстоятельствами, употребляло всѣ, зависящія отъ него, средства, чтобъ выйти изъ лабиринта безчисленнаго количества законодательныхъ актовъ и замѣнить ихъ однимъ сборникомъ, долженствовавшимъ регулировать юридическую жизнь государства. Правительство Елизаветы Петровны не составляло въ этомъ отношеніи исключенія, и менѣе чѣмъ черезъ три недѣли послѣ государственнаго переворота 25 Ноября 1741 г. былъ изданъ указъ (отъ 12 Декабря), предписавшій учрежденіе комиссіи изъ нѣсколькихъ сенаторовъ для пересмотра указовъ и сдѣланія реестра тѣмъ изъ нихъ, которые должны быть „отставлены". Результаты дѣятельности этой комиссіи были весьма печальны, что видно изъ рѣчи графа П. И. Шувалова, произнесенной имъ въ Сенатѣ въ Мартѣ 1754 г. „Для совершеннаго пре-

сѣченія продолжительности судовъ, сказалъ Шуваловъ, обращаясь къ Елизаветѣ Петровнѣ, присутствовавшей въ Сенатѣ, нѣтъ другого способа, кромѣ указаннаго уже Вашимъ Имп. Величествомъ, когда Вы изволили подтвердить указы родителей своихъ и ихъ преемниковъ, а которые съ настоящимъ временемъ не сходны, то повелѣли разобрать Сенату (очевидно, рѣчь идетъ о вышеупомянутомъ указѣ 12 Дек. 1741 г.). Хотя мы разборомъ этихъ указовъ и занимаемся, но нельзя надѣяться, чтобъ мы удовлетворили желанія Вашего Имп. Величества, если будемъ слѣдовать принятому порядку, ибо никто изъ насъ не посмѣетъ сказать, чтобъ онъ всякаго департамента дѣла зналъ въ такой же точности, какъ знаютъ ихъ служащіе въ тѣхъ мѣстахъ, которые въ совершенствѣ знаютъ излишки и недостатки въ указахъ, затрудняющіе ихъ при рѣшеніи дѣлъ. И потому каждое мѣсто должно разбирать указы, относящіеся къ подвѣдомственнымъ ему дѣламъ, и пока этого не будетъ, нельзя ожидать окончанія Уложенія. Ваше Величество съ начала своего государствованія, тому уже 12 лѣтъ, какъ изволили приказать намъ заняться этимъ дѣломъ, но, по несчастію нашему, мы не способились исполнить желаніе Вашего Величества: у насъ нѣтъ законовъ, которые бы всѣмъ безъ излишку и недостатковъ ясны и понятны были, и вѣрноподданные Ваши не могутъ пользоваться этимъ благополучіемъ“. Выслушавъ это мнѣніе, императрица изъявила свое желаніе, чтобы преимущественно предъ прочими дѣлами сочинить ясные законы и тому положить немедленное начало. Вслѣдствіе этого, Сенатъ постановилъ учредить новую комиссію изъ восьми лицъ. Кромѣ того, для спеціальныхъ законодательныхъ работъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, онъ учредилъ особыя комиссіи въ этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, кромѣ общей и губернскихъ комиссій, учрежденныхъ при каждой губернской канцеляріи, были организованы еще 35 частныхъ комиссій по отдѣльнымъ вѣдомствамъ. Впослѣдствіи (въ 1760 г.) всѣ частныя комиссіи (въ томъ числѣ и губернскія) были подчинены общей комиссіи, получившей возможность контролировать ихъ дѣятельность.

Учредивъ комиссіи, Сенатъ предписалъ общей комиссіи составить программу своихъ будущихъ работъ въ формѣ плана новаго Уложенія и внести его на утвержденіе Сената. Съ этого плана должны были быть сняты копіи и разосланы

во всѣ частныя комиссіи, чтобы послѣднія „по тѣмъ матеріямъ не имѣли нужды толковать и сочинять о такихъ дѣлахъ, о которыхъ въ упомянутомъ планѣ не предписано“. Комиссія начала свои засѣданія въ Августѣ 1754 г. Первымъ ея дѣломъ было составленіе плана и внесеніе его въ Сенатъ. Послѣдній утвердилъ его и предписалъ обнародовать во всеобщее свѣдѣніе.

Планъ раздѣленъ на четыре части. Первая (въ 30 главъ) содержитъ въ себѣ постановленія, касающіяся судоустройства и судопроизводства. Вторая (въ 21 главу) является ни чѣмъ инымъ, какъ закономъ о правахъ состоянія. Третья (въ 23 главы) заключаетъ въ себѣ постановленія, относящіяся до имущественныхъ правъ. Четвертая (въ 65 главъ) является уголовнымъ кодексомъ. Такимъ образомъ изъ плана видно: что задачей общей комиссіи (въ отличіе отъ частныхъ, долженствовавшихъ составить спеціальные законопроекты по отдѣльнымъ отраслямъ управленія) было составленіе Уложенія по дѣламъ суднымъ, уголовнымъ, вотчиннымъ и о правахъ состоянія, иначе говоря, комиссія должна была составить гражданское и уголовное Уложеніе (какъ въ формальномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи) и законъ о правахъ состоянія.

Къ Апрѣлю 1755 г. комиссія составила двѣ части Уложенія: „судную“ и „криминальную“ (по плану I и IV ч.), которыя были внесены въ Сенатъ. Послѣдній, разсмотрѣвъ ихъ, поднесъ на утвержденіе императрицы. Но Елизавета Петровна ихъ не утвердила. Сперанскій объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что государыня уже тогда имѣла мысль подвергнуть проектъ разсмотрѣнію депутатовъ, а также и тѣмъ, что въ уголовномъ Уложеніи была допущена смертная казнь, отмѣненная императрицей въ 1753 г. Но едва ли это объясненіе вѣрно. Во-первыхъ, созваніе депутатовъ въ 1761 г. совсѣмъ не произошло по инициативѣ императрицы или Сената, но по инициативѣ самой комиссіи, вошедшей по названному поводу съ донесеніемъ въ Сенатъ. Ужъ по одному этому у императрицы не могло быть въ 1755 г. никакой мысли относительно разсмотрѣнія проекта депутатами. Во-вторыхъ, смертная казнь никогда не отмѣнялась Елизаветой Петровной въ 1753 г., а только было пріостановлено приведеніе ея въ исполненіе. Правда, впослѣдствіи у императрицы было намѣреніе отмѣнить ее и она даже заявила объ этомъ комиссіи, но это имѣло мѣсто уже въ 1761 г.

Слѣдовательно, еслибъ подобное намѣреніе существовало у Елизаветы Петровны въ 1754—55 г., то она и тогда поступила бы такимъ образомъ, т. е. не велѣла бы вносить смертной казни въ Уложеніе, а такъ какъ ничего подобнаго не было, то мы не имѣемъ никакого основанія думать, что мотивомъ неутвержденія проекта со стороны императрицы было существовавшее у ней уже въ то время намѣреніе отмѣнить смертную казнь. Вѣрнѣе думать, что причины, въ силу которыхъ Елизавета Петровна отказалась санкціонировать проектъ, кроются, такъ сказать, въ немъ самомъ и находятся въ тѣсной зависимости отъ неудовлетворительности его содержанія. На принятіе подобнаго мнѣнія наводитъ между прочимъ и фактъ возвращенія обратно въ коммиссію обѣихъ частей проекта съ цѣлью новаго ихъ пересмотра [1]).

Не смотря, однако, на подобную участь, постигшую результаты трудовъ комиссіи, она, видимо, не унывала и принялась за составленіе двухъ другихъ частей Уложенія. Такъ продолжалось до 1761 г., когда комиссія рѣшилась на весьма важный шагъ. 1-го Марта этого года она вошла съ донесеніемъ въ Сенатъ, въ которомъ ходатайствовала о созывѣ депутатовъ отъ трехъ сословій: духовенства, дворянства и купечества, по два дворянина отъ каждой провинціи и по два купца отъ каждой губерніи. Срокомъ для прибытіи депутатовъ слѣдовало назначить, по мнѣнію комиссіи, 1 Окт. 1761 г. Такимъ образомъ комиссія высказалась за необходимость созванія всесословнаго земскаго собора и мотивировала свое рѣшеніе историческими прецедентами, ссылаясь, между прочимъ, на созваніе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1648 г. извѣстнаго собора спеціально для разрѣшенія вопроса объ Уложеніи. Рядомъ съ этимъ она указала и на рядъ попытокъ со стороны правительства созвать выборныхъ для той же цѣли въ продолженіи XVIII ст. Сенатъ согласился со мнѣніемъ комиссіи и издалъ указъ (29 Сентября), предписывавшій производство выборовъ среди дворянъ и купцовъ. Названный указъ крайне характери-

---

[1]) Подобное предположеніе подкрѣпляется и свидѣтельствомъ извѣстнаго историка XVIII ст., кн. Щербатова приводящаго въ своемъ изслѣдованіи „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ слѣдующій фактъ. Когда проектъ уголовнаго Уложенія былъ поднесенъ къ подписанію Елизаветы Петровны, „то уже готова была сія добросердечная государыня, не читая, подписать, но, перебирая листы, вдругъ попала на главу пытокъ, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и, не подписавъ, велѣла передѣлывать“ (см. Иконникова Страница изъ исторіи Екатерининскаго Наказа, стр. 1).

стиченъ: въ немъ Сенатъ старается доказать обществу, какъ необходимо для послѣдняго, чтобъ его представители приняли участіе въ составленіи новаго Уложенія. Очевидно, правительство, помня неудачные прецеденты подобныхъ обращеній къ обществу, желало чтобъ хоть этотъ разъ послѣднее оказалось на высотѣ своей задачи и поняло, что въ его прямыхъ интересахъ принять непосредственное участіе въ законодательствѣ. Сравнивая указъ съ донесеніемъ комиссіи отъ 1 Марта, мы видимъ, что между ними существуетъ нѣкоторая разница. Комиссія высказалась за высылку двухъ купцовъ отъ каждой губерніи, но правительство съ этимъ не согласилось и предписало выслать одного купца отъ каждой провинціи.

Въ Декабрѣ Сенатъ издалъ другой указъ (также по инціативѣ коммиссіи, вошедшей по этому поводу въ Сенатъ съ донесеніемъ), которымъ предписывалъ производство выборовъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на основаніи указа отъ 29 Сент. выборы не дожны были имѣть мѣста (напр., въ Эстляндіи, Лифляндіи, Малороссіи, Сибири и т. п). Сенатъ подробно мотивировалъ такое распространеніе избирательнаго права, обративъ вниманіе главнымъ образомъ на то, что въ интересахъ всего общества принять участіе въ составленіи Уложенія. Изъ указа видно, что депутаты второй категоріи должны были съѣхаться двумя мѣсяцами позже депутатовъ первой, и что число купеческихъ депутатовъ было сравнено съ числомъ дворянскихъ, чего не было у депутатовъ первой категоріи. Чѣмъ объясняется эта странность, трудно рѣшить.

Между тѣмъ повсемѣстно къ Россіи начались выборы депутатовъ въ комиссію. По мѣрѣ ихъ хода, губернскія и провинціальныя канцеляріи, а также магистраты извѣщали послѣднюю „рапортами", сообщая въ нихъ, кто избранъ, когда произошли выборы и когда депутатъ отправился въ Петербургъ. Многіе изъ рапортовъ крайне любопытны вслѣдствіе того, что сообщаютъ не мало деталей касательно самаго процесса выборовъ. Я не буду останавливаться на анализѣ ихъ содержанія, желающихъ же ознакомиться съ нимъ могу отослать къ *моему* изслѣдованію о законодательныхъ комиссіяхъ въ Россіи въ XVIII ст. [1]) (рапорты найдены *мною* въ архивѣ бывшаго кодификаціоннаго отдѣла и изложены

[1]) Т. I, СПБ., 1887 г.

въ названномъ *моемъ* изслѣдованіи). Скажу только, что въ 1761 г. общество отнеслось также индифферентно къ призыву правительства, какъ въ 1728 г. Во-первыхъ, изъ рапортовъ видно, къ какимъ разнымъ средствамъ прибѣгали избиратели и депутаты, чтобъ избавиться отъ поѣздки въ Петербургъ; во-вторыхъ, громадное большинство депутатовъ не прибыло во время къ назначенному сроку, а значительно позже и, въ—третьихъ, многіе изъ прибывшихъ настолько не удовлетворяли требованіямъ правительства, что были отпущены обратно домой. Но какъ бы то ни было, а на этотъ разъ депутаты приняли участіе въ работахъ комиссіи, хотя, къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить степени этого участія. Намъ только извѣстно, что депутаты присутствовали въ комиссіи до начала 1763 г., когда были распущены по домамъ. Сама же комиссія продолжала существовать вплоть до 1767 г. Впрочемъ, въ послѣдніи три года дѣла комиссіи пришли въ окончательное разстройство и она, можно сказать, почти ликвидировала ихъ. Дѣйствительно, 1766 г. былъ послѣднимъ годомъ, отъ котораго сохранились протоколы засѣданій комиссіи. Въ слѣдующемъ 1767 г. комиссія существовала болѣе номинально, чѣмъ на дѣлѣ, хотя все-таки существовала и распущена не была. Но въ виду того, что въ этомъ году начала свою дѣятельность новая комиссія, организованная на гораздо болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ всѣ предыдущія, прежняя окончательно прекратила свое существованіе.

Чтобы довершить характеристику дѣятельности разсматриваемой комиссіи, необходимо еще остановиться на результатахъ ея трудовъ. Комиссія составила три части Уложенія: часть I—„О судѣ", часть II—„О розыскныхъ дѣлахъ", и часть III—„О состояніяхъ подданныхъ вообще". Всѣ три части были не разъ пересмотрѣны, почему и дошли до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Часть первая, „О судѣ" имѣется въ трехъ редакціяхъ и состоитъ изъ 51 главы. Содержаніе ея исключительно процессуальное, такъ какъ касается судоустройства и судопроизводства. Нѣкоторое исключеніе, впрочемъ, составляетъ первая глава. Она касается не столько судопроизводства, сколько государственнаго права, такъ какъ содержитъ въ себѣ перечисленіе и опредѣленіе государственныхъ учрежденій.

Часть II, „О розыскныхъ дѣлахъ и какіе за разныя злодѣйства и преступленія казни, наказанія и штрафы поло-

жены“ является ничѣмъ инымъ, какъ уголовнымъ кодексомъ и имѣется въ двухъ редакціяхъ. Первая окончена составленіемъ въ 1755 г., вторая въ 1766 г. Проф. Сергѣевскій вполнѣ основательно отрицаетъ возможность предположенія относительно составленія проекта второй редакціи Екатерининской законодательной комиссией 1767 г. По его мнѣнію предполагать во второй редакціи работу болѣе поздняго времени, именно работу законодательной комиссіи 1767 г. безусловно нельзя въ виду того обстоятельства, что она не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ вліянія Наказа импер. Екатерины II. „Гуманныя идеи Наказа, говоритъ проф. Сергѣевскій, могли, конечно, остаться безъ вліянія, но систематика преступленій, а также многія его выраженія и фразы о существѣ преступленій, о существѣ и цѣли наказаній, о монаршемъ милосердіи и т. п. должны были бы отозваться въ текстѣ новаго проекта, если-бы этотъ послѣдній составлялся послѣ изданія Наказа“. Вторая часть въ обѣихъ редакціяхъ издана г. Востоковымъ и разобрана проф. Сергѣевскимъ [1]).

Часть третья, „О состояніяхъ подданныхъ вообще“ имѣется въ трехъ редкціяхъ. Изъ нихъ первая окончена составленіемъ въ 1762 г. Что же касается до двухъ остальныхъ, то время окончанія ихъ составленія не можетъ быть съ точностью опредѣлено, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было данныхъ для этого. Во всякомъ случаѣ можно утверждать только одно, что обѣ послѣднія редакціи не являются результатомъ трудовъ Екатерининской комиссіи 1767 г., а составлены разсматриваемою комиссіею. Простое сопоставленіе этихъ редакцій съ проектами законовъ о правахъ разнаго рода жителей, составленныхъ частною комиссіею „о государственныхъ родахъ“ и изданныхъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, убѣждаетъ въ истинности нашего мнѣнія. Если же и встрѣчается не мало аналогичныхъ, а иногда и тождественныхъ чертъ въ проектахъ обѣихъ комиссій и въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ въ законодательную комиссію 1767 г., то это, съ одной стороны, объясняется слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, въ трудахъ Елизаветинской комиссіи приняли участіе сословные депутаты, они же участвовали и въ Екатерининской комиссіи. Естественно, что ихъ вліяніе должно было сказаться на

---

[1]) Проекты Уголовнаго Уложенія 1754—1766 гг. СПБ., 1882 г.

трудахъ обѣихъ комиссій, а такъ какъ въ продолженіи трехъ лѣтъ нужды, желанія, стремленія и политически-общественные идеалы сословій не могли измѣниться и остались тѣми же самыми, то вполнѣ понятно, почему въ трудахъ обѣихъ комиссій, а также и въ депутатскихъ наказахъ мы встрѣчаемъ не мало общаго и аналогичнаго. Съ другой стороны, указанное сходство можетъ быть также объяснено и тѣмъ, что депутатамъ Екатерининской комиссіи могли быть извѣстны проекты, составленные Елизаветинской комиссіею, на что и намекаютъ нѣкоторыя данныя [1]).

Третья часть состоитъ изъ 25 главъ и содержитъ въ себѣ постановленія, касающіяся государственнаго и гражданскаго права. Такъ, въ ней мы находимъ опредѣленія юридическаго положенія отдѣльныхъ сословій и разрядовъ населенія, ихъ правъ и обязанностей, отношенія другъ къ другу и къ центральной власти и т. п., напр., проектъ говоритъ о дворянахъ, о купцахъ, о цехахъ, о крѣпостныхъ крестьянахъ, объ иностранцахъ и инородцахъ, о раскольникахъ и т. п. Затѣмъ въ немъ же мы находимъ постановленія касательно отношеній родителей и дѣтей, касательно малолѣтнихъ и незаконнорожденныхъ, касательно института опеки, которому посвящено нѣсколько главъ и т. п. Часть третья издана *мною* [2]), причемъ подробный анализъ ея содержанія произведенъ въ *моемъ* изслѣдованіи о законодательныхъ комиссіяхъ въ XVIII ст.

Изъ разсмотрѣнія проектовъ трехъ частей новаго Уложенія слѣдуетъ прійти къ тому заключенію, что они далеко не могутъ быть названы только сводами прежнихъ узаконеній, такъ какъ въ нихъ имѣется весьма много совершенно новыхъ постановленій, не встрѣчающихся въ прежнихъ законодательныхъ актахъ, изданныхъ до нихъ. По многимъ вопросамъ отдѣльныхъ отраслей права проекты предлагаютъ совершенно новые отвѣты, зачастую реформируя юридическій бытъ народа и внося въ него новыя начала на смѣну прежнимъ, такъ сказать, устарѣвшимъ и ставшимъ, въ силу этого, уже негодными. Подобный, если можно такъ выразиться, реформаторскій характеръ Уложенія объясняется на

---

[1]) Лаппо-Данилевскій. Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіе имп. Екатерины II, стр. 73.

[2]) Проектъ новаго Уложенія, составленный законодательной комиссіей 1754—1766 гг. (Часть третья). Текстъ подъ редакціей В. Н. Латкина, СПБ., 1893 г.

нашъ взглядъ вліяніемъ народныхъ представителей, принявшихъ участіе въ составленіи проектовъ. Многія постановленія Уложенія, въ особенности касающіяся организаціи сословій, повторяются почти слово въ слово въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ въ Екатерининскую законодательную комиссію 1767 г., что служитъ однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія относительно причины реформаторскаго характера Уложенія, Если бы Елизавета Петровна или ея преемники вызвали къ жизни разсматриваемые проекты, утвердивъ ихъ своей санкціей и давъ имъ силу закона, то этимъ самымъ они бы значительно удовлетворили желаніямъ сословій, которымъ пришлось бы тогда въ 1767 г. высказаться только по немногимъ вопросамъ. Стремленія и желанія сословій, выраженныя въ ихъ наказахъ, прямо свидѣтельствуютъ въ пользу того, что большинство или, по крайней мѣрѣ, многія изъ нихъ были уже достигнуты и удовлетворены въ разсматриваемыхъ проектахъ; это, впрочемъ, и не удивительно, если принять во вниманіе тотъ фактъ, что проекты были почти такимъ же продуктомъ дѣятельности народныхъ представителей, какъ и самые наказы.

---

§ 2. Кодификація отъ Екатерины II до Николая I.

Непосредственно вслѣдъ за прекращеніемъ существованія Елизаветинской законодательной комиссіи начала свою дѣятельность получившая такую громкую извѣстность законодательная комиссія 1767 г., выдѣляющаяся изъ всего ряда законодательныхъ комиссій какъ по своимъ задачамъ, такъ и по своему составу. 14 Декабря 1766 г. имп. Екатерина II издала манифестъ, которымъ созывала народныхъ представителей въ комиссію для составленія новаго Уложенія, долженствовавшую собраться въ Москвѣ въ 1767 году. Въ манифестѣ излагались мотивы, вслѣдствіе которыхъ императрица рѣшилась на подобное предпріятіе. Среди нихъ на первомъ планѣ было „великое помѣшательство въ правосудіи“, происходившее, по мнѣнію императрицы, отчасти вслѣдствіе „недостатка на многіе случаи узаконеній“, отчасти вслѣдствіе „великаго числа оныхъ, по разнымъ временамъ выданныхъ“. Другими поводами были: „несовершенное различіе между непремѣнными и временными законами“, существовавшее

въ области законодательства, „а паче всего, что чрезъ долгое время и частыя перемѣны разумъ, въ которомъ прежнія гражданскія узаконенія составлены были, нынѣ многимъ совсѣмъ неизвѣстенъ сдѣлался“. Кромѣ того, „страстные толки часто затмѣвали разумъ многихъ законовъ“; наконецъ, „умножила еще затрудненія разница тогдашнихъ временъ и обычаевъ, несходныхъ вовсе съ нынѣшними“. Чтобы уничтожить подобный порядокъ вещей, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Екатерины II, ея первымъ желаніемъ всегда было видѣть свой народъ „столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться“, и чтобъ узнать нужды и недостатки народа, императрица рѣшила учредить законодательную комиссію съ цѣлю составленія новаго Уложенія и созвать для этого депутатовъ какъ отъ сословій, такъ и отъ государственныхъ учрежденій.

Одновременно съ манифестомъ были изданы особыя приложенія къ нему, такъ называемыя, положенія касательно выборовъ или обрядъ выборовъ. На основаніи его, въ комиссію созывались депутаты отъ слѣдующихъ сословій: дворянъ, горожанъ, казаковъ, свободныхъ крестьянъ и некочующихъ инородцевъ, причемъ дворяне посылали депутата отъ каждаго уѣзда, горожане отъ каждаго города, крестьяне отъ каждой провинціи, инородцы отъ каждаго племени, также по одному отъ провинціи. Что касается до казаковъ, то опредѣленіе числа ихъ депутатовъ было возложено на казацкое начальство. Выборы среди дворянъ и горожанъ должны были быть одностепенные [1]), а среди крестьянъ трехстепенные (каждый погостъ избиралъ особаго повѣреннаго, изъ среды которыхъ избирался уѣздный повѣренный, которые въ свою очередь избирали изъ своей среды депутата отъ провинціи). Участіе въ дворянскихъ выборахъ могли принять только дворяне, владѣвшіе въ предѣлахъ уѣзда имѣніемъ и достигшіе 25-лѣтняго возраста. Даже женщины имѣли право письменно подать свой голосъ. Выборамъ депутата должны были предшествовать выборы предводителя дворянства (изъ дворянъ, достигшихъ 30—лѣтняго возраста), подъ руководствомъ котораго и происходило избраніе депутата. Участіе въ городскихъ выборахъ могли

---

[1]) Впрочемъ, въ большихъ городахъ выборы могли быть двухстепенные, а именно: въ отдѣльныхъ частяхъ города избирались особые повѣренные, изъ среды которыхъ уже избирался депутатъ.

принять только домовладѣльцы, причемъ предварительно избирался городской голова, а затѣмъ уже подъ его руководствомъ и депутатъ. Участіе въ крестьянскихъ выборахъ могли принять только крестьяне, владѣвшіе домомъ или землею въ предѣлахъ погоста, причемъ депутатъ обязательно долженъ былъ быть женатъ и имѣть дѣтей. Возрастъ для депутатовъ всѣхъ сословій былъ опредѣленъ—не менѣе 25 лѣтъ, а для крестьянъ—не менѣе 30 лѣтъ. Депутатамъ императрица предоставила слѣдующія права: они навсегда освобождались отъ смертной казни, пытокъ, тѣлеснаго наказанія и конфискаціи имущества, и всякое преступленіе противъ нихъ каралось очень строго.

Такимъ образомъ въ обрядѣ прежде всего бросается въ глаза одна странность,—это исключеніе изъ присылки депутатовъ цѣлаго сословія, занимавшаго, однако, далеко не послѣднее мѣсто въ государствѣ и сравнительно еще такъ недавно обладавшаго громаднымъ вліяніемъ въ области государственнаго управленія. Я говорю о духовенствѣ, совершенно отсутствовавшемъ въ комиссіи, такъ какъ депутаты его не были приглашены правительствомъ. Подобный странный фактъ исключенія цѣлаго сословія изъ участія въ законодательныхъ работахъ объясняется поклоненіемъ Екатерины II энциклопедистамъ и въ особенности Вольтеру и вполнѣ согласуется съ направленіемъ философской мысли XVIII ст., адепткой которой считала себя Екатерина II. Но, хотя духовенство и было исключено изъ состава комиссіи, однако, несмотря на это, оно постаралось косвенно, окольными путями проникнуть въ нее, главнымъ образомъ, путемъ вліянія на избраніе городскихъ депутатовъ и на составленіе городскихъ наказовъ [1].

Другая странность, бросающаяся въ глаза при обзорѣ обряда выборовъ, заключается въ томъ, что въ отношеніи присылки депутатовъ всѣ города были уравнены между собою. Такимъ образомъ такіе большіе города, какъ Петербургъ и Москва, посылали по одному депутату наравнѣ съ какимъ нибудь Волоколамскомъ или Новоржевомъ. Мало того, разъ была признана система сословности выборовъ, то она должна была быть проведена послѣдовательно, что, однако, не видно изъ

---

[1] Въ нѣкоторыхъ городахъ духовенство даже приняло дѣятельное участіе въ избраніи депутатовъ и въ лицѣ духовно и церковно-служителей подписалось подъ наказами. Затѣмъ во многихъ наказахъ мы встрѣчаемъ указанія на разныя нужды духовенства.

обряда выборовъ. Такъ, во многихъ городахъ городскіе жители изъ торгово-промышленнаго класса раздѣлялись на различныя категоріи съ особыми правами и обязанностями; кромѣ того, въ составъ городского населенія de facto входили дворяне, духовныя лица, приказные служителя и крестьяне, между тѣмъ обрядъ совершенно игнорируютъ эти общественные классы, говоря о городскомъ населеніи, какъ о чемъ то сплоченномъ и цѣльномъ [1]). Такъ, по ст. 5 обряда избирательнымъ правомъ въ городѣ пользуется всякій „хозяинъ, дѣйствительно домъ или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыселъ въ томъ городѣ имѣющій“. Этою статьею сословное начало относительно городскихъ выборовъ было замѣнено всесословнымъ: владѣніемъ недвижимою собственностью, домомъ, т. е. имущественнымъ цензомъ [2]). Подобное отступленіе отъ сословнаго начала дало во многихъ городахъ (напр., въ столицахъ) весьма важные отрицательные результаты, сведя представительство интересовъ городскаго промышленнаго населенія почти къ нулю. Такъ, депутатомъ Петербурга былъ избранъ генералъ-поручикъ графъ Алексѣй Орловъ, депутатомъ Москвы—генералъ-аншефъ князь Голицинъ. Очевидно, что эти люди не могли быть представителями интересовъ купцовъ и мѣщанъ, составлявшихъ, согласно съ дѣйствующимъ въ то время законодательствомъ, городское населеніе. Съ другой стороны, участіе знати въ составленіи столичныхъ наказовъ должно было самымъ печальнымъ образомъ отразиться на содержаніи послѣднихъ. И дѣйствительно, оба наказа отличаются съ одной стороны, крайней безцвѣтностью, а съ другой,

---

[1]) Вотъ почему нѣкоторые города, вмѣсто того, чтобы составить одинъ наказъ, какъ этого требовалъ обрядъ, составили нѣсколько, причемъ сплошь да рядомъ совершенно протоворѣчившихъ другъ друга.

[2]) Во многихъ городахъ фактъ отсутствія при избраніи депутатовъ дворянъ, приказныхъ служителей и другихъ городскихъ обывателей, не принадлежащихъ къ торгово-промышленному классу, служилъ даже поводомъ къ кассаціи выборовъ со стороны Сената въ случаяхъ, когда подобные факты доходили до его свѣдѣнія. Такъ, указомъ Сената 21 Мая 1767 г. выборы въ городѣ Веневѣ (Тульской провинціи) были признаны недѣйствительными на томъ основаніи, что въ указанномъ городѣ, „кромѣ купечества живутъ домами дворяне, а подъ даннымъ депутату полномочіемъ и наказомъ никто изъ нихъ не подписался и при выборѣ депутата не былъ“, такъ какъ по обряду выборовъ „повелѣно выбирать депутата отъ жителей каждаго города, а помянутый Степановъ (Веневскій депутатъ) выбранъ отъ одного только купечества посредственно съ силою помянутаго положенія“ (Липинскій, Юридическая Библіографія, издаваемая Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ, 1889 г., № 11).

воззрѣніями и просьбами, прямо противорѣчащими интересамъ городского торгово-промышленнаго класса [1]).

Если мы обратимся къ производству выборовъ среди крестьянъ, то и здѣсь увидимъ несовершенство обряда. Такъ, онъ предписываетъ каждой провинціи прислать по одному депутату отъ однодворцевъ, старыхъ службъ служилыхъ людей, пахотныхъ солдатъ, ясачныхъ и черносошныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, по вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича, сельскіе жители временъ Екатерины II далеко не раздѣлялись только на эти разряды, дѣленія ихъ было болѣе дробное. Такъ, существовали еще поссессіонные крестьяне, половники, экономическіе крестьяне и др., которые, будучи игнорируемы обрядомъ, тѣмъ самымъ были лешены представительства своихъ интерессовъ въ комиссіи [2]).

---

[1]) Вопросъ о сословности или всесословности городскихъ выборовъ 1767 года спорный. Такъ, проф. Сергѣевичъ думаетъ, что выборы были сословные за исключеніемъ обѣихъ столицъ, гдѣ въ избраніи депутатовъ приняли участіе всѣ сословія, что, по мнѣнію названнаго ученаго, являлось отступленіемъ отъ предписаній обряда. „Всесословность выборовъ, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, не отвѣчавшая существу жизненныхъ отношеній, не оправдывалась и съ формальной точки зрѣнія права. По обряду выборовъ депутаты должны были быть высланы городомъ. Въ понятіе же города, какъ оно установлено законодательствомъ Петра Великаго, которое дѣйствовало и въ моментъ выборовъ, высшее сословіе не входило“ (Вѣстникъ Европы 1878 г., № 1). Напротивъ, проф. Дитятинъ отрицаетъ сословность городскихъ выборовъ, полагая, что основаніемъ избранія депутатовъ въ городахъ и уѣздахъ служили различныя начала: „въ уѣздахъ выборы происходили на почвѣ сословности“, города же посылали депутатовъ, „какъ представителей цѣлаго города въ смыслѣ территоріальной единицы“ (Юридическій Вѣстникъ 1879 г., № 3). Эта мысль въ особенности развивается М. А. Липинскимъ, причемъ аргументируется имъ анализомъ содержанія цѣлаго ряда архивныхъ данныхъ, найденныхъ названнымъ ученымъ (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1887 г., № 6, а также Юридическая Библіографія, изд. Демид. Юрид. Лицеемъ 1889 г., № 2). Мы сами прежде стояли на точкѣ зрѣнія проф. Сергѣевича и отрицали всесловность городскихъ выборовъ (см. *наши* Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., томъ I, а также Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, СПБ. 1890 г.), но документы, обнародованные М. А. Липинскимъ (въ особенности въ Юрид. Библ., изд. Демид. Юрид. Лицеемъ), заставили насъ отказаться отъ этой точки зрѣнія и признать вѣрность взглядовъ какъ названнаго ученаго, такъ и проф. Дитятина. Однако, признавая всесословность выборовъ, узаконенную обрядомъ, мы въ то же время должны констатировать и тотъ фактъ, что на практикѣ въ огромной массѣ городовъ выборы происходили при участіи однихъ только членовъ торгово-промышленнаго класса, чѣмъ въ свою очередь объясняется фактъ испещренія городскихъ наказовъ подписями однихъ купцовъ и мѣщанъ, причемъ только нѣкоторые изъ нихъ подписаны дворянами (преимущественно городскіе наказы южной Россіи), духовными лицами и приказными служителями.

[2]) Какъ видно изъ замѣчаній неизвѣстнаго автора на первоначальный проектъ обряда выборовъ, была даже мысль вовсе устранить крестьянъ отъ представительства въ комиссіи. „Ежели, читаемъ въ замѣчаніяхъ, съ государственныхъ крестьянъ, которыхъ числомъ показано во всѣхъ губерніяхъ 584.000 душъ, взять депутатовъ, то не сдѣлаетъ ли

Кромѣ сословныхъ депутатовъ, какъ было уже сказано, императрица пригласила въ комиссію еще депутатовъ отъ государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ Сенатъ, Синодъ, коллегіи и канцеляріи должны были прислать по одному депутату. Чѣмъ было мотивировано подобное рѣшеніе, неизвѣстно, но нужно думать, что, по всей вѣроятности, тѣмъ, чтобы комиссія имѣла возможность выслушать людей, компетентныхъ въ дѣлѣ примѣненія законовъ.

Всѣхъ учрежденій, пославшихъ депутатовъ и снабдившихъ ихъ наказами, было 28. Всѣхъ же депутатовъ, явившихся въ комиссію, было 564. Изъ нихъ правительственныхъ депутатовъ было 28, дворянскихъ—161, городскихъ—208, казацкихъ—54, крестьянскихъ—79 и иновѣрческихъ—34. Изъ этого перечисленія видно, что наибольшій процентъ общаго числа депутатовъ составляли городскіе депутаты, именно 39%, за ними слѣдовали дворянскіе—30% и, наконецъ, депутаты земледѣльческаго населенія—14%. Произошло это, во-первыхъ, потому, что число городовъ при Екатеринѣ II доходило до 250, изъ которыхъ каждый посылалъ по одному депутату, а нѣкоторые даже больше (напр., Астрахань, Тула и др.). Во-вторыхъ, получили право представительства только одни свободные крестьяне, вслѣдствіе чего вся масса закрѣпощеннаго крестьянства не была представлена. Въ-третьихъ, избирательнымъ округомъ для сельскаго населенія была принята гораздо болѣе крупная единица, чѣмъ для двухъ другихъ сословій. Дворяне посылали депутатовъ отъ каждаго уѣзда, горожане отъ каждаго города, сельское же населеніе отъ цѣлой провинціи, заключавшей въ себѣ нѣсколько городовъ и уѣздовъ. Ужъ въ силу одного этого, представителей сельскаго населенія должно было быть меньше [1]). Наконецъ, въ-четвертыхъ, по смыслу обряда

сіе зависти другимъ крестьянамъ, яко бы экономическимъ, которыхъ около милліона душъ и которые не меньше считаютъ себя теперь быть государственными. А когда и имъ назначены будутъ депутаты, то и помѣщичьи того же захотятъ. Итакъ въ высочайшей волѣ кроется нѣкоторое только крестьянство почесть исключительнымъ числомъ государственнымъ или все, или вовсе исключить крестьянство (Липинскій, Журналъ Мин. Нар. Просв. 1887 г., № 6). Нужно, однако, замѣтить, что на практикѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представительство было распространено и на тѣ разряды крестьянъ, которые по обряду не имѣли на него права (Липинскій, назв. ст.).

[1]) Между тѣмъ, по справедливому замѣчанію г. Липинскаго, сельское населеніе болѣе другихъ избирателей нуждалось въ мѣстномъ представительствѣ. По своимъ занятіямъ, образу жизни, по своимъ пользамъ и нуждамъ извѣстный разрядъ сельскихъ избирателей долженъ былъ представлять массу различій въ зависимости отъ мѣстныхъ

выборовъ, сельское населеніе даже не было обязано присылать депутатовъ. Ему только было предоставлено право, которымъ оно могло и не пользоваться. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что число городскихъ депутатовъ значительно превышало число дворянскихъ и земледѣльческихъ, и что въ такомъ крестьянскомъ государствѣ, какъ Россія, число крестьянскихъ депутатовъ было столь незначительно. Такимъ образомъ представительство распредѣлялось въ высшей степени неравномѣрно, какъ, во-первыхъ, между отдѣльными сословными группами избирателей, такъ и, во вторыхъ, въ средѣ каждой группы, въ виду того, что всѣ избирательные округа безъ всякой соразмѣрности съ числомъ ихъ населенія посылали по одному депутату [1]).

Что касается до числа наказовъ, представленныхъ депутатами, то оно значительно превышаетъ число самихъ депутатовъ. Это объясняется тѣмъ, что многіе депутаты (въ особенности крестьянскіе) привезли съ собой по нѣсколько наказовъ. Такъ, дворянскихъ наказовъ имѣется 165 (всѣ они изданы Русск. Истор. Общ.), депутатовъ же было 161, городскихъ наказовъ имѣется 210, депутатовъ же было 208, цифра всѣхъ крестьянскихъ наказовъ (съ казацкими и иновѣрческими) доходитъ до 1066 въ то время, какъ депутатовъ (крестьянскихъ, казацкихъ и иновѣрческихъ) было только 167. Достаточно сказать, что депутатъ крестьянъ Архангельской провинціи Чупровъ привезъ съ собой 195 наказовъ. Въ двухъ другихъ провинціяхъ Архангельской губерніи, которыя послали также по одному депутату, было составлено еще 241 наказъ. Объясняется подобное огромное количество крестьянскихъ наказовъ тѣмъ, что депутаты привезли съ собой не только одни провинціальные наказы, долженствовавшіе быть сводами погостныхъ, но и захватили послѣдніе. Сплошь и рядомъ мы вовсе даже и не встрѣчаемъ вышеназванныхъ сводовъ, которые просто замѣняются погостными наказами, прикрѣпленными одинъ къ другому Неудивительно послѣ этого, что число крестьянскихъ наказовъ въ десять разъ болѣе числа крестьянскихъ депутатовъ, и что въ сравненіи съ ними число дворянскихъ и городскихъ наказовъ крайне ничтожно.

условій, поэтому польза дѣла требовала, чтобы депутатъ отъ крестьянъ былъ по возможности ближе къ интересамъ мѣстности, которую онъ представлялъ.

[1]) Дитятинъ, Юридическій Вѣстникъ 1879 г., № 3.

Депутатскіе наказы являются весьма важными документами въ области русской исторіи, такъ какъ, содержа въ себѣ изложеніе нуждъ, желаній и стремлѐній, а также общественныхъ и политическихъ идеаловъ сословій, они даютъ намъ возможность составить полную картину внутренняго состоянія Россіи въ серединѣ XVIII ст. Анализъ содержанія дворянскихъ и городскихъ наказовъ произведенъ *мною* въ *моемъ* изслѣдованіи о законодательныхъ комиссіяхъ въ Россіи [1]).

Депутаты, какъ было предписано манифестомъ 14 Декабря 1766 г., должны были прибыть въ Москву черезъ полгода со дня обнародованія его въ каждомъ мѣстѣ и явиться въ Сенатъ. Здѣсь они, по мѣрѣ того, какъ пріѣзжали, представляли свои полномочія и, кромѣ того, имена ихъ вносились въ особые списки по губерніямъ. Когда депутаты собрались въ Москвѣ въ достаточномъ числѣ, тогда былъ изданъ на имя Сената указъ, предписавшій открыть засѣданіе комиссіи 30-го Іюля. Дѣйствительно, этого числа засѣданія комиссіи въ присутствіи самой императрицы были открыты генералъ-прокуроромъ кн. Вяземскимъ, произнесшимъ соотвѣтствующую случаю рѣчь, во время которой императрица вручила ему три весьма важныхъ дукумента, а именно: Наказъ, Обрядъ управленія комиссіею и Генералъ-прокурорскій наказъ.

Авторомъ Наказа была сама Екатерина. Вотъ что писала она между прочимъ въ разсказѣ о первыхъ годахъ своего царствованія: „я начала читать, а потомъ писать Наказъ комиссіи Уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи, и чтобы довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способности, и между прочимъ князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: „ce sont des axiomes à renverser des murailles“. Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобъ тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ

[1]) Глава V, Дворянскіе наказы, глава VI, Городскіе наказы.

не показывала вдругъ... Въ Москвѣ, гдѣ, бывъ въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила я разныхъ персонъ, весьма разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины того, что написано было мною, помарали, и остался Наказъ, яко оный напечатанъ". Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ о многихъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ разными лицами на трудъ императрицы. Такъ, до насъ дошли любопытныя замѣчанія поэта Сумарокова и отвѣты на нихъ Екатерины. Сумароковъ былъ большой противникъ идей, положенныхъ въ основу Наказа, и высказывался въ крайне консервативномъ направленіи. Наконецъ, до насъ дошелъ отрывокъ изъ черновой рукописи Наказа, касающійся крѣпостныхъ крестьянъ, благодаря которому можно судить о различіи, существующемъ между первоначальною редакціею и печатнымъ изданіемъ Наказа. Въ первоначальномъ проектѣ статьи о крѣпостныхъ крестьянахъ занимали весьма видное мѣсто, въ печатной же редакціи они почти совершенно исчезли, очевидно, подъ вліяніемъ лицъ, окружавшихъ Екатерину и враждебно относившихся ко многимъ ея предначертаніямъ.

Наказъ собственно не есть оригинальное произведеніе; большая часть его содержанія заимствована изъ сочиненія Монтескье „О духѣ законовъ", сочиненія Беккаріи „О преступленіяхъ и наказаніяхъ", сочиненія Бильфельда „Политическія наставленія", сочиненій Юсти, Кенэ и др. Такъ, изъ 655 статей Наказа съ двумя дополненіями къ нему 108 заимствованы изъ сочиненія Беккаріи и около 300—изъ Монтескье. Къ нимъ необходимо прибавить еще около 70 статей (по подсчету г. Чечулина), заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ. Заимствованія сдѣланы или въ видѣ буквальнаго перевода съ сохраненіемъ порядка самаго подлинника, каковы заимствованія изъ Беккаріи, или въ видѣ компиляціи, не державшейся расположенія предметовъ подлинника, но съ сохраненіемъ языка, каковы заимствованія изъ Монтескье [1]). Сочиненіе послѣдняго, по словамъ самой Екатерины, являлось для нея молитвенникомъ или настоль-

[1]) Кистяковскій, Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу имп. Екатерины II (Кіевск. Унив. Изв. 1864 г., кн. IX). См. также Городисскаго, Вліяніе Беккаріи на русское уголовное право (Журн. Мин. Юст. 1864 г. т. XXI, Іюль—Августъ), Заруднаго, Беккарія, О преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ главою X Наказа Екатерины II и Чечулина, Объ источникахъ Наказа (Журн. Мин. Нар. Просв., 1902 г., кн. 4).

ною книгой государей, вотъ, почему множество идей, высказанныхъ въ Наказѣ, прямо заимствовано оттуда. Впрочемъ, Екатерина этого и не скрывала. Такъ, она сама говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Даламберу: „Вы увидите изъ Наказа, какъ тамъ на пользу моей имперіи я обобрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что, если бы онъ съ того свѣта увидѣлъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо двадцати милліоновъ людей, которое изъ того должно послѣдовать. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы поставить мнѣ это въ вину. Его книга служитъ мнѣ молитвенникомъ. Вотъ образчикъ судьбы, которой подвергаются книги геніальныхъ людей: онѣ служатъ для благосостоянія человѣчества“.

Точно также въ письмѣ къ Фридриху II Екатерина писала: „Ваше Величество не найдетъ тамъ ничего новаго, ничего неизвѣстнаго для себя; Вы увидите, что я поступила, какъ ворона басни, сдѣлавшая себѣ платье изъ павлиньихъ перьевъ. Во всей части—моего труда только распредѣленіе предметовъ по статьямъ и въ разныхъ мѣстахъ то строчка, то слово; если бы собрали все, прибавленное туда мною, я не думаю, что вышло бы свыше двухъ, трехъ листовъ. Большая часть извлечена изъ „Духа законовъ“ президента Монтескье и изъ сочиненія „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“ маркиза Беккарія“. Однако, не смотря на побный отзывъ самой императрицы о своемъ трудѣ, утверждать, будто Наказъ есть ничто иное, какъ перифразъ „Духа законовъ“, значитъ, какъ еще замѣтилъ г. Щебальскій [1]), признаваться въ весьма поверхностномъ знакомствѣ съ обоими этими произведеніями. Дѣйствительно, многія мысли Монтескье значительно модифицируются императрицей отчасти сознательно, отчасти безсознательно. Такъ, примѣромъ сознательной модификаціи можетъ служить разрѣшеніе вопроса о формѣ правленія. Какъ извѣстно, Монтескье относился отрицательно къ абсолютизму и считалъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимымъ только за невозможностью иной формы правленія. Напротивъ, Наказъ въ этомъ пунктѣ совершенно расходится съ французскимъ философомъ, такъ какъ считаетъ абсолютную форму правленія лучшей изъ всѣхъ другихъ формъ. Затѣмъ, говоря о па-

---

[1]) Екатерина II какъ писательница (Заря 1869 г., кн. III).

деніи государствъ, императрица высказываетъ слѣдующую мысль: „государи должны довольствоваться главнымъ надзираніемъ, однимъ только имъ приличнымъ“, а не стремиться „всѣмъ безпосредственно управлять и привлекать къ себѣ всѣ дѣла, долженствующія управляться установленіемъ разныхъ правительствъ“. Такимъ образомъ въ этомъ мѣстѣ Наказа (заимствованнымъ изъ Монтескье) высказана, однако, мысль, которую впослѣдствіи такъ развилъ Бенжаменъ Констанъ, сдѣлавшій поправку къ теоріи раздѣленія властей Монтескье. Какъ извѣстно, по теоріи Констана, всѣхъ властей въ государствѣ не три, но четыре, причемъ послѣдняя, т. е. королевская власть, стоя, такъ сказать, выше законодательной, исполнительной и судебной власти, должна надзирать за ними и умѣрять ихъ, не вмѣшиваясь въ детали управленія. То же, хотя, конечно, въ крайне общихъ выраженіяхъ говоритъ и Наказъ. По его словамъ, единственное назначеніе государя состоитъ не въ непосредственномъ управленіи государствомъ, а въ главномъ надзорѣ за дѣйствіями посредствующихъ властей (правительствъ), въ рукахъ которыхъ и должно находиться управленіе. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ императрица не пошла слѣдомъ за Монтескье, хотя и заимствовала названное мѣсто у него, но придала ему иное значеніе и иной смыслъ, чѣмъ оно имѣло въ сочиненіи французскаго мыслителя, главная ошибка котораго заключалась въ раздѣленіи единой по своей природѣ верховной власти на три, вполнѣ самостоятельныя и почти не связанныя другъ съ другомъ, власти. Наконецъ, весьма любопытный примѣръ модификаціи идей Монтескье приводитъ проф. Тарановскій [1]). Какъ извѣстно, авторъ „Духа законовъ“, говоря о монархіи, имѣлъ въ виду *сословную* монархію, въ которой политическія права сословій, въ частности дворянства и духовенства, должны были играть роль естественнаго противовѣса власти короля. Сословныя группы, обладающія политическими привиллегіями, являются, по мнѣнію Монтескье, посредствующими властями, наличность которыхъ образуетъ природу монархіи. Эту точку зрѣнія Монтескье и выразилъ въ словахъ: „законы основные предполагаютъ малые протоки, чрезъ которые изливается власть монарха“. Екатерина

---

[1]) Тарановскій, Политическая доктрина въ Наказѣ Екатерины II (Сборникъ статей, изданныхъ въ честь Н. Ф. Владимірскаго-Буданова).

заимствуетъ это мѣсто въ Наказъ, но путемъ введенія въ него нѣсколькихъ словъ совершенно извращаетъ его смыслъ. Дѣло въ томъ, что послѣ слова „протоки" она вставляетъ слова: „сирѣчь правительства"—„s'est à dire des tribunaux". Такимъ образомъ посредствующими властями являются по Наказу уже не привиллегированныя сословныя группы, ограничивающія власть монарха, а правительственныя (бюрократическія) учрежденія, вполнѣ зависимыя отъ него.

До сихъ поръ мы говорили о сознательной модификаціи идей Монтескье. Приведемъ теперь примѣръ безсознательной модификаціи. Говоря о свободѣ, Наказъ пытается дать ей опредѣленіе, причемъ оказывается, что даетъ два опредѣленія, совершенно несходныя между собой и совершенно непримиренныя другъ съ другомъ. На основаніи одного опредѣделенія свобода есть *право* дѣлать все то, что дозволено законами (ст. 38), на основаніи другого—свобода есть *спокойствіе духа*, присущее каждому гражданину вслѣдствіе сознанія имъ своей безопасности, гарантированной ему закономъ (ст. 39). Объясняется это тѣмъ, что императрица, заимствуя названное мѣсто у Монтескье, невѣрно передала его. Монтескье знаетъ два вида свободы: личную и политическую. Первую онъ опредѣляетъ, какъ спокойствіе духа каждаго гражданина, происходящее вслѣдствіе сознанія своей безопасности, вторую, какъ право совершать все то, что не запрещено законами. Императрица же, смѣшавъ оба вида свободы въ одинъ видъ политической (государственной) свободы и игнорируя другой видъ личной свободы, заимствовала, однако, оба опредѣленія, примѣнивъ ихъ къ понятію одной политической свободы. Отсюда—двоякое опредѣленіе этой послѣдней, имѣющее мѣсто въ Наказѣ [1]).

Цѣль наказа быть инструкціей при составленіи новаго Уложенія, хотя и сама императрица, и депутаты смотрѣли на него такъ же, какъ и на источникъ Уложенія. Однако, не смотря на это, Наказъ не былъ закономъ. „Я запретила на оный инако взирать, пишетъ Екатерина, какъ единственно онъ есть, то есть правила, на которыхъ основать можно мнѣнія, но не яко законъ, и для того по дѣламъ не выписывать, яко законъ, но мнѣніе основать на ономъ дозволено" [2]).

---

[1]) См. *мои* Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, 2-ое изд. 1890 г., стр. 272, 274 и 277.

[2]) Однако, не смотря на этотъ запретъ, Наказъ не разъ приводился

Наказъ начинается молитвой: „Господи Боже мой, вонми и вразуми мя, да сотворю судъ людямъ Твоимъ по закону святому Твоему судити въ правду“. Онъ вмѣстѣ съ двумя дополненіями, изданными впослѣдствіи, уже во время засѣданія комиссіи, состоитъ изъ вступленія, заключенія, названнаго окончаніемъ, и 655 статей (526 статей Наказа и 129 статей двухъ дополненій къ нему), размѣщенныхъ въ 22 главахъ. При разсмотрѣніи содержанія Наказа, нельзя не замѣтить, что оно въ сущности распадается на четыре отдѣла: въ первомъ отдѣлѣ содержатся статьи, касающіяся государственнаго права, во второмъ—гражданскаго, въ третьемъ—уголовнаго и въ четвертомъ—судопроизводства. Кромѣ того, можно еще выдѣлить пятый отдѣлъ, въ который войдутъ тѣ статьи, содержаніе которыхъ касается предметомъ, не вошедшихъ ни въ одинъ изъ перечисленныхъ отдѣловъ, напр., статьи о воспитаніи.

Большая часть Наказа писана императрицей на французскомъ языкѣ и только незначительная часть—на русскомъ [1]), какъ это видно изъ подлинной рукописи названнаго памятника, хранящейся въ особомъ ковчегѣ въ малой конференцъ-залѣ Академіи Наукъ [2]).

Вскорѣ, по своемъ выходѣ, Наказъ былъ переведенъ на языки: латинскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій, итальянскій, польскій и греческій. На нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр., на французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ) онъ выдержалъ нѣсколько изданій [3]). Такимъ образомъ сдѣ-

---

„яко законъ“, даже при рѣшеніи уголовиыхъ и гражданскихъ дѣлъ (См. предисловіе г. Чечулина къ академическому изданію Наказа, СПБ. 1907 г., стр. CXLVII и слѣд.).

[1]) Оффиціальный русскій текстъ Наказа является переводомъ съ французскаго, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько неправильнымъ, что искажаетъ смыслъ французскаго текста (см. примѣры, приведенные въ назв. статьѣ Городисскаго въ Журн. Мин. Юст. 1864 г. т. XXI).

[2]) Подлинная рукопись Наказа состоитъ изъ 123 листовъ и переплетена въ красный сафьяновый переплетъ съ золотымъ тисненіемъ; на корешкѣ означено: „рукописный подлинникъ Наказа“. Она была передана въ Академію Наукъ 8 Мая 1770 года, причемъ въ 1777 году стараніями директора и вице-президента Академіи Домашнева былъ устроенъ для храненія рукописи особый бронзовый, вызолоченный червоннымъ золотомъ, ковчегъ, на верху котораго находится небольшое изображеніе Екатерины II въ вѣнкѣ, держащей въ правой рукѣ рогъ изобилія, а лѣвой рукой опирающейся на постаментъ съ законами и вѣсами правосудія. Въ сороковыхъ годахъ рукопись хранилась въ вызолоченномъ шкафѣ въ бывшей при Академіи „кунсткамерѣ“, въ отдѣленіи, называвшемся „Кабинетомъ Петра Великаго“, затѣмъ, въ первомъ отдѣленіи академической библіотеки, а съ 1890 года—въ малой конференцъ-залѣ („Правит. Вѣст.“. 6 Авг. 1893 г.).

[3]) Послѣднее частное изданіе (на русскомъ и французскомъ язы-

лавшись доступнымъ народамъ западной Европы, онъ всюду произвелъ сильную сенсанцію и доставилъ большую популярность императрицѣ [1]).

Второй памятникъ, изданный императрицей для комиссіи и врученный ею генералъ-прокурору, былъ Обрядъ управленія комиссіей. Подъ нимъ слѣдуетъ понимать совокупность правилъ, опредѣляющихъ внѣшній распорядокъ и дѣлопроизводство въ комиссіи, т. е., иначе говоря, уставъ комиссіи. На основаніи его засѣданія послѣдней распадались на засѣданія большой и на засѣданія частныхъ комиссій. Изъ этихъ послѣднихъ три: дирекціонная, экспедиціонная и комиссія для разбора депутатскихъ наказовъ устанавлялись въ самомъ Обрядѣ. Обязанность дирекціонной комиссіи заключалась въ надзорѣ за дѣятельностью всѣхъ частныхъ комиссій, въ силу чего, послѣднія должны были представлять ей результаты своихъ трудовъ съ цѣлью разрѣшенія вопроса о томъ, согласны ли они съ правилами Наказа, нѣтъ ли несходства между ихъ частями и всѣ ли части приведены „къ одному концу", т. е., „къ сохраненію цѣлости имперіи чрезъ добронравіе, народное благополучіе и человѣколюбивые законы, изъ чего послѣдуетъ любовь, вѣрность и послушаніе къ государю". Съ этою же цѣлью каждая частная комиссія должна была еженедѣльно представлять въ дирекціонную комиссію „краткую меморію" съ указаніемъ въ ней на то, что было сдѣлано въ комиссіи въ теченіе недѣли. Кромѣ того, на дирекціонную комиссію была возложена обязанность открывать, по мѣрѣ надобности, новыя частныя комиссіи для разработки отдѣльныхъ проектовъ по разнымъ отраслямъ права, причемъ члены этихъ комиссій избирались большою комиссіею, но не болѣе пяти человѣкъ въ каждую [2]). Функціи экспедиціонной комиссіи заключались въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы труды комиссіи излагались „по правиламъ языка и слога", т. е., въ разсмотрѣніи проектовъ съ чисто редакціонной стороны [3]). Ко-

---

кахъ), сдѣланное съ изданія 1770 г., принадлежитъ г. Пантелѣеву (СПБ. 1893 г.). Послѣднимъ же изданіемъ вообще является изданіе Академіи Наукъ подъ редакціей г. Чечулина (СПБ. 1907 г.).

[1]) Содержаніе Наказа мы разсмотримъ при обзорѣ внутренней исторіи права императорскаго періода. Систематическое изложеніе содержанія этого памятника произведено *мною* въ *моихъ* Лекціяхъ по внѣшней исторіи русскаго права СПБ. 1890 г.).

[2]) Впрочемъ каждый членъ частной комиссіи пользовался правомъ приглашать на засѣданія послѣдней „въ помощь себѣ" одного или двухъ депутатовъ, но съ совѣщательнымъ голосомъ.

[3]) Въ виду этого экспедиціонная комиссія отвѣчала за то, чтобы въ тру-

миссія для разбора депутатскихъ наказовъ должна была разбирать эти послѣдніе и составить особые своды и выписки изъ наказовъ. Предметы занятій прочихъ комиссій были распредѣлены позднѣе, и число ихъ, со включеніемъ трехъ названныхъ, простиралось до 19-ти.

Здѣсь прежде всего является вопросъ: въ какомъ отношеніи стояли частныя комиссіи къ большой, вопросъ весьма важный, такъ какъ отъ такого или иного разрѣшенія его зависѣли успѣхъ или неуспѣхъ всего предпріятія по составленію новаго Уложенія. По Обряду управленія комиссіей большая комиссія не составляла проектовъ законовъ, такъ какъ это было дѣломъ частныхъ комиссій, каждой по ея спеціальности. Большая только разсматривала проекты, вносившіеся въ нее изъ частныхъ, и исправляла ихъ. Первый вопросъ, который возникаетъ здѣсь, состоитъ въ слѣдующемъ: частныя комиссіи, вырабатывая проекты отдѣльныхъ законоположеній, дѣйствовали по указаніямъ большой или независимо отъ этихъ указаній? Профессоръ Сергѣевичъ [1]) вполнѣ основательно замѣтилъ, что Обрядъ управленія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: и „да“, и „нѣтъ“. Дѣло въ томъ, что частныя комиссіи, какъ и большая, въ своихъ постановленіяхъ должны были руководиться Наказомъ императрицы, депутатскими наказами и дѣйствующими законами. Но Наказъ далеко не заключалъ въ себѣ опредѣленныхъ правилъ по всѣмъ вопросамъ права. Въ виду этого, Обрядъ управленія предписываетъ большой комиссіи подавать свое мнѣніе, „которому примѣру по государственному положенію удобнѣе слѣдовать“, и этому мнѣнію дерекціонная комиссія и всѣ частныя должны были слѣдовать. Въ данномъ случаѣ большая комиссія даетъ направленіе работамъ частныхъ, которому онѣ обязаны подчиниться.

Совсѣмъ другія послѣдствія соединяетъ Обрядъ управленія съ мнѣніями большой комиссіи, высказанными по поводу депутатскихъ наказовъ и дѣйствующихъ законовъ. Эти мнѣнія служатъ частнымъ комиссіямъ не въ видѣ инструкцій, а только для соображеній. Они не имѣютъ обязательной силы для частныхъ комиссій. Конечно, частная комиссія,

---

дахъ всей комиссіи не было „рѣчей и словъ двоякаго смысла, темныхъ, неопредѣленныхъ и невразумительныхъ“.

[1]) Вѣстникъ Европы 1878 г., № 1 (Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи); см. также его Лекціи и изслѣдованія, стр. 796.

въ виду того, что составленный ею проектъ поступитъ на разсмотрѣніе большой, не можетъ совершенно игнорировать ея мнѣнія. Но разъ по правилу мнѣнія большой комиссіи не связываютъ частныхъ, эти послѣднія имѣютъ право разсчитывать, что большая комиссія можетъ и измѣнить свое мнѣніе, выслушавъ ихъ представленія. Такимъ образомъ, борьба большой комиссіи съ частными возведена здѣсь въ общее правило. Трудно объяснить, что заставило императрицу придти къ такимъ, совершенно разнымъ, выводамъ въ двухъ совершенно подобныхъ случаяхъ. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, справедливо замѣчаетъ профессоръ Сергѣевичъ, что нельзя было придумать правила, болѣе вреднаго для успѣшнаго исхода дѣятельности комиссіи, какъ это послѣднее. Если даже „согласныя" (единогласныя) мнѣнія большой комиссіи не обязательны для пяти членовъ частной, то зачѣмъ же ей терять трудъ и время для выработки какихъ-либо общихъ положеній, никого не связывающихъ? Объясненіе подобной непослѣдовательности, по мнѣнію профессора Сергѣевича, надо искать въ той поспѣшности, съ которой велось все дѣло приготовительныхъ работъ самой императрицею, и въ недостаточно обстоятельномъ знакомствѣ ея со сложными вопросами законодательства.

Общее управленіе всею комиссіею и предсѣдательство на ея засѣданіяхъ возлагались по Обряду на особое лицо, носившее названіе маршала. Онъ избирался собраніемъ и утверждался императрицею. Ему во многихъ отношеніяхъ долженъ былъ помогать генералъ-прокуроръ, имѣвшій большое вліяніе на дѣла комиссіи [1]. Для веденія журналовъ или дневныхъ записокъ назначались особые чиновники, находившіеся подъ наблюденіемъ, такъ называемаго, директора. Императрица придавала большое значеніе дневнымъ запискамъ, главнымъ образомъ въ виду того, „чтобы будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства (т. е. дѣйствій комиссіи) и судить могли о умоначертаніи сего вѣка". Этимъ объясняется наличность въ Обрядѣ многихъ правилъ касательно составленія записокъ. Обрядъ оканчивается своего рода инструкціей маршалу, относительно предсѣдательствованія въ комиссіи, порядка преній, возбуж-

---

[1]) Какъ маршалъ, такъ и генералъ-прокуроръ въ случаяхъ равенства голосовъ пользовались двумя голосами. Они считались членами всѣхъ частныхъ комиссій, причемъ генералъ-прокуроръ былъ начальникомъ канцеляріи дирекціонной комиссіи (ст. 12 Обряда).

денія вопросовъ, голосованія, поведенія депутатовъ во время засѣданій и т. п.

Существеннымъ недостаткамъ Обряда является крайняя сложность дѣлопроизводства комиссіи, что, конечно, должно было отразиться весьма печально на дѣятельности этой послѣдней. Уже въ большой комиссіи мы встрѣчаемся съ этою сложностью. Такъ, хотя дѣла въ ней должны были рѣшаться по большинству голосовъ, но все-же маршалу вмѣняется въ обязанность стараться достигать единогласія, для чего послѣ подачи голосовъ, онъ долженъ давать собранію „еще нѣсколько времени на соглашеніе“. Послѣ этого собраніе опять приступаетъ къ голосованію (словами: да и нѣтъ), за которымъ слѣдуетъ еще баллотировка шарами. Итакъ, для разрѣшенія каждаго вопроса, касающагося, такъ называемыхъ, „рѣшительныхъ положеній“, по Обряду, требуются три голосованія. Постановленное такимъ образомъ рѣшеніе можетъ быть передано въ дирекціонную комиссію для направленія въ одну изъ частныхъ, причемъ дирекціонная комиссія прилагаетъ къ нему свое „разсужденіе“ [1]). Частная комиссія вновь пересматриваетъ рѣшеніе большой и высказываетъ свое мнѣніе. Затѣмъ она приглашаетъ къ себѣ на засѣданіе членовъ тѣхъ правительственныхъ учрежденій, до компетенціи которыхъ разсматриваемое дѣло касается, и передаетъ его имъ на обсужденіе. Послѣдніе, по прошествіи двухъ недѣль, обязываются прислать свои отзывы, снова подвергающіеся обсужденію въ комиссіи, причемъ она можетъ съ ними и не согласиться, указавъ на причины этого несогласія. Изъ частной комиссіи проектъ поступаетъ въ экспедиціонную, гдѣ разсматривается со стороны редакціонной, а оттуда уже снова въ дирекціонную, гдѣ опять подвергается обсужденію по существу. Дирекціонная комиссія можетъ его совсѣмъ передѣлать. Послѣ этого онъ вносится въ большую комиссію, гдѣ подвергается новому разсмотрѣнію и, наконецъ, голосованію. Такая сложная процедура рѣшенія дѣлъ, конечно, не могла благопріятствовать скорому и успѣшному составленію проекта новаго Уложенія.

Третій документъ, изданный императрицей для комиссіи,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., при постановкѣ рѣшеній по поводу старыхъ законовъ и депутатскихъ наказовъ, подобное препровожденіе рѣшеній большой комиссіи въ одну изъ частныхъ—прямо обязательно.

это—генералъ-прокурорскій Наказъ, являющійся ничѣмъ инымъ, какъ инструкціей генералъ-прокурору, сообразно съ которой онъ долженъ былъ дѣйствовать во время составленія Уложенія. Наказъ начинается предписаніемъ генералъ-прокурору смотрѣть за тѣмъ, „чтобы противнаго разуму, въ пунктахъ наставленія содержащемуся, комиссіею ничего сочинено не было, и чтобъ разумъ и слова наставленія не были обращены во вредъ отечеству“. Далѣе Наказъ излагаетъ понятія о правахъ „въ научномъ отношеніи“, Въ немъ объясняются права: божественное или святой вѣры, церковное, естественное, народное, государственное общее и особенное, завоеванія, гражданское, домашнее или семейное. Наказъ заканчивается предписаніемъ генералъ-прокурору „опредѣлить къ себѣ четырехъ знающихъ юриспрудентовъ, которые могли бы разбирать и объяснять встрѣчающіеся по его вѣдомству случаи и кажущіяся въ законахъ противорѣчія“. Въ трудныхъ же случаяхъ или при разногласіи между этими „законовѣдцамы“ генералъ-прокурору было предоставлено право требовать мнѣнія университета, Академіи наукъ и „юриспрудентскаго“ класса кадетскаго корпуса.

Кромѣ перечисленныхъ памятниковъ, императрица издала еще четвертый документъ, долженствовавшій регулировать занятія комиссіи по составленію новаго Уложенія. Мы говоримъ о Начертаніи о приведеніи къ окончанію комиссіи по составленію проекта новаго Уложенія, изданномъ 8 Апрѣля 1768 года, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ открытія засѣданій комиссіи. Начертаніе заключаетъ въ себѣ теоретическое изложеніе государственнаго устройства и управленія. Принявъ въ основаніе правило Наказа: „мы должны дѣлать другъ другу добро, сколько возможно“, и выводя изъ этого, что „всякій благонамѣренный человѣкъ будетъ желать видѣть свое отечество на высшей степени благополучія, а согражданина—охраняемаго законами“, Начертаніе опредѣляетъ двойственное отношеніе каждаго человѣка: 1) къ государству и 2) къ согражданамъ. Поэтому и труды комиссіи должны были дѣлиться на двѣ части, изъ которыхъ содержаніе одной должно было касаться права общаго, а содержаніе другой—права особеннаго.

Предметомъ первой части является сохраненіе цѣлости, добраго порядка и тишины государства, что не можетъ быть достигнуто безъ существованія верховной власти. Послѣдняя раздѣляется на три части (точка зрѣнія Монтескье):

законодательную, защитительную (судебною) и совершительную (исполнительную). Посредствующимъ звеномъ между верховной властью и гражданами являются „власти среднія, подчиненныя“, зависящія отъ верховной власти и составляющія существо управленія. Для большаго порядка въ государственномъ управленіи, необходимо раздѣлить государство на „части“, т. е. на намѣстничества или губерніи, послѣднія—на области или провинціи, а эти послѣднія—на уѣзды. Каждый уѣздъ предполагаетъ существованіе города. Для подобнаго территоріальнаго подраздѣленія государства необходимо учредить комиссію подъ названіемъ комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права. Для устройства городовъ и для водворенія въ нихъ наибольшаго благосостоянія необходимо учредить особую комиссію о городахъ. „По основаніи сего приступа (т. е., введенія) къ порядку государства, говоритъ императрица, остается еще шесть предметовъ, касающихся до права общаго, а именно: 1) о связи гражданскихъ законовъ съ духовными, 2) объ установленіи правосудія вообще, т. е. судоустройства, судопроизводства и законовъ о преступленіяхъ, 3) объ управленіи воинскомъ, 4) объ управленіи нравовъ или о полиціи благочинія, 5) объ устроеніи полезнаго или полиціи благосостоянія и 6) о государственномъ строительствѣ или камерномъ управленіи“.

Правомъ особеннымъ называется совокупность тѣхъ „узаконеній и установленій, которыя каждому гражданину, живущему съ прочими въ обществѣ, какъ въ разсужденіи его самого, такъ и въ разсужденіи его имѣнія и обязательствъ, приносятъ пользу и безопасность“. Вотъ почему эта часть права имѣетъ своимъ предметомъ лица, вещи и обязательства. Лица состоятъ изъ разныхъ степеней или родовъ: дворянства, средняго и нисшаго. Независимо отъ опредѣленія правъ и преимуществъ, принадлежащихъ каждому изъ этихъ родовъ, здѣсь же должны разсматриваться установленія, относящіяся до лицъ, а именно: о супружествѣ, объ отношеніяхъ родителей и дѣтей и объ опекѣ. Что касается до права надъ вещами, то подъ нимъ понимается право, въ силу котораго „каждый членъ общества гражданскаго“ разсматривается какъ собственникъ „надъ имѣніями, справедливо пріобрѣтенными“. Имущества могутъ быть движимыя и недвижимыя. Сюда же относятся и узаконенія о наслѣдствѣ, о раздѣлѣ имуществъ и о завѣщаніяхъ. Что касается до обязательствъ, то ихъ Начертаніе

определяетъ, какъ „союзы, въ силу которыхъ для одного лица создается право на дѣйствіе другого обязаннаго лица".

По открытіи засѣданій комиссіи было приступлено къ избранію маршала; выборъ палъ на А. И, Бибикова. Во второе засѣданіе былъ читанъ Наказъ, произведшій весьма сильное впечатлѣніе на депутатовъ, такъ что въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій комиссія постановила поднести императрицѣ титулъ „премудрой, великой и матери отечества". Вопросу объ этомъ титулѣ было посвящено цѣлое засѣданіе (что и вызвало ироническое замѣчаніе со стороны императрицы: „я велѣла имъ сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ"). 12 Августа депутаты представлялись императрицѣ и поднесли ей титулъ. Въ отвѣтъ на это князь Голицынъ отъ имени императрицы заявилъ, что послѣдняя желаетъ только „укрѣпленія депутатовъ въ правильныхъ мысляхъ для составленія проекта новаго Уложенія". Кромѣ того, сама императрица, обратившись къ депутатамъ, сказала: „о званіяхъ, кои вы желаете, чтобъ я отъ васъ приняла, на сіе отвѣтствую: 1) на „великая"—о моихъ дѣлахъ оставлю времени и потомкамъ безпристрастно судить, 2) на „премудрая"—никакъ себя таковою назвать не могу, ибо одинъ Богъ премудръ, и 3) на „мать отечества"—любить Богомъ ввѣренныхъ мнѣ подданныхъ я за долгъ званія моего почитаю, быть любимою отъ нихъ есть мое желаніе". Не смотря на этотъ отвѣтъ, комиссія постановила составить протоколъ о поднесеніи императрицѣ титула и препроводить его въ Сенатъ. Послѣдній вполнѣ присоединился къ мнѣнію комиссіи и заявилъ, что „предоставляетъ себѣ случай изыскать отъ всего государства произвести это желаніе въ употребленіе". И дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ спустя нѣкоторые изъ сановниковъ вторично вознамѣрились поднести императрицѣ титулъ „великой" и „матери отечества" (уже опустивъ отвергнутое ею званіе „премудрой"), но Екатерина II осталась вѣрна своей прежней точкѣ зрѣнія и выразила даже неудовольствіе „за упражненіе въ подобныхъ выдумкахъ".

Собственно къ занятіямъ комиссія приступила съ 8-го засѣданія, когда началось чтеніе депутатскихъ наказовъ, продолжавшееся въ теченіе 15 засѣданій. Во время этого чтенія депутаты дѣлали свои замѣчанія. Такимъ образомъ было прочтено 12 наказовъ. Послѣ этого началось чтеніе законовъ о правахъ благородныхъ, что заняло 10 засѣданій.

Но задолго до исчерпанія всѣхъ названныхъ законовъ, по предложенію маршала, всѣ прочитанные законы вмѣстѣ съ сдѣланными на нихъ замѣчаніями были переданы въ частную комиссію о родахъ государственныхъ жителей, собраніе же занялось чтеніемъ законовъ о купечествѣ, употребивъ на это 36 засѣданій. Такимъ образомъ первые 60 засѣданій были исключительно посвящены чтенію наказовъ и законовъ, что являлось результатомъ совершеннаго непониманія маршаломъ Обряда управленія комиссіею. Подобное безсистемное чтеніе, такъ сказать, огуломъ законовъ и наказовъ, не сопровождавшееся вдобавокъ никакой постановкою вопросовъ и никакимъ голосованіемъ, было совершенно безцѣльно и самымъ непроизводительнымъ образомъ поглощало массу времени и труда. Нечего говорить, что ничего подобнаго Обрядъ управленія и не предписывалъ. Правда, въ ст. 10 и 11 Обряда предусматривается возможность чтенія законовъ и наказовъ, но, конечно, не такъ, какъ это осуществилось на практикѣ. Читать слѣдовало не всѣ законы огуломъ, а только тѣ, „въ поправленіи коихъ болѣе состоитъ нужда по правиламъ большаго Наказа и о которыхъ болѣе въ прошеніяхъ и наказахъ представляется“. Что касается до наказовъ, то ихъ совсѣмъ не слѣдовало читать, а „разобравъ по матеріямъ, сдѣлать выписки“ и эти выписки прочесть въ собраніи. Между тѣмъ ничего подобнаго не было сдѣлано. По прочтеніи законовъ о купечествѣ, комиссія приступила къ чтенію лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегій, что продолжалось въ теченіе 11-ти засѣданій. Затѣмъ читались законы о юстиціи. Впродолженіи всего этого времени депутаты дѣлали свои замѣченія, которыя вмѣстѣ съ прочитанными законами передавались въ частныя комиссіи. Попрежнему не было постановлено ни одного вопроса, и ни разу не производилось голосованія, а въ виду этого не было никакого смысла передавать въ частныя комиссіи отдѣльныя замѣчанія депутатовъ, такъ какъ по Обряду туда должны были передаваться только „положенія“ комиссіи, являвшіяся результатомъ баллотировокъ По окончаніи чтенія законовъ о юстиціи, комиссія приступила къ обсужденію проекта правамъ благородныхъ, составленнаго частной комиссіей о государственныхъ родахъ и внесеннаго въ большую комиссію. 14 засѣданій было посвящено обсужденію проекта по статьямъ, причемъ депутаты высказали много замѣчаній pro и contra, и было пред-

ложено также не мало новыхъ редакцій къ статьямъ, но въ результатѣ ровно ничего не вышло, такъ какъ мнѣнія остались несогласованными другъ съ другомъ и не были пущены на баллотировку. Желая вывести маршала изъ затруднительнаго положенія, императрица въ изданномъ ею дополненіи къ Обряду управленія комиссіей предписала избрать особаго депутата изъ желающихъ защищать проектъ и напомнила маршалу о необходимости баллотировки въ случаѣ рязногласія во мнѣніяхъ. Но и изъ этого ничего не вышло, такъ какъ маршалъ попрежнему игнорировалъ баллотировку, дѣятельность же защитника проекта (депутата Коробьина) являлась, въ силу этого, совершенно безцѣльной. Такъ прошло еще 6 засѣданій, послѣ чего маршалъ предложилъ передать проектъ со всѣми замѣчаніями на него въ одну изъ частныхъ комиссій и снова приступилъ къ чтенію законовъ, именно о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Такъ продолжалось до 18 Декабря, когда по случаю войны съ Турціей засѣданія большой комиссіи были прекращены и, какъ впослѣдствіи оказалось, прекращены навсегда. Въ этотъ день, т. е. 18 Декабря 1768 года (читаемъ въ дневной запискѣ комиссіи) маршалъ „объявилъ собранію о полученномъ комиссіею именномъ указѣ, въ которомъ императрица, въ виду того, что, по случаю нарушенія мира, многіе изъ депутатовъ, принадлежащихъ къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ ими по службѣ мѣстамъ, повелѣла: депутатовъ, которые за выборомъ членовъ въ частныя комиссіи, остались въ большомъ собраніи, распустить до тѣхъ поръ, пока они вновь будутъ созваны, членамъ же частныхъ комиссій остаться и продолжать свои занятія“.

Послѣ окончанія турецкой войны, комиссія, однако, не была созвана, но de jure продолжала считаться существующей. Такъ, до насъ дошло нѣсколько указовъ, которыми засѣданія комиссіи отсрочивались: сперва до 1 Мая 1772 г., затѣмъ до 1 Августа и 1 Ноября того же года и, наконецъ, до 1-го Февраля 1773 г. Послѣ этого года, хотя указы объ отсрочкѣ засѣданій комиссіи прекратились, но комиссія попрежнему считалась существующей, что продолжалось также въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, когда неоднократно въ правительственныхъ актахъ того времени упоминалось объ „уложенной комиссіи“, какъ объ учрежденіи существующемъ [1]).

[1]) Сама императрица еще въ 1771 году считала возможнымъ довести составленіе Уложенія до благополучнаго окончанія. Вотъ что она между

Что касается до частныхъ комиссій, то онѣ въ прежнемъ составѣ просуществовали до 1774 года, когда именнымъ указомъ отъ 4 Декабря депутаты, входившіе въ ихъ составъ были распущены, но самыя комиссіи продолжали существовать въ теченіе всего царствованія Екатерины II, такъ какъ въ замѣнъ депутатовъ членами ихъ были назначены другія лица [1]).

прочимъ писала Вольтеру отъ 22 Іюля 1771 г.: „нѣсколько недѣль назадъ я Наказъ свой къ Уложенію вновь прочитала и при чтеніи усмотрѣла что я благоразумное дѣло сдѣлала, когда оный написала. Правда, должно признаться, что сіе Уложеніе, къ которому многіе матеріалы приготовляются, а другіе уже и готовы, надѣлаетъ мнѣ и еще много трудовъ, покуда оно приведено будетъ до той степени совершенства, въ которой я желаю его видѣть, но что до того нужды, надобно, чтобъ оное окончено было, хотя бы море отъ Таганрога находилось на югѣ, а горы на сѣверѣ“ (Переписка имп Екатерины II съ Вольтеромъ, перев. Антоновскаго, ч. 2, СПБ. 1802 г., стр. 16). Затѣмъ въ одномъ изъ своихъ писемъ князю Волконскому въ 1775 г. императрица предполагала преобразовать комиссію въ особую палату при Сенатѣ, „дабы Сенатъ имѣлъ, гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ“ (Осмнадц. вѣкъ Бартенева, т. I, 1869 г.) Мало того, въ томъ же 1775 г. во многихъ мѣстахъ Россіи были произведены выборы новыхъ депутатовъ взамѣнъ прежнихъ, что согласовалось съ ст. 25 Обряда управленія комиссіей, въ виду того, что должность депутата не была уничтожена. Въ виду этого Сенатъ указомъ 8 Авг, 1776 года счелъ нужнымъ разъяснить, что „въ выборѣ новыхъ депутатовъ не настоитъ нужды до того времени, доколѣ всѣмъ депутатамъ будетъ общій позывъ“ (Лаппо - Данилевскій, назван. сочин. стр. 86).

[1]) Съ легкой руки проф. Липинскаго и Лаппо-Данилевскаго установилось мнѣніе, будто съ 1774 г. отъ комиссій остались только ихъ канцеляріи. которыя и продолжали существовать въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII ст, Но съ подобнымъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Дѣло въ томъ, что специфическимъ признакомъ понятія кодификаціонной комиссіи совершенно не является присутствіе въ ней членовъ депутатовъ, такъ какъ составъ комиссій могъ быть двухъ родовъ: или онъ былъ построенъ на представительномъ началѣ, или имѣлъ бюрократическій характеръ, когда комиссія состояла изъ лицъ по назначенію правительства. Кромѣ того, изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, видно, что во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ того времени частныя комиссіи такъ же продолжаютъ называться комиссіями, какъ и общая. Затѣмъ отъ 1796 г. до насъ дошло нѣсколько протоколовъ комиссій, ясно указывающихъ на то, что онѣ не состояли изъ однѣхъ канцелярій, но и изъ присутствій, результатомъ дѣятельности которыхъ были тѣ или иныя постановленія, облекавшіяся въ форму протоколовъ. Наконецъ, еслибы отъ общей и частныхъ комиссій послѣ указа 4 Декабря 1774 г. остались однѣ канцеляріи, какъ утверждаютъ гг. Липинскій и Лаппо-Данилевскій, ничѣмъ, впрочемъ, не обосновывая своего мнѣнія, то въ составъ ихъ, конечно, должны были бы входить только одни приказные служители или, выражаясь языкомъ Генеральнаго регламента (гл. 34), „канцеляристы“. Между тѣмъ рядомъ съ послѣдними въ составъ комиссій входятъ также гражданскіе и даже военные чины, „присутствующіе“ въ нихъ въ качествѣ „сочинителей“ (Чего? Конечно, новаго Уложенія). Намъ удалось найти весьма любопытный списокъ личнаго состава частныхъ комиссій въ 1796 г. Изъ него видно, что въ годъ смерти Екатерины II существовало 18 частныхъ комиссій, причемъ каждая изъ нихъ состояла изъ присутствія и канцеляріи. См. *мою* ст. „Къ исторіи кодификаціи въ Россіи въ XVIII ст.“ въ „Журн. Мин. Юст.“, № 5, 1902 г.

Такимъ образомъ и Екатерининскую законодательную комиссію постигла та же участь, какая была присуща и всѣмъ предыдущимъ комиссіямъ. Новое Уложеніе не было составлено, и единственно, что осталось отъ комиссіи, это — нѣсколько проектовъ, составленныхъ частными комиссіями, но и тѣ не только не получили законодательной санкціи, но даже не были признаны въ качествѣ источниковъ последующей законодательной дѣятельности Екатерины II. Многіе изъ этихъ проектовъ, напр., объ училищахъ, объ имѣніяхъ, о городахъ и т. д., не были даже закончены, а дошли до насъ въ формѣ, такъ сказать, набросковъ или плановъ, совершенно неразработанныхъ. Вполнѣ законченными были три проекта, а именно: проектъ правамъ благородныхъ и проекты законовъ о правахъ средняго и нижняго рода государственныхъ жителей.

Какая же причина неудачи комиссіи и столь преждевременнаго ея распущенія? Этотъ вопросъ не разъ возбуждался въ литературѣ, даже современной еще самой комиссіи, причемъ неудачное разрѣшеніе его въ этой послѣдней было не разъ повторяемо и въ позднѣйшей литературѣ. Такъ, съ легкой руки самого маршала Бибикова была пущена мысль, что предпріятіе императрицы не удалось вслѣдствіе его крайней рановременности. Дѣло въ томъ, что въ 1817 г. были изданы „Записки о жизни и службѣ маршала Бибикова", оказавшія довольно большое вліяніе на отзывы въ русской исторической литературѣ о дѣятельности комиссіи. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ Бибиковъ, между прочимъ, пишетъ: „должно признать чистосердечно, предпріятіе сіе (т. е. созваніе комиссіи) было рановременно, и умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному дѣлу". Это мнѣніе было впослѣдствіи нѣсколько разъ повторяемо, причемъ неудача комиссіи и ея преждевременное распущеніе объяснялись ея рановременностью. Съ этимъ мнѣніемъ безусловно нельзя согласиться. Созваніе сословныхъ представителей въ 1767-омъ году для участія въ законодательныхъ работахъ имѣло мѣсто у насъ не въ первый разъ. Начиная со второй половины XVI стол. и вплоть до Екатерины II, такія созванія практиковались безчисленное количество разъ и въ большинствѣ случаевъ, въ особенности въ XVI и XVII стол., всегда оканчивались весьма удачно. Еще за нѣсколько лѣтъ до 1767 г.

сословные представители были созваны Елизаветой Петровной и, какъ бы то ни было, но составили проектъ новаго Уложенія, многія постановленія котораго потомъ почти слово въ слово были повторены депутатскими наказами въ 1767 г. Слѣдовательно, если созваніе сословныхъ представителей для участія въ законодательныхъ работахъ не было преждевременно и въ большинствѣ случаевъ приносило благіе результаты въ царствованія Ивана IV, Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, то тѣмъ болѣе оно не могло быть преждевременно и, такъ сказать, уже предопредѣленно къ неизбѣжной неудачѣ во второй половинѣ XVIII стол.. когда степень культурности русскаго общества была сравнительно выше съ XVI и XVII ст.

Далѣе Бибиковъ говоритъ, что „умы большей части депутатовъ не было еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному дѣлу“. Этотъ взглядъ можно считать вполнѣ несправедливымъ, какъ совершенно не соотвѣтствующій дѣйствительности. Уже число тѣхъ членовъ комиссіи, которые участвовали въ преніяхъ и тѣмъ самымъ свидѣтельствовали во всякомъ случаѣ о способности къ участію въ этомъ дѣлѣ, оказывается весьма значительнымъ. Изъ числа 564 депутатовъ 202 подавали мнѣнія, дѣлали возраженія и замѣчанія и т. п. Такое процентное отношеніе, по вѣрному замѣчанію профессора Брикнера, можно считать за вполнѣ удовлетворительное. Разумѣется, степень умственнаго развитія, познаній и образованія была неравномѣрна. Такъ, между депутатами считались люди, принадлежащіе къ высшему интеллигентному классу, какъ, напримѣръ, князь Щербатовъ, извѣстный историкъ того времени, академикъ Миллеръ и др., и рядомъ съ нимъ засѣдали депутаты отъ какихъ нибудь инородцевъ, бывшіе, говоря словами профессора Брикнера, едва ли въ состояніи дать себѣ отчетъ объ отвѣтственности. лежащей на членахъ собранія. Разумѣется, нельзя сравнивать способности Бибикова, Вяземскаго, Панина и пр. съ ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ того или другого депутата отъ пахатныхъ солдатъ или казаковъ. Но и между этими лицами были люди, разсуждавшіе очень дѣльно и умно и представлявшіе весьма обстоятельныя мнѣнія по разнымъ вопросамъ. Наконецъ, уже то обстоятельство, что почти всѣ ораторы весьма часто ссылались на Наказъ императрицы, можетъ служить доказательствомъ, что не только лица высшихъ,

но и низшихъ классовъ общества были въ состояніи вникнуть въ духъ этого замѣчательнаго для того времени сочиненія и заимствовать оттуда лишніе аргументы для большей убѣдительности своихъ мнѣній. Очевидно, Наказъ, находившійся въ рукахъ каждаго депутата, читался много и не безъ пользы. Нѣкоторыя мнѣнія, поданныя депутатами, заключаютъ въ себѣ много мыслей, заимствованныхъ изъ Наказа. Такъ, здѣсь мы встрѣчаемъ, напримѣръ, мысль о соотвѣтствіи климата и почвы страны съ историческимъ развитіемъ, нравами и обычаями народа, далѣе—указанія на этнографическія и культурно-историческія данныя разныхъ вѣковъ; весьма часто говорится объ исторіи дворянства, объ исторіи торговли, о гуманности, о благѣ народа и такъ далѣе, и такого рода мысли встрѣчаются не только въ мнѣніяхъ и рѣчахъ лицъ изъ высшаго класса, но и въ мнѣніяхъ купцовъ, крестьянъ и казаковъ [1]). Всѣ приведенные факты вполнѣ свидѣтельствуютъ въ пользу невѣрности предположенія о рановременности комиссіи и о неспособности ея членовъ, какъ причинъ ея неудачи.

Другое мнѣніе, также пущенное въ ходъ Бибиковымъ, заключалось въ томъ, что члены комиссіи, „увлеченные вольнодуміемъ", предлагали уничтоженіе крѣпостного права, въ силу чего комиссія и была распущена. Вотъ, что читаемъ по этому поводу въ „Запискахъ о жизни Бибикова": „нѣкоторые изъ депутатовъ, увлеченные вольнодуміемъ, предлагали уничтоженіе рабства, неоспоримо истинною философіею и христіанскимъ человѣколюбіемъ предначертанное, но исполненіе чего, по обширности и малонаселенію Россійской имперіи, еще гораздо болѣе мудрыхъ и благовременныхъ мѣръ, прилежнаго разсмотрѣнія и опаснаго вниманія и разсужденія требуетъ". То же мнѣніе относительно связи между возбужденіемъ вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ и преждевременнымъ закрытіемъ комиссіи высказалъ и французскій писатель Кастера въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „La vie de Catherine II", вышедшимъ въ 1797-омъ году. Не смотря на то, что Кастера, пріѣхавшій въ Россію въ концѣ царствованія Екатерины II, не могъ быть свидѣтелемъ дѣятельности законодательной комиссіи, чѣмъ и объясняется масса невѣрныхъ свѣдѣній о ней, помѣщенныхъ въ его книгѣ, названное мнѣніе получило полное право гражданства и долгое вре-

---

[1]) Брикнеръ, Журналъ Мин. Нар. Просв. 1881 г.

мя признавалось вѣрнымъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ Кастера: „многія засѣданія комиссіи далеко не были безмятежны. Начали говорить объ освобожденіи крестьянъ. Многія тысячи ихъ были готовы силою добыть то, чего они не могли ожидать отъ справедливости. Дворянство опасалось повсемѣстнаго возстанія, въ особенности убавленія своего богатства. Нѣкоторые дворяне увѣряли, что готовы убить того, кто первый внесетъ предложеніе сдѣлать крестьянъ свободными. Не смотря на это, графъ Шереметевъ, богатѣйшій человѣкъ въ Россіи, заявилъ, что охотно бы согласился на такую мѣру. Споръ становился все болѣе оживленнымъ, опасались страшныхъ послѣдствій разногласія и поэтому депутатовъ распустили домой“.

Для опроверженія этого мнѣнія, необходимо обратиться къ дневнымъ запискамъ, т. е. журналамъ собранія, и разсмотрѣть тѣ пренія, которыя касались крестьянскаго вопроса. Эти пренія возникли, благодаря предложенію дворянскаго депутата Коробьина, при обсужденіи законовъ о бѣглыхъ. Коробьинъ началъ свою рѣчь съ того, что заявилъ о своемъ желаніи разсмотрѣть причины, побуждающія крестьянъ къ бѣгству, и предложилъ нѣкоторые способы, которые могли бы, хотя отчасти, предупредить это зло. „Думаю“, сказалъ Коробьинъ, „изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно въ свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновеннаго подати; есть и такіе, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ долгу, отдаютъ своихъ людей, отучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать хотя слѣдуемые ежегодно къ уплатѣ проценты; есть и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе прихотей своихъ не станетъ, удаливъ отъ семействъ, употребляютъ единственно для своей корысти. Но всего горестнѣе, что нѣкоторые владѣльцы, какъ только крестьянинъ пріобрѣтаетъ небольшой достатокъ, лишаютъ своего крѣпостного всѣхъ плодовъ его труда“. Такое положеніе дѣлъ весьма опасно для государства, „ибо тогда только процвѣтаетъ или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны“. Земледѣльцы—душа общества, слѣдовательно, когда они изнурены, то и все общество ослабѣетъ. Затѣмъ, сославшись на статьи Наказа, въ которыхъ императрица указываетъ на обремененіе крестьянъ чрезмѣрными оброками, Коробьинъ сказалъ, что, слѣдовательно, въ бѣгствѣ крестьянъ

виноваты сами помѣщики, и потому необходимо предупредить злоупотребленія благоразумными и человѣколюбивыми законами. Теперь всякій молодой дворянинъ, зная, что онъ полный господинъ надъ всѣмъ имѣніемъ своихъ крестьянъ, можетъ для удовлетворенія своихъ прихотей собирать чрезмѣрные поборы, но, если бы владѣлецъ зналъ, что онъ можетъ потребовать отъ крестьянина не болѣе предписаннаго законами, тогда злоупотребленія прекратились бы. Слѣдовательно, все зло заключается въ неограниченной власти помѣщика надъ крестьянами. Далѣе Коробьинъ высказался, ссылаясь на Наказъ, за необходимость дарованія крестьянамъ права собственности на часть земли, которою они могли бы распоряжаться по своему усмотрѣнію. Наконецъ, сказалъ Коробьинъ, необходимо постановить, чтобы крестьянинъ платилъ помѣщику опредѣленную закономъ, а не чрезмѣрную, дань, которая должна состоять въ однѣхъ мѣстностяхъ въ продуктахъ земли, въ другихъ же взиматься деньгами. Такимъ образомъ предложенія Коробьина сводились къ тому, что, слѣдуетъ: 1) опредѣлить въ законодательномъ порядкѣ повинности крестьянъ и 2) дать имъ право собственности на землю [1]). Иначе говоря, онъ желалъ *ограниченія* помѣщичьей власти, а отнюдь не *уничтоженія* крѣпостного права, о чемъ онъ и постарался заявить въ концѣ своей рѣчи.

Предложеніе Коробьина возбудило оживленныя пренія, не разъ принимавшія страстный оттѣнокъ. Участіе въ этихъ преніяхъ приняло 17 депутатовъ, причемъ, пять изъ нихъ высказались за улучшеніе быта крѣпостныхъ въ духѣ предложенія Коробьина, а 12—противъ всякаго улучшенія. Пренія продолжались безпрепятственно *цѣлый мѣсяцъ* и прекратились съ окончаніемъ чтенія законовъ о юстиціи, вслѣдствіе внесенія въ комиссію проекта правамъ благородныхъ. Послѣ того комиссія продолжала еще существовать *болѣе полугода*, и за все это время вопросъ о крѣпостныхъ болѣе не возбуждался. Изъ приведеннаго видно, какъ неправильно мнѣніе, будто преждевременное распущеніе комиссіи находилось въ связи съ возбужденіемъ вопроса объ *освобожденіи* крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Третье мнѣніе относительно причинъ распущенія собра-

---

[1]) Семевскій, Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и XIX вв., т. I, стр. 103.

нія, высказанное впервые англійскимъ посломъ Ширлеемъ и затѣмъ неоднократно повторенное другими, состояло въ слѣдующемъ: все предпріятіе императрицы было ничѣмъ инымъ, какъ простой комедіей или, какъ выражается Ширлей, фарсомъ, задуманнымъ императрицей, якобы сознавшей шаткость своей власти, съ цѣлью пріискать средство для снисканія популярности въ обществѣ. „Намѣренія императрицы, говоритъ Ширлей,—первоначально клонились къ тому, чтобы заявить ея заботливость о счастіи своихъ подданныхъ, но, такъ какъ ея намѣренія проистекаютъ изъ основаній не совсѣмъ чистаго свойства, то и дѣла ея, какъ поддѣльный жемчугъ, имѣютъ болѣе блеска, но меньше цѣнности, чѣмъ жемчугъ настоящій“. Поэтому, когда названная цѣль была достигнута, т. е., императрица пріобрѣла популярность въ народѣ или иначе говоря, комедія была сыграна, въ комиссіи перестали нуждаться, и она была распущена. Такое мнѣніе крайне поверхностно и совершенно не соотвѣтствуетъ историческимъ фактамъ. Если въ чемъ и можно упрекнуть Екатерину II, то только не въ томъ, въ чемъ упрекаетъ ее Ширлей. Подобное мнѣніе могло держаться до тѣхъ поръ, пока на документы, касающіеся исторіи комиссіи, былъ наложенъ запретъ, и они не были никому извѣстны. Но теперь, когда, благодаря изданію Русскаго Историческаго Общества и благодаря возможности проникнуть въ наши архивы, документы комиссіи стали болѣе или менѣе для всѣхъ доступны, подобное мнѣніе уже не можетъ существовать. Изъ документовъ видно, какъ относилась императрица къ своему предпріятію, какъ она увлекалась имъ, какъ была вся поглощена имъ. Изъ этихъ же документовъ видно, что отношеніе императрицы къ комиссіи было самое серьезное, и что она стремилась исключительно къ тому, чтобы дѣятельность комиссіи дѣйствительно принесла реальные результаты. Объ этомъ, впрочемъ, свидѣтельствуетъ и самъ Ширлей, говоря, что въ настоящее время собраніе депутатовъ сдѣлалось любимѣйшимъ занятіемъ императрицы, и что она, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ дѣламъ, исключительно занимается только имъ однимъ. Дѣйствительно, честолюбіе Екатерины II играло весьма важную роль фактора при созваніи депутатовъ. Ей желательно было блеснуть въ Россіи и, главное, въ западной Европѣ въ качествѣ законодательницы сѣвера и философа на тронѣ, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе той задачи, для которой созваны были депутаты, казалось ей въ высшей степени лег-

кимъ и незамысловатымъ, что, впрочемъ, являлось тогда ходячимъ мнѣніемъ всѣхъ интеллигентныхъ людей, преклонявшихся предъ французской философіей и воображавшихъ, что съизнова пересоздать весь общественный и государственный строй есть дѣло, такъ сказать, одной минуты. Такимъ образомъ, мы подходимъ теперь къ выясненію настоящихъ причинъ неудачи комиссіи и преждевременнаго ея распущенія. Всѣ онѣ могутъ быть сведены, въ сущности, къ тремъ, а именно: къ неправильной постановкѣ задачи комиссіи, ко многимъ недостаткамъ ея организаціи и, наконецъ, къ совершенному неумѣнію руководящихъ людей привести порученное имъ дѣло къ полному и благополучному окончанію. Задача комиссіи была, дѣствительно, безпримѣрной трудности. Ей предстояло составить проектъ новаго Уложенія, обнимающій собою всѣ стороны законодательства и всѣ отрасли права. Ужъ надъ однимъ такимъ проектомъ комиссія должна была трудиться безконечное количество времени. Мало того, эта задача осложнялась еще тѣмъ, что проектъ долженъ былъ быть новымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ общество разсматривалось, какъ бы находящееся въ естественномъ состояніи, въ силу чего ему слѣдовало сразу дать весь государственный и гражданскій бытъ; вся предшествовавшая исторія Россіи игнорировалась совершенно, и русское государство трактовалось, какъ какая-то tabula rasa, на которой можно было создать все, что угодно. Источниками для подобнаго законодательства, по крайней мѣрѣ, по словамъ дирекціонной комиссіи, должны были быть: во-первыхъ, „неопровергаемыя правила Наказа“ и, во-вторыхъ, „здравый разсудокъ, любовь къ отечеству и должная благодарность къ строительницѣ блаженства нашего“, т. е., къ императрицѣ. Что же касается до дѣйствующаго права, то оно признавалось за источникъ, какъ бы въ видѣ исключенія [1]). На созданіе этой работы, по свидѣтельству нѣкоторыхъ памятниковъ, полагалось всего только какихъ нибудь четыре года. Изъ сказаннаго видно, что предпріятіе императрицы было

[1]) Правда, еще въ началѣ 1767 г. императрица учредила особую комиссію сводовъ, долженствовавшую собрать всѣ законы съ 1649 г. по 1767 г. и „разобрать оные по числамъ и матеріямъ особыми книгами“, т. е. приготовить матеріалъ дла составленія новаго Уложенія, что и было исполнено комиссіей къ 15 Сент. 1767 г. (Лаппо-Данилевскій, назв. соч., стр. 75). Однако, этимъ матеріаломъ, неоднократно читаннымъ, какъ было уже сказано, на засѣданіяхъ большой комиссіи, составители разныхъ проектовъ, дошедшихъ до насъ отъ дѣятельности комиссіи 1767 г., почти не воспользовались.

ведено совершенно въ духѣ тогдашней французской философіи, считавшей вполнѣ возможнымъ пересоздать общественный и государственный строй, руководствуясь исключительно „здравымъ разсудкомъ“ и „любовію къ отечеству“. Думая, что предпринятое ею дѣло не представляетъ никакой трудности и можетъ быть закончено въ самое короткое время, императрица дала комиссіи въ видѣ инструкціи свой Наказъ, который долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить и однимъ изъ главныхъ источниковъ Уложенія. Между тѣмъ, изъ содержанія этого памятника, по вѣрному замѣчанію профессора Сергѣевича, можно видѣть, что онъ по множеству вопросовъ даетъ не начала законодательства, которыя бы стоило только развить въ отдѣльныя положенія, чтобы получить цѣлое Уложеніе, а указываетъ лишь общее и часто довольно неопредѣленное направленіе этого законодательства, нерѣдко же ограничивается просто приведеніемъ разныхъ примѣровъ изъ иностранныхъ законодательствъ, не дѣлая изъ нихъ никакого опредѣленнаго вывода. Такъ, „надлежитъ установить порядокъ неподвижный для наслѣдованія“, говоритъ Наказъ, но какой? Сколько нибудь опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ тщетно будемъ искать въ Наказѣ. Сдѣлавъ нѣкоторыя указанія на римскій и греческій порядокъ наслѣдованія, императрица заключаетъ: „мое намѣреніе въ семъ дѣлѣ склоняется больше къ раздѣленію имѣнія.“ Но наслѣдованіе по частямъ или безъ раздѣленія на части, справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, это только одинъ изъ множества вопросовъ наслѣдственнаго права. По всѣмъ остальнымъ нѣтъ никакого указанія, но и приведенное отличается крайней неопредѣленностію. Какого раздѣленія желаетъ императрица? У насъ и до вступленія ея на престолъ имѣнія дѣлились между наслѣдниками. Довольна она прежнимъ порядкомъ или нѣтъ? „Полезно сдѣлать учрежденіе объ опекунствѣ,“ говоритъ далѣе Наказъ, но какое — опять умалчиваетъ, ограничиваясь указаніемъ на то, что „опека должна быть для малолѣтнихъ, безумныхъ и тому подобныхъ“. Но у насъ, выражаясь словами проф. Сергѣевича, и прежде была опека не только для малолѣтнихъ и безумныхъ, но и для расточителей и жестокихъ помѣщиковъ, и правила ея во всякомъ случаѣ были опредѣленнѣе правилъ Наказа. Наконецъ, по многимъ отраслямъ права Наказъ не даетъ никакихъ „разрѣшеній“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить

объ его отношеніи вообще къ такой важной отрасли права, какъ гражданское право, совершенно игнорируемое въ названномъ памятникѣ, и т. д. Такимъ образомъ, старые законы не должны были имѣть значенія источниковъ для составляемаго Уложенія, Наказъ же, считавшійся главнымъ изъ нихъ не обнималъ, по вѣрному замѣчанію профессора Сергѣевича, и сотой части всей сложной системы права [1]). Мало того, многія положенія Наказа страдаютъ противорѣчіемъ между собою и совершенно не согласованы другъ съ другомъ, что является результатомъ вліянія на императрицу, съ одной стороны, раціоналистическихъ идей французскихъ энциклопедистовъ, а, съ другой стороны, воззрѣній Монтескье, какъ извѣстно, имѣющихъ между собою весьма мало общаго. Между тѣмъ, обѣ категоріи этихъ идей остались въ Наказѣ совершенно непримиренными другъ съ другомъ. Та же непримиренность разнородныхъ идей сказалась и на практикѣ. Какъ извѣстно, депутаты должны были привести съ собой наказы, которыми комиссія обязана была руководствоваться въ своей дѣятельности. Наказы отличались крайней положительностью своихъ стремленій, такъ какъ составители ихъ излагали дѣйствительныя нужды и желанія сословій, вытекавшія, такъ сказать, изъ условій дѣйствительнаго порядка вещей, существовавшаго въ то время въ Россіи. Между депутатскими и Большимъ наказами по многимъ вопросамъ цѣлая бездна. Спрашивается, какъ должна была поступать комиссія, примиряя непримиримыя начала Большого и депутатскихъ наказовъ, что должна она была дѣлать въ случаѣ конфликта между стремленіями сословій, отправлявшихся отъ дѣйствительнаго порядка вещей, со стремленіями Большого Наказа и „здраваго разсудка“, какъ его понимали раціоналисты? Все это такого рода вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣлъ удачный исходъ всего дѣла. Между тѣмъ, этого разрѣшенія не послѣдовало, и вотъ одна изъ причинъ неудачи комиссіи. Правда, во время засѣданій послѣдней, когда императрица увидѣла, что дѣло идетъ не такъ гладко, какъ она думала, она рѣшила помочь комиссіи изданіемъ Начертанія о приведеніи новаго Уложенія къ окончанію. Содержаніе его было изложено выше, и изъ него видно, что Начертаніе есть ничто иное, какъ система законодательства въ крайне общихъ чертахъ,

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1878 г., № 1.

а въ виду этого, оно и не могло помочь дѣлу составленія новаго Уложенія. Такимъ образомъ, одной изъ главныхъ причинъ неудачи комиссіи была необычайной трудности задача, возложенная на нее. Но даже, не смотря на это, она все же могла бы составить проектъ Уложенія, хотя, конечно, не во вкусѣ раціоналистической философіи, а болѣе соотвѣтствующій условіямъ дѣйствительной жизни (какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ проекты законовъ, составленные нѣкоторыми частными комиссіями), если бы обладала болѣе совершенной организаціей, а главное, болѣе способными и умѣющими вести порученное имъ дѣло людьми, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Я уже указалъ при обзорѣ содержанія Обряда управленія комиссіей на несовершенство этого памятника, главнымъ образомъ, въ вопросѣ объ отношеніяхъ частныхъ и общей комиссій другъ къ другу, а также и въ вопросѣ о дѣлопроизводствѣ комиссіи, поэтому повторять здѣсь объ этомъ излишне. Скажу только, что эти несовершенства Обряда могли быть значительно исправлены на практикѣ, если бы во главѣ комиссіи не стояло такое неспособное для даннаго дѣла лицо, какимъ былъ маршалъ Бибиковъ. Рѣдко, кто такъ находился не на своемъ мѣстѣ, какъ артиллеріи генералъ-маіоръ Бибиковъ въ качествѣ предсѣдателя законодательнаго собранія. При обзорѣ дѣятельности комиссіи было уже указано, какъ дѣйствовалъ маршалъ въ качествѣ предсѣдателя, какъ неумѣло велъ онъ пренія, ставилъ вопросы, какъ никогда не допускалъ никакого голосованія, а взамѣнъ того предписывалъ читать цѣлые вороха законовъ и наказовъ, что въ сущности не имѣло никакого смысла [1]. Вотъ тѣ причины, въ силу которыхъ столь грандіозно-задуманное предпріятіе совершенно не удалось и не осуществило тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались. Единственная польза отъ созванія комиссіи заключалась въ томъ, что императрица получила возможность узнать нужды, желанія и стремленія своего народа и сообразовать съ ними свою дальнѣйшую законодательную дѣятельность [2]. „Комиссія Уложенія",—писала впослѣдствіи

---

[1]) Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій также не находился на высотѣ своей задачи. До насъ дошелъ весьма любопытный отзывъ о немъ Н. Ив. Панина въ передачѣ Порошина, на основаніи котораго становится понятнымъ, почему кн. Вяземскій не могъ исправлять ошибокъ Бибикова (см. Соловьева, назв. соч., т. XXVI, стр. 253).

[2]) Объ этомъ см. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст."

Екатерина II,—подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе по всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ“ [1])

Со вступленіемъ на престолъ Павла I Екатерининская комиссія продолжала существовать, и новое правительство вскорѣ вспомнило о ней. Сперва двумя указами отъ 16-го Декабря 1796 г. на нее, подъ руководствомъ генералъ-прокурора кн. Куракина, была возложена новая задача по составленію трехъ книгъ законовъ (уголовныхъ, гражданскихъ и казенныхъ дѣлъ), а затѣмъ указомъ отъ 30 Декабря того же года она была переименована изъ „комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія“ въ „комиссію для составленія законовъ Россійской Имперіи“, причемъ въ составъ ея были назначены новыя лица. Такимъ образомъ изъ сказаннаго видно, что мнѣніе Сперанскаго, повторяемое и новѣйшими изслѣдователями, будто Павелъ I учредилъ новую комиссію (по счету Сперанскаго, девятую), не можетъ быть принято, какъ не соотвѣтствующее дѣйствительности [2]). Въ составъ комиссіи были назначены „искусные въ дѣлопроизводствѣ и законознаніи“ лица, а „для письмоводства и переписки“ имъ была дана канцелярія. Впрочемъ, указомъ 31 Мая 1797 г. правительство привлекло къ дѣлу кодификаціи сенаторовъ, предписавъ тремъ изъ нихъ, „учредить между собою съѣздъ“ и вмѣстѣ съ членами комиссіи на этихъ съѣздахъ составлять проекты книгъ

---

[1]) Дѣятельность нѣкоторыхъ частныхъ комиссій была болѣе плодотворна. Такъ, онѣ, подъ руководствомъ генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, составили нѣчто въ родѣ полнаго собранія законовъ подъ названіемъ „Описаніе внутренняго правленія Россійской имперіи со всѣми законоположенія частями.“ Въ описаніи по особымъ рубрикамъ расположены законы въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ царствованія Ивана Грознаго, причемъ текстъ законовъ приведенъ не въ подлинникѣ, но въ сокращенномъ пересказѣ. „Описаніе“ преслѣдовало преимущественно учебная, а не практическія цѣли. Обнародовано оно не было и найдено въ Румян. музеѣ г. Лаппо-Данилевскимъ (назв. соч, стр. 91 и слѣд.).

[2]) До послѣдняго времени о дѣятельности Павловской комиссіи почти ничего не было извѣстно, за исключеніемъ тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя сообщилъ еще Сперанскій въ 1837 г. въ своемъ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ“ (стр. 33). Правда, нѣсколько новыхъ свѣдѣній о комиссіи приведено въ изслѣдованіи проф. Лаппо-Данилевскаго „Собраніе и Сводъ законовъ Россійской Имперіи, составленные при Екатеринѣ II“ (стр. 134), но ихъ очень не много. Въ концѣ 1901 и въ началѣ 1902 г. намъ пришлось заниматься въ архивѣ Государственнаго Совѣта, гдѣ находятся пять большихъ связокъ съ матеріалами, относящимися къ исторіи Павловской комиссіи, и ознакомиться съ ними. Результатомъ этого ознакомленія было напечатаніе *нами* въ „Журн. Мин. Юст“ (№ 5, 1902 г.) статьи „Къ исторіи кодификаціи въ Россіи въ XVIII ст.“

законовъ Россійской Имперіи. И дѣйствительно, въ теченіе всего царствованія Павла I подобные съѣзды происходили въ комиссіи, причемъ составъ сенаторовъ мѣнялся.

Въ чемъ же заключалась задача комиссіи? Согласно указу 16 Декабря 1796 г. на нее была возложена обязанность „собрать изданныя донынѣ узаконенія и извлечь изъ оныхъ три законовъ книги (гражданскихъ, уголовныхъ и казенныхъ дѣлъ)". Иначе говоря, задачею комиссіи было составленіе, такъ называемаго, своднаго уложенія, т. е. свода дѣйствующихъ законовъ. Составляя его, она должна была слѣдовать не только „разуму" дѣйствующихъ узаконеній и не вносить ничего новаго въ ихъ содержаніе, но даже по возможности придерживаться ихъ текста. Однако, комиссія вскорѣ должна была отказаться отъ составленія своднаго уложенія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, которыя были установлены указомъ 16 Дек. 1796 г. Работая надъ проектомъ, члены комиссіи натолкнулись на цѣлый рядъ препятствій вслѣдствіе „неимѣнія въ законахъ точнаго предписанія на разныя матеріи", а также вслѣдствіе наличности „неясностей" и „недостатковъ", которые оказалось необходимымъ „поправить" и „пополнить". Въ такихъ случаяхъ составители проекта прибѣгали къ содѣйствію генералъ-прокурора, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, докладывалъ государю и получалъ Высочайшія повелѣнія, вносившіяся въ проектъ. Очевидно, подобное „поправленіе неясностей" и „пополненіе недостатковъ", къ тому же совершавшееся въ формѣ Высочайшихъ повелѣній, имѣло результатомъ внесеніе въ проектъ новыхъ юридическихъ нормъ, что, конечно, не соотвѣтствовало первоначальной задачѣ комиссіи касательно составленія свода стараго законодательнаго матеріала. Съ изданіемъ же указа 31-го Мая 1797 г., установившаго „съѣзды" сенаторовъ съ членами комиссіи, послѣдніе, съ согласія генералъ-прокурора, „признали, что всѣ встрѣчавшіяся въ законахъ неясности пояснять, недостатки пополнять можно и должно, не представляя болѣе о семъ г. генералъ-прокурору и чрезъ него къ Высочайшему разрѣшенію". И дѣйствительно, достаточно самаго бѣглаго просмотра журналовъ засѣданій сенаторовъ и членовъ комиссіи, чтобы убѣдиться, какъ широко пользовалась комиссія правомъ вносить *новыя* статьи въ проектъ *своднаго* уложенія. Приведемъ два примѣра. Такъ, на засѣданіи 7 Іюля 1797 г., при разсмотрѣніи проекта судной

части книги гражданскихъ дѣлъ, сенаторы и члены комиссіи пришли къ заключенію о неполнотѣ постановленій Уложенія 1649 г. о встрѣчномъ судѣ (гл. X, ст. 180 и 181), почему, „по сей въ законѣ неполности и неясности въ пополненіе и изъясненіе оныхъ“, приняли цѣлый рядъ новыхъ положеній, которыя и внесли въ формѣ статей въ проектъ. На засѣданіи 10 іюля того же года сенаторы и члены комиссіи усмотрѣли „въ узаконеніяхъ недостатокъ тотъ, что не ограничено, въ какихъ именно городскихъ слободахъ или кварталахъ, а по уѣзду въ какихъ селеніяхъ, обыски производить“, вслѣдствіе чего и „положили сіе обстоятельство дополнить и, сочиня, предложить оное на разсмотрѣніе впредь“. Дѣйствительно, къ слѣдующему засѣданію, состоявшемуся 14 Іюля, „дополненіе“ было готово, и съѣздъ сенаторовъ и членовъ комиссіи постановилъ внести его въ 4 главу судной части. Такихъ примѣровъ въ дѣлахъ комиссіи масса. Она сама въ запискѣ о своей дѣятельности, приложенной къ одному изъ журналовъ, свидѣтельствуетъ, что въ составленныхъ ею проектахъ „нѣкоторыя изъ прежнихъ постановленій и предписаній, какъ въ обрядѣ, такъ и въ самомъ законоположеніи, судя по перемѣнившимся обстоятельствамъ и сообразуясь съ настоящимъ временемъ, *иныя вовсе отъ изданія, яко ненужныя, исключены, другія пополнены и пояснены, а сверхъ сего внесено вновь*“ и т. д. Такимъ образомъ ясно, что члены комиссіи, вынужденные обстоятельствами, изъ которыхъ главное аключалось въ несовершенствѣ тогдашняго нашего законодательства, должны были отклониться отъ своей прямой задачи—составленія своднаго уложенія. Это отклоненіе значительно увеличилось послѣ того, когда, по иниціативѣ генералъ-прокурора П. В. Лопухина, на „съѣздѣ“ сенаторовъ и членовъ комиссіи 27 Ноября 1798 г. было рѣшено, при составленіи проекта книги гражданскихъ дѣлъ, „заимствовать на составленіе всѣхъ подлежащихъ въ сію книгу матерій систематическій порядокъ и правила изъ Высочайше данныхъ бывшей комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія въ 1767 г. Большого Наказа, а въ 1768 г. двухъ ко оному дополненій и Начертанія о приведеніи той комиссіи ко окончанію, и вслѣдствіе того изъ сдѣланныхъ бывшими тогда частными комиссіями плановъ“. Приведенное рѣшеніе „съѣзда“ 27 Ноября 1798 г. существенно видоизмѣнило характеръ работъ комиссіи, которая вмѣсто прежняго *своднаго* уложенія, отъ

типа коего составители и безъ того постепенно отступали, приступила къ составленію сборника, называвшагося на юридическомъ языкѣ XVIII ст. *новымъ* уложеніемъ, причемъ источникомъ его признавалось далеко не одно только русское законодательство. И дѣйствительно, изъ бумагъ комиссіи мы видимъ, что въ 1800 и 1801 г.г. члены ея начинаютъ оперировать также и надъ иностранными законами. Такимъ образомъ мы имѣемъ возможность установить, какъ постепенно видоизмѣнялась задача комиссіи, и какъ вмѣсто своднаго уложенія, что ей было предписано указами 1796 г., она стала составлять новое уложеніе. Однако, дѣятельность комиссіи, по примѣру прежнихъ, оказалась вполнѣ безрезультатной. При Павлѣ, ей удалось только составить проектъ книги гражданскихъ дѣлъ и проектъ части книги уголовныхъ дѣлъ, которые законодательной санкціи не получили.

Въ царствованіе Александра I-го кодификація русскаго права продолжалась попрежнему. Уже 5 Іюля 1801 года былъ изданъ указъ, которымъ Павловская коммиссія подчинялась графу Завадовскому. Но до 1803 года коммиссія ничего не сдѣлала, и, по всей вѣроятности, вслѣдствіе этого, новымъ указомъ 21 Октября 1803 года дѣло кодификаціи было передано въ министерство юстиціи, во главѣ котораго въ то время находился князь Лопухинъ. Однако, послѣдній, обремененный другими дѣлами и не обладая юридическимъ образованіемъ, не имѣлъ возможности приняться за составленіе законодательнаго сборника, вслѣдствіе чего это дѣло было поручено бывшему студенту Лейпцигскаго университета, барону Г. А. Розенкампфу, человѣку научно образованному, но совершенно не знавшему русскаго языка[1]). Имъ былъ составленъ проектъ работъ, утвержденный госу-

[1]) Извѣстный англійскій юристъ Бентамъ, хорошо знавшій Розенкампфа по его сочиненіямъ, въ своихъ письмахъ къ Александру I неоднократно указывалъ на непригодность перваго въ качествѣ кодификатора русскаго права. По мнѣнію Бентама, Розенкампфъ былъ годенъ только для „собиранія матеріаловъ". „Государь, писалъ между прочимъ Бентамъ императору въ Іюнѣ 1815 г. въ отвѣтъ на предложеніе послѣдняго присылать свои замѣчанія въ коммиссію, я скорѣе согласился бы послать отвѣты марокскому султану, чѣмъ въ коммиссію подъ такимъ начальствомъ" (Пыпинъ, Русскія отношенія Бентама, Вѣстн. Европы 1869 г., кн. II и IV). Однако, этотъ отзывъ нужно признать пристрастнымъ, такъ какъ дѣятельность Розенкампфа была неудачна только вначалѣ въ виду незнанія имъ русскаго языка и законодательства (см. текстъ). Впослѣдствіи же, послѣ изученія имъ и того и другого, онъ принесъ не мало пользы дѣлу нашей кодификаціи (См. Кассо. Къ исторіи Свода законовъ гражданскихъ, Журн. Мин. Юст. 1904 г., кн. 3).

даремъ 28 Февраля 1804 года[1]). Одновременно съ утвержденіемъ проекта Розенкампфъ получилъ мѣсто главнаго секретаря коммиссіи и такимъ образомъ могъ приступить къ занятіямъ. Но, въ виду того, что онъ совершенно не былъ знакомъ съ дѣйствующимъ правомъ, первые годы существованія коммиссіи прошли въ томъ, что ея главный секретарь долженъ сылъ проводить почти все время въ одномъ изученіи русскаго законодательства и всякую мысль объ его кодификаціи оставить въ сторонѣ. Попытки же, сдѣланныя имъ по составленію новаго уложенія, вначалѣ были очень неудачны, такъ какъ, по свидѣтельству барона Корфа, онъ постоянно переходилъ отъ одного опыта къ другому, то бросаясь въ историчесную школу, то сличая памятники иностраннаго законодательства, то составляя Уложеніе на основаніи разныхъ теорій. Служащіе же въ комиссіи не могли быть ему помощниками въ дѣлѣ кодификаціи русскаго права, такъ какъ состояли изъ иностранцевъ, назначенныхъ имъ же взамѣнъ уволенныхъ русскихъ[2]). Такъ продолжалось до конца 1808 года, когда въ составъ комиссіи вошелъ извѣстный Сперанскій, назначенный въ это время товарищемъ министра юстиціи. Сперанскій (говоритъ его біографъ баронъ Корфъ) поступилъ въ комиссію безъ всякаго юридическаго образованія, чуждый нѣмецкой литературы, по незнанію самого языка, незнакомый почти ни съ чѣмъ, кромѣ французскаго кодекса и энциклопедическаго сочиненія о французскихъ законахъ Флорижона, составлявшаго его настольную книгу. Пропитанный наполеоновскими идеями, онъ не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ и находилъ совершенно безполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособію[3]). Первымъ дѣломъ Сперанскаго, по вступленіи въ комиссію, было ея преобразованіе. Сущность этого преобразованія заключалась въ слѣдующемъ. Комиссія должна была состоять изъ трехъ учрежденій: совѣта, правленія и сословія юрисконсультовъ. Послѣднее раздѣлялось на шесть отдѣленій, во главѣ которыхъ находились особые начальники. На обязанности отдѣленій лежало составленіе законовъ и выработка ихъ плана. Правленіе состояло изъ членовъ, назначаемыхъ государемъ,

---

[1]) Онъ напечатанъ въ Трудахъ комиссіи составленія законовъ, т. I, стр. 1—48.

[2]) Бар. Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго, т. I, стр. 147.

[3]) Бар. Корфъ, назв. соч., т. I, стр. 154.

изъ которыхъ одинъ исполнялъ обязанности секретаря (Сперанскій). Функціи правленія состояли въ надзорѣ за отдѣленіями, въ наблюденіи за ихъ работами и въ ихъ утвержденіи и разсмотрѣніи. Что касается до совѣта, то въ составъ его входили члены правленія ex officio и другія лица, назначаемыя государемъ. Обязанностью его было разрѣшать затрудненія, въ разрѣшеніи которыхъ правленіе являлось некомпетентнымъ, и пересматривать изложеніе законовъ по мѣрѣ ихъ составленія. Сперанскій возлагалъ большія надежды на это преобразованіе комиссіи. „Сколько постороннія мои хлопоты и развлеченная работа дозволили, писалъ онъ 13 Апрѣля 1809 года графу Кочубею,—успѣли мы дать нѣкоторое образованіе комиссіи законовъ. Преобразованы экспедиціи, болѣе пятидесяти человѣкъ лишнихъ исключено, установленъ порядокъ работъ, сдѣлано положеніе, коимъ все приведено къ одному средоточію, а для ревизіи нашихъ работъ, для разрѣшенія противорѣчій и трудностей въ законахъ, наипаче же для примиренія комиссіи съ общимъ мнѣніемъ и для доставленія трудамъ ея нѣкотораго въ отечествѣ нашемъ довѣрія, учрежденъ особенный при ней совѣтъ. Я надѣюсь, что съ Мая двинется и, хотя не быстро, все пойдетъ въ порядкѣ и безостановочно“. Но Сперанскій (говоритъ баронъ Корфъ) ошибался въ разсматриваемое время въ методѣ работы. Обманывая себя мнимою легкостью задачи, онъ приступилъ прямо къ концу, т. е., къ сочиненію новаго Уложенія, не приготовивъ ни начала—собранія законовъ, ни середины—свода ихъ. Онъ предпочиталъ скорѣе творить, нежели углубляться въ изысканія малоизвѣстныхъ ему прежнихъ законовъ [1]).

1-го Января 1810 года съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта комиссія подверглась новому преобразованію. Она была обращена въ установленіе, состоящее при Государственномъ Совѣтѣ, собственный ея совѣтъ упраздненъ и начальникомъ ея назначенъ Сперанскій съ титуломъ директора. Между тѣмъ къ концу 1809 года былъ составленъ Розенкампфомъ подъ наблюденіемъ Сперанскаго [2]) проектъ первой части гражданскаго Уложенія и въ Январѣ 1810 года внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Въ послѣднемъ въ

---

[1]) Бар. Корфъ, назв. соч., т. I, стр. 155—156.

[2]) По свидѣтельству бар. Корфа, все составляемое Розенкампфомъ „было безнощадно мараемо Сперанскимъ и большею частію передѣлываемо совсѣмъ заново“ (назв. соч., т. I, стр. 157).

продолженіи 1810 года разсмотрѣнію проекта было посвящено 43 засѣданія департамента законовъ и общаго собранія. Въ томъ же 1810 году была закончена и вторая часть гражданскаго Уложенія, также внесенная въ Государственный Совѣтъ и разсмотрѣнная имъ къ концу года [1]). Тогда обѣ части были напечатаны для новаго пересмотра въ исправленномъ видѣ. Однако, съ этого времени, по крайней мѣрѣ при Сперанскомъ, ничто болѣе по предмету новаго Уложенія не вносилось въ Государственный Совѣтъ. Разгадка тому (говоритъ баронъ Корфъ) находится въ отчетѣ Сперанскаго за 1810 годъ. Онъ уже начиналъ чувствовать всѣ трудности дѣла и невозможность продолжать его среди другихъ занятій, которыхъ у него было не мало. „Должно, писалъ онъ въ этомъ отчетѣ, знать подробности сей работы, чтобы измѣрить всѣ ея трудности. Если бы комиссія составлена была, какъ, напримѣръ, во Франціи, изъ знаменитыхъ юрисконсультовъ, совершенно свѣдущихъ въ отечественномъ законѣ и его приложеніи; если бы дѣло сіе пріуготовлено было предшествующими сочиненіями ученыхъ людей, если бъ потомъ окончательная редакція въ томъ состояла, чтобъ пересмотрѣть и свести воедино всѣ эти матеріалы, то и тогда работа сія представляла бы еще множество затрудненій, и тогда требовала бы она одна всего времени самого трудолюбиваго и знающаго редактора. Во Франціи одно гражданское уложеніе, составленное вначалѣ Камбасересомъ по образцамъ, за сто лѣтъ начертаннымъ, пересматриваемо было потомъ три года, четыре раза перелагалось и почти два года было пересматриваемо въ совѣтѣ. Всѣмъ извѣстны и составъ нашей комиссіи, и смѣсь нашихъ законовъ, и совершенный недостатокъ всякихъ юридическихъ познаній. Не взирая, однако, на все сіе, можно съ достовѣрностью утверждать, что въ теченіе минувшаго года не только гражданское Уложеніе, но и большая часть судебнаго устава могли быть окончены, еслибъ всѣ сіи предметы тоже не стекались въ однѣ руки. Дѣло комиссіи было составить своды, сдѣлать компиляціи и начертать правильные проекты. Но

---

[1]) Подробности обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ гражданскаго Уложенія см. въ запискѣ Сперанскаго, написанной имъ въ 1821 г. и изданной г. Винаверомъ (Журн. Мин. Юст. 1897 г., кн. VI, „Объ источникахъ X тома Свода Законовъ“). См. также Архивъ Государственнаго Совѣта, т. IV, ч. 1, стр. 1—186, гдѣ напечатаны протоколы Совѣта по разсмотрѣнію гражданскаго Уложенія, и Пахмана Исторію кодификаціи гражданскаго права, т. I, стр. 381—472.

потомъ дѣло директора есть свести сіе воедино, приспособить къ общему плану и, наконецъ, изложить съ правильностью и единообразіемъ. Работы сей у насъ раздѣлять не можно, ее долженъ дѣлать одинъ. Слѣдовательно, не комиссія, но одинъ ея директоръ отвѣтствуетъ въ умедленіи; онъ одинъ останавливаетъ движеніе сего дѣла“ [1]).

Между тѣмъ двѣ первыя части Уложенія, будучи напечатаны, сдѣлались достояніемъ общества и, являясь во многихъ своихъ частяхъ ничѣмъ инымъ, какъ сколками съ французскаго кодекса, вызвали не мало возраженій и критики. Выразительницей подобнаго отношенія общества къ проекту явилась извѣстная записка Карамзина о древней и новой Россіи [2]). Вотъ что, между прочимъ, писалъ Карамзинъ: „опять новая декорація. Кормило законодательства въ другой рукѣ. Обѣщаютъ скорый конецъ плаванія и вѣрную пристань. Уже манифестъ объявленъ, что первая часть законовъ готова, что немедленно будутъ готовы слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ издаютъ двѣ книжки подъ именемъ проекта Уложенія. Что же находимъ? Переводъ наполеоновскаго кодекса. Какое изумленіе для россіянъ, какая пища для злословія? Благодаря Всевышняго, мы не подпали еще желѣзному скипетру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеона, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудятся надъ сочиненіемъ своего полнаго Уложенія, чтобъ торжественно предъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную шестью или семью эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами? Петръ Великій любилъ иностранное, однакожъ, не велѣлъ бы безъ всякихъ дальнихъ околичностей взять, напримѣръ, шведскіе законы и назвать ихъ русскими (мнѣніе Карамзина въ этомъ случаѣ совершенно не вѣрно, такъ какъ Петръ, напротивъ, прямо предписалъ комиссіи 1720 года примѣнить къ условіямъ русской жизни иностранные кодексы и законы, т. е., иначе говоря, „назвать ихъ русскими“), ибо вѣдалъ Петръ, что законы народовъ должны быть извлечены изъ собственныхъ его понятій, нравовъ,

[1]) Бар. Корфъ, назв. соч., т. I, стр. 159.

[2]) Русскій Архивъ 1870 г. См. также Пыпина, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, стр. 183 и слѣд.

обыкновеній и мѣстныхъ обстоятельствъ"[1]). Далѣе слѣдуетъ критика многихъ статей проекта. Затѣмъ Карамзинъ высказываетъ свои предположенія на счетъ того, что собственно нужно для Россіи въ области законодательства. Любопытно, что онъ предлагалъ почти тоже, что послѣ при императорѣ Николаѣ I и было сдѣлано: сперва собрать законы по предметамъ, затѣмъ соединить однородныя части въ цѣлое и, наконецъ, исправить то, что по условіямъ времени потребуетъ перемѣны[2]).

Въ 1812 году въ Государственный Совѣтъ былъ внесенъ проектъ третьей части гражданскаго Уложенія и имъ разсмотрѣнъ. Въ томъ же году комиссія снова была преобразована, именно: должность директора, вслѣдствіе выхода изъ состава комиссіи Сперанскаго, была упразднена, а въ замѣнъ ея учрежденъ особый совѣтъ изъ трехъ членовъ. Спустя нѣсколько недѣль послѣ своего учрежденія, совѣтъ вошелъ съ представленіемъ въ министерство юстиціи, которому теперь снова была подчинена комиссія, и спрашивалъ о мѣрахъ, принятіе которыхъ являлось, по его мнѣнію, крайне необходимымъ для успѣшнаго хода работъ. А именно

---

[1]) Въ своей запискѣ, составленной въ 1821 г., Сперанскій старается оправдаться отъ обвиненій его въ заимствованіяхъ изъ французскаго кодекса. „Упрекаемо было, говоритъ онъ, что проектъ россійскаго уложенія сходенъ съ французскимъ. Составить такое гражданское уложеніе, которое не имѣло бы сходства ни съ какимъ другимъ уложеніемъ, нѣтъ никакой возможности. Всѣ гражданскія уложенія отъ шведскаго до французскаго сходны между собою и сходны не только въ главныхъ частяхъ, но и въ подробностяхъ. Петръ Великій велѣлъ уложеніе расположить по образцу шведскаго не потому, конечно, чтобы ввести въ Россіи законы шведскіе, но потому, что въ его время уложеніе сіе было лучшимъ. Въ наше время французское уложеніе, по общему признанію, заняло сіе мѣсто. Весьма равнодушно знать, въ какой типографіи, въ какое время и подъ какимъ именемъ (намекъ на революціонное происхожденіе кодекса) оно было издано. Можетъ быть полезнѣе было бы изслѣдовать, когда оно началось и какими средствами было составляемо". Далѣе слѣдуютъ указанія на черты различій между проектомъ и кодексомъ (напр., по послѣднему права гражданскія принадлежатъ равно всѣмъ, „въ проектѣ же они ограничиваются разными состояніями", въ кодексѣ—„бракъ есть гражданскій договоръ", въ проектѣ—„таинство церкви" и т. п. Впрочемъ, различій указано только четыре). См. Винавера, Объ источникахъ X тома Свода Законовъ (Журн. Мин. Юст. 1897 г., кн. VI).

[2]) Точно также очень рѣзко отзывался о проектахъ Сперанскаго и министръ юстиціи Трощинскій. „Тамъ, читаемъ между прочимъ въ его мнѣніи, противорѣчіе, тамъ несвойственныя выраженія, тамъ безполезныя вещи, тамъ пустота, тамъ смѣшеніе судной части съ межевою, тамъ сцѣпленіе духовной власти со свѣтскою, да и вообще какое вездѣ сплетеніе обстоятельствъ, какое противоборство теоріи съ практикою!" (Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс. 1859 г., кн. III). „Но, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Шершеневичъ (Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи, стр. 74), всякая характеристика требуетъ доказательствъ, между тѣмъ ничего подобнаго мы не находимъ у Трощинскаго.

совѣтъ спрашивалъ, что предпринять съ проектомъ гражданскаго Уложенія, оставить ли его неизмѣненнымъ въ томъ видѣ, какимъ онъ поступилъ въ комиссію изъ Государственнаго Совѣта, или подвергнуть новому разсмотрѣнію и измѣненію сообразно съ требованіями плана 28 Февраля 1804 года. Самъ совѣтъ признавалъ болѣе основательнымъ второй путь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ задавался и другимъ вопросомъ, какъ дѣйствовать при составленіи новаго Уложенія: держаться ли началъ прежняго законодательства, стараясь только дополнять пропуски и исправлять недостатки, или же принять новыя начала, заимствуя ихъ изъ иностраннаго законодательства? „Всякіе законы", читаемъ въ представленіи совѣта, „тогда наиболѣе могутъ приличествовать государству, когда они уже освѣщены временемъ. Слѣдовательно, должно сохранять старыя начала неприкосновенными, если только не будутъ они очевидно противъ цѣли государства и правительства. Всякая новизна оскорбляетъ то, что для людей любезнѣе—привычку, и дѣлаетъ ихъ неувѣренными въ своемъ состояніи и въ своихъ правахъ. Гражданскіе законы непосредственно касаются всѣхъ общественныхъ связей, состоявшихся въ продолженіи многихъ вѣковъ, и потому нельзя полагать, чтобы можно было перемѣнить ихъ вдругъ изданіемъ новаго Уложенія, не причинивъ замѣшательства въ настоящемъ порядкѣ вещей. Мы ошибаемся, если вообразимъ, что съ перемѣною на бумагѣ текста гражданскихъ законовъ столь же легко и скоро перемѣнится и существующее право, и что отъ введенія постановленій другого государства произойдутъ изъ оныхъ тѣ же самыя слѣдствія, какъ и тамъ, гдѣ къ онымъ привыкли. Не одни люди, но и время постановляетъ и опредѣляетъ начала законодательства. Редакторамъ надлежитъ только найти и установить образъ ихъ приложенія, смотря по обстоятельствамъ. Искусные люди могутъ, конечно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составить Уложенія, довольно хорошо написанныя, но, если они замѣнятъ начала, дѣйствительно принятыя, началами чужеземными, то сіи Уложенія будутъ ничто иное, какъ книги, содержащія въ себѣ систематическія разсужденія *о правѣ не существующемъ*. Обязанность комиссіи законовъ, по мнѣнію совѣта, есть важнѣе и полезнѣе сего. Она состоитъ въ томъ, чтобы разобрать начала существующія, изложить происхожденіе и духъ древнихъ законовъ, показать, какимъ образомъ дѣлать

постепенно перемѣны и представить несовершенства, которыя открылъ опытъ"[1]).

Не смотря, однако, на это мнѣніе совѣта комиссіи, работы въ ней продолжались согласно прежнему методу, и такимъ способомъ были составлены еще два проекта Уложеній: уголовнаго (1813 г.) и торговаго (1814 г.). Кромѣ того, подъ наблюденіемъ Розенкампфа, бывшаго съ паденіемъ Сперанскаго первымъ лицомъ въ комиссіи, послѣдняя составила первую часть устава гражданскаго судопроизводства и исправила проекты торговаго и уголовнаго Уложенія.

Въ Іюлѣ 1812 г. Сперанскій былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Одновременно съ этимъ ему было поручено и временное управленіе комиссіей. Первымъ его дѣломъ, по вступленіи въ ея составъ, было обозрѣніе работъ комиссіи и донесеніе о нихъ государю. Отзывъ его былъ самый неблагопріятный, а именно Сперанскій доносилъ, что проекты „исполнены пропусковъ и несовершенствъ, что слогъ ихъ не только не имѣетъ свойственныхъ закону ясности и точности, но, какъ бы съ намѣреніемъ, до того затемненъ и неопредѣлителенъ, что Сенатъ и судебныя мѣста принуждены будутъ часто обращаться къ той же комиссіи за истолкованіемъ смысла ея постановленій, наконецъ, что, такъ называемый, сводъ есть ничто иное, какъ какая-то смѣсь, гдѣ для тѣхъ двухъ или трехъ существенныхъ словъ, которыя составляютъ силу закона, выписаны цѣликомъ кипы частныхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ никакого къ нему отношенія". Для приведенія всего этого въ надлежащій порядокъ, Сперанскій считалъ нужнымъ дополнить недостатки внесеніемъ пропущенныхъ статей, а въ нѣкоторыхъ частяхъ — и цѣлыхъ главъ и исправить слогъ, т.-е. большую часть статей вновь передѣлать. „Чтобы произвести сіе исправленіе въ самой комиссіи, писалъ Сперанскій, къ сему нидлежало бы: 1) на каждую часть работы сдѣлать нужныя примѣчанія, 2) сравнить сіи примѣчанія съ текстомъ и рѣшить правильность ихъ или неправильность, 3) по сему рѣшенію произвести самое исправленіе. Примѣчанія сдѣлать можно, но кто въ комиссіи будетъ судить ихъ? Комиссія есть Розенкампфъ и ничего болѣе. Слѣдовательно, это будетъ одно только личное состязаніе между примѣчателемъ и составителемъ, личности же во всякомъ

---

[1]) Труды комиссіи составленія законовъ, т. I, стр. 136—146; Пахманъ, Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. I, стр. 434 и слѣд.

дѣлѣ, а особенно въ дѣлѣ законовъ не могутъ быть совмѣстны. Потомъ, предположивъ, что примѣчатель въ семъ спорѣ одержитъ верхъ, кто по его примѣчаніямъ будетъ производить самое исправленіе? Комиссія? Но сія комиссія есть опять тотъ же самый Розенкампфъ, и нѣтъ большей вѣроятности, чтобъ онъ нынѣ могъ сдѣлать удачнѣе, нежели прежде". Вслѣдствіе этихъ соображеній, Сперанскій предлагалъ другое средство исправить проекты, а именно провести ихъ чрезъ Государственный Совѣтъ съ тѣмъ, чтобы комиссія представила туда свои работы, и чтобы онъ, какъ членъ совѣта, внесъ свои письменныя на нихъ примѣчанія, а совѣтъ все бы это разсмотрѣлъ и обсудилъ. Когда, говорилъ онъ, такимъ образомъ обличены будутъ пропуски и недостатки, и обличены будутъ не частнымъ мнѣніемъ одного лица, но и цѣлымъ сословіемъ, тогда уже можно будетъ приняться за окончательное размотрѣніе. Между тѣмъ прiисканы къ сему будутъ два или три способныхъ редактора, а настоящіе члены комиссіи получатъ размѣщеніе, соотвѣтственное тому понятію, какое составится объ ихъ трудахъ. Такимъ образомъ вся работа раздѣлится на двѣ части, изъ коихъ въ первой, такъ сказать, предварительной, разсмотрѣны и оцѣнены будутъ настоящіе проекты, во второй получатъ они окончательное ихъ исправленіе [1]).

Государь одобрилъ планъ Сперанскаго, и разсмотрѣніе трудовъ комиссіи въ Государственномъ Совѣтѣ началось снова съ проекта гражданскаго Уложенія и притомъ опять съ двухъ первыхъ его частей, хотя онѣ уже дважды разсматривались въ Совѣтѣ (въ 1810 и въ 1815 гг.). Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: къ каждой главѣ прилагались подробныя изъясненія. иногда очень обширныя, и всѣ эти изъясненія, какъ и всѣ журналы Совѣта, содержащіе въ себѣ разсужденія и заключенія Сперанскаго, онъ писалъ собственноручно. Затѣмъ подписанные журналы подносились государю. Членамъ совѣта были розданы печатные экземпляры проекта, и въ каждое засѣданіе прочитывалось по одной или нѣсколько главъ, а въ слѣдующій разъ выслушивались письменныя или словесныя замѣчанія на прочитанное въ предшествовавшее засѣданіе. Такимъ образомъ былъ разсмотрѣнъ проектъ гражданскаго Уложенія съ небольшимъ въ годъ, занявъ 38 засѣданій. Но надъ

---

[1]) Баронъ Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго, ч. I.

этимъ дѣломъ, какъ довольно удачно выразился баронъ Корфъ, тяготѣлъ особенный фатализмъ. Три пересмотра въ теченіе десяти лѣтъ не могли привести ни къ чему окончательному. Государственный Совѣтъ постановилъ измѣнить 721 параграфъ, въ томъ числѣ цѣлыя главы, и съ такими исправленіями полагалъ проектъ утвердить. Но тогда поднялъ противъ него оружіе самъ Сперанскій, внутренно сознававшій слабость всей работы. Онъ представилъ государю, что гражданскаго Уложенія нельзя ввести въ дѣйствіе безъ устава судопроизводства, а этому уставу едва только положено начало, и что, кромѣ того, въ самомъ проектѣ Уложенія, за всѣми пересмотрами и поправками, все еще осталось много недостатковъ и неточностей, которыхъ можно избѣгнуть только новою передѣлкою его въ цѣломъ составѣ. Къ такой передѣлкѣ, однако, ни тогда, ни послѣ не было приступлено. При видимомъ охлажденіи имп. Александра къ этому дѣлу, вопросъ о новомъ Уложеніи снова заглохъ и въ разсматриваемое царствованіе уже навсегда [1]).

§ 3. Кодификація при Николаѣ I—Сводъ Законовъ.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Николая I вопросъ о кодификаціи былъ снова поднятъ, тѣмъ болѣе, что самъ государь крайне интересовался его разрѣшеніемъ. „Я счелъ долгомъ обратить вниманіе на разные предметы управленія, говорилъ впослѣдствіи (19 Января 1833 г.) въ засѣданіи Государственнаго Совѣта имп. Николай, о которыхъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія. Главнымъ, занявшимъ меня, дѣломъ было, естественно, правосудіе. Я еще съ молоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко между собою противорѣчивыхъ. Это побудило меня съ первыхъ дней моего правленія разсмотрѣть состояніе, въ которомъ находилась комиссія, учрежденная для составленія законовъ. Къ сожалѣнію, представленныя свѣдѣнія удостовѣрили меня, что ея труды оставались почти совершенно безплодными. Не трудно было открыть и причину

---

[1]) Баронъ Корфъ, назв. соч., ч. I. Проф. Шершеневичъ, сожалѣя, что кодексъ Наполеона въ передѣлкѣ Сперанскаго не получилъ у насъ силы закона по примѣру Польши, объясняетъ иначе, чѣмъ бар. Корфъ, почему Сперанскій самъ поднялъ оружіе противъ своего проекта, хотя ничѣмъ не обосновываетъ подобнаго объясненія (Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи, стр. 75).

этого: недостатокъ результатовъ происходилъ главнѣйше отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. Это побудило меня начать прежде всего съ опредѣлѣнія цѣли, къ которой правительство должно направить свои дѣйствія по части законодательства, и изъ предложенныхъ мнѣ путей я выбралъ совершенно противоположный прежнимъ. Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, я велѣлъ сперва собрать вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, а самое дѣло, по его важности, взять въ непосредственное мое руководство".

Одновременно съ этимъ государь поручилъ Сперанскому изложить мысли о способахъ улучшенія законодательства. Сперанскій выполнилъ порученную ему работу и представилъ двѣ записки, а именно: краткое историческое обозрѣніе комиссіи составленія законовъ и предположеніе къ окончательному составленію законовъ. Изъ этихъ записокъ видно, что Сперанскій остался вѣренъ своей прежней точкѣ зрѣнія на необходимость составленія новаго Уложенія, а не свода законовъ. Но государь съ этимъ не согласился и, отстранивъ мысль о составленіи Уложенія, которое казалось ему чѣмъ-то отвлеченнымъ и слишкомъ теоретическимъ, остановилъ свой выборъ на сводѣ законовъ существующихъ съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякаго измѣненія въ ихъ существѣ [1].

Опредѣливъ направленіе кондификаціонныхъ работъ, государь преобразовалъ бывшую комиссію во II Отдѣленіе собственной канцеляріи (31 Января 1826 г.), начальникомъ которой хотя и былъ назначенъ Балугьянскій, но фактически дѣлами всего Отдѣленія завѣдывалъ Сперанскій, не смотря на то, что съ формальной стороны не имѣлъ ника-

---

[1]) Бычковъ, Къ пятидесятилѣтію II Отдѣленія собств. Е. И. В. канцеляріи (Русская Старина 1876 г., кн. II). Впрочемъ, Сперанскій смотрѣлъ на Сводъ, какъ на подготовительную работу для составленія современъ Уложенія. Вотъ, что онъ говоритъ по этому вопросу: „Все дѣло раздѣляется на три части: 1) собраніе законовъ, 2) своды или приведеніе законовъ въ извѣстность и 3) составленія уложенія. Опытъ указалъ необходимость сего раздѣленія... Уложеніе безъ свода естѣ умозрѣніе безъ практики; уложенія не изобрѣтаются, но слагаются изъ прежнихъ законовъ съ дополненіемъ и исправленіемъ ихъ сообразно нравамъ и обычаямъ и дѣйствительной потребности государства" (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній Калачова, кн. II, стр. 2; см. также Дмитріева, Сперанскій и его государственная дѣятельность, Русскій Ахивъ 1869 г., стр. 1653 и Филиппова, Сперанскій, какъ кодификаторъ русскаго права, Русск. Мысль 1892 г. кн. 10).

кого отношенія къ Отдѣленію. Сперанскій велъ дѣло съ умѣніемъ и съ распорядительностію, не теряя напрасно ни минуты. По словамъ его біографа, для каждой главной части Свода и предшествовавшихъ ей историческихъ обозрѣній имъ самимъ были составлены отдѣльные планы или оглавленія, въ которыхъ содержалось означеніе предметовъ части и всѣ дѣленія послѣдней на книги, раздѣлы, главы и отдѣленія. Многія изъ этихъ предварительныхъ рубрикъ впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи подробностей, измѣнились, но работавшіе имѣли въ нихъ, по крайней мѣрѣ на первый разъ, нѣкоторую путеводную нить, полагавшую и границы противъ произвольныхъ забѣговъ изъ одной части въ другую. При II Отдѣленіи была учреждена большая типографія, и пока одни изъ чиновниковъ сносили отовсюду и потомъ повѣряли и отдавали въ печать матеріалы, долженствовавшіе войти въ Полное Собраніе Законовъ, другіе, готовили нужныя изъ нихъ извлеченія для Свода, располагая предметы въ порядкѣ, указанномъ программами. Совокупность всѣхъ этихъ отдѣльныхъ дѣятельностей (говоритъ баронъ Корфъ) можно было сравнить съ благоустроенною фабрикою, гдѣ каждая часть въ постоянномъ движеніи, а движеніе каждой согласовано съ общимъ. „Я ненавижу всякую хлопотливость, говорилъ Сперанскій, непріятны не дѣла, но бездѣлки, черезъ которыя надобно пройти къ дѣламъ". Этому правилу (замѣчаетъ баронъ Корфъ), которое практически соблюдалось въ занятіяхъ II Отдѣленія, должно, можетъ быть, приписать одну изъ главныхъ причинъ ихъ успѣшности. Сперанскій очень часто самъ бывалъ въ Отдѣленіи и слѣдилъ тамъ за ходомъ и успѣхомъ занятій, а каждый вечеръ старшіе редакторы поочередно являлись со своими тетрадями къ нему и здѣсь при Балугьянскомъ проходили съ нимъ сперва историческія обозрѣнія, потомъ догматическую часть, изъ которой ни одна строка во всѣхъ 15 томахъ не осталась безъ личной его повѣрки и очень часто передѣлки. По мѣрѣ того, какъ поспѣвала какая-нибудь часть, имѣвшая значеніе нѣкотораго цѣлаго, Сперанскій представлялъ ее государю. Кромѣ того, всѣ безъ исключенія чиновники должны были еженедѣльно подавать письменный отчетъ о сдѣланномъ ими въ продолженіи недѣли, и эти отчеты также подносились государю въ меморіяхъ, на которыхъ онъ не разъ дѣлалъ свои отмѣтки. Только такою твердостію воли и непрерывною бдительностью

высшихъ дѣятелей (говоритъ баронъ Корфъ) можно объяснить, какимъ образомъ при разнородности элементовъ, изъ которыхъ было составлено II Отдѣленіе, при очень небольшомъ числѣ трудившихся въ немъ и при малой еще, въ особенности вначалѣ, опытности ихъ, была приведена къ окончанію столь грандіозная работа [1]).

Сперанскій въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ послѣ учрежденія Отдѣленія, какъ было уже сказано, занимался составленіемъ плана какъ всей работы въ совокупности, такъ и отдѣльныхъ плановъ каждой части Свода и историческихъ обозрѣній, въ которыхъ содержалось окончаніе предметовъ части и всѣ дѣленія ея на книги, раздѣлы, главы и отдѣленія. На основаніи этихъ предположеній Сперанскаго II Отдѣленію предстояло выполнить слѣдующую программу: опредѣлить съ точностью существо дѣла и главныя его правила, составить планъ общаго раздѣленія законовъ, учредить по этому плану работы приготовительныя и установить работы окончательныя.

Что касается существа дѣла, то изъ опытовъ прежнихъ комиссій видно было, что труды ихъ всегда колебались между двумя предположеніями: составить сводное Уложеніе, подъ которымъ разумѣлся сводъ существующихъ законовъ съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякихъ измѣненій въ ихъ существѣ, или *новое* Уложеніе, источники котораго сплошь и рядомъ даже и не предполагались въ дѣйствующемъ правѣ. Изъ этихъ двухъ системъ, какъ было уже сказано, императоръ Николай избралъ первую, заключавшуюся въ составленіи *свода* законовъ безъ всякихъ измѣненій. Затѣмъ Сперанскій пришелъ къ тому заключенію, что наше сводное Уложеніе и кодексъ Юстиніана въ дѣйствительномъ исполненіи одни представляютъ дѣло законодательнаго характера, а всѣ прочіе виды сводовъ—выписки, сборники, указатели, книги учебныя и ученыя—есть дѣло частное, поэтому было рѣшено, что предположенный Сводъ долженъ быть Corpus juris, общимъ составомъ законовъ и въ этомъ понятіи долженъ обнимать всѣ части законодательства во всей ихъ совокупности [2]).

Такимъ образомъ, опредѣливъ существо Свода, слѣдовало опредѣлить правила его составленія. Эти правила от

---

1) Бар. Корфъ, назв. соч., т. II, стр. 313—315.

2) Сперанскій, Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ, стр. 69 и слѣд.

части содержались въ томъ самомъ образцѣ, который былъ избранъ для Свода—въ кодексѣ Юстиніана; но, кромѣ того, ближайшимъ руководствомъ было рѣшено принять начала, установленныя Бэкономъ, съ ограниченіями, признанными необходимыми по свойству русскаго законодательства. Правила Бэкона состоятъ въ слѣдующемъ: 1) исключать изъ Свода всѣ законы, вышедшіе изъ употребленія, причемъ послѣдними считать только тѣ, которые отмѣнены силою позднѣйшихъ узаконеній [1]), 2) исключать всѣ повторенія и вмѣсто многихъ постановленій, касающихся одного и того-же предмета, принять одно изъ нихъ—полнѣйшее; 3) сохранять слова закона, извлекая статьи Свода изъ текста его источниковъ, хотя-бы самыми мелкими и дробными частями; затѣмъ эти части связать и соединить между собою, такъ какъ въ законѣ имѣетъ значеніе не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности драгоцѣнна древность; безъ этого-же Сводъ былъ-бы учебною или ученою книгою, а не собраніемъ дѣйствующихъ законовъ. Правило это было рѣшено принять въ слѣдующемъ смыслѣ: а) тѣ статьи Свода, которыя основаны на одномъ дѣйствующемъ указѣ, излагать тѣми самыми словами, которыя имѣются въ текстѣ, безъ малѣйшаго ихъ измѣненія; б) тѣ статьи, которыя основаны на нѣсколькихъ указахъ, излагать словами главнаго указа съ присоединеніемъ словъ изъ другихъ указовъ. служащихъ ему дополненіемъ нли поясненіемъ; в) статьи, составленныя изъ соображенія многихъ указовъ, излагать въ томъ смыслѣ, какой онѣ представляютъ въ ихъ совокупности, и при томъ подъ каждой статьей выписывать указы, легшіе въ ея основаніе; 4) ззконы многосложные и обширные должны быть сокращаемы; 5) изъ законовъ, противорѣчащихъ другъ другу, избирать тотъ, который является лучшимъ. Однако, въ виду того, что составители Свода преступили-бы предѣлы, положенные имъ, если-бы взялись за рѣшеніе вопроса, который изъ двухъ противорѣчащихъ законовъ луше, рѣшено было принять другое правило, а именно: изъ двухъ, несходныхъ между собою, законовъ слѣдовать позднѣйшему, не разбирая, лучше ли онъ или хуже прежняго; 6) по составленіи такимъ об-

[1]) Собственно говоря Беконъ говоритъ другое, а именно, что слѣдуетъ отмѣнять устарѣвшіе законы, которые еще Юстиніанъ называлъ старыми баснями. Такимъ образомъ это правило было видоизмѣнено Сперанскимъ.

разомъ Свода, онъ долженъ быть утвержденъ надлежащею властью, чтобы въ него подъ видомъ старыхъ не вкрались новые законы. Согласно съ этимъ правиломъ было положено подвергать ревизіи своды каждой части законодательства со стороны тѣхъ изъ государственныхъ учрежденій, къ компетенціи которыхъ они имѣютъ отношеніе; 7) Бэконъ полагаетъ составить два свода: одинъ изъ, такъ называемаго въ Англіи, общаго права, а другой изъ статутовъ. У насъ этого различія нѣтъ, но есть законы, дѣйствующіе на всемъ пространствѣ имперіи, и законы мѣстные, имѣющіе значеніе только для извѣстныхъ областей. Въ виду этого, было рѣшено въ общемъ Сводѣ соединить законы первой категоріи, законы-же второй категоріи собрать въ двухъ сводахъ: для западныхъ губерній и для Остзейскаго края; 8) кромѣ этихъ правилъ, составители Свода признали нужнымъ принять еще слѣдующее: въ виду того, что составляемый ими законодательный сборникъ долженъ находиться въ соотвѣтствіи съ дальнѣйшимъ развитіемъ юридической жизни, было постановлено всѣ вновь выходящіе законы печатать въ ежегодномъ продолженіи Свода и согласовать съ ними статьи послѣдняго [1]).

Опредѣливъ существо Свода и установивъ правила его составленія, II Отдѣленіе приступило къ выработкѣ плана общаго раздѣленія законовъ, согласно съ которымъ должны были быть размѣщены въ Сводѣ отдѣльныя постановленія. Въ этомъ отношеніи всѣ законы были раздѣлены на восемь слѣдующихъ главныхъ отдѣловъ:

I. Основные государственные законы (т. I, ч. 1).

II. Учрежденія: 1) центральныя (т. I, ч. 2); 2) мѣстныя (т. II); 3) уставъ о службѣ государственной (т. III).

III. Законы правительственныхъ силъ: 1) уставы о повинностяхъ (т. IV); 2) уставы о податяхъ и о пошлинахъ (т. V); 3) уставъ таможенный (т. VI); 4) уставы монетный, горный и о соли (т. VII); 5) уставы лѣсной, оброчныхъ статей и счетные (т. VIII).

IV. Законы о состояніяхъ (т. IX).

V. Законы гражданскіе и межевые (т. X).

VI. Уставы государственнаго благоустройства: 1) уставы духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, кредитный, о векселяхъ, торговый, консульскій, о промышленности, ремесленный и пробирный (т. XI) и 2) уставы путей сообщенія,

---

[1]) Сперанскій, назв. соч, стр. 104 и слѣд.

почтовый, телеграфный, строительный, положеніе о взаимномъ страхованіи отъ огня, уставъ о сельскомъ хозяйствѣ, положенія о наймѣ на сельскія работы и о трактирныхъ заведеніяхъ, уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, о казачьихъ селеніяхъ и о колоніяхъ иностранцевъ въ имперіи (т. XII).

VII. Уставы благочинія: 1) уставы о народномъ продовольствіи, объ общественномъ призрѣніи и врачебный (т. XIII) и 2) уставы о паспортахъ и бѣглыхъ, цензурный, о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, о содержащихся подъ стражей, о ссыльныхъ (т. XIV).

VIII. Законы уголовные (т. XV)[1].

Основанія такого раздѣленія законовъ, принятыя II Отдѣленіемъ, по словамъ самого Сперанскаго, были слѣдующія: Два союза, два порядка отношеній необходимы въ государствѣ: союзъ государственный и союзъ гражданскій. Союзъ государственный можетъ быть внутренній и внѣшній; здѣсь идетъ рѣчь только о первомъ. Союзъ гражданскій можетъ быть также двухъ родовъ: союзъ семейственный и союзъ по имуществамъ. Изъ союзовъ возникаютъ права и обязанности, тѣ и другія опредѣляются и охраняются законами, вслѣдствіе чего послѣдніе бываютъ двухъ категорій: законы государственные и гражданскіе. Законы государственные въ свою очередь дѣлятся на два разряда: одни изъ нихъ опредѣляютъ существо государственнаго союза и правъ, вытекающихъ изъ него. Здѣсь прежде всего представляется порядокъ образованія верховной власти и дѣйствій ея въ области законодательства и управленія, органы этого дѣйствія—учрежденія, средства—силы государственныя, предназначенныя для этого дѣйствія. Въ составѣ тѣхъ и другихъ предполагается извѣстная степень участія подданныхъ, этимъ опредѣляется ихъ состояніе. Отсюда четыре вида государственныхъ законовъ: 1) законы основные, 2) учрежденія, 3) законы государственныхъ силъ и 4) законы о состояніяхъ. Второй разрядъ государственныхъ законовъ составляютъ тѣ изъ нихъ, которыми охраняются какъ государственный и гражданскій союзы, такъ и права, вытекающія изъ нихъ. Сюда принадлежатъ: 1) за-

---

[1]) Въ 1893 г. изданъ еще т. XVI, въ составъ котораго вошли законы процессуальные, т. е. судебные уставы 1864 г. (за исключеніемъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, отнесеннаго еще въ 1886 г. къ составу XV т.) и правила объ устройствѣ судебной части и производства судебныхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ.

коны предохранительные, т. е. уставы благочинія и 2) законы уголовные.

Законы гражданскіе такъ же, какъ и государственные, дѣлятся на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ законы, установляющіе порядокъ правъ и обязанностей семейственныхъ; во-вторыхъ, законы, установляющіе порядокъ укрѣпленія правъ имущественныхъ; въ-третьихъ, законы, установляющіе порядокъ дѣйствія имущественныхъ правъ въ особенномъ отношеніи ихъ къ государственному и частному кредиту, къ торговлѣ, къ промышленности и т. п. Отсюда три вида гражданскихъ законовъ: 1) законы союза семейственнаго, 2) общіе законы объ имуществахъ (эти два вида носятъ названіе общихъ гражданскихъ законовъ; къ нимъ присоединяются еще законы межевые, опредѣляющіе порядокъ „развода" границъ владѣній) и 3) особенные законы объ имуществахъ, называемые законами государственнаго благоустройства или экономіи. Ко второй категоріи гражданскихъ законовъ относятся законы, охраняющіе дѣйствіе правъ „мѣрами порядка гражданскаго". Эти законы слѣдующіе: 1) законы о порядкѣ взысканій по дѣламъ безспорнымъ, 2) законы о судопроизводствѣ: общемъ—гражданскомъ и особенномъ—межевомъ и торговомъ, 3) законы о мѣрахъ гражданскихъ взысканій. Въ этомъ состоятъ главныя основанія принятаго въ Сводѣ раздѣленія законовъ.

Что касается до приготовительныхъ работъ, предпринятыхъ II Отдѣленіемъ, то онѣ состояли въ собраніи законовъ и въ подробномъ обозрѣніи каждой части Свода посредствомъ историческихъ сводовъ. Еще задолго до Сперанскаго неоднократно дѣлались попытки, какъ со стороны законодательныхъ комиссій, такъ и со стороны частныхъ лицъ составить сборники законовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, но всѣ эти сборники страдали неполнотою, незаконченностью и невѣрностью въ текстѣ законовъ. Въ виду этого II Отдѣленію пришлось начать снова вышеназванную работу. Приступая къ ней, составители Свода установили слѣдующія главныя правила: 1) все собраніе раздѣлить по двумъ эпохамъ: первое—отъ Уложенія 1649 г. до 12 Дек. 1825 г., когда былъ изданъ первый манифестъ имп. Николая, и второе—съ 12 Дек. 1825 г. по настоящее время (теперь имѣется уже третье собраніе законовъ, въ составъ котораго входятъ всѣ законодательные акты, изданные съ 1-го Марта 1881 г., т. е. со дня вступленія на престолъ имп.

Александра III). Началомъ собранія законовъ положено было принять Уложеніе, въ виду того, что законодательные акты, изданные до него, считались отмѣненными самымъ фактомъ изданія Уложенія, какъ извѣстно, долженствовавшаго объединить собою весь предшествовавшій ему законодательный матеріалъ; 2) въ собраніи помѣстить всѣ законодательные акты, изданные верховной властью или учрежденными ею правительственными мѣстами, какъ дѣйствующіе, такъ и отмѣненные; 3) судебныя рѣшенія въ собраніи не помѣщать, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, сила дѣйствій которыхъ распространена на всѣ аналогичные случаи, а также тѣхъ, которыя признаны примѣромъ или образцомъ для другихъ рѣшеній, и, наконецъ, тѣхъ, въ которыхъ разъясненъ общій законъ, т. е. установленъ точный его смыслъ и отвергнуты толкованія, несообразныя съ его „разумомъ"; 4) все „частное" и „личное", равно какъ и „временныя мѣры", исключить изъ собранія, кромѣ тѣхъ изъ распоряженій, которыя, хотя по существу и являются частными и случайными, но важны въ историческомъ отношеніи.

По установленіи названныхъ правилъ, II Отдѣленіе приступило къ составленію собранія законовъ, для чего было предписано всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ сдѣлать у себя изысканія и составить реестры имѣющихся у нихъ узаконеній, которыя въ подлинникахъ и отправить въ Отдѣленіе для напечатанія.

Изданіе Полнаго Собранія Законовъ было необходимо главнымъ образомъ потому, что безъ него не только не могъ бы быть составленъ самый Сводъ, но и при немъ собраніе законовъ считалось необходимымъ на основаніи слѣдующихъ соображеній, высказанныхъ Сперанскимъ. Во-первыхъ, для разрѣшенія всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя возникли при дѣйствіи еще прежнихъ законовъ; во-вторыхъ, для разрѣшенія сомнѣній, могущихъ имѣть мѣсто при примѣненіи на практикѣ какой-либо изъ статей Свода; въ-третьихъ, „во всѣхъ тѣхъ законодательныхъ соображеніяхъ, гдѣ не стоитъ вопросъ о поясненіи и дополненіи закона и гдѣ часто бываетъ нужно прежде всего пройти рядъ прежнихъ узаконеній, сообразить силу ихъ въ совокупности, чтобы составить законъ, основанный не только на настоящемъ, но и на прежнемъ разумѣ законодательства", въ-четвертыхъ, „въ законахъ видно, какъ нравственныя и политическія силы государства

слагались, образовывались, возрастали и измѣнялись“, а потому собраніе должно имѣть значеніе и для науки.

Вторая приготовительная работа къ изданію Свода заключалась въ составленіи отдѣльныхъ на каждую часть послѣдняго историческихъ сводовъ. Эти своды составлялись слѣдующимъ образомъ. По написаніи общаго плана, для каждой главной его части составлялся отдѣльный планъ или оглавленіе, въ которомъ означались предметы части согласно указаніямъ лучшихъ образцовъ и съ раздѣленіемъ ея на книги, раздѣлы, планы и отдѣленія. По этимъ оглавленіямъ пріискивались къ каждому отдѣленію законы, какъ дѣйствующіе, такъ и отмѣненные, а затѣмъ уже послѣдніе исключались.

Окончательные труды по составленію Свода состояли въ томъ, что тексты законовъ распредѣлялись по своимъ мѣстамъ въ видѣ статей, и такимъ образомъ составлялись отдѣльные своды, которые сравнивались между собою съ цѣлью уничтоженія среди ихъ постановленій разногласій, имѣвшихъ возможность вкрасться въ каждый сводъ при отдѣльномъ его составленіи. Подъ каждой статьей означались ея источники, иногда сопровождаемые примѣчаніями, не долженствовавшими, впрочемъ, имѣть силы закона (по крайней мѣрѣ по первоначальной мысли составителей Свода), а предназначенныя служить исключительно къ разъясненію закона.

По мѣрѣ составленія отдѣльныхъ частей Свода, онѣ отсылались для ревизіи, т. е. пересмотра въ, такъ называемые, ревизіонные комитеты, учрежденные при министерствахъ и главныхъ управленіяхъ (всѣхъ ихъ было семь). Эти комитеты обозрѣвали своды со стороны ихъ полноты и точности постановленій, т. е. смотрѣли за тѣмъ, чтобы всѣ дѣйствующіе законы были помѣщены въ Сводъ, и чтобы среди нихъ не оказались отмѣненные законы. Ревизія окончилась въ Маѣ 1832 г.

19 Янв. 1833 года Государственный Совѣтъ былъ созванъ въ чрезвычайное собраніе. На столѣ зала Совѣта лежали 15 томовъ Свода и 56 томовъ Полнаго Собранія Законовъ. Засѣданіе было открыто самимъ государемъ, который произнесъ рѣчь, продолжавшуюся болѣе часа. Въ ней государь изложилъ сущность труда, совершеннаго II Отдѣленіемъ, степень личнаго своего участія въ немъ и всѣ тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя должны были явиться результатами названнаго труда въ области изученія и практиче-

скаго примѣненія законодательства. Рѣчь свою государь заключилъ обращеніемъ къ членамъ Совѣта, прося ихъ высказать свои мнѣнія по поводу того, въ какой силѣ и съ какого времени Сводъ долженъ начать свое дѣйствіе [1]). Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній со стороны министра юстиціи Дашкова на редакцію Свода, а также другихъ лицъ и замѣчанія Сперанскаго, что въ его трудѣ, какъ во всякомъ произведеніи рукъ человѣческихъ, могутъ быть недостатки, которыхъ исправленіе должно предоставить времени и опыту, государь предложилъ четыре вопроса: 1) признать ли статьи Свода единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ, но такъ, чтобы текстъ законовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи, служилъ только указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ статьи составлены, и не былъ бы самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ; 2) признать ли статьи Свода закономъ, но не единственнымъ и не исключельнымъ, а дѣйствующимъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не существуетъ сомнѣнія какъ относительно наличности закона, такъ относительно его смысла, въ случаѣ же возникновенія такого сомнѣнія, прибѣгать къ самому тексту закона изъ Полнаго Собранія и разрѣшать сомнѣнія по этому тексту; 3) признать ли текстъ законовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи, единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ для рѣшенія дѣлъ, а статьи Свода считать только средствомъ вспомогательнымъ или, такъ сказать, совѣщательнымъ при пріисканіи ихъ и при удостовѣреніи въ ихъ смыслѣ; 4) признать ли въ теченіе нѣкотораго опредѣленнаго времени текстъ закона Полнаго Собранія основаніемъ къ рѣшенію, какъ онъ признается и нынѣ, но въ тоже время постановить, чтобы вмѣстѣ съ нимъ приводимы были статьи Свода, имъ соотвѣтствующія? Этотъ четвертый вопросъ былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Точно также былъ разрѣшенъ и третій вопросъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ Сводъ, не получивъ никакой законодательной силы, былъ бы низведенъ до значенія частнаго юридическаго сборника, и всѣ труды по его составленію оказались бы вполнѣ непроизводительными. Выборъ же между

---

[1]) О рѣчи имп Николая Сперанскій отзывался слѣдующимъ образомъ: „Государь говорилъ, какъ профессоръ. Ни я и никто изъ работавшихъ исключительно надъ этимъ дѣломъ столько лѣтъ, не могли бы представить его такъ полно, отчетливо и убѣдительно. Жаль, искренно жаль, что не было тутъ стенографа, и что ни Европа, ни даже сама Россія ничего не узнаютъ объ этой рѣчи“ (Бар. Корфъ, назв. соч., т. II, стр. 318).

двумя первыми предположеніями послужилъ поводомъ къ долгимъ преніямъ, закончившимся принятіемъ перваго предложенія, вслѣдствіе чего было рѣшено: „издать Сводъ въ видѣ законовъ, коимъ въ рѣшеніяхъ исключительно руководствоваться должны". Однако, при подписаніи журнала Государственнаго Совѣта 19 Января между членами его произошло разногласіе, причемъ большинство полагало, что журналъ составленъ правильно. меньшинство же придерживалось противоположнаго взгляда. Объ этомъ разногласіи былъ составленъ особый журналъ, на которомъ государь положилъ слѣдующую резолюцію: „Журналъ составленъ совершенно правильно согласно моимъ намѣреніямъ, въ Совѣтѣ изложеннымъ. Сводъ разсылается нынѣ же, *какъ положительный законъ*, котораго исключительное дѣйствіе начнется съ 1-го Янв. 1835 г. Руководствоваться онымъ нынѣ же дозволяется только въ такомъ смыслѣ, что подъ каждою статьею означены всѣ законы, которые до каждаго предмета касаются и которые по нынѣшней формѣ судопроизводства всѣ въ приговорѣ или опредѣленіи прописаны быть должны, но отнюдь не выписывая собственной статьи Свода, котораго законная сила начинается съ 1835 года" [1]).

На этихъ основаніяхъ состоялся манифистъ 31 Января 1833 г., которымъ было предписано Сенату обнародовать Сводъ Законовъ во всеобщее свѣдѣніе. Послѣдній „имѣлъ воспріять законную свою силу и дѣйствіе" съ 1 Янв. 1835 г., почему съ этого времени всѣ правительственныя и судебныя мѣста должны были „прилагать, приводить и дѣлать указанія и ссылки на статьи Свода" „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прилагаются и приводятся законы" (т. е. изданные до Свода). Всѣ же законы, изданные послѣ 1-го Янв. 1833 г., должны были вноситься въ „продолженія" Свода. „Симъ исполнилось, говорилъ въ заключеніи манифестъ, желанія предковъ нашихъ, въ теченіе ста двадцати лѣтъ почти непрерывно продолжавшіяся" [2]).

---

[1]) Бар. Корфъ, назв. соч., т. II. стр. 318; Коркуновъ, Сборникъ статей, стр. 82 (статья „Значеніе Свода Законовъ"); Государственный Совѣтъ изданіе Госуд. канцеляріи, стр. 56 и слѣд. Въ сочиненіи бар. Корфа сказано, что на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта были предложены только три вопроса о Сводѣ Законовъ (1-й, 2-й и 3-й). Между тѣмъ изъ подлинника журнала Государственнаго Совѣта, приведеннаго проф. Коркуновымъ въ назв. статьѣ, видно, что вопросовъ было предложено не три, но чотыре.

[2]) Изъ сказаннаго видно, что Сводъ Законовъ есть *законъ*, ставшій съ 1835 г. источникомъ нашего права и отмѣнившій дѣйствіе

Со времени перваго изданія Свода Законовъ въ 1832 г. онъ выдержалъ еще два изданія полныхъ: въ 1842 и въ 1857 г. и цѣлый рядъ неполныхъ изданій. Что же касается до законодательныхъ актовъ, издававшихся въ промежутки между новыми изданіями Свода, то они помѣщаются въ „продолженіяхъ“ къ Своду, печатающихся время отъ времени, по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія законодательства. Съ царствованія Александра II стали издаваться, кромѣ обыкновенныхъ „продолженій“, еще „сводныя продолженія“, въ составъ которыхъ входятъ всѣ перемѣны въ законодательствѣ со времени послѣдняго изданія (полнаго или неполнаго) Свода [1].

всѣхъ прежнихъ законовъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько они не согласны съ его постановленіями. Однако, противъ этого, признаннаго какъ наукою, такъ и практикою, мнѣнія выступилъ проф. Коркуновъ, отрицающій за Сводомъ характеръ закона и признающій за нимъ лишь значеніе аутентичнаго толкованія прежнихъ законовъ, продолжающихъ якобы свое дѣйствіе и теперь (Сборникъ статей, назв. статья, стр. 75 и слѣд.). Аргументація Коркунова вполнѣ опровергнута г. Лозина-Лозинскимъ (Журн. Мин. Юстиціи 1897 г., кн. IV и V, статья „Кодификація законовъ по русскому праву“).

[1] См. Корево, Объ изданіяхъ законовъ Россійской Имперіи (1830—1899 г.г.).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВНУТРЕРНЯЯ ИСТОРІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Государственное право.

ГЛАВА I.

Территорія.

Въ императорскую эпоху территорія Россіи значительно увеличилась сравнительно съ территоріей Московскаго государства, причемъ это увеличеніе произошло насчетъ земель, лежащихъ на западѣ, югѣ и востокѣ. Первыя завоеванія на западѣ были произведены въ царствованіе Петра Великаго послѣ знаменитой войны со Швеціей и санкціонированы, какъ принадлежащія Россіи, Ништадтскимъ мирнымъ договоромъ 1721 г. По этому договору Россія пріобрѣла Ингерманландію, часть Кареліи, когда то принадлежавшую Великому Новгороду и утраченную Московскимъ государствомъ по Столбовскому мирному договору, Лифляндію, Эстляндію [1]) и часть Финляндіи (нынѣшнюю Выгорг-

[1]) Ништадтскій договоръ только санкціонировалъ de jure то, что раньше уже совершилось de facto. Такъ, Лифляндія была присоединена къ Россіи еще въ 1710 г., послѣ утвержденія Петромъ такъ называемыхъ „аккордныхъ пунктовъ", которыми за лифляндскими дворянами и горожанами сохранялись ихъ права и привилегіи. Тогда же Петръ издалъ двѣ жалованныя грамоты—дворянству (30 Сентября) и горожанамъ (12 Октября), которыми снова подтвердилъ права и привилегіи лифляндскихъ сословій, но со слѣдующими оговорками: „елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются", а также „однакожъ наше и нашахъ государствъ высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда". Этими оговорками было признано право русскихъ государей дѣлать измѣненія въ областномъ устройствѣ Лифляндіи, чѣмъ впослѣдствіи и воспользовалась Екатерина II. Точно также и Эстляндія была присоединена къ Россіи въ томъ же 1710 г. и получила аналогичныя грамоты 1-го и 13-го Марта 1712 г.

Права и привилегіи остзейскихъ сословій подтверждались всѣми послѣдующими государями до имп. Александра II включительно, но обязательно постольку, поскольку они согласовались „съ общими государ-

скую губернію). Эти пріобрѣтенія имѣли огромное значеніе для Россіи, такъ какъ она стала твердою ногою на прибрежьи Балтійскаго моря и, вслѣдствіе этого, вступила въ сонмъ европейскихъ державъ. Отнынѣ судьбы Россіи тѣсно связались съ судьбами остальной Европы, и, при разрѣшеніи общеевропейскихъ дѣлъ, голосъ Россіи получилъ весьма важное значеніе. Иначе говоря, выражаясь словами Пушкина, въ Европу было „прорублено окно", и такимъ образомъ Россія вышла изъ того изолированнаго положенія, въ которомъ она находилась въ московскомъ періодѣ, будучи огражденной отъ всего цивилизованнаго міра враждебными ей Турціей, Польшей, Ливоніей и Швеціей и имѣя только такой неудобный выходъ въ Европу, какъ Бѣлое море и Сѣверный Ледовитый океанъ.

Такое же важное пріобрѣтеніе на западѣ было сдѣлано Россіей при Екатеринѣ II послѣ раздѣла Польши, когда съ Россіей возсоединились древнерусскія области, нѣкогда отторгнутыя отъ нея великимъ княжествомъ Литовскимъ и Польшею. Такъ, послѣ перваго раздѣла Польши въ 1772 г. была присоединена сѣверная и восточная часть Бѣлоруссіи; послѣ второго раздѣла въ 1793 году остальная часть Бѣлоруссіи и юго-западный край и послѣ третьяго раздѣла въ 1795 г. Литва (такимъ образомъ невозсоединенной осталась Червонная Русь или Галиція, и по сей день входящая въ составъ Австрійской имперіи). Въ томъ же 1795 году къ Россіи была присоединена и Курляндія [1]).

ства установленіями и законами" и соотвѣтствовали времениро-ъ пка Т. должалось до вступленія на престолъ имп. Александра III, который никакихъ жалованныхъ грамотъ Прибалтійскимъ губерніямъ не далъ и такимъ образомъ права и привилегіи ихъ не подтвердилъ.

Нѣкоторые остзейскіе ученые (напр., оба Бунге—отецъ и сынъ) въ „аккордныхъ пунктахъ" и жалованныхъ грамотахъ Петра I видятъ международные договоры, причемъ даже излагаютъ теорію договорныхъ отношеній между Россіей и Остзейскими провинціями, которыя, въ моментъ заключенія названнаго договора, вышли изъ подданства Швеціи и стали самостоятельнымъ государствомъ, а слѣдовательно сдѣлались дѣаспособными для совершенія подобнаго акта. Опроверженіе этой теоріи см. у Харузина, Балтійская конституція, Москва, 1888 г. и у Бѣляева въ его статьѣ „Общеимперскій законъ и мѣстныя остзейскія узаконенія" (Журн. Мин. Юст. 1898 г., кн. IX). Съ своей стороны приведемъ слѣдующее мѣсто изъ жалованной грамоты Ревелю 13 Марта 1712 г.: „Понеже Ревель... *подъ нашу власть пришелъ*, того ради ихъ... привилегіи... подтверждены. яко-же помянутый Ревель *всеподданнѣйше о томъ просилъ*; того ради мы *изъ цесарской милости* въ томъ имъ отрѣщи не хотѣли". Ясно, что названная грамота не международный договоръ, а односторонній актъ верховной власти.

[1]) Послѣ паденія Польши, курляндскій ландтагъ (Курляндія находилась въ ленной зависимости отъ Польши) постановилъ: „покориться

Наконецъ, въ царствованіе Александра I Россія еще расширила свои пріобрѣтенія на западѣ путемъ присоединенія Финляндіи и Царства Польскаго. Въ литературѣ существуетъ мнѣніе, будто Великое Княжество Финляндское не составляетъ инкорпорированной части Россіи, а находится въ состояніи реальной уніи съ ней. Это мнѣніе раздѣляется финлядскими учеными и публицистами [1]) и, по странной случайности, нѣкоторыми русскими. Напротивъ, большинство западно-европейскихъ ученыхъ, занимающихся вопросами государственнаго и международнаго права, стоятъ на противоположной точкѣ зрѣнія, отвергая всякую унію между Россіей и Финляндіей [2]). Второе мнѣніе вполнѣ правильно, такъ какъ соотвѣтствуетъ историческимъ фактамъ и толкованіямъ юридическихъ документовъ, опредѣляющихъ государственно-правовое положеніе Финляндіи. Прежде всего нужно замѣтить, что Финляндское „государство" уже по одному тому не можетъ существовать, что таковой никогда

непосредственно и безусловно Имперіи Россійской", вслѣдствіе чего Екатерина II манифестомъ 15 Янв. 1795 г. присоединила Курляндію „на вѣчныя времена" къ Россіи, обѣщавъ сохранить права и привилегіи ея сословій съ оговоркою, что на нихъ будутъ распространены права и выгоды, дарованныя всѣмъ остальнымъ русскимъ подданнымъ.

[1]) Впрочемъ, это мнѣніе возникло сравнительно недавно, такъ какъ прежніе финляндскіе писатели (напр., Пекка Каухариненъ, Пальменъ, Лундаль, Росенборгъ и др.) признавали Финляндію русскою провинціею, отвергая какой бы то ни было договорный характеръ въ отношеніяхъ между нею и Россіею (Абовъ, Финляндія въ русскомъ государственномъ правѣ, Журн. Юрид. Общ. 1898 г. кн. IV.; см. также его Изъ исторіи ученій финляндскаго государственнаго права, Журн. Минист. Юст. 1895 г., кн. VIII). Точно также современники присоединенія Финляндіи къ Россіи изъ финляндцевъ считали свою родину только провинціей (напр., извѣстный Спренгпортенъ и др.). Даже земскіе чины на сеймѣ въ Борго въ 1809 г. писали: „если Финляндія одна приметъ теперь иную монетную единицу, чѣмъ ту, которую имѣютъ *прочія провинціи*, то..." (Михайловъ, Юридическое положеніе Финляндіи, стр. 60).

[2]) Напр., Филлиморъ. Кальво, Бульмеринкъ, Гольцендорфъ, Бичъ-Лауренсъ, Еллинекъ и др. „Финляндія, говоритъ послѣдній, по своему устройству и управленію самостоятельна такъ, какъ никакая другая провинція Россіи. Но тѣмъ не менѣе, она только провинція русской имперіи, а не государство, стоящее къ ней въ отношеніи реальной или личной уніи, ибо завоеваніемъ государства или части государства господствовавшая въ немъ до того времени государственная власть совершенно уничтожается и на ея мѣсто вступаетъ новая, слѣдовательно, власть Швеціи замѣнилась властью Россіи" (Die Lehre von den Staatenverbindungen, стр. 11; см. также статью Коркунова „Финляндское Великое Княжество" въ Юрид. Лѣтописи 1890 г., № 2). Впрочемъ, въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ „Ueber Staatsfragmente" (1896 г.) Еллинекъ видоизмѣнилъ свои воззрѣнія на юридическое положеніе Финляндіи. Попрежнему не признавая за ней характера государства, онъ, однако, не считаетъ ее и провинціей, а относитъ къ категоріи, такъ называемыхъ, государственныхъ фрагментовъ (?!)—понятіе и терминъ которыхъ впервые изобрѣтены имъ. Таковыми онъ считаетъ, кромѣ Финляндіи, еще земли Австрійской короны, Хорватію, англійскія колоніи и др.

не было, такъ какъ Финляндія всегда являлась ничѣмъ инымъ, какъ шведской провинціей [1]), не пользовавшейся вдобавокъ никакимъ особеннымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, благодаря которому она могла бы находиться въ иномъ положеніи, чѣмъ остальныя шведскія провинціи. Затѣмъ Финляндія была завоевана силою русскаго оружія во время войны со Швеціей въ 1808—9 г.г. и присоединена къ Россіи на основаніи Фридрихсгамскаго мирнаго договора. По этому послѣднему шведскій король отказался „отнынѣ и навсегда“ отъ Финляндіи въ пользу русскаго императора, его преемниковъ и Россійской Имперіи. „Губерніи сіи (т. е. финляндскія), гласитъ ст. 4 договора, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются“. Далѣе въ высочайшемъ повелѣніи о созваніи финляндскаго сейма въ г. Борго въ Мартѣ 1809 г. императоръ Александръ I заявилъ что „волею Провидѣнія и побѣдою нашего оружія Великое Княжество Финлядское навсегда присоединено къ нашей имперіи“ [2]). Затѣмъ, наканунѣ открытія засѣданій сейма государь издалъ манифестъ, которымъ утвердилъ права и привилегіи финляндскихъ сословій. Этотъ манифестъ любопытенъ въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, изъ него видно, что подтвержденіе финляндскихъ привилегій Александромъ I было актомъ милости государя („признали мы за благо“, говорится въ манифестѣ), а совершенно не основывалось на какомъ бы то ни было договорѣ, обязательномъ для русскаго правительства; [3]) во-вторыхъ, обѣщая

---

[1]) Территорія Финляндіи составляла нѣсколько губерній (län), о чемъ и говоритъ ст. 4 Фридрихсгамскаго тртктата, такъ что Финляндіи въ смыслѣ единаго территоріальнаго цѣлаго никогда не было. Даже наименованіе „Великаго Княжества“ Финляндія получила только въ 1581 г., но уже въ началѣ XVIII ст. это наименованіе исчезло.

[2]) Впрочемъ, еще въ манифестѣ 5 Іюня 1808 года было заявлено, что „въ средѣ народовъ, скипетру россійскому подвластныхъ и *единую* имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени навсегда воспріяли свое мѣсто“ Ту же мысль высказалъ имп. Александръ и въ своемь письмѣ къ Наполеону (1808 г.), когда писалъ: j'ai déclaré la Finlande Suedoise province russe; comme V. M. l'a très bien jugè, la sureté de ma capital l'exigeait (Еленевъ, Ученіе о Финляндскомъ государствѣ, стр. 45). Точно также въ письмѣ къ Густаву IV императоръ писалъ: „Финляндія включена въ составъ Россіи по праву завоеванія и по жребію битвъ (Абовъ, Финляндія въ русскомъ государственномъ правѣ, Журн. Юрид. Общ. 1898 г., кн. IV).

[3]) О томъ же говоритъ и ст. 6 Фридрихсгамскаго трактата, а именно: „Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обезпечивъ, по единствен-

хранить привилегіи, Александръ I говоритъ только о себѣ, совершенно не связывая рукъ въ этомъ отношеніи у своихъ преемниковъ [1]). Такимъ образомъ изъ сказаннаго видно, что никакого договора между Александромъ I и финляндскими сословіями на сеймѣ въ Борго не было, да и не могло быть, заключено, какъ это утверждаютъ нѣкоторые финляндскіе ученые, а между тѣмъ понятіе реальной уніи предполагаетъ непремѣнно соединеніе, основанное на договорномъ соглашеніи двухъ государствъ [2]). Кромѣ того, около половины Финляндіи было еще присоединено къ Россіи въ 1721 и 1743 г.г., какъ результатъ завоеванія или, выражаясь словами Ништадскаго мирнаго договора, „въ совершенное, непрекословное, вѣчное владѣніе и собственность", а между тѣмъ права и привилегіи Александръ I распространилъ и на названную половину. Этотъ фактъ также говоритъ противъ уніи, въ виду того, что иначе пришлось бы признать, что *часть* Россіи, каковою несомнѣнно являются пріобрѣтенія Петра I (1721 г.) и Елизаветы Петровны (1743 г.) въ Финляндіи, вступила при Александрѣ I въ реальную унію съ Россіей [3]). Наконецъ, самъ Александръ I и его современники всегда считали боргоскій сеймъ учрежденіемъ исключительно совѣщательнаго характера, не могущимъ, слѣдовательно, вступать въ какія бы то ни было договоры съ государемъ. Такъ, закрывая сеймъ, государь сказалъ: „созывая сословія Финляндіи, я хотѣлъ знать *желанія* народа насчетъ его нуждъ. Я приму ихъ въ *соображеніе*". „Отъ сейма требовали, писалъ въ свою очередь Сперанскій, не рѣшеній, не декретовъ, а простыхъ *мнѣній*" (письмо къ Барклай-де Толли) [4]). Остальные акты, касающіеся Финляндіи и изданные въ царствованія Александра I, Николая I, Александра II и Александра III, также свидѣтельствуютъ въ пользу того, что Финляндія была просто присоединена къ Россіи или, выражаясь юридически, инкорпорирована Россіей, такъ что на

нымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества".

[1]) См. *мою* рецензію въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за 1890 г.. № 9 на Сборникъ актовъ Великаго Княжества Финляндскаго, изданный финляндскимъ ученымъ Борениусомъ (Гельсингфорсъ, 1890 г.).

[2]) Подобный договоръ въ то время не могъ имѣть мѣста также и потому, что еще за нѣсколько мѣсяцевъ до созванія боргоскаго сейма населеніе Финляндіи было приведено къ присягѣ на вѣрность русскому государю, т. е., иначе говоря, финляндцы уже считались подданными имп. Александра I.

[3]) См. Ретвиха, Русско-Финляндская Имперія, стр. 25.

[4]) Михайловъ, Юридическое положеніе Финляндіи, стр. 29.

основанiи ихъ никоимъ образомъ нельзя говорить о какой бы то ни было унiи,—личной или реальной, существующей между Россiей и Финляндiей. Для примѣра приведемъ манифестъ о переименованiи финляндскаго совѣта въ сенатъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „нынѣ, достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствiя отъ попеченiй внѣшнихъ, посвятить занятiя на управленiе *внутренними* дѣлами *государства нашего*, а въ числѣ оныхъ и касающимися *особенно до Финляндiи*, находимъ мы, для вящаго ознаменованiя намѣренiя нашего о упомянутомъ мѣстномъ управленiи *края сего*, дать финляндскому вышнему правительству названiе финляндскаго сената.“ Итакъ, на основанiи приведеннаго манифеста, финляндскiй *край* входитъ въ составъ „*государства нашего*,“ т. е. Россiи, и *внутреннiя* дѣла послѣдней, а „въ числѣ оныхъ“ и финляндскiя, одинаково озабочиваютъ государя, который, въ силу этого, рѣшается предпринять извѣстную реформу въ области *мѣстнаго* финляндскаго управленiя. Болѣе категорически нельзя высказаться о характерѣ отношенiй между Россiей и Финляндiей. Затѣмъ манифестъ, изданный 28-го Февраля 1891 г., во время засѣданiй финляндскаго сейма, снова повторилъ, что финляндскiй „край“ находится въ „собственности и державномъ обладанiи Россiйской Имперiи.“ „Финляндскiй край, читаемъ здѣсь, состоя съ начала нынѣшняго столѣтiя, а въ нѣкоторой его части (рѣчь идетъ о части Финляндiи, присоединенной къ Россiи въ 1721 и 1743 г.г.) и ранѣе, *въ собственности и державномъ обладанiи* Имперiи Россiйской, получилъ *по волѣ* имп. Александра I особый порядокъ внутренняго управленiя.“ Въ манифестѣ же указывается на то, что Финляндiя находится „подъ скипетромъ россiйскимъ,“ а учрежденiя ея называются „мѣстными“. Наконецъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ финляндскому генералъ-губернатору въ Iюнѣ 1899 г., Финляндiя опредѣляется, какъ „составная часть Государства Россiйскаго, съ нимъ нераздѣльная“, а „особый строй ея внутренняго законодательства“ признается „дарованнымъ ей“ русскими государями.

Если же Финляндiя пользуется своимъ особымъ областнымъ устройствомъ и управленiемъ, т. е. имѣетъ свой сеймъ [1]),

---

[1]) Впрочемъ, огромная масса законодательныхъ актовъ не прошла черезъ сеймъ и издана государями (начиная съ Александра I) безъ его

свой сенатъ (предсѣдателемъ котораго, впрочемъ, состоитъ русскій генералъ-губернаторъ), свои мѣстныя учрежденія, свою монету (съ которой теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ конкуррируетъ и русская монета), свою таможенную границу [1]), свои почтовыя марки [2]) (впрочемъ, почтовая часть подчинена теперь русскому главному управленію почтъ и телеграфовъ), свои законы и т. п., то все это свидѣтельствуетъ о широкой мѣстной автономіи, но не объ отдѣльномъ государственномъ бытіи (здѣсь нужно замѣтить, что иностранныя сношенія Финляндіи ведутся черезъ русское министерство иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ финляндскія суда плаваютъ подъ русскимъ національнымъ флагомъ; русскія войска, стоящія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Финляндіи, находятся въ вѣдѣніи русскаго военнаго министра; русскія гимназія и реальное училище, имѣющіяся въ краѣ, подвѣдомственны русскому министерству народнаго просвѣщенія и православные приходы и церкви находятся въ вѣдѣніи русскаго Св. Синода). Англійскія колоніи въ Америкѣ (напр., Канада и Ньюфаундлендъ), въ Африкѣ (напр.. Капландія, Трансваалъ, Оранжевая и Наталь) и въ Австраліи (Австралійская федерація) пользуются еще большей автономіей и фактически почти независимы, однако, никому и въ голову не приходитъ утверждать, что онѣ фигурируютъ въ качествѣ отдѣльныхъ государствъ и находятся съ Англіей въ уніи. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, неосновательно предполагать существованіе какой бы то ни было уніи между Россіей и Финляндіей. Точно также и фактъ существованія титула „Великій Князь Финляндскій“ нисколько не можетъ служить доводомъ въ пользу мнѣнія объ отдѣльномъ государственномъ бытіи Финляндіи, какъ думаютъ нѣкоторые финляндскіе ученые (напр., профессоръ Даніельсонъ). Дѣло въ томъ, что въ полномъ титулѣ государь именуется также: „Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій“ и затѣмъ уже „Финляндскій“. Въ среднемъ же титулѣ именованіе „Великій Князь Финляндскій“ поставлено въ са-

---

участія. Примѣрное перечисленіе ихъ см. у Абова, назв. ст. въ Журн. Юрид. Общ., 1898 г., кн. IV.

[1]) Послѣдняя, впрочемъ, была установлена по иниціативѣ русскаго правительства, чтобы черезъ Финляндію не проникали въ Россію безпошлинно иностранные товары (см. указъ министру финансовъ 5 Ноября 1811 г. и рескриптъ финляндскому генералъ-губернатору того же числа и года).

[2]) Онѣ просуществовали до конца 1900 г., когда были упразднены.

момъ концѣ, послѣ титуловъ: „Царь Сибирскій, Царь Херсонеса Таврическаго, Царь Грузинскій“, и только въ краткомъ титулѣ наименованія: „Царь Польскій и Великій Князь Финляндскій“ выдѣлены изъ общаго титула. Слѣдовательно, какъ справедливо замѣчаетъ г. Еленевъ, выводить изъ титула обособленность Финляндіи въ смыслѣ реальной уніи столь же основательно, какъ если бы кто, на основаніи того же титула, сталъ доказывать, что Крымъ и Грузія составляютъ самостоятельныя государства, состоящія въ реальной уніи съ Россіей, и что за ними сохранены прежніе законы татарскихъ хановъ и грузинскихъ царей [1]). Нельзя также ссылаться и на ст. 4 прежнихъ Осн. Зак., гласившую, что „съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финлядскаго“. Какъ уже указано проф. Коркуновымъ, текстъ этой статьи свидѣтельствуетъ не въ пользу уніи, а противъ нея, такъ какъ статья различаетъ не *государства* русское, польское и финляндское, а только престолы, и притомъ она говоритъ не о соединненіи, а, напротивъ, объ ихъ нераздѣльности. Если эти престолы нераздѣльны, замѣчаетъ Коркуновъ, то значитъ они составляютъ въ сущности одинъ престолъ: все нераздѣльное есть вмѣстѣ съ тѣмъ и единое [2]). Впрочемъ, объ *единомъ* престолѣ говорятъ и манифесты 18 Февр. 1855 г., 1 Марта 1881 г. и 20 Окт. 1894 г. Въ нихъ мы встрѣчаемъ заявленіе о вступленіи государей „на прародительскій престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго“. Объ единомъ же престолѣ говорилъ и Александръ I въ манифестѣ 16 Авг. 1823 г.

Что касается до Царства Польскаго, то оно было присоединено къ Россіи на основаніи постановленія Вѣнскаго конгресса 1815 года, первая статья котораго гласила: „Герцогство Варшавское... *присоединяется* навсегда къ Имперіи Россійской“ и „въ силу своей конституціи будетъ въ *неразрывной* съ Россіею *связи* и во *владѣніи* Его В. Императора Всероссійскаго, наслѣднковъ его и преемниковъ на вѣчныя времена“. Такимъ образомъ присоединеніе Польши

---

1) Еленевъ, назв, сочин., а также *моя* рецензія на него (Истор. Вѣстникъ 1893 г., № 8).

2) Коркуновъ, Финляндское Великое Княжество (Юрид. Лѣтопись 1890 г., № 2). Въ новыхъ Основныхъ Законахъ этой статьи уже нѣтъ и она замѣнена ст. 2, гласящей, что „Велпкое Княжество Финляндское составляетъ нераздѣльную часть Государства Россійскаго“.

къ Россіи состоялось не въ силу договора между ними, а на основаніи соглашенія между государствами, заключившими Вѣнскій трактатъ, что указываетъ на наличность въ данномъ случаѣ инкорпораціи, а не реальной уніи, специфическимъ признакомъ которой является договоръ между двумя государствами. Мало того, самый текстъ статьи свидѣтельствуетъ въ пользу признанія за Польшею значенія инкорпорированной части Россіи, такъ какъ рѣчь идетъ о „присоединеніи" послѣдней къ первой и о „владѣніи" ею со стороны русскаго государя. Статья заканчивается слѣдующими словами: „Поляки, *подданные* Россіи (sujets respectifs de la Russie) будутъ имѣть народныхъ представителей и національныя государственныя учрежденія, согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, который *правительствомъ будетъ признанъ* за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу его владѣній". Кромѣ того, „Его Имп. Величество *предполагаетъ* даровать, *по своему благоусмотрѣнію*, внутреннее распространеніе сему государству (т. е. герцогству), имѣющему состоять подъ особымъ управленіемъ". Приведенное мѣсто важно въ двоякомъ отношеніи. Во—1), изъ него видно, что Вѣнскій конгрессъ считалъ жителей присоединенной къ Россіи части герцогства Варшавскаго русскими подданными, между тѣмъ какъ унія, по вѣрному замѣчанію проф. Коркунова, предполагаетъ раздѣльное подданство. Во—2), упоминаніе въ текстѣ о предположеніи даровать Польшѣ народное представительство и національныя учрежденія не можетъ быть разсматриваемо какъ обязательство со стороны Россіи, такъ какъ въ разрѣшеніи этого вопроса все было предоставлено на усмотрѣніе правительства Александра I. Мало того, какъ извѣстно изъ хода занятій Вѣнскаго конгресса, названное упоминаніе о конституціонныхъ учрежденіяхъ Польши обязано своимъ появленіемъ въ актахъ конгресса исключительно Александру I, выдержавшему сильную борьбу съ союзниками, возражавшими противъ подобныхъ намѣреній государя. „Я создалъ это королевство, говорилъ впослѣдствіи Александръ I, и создалъ его на весьма прочныхъ основаніяхъ, потому что принудилъ европейскія державы обезпечить договоромъ его существованіе" [1]).

---

[1]) О государственно-правовомъ положеніи Царства Польскаго см. Мартенса Современное международное право, т. I (изд. 1-ое), стр. 236, Коркунова Русское государственное право, т. I (изд. 2-е), стр. 139, Алексѣева

Устройство Царства Польскаго опредѣлялось на основаніи конституціи или „хартіи государственныхъ установленій“ 27 Ноября 1815 года. Согласно съ хартіей во главѣ Царства былъ поставленъ особый намѣстникъ, назначаемый государемъ изъ польскихъ гражданъ или изъ членовъ императорскаго дома. Намѣстникъ управлялъ краемъ вмѣстѣ съ государственнымъ совѣтомъ, предсѣдателемъ котораго онъ былъ. Государственный совѣтъ состоялъ изъ министровъ (ихъ было пять) и государственныхъ совѣтниковъ—также по назначенію государя. Функціи совѣта заключались въ правительственной дѣятельности и въ выработкѣ законопроектовъ для внесенія въ сеймъ. Послѣднему принадлежала законодательная власть, и онъ состоялъ изъ сената и палаты депутатовъ. Въ составъ сената входили епископы и сенаторы, назначаемые пожизненно государемъ изъ двухъ кандидатовъ на каждую вакансію, избираемыхъ сенатомъ. Напротивъ, въ составъ палаты депутатовъ входили 77 пословъ, по одному отъ каждаго уѣзда, избираемыхъ дворянскими сеймиками, состоящими изъ дворянъ, обладающихъ недвижимою собственностью, и 51 депута отъ общинъ (гминъ), избираемыхъ не дворянами, но также владѣющими или недвижимымъ имуществомъ, или промышленнымъ заведеніемъ, затѣмъ духовными лицами и, наконецъ, преподавателями учебныхъ заведеній и представителями либеральныхъ профессій. Что касается до пассивнаго ценза, то онъ сводился къ достиженію 30-ти лѣтняго возраста и къ уплатѣ прямого налога. Депутаты избирались на шесть лѣтъ, причемъ палата обновлялась по третямъ, т. е. черезъ каждые два года. Всякій законопроектъ для превращенія въ законъ обязательно долженъ былъ пройти черезъ сеймъ и получить его санкцію, равно какъ и быть утвержденнымъ государемъ, пользовавшимся правомъ безусловнаго вето.

Послѣ возстанія 1830 г. „хартія“ была отмѣнена, и областное устройство Царства преобразовано на основаніи грамоты 14 Февр. 1832 г. Во главѣ края былъ поставленъ особый совѣтъ управленія подъ предсѣдательствомъ намѣстника, причемъ всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла вносились на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ, при которомъ для этой цѣли былъ учрежденъ особый департаментъ

Русское государственное право (изд. 4-ое), стр. 199 и *мою* статью въ „Словѣ“ за 1906 г.“, № 458 („По поводу заявленія польскихъ депутатовъ въ Думѣ“).

дѣлъ Царства Польскаго, поставленный въ совершенно исключительныя условія. Для доклада-же по дѣламъ Царства была учреждена должность министра статсъ-секретаря Царства Польскаго. Однако, послѣ возстанія 1863 года и это устройство Царства было уничтожено.

Одновременно съ расширеніемъ русской территоріи на западѣ шло и расширеніе ея на югѣ. Уже въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича сознавалась необходимость для Россіи стать твердою ногою на Черномъ морѣ (Азовскій соборъ 1642 года). Къ тому же стремился и Петръ I, предпринимая свои азовскіе походы. То же стремленіе существовало и при Аннѣ Ивановнѣ, когда побѣды Миниха нанесли сильные удары Турціи и Крыму. Но только Екатеринѣ II удалось утвердиться на берегахъ Чернаго моря. Такъ, вслѣдствіе разгрома Турціи въ первую турецкую войну, закончившуюся Кучукъ-Кайнарджійскихъ миромъ 1774 г., къ Россіи отошли берега Азовскаго моря; въ 1783 году пало Крымское ханство, столь долго безпокоившее южныя окраины Россіи, и, наконецъ, по Ясскому договору 1791 г., закончившему вторую турецкую войну, къ Россіи былъ присоединенъ сѣверный берегъ Чернаго моря вплоть до устьевъ Днѣстра. Александръ I въ этомъ отношеніи (говоримъ „въ этомъ отношеніи“, такъ какъ во всемъ остальномъ иностранная политика Александра I существенно отличалась отъ екатерининской) продолжалъ политику своей бабки и по Бухарестскому миру 1812 г. присоединилъ къ Россіи Бессарабію (правда, южная часть ея по Парижскому договору 1856 г. отошла къ Румыніи, но по Берлинскому договору 1878 г. была снова возсоединена съ Россіей).

При Екатеринѣ II началось прерванное одно время движеніе Россіи на востокъ (оно существовало уже при Петрѣ и выразилось въ его персидскомъ и хивинскомъ походахъ), но только Александру I удалось въ этомъ отношеніи достигнуть реальныхъ результатовъ. Такъ, при немъ были присоединены Грузія, Имеретія и другія владѣнія въ Закавказьѣ[1]).

---

[1]) Собственно говоря, номинальное господство Россіи надъ Грузіей установилось еще съ конца XVI ст., когда кахетинскій царь Александръ II обратился съ просьбою къ Ѳеодору Іоанновичу (въ 1586 г.) принять его подъ свое покровительство. Затѣмъ въ 1783 г. былъ заключенъ договоръ между Россіею и Грузіею, по которому царь послѣдней Ираклій „объявилъ предъ лицемъ всего свѣта, что онъ не признаетъ надъ собою иного самодержавія, кромѣ верховной власти и покровительства“ имп. Екатерины II. Окончательно въ составъ Россіи Грузія вошла въ 1801 г., о чемъ просилъ послѣдній грузинскій царь Георгій.

При имп. Николаѣ I было завоевано много земель въ Закавказьѣ и на восточномъ берегу Чернаго моря. Послѣ же войны съ Персіей, закончившейся Туркманчайскимъ мирнымъ договоромъ 1827 г., къ Россіи была присоединена нынѣшняя Эриванская губернія. Окончательно Кавказъ былъ присоединенъ при Александрѣ II послѣ плѣненія Шамиля въ 1864 г. Наконецъ, благодаря послѣдней русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., къ Россіи отошли Карская и Батумская области. При Александрѣ же II предѣлы Россіи значительно расширились на дальнемъ востокѣ; такъ, благодаря энергіи адмирала Невельского и графа Муравьева-Амурскаго, Россія стала твердою ногою на Амурѣ путемъ присоединенія къ ней Приамурскаго и Южно-уссурійскаго края, а также острова Сахалина (въ 1855, 1858, 1860 и 1875 гг.). Вскорѣ послѣ того началось расширеніе русскихъ предѣловъ въ Средней Азіи. Такъ, въ 1865 г. былъ завоеванъ Туркестанъ, благодаря главнымъ образомъ штурму Ташкента со стороны генерала Черняева. Въ 1876 г. былъ завоеванъ Коканъ (нынѣ Ферганская область). Еще ранѣе (въ 1873 г.) Хива, а затѣмъ и Бухара, если не de jure, то de facto лишились своей независимости и вошли въ сферу русскаго вліянія [1]). Наконецъ, въ 1881 году, какъ результатъ ахалъ-текинской экспедиціи, завершившейся штурмомъ крѣпости Геоктепе, къ Россіи была присоединена Закаспійская область [2]), вслѣдствіе чего русскіе предѣлы непосредственно придвинулись къ Афганистану, разграниченіемъ съ которымъ на Памирѣ въ 1885 г. былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ о проведеніи новой границы между названными двумя гусударствами въ этой мѣстности, чѣмъ и завершилось расширеніе русскихъ предѣловъ въ Средней Азіи. Печальный конецъ русско-японской войны 1904—1905 г.г. повлекъ за собою отторженіе части русской территоріи, а именно южной части Сахалина, усту-

[1]) Отношенія Хивы къ Россіи опредѣляются договоромъ 12 Авг. 1873 г., по которому хивинскій ханъ призналъ себя „покорнымъ слугою Императора Всероссійскаго" и отказался отъ всякихъ непосредственныхъ сношеній съ сосѣдними владѣтелями и ханами и отъ заключенія съ ними какихъ-либо торговыхъ и другихъ договоровъ безъ вѣдома и разрѣшенія высшей русской власти въ Средней Азіи. Что касается до Бухары, то ея отношеніе къ Россіи опредѣляются договоромъ 28 Сент. 1873 г., и хотя Бухара de jure пользуется большею независимостью, чѣмъ Хива, но de facto также подчинена Россіи, какъ и первая (см. Эйхельмана, Христоматія русскаго международнаго права, т. I. стр. 451 и 455).

[2]) Собственно говоря, въ 1881 г. была присоединена не вся Закаспійская область, такъ какъ Мервъ добровольно присоединился только въ 1884 г.

пленной по Портсмутскому договору Японіи. Благодаря расширенію своей территоріи Россійская Имперія стала однимъ изъ самыхъ большихъ государствъ на земномъ шарѣ, тѣмъ болѣе, что ея территорія составляетъ непосредственно одно цѣлое, а не разбросана по частямъ въ видѣ разныхъ колоній, какъ, напр., у Англіи.

ГЛАВА II.

Населеніе.

§ 1. *Дворянство* [1]).

Высшее сословіе въ Россіи въ императорскую эпоху со времени Петра I стало называться шляхетствомъ и только съ 1762 г. (съ изданіемъ манифеста о вольностяхъ дворянства) дворянствомъ.

Способовъ пріобрѣтенія послѣдняго было нѣсколько. Первымъ способомъ нужно признать *рожденіе*, по которому законныя дѣти дворянъ также становились дворянами. Вторымъ способомъ можно считать *бракъ*, въ силу котораго дворянинъ сообщаетъ дворянство своей женѣ, какого бы она происхожденія ни была, но не обратно. Впрочемъ, дворянка, вышедши замужъ за недворянина, не лишается своего дворянства (Жал. грам. 1785 г. и указъ 8 Іюля 1787 г.). Третьимъ способомъ была *выслуга*, установленная Петромъ путемъ изданія въ 1722 г. табели о рангахъ. Было уже сказано, что значеніе этого законодательнаго памятника въ исторіи русскаго государственнаго права вообще и въ исторіи русскаго дворянства въ особенности нужно признать громаднымъ, такъ какъ, благодаря ей, Петру удалось упразднить вліяніе на государственную службу породы, водворить начало годности лица и дать возможность каждому даровитому человѣку выдвинуться впередъ, каковы бы ни были его родъ и племя. Профессоръ Романовичъ-Славатинскій вполнѣ правъ [2]),

---

[1]) Яблочковъ, Исторія дворянскаго сословія въ Россіи; Романовичъ—Славатинскій, Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII стол. до отмѣны крѣпостного права; *мои* Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII стол., т. I, гл. 5. „Дворянскіе наказы"; см. также *мое* изданіе проекта новаго Уложенія 1754—1766 гг., ч. 3, гл. 22 „О дворянахъ и ихъ преимуществѣ" (СПБ. 1893 г.); Богословскій, Дворянскіе наказы въ Екатерининскую комиссію (Русское Богатство 1897 г., кн. 6 и 7); Бар. Корфъ, Дворянство и его сословное управленіе.

[2]) Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII-го вѣка до отмѣны крѣпостного права, стр. 14.

говоря, что по духу своему табель была вполнѣ демократической: лѣстница въ 14 ступенекъ отдѣляла каждаго плебея отъ первыхъ сановниковъ государства, и ничто не возбраняло каждому человѣку, перешагнувъ эти ступеньки, добраться до первыхъ степеней въ государствѣ; она широко открыла двери, черезъ которыя посредствомъ чина „подлые" члены общества могли „облагородиться" и войти въ ряды дворянства. Слѣдствіемъ этого было то, что къ дворянству постоянно приливали новыя силы изъ народа, и оно не могло замкнуться въ особую касту.

На основаніи табели первый оберъ-офицерскій чинъ въ военной службѣ и должность VIII класса на гражданской давали потомственное дворянство [1]). Что-же касается до должностей ниже VIII класса (въ гражданской службѣ), то они давали личное дворянство. Впрочемъ, въ табели объ этихъ чинахъ только и сказано: „прочіе-же чины, какъ гражданскіе, такъ и придворные, которые въ рангахъ не изъ дворянъ, оныхъ дѣти не суть дворяне". И уже со времени Екатерины II этотъ параграфъ табели сталъ толковаться въ томъ смыслѣ, что лица, имѣющія чины ниже восьмого класса (т. е. коллежскаго ассесора), должны быть причислены къ личному дворянству. Такъ продолжалось до манифеста 1845 г., когда полученіе дворянства было значительно затруднено, а именно: по манифесту на военной службѣ первый оберъ-офицерскій чинъ давалъ только личное дворянство, первый-же штабъ-офицерскій чинъ — потомственное. Что-же касается до гражданской службы, то чинами ниже девятаго класса давалось почетное гражданство, девятымъ классомъ (титулярный совѣтникъ)—личное, а пятымъ (статскій совѣтникъ)—потомственное дворянство. Наконецъ, съ изданіемъ указа 1856 г., было постановлено, что потомствен-

---

[1]) Постановленіе табели относительно военной службы заимствовано изъ указа 16 Янв. 1721 г., по которому было предписано считать дворянами всѣхъ оберъ-офицеровъ не изъ дворянъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и потомками и выдать имъ патенты на дворянство. Впослѣдствіи (указъ 18 Маа 1788 г.) было разъяснено, что чины, дающіе дворянство, должны быть получены на дѣйствительной службѣ, а не при отставкѣ. Еще раньше (указъ 2 Марта 1752 г.) Сенатъ постановилъ, что фабриканты, „пожалованные за тщательное произведеніе и размноженіе своихъ заводовъ и фабрикъ", этимъ самымъ не получаютъ дворянства, „потомучто они ни въ какой службѣ не бывали". Это постановленіе Сената было подтверждено указомъ 18 Окт. 1804 г. съ тѣмъ только различіемъ, что купцамъ, получившимъ чинъ VIII класса „не по порядку службы, а чрезъ пожалованіе", законъ разрѣшилъ покупать населенныя имѣнія, но безъ права передачи ихъ своимъ наслѣдникамъ.

ное дворянство пріобрѣтается на военной службѣ чиномъ полковника, а на гражданской — чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Пріобрѣтеніе дворянства выслугою встрѣтило сильную оппозицію со стороны дворянъ. Уже въ 1730 г., когда дворянство, при избраніи на престолъ императрицы Анны Іоанновны, получило возможность впервые высказать свои нужды и желанія, оно въ своихъ, поданныхъ въ Верховный тайный совѣтъ, проектахъ просило о раздѣленіи дворянъ на двѣ категоріи, съ цѣлью несмѣшенія ихъ между собой, а именно: на дворянъ „подлинныхъ" или „родовыхъ" и на „новыхъ" или „худородныхъ", т. е. чиновныхъ. Еще болѣе рѣзко выразилась оппозиція дворянъ при составленіи проекта новаго Уложенія Елизаветинской законодательной комиссіей 1754—1766 гг., причемъ присутствовали также и дворянскіе депутаты. По этому проекту было высказано то, что впослѣдствіи отчасти получило законодательную санкцію въ манифестѣ 1845 г., а именно: потомственное дворянство можно было получать только на военной службѣ путемъ производства въ первый штабъ-офицерскій чинъ, личное-же дворянство—на военной службѣ путемъ производства въ первый оберъ-офицерскій чинъ. Такимъ образомъ на гражданской службѣ нельзя было дослужиться до потомственнаго дворянства. „Дѣтей ихъ, читаемъ въ проектѣ, и ихъ самихъ отъ особливыхъ преимуществъ, данныхъ однимъ дворянамъ, исключить, чтобы вѣрные наши подданные изъ дворянъ, чувствуя свое преимущество, къ ревности, большому прилежанію въ наукахъ и къ показанію заслугъ какъ отечеству, такъ и намъ (т. е. императрицѣ) были поощряемы". Какъ извѣстно, этотъ проектъ не получилъ законодательной санкціи. Точно также дворянская комиссія 1763 г. въ своемъ докладѣ, представленномъ Екатеринѣ II, отступила отъ началъ табели о рангахъ и высказалась за дарованіе недворянамъ только права ходатайства о возведеніи ихъ въ дворянство при достиженіи ими перваго штабъ-офицерскаго чина какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ и при безпорочности послѣдней (ст. 2). Въ 1767 г., при созваніи Екатерининской законодательной комиссіи, дворяне въ своихъ наказахъ также высказались по вопросу о „чинѣ". Такъ, въ ярославскомъ наказѣ дворянство просило: „не соблаговолено-ли будетъ право достигшимъ въ офицерскіе чины дворянскаго какъ имени, такъ и прочихъ дворянскихъ

правъ отмѣнить (которое по нуждѣ прежнихъ обстоятельствъ было дано), какой-бы чинъ не имѣли, дабы достоинство дворянское, которое единственно государю жаловать надлежитъ, не было уподлено". Въ проектѣ, составленномъ комиссіей о правахъ благородныхъ (члены которой, какъ извѣстно, были избраны общей комиссіей), желаніе дворянъ было услышано, и проектъ постановилъ: „благородные разумѣются всѣ тѣ, которые отъ предковъ того времени рождены или вновь монархами симъ нарицаніемъ пожалованы". Такимъ образомъ, выслуга, какъ способъ пріобрѣтенія дворянства, долженъ былъ быть уничтоженъ. Однако, и этотъ проектъ не получилъ законодательной санкціи, да и не могъ ея получить, въ виду полнѣйшаго несогласія воззрѣній императрицы Екатерины II со стремленіями дворянства. Въ своемъ Наказѣ государыня осталась вполнѣ вѣрна принципамъ табели о рангахъ. „Мало такихъ случаевъ, читаемъ здѣсь, которые-бы болѣе вели къ полученію чести (т. е. дворянства), какъ военная служба". „Но, хотя военное искусство есть самый древнѣйшій способъ, коимъ достигали до дворянскаго достоинства... однакожъ и правосудіе не меньше надобно во время мира, какъ и въ войнѣ... а изъ этого слѣдуетъ, что не только прилично дворянству, но и пріобрѣтать сіе достоинство можно и гражданскими добродѣтелями, какъ и военными". Въ виду подобныхъ воззрѣній императрицы, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Жалованная грамота дворянству постановила: „благородное названіе дворянское и достоинство изстари, нынѣ, да и впредь пріобрѣтается службою и трудами, имперіи и престолу полезными". Такимъ образомъ, стремленія дворянъ остались неосуществленными, и выслуга попрежнему продолжала считаться однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія дворянства. Правда, въ проектѣ дополнительнаго закона о состояніяхъ, составленномъ комитетомъ 6 Декабря 1826 г. (комитетъ былъ учрежденъ имп. Николаемъ I для обсужденія разныхъ проектовъ, оставшихся послѣ смерти имп. Александра I, и для пересмотра многихъ сторонъ государственнаго устройства и управленія, для чего онъ долженъ былъ представить свои заключенія о необходимыхъ въ этомъ отношеніи преобразованіяхъ), выслуга и полученіе ордена, какъ способы пріобрѣтенія дворянства, были уничтожены („отнынѣ, гласитъ ст. 12 проекта, достоинство дворянское будетъ не иначе пріобрѣтаемо, какъ *двумя* только образами: правомъ рожденія

и потомственнымъ возведенiемъ въ оное, утвержденнымъ грамотою за собственноручнымъ императорскаго величества подписанiемъ“). Однако, этотъ проектъ, при обсужденiи его въ Государственномъ Совѣтѣ, вызвалъ противъ себя большую оппозицiю, во главѣ которой находился великiй князь Константинъ Павловичъ, представившiй государю двѣ обстоятельныхъ записки, направленныхъ противъ проекта. Между прочимъ, великiй князь высказался за сохраненiе выслуги, какъ способа полученiя дворянства. „Новость сiя (т. е. уничтоженiе выслуги), писалъ онъ, къ настоящимъ обстоятельствамъ государства не приспособленная, едва-ли не послужитъ поводомъ къ возбужденiю, съ одной стороны, во многихъ ропота и нареканiй, влекущихъ за собою непрiятныя послѣдствiя, а, съ другой, и самая служба едва-ли не понесетъ на томъ ощутительнаго вреда“ [1]). Въ виду этой оппозицiи, нужно думать, проектъ не получилъ санкцiи со стороны государя, а введенная имъ „новость“ силы закона.

Четвертымъ способомъ прiобрѣтенiя дворянства было *пожалованiе государемъ.* Пожалованiе, равно какъ и выслуга, не были извѣстны въ Московскомъ государствѣ („изъ посадскихъ людей, говоритъ Котошихинъ, и изъ поповыхъ, и изъ крестьянскихъ дѣтей, и изъ боярскихъ людей дворянство не дается никому“) и стали практиковаться только со времени Петра I [2]). Пожалованiе часто имѣло мѣсто въ царствованiе Елизаветы Петровны и Екатерины II и иногда даже принимало массовый характеръ. Такъ, Елизавета Петровна послѣ государственнаго переворота, доставившаго ей престолъ въ 1741 году, произвела въ дворяне всѣхъ солдатъ гренадерской роты Преображенскаго полка, „понеже во время вступленiя нашего на престолъ полки нашей лейбъ-гвардiи, а особливо гренадерская рота Преображенскаго полка, намъ ревностную службу такъ показали, что воспрiяли престолъ безъ кровопролитiя“.

---

[1]) Проектъ закона о состоянiяхъ и обѣ записки великаго князя напечатаны въ XC т. Сборн. Русск. Истор. Общ., стр. 363, 467 и 490.

[2]) Кромѣ извѣстныхъ случаевъ пожалованiя дворянствомъ при Петрѣ, напр., Меньшикова, Шафирова и мн. др., по этому вопросу мы находимъ еще слѣдующее постановленiе въ регламентѣ Главному магистрату: „ежели кто изъ магистрата въ ввѣренной ему службѣ покажетъ тщательное радѣнiе и во все время содержитъ себя честно, таковымъ позволяется его ц. в. бить челомъ, которые по заслугамъ могутъ быть *пожалованы* шляхетствомъ“. Въ этомъ постановленiи г. Яблочковъ неправильно видитъ не пожалованiе, но выслугу, какъ способъ полученiя дворянства, приравнивая его (постановленiе) къ постановленiямъ Табели о рангахъ (Исторiя дворянскаго сословiя въ Россiи, стр. 348).

Пятымъ способомъ пріобрѣтенія дворянства было *пожалованіе ордена,* что стало практиковаться со времени изданія Жалованной грамоты дворянству [1]). Впослѣдствіи при Александрѣ I и Николаѣ I было точно опредѣлено, какіе ордена давали потомственные и какіе личное дворянство.

Наконецъ, послѣднимъ способомъ являлся *индигенатъ иностранцевъ,* о чемъ впервые говоритъ табель о рангахъ, предписывая признавать дворянское достоинство за иностранцами не иначе, какъ съ разрѣшенія государя на каждый отдѣльный случай („не имѣетъ никто рангъ взять по характеру, гласитъ табель, который онъ въ чужихъ службахъ получилъ, пока мы его онаго характера не подтвердили"). Объ индигенатѣ иностранцевъ говоритъ и докладъ дворянской коммиссіи 1763 г., ст. 4 котораго постановляетъ, что „каждый по доказательству своего происхожденія чужестранный дворянинъ получаетъ дипломъ отъ государя, Россійскою Имперіею владѣющаго, на россійское дворянство, а получа оный, всѣми дворянскими преимуществами тогда законно въ Россіи пользуется". Постановленія табели о рангахъ объ индигенатѣ получили подверждение въ указѣ 29 Апр. 1828 г., по которому для признанія иностранныхъ дворянъ русскими дворянами требовалось предъявленіе ими доказательствъ дворянскаго происхожденія и полученіе Высочайшей грамоты [2]).

Дворяне со времени изданія табели о рангахъ дѣлились на два разряда: потомственные и личные. Личные дворяне не передавали дворянства своимъ дѣтямъ и представляли изъ себя особый общественный классъ, по вѣрному замѣчанію профессора Романовича-Славатинскаго, „не совсѣмъ опредѣленный въ юридическомъ и соціальномъ отношеніи, промежуточный между потомственнымъ дворянствомъ и податными классами, отставшій отъ послѣднихъ и не приставшій къ первому" [3]). По нѣкоторымъ правамъ личные

[1]) Хотя ордена появились въ Россіи еще при Петрѣ I (первый орденъ—св. Андрея Первозваннаго—былъ учрежденъ въ 1698 г.), но дворянства они не давали.

[2]) Со времени Александра I возникъ еще одинъ способъ полученія дворянства, а именно пріобрѣтеніе *высшаго образованія.* Такъ, ученая степень доктора давала права на чинъ VIII класса, а слѣдовательно и на потомственное дворянство. Затѣмъ окончившіе университетъ, съ поступленіемъ на военную службу, черезъ 6-ть мѣсяцевъ производились въ офицеры и такимъ образомъ получали потомственное дворянство, а съ поступленіемъ на гражданскую службу становились личными дворянами (указы 1806 г., 1811 г. и 1822 г.).

[3]) Назв. соч., стр. 21.

дворяне примыкали къ потомственнымъ: они были освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, отъ личныхъ податей и рекрутской повинности, но зато, лишенные права владѣть крѣпостными и принимать участіе въ дворянскомъ самоуправленіи, они не составляли единаго цѣлаго съ потомственными дворянами. Имп. Николай I старался слить этотъ общественный классъ съ городскими обывателями, почему и предписалъ дѣтей личныхъ дворянъ причислить къ почетному гражданству, а имъ самимъ предоставилъ право записываться въ городскую обывательскую книгу. По Жалованной грамотѣ личнымъ дворянамъ было предоставлено въ двухъ случаяхъ получать права потомственнаго дворянства, а именно: 1) если дѣдъ, отецъ и сынъ имѣли чины, дающіе личное дворянство, то дѣти ихъ имѣли право ходатайствовать о потомственномъ дворянствѣ, и 2) если отецъ и сынъ имѣли чины, дающіе личное дворянство и безпорочно пребывали на службѣ, то внукъ имѣлъ право ходатайствовать о потомственномъ дворянствѣ [1]. Впослѣдствіи (въ 1815 г.) Сенатъ истолковалъ второй пунктъ Жалованной грамоты въ томъ смыслѣ, что ходатайствовать о потомственномъ дворянствѣ можно только въ томъ случаѣ, если отецъ и дѣдъ прослужили въ чинахъ каждый не менѣе 20 лѣтъ, а проситель притомъ совершеннолѣтній и состоитъ на службѣ. Государственный Совѣтъ утвердилъ это толкованіе Сената, мотивируя утвержденіе тѣмъ, что „чѣмъ болѣе затрудняется возведеніе въ дворянство, тѣмъ сіе полезнѣе будетъ для государства“. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и государь.

Среди потомственныхъ дворянъ выдѣлялись въ особую группу титулованные дворяне: князья, графы и бароны. Княжескій титулъ древнерусскаго происхожденія, но въ Московскомъ государствѣ онъ не жаловался („а вновь московскій царь, говоритъ Котошихинъ, изъ бояръ, и изъ ближнихъ, и ихъ иныхъ чиновъ людей княземъ учинити не можетъ никого, потому что не обычай тому есть и не повелось“), въ императорскую же эпоху онъ могъ быть пожалованъ государемъ. Среди князей выдѣлялись свѣтлѣйшіе князья, пользовавшіеся предикатомъ „свѣтлости“ въ отличіе отъ

---

[1]) Аналогичное право существовало по Жалованной грамотѣ городамъ и у именитыхъ гражданъ, а именно старшимъ изъ внуковъ такихъ гражданъ, при достиженіи ими тридцатилѣтняго возраста и „буде дѣдъ отецъ и они именитость безпорочно сохранили“, было предоставлено право ходатайствовать о дворянствѣ (ст. 137).

другихъ князей, имѣвшихъ право вмѣстѣ съ графами только на „сіятельство“. Титулы графа и барона иноземнаго происхожденія и впервые введены Петромъ.

Дворянскія фамиліи заносились въ особыя книги, которыхъ было по шести въ каждой губерніи (онѣ были введены Жалованной грамотой дворянству). Но еще задолго до этого (послѣ уничтоженія мѣстничества въ 1682 г.) была заведена одна родословная книга (Бархатная книга), куда заносились всѣ дворянскіе роды. При Елизаветѣ Петровнѣ она была дополнена внесеніемъ въ нее потомковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, записанныхъ въ прежнія десятни, какъ извѣстно, составлявшіяся въ эпоху Московскаго государства по уѣздамъ (указъ 13 Ноября 1758 г.). Однако, дворянство желало децентрализировать веденіе дворянскихъ книгъ и уже въ 1730 г. въ своихъ проектахъ, представленныхъ въ Верховный тайный совѣтъ, просило о заведеніи двухъ книгъ: одной для родового, а другой для чиновнаго дворянства. Проектъ Елизаветинской коммиссіи, при обсужденіи котораго, какъ извѣстно, присутствовали и дворянскіе депутаты, высказался за четыре книги или списка: княжескій, графскій, баронскій и дворянскій. Дворянскіе наказы 1767 г. (напр., ярославскій) желали „росписать“ дворянство по городамъ и въ каждомъ городѣ завести шесть реестровъ дворянскихъ фамилій. Это желаніе наказовъ было услышано имп. Екатериной II, и въ Жалованной грамотѣ она предписала завести въ каждой губерніи шесть дворянскихъ книгъ, причемъ записывать въ нихъ дворянъ слѣдующимъ образомъ: въ 1-ую книгу—пожалованныхъ государемъ, во 2-ую—получившихъ дворянство на военной службѣ, въ 3-ую—получившихъ дворянство на гражданской службѣ, въ 4-ую—иностранныхъ дворянъ, признанныхъ таковыми въ Россіи, въ 5-ую—титулованныхъ дворянъ и въ 6-ую—„древнія благородные роды“, могущіе доказать столѣтіе своего дворянства (къ 1785 г.).

При Петрѣ, съ учрежденіемъ Сената, при послѣднемъ была учреждена особая должность герольдмейстера, функціи котораго состояли въ вѣдѣніи дворянства, какъ служилаго сословія, въ составленіи дворянскихъ списковъ [1]) и въ над-

[1]) Списки были трехъ родовъ: 1) „генеральные именные и порознь по чинамъ“, 2) „кто изъ нихъ къ дѣламъ годится и употреблены будутъ и къ какимъ, порознь, и затѣмъ оныхъ останется“, 3) „что у кого дѣтей, и каковы лѣта, и впредь кто родится и умираетъ мужеска пола“ (см. инструкцію герольдмейстеру 5 февр. 1722 г.).

зорѣ за образованіемъ и поступленіемъ на службу молодыхъ дворянъ. Такимъ образомъ, герольдмейстеръ унаслѣдовалъ компетенцію московскаго Разряда. Съ раздѣленіемъ Сената при Екатеринѣ II на департаменты, вѣдѣніе дворянъ сосредоточилось въ первомъ департаментѣ, а съ 1848 года въ департаментѣ герольдіи, въ которомъ герольдмейстеръ сталъ исполнять обязанности оберъ-прокурора.

Въ изучаемую эпоху, благодаря сословному духу времени, дворянство уже вполнѣ прониклось сознаніемъ общности своихъ сословныхъ интересовъ и сословной чести. Идея дворянскаго „корпуса“ или „корпуса“ дворянства, какъ чего-то цѣльнаго и изолированнаго отъ прочихъ общественныхъ классовъ, вполнѣ въ это время назрѣла и можетъ быть констатирована почти во всѣхъ заявленіяхъ, исходившихъ отъ дворянства. Иллюстраціей къ сказанному служатъ дворянскіе наказы, поданные въ Екатерининскую законодательную коммиссію. „Дворянскій корпусъ, читаемъ въ московскомъ наказѣ, заключаетъ въ себѣ собственныя свои преимущества и безопасности“. „Корпусъ дворянства, говоритъ болховской наказъ, отдѣлить правами и преимуществами отъ прочихъ разнаго рода и званія людей“. „Чтобы корпусу дворянства права и преимущества самодержавною властью пожалованы были“, ходатайствуетъ наказъ депутата „отъ корпуса волоколамскаго дворянства“. Подобныя же заявленія были высказаны депутатами и во время засѣданій коммиссіи. „Дворянство, говорилъ одинъ изъ послѣднихъ, должно быть особливымъ родомъ людей въ государствѣ, обязанность которыхъ служить ему и изъ своей среды замѣщать власти среднія, поставленныя между государемъ и народомъ“. Иначе говоря, по воззрѣніямъ дворянъ изучаемой эпохи, все общество должно было рѣзко раздѣляться на два класса: „благородныхъ“ и „подлыхъ“. И дѣйствительно, оба указанныхъ термина получаютъ право гражданства въ оффиціальныхъ актахъ XVIII ст. Такъ, уже въ царствованіе Петра предикатъ „благородія“, на который въ московскую эпоху имѣлъ право только государь, начинаетъ принадлежать дворянамъ. Вотъ что писалъ по этому поводу въ 1706 году Брюсъ директору московской типографіи Кипріянову: „ежели въ какой твоей печати имя государя царевича помянется, то тебѣ не надлежитъ писать царевича благороднымъ, понеже всякій шляхтичъ знатный пишется благороднымъ“. Въ 1721 году, при введеніи императорскаго титула, было предписано титуловать членовъ им-

ператорской фамиліи „благовѣрными“ вмѣсто „благородными“, „понеже титуловаться благородствомъ ихъ высочествамъ по нынѣшнему употребленію низко; ибо благородство и шляхетству дается“. Точно также и во всѣхъ позднѣйшихъ актахъ мы встрѣчаемся съ терминомъ „россійское благородное дворянство“. Одновременно съ терминомъ „благородный“ входитъ въ употребленіе и терминъ „подлый“ въ смыслѣ синонима низшаго. Однако, уже въ серединѣ XVIII ст. этотъ терминъ вызываетъ протесты. „Подлаго у меня нѣтъ ничего, говорилъ одинъ депутатъ въ Екатерининской комиссіи, земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякій изъ нихъ честенъ и знатенъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ; подлы тѣ только, которые имѣютъ дурныя свойства, производятъ дѣла, противныя законамъ, непристойныя своему званію, нарушающія общее спокойствіе, и, наконецъ, тѣ, которыя, не радя о чужомъ благѣ, жизнь свою препровождаютъ праздно“.

Обособившись отъ „подлыхъ“, „благородные“, по воззрѣніямъ той эпохи, во всемъ должны были отличаться отъ первыхъ и стараться во чтобы то ни стало не смѣшиваться съ ними. Эти цѣли могли быть достигнуты надѣленіемъ благородныхъ такими правами и обязанностями, которыя выдѣлили бы ихъ изъ всей массы населенія, поставивъ въ особыя и исключительныя условія. Разсмотрѣніемъ этихъ правъ и обязанностей мы теперь и займемся, причемъ начнемъ съ послѣднихъ.

До манифеста о вольностяхъ дворянства 1762 года дворяне обязаны были нести постоянную службу—военную или гражданскую; причемъ при Петрѣ эта служба для каждаго дворянина начиналась съ достиженіемъ имъ 15 лѣтъ и обязательно (въ военной службѣ) должна была начинаться съ солдата. Такъ, указъ 1714 г. постановилъ „впредь изъ дворянскихъ породъ отнюдь не писать въ офицеры“ тѣхъ, которые не служили солдатами, такъ какъ они „фундамента солдатскаго дѣла не знаютъ“. Впослѣдствіи (въ сороковыхъ годахъ XVIII ст.) служба въ нижнихъ чинахъ обходилась тѣмъ, что дѣти записывались въ разные полки и, фактически не служа, производились въ офицерскіе чины, съ которыхъ и начинали свою дѣйствительную службу, по достиженіи совершеннолѣтія [1]). Напротивъ, при Петрѣ произ-

[1]) При Елизаветѣ Петровнѣ дѣти записывались прямо въ капралы,

водство въ офицерскіе и вообще въ высшіе чины происходило не иначе, какъ сообразно со способностями и усердіемъ служащаго. По Воинскому уставу (гл. I) въ офицеры могли быть произведены только грамотные и служившіе до этого „честно, трезво, умѣренно, учтиво и храбро", причемъ начальству было строго воспрещено повышать въ чинахъ не за личныя заслуги, но или по корыстнымъ цѣлямъ, или по человѣколюбію, потворству, „похлебству" и т. п. (гл. X).

Члены „знатнаго" шляхетства обыкновенно поступали въ гвардію, а остальные дворяне въ армію. Впрочемъ, Петръ далъ крайне своеобразное толкованіе понятію „знатности", предписавъ въ 1724 году знатное дворянство „по годности считать", т. е. иначе говоря, принимать въ гвардію лицъ, физически годныхъ для этого, каковыми могли быть, очевидно, статные, сильные и рослые дворяне. Точно также и при Аннѣ Ивановнѣ въ гвардію должны были поступать „возрастные" и „собою взрачные" дворяне, а „кои малаго возраста", опредѣлялись въ армію. Въ виду постояннаго характера службы, отставка или, какъ тогда говорилось, абшидъ, была мыслима только въ случаяхъ дряхлости, болѣзни или полученія ранъ, препятствующихъ продолженію службы. Однако, въ виду необходимости отпускать дворянъ для управленія своими имѣніями, вошла въ обычай, такъ называемая, „побывка на рекреацію", т. е., отпускъ со службы на извѣстный срокъ съ обязательствомъ явиться обратно по первому востребованію [1]).

Кромѣ военной, дворяне обязаны были отправлять и гражданскую службу, къ которой они относились съ гораздо большей непріязнью, чѣмъ къ первой, считая ее несовмѣстимою со своимъ достоинствомъ. Въ виду такой точки зрѣнія, Генеральный регламентъ предписалъ „не ставить въ укоризну" дворянамъ прохожденіе ими гражданской службы. Одновременно съ этимъ Петръ опредѣлилъ извѣстную пропорцію шляхетства, служащаго на гражданской службѣ, а именно, одну треть членовъ каждой фамиліи. Въ 1737 г., по инціативѣ Сената, правительство предписало набрать дворянскихъ недорослей отъ 15 до 17 лѣтъ и распредѣлить

унтеръ-офицеры и сержанты, а при Екатеринѣ II даже въ офицеры (впрочемъ, запись въ офицеры иногда имѣла мѣсто и до Екатерины).

[1]) Такъ, Екатерина I указомъ 24 Февр. 1727 г. разрѣшила отпускать домой 2/3 офицеровъ и солдатъ изъ дворянъ, чтобы дать имъ возможность осмотрѣть свои деревни и привести ихъ въ порядокъ.

ихъ, въ качествѣ приказныхъ служителей, на службу между Сенатомъ, коллегіями, канцеляріями и т. п. Недоросли должны были называться сенатскими, коллежскими и т. д. дворянами, „чѣмъ наибольше могутъ другимъ охоты придать и излишнее нареканіе и уничиженіе приказныхъ людей отъ себя отвести“. Способные черезъ пять лѣтъ производились въ секретари, неспособные же опредѣлялись въ солдаты. Впрочемъ, въ 1740 г. эта мѣра насильственнаго назначенія дворянъ на службу была уничтожена, „понеже къ приказнымъ дѣламъ не по охотѣ обучить ихъ никакъ невозможно“. Вмѣстѣ съ этимъ Сенатъ, видя, что недоросли, „смотря происхожденіе воинской службы другихъ ихъ братьи дворянъ, болѣе къ тому прилежатъ и тщатся“, постановилъ принимать на гражданскую службу только поступающихъ на нее добровольно. Мы уже говорили, что Екатерина II въ своемъ Наказѣ ставила гражданскую службу на одну доску съ военной, говоря, что „правосудіе не меньше надобно... и государство разрушилось бы безъ онаго“. Однако, дворянство попрежнему гнушалось гражданской службой, что и вынудило императрицу предписать въ 1796 г. губернскимъ правленіямъ „поощрять, чтобъ молодые дворяне, по окончаніи наукъ, занимались законами своей земли и образомъ судопроизводства, а для сего опредѣлялись бы въ приказы, не вмѣняя сіе въ предосужденіе благородству“. Гражданская служба при Петрѣ также начиналась съ низшихъ должностей, т. е. „порядкомъ, какъ въ воинскихъ чинахъ производится“ (Табель о рангахъ). Впрочемъ, изъ этого правила дѣлались исключенія въ пользу лицъ, получившихъ научное образованіе и спеціальную подготовку, которыя имѣли право начинать службу не съ низшихъ должностей. Впослѣдствіи (съ начала XIX ст.) полученіе извѣстнаго образованія сдѣлалось необходимымъ условіемъ для назначенія на нѣкоторыя должности и для производства въ извѣстные чины (Положеніе объ устройствѣ училищъ 24 Янв. 1803 г., указъ о производствѣ въ чины 6 Авг. 1809 г., Положеніе о производствѣ въ чины 25 Іюня 1834 г. и др.).

Служба, какъ гражданская, такъ и военная, вознаграждалась жалованьемъ и раздачей населенныхъ имѣній (въ особенности при Екатеринѣ II и Павлѣ I), явившейся на смѣну раздачѣ помѣстій, практиковавшейся въ московскую эпоху.

Другая обязанность дворянъ, введенная Петромъ, со-

стояла въ обязательномъ обученіи, для чего государь через извѣстные періоды времени дѣлалъ смотры дворянскимъ юношамъ, строго наказывая неуспѣвшихъ въ наукахъ. На эти смотры должны были являться молодые дворяне (недоросли), начиная съ достигшихъ 10 лѣтняго возраста, причемъ малолѣтніе отправлялись послѣ смотра домой съ обязательствомъ явиться въ опредѣленный срокъ на службу, а взрослые и годные къ службѣ зачислялись на нее немедленно. При Аннѣ Ивановнѣ (въ 1737 г.) названные смотры были упорядочены слѣдующимъ образомъ: на первый смотръ являлись всѣ мальчики, достигшіе 7-ми лѣтъ, и заносились въ осбые списки; на второй смотръ являлись тѣ же мальчики, но уже достигшіе 12 лѣтъ, причемъ тагда же имъ производился экзаменъ изъ чтенія и письма, который они подъ страхомъ наказанія родителей, обязаны были выдержать; на третій смотръ они должны были явиться по достиженіи ими 16-ти лѣтъ, причемъ имъ производился экзаменъ изъ Закона Божьяго, ариѳметики и геометріи, не выдержавшіе зачислялись навсегда въ матросы. Наконецъ, на четвертый смотръ молодые люди являлись по достиженіи ими 20-ти лѣтъ, причемъ держали экзаменъ изъ географіи, исторіи и фортификаціи, послѣ чего поступали на службу. При Петрѣ же, въ цѣляхъ поощренія къ ученію, было предписано разрѣшить вступленіе въ бракъ только тѣмъ изъ дворянъ, которые представятъ свидѣтельство о знаніи ими ариѳметики и геометріи (указъ 28 Февр. 1714 г.) [1]).

Тяжесть службы и обязательнаго обученія влекли за собою массовое укрывательство молодыхъ дворянъ отъ явки на смотры, и съ такими „нѣтчиками" (какъ назывались въ то время неявившіеся на смотры) правительство вело безпощадную борьбу, угрожая имъ и карая ихъ всякими наказаніями, начиная со штрафовъ и тѣлесныхъ наказаній и кончая шельмованіемъ (т. е. лишеніемъ всѣхъ правъ и постановкою внѣ закона) и конфискаціей имущества. Имена

---

[1]) Какъ извѣстно, тогда же установился обычай посылать молодыхъ дворянъ заграницу для изученія разныхъ наукъ. Такъ, въ одномъ 1716 г. правительство послало 60 человѣкъ во Францію, Англію, и Венецію для изученія морского дѣла. Въ этомъ же году послано нѣсколько человѣкъ въ Персію изученія восточныхъ языковъ. Въ послѣдующія царствованія принудительная посылка за-границу прекратилась, но за то само правительство начало распредѣлять молодыхъ дворянъ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ нисколько не справляясь съ ихъ желаніями. Такая политика въ особенности практиковалась при Елизаветѣ Петровнѣ (указы 1742 и 1797 г.г.).

нѣтчиковъ прибивались къ висѣлицѣ съ барабаннымъ боемъ, „дабы о нихъ всякъ зналъ, яко преслушателей указовъ и равныхъ измѣнникамъ", причемъ каждый обязывался доносить на нихъ, за что вознаграждался изъ ихъ имущества. Также строго карались и укрыватели нѣтчиковъ. По указу 23 Авг. 1720 г. имъ грозило: наказаніе кнутомъ, вырываніе ноздрей и вѣчная каторга. Даже губернаторамъ и воеводамъ за нерадѣніе въ поискахъ за нѣтчиками правительство грозило большимъ штрафомъ. Но ничто не помогало, и нѣтчики продолжали существовать [1]) до самого уничтоженія обязательной службы дворянства. Послѣднее въ 1730 г., при избраніи на престолъ Анны Ивановны, ходатайствовало въ своихъ проектахъ объ ограниченіи службы 20 годами. Анна Ивановна отчасти вняла этой просьбѣ и манифестомъ 11 Декабря 1736 года ограничила службу дворянъ 25 годами, причемъ она обязательно начиналась съ 20- ти лѣтняго возраста. По прошествіи 25 лѣтъ, дворянинъ получалъ абшидъ, но съ обязательствомъ выставить вмѣсто себя опредѣленное количество рекрутъ (со 100 душъ—одинъ). Кромѣ того, манифестъ разрѣшилъ одному изъ сыновей или братьевъ оставаться дома для занятій хозяйствомъ и не поступать на службу. Наконецъ въ 1762 г., состоялся извѣстный манифестъ о вольностяхъ дворянства, которымъ обязательная служба дворянъ была уничтожена. По манифесту дворянство получило право служить или не служить за исключеніемъ военнаго времени, когда всѣ дворяне могли быть призваны на службу [2]). Затѣмъ дворяне получили право служить въ иностранныхъ государствахъ, причемъ, при переходѣ на русскую службу, за ними признавался чинъ, полученный ими на иностранной службѣ. Наконецъ, дворянство могло воспитывать своихъ дѣтей, гдѣ и какъ угодно, но съ непремѣннымъ обязательствомъ давать имъ образованіе. Освободивъ послѣднее отъ службы, манифестъ 1762 г., однако, высказалъ надежду, что лица

---

[1]) По словамъ Посошкова „въ ослушаніи и въ презрѣніи указовъ царскаго величества иные дворяне уже состарѣлись, въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали" (О скудости и богатствѣ, Сочиненія т. I, стр. 89). Другіе дворяне записывались въ купцы, однодворцы и въ крестьяне, чтобы такимъ образомъ избавиться отъ службы (см. Яблочкова назв. соч. стр. 373 и 451).

[2]) Впрочемъ, лица, находившіяся на военной службѣ, не могли выходить въ отставку во время войны или за три мѣсяца до нея. Кромѣ того, дворяне, служащіе въ нижнихъ чинахъ на военной службѣ, могли выходить въ отставку только по прошествіи 12 лѣтъ службы.

высшаго класса „побуждены будутъ не удаляться, ниже укрываться отъ службы, но съ ревностью и желаніемъ въ оную вступать и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную продолжать, не меньше и дѣтей своихъ съ прилежностью и раченіемъ обучать пристойнымъ наукамъ", грозя въ противномъ случаѣ предписать „всѣмъ истиннымъ сынамъ отечества" „презирать" и „уничтожать" (sic) тѣхъ, „кои нигдѣ никакой службы не имѣютъ и въ лѣности и праздности свое время препровождаютъ". Жалованная грамота 1785 г. подтвердила эти постановленія манифеста со слѣдующей, впрочемъ, оговоркою: „во всякое россійскому самодержавію нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякій благородный дворянинъ обязанъ, по первому призыву отъ самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самого живота для службы государству".

Въ царствованіе императора Николая I постановленія Жалованной грамоты относительно свободы обученія и службы дворянъ были неоднократно нарушаемы. Такъ, свобода обученія была значительно ограничена указомъ 1831 г., воспретившимъ молодымъ людямъ, не достигшимъ 18-лѣтняго возраста, выѣздъ за границу съ цѣлями обученія, затѣмъ указомъ 1834 г. дворянамъ было запрещено пребываніе за границею долѣе пяти лѣтъ, а указомъ 1851 года— даже долѣе трехъ лѣтъ, причемъ за выдачу заграничнаго паспорта второй указъ предписывалъ взимать 250 руб. за полъ-года.

Что касается до свободы службы, то она была ограничена указомъ 1837 г., предписавшимъ всѣмъ, поступающимъ на службу, начинать ее обязательно въ губерніяхъ и только по прошествіи трехъ лѣтъ переходить на службу въ министерства и другія центральныя учрежденія. Въ то же время на губернаторовъ была возложена обязанность надзирать за вновь поступающими на службу „съ тѣмъ, чтобы они пеклись о сихъ молодыхъ людяхъ не только какъ начальники, но какъ отцы семейства, коимъ поручаются дѣти благовоспитанныя, для первыхъ шаговъ на поприщѣ службы, и о поведеніи ихъ доносили бы Его Императорскому Величеству каждые полъ-года". Наконецъ, въ 1853 г., генералъ-губернаторы получили инструкцію наблюдать, „чтобы дворяне во всѣхъ губерніяхъ не находились во вредной праздности и посвящали бы себя службѣ государственной".

Со времени Екатерины II дворянство становится привилегированнымъ сословіемъ, такъ какъ получаетъ такія права и преимущества, которыми не обладаютъ другія сословія, Къ этимъ привилегіямъ относятся: во-первыхъ, *преимущества по службѣ*, какъ военной, такъ и гражданской. Впервые такое преимущество дворяне получили относительно военной службы въ 1762 г., когда было предписано „всѣмъ дворянамъ, отставляемымъ за болѣзнями отъ службы, но не съ офицерскими чинами“, давать эти послѣдніе, „дабы они предъ тѣми, кои не изъ дворянъ отставляемы будутъ, преимущество имѣли“. Затѣмъ полковничьей инструкціей 1765 г. правительство предписало производить въ офицеры дворянъ предпочтительно предъ недворянами. На ту же точку зрѣнія стали и наказы, ходатайствуя предъ Екатериной II о томъ, чтобы „дворянъ, вступающихъ на службу. избавить навсегда отъ солдатства и унтеръ-офицерства“ (опочецкій) и о воспрещеніи производства въ офицеры недворянъ (керенскій и др.). Правда, это желаніе правительство не исполнило, но за то даровало дворянамъ не мало другихъ служебныхъ привилегій. Такъ, въ 1787 г. состоялось распоряженіе о пріемѣ въ гвардію только дворянъ, въ 1790 г.—о разрѣшеніи перехода изъ гражданской службы въ военную только дворянамъ и т. д. При Павлѣ Петровичѣ исполнилось и желаніе наказовъ. Сперва уставами о службѣ пѣхотной и кавалерійской было постановлено производить въ офицеры: дворянъ, по прослуженіи ими трехъ лѣтъ (причемъ рядовыми дворяне служили только три мѣсяца, а затѣмъ производились въ унтеръ-офицеры), а недворянъ, по прослуженіи 12 лѣтъ, притомъ не иначе, какъ за отмѣнныя способности и заслуги. Наконецъ, указомъ 1798 г. правительство совершенно запретило производить въ офицеры лицъ, не принадлежащихъ къ высшему сословію, „потому что въ оныхъ званіяхъ одни дворяне должны состоять“. И только закономъ 1829 г., было разрѣшено производство недворянъ въ офицеры, но не иначе, какъ по прослуженіи ими 6 лѣтъ въ солдатахъ (впрочемъ, этимъ правомъ могли воспользоваться только однодворцы, для разночинцевъ же былъ установленъ 10-ти лѣтній срокъ службы въ гвардіи и 12-ти лѣтній въ арміи).

Привилегіи по гражданской службѣ ведутъ свое начало съ 1771 г., когда состоялось запрещеніе о пріемѣ на на-

званную службу лицъ податныхъ состояній [1]). Затѣмъ въ 1790 г. вышли правила о срокахъ производства въ чины, на основаніи которыхъ дворяне получили право производства въ чинъ 8-го класса черезъ три года службы въ 9-мъ классѣ, а недворяне—черезъ 12 лѣтъ; затѣмъ при отставкѣ право быть произведеннымъ въ слѣдующій чинъ могло принадлежать только дворянину [2]). При Николаѣ I было издано нѣсколько законовъ, въ силу которыхъ доступъ на гражданскую службу былъ предоставленъ по преимуществу однимъ дворянамъ, а члены другихъ сословій допускались на нее съ большими ограниченіями (напр., законъ 14 Окт. 1827 г.). Кромѣ того, въ это же царствованіе появились новыя правила о производствѣ въ чины (въ 1834 г.), по которымъ дворяне производились въ слѣдующіе чины черезъ болѣе краткіе промежутки времени, чѣмъ недворяне. Уничтоженіе указанныхъ законовъ произошло въ 1856 г., когда были введены общіе сроки при производствѣ въ чины для лицъ всѣхъ состояній, такъ какъ „награжденія повышеніемъ въ чинахъ такъ же, какъ и всѣ прочія по службѣ награды, должны быть даруемы только за постоянные... труды на самой службѣ, безъ принятія въ уваженіе какихъ-либо обстоятельствъ, сей службѣ предшествовавшихъ“.

Во-вторыхъ, *привилегіи въ области уголовнаго права:* Такъ, уже Воинскій уставъ 1716 г. освободилъ дворянъ отъ пытки за исключеніемъ разбирательствъ дѣлъ по нѣкоторымъ государственнымъ преступленіямъ и по убійству. Кромѣ того, по сепаратнымъ указамъ дворяне иногда ставились въ болѣе льготныя условія, чѣмъ недворяне. Такъ, указъ 1711 г. грозитъ „вышнихъ чиновъ дворянамъ быть въ его, великаго государя, гнѣвѣ, а нижнихъ — въ жестокомъ истязаніи“. Точно также во многихъ указахъ объ утайкѣ душъ въ ревизскихъ сказкахъ полагаются слѣдующія наказанія: для помѣщиковъ — своего рода штрафъ, выражающійся въ томъ, что съ нихъ брали въ рекруты вдвое больше людей сравнительно съ утаенными, а для приказчиковъ и старостъ — смертная казнь и т. п. Однако, указанными льготами дво-

[1]) Впрочемъ, еще указомъ 5 Сент. 1765 г. было постановлено опредѣлять дворянъ на вакантныя мѣста и производить ихъ въ чины, „давая имъ по достоинству предъ тѣми, кои не изъ дворянъ, преимущество“.

[2]) Съ Александра I дворяни, не получившіе образованія, поступали на службу канцелярскими служителями, недворяне же этимъ правомъ не пользовались (указъ 24 Апр. 1811 г.).

ряне не были довольны, почему въ проектѣ Елизаветинской комиссіи провели слѣдующее постановленіе: „дворяне не должны быть арестуемы ни за какія преступленія, развѣ въ преступленіи въ самомъ дѣлѣ пойманы, съ поличнымъ приведены, или по суду отчасти изобличены будутъ, и важность онаго преступленія того требуетъ“. Затѣмъ по проекту дворянство освобождается отъ пытокъ, пристрастнаго допроса и отъ „всякаго неприличнаго его природѣ наказанія“, какъ то: кнута, кошекъ, плетей и батоговъ. Наконецъ, къ дворянамъ не могутъ быть примѣняемы ссылка на казенные работы и конфискація имущества. Точно также и комиссія 1763 г., учрежденная Екатериною II для пересмотра манифеста о вольностяхъ дворянства, высказалась за освобожденіе дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія и конфискаціи имущества и за необходимость, при разсмотрѣніи „криминальныхъ дѣлъ“ дворянъ, „болѣе вящшихъ доказательствъ, нежели противъ недворянъ“ (ст. 13, 14 и 16 доклада, составленнаго комиссіею). На той же точкѣ зрѣнія стояли и дворянскіе наказы 1767 г. Такъ, напр., калужскій наказъ просилъ избавить дворянъ „какъ въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, такъ и во всякомъ состояніи, вездѣ и всегда отъ всякаго тѣлеснаго и безчестнаго наказанія, и пытокъ, и смертной казни“. Ярославскій наказъ также обратился къ императрицѣ съ подобною же просьбою. „Не соблаговолено ли будетъ, читаемъ въ немъ, и въ наказаніяхъ отличить дворянъ отъ простыхъ людей“, такъ какъ въ противномъ случаѣ „дворянскія дѣти лишатся знатныхъ мыслей, которыя черезъ долгое время родители въ нихъ тщились вложить“. Тѣ же начала легли въ основаніе „проекта правамъ благородныхъ“, составленнаго законодательной комиссіей 1767 г. Такъ, по проекту „благородные не подвержены никакому тѣлесному наказанію“, и имѣніе ихъ, „движимое и недвижимое—ни за какое преступленіе, кромѣ оскорбленія величества, не отписывается, и то только благопріобрѣтенное, а не родовое“. Екатерина II обратила вниманіе на нѣкоторыя желанія дворянства и въ Жалованной грамотѣ послѣднему отмѣнила тѣлесное наказаніе и конфискацію имущества. При Павлѣ I, однако, тѣлесное наказаніе стало снова примѣняться къ дворянамъ, въ виду своеобразнаго толкованія этимъ государемъ постановленій Жалованной грамоты. Такъ, по поводу одного дѣла Павелъ I положилъ слѣдующую резолюцію: „какъ скоро снято дворян-

ство, то уже и привилегія до него не касается, почему и впредь поступать". Такимъ образомъ, тѣлесное наказаніе примѣнялось къ дворянамъ, но только предварительно ихъ лишали дворянскаго достоинства. Александръ I возстановилъ предписаніе Екатерины II, и дворяне были уже навсегда освобождены отъ тѣлеснаго наказанія [1]). Затѣмъ указомъ 19 Іюля 1802 г. было запрещено ковать въ желѣзо преступниковъ изъ дворянъ [2]), а положеніемъ Комитета министровъ 1826 г. брить полъ-головы у арестантовъ изъ дворянъ. Наконецъ, Сводъ Законовъ (изд. 1857 г.) окончательно санкціонировалъ постановленіе, что „дворянинъ свободенъ отъ всякаго тѣлеснаго наказанія какъ по суду, такъ и во время содержанія подъ стражей" (ст. 199 IX т.).

Въ-третьихъ, *право на поземельную собственность*, т. е. на владѣніе, какъ населенными, такъ и ненаселенными имѣніями. Это право окончательно получило законодательную санкцію въ царствованія Анны Ивановны, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Такъ, указомъ 1730 г. воспрещалось, на основаніи Уложенія 1649 г. (ст. 41, гл. XVII), боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ пріобрѣтать недвижимыя имущества какъ въ городахъ. такъ и въ уѣздахъ, а пріобрѣтенныя уже предписывалось продать въ полъ-года со времени изданія указа. Въ 1746 г. такое же запрещеніе покупки уѣздныхъ земель состоялось относительно купечества, цеховыхъ, казаковъ, ямщиковъ и „прочихъ разночинцевъ, состоящихъ въ подушномъ окладѣ". Названныя запрещенія съ обязательствомъ продать имѣющіяся земли въ полугодовой срокъ неоднократно подтверждались и впослѣдствіи, однако, на практикѣ всѣ сословія конкурировали съ дворянами въ дѣлѣ пріобрѣтенія недвижимой собственности, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ. На это явленіе обратили вниманіе дворянскіе наказы 1767 г., прося „предоставить одному только дворянству имѣть деревни и ими пользоваться, а прочимъ никому, хотя бы кто въ какой вышній чинъ не дослужился, а дворянствомъ не пожалованъ, не долженъ тѣмъ правомъ пользоваться" (кашинскій наказъ). Большинство наказовъ содержитъ въ себѣ подобную просьбу. Екатерина II вняла ей и въ Жалованной

---

[1]) Въ 1833 г. были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія и дѣти личныхъ дворянъ.

[2]) Тоже самое было подтверждено въ 1833 г., когда состоялось распоряженіе о некованіи въ желѣзо дворянъ, при ссылкѣ ихъ въ Сибирь.

грамотѣ 1785 г. снова подтвердила (ст. 26) исключительное право дворянъ на владѣніе поземельною собственностью. Съ указа 1801 г., изданнаго Александромъ I, это право было нѣсколько ограничено, вслѣдствіе разрѣшенія членамъ другихъ сословій, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ, владѣть ненаселенными имѣніями. Съ указа жа 1848 г. это правс получили и крѣпостные. Въ связи съ названнымъ правомъ находилось, въ-четвертыхъ, право *на владѣніе крепостными крестьянами* (впрочемъ de facto и другія сословія владѣли крѣпостными, не смотря на постоянныя запрещенія этого со стороны правительства [1]); послѣднее запрещеніе состоялось въ указѣ 1836 года [2]) и вошло въ Сводъ Законовъ). Также въ связи съ правомъ на поземельную собственность находилось, въ-пятыхъ, и право *на владѣніе домами въ городахъ*, санкціонированное дворямамъ Жалованной грамотою 1785 г.

Въ-шестыхъ, права *въ области торговли и промышленности*. При Петрѣ, на основаніи указа о единонаслѣдіи 1714 г., торговлей могли заниматься только младшіе сыновья дворянъ, такъ называемые, кадеты, въ виду лишенія ихъ поземельнаго нмущества, переходившаго по наслѣдству къ старшему сыну или въ завѣщательномъ порядкѣ къ одному изъ сыновей по выбору отца. Съ отмѣною указа въ 1731 г. уничтожилось и право торговли кадетовъ (дворяне на основаніи указа 1726 г. могли продавать только свои деревенскіе продукты или, какъ выражается указъ, „товары, которые въ деревняхъ ихъ и у крестьянъ ихъ родятся, но не скупные у другихъ) [3]). Однако, дворянство было крайне недо-

[1]) Такъ, указъ 1746 г. предписываетъ всѣмъ недворянамъ: „людей и крестьянъ безъ земель и съ землями покупать во всемъ государствѣ запретить и крѣпостей нигдѣ не писать“. Тоже подтверждаетъ и межевая инструкція 1754 г., а также указъ 1758 г. Однако, не смотря на это, всѣ сословія, даже свободные крестьяне, ходатайствовали предъ Екатериною II въ коммиссіи 1767 г. о разрѣшеніи имъ владѣть крѣпостными; на практикѣ это не рѣдко и имѣло мѣсто. Въ 1814 г. было запрещено владѣть крѣпостными и личнымъ дворянамъ.

[2]) Названный указъ, предписывая продать всѣмъ недворянамъ населенныя имѣнія въ полугодовой срокъ, т. е. подтверждая постановленіе указа 1758 г., въ то же время устанавливаетъ правила, на основаніи которыхъ, если крѣпостные съ землей или безъ земли достанутся по наслѣдству лицамъ, не имѣющимъ права владѣть ими, то они обязательно поступаютъ въ казенное вѣдомство, а наслѣдникамъ выдается изъ казны за каждую ревизскую душу извѣстное вознагражденіе.

[3]) Тоже подтверждаетъ и проектъ Елизаветинской коммиссіи, добавляя къ этому еще право покупки дворянами у купцовъ извѣстнаго города „купеческаго права“, на основаніи котораго они получали возможность заниматься торговлею. Этимъ добавленіемъ проектъ отличается

вольно ограниченіемъ своихъ торговыхъ правъ и это недовольство высказало въ наказахъ 1767 года. Такъ, московскій наказъ (подписанный представителями 17 княжескихъ фамилій) просилъ, „что бы дворянству позволено было продавать, гдѣ кто захочетъ, земскіе деревень своихъ продукты, вступать во внѣшніе и внутренніе валовые и мелочные торги и предпринимать всякіе промыслы съ подверженіемъ себя, однакожъ, подъ всѣ тѣ права и тягости, которыя при установленіи и учрежденіяхъ торговыхъ дѣлъ въ имперіи для каждаго мѣщанскаго промысла особо узаконяемы быть могутъ". О томъ же ходатайствовалъ и ярославскій наказъ. „Какъ уже всѣ ученѣйшіе народы признали, читаемъ въ немъ, что право торговли внѣ государства, если и дворяне въ оную вступятъ, полезно государству, а въ Россіи, еще не столь изученной ни чужестраннымъ языкамъ, ниже самаго исчисленія въ купечествѣ, дворянству бы сего не запретить". Михайловскій же наказъ шелъ еще дальше, требуя установленія для дворянъ монополіи хлѣбной торговли, „ибо только всего для дворянина, какъ одна земля, слѣдовательно, и ея произрастанія принадлежительны ему одному".

Однако, воззрѣнія Екатерины II на торговыя права дворянъ были иныя, и ихъ она высказала въ своемъ Наказѣ. „Люди, читаемъ здѣсь, думаютъ, что надлежитъ установить законы, поощряющіе дворянство къ отправленію торговли; это было бы способомъ къ раззоренію дворянства безо всякой пользы для торговли. Противно существу торговли, чтобы дворянство оную въ самодержавномъ правленіи дѣлало, погибельно было бы сіе для городовъ и отняло бы между купцами и черныю удобность покупать и продавать товары свои. Противно и существу самодержавнаго правленія, чтобы въ ономъ дворянство торговлю производило. Обыкновеніе, дозволившее въ нѣкоторой державѣ торги вести дворянству, принадлежитъ къ тѣмъ вещамъ, кои весьма много способствовали къ приведенію тамо въ безсиліе прежняго учрежденнаго правленія". Не смотря на подобную точку зрѣнія на торговлю дворянъ, императрица, однако, въ Жалованной грамотѣ предоставила послѣднимъ, такъ называемое, городовое право, т. е., право записи въ гильдіи [1]). Очевидно,

---

отъ Таможеннаго устава, изданнаго при той же Елизаветѣ Петровнѣ (въ 1755 г.) и стоящаго на точкѣ зрѣнія указа 1726 г.

[1]) Кромѣ того, Жалованная грамота подтвердила „благороднымъ право оптомъ продавать, что у нихъ въ деревняхъ родится или руко-

это была уступка съ ея стороны дворянству, жаждавшему обладать торговыми правами. Тѣмъ же объясняется, конечно, и разрѣшеніе, данное императрицею дворянамъ въ 1783 г., на владѣніе лавками и амбарами, находящимися въ домахъ послѣднихъ. Впрочемъ, въ концѣ своего царствованія Екатерина II значительно ограничила торговыя права дворянъ. Такъ, указомъ 1790 г. послѣднимъ было запрещено записываться въ гильдію. Основаніемъ для изданія названнаго указа послужило заключеніе губернскаго прокурора, представленное имъ въ общее собраніе московскаго губернскаго правленія и палатъ: гражданскаго и уголовнаго суда, созванное московскимъ главнокомандующимъ кн. Прозоровскимъ въ 1790 г. для разрѣшенія вопроса о правѣ дворянъ записываться въ гильдіи. „Самое существо дворянства, говорилъ въ своемъ заключеніи прокуроръ, обязуетъ каждаго дворянина упражняться не въ оборотахъ торговли, но главнѣйше въ службѣ военной, а въ мирное время въ отправленіи правосудія“, почему, „и не долженствуетъ дворянству входить въ промыселъ торговый наравнѣ съ купечествомъ, такъ какъ нельзя оба эти званія соединить вмѣстѣ и къ одному праву, ибо каждый изъ нихъ съ младенчества приготовленъ образомъ мыслей, другъ отъ друга весьма отдаленныхъ, да и какая удобность съ записаннаго въ купечество дворянина въ общественныя нужды и тягости требовать даянія“. Запрещеніе дворянамъ записываться въ гильдіи продержалось до 1807 г., когда манифестомъ, изданнымъ 1-го Января этого года, было снова разрѣшено, но только тѣмъ изъ нихъ, которые не состояли на государственной службѣ. Мотивомъ къ изданію манифеста послужило стремленіе укрѣпить связь между обоими государственными сословіями, а также и то, „чтобы дворяне могли содѣйствовать общему благу на поприщѣ торговаго трудолюбія“. Однако, въ 1824 г. начала манифеста 1807 г. были нарушены, такъ какъ въ это время состоялось новое ограниченіе торговыхъ правъ дворянъ, а именно имъ было разрѣшено записываться только въ одну первую гильдію и запрещено владѣть лавками въ гостинныхъ дворахъ, рядахъ и на рынкахъ. Но уже въ 1827 году дворяне получили опять разрѣшеніе записываться во всѣ гильдіи и,

---

дѣліемъ производится“, а также даровала право вывоза за-границу названныхъ продуктовъ.

слѣдовательно, вести торговлю на одинаковыхъ правахъ съ купечествомъ.

Въ связи съ торговыми правами дворянъ находилось и право *обязываться векселями* со стороны послѣднихъ. Было уже сказано, что уставъ о векселяхъ 1729 г. игнорировалъ дворянъ въ этомъ отношеніи, почему они въ своихъ наказахъ 1767 г. и ходатайствовали предъ Екатериною II о дарованіи имъ названнаго права. Однако, императрица оставила эти ходатайства безъ вниманія, а Банкротскимъ уставомъ 1800 года дворянамъ было даже прямо запрещено обязываться векселями. Названное право дворянство получило только въ 1862 г.

Что касается до правъ *въ области промышленности*, то со времени Петра и вплоть до изданія Жалованной грамоты дворяне пользовались правомъ повсюду (какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ) заводить и эксплоатировать въ свою пользу всякіе фабрики и заводы. По проекту Елизаветинской коммиссіи это право превратилось даже въ исключительную дворянскую привилегію, такъ какъ большинство фабрикъ и заводовъ могли содержать только дворяне (ст. 7, глава XXIII, ч. III). Мотивами этого постановленія послужили слѣдующія соображенія: 1) „чтобы дворяне, находясь въ разныхъ службахъ, вѣрнѣе и ревностнѣе ихъ отправляли и приличнымъ образомъ достоинству и чину своему себя содержать могли“ и 2) надеждою правительства, что дворянство „приведетъ въ отличное состояніе фабрики и заводы“, такъ какъ правительство „съ крайнемъ неудовольствіемъ усмотрѣло“, что купечество въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлало. Дворянскіе наказы, поданные въ коммиссію 1767 г., не требовали какихъ либо исключительныхъ правъ, но настаивали на томъ, чтобы „дворянству позволено было заводить и содержать фабрики и мануфактуры и предпринимать всякіе промыслы“ (московскій). Однако, въ коммиссіи подобныя желанія возбудили протестъ городскихъ депутатовъ, къ которымъ присоединились и нѣкоторые дворянскіе. Вотъ что, напр., говорилъ по этому поводу дворянскій депутатъ Глазовъ: „ежели станутъ благородные заводить заводы и фабрики, то купечество приведено будетъ въ оскорбленіе и лишится въ томъ купеческой своей пользы, а должно благороднымъ имѣть фабрики изъ произрастанія земляного, а также рудокопные заводы, а купечеству фабрики и заводы всякіе имѣть должно безъ изъятія“. Очевидно, этотъ протестъ былъ услышанъ

императрицею, и она въ Жалованной грамотѣ нѣсколько ограничила права дворянъ въ области промышленности, дозволивъ имъ имѣть фабрики и заводы только въ деревняхъ. Впрочемъ, еще раньше, съ изданіемъ устава о винокуреніи 1765 года, право дворянъ повсюду курить вино и брать подряды на поставку его, чѣмъ они пользовались со времени Петра I-го [1]), было уничтожено, и они могли курить вино только у себя въ деревняхъ безъ права продажи его. Поставка же вина и откупа стали разсматриваться, какъ исключительно купеческое право. Однако, это запрещеніе продолжалось въ законѣ только до 1774 года, когда дворяне опять получили прежнія права въ области винокуренія. Что же касается до поставки вина, то еще съ 1769 года къ ней снова были допущены дворяне, а съ 1786 года имъ вообще было дозволено входить во всякаго рода откупа и подряды. Наконецъ, въ 1827 году дворяне получили право заводить фабрики и заводы повсюду (а не только въ деревняхъ), но съ обязательною въ такихъ случаяхъ записью въ гильдію.

Къ привилегіямъ дворянъ принадлежала еще *свобода* отъ личныхъ податей, отъ рекрутской повинности и отъ постоя. Свобода отъ личныхъ податей была установлена со времени введенія подушной подати, рѣзко раздѣлившей все населеніе Россіи на два класса: податной и неподатной; ко второму было отнесено дворянство. Рекрутская повинность не коснулась дворянъ въ виду ихъ обязательной службы. Что же касается до постойной повинности, то отъ нея дворяне были освобождены только въ деревняхъ, городскіе же ихъ дома не пользовались этою привилегіею.

Къ исключительнымъ правамъ дворянства (а также и членовъ торгово-промышленнаго класса) слѣдуетъ причислить и право на *маіораты*. Впрочемъ, мы видѣли уже, какъ отнеслись дворяне къ указу о единонаслѣдіи 1714 г., результатомъ чего была отмѣна его въ 1731 г. Однако, съ теченіемъ времени взгляды дворянства измѣнились, и въ докладѣ дворянской коммиссіи 1763 г., а равно и въ своихъ наказахъ въ 1767 г. дворяне ходатайствовали о дарованіи

[1]) Указъ 1716 г., подтвержденный въ 1726 г., по которому винокуреніе стало исключительно дворянской привилегіей. Съ 1754 г. и право подряда на поставку вина также сдѣлалось привилегіи только дворянъ. Въ такомъ же направленіи редактированъ и проектъ Елизаветинской коммиссіи, предписавшій „до содержанія винокуренныхъ заводовъ и къ подрядамъ въ доставкѣ вина на кабаки допускать однихъ только помѣщиковъ“.

имъ права на маіораты. Такъ, докладъ коммиссіи 1763 г., высказался за установленіе „въ наслѣдствахъ дворянства права, называемаго фидеи-коммиссія или права отказа, или права старшинства“, по которому завѣщатель можетъ „отдать свое имѣніе старшему сыну или кому заблагоразсудитъ съ тѣмъ, чтобы наслѣдникъ имѣнія, въ чемъ бы оное не состояло, въ движимомъ или не въ движимомъ, онаго ни продать, ни заложить не могъ, но только доходъ изъ него на прожитокъ свой получалъ и въ цѣлости оставилъ другому, по себѣ старшему, или тому, кому въ духовной предписано“. По мнѣнію доклада, такой порядокъ вещей будетъ способствовать къ „воздержанію отъ мотовства“ и содѣйствовать тому, что „фамиліи не станутъ оскудѣвать и претворяться въ нищету“ (ст. 19 и „изъясненіе“ къ ней). О маіоратѣ же говорятъ и наказы 1767 г. Такъ, московскій наказъ проситъ императрицу, чтобы, „сообразуясь съ прочими въ Европѣ христіанскими областями благоучрежденными, дано было право власти всякому владѣльцу нѣчто и нѣкотораго рода свойства собственнаго своего движимаго и недвижимаго имѣнія опредѣлить по благоизобрѣтенію въ нераздѣльное наслѣдство кому, кто оное отдать пожелаетъ, съ предписаніемъ порядка. какъ оному переходить и изъ колѣна въ колѣно“. Точно также и въ переяславско-залѣсскомъ наказѣ встрѣчаемъ аналогичную просьбу, а именно: „мнилося бы быть полезно для сохраненія фамиліи и домовъ, если бы позволено было, кто самъ пожелаетъ при себѣ или при концѣ своемъ одну или сколько деревень захочетъ въ фамилію отказать“. Правда, вплоть до 1845 г. закона о маіоратѣ не послѣдовало, но на практикѣ иногда разрѣшалось его учрежденіе. Такъ продолжалось до 1845 г., когда было издано извѣстное положеніе о заповѣдныхъ имѣніяхъ, дѣйствующее и по сіе время.

Дворяне пользовались и нѣкоторыми *почетными правами.* Такъ, они имѣли право на гербы, появившіеся на практикѣ въ концѣ XVII ст. и впервые получившіе законодательную санкцію въ табели о рангахъ и въ инструкціи герольдмейстеру 1722 г. На основаніи послѣдней названное должностное лицо должно было составить общій для всѣхъ дворянскихъ родовъ гербовникъ, руководствуясь при этомъ пристойными книгами другихъ государствъ. Право на гербъ по этой инструкціи было признано за всѣми оберъ-офицерами военной службы, какого бы они происхожденія ни были, за

дворянами, могущими доказать свое дворянство за сто лѣтъ до 1722 г., и за иностранными дворянами, признанными таковыми и въ Россіи. Въ 1797 г. снова состоялся указъ о составленіи общаго гербовника, въ который должны были быть внесены всѣ гербы дворянскихъ родовъ. Этотъ гербовникъ, составленный въ 1798 г., хранится въ Сенатѣ, въ департаментѣ герольдіи, причемъ всего составлено 11 частей его (11-ая часть окончена своимъ составленіемъ уже при Александрѣ II). Затѣмъ дворяне пользовались правомъ одѣвать своихъ лакеевъ въ особыя ливреи, „понеже знатность и достоинство чина какой особы часто тѣмъ умаляется, когда уборъ и прочій поступокъ тѣмъ не сходствуетъ“, ѣздить въ экипажахъ, запряженныхъ опредѣленнымъ числомъ лошадей, смотря по рангу дворянина, и имѣть особый мундиръ (съ 1832 г.—мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ[1]).

Чтобы покончить съ дворянскими правами и преимуществами, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о *неприкосновенности* дворянскаго достоинства, о чемъ дворяне неоднократно хлопотали, начиная съ 1730 г. Въ этомъ году въ „кондиціяхъ“, предложенныхъ Аннѣ Ивановнѣ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ и принятыхъ ею, было постановлено, чтобы „у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать“. О томъ же ходатайствовали и дворянскіе наказы 1767 г. Екатерина II вняла этимъ просьбамъ и въ Жалованной грамотѣ постановила: „не токмо имперіи и престолу полезно, но и справедливо есть, чтобъ благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо, вслѣдствіе этого да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступленія, основаніямъ дворянскаго достоинства противнаго“, поэтому „безъ суда да не лишится благородный дворянскаго достоинства, чести, жизни и имѣнія“. Мало того, на основаніи грамоты всякій судебный приговоръ, лишающій дворянина дворянства или жизни, долженъ былъ быть представленъ въ Сенатъ и конфирмованъ государемъ, безъ чего онъ не имѣлъ никакой юридической силы[2]). Это постановленіе грамоты было подтвер-

[1]) Изданіе манифеста 3 Апр. 1775 г., опредѣлившаго фасонъ ливрей и число лошадей въ экипажахъ, было мотивировано желаніемъ уменьшить роскошь, сильно распространившуюся среди дворянства.

[2]) Любопытно, что въ этомъ отношеніи Жалованная грамота только узаконила ту практику, которая существовала раньше. Такъ, въ ревизіонной дѣятельности Сената въ первую половину царствованія Екате-

ждено указомъ 8 Сент. 1802 г. о правахъ и обязанностяхъ Сената, въ силу котораго послѣдній по уголовнымъ дѣламъ дворянъ, влекшимъ за собою лишеніе дворянскаго достоинства, долженъ былъ представлять доклады государю и ожидать по нимъ конфирмаціи.

§ 2. *Духовенство* [1]).

Духовенство раздѣлялось на *черное* или *монашествующее* и *бѣлое* или *приходское*. Первое, не будучи наслѣдственнымъ, не могло трактоваться, какъ сословіе, напротивъ, второе, начиная съ XVIII ст., стало организовываться въ особую сословную группу, потомственную и замкнутую.

Петровское законодательство обратило большое вниманіе на упорядоченіе юридическаго положенія монашествующаго духовенства, причемъ чисто хозяйственный взглядъ правительства на подданныхъ, требовавшій непремѣннаго участія всѣхъ въ государственномъ дѣлѣ, строго наблюдавшій, чтобы никто не уклонялся отъ государственной службы, никто „въ избылыхъ не былъ", сталъ, какъ вѣрно замѣтилъ г. Кедровъ, въ прямое противорѣчіе съ идеею монастырскаго отреченія отъ міра [2]). Точка зрѣнія Петра на монашество рельефно сказалась въ его извѣстномъ указѣ 31 Янв. 1724 г. „Нынѣшнее житіе монаховъ, читаемъ въ немъ, точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ... понеже большая часть (монаховъ) тунеядцы суть... Въ монахахъ все готовое, а гдѣ и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть. Прилежатъ-же-ли разумѣнію божественныхъ писаній? Всячески нѣтъ, а что говорятъ: молятся, то и всѣ молятся... Что же прибыль обществу отъ сего? Воистину только старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ

рины II постоянно встрѣчаются факты представленія на высочайшую конфирмацію судебныхъ приговоровъ, касающихся дворянъ (См. Грибовскаго, Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія Екатерины II, стр. 273—274).

[1]) Веденяпинъ, Законодательство имп. Елизаветы Петровны относительно православнаго духовенства (Правосл. Обозр. 1865 г., кн. V, VII и X); Горчаковъ, Монастырскій приказъ; П. Знаменскій, Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра; Ив. Знаменскій, Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I; Бѣликовъ, Отношеніе государственной власти къ церкви и духовенству въ царствованіе Екатерины II (Чтеніе въ Общ. Люб. Духовн. Просв. 1876 г., кн. II, IV, X и XI); Кедровъ, Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностію Петра В.; Папковъ, Упадокъ православнаго прихода въ XVIII и XIX ст.

[2]) Кедровъ, назв. соч., стр. 215.

отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ есть". При такомъ взглядѣ на монашество, становятся понятны мѣропріятія правительства къ уменьшенію числа монастырей, къ введенію строгихъ правилъ монашескаго житія и къ затрудненію поступленія въ монашество, предпринятыя въ царствованіе Петра. Такъ, по Духовному регламенту (см. „Прибавленіе къ регламенту о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго", изданное въ 1722 г.) былъ созданъ цѣлый рядъ затруднительныхъ условій для постриженія. Для этого, во-первыхъ, требовался извѣстный возрастъ (30 лѣтъ для мужчинъ и 50 лѣтъ для женщинъ), затѣмъ, во-вторыхъ, согласіе непосредственнаго начальства, причемъ для крѣпостныхъ крестьянъ—согласіе помѣщиковъ, наконецъ, въ-третьихъ, прекращеніе всѣхъ обязательствъ, напр., уплата долговъ и т. п. Мало того, регламентъ запретилъ постригать супруговъ, произвольно разведшихся или имѣющихъ малолѣтнихъ дѣтей. Но государь не удовольствовался только этими мѣропріятіями и указомъ 28 Янв. 1723 г. совсѣмъ воспретилъ, кому-бы то ни было, поступать въ монашество. „Отнынѣ, гласилъ указъ, впредь отнюдь никого не постригать, а сколько изъ обрѣтающихся нынѣ числа оныхъ монаховъ и монахинь будетъ убывать, о томъ въ Синодъ рапортовать, и на тѣ убылыя мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ" (конечно, нужно думать, на покой). Такимъ образомъ монашество было осуждено на исчезновеніе въ Россіи, еслибы Екатерина I не отмѣнила дѣйствія петровскаго указа въ 1725 г. Тогда-же императрица предписала, чтобы при поступленіи въ монастырь, въ каждомъ частномъ случаѣ испрашивалось разрѣшеніе Синода. При Аннѣ Іоанновнѣ указомъ 1734 г. было разрѣшено постригать въ монахи только однихъ вдовыхъ священниковъ, дьяконовъ и отставныхъ солдатъ, всѣмъ-же остальнымъ лицамъ правительство воспретило, подъ страхомъ ссылки и конфискаціи имущества, поступать въ монастырь. Только во время Екатерины II (въ 1762 г.) законодательство вернулось къ началамъ указа 1725 г., т. е. поступленіе въ монастырь стало правомъ каждаго лица, но осуществленіе его было поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія Синода. Наконецъ, въ 1778 г. законъ воспретилъ постригать несовершеннолѣтнихъ. Что касается до правъ и привилегій монашествующаго духовенства, то они были одинаковы съ тѣми, какія получило и бѣлое духовенство.

Послѣднее дѣлилось на священно-служителей (священники и дьяконы) и церковно-служителей (причетники, т. е. дьячки, пономари и др.) и съ начала XVIII ст. стало организоваться, какъ особое сословіе, замкнутое въ смыслѣ вступленія въ него и выхода изъ него и потомственное въ смыслѣ наслѣдственности званія. Усиленію характера замкнутости духовенства значительно способствовали паденіе значенія приходскихъ выборовъ клира и организація извѣстнаго спеціальнаго образованія въ учрежденныхъ при Петрѣ духовныхъ школахъ. Выборы членовъ клира приходомъ, столь широко практиковавшіеся въ до-петровской Россіи и благодаря которымъ въ составъ духовенства постоянно приливали новые элементы изъ другихъ сословій (прихожане могли избирать священно и церковно-служителями кого имъ угодно) встрѣтили сильную оппозицію со стороны свѣтскаго и церковнаго правительства въ XVIII ст., считавшихъ единственно — правильнымъ способомъ замѣщенія вакантныхъ должностей при церквахъ — назначеніе епархіальнымъ начальствомъ, въ свою очередь признававшимъ наслѣдственность церковныхъ мѣстъ, переходившихъ отъ отца къ его нисходящимъ. Первоначально избраніе приходомъ было ограничено въ томъ отношеніи, что выбирались только духовныя лица, причемъ въ большинствѣ случаевъ наслѣдственность мѣстъ также принималась въ расчетъ. Наконецъ, въ концѣ XVIII ст. (при Павлѣ I) приходскіе выборы совсѣмъ вышли изъ практики [1]).

Съ учрежденіемъ духовныхъ школъ, въ качествѣ необходимаго условія для поступленія въ духовную службу, было выставлено требованіе извѣстнаго спеціальнаго образованія, полученнаго въ нихъ. По Духовному регламенту, хотя эти школы и учреждались при архіерейскихъ каѳедрахъ „къ воспитанію дѣтей въ надежду священства", однако, доступъ въ нихъ не былъ закрытъ и для другихъ сословій („для дѣтей священническихъ и *прочихъ*"). Такимъ образомъ, благодаря школамъ, также была возможность войти въ составъ духовенства лицамъ, не принадлежащимъ къ нему по рожденію. Но такой порядокъ вещей продолжался не долго, и ду-

---

[1]) Этому въ значительной степени содѣйствовалъ указъ Синода 24 Іюня 1797 г., неправильно придавшій распространительное толкованіе именному указу 12 Декабря 1796 г., воспретившему подавать прошенія, подписанныя болѣе, чѣмъ однимъ просителемъ (см. Папкова, Упадокъ православнаго прихода, стр. 88 и слѣд.).

ховныя школы въ скоромъ времени стали сословными. Преграждая путь къ духовному званію для всѣхъ тѣхъ, которые въ нихъ не учились, онѣ въ тоже время, говоря словами г. Знаменскаго, все плотнѣе замыкались для людей недуховнаго происхожденія и такимъ образомъ становились только новымъ орудіемъ къ развитію той-же замкнутости духовнаго званія [1]). Уже по Духовному регламенту, кякъ мы видѣли, не признавашему еще сословнаго характера духовныхъ школъ, все содержаніе ихъ было возложено на архіерейскіе дома, монастыри и духовенство, безъ всякаго пособія со стороны государства. Точно также надзоръ за ними и вообще все управленіе ими было сосредоточено въ рукахъ епархіальныхъ архіереевъ и Синода. Наконецъ, программа преподаванія въ школахъ ясно указывала на ихъ профессіональный, а не общеобразовательный характеръ. Мы не говоримъ уже о политикѣ церковныхъ властей, всегда трактовавшихъ свои школы, какъ сословныя. Дѣйствительно, во второй половинѣ XVIII ст. окончательно завершилась замкнутость духовно-учебныхъ заведеній, еше болѣе завершившая замкнутость духовенства. Само правительство цѣлымъ рядомъ законодательныхъ актовъ сдѣлало духовное званіе почти недоступнымъ для постороннихъ лицъ. Правда, указомъ о единонаслѣдіи 1714 г. младшіе братья (кадеты) изъ дворянъ, при достиженіи ими сорока-лѣтняго возраста, получили право поступать въ духовное званіе, но, не говоря уже о томъ, что такое дозволеніе, очевидно, закрывало доступъ въ это званіе для всѣхъ остальныхъ дворянъ, съ отмѣною въ 1730 г. названнаго указа потеряло силу и самое дозволеніе. Точно также въ 1725 г. былъ изданъ указъ, разрѣшившій архіереямъ посвящать въ священники и дьяконы крестьянъ, но только въ томъ случаѣ, если на названныя церковныя должности не будетъ кандидатовъ изъ духовнаго званія. Въ 1744 г. самъ Синодъ ходатайствовалъ предъ Елизаветою Петровною, чтобы вакантныя мѣста въ приходахъ замѣщались исключительно лицами духовнаго званія, „ибо церкви святыя удобнѣе и приличнѣе нынѣ наполнять таковыми чинами“. Такое мнѣніе Синода вполнѣ гармонировало съ точкою зрѣнія правительства, которое при преемникахъ Петра неоднократно воспрещало лицамъ изъ податныхъ сословій вступать въ духовное званіе, освобожденное отъ уплаты всякихъ по-

---

[1]) Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра, стр. 82.

датей, въ томъ числѣ и подушной подати. Такъ, когда до свѣдѣнія правительства въ 1766 г. дошло, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было пострижено въ монахи и посвящено въ священники 139 государственныхъ черносошныхъ крестьянъ, то оно разослало ко всѣмъ архіереямъ указы, чтобы впредь изъ податныхъ сословій никого не постригать и не посвящать. Вполнѣ естественно, что при такой политикѣ правительства въ данномъ вопросѣ, желаніе Синода, высказанное имъ въ своемъ наказѣ, поданномъ въ Екатерининскую закодательную комиссію 1767 г., „о позволеніи свѣтскимъ изъ всякихъ чиновъ, кто пожелаетъ и достоинъ будетъ, вступать въ духовные чины“ [1]) (замѣтимъ, что это желаніе шло въ разрѣзъ съ ходатайствомъ самого-же Синода въ 1744 г.) не было исполнено, и въ 1769 г. правительство подтвердило силу указовъ 1766 г. Къ концу XVIII ст., по свидѣтельству г. Знаменскаго, духовное званіе до того замкнулось для постороннихъ лицъ, а церковная служба на столько сдѣлалсь исключительнымъ достояніемъ духовенства, что постороннему человѣку весьма трудно было попасть даже на мѣсто церковнаго сторожа [2]). Въ 1826 г. Сенатъ возбудилъ вопросъ о пріемѣ въ духовное званіе людей податныхъ сословій и вольноотпущенныхъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ и передалъ его на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта. Послѣдній разрѣшилъ его слѣдующимъ образомъ: лица податныхъ сословій могутъ быть допущены въ бѣлое духовенство только въ томъ случаѣ, если оказывается недостатокъ въ кандидатахъ изъ духовнаго званія на церковныя должности, причемъ обязаны представить увольнительный приговоръ отъ своего общества. Дѣла такого рода разсматриваются казенною палатою и окончательно разрѣшаются губернаторомъ.

Замкнутость духовенства сказалась также и въ разрѣшеніи вопроса о выходѣ изъ него, хотя законодательство по этому поводу постоянно колебалось, то затрудняя выходъ, то облегчая его. Такъ, уже петровскій указъ 30 Апр. 1724 г. разрѣшилъ вдовымъ священно-служителямъ слагать съ себя санъ и вступать во второй бракъ, причемъ они принимались на службу, не только по духовному, но

---

[1]) Наказъ Синода дважды напечатанъ: г. Прилежаевымъ въ Христіанскомъ Чтеніи 1876 г. (№№ 9 и 10) и проф. Сергѣевичемъ въ Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLIII.

[2]) Назв. соч., стр. 108 и 109.

и по свѣтскому вѣдомству. Напротивъ, въ 1732 г., по инициативѣ Синода, Сенатъ воспретилъ пріемъ на гражданскую службу лицъ изъ духовнаго званія („въ подъячіе по коллегіямъ и канцеляріямъ, также и въ другіе чины отнюдь не отдавать дѣтей своихъ, т. е. священно и церковно-служителей), подъ лишеніемъ чиновъ своихъ и подъ безпощаднымъ наказаніемъ") и этимъ почти совсѣмъ закрылъ выходъ изъ духовнаго званія Въ царствованіе Екатерины II сила указа 1724 года была вполнѣ возстановлена, тѣмъ болѣе, что самъ Синодъ по разсматриваемому вопросу измѣнилъ свое мнѣніе и въ наказѣ, данномъ депутату въ комиссію 1767 года, ходатайствовалъ о возстановленіи силы этого указа (п. 3). Дѣйствительно, во все царствованіе Екатерины II выходъ изъ духовнаго сословія не представлялъ затрудненій. Священно-служители, оставлявшіе санъ, имѣли полную возможность поступать на службу или записываться въ гильдіи, цехи и государственные крестьяне. Дѣти ихъ, обучавшіяся въ семинаріяхъ, получили право зачисляться на службу въ губернскихъ учрежденіяхъ, и для этого требовалось только разрѣшеніе епархіальнаго архіерея (указъ 1779 г.). Мало того въ 1784 г., по рѣшенію общей конференціи Сената и Синода, дѣти священно и церковно-служителей, если они не находились въ семинаріяхъ, обязательно должны были избрать себѣ родъ жизни, причемъ имъ предоставлялось на волю записаться въ купечество или цехи, поступить въ военную службу или войти въ составъ государственныхъ крестьянъ; въ послѣднемъ случаѣ они получали льготы въ отношеніи платежа податей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Павелъ I рѣзко измѣнилъ политику правительства въ разсматриваемомъ вопросѣ. Такъ, узнавъ въ 1800 г. о поступленіи десяти семинаристовъ на гражданскую службу, онъ сдѣлалъ за это выговоръ тверскому епархіальному архіерею и предписалъ, чтобы „впредь безъ особаго повелѣнія государя изъ духовнаго званія въ другія мѣста отнюдь не поступали". „Предпишите, писалъ далѣе государь въ своемъ указѣ на имя первенствующаго члена Синода Амвросія петербургскаго, всѣмъ епископамъ семинаристовъ не обращать безъ воли моей ни въ какое другое званіе, о чемъ каждый разъ Синоду меня спрашиваться". При Александрѣ I увольненіе семинаристовъ изъ духовнаго званія стало функціей Синода, причемъ епархіальнымъ архіереямъ было

предписано (въ 1803 г.) „удерживаться отъ представленія Синоду прошеній такихъ лицъ". Стѣсняя выходъ семинаристовъ, правительство, однако, не препятствовало выходу священно-служителей на основаніи указа 1724 г. и дѣтей духовенства, не получившихъ образованія въ семинаріяхъ. Въ 1805 г. послѣднимъ даже было разрѣшено приписываться къ купеческому и мѣщанскому обществамъ безъ согласія послѣднихъ. При имп. Николаѣ I правительство опять стало стѣснять выходъ изъ духовнаго званія. Такъ, 28 Іюня 1833 г. былъ изданъ законъ о растриженныхъ священно-служителяхъ, по которому бывшимъ священникамъ и дьяконамъ, хотя и разрѣшалось вступленіе на государственную и общественную службу, но не иначе, какъ по истеченіи семилѣтняго срока послѣ сложенія сана. Этотъ законъ дѣйствовалъ въ теченіи 6-ти лѣтъ и 22 Февраля 1839 г., былъ замѣненъ новымъ, а именно высочайшимъ повелѣніемъ, собственноручно написаннымъ государемъ на докладѣ Синода. „Полагаю, писалъ государь, что званіе священническое столь важно, что сколько должно быть разборчиву и осторожну при удостоеніи онаго, столько же должно затруднить добровольное онаго сложеніе. Полагаю, что никакъ нельзя попускать, чтобы лицо, носившее сіе высокое званіе, могло непосредственно посвящаться иному служенію, какое бы оно ни было, безъ явнаго соблазна и какъ бы въ доказательство, что мірскія обязанности сильнѣе духовныхъ". Въ виду этихъ соображеній высочайшее повелѣніе предписало: принимать на государственную службу дьяконовъ, по истеченіи 6-ти лѣтъ, а священниковъ, по истеченіи 10-ти лѣтъ со времени сложенія ими сана. Не менѣе стѣснительны были постановленія закона при имп. Николаѣ I относительно выхода изъ духовнаго званія дѣтей духовенства и церковно-служителей. Такъ, еще въ указѣ 1826 г., государь высказался противъ этого выхода. „Его Величество, гласилъ указъ, изволитъ полагать полезнымъ всѣхъ воспитывающихся во всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ опредѣлять непремѣнно въ духовное званіе, ибо для свѣтскихъ должностей пріуготовляется другое юношество въ свѣтскихъ училищахъ". Однако, эти начала не были строго выдержаны на практикѣ, и законами 25 Іюля и 14 Октября 1827 г. дѣти священно-служителей получили право, по выдержаніи установленнаго экзамена, поступать на военную и гражданскую службу и получать на нихъ

чины. Но зато доступъ на службу церковно-служителямъ и ихъ дѣтямъ былъ вовсе возбраненъ, и только въ 1830 году правительство разрѣшило принимать ихъ въ канцелярскую службу по духовному вѣдомству.

Съ разсмотрѣнною политикою правительства шли въ разрѣзъ, такъ называемые, разборы духовенства, практиковавшіеся довольно часто въ XVIII ст., благодаря которымъ масса лицъ духовнаго званія принудительнымъ путемъ отчислялась отъ него и набиралась въ солдаты или записывалась въ подушный окладъ. Необходимость подобныхъ разборовъ объяснялась тѣмъ, что въ духовенствѣ, благодаря его замкнутости, накоплялся огромный излишекъ людей, находившихся безъ мѣстъ и бѣдствовавшихъ въ матеріальномъ отношеніи. Достаточно вспомнить о такъ называемыхъ „перехожихъ" или „крестовыхъ" попахъ, т. е. безмѣстныхъ священникахъ и дьяконахъ, собиравшихся на „крестцахъ" (въ Москвѣ), т. е. на людныхъ пунктахъ и нанимавшихся за небольшую плату служить обѣдню и исполнять другія требы. О нихъ говоритъ еще Духовный регламентъ, свидѣтельствуя о томъ, что „многіе священницы и дьяконы ставятся къ единой церкви свыше потребы", „почему и волочатся сѣмо и овамо". Въ 1741 г. оберъ-прокуроръ Синода кн. Шаховской предписалъ ловить „крестовыхъ" поповъ и „за таковое неприличествующее священному чину напрасное и праздное стояніе" бить ихъ плетьми въ дикастеріи (соотвѣтствуетъ нынѣшней консисторіи) и ссылать подъ началъ въ монастыри. Даже въ 1768 г. преосвященный Амвросій московскій писалъ, что крестовые попы „премногимъ числомъ шатаются и, къ крайнему соблазну, великія дѣлаютъ безобразія, производятъ между собою торгъ и при убавкѣ другъ передъ другомъ цѣны, произносятъ съ великою враждою сквернословную брань, иногда же дѣлаютъ и драку" [1]). Кромѣ „крестовыхъ" поповъ, безъ мѣстъ находился и огромный контингентъ дѣтей священно-служителей, а также и церковно-служители со своими дѣтьми. Этотъ контингентъ значительно увеличился послѣ введенія въ 1722 г. штатовъ бѣлаго духовенства, когда много членовъ послѣдняго осталось безъ мѣстъ [2]).

---

[1]) П. Знаменскій, назв. соч., стр. 280.

[2]) Штаты были введены указомъ 10 Августа 1722 г., на основаніи котораго полагалось: въ приходѣ отъ 100 до 150 дворовъ—одинъ священникъ и два причетника, въ приходѣ отъ 200 до 250 дворовъ—два священника и четыре причетника и въ приходѣ съ 300 дворами—три священника и два причетника. Въ 1768 г. штаты были дополнены по-

Между тѣмъ государство нуждалось въ людяхъ, почему съ открытія военныхъ дѣйствій между Россіей и Швеціей въ великую сѣверную войну начались усиленные наборы въ военную службу среди духовенства. Самый большой наборъ былъ произведенъ въ 1705 г. Со введеніемъ подушной подати въ окладъ были записаны всѣ священно-служители и ихъ дѣти, не состоявшіе на дѣйствительной службѣ при церквахъ, а также весь контингентъ церковно-служителей и ихъ дѣтей, хотя-бы они и состояли на службѣ. Такимъ образомъ огромная масса духовенства вышла изъ своего сословія. Такіе же разборы съ отчисленіемъ въ военную службу или съ записью въ подушной окладъ продолжались отъ времени до времени и при преемникахъ Петра (въ особенности суровы были разборы при Аннѣ Іоанновнѣ, когда одинъ разъ (въ 1736 г.) правительство предписало набрать въ солдаты 7000 человѣкъ, а другой разъ (въ 1738 г.)—по рекруту со 120 человѣкъ). Послѣдній разборъ произошелъ при имп. Николаѣ I въ 1831 г.

Кромѣ замкнутости, духовенство въ изучаемую эпоху пріобрѣло потомственный характеръ, вслѣдствіе наслѣдственности духовнаго званія, зависѣвшаго главнымъ образомъ отъ наслѣдственности церковныхъ мѣстъ. Уже указъ 1722 г. говоритъ объ этой наслѣдственности. Освобождая дѣтей священно-служителей отъ платежа подушной подати, онъ мотивируетъ это тѣмъ, „чтобы имъ быть при тѣхъ (отцовскихъ) церквахъ во дьякахъ и пономаряхъ, изъ нихъ же учить въ школѣ и производить на убылыя мѣста въ попы и во дьяконы". Дѣйствительно, послѣ смерти отца, его мѣсто переходило къ сыну (обыкновенно старшему), котораго онъ уже заблаговременно готовилъ въ свои наслѣдники и который состоялъ при немъ въ качествѣ викарія, дьякона или дьячка. Наслѣдственныя права сына вполнѣ признавались духовнымъ начальствомъ, и если кто-нибудь перебивалъ у него мѣсто, онъ пользовался правомъ вчинять искъ и жаловаться на самого архіерея, допустившаго такое нарушеніе его правъ. Если у священно-служителя не было сыновей, его мѣсто переходило въ наслѣдство по женской линіи, къ дочери, внучкѣ и т. д. Само собой разу-

---

становленіемъ, что при трехъ священникахъ полагалось быть двумъ дьяконамъ, при двухъ—одному, при одномъ также одному, но только „въ знатныхъ мѣстахъ". Эти штаты просуществовали до 1778 г., когда были значительно сокращены.

мѣется, что мѣсто предоставлялось мужьямъ этихъ послѣднихъ, какъ бы въ видѣ приданаго. Сознавая силу своихъ наслѣдственныхъ правъ на церковныя мѣста, говоритъ г. Знаменскій, невѣсты-наслѣдницы иногда были очень разборчивы на жениховъ, такъ что при маломъ количествѣ свободныхъ, не зачисленныхъ мѣстъ замѣщеніе священно служительскихъ вакансій весьма много зависѣло отъ вкуса этихъ дѣвицъ къ женихамъ [1]). Духовная власть также всегда уважала и права наслѣдницъ, считая ихъ единственнымъ средствомъ обезпеченія дочерей духовенства. Такъ, въ 1767 г. Синодъ издалъ указъ, которымъ предписалъ: „если послѣ умершихъ священно-служителей остаются дочери и племянницы дѣвицы, а жены умершихъ на мѣста мужей своихъ къ тѣмъ своимъ дочерямъ и племянницамъ пожелаютъ кого принять, таковыхъ по ихъ желаніямъ, достойныхъ опредѣлять“. Мало того, права наслѣдниковъ и наслѣдницъ уважались духовною властью и въ томъ случаѣ, когда они были несовершеннолѣтни и не могли сейчасъ занять своихъ мѣстъ. Въ такомъ случаѣ выходили изъ затрудненія при помощи слѣдующей мѣры. Мѣсто предоставлялось наслѣдникамъ, а для исполненія связанныхъ съ нимъ богослужебныхъ обязанностей до совершеннолѣтія первыхъ назначался на него викарій, обыкновенно по выбору семейства наслѣдниковъ. На языкѣ того времени быть назначеннымъ викаріемъ называлось опредѣленіемъ „въ заставку“. Викарій входилъ въ особое договорное отношеніе съ наслѣдниками, нанимаясь обыкновенно за половину или треть дохода отъ мѣста. Синодскій указъ 1767 г. вполнѣ признаетъ институтъ викаріатства, предписывая „до изученія и возрасту малолѣтнихъ дѣтей на отцовское мѣсто никого не опредѣлять, а велѣть содержать изъ получаемыхъ отъ тѣхъ церквей доходовъ викарія“. Къ концу XVIII ст., параллельно съ паденіемъ приходскихъ выборовъ, значительно усилилось значеніе наслѣдственнаго начала, и рѣдкое церковное мѣсто не переходило отъ отца къ его нисходящимъ.

Разрозненность и очень часто, какъ мы видѣли, несогласованность законодательныхъ актовъ, касающихся духовенства, естественно вызвали потребность въ ихъ кодификаціи и такимъ образомъ въ опредѣленіи юридическаго положенія духовенства. Удовлетворить такую потребность, конечно,

---

[1]) Назв. соч., стр. 133.

всего лучше могли законодательныя коммиссіи, составлявшія проекты новаго Уложенія. Какъ это не странно, однако, въ трудахъ Елизаветинской коммиссіи мы совсѣмъ не встрѣчаемъ даже намека на опредѣленіе правъ и обязанносте духовенства, хотя юридическое положеніе остальныхъ сословій въ нихъ болѣе или менѣе подробно опредѣлено [1]). Напротивъ, Екатерининская коммиссія, не смотря на отсутствіе въ ней депутатовъ отъ духовенства, обратила вниманіе на это сословіе. Правда, Наказъ императрицы говоритъ о духовенствѣ только вскользь, причемъ, очевидно, имѣетъ въ виду причислить его къ среднему роду людей, т. е. къ городскимъ обывателямъ, какъ это видно изъ 381 ст. („Сверхъ того, къ среднему роду людей причислить слѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, кои выходить будутъ, не бывъ дворянами, изо всѣхъ нами и предками нашими учрежденныхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ, *какого бы тѣ училища званія ни были, духовныя или свѣтскія*") [2]). Но за то городскіе наказы занялись не мало и положеніемъ духовенства, ходатайствуя о разныхъ правахъ въ его пользу. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., углицкій наказъ, являются въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ наказами духовенства (см. первую „часть" углицкаго наказа) [3]). Наконецъ, и наказъ Синода посвятилъ не мало мѣста опредѣленію юридическаго положенія духовныхъ лицъ и ихъ „выгодностей", т. е. правъ. Въ виду этого, коммиссія была вынуждена обратить вниманіе на лицъ духовнаго званія и въ проектѣ законовъ о правахъ средняго рода государственныхъ жителей удѣлила членамъ бѣлаго духовенства не мало мѣста. Послѣднихъ она отнесла въ разрядъ мѣщанъ и причислила къ „упражняющимся въ наукахъ и службахъ", давъ имъ цѣлый рядъ правъ. Однако, проектъ вызвалъ протестъ со стороны Синода, на разсмотрѣніе котораго онъ былъ представленъ въ 1769 г. Мотивы протеста были четырехъ родовъ: 1) „положеніе коммиссіи относится не до всего вообще духовенства, но до одной его части", 2) „изображенныя въ главѣ права одному бѣлому или нижнему духовенству присвояются, а духовенству высшему

---

[1]) Въ части III проекта („О состояніяхъ подданыхъ вообще") имѣется нѣсколько статей, но касающихся только иновѣрческаго духовенства (См. *мое* изданіе проекта, СПБ., 1892 г., глава II „О православныхъ и иновѣрцахъ", стр. 2).

[2]) См. Градовскаго, Начала русскаго государственнаго права. т, I, стр. 282.

[3]) См. *мои* Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст., стр. 943.

никакихъ правъ не положено“, 3) „бѣлое духовенство причисляется къ среднему роду людей“ и 4) въ проектѣ ничего не сказано объ „особливыхъ“ правахъ малороссійскаго духовенства. Въ виду всего этого, Синодъ пришелъ къ слѣдующему „разсужденію“: 1) „чтобы при разсужденіи о родѣ и правахъ духовенства положенію быть о всемъ вообще духовенствѣ, а не объ одной его части, ибо существо духовенства во всѣхъ есть едино, поелику всѣхъ духовныхъ званіе состоитъ въ священнодѣйствіи и учительствѣ, и нижнее духовенство съ высшимъ столь есть соединено, что одно безъ другаго существенно быть не можетъ. 2) Понеже въ духовенствѣ иные суть правительствующіе, яко то: митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, протоіереи, а другіе правительствуемые, яко то: іеромонахи, священники, протодьяконы, дьяконы, иподьяконы и церковнослужители, то посему и слѣдуетъ духовенство вмѣсто того, чтобъ одну его часть именовать бѣлымъ, раздѣлить на высшее и низшее, дабы подъ именемъ перваго заключались лица правительствующія, подъ именемъ втораго—правительствуемыя. И какъ нижнему, названному бѣлымъ, духовенству права отъ коммиссіи назначены, то справедливо требуется, чтобъ и высшему положены были. 3) Чтобъ все вообще духовенство не причисляемо было къ среднему роду людей, но въ особливомъ родѣ положено бъ было, а въ какомъ, въ сравненіи другихъ родовъ, степени—сіе единственно зависитъ отъ милосердной воли ея имп. величества, ибо всѣ духовные по званію своему суть пастыри и учители всякаго рода людей. И потому должны они пользоваться особливымъ почтеніемъ и уваженіемъ къ ихъ сану отъ мірянъ всякаго рода, въ разсужденіи чего какъ греческими православными царями почтены духовные между благородными, такъ и государственными указаніями. 4) Какъ духовенство малороссійское особливыми пользуется правами и выгодами, то и остается разсмотрѣть, какъ всего малороссійскаго, такъ и всего вообще духовенства права и выгоды и положить оное въ законъ“ [1]). Весьма возможно, что, вслѣдствіе этого протеста со стороны Синода, Жалованная грамота городамъ 1785 г. уже не трактуетъ членовъ бѣлаго духовенства, какъ особый разрядъ городскаго сословія, и въ число именитыхъ гражданъ—ка-

---

[1]) Сборн. Русск Ист. Общ., т. XXXVI, стр. 185—188; *мои* Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст., стр. 498.

тегоріи „городовыхъ обывателей“, имѣющей по своимъ составнымъ элементамъ нѣкоторое сходство съ разрядомъ „упражняющихся въ наукахъ и службахъ“ проекта—бѣлое духовенство не внесено. Правда, духовныя лица имѣли возможность войти (и многія изъ нихъ навѣрное вошли) въ разрядъ „настоящихъ городовыхъ обывателей“, но въ такомъ случаѣ они считались мѣщанами только въ качествѣ владѣльцевъ недвижимаго имущества въ предѣлахъ городской черты, а не въ качествѣ членовъ бѣлаго духовенства [1].

Вопросомъ объ урегулированіи юридическаго положенія послѣдняго занялся и комитетъ 6 Декабря 1826 г. По крайней мѣрѣ въ составленномъ имъ проектѣ дополнительнаго закона о состояніяхъ мы находимъ и отдѣлъ о духовенствѣ. Но онъ состоитъ всего изъ двухъ статей, подтверждающихъ права и преимущества, „дарованныя духовенству разными постановленіями“ и въ отличіе отъ отдѣловъ, посвященныхъ другимъ сословіямъ, крайне лакониченъ [2].

Реформы 60-хъ годовъ коснулись и лицъ духовнаго званія, совершенно видоизмѣнивъ ихъ юридическую физіономію. Цѣлымъ рядомъ законодательныхъ актовъ (въ особенности законами 1867 и 1869 г.г.) сословный характеръ духовенства былъ уничтоженъ путемъ отмѣны наслѣдственности званія и церковныхъ мѣстъ, а также замкнутости какъ относительно вступленія въ сословіе, такъ и выхода изъ него.

Переходимъ къ разсмотрѣнію правъ и обязанностей духовенства по законодательству изучаемой эпохи. Само собою разумѣется, что основною обязанностью духовенства было стремленіе къ достиженію тѣхъ религіозно-нравственныхъ цѣлей, ради которыхъ оно и имѣло свой смыслъ существованія. Иначе говоря, лица духовнаго званія должны были быть, выражаясь словами вышеприведеннаго документа Синода, „пастырями и учителями всякаго рода людей“. Но для успѣшнаго осуществленія этой „пастырской и учительской“ обязанности, члены духовенства должны были сами получить образованіе. И дѣйствительно, начиная съ Петра I правительство возлагаетъ на духовенство такъ же, какъ и на дворянство, повинность учиться. Цѣлый рядъ петров-

---

[1]) *Мои* Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., стр. 500.
[2]) Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XC, стр. 369.

скихъ указовъ (напр., 1708 и 1710 г.г.) признаетъ образованіе для духовенства обязательнымъ, предписывая отдавать въ солдаты „поповыхъ, дьяконовыхъ, дьячковыхъ, понамаревыхъ и даже сторожевыхъ и просворниныхъ дѣтей, если они не похотятъ учиться въ школахъ“. Монастырскій приказъ, въ вѣдѣніи котораго находились школы до учрежденія Синода, былъ обязанъ „учениковъ духовныхъ, которые отъ ученія отстали, сыскивать и отсылать въ школы съ наказаніемъ“. Духовный регламентъ (о епископахъ, п. 9—10) пошелъ еще далѣе и предписалъ, когда архіерейскихъ школъ „довольное число покажется“, назначать на церковныя должности только лицъ, окончившихъ въ нихъ курсъ, „а если епископъ, прибавляетъ регламентъ, неученаго во оныхъ школахъ человѣка поставитъ въ священники или монашескій степень, минувъ ученаго, то подлежитъ наказанію, яковое опредѣлено будетъ въ Духовномъ коллегіумѣ“ (т. е. въ Синодѣ). Точно также и указъ 1722 г. снова повторяетъ, чтобы изъ неученыхъ „никого не посвящать и въ причетъ церковный отнюдь произвожденія не чинить“. „Оное, говоритъ далѣе указъ, архіереямъ имѣть во всегдашней памяти со всеконечнымъ исполненіемъ подъ немалымъ за то самихъ архіереевъ штрафованіемъ“. Наконецъ, указъ 1723 г. предписываетъ набирать дѣтей духовенства въ школы „неволею“. Петровскія узаконенія постоянно подтверждались и впослѣдствіи. Такъ, въ 1797 г. Синодъ предписалъ „при произведеніи въ санъ священства воспитанныхъ семинаристовъ предпочитать неученымъ, хотя бы прихожане и просьбами о нихъ настояли“. Затѣмъ указами 26 Іюня 1808 г. и 27 Авг. 1814 г. было приказано зачислять въ духовно-училищное вѣдомство всѣхъ дѣтей духовенства съ 6—8 лѣтъ. Свобода отъ обязательнаго обученія была дарована духовенству только въ 1849 г.

Среди правъ и привилегій духовенства весьма важной считалась свобода отъ личныхъ податей и повинностей. Однако, эту льготу духовенство получило не сразу. Такъ, при Петрѣ оно платило цѣлый рядъ сборовъ, напр., табельные или окладные сборы, повсягодные поборы, канцелярскіе, запросные, оброчные (напр. сборы съ мельницъ, съ бань, съ пчельниковъ, съ рыбныхъ ловель) и др. сборы[1].

---

[1]) Перечисленіе всѣхъ этихъ сборовъ см. у Горчакова „Монастырскій приказъ“, стр. 204 и слѣд.

Большинство изъ нихъ было уничтожено съ введенiемъ подушной подати. Впрочемъ, оброчные сборы просуществовали во всю первую половину XVIII ст. и были отмѣнены только при Екатеринѣ II. При введенiи подушной подати, правительство первоначально предполагало освободить отъ нея только священнослужителей, дѣтей же ихъ и церковнослужителей положить въ подушный окладъ, но такое намѣренiе встрѣтило энергичный протестъ со стороны Синода. Благодаря ему, дѣти дѣйствительно служащихъ священниковъ и дьяконовъ были также освобождены отъ уплаты подушныхъ денегъ, но церковно-служители этой льготы не получили [1]). Рекрутскую повинность священнослужители, конечно, не отправляли, но взамѣнъ ея должны были платить особый сборъ на драгунскихъ лошадей, уничтоженный въ 1725 г. Что же касается до ихъ дѣтей и церковнослужителей, то они отправляли эту повинность лично, негодные же къ ней платили, такъ называемый, козловскiй окладъ, уничтоженный въ 1724 г. Точно также члены духовнаго сословiя вначалѣ не были освобождены отъ постойной повинности. Она была снята съ нихъ въ 1724 г., потому что, говорилось въ указѣ „во время отправленiя правила къ священнослуженiю таковому постою быть не прилично“. Хотя этотъ указъ неоднократно подтверждался и впослѣдствiи, однако, на практикѣ не всегда приводился въ исполненiе, о чемъ и свидѣтельствуетъ Синодъ въ своемъ наказѣ, поданномъ въ законодательную комиссiю 1767 г. „Хотя по прежнимъ указамъ, читаемъ здѣсь, въ домахъ священно и церковно-служителей постоевъ ставить не велѣно, однако, какъ нынѣ по представленiямъ изъ епархiй усмотрѣно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оные постоемъ отягощаются“. Наконецъ, духовенство было обязано нѣкоторыми полицейскими повинностями, напр., ходить на караулы къ рогаткамъ, являться на пожары, дежурить на съѣзжихъ дворахъ и въ домахъ офицеровъ для посылокъ къ колодникамъ и для работъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ напр., отъ дежурства на съѣзжихъ дворахъ и въ домахъ офицеровъ, духовенство было освобождено въ 1736 г. („дабы въ церковной службѣ остановки не было“). Отъ остальныхъ же оно получило свободу только въ 1742 г. Однако, какъ видно изъ наказа Синода, и эта свобода не всегда соблюдалась на практикѣ, по-

[1]) Подробности см. у П. Знаменскаго, назв. соч., стр. 369 и слѣд.

чему въ 1821 г. состоялся подтвердительный указъ объ освобожденіи духовенства отъ постоя, платежа всякихъ сборовъ и отправленія разныхъ полицейскихъ повинностей.

Большое значеніе придавало духовенство тѣмъ привилегіямъ въ области судопроизводства, которое оно стало получать еще со времени Петра I. Такъ, съ учрежденіемъ Синода и по его инициативѣ было предписано (указъ 15 Марта 1722 г.) по оговорамъ (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) духовныхъ лицъ судить въ Синодѣ, „доколѣ не дойдутъ до гражданскаго суда", и не брать ихъ ни въ коллегіи, ни въ другія судебныя учрежденія, причемъ каждый „челобитчикъ въ злодѣяніи", напр., „въ брани, бою, кражѣ, въ обидахъ и безчестіяхъ и т. п.", обязанъ былъ вчинять искъ на членовъ духовенства только въ Синодѣ. Что касается до гражданскихъ дѣлъ („исковыя и тяжебныя" дѣла), то они должны были разсматриваться, „еже гдѣ опредѣлено всѣмъ", т. е. въ свѣтскихъ судахъ. Эти начала въ нѣсколько модифицированной формѣ были подтверждаемы и впослѣдствіи. Такъ, указомъ 1735 г. правительство запретило судить духовныхъ лицъ въ свѣтскихъ судахъ (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) безъ сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ. По мелкимъ уголовнымъ дѣламъ (бой, брань, кража и т. п.) духовенство подлежало свѣтскому суду только въ томъ случаѣ, если отвѣтчикъ былъ не духовнымъ лицомъ, но разбирательство такихъ дѣлъ обязательно должно было происходить въ присутствіи особыхъ депутатовъ отъ духовенства, „чтобы духовные получали непродолжительную и достойную сатисфакцію". По гражданскимъ и по всѣмъ остальнымъ уголовнымъ дѣламъ духовные судились въ свѣтскихъ судахъ, но также въ присутствіи духовныхъ депутатовъ, которые съ 1791 г. назначались по двое въ каждый городъ и по одному на 10—15 сельскихъ приходовъ изъ священнослужителей хорошаго поведенія. Указами 1810 и 1812 г. г. подробно разработаны узаконенія прежняго времени о духовныхъ депутатахъ, безъ участія которыхъ (за исключеніемъ случаевъ, не терпящихъ отлагательства) нельзя было разсматривать дѣла о лицахъ духовнаго званія въ свѣтскихъ судахъ. Наконецъ, въ 1823 г. права этихъ депутатовъ были значительно расширены предоставленіемъ имъ права голоса въ судѣ наравнѣ съ прочими судьями.

Со времени Екатерины II духовенство постепенно получаетъ такую льготу въ области уголовнаго права, какъ ос-

вобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній. Екатерина, исходя изъ того воззрѣнія, что вслѣдствіе существованія тѣлесныхъ наказаній „священнослужители теряли должное по характеру своему отъ общества почтеніе, паствѣ же ихъ подавался немалый соблазнъ и причина къ презрѣнію", освободила отъ нихъ священниковъ и дьяконовъ (указы 1767 и 1771 г.г.). Но эта свобода ограничивалась только предѣлами одного духовнаго вѣдомства, свѣтскіе же суды попрежнему имѣли право наказывать священнослужителей тѣлесно. Въ виду этого, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ имп. Павла, Синодъ ходатайствовалъ передъ нимъ объ освобожденіи духовенства отъ тѣлеснаго наказанія и въ свѣтскихъ судахъ, „ибо чинимое ему наказаніе въ виду тѣхъ самыхъ прихожанъ, кои получали отъ него спасительныя тайны, располагаетъ народныя мысли къ презрѣнію священнаго сана". Государь исполнилъ желаніе Синода и освободилъ лицъ духовнаго званія отъ наказанія на тѣлѣ. Но эта льгота не получила тогда практическаго осуществленія въ виду того своеобразнаго толкованія Жалованной грамоты дворянству въ отношеніи тѣлеснаго наказанія со стороны Павла I, о которомъ мы говорили уже раньше. Поэтому однимъ изъ первыхъ узаконеній Александра I былъ извѣстный указъ 22 Мая 1801 г., освободившій священнослужителей отъ тѣлеснаго наказанія, въ виду желанія государя „дать примѣръ уваженія къ священному сану въ народѣ" и въ виду „укорененія въ немъ самомъ чувства уваженія къ себѣ и ужаса къ пороку". Въ 1808 г. были изъяты отъ тѣлеснаго наказанія жены и вдовы священнослужителей, а въ 1811 г.— монахи. Наконецъ, въ 1835 г. эта льгота была распространена на дѣтей священнослужителей. Что же касается до церковно-служителей, то они подвергались тѣлесному наказанію вплоть до отмѣны его въ 1863 г.

Говоря о привилегіяхъ духовенства, необходимо упомянуть также и о правѣ на безчестіе, т. е. на полученіе особаго штрафа за оскорбленіе, узаконеннаго еще Уложеніемъ 1649 г. Размѣръ его зависѣлъ отъ ступени на іерархической лѣстницѣ, занимаемой лицомъ духовнаго званія. Увеличеніемъ этого размѣра особенно интересовались городскіе наказы, поданные въ законодательную комиссію 1767 г. Такъ, углицкій наказъ, указывая на то, что вслѣдствіе небольшаго размѣра безчестія, „многіе партикулярные люди" называютъ священнослужителей „разными безчестными и ру-

гательными священному чину званіями, а прочіе бранятъ и бьютъ", ходатайствуетъ „пополнить о томъ узаконеніемъ съ прибавленіемъ числа за безчестіе и особливо за бой и увѣчье такою суммою и отмщеніемъ, которые бъ священному чину соотвѣтствовать могли" [1]). Проектъ законовъ о правахъ средняго рода жителей, хотя и не упомянулъ о безчестіи, но въ ст. 5 постановилъ, что „священнослужители должны пользоваться особливымъ почтеніемъ и уваженіемъ къ ихъ сану отъ мірянъ, и за учиненную имъ обиду излишнее налагается наказаніе". Едвали, однако, постановленіе столь неопредѣленнаго характера могло удовлетворить духовенство, тѣмъ болѣе, что и самъ Синодъ въ своемъ наказѣ ходатайствовалъ о томъ, чтобы „о безчестіи архіереевъ и прочихъ духовныхъ властей, а особливо о боѣ и увѣчьи протопоповъ и поповъ и прочихъ церковнослужителей и ихъ женъ и дѣтей учинить надлежащее законоположеніе". Дѣйствительно, 15 Апрѣля 1769 г. Сенатъ издалъ указъ о нечиненіи духовенству обидъ и притѣсненій. Въ немъ, установивъ фактъ оскорбленій духовныхъ лицъ—побоями и тѣлесными наказаніями со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ, Сенатъ высказался за необходимость изслѣдованія такихъ дѣлъ и „чиненія виновнымъ наказанія безъ упущенія".

Наконецъ, духовенству принадлежали и нѣкоторыя почетныя права. Такъ, уже проектъ законовъ о правахъ средняго рода жителей предоставилъ священнослужителямъ право ѣздить въ каретахъ. При имп. Павлѣ I духовенство получило право получать награды и отличія, а именно: крестъ для ношенія на цѣпи на шеѣ, камилавку или скуфью и митру. Тогда же государь предписалъ достойныхъ священнослужителей представлять къ наградамъ орденами [2]).

Но, имѣя извѣстныя привилегіи, духовенство въ тоже время было и ограничено въ нѣкоторыхъ правахъ, осуществленіе которыхъ считалось несовмѣстнымъ съ духовнымъ званіемъ. Такъ, еще при Петрѣ I были подтверждены прежнія запрещенія духовенству заниматься торговлею и промы-

---

[1]) См. *мои* Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., стр. 495

[2]) Противъ награжденія духовныхъ лицъ орденами и митрою очень возставалъ извѣстный митрополитъ Платонъ. „Эта новость, писалъ онъ, между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, будетъ соблазномъ для однихъ, въ другихъ возбудитъ честолюбіе и много другого, что ниспровергнетъ благоучрежденный порядокъ. Какъ извѣстно, Платонъ на колѣняхъ умолялъ Павла I не награждать его орденомъ св. Андрея Первозваннаго (См. Ив. Знаменскаго, Положеніе духовенства въ царствованія Екатерины II и Павла I, стр. 152 и слѣд.).

слами [1]), вступать въ откупа и подряды и въ нѣкоторыя другія обязательства, курить вино и т. п. Но за то при Петрѣ духовенство могло пользоваться доходами со своихъ домовъ, напр., отдавать ихъ въ наемъ, что прежде было запрещено. Эти ограниченія неоднократно подтверждались и впослѣдствіи. Въ 1743 г. было даже предписано „извреши сана священническаго вовсе“ всякое духовное лицо, изобличенное въ роли „наемника, а не пастыря“. Наказъ Синода также ходатайствуетъ о томъ, чтобы духовенству было запрещено „ни въ какія мірскія дѣла, также за кого либо въ опекуны, паче же въ стряпчество входить и въ поручительство и подряды обязываться“. Точно также духовенство было лишено права владѣть населенными имѣніями и крѣпостными людьми. Однако, на практикѣ послѣднее ограниченіе соблюдалось далеко не всегда, и духовныя лица пріобрѣтали себѣ крѣпостныхъ, только записывая ихъ на чужое имя, но фактически распоряжаясь ими, какъ своею собственностью. Впрочемъ, на основаніи указовъ 1744 г., духовенство, какъ и остальныя сословія, могло закрѣплять за собою незаконнорожденныхъ дѣтей, принятыхъ къ себѣ на воспитаніе. О крѣпостномъ правѣ для духовенства ходатайствовалъ Синодъ въ своемъ наказѣ, прося правительство „въ покупкѣ священнослужителямъ для послуженія мужеска и женска пола людей дать позволеніе, наложа пропорцію, чтобъ лишнихъ имѣть не могли“. Однако, Екатерина II не исполнила этого желанія и даже, какъ извѣстно, при ней состоялось освобожденіе крестьянъ духовныхъ вотчинъ, т. е. поселенныхъ на земляхъ, принадлежавшихъ архіерейскимъ домамъ, монастырямъ, соборамъ и церквамъ. Въ 1804 г. лица духовнаго званія, наравнѣ съ членами остальныхъ сословій, получили право пріобрѣтать ненаселенныя имѣнія, чѣмъ еще разъ было подчеркнуто, что крѣпостное право считалось правительствомъ исключительно дворянскою привилегіею.

§ 3. Купцы и мѣщане [2]).

Первый законодательный памятникъ, опредѣлившій юридическое положеніе членовъ торгово-промышленнаго класса,

---

[1]) Напр., указъ 12 Ноября 1698 г. предписалъ таможеннымъ головамъ „смотрѣть, чтобы архимандриты, игумены, попы и причетники никакими товарами не торговали“.

[2]) Пригары, Происхожденіе состоянія городскихъ обывателей въ

былъ Регламентъ главному магистрату, изданный Петромъ I 16 Января 1721 г. На основаніи его торгово-промышленный классъ получилъ названіе гражданъ, раздѣленныхъ на два разряда: регулярныхъ и нерегулярныхъ. Регулярные въ свою очередь дѣлились на двѣ гильдіи, причемъ въ составъ первой входили: банкиры, купцы, ведшіе большую торговлю, доктора, аптекаря, шкипера, живописцы и др.; въ составъ второй— мелочные торговцы и ремесленники. Впрочемъ, уже инструкціей московскому магистрату 1724 г. было предписано „разобрать купечество на *три* части, которыя имѣютъ называться гильдіями“. Это предписаніе неоднократно подтверждалось впослѣдствіи до манифеста 17 Марта 1775 г. включительно. Ремесленники дѣлились на цехи или цунфты, причемъ каждое ремесло составляло особый цехъ [1]), во главѣ котораго стояли альдерманы, избиравшіеся членами цеха изъ своей среды на цеховыхъ собраніяхъ. Въ составъ цеха входили мастера, подмастерья и ученики, причемъ послѣдніе обязательно должны были обучаться ремеслу въ теченіи семи лѣтъ, а затѣмъ, по выдержаніи экзамена, получали письменное удостовѣреніе въ знаніи ремесла. Становились ли они затѣмъ подмастерьями или непосредственно получали степень мастера—неизвѣстно. Нужно думать, что вѣроятнѣе первое предположеніе. Мастера считались полноправными членами цеха и избирали альдермановъ, управлявшихъ дѣлами послѣдняго. Каждое произведеніе извѣстнаго мастера должно было имѣть какъ его печать, такъ и альдермана, въ противномъ случаѣ оно не могло поступить въ продажу. Такимъ образомъ наблюденіе за доброкачественностью вещей, поступающихъ въ продажу, и уничтоженіе ихъ вслѣдствіе негодности являлось одною изъ функцій альдермановъ. Другими функціями послѣднихъ были: 1) веденіе цеховой книги, куда записывались всѣ лица, поступающія въ цехъ (такими могли быть какъ русскіе подданные, такъ и иностранцы, причемъ изъ русскихъ—лица всѣхъ

Россіи и организація его при Петрѣ Великомъ; Плошинскій, Городское или среднее состояніе русскаго народа въ его историческомъ развитіи; Дитятинъ, Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I и II; *мои* Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., т. I, гл. 6: „Городскіе наказы“; см. также *мое* изданіе проекта новаго Уложенія, ч. III, гл. 23: „Право купеческое“, гл. 24: „О росписаніи купцовъ по гильдіямъ“ и гл. 25: „О цехахъ“; Кизеветтеръ, Посадская община въ Россіи XVIII ст.; его-же, Происхожденіе городскихъ наказовъ въ Екатерининской комиссіи 1767 г. (Русское Богатство 1898 г., кн. 11).

[1]) „Каждое художество или ремесло, гласитъ указъ 27 Апр. 1722 г., свои особые цунфты или собранія ремесленныхъ людей имѣетъ“.

сословій, кромѣ дворянъ и крѣпостныхъ крестьянъ, разъ послѣдніе не имѣли отпускныхъ писемъ отъ помѣщиковъ), и 2) раскладка и сборъ государственныхъ податей и повинностей. Поступленіе въ цехъ было обязательно для ремесленниковъ, работающихъ на продажу, такъ какъ съ точки зрѣнія людей той эпохи цехи считались необходимымъ условіемъ для процвѣтанія ремесленной промышленности. Уже въ предложеніи Салтыкова Петру (о чемъ было говорено выше) мы встрѣчаемся съ совѣтомъ предписать „мастерамъ" и промышленникамъ, по примѣру западной Европы, записываться въ цехи. „Ежели же, говоритъ Салтыковъ, кто похочетъ въ ученики какого ни есть мастерства или промысла, и ему записываться въ книги и быть въ томъ мастерствѣ или промыслѣ, въ ученикахъ семь лѣтъ, а черезъ семь лѣтъ учениковъ свидѣтельствовать мастерамъ и выдавать грамоту [1]). Какъ извѣстно, совѣтъ Салтыкова былъ принятъ и осуществленъ на практикѣ указомъ 1722 г. Одинаково съ Салтыковымъ смотрѣлъ на цехи и извѣстный Посошковъ, видя въ нихъ причину того, что на Западѣ мастера „добры и похвальны", и совѣтуя „учинить такой же твердый гражданскій союзъ" (т. е., цехи) въ Россіи [2]). Само правительство въ этомъ вопросѣ придерживалось той же точки зрѣнія, какъ то видно изъ мнѣнія Сената, высказаннаго имъ въ 1760 г., а именно: „коль долго ни одинъ цехъ въ надлежащую силу и состояніе приведенъ не будетъ, до тѣхъ поръ всякое о развитіи ремеслъ прилагаемое стараніе было бы тщетно, и великія иждивенія употреблялись бы напрасно" [3]). Какъ увидимъ ниже, та же точка зрѣнія продолжала господствовать и въ царствованіе Екатерины II. Съ другой стороны, какъ свидѣтельствуетъ проф. Кизеветтеръ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи огромную массу архивнаго матеріала, въ глазахъ правительства существованіе цеховъ должно было прежде всего обезпечить наличность ремесленниковъ, которыхъ можно было бы въ каждый данный моментъ призвать къ отправленію казенныхъ работъ. Этотъ взглядъ на цеховые союзы, какъ на обязательныхъ поставщиковъ правительству казенныхъ мастеровъ, также съигралъ весьма важную роль въ дѣлѣ введенія цеховъ въ Россіи.

[1]) Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго, стр. 539.
[2]) О скудости и богатствѣ, стр. 140 (Сочиненія, т. I).
[3]) Дитятинъ, Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I, стр. 249.

Не даромъ отъ поступающихъ въ цехи требовалась подписка въ томъ, что „они будутъ во всякой готовности, ежели когда потребуются для отправленія казенныхъ работъ“.

Обѣ гильдіи пользовались извѣстнымъ самоуправленіемъ, хотя Регламентъ главному магистрату не говоритъ объ этомъ ничего, а инструкція городовымъ магистратамъ 1724 г. упоминаетъ о самоуправленіи довольно глухо. Но мы знаемъ, что каждая гильдія избирала нѣсколько старшинъ, изъ которыхъ одинъ являлся гильдейскимъ старостою, а остальные его товарищами. Функціи ихъ опредѣлялись довольно неясно, а именно: „попеченіе и стараніе имѣть обо всемъ, что до пользы гражданъ касается“. Гильдіи имѣли свои гильдейскіе сходы, пользовавшіеся правомъ устанавливать разные гильдейскіе сборы на нужды гильдій и расходовать ихъ по гильдейскимъ приговорамъ [1]).

Что касается до нерегулярныхъ гражданъ, то таковыми считались, такъ называемые, „подлые“ люди, т. е. чернорабочіе и находившіеся въ наймахъ. Главное различіе названныхъ разрядовъ другъ отъ друга состояло въ томъ, что регулярные граждане участвовали въ городскомъ самоуправленіи путемъ избранія членовъ магистратовъ въ то время, какъ нерегулярные этимъ правомъ не пользовались. Такимъ образомъ сословный духъ времени вполнѣ сказался въ разсмотрѣнной организаціи торгово-промышленнаго класса, который теперь сталъ совершенно обособленнымъ сословіемъ, ничего общаго не имѣющимъ съ дворянствомъ, съ одной стороны, и съ крестьянствомъ, съ другой.

На такомъ же сословномъ началѣ былъ организованъ торгово-промышленный классъ и по проекту Елизаветинской комиссіи. Юридическое положеніе его опредѣлялось по особому „праву купеческому“, сообразно съ которымъ онъ раздѣлялся на четыре разряда, а именно: 1) потомковъ московскихъ гостей и купцовъ, платившихъ въ теченіе четырехъ лѣтъ по 30.000 руб. пошлинъ ежегодно (этотъ разрядъ пользовался слѣдующими правами: на владѣніе населенными имѣніями, прежде пожалованными, т. е. до изданія

---

[1]) О гильдіяхъ и цехахъ см. кромѣ названныхъ сочиненій Пригары, Плошинскаго, Дитятина и Кизеветтера, Варадинова, Гильдіи, историко-юридическій очеркъ (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1861 г., кн. IX), Сальникова, Купеческія гильдіи и мѣщанство (Русск. Вѣстн. 1861 г., кн. 43 и 44) и Кулишера, Цехи у насъ и въ Европѣ (Русск. Мысль 1887 г., кн. 11 и 12), а также его-же, Изъ исторіи цеховъ у насъ и въ Европѣ (Вѣстн. Евр. 1888 г., кн. 8).

проекта, на ношеніе шпагъ и на первенство „во всякихъ засѣданіяхъ и совѣтахъ мірскихъ“), 2) купцовъ 1-ой гильдіи („знатное“, „богатое“ купечество), 3) купцовъ 2-ой гильдіи („средственное“ купечество) и 4) купцовъ 3-ей гильдіи („маломочное“ купечество). Во главѣ каждаго разряда стоялъ выборный старшина съ двумя товарищами.

Сословный духъ времени сказался и на стремленіяхъ городскихъ наказовъ, поданныхъ въ комиссію 1767 г. Всѣ наказы требуютъ, чтобы „купеческое право“ было только для купцовъ, причемъ поступленіе въ разрядъ послѣднихъ зависѣло бы исключительно отъ согласія магистратовъ, а выходъ изъ купечества былъ бы строго воспрещенъ.

Съ той же сословной точки зрѣнія смотрѣла на этотъ классъ и имп. Екатерина II въ своемъ Наказѣ (глава XVI). „Средній родъ людей или мѣщанъ, писала она, суть тѣ, которые обитаютъ въ городахъ и, не бывъ дворяне, ни хлѣбопашцы, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ“. „Какъ все основаніе сему среднему роду людей будетъ имѣть въ предметѣ добронравіе и трудолюбіе, то, напротивъ того, нарушеніе сихъ правилъ будетъ служить къ исключенію изъ онаго“ [1]). Нужно замѣтить, что это опредѣленіе „средняго рода людей“ скорѣе относилось къ западно-европейской буржуазіи, чѣмъ къ русскимъ купцамъ и мѣщанамъ, однако, не смотря на это, попало въ Жалованную грамоту городамъ 1785 г. [2]) Еще раньше оно было буквально воспроизведено въ проектѣ, составленномъ частною комиссіею о государственныхъ родахъ въ 1767—68 гг., причемъ „средній родъ людей“ былъ раздѣленъ на три разряда или „части“, а именно: 1) на „упражняющихся въ наукахъ и службахъ“ (бѣлое духовен-

[1]) Впрочемъ, въ главѣ XVII Наказа императрица отступаетъ отъ сословной точки зрѣнія и даетъ слѣдующее опредѣленіе „среднему роду людей“: „тѣмъ, кои обязаны принимать участіе въ добромъ состояніи города, *имѣвъ въ немъ домъ и имѣнія*, дается имя мѣщанъ“ (ст. 394).

[2]) Стремленіе создать въ Россіи по примѣру западной Европы третье сословіе видно также изъ записки „Разсужденіе о третьемъ чинѣ“, составленной неизвѣстнымъ авторомъ, по всей вѣроятности, въ первую половину царствованія Екатерины II. Въ ней авторъ, опредѣливъ буржуазію, какъ „убѣжище наукъ и художествъ, коммерціи и мануфактуры“, старается доказать, что „всякая держава, въ коей не находится третьяго чина, несовершенна, сколь бы она ни сильна была“. „Сей третій чинъ, заявляетъ авторъ, не трудно учредить и въ Россіи“ и предлагаетъ для этого слѣдующія мѣры: 1) выкупъ купцовъ и цеховыхъ, находящихся въ крѣпостной зависимости, 2) включеніе въ чинъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, и 3) освобожденіе изъ крѣпостной зависимости художниковъ „всѣхъ родовъ“ (Записка напечатана въ Архивѣ кн. Воронцова, т. XXVI, стр. 320).

ство, ученые, „выслужившіеся", приказные служители и художники), 2) на „торгующихъ" (купцы, заводчики, фабриканты и содержатели морскихъ и рѣчныхъ судовъ) и 3) на „упражняющихся въ разныхъ, приличныхъ мѣщанству, работахъ" (ремесленники, мѣщане и вольноотпущенные). Какъ извѣстно, этотъ проектъ не получилъ законодательной санкціи, и до изданія Жалованной грамоты мы встрѣчаемся только съ однимъ законодательнымъ памятникомъ, опредѣлившимъ юридическое положеніе торгово-промышленнаго класса, а именно съ манифестомъ 1775 г. о раздѣленіи купечества на гильдіи. По манифесту всѣ лица, необладающія капиталомъ свыше 500 р., были отнесены къ категоріи мѣщанъ; лица же, обладающія капиталомъ отъ 500 до 1000 р., составляли третью гильдію, отъ 1000 до 10000 руб.—вторую и, наконецъ, отъ 10000 и свыше—первую. Каждая гильдія избирала старшину, старосту и его товарища срокомъ на одинъ годъ для завѣдыванія гильдейскими дѣлами, причемъ старшины и старосты 3-ей и 2-ой гильдій подчинялись старшинѣ 1-ой гильдіи. Въ такомъ же подчиненномъ положеніи къ нему находился и староста со своимъ товарищемъ 1-ой гильдіи [1]).

Что касается до Жалованной грамоты городамъ, то, хотя она и повторяетъ опредѣленіе „средняго рода людей", принадлежащее Наказу (въ главѣ XVI), но въ то же время отличается рѣзкимъ дуализмомъ, проходящимъ черезъ всѣ ея опредѣленія и выражающимся въ соединеніи постановленій относительно торгово-промышленнаго класса, изъ которыхъ грамота создаетъ особое сословіе, съ одной стороны, съ постановленіями объ организаціи городского управленія, какъ управленія общественнаго, всесословнаго, съ другой стороны. Въ виду этого дуализма, постановленія грамоты далеко не отличаются ясностью и категоричностью, а, напротивъ, скорѣе страдаютъ недосказанностью и нерѣдко противорѣчивостью. Такъ, грамота признаетъ городскихъ обывателей

---

[1]) Впрочемъ, нужно замѣтить, что манифестъ 1775 г. въ отношеніи раздѣленія купечества на три гильдіи не создалъ ничего новаго, но санкціонировалъ то, что уже существовало раньше. Такъ, еще инструкціею Главнаго магистрата 19-го Ноября 1724 г. купечество было раздѣлено на три „части", „которыя имѣютъ называться гильдіями". Тоже самое было подтверждено въ 1742 г. Такимъ образомъ гильдія въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ подраздѣленіе всего „гражданства", модифицировалась въ разрядъ чисто купеческій, т. е. въ нашемъ смыслѣ этого слова (см. Варадинова, Гильдіи въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1861 г., кн. 9, стр. 85 и слѣд).

или мѣщанъ особымъ сословіемъ, что явствуетъ изъ многихъ статей грамоты[1]), и между прочимъ изъ статьи 83, по которой „мѣщанскія дѣти получаютъ мѣщанское состояніе наслѣдственное“. Затѣмъ далѣе слѣдуетъ подраздѣленіе мѣщанъ на шесть разрядовъ, а именно: на „настоящихъ городскихъ обывателей“, на купцовъ, записанныхъ въ три гильдіи (купцы первой гильдіи могли торговать оптомъ и розничио, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, купцы второй гильдіи могли торговать только въ Россіи, купцы третьей гильдіи могли торговать только въ городѣ и уѣздѣ, гдѣ записаны), на цеховыхъ ремесленниковъ, на иногородныхъ и иностранныхъ купцовъ, производившихъ торговлю въ извѣстномъ городѣ, на „именитыхъ гражданъ“ и на посадскихъ. Такимъ образомъ, „средній родъ людей“ или мѣщане состоятъ изъ шести разрядовъ, изъ которыхъ каждому изъ нихъ присущи особыя права и обязанности, кромѣ еще общихъ правъ и обязанностей, присущихъ всѣхъ разрядамъ, какъ составнымъ элементамъ единаго цѣлаго, т. е. мѣщанскаго сословія вообще. Иначе говоря, сословное начало, завѣщанное еще петровскимъ законодательствомъ, проводится вполнѣ послѣдовательно, и мѣщанство трактуется законодательствомъ только съ одной этой сословной точки зрѣнія. И вдругъ, оказывается, что въ одинъ изъ разрядовъ мѣщанскаго *сословія*, замѣтимъ кстати, передающагося *наслѣдственно* отъ отца къ сыну, входятъ „всѣ, кои въ городѣ домъ или иное строеніе, или мѣсто, или землю имѣютъ“, т. е., члены и другихъ сословій, напр., дворянства, духовенства и т. д. (эти лица входятъ въ составъ перваго разряда, т. е. „настоящихъ городскихъ обывателей“). Мало того, эти члены другихъ сословій вносятся въ одну изъ мѣщанскихъ книгъ, несутъ извѣстныя повинности и пользуются извѣстными правами, въ числѣ которыхъ есть право, дарованное только дворянамъ, по выраженію грамоты, „ради сохраненія ихъ достоинства“, а именно право освобожденія отъ личныхъ податей и службъ по городскому управленію. Наконецъ, въ другомъ мѣстѣ грамоты (ст. 77) понятіе „городского обывателя“ еще болѣе расширяется, такъ какъ подъ него подводятся также и „всѣ тѣ, кои въ томъ городѣ

---

[1]) Такъ, ст. 80, гласящая: „городскихъ обывателей средняго рода людей или мѣщанъ названіе есть слѣдствіе трудолюбія и добронравія, чѣмъ и пріобрѣли отличное *состояніе*“, или ст. 84, 85 и 87, говорящія о сословномъ судѣ, а также ст. 86 и 91—о сословной чести и т. д.

или сторожилы, или родились, или поселились, или въ окладъ записаны и по тому городу носятъ службу или тягости". Такое смѣшеніе началъ стараго-сословнаго и новаго-всесословнаго встрѣчается въ грамотѣ не разъ, причемъ является ничѣмъ непримиреннымъ и ни съ чѣмъ не согласованнымъ[1]). Мы уже сказали, что грамота дѣлитъ „средній родъ людей" или мѣщанъ на шесть разрядовъ. Первый составляютъ „настоящіе городскіе обыватели", т. е. лица, обладающія въ предѣлахъ города какимъ либо недвижимымъ имуществомъ. Въ составъ второго входятъ купцы, т. е. „тѣ, кои какого бы кто ни былъ рода, поколѣнія, семьи, состоянія, торговли, промысла, рукодѣлія или ремесла, объявили за собою установленные капиталы". Сообразно съ величиною послѣднихъ, купечество дѣлится на три гильдіи: въ первую входятъ лица, объявившія капиталъ въ размѣрѣ отъ 10 до 50 тысячъ рублей, во вторую — отъ 5 до 10 тысячъ и въ третью — отъ одной и до пяти тысячъ. Купцы 1-ой гильдіи пользуются правомъ торговать оптомъ и рознично какъ въ Россіи, такъ и заграницею, купцы 2-ой гильдіи—только въ Россіи, купцы 3-ей гильдіи — только въ городѣ и уѣздѣ, гдѣ записаны. Третій разрядъ составляютъ цеховые ремесленники, о которыхъ мы скажемъ ниже. Четвертый — иностранные и иногородные гости. Пятый—именитые граждане, составъ которыхъ довольно смѣшанный, а именно: а) „тѣ, кои, проходя по порядку службу городскую и получивъ уже названіе степенныхъ, вторично, по выборѣ, отправили съ похвалою службу"; б) „ученые, кои могутъ предъявить академическіе или университетскіе аттестаты или письменныя свидѣтельства о своемъ знаніи или искусствѣ и кои по испытаніямъ россійскихъ главныхъ училищъ таковыми признаны"; в) „художники трехъ художествъ, именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и музыкосочинители, кои суть члены академическіе или имѣютъ удостоянія академическія о своемъ знаніи или искусствѣ и по испытаніямъ россійскихъ главныхъ училищъ таковыми признаны"; г) всякаго званія и состоянія капиталисты, кои объявятъ за собою капитала отъ 50 тысячъ рублей и болѣе"; д) „банкиры, переводящіе деньги, кои для сего званія объявятъ за собою

---

[1]) См. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.", т. 1, а также статью Дитятина. „Къ исторіи жалованныхъ грамотъ 1785 года" (Русская Мысль 1885 г.).

капитала отъ 100 до 200 тысячъ рублей"; е) „тѣ, кои торгуютъ оптомъ и не имѣютъ лавокъ"; ж) „кораблехозяева, отправляющіе за море собственные корабли". Такимъ образомъ, именитые граждане представляли изъ себя аристократію ума и капитала города. Наконецъ, шестой разрядъ составляли посадскіе, т. е. „тѣ изъ старожиловъ или поселившихся, или родившихся въ городѣ, кои не внесены въ другихъ частяхъ городовой обывательской книги и кормятся въ томъ городѣ промысломъ, рукодѣліемъ или работою", иначе говоря, мѣщане въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Всѣ названные разряды вносились въ, такъ называемую, „городовую обывательскую книгу", дѣлившуюся на шесть частей соотвѣтственно числу разрядовъ. Книга составлялась городовымъ „депутатскимъ собраніемъ", состоявшимъ изъ городского головы и опредѣленнаго количества старостъ и депутатовъ, избираэмыхъ городскимъ обществомъ на три года.

Одновременно съ Жалованной грамотой было издано Ремесленное положеніе, опредѣлившее юридическое положеніе цеховъ. Послѣдніе попрежнему считались необходимымъ условіемъ для развитія промысловъ, что высказала имп. Екатерина въ своемъ Наказѣ. „Безспорно, читаемъ въ немъ, что для заведенія мастерства цехи полезны, а бываютъ они вредны, когда число работающихъ опредѣлено, ибо сіе самое препятствуетъ размноженію рукодѣлій. Во многихъ городахъ въ Европѣ они сдѣланы свободными въ томъ, что не ограничено число, а могутъ вписываться въ оные по произволенію, и примѣчено, что то служило въ обогащеніе тѣхъ городовъ. Въ малолюдныхъ городахъ полезны быть могутъ цехи, дабы имѣть искусныхъ людей въ мастерствахъ". Въ томъ же направленіи высказались и депутатскіе наказы. Такъ, петербургскій наказъ просилъ императрицу „повелѣть всѣмъ ремесленникамъ сдѣлать обстоятельную перепись, учредить порядочные цехи и на оные ихъ росписать съ опредѣленіемъ старшины каждому, также особыхъ привилегій и правилъ". Кромѣ того, наказъ ходатайствовалъ о запрещеніи ремесленникамъ, не записаннымъ въ цехи, „производить работу ремесла своего". По Ремесленному положенію каждое ремесло образовывало особый цехъ или управу, и только въ томъ городѣ, въ которомъ не имѣлось по крайней мѣрѣ пяти ремесленниковъ одного ремесла, нѣсколько ремеслъ могли образовать одинъ цехъ. Поступать

въ цехъ могъ каждый городской обыватель, по представленіи своей работы особой коммиссіи изъ мастеровъ и по признаніи ея со стороны послѣдней удовлетворительной, причемъ онъ обязывался внести опредѣленную сумму денегъ въ цеховую кассу. Однако, для нѣкоторыхъ лицъ поступленіе въ цехъ не было обязательно, чѣмъ екатерининскіе цехи отличались отъ петровскихъ, имѣвшихъ строго монопольный характеръ. Такъ, по положенію „дневное пропитаніе работника управа никому запретить не могла"; точно также казенные и помѣщичьи ремесленники имѣли право работать на продажу безъ всякой записи въ цехъ. Послѣдніе, какъ и въ петровское время, состояли изъ учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ. Ученики принимались въ цехъ не иначе, какъ въ присутствіи двухъ свидѣтелей и съ записью условій пріема въ особую книгу, причемъ на срокъ отъ трехъ и до пяти лѣтъ. Отношенія учениковъ и хозяевъ были опредѣлены положеніемъ, а именно: первые должны были быть послушны, прилежны, вѣрны и почтительны относительно вторыхъ; вторые обязывались обходиться съ первыми кротко, справедливо и человѣколюбиво. Впрочемъ, хозяева пользовались правомъ наказывать своихъ учениковъ, хотя осуществлять это право не могли безъ причины, напр., въ пьяномъ видѣ „въ злости" и „въ глупости". По окончаніи ученія, ученикъ получалъ письменное удостовѣреніе въ знаніи ремесла, что давало ему право на степень подмастерья. Отношенія между послѣдними и мастерами также устанавливались путемъ договора, причемъ размѣръ платы мастерамъ опредѣлялся на ремесленномъ сходѣ на весь годъ. По окончаніи 3-хъ лѣтняго срока пребыванія въ подмастерьяхъ и по достиженіи 24 лѣтъ, а также по исполненіи такъ называемаго „управнаго урока", свидѣтельствующаго о знаніи ремесла, подмастерье производился въ мастера и становился полноправнымъ членомъ цеха. Послѣдній по Ремесленному положенію являлся юридическимъ лицомъ, символомъ чего была печать, а также ремесленный значекъ. Въ качествѣ юридическаго лица, цехъ обладалъ собственностью, а именно: казною, источникомъ которой были взносы при вступленіи въ цехъ, штрафы, налагавшіеся на членовъ цеха, и сборы, устанавливавшіеся ремесленнымъ сходомъ, въ силу права самообложенія. Органами цеха были: управа и ремесленный сходъ. На сходѣ могли принимать участіе только мастера, и онъ созывался три раза въ годъ. Функціями его являлись: 1) избраніе чле-

новъ управы и 2) завѣдываніе приходомъ и расходомъ цеха, въ силу чего сходъ имѣлъ право вотировать разные сборы, обязательные для членовъ цеха. Что касается до управы, то она состояла изъ старшины и двухъ его товарищей, избиравшихся сходомъ на годъ. Функціи управы были судебныя и административныя. Въ качествѣ судебнаго учрежденія, управа разбирала всѣ „ссоры и споры, не превосходящіе 25 руб., касательно ремесла или довѣрія по ремеслу или поведенія ремесленниковъ въ разсужденіи ремесла". Въ качествѣ административнаго учрежденія, управа была обязана „стараться о благоуспѣшномъ состояніи ремесла, о приращеніи искусства въ ремеслѣ, о добромъ порядкѣ и согласіи ремесленниковъ"; она, наконецъ, непосредственно завѣдывала казною, но, безъ согласія схода, не могла расходовать ее, вела книги и созывала сходъ. Управа была связана отчетностью по управленію дѣлами цеха передъ сходомъ.

Кромѣ названныхъ должностей, существовала еще общецеховая должность ремесленнаго головы (одного на весь городъ), избиравшагося всѣми цехами и утверждавшагося магистратомъ. Въ составъ его юрисдикціи входили споры между цехами, а также между должностными лицами и членами одного цеха. Затѣмъ онъ „предлагалъ о нуждахъ и недостаткахъ" цеховъ думѣ и, наконецъ, ему были подчинены („почтительны и послушны") всѣ цеховыя должностныя лица.

Въ положеніи торгово-промышленнаго класса послѣ смерти Екатерины II произошло сравнительно мало измѣненій. Такъ, въ 1807 г. (1-го Янв.) были уничтожены именитые граждане [1]), и взамѣнъ ихъ учреждено первостатейное купечество, члены котораго вносились въ особую „бархатную" книгу. Послѣдняя дѣлилась на двѣ части, причемъ въ первую часть вносились непрерывныя колѣна, а во вторую— боковыя колѣна тѣхъ родовъ, дѣдъ, отецъ и внукъ которыхъ „безъ явной укоризны занимали мѣста въ высшей гильдіи". Такимъ образомъ въ составъ первостатейнаго купечества могли входить только купцы первой гильдіи, притомъ христіанскаго вѣроисповѣданія. Въ области городского самоуправленія они пользовались правомъ быть избираемыми только на „почетнѣйшія мѣста". Затѣмъ обладали „почестію" пріѣзжать къ императорскому двору и носить шпаги. Проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ, составленный коми-

---

[1]) Это званіе было оставлено только ученымъ и художникамъ.

тетомъ 6 Дек. 1826 г., раздѣлилъ все „гражданство", т. е. городскихъ обывателей на четыре разряда: гражданъ чиновныхъ, именитыхъ, почетныхъ и мѣщанъ. Права первыхъ трехъ разрядовъ пріобрѣтались выслугою (на военной и гражданской службѣ), полученіемъ извѣстнаго ордена, „отличіемъ" въ наукахъ и художествахъ, а также въ торговлѣ и промышленности. Купцы по проекту не составляли особаго разряда, такъ какъ каждый „гражданинъ" (въ томъ числѣ и мѣщане) могъ записываться въ гильдіи и заниматься торговлею [1]). Однако, какъ извѣстно, этотъ проектъ не получилъ законодательной санкціи. 10 Апрѣля 1832 г. первостатейное купечество было уничтожено и замѣнено сословіемъ почетныхъ гражданъ (потомственныхъ и личныхъ), существующихъ и по сіе время. Мотивомъ названной реформы послужило желаніе правительства „новыми отличіями болѣе привязать городскихъ обывателей къ состоянію ихъ, отъ процвѣтанія коего зависятъ успѣхи торговли и промышленности" [2]).

Переходимъ къ обзору правъ и обязанностей членовъ торгово-промышленнаго класса. Основнымъ правомъ послѣднихъ было заниматься *торговлей и промышленностью*, что стало съ изданіемъ Жалованныхъ грамотъ 1785 г. привилегіей однихъ купцовъ и мѣщанъ, такъ какъ дворяне и въ особенности крестьяне могли торговать только своими деревенскими продуктами; [3]) право же дворянъ записываться въ гильдіи, какъ мы видѣли, продолжалось недолго. Купцы ревниво охраняли свои права въ этомъ отношеніи и въ своихъ наказахъ, поданныхъ въ законодательную коммиссію 1767 г., требовали даже уничтоженія торговли деревенскими продуктами со стороны дворянъ и крестьянъ, видя въ ней нарушеніе своихъ интересовъ. „Купцамъ, читаемъ въ великолуцкомъ наказѣ, своего права не продавать и кредитовъ никому не давать, въ отпуски съ товарами не посылать и въ лавки не сажать". „Благоучрежденный порядокъ во

---

[1]) Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XC, стр. 370 и слѣд. Противъ образованія особаго разряда „чиновныхъ гражданъ" въ особенности ратовалъ извѣстный Балугьянскій въ запискѣ, представленной имъ имп. Николаю I. (Тамъ же, т. XC, стр. 580 и слѣд.).

[2]) Подробности, касающіяся исторіи образованія сословія почетныхъ гражданъ, см. въ статьѣ проф. Коркунова „Наше законодательство о почетномъ гражданствѣ" въ „Вѣстникѣ Права" 1899 г., кн. IV.

[3]) „Кто въ городѣ въ мѣщанство не записанъ, гласитъ дворянская грамота, мѣщанскимъ промысломъ да не промышляетъ, подъ опасеніемъ, что за то въ законѣ написано".

всѣхъ государствахъ, гласитъ московскій наказъ, узакониваетъ, чтобъ всякій чинъ и званіе извѣстный промыселъ свой производилъ, въ который бы другіе чины не мѣшались; во уваженіе сего здѣшнее купечество всенижайше проситъ, чтобъ имъ въ купеческихъ ихъ промыслахъ и торгахъ ни отъ кого никакого подрыва и помѣшательства не происходило". „Только купечеству, заявляетъ архангельскій наказъ, единственно пользоваться торгами, мануфактурами и фабриками съ полною выключкою отъ сего права всѣхъ прочихъ чиновъ въ государствѣ подъ конфискаціею". Почти тѣ же стремленія мы встрѣчаемъ и въ проектѣ Елизаветинской коммисіи, при обсужденіи котораго, какъ извѣстно, присутствовали и купеческіе депутаты. „Никому изъ разночинцевъ, читаемъ въ проектѣ, безъ позволенія купечества, и кто въ оное не записанъ, никакихъ торговъ и промысловъ, лавокъ и амбаровъ не имѣть". На той же точкѣ зрѣнія стояла и частная коммиссія о государственныхъ родахъ, составившая въ 1767 — 1768 гг. свой проектъ о средняго рода государственныхъ жителяхъ, постановившій, что „торги, мастерства и по онымъ подряды по мѣщанскимъ упражненіямъ никому принадлежать не могутъ, кромѣ мѣщанъ". Торговыя права купцовъ по Жалованной грамотѣ были различны и зависѣли отъ принадлежности къ той или другой гильдіи, какъ объ этомъ было уже сказано выше. Кромѣ того, именитымъ гражданамъ и купцамъ двухъ первыхъ гильдій разрѣшалось заводить фабрики, заводы и морскія и рѣчныя суда; купцы же 3-ей гильдіи и посадскіе имѣли право только на заведеніе становъ, трактировъ, бань и постоялыхъ дворовъ. Затѣмъ, члены торгово-промышленнаго класса пользовались извѣстными льготами въ области *уголовнаго права*. Такъ, Жалованная грамота городамъ 1785 г. освободила отъ тѣлеснаго наказанія купцовъ двухъ первыхъ гильдій и именитыхъ гражданъ [1]). Далѣе, купцы, владѣвшіе фабриками, пользовались правомъ пріобрѣтать къ нимъ *населенныя имѣнія* на, такъ называемомъ, поссессіономъ правѣ и, такимъ образомъ, эксплоатировать трудъ крѣпостныхъ (поссесіонныхъ) крестьянъ. Впрочемъ, это право было уничтожено

---

[1]) „Такого же рода льготы мы встрѣчаемъ уже и въ проектѣ Елизаветинской коммиссіи, а именно: „знатныхъ изъ купцовъ, т. е., первой гильдіи, также гостей ничѣмъ на тѣлѣ не наказывать, а штрафовать взятіемъ денегъ". О томъ же просили и наказы.

Екатериною II. Вообще члены торгово-промышленнаго класса пользовались правомъ на владѣніе недвижимой собственностью. Еще наказы хлопотали о дарованіи горожанамъ правъ на владѣніе сѣнными покосами, выгонами, лѣсными угодьями и пахатными землями вблизи городовъ. Однако, коммиссія о государственныхъ родахъ въ своемъ проектѣ постановила только, что мѣщане „имѣютъ право владѣть городскими и загородными домами и ими пользоваться“, забывъ о другихъ видахъ недвижимаго имущества, на что указывали наказы. Напротивъ, Жалованная грамота въ этомъ вопросѣ стала на точку зрѣнія наказовъ, разрѣшивъ горожанамъ „ненарушимо имѣть и пользоваться мирно и вѣчно“, „какъ внутри города, такъ и внѣ онаго“, землями, садами, полями, пастбищами, лугами, рѣками, рыбными ловлями, лѣсами, рощами, кустарниками, пустопорожними землями и мельницами. Всѣмъ этимъ недвижимымъ имуществомъ горожане владѣли, какъ члены городской общины, которой, въ сущности говоря, и принадлежало право собственности на нихъ. Но, и сами по себѣ, члены торгово-промышленнаго класса могли владѣть домами, лавками, амбарами, фабриками и заводами, а именитые граждане—еще загородными дворами, т. е. дачами и садами. Въ 1801 году купцы и мѣщане получили право пріобрѣтать ненаселенныя имѣнія, а въ 1822 г. и дома въ деревняхъ. Съ изданія манифеста 1775 г. купцы были освобождены отъ подушной подати и рекрутской повинности, взамѣнъ чего, по указу 1776 года и по Жалованной грамотѣ городамъ, обязаны были платить особый процентъ съ объявленнаго ими капитала и по 500 рублей за рекрута. Эта льгота не распространялась на ремесленниковъ и на „посадскихъ“, которые съ этого времени, будучи отдѣлены отъ купцовъ въ юридическомъ отношеніи, образовали мѣщанское сословіе въ современномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, купцамъ принадлежали нѣкоторыя *почетныя* права, такъ, купцы 1-й гильдіи имѣли право ѣздить въ каретахъ, запряженныхъ парою, купцы 2-й гильдіи—въ колясках парою и купцы 3-й гильдіи—въ экипажахъ въ одну лошадь. По проекту новаго Уложенія Елизаветинской комиссіи, гости и купцы 1-й гильдіи получили право носить шпаги, но законодательной санкціи это право не получило [1]).

---

[1]) О почетныхъ правахъ „первостатейнаго“ купечества, на основаніи манифеста 1-го Янв. 1807 г., было уже сказано.

Заканчивая изложеніе правъ, принадлежавшихъ членамъ торгово-промышленнаго класса, мы считаемъ необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ объ охранѣ закономъ купеческой чести и достоинства. Объ этомъ очень много хлопотали наказы, жалуясь на постоянное поруганіе купеческой чести. Вотъ что читаемъ, напримѣръ, въ вологодскомъ наказѣ по этому поводу: „безчестіе положено править посадскимъ людямъ самое малое, почему не токмо имѣющіе офицерскіе чины, но и самые подлые люди посадскихъ людей, по безсовѣстію своему, явно всякими ругательными и бранными словами поносятъ и бранятъ съ таковымъ еще выговоромъ, что-де не диковинка и лучшему за побои и безчестіе заплатить, и съ того купцы претерпѣваютъ себѣ великій стыдъ, а другіе и побои напрасно пріемлютъ“. На „презрѣніе“ отъ высшихъ сословій жалуется и кронштадтскій наказъ, свидѣтельствуя, что купцамъ нерѣдко приходится сносить разныя „поносительныя“ слова, въ родѣ слѣдующихъ: „пошелъ, мужикъ, покуда не битъ, вѣдь тебя и убить, такъ сорокъ алтынъ безчестья заплатить“. Жалованная грамота приняла во вниманіе эти жалобы и запретила „мѣщанамъ учинять безчестіе; а кто учинитъ мѣщанину безчестіе словомъ или письмомъ, то повиненъ платить, сколько обиженный какъ казнѣ, такъ и городу платитъ тотъ годъ; за единый-же ударъ рукою безъ иного орудія обидчикъ обиженному повиненъ платить вдвое“.

Пользуясь извѣстными правами, купцы и мѣщане въ то-же время несли и извѣстныя *повинности*, какъ денежныя, такъ и натуральныя. Къ числу этихъ послѣднихъ относились разныя обязательныя службы у казенныхъ сборовъ, напримѣръ, у продажи питей, казенной соли, гербовой бумаги и др., полицейская служба, т. е. избраніе изъ своей среды низшихъ полицейскихъ органовъ и слѣдующія повинности: постойная, подводная, почтовая, фуражная и рекрутская, а также и подушная подать (послѣднія двѣ до 1775 г.) Тяжесть этихъ повинностей была очень велика и невыгодно отражалась на матеріальномъ положеніи купечества. Объ этомъ мы знаемъ, благодаря наказамъ, поданнымъ въ законодательную комиссію въ 1767 году. Такъ, въ наказѣ главнаго магистрата читаемъ: „купцамъ отъ выбора къ кабацкимъ, солянымъ и прочимъ службамъ происходитъ несносное отягощеніе и, можно сказать, совсѣмъ раззореніе и въ торгахъ помѣшательство, а въ коммерціи подрывъ; въ ку-

пецкихъ дѣлахъ управляться имъ уже и время не дозволяетъ, и черезъ то недовольно своей коммерціи, но и капитала своего лишаются". Изъ архангельскаго наказа [1]) мы знаемъ, что изъ 342 годныхъ къ службѣ купцовъ, 141 служили, что, конечно, отражалось самымъ неблагопріятнымъ образомъ на матеріальномъ благосостояніи архангельскаго купечества. Много данныхъ о непосильной тяжести повинностей, ложившихся на купцовъ, приведено на основаніи архивныхъ документовъ проф. Кизеветтеромъ въ его изслѣдованіи о посадской общинѣ въ Россіи въ XVIII ст. Съ изданіемъ Жалованной грамоты большинство указанныхъ повинностей было уничтожено.

§ 4. *Крестьяне* [2]).

Въ разсматриваемую эпоху крестьяне дѣлились на нѣсколько разрядовъ. Такъ, были крестьяне черносошные, жившіе какъ на своихъ земляхъ, такъ и на чужихъ на условіяхъ половничества, однодворцы, экономическіе крестьяне, дворцовые, поссессіонные и, наконецъ, крѣпостные.

А. Государственные черносошные крестьяне [3]), являясь потомками черносошныхъ Московскаго государства, въ изучаемую эпоху находились только на сѣверѣ Россіи (въ Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской, Пермской и Казанской губ.) и въ Сибири, гдѣ вслѣдствіе отдаленности отъ центра государства, успѣли сохранить свою независимость. Въ 1763 году ихъ было до 600 тысячъ душъ мужского пола. Среди нихъ, какъ теперь точно установлено въ наукѣ, господствовало общинное землевладѣніе, но безъ передѣ-

---

[1]) Содержаніе его до его напечатанія было изложено *мною* въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1886 года.

[2]) Бѣляевъ, Крестьяне на Руси; Побѣдоносцевъ, Историческія изслѣдованія и статьи; Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи (гл. IV, „Крѣпостное право"); Вешняковъ, Крестьяне-собственники въ Россіи; Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи; Семевскій, Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I и II, а также Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка; Игнатовичъ, Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія (Русск. Богатство 1900 г., кн. 9—12). Многочисленныя статьи г. Семевскаго по исторіи разныхъ разрядовъ крестьянъ, вошедшія въ составъ второго тома его изслѣдованія о крестьянахъ въ царствованіе Екатерины II (изд. 1901 г.), будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

[3]) Семевскій, Казенные крестьяне при Екатеринѣ II-й. (Черносошные крестьяне), см. „Русскую Старину" 1879 года, т. XXIV; Щепотьевъ, Къ исторіи разрушенія сложныхъ формъ общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ (Русск. Мысль 1883 г., кн 12) и Законодательство и старинныя формы землевладѣнія на сѣверѣ (Сѣв. Вѣстн. 1886 г., кн. 2).

ловъ, какъ въ остальной Россіи, причемъ одновременно съ общинами-деревнями существовали и общины-волости, пользовавшіяся общинными выгонами, лѣсами и рыбными ловлями, а иногда и пахотными и сѣнокосными землями. „Которыя наши земли пахотныя и сѣнокосныя, читаемъ, напримѣръ, въ наказѣ ленской волости яренскаго уѣзда, поданномъ въ комиссію 1767 года, находятся въ смежности наволоцкой волости крестьянъ съ землями-жъ, тѣмъ быть, какъ издревле, въ общемъ владѣніи“. Однако, общинное землевладѣніе не исключало частной собственности, объектомъ которой являлись пашни и части покосовъ, такъ называемые, повытки, по отношенію къ которымъ крестьяне пользовались правомъ распоряженія, т. е. могли ихъ продавать, отдавать въ приданое, закладывать и т. п. Результатомъ такого порядка вещей было большое имущественное неравенство среди крестьянъ и появленіе, такъ называемыхъ, „деревенскихъ владѣльцевъ“ изъ купцовъ, приказныхъ служителей и духовенства, въ качествѣ собственниковъ крестьянскихъ участковъ [1]). Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, архангельскій губернаторъ Головцынъ въ своемъ заявленіи отъ 1767 года. „Купцы, гласитъ заявленіе, имѣютъ въ уѣздахъ за собою во владѣніи немалое число государственныхъ черносошныхъ земель“, такъ что, „мысли ихъ купеческія больше деревенскимъ обрядамъ, нежели къ распространенію коммерціи, подвижны бываютъ“; многіе изъ нихъ, „оставя городъ, живутъ по деревнямъ своимъ и, покинувъ купецкую торговлю, упражняются въ земледѣльчествѣ“. На подобное положеніе дѣлъ обратила вниманіе еще межевая инструкція 1754 года, воспретивъ продажу крестьянскихъ участковъ всѣмъ лицамъ, не положеннымъ въ подушный окладъ, и предписавъ отобрать обратно земли у „деревенскихъ владѣльцевъ“. Точно также и межевая инструкція 1766 года запретила продажу крестьянскихъ участковъ какъ постороннимъ лицамъ, такъ и между крестьянами, лишивъ послѣднихъ вообще права распоряженія своими землями („крестьянамъ имѣющихся за ними не-

---

[1]) Деревенскіе владѣльцы существовали на сѣверѣ Россіи не только среди черносошныхъ крестьянъ, но также и среди дворцовыхъ, что побудило дворцовую канцелярію предписать 20 Дек. 1745 г. земли, состоящія въ Важскихъ дворцовыхъ волостяхъ за монастырями, попами, посадскими и другими владѣльцами, „отобрать и раздѣлить крестьянамъ“ (см. Семевскаго, Очерки изъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи въ XVIII в. въ Русск. Богатствѣ 1901 г., кн. 1).

движимыхъ имѣній никому, какъ постороннимъ, такъ и между собою, не продавать, и не закладывать, и въ иски, также по векселямъ и за долги не отдавать"). Однако, эти двѣ мѣры явно радикальнаго характера не были приведены въ исполненіе, по всей вѣроятности, вслѣдствіе своего радикализма. Тогда, желая уничтожить имущественное неравенство, правительство указомъ 1781 года ввело передѣлы, предписавъ „между крестьянами земли и всѣ угодья смѣшавъ, раздѣлить порядочно на тяглы по душамъ и по имуществу, а съ того уже быть какъ раскладкамъ подушнаго платежа, такъ всѣмъ службамъ и работамъ". Передѣлы, равно какъ и раскладка податей и повинностей, сдѣлались функціей „міра", причемъ правительство требовало только, чтобъ „общее мірское уравненіе дѣлалось всегда правильно, безъ малѣйшаго другъ друга отягощенія". Одновременно съ этимъ правительство подтвердило постановленія межевыхъ инструкцій о воспрещеніи крестьянамъ распоряжаться своими землями и объ отобраніи у деревенскихъ владѣльцевъ крестьянскихъ земель[1]). Однако, на практикѣ многое осталось попрежнему, и передѣлы далеко не повсюду были осуществлены, въ силу чего явилась необходимость въ новомъ распоряженіи правительства въ въ 1829 году объ обязательномъ введеніи передѣловъ среди крестьянъ Архангельской губ.[2]).

Среди черносошныхъ крестьянъ, какъ результатъ безземеленія, возникшаго вслѣдствіе права распоряженія крестьянскими участками, образовался особый общественный классъ, получившій названіе *половниковъ*[3]). Къ категоріи послѣднихъ причислялись крестьяне, лишившіеся своихъ участковъ и поселившіеся на земляхъ „деревенскихъ владѣльцевъ" (у нѣкоторыхъ было отъ 20 до 70 и болѣе половниковъ) или въ духовныхъ вотчинахъ. Отношенія ихъ между собою были договорныя. „Владѣльцы" платили за половниковъ подати, ссужали ихъ сѣменами, а иногда оказывали

---

[1]) Въ основу указа 1781 г. легъ экстрактъ, представленный Сенату въ 1771 г. комиссіей, посланной для усмиренія волненія крестьянъ Олонецкой губ. (см. назв. ст. Семевскаго въ Русск. Богатствѣ 1901 г., кн. 2).

[2]) Это распоряженіе состоялось въ формѣ циркуляра министра финансовъ казеннымъ палатамъ, причемъ министръ предписалъ, „чтобы земли, принадлежащія каждому казенному селенію, раздѣляемы были между поселянами онаго для обрабатыванія и платежа податей, на основаніи мірскаго приговора, по тягламъ".

[3]) Ефименко, Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ (въ сборникѣ „Изслѣдованія народной жизни"); Семевскій, Казенные крестьяне при Екатеринѣ II (Половники), см. Русскую Старину 1879 г., т. XXIV.

имъ вспомоществованіе при первомъ обзаведеніи. Взамѣнъ этого половники отдавали владѣльцамъ половину своего урожая (отсюда и названіе: „половникъ“) и исполняли на нихъ разныя работы, напримѣръ, косили и убирали сѣно, рубили лѣсъ, доставляли дрова, занимались постройкою разныхъ строеній, пасли скотъ, служили въ домѣ и т. п. Половники пользовались правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому, но только въ предѣлахъ одного уѣзда и по уплатѣ владѣльцу „пожилыхъ денегъ“. Положеніе разсматриваемаго класса было крайне тяжелое, о чемъ свидѣтельствуютъ его наказы, а также вышеупомянутое заявленіе губернатора Головцына. По словамъ послѣдняго, „купцы надъ половниками во всемъ власть свою распространяютъ, и какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ на нихъ купцовъ всякую работу исправляютъ, отчего для своего пропитанія лишаются удобнаго къ посѣву, также и къ сѣнокосу и къ жатвѣ времени“, что, конечно, въ высшей степени вредно отражается на ихъ матеріальномъ благосостояніи. По словамъ наказовъ, владѣльцы половниковъ неоднократно „безвинно бьютъ, стегаютъ безъ указаннаго суда и увѣчатъ занапрасно самоуправствомъ своимъ“; также „который половникъ противъ прихоти владѣльца, хотя мало въ чемъ не услужитъ, того въ рекруты и отдаетъ, не разсуждая и не сожалѣя, очередь ли ему или нѣтъ“. Въ виду такого положенія вещей, правительство указомъ 1827 г. рѣшило до извѣстной степени урегулировать отношенія между половниками и владѣльцами, предписавъ имъ заключать между собою договоры срокомъ отъ шести до 20 лѣтъ съ обязательствомъ предупреждать другъ друга за годъ о своемъ намѣреніи прекращать договорныя отношенія.

Б. Другимъ разрядомъ крестьянъ являлись *однодворцы* [1]). Они были потомками московскихъ служилыхъ людей, поселенныхъ на окраинѣ (преимущественно южной) государства съ цѣлью защиты послѣдняго отъ набѣговъ татаръ и другихъ инородцевъ. Приравненіе ихъ къ крестьянамъ совершилось при Петрѣ, главнымъ образомъ двумя мѣрами: введеніемъ подушной подати, уплата которой была также возложена и на однодворцевъ, и установленіемъ четырехгри-

---

[1]) Семевскій, назв. статья (Однодворцы), см. Русскую Старину 1879 г., т. XXIV, а также Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права, ч. I, изд. 3-е, стр. 556 и слѣд. (Приложеніе къ § 67 „Однодворческія земли“) и Благовѣщенскій, Четвертное право.

веннаго сбора, получившаго впослѣдствіи названіе оброчной подати. Указъ 4 Апрѣля 1723 г., вводя этотъ сборъ, прямо мотивируетъ необходимость его тѣмъ фактомъ, что и *„прочіе* крестьяне“, сверхъ подушныхъ денегъ, „платятъ—дворцовые во дворецъ, синодальнаго вѣдѣнія въ Синодъ, помѣщиковы своимъ помѣщикамъ“. А годъ спустя, въ полковничьей инструкціи 26-го Іюня 1724 г. однодворцы уже прямо названы крестьянами („понеже на однодворцевъ... и на другихъ имъ подобныхъ государственныхъ крестьянъ“). Въ 1713 году Петръ учредилъ изъ нихъ, такъ называемую, „ландмилицію“, раздѣленную на полки (пѣшіе и конные), пополнявшіеся наборомъ однодворческихъ молодыхъ людей отъ 15 до 30 лѣтъ, причемъ треть новобранцевъ поступала въ регулярное войско, а остальные въ нерегулярное. Съ 1764 года наборы стали производиться черезъ каждые пять лѣтъ, а срокъ службы въ ландмилиціи былъ опредѣленъ въ 15 лѣтъ. Въ 1783 году Екатерина II уничтожила ландмилицію, и съ того времени однодворцы въ отношеніи рекрутской повинности были сравнены съ остальными крестьянами. Изучаемый разрядъ крестьянъ не зналъ общиннаго землевладѣнія, владѣя землей на, такъ называемомъ, четвертномъ правѣ [1]). До 1727 года однодворцы имѣли право распоряжаться своими участками, но въ этомъ году правительство воспретило имъ продажу земель, что подтвердила и межевая инструкція 1766 г. [2]). Однако, по свидѣтельству наказовъ, продажа продолжалась на практикѣ, вслѣдствіе чего огромное количество однодворческихъ земель перешло въ руки членовъ другихъ сословій. Вотъ что читаемъ по этому поводу въ воронежскомъ наказѣ: „дворяне и другихъ разныхъ чиновъ люди, и бывшіе воеводы, секретари, подъячіе и приказные служители, и находящіеся въ воинскихъ командахъ штабъ и оберъ-офицеры, презрѣвъ именные запретительные указы, у насъ, у однодворцевъ, женъ нашихъ и дѣтей изъ земель немалое число четвертей на свои и по-

---

[1]) Четвертное право есть долевое право владѣнія землей, основанное на счетѣ четвертей, дошедшихъ до владѣльца по наслѣдству или другимъ законнымъ путемъ (Благовѣщенскій, назв. соч., стр. 123).

[2]) „У однодворцевъ, гласитъ протоколъ Верховнаго тайнаго совѣта отъ 7 Іюня 1727 г., изъ дачъ ихъ земель, которыми они владѣютъ, никому не покупать и никакими образы не крѣпить и не записывать“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 668). Межевая инструкція 1766 г. дополняетъ это постановленіе, предписывая однодворцамъ своихъ земель „не только постороннимъ, но и равнымъ себѣ отнюдь не продавать и въ наемъ, также за долги и въ иски никому не отдавать“.

стороннія имена покупили, именуя тѣхъ однодворцевъ, у которыхъ покупку чинили, помѣщиками". То же самое, по словамъ тамбовскаго наказа, дѣлали и купцы. Результатъ получился аналогичный съ тѣмъ, что мы видѣли у черносошныхъ крестьянъ, а именно: малоземеліе и обезземеленіе, въ силу чего не мало однодворцевъ должно было поступать въ батраки къ собственникамъ ихъ прежнихъ земель. Наказы ходатайствуютъ передъ императрицею объ отобраніи послѣднихъ и объ установленіи передѣловъ въ цѣляхъ „уравнительнаго содержанія" земли, „отчего всякій можетъ быть безобиденъ и въ платежахъ состоятеленъ". На ту же точку зрѣнія сталъ и курскій директоръ экономіи, приславшій въ комиссію 1767 года свое „мнѣніе". „Настоитъ немалая надобность, писалъ онъ, чтобъ между рода сего людьми (т. е., однодворцами) послѣдовало во владѣніи земель уравненіе, на подобіе прочихъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ, дѣлящихъ земли въ дачахъ селеній своихъ, въ каждомъ особо, поровну, т. е. по числу въ тѣхъ селеніяхъ положенныхъ душъ". Однако, правительство не исполнило желанія наказовъ, въ силу чего на практикѣ во многихъ мѣстахъ поселенія однодворцевъ послѣдніе сами перешли къ общинному землевладѣнію съ передѣлами. По закону 19 Февраля 1868 г. однодворцы перестали существовать, какъ особый разрядъ крестьянъ и вошли въ „общій составъ сельскихъ обывателей" [1]).

В. Третьимъ разрядомъ являлись *экономическіе крестьяне*, бывшіе прежде крестьянами духовныхъ вотчинъ [2]), т. е. принадлежавшихъ архіерейскимъ домамъ, монастырямъ, соборамъ и церквамъ. Уже въ 1701 г. правительство, учредивъ Монастырскій приказъ, передало въ его вѣдѣніе управленіе названными вотчинами, равно какъ и сборъ съ нихъ доходовъ, часть которыхъ должна была идти на церковныя, а

---

[1]) Большое сходство съ однодворцами въ юридическомъ отношеніи представляютъ, такъ называемые „старыхъ службъ служилые люди", происходившіе отъ московскихъ стрѣльцовъ, пушкарей, воротниковъ, рейтаръ и т. п. Въ XVIII ст. они то выдѣляются въ особую группу отъ однодворцевъ, какъ, напр., во времена Екатерининской коммиссіи 1767 г., то разсматриваются съ ними вмѣстѣ (см. Семевскаго, Старыхъ службъ служилые люди въ XVIII в., Вѣстн. Права 1901 г., кн. 4—5).

[2]) Семевскій, Крестьяне духовныхъ вотчинъ во второй половинѣ XVIII вѣка („Русская Мысль" 1882 года, №№ 9 и 10); Завьяловъ, Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при имп. Екатеринѣ II; Верховской, Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при преемникахъ Петра В.

часть нагосударственныя нужды [1]). Разрѣшивъ столь радикально вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, Петръ I мотивировалъ необходимость его не желаніемъ разоренія монастырей, но „ради лучшаго исполненія монашескаго обѣщанія“. „Нынѣшніе монахи, гласилъ указъ 30 Декабря 1701 г., не только не питаютъ нищихъ отъ трудовъ своихъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ“; кромѣ того „начальники впали въ роскошь, и изъ за вотчинъ происходятъ ссоры, убійства и обиды многія“. Однако, новый порядокъ вещей крайне не нравился духовенству, почему однимъ изъ первыхъ актовъ Св. Синода было представленіе доклада государю о необходимости подчиненія вотчинъ ему, „ибо отъ гражданскихъ правителей вотчины пришли въ скудость и нищету“ [2]). Петръ согласился съ точкою зрѣнія Синода, и въ 1720 году управленіе духовными землями перешло въ его вѣдѣніе.

Число крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ духовнымъ вотчинамъ, равнялось по третьей ревизіи 991.700, причемъ часть ихъ была на барщинѣ, часть на оброкѣ. Барщина выражалась въ различныхъ земледѣльческихъ работахъ, въ косьбѣ сѣна, въ постройкѣ домовъ, въ поставкѣ подводъ, въ ловлѣ рыбы и т. п. Оброкъ платился или деньгами, или натурою, т. е. хлѣбомъ, сѣномъ, дровами, ягодами, грибами, яйцами, масломъ и т. п. Повинности названныхъ крестьянъ были очень тяжелы, что неоднократно возбуждало среди нихъ волненія, подавлявшіяся военною силою. Вообще, положеніе церковныхъ крестьянъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи было печально, тѣмъ болѣе, что они въ сущности являлись такими же крѣпостными, какъ и помѣщичьи крестьяне. До насъ дошло немало жалобъ крестьянъ на свое духовное начальство, изъ которыхъ видно, какъ это послѣднее жестоко расправлялось съ ними въ случаѣ какихъ либо провинностей съ ихъ стороны, а нерѣдко и безъ всякой причины. „Архимандритъ (такой-то), читаемъ въ одной жалобѣ, завсегда мужескій полъ въ цѣпи сажаетъ, мучитъ и плетьми бьетъ безвинно“. „Управитель (такой-то), читаемъ въ другой, держитъ насъ въ цѣпяхъ и желѣзахъ недѣль по пяти и больше и, державъ, бьетъ плетьми, пал-

---

[1]) Подробности см. у Горчакова, Монастырскій приказъ.

[2]) Какъ видно изъ вѣдомости, приложенной къ названному изслѣдованію проф. Горчакова, оказывается, что за время управленія духовными вотчинами Монастырскимъ приказомъ было роздано и продано 6407 дворовъ (прилож., стр. 138).

ками, пинками, смертными побои и, бивъ паки, бросивъ въ тюрьму, мучитъ голодною и студеною смертью“. „Архимандритъ (такой-то), гласитъ третья жалоба, повелѣлъ насъ всякими муками мучитъ, немилостиво плетьми билъ, въ студеные чуланы садилъ и многихъ крестьянъ билъ, давая ударовъ ста по три и по пяти сотъ плетьми“ и т. д. Немало терпѣли крестьяне и отъ управителей и приказчиковъ, назначавшихся духовными властями для непосредственнаго управленія и суда надъ ними. Правда, управители снабжались особыми инструкціями, ограничивавшими ихъ власть (напримѣръ, они могли наказывать крестьянъ не иначе, какъ въ присутствіи старостъ и выборныхъ, а также съ записью, за что такой-то наказанъ, причемъ, разбирая дѣла касающіяся „брани, боя, займовъ между собою и прочихъ тому подобныхъ“, должны были примѣнять Уложеніе 1649 года и указы). Но на практикѣ въ большинствѣ случаевъ инструкціи не соблюдались, и ничѣмъ не сдерживаемый произволъ управителей отражался крайне тягостно на положеніи крестьянъ, побуждая ихъ къ періодически повторяющимся волненіямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя принимали характеръ настоящихъ бунтовъ. Если-же крестьяне обращались съ жалобою на своихъ властей, то таковыя оставлялись безъ послѣдствій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ указъ Петра III 26 Марта 1762 г. [1]). „Уже съ давняго времени, читаемъ въ немъ, къ нашему неудовольствію и къ общему соблазну, примѣчено, что приходящіе въ Синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ Синодѣ или не исполняется существительная его должность, или же и того хуже, дѣлается одна токмо потачка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ Синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ“. Въ виду всего сказаннаго, указъ предписалъ изъять управленіе крестьянами изъ духовнаго вѣдомства и передать его въ вѣдѣніе коллегіи экономіи съ обязательствомъ со стороны послѣдней выдавать на церковныя нужды часть доходовъ,

---

[1]) Указъ не вошелъ въ Полное Собраніе Законовъ и напечатанъ въ Русской Старинѣ (1872 г., кн. 11).

получаемыхъ съ духовныхъ вотчинъ. Что же касается до послѣднихъ, то часть ихъ была отдана крестьянамъ (та, которую они пахали на духовныхъ властей), часть предназначена къ отдачѣ въ аренду. Однако, со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, духовныя вотчины опять перешли въ руки духовенства, причемъ послѣднее получило предписаніе „съ крестьянами поступать благоумѣренно и никакими излишними сборами и ненужными или только къ одному увеселенію властей служащими работами и строеніями не изнурять“. Возстановивъ старый порядокъ вещей, императрица, однако, на этомъ не остановилась и 29 Ноября 1762 г. организовала особую комиссію о церковныхъ имѣніяхъ изъ 8-ми лицъ: трехъ духовныхъ и пяти свѣтскихъ, поручивъ ей, во 1-хъ, привести въ извѣстность доходы, получаемые церковью съ недвижимой собственности и съ поселенныхъ на ней крестьянъ, и, во 2-хъ, выработать проектъ управленія духовными вотчинами [1]). Пока комиссія занималась надъ порученнымъ ей дѣломъ, императрица указомъ 1763 г. передала въ вѣдѣніе коллегіи экономіи половину всѣхъ духовныхъ вотчинъ, оставивъ остальную половину въ вѣдѣніи духовенства „въ его полное правленіе на его собственное довольство и экономію для содержанія домовъ и монастырей“. Однако, оставленіе за духовенствомъ половины его недвижимой собственности вызвало крайнее недовольство крестьянъ, проявившееся въ сильныхъ волненіяхъ, что побудило императрицу окончательно секуляризовать церковныя имущества, за что и высказалась въ своемъ докладѣ комиссія о церковныхъ имѣніяхъ [2]). 26 Февр. 1764 г. появился знаменитый указъ, завершившій собою процессъ секуляризаціи церковныхъ земель, начатый еще въ эпоху Московскаго государства при Иванахъ III и IV [3]) Согласно

---

[1]) Комиссія просуществовала до 1797 г., когда именнымъ указомъ Павла I (21 Янв.) была закрыта. Исторіи ея дѣятельности посвящено изслѣдованіе Завьялова „Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при имп. Екатеринѣ II.“

[2]) Въ Полномъ Собраніи Законовъ доклада нѣтъ, но содержаніе его изложено въ назв. соч. Завьялова, стр. 217.

[3]) Передъ отобраніемъ церковныхъ имѣній Екатерина II произнесла въ Синодѣ рѣчь, въ которой указавъ на религіозно-нравственное назначенія духовенства и на примѣръ апостоловъ, „внушавшихъ людямъ презрѣніе къ богатствамъ“, сказала: „Какъ можете вы, не нарушая должности званія своего и не терзаясь въ совѣсти, обладать безчисленными богатствами? Вы просвѣщены, Вы не можете не видѣть, что всѣ сіи имѣнія похищены у государства. Если Вы повинуетесь законамъ, если Вы вѣрнѣйшіе мои подданные, то не замедлите возвратить государству все то, чѣмъ Вы несправедливымъ образомъ обладаете“ (Чтенія въ щоб.

указу, всѣ духовныя вотчины „со всѣми казенными въ нихъ наличностями" перешли въ исключительное „вѣдѣніе и управленіе" коллегіи экономіи. Исключеніе составили небольшое количество земель, городскихъ домовъ и подворій, оставленныхъ за церковью. Одновременно съ этимъ маловотчинные монастыри были упразднены (такихъ оказалось 418), а всѣ остальные получили по особымъ штатамъ содержаніе отъ казны, на что ежегодно ассигновывалась сумма въ 500 тысячъ слишкомъ рублей [1]). Что касается до крестьянъ, то перейдя въ вѣдѣніе коллегіи экономіи, они получили право собственности на земли и сѣнокосы, „какіе на дома архіерейскіе и монастыри пахали и косили, исключая только тѣхъ, кои болѣе 20 верстъ отъ ихъ поселеній отстоятъ и, за дальностью, къ пахотѣ и сѣнокосу имъ неподручны". Коллегія экономіи должна была управлять крестьянами черезъ посредство экономическихъ правленій (ихъ было четыре) и особыхъ должностныхъ лицъ—казначеевъ, зависимыхъ отъ правленій. Впрочемъ, въ 1786 г. коллегія экономіи была упразднена [2]), и экономическіе крестьяне во всемъ были сравнены съ государственными.

Г. Четвертый разрядъ составляли *дворцовые крестьяне* [3]),

исторіи и древн. росс. 1862 г., кн. 2). Г. Завьяловъ (назв. соч., стр. 122) считаетъ эту рѣчь „апокрифическою" въ виду ея „стилистическихъ несообразностей" и упоминанія въ ней о безчисленныхъ богатствахъ, принадлежащихъ духовенству, а также въ виду тона рѣчи, несоотвѣтствующаго достоинства императрицы и ея „слушателей". Однако, едва-ли эти доводы убѣдительны.

[1]) По мнѣнію г. Ив. Знаменскаго эта сумма, исчисляемая имъ 460000 р., равнялась 1/3 всего дохода, получавшагося съ церковныхъ имѣній. Остальныя 2/3, по его мнѣнію, пошли на пенсіи офицерамъ, на инвалидовъ, на госпитали и богадѣльни, на вдовъ и сиротъ (около 250 тысячъ), на жалованье членамъ коллегіи экономіи и служащимъ въ ея конторѣ и канцеляріяхъ (вколо 360 тысячъ) и, наконецъ, на государственныя нужды (см. Ив. Знаменскаго, Положеніе духовенства въ царствованія Екатерины II и Павла I, стр. 127). Но г. Завьяловъ, работавшій надъ архивными данными, относящимися къ исторіи комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, доказалъ, что изъ 1,366,299 р. (доходъ съ духовныхъ вотчинъ) на нужды церкви было ассигновано свыше 500,000 р., а на остальныя нужды (на содержаніе инвалидовъ, на выдачу пенсій, на устройство богадѣленъ, на адмиралтейство и пр.) 300000 р. Если же къ прямымъ назначеніямъ, т. е. на нужды церкви, присоединить содержаніе коллегіи экономіи и богадѣленный кредитъ (свыше 60000 р.), то едвали (говоритъ г. Завьяловъ) останется поводъ утверждать, будто реформа 1764 г. взяла у церковныхъ учрежденій ихъ имущество. Остальная часть доходовъ (около 500000 р.) „оставлена въ запасѣ для дальнѣйшаго обезпеченія церковныхъ и нецерковныхъ учрежденій въ пропорціи ихъ дѣйствительныхъ потребностей" (назв. соч., стр. 339—340).

[2]) О коллегіи экономіи см. Барсова, Синодальныя учрежденія прежняго времени, стр. 242 и слѣд. и Завьялова, назв. соч., стр. 143 и слѣд.

[3]) Семевскій. Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII вѣкѣ (Вѣстникъ Европы 1878 г., №№ 5 и 6); его-же Государевы крестьяне въ XVIII в. (Русск. Мысль 1901 г. кн. 1).

потомки московскихъ дворцовыхъ, доходы съ которыхъ шли на содержаніе двора. Названные крестьяне пользовались землей на правахъ общиннаго владѣнія и, по примѣру черносошныхъ, могли распоряжаться тѣми участками, которые принадлежали имъ, какъ частная собственность. Такъ продолжалось до изданія межевой инструкціи 1766 года, воспретившей крестьянамъ продажу и залогъ земель [1]). До 1775 года управленіе дворцовыми крестьянами сосредоточивалось въ дворцовой канцеляріи, съ 1775 же года въ казенныхъ палатахъ. Существованіе послѣднихъ не исключало крестьянскаго самоуправленія, органомъ котораго былъ мірской сходъ въ каждой волости и выбираемые имъ старосты, сотскіе, десятскіе и сборщики податей. Еще при Петрѣ изъ дворцовыхъ крестьянъ выдѣлилась особая группа *государевыхъ* крестьянъ, поселенныхъ на земляхъ вотчинъ, въ свою очередь выдѣленныхъ изъ общей массы дворцовыхъ селъ и волостей и переданныхъ въ непосредственное распоряженіе членамъ императорской фамиліи. Государевы крестьяне существовали въ теченіе всего XVIII ст. Закономъ о престолонаслѣдіи 1797 года изъ дворцовыхъ крестьянъ былъ образованъ особый разрядъ *удѣльныхъ*, поселенныхъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ, созданныхъ для обезпеченія содержанія императорской фамиліи (удѣльныя имѣнія не могли быть продаваемы и обмѣниваемы, они только переходили по наслѣдству). Удѣльные крестьяне вѣдались департаментомъ удѣловъ, а ближайшимъ образомъ—особыми экспедиціями, учрежденными по одной на 50 тысячъ душъ. Впрочемъ, главное назначеніе экспедицій заключалось въ сборѣ податей, вмѣшательство же во внутреннія дѣла крестьянъ имъ было воспрещено („всякое разбирательство внутренняго сельскаго дѣла, выборъ начальниковъ, поставка рекрутъ и подобное оному отъ управленія и распоряженія сихъ экспедицій должно быть чуждо, и для того всякое участіе до внутренности тѣхъ сельскихъ дѣлъ экспедиціямъ наистрожайше воспрещается“). Въ зависимости отъ экспедицій находились приказы, учрежденные на 3000 душъ каждый, причемъ составъ ихъ былъ выборный, а именно: приказный, двое старостъ и писарь, избираемые крестьянами. Къ категоріи крестьянъ дворцоваго вѣдомства необходимо отнести и *конюшенныхъ* крестьянъ, потомковъ московскихъ конюшен-

---

[1]) Инструкція, хотя и не имѣла въ виду дворцовыхъ крестьянъ, однако, въ этомъ отношеніи была примѣнена и къ нимъ.

ныхъ. Они были поселены на земляхъ, приписанныхъ къ конскимъ заводамъ, находившимся въ вѣдѣніи придворнаго конюшеннаго управленія.

Съ учрежденіемъ въ 1837 году министерства государственныхъ имуществъ съ цѣлью попечительства надъ государственными крестьянами всѣхъ разрядовъ и съ цѣлью упорядоченія крестьянской администраціи, государственные крестьяне (кромѣ удѣльныхъ) перешли въ вѣдѣніе упомянутаго министерства. Мѣстными органами послѣдняго для управленія крестьянами были палаты государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ и окружныя правленія въ уѣздахъ. Функціи ихъ сводились къ слѣдующему. Онѣ утверждали выборныя крестьянскія должности, увольняли и предавали суду лицъ, занимавшихъ послѣднія, и вообще надзирали за ними. На нихъ лежало попеченіе о благоустройствѣ и благочиніи въ дѣлахъ вѣры, въ силу чего они заботились о постройкѣ церквей въ деревняхъ, о причтѣ, вели борьбу съ расколомъ и т. п. На нихъ лежали: забота о нравственности среди крестьянъ и объ искорененіи нищенства, охрана крестьянскихъ земель и угодій, а также забота о врачебномъ благоустройствѣ, о народномъ продовольствіи, о путяхъ сообщенія и т. п. Наконецъ, онѣ же завѣдывали сборомъ податей и отправленіемъ повинностей крестьянами.

Д. Пятый разрядъ составляли *поссессіонные крестьяне* [1]), стоявшіе на рубежѣ между государственными и крѣпостными крестьянами. Состояніе послѣднихъ возникало нѣсколькими способами, изъ которыхъ главнымъ была покупка къ фабрикамъ и заводамъ. Такъ, уже указъ 18 Янв. 1721 года разрѣшилъ „для размноженія заводовъ" какъ дворянамъ, такъ и купцамъ покупать населенныя имѣнія и приписывать ихъ къ фабрикамъ, „дабы тѣ имѣнія всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно". Указъ запретилъ подобныя имѣнія особо отъ заводовъ „продавать и закладывать, равно какъ всякими вымыслы за кѣмъ либо крѣпить и на выкупъ отдавать". Крестьяне, поселенные на такихъ имѣніяхъ, назывались поссессіоными (впрочемъ, указанный терминъ впервые появляется въ законодательствѣ въ 1797 году) [2]). Въ 1752 году

---

[1]) Семевскій, Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II (Поссессіонные крестьяне); его-же, Горнозаводскіе крестьяне во второй половинѣ XVIII в. (Русская Мысль 1900 г., кн. 1—5).

[2]) Подъ „поссессіей" понималось вспоможеніе или пособіе, дававшееся фабрикантамъ и заводчикамъ отъ казны въ формѣ земель, лѣсовъ, крестьянъ и т. п. Въ частныхъ актахъ этотъ терминъ появляется

было опредѣлено количество крестьянъ, выше котораго фабриканты не могли употреблять на работы; такъ, на шелковые заводы можно было ставить только $^1/_4$ изъ приписанныхъ къ нимъ крестьянъ, на суконные $^1/_3$ и т. д. Остальное же количество ($^3/_4$ и $^2/_3$) должно было заниматься земледѣльческими работами. При Петрѣ III указомъ 1762 года правительство запретило покупку крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, предоставивъ фабрикантамъ „довольствоваться вольными наемными за договорную плату людьми". Правда, въ 1798 году покупка была снова разрѣшена, но это продолжалось недолго, и въ 1816 г. она была окончательно воспрещена.

Вторымъ способомъ возникновенія состоянія поссессіонныхъ крестьянъ являлась приписка къ этому разряду по указамъ нѣкоторыхъ лицъ, носившихъ названіе вѣчноотданныхъ на фабрики. Такъ, указомъ 1722 года было разрѣшено оставить на заводахъ работавшихъ на нихъ бѣглыхъ и разныхъ пришлыхъ людей; то же было разрѣшено и указомъ 1736 года, причемъ собственникамъ бѣглыхъ, разъ у послѣднихъ были паспорты, фабриканты обязывались выплатить по 50 рублей за семью съ малолѣтними дѣтьми, а за совершеннолѣтнихъ доплатить по особой таксѣ. Затѣмъ къ поссессіоннымъ крестьянамъ нерѣдко причислялись незаконнорожденные и не помнящіе родства. Наконецъ, указъ 1753 года предписалъ приписывать въ разсматриваемый разрядъ и нищихъ или, по его словамъ, „шатающихся по міру мужскаго пола разночинцевъ, кои къ службѣ негодны, а работать еще могутъ". Подобная отдача по указамъ практиковалась до Петра III, когда была воспрещена.

Третьимъ способомъ поступленія въ разрядъ поссессіонныхъ была передача фабрикантамъ казенныхъ мастеровыхъ по распоряженіямъ Сената и Бергъ и Мануфактуръ-коллегій [1].

въ 1796 г., откуда и заимствуется правительствомъ въ 1797 г. (Удинцовъ, Поссессіонное право, стр. 57 и слѣд).

[1]) Ко многимъ частнымъ горнымъ заводамъ (напр., уральскимъ и др.) съ самаго начала XVIII ст. было приписано не мало и государственныхъ крестьянъ, которые на основаніи манифеста 21 Мая 1779 г. должны были выполнять извѣстныя работы, точно переименованныя въ манифестѣ, за плату, размѣръ которой также былъ опредѣленъ. Въ виду тяжелаго положенія этихъ крестьянъ и частыхъ волненій среди нихъ, они были 23 Іюня 1803 г. (по крайней мѣрѣ на Уралѣ) освобождены отъ обязательной заводской работы, но за то среди нихъ былъ произведенъ наборъ по 58 человѣкъ съ тысячи, такъ называемыхъ, казенныхъ работниковъ, которые будучи поселены на заводахъ, вошли въ

Управленіе названными крестьянами сосредоточивалось въ упомянутыхъ коллегіяхъ, обязанныхъ надзирать за фабрикантами, „чтобъ порядочно содержали мастеровыхъ и чтобъ всякій свою должность исполнялъ“. Въ 1763 г. фабриканты получили весьма важное право ссылать крестьянъ въ Сибирь, впрочемъ, съ разрѣшенія Мануфактуръ-коллегіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ [1]). За то, съ другой стороны, крестьянамъ разрѣшено было вступать въ бракъ безъ согласія фабрикантовъ и жаловаться на нихъ правительству въ случаѣ разныхъ притѣсненій [2]). Однако, не смотря на это, фактически положеніе поссессіонныхъ было очень тяжелое, чѣмъ и объясняется наличность многочисленныхъ волненій среди нихъ, имѣвшихъ мѣсто въ изучаемую эпоху. Въ 1840 г. фабрикантамъ было разрѣшено отпускать на волю поссессіонныхъ крестьянъ, причемъ послѣдніе обязывались или приписаться въ государственные крестьяне или же войти въ составъ городскихъ обывателей (мѣщанъ, ремесленниковъ и т. п.). Въ первомъ случаѣ фабрикантъ долженъ былъ дать отпущенному 50 р. на обзаведеніе.

Крестьяне, благодаря сословному духу времени, въ разсматриваемую эпоху окончательно обособились отъ торгово-промышленнаго класса, составивъ особую сословную группу. Этому значительно способствовали реформы Екатерины II, проведенныя въ узко-сословномъ направленіи. Свою точку зрѣнія на крестьянъ императрица высказала въ Наказѣ. „Сельскіе жители, читаемъ здѣсь, живутъ въ селахъ и деревняхъ, обработываютъ землю, произведеніями которой питаются всѣ сословія, и сіе есть ихъ жребій“.

Сообразно съ этимъ воззрѣніемъ на крестьянъ опредѣлялось и ихъ юридическое положеніе. Такъ, крестьяне были ограничены въ слѣдующихъ правахъ. На основаніи указа 1730 г они были лишены права на пріобрѣтеніе недвижимой собственности (земель и домовъ) въ городахъ и уѣздахъ. Толь-

---

составъ поссессіонныхъ крестьянъ (Семевскій, Горнозаводскіе крестьяне во второй половинѣ XVIII в., Русская Мысль 1900 г, кн. 4).

[1]) Вообще право наказанія крестьянъ за ослушаніе или лѣность на работѣ принадлежало фабрикантамъ съ самаго начала XVIII ст. Такъ въ памяти, данной Демидову въ 1702 г., правительство предоставило владѣльцу завода (Демидову) наказывать крестьянъ батогами или плетьми и даже надѣвать на нихъ оковы. На практикѣ фабриканты не разъ крайне злоупотребляли этимъ правомъ.

[2]) Впрочемъ, по свидѣтельству г. Семевскаго, жалобы крестьянъ въ большинствѣ случаевъ оставались безъ всякихъ послѣдствій и только „мірскіе челобитчики расплачивались своими спинами за усердіе къ общему дѣлу“ (назв. ст. въ Русской Мысли 1900 г., кн. 1, стр. 28).

ко въ 1801 г. имъ было разрѣшено владѣть населенными имѣніями [1]), а въ 1827 г. домами (кромѣ столицъ; въ послѣднихъ крестьяне получили названное право въ 1848 г.). На основаніи указа 1739 г. крестьяне лишились права покупать рекрутовъ и ставить ихъ вмѣсто себя. Регламентомъ Камерколлегіи 1731 г. имъ было запрещено вступать въ подряды и откупа („кромѣ найма подводъ и судовъ"); впрочемъ, въ отношеніи винныхъ откуповъ это запрещеніе продолжалось только до 1774 г., когда было отмѣнено. Точно также крестьяне были лишены всякихъ правъ въ области торговли (они могли продавать только свои деревенскіе продукты), что продолжалось до 1812 г., когда имъ было разрѣшено торговать безъ записи въ гильдію. На основаніи указа 1761 г. крестьяне не могли обязываться векселями (уставъ о векселяхъ 1729 г. объ этомъ молчитъ) и вступать въ поручительства; за ними было оставлено только право на выдачу заемныхъ писемъ „съ удостовѣрительнымъ дозволеніемъ отъ ихъ правителей и отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оные въ вѣдомствѣ состоятъ, и съ поруками, токмо не изъ крестьянъ, а изъ другихъ чиновъ". Въ этомъ отношеніи проектъ Елизаветинской комиссіи идетъ дальше и разрѣшаетъ крестьянамъ обязываться векселями и вступать въ другія сдѣлки въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда имъ необходимо взять въ долгъ не свыше 10 р., 2) „когда крестьянинъ подрядится кому поставить какіе съѣстные припасы, дрова, сѣно и проч., что отъ крестьянской экономіи происходитъ", 3) „наймется у кого что-нибудь свезть водою или сухимъ путемъ", 4) „имѣя покормежное письмо или паспортъ, договорится у кого быть въ услуженіи", 5) „или какую работу отправлять", 6) „или что построить". Но, какъ извѣстно, этотъ проектъ не получилъ законодательной санкціи. Наконецъ, крестьяне не имѣли права заводить фабрики и заводы, и только въ 1818 г. имъ было даровано это право, но не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства и со взятіемъ торговаго свидѣтельства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Что касается до повинностей крестьянъ, то они должны

---

[1]) Указъ 12 Дек. 1801 г. разрѣшилъ государственнымъ крестьянамъ и вольноотпущеннымъ пріобрѣтать „всякія подъ разными именами земли". До 1858 г., когда дѣйствіе этого указа было прекращено, воспользовалось этимъ правомъ всего 269 тысячъ крестьянъ, т. е. только 3% общаго числа государственныхъ крестьянъ (Вешняковъ, Крестьяне—собственники въ Россіи, стр. 1—13).

были платить подушную подать [1]) и отправлять слѣдующія повинности: рекрутскую, подводную, фуражную, почтовую, постойную, дорожную, мостовую и караульную (т. е. выставлять караулы къ казеннымъ складамъ, амбарамъ и т. п.). Тяжесть этихъ повинностей ложилась тяжелымъ бременемъ на матеріальное благосостояніе крестьянъ, о чемъ въ яркихъ краскахъ свидѣтельствуютъ дворянскіе и крестьянскіе наказы 1767 г., ходатайствующіе предъ правительствомъ объ уменьшеніи этихъ повинностей.

Е. Послѣдній разрядъ составляли *крѣпостные крестьяне*, юридическимъ положеніемъ которыхъ мы теперь и займемся.

Крѣпостное право въ XVIII ст., несмотря на увеличеніе его тяжести сравнительно съ московскимъ періодомъ, вплоть до манифеста о вольностяхъ дворянства 1762 г. продолжаетъ попрежнему сохранять свой государственный характеръ: крестьяне прикрѣплены къ имѣніямъ дворянъ, потому что дворяне прикрѣплены къ обязательной службѣ государству. Такимъ образомъ существованіе крѣпостного права объясняется существованіемъ обязательной службы дворянства.

Съ изданіемъ манифеста о вольностяхъ можно было ожидать, какъ его логическое слѣдствіе, освобожденіе крестьянъ изъ подъ крѣпостной зависимости, такъ какъ теперь утратился всякій смыслъ существованія крѣпостного права. Однако, этого не случилось, и крестьяне попрежнему остались въ крѣпостной зависимости у дворянства, но теперь, благодаря манифесту о вольностяхъ, крѣпостное право приняло исключительно частноправовой характеръ, въ виду несуществованія болѣе единственнаго мотива прикрѣпленія крестьянъ вполнѣ государственнаго характера — доставить служилому классу постоянныхъ работниковъ, чтобы имѣть возможность отправлять государеву службу. Такимъ образомъ съ середины XVIII ст. крѣпостное право становится привилегіей дворянства, притомъ привилегіей весьма существенной. Эта послѣдняя развилась болѣе фактически, чѣмъ юридически, такъ какъ законъ не предупреждалъ того, что само собой сложилось въ жизни. До самаго изданія Свода Законовъ, гдѣ впервые законодатель формулируетъ юридическія отношенія крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ, не

---

[1]) Причемъ, вслѣдствіе круговой поруки волости и, въ силу этого, платы за умершихъ, неимущихъ и выбывшихъ (напр., бѣглыхъ), она была крайне тяжела для крестьянъ.

было системы законовъ, опредѣляющихъ эти отношенія. Та или другая сторона ихъ, какъ основательно замѣчаетъ проф. Романовичъ-Славатинскій, тотъ или другой вопросъ разрѣшались мало по малу отдѣльными постановленіями. Вотъ почему законодательство о крѣпостномъ правѣ носитъ такой фрагментарный и казуистическій характеръ не только въ XVIII, но и въ XIX ст. [1]). Подобный порядокъ вещей крайне не нравился дворянству, почему оно стремилось дать законодательную формулировку отношеніямъ, существовавшимъ между помѣщиками и крѣпостными, и такимъ образомъ уничтожить тотъ фрагментарный характеръ законодательства о крѣпостномъ правѣ, о которомъ мы говорили. Съ первой попыткой юридической формулировки крѣпостного права мы встрѣчаемся въ проектѣ Елизаветинской комиссіи, при составленіи котораго, какъ извѣстно, присутствовали дворянскіе депутаты. „Дворянство, гласитъ проектъ, имѣетъ надъ людьми и крестьяны своими мужескаго и женскаго пола и надъ имѣніемъ ихъ полную власть безъ изъятія, кромѣ отнятія живота, наказанія кнутомъ и произведенія надъ оными пытокъ. И для того воленъ всякій дворянинъ тѣхъ своихъ людей и крестьянъ продавать и закладывать, въ приданое и въ рекруты отдавать и во всякія крѣпости укрѣплять, на волю вѣчно и для промыслу и для прокормленія на время, а вдовъ и дѣвокъ для замужества, за постороннихъ отпускать, изъ деревень въ другія свои деревни переводить, и разнымъ художествамъ и мастерствамъ обучать, мужскому полу жениться, а женскому полу замужъ идти позволять, и, по изволенію своему, во услуженіе, работы и посылки употреблять, и всякія наказанія чинить или для наказанія въ судебныя правительства представлять, и, по разсужденію своему, прощеніе чинить и отъ того наказанія освобождать“. Въ другомъ мѣстѣ проекта мы встрѣчаемся съ опредѣленіемъ понятія крѣпостныхъ крестьянъ, а именно: таковые „суть тѣ, которые принадлежатъ собственно государю или дворянамъ; принадлежащіе же дворянамъ суть тѣ, которые пожалованы отъ государя въ вѣчное и потомственное владѣніе или дошедшіе куплею, подареніемъ, наслѣдствомъ и въ приданое и состоятъ въ совершенной власти своего господина“[2]).

---

[1]) Дворянство въ Россіи, стр. 278.

[2]) На необходимость законодательной формулировки крѣпостного права указываетъ въ своихъ „Пунктахъ“, представленныхъ въ дворян-

Однако, въ виду неполученія законодательной санкціи названнымъ проектомъ, дворянству въ 1767 г. въ своихъ наказахъ пришлось снова ходатайствовать, „дабы въ сохраненіи древняго узаконенія и дворянскіе люди и крестьяне въ подлежащемъ повиновеніи, яко своимъ господамъ, были, и о томъ въ нынѣ сочиняемомъ проектѣ новаго Уложенія подтвердить съ такимъ объявленіемъ, что узаконенная издавна помѣщицкая власть надъ ихъ людьми и крестьянами не отъемлется безотмѣнно, какъ донынѣ была, такъ и впредь будетъ“. Но, какъ мы уже сказали, вплоть до изданія Свода Законовъ крѣпостное право продолжало носить свой прежній франгментарный и казуистическій характеръ. Прослѣдимъ исторію этого права въ разсматриваемую эпоху.

Введеніе подушной подати и первая ревизія имѣли весьма большое вліяніе въ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ окончательно смѣшали въ одинъ разрядъ населенія крѣпостныхъ и холоповъ, введя послѣднихъ въ составъ крѣпостного крестьянства и такимъ образомъ уничтоживъ ту грань между ними, какая существовала еще въ Уложеніи [1]). Такъ, указъ 22 Янв. 1719 г. предписалъ „учинить перепись, сколько гдѣ въ которой волости, въ селѣ или деревнѣ крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей (которые имѣютъ свою пашню) по именамъ есть, отъ стараго до самаго младенца“. Такимъ образомъ указъ подтвердилъ прежнее смѣшеніе въ одинъ разрядъ крестьянъ и холоповъ, посаженныхъ на пашню [2]). Однако, оказалось,

---

скую комиссію 1763 г. и графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ. „Всему дворянству, читаемъ въ его 7 пунктѣ, надлежало бъ, на основаніи древнихъ установленій, которыя иногда чрезъ толь давнее время въ забвеніе пришли или придти могутъ, возобновить ту безпредѣльную власть, какая имъ надъ ихъ крестьянами уже дозволена и какою они дѣйствительно пользуются“.

[1]) Въ этомъ отношеніи Петръ I только завершилъ тотъ процессъ, который начался уже во второй половинѣ XVII ст., когда нѣкоторые разряды холоповъ, а именно задворные люди и посаженные на пашню дѣловые люди были сравнены во всемъ съ крѣпостными крестьянами (см. Ключевскаго, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи, Русская Мысль 1886 г., кн. V, VII, IX и X, Милюкова, Государств. хозяйство Россіи въ XVIII ст., стр. 642, его же Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, стр. 87, а также статья „Когда задворные люди стали государственными тяглецами“ въ Трудахъ Ряз. Учен. Архивной комиссіи, т. XII, вып. 1, стр 97 и Дьяконова, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 241 и слѣд.). Г. Милюковъ даже документально доказалъ, что задворные люди были положены въ тягло въ 1678 г., когда составлялись новыя переписныя книги и совершалась коренная реформа податной системы.

[2]) Задворными людьми, по опредѣленію проф. Ключевскаго, назывались холопы, получившіе отъ своихъ господъ въ пользованіе земельные

что правительство имѣло въ виду смѣшеніе крестьянъ со всѣми холопами. Объ этомъ его намѣреніи мы узнаемъ изъ указа 5 Февр. 1720 г. „Слышу я (т. е. государь), читаемъ въ указѣ, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ (т. е. холоповъ, жившихъ во дворахъ своихъ господъ и состоявшихъ въ домашнемъ услуженіи) и прочихъ не пишутъ; того ради подтверждаемъ указомъ, чтобъ *всѣхъ помѣщики писали своихъ подданныхъ, какого они званія ни есть*". Наконецъ, указы 1-го Іюня 1722 г. и 26 Марта 1729 г. предписали смѣшать съ крѣпостными крестьянами и кабальныхъ холоповъ, какъ извѣстно, находившихся въ холопствѣ временно и получавшихъ свободу послѣ смерти своихъ господъ. Такимъ образомъ указанными мѣропріятіями понятіе холопа, какъ вещи (res), какъ объекта частной собственности было уничтожено. Всѣ разряды холоповъ слились съ крѣпостными крестьянами, т. е. стали трактоваться какъ лица (personae), вошли въ составъ одного изъ государственныхъ сословій, были обязаны цѣлымъ рядомъ повинностей въ пользу государства и получили нѣкоторыя права, осуществленіе которыхъ, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ зависѣло отъ воли помѣщика. Однако, это смѣшеніе прежняго холопства съ крѣпостнымъ состояніемъ имѣло въ результатѣ модификацію послѣдняго. Такъ, помѣщики въ отношеніи крѣпостныхъ стали пользоваться тѣми же правами, какія прежде принадлежали господамъ въ отношеніи холоповъ, способами установленія и прекращенія крѣпостного состоянія сдѣлались многіе способы установленія и прекращенія холопства и т. п. Иначе говоря, получилось полное смѣшеніе понятій, благодаря которому были возможны такія несообразности съ точки зрѣнія права, какъ напр., продажа человѣка, считавшагося лицомъ, а не вещью, обладавшаго извѣстными правами и несшаго извѣстныя обязанности въ качествѣ члена опредѣленнаго сословія. До извѣстной степени возникновеніе по-

---

участки и жившіе отдѣльными дворами, имѣя каждый свое особое хозяйство (Ключевскій, назв. статья). Это опредѣленіе было дополнено г. Милюковымъ, доказавшимъ, что въ составъ задворныхъ людей входили также и нехолопы, напр., крестьяне (см. Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, стр. 857). Къ мнѣнію г. Милюкова примкнулъ и проф. Дьяконовъ (назв. соч., стр. 241 и слѣд.). Дѣловыми людьми назывались холопы, жившіе въ сельскихъ усадьбахъ своихъ господъ и на ихъ содержаніи. Часть ихъ была посажена на пашню, имѣла свои дворы и ничѣмъ не отличалась отъ задворныхъ людей (Ключевскій, назв. статья, Дьяконовъ, назв. соч., стр. 287 и слѣд.).

добнаго порядка вещей (не говоря уже о фрагментарномъ характерѣ законодательства о крѣпостныхъ, въ силу чего крѣпостное право развивалось болѣе фактически, чѣмъ юридически) зависѣло отъ окончательнаго установленія отвѣтственности помѣщиковъ за исправное отправленіе крѣпостными повинностей, въ особенности же за платежъ подушной подати. Подобная отвѣтственность уже возникла въ XVII ст., но какъ общая мѣра была установлена при Петрѣ I. Такъ, о ней говоритъ инструкція генералу Чернышеву 5 Февр. 1722 г. „Дворянамъ объявить, читаемъ здѣсь, чтобы платили со всякой души мужеска пола крестьянъ и дворовыхъ, и дѣловыхъ, и всякаго званія людей, какіе у кого въ деревняхъ обрѣтаются, по восьми гривенъ съ персоны“. То же подтвердилъ и регламентъ Камеръ-коллегіи 1731 г., ст. 6 котораго постановляетъ: „подушныя деньги платить самимъ помѣщикамъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, приказчикамъ и старостамъ или тѣмъ людямъ, кому деревни приказаны; а ежели который помѣщикъ или приказчикъ на срокъ не заплатитъ, то въ такія деревни полковникамъ обще съ воеводами посылать экзекуцію и велѣть немедленно править на помѣщикахъ и приказчикахъ и старостахъ и ихъ понуждать, чтобы они сбирали съ крестьянъ“. Благодаря названному мѣропріятію, крѣпостные крестьяне были окончательно отстранены отъ непосредственнаго общенія съ государственною властью и ея органами: между крѣпостнымъ и государствомъ сталъ помѣщикъ, этотъ полицеймейстеръ надъ крестьяниномъ, по выраженію имп. Павла.

Послѣ Петра замѣчается большое усиленіе крѣпостного права, главнымъ образомъ вслѣдствіе его территоріальнаго распространенія, что достигло апогея своего развитія при Екатеринѣ II и Павлѣ I. Въ эти царствованія широко примѣнялся способъ раздачи населенныхъ имѣній въ формѣ пожалованій частнымъ лицамъ, и такимъ образомъ было роздано (т. е. обращено въ крѣпостное сословіе) 1 милліонъ 200 тысячъ душъ крестьянъ [1]. Кромѣ того, при Екатеринѣ II указомъ 1783 г. крѣпостное право было введено въ Малороссіи, гдѣ до того времени существовалъ еще обычай пе-

[1]) Раздача населенныхъ имѣній была уничтожена при Александрѣ I. „Русскіе крестьяне, сказалъ по этому поводу государь, большею частью принадлежатъ помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія, и потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило никому не давать въ собственность крестьянъ“.

рехода крестьянъ съ земель одного владѣльца на земли другого. Указъ 1783 г. отмѣнилъ этотъ переходъ и тѣмъ прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ. По десятой ревизіи крѣпостныхъ было 21.625,000 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 1.467,000 дворовыхъ.

Способовъ пріобрѣтенія крѣпостного состоянія было нѣсколько. Первымъ способомъ являлось рожденіе, благодаря которому дѣти крѣпостныхъ также становились крѣпостными. Вторымъ способомъ была записка по ревизіи, о чемъ мы уже говорили. Третьимъ способомъ являлось закрѣпленіе незаконнорожденныхъ подкидышей воспитателями, причемъ послѣдніе могли быть членами всѣхъ сословій, а не только одного дворянскаго. Объ этомъ способѣ впервые говоритъ указъ 1746 г.: „хотя купцы и разночинцы суть подлые люди, коимъ имѣть крѣпостныхъ запрещено, но за ними повелѣвается писать незаконнорожденныхъ подкидышей, ибо, ежели отъ тѣхъ воспитателей отбирать, то таковыхъ во младенчествѣ никто къ себѣ принимать не будетъ, и отъ того иные пропадать будутъ". Это правило видоизмѣняется проектомъ Елизаветинской комиссіи, предписывающимъ недворянамъ держать у себя принятыхъ на воспитаніе подкидышей только до достиженіи ими 18 лѣтъ, а затѣмъ продавать „такимъ людямъ, кому людей и крестьянъ имѣть позволено". Названное постановленіе вводится въ дѣйствіе инструкціей слободскому губернатору 1765 г. съ тѣмъ только различіемъ, что 18-лѣтній возрастъ проекта замѣняется 20-лѣтнимъ. Въ 1783 г. Сенатъ предписалъ закрѣплять за собою *дворянамъ* только тѣхъ незаконнорожденныхъ, матери которыхъ были крѣпостныя, дѣтей же свободныхъ женщинъ и дѣвушекъ причислять въ государственные крестьяне. Наконецъ, въ 1815 г. правительство, подтвердивъ указъ 1783 г., окончательно воспретило недворянамъ закрѣплять за собою незаконнорожденныхъ, указавъ на то, что подкидыши, воспитанные личными дворянами, духовными лицами и приказными, обязательно должны приписываться въ число государственныхъ крестьянъ, а воспитанные купцами, мѣщанами и крестьянами—въ то сословіе, къ которому принадлежали ихъ воспитатели. Четвертымъ способомъ вступленія въ разрядъ крѣпостныхъ было закрѣпленіе военно-плѣнныхъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія, воспрещенное при Екатеринѣ II,)указъ 20 Апр. 1770 г.). Пятымъ способомъ являлось правило Судебниковъ и Уложенія 1649 г.: „по рабѣ холопъ и по хо-

лопу раба“, т. е. пріобрѣтеніе крѣпостного состоянія путемъ брака. Первое правило, а именно „по рабѣ холопъ“ стало отмѣняться для нѣкоторыхъ разрядовъ населенія въ царствованіе Екатерины II. Такъ, въ 1763 г. изъ подъ дѣйствія этого правила были изъяты питомцы воспитательнаго дома, въ 1764 г.—воспитанники Академіи художествъ, въ 1775 г.—вольноотпущенные. Наконецъ, въ 1783 г. состоялось предписаніе, чтобъ „вольныхъ людей отнюдь ни за кѣмъ не укрѣплять“, чѣмъ окончательно было отмѣнено дѣйствіе правила „по рабѣ холопъ“. Что касается до второго правила, а именно: „по холопу раба“, то оно было отмѣнено въ 1815 г. [1]) Шестой способъ вступленія въ разрядъ крѣпостныхъ, состоялъ въ закрѣпленіи путемъ договоровъ купли-продажи, мѣны, даренія и т. п. Седьмымъ способомъ было пожалованіе населенныхъ имѣній, о чемъ мы уже говорили, и, наконецъ, послѣдній способъ вытекалъ изъ права закрѣпощать себя. Онъ былъ отмѣненъ въ 1783 г., когда Екатерина II воспретила всѣмъ свободнымъ закрѣпощаться, „предоставивъ имъ свободу избирать такой родъ жизни, какой сами заблагоразсудятъ“.

Что касается до способовъ прекращенія крѣпостного состоянія, то такихъ также было нѣсколько. Однимъ изъ первыхъ являлось отбываніе рекрутской повинности, благодаря которой всякій рекрутъ выходилъ изъ крѣпостного состоянія, причемъ освобождалась также и его жена, а съ 1764 г. и дѣти, рожденныя послѣ поступленія отца на службу. Вторымъ способомъ была ссылка помѣщикомъ въ Сибирь на поселеніе, причемъ обязательно съ женой. Третій способъ вытекалъ изъ факта наказанія помѣщика за извѣстнаго рода преступленія. Такъ, указъ 1726 г. предписалъ освобождать доносчиковъ изъ крестьянъ за доносъ на помѣщиковъ объ утайкѣ душъ при ревизіяхъ. Точно также и указъ 1763 г. постановилъ: „прописныхъ, кои помѣщикомъ утаены и явятся сами гдѣ въ судебныхъ мѣстахъ и докажутъ, такимъ дать свободу, взыскивая за оныхъ подушныя деньги съ помѣщиковъ“. Четвертымъ способомъ выхода изъ крѣпостного состоянія являлось бѣгство, когда само законодательство въ лицѣ многихъ манифестовъ и указовъ

---

[1]) Указъ 1815 г. постановилъ, что „всѣ вольнаго происхожденія вдовы и дѣвки, вышедшія замужъ за помѣщичьихъ дворовыхъ людей и крестьянъ, по смерти мужей ихъ, въ число крѣпостныхъ обращаемы быть не должны“.

начиная съ 1759 г., освобождало бѣглыхъ отъ крѣпостной зависимости путемъ записи ихъ въ государственныя и дворцовыя волости или путемъ оставленія ихъ въ мѣстахъ ихъ временнаго пребыванія (напр., на окраинахъ) съ зачетомъ помѣщикамъ въ рекруты, или, начиная съ 1722 г., путемъ приписки ихъ къ фабрикамъ и заводамъ. Пятымъ способомъ было отпущеніе на волю со стороны помѣщиковъ посредствомъ выдачи отпускной или по духовному завѣщанію. Наконецъ, послѣднимъ способомъ былъ выкупъ со стороны крѣпостного, размѣръ котораго постоянно варіировался, доходя иногда до 1000 руб. и болѣе за человѣка. Въ XIX ст. размѣръ выкупа достигалъ иногда 20 и даже 30 тысячъ за человѣка. Указомъ 8 Ноября 1847 г. было разрѣшено крѣпостнымъ выкупать себя при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга путемъ взноса состоявшейся на торгахъ цѣны или полной оцѣночной суммы въ теченіи 30 дней со времени выслушанія ими о томъ объявленія [1]) Вышедшіе изъ крѣпостного состоянія назывались вольноотпущенными и обязывались приписаться къ одному изъ податныхъ состояній. Въ 1818 г. было разъяснено, что разъ получившій свободу, уже никогда не можетъ быть возвращенъ въ крѣпостное состояніе.

Юридическое положеніе крѣпостныхъ выясняется главнымъ образомъ разсмотрѣніемъ тѣхъ правъ, которыя принадлежали помѣщикамъ въ отношеніи ихъ. Такихъ правъ было не мало. Во-первыхъ, помѣщикамъ принадлежало право *распоряженія* своими крѣпостными, т. е. они могли ихъ продавать, закладывать, обмѣнивать, дарить, завѣщать и т. п. Продажа людей была уже очень развита при Петрѣ. „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, свидѣтельствуетъ самъ государь въ указѣ 15 Апрѣля 1721 г., что крестьянъ и дѣловыхъ, и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъврознь, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отчего немалый вопль бываетъ". Желая до нѣкоторой степени ограничить эту торговлю живымъ мясомъ, Петръ въ томъ же указѣ высказался противъ продажи отдѣльныхъ членовъ семьи врознь: по указу была

[1]) Однако, въ виду того, что казна въ такихъ случаяхъ не открывала крестьянамъ никакого кредита, выкупились на основаніи этого закона всего только 964 человѣка.

разрѣшена только продажа цѣлыми семьями [1]). Впрочемъ, значеніе этого указа было парализовано разрѣшеніемъ ставить вмѣсто себя въ рекруты купленныхъ людей, что правительство дозволило въ 1720 г. Впослѣдствіи, а именно въ 1747 г. правило указа 1720 г. было подтверждено, причемъ помѣщики получили право продавать крестьянъ въ рекруты кому бы то ни было. Такъ продолжалось до 1766 г., когда состоялось запрещеніе совершать купчія на крестьянъ за *три* мѣсяца до набора. Въ 1771 г. правительство провело другое ограниченіе права распоряженія крѣпостными, а именно воспрещеніе продажи крестьянъ безъ земли съ молотка; впрочемъ, въ 1792 г. названное запрещеніе получило слѣдующее разъясненіе: крестьянъ безъ земли можно продавать за долги помѣщиковъ и даже совершать это публично, только безъ употребленія молотка. На практикѣ торговля людьми была крайне развита въ XVIII ст., причемъ нерѣдко крѣпостныхъ выводили на рынки, какъ невольниковъ, а газеты были испещрены объявленіями въ родѣ слѣд.: „продаются портной, поваръ, башмачникъ, вѣнская прочной работы коляска и хорошо выѣзженная верховая лошадь“, или „продается лѣтъ 30-ти дѣвка и молодая гнѣдая лошадь; *ихъ* видѣть можно тамъ то“, или „продается 20 лѣтъ дворовый человѣкъ и лучшей породы корова“, или „продаются четыре пары гончихъ, 15 щенковъ и двѣ дѣвки“ и т. п. Цѣна крѣпостныхъ была весьма различна и съ приближеніемъ къ XIX ст. постоянно возрастала. Такъ, при Елизаветѣ Петровнѣ она въ большинствѣ случаевъ равнялась 30 руб. за душу, а при Екатеринѣ II—отъ 70 до 100 руб. Указанная норма цѣны имѣла значеніе при продажѣ отдѣльныхъ имѣній; напротивъ, при продажѣ въ одиночку размѣръ цѣны значительно увеличивался; такъ, рекруты стоили отъ 120 (въ 1768) до 300 р. (въ 1786 г.), ремесленники и артисты—300 руб., артистки—нѣсколько тысячъ, прислуга—50—80 р. и дороже, дѣти отъ 3 до 20 руб.

Продажа крѣпостныхъ уже въ XVIII ст. вызывала, хотя робкіе, но все же протесты со стороны лучшихъ людей того

---

[1]) По справедливому замѣчанію г. Побѣдоносцева, названный указъ въ сущности „не можетъ быть названъ закономъ“, такъ какъ „не содержитъ въ себѣ яснаго, положительнаго запрещенія и не былъ обращаемъ къ исполненію, а подлежалъ только вѣдѣнію Сената“, „чтобы о томъ при сочиненіи нынѣшняго уложенія изъяснить, какъ гг. сенаторы заблагоразсудятъ“. А предположенное уложеніе вовсе не было приведено къ концу“ (Историческія изслѣдованія и статьи, стр. 165).

времени. Такъ, многіе дворянскіе наказы, поданные въ комиссію 1767 г., ходатайствуютъ объ ограниченіи этой продажи; напр., михайловскій наказъ проситъ о разрѣшеніи послѣдней только въ предѣлахъ одного уѣзда, „дабы проданный крестьянинъ въ близости своихъ сродственниковъ находиться могъ“; шлиссельбургскій идетъ дальше и находитъ необходимымъ вообще запрещеніе продажи „на вывозъ“; тамбовскій высказывается за то, чтобъ „по дѣвкамъ мужьевъ и ихъ дѣтей не отдавать, а зачитать дѣвками, понеже оттого происходятъ немалыя раззоренія, а дѣтямъ отъ отцовъ вѣчное разлученіе“ и т. п. Во время засѣданій комиссіи нѣсколькими депутатами были сдѣланы аналогичныя заявленія, изъ которыхъ въ особенности выдается заявленіе казака Алейникова. „Большое будетъ предосужденіе господамъ депутатамъ и всему нашему государству предъ другими европейскими странами“, сказалъ Алейниковъ, „когда по окончаніи сей высокославной комиссіи, узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ, какъ скотину, да еще такихъ же самыхъ христіанъ, какъ и мы сами“.

Однако, вплоть до царствованія Александра I на практикѣ все оставалось попрежнему, и крестьяне продавались, по выраженію Алейникова, „какъ скотина“. Александръ I обратилъ на это явленіе вниманіе и указомъ 1804 г. запретилъ подобный „постыдный торгъ“, по крайней мѣрѣ, съ армянами, покупавшими преимущественно дѣвушекъ для вывоза ихъ въ Турцію. Въ томъ же году состоялся другой указъ о запрещеніи пріема въ рекруты людей менѣе, чѣмъ черезъ три года, по совершеніи на нихъ купчей. Затѣмъ, указомъ 1808 г. была уничтожена продажа на ярмаркахъ подъ страхомъ освобожденія проданныхъ и наказанія купившихъ, а указомъ 1822 г. запрещены публикаціи въ газетахъ. Но этимъ, собственно говоря, и ограничились мѣропріятія имп. Александра. При его преемникѣ вопросъ о продажѣ крѣпостныхъ былъ внесенъ на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта, но встрѣтилъ тамъ довольно сильную оппозицію, выразителемъ которой явился адмиралъ Мордвиновъ. „Отъ горькаго корня“, сказалъ, между прочимъ, послѣдній, „не будетъ плода сладка, на рѣдькѣ не выростетъ ананасъ; доколѣ рабство между крестьянами существуетъ, до тѣхъ поръ продажа людей по одиночкѣ должна быть допущена. Она необходима и часто для проданнаго бываетъ плодотворна; часто отъ лютаго помѣщика проданный рабъ его переходитъ

въ руки мягкосерднаго, отъ скудной и тощей нивы переселяется на ниву просторную и плодородную". Однако, доводы Мордвинова не убѣдили правительства, и оно закономъ 2 Мая 1833 года запретило продажу и дареніе крѣпостныхъ съ раздробленіемъ семей (семьею было предписано считать отца, мать, неженатыхъ сыновей и незамужнихъ дочерей), т. е., въ сущности, подтвердило постановленія указа 1721 г., а въ 1841 г. разрѣшило покупку только лицамъ, обладающимъ населенными имѣніями, снова подтвердивъ воспрещеніе раздроблять семьи при продажѣ, залогѣ и раздѣлѣ между наслѣдниками. Сводъ законовъ кодифицировалъ всѣ эти узаконенія, подтвердивъ также запрещеніе продажи крѣпостныхъ финляндскимъ гражданамъ и чиновникамъ Земли Войска Донскаго, для переселенія ихъ на войсковыя земли (т. IX, ст. 1085, изд. 1857 г.) [1].

Во-вторыхъ, помѣщики пользовались правомъ *хозяйственной эксплоатаціи* труда своихъ крѣпостныхъ. Послѣдняя выражалась въ двоякой формѣ: оброка и барщины [2]). Что касается до оброка, то величина его обыкновенно равнялась отъ 1 до 5 руб., находясь, по словамъ одного современника (Георги), въ зависимости отъ заработковъ крестьянъ, доброты или строгости господина и т. п. Впрочемъ, къ концу XVIII ст. размѣръ оброка значительно увеличился и достигъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до 20 руб. съ человѣка. Въ XIX ст. размѣръ оброка колебался отъ 15 до 27 руб., причемъ во многихъ мѣстностяхъ онъ равнялся 23, 22, 20, 19, 18 и 17 руб. съ копѣйками. Впрочемъ, въ единичныхъ случаяхъ оброкъ могъ достигать огромной суммы, находясь въ зависимости отъ развитія мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ [3]). Отсутствіе нормы оброка въ законодательствѣ крайне тяжело отражалось на благосостояніи крестьянъ. Еще Посошковъ свидѣтельствовалъ, что „крестьянское житье скудостно отъ помѣщичья насилія", и что „помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ скудости неудобоносимыя... и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору"... говоря: „крестьянину да не да-

---

[1]) Воспрещеніе продавать крѣпостныхъ финляндскимъ гражданамъ состоялось еще въ 1827 г., а донскимъ чиновникамъ въ 1816 г.

[2]) Въ XIX ст. оброчная система преобладала на сѣверѣ, напротивъ, на югѣ, въ черноземныхъ губерніяхъ господствовало барщинное хозяйство. Кромѣ того, существовали такія имѣнія, гдѣ часть крестьянъ была на оброкѣ, часть на барщинѣ.

[3]) Игнатовичъ, Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія (Русск. Богатство, 1900 г., кн. 10).

вай обрости, но стриги его, яко овцу, до гола". Въ виду этого, Посошковъ высказался за изданіе „расположенія указнаго, почему помѣщикамъ крестьянъ оброку и иного чего имать". На той же точкѣ зрѣнія стояла и Екатерина II въ своемъ Наказѣ, когда писала: „весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ размотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства". Какъ уже было сказано, въ томъ же направленіи высказался и депутатъ Коробьинъ въ комиссіи 1767 г. Однако, послѣдняя не нормировала оброка, такъ какъ нельзя же за установленіе нормы считать слѣдующее постановленіе одного изъ проектовъ комиссіи: „помѣщики крестьянъ могутъ опредѣлить на денежные оброки безъ тягости и, сверхъ положеннаго годового оброка, въ тотъ годъ болѣе брать не должны". Точно также и Сводъ Законовъ (изд. 1857 г.) предоставилъ помѣщикамъ право взиманія какого угодно оброка, лишь бы не произошло отъ подобнаго взиманія раззоренія для крестьянства. Кромѣ оброка, крестьяне обязаны были поставлять помѣщикамъ, такъ называемый, столовый запасъ, т. е. сѣно, овесъ, дрова, птицу, зелень, масло и т. п.

Несмотря на тяжесть оброка, крестьяне предпочитали его барщинѣ, такъ какъ, сидя на оброкѣ, они пользовались большею независимостью, чѣмъ при отправленіи послѣдней. Барщина была двухъ родовъ: по числу дней, когда крестьяне работали на помѣщика, и въ формѣ урока. Въ первомъ случаѣ крестьяне обыкновенно исполняли работу на помѣщика въ теченіе половины рабочаго времени, т. е. три дня въ недѣлю. Впрочемъ, встрѣчалось не мало мѣстностей, гдѣ барщина отправлялась и въ большее количество времени, напр., 4 и 5 дней. По словамъ агронома Рычкова, были и такіе помѣщики, что „крестьянамъ и одного дня на себя работать не давали, а, давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ, употребляли ихъ безъ изъятія на господскія работы повседневно". Такая форма барщины называлась мѣсячиною и въ XIX ст. нерѣдко существовала у мелкопомѣстныхъ дворянъ. Положеніе мѣсячниковъ было очень тяжелое, такъ какъ они всегда находились на виду у господъ и могли быть эксплоатируемы послѣдними, въ какой угодно формѣ. Съ конца XVIII ст., съ появленіемъ помѣщичьихъ фабрикъ, появился и новый видъ мѣсячины, а

именно работа на фабрикахъ. Впрочемъ, по подсчету г. Туганъ-Барановскаго, такихъ фабрично-заводскихъ крестьянъ, было сравнительно немного, такъ въ 1825 г. — 66725 человѣкъ [1]). Какъ и относительно оброка, такъ и относительно барщины не существовало никакой нормы въ законодательствѣ, если не считать правила объ освобожденiи отъ работы въ праздничные и воскресные дни, унаслѣдованнаго XVIII ст. еще отъ XVII ст. Первый, если не считать Посошкова, высказавшiйся за необходимость подобной нормировки барщины, былъ Панинъ, считавшiй возможнымъ въ законодательномъ порядкѣ установить, „чтобъ помѣщики отъ крестьянъ не требовали работъ болѣе четырехъ дней въ недѣлю, а въ сутки требовали бы не болѣе, какъ вспаханiе одной десятины доброй земли" [2]). Императоръ Павелъ Петровичъ отчасти выполнилъ желанiе Панина, предписавъ указомъ 1797 г. требовать отъ крестьянъ исполненiя барщины только въ теченiе трехъ дней въ недѣлю и освободить ихъ отъ всякихъ работъ по праздникамъ [3]). Этотъ указъ вошелъ и въ Сводъ Законовъ (ст. 1045 и 1046 т. IX, изд. 1857 г.).

Барщина въ формѣ опредѣленнаго урока, исполняемаго крестьянами, также не была урегулирована въ законодательномъ порядкѣ и вполнѣ зависѣла отъ прихоти помѣщиковъ. По словамъ Татищева, урокъ заключался въ десятинѣ полевыхъ работъ и косьбѣ 120 пуд. сѣна; впрочемъ, нерѣдко урокъ былъ и больше. Урочное положенiе существовало и въ XIX ст., причемъ нормальнымъ урокомъ считалась обработка 1—1½ десятины въ полѣ съ тягла (тягло—мужъ и жена).

Въ-третьихъ, помѣщикамъ принадлежало право *перевода крестьянъ въ дворовые и наоборотъ*. Количество дворовыхъ, т. е. крестьянъ, оторванныхъ отъ земледѣльческихъ работъ и предназначенныхъ для домашнихъ услугъ, было громад-

---

[1]) Туганъ-Барановскiй, Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ стр. 106.

[2]) Объ этомъ Панинъ говоритъ въ своей запискѣ, поданной имъ Екатеринѣ II, совѣтуя императрицѣ издать секретное предписанiе губернаторамъ, гдѣ и опредѣлить норму барщины.

[3]) О неупотребленiи крестьянъ на работы по праздникамъ было подтверждено и въ 1818 г., причемъ правительство возложило на духовенство обязанность наблюденiя за исполненiемъ указа и, въ случаѣ его нарушенiя, доведенiя до свѣдѣнiя (чрезъ начальство) комитета министровъ. Впрочемъ, въ томъ же году духовенство было освобождено отъ этой обязанности, возложенной послѣ того на губернское начальство.

но. По словамъ Шторха, „въ русскомъ помѣщичьемъ домѣ втрое или впятеро больше слугъ, чѣмъ въ такомъ же нѣмецкомъ; о домахъ же вельможъ и говорить нечего“. У послѣднихъ число слугъ доходило отъ 150 до 400 и 500, среди которыхъ были лакеи, официанты, дворецкіе, буфетчики, камердинеры, парикмахеры, кондитеры, повара, ключники, дворники, скороходы, кучера, форейторы, конюхи и т. п. Въ XIX ст. замѣчается стремленіе помѣщиковъ сокращать количество дворни путемъ отдачи дворовыхъ на фабрики, превращенія ихъ въ мѣсячники и отпуска на оброкъ. Однако, и въ XIX ст. количество дворни было огромно. У многихъ помѣщиковъ изъ дворовыхъ составлялись оркестры музыкантовъ, труппы актеровъ, оперныхъ пѣвцовъ и т. п. Дворовыхъ же обучали разнымъ ремесламъ и художествамъ. Положеніе ихъ было крайне тяжелое, въ виду близости къ господамъ. По словамъ Болтина, „нѣкоторые дворяне поступаютъ со своими слугами хуже, нежели со скотами; такихъ помѣщиковъ меньше, однако-жъ, должно къ стыду признаться нарочитое число есть“. Помѣщикъ эксплоатировалъ трудъ дворовыхъ не только въ свою пользу, но и отдавалъ ихъ въ наемъ постороннимъ лицамъ. Срокъ отдачи въ наемъ былъ опредѣленъ указомъ 1775 г., ограничившимъ его только пятью годами; закономъ же 1824 г. подобная отдача была разрѣшена исключительно для услугъ дворянамъ, т. е. лицамъ, имѣвшимъ право на крѣпостной трудъ.

Многочисленность дворни уже при Екатеринѣ II возбуждала протесты. Такъ, извѣстный новгородскій губернаторъ Сиверсъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императрицѣ высказался за крайнюю необходимость уменьшенія дворни. „Если этотъ предметъ слишкомъ щекотливый“, писалъ онъ, „чтобы облечь его въ форму закона, то было бы весьма полезно сдѣлать по крайней мѣрѣ вызовъ къ этому при общемъ наборѣ“. На той же точкѣ зрѣнія стояли и нѣкоторые наказы въ 1767 году, считая необходимымъ „напомнить дворянамъ о томъ, сколько ихъ раззоряетъ содержаніе многихъ излишнихъ дворовыхъ людей“ (Дмитровскій). При императорѣ Николаѣ I вопросомъ объ уменьшеніи числа дворовыхъ занимались два секретныхъ комитета, учрежденные въ 1840 и 1844 гг., причемъ въ послѣднемъ предсѣдательствовалъ самъ государь, но только въ 1858 году состоя-

лось запрещеніе помѣщикамъ перечислять крестьянъ въ дворовые.

Въ-четвертыхъ, помѣщики пользовались правомъ *управлять* своими имѣніями и поселенными въ нихъ крѣпостными лично и черезъ посредство другихъ лицъ. При личномъ управленіи послѣднее, конечно, являлось вполнѣ не ограниченнымъ, такъ какъ помѣщикъ для своихъ крестьянъ, какъ мѣтко выразился Румянцевъ, „былъ законодателемъ, судьею, исполнителемъ своего рѣшенія и, по желанію своему, истцомъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не могъ“. Не смотря, однако, на подобное положеніе вещей, не мало помѣщиковъ, признавало значеніе крестьянскаго міра въ дѣлахъ управленіями крестьянами. Такъ, нерѣдко міръ избиралъ разныхъ должностныхъ лицъ, напр., бурмистра, старостъ, цѣловальниковъ и т. п., обязанныхъ совѣщаться съ нимъ при разрѣшеніи различныхъ вопросовъ управленія. Затѣмъ, мірской сходъ нерѣдко опредѣлялъ наказанія, налагавшіяся на провинившихся крестьянъ („человѣка непорядочнаго“, читаемъ въ одномъ изъ предписаній Суворова, „сокращать мірскими наказаніями“). Наконецъ, такая важная функція, какъ раскладка податей и повинностей (государственныхъ и помѣщичьихъ) также сплошь и рядомъ принадлежала міру. Изъ „уложенія“ графа Орлова мы знаемъ, что сходъ распоряжался и мірскою казною. „Есть“, читаемъ въ названномъ памятникѣ, „необходимые и чрезвычайные мірскіе расходы; когда и сколько собирать денегъ для упомянутыхъ расходовъ—отдается на волю мірскую; на сіи сборы, съ согласія общества, дѣлаютъ мірскіе приговоры“. Послѣдняя функція, принадлежавшая сходу, были передѣлы земли. Что касается состава послѣдняго, то онъ опредѣлялся предписаніями помѣщиковъ. Обыкновенно на сходѣ принимали участіе всѣ крестьяне. „На сходъ ходить всѣмъ“, гласитъ одно предписаніе, „не отговариваясь работами, съ каждаго двора по человѣку, а если случится въ дѣльной отлучкѣ или тяжкой болѣзни, то можетъ за него придти, кто у него въ домѣ есть, даже жена; кто же не пойдетъ на сходъ за пустыми отговорками, то взыскивать штрафу по два рубля въ міръ“; по другому предписанію, мірской сходъ составляется „изъ хозяевъ семействъ, коимъ отъ роду исполнилось 21 годъ“. Мірскіе приговоры иногда записывались и представлялись на утвержденіе помѣщика. Въ разрѣшеніи вопросовъ крестьянскаго

управленія не рѣдко инниціатива принадлежала самимъ крестьянамъ, входившимъ къ помѣщику съ челобитными, по внѣшней формѣ вполнѣ напоминавшія тѣ, съ которыми подданные обращались къ государю („государю нашему... бьютъ челомъ и плачутся... вотчины разныхъ деревень крестьяне сообща всего мірскаго согласія приговоромъ"). У нѣкоторыхъ помѣщиковъ были даже выработаны особыя правила для писанія челобитныхъ (напримѣръ, правила Суворова, по которымъ челобитныя должны были писаться „по артикуламъ и статьямъ", причемъ „каждой вещи часть подробно толковать и брать въ уваженіе, одну часть соображать съ другою, сравнивать тягость съ полезностью" и т. п.).

Управленіе крестьянами чрезъ посредство другихъ лицъ во многихъ отношеніяхъ отличалось отъ личнаго. Оно сосредоточивалось въ домовой канцеляріи или конторѣ, члены которой у нѣкоторыхъ помѣщиковъ (напр., у графа Орлова) являлись скорѣе государственными людьми въ миніатюрѣ, чѣмъ простыми управителями. Такъ, они докладывали помѣщику о дѣлѣ вмѣстѣ съ проектомъ резолюціи, подписаннымъ или единогласно, или съ мнѣніями и представленіями, помѣщикъ же (рѣчь идетъ объ Орловѣ), по разсмотрѣніи дѣла и мнѣній конторы, возвращалъ ихъ со своимъ утвержденіемъ или съ измѣненіемъ резолюціи. Органами изучаемаго вида управленія являлись управители, приказщики и земскіе. Первыми нерѣдко бывали дворяне, вторыми и третьими всегда крѣпостные, причемъ функція земскихъ заключалась въ письмоводствѣ. Помѣщики, ввѣряя управленіе названнымъ лицамъ, составляли для нихъ инструкціи и уложенія. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ (наприм., Румянцева, Орлова и др.) пользовались такою популярностью, что переписывались другими помѣщиками и вводились ими у себя. Вотъ, напр., начало инструкціи графа Строганова: „во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ помни, что ты сердцу моему ни спокойствія, ниже удовольствія принести не можешь... если судьбу человѣчества (т. е. крѣпостныхъ) отягчишь" или „излишняя потачка превращаетъ человѣколюбіе въ слабость, влекущую за собою безпорядокъ, а излишняя строгость есть безразсудное, а иногда и злобное тиранство". Нерѣдко случалось, что помѣщики сдавали свои населенныя имѣнія въ аренду, но въ 1853 году это было запрещено.

Въ-пятыхъ, помѣщикамъ принадлежало право *переселенія* своихъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое. По указу 1724 г., для осуществленія названнаго права, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требовалось разрѣшеніе Камеръ-коллегіи. Но съ изданіемъ Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. испрошеніе разрѣшенія было замѣнено простымъ заявленіемъ въ верхній земскій судъ, причемъ требовалась уплата подати за переселяемаго за весь текущій годъ. Переселялись нерѣдко сотни и тысячи людей, такъ, въ одномъ случаѣ было переселено до 15 тысячъ на Уралъ, а въ другомъ (въ 1781 г.) до 26 тысячъ въ Новороссію и т. п. Сводъ Законовъ также признаетъ за помѣщиками право переселять крестьянъ порознь или цѣлыми селеніями съ однѣхъ земель на другія, какъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ, такъ и въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ. Въ случаѣ, если крестьяне были заложены въ какомъ либо кредитномъ учрежденіи, переселеніе могло состояться не иначе, какъ съ согласія послѣдняго (т. IX, изд. 1857 г., ст. 1060 и 1063).

Въ-шестыхъ, помѣщикамъ принадлежало право *заключать браки* крѣпостныхъ, не спрашивая согласія послѣднихъ. При выдачѣ дѣвицъ въ замужество на сторону, помѣщикъ давалъ имъ отпускныя письма и пользовался правомъ на полученіе отъ жениха выводныхъ денегъ въ размѣрѣ отъ 10 до 40 руб. и болѣе. Указомъ 1724 г. на помѣщиковъ была возложена даже обязанность выдачи дѣвицъ замужъ за солдатъ, если послѣдніе „заплатятъ выводъ противъ того, какъ и съ другихъ обыкновеніе въ тѣхъ мѣстахъ брать“. Впрочемъ, дѣйствіе этого указа было отмѣнено въ 1765 году съ изданіемъ полковничьей инструкціи, предписавшей солдатамъ „безъ отпускныхъ невѣстъ не брать, также и выводныя деньги платить“. Другое постановленіе указа 1724 года, хотя никогда и не было отмѣнено, но въ то-же время никогда никѣмъ, начиная съ самого правительства, не исполнялось [1]). Мы говоримъ о формальномъ запрещеніи помѣщикамъ принужденія въ устройствѣ брачныхъ дѣлъ своихъ крѣпостныхъ, въ силу чего послѣдніе обязывались, при вступленіи въ бракъ, выдавать особыя письма съ заявленіемъ „подъ клятвою суда Божія и присяги своей, что ихъ не неволятъ“. Практика игнорировала этотъ указъ, и помѣщики, по словамъ Сиверса,

---

[1]) Не смотря даже на то, что сила указа была дважды подтверждена при Елизаветѣ Петровнѣ (см. указы 1742 г. 21 Мая и 3 Іюня).

„обыкновенно принуждали къ браку молодыхъ людей, дѣлая это для того, чтобы имѣть лишнюю пару, т. е. новое тягло, на которое можно еще наложить работу или оброкъ“. Точно также и Радищевъ въ своемъ извѣстномъ „Путешествіи“, чуть не стоившемъ ему головы, свидѣтельствуетъ, что „вступающіе въ бракъ, хотя бы и ненавидѣли другъ друга, властью господина своего влекутся на казнь къ алтарю Отца всѣхъ благъ, и служитель Его принимаетъ исторгнутую властью клятву и утверждаетъ бракъ, и сіе называется союзомъ божественнымъ“. Вотъ, что читаемъ также въ уложеніи графа Орлова: „когда дѣвкѣ совершится 20 лѣтъ, таковыхъ старшій въ семьѣ отдавалъ-бы замужъ, а на пріисканіе жениха дать сроку полъ-года подъ страхомъ наказанія и штрафомъ или по разсужденію начальства“. Тотъ же порядокъ вещей продолжался и въ XIX ст. Такъ, въ одномъ имѣніи Ярославской губерніи въ концѣ 20-хъ годовъ почти всѣ браки совершались по наряду конторы. Назначали для этого одно время въ году и по особому списку вызывали въ контору жениховъ и невѣстъ. Тамъ по личному указанію управляющаго составлялись пары и подъ надзоромъ конторскихъ служителей прямо отправлялись въ церковь, гдѣ и вѣнчались по нѣскольку вдругъ [1]). Принужденіе и выкупъ въ брачныхъ дѣлахъ неоднократно вызывали протестъ въ лучшихъ людяхъ изучаемой эпохи, а въ 1767 г. и Синодъ въ своемъ наказѣ высказался за воспрещеніе „вѣнчать по одному произволенію помѣщиковъ, и непремѣнно чтобы брачущіяся оба лица самоизвольно свое въ церкви свободно, явно и добровольно объявляли желаніе“ [2]). Иначе говоря, Синодъ высказался за возстановленіе силы всѣми забытаго указа 1724 г. Однако, вплоть до отмѣны крѣпостного права помѣщики продолжали безконтрольно распоряжаться устройствомъ брачныхъ дѣлъ своихъ крѣпостныхъ.

Въ седьмыхъ, помѣщики пользовались правомъ *суда и наказанія* въ отношеніи крѣпостныхъ. Правда, вплоть до изданія Свода Законовъ законодательство регулируетъ только одинъ видъ наказаній, налагаемыхъ помѣщиками, а именно—ссылку крѣпостныхъ въ Сибирь, но на практикѣ было очень много другихъ наказаній, которымъ подвергались крѣпостные. Право ссылки въ Сибирь на поселеніе помѣщикамъ было даровано

---

[1]) Воспоминанія крѣпостного (Русскій Вѣстн., 1877 г., кн. 9).
[2]) Христіанское Чтеніе 1876 г., №№ 9 и 10.

въ 1760 г., „понеже въ Сибирской губерніи и въ Иркутской провинціи состоятъ къ поселенію и хлѣбопашеству удобныя мѣста, которыхъ къ заселенію государственный интересъ требуетъ". Такимъ образомъ цѣль такой ссылки являлась чисто колонизаціонной, почему помѣщики получили право ссылать только крестьянъ, годныхъ къ работѣ и не старше 45 лѣтъ, причемъ обязательно съ женою, но безъ дѣтей; за каждаго сосланнаго помѣщикъ получалъ рекрутскую квитанцію [1]). Въ 1765 г. правительство предоставило новое право помѣщикамъ, а именно ссылки въ каторжную работу крестьянъ, „по продерзостному состоянію, заслуживающихъ справедливое наказаніе", съ правомъ возвращать ихъ обратно изъ каторги. Однако, на практикѣ, благодаря названному указу, получились безчисленныя злоупотребленія, такъ какъ помѣщики стали ссылать всѣхъ негодныхъ въ рекруты, какъ-то: имѣющихъ разные физическіе недостатки, старыхъ, дряхлыхъ, больныхъ и т. п., получая за нихъ рекрутскія квитанціи и такимъ образомъ освобождаясь отъ поставки рекрутъ. Число ссылаемыхъ было огромно; такъ, согласно донесенію сибирскаго генералъ-губернатора Чичерина, въ 1771 г. оно достигло цифры 6,000, причемъ „изъ отправляемыхъ посельщиковъ едва четвертая часть доходила до мѣста назначенія, вслѣдствіе страшной смертности среди нихъ". Донесеніе Чичерина возымѣло дѣйствіе, и Сенатъ вошелъ съ докладомъ къ императрицѣ о прекращеніи ссылки въ Сибирь крѣпостныхъ. Послѣдняя дала свое согласіе, и ссылка была пріостановлена до „указа". Однако, уже въ 1775 году императрица снова ее разрѣшила, что продолжалось до царствованія Александра I. Въ это царствованіе, именно въ 1802 году, была пріостановлена ссылка крестьянъ на поселеніе, а въ 1811 году, по поводу одного частнаго случая, состоялась резолюція государя, по которой право помѣщиковъ ссылать своихъ крестьянъ на поселеніе было истолковано исключительно въ смыслѣ государственнаго интереса заселенія Сибири, по миновеніи надобности въ которомъ, оно должно было быть отмѣнено, крестьяне-же могли быть ссылаемы въ Сибирь не по желанію помѣщика, а единственно по приговору суда, за предусмотрѣнныя закономъ преступленія. Нѣ-

---

[1]) Въ 1763 г. право помѣщиковъ ссылать крестьянъ въ Сибирь было ограничено, такъ какъ правительство разрѣшило наказывать такимъ способомъ только тѣхъ крестьянъ, „кои не будутъ одобрены въ повальномъ обыскѣ". Впрочемъ, это ограниченіе просуществовало до 1822 г., когда было отмѣнено.

сколько раньше названной резолюціи, а именно въ 1807 году, была отмѣнена и ссылка крестьянъ въ каторжную работу, такъ какъ, для исправленія людей дурного поведенія, были устроены смирительные и рабочіе дома, а каторжная работа опредѣлена только для важныхъ преступниковъ. Впрочемъ, во вторую половиву царствованія Александра I право ссылки въ Сибирь на поселеніе, но безъ зачета въ рекруты, было опять возвращено помѣщикамъ. Наконецъ, 30 Августа 1827 года состоялся законъ, ограничивавшій названное право, а именно помѣщикамъ разрѣшалось ссылать крѣпостныхъ, притомъ безъ зачета ихъ за рекрутовъ, только при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) если они не старше пятидесяти лѣтъ, не дряхлы и не увѣчны; 2) не разлучая супруговъ вмѣстѣ съ дѣтьми: съ мальчиками до 5 лѣтъ и съ дѣвочками до 10 лѣтъ; 3) ссылаемыхъ снабжать одеждою и кормовыми деньгами [1]).

Однако, въ 1846 г. было снова разрѣшено ссылать крѣпостныхъ старше 50 лѣтъ, если помѣщикъ доказывалъ, что они уже ранѣе находились въ смирительномъ или рабочемъ домѣ или же въ арестантской ротѣ гражданскаго вѣдомства. Губернскія правленія получили право изъ ссылаемыхъ въ Сибирь годныхъ въ солдаты опредѣлять на военную службу, а негодныхъ должны были направлять въ Сибирь.

Остальные виды наказаній не регулируются законодательствомъ и развиваются фактически, въ силу чего крайне разнообразны. По словамъ одного современника иностранца, „наказаніе рабовъ въ Россіи измѣняется сообразно съ расположеніемъ духа и характеромъ господина или заступающаго его мѣсто; оно гораздо чаще соразмѣряется со строгостью того, кто его предписываетъ, чѣмъ съ важностью проступка наказываемаго. Самыя обычныя исправительныя средства— палки, плети и розги. Наказаніе производится обыкновенно въ конюшнѣ или въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ, чтобы крики истязуемаго не безпокоили господъ. Я видѣлъ, что палками наказывали, какъ за кражу, такъ и за опрокинутую солонку, за пьянство и за легкое непослушаніе, за дурно сжаренную курицу и за пересоленный супъ“. Дѣйствительно,

---

[1]) Количество ссыльныхъ крестьянъ на основаніи закона 1827 г. было очень велико. Такъ, въ пятилѣтіе съ 1827 по 1831 г. оказалось сосланными 1249 чел., въ пятилѣтіе съ 1832 по 1836 г.—882 чел., въ пятилѣтіе съ 1837 по 1841 г.—1980 чел. и въ пятилѣтіе съ 1842 по 1846 г.—2775 чел. (Анучинъ. Изслѣдованіе о процентѣ сосланныхъ въ Сибирь, стр, 23).

фантазія помѣщиковъ въ изобрѣтеніи наказаній была неистощима. На первомъ планѣ стояли тѣлесныя наказанія, а именно: батоги, палки, кнутъ, кошки, плети, розги и т. п. За ними слѣдовали разные виды пытокъ, напримѣръ, приковываніе къ стѣнѣ на цѣпь, разнаго рода рогатки, желѣза и колодки, подвѣшиваніе за какую-нибудь часть тѣла и др. истязанія, „изобрѣтаемыя помѣщиками", по словамъ членовъ одного земскаго суда (елецкаго), „съ такимъ необузданнымъ свирѣпствомъ, что безъ содроганія и выразить не можно". Наконецъ, послѣдними видами наказаній являлись: ссылка въ дальнюю вотчину, бритье половины головы, обливаніе водой на морозѣ, сѣченіе крапивой, постановка на колѣни на гречкѣ или орѣховой скорлупѣ и т. д. Однимъ словомъ, всякаго рода истязанія допускались со стороны помѣщиковъ и, кромѣ смертной казни, не было вида наказаній, который-бы не примѣнялся ими на практикѣ. Впрочемъ, въ той или иной замаскированной формѣ нерѣдко имѣла мѣсто и смертная казнь. Въ виду-же того, что законодательство не регулировало права наказанія, принадлежавшее помѣщикамъ, суды ставились въ крайне затруднительное положеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда до нихъ доходили выдающіеся по своей жестокости факты. Этимъ объясняется масса снисходительныхъ приговоровъ, постановлявшихся судами за дѣла, по существу своему до нельзя возмутительныя и носившія въ себѣ, съ нашей современной точки зрѣнія, всѣ признаки преступленій.

Сознаніе необходимости урегулированія права наказанія крѣпостныхъ существовало уже въ XVIII ст., какъ объ этомъ мы можемъ судить по многимъ фактамъ. Такъ, въ 1761 году двѣ воеводскія канцеляріи Воронежской губерніи ходатайствовали передъ правительствомъ объ изданіи закона, по которому, если окажется, что крестьянинъ былъ битъ топоромъ, кольями, дубиною и т. п. тяжелымъ орудіемъ и во время побой умеръ, а тѣмъ болѣе, если убитъ умышленно, то помѣщикъ, виновный въ этомъ, „яко убійца, по узаконеннымъ правамъ судится". По проекту Елизветинской комиссіи, помѣщики лишались права наказывать своихъ крѣпостныхъ „отнятіемъ живота", кнутомъ и пытками. Напротивъ, дворянскіе наказы просили не ограничивать права наказанія крѣпостныхъ, предоставивъ помѣщикамъ слѣдующія наказанія: отдачу въ рекруты, ссылку на поселеніе и въ каторжныя работы, кнутъ и плети, а ливенскій наказъ даже хода-

тайствовалъ „не ставить въ вину дворянину смерть бѣглаго крестьянина, вслѣдствіе наказанія“. Проектъ нижняго рода государственныхъ жителей, составленный комиссіей 1767 г. выражается довольно неопредѣленно о правѣ наказывать крѣпостныхъ, а именно: „хотя помѣщики и власти за упрямство и непослушаніе, и за другія вины могутъ налагать и исполнять всякія наказанія, однако, не имѣютъ права жестоко ихъ наказывать, но наблюдать умѣренность, чтобъ тѣмъ наказаніемъ не повредить членовъ и не лишить жизни“, Любопытно, что сознаніе необходимости урегулированія права наказанія крѣпостныхъ чувствовалось самими помѣщиками, какъ то видно изъ „уложеній“ и инструкцій послѣднихъ. Такъ, въ „пунктахъ, по которымъ имѣютъ во всѣхъ низовыхъ вотчинахъ управители, приказчики и старосты за разныя преступленія крестьянъ наказывать“, составленныхъ графомъ Румянцевымъ въ 1751 году, мы встрѣчаемъ подробную регламентацію наказаній, а именно: за лѣность и пьянство налагается штрафъ, за „бой безъ знаку“—также штрафъ (въ размѣрѣ 25 коп.) и, кромѣ того, трехдневное заключеніе въ сельской тюрьмѣ на цѣпи и батоги. за кражу—плети и конфискація имущества, за оскорбленіе сельскихъ властей—штрафъ въ пользу обиженнаго и плет и за членовредительство—отдача въ рекруты и т. п.

Впервые съ урегулированіемъ въ законодательномъ порядкѣ права наказанія крѣпостныхъ мы встрѣчаемся въ Сводѣ Законовъ. Правда, въ изданіи 1832 года говорится только о домашнихъ средствахъ наказанія и исправленія, притомъ безъ увѣчій и опасности для жизни наказываемаго но за то въ изданіи 1845 года постановляется, что крѣпостные подвѣдомы какъ суду помѣщика, такъ и коронному суду. Въ составъ юрисдикціи перваго суда входитъ разсмотрѣніе преступленій, не влекущихъ за собою лишенія правъ и направленныхъ противъ помѣщика, его семейства и его крѣпостныхъ. Остальные виды преступленій разсматриваются въ коронномъ судѣ. Помѣщикъ пользуется правомъ налагать слѣдующія наказанія: розги до 40 ударовъ, палки до 15 ударовъ, заключеніе въ сельской тюрьмѣ до 2 мѣсяцевъ и въ смирительномъ домѣ до 3 мѣсяцевъ, отдача въ арестантскія роты на срокъ до 6 мѣсяцевъ, а также въ рекруты и удаленіе навсегда изъ имѣнія съ представленіемъ въ распоряженіе губернскаго правленія. Въ послѣднемъ случаѣ, если удалялись несовершеннолѣтніе, то, согласно закону 1847 г.,

губернское правленіе распредѣляло ихъ по баталіонамъ военныхъ кантонистовъ.

Наконецъ, въ-восьмыхъ, помѣщику принадлежало *право собственности на имущество крѣпостныхъ*. Въ виду отсутствія закона, ограждающаго имущественныя права крестьянъ, de jure все имущество послѣднихъ принадлежало ихъ господамъ, но de facto крестьяне обладали, пользовались и распоряжались своимъ имуществомъ, заключавшемся, какъ въ движимостяхъ, такъ и въ недвижимостяхъ, причемъ нерѣдко сосредоточивали въ своихъ рукахъ большія богатства. „Крестьянинъ", говоритъ Болтинъ, „имѣетъ свою собственность, не закономъ утвержденную, но всеобщимъ обычаемъ". Однако, дворянство неоднократно высказывало желаніе на счетъ прямого и категорическаго постановленія закона касательно правъ помѣщика на имущество крѣпостныхъ. Съ такимъ постановленіемъ мы встрѣчаемся въ проектахъ Елизаветинской и Екатерининской комиссій. „Дворянство", гласитъ первый, „имѣетъ надъ людьми и крестьянами своими и надъ имѣніемъ ихъ полную власть безъ изъятія". По второму проекту, за крестьянами признаются извѣстныя имущественныя права, но для осуществленія ихъ требуется согласіе помѣщика. Впрочемъ, второй проектъ, при разрѣшеніи разсматриваемаго вопроса, гораздо либеральнѣе перваго, такъ какъ признаетъ, что „всѣ, получаемыя отъ земли трудомъ крестьянъ, произрастенія принадлежатъ имъ собственно", затѣмъ, въ случаѣ недоимокъ, помѣщикъ можетъ воспользоваться только такою частью имущества крестьянина, „которой-бы довольно было на уплату его доимки"; наконецъ, продажа крѣпостныхъ обязательно должна происходить вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ. Однако, признаніе въ законодательномъ порядкѣ за крѣпостными права собственности произошло не ранѣе 3 Марта 1848 года, когда крестьянамъ было разрѣшено, впрочемъ, не иначе какъ съ согласія помѣщика, пріобрѣтать на свое имя всякое имущество. Но за то, съ другой стороны, указъ 3 Марта 1848 г. предписалъ относительно имущества, уже прежде пріобрѣтеннаго крѣпостными на имя помѣщиковъ, „никакихъ о томъ отъ крѣпостныхъ людей споровъ не допускать и никакихъ по онымъ розысканій не дѣлать", чѣмъ косвенно разрѣшилъ помѣщикамъ присвоить себѣ крестьянское имущество.

Что касается до *обязанностей* помѣщиковъ въ отношеніи крѣпостныхъ, то ихъ было очень немного, и въ сущности

онѣ сводились къ двумъ, а именно: къ обязанности, подъ страхомъ наказанія штрафомъ, кормить и содержать крѣпостныхъ въ голодное время и обязанности не мучить и не раззорять ихъ, подъ страхомъ попасть въ подопечное состояніе. О первой обязанности говоритъ не мало указовъ, предписывая помѣщикамъ содержать своихъ крестьянъ, для чего имѣть годовой запасъ хлѣба на случай неурожая и не допускать крѣпостныхъ до нищенства, равно какъ и не отпускать на волю больныхъ и стариковъ. Надзоръ за исполненіемъ названной обязанности возлагался на мѣстныя власти (указы 1735, 1761, 1767 и 1782 г.г.). Сводъ Законовъ подтвердилъ эти постановленія, предписавъ штрафовать помѣщиковъ за каждаго нищаго крѣпостного [1]) О второй обязанности также говорятъ не мало памятниковъ. Такъ, уже Петръ I предписалъ инструкціей 1719 года воеводамъ отдавать подъ „началъ" тѣхъ изъ помѣщиковъ, которые „своимъ деревнямъ безпутные раззорители суть и вотчины свои раззоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тяжести и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ", а имущество ихъ передавать наслѣдникамъ. Воеводы и земскіе коммиссары должны были наблюдать за помѣщиками и о „раззорителяхъ" докладывать Сенату. Та же обязанность была возложена Учрежденіемъ о губерніяхъ на губернаторовъ, которые должны были „пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и раззорительную, обуздывать излишества, безпутства, мотовство, тиранство и жестокость". Въ виду же неопредѣленности названнаго постановленія, въ царствованіе Александра I было разъяснено, что надъ жестокими помѣщиками учреждается опека, причемъ учрежденіе послѣдней является функціей, согласно закону 1817 года, генералъ-губернаторовъ и военныхъ губернаторовъ, а согласно закону 1822 года, губернскихъ и уѣздныхъ предводителей совмѣстно съ дворянскими собраніями. Въ 1826 году состоялся весьма знаменательный манифестъ, въ которомъ имп. Николай I, констатируя, что до него дошли свѣдѣнія, „несогласныя съ примѣрами, которыми помѣщики должны быть руководимы ихъ обязанностями христіанъ и

---

[1]) „Владѣлецъ, гласитъ ст. 1103 т. IX Свода Законовъ изд. 1857 г. въ случаѣ неурожая, не сбивая крестьянъ съ пашни, а дворовыхъ со двора, обязанъ доставлять имъ способы пропитанія, воздерживая отъ нищенства". По ст. же 1105 за каждаго крестьянина, пойманнаго въ качествѣ нищаго, съ помѣщика взыскивалось по 1 р. 50 к.

вѣрноподанныхъ“, вмѣняетъ дворянству въ „обязанность“ христіанское и законное обращеніе съ крестьянами. Надзоръ же за такимъ обращеніемъ вручается дворянскимъ предводителямъ, обязаннымъ „навѣдываться безъ огласки и безъ всякаго письменнаго производства объ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами“. Предводители должны усовѣщевать жестокихъ помѣщиковъ и, въ случаѣ непослушанія, доводить до свѣдѣнія начальниковъ губерній. Однако, первые, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изслѣдователь, по обязанности своей выборныхъ отъ сословія поддерживали помѣщичью власть, и притомъ на столько, что, руководствуясь взглядомъ обѣлять всякаго, кто носилъ званіе дворянина, очень часто грѣшили противъ истины въ разслѣдованіи дѣла, придавая ему односторонній характеръ [1]). Нужно думать, что вслѣдствіе этого, законами 1829 и 1837 г.г. наложеніе опеки стало опять функціей начальниковъ губерній, притомъ не только военныхъ, но и гражданскихъ, выполнявшихъ ее совмѣстно съ предводителями, причемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наложенія опеки объ этомъ доводилось до свѣдѣнія Сената. Объ опекѣ же говоритъ и Уложеніе о наказаніяхъ 1845 года, предписывая, что, если „виною помѣщика, чрезъ обремененіе безмѣрными сборами или иными, также непомѣрными тягостями населенія, имѣнія будутъ доведены до разоренія“, брать ихъ въ опеку, а помѣщику воспрещать пребываніе въ нихъ и, кромѣ того, лишать его права участвовать въ дворянскихъ выборахъ.

Однако, на практикѣ эти мѣры ни къ чему не приводили, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что крѣпостные лишены были права жаловаться на помѣщиковъ, подъ страхомъ наказанія кнутомъ и вѣчной каторги, какъ то было постановлено указомъ 1767 г. Впрочемъ, Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г. смягчило наказаніе за подачу жалобы на помѣщика, предписавъ карать за это розгами до 50 ударовъ. Этотъ же законодательный памятникъ постановилъ, что, если, вслѣдствіе нанесенныхъ не по неосторожности, хотя и безъ умысла на убійство, побоевъ или иныхъ насильственныхъ дѣйствій со стороны помѣщика, причиняется кому либо изъ его крестьянъ смерть, то виновный въ томъ приговаривается къ заключенію въ смирительномъ домѣ на

---

[1]) Повалишинъ, Жестокое обращеніе помѣщиковъ со своими крѣпостными (Труды Рязанской Архивной Комиссіи, томъ XI, выпускъ 2, стр. 113).

время отъ одного года до трехъ лѣтъ, съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 6 мѣсяцевъ до одного года и предается церковному покаянію [1]).

Заключаемъ очеркъ юридическаго положенія крѣпостныхъ обозрѣніемъ тѣхъ правъ, какія были оставлены за ними законодательствомъ изучаемаго періода. Такъ, еще по Уложенію 1649 г. крѣпостные пользовались правомъ иска и отвѣта на судѣ (ст. 38 гл. XVIII). Однако, на практикѣ это право постоянно нарушалось помѣщиками. Вотъ что, напримѣръ, читаемъ въ „уложеніи" кн. Орлова: „всѣмъ рядовымъ крестьянамъ запрещается входить самимъ въ тяжебныя дѣла; если они живутъ дома, то относились бы по онымъ къ начальству своему, а начальство, разсмотря и посовѣтуясь съ смышленными людьми—или самъ проситель сіе сдѣлаетъ—представляло бы въ контору мою". Точно также по Уложенію 1649 года крѣпостные могли свидѣтельствовать на судѣ, и показанія ихъ, какъ и показанія членовъ другихъ сословій, принимались во вниманіе (ст. 159 гл. X). Законодательство XVIII столѣтія не отрицаетъ этого права за крѣпостными, но значительно ограничиваетъ его; такъ, Воинскій уставъ допускаетъ свидѣтельство крѣпостного по дѣлу своего господина, но только въ случаѣ отсутствія другихъ, болѣе достовѣрныхъ свидѣтелей. Но за то, съ другой стороны, крѣпостные обязывались доносить на своихъ господъ въ случаѣ совершенія ими слѣдующихъ преступленій: политическихъ, кормчемства, лихоимства, поврежденія государственнаго интереса, укрывательства отъ службы и принятія чужихъ бѣглыхъ крестьянъ (указы 1705, 1713, 1714 и 1721 гг.). Затѣмъ, въ области торговли крѣпостные пользовались тѣми же правами, какъ и государственные крестьяне, т. е., безъ записи въ гильдію, были лишены всякихъ торговыхъ правъ. Кромѣ того, находясь въ зависимости отъ помѣщиковъ, они могли записываться въ гильдію не иначе какъ представивъ отпускныя письма отъ своихъ господъ (указъ 3 Января 1762 года, отмѣнившій постановленія указа 13 Февраля 1748 года, по которому крѣпостной, обладающій имуществомъ цѣнностью отъ 300 и болѣе рублей, могъ за-

---

[1]) За то, съ другой стороны, Уложеніе 1845 г. приравняло возмущеніе крестьянъ противъ помѣщиковъ къ возстанію „противъ властей, правительствомъ установленныхъ".

писываться въ купечество безъ позволенія помѣщика и съ уплатою послѣднему обыкновеннаго оброка, а „не по богатству"). Большинство дворянскихъ наказовъ 1767 года ходатайствовало о расширеніи торговыхъ правъ крестьянъ, стоя на точкѣ зрѣнія необходимости разрѣшить крѣпостнымъ продажу разныхъ предметовъ (перечисляемыхъ въ наказахъ), какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ. Только нѣкоторые дворянскіе и, конечно, всѣ купеческіе наказы просили объ изданіи постановленія, по которому „во всемъ государствѣ дворовымъ людямъ и крестьянамъ никакими товарами въ городахъ и уѣздахъ не торговать, а упражняться единственно въ земледѣльчествѣ, ибо оный торгъ принадлежитъ до купечества" (крапивинскій наказъ). Жалованная грамота городамъ разрѣшила крестьянамъ, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, торговать только „своими произрастеніями и рукодѣліями", запретивъ веденіе всякой иной торговли. Въ связи съ торговыми правами находилось право обязываться заемными письмами, но не векселями, причемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требовалось согласіе помѣщика (указъ 1761 года). Городскіе наказы, при разрѣшеніи этого вопроса, стремились расширить права крестьянъ, предоставивъ имъ право обязываться и векселями. Что касается до права вступать въ подряды и откупа, то оно въ отношеніи вина было предоставлено крѣпостнымъ по указу 13 Февраля 1774 года, причемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требовалось поручительство помѣщика въ исправномъ платежѣ откупной суммы крестьяниномъ. Кромѣ перечисленныхъ, крѣпостные пользовались еще слѣдующими правами: на безчествіе, на вступленіе въ военную службу и на отлучку. Еще Уложеніе 1649 года опредѣлило взимать за оскорбленіе крѣпостного безчестіе въ размѣрѣ одного рубля. Ничтожный размѣръ штрафа (въ XVII столѣтіи деньги были дороже, чѣмъ въ XVIII столѣтіи) побудилъ нѣкоторые дворянскіе наказы ходатайствовать объ „удвоеніи" или „утроеніи" послѣдняго, но только при условіи нахожденія крестьянина въ деревнѣ, а не въ городѣ, что „отвратитъ побои и нападки отъ проѣзжающихъ и принудитъ крестьянъ къ деревенскому житью". Дѣйствительно, закономъ 1842 г. размѣръ безчестія за оскорбленіе крѣпостного былъ увеличенъ и сравненъ съ безчестіемъ государственнаго крестьянина, причемъ размѣръ безчестія за оскорбленіе его жены былъ опредѣленъ вдвое болѣе противъ мужа, размѣръ безчестія до-

чери вчетверо болѣе противъ отца и размѣръ безчестія сына (до 17 лѣтъ) въ половину противъ отца. Право на поступленіе въ военную службу безъ согласія помѣщиковъ было даровано въ 1700 г. только дворовымъ, а не крестьянамъ, которыхъ правительство предписало возвращать обратно на „пашенные жеребьи“. Однако, въ 1742 году (указъ 2-го Іюня) это право было уничтожено, и правительство „наикрѣпчайше подтвердило, чтобы впредь помѣщиковы люди отнюдь записки въ военную службу не просили“ подъ страхомъ „жестокаго“ наказанія кнутомъ съ ссылкою въ каторжныя работы. Право на отлучку изъ мѣста жительства было урегулировано указомъ 1724 года, по которому отлучка не далѣе 30 верстъ разрѣшалась крѣпостнымъ не иначе, какъ съ письменнымъ видомъ отъ помѣщика, далѣе же 30 верстъ требовалась еще подпись земскаго коммиссара. Послѣднее условіе было уничтожено въ 1744 году, когда для отлучекъ далѣе 30 верстъ стали выдаваться особые печатные паспорты отъ губернаторовъ.

Ж. Крестьянскій вопросъ. Не смотря на сильное развитіе крѣпостного права въ императорскомъ періодѣ, лучшіе люди того времени, начиная съ Екатерины II, постоянно озабочивались разрѣшеніемъ вопроса объ улучшеніи участи крѣпостныхъ и даже объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Уже въ концѣ XVII ст. извѣстный фаворитъ царевны Софьи, князь В. В. Голицынъ, человѣкъ европейски образованный, мечталъ объ освобожденіи крестьянъ. „Цѣлью князя“, говоритъ французъ Невилль, посѣтившій въ то время Москву, „было поставить Россію на одну доску съ прочими государствами; для этого онъ велѣлъ собрать свѣдѣнія о прочихъ европейскихъ державахъ и ихъ правленіи. Онъ хотѣлъ начать освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обработываютъ съ пользою для царя за ежегодный оброкъ“. Того же желалъ и современникъ Петра I Посошковъ, когда писалъ: „крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ владѣлецъ всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно; и того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ раззорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство—богатство царское“. Въ виду этихъ сообра-

женій, Посошковъ высказался за опредѣленіе нормы оброка и барщины.

Наконецъ, и Екатерина II въ своемъ Наказѣ коснулась крестьянскаго вопроса[1]). Вотъ что гласитъ, напр., ст. 250 XI гл.: „гражданское общество, какъ и всякая вещь, требуетъ извѣстнаго порядка; надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повинуются, и сіе есть начало всякаго рода покорности. Сіе бываетъ больше или меньше облегчительно, смотря по состоянію служащихъ“. Вслѣдствіе же того, что, естественный законъ повелѣваетъ намъ (т. е. императрицѣ) заботиться о благополучіи всѣхъ людей, мы должны стараться объ облегченіи положенія названныхъ подвластныхъ людей“. Далѣе Наказъ высказывается за необходимость избѣгать случаевъ отдачи людей въ неволю, „развѣ крайняя необходимость заставитъ поступать такимъ образомъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной“. Затѣмъ (читаемъ далѣе), „какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе, съ одной стороны, предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти, такъ какъ несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены устанавливать жестокіе законы“. Наконецъ, Наказъ высказывается за установленіе частной собственности крѣпостныхъ. Такъ, ст. 261, говоритъ, что „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества“. Русскій текстъ этой статьи крайне туманенъ и неясенъ. Лучше всего разматриваемое мѣсто передано по-нѣмецки, а именно die Gesetze können dadurch etwas Gutes stiften, wen sie den Leibeigenen ein Eingenthum bestimmen“. Иначе говоря, императрица желала, чтобы, въ случаѣ оставленія крестьянъ въ крѣпостномъ состояніи. за ними было утверждено право имѣть свою собственность. Въ XIII гл. также говорится о необходимости частной собственности для крестьянъ. „Не можетъ земледѣльчество“, читаемъ здѣсь, „процвѣтать тутъ гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго. Сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ

---

[1]) Еще раньше въ бытность свою великой княгиней, Екатерина писала въ своихъ замѣткахъ, что „противно вѣрѣ христіанской и справедливости дѣлать невольниками людей“, такъ какъ „они всѣ рождаются свободными“. Тогда же будущая императрица высказалась за необходимость постепенно уничтожить крѣпостное право, объявляя крестьянъ свободными во всѣхъ имѣніяхъ, переходящихъ въ руки новаго владѣльца (Семевскій, Крестьянскій вопросъ, т. I, стр. 11).

болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ, и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой отъ него отыметъ". Въ Наказѣ встрѣчаются также статьи, затрогивающія вопросъ объ отношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными. „Кажется еще", читаемъ въ другомъ мѣстѣ Наказа, „что новозаведенный способъ дворянъ сбирати свои доходы уменьшаетъ народъ и земледѣліе; всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже по пяти рублей, не смотря на то, какимъ образомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги". „Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ дома и семейства; тѣмъ бы распространилось болѣе земледѣліе, и число бы народа въ государствѣ умножилось. Многіе, пользуясь удобностью говорить, но, не будучи въ силахъ испытать въ тонкости о томъ, о чемъ говорятъ, сказываютъ: чѣмъ нъ большемъ подданные живутъ убожествѣ, тѣмъ многочисленнѣе ихъ семьи; также и то: чѣмъ большія отъ нихъ положены дани, тѣмъ больше они приходятъ въ состояніе платить оныя. Сіи суть два мудрованія, которыя всегда пагубу приносили и всегда будутъ причинять гиболь самодержавнымъ государствамъ".

Было уже сказано, что въ первоначальной редакціи Наказа статьи о крѣпостныхъ крестьянахъ занимали весьма видное мѣсто, но что въ печатной редакціи они исчезли, очевидно, подъ вліяніемъ лицъ, которымъ императрица читала свой Наказъ. Въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ изъ черновой рукописи Наказа мы встрѣчаемъ слѣдующія мысли по поводу крѣпостныхъ: „законы должны о томъ имѣть попеченіе, чтобы рабы и въ старости и въ болѣзни не были оставлены... Надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Желательно, чтобы можно было закономъ предписать въ производство сего (т. е. суда помѣщика надъ крестьянами), по которому бы не оставалось ни малаго подозрѣнія въ учиненномъ рабу насиліи". Далѣе высказывается желаніе организовать судъ изъ „крестьянъ для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ, или посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто разорительно деревнямъ и народу и вредно государству"... За-

тѣмъ, „могутъ еще законы опредѣлить урочное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ“. Наконецъ, необходимо гарантировать крѣпостнымъ право на имущество для того, „чтобы они имѣли возможность выкупиться на свободу“; кромѣ того, необходимо еще точно опредѣлить въ законѣ, сколько крѣпостной долженъ платить господину за свое освобожденіе.

Эти мысли, а также и другія, до насъ не дошедшія, вызвали сильную оппозицію со стороны близкихъ къ императрицѣ лицъ. Выразителемъ ея, между прочимъ, былъ извѣстный Сумароковъ, возраженія котораго на Наказъ до насъ дошли. „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя“, писалъ Сумароковъ, „скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань“ [1]).

Вопросъ о крѣпостныхъ, какъ уже извѣстно, былъ затронутъ и въ законодательной комиссіи 1767 года, и пренія по поводу него продолжались цѣлый мѣсяцъ. Иниціаторомъ возбужденія вопроса былъ извѣстный поручикъ Коробьинъ, произнесшій большую рѣчь, посвященную улучшенію участи крѣпостныхъ, какъ объ этомъ было сказано выше. Предложеніе Коробьина вызвало горячія пренія, продолжавшіяся въ теченіе мѣсяца, въ которыхъ приняли участіе до 20 депутатовъ, причемъ 8 высказалось за предложеніе и 12—противъ. Изъ рѣчей наиболѣе замѣчательны—князя Щербатова и капитана Чаадаева, говорившихъ противъ, и крестьянина Чупрова, маіора Козельскаго и однодворца Маслова, говорившихъ за предложеніе Коробьина. Щербатовъ отрицалъ необходимость улучшенія быта крестьянъ вообще и дарованія имъ права собственности на землю въ частности. „Откуда взять земли“, восклицалъ онъ, „если у помѣщиковъ, то это значитъ лишить ихъ кровью пріобрѣтеннаго“. „Нѣтъ и изображеніе сего довольно, мню, самаго неправосуднаго въ ужасъ приводитъ“. Чаадаевъ же назвалъ предложеніе Коробьина мечтою, такъ какъ „не стѣсненіемъ власти благо-

---

[1]) На это возраженіе императрица замѣтила: „г. Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ, чтобы быть хорошимъ законодавцемъ, онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ“.

нравныхъ помѣщиковъ, но исправленіемъ злонравныхъ благоденствіе земледѣльцамъ доставить можно". Изъ рѣчей защитниковъ Коробьина болѣе всѣхъ выдается рѣчь Козельскаго. Онъ энергично поддерживалъ мысль о необходимости дарованія крестьянамъ „владѣнія потомственно землею безъ участія помѣщиковъ", такъ какъ, „теперь крестьянинъ впередъ знаетъ, что все, что бы ни было у него, то ни его, а помѣщиково; каковому человѣку надобно въ такомъ случаѣ быть, чтобы еще и хвалу заслужить? И какъ ему надобно быть добронравну и добродѣтельну, когда ему не остается никакого средства быть такимъ? Въ семъ насиліи онъ принужденъ и себѣ доброхотствовать, и оттого и пьянствовать, будучи въ уныніи, а не отъ лѣности. И верховная власть не требуетъ болѣе опредѣленной всякому службы; желать владѣть крестьянами безпредѣльно —значитъ желать большаго". Масловъ же предложилъ всѣхъ крѣпостныхъ передать въ казенное управленіе, для чего учредить особую комиссію, долженствующую вѣдать ихъ въ административно-судебномъ отношеніи и уплачивать за нихъ оброкъ помѣщикамъ.

Какое же мнѣніе было самой комиссіи? Въ виду того, что ей не пришлось высказаться по разсматриваемому вопросу баллотировкою, мы имѣемъ только косвенныя указанія на отношеніи ея къ этому дѣлу, добытыя путемъ сопоставленія полученныхъ Коробьинымъ и его противниками избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ при баллотировкахъ въ члены частныхъ комиссій, въ чемъ, естественно, выражалась, по справедливому замѣчанію профессора Сергѣевича, произведшаго указанныя сопоставленія, степень сочувствія депутатовъ къ баллотируемымъ [1]). Число избирательныхъ шаровъ у Коробьина возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ разгорается споръ по поводу его предложенія. Онъ баллотировался еще до возбужденія вопроса о крѣпостныхъ, и тогда былъ забаллотированъ, получивъ 102 избирательныхъ голоса изъ 221. Вторично онъ баллотировался въ день возбужденія имъ вопроса о крѣпостныхъ и получилъ 174 избирательныхъ изъ 287, т. е., былъ избранъ большинствомъ голосовъ. Въ третій разъ, при новой баллотировкѣ, въ самый разгаръ преній по поводу его предложенія, онъ получилъ уже 260 избирательныхъ голосовъ изъ 306. Такимъ образомъ, ясно,

---

[1]) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 650.

что громадное большинство депутатовъ было на сторонѣ Коробьина, тѣмъ болѣе, что одновременно съ увеличенiемъ бѣлыхъ шаровъ у него, увеличивается число черныхъ шаровъ у его противниковъ.

Однако, изъ факта возбужденiя вопроса о крѣпостныхъ при Екатеринѣ II, не смотря на благiя намѣренiя самой императрицы, ровно ничего не вышло. Комиссiя 1767 года ничего не сдѣлала, и мысли Наказа не попали въ законодательство. Мало того, можно, не ошибаясь, утверждать, что царствованiе Екатерины II значительно способствовало усиленiю крѣпостного права, главнымъ образомъ благодаря раздачѣ населенныхъ имѣнiй частнымъ лицамъ, широко практиковавшейся Еватериною, прикрѣпленiю малороссiйскихъ крестьянъ и дарованiю нѣкоторыхъ новыхъ правъ помѣщикамъ въ отношенiи крѣпостныхъ.

Это усиленiе крѣпостного права вызвало сильную реакцiю въ народѣ, выразившуюся въ пугачевскомъ бунтѣ, тѣмъ болѣе, что однимъ изъ главныхъ стимуловъ послѣдняго было освобожденiе крестьянъ изъ подъ власти помѣщиковъ. Вотъ, что писалъ Пугачевъ въ своемъ манифестѣ отъ 31 Iюня 1774 года: „жалуемъ симъ именнымъ указомъ съ монаршимъ отеческимъ нашимъ милосердiемъ всѣхъ, находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ у помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами нашей короны и награждаемъ... вольностью и свободою, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, владѣнiемъ землями, лѣсными и сѣнокосными угодьями безъ покупки и безъ оброку и освобождаемъ всѣхъ отъ злодѣевъ дворянъ и градскихъ мздоимцевъ судей“. Въ рѣчи своей въ Саратовѣ Пугачевъ указывалъ, какъ на главный поводъ низверженiя своего съ престола, на желанiе его уничтожить крѣпостное состоянiе, чему воспротивились дворяне и его жена, т. е., императрица Екатерина II. Послѣ подавленiя мятежа и въ средѣ правительства наступила реакцiя, выразившаяся въ охлажденiи Екатерины II къ крестьянскому вопросу. Въ концѣ царствованiя эта реакцiя достигла апогея своего развитiя, что, между прочимъ, отразилось на судьбѣ злополучнаго Радищева, приговореннаго къ смертной казни (она, впрочемъ, не была приведена въ исполненiе) за изданiе имъ своего извѣстнаго „Путешествiя изъ Петербурга въ Москву“, въ которомъ онъ высказался за необходимость освобожденiя крестьянъ.

Въ царствованіе Александра I правительство впервые сдѣлало нѣкоторые шаги по пути къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, тѣмъ болѣе, что самъ государь былъ убѣжденнымъ сторонникомъ эмансипаціи. Такъ, изъ рѣчи имп. Николая, произнесенной имъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1842 году, мы знаемъ, что „его предшественникъ намѣренъ былъ въ началѣ царствованія даровать свободу крѣпостнымъ людямъ". Затѣмъ, до насъ дошли слова самого императора Александра, сказанныя имъ нѣсколькимъ лицамъ, а именно: „видите ли, (государь указалъ при этомъ на печать съ изображеніемъ пчелъ вокругъ улья), это девизъ мой и моей бабушки (т. е. Екатерины II); я уже собралъ нѣсколько записокъ о крѣпостномъ правѣ, я выберу изъ этихъ проектовъ все самое лучшее и, наконецъ, сдѣлаю что-нибудь". Наконецъ, когда, послѣ окончанія войны 1812 года, извѣстный Шишковъ поднесъ императору Александру для подписи проектъ манифеста, въ которомъ выражалось желаніе государя о продолженіи существованія связи между помѣщиками и крестьянами, „столь свойственной русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ", и въ силу которой помѣщики „отечески о крестьянахъ, яко о чадахъ своихъ, заботятся", а крестьяне, „яко усердные домочадцы, исполняютъ свои сыновнія обязанности и долгъ", то государь отказался подписать его, заявивъ, что это было бы „противно его совѣсти", и что съ идеями манифеста „онъ ни мало не согласенъ [1]. Точно также въ Парижѣ въ 1814 г. въ разговорѣ съ Лафайетомъ императоръ сказалъ, что на предстоящемъ конгрессѣ (въ Вѣнѣ) онъ потребуетъ уничтоженія невольничества, причемъ прибавилъ: „за главою страны, въ которой существуетъ крѣпостничество, не признаютъ права явиться посредникомъ въ дѣлѣ освобожденія невольниковъ, но каждый день я получаю хорошія вѣсти о внутреннемъ состояніи моей имперіи и съ Божьей помощью крѣпостное право будетъ уничтожено еще въ мое царствованіе".

Въ виду такого отношенія государя къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ, можно было ожидать, что этотъ послѣдній будетъ до извѣстной степени разрѣшенъ. Дѣйстви-

---

[1]) „Я не могу подписать того, что противно моей совѣсти, и съ чѣмъ я ни мало не согласенъ", воскликнулъ государь, весь вспыхнувъ, и вычеркнулъ взволновавшую его фразу о крѣпостномъ правѣ такимъ рѣшительнымъ движеніемъ руки, что Шишковъ, несмотря на всю свою смѣлость, не рѣшился ему возражать (см. Шильдера, Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 256).

тельно, имп. Александръ къ этому стремился, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе факты, напр., возбужденіе вопроса въ „неоффиціальномъ комитетѣ“, состоявшемъ изъ близкихъ къ государю лицъ и собиравшемся у него во дворцѣ, обсужденіе его въ Государственномъ Совѣтѣ (въ 1820 г.) и, наконецъ, порученіе со стороны государя нѣкоторымъ лицамъ составить проекты освобожденія крестьянъ. „Неоффиціальный комитетъ“, будучи занятъ другими дѣлами, удѣлилъ крестьянскому вопросу сравнительно не много времени, высказавшись за необходимость улучшенія быта крѣпостныхъ. До насъ дошла рѣчь графа Строганова, въ которой онъ довольно энергически настаивалъ въ комитетѣ на этой необходимости. „Нужно бояться не дворянъ, но крестьянъ“, говорилъ Строгановъ, „они вездѣ одинаково чувствуютъ тяжесть своего рабства, вездѣ мысль о неимѣніи собственности подавляетъ ихъ способности и производитъ то, что ихъ промышленная дѣятельность для народнаго благосостоянія ничтожна, ихъ способности не получаютъ полнаго развитія... но даютъ имъ чувствовать вполнѣ тяжесть бремени, ихъ гнетущаго. Съ самаго дѣтства они преисполняются ненавистью къ помѣщикамъ, своимъ притѣснителямъ“. При обсужденіи крестьянскаго вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1820 году ярымъ оппонентомъ всякаго улучшенія быта крѣпостныхъ выступилъ Шишковъ, произнесшій большую рѣчь противъ предполагавшагося запрещенія продажи крестьянъ безъ земли. Въ особенности вооружился онъ противъ словъ „духъ времени“, имѣвшихъ мѣсто въ проектѣ, внесенномъ въ Государственный Совѣтъ. „Подъ словомъ—„духъ времени“, говорилъ Шишковъ, „часто разумѣется общее стремленіе къ своевольству и неповиновенію... Гдѣ же правительство твердо и законы святы, тамъ они управляютъ духомъ времени, а не духъ времени ими“. Вслѣдствіе этой оппозиціи, проектъ о воспрещеніи продажи крестьянъ безъ земли былъ взятъ обратно, и Государственный Совѣтъ ничего не сдѣлалъ для улучшенія быта послѣднихъ.

Что касается до проектовъ освобожденія крѣпостныхъ, то такихъ было представлено государю нѣсколько, причемъ два (Киселева и Аракчеева) по желанію самого Александра. Киселевъ въ основу своего проекта положилъ слѣдующую мысль: „гражданская свобода есть основаніе народнаго благосостоянія; истина сія столь мало подвержена сомнѣнію, что излишнимъ считаю объяснять здѣсь, сколь желательно

было бы распространеніе въ государствѣ нашемъ законной независимости на крѣпостныхъ земледѣльцевъ, неправильно лишенныхъ оной“. Но высказавъ такое положеніе, Киселевъ сталъ на точку зрѣнія постепенности ограниченія правъ помѣщиковъ и освобожденія крестьянъ. Аракчеевъ въ своемъ проектѣ предложилъ выкупъ крѣпостныхъ государствомъ, по соглашенію съ помѣщиками, для чего казна должна была ежегодно отпускать 5 милліоновъ руб. Третій проектъ, принадлежавшій Мордвинову, также стоялъ за выкупъ, но произведенный самими крестьянами по особой таксѣ. за дѣтей до 5 лѣтъ по 100 руб., до 10 лѣтъ—по 200 руб., до 20 лѣтъ по 600 руб., до 50 лѣтъ—по 1000 и до 60 лѣтъ—по 500 руб. „Цѣна“, говоритъ Мордвиновъ, „должна быть ближе къ высокой, нежели къ низкой, для возбужденія трудолюбія“; „также мирное прохожденіе изъ зависимаго состоянія въ свободное никакому другому сословію не навлечетъ непріятностей и потерь: крестьяне получатъ свободу, помѣщики останутся полными владѣтелями земли своей и съ денежнымъ еще капиталомъ“. Четвертый проектъ, составленный Канкринымъ, также высказался за необходимость выкупа самими крестьянами, но въ теченіе 60 лѣтъ (съ 1819 по 1880 гг.).

Однако, изъ всѣхъ названныхъ проектовъ ровно ничего не вышло, и единственно, что было сдѣлано при Александрѣ I въ интересахъ крестьянъ, это—изданіе указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ 20 Февр. 1803 г. Дѣло въ томъ, что въ этомъ году графъ Румянцевъ подалъ государю записку, въ которой, указавъ на то, что „многіе помѣщики находятъ выгоднымъ для себя давать свободу нѣкоторымъ крестьянамъ за извѣстную плату“, и что „они охотно уволили бы и цѣлое селеніе, если бы это оказалось выгоднѣе продажи крѣпостныхъ“, просилъ „дозволить помѣщикамъ освобождать цѣлыя селенія, утверждая крѣпостнымъ порядкомъ участки или угодья за каждымъ крестьяниномъ особливо или же всю дачу за обществомъ на условіяхъ, согласныхъ съ государственными узаконеніями и съ обоюдною пользою“. При запискѣ Румянцевъ приложилъ и проектъ условій, заключаемыхъ между помѣщиками и крестьянами. Государь передалъ его на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, одобрившаго проектъ, который и легъ въ основу указа 1803 года. На основаніи его, помѣщикамъ разрѣшалось отпускать на волю крѣпостныхъ: по одиночкѣ или цѣлымъ селеніемъ,

притомъ съ утвержденіемъ за ними на *правѣ собственности* участка земли или цѣлой дачи, но на извѣстныхъ условіяхъ, представляемыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ черезъ губернскаго предводителя дворянства и министра внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе государя. Эти условія могли быть трехъ родовъ: 1) единовременная уплата крестьянами капитала, при совершеніи отпускной, 2) разсрочка уплаты на извѣстное число лѣтъ и 3) отправленіе со стороны крестьянъ въ пользу помѣщиковъ опредѣленныхъ повинностей въ теченіе извѣстнаго срока. При несоблюденіи указанныхъ условій, крестьяне возвращались обратно въ крѣпостное состояніе.

Практическія послѣдствія указа 1803 года были весьма незначительны; такъ, при Александрѣ I, на основаніи его, было освобождено только 47000 душъ крестьянъ, а всего, до вступленія на престолъ Александра II,—114,000 [1]). Разсматривая случаи освобожденія при Александрѣ I, мы видимъ слѣдующее: 17 помѣщиковъ освободили своихъ крестьянъ безъ всякой платы, остальные—или съ платою, причемъ minimum вознагражденія былъ 139 руб. съ души, maximum 5000 съ души, или съ возложеніемъ на крестьянъ извѣстныхъ повинностей, а именно: въ однихъ случаяхъ оброка до смерти помѣщика (отъ 6 до 20 р. съ души), въ другихъ—барщины также до смерти помѣщика.

Кромѣ указа 1803 года, при Александрѣ I были еще изданы въ 1816 и въ 1818 гг. два указа, на основаніи которыхъ состоялось освобожденіе, но безъ земли, крестьянъ Остзейскаго края.

Императоръ Николай I также былъ сторонникомъ уничтоженія крѣпостного права, хотя и не сразу, но постепенно, въ теченіе извѣстнаго времени. Вотъ, что онъ говорилъ графу Киселеву въ 1834 г.: „видишь ли (государь указалъ на картоны, стоявшіе на полкахъ его кабинета), здѣсь я, со вступленія своего на престолъ, собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи. Я говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ о преобразованіи крѣпостного права, и ни одинъ не

---

[1]) По подсчету г. Семевскаго (Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II, стр. 210 и слѣд.). По подсчету же г. Милюкова (Крестьяне въ Энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. XXXII) на основаніи указа 1803 г. было освобождено только 107.000 душъ крестьянъ.

отнесся къ этому съ прямымъ сочувствіемъ. Помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи". Затѣмъ 30 Марта 1842 г. государь произнесъ рѣчь въ Государственномъ Совѣтѣ, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное... и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда"; вслѣдствіе чего, „необходимо пріуготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей". Точно также, присутствуя на засѣданіи комитета, учрежденнаго для улучшенія быта дворовыхъ, въ 1844 году, государь заявилъ, что „мысль объ измѣненіи крѣпостного состоянія никогда не оставляла его съ самаго вступленія на престолъ", и что, считая постепенность мѣръ первымъ условіемъ въ этомъ дѣлѣ, онъ рѣшился начать съ улучшенія быта дворовыхъ людей. Однако, съ другой стороны, имп. Николай считалъ землю исключительною собственностью дворянства и отвергалъ всякую мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею. „Я ясно выразилъ мысль мою", сказалъ государь предводителямъ смоленскаго дворянства въ 1847 г., „что земля, заслуженная нами дворянами или предками нашими, есть наша дворянская; замѣтьте, что я говорю съ вами, какъ первый дворянинъ въ государствѣ". Тѣ же мысли развивалъ государь и въ другой своей рѣчи, сказанной депутатамъ петербургскаго дворянства въ 1848 г.: „Я объявилъ", замѣтилъ, между прочимъ, Николай I, „что вся безъ исключенія земля принадлежитъ дворянину помѣщику; это—вещь святая, и никто къ ней прикасаться не можетъ".

Изучаемое царствованіе было обильно всевозможными секретными комитетами по крестьянскому вопросу. Такихъ комитетовъ въ разное время было учреждено девять, но только дѣятельность комитета 1839—1842 г. г. привела къ извѣстнымъ практическимъ результатамъ. Послѣдній былъ учрежденъ съ цѣлью уничтоженія затрудненій выхода изъ крѣпостного состоянія, причемъ дѣятельность его главнымъ образомъ свелась къ обсужденію записки графа Киселева, одобренной государемъ [1]). Основнымъ положеніемъ записки

---

[1]) По прочтеніи записки, государь написалъ на ней слѣдующее: „читалъ съ полнымъ удовольствіемъ и особеннымъ вниманіемъ; начала, на коихъ основанъ проектъ, мнѣ кажутся весьма справедливы и основательны; я не нашелъ сдѣлать ни одного замѣчанія и разрѣшаю внести въ комитетъ".

было слѣдующее: „увольненіе крестьянъ съ землею требовало перехода всей недвижимой собственности изъ владѣнія въ пользу низшаго сословія; послѣдствіемъ сей мѣры было бы уничтоженіе самостоятельности дворянства и образованіе демократіи изъ людей, перешедшихъ изъ крѣпостного состоянія. Послѣ сего не нужно, кажется, особенныхъ доказательствъ, сколь сія мѣра противна государственному устройству, въ которомъ дворянство, составляя необходимое звено, соединяющее верховную власть съ народомъ, должно исключительно пользоваться правомъ владѣнія заселенными землями, дабы, сохраняя вліяніе свое на массу народа и обезпечивъ свое существованіе, быть въ возможности исполнять высокое назначеніе свое на службу престолу". Высказавъ этотъ основной принципъ, Киселевъ предложилъ освободить крестьянъ на слѣдующихъ основаніяхъ: „помѣщики, *сохраняя за собой право вотчинной собственности на землю*, предоставляютъ крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленною пропорціею земли, пользуются отъ нихъ взамѣнъ того соразмѣрными повинностями или оброкомъ, положительно опредѣленными въ особыхъ по каждому имѣнію инвентаряхъ. Исполненіе повинностей опредѣляемыхъ инвентаремъ, обезпечивается круговою отвѣтственностью крестьянъ и содѣйствіемъ правительства посредствомъ судебной власти помѣщиковъ, которые, въ качествѣ вотчинныхъ начальниковъ въ имѣніи, пользуются правами, предоставленными закономъ сельскому управленію, какъ по части распорядительной, такъ и по разбору маловажныхъ тяжбъ и проступковъ крестьянъ... Уволенные такимъ образомъ крестьяне по отношенію къ владѣльцамъ земли получаютъ названіе обязанныхъ крестьянъ". Что касается до повинностей послѣднихъ, то Киселевъ, а за нимъ и комитетъ высказались за необходимость ограниченія ихъ въ законодательномъ порядкѣ. „Число рабочихъ дней въ пользу помѣщика", читаемъ въ запискѣ, „должно быть опредѣлено въ такой мѣрѣ, чтобы цѣнность работы соотвѣтствовала пространству надѣла землею. Во всякомъ случаѣ, надѣлъ приводится въ такую соразмѣрность, чтобы повинности крестьянъ не превышали установленныхъ трехъ дней съ работника въ недѣлю. Мѣра дневной работы опредѣляется особымъ урочнымъ положеніемъ по различнымъ полосамъ и съ тѣми измѣненіями, какія по свойству почвы необходимы".

Записка Киселева, по обсужденіи въ комитетѣ, поступила на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и затѣмъ была положена въ основу указа 1842 г. (2 Апрѣля) объ обязанныхъ крестьянахъ. Цѣлью его было освобожденіе крестьянъ на такихъ условіяхъ, „чтобы принадлежащія помѣщикамъ земли, какъ вотчинная собственность дворянства, охранены были отъ отчужденія и владѣнія дворянскихъ родовъ". Въ виду этого, основныя положенія проекта комитета вошли въ содержаніе указа и получили такимъ образомъ законодательную санкцію. Однако, сравнивая указъ съ проектомъ, мы видимъ, что въ одномъ пунктѣ они существенно разошлись между собою, это именно въ разрѣшеніи вопроса о повинностяхъ крестьянъ. Указъ отвергъ необходимость ограниченія послѣднихъ законодательнымъ порядкомъ, предоставивъ опредѣленіе ихъ въ договорахъ по взаимному соглашенію сторонъ. „Повинности, гласитъ указъ, могутъ быть опредѣлены въ договорахъ денежнымъ оброкомъ, произведеніями, обработываніемъ помѣщичьей земли или другою работаю".

Указомъ объ обязанныхъ крестьянахъ также воспользовались очень немногіе, и на основаніи его было освобождено только 24000 душъ крестьянъ. Такимъ образомъ стало очевиднымъ, что реформа, подобная освобожденію крестьянъ, могла произойти не по доброй волѣ помѣщиковъ, а только принудительнымъ путемъ. На этотъ путь и стало правительство имп. Александра II, признавшаго въ своей рѣчи, сказанной имъ предводителямъ московскаго дворянства въ Мартѣ 1856 года, что „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу". И дѣйствительно, названный путь привелъ Царя-Освободителя къ знаменательному дню 19 Февраля 1861 года, когда имя крѣпостныхъ крестьянъ навсегда исчезло изъ русскаго законодательства.

ГЛАВА III.

Государь [1]).

Въ императорскомъ періодѣ мы впервые встрѣчаемся съ формулировкой власти государя въ законѣ. „Его Величество", гласитъ Воинскій уставъ, „есть самовластный монархъ, ко-

---

[1]) Корсаковъ. Воцареніе имп. Анны Іоанновны; Дитятинъ, Верховная

торый никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять“ [1]). Съ такою же формулировкою власти мы встрѣчаемся и въ Духовномъ регламентѣ. „Монарховъ власть“, читаемъ здѣсь, „есть самодержавная, которой повиноваться самъ Богъ за совѣстъ повелѣваетъ“. Точно также и въ манифестѣ 17 Дек. 1731 г. имп. Анна Іоанновна объявила, что „по особливой нашей должности (отъ Всемогущаго Бога на насъ положенной) къ Богу, отъ Котораго самодержавное правительство государства нашего намъ поручено“ и т. д. Но рядомъ съ этой законодательной формулировкою власти мы встрѣчаемъ также и ея теоретическую формулировку. Съ подобнымъ научно-философскимъ обоснованіемъ власти выступилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ извѣстной Правдѣ воли монаршей, написанной по порученію Петра. Основаніями для теоретической формулировки, изложенной въ Правдѣ, служатъ, во-первыхъ, современныя политическія теоріи и, во-вторыхъ, Св. Писаніе.

Въ XVII и XVIII ст. въ западной Европѣ господствующимъ политическимъ ученіемъ была, такъ называемая, *теорія естественнаго права*, подробно разработанная въ сочиненіяхъ такихъ мыслителей, какъ Гуго Гроцій, Гоббесъ, Пуффендорфъ и др. Родоначальникомъ этой теоріи былъ *Гуго Гроцій*, впервые изложившій ее въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „О правѣ войны и мира“. Всякая власть выводится имъ изъ договора, благодаря которому всѣ люди, въ силу добровольнаго соглашенія, подчиняются опредѣленной власти и этимъ выходятъ изъ того естественнаго состоянія, въ которомъ они находились до заключенія договора. Послѣдній можетъ заключаться не только формально, но нерѣдко существуетъ, какъ нѣчто подразумѣваемое и молча признанное всѣми. Такъ,

---

власть въ Россіи XVIII ст. (Русская Мысль 1881 г., кн. III и IV); Загоскинъ. Верховники и шляхетство; Внутренній бытъ русскаго государства, т. I. (Верховная власть и Императорскій домъ), изд. Моск. Арх. Мин. Юст.; Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Остальныя сочиненія будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

[1]) Названная формулировка власти государя буквально заимствована изъ шведскаго права, а именно изъ рѣшенія риксдага 1693 г. Вотъ что гласитъ послѣднее: „король есть самодержавно всѣмъ повелѣвающій суверенный король, который ни передъ кѣмъ на землѣ не отвѣтственъ за свои дѣйствія, но имѣетъ власть и силу по своему желанію и какъ христіанскій король править и царствовать своимъ государствомъ“ (Милюковъ, Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго, стр. 673).

покоренный народъ, подчиняясь побѣдителю, показываетъ этимъ, что признаетъ его власть. Подобный случай является примѣромъ молчаливаго соглашенія или подразумѣваемаго договора. По мнѣнію Гроція, всякая власть, въ какой-бы формѣ она не проявлялась, въ формѣ-ли монархіи, аристократіи или демократіи, обязательно предшествуется договоромъ и основывается на немъ.

Гоббесъ еще болѣе развилъ этотъ договорный характеръ происхожденія власти, что у него послужило доказательствомъ для необходимости абсолютной формы правленія, убѣжденнымъ сторонникомъ которой онъ былъ. По мнѣнію Гоббеса, всякому государственному бытію предшествуетъ естественное состояніе, въ которомъ люди, одаренные по природѣ одинаковыми правами и побуждаемые эгоистическимъ стремленіемъ захватить въ свою собственность все то, что принадлежитъ всѣмъ, находятся въ положеніи войны всѣхъ противъ всѣхъ (bellum omnium contra omnes). Чтобы выйти изъ такого анархическаго состоянія, люди рѣшаются отказаться отъ всѣхъ своихъ естественныхъ правъ и заключаютъ между собою договоръ, по которому каждый, отказываясь отъ своихъ правъ, переноситъ ихъ на учреждаемую договоромъ власть. Заключеніемъ подобнаго договора прекращается естественное состояніе и организуется государство, власть котораго становится абсолютной, въ виду отказа отъ всѣхъ своихъ правъ со стороны подданныхъ. Вотъ почему, по мнѣнію Гоббеса, государь долженъ обладать неограниченной властью, а подданные не могутъ пользоваться никакими политическими правами.

Пуффендорфъ примыкаетъ къ ученію Гоббеса, такъ какъ тоже видитъ въ заключеніи договора единственный способъ выйти изъ того анархическаго состоянія, въ которомъ пребываютъ люди, пользуясь своими естественными правами. Главное различіе его теоріи въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что договоръ, по его мнѣнію, является продуктомъ дѣятельности не отдѣльныхъ лицъ, но семействъ, которыя также основываются путемъ договора, по времени предшествующаго политическому договору.

Вліяніе этихъ теорій сказалось на Правдѣ воли монаршей, и политическій договоръ сталъ однимъ изъ краеугольныхъ камней, на которомъ зиждилась власть, съ точки зрѣнія Правды. „Сама наслѣдная монархія“, читаемъ въ Правдѣ, „имѣетъ начало отъ перваго въ народѣ согласія;

сіе-же глаголемъ не токмо о честномъ и правильномъ началѣ монархіи, не воспоминая здѣ монархіи оныхъ, которыя начала приняли отъ нѣкоего превозмогающаго въ народѣ человѣка, насильствіемъ народъ себѣ покорившаго, хотя и въ таковыхъ монархіяхъ, когда уже народъ непрекословно, безмятежно, еще-же и доброхотно повиноватися самодержцу своему пріобыкъ, разумѣти подобаетъ, что домъ монаршій не къ тому насильствіемъ своимъ похищенное, но всенародною волею отданный себѣ скипетръ держитъ, самъ бо народъ доброхотнымъ своимъ повиновеніемъ являетъ на тое преклоненную волю свою".

По мнѣнію составителя Правды, русскіе заключили между собою слѣдующій договоръ, въ которомъ выразилась „воля народная, аще и не словомъ, но дѣломъ изъявленная": „согласно вси хощемъ, да ты (т. е. государь) къ общей нашей пользѣ владѣеши надъ нами вѣчно, т. е. понеже смертенъ еси, тогда по тебѣ ты-же самъ впредь да оставляеши намъ наслѣднаго владѣтеля, мы-же единожды воли нашей совлекшеся, никогда-же оной впредь, ниже по смерти твоей, употребляти не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ по тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаніемъ одолжаемся и нашихъ по насъ наслѣдниковъ тымжде долженствомъ обязуемъ".

Вторымъ основаніемъ для теоретической формулировки власти государя являются слова Св. Писанія. Правда слѣдующимъ образомъ излагаетъ извѣстное ученіе о богоустановленности власти: „всякій государь, наслѣдіемъ или избраніемъ скипетръ получившій, отъ Бога оный пріемлетъ— Богомъ бо цари царствуютъ и сильніи пишутъ правду: отъ Господа дается имъ держава и сила отъ Вышняго, владѣетъ Вышній царствомъ человѣчьимъ и кому-же восхощетъ, даетъ его".

Однако, авторъ Правды чувствуетъ необходимость согласовать оба ученія: договорную теорію и идею о богоустановленности власти, въ виду ихъ взаимнаго противорѣчія, и выходитъ изъ этого затрудненія провозглашеніемъ принципа: „гласъ народа—гласъ Божій". „Народное согласіе", говоритъ въ одномъ мѣстѣ Правда, „всегда и вездѣ есть слѣдствіе премудродѣйствующаго смотрѣнія Божія". „Вѣдати-же подобаетъ", читаемъ въ другомъ мѣстѣ, „что народная воля, какъ въ избирательной, такъ и въ наслѣдной монархіи и въ прочихъ правительства образахъ, бываетъ

не безъ собственнаго смотрѣнія Божія, но Божіимъ мановеніемъ движима дѣйствуетъ, понеже ясно учитъ Св. Писаніе, что нѣсть власть, аще не отъ Бога. И того ради вся должепства, какъ подданныхъ государю своему, такъ и государя къ добру общему подданныхъ, не отъ единой воли народной, но и отъ воли Божьей происходятъ".

Послѣдствія, проистекающія изъ договора, касаются какъ народа такъ и государя. Для народа они выражаются, во-первыхъ, въ томъ, что онъ „долженъ безъ прекословія и роптанія вся отъ самодержца повелѣваемая творити". Необходимость этого проистекаетъ уже изъ того, что „аще бо народъ воли общей своей совлеклся и отдалъ оную монарху своему, то како не долженъ хранити его повелѣнія, законы и уставы безъ всякой отговорки". „Такимъ образомъ уставы и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки-бы свободнаго, но истязуютъ, яко должнаго: истязуютъ-же не токмо страхомъ гнѣва властительскаго, но и страхомъ гнѣва Божія". Въ доказательство истинности послѣдняго положенія, Правда цитируетъ Св. Писаніе, которое велитъ „властямъ повиноваться не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ".

Второе послѣдствіе договора, касающееся народа, слѣдующее: „не можетъ народъ судити государя своего, инако-бы имѣлъ-бы еще при себѣ волю общаго правленія, которую весьма отложилъ и отдалъ государю своему", „понеже бо нарицается и есть верховная, высочайшая и крайняя власть, то како можетъ законамъ человѣческимъ подлежати; аще-бы подлежала, не была-бы верховная; судящій бо другого не повинующійся уже есть, но властительствующій, яко-же вопреки повинующійся кому не можетъ судити того, которому повинуется". Выводъ изъ всего сказаннаго слѣдующій: „явственно Духъ Святой, научая подданныхъ совершеннаго царямъ повиновенія, показуетъ, что власть царская весьма въ повелѣніяхъ и дѣяніяхъ своихъ свободна есть и ничьему истязанію о дѣлахъ своихъ не подлежитъ". Иначе говоря самодержавная власть „есть неподвижная, никоторому же суду человѣческому не подлежащая и весьма неприкосновенная; и сія то оной сила въ славной своей титлѣ „маестетъ" или „величество" содержится".

Наконецъ, третье послѣдствіе слѣдующее: „не можетъ народъ повелѣвати что-либо монарху своему". Истинность этого положенія доказывается словами римскаго императора

Валентиніана, сказанными имъ войску: „меня избрати императоромъ было въ вашей волѣ, но, когда уже избрали меня, сіе, чего желаете, не въ вашей, но въ моей волѣ есть; вамъ, яко подданнымъ, подобаетъ тихо, мирно пребывать; мнѣ-же, яко императору, смотрѣть надлежитъ, что есть на потребу". „Если такъ", прибавляетъ Правда, „свободенъ монархъ избранный, то кольми паче наслѣдный, которому народъ волю свою и власть надъ собою во вѣки отдалъ".

Что касается до послѣдствій изъ договора, относящихся къ государю, то они излагаются слѣдующимъ образомъ: „власть верховная едину своего установленія вину конечную имѣетъ— всенародную пользу. Можетъ монархъ законно повелѣвати народу не токмо все, что къ знатной пользѣ отечества своего потребно, но и все, что ему не понравится, лишь-бы народу не вредно и волѣ Божіей не противно было. Сему-же могуществу его основаніе есть то, что народъ правительской воли своей совлеклся предъ нимъ и всю власть надъ собою отдалъ ему, и сюда надлежитъ всякіе обряды гражданскіе и церковные, перемѣны обычаевъ, употребленіе платья, домовъ, строенія, чины и церемоніи въ пированіяхъ, свадьбахъ, погребеніяхъ и прочая и прочая".

Самодержавная власть государя при Петрѣ I, получивъ свою законодательную и теоретическую формулировку, существовала также и на дѣлѣ, такъ что въ этомъ отношеніи царствованіе перваго русскаго императора представляетъ собою полную гармонію между теоріей и практикой. Власть государя въ это время уже не ограничивалась обычаемъ, напротивъ, великій реформаторъ Россіи объявилъ безпощадную войну всякимъ обычаямъ, равно какъ и старинѣ, основанной на нихъ. Такая реформа, какъ петровская, самымъ радикальнымъ образомъ видоизмѣнившая весь общественный и государственный строй древней Россіи, могла быть совершена только самодержавнымъ государемъ. Вотъ почему, не рискуя ошибиться, можно назвать Петра первымъ русскимъ государемъ, обладавшимъ дѣйствительно самодержавной властью и провозглашавшимъ ее не только въ теоріи, какъ Іоаннъ IV, но и пользовавшимся ею на практикѣ.

Однако, послѣ смерти Петра старыя традиціи стали снова оживать, и адепты ихъ, сдерживаемые при жизни перваго императора его желѣзною рукою, почувствовавъ теперь отсутствіе этой руки, громко заявили о своемъ существованіи. Уже самое вступленіе на престолъ Екатерины I-й напоминало со-

бою государственный переворотъ. Она была „избрана“ на царство Сенатомъ, Синодомъ и „генералитетомъ“, т. е. учрежденіями, въ составъ компетенціи которыхъ избраніе государя совершенно не входило[1]). Вскорѣ послѣ этого былъ учрежденъ извѣстный Верховный тайный совѣтъ, долженствовавшій, по мнѣнію современниковъ иностранцевъ, жившихъ въ то время въ Россіи, ограничить власть государыни. Такъ, по словамъ французскаго посланника Кампредона, учрежденіе Верховнаго тайнаго совѣта является „первымъ шагомъ къ перемѣнѣ формы правленія“, которая должна быть „подобною существующей въ Швеціи или въ Англіи“ [2]). О томъ же самомъ говорятъ и австрійскіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ вѣнскому двору[3]). Однако, слова иностранцевъ не совсѣмъ оправдались, такъ какъ de jure Верховный тайный совѣтъ не ограничилъ власти государыни. Напротивъ, по словамъ указа 1 Янв. 1727 г., онъ былъ „учрежденъ не для чего иного, только дабы въ семъ тяжкомъ бремени правительства во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ вѣрными своими совѣтами и безстрастнымъ объявленіемъ мнѣній своихъ намъ (т. е. императрицѣ) вспоможеніе и облегченіе учинилъ“. Въ виду этого, протоколы и резолюціи совѣта, касающіеся по крайней мѣрѣ „важныхъ дѣлъ“, для полученія силы закона, должны были санкціонироваться императрицею[4]). Фактическое же положеніе вещей было иное, такъ какъ въ продолженіи всего царствованія Екатерины I Верховный тайный совѣтъ имѣлъ огромное значеніе. Показателемъ этого послѣдняго, не говоря уже о другихъ фактахъ, можетъ служить фактъ ничтожнаго количества указовъ, изданныхъ одною императрицею, сравнительно съ количествомъ указовъ, прошедшихъ черезъ совѣтъ. По подсчету проф. Фи-

---

[1]) Есть извѣстіе, что на собраніи лицъ въ ночь на 28 Янв. 1725 г., на которомъ была избрана Екатерина, высказывалась мысль о „порученіи правленія ей вмѣстѣ съ Сенатомъ“, но что, благодаря Толстому, она была оставлена, и восторжествовало его мнѣніе о необходимости возвести на престолъ императрицу „безъ всякаго ограниченія ея власти“. Успѣхъ Толстого объясняется тѣмъ, что передъ дворцомъ неожиданно появилась гвардія, а ея офицеры вошли въ залу засѣданія и поддержали Толстого (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 267—268).

[2]) Сборн. Русск. Ист. Общ., т. LVIII, стр. 186 и 256.

[3]) Брикнеръ, Русскій дворъ при Петрѣ II (Вѣстникъ Европы 1896 г., № 2).

[4]) См. 3-й пунктъ „Мнѣнія не въ указъ“: „чтобы о важныхъ дѣлахъ, поставя протоколы и на мѣрѣ, и не подписавъ, напередъ для апробаціи къ ея имп. величеству вносить... и какъ уже ея имп. величество изволили апробовать, тогда подписывать и въ дѣйство производить“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. LL, стр. 96).

липпова первые, притомъ большею частью касающiеся довольно узкой сферы личной дѣятельности императрицы, составляютъ менѣе одной четверти вторыхъ, относящихся до всѣхъ сторонъ государственной жизни [1]).

То-же самое продолжало существовать, притомъ не только уже de facto, но и de jure, и при малолѣтнемъ Петрѣ II когда Верховный тайный совѣтъ, согласно съ „Тестаментомъ" Екатерины I, осуществлялъ всѣ функцiи регентства и обладалъ, по выраженiю пункта 5-го „Тестамента", „полною властью правительствующаго самодержавнаго государя". Естественно, что подобное положенiе вещей пришлось по вкусу членамъ совѣта или верховникамъ, какъ ихъ тогда называли. Поэтому, когда въ 1730 г. Петръ II скоропостижно скончался, Верховный тайный совѣтъ въ ночномъ засѣданiи съ 18 на 19 Января рѣшилъ избрать на русскiй престолъ герцогиню курляндскую Анну Ивановну (дочь царя Ивана Алексѣевича) и одновременно съ этимъ, по выраженiю кн. Дм. Мих. Голицына, „себѣ полегчить" и „себѣ воли прибавить". Для достиженiя этой цѣли, т. е. „чтобъ не быть самодержавству", по выраженiю того же Голицына, верховники составили рядъ пунктовъ, получившихъ названiе кондицiй, которые и отправили съ депутацiей въ Митаву, гдѣ въ то время находилась будущая императрица. Послѣдняя вынуждена была ихъ подписать. Эти пункты были слѣдующiе. Анна Ивановна обязывалась: 1) „содержать и распространять" православiе; 2) „въ супружество во всю жизнь не вступать"; 3) наслѣдника себѣ не назначать; 4) безъ согласiя Верховнаго тайнаго совѣта войны не объявлять и мира не заключать; 5) подданныхъ новыми податями не отягощать; 6) въ чины выше полковника никого не производить; 7) гвардiи и армiи находиться въ вѣдѣнiи Верховнаго тайнаго совѣта; 8) у дворянства жизни, имущества и чести безъ суда не отнимать; 9) вотчинами и деревнями никого не жаловать; 10) въ придворные чины никого не производить; 11) государственные доходы въ расходъ не употреблять, и 12) при несоблюденiи одного изъ этихъ условiй, императрица лишалась престола.

Названные пункты имѣли характеръ прелиминарныхъ условiй, такъ какъ на ихъ основѣ долженъ былъ быть выработанъ цѣлый планъ государственнаго устройства. Авторомъ

[1]) Филипповъ, Къ вопросу о Верховномъ тайномъ совѣтѣ, стр. 30.

его явился инициаторъ всей затѣи—князь Д. М. Голицынъ. По плану представителемъ верховной власти въ Россіи былъ Верховный тайный совѣтъ; ему въ качествѣ такового принадлежали слѣдующія права: 1) въ области иностранной политики—право заключенія мира и договоровъ и объявленія войны; 2) въ области администраціи—право назначенія на высшія должности и производство въ высшіе чины, право командованія войскомъ и управленія финансами и 3) законодательство. По плану въ составъ совѣта должны были входить отъ десяти до двѣнадцати членовъ изъ знатнѣйшихъ фамилій государства. Рядомъ съ нимъ, „для предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ", существовалъ Сенатъ изъ 36 членовъ и сеймъ, состоящій изъ двухъ палатъ: шляхетской (изъ 200 членовъ) и городскихъ депутатовъ, для охраны правъ и интересовъ дворянства и торговопромышленнаго класса. Что-же касается до императрицы, то ея роль ограничивалась предсѣдательствованіемъ въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ, съ правомъ на два голоса и съ нѣкоторыми правами въ области придворнаго управленія [1]).

Въ то время, когда происходили переговоры между верховниками и герцогинею курляндскою, среди членовъ Сената и Синода, а также среди шляхетства, съѣхавшагося въ Москву въ огромномъ количествѣ по случаю похоронъ Петра II, начались волненія, и ясно опредѣлились двѣ партіи: одна, стоявшая за самодержавіе, другая—за ограниченіе власти императрицы, но въ интересахъ всего шляхетства.

Къ первой партіи принадлежали: часть сенаторовъ и генералитета, часть шляхетства и все духовенство съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ во главѣ. По словамъ саксонско-польскаго посланника Лефорта, среди членовъ этой партіи раздавались такіе разговоры: „знатные предполагаютъ ограничить самодержавіе; эта власть должна быть умѣрена Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, который мало-по-малу захватитъ въ свои руки бразды правленія; кто же намъ поручится, что со временемъ вмѣсто одного государя не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтѣ, и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства. У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руко-

---

[1]) Планъ въ подлинникѣ до насъ не дошелъ, и мы знаемъ о немъ на основаніи отзывовъ двухъ иностранныхъ резидентовъ; французскаго — Маньяна и англійскаго — Рондо (Корсаковъ, Воцареніе имп. Анны Ивановны, стр. 179).

водствоваться совѣтъ; если его члены сами станутъ издавать законы, они во всякое время могутъ ихъ уничтожить, и въ Россіи начнется анархія". „Боже сохрани, читаемъ въ одной запискѣ, направленной противъ верховниковъ, „что бы не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десять самовластныхъ и сильныхъ фамилій, и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости просить у всѣхъ". Заканчивается записка словами: „мы, среднее шляхетство, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ". Болѣе всѣхъ агитировалъ въ пользу самодержавія авторъ „Правды воли монаршей" Ѳеофанъ Прокоповичъ. „Русскій народъ", говорилъ онъ, „таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣльствомъ хранимъ быть можетъ, а, если какое-нибудь иное владѣніе правило воспріиметъ, содержаться ему въ цѣлости и благосостояніи отнюдь невозможно".

Вторая партія, хотя и стояла за ограниченіе власти императрицы, но такъ же была враждебно настроена къ верховникамъ. Члены этой партіи на особыхъ собраніяхъ вырабатывали свои проекты государственнаго устройства и затѣмъ представляли ихъ въ Верховный тайный совѣтъ. До насъ дошло 12 такихъ проектовъ, извлеченныхъ изъ архива Государственнаго Совѣта проф. Корсаковымъ [1]). Они подписаны 1,100 лицами и могутъ служить выраженіемъ мнѣнія членовъ второй партіи. Общая черта всѣхъ проектовъ, это — допущеніе шляхетства къ участію въ государственномъ управленіи, какъ путемъ избранія членовъ высшихъ государственныхъ учрежденій, напр., Верховнаго тайнаго совѣта, Сената, коллегій и др., такъ и путемъ избранія высшихъ должностныхъ лицъ, напр., губернаторовъ, воеводъ и т. п., причемъ органомъ шляхетства должно быть особое собраніе или сеймъ.

Съ пріѣздомъ императрицы въ Москву, первая партія взяла верхъ, и Анна Ивановна 25 Февраля 1730 года, при довольно торжественной обстановкѣ, провозгласила себя самодержавной государыней и изодрала подписанные ею пункты. Одновременно съ этимъ Верховный тайный совѣтъ былъ упраздненъ [2]).

---

[1]) Корсаковъ, Воцареніе имп. Анны Ивановны.

[2]) До послѣдняго времени въ ученой литературѣ затѣя верховниковъ совершенно справедливо трактовалась, какъ затѣя несомнѣнно олигар-

Такимъ образомъ, попытка верховниковъ ограничить власть государя не удалась. Съ тѣхъ поръ въ XVIII ст. такихъ попытокъ больше не было. Правда, имѣются свѣдѣнія, будто Панинъ, извѣстный воспитатель цесаревича Павла Петровича, обусловилъ свое участіе въ возведеніи на престолъ Екатерины II упраздненіемъ самодержавія, а впослѣдствіи (въ 1774 г.) высказался за ограниченіе власти императрицы Сенатомъ, которому хотѣлъ дать выборную организацію (часть сенаторовъ должна была избираться дворянствомъ на дворянскихъ собраніяхъ, часть назначаться императрицею; причемъ, по назначеніи, они считались бы несмѣняемыми; Сенатъ получалъ законодательную власть, такъ что каждый законъ обязательно долженъ былъ проходить чрезъ него) [1]). Но Екатерина, по вступленіи на престолъ, не согласилась на это и царствовала самодержавной государыней. Свои воззрѣнія на форму правленія она высказала въ Наказѣ. Русскій государь, по мнѣнію императрицы, долженъ быть самодержавнымъ, такъ какъ никакая другая власть не была бы въ состояніи дѣйствовать на пространствѣ такого обширнаго государства. „Пространное государство", читаемъ въ Наказѣ, предполагаетъ самодержавную власть, такъ какъ необходимо, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, присылаемыхъ изъ дальнихъ странъ, вознаграждала медленность, происходящую вслѣдствіе отдаленности мѣстъ. Вотъ, почему всякая другая форма правленія была бы для Россіи не только вредна, но и крайне разорительна" [2]). Названная мысль о необ-

---

хическая. Однако, съ этимъ не согласенъ г. Милюковъ (Изъ исторіи русской интеллигенціи, Спб. 1902 г., ст. „Верховники и шляхетство"), утверждающій, что „въ цѣляхъ задуманнаго переворота не было ничего олигархическаго". Г. Милюкову совершенно основательно возражаетъ проф. Филипповъ (Учебникъ исторіи русскаго права, ч. I, стр. 575), говоря, что, поскольку цѣли реформы раскрылись въ самихъ кондиціяхъ, онѣ несомнѣнно были олигархическаго характера, гадать же о томъ, насколько склонны были въ будущемъ верховники подѣлиться властью съ шляхетствомъ, не приходится, такъ какъ кондиціи были скоро уничтожены".

[1]) Записки Фонвизина (Русская Старина, 1884 г., т. XLII). По сообщенію Фонвизина, Павелъ Петровичъ былъ посвященъ въ эти планы и далъ обѣщаніе, что, въ случаѣ своего возведенія на престолъ послѣ низложенія матери, осуществитъ Панинскій планъ конституціоннаго устройства. Объ ограниченіи власти императрицы совѣтомъ см. ниже.

[2]) Та же мысль выражена императрицей и въ „секретномъ наставленіи князю Вяземскому", а именно: „Россійская имперія столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей, ибо всѣ прочія медлительны въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и предпочитающаго общее добро своему собственному". Въ 1782 году Екатерина сказала своимъ приближенымъ:

ходимости абсолютной формы правленія для государства съ большой территоріей заимствована у Монтескье. Послѣдній говоритъ, что республика мыслима только въ малыхъ государствахъ, такъ какъ здѣсь на небольшомъ пространствѣ общій интересъ, такъ сказать, у всѣхъ на глазахъ, вслѣдствіе чего дѣйствія правительственныхъ лицъ всегда находятся подъ постояннымъ контролемъ. Ограниченная монархія, съ точки зрѣнія Монтескье, должна быть средней величины. Если она очень мала, то легко превращается въ республику, если же она очень велика, то легко можетъ погибнуть, вслѣдствіе того, что областные правители, будучи удалены отъ центра и надѣясь на безнаказанность, легко могутъ уклониться отъ повиновенія и привести государство къ разрушенію. „Единственное средство противъ этого зла, говоритъ Монтескье, состоитъ въ установленіи абсолютной власти. Большія государства естественно склоняются къ абсолютизму. Быстрота рѣшеній должна восполнить здѣсь дальность разстояній“. Другая причина, по мнѣнію императрицы, почему въ Россіи должно быть самодержавіе, заключается въ томъ, что „лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, чѣмъ угождать многимъ“. Но высказавшись такимъ образомъ, императрица указываетъ на то, что цѣлью самодержавнаго правленія является не отнятіе „естественной вольности у людей“, а стремленіе къ тому, чтобы „дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большого ото всѣхъ добра“. Нельзя не согласиться съ проф. Тарановскимъ, что приведенное опредѣленіе представляетъ собою не что иное, какъ строгую формулу просвѣщеннаго абсолютизма [1]).

Разрѣшивъ вопросъ о формѣ правленія, Наказъ переходитъ къ вопросу о „среднихъ“ властяхъ, зависящихъ отъ верховной и вполнѣ подчиненныхъ ей. Эти власти по Наказу составляютъ природу или существо монархіи. Назначеніе ихъ – быть „малыми протоками, чрезъ которые изливается власть государя“. Наличность „среднихъ властей“ или „правительствъ“, объясняется тѣмъ, что государю „не прилично всѣмъ безпосредственно управлять“ Его дѣло издавать законы, „какъ простое и правое разсу-

„я въ душѣ республиканка и деспотизма ненавижу, но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима“ (Щегловъ, Государственный Совѣтъ въ Россіи, т. I, стр. 665).

[1]) Тарановскій, Политическая доктрина въ Наказѣ Екатерины II (Сборникъ статей, изд. въ честь М. Ф. Владимірскаго-Буданова).

жденіе отца, о чадахъ и домашнихъ своихъ пекущагося" осуществленіе же ихъ на практикѣ—задача „среднихъ властей", надъ дѣятельностью которыхъ государю принадлежитъ „главное надзираніе". Съ другой стороны, „средніяˮ власти обязаны представлять государю о незаконности указовъ и другихъ правительственныхъ распоряженій, о вредности ихъ направленія, о невозможности приведенія ихъ въ исполненіе и т. п. Только при существованіи подобныхъ посредствующихъ властей, государственныя учрежденія могутъ быть тверды и недвижимы. Одно изъ такихъ правительствъ должно быть хранилищемъ законовъ, которое, съ одной стороны, объявляетъ народу вновь изданные законы, а, съ другой стороны, „возобновляетъ забвенію преданные законы". Въ Россіи такимъ хранилищемъ законовъ долженъ быть Сенатъ.

Во время засѣданія комиссіи по составленію проекта новаго Уложенія Екатеринѣ былъ представленъ (въ Февралѣ 1768 г.) проф. Московскаго университета С. Е. Десницкимъ проектъ „объ учрежденіи законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской Имперіи" [1]). Въ немъ Десницкій высказывался за необходимость расформированія Сената въ учрежденіе представительное съ законодательными функціями. Количество выборныхъ сенаторовъ опредѣлялось въ 600 - 800. Они должны быть избираемы „земельными владѣльцами" по губерніямъ и провинціямъ, затѣмъ „купеческими, художественными и духовными людьми" и, наконецъ, „училищными мѣстами" такъ, „чтобъ всякая губернія, провинція и корпусы имѣли своего въ законодательной власти представителя, заступника и ходатая". Хотя Сенатъ долженъ былъ быть исключительно совѣщательнымъ учрежденіемъ, проектъ Десницкаго все же не получилъ утвержденія императрицы, занятой въ то время главнымъ образомъ законодательной комиссіей.

Впослѣдствіи (въ 1775 г.) сама императрица имѣла намѣреніе создать при Сенатѣ особую „палату", „дабы Сенатъ имѣлъ, гдѣ отослать людей и дѣла, кои разбора требуютъ". „Въ палату, писала она князю М. Н. Волконскому, оборотить я намѣрена Комиссію Уложенія". Однако, это намѣреніе не получило осуществленія. Правда, къ осуществленію его она

---

[1]) Записки Академіи Наукъ, 1905 г., гдѣ проектъ Десницкаго напечатанъ г. Успенскимъ.

снова вернулась въ 1787 г., но уже въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Въ это время ею былъ выработанъ проектъ указа о реформѣ Сената, причемъ, по свидѣтельству Безбородка, при Сенатѣ должно было существовать „собраніе депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера юстиціи“. Оно „составляетъ надзираніе правъ государственныхъ“ и „когда издается новый законъ, то проектъ онаго посылается на разсмотрѣніе въ сіе собраніе, потомъ на ревизію въ общее Сената собраніе и, наконецъ, утверждается самодержавною властію“ [1]). Г. Милюковъ основательно замѣчаетъ, что по прямому смыслу этого мѣста подъ собраніемъ депутатовъ приходится разумѣть собраніе однихъ только сословныхъ депутатовъ высшихъ судовъ — совѣстнаго и уголовнаго, также предназначавшихся къ открытію [2]).

Въ царствованіе Павла I самодержавная власть государя снова получила законодательную формулировку, а именно въ законѣ „О наслѣдованіи императорскаго престола“ 5 Апрѣля 1797 года и въ „Учрежденіи императорской фамиліи“ того же года было сказано, что „Императоръ Россійскій Государь самодержавный“ [3]).

Напротивъ, преемникъ имп. Павла Александръ I былъ большой сторонникъ представительной формы правленія. Будучи воспитанникомъ извѣстнаго Лагарпа, „преисполненнаго“, по словамъ самого Александра, „республиканскими правилами“, императоръ въ молодости даже мечталъ о республикѣ. Какъ свидѣтельствуетъ Чарторыйскій, бывшій въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ государемъ, Александръ „хотѣлъ бы видѣть повсюду республики и считалъ эту форму правленія единственно сообразной съ желаніями и правами человѣчества“. По мнѣнію государя, „верховная власть должна быть ввѣряема не по случайности рожденія. а по подачѣ голосовъ націею, которая съумѣла бы выбрать наиболѣе способнаго управителя ею“ [4]). Конечно, съ теченіемъ времени эти юношескія мечты были оставлены, но императоръ долгое время былъ сторонникомъ представительной системы. Какъ извѣстно, онъ ввелъ ее въ Фин-

---

[1]) Записка Безбородка „О потребностяхъ Имперіи Россійской“, напечатана въ Сборн. Русск. Ист. Общ. т. XXIX.

[2]) Очерки по исторіи русской культуры (Міръ Божій 1902 г., кн. 7).

[3]) Въ Учрежденіи императорской фамиліи было даже употреблено такое выраженіе: „неограниченный самодержавецъ“ (§ 71).

[4]) Въ письмѣ къ Лагарпу 27 Сент. 1797 г. онъ писалъ, что у него одна цѣль—„создать благо Россіи, установивъ въ ней свободную конституцію“.

ляндіи и Польшѣ и собирался ввести также и въ Россіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рѣчь государя, произнесенная имъ въ Варшавѣ въ 1818 году, при открытіи перваго сейма Царства Польскаго. „Я даровалъ вамъ“, сказалъ между прочимъ Александръ полякамъ, „устройство, руководясь правилами свободныхъ учрежденій, не перестававшихъ быть предметомъ моихъ заботъ, и которыхъ благодѣтельное вліяніе, надѣюсь я, съ помощью Божіей, распространить на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средства явить моему отечеству то, что я уже издавна ему готовлю, и чѣмъ оно воспользуется, какъ только начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости“. И дѣйствительно, до насъ дошелъ обширный проектъ преобразованія государственнаго устройства Россіи, такъ называемый „Проектъ уложенія государственныхъ законовъ“, составленный Сперанскимъ, по желанію имп. Александра I [1]). Мало того, по свидѣтельству Сперанскаго, проектъ былъ написанъ „послѣ тѣснаго его знакомства съ образомъ мыслей государя“ и являлся ничѣмъ инымъ, какъ „систематическимъ расположеніемъ идей, занимавшихъ государя съ 1801 года [2]). Въ основу проекта положена теорія Монтескье о раздѣленіи властей. „Три силы движутъ и управляютъ государствомъ, читаемъ въ немъ, „сила законодательная, исполнительная и судная; начало и источникъ ихъ въ народѣ“ [3]). „Законодательное сословіе должно быть такъ устроено, чтобы оно не могло совершать своихъ положеній безъ державной власти, но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное“. „Сословіе судебное должно быть такъ образовано, чтобы въ бытіи своемъ оно зависѣло отъ свободнаго выбора, и одинъ

---

[1]) Впервые извлеченія изъ проекта были напечатаны Н. Тургеневымъ въ его сочиненіи „La Russie et les russes“ и воспроизведены въ трудѣ Пыпина „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“ (стр. 150—172). Затѣмъ проектъ весьма подробно изложенъ въ изслѣдованіи проф. Щеглова „Государственный Совѣтъ въ Россіи“ (1892 г.), причемъ послѣдній пользовался его редакціею, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ. Въ послѣднее время извлеченія изъ проекта напечатаны Шильдеромъ въ приложеніяхъ ко II т. его сочиненія „Имп. Александръ I“ (стр. 372—395). Наконецъ, проектъ напечатанъ цѣликомъ г. Семевскимъ въ X т. Историческаго Обозрѣнія (стр. 1—62).

[2]) Рѣчь о представительной формѣ правленія, хотя еще только въ общихъ чертахъ, велась уже въ, такъ называемомъ, неоффиціальномъ комитетѣ 1801 г., составленномъ изъ близкихъ къ государю лицъ (см. Дневникъ графа Строганова въ „Вѣстникѣ Европы 1866 г., т. 1, а также Пыпина, назв. соч., стр. 87 и слѣд.).

[3]) Впрочемъ, послѣдняя мысль объ источникѣ власти въ народѣ принадлежитъ не Монтескье, но Руссо.

только надзоръ за судебными формами и охраненіемъ общественной безопасности принадлежалъ правительству". „Исполнительная власть должна быть вся исключительно ввѣрена правительству, но поелику власть сія распоряженіями своими подъ видомъ исполненія законовъ не только могла бы обезобразить ихъ, но и совсѣмъ уничтожить, то и должно поставить ее въ отвѣтственности власти законодательной". Законодательная власть принадлежитъ государю и Государственной Думѣ. Государь пользуется правомъ инициативы и санкціи законовъ, такъ какъ „пространство имперіи, разнообразіе населенія и степень нашего просвѣщенія требуютъ, чтобы правительство имѣло всю возможную силу дѣйствовать во благо, и сила сія въ одномъ только злоупотребленіи ея должна быть умѣряема". Организація Государственной Думы довольно сложна и состоитъ въ слѣдующемъ. Въ каждой волости учреждается дума, созываемая разъ въ три года и состоящая изъ депутатовъ, избираемыхъ владѣльцами недвижимой собственности и старшинъ казенныхъ крестьянъ, посылаемыхъ въ думу отъ каждаго участка въ пятьсотъ душъ. Функціи думы сводятся къ избранію членовъ окружной думы и волостного правленія, къ разсмотрѣнію отчетовъ послѣдняго о сборахъ и употребленіи ввѣренныхъ ему суммъ и къ представленію окружной думѣ объ общественныхъ волостныхъ нуждахъ.

Во главѣ уѣзда поставлена окружная дума, состоящая изъ депутатовъ волостныхъ думъ. Она избираетъ изъ своей среды членовъ окружного совѣта, окружного суда и депутатовъ въ губернскую думу, разсматриваетъ отчеты окружного начальства объ употребленіи ввѣренныхъ ему суммъ на покрытіе общественныхъ издержекъ и дѣлаетъ представленіе губернской думѣ объ общественныхъ нуждахъ. Окружная дума также собирается разъ въ три года. Во главѣ губерніи находится губернская дума, состоящая изъ депутатовъ окружныхъ думъ. Она избираетъ изъ своей среды членовъ губернскаго совѣта и суда и депутатовъ въ Государственную Думу. Во всемъ остальномъ ея компетенція аналогична съ компетенціей окружной думы. Наконецъ, во главѣ государства находится Государственная Дума, засѣданія которой открываются ежедневно въ Сентябрѣ въ силу закона, слѣдовательно, безъ особаго созванія каждый разъ со стороны правительства. Продолжительность сессіи зависитъ отъ количества дѣлъ. Впрочемъ, правительству принадлежитъ

право отсрочить засѣданіе и даже совсѣмъ распустить Думу, но съ обязательствомъ немедленно назначить новые выборы со стороны губернскихъ думъ. Функціи Думы сводятся къ законодательной дѣятельности, почему ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ безъ ея участія. По проекту законы вносятся въ Думу отъ имени государя однимъ изъ министровъ или членовъ Государственнаго Совѣта, обсуждаются и затѣмъ вотируются ею, причемъ для принятія закона требуется, чтобъ за него высказалось большинство депутатовъ Думы; въ противномъ случаѣ законъ считается отвергнутымъ. При разсмотрѣніи законопроектовъ, Дума имѣетъ право избирать изъ своей среды специальныя комиссіи, на разсмотрѣніе которыхъ законопроекты предварительно и поступаютъ. Пользуясь такимъ значеніемъ въ области законодательства, Дума, однако, лишена инициативы въ этомъ дѣлѣ, которая, какъ было уже сказано, сосредоточивается исключительно въ рукахъ государя. Исключеніе составляютъ слѣдующіе три случая, когда Думѣ принадлежитъ инициатива въ дѣланіи представленія государю, а именно: 1) о государственныхъ нуждахъ, 2) объ уклоненіи правительственныхъ лицъ отъ отвѣтственности и 3) о мѣрахъ, нарушающихъ коренные государственные законы. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ Дума имѣетъ право привлечь министровъ къ отвѣтственности (съ этой цѣлью они обязаны контрасигновать всѣ акты, исходящіе отъ государя) и большинствомъ голосовъ предать ихъ суду. Для избѣжанія подобной отвѣтственности, министры могутъ болѣе или менѣе важныя административныя мѣры (напр., объявленіе войны и заключеніе мира, чрезвычайныя мѣропріятія, „пріемлемыя правительствомъ къ спасенію отечества среди какихъ-либо бѣдствій“ и т. п.) вносить на разсмотрѣніе Думы. Вобще же министры были обязаны „въ положенные сроки“ представлять Государственной Думѣ отчеты о своей дѣятельности, и среди шести комиссій, которыя избираетъ Дума въ началѣ своей сессіи, проектъ установляетъ „комиссію министерскихъ отчетовъ или взысканія отвѣтственности“. Порядокъ послѣдней Сперанскій не считаетъ нужнымъ излагать, говоря, что „какъ скоро учредится законодательное сословіе... то отвѣтственность министровъ само собою установится; останется только опредѣлить въ учрежденіяхъ министерства подробныя ей формы“.

Административно - исполнительная власть сосредоточиваясь въ рукахъ государя, осуществляясь Государственнымъ

Совѣтомъ и министрами, которые, чтобы „образъ исполненія закона не отступалъ отъ его разума и не содѣлалъ самый законъ игралищемъ прихоти и произвола", какъ было уже сказано, отвѣтственны предъ Думою. Административная власть издаетъ распоряженія, называемыя Сперанскимъ „уставами" и учрежденіями", имѣющія цѣлью установленіе „образа и исполненіе законовъ". Въ области мѣстнаго управленія административная власть сосредоточивается въ рукахъ начальниковъ губерній и уѣздовъ, дѣйствующихъ совмѣстно съ особыми совѣтами (губернскій и окружной совѣты и волостное правленіе), члены которыхъ избираются мѣстными думами. Такимъ образомъ власть мѣстной администраціи также ограничена совѣщательными учрежденіями, построенными на представительномъ началѣ.

Судебная власть осуществляется особыми мѣстными судами (волостнымъ, окружнымъ и губернскимъ), члены которыхъ также избираются думами и Сенатомъ, являющимся „верховнымъ судилищемъ". Онъ состоитъ изъ четырехъ департаментовъ, а именно: двухъ уголовныхъ и двухъ гражданскихъ. Составъ его выборный, такъ какъ сенаторы избираются губернскими думами и утверждаются государемъ. При немъ состоитъ высшій верховный судъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта, Сената и Государственной Думы, въ составъ юрисдикціи катораго входитъ разсмотрѣніе политическихъ преступленій, а также совершенныхъ высшими должностными лицами. „Такимъ образомъ", заявляетъ Сперанскій, „всѣ части государственной организаціи будутъ имѣть одинаковое устройство, отъ министра и до волостного правителя дѣла будутъ слѣдовать, такъ сказать, по прямой линіи и не будутъ, какъ теперь, безпрестанно уклоняться въ сторону".

Проектъ былъ одобренъ имп. Александромъ и, по словамъ барона Корфа, біографа Сперанскаго, долгое время находился въ кабинетѣ у государя [1]). Однако, вслѣдствіе паденія Сперанскаго, а затѣмъ и измѣненія въ воззрѣніяхъ государя, наступившаго послѣ отечественной войны, онъ не получилъ законодательной санкціи. Изъ всего проекта была

[1]) Сперанскій въ своемъ извѣстномъ письмѣ изъ Перми, написанномъ Алексадру I въ 1813 г., свидѣтельствуетъ, что государь, „въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцѣвъ" почти ежедневно занимался разсмотрѣніемъ проекта и сдѣлалъ въ немъ много „перемѣнъ, дополненій и поправленій" (Письмо напечатано въ приложеніяхъ къ назв. соч. Пыпина, стр. 479 и слѣд.).

осуществлена на практикѣ только одна часть, касающаяся Государственнаго Совѣта, да и то съ измѣненіями, такъ какъ еще при Сперанскомъ государь рѣшилъ приступить къ введенію реформъ въ духѣ проекта не вдругъ, а постепенно [1]).

Въ 1818 г. Александръ I поручилъ Новосильцеву составить другой проектъ государственнаго устройства. И дѣйствительно, Новосильцевъ, въ сотрудничествѣ французскаго юриста Дэшана, выработалъ такой проектъ, получившій названіе Государственной уставной грамоты" [2]). Послѣдняя состояла изъ шести главъ и 191 статьи. Согласно съ ней Россія дѣлилась на особыя намѣстничества изъ опредѣленнаго числа губерній каждое. Во главѣ намѣстничества былъ поставленъ особый намѣстникъ, а при немъ учрежденъ совѣтъ изъ лицъ, отчасти назначенныхъ государемъ, отчасти избранныхъ губерніями. Управленіе намѣстничествомъ лежитъ на намѣстникѣ, совѣтъ же имѣетъ только совѣщательное значеніе. Кромѣ того, въ каждомъ намѣстничествѣ учреждается сеймъ или частная дума, состоящая изъ двухъ палатъ. Первую образуетъ одинъ департаментъ Сената, находящійся въ главномъ городѣ намѣстничества; вторая, подъ названіемъ „земской посольской палаты", состоитъ изъ избранныхъ намѣстничествомъ депутатовъ или пословъ, утвержденныхъ въ этомъ званіи государемъ. Сеймъ разсматриваетъ проекты мѣстныхъ законовъ, вотируютъ мѣстные налоги, составляетъ бюджетъ намѣстничества и избираетъ пословъ въ государственный сеймъ или думу. Послѣдній также состоитъ изъ двухъ палатъ. Первую образуетъ департаментъ Сената, присутствующій въ одной изъ двухъ столицъ, причемъ въ составъ ея входятъ сенаторы и другихъ департаментовъ по назначенію отъ государя. Вторая состоитъ изъ пословъ, избранныхъ намѣстническими сеймами и утвержденныхъ въ этомъ званіи государемъ. Сейму принадлежитъ законодательная власть, причемъ законъ, вотированный сеймомъ, можетъ стать таковымъ только по

---

[1]) Самъ Сперанскій стоялъ на точкѣ зрѣнія постепенности введенія реформы и совѣтывалъ государю „избѣгать всякой торопливости" и учредить переходъ отъ настоящихъ установленій къ новымъ такъ, чтобъ онъ казался простымъ и естественнымъ, и чтобы новыя установленія казались возникающими изъ прежнихъ" (см. бар. Корфа, Жизнь гр. Сперанскаго. т. I, стр. 111).

[2]) Шильдеръ, Имп. Александръ I, его жизнь и царствованіе, т. IV, стр. 150. Самая грамота напечатана въ приложеніяхъ къ этому тому, стр. 499—526.

утвержденіи его государемъ. Затѣмъ сеймъ пользуется и финансовою властью, такъ отъ разсматриваетъ бюджетъ и вотируетъ налоги. Наконецъ, онъ „разсуждаетъ по сообщеніямъ, которыя государю благоугодно было бы повелѣть сдѣлать по предметамъ, заключающимъ въ государственномъ отчетѣ“, составляемомъ Государственнымъ Совѣтомъ. Сеймъ созывается государемъ каждые пять лѣтъ, причемъ сессія его продолжается 30 дней. Впрочемъ, отъ усмотрѣнія государя зависитъ продлить ее или же распустить сеймъ раньше. Засѣданія сейма происходятъ гласно, и дѣла на немъ рѣшаются по большинству голосовъ.

За Государственнымъ Совѣтомъ грамота сохранила его совѣщательное значеніе, раздѣливъ его на „правительственный совѣтъ“ или комитетъ министровъ и на „общее собраніе“. Всѣхъ министровъ было 10. Сенатъ, по грамотѣ состоялъ изъ нѣсколькихъ департаментовъ, причемъ двое находились въ обѣихъ столицахъ, а остальные въ намѣстничествахъ, по одному департаменту въ каждомъ. Для сенаторовъ былъ созданъ особый цензъ, а именно: 35-лѣтній возрастъ, ежегодный доходъ съ недвижимаго имѣнія въ размѣрѣ не менѣе 1.000 р. и „отправленіе съ похвалою должности военной или гражданской“.

Новосильцевъ, по мѣрѣ составленія грамоты, посылалъ отдѣльныя ея части на разсмотрѣніе государя, но онъ ея не утвердилъ. Впослѣдствіи во время польскаго возстанія временное польское правительство нашло въ бумагахъ Новосильцева проектъ грамоты и напечатало его. Николай I послѣ взятія Варшавы велѣлъ скупить всѣ оставшіеся экземпляры и сжечь ихъ.

Однако, конституціонныя стремленія Александра I не остались безрезультатны и встрѣтили большое сочувствіе въ интеллигентныхъ кружкахъ русскаго общества 20-хъ годовъ прошлаго вѣка. Извѣстно декабристское движеніе, имѣвшее цѣлью введеніе конституціи въ Россіи. Изъ конституціонныхъ проектовъ декабристовъ наиболѣе разработаннымъ является проектъ Никиты Муравьева [1]). Онъ раздѣленъ на 13 главъ, вмѣщающихъ въ себѣ 134 статьи. Проектъ составленъ подъ вліяніемъ современныхъ ему конституцій, главнымъ же образомъ подъ вліяніемъ Сѣверо-Американ-

---

[1]) Напечатанъ г. Якушкинымъ въ видѣ приложенія къ его изслѣдованію „Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи“, стр. 131—160.

ской, и начинается съ изложенія основныхъ правъ гражданъ, причемъ упраздняетъ крѣпостное право и сословныя привиллегіи, провозглашая начало равенства всѣхъ предъ закономъ. Вліяніе американскихъ идей сказалось на федеративномъ принципѣ, проводимомъ въ проектѣ. Такъ, Россія дѣлится на 13 державъ и двѣ области, въ свою очередь раздѣлающіяся на 568 уѣздовъ или повѣтовъ. Во главѣ каждой державы находится особый намѣстникъ, избранный центральнымъ органомъ народнаго представительства, такъ называемымъ, народнымъ вѣчемъ. Намѣстникъ-представитель „исполнительной" власти. Законодательная же власть державы сосредоточена въ рукахъ палаты выборныхъ и державной думы. Первая является нижней палатою и состоитъ изъ членовъ, избранныхъ гражданами, обладающими извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ (въ недвижимости не ниже 5 тысячъ или въ движимости не ниже 10 тысячъ рублей). Вторая фигурируетъ въ роли верхной палаты, хотя избирается такъ-же, какъ и первая. Органомъ центральнаго прадставительства является народное вѣче; оно состоитъ изъ двухъ палатъ: нижней—палаты народныхъ представителей и верхней — верховной думы. И та, и другая избираются гражданами, обладающими вышеуказаннымъ цензомъ, причемъ число членовъ первой опредѣлено въ 450 (одинъ на 50 тыс. избирателей), а второй—въ 42 (по 3 отъ каждой державы и 3 отъ двухъ областей). Права народнаго представительства весьма обширны и относятся къ законодательству, финансамъ, административно-исполнительной власти и пр. Единственное ограниченіе ихъ, извѣстное проекту, касается отмѣны или видоизмѣненія конституціи, для чего созывается Народный Державный Соборъ, объ организаціи котораго, однако, въ проектѣ не говорится ни слова.

Другой проектъ декабристовъ, извѣстный намъ, принадлежитъ Пестелю и названъ имъ „Русскою Правдою", но онъ не дошелъ до насъ въ цѣломъ видѣ, и въ немъ отсутствуетъ отдѣлъ объ организаціи верховной власти [1]. Въ противоположность Муравьеву Пестель—горячій сторонникъ единства и недѣлимости Россіи. „Россія есть государство единое и нераздѣльное", гласитъ „Русская Правда", дабы въ полной мѣрѣ удостовѣриться, до какой степени федеративное образованіе государства было бы для нея пагубно, стоитъ

---

[1]) „Русская Правда" издана г. Щеголевымъ въ 1906 г.

только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное государство составлено. Ежели сію разнородность еще болѣе усилить черезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи отложатся, и она потеряетъ тогда не только свое могущество. величіе и силу, но даже можетъ быть и бытіе свое". Выводъ, къ которому приходитъ Пестель, весьма категориченъ, а именно: „постановляется кореннымъ закономъ Россійскаго государства, что всякая мысль о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло". Но этого мало, по мнѣнію знаменитаго декабриста, „избѣгать надлежитъ всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно къ такому устройству государства вести бы могло" [1]). Этою точкою зрѣнія объясняется тотъ фактъ, что такой выдающійся дѣятель декабризма, притомъ не безъ основанія подозрѣваемый въ склонности къ республиканскимъ идеямъ [2]), высказывался весьма рѣзко противъ автономіи Финляндіи и только въ отношеніи Польши дѣлалъ исключеніе, предлагая даровать ей полную независимость, но безъ Западнаго края и съ обязательствомъ вступить въ тѣсный союзъ съ Россіей.

Царствованіе Николая I не было благопріятно для конституціонныхъ стремленій. Убѣжденный сторонникъ самодержавія, императоръ правилъ желѣзною рукою и только катастрофа Крымской кампаніи показала, къ чему привелъ этотъ режимъ. Въ это царствованіе самодержавная власть государя еще разъ получила свою законодательную формулировку, а именно въ Сводѣ Законовъ, первая статья первой части перваго тома котораго гласила: „Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный, повиноваться которому не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ". Напротивъ, со вступленіемъ на престолъ Царя-Освободителя и съ развитіемъ его реформаторской дѣятельности можно было ожидать „увѣнчанія зданія" великихъ реформъ. И дѣйствительно, въ 60-хъ годахъ XIX ст. возникаютъ снова конституціонные проекты.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 23.

[2]) Какъ извѣстно, Пестель сознался на допросѣ, что VI глава „Русской Правды" о верховной власти должна была быть написана вдвойнѣ: „одна въ монархическомъ, а другая въ республиканскомъ смыслѣ" (Тамъ-же, стр. IX).

Одинъ принадлежитъ перу гр. Валуева, другой великому князю Константину Николаевичу [1]. Первый написанъ по порученію самого государя и представленъ ему въ 1863 г. Въ основу его Валуевъ положилъ слѣдующія начала; 1) участіе народныхъ представителей въ государственномъ управленіи „должно быть только совѣщательное“, 2) собраніе ихъ должно быть „пріурочено“ къ Государственному Совѣту, 3) участіе ихъ обнимаетъ вопросы законодательные и распространяется на главные вопросы государственнаго хозяйства и 4) число представителей должно быть по возможности ограничено. На этихъ началахъ и былъ построенъ Валуевскій проектъ. А именно при Государственномъ Совѣтѣ предполагалось учредить съѣздъ государственныхъ гласныхъ. Въ составъ его должны войти гласные, избираемые губернскими земскими собраніями на 3 года (всего 101), гласные, избираемые 14 городами (всего 18), гдѣ введено городское самоуправленіе—городскими думами, гдѣ же его нѣтъ—собраніями городскихъ обществъ, и гласные отъ тѣхъ мѣстностей имперіи, на которыя не распространено дѣйствіе Положенія о земскихъ учрежденіяхъ (всего 32). Кромѣ того, въ составъ съѣзда еще должны войти гласные по назначенію Высочайшей власти, число которыхъ опредѣлено не свыше одной пятой числа выборныхъ гласныхъ (т. е. всего 30, итого—всѣхъ 181). Съѣздъ государственныхъ гласныхъ созывается ежегодно Высочайшимъ указомъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Государственнаго Совѣта по назначенію государя. Компетенція съѣзда распространяется на всѣ законодательныя дѣла, на цѣлый рядъ административныхъ дѣлъ, на финансовыя дѣла (напр., бюджетъ и др.) и пр. Заключенія съѣзда вносятся на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта (сперва въ соотвѣтствующій департаментъ, а затѣмъ въ общее собраніе) и представляются на утвержденіе государя. Однако, не смотря на совѣщательный характеръ съѣзда гласныхъ, проектъ Валуева не былъ утвержденъ.

Другой проектъ, составленный великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, былъ представленъ государю въ 1866 г., а затѣмъ въ переработанномъ видѣ вторично въ 1880 г., но также не получилъ санкціи. Проектъ напо-

[1] Оба они напечатаны г. Берманьскимъ подъ названіемъ „Конституціонные проекты царствованія Александра II“ въ „Вѣстникѣ Права“ 1905 г., кн. 9.

минаетъ записку Валуева. Въ немъ также предполагается учрежденіе „совѣщательнаго собранія гласныхъ“, избранныхъ губернскими земскими собраніями и городскими думами (отъ 11 городовъ). Собраніе состоитъ при Государственномъ Совѣтѣ и созывается Именнымъ Высочайшимъ указомъ. Засѣданія его происходятъ подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта, назначаемаго государемъ. Что же касается до компетенціи собранія, то она гораздо уже, чѣмъ по проекту Валуева. Прежде всего въ собраніе вносятся только законодательныя дѣла, „требующія ближайшаго соображенія съ мѣстными потребностями“. Затѣмъ, для внесенія каждаго такого дѣла, необходимы „соглашеніе“ министровъ и разрѣшеніе государя. Заключенія собранія поступаютъ или въ Государственный Совѣтъ или въ Комитетъ министровъ, смотря по роду дѣлъ.

Въ 1881 г., подъ вліяніемъ событій того времени Александру II былъ представленъ извѣстный докладъ гр. Лорисъ-Меликовымъ, бывшимъ тогда главнымъ начальникомъ верховной распорядительной комиссіи [1]). Въ немъ, авторъ доклада, исходя изъ мысли, что къ Россіи не примѣнима организація народнаго представительства ни въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада, ни въ формѣ земскаго собора, предлагаетъ учредить двѣ комиссіи при Государственномъ Совѣтѣ: административно-хозяйственную и финансовую изъ лицъ по назначенію правительства. Первая могла бы разсматривать законопроекты, касающіеся земскаго и городского самоуправленія, крестьянскаго вопроса, мѣстнаго губернскаго управленія, продольственнаго дѣла и др. Вторая—законопроекты финансоваго характера. Затѣмъ составленныя комиссіями законопроекты должны поступать въ общую комиссію, организованную на представительномъ началѣ, т. е. съ приглашеніемъ въ нее выборныхъ отъ земствъ и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ, по два отъ каждой губерніи и города. Предсѣдателемъ общей комиссіи должно быть лицо по назначенію государя изъ членовъ обѣихъ подготовительныхъ комиссій. Заключенія комиссіи обязательно поступаютъ въ Государственный Совѣтъ, на засѣданія котораго приглашаются съ правомъ голоса отъ 10 до 15 выборныхъ членовъ общей комиссіи. Какъ извѣстно, этотъ проектъ былъ утвержденъ Александромъ II, но наступившая кончина его по-

---

[1]) Докладъ напечатанъ въ указанной статьѣ г. Берманьскимъ.

мѣшала осуществленію проекта. Правда, Александръ III не съ разу отказался отъ осуществленія его и созвалъ для рѣшенія этого вопроса особое совѣщаніе, но на немъ, благодаря главнымъ образомъ стараніямъ К. П. Побѣдоносцева, проектъ провалили, результатомъ чего была отставка гр. Лорисъ-Меликова.

Однако, и при Александрѣ III, годъ спустя послѣ описанныхъ событій, всплылъ новый проектъ о созывѣ народныхъ представителей, авторомъ котораго явился графъ Н. П. Игнатьевъ, занимавшій въ то время постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Проектъ Игнатьева былъ построенъ на значительно болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ всѣ проекты времени царствованія Александра II. Онъ предлагалъ возвратиться „къ исторической формѣ общенія Монарха съ Землею – къ земскимъ соборамъ“ и созвать первый соборъ, пріурочивъ его къ коронаціи Александра III. Въ своей пространной рѣчи, произнесенной на совѣщаніи 27 Мая 1882 г., созванномъ государемъ и въ его присутствіи, графъ Игнатьевъ привелъ много доводовъ въ пользу созыва собора. „Признавая, говорилъ онъ между прочимъ, что самодержавіе— единственная, свойственная Россіи, форма правленія, нельзя, однако, закрывать глазъ на несовершенства того его вида, который довелъ насъ до настоящаго положенія... Прежде всего нельзя знать правды, и въ этомъ отношеніи Самодержецъ такъ же стѣсненъ, какъ и его министры... Мощное самодержавіе найдетъ новый источникъ благоденствія страны только въ извѣстномъ опредѣленіи: власть Царю, совѣтъ Землѣ“. Итакъ, опредѣливъ земскій соборъ, согласно славянофильской формулѣ, впервые высказанной К. С. Аксаковымъ, какъ учрежденіе исключительно совѣщательное, гр. Игнатьевъ переходитъ къ его компетенціи. „Не уступая ничего изъ своей власти, Самодержецъ, созывая соборъ, найдетъ вѣрное средство узнать истинныя нужды страны и дѣйствія своихъ собственныхъ слугъ. Утверждая или издавая законы, онъ съ болѣе спокойною совѣстью рѣшится на всякую мѣру, когда постановитъ рѣшеніе послѣ выслушанія тѣхъ, кому придется жить подъ этими законами“. Значеніе собора главнымъ образомъ законодательное. Онъ, „давъ неоспоримыя указанія на мнѣнія и желанія страны, тѣмъ откроетъ путь къ плодотворной законодательной дѣятельности“.

Въ проектѣ манифеста, прочитанномъ гр. Игнатьевымъ, опредѣленъ составъ земскаго собора. Въ него входятъ Св.

Синодъ и всѣ епископы, Государственный Совѣтъ и Сенатъ, губернскіе предводители дворянства и городскіе головы губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ. Представительная часть собора состоитъ изъ выборныхъ: 1) отъ купцовъ, по одному избранному отъ каждой губерніи особымъ губернскимъ купеческимъ съѣздомъ 2) отъ обѣихъ столицъ, по трое представителей, избранныхъ каждою столичною думою, 3) отъ землевладѣльцевъ, по два отъ каждаго уѣзда, избранныхъ особымъ уѣздно-землевладѣльческимъ съѣздомъ, 4) отъ крестьянъ домохозяевъ отъ двухъ до семи отъ каждаго уѣзда, избранныхъ особыми окружно-крестьянскими съѣздами, 5) отъ земель казачьихъ войскъ, отъ Сибири, Туркестана, Кавказа, Польскихъ и Прибалтійскихъ губерній и Финляндіи, въ количествѣ, которое должно быть своевременно опредѣлено. Цензъ въ манифестѣ не опредѣленъ, но говорится, что, какъ въ старину, такъ и теперь слѣдуетъ избирать „людей добрыхъ, разумныхъ и крѣпкихъ, съ которыми Государю можно говорить и промышлять о всѣхъ людяхъ ко всему добру". Манифестъ заканчивается словами: „да возсозиждется нашъ древне-русскій соборъ въ исконныхъ основахъ своихъ: совѣтъ земскій, рѣшеніе царское, по правдѣ Божеской" [1]). Совѣщаніе съ Побѣдоносцевымъ во главѣ отнеслось крайне враждебно къ проекту, и онъ не былъ утвержденъ Александромъ III. Гр. Игнатьевъ вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ прекратилось составленіе какихъ бы то ни было проектовъ народнаго представительства. Событія печальной памяти японской войны и все, что произошло послѣ, привели, однако, къ необходимость вступить на путь народнаго представительства. Сперва манифестъ 6 Авг. 1905 г. ввелъ законо-совѣщательную Государственную Думу, а затѣмъ манифестъ 17 Октября возвѣстилъ введеніе конституціоннаго строя, что и было осуществлено манифестомъ 20 Февраля, новыми учрежденіями Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и новыми основными законами, провозгласившими основнымъ принципомъ русскаго государственнаго строя „осуществленіе" Государемъ законодательной власти не иначе какъ „въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою".

---

[1]) Манифестъ и рѣчь графа Игнатьева напечатаны въ „Русскомъ Дѣлѣ" 1906 г., №№ 24, 25 и 26, см. ст. „Несостоявшійся земскій соборъ".

Въ *титулѣ* [1]) государя въ изучаемомъ періодѣ произошли измѣненія, а именно съ 20 Октября 1721 года русскій государь принялъ титулъ императора. Произошло это по иниціативѣ Сената и Синода, поднесшихъ Петру I титулъ императора, отца отечества и великаго. Съ теченіемъ времени новый титулъ былъ признанъ за русскими государями и иностранными государствами: раньше всѣхъ Пруссіею и Голландіею, позже всѣхъ Польшею (въ 1762 г.) [2]).

Территоріальная часть титула также подверглась измѣненіямъ, причемъ эти измѣненія происходили постепенно, по мѣрѣ расширенія территоріи государства. Такъ, при Петрѣ I къ титулу были присоединены слѣдующія слова: „Князь Эстляндскій, Лифляндскій и Корельскій"; при Петрѣ III: Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ Гольштинскій, Сторнмарнскій и Дитмарсенскій и Графъ Ольденбургскій", при Екатеронѣ II: „Царица Херсониса Таврическаго и Княгиня Курляндская и Семигальская"; при Павлѣ I: Князь Самогитскій", при Александрѣ I: „Великій Князь Финлядскій, Князь Бѣлостокскій и Царь Польскій", при Николаѣ I: „и области Арменскія" (въ 1828 г.). Съ тѣхъ поръ территоріальная часть титула не измѣнялась, не смотря на обширныя завоеванія на Кавказѣ, въ Малой Азіи, въ центральной Азіи и на Амурѣ, значительно расширившія предѣлы Россіи.

Въ императорскую эпоху произошли также измѣненія и въ *предикатѣ* государя, а именно государь сталъ именоваться „Августѣйшимъ", „Всепресвѣтлѣйшимъ" и „Державнѣйшимъ". Затѣмъ измѣненія коснулись также формы обращенія къ государю со стороны народа. Такъ, указомъ 30 Дек. 1701 г. было предписано писать „цѣлыя", а не уничижительныя имена, какъ то было въ обычаѣ при всѣхъ об-

---

1) Императорскій періодъ унаслѣдовалъ титулъ, сложившійся въ эпоху Московскаго государства. Послѣдній дѣлился на три части. Въ первой указывалось на источникъ власти—„Божьей милостью". Вторая свидѣтельствовала о характерѣ власти государя: великій князь, царь, государь, самодержецъ. Третья часть—территоріальная заключала въ себѣ указаніе на владѣнія, входившія въ составъ государства, по мѣрѣ ихъ присоединенія къ послѣднему. Титулъ былъ двухъ родовъ: полный, когда выписывалась вся территоріальная часть, и краткій, форма котораго была слѣдующая: „Божьею милостью, Великій Государь, Царь и Великій Князь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси Самодержецъ".

2) Швеція признала новый титулъ въ 1723 году, Турція въ 1739 г. (по Бѣлградскому договору), Англія и Германія въ 1742 году, Франція и Испанія въ 1745 году.

ращеніяхъ къ государю въ московское время [1]). Точно также вмѣсто „холопа", тотъ же указъ предписалъ называться „нижайшимъ рабомъ", замѣненнымъ при Екатеринѣ II „подданымъ". Одновременно съ этимъ Петръ запретилъ становиться на колѣни и снимать шляпу передъ дворцомъ. „Какое же различіе", говорилъ онъ, „между Бога и царя, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Менѣе низкости и болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству, сія то почесть свойственна царю". Наконецъ, указъ 1786 г. замѣнилъ слова: „бить челомъ" словами: „приносить жалобу" или „всеподданѣйше просить". Точно также при Петрѣ было запрещено духовенству именовать государя „благороднымъ", „понеже титуловаться благородствомъ по нынѣшнему употребленію низко, ибо благородство и шляхетству дается".

Что касается до *герба*, то въ общемъ онъ остался прежнимъ, съ тою только разницею, что съ изданіемъ указа 10 Іюня 1728 г. „ѣздокъ" московской эпохи сталъ изображать собою св. Георгія [2]).

Точно также прежнею осталась и государственная *печать* съ изображеннымъ на ней государственнымъ гербомъ. Она прилагалась къ государственнымъ актамъ и дѣлилась, какъ и въ московскую эпоху, на большую, среднюю и малую.

Наконецъ, къ прежнимъ государственнымъ регаліямъ [3]) прибавились новыя, а именно: корона, впервые употребленная при коронаціи Екатерины I въ 1724 г., порфира, подбитая горностаемъ, государственный мечъ и государственное

---

[1]) Указъ предписалъ во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ писаться „цѣлыми именами съ прозваніями своими, а полуименами никому не писаться".

[2]) Гербъ Московскаго государства—двухглавый орелъ съ распластанными крыльями, а посрединѣ его всадникъ, поражающій копьемъ змѣя—былъ заимствованъ изъ Византіи послѣ брака Ивана III съ Софьей Палеологъ. Древніе русскіе никогда не признавали всадника за изображеніе Св. Георгія, а просто называли его „ѣздокомъ" или „ѣздецомъ". Въ XVII ст. ѣздокъ объяснялся, какъ изображеніе самого царя. Такъ, по свидѣтельству Котошихина, на „московской печати вырѣзано: царь на конѣ побѣдилъ змѣя". При Петрѣ I была учреждена особая геральдическая комиссія, закончившая свои занятія уже при Петрѣ II и признавшая, что въ „ѣздокѣ" московскаго герба слѣдуетъ видѣть Св. Георгія. На этихъ основаніяхъ и состоялся указъ 10 Іюня 1728 г. (Андреевскій, Русское государственное право, т. I, стр. 157. См. также Воронца, Четырехсотлѣтіе россійскаго государственнаго герба, стр. 28).

[3]) Регаліями въ московскую епоху считались: 1) вѣнецъ или шапка Мономаха, по преданію, присланная византійскимъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ Владиміру Мономаху, 2) скипетръ, вошедшій въ употребленіе съ Өедора Ивановича, 3) держава, введенная Лжедимитріемъ, и 4) царская цѣпь.

знамя или панирь изъ желтаго атласа съ государственнымъ гербомъ по срединѣ и гербами областей по сторонамъ [1]).

Переходимъ къ разсмотрѣнію *правъ и прерогативъ* государя въ области государственнаго управленія. Во-первыхъ, государь пользовался извѣстною *религіозною властью*, которую онъ осуществлялъ чрезъ духовную коллегію, впослѣдствіи названную Св. Синодомъ. Мало того, государь считался верховнымъ покровителемъ и блюстителемъ православія [2]), почему Тестаментомъ Екатерины I 1727 года и было предписано, что „никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который негреческаго закона" (ст. 8). Тоже постановленіе было подтверждено и актомъ о престолонаслѣдіи 1797 г., гдѣ государь даже названъ „главою церкви". Это далеко неудачное выраженіе вошло и въ Сводъ законовъ (прим. къ ст. 42, т. I). Во-вторыхъ, государь являлся субъектомъ *законодательной* власти и, въ качествѣ таковаго, обладалъ правами въ области инициативы и санкціи закона, о чемъ, впрочемъ, было уже сказано выше. Въ-третьихъ, государю принадлежала *судебная* власть, которую онъ отправлялъ лично, на основаніи указовъ 1714 и 1718 г.г., только въ случаѣ отказа Сената въ правосудіи, вслѣдствіе нерѣшенія имъ дѣла въ установленный указомъ 1714 г. шестимѣсячный срокъ. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ указъ 1718 г. предписалъ подавать жалобы и прошенія непосредственно въ суды, „не докучая о своихъ обидахъ государю, понеже онъ одна персона есть, и та толикими воинскими и прочими несносными трудами объята". За неисполненіе же этихъ предписаній указъ грозилъ „знатнымъ людямъ" лишеніемъ чина и конфискаціею имущества, а всѣмъ остальнымъ „жестокимъ наказаніемъ"; подача же жалобы на Сенатъ влекла за собою смертную казнь [3]). Съ учрежденіемъ Верховнаго тайнаго совѣта всѣ болѣе или менѣе важныя судебныя дѣла разрѣшались имъ въ присутствіи императрицы, причемъ, согласно п. 12 Мнѣнія не въ указъ, челобитчики получили право жаловаться на Сенатъ,

---

[1]) Мечъ и знамя впервые были введены при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1742 г. (Бѣлозерская, Царское вѣнчаніе въ Россіи, Русская Мысль 1883 г., кн. 5).

[2]) „Яко христіанскій государь, гласитъ Духовный регламентъ, правовѣрія же и всякаго въ церкви святой благочинія блюститель".

[3]) Вообще при Петрѣ было издано *девять* указовъ, воспрещавшихъ подачу жалобъ непосредствено государю и минуя установленныя судебныя инстанціи (см. Петровскаго назв. соч., стр. 192 и слѣд.).

лишь бы ихъ челобитныя не принадлежали къ категоріи „продерзостныхъ“, т. е. не согласныхъ съ истиною или ни на чемъ не основанныхъ. При Екатеринѣ II указомъ 1763 г. были назначены „три персоны“ для пріема и доклада государынѣ всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ, но уже въ 1765 г. императрица обнародовала указъ о наказаніяхъ за подачу неосновательныхъ и не согласныхъ съ истиною прошеній. На основаніи его подобная подача каралась до четырехъ разъ, причемъ съ каждымъ повтореніемъ преступленія кара значительно увеличивалась. Этотъ указъ былъ подтвержденъ въ 1799 году, когда правительство Павла I снова нашло нужнымъ напомнить о запрещеніи подачи „недѣльныхъ, прихотливыхъ и несовмѣстныхъ съ порядкомъ и законами просьбъ [1]). Наконецъ, всѣ судебные приговоры совершались именемъ государя. Въ-четвертыхъ, въ связи съ судебною властью государя находилось и право *помилованія*, присущее ему. Впервые свою законодательную формулировку это право получило въ инструкціи канцеляріи конфискаціи 7 Марта 1730 года. „Коллегіи и суды“, читаемъ здѣсь, „обыкновенные штрафы хотя налагать и могутъ, однако, облегченіе и отставленіе штрафовъ токмо отъ Ея Импер. Величества Высочайшей власти зависитъ, ибо сіе къ случаямъ милости принадлежитъ и часть права помилованія въ себѣ содержитъ“. Иногда право помилованіи выражалось въ формѣ амнистіи или „милостивыхъ манифестовъ“, которыми по словамъ Петра I, „учинялось генеральное прощеніе и отпущеніе винъ во всемъ государствѣ“. Вопросу о помилованіи удѣлила не мало мѣста Екатерина II въ своемъ Наказѣ. Отвѣчая на ею же поставленный вопросъ: „когда монарху должно наказывать и когда прощать“, она говоритъ, что „сіе есть такая вещь, которую лучше можно чувствовать, нежели предписать“. Во всякомъ случаѣ императрица проводитъ идею о необходимости самоограниченія верховною властью права помилованія въ интересахъ государственныхъ, почему и совѣтуетъ примѣнять его крайне осторожно и далеко не ко всѣмъ преступленіямъ [2]).

---

[1]) См. Хартулари, Право суда и помилованія, какъ прерогативы россійской державности, т. I, стр. 90 и слѣд.

[2]) О примѣненіи этихъ началъ на практикѣ Екатериною II и ея преемниками см. назв. соч. Халтулари, т. I, стр 240 и слѣд., а также Люблинскаго Право амнистіи, стр. 220 и слѣд. Со времени Екатерины II главнѣйшими мотивами изданія „милостивыхъ манифестовъ“ являются соображенія политическаго характера; религіозные же мотивы, игравшіе

Наконецъ, въ-пятыхъ, государю принадлежали права въ области *управленія.* Петръ I принималъ непосредственно и лично участіе въ управленіи, въ силу чего Воинскій уставъ и постановилъ, что присутствіе государя въ извѣстномъ мѣстѣ пресѣкаетъ тамъ дѣйствія всѣхъ начальниковъ, власть которыхъ непосредственно переходитъ къ государю. Съ Екатерины Второй государю принадлежитъ главнымъ образомъ верховный надзоръ за управленіемъ и разрѣшеніе только важнѣйшихъ вопросовъ. Этотъ принципъ и былъ высказанъ въ Наказѣ. „Право же", читаемъ въ немъ, „отъ власти верховныя неотдѣлимое было, есть и будетъ: 1) власть законодательная, 2) власть защитительная и 3) власть совершительная; но, когда по человѣчеству невозможно, чтобы государь вездѣ самъ обращался, ради того учреждаетъ онъ для соблюденія добраго порядка власти среднія подчиненныя, зависящія отъ верховной и составляющія существо правленія. Власти эти—малые протоки, сирѣчь, правительства, черезъ которые изливается власть государева".

Порядокъ преемства престола вплоть до конца XVIII ст. не былъ опредѣленъ, поэтому въ первой половинѣ императорскаго періода мы встрѣчаемъ самые разнообразные способы занятія престола отъ законнаго наслѣдованія дѣтей послѣ родителей и до государственнаго переворота включительно.

Устранивъ своего сына царевича Алексѣя отъ наслѣдованія престола, Петръ I въ уставѣ 1722 г. отвергъ „старый обычай, что большему сыну наслѣдство давали", какъ обычай недобрый и взамѣнъ того, провозгласилъ новый принципъ: „дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ". Въ оправданіе новаго принципа уставъ 1722 года сослался на Св. Писаніе и на Ивана III, который „наслѣдство перво отдалъ внуку мимо сыновей, а потомъ отставилъ внука, уже вѣнчаннаго, и отдалъ сыну". Но, видимо, сознавая недостаточность подобной аргументаціи, Петръ поручилъ Ѳеофану Прокоповичу написать извѣстную „Правду воли монаршей",

---

большую роль до этого времени, или совсѣмъ не встрѣчаются, или отступаютъ на второй планъ. „Милостивые манифесты" издаются по поводу разныхъ событій въ жизни государства (напр., заключеніе мира) или въ жизни императорской фамиліи, причемъ съ Петра II входитъ обычай издавать, такъ называемые, коронаціонные манифесты, т. е. при короновані государей.

гдѣ и обосновать новый принципъ. Сущность теоріи Правды заключается въ слѣдующемъ. Каждый отецъ можетъ устранить своего сына отъ наслѣдства въ случаѣ его непокорности волѣ отца, тѣмъ болѣе имѣетъ право на это государь, заботящійся не о частномъ имуществѣ, а объ интересахъ государства. Въ такомъ случаѣ это становится даже его обязанностію по отношенію къ послѣднему, въ особенности, „если разсудимъ, кое долженство на царяхъ лежитъ, отъ самого Бога возложенное на нихъ, но не токмо отъ того познаемъ, что не грѣхъ имъ по волѣ своей избрать себѣ наслѣдника, но грѣхъ не избрать. Царей должность—содержать своихъ подданныхъ въ безпечаліи и промышлять имъ всякое лучшее наставленіе, какъ къ благочестію, такъ и честному жительству... А если о добрѣ общемъ народа, себѣ подданнаго, только пещись долженъ самодержецъ, то како не долженъ есть прилежно смотрѣть, дабы по немъ наслѣдникъ былъ добрый, бодрый, искусный и таковый, который бы доброе отечества состояніе не токмо сохранилъ въ цѣлости, но и паче бы утвердилъ и укрѣпилъ, и если бы что недовершенное засталъ, тщился бы привести въ совершенство". „Чего для за благо мы разсудили сей уставъ (т. е. 1722 г.) учинить, дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому оный захочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнить, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя узду на себѣ". „Правда" останавливается и на томъ случаѣ, если государь умретъ, не успѣвъ назначить себѣ преемника. Тогда народу необходимо избрать на престолъ того изъ сыновей, который былъ ближе всѣхъ къ государю, и котораго отецъ болѣе всѣхъ любилъ. Если же это неизвѣстно, то выборъ долженъ пасть на старшаго сына. Въ случаѣ, если послѣ смерти государя остался одинъ сынъ, то „долженъ народъ имѣти его за наслѣднаго государя". При отсутствіи сыновей, на основаніи тѣхъ же правилъ, избирается одна изъ дочерей. Наконецъ, въ случаѣ пресѣченія династіи и неназначенія „послѣднимъ государемъ" себѣ преемника, народъ поручаетъ право избирать себѣ новаго государя.

Петръ I умеръ, не оставивъ послѣ себя наслѣдника, и на престолъ вступила, по избранію Сената, Синода и генералитета, его супруга Екатерина I. Сторонники ея мотивировали это избраніе тѣмъ, что императрица была коронована

еще при жизни Петра. и что будто бы этимъ актомъ покойный государь пріобщилъ ее къ власти. Во всякомъ случаѣ избраніе Екатерины I не согласовалось съ мыслями „Правды“, такъ какъ послѣ Петра остались двѣ дочери и внукъ, изъ коихъ и слѣдовало избрать государя. Кромѣ того, выборъ долженъ былъ бы быть произведенъ *народомъ*, а не Сенатомъ, Синодомъ и генералитетомъ [1]). Екатерина I составила извѣстный Тестаментъ, которымъ совершенно отмѣнила Петровскій уставъ 1722 г., такъ какъ установила опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія съ предпочтеніемъ наслѣдниковъ мужескаго пола наслѣдникамъ женскаго. Согласно этому Тестаменту, на престолъ вступилъ Петръ II, причемъ подданные присягали ему „и по немъ Его Величества высокимъ наслѣдникамъ, которые, по соизволенію и самодержавной, ему отъ Бога данной императорской власти, опредѣлены и впредь опредѣляемы и къ воспріятію престола удостоены будутъ“ [2]). Послѣ смерти Петра II Тестаментъ былъ нарушенъ тѣмъ, что на престолъ оказалась избранной герцогиня курляндская Анна Ивановна, не смотря на существованіе прямыхъ наслѣдниковъ, согласно Тестаменту. Анна Ивановна назначила своимъ преемникомъ герцога Брауншвейгскаго Ивана Антоновича, бывшаго малолѣтнимъ ребенкомъ. Но онъ былъ низвергнутъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Елизаветою Петровной, занявшею престолъ съ помощью Преображенскаго полка. Въ своемъ манифестѣ по этому поводу Елизавета Петровна заявила, что она вступила на престолъ по праву законнаго престолонаслѣдія и кровной близости къ покойнымъ государямъ (Петру I и Екатеринѣ I). „Всѣ наши“, гласитъ манифестъ, „какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина вѣрные подданные, а особливо лейбъ-гвардіи наши полки всѣподданнѣйше и единогласно просили насъ, дабы мы, для пресѣченія всѣхъ тѣхъ происшедшихъ и впредь опасаемыхъ безпокойствъ и непорядковъ, яко по крови ближняя, отеческій нашъ престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили, и по тому нашему законному праву, по близости крови къ самодержавнымъ нашимъ всѣдрожайшимъ родителямъ, мы тотъ нашъ отеческій всероссійскій престолъ всемилостивѣйше вос-

---

[1]) См. Дитятина, Верховная власть въ Россіи XVIII ст. („Русск. Мысль“, 1881 г., кн. IV, стр. 20).

[2]) Такимъ образомъ опять былъ провозглашенъ завѣщательный принципъ, чѣмъ постановленія Тестамента оказались нарушенными.

пріять соизволили". Петръ III сталъ государемъ также на основаніи принципа близости крови. „Яко по крови ближайшій" къ покойной императрицѣ, гласилъ манифестъ, въ силу чего Елизавета Петровна оставила „намъ въ самодержавство прародительскій престолъ, яко сущему наслѣднику, по правамъ, преимуществамъ и узаконеніямъ принадлежащій". Однако, въ присягѣ новому государю было провозглашено также и завѣщательное начало (какъ и въ присягѣ Петру II), въ силу чего подданные присягали не только государю, но и „по немъ по самодержавной его Имп. Величества власти и по высочайшей его волѣ избираемымъ и опредѣляемымъ наслѣдникамъ". Новый переворотъ передалъ власть въ руки Екатерины II, причемъ подданные присягали ей и цесаревичу Павлу Петровичу, „законному всероссійскаго престола наслѣднику". Вскорѣ, по восшествіи на престолъ этого послѣдняго, былъ изданъ извѣстный актъ о престолонаслѣдіи 5 Апрѣля 1797 года, вошедшій въ нынѣ дѣйствующій Сводъ Законовъ. Мотивами къ его изданію послужили слѣдующія соображенія: 1) „дабы государство не было безъ наслѣдника", 2) „дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ", 3) „дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать" и 4) „дабы сохранить право родовъ въ наслѣдствѣ, не нарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненій изъ рода въ родъ" [1]).

Вступленіе на престолъ новаго государя всегда сопровождалось изданіемъ манифеста къ народу и присягою послѣдняго. Въ 1741 г. было предписано не приводить къ присягѣ крѣпостныхъ крестьянъ, въ виду принесенія за нихъ присяги со стороны помѣщиковъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ вступленія на престолъ слѣдовало коронованіе, причемъ короновались не только государь, но и государыня. Впервые подобный обычай былъ введенъ Петромъ I въ 1724 году, когда была коронована Екатерина I. Самый обрядъ коронованія происходилъ по западно-европейскому образцу, причемъ съ Анны Ивановны пріобщеніе св. тайнъ

---

[1]) Какъ извѣстно, Екатерина II въ послѣдніе годы своего царствованія имѣла намѣреніе устранить отъ престола своего сына Павла Петровича и сдѣлать своимъ непосредственнымъ преемникомъ внука Александра Павловича. Нужно думать, что наличность этого намѣренія и послужила главнымъ образомъ для Павла I стимуломъ къ изданію закона о престолонаслѣдіи. Не даромъ среди мотивовъ его изданія упоминаются такіе, какъ „дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ" и „дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать".

должно было происходить по священническому чину, т. е. отдѣльно тѣла и крови. Съ Елизаветы Петровны возложеніе на себя короны и порфиры стало производиться не архіепископомъ, какъ прежде, а самимъ государемъ.

ГЛАВА IV.

Управленіе.

§ 1. Административное дѣленіе.

На основаніи указа 18 Дек. 1708 года[1]) вся Россія была раздѣлена на восемь губерній[2]), въ свою очередь дѣлившихся на 319 уѣздовъ. Это новое административное дѣленіе находилось въ тѣсной связи съ военно-финансовыми округами XVII ст.—разрядами, тѣмъ болѣе, что основной мотивъ дѣленія на губерніи былъ военно-податной: вновь созданную армію нужно было размѣстить по разнымъ мѣстностямъ Россіи съ цѣлью содержанія на счетъ населенія, а для этого правительство признало необходимымъ раздѣлить государство на губерніи и въ предѣлахъ послѣднихъ размѣстить полки[3]). Кромѣ этого мотива, были еще и другіе, среди которыхъ немалую роль играла потребность въ сильныхъ отвѣтственныхъ органахъ въ мѣстности, что и достигалось путемъ учрежденія должности губернаторовъ[4]). Модификація разрядовъ въ губерніи происходила постепенно, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, вызванныхъ шведскою войною. Такъ, еще задолго до 1708 года, а тѣмъ болѣе до 1710 года, появляется терминъ „губернаторъ" въ примѣненіи къ архангельскому воеводѣ Апраксину (въ 1694 г.). Второй

---

[1]) Впрочемъ, проф. Коркуновъ доказалъ, что въ сущности первое учрежденіе губерній относится не къ 1708 г., какъ думали до сихъ поръ, основываясь на Полномъ Собраніи Законовъ, но къ 9 Января 1710 года, (см. Журналъ Минист. Народ. Просв. Февраль 1893 г.). Дѣло въ томъ, что указъ 18 Дек. 1708 г. только обнародовалъ списокъ вновь учрежденныхъ губерній и росписалъ по нимъ города, указомъ же 9 Янв. 1710 г. было предписано губернаторамъ вступить въ управленіе ввѣренными имъ губерніями.

[2]) Московская, Ингерманландская, Кіевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская и Сибирская.

[3]) Это положеніе весьма подробно аргументируется г. Милюковымъ (Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго), а также и нѣкоторыми другими учеными, напр., Неволинымъ (Собраніе сочиненій, т. VI), проф. Мрочекъ-Дроздовскимъ (Областное управленіе Россіи XVIII вѣка), отчасти Лохвицкимъ (Губернія) и др.

[4]) Градовскій, Начала русскаго государственнаго права, т. III, стр. 86.

разъ этотъ терминъ встрѣчается въ манифестѣ 16 Апр. 1702 г., гдѣ говорится о „пограничномъ губернаторѣ“ и о „намѣстникахъ, губернаторахъ и командующихъ“. Затѣмъ тотъ же терминъ употребляется въ 1703 г. въ отношеніи Меньшикова, назначеннаго „губернаторомъ“ Нетебурга. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ завоеванія Прибалтійскаго края, Меньшиковъ становится во главѣ Ингерманландской „губерніи“ (1704 и 1705 гг.), переименованной впослѣдствіи въ Петербургскую. Въ 1704 г. кн. Голицынъ получаетъ титулъ кіевскаго „губернатсра“ и т. д. [1]). Указами 1708 и 1710 гг. пришлось такимъ образомъ лишь санкціонировать то, что образовалось постепенно путемъ практики, а не создавать новаго административнаго дѣленія, впервые вводимаго въ Россіи. Указъ 28 Января 1715 г. ввелъ еще новое дѣленіе, а именно доли („5536 дворовъ или по скольку будетъ удобнѣе, по разстоянію мѣста, больше или меньше по разсмотрѣнію губернаторскому“), которыя въ однихъ мѣстахъ были болѣе, а въ другихъ менѣе уѣзда, но чаще всего совпадали съ уѣздомъ [2]). Впрочемъ, доли были вскорѣ упразднены. Съ 1718 г. правительство опять обратило вниманіе на административное дѣленіе государства, причемъ предполагало заимствовать его изъ Швеціи, какъ то видно изъ двухъ резолюцій Петра на предложеніе извѣстнаго Фика, долженствовавшихъ „шведское земское управленіе съ русскимъ сложить и спустить съ русскими обычаями“. Проектъ Фика, по разсмотрѣніи его въ Сенатѣ, получилъ санкцію государя 29 Мая 1719 г. Согласно съ ней было предположено раздѣленіе на губерніи замѣнить раздѣленіемъ на провинціи [3]) и во главѣ послѣднихъ поставить генералъ-губернаторовъ (въ „порубежныхъ знатныхъ“), губернаторовъ или комендантовъ (въ порубежныхъ незнатныхъ“) и воеводъ (во внутреннихъ),

---

[1]) Милюковъ, назв. соч., стр. 342 и слѣд.; Блиновъ, Губернаторы, стр. 42 и Соколовъ, Очеркъ исторіи и современнаго значенія ген.-губернатора. (Вѣстн. Права 1903 г., кн. 7).

[2]) Мрочекъ-Дроздовскій, Областное управленіе Россіи XVIII в. до Учрежденія о губерніяхъ 1775 г., стр. 64. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что доли, какъ спеціальное дѣленіе—для взиманія разныхъ сборовъ, были созданы еще указомъ 14 Окт. 1710 г.

[3]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ провинціи фактически существовали и раньше. Такъ, въ 1711 г. упоминается Ярославская провинція, входившая въ составъ Петербургской губерніи, въ 1712 г.—Серпуховская провинція, входившая въ составъ Московской губерніи, раздѣленной съ теченіемъ времени на 8 провинцій и т. д. (см. Мрочекъ-Дроздовскаго, назв. соч., стр. 24 и Богословскаго, Областная реформа Петра Великаго, стр. 48).

кромѣ Московской [1]). Однако, на практикѣ губернія продолжала сохранять значеніе высшаго областного центра, а провинція сдѣлалась сперва фактически, а потомъ и юридически подраздѣленіемъ губерніи [2]). Это случилось въ томъ же 1719 году, когда Россія была раздѣлена, вмѣсто прежнихъ восьми, на 11 губерній. Названное число затѣмъ постоянно увеличивалось и ко времени губернской реформы Екатерины II достигло цифры 23. Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., упразднивъ провинціи [3]), еще увеличило число губерній, въ составъ которыхъ должны были входить отъ 300 до 400 тысячъ жителей [4]). Совокупность нѣсколькихъ губерній образовывала намѣстничество, т. е. генералъ-губернаторство [5]) (такъ было, по крайней мѣрѣ, на практикѣ), причемъ каждая губернія дѣлилась на уѣзды или округа, въ составъ которыхъ должны были входить отъ 30 до 40 тысячъ жителей, а каждый уѣздъ на волости (опять—таки, на практикѣ). Это дѣленіе въ общихъ чертахъ сохранилось и до нашего времени.

§ 2. Центральное управленіе.

А. Сенатъ.

Въ первое время царствованія Петра во главѣ государства попрежнему находилась боярская дума, но постепенно съ развитіемъ реформаторской дѣятельности государя характеръ ея

---

[1]) Милюковъ, назв. соч., стр. 623 и слѣд. По свидѣтельству г. Богословскаго было образовано 50 (Назв. соч., стр. 50).

[2]) Г. Богословскій дѣлаетъ поправку къ этому мнѣнію, указывая на то, что провинціальные воеводы были подчинены губернаторамъ только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но, съ другой стороны, онъ самъ вынужденъ признать, что сношенія провинціальныхъ властей съ центромъ происходили не иначе, какъ черезъ губернію (Назв. соч., стр. 76—80). Этотъ же фактъ, безспорно, долженъ былъ имѣть въ результатѣ подчиненіе провинціальныхъ властей губернскимъ.

[3]) Впрочемъ, „буде нужда того требуетъ", Учрежденіе о губерніяхъ разрѣшало дѣленіе губерній на области или провинціи. И дѣйствительно, нѣкоторыя губерніи были раздѣлены на области. Въ черновыхъ отрывкахъ и первоначальныхъ рукописяхъ Учрежденія, хранящихся въ Государственномъ архивѣ, провинціальное дѣленіе сохранялось и къ нему были пріурочены особыя учрежденія финансоваго и судебнаго характера. См. интересную статью г. Григорьева „Административное дѣленіе по Учрежденію о губерніяхъ 1775 г." въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1908 г., кн. 11, а также Милюкова Очерки по исторіи русской культуры (Міръ Божій 1902 г., кн. 7).

[4]) Въ 1781 г. число губерній равнялось 40; затѣмъ, если не считать царствованія Павла I, это число постоянно увеличивалось (Лохвицкій, Губернія, стр. 52 и сл.).

[5]) Въ составъ одного намѣстничества приблизительно входило по двѣ губерніи (Лохвицкій, Губернія, стр. 53).

модифицируется, причемъ модификація касается ея названія, состава, предметовъ вѣдомства, дѣятельности и даже дѣлопроизводства.

Дума начинаетъ называться ближней канцеляріей, по мѣсту своихъ засѣданій, или же консиліей министровъ [1]), причемъ число членовъ ея очень ограничивается (такъ, въ 1710 году ихъ было только 8). Мало того, въ составъ думы входятъ уже не только одни думные люди, но и лица изъ другихъ чиновъ, напр., *стольникъ* Ромодановскій, *дьякъ* Курбатовъ и др. Въ одномъ письмѣ Петра къ боярину Голицыну съ товарищами (т. е. думѣ) государь писалъ: „будучи въ Москвѣ, приказалъ я, чтобы за тѣми и прочими дѣлами трудиться вамъ и прочимъ, *кого возьмете къ себѣ*". Наконецъ, изъ одного документа, относящагося къ 1708 г., мы видимъ, что на засѣданіи консиліи, разсматривавшей жалованную грамоту на кіевскую митрополію, данную митрополиту Іосафу Краковскому, принимали участіе 14 лицъ, изъ которыхъ съ думнымъ чиномъ былъ только одинъ князь Черкасскій, остальныя же 13 лицъ, хотя и стояли во главѣ разныхъ приказовъ, но думными чинами не обладали. Такимъ образомъ, дума постепенно лишается своего прежняго аристократическаго характера. Затѣмъ модификація коснулась и самой дѣятельности думы. Теперь государь, будучи отвлеченъ другими дѣлами, рѣдко присутствуетъ на засѣданіи консиліи бояръ, въ силу чего возникаетъ двоякое направленіе въ законодательствѣ, а именно государевы указы и боярскіе приговоры начинаютъ существенно отличаться другъ отъ друга, чего совершенно не было въ московскую эпоху. Другимъ результатомъ отсутствія государя изъ думы является изданіе массы законовъ помимо думы. Наконецъ, третьимъ результатомъ названнаго факта нужно считать появленіе самостоятельныхъ дѣйствій думы въ указанныхъ государемъ предѣлахъ и, въ силу этого, отвѣтственности думы предъ государемъ. Будучи занятъ войною со Швеціей и другими дѣлами, требовавшими частыхъ отлучекъ его изъ

---

[1]) Ближняя канцелярія возникаетъ въ 1701 г. (14 Марта), съѣзды же или „консиліи" министровъ въ ней начинаются въ 1704 г., когда она и становится во главѣ всего управленія (Токаревъ, Ближняя канцелярія при Петрѣ Великомъ въ кн. V „Документовъ и бумагъ моск. архива мин. юстиціи", стр. 44). Г. Милюковъ предполагаетъ, что канцелярія возникла раньше 1701 г. (въ концѣ XVII ст.), а въ 1701 г. (14 Марта) получила только „новое полномочіе"—функціи государственнаго контроля (назв. соч., стр. 114 и слѣд.), но это предположеніе совершенно голословно.

Москвы, Петръ неоднократно самъ *предписывалъ* начальни. камъ приказовъ и другихъ вѣдомствъ обращаться въ думу- „Еще прошу Васъ", писалъ онъ кн. Ромодановскому въ 1707 г., „дабы о такихъ дѣлахъ и подобныхъ имъ изволили тамъ, гдѣ съѣздъ бываетъ въ верхней, т. е. ближней канцеляріи или гдѣ индѣ, посовѣтовавъ съ прочими, рѣшеніе чинить, а здѣсь (т. е. у государя) истинно и безъ того дѣла много". Но предоставивъ думѣ извѣстную самостоятельность, Петръ возложилъ на нее и отвѣтственность за дѣйствія, въ силу чего предписалъ ей завести особую книгу для записи указовъ и приговоровъ, съ цѣлью контроля ея дѣятельности. Наконецъ, въ 1707 году установлены были обязательные протоколы засѣданій думы. Въ письмѣ къ Ромодановскому Петръ предписалъ ему объявить „всѣмъ министрамъ, которые въ консилію съѣзжаются, чтобъ они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали, и каждый бы министръ своею рукою подписывалъ, что зѣло нужно надобно, и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли, ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ". Точно также модификація коснулась и предметовъ вѣдомства думы. Въ отличіе отъ думы XVII ст., среди разнообразныхъ функцій консиліи на первомъ планѣ стояли финансовыя и военныя дѣла, а также контроль надъ дѣятельностью всѣхъ (какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ) учрежденій, почему послѣднія были обязаны, на основаніи указовъ 1701 и 1710 г. г., подавать въ консилію „перечневыя вѣдомости", т. е. отчеты о своей дѣятельности. Стоя во главѣ всего управленія, консилія посылала въ подчиненныя ей мѣста указы, а сама получала отъ нихъ рапорты (доношенія) [1]).

Такимъ образомъ въ царствованіе Петра дума изъ соучастницы верховной власти, изъ учрежденія, составлявшаго неразрывную часть единаго цѣлаго съ государемъ, самыми тѣснѣйшими узами связаннаго съ нимъ, постепенно превратилась хотя и въ высшій, но все же подчиненный государю и отвѣтственный предъ нимъ органъ управленія. Въ этой своей модифицированной формѣ она имѣла много точекъ соприкосновенія съ Сенатомъ, учрежденнымъ въ 1711 г. Первоначальный составъ, компетенція, дѣлопроизводство и отвѣтственность Сената значительно напоминали

---

[1]) См. Ключевскаго, Боярская дума древней Руси, стр. 446 и слѣд. и Токарева, Ближняя канцелярія при Петрѣ Великомъ (Документы и бумаги моск. архива мин. юстиціи, кн. V, стр. 43—75).

собою составъ, компетенцію, дѣлопроизводство и отвѣтственность ближней канцеляріи.

Выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что Сенатъ образовывался постепенно, вырабатываясь изъ старой думы, по мѣрѣ хода и развитія реформаторской дѣятельности Петра. Переходной формой отъ думы къ Сенату, звеномъ въ цѣпи, связующей оба названныя учрежденія, является консилія министровъ въ ближней канцеляріи, составляющая въ полномъ смыслѣ этого слова прообразъ Сената [1].

Такимъ образомъ мнѣніе, будто Сенатъ заимствованъ изъ Швеціи, будучи сколкомъ со шведскаго сената, не можетъ быть принято, тѣмъ болѣе, что между обоими учрежденіями нѣтъ ничего общаго ни въ отношеніи состава, дѣлопроизводства и компетенціи, ни въ отношеніи характера дѣятельности. Шведскій сенатъ былъ органомъ сейма и, въ качествѣ таковаго, до извѣстной степени ограничивалъ власть короля [2]; нашъ Сенатъ, хотя и стоялъ во главѣ государственнаго управленія, но вполнѣ зависѣлъ отъ государя, будучи подчиненъ ему и отвѣтственъ передъ нимъ [3]). Иначе говоря, заимствованіе ограничилось только однимъ названіемъ (хотя и это послѣднее скорѣе могло быть заимствовано изъ Польши, такъ какъ въ Швеціи сенатъ рѣдко назывался этимъ именемъ, нося названіе государственнаго совѣта).

Формально Сенатъ былъ учрежденъ 22 Февраля 1711 г., когда, по случаю войны съ Турціею, Петръ вынужденъ былъ покинуть предѣлы Россіи. Сенатъ учреждался въ качествѣ регентства на время отсутствія государя „вмѣсто его

---

[1]) Любопытно, что самъ Сенатъ смотрѣлъ на консилію министровъ, какъ на свою предшественницу, которая должна была уступить ему принадлежавшія ей права и обязанности (см. у Токарева, наз. статья, стр. 49). Что касается до ближней канцеляріи, то послѣ учрежденія Сената и съ прекращеніемъ въ ней консилій министровъ, она уже съ крайне узкимъ кругомъ предметовъ вѣдомства просуществовала еще до 1717—1718 г. г., когда, по всей вѣроятности, была преобразована въ Ревизіонъ-коллегію (Токаревъ, назв. ст., стр. 74).

[2]) Правда, послѣ переворота, произведеннаго Карломъ XI, шведскій сенатъ утратилъ свое прежнее значеніе, но старыя традиціи продолжали въ немъ жить, и въ теченіе всего царствованія Карла XII онъ находился въ сильной оппозиціи въ отношеніи короля.

[3]) Съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ согласно и свидѣтельство Теплова въ его докладѣ о Сенатѣ, представленномъ имъ имп. Екатеринѣ II въ 1763 г., а именно: „государь Петръ Великій Сенатъ, своей самодержавной власти приличный въ государствѣ своемъ, для подмоги себѣ въ дѣлахъ, не съ польскаго, шведскаго и другого какого либо республиканскаго обыкновенія учредилъ, а оному мѣсту только далъ прерогативу первымъ быть правителсствомъ подъ собою“ (Филипповъ, „Объ экспрессіи „сенаторъ“ и о россійскомъ сенатѣ“, Журн. Юрид. Общ. 1897 г., кн. IV).

царскаго величества собственной персоны", какъ гласилъ манифестъ. „Повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ", читаемъ въ манифестѣ, „какъ духовнымъ такъ и мирскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы, для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучкахъ, опредѣлили управительный (вскорѣ названный „правительствующимъ") Сенатъ, которому всякъ и его указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ *намъ самому*, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертью, по винѣ смотря". Этотъ первоначально временной характеръ новаго учрежденія вскорѣ превратился въ постоянный, причемъ въ присутствіи государя (въ столицѣ или въ предѣлахъ государства) Сенатъ переставалъ фигурировать въ качествѣ регенства, а являлся высшимъ органомъ управленія.

Первоначально въ составъ Сената входило девять сенаторовъ, [1]) назначаемыхъ государемъ, причемъ ихъ происхожденіе, званіе и чинъ не принимались въ расчетъ [2]). Затѣмъ съ учрежденіемъ коллегій составъ сената былъ видоизмѣненъ, а именно всѣ президенты коллегій ex officio должны были быть сенаторами. Впрочемъ, это правило дѣйствовало не долго и уже въ 1722 г. (12 Января) оказалось отмѣненнымъ. Самъ Петръ призналъ, что „сіе сначала не осмотря учинено, что нынѣ исправить надлежитъ". Мотивами къ отмѣнѣ названнаго правила были слѣдующія соображенія: 1) президенты, будучи обременены своими занятіями въ коллегіяхъ, не имѣютъ времени для занятій въ Сенатѣ и 2) „чтобы члены Сената, трудясь о распорядкѣ государства и о правомъ судѣ, смотрѣли бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ; а нынѣ, сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить"? Второй мотивъ и послужилъ главнымъ образомъ основаніемъ для изданія указа 1722 года. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. „Такъ какъ сенаторы — вельможи", читаемъ въ немъ, „то сидящіе съ ними въ коллегіяхъ не осмѣливаются проти-

---

[1]) Сенаторы назывались также и „членами сената". Оба эти наименованія или „экспрессіи" пользовались одинаковымъ правомъ гражданства въ теченіе всего XVIII ст. (Филипповъ, „Объ экспрессіи „сенаторъ" и о россійскомъ сенатѣ", Журн. Юрид. Общ., 1897 г., кн. IV).

[2]) Этимъ и объясняется, почему должность сенатора не попала въ табель о рангахъ и не была пріурочена ни къ какому классу, хотя Сенатъ и ходатайствовалъ объ этомъ (о ходатайствѣ Сената см. у Евреинова, назв. соч., стр. 99).

ворѣчить имъ и пляшутъ по ихъ дудкѣ, а отсюда и рождается множество интригъ и несправедливостей; когда на одного изъ нихъ приносится жалоба, всѣ они соглашаются между собою, и ужъ, конечно, одна ворона не выклюетъ глаза другой, поэтому многіе порядочные люди не мало страдаютъ". Послѣ указа 1722 года въ Сенатѣ остались президенты только трехъ главныхъ коллегій, т. е. иностранныхъ дѣлъ, военной и морской [1]). Остальные сенаторы должны были назначаться государемъ изъ трехъ первыхъ классовъ (по табели о рангахъ), хотя это не всегда соблюдалось. Подобныя назначенія происходили не иначе, какъ по именнымъ указамъ, причемъ каждый вновь назначенный сенаторъ приносилъ присягу, сочиненную самимъ Петромъ. Отставка сенаторовъ также происходила на основаніи именныхъ указовъ.

Сенатъ имѣлъ свою канцелярію, во главѣ которой находился оберъ-секретарь. Онъ былъ ближайшій начальникъ канцеляріи и, въ качествѣ таковаго, непосредственно завѣдывалъ ею, отвѣчалъ за ея дѣятельность, распредѣлялъ дѣла между канцеляристами, наблюдалъ за ними, приготовлялъ дѣла къ докладу и докладывалъ по нимъ. Канцелярія дѣлилась на нѣсколько столовъ (напр., секретный, приказный, губернскій, разрядный и др.) и состояла изъ подъячихъ. Впрочемъ, въ 1718 году они были уничтожены и замѣнены приказными служителями, на манеръ коллежскихъ, а именно: секретарями (въ качествѣ помощниковъ оберъ-секретаря); протоколистами, актуаріусами, регистраторами, канцеляристами, копіистами и т. п.

Кромѣ канцеляріи, Сенатъ имѣлъ еще особую контору (въ Москвѣ) спеціально для разрѣшенія маловажныхъ дѣлъ.

При Сенатѣ существовало нѣсколько особыхъ должностей, имѣвшихъ весьма важное значеніе въ области госу-

[1]) Правда, 16 Мая того же года (1722) былъ изданъ другой указъ, который нѣкоторыми учеными (Андреевскимъ, Неволинымъ и Дмитріевымъ) признается за возстановленіе стараго порядка вещей, когда всѣ президенты коллегій должны были быть сенаторами, но г. Петровскій, имѣвшій подъ руками подлинныя дѣла Сената, хранящіяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, доказалъ, что названный указъ относится только къ президентамъ трехъ главныхъ коллегій, оставленныхъ въ Сенатѣ указомъ 12 Января. Согласно съ первымъ указомъ (16-го Мая) упомянутые президенты, на время освобожденные отъ присутствія въ Сенатѣ для управленія дѣлами своихъ коллегій, снова призываются въ Сенатъ, вслѣдствіе „малолюдства" сенаторовъ, съ правомъ присутствовать въ немъ двумя днями менѣе въ недѣлю сравнительно съ другими сенаторами (Петровскій, О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, стр. 56).

дарственнаго управленія. Къ такимъ относились, во-первыхъ, *фискалы*, институтъ которыхъ могъ быть заимствованъ изъ Швеціи или изъ Пруссіи [1]). Во главѣ фискаловъ находился генералъ-фискалъ со своимъ помощникомъ—оберъ-фискаломъ. Имъ были подчинены фискалы, представлявшіе изъ себя цѣлую іерархію должностей, а именно: фискалы при коллегіяхъ, провинціалъ-фискалы въ губерніяхъ и городовые фискалы въ городахъ. Генералъ-фискалъ назначался государемъ, оберъ-фискалъ—Сенатомъ, равно какъ коллежскіе и провинціальные фискалы [2]). Что же касается городовыхъ фискаловъ, то часть ихъ избиралась шляхетствомъ (изъ лицъ не моложе 40 лѣтъ), часть горожанами [3]). Функціи фискаловъ на основаніи указовъ 5 Марта 1711 года и 17 Марта 1714 г. заключались въ слѣдующемъ: они должны были „тайно провѣдывать, доносить и обличать" всѣ злоупотребленія должностныхъ лицъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Иначе говоря, обязанности ихъ сводились къ слѣдующему: 1) они должны были надзирать за исполненіемъ законовъ, 2) заботиться о ненарушеніи имущественныхъ интересовъ казны и 3) преслѣдовать казнокрадство, взяточничество и хищенія должностныхъ лицъ, а также „безгласныя преступленія явно противогосударственнаго и противообщественнаго характера" [4]). Провѣдываніе о названныхъ преступленіяхъ производилось при помощи слѣдующихъ средствъ: 1) доносовъ частныхъ лицъ, причемъ фискалы обязаны были провѣрять справедливость послѣднихъ, для чего могли вызывать къ себѣ и распрашивать доносчиковъ; 2) разсмотрѣнія въ присутственныхъ мѣстахъ подлинныхъ дѣлъ и документовъ и 3) личнаго присутствія при нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ

[1]) Введеніе этого института въ Пруссіи произошло при Фридрихѣ I, союзникѣ Петра, откуда послѣдній и могъ его заимствовать (см. Берентдса, Опытъ системы административнаго права, т. I, вып. I, стр. 136).

[2]) Должность оберъ-фискала была учреждена раньше должности генералъ-фискала (въ 1723 г.), и тогда на нее назначалъ самъ государь. Съ учрежденіемъ же второй должности оберъ-фискалъ, равно какъ коллежскіе и провинціальные фискалы, стали назначаться Сенатомъ, по представленію генералъ-фискала (Петровскій, назван. соч., стр. 109).

[3]) Собственно „купеческими людьми" и не изъ „первостатейныхъ" и платящихъ „большіе оклады", а изъ „средней статьи", чтобы „не учинить въ платежѣ оклада недобору" (Петровскій, назв. соч., стр. 105).

[4]) Подъ „безгласными дѣлами" понимались такія „иже не имѣютъ челобитчика по себѣ", напр., „ежели какого пріѣзжаго убьютъ, или наслѣдникъ послѣдній въ своей фамиліи во младенчествѣ умретъ, безъ завѣту духовной предковъ его" (указъ 17 Марта 1714 г.). Такимъ образомъ вся сфера гражданскихъ дѣлъ и нѣкоторыя уголовныя дѣла, а именно „гласъ о себѣ имѣющія" (напримѣръ, о личныхъ обидахъ) были изъяты изъ вѣдѣнія фискаловъ.

администраціи, напр., при конфискаціяхъ въ казну. Результаты, добытые провѣдываніемъ, представлялись на усмотрѣніе правительства, причемъ подобныя представленія облекались въ форму письменнаго доноса („доношенія"). Производство въ присутственномъ мѣстѣ по доношенію, хотя и не зависѣло отъ фискала, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., когда оно разсматривалось въ Сенатѣ) происходило въ его присутствіи, и онъ имѣлъ право лично и устно обличать лицо, о которомъ поступило доношеніе[1]. Въ случаѣ правильности доноса, половина штрафа шла въ пользу фискала, въ случаѣ же неправильности, было предписано „въ вину ему того не ставить" (указъ 5 Марта 1711 г.).

Такой порядокъ вещей привелъ къ крайнему произволу и злоупотребленіямъ со стороны фискаловъ, что въ свою очередь вызвало негодованіе общества противъ нихъ[2]. Выразителемъ названнаго общественнаго настроенія явился извѣстный Стефанъ Яворскій, произнесшій въ московскомъ Успенскомъ соборѣ большую рѣчь противъ фискаловъ. „Законъ Господень непороченъ", сказалъ Яворскій, „а законы человѣческіе бываютъ порочны. А какой же то законъ, напр., постановить надзирателемъ надъ судомъ и дать ему волю; кого хочетъ обличить, да обличитъ: поклепъ сложить на ближняго вольно то ему. Не такъ подобаетъ симъ быть: искалъ онъ моей головы, поклепъ на меня сложилъ, а не довелъ, пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ, пусть самъ ввязываетъ въ такую; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ впадетъ въ оный, сынъ погибельный, чужою да мѣрою мѣрити"[3]. Эта рѣчь имѣла въ результатѣ изданіе указа 17-го Марта 1714 г., опредѣлившаго отвѣтственность фискаловъ за ложные доносы. „Буде фискалъ", гласилъ указъ, „ради страсти или злобы затѣетъ, и предъ судомъ отъ того, на кого то возвелъ, обличенъ будетъ, то оному, яко преступнику, то же учинить, что довелось было учинить тому,

---

[1]) Муравьевъ, Прокурорскій надзоръ отъ Петра Великаго до Екатерины II (Юридическій Вѣстникъ 1888 года, № 10).

[2]) Самъ Петръ вынужденъ былъ признать, что „земскаго фискала чинъ тяжелъ и ненавидимъ". Соловьевъ, приводя слова бывшаго оберъ-фискала Нестерова, что „съ нимъ въ десятокъ никто не сообщается", замѣчаетъ: „такъ общество упорно продолжало обнаруживать свое отвращеніе къ фискаламъ" (Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 155).

[3]) За эту рѣчь Яворскій былъ привлеченъ Сенатомъ къ отвѣтственности, но, благодаря вмѣшательству государя, не понесъ никакой кары. Сенатъ воспретилъ ему только произносить публичныя рѣчи. Впрочемъ, это запрещеніе не имѣло никакого практическаго значенія, и Яворскій не разъ впослѣдствіи выступалъ въ роли публичнаго проповѣдника.

еслибъ, по его доносу, подлинно виноватъ былъ". Если же окажется, что неправильность доноса зависѣла отъ ошибки или неудачи въ „добросовѣстномъ увлеченіи", то онъ освобождается отъ наказанія, „ибо невозможно во всемъ фискалу вѣдать аккуратно". При частомъ же повтореніи неправильныхъ доносовъ, однакоже безъ умысла, „ни для какой корысти или злобы", фискалъ подвергается „легкому штрафу", „дабы впредь лучше, осмотрясь доносилъ". Фискалы просуществовали сравнительно недолго, хотя съ учрежденіемъ прокуратуры потеряли всякій дальнѣйшій смыслъ своего сущеcтвованія [1]).

Во-вторыхъ, при Сенатѣ существовалъ *генералъ-прокуроръ*, стоявшій во главѣ прокуроровъ. Неудовлетворительность фискалата, какъ органа надзора за Сенатомъ и за другими учрежденіями, имѣвшаго въ виду главнымъ образомъ обнаруживать уже совершенныя преступленія, а не предупреждать ихъ совершеніе, что происходило вслѣдствіе невозможности со стороны фискаловъ присутствовать въ тѣхъ учрежденіяхъ, при которыхъ они состояли, и такимъ образомъ надзирать за правильностью ихъ дѣйствій, побудила Петра перенести на русскую почву французскій институтъ прокуратуры, наблюдать за дѣятельностью котораго ему пришлось во время своего пребыванія во Франціи [2]). Впрочемъ, Петръ не сразу обратился къ этому институту. Первоначально онъ организовалъ особый надзоръ за Сенатомъ путемъ учрежденія должности генералъ-ревизора (въ 1715 г.). Онъ долженъ былъ имѣть особый столъ въ залѣ сенатскихъ засѣданій и вести протоколы послѣднимъ;

---

[1]) Собственно говоря, юридически институтъ фискалата никогда не былъ отмѣненъ, но фактически прекратилъ свое существованіе при ближайшихъ преемникахъ Петра I вслѣдствіе неназначенія никого на вакантныя должности фискаловъ. Дольше всѣхъ просуществовали городовые фискалы. Послѣднія извѣстія о нихъ относятся къ царствованію Анны Ивановны.

[2]) Анналы парижскаго парламента сохранили подробное описаніе засѣданія общаго собранія послѣдняго, на которомъ присутствовалъ Петръ. По окончаніи очередныхъ дѣлъ, королевскій прокуроръ Ламуаньонъ отъ имени всей французской прокуратуры поздравилъ парламентъ съ высокою честью Царскаго въ немъ присутствія. „И прежде", заключилъ свою рѣчь прокуроръ, „мы видѣли сосѣднихъ государей, являвшихся отдать долгъ уваженія познаніямъ и мудрости нашего судилища, но не было еще примѣра, чтобы государь страны столь отдаленной и столь могущественной въ Европѣ и Азіи пожелалъ присутствовать въ этомъ высокомъ собраніи. И такъ какъ исторіи суждено передать потомству подвиги и доблести этого героя, то храмъ правосудія долженъ включить настоящій день въ число славнѣйшихъ дней своихъ, а лѣтописи парламента всегда сохранятъ о немъ воспоминаніе" (Муравьевъ, Юридическій Вѣстникъ, 1888 г., № 10).

съ этою цѣлью ему сообщались копіи со всѣхъ указовъ. На обязанности генералъ-ревизора лежали: наблюденіе, чтобы во всемъ государствѣ указы исполнялись въ возможно скорое время, а также надзоръ за дѣятельностью Сената [1]). Въ 1718 г. должность генералъ-ревизора была уничтожена, и функціи надзора за Сенатомъ перешли къ его оберъ-секретарю. Послѣдній долженъ былъ наблюдать за порядкомъ сенатскихъ засѣданій, „чтобы не было суетныхъ разговоровъ, крика и прочаго", а также за правильностью обсужденія и рѣшенія дѣлъ и вообще за законностью всѣхъ дѣйствій Сената. Но и оберъ-секретарь какъ органъ надзора за Сенатомъ, просуществовалъ не долго, такъ какъ 28 Янв. 1721 г. функціи его въ этомъ отношеніи перешли къ штабъ-офицерамъ гвардіи, которые должны были присутствовать на сенатскихъ засѣданіяхъ и пользовались правомъ сажать подъ арестъ въ чемъ либо провинившихся сенаторовъ. Но такой порядокъ вещей, нарушающій престижъ Сената, какъ высшаго государственнаго учрежденія, продержался не долго и вскорѣ былъ уничтоженъ.

Прокуроровъ Петръ учредилъ указомъ 12 Января 1722 г. [2]). Во главѣ ихъ былъ поставленъ генералъ-прокуроръ, который вмѣстѣ со своимъ помощникомъ—оберъ-прокуроромъ, назначался государемъ и состоялъ при Сенатѣ. Въ его вѣдѣніи находились прокуроры при коллегіяхъ и надворныхъ судахъ, избиравшіеся генералъ-прокуроромъ и утверждавшіеся Сенатомъ [3]).

Генералъ прокуроръ, выражаясь словами указа 1722 года, являлся „окомъ государевымъ" и „стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ". Въ качествѣ „государева ока", онъ стоялъ во главѣ сенатской канцеляріи, причемъ ему было поручено смотрѣть, „чтобы не на столѣ только дѣла вершились, но

---

[1]) Петровскій, названное сочиненіе, стр. 159.

[2]) Однимъ изъ матеріаловъ при выработки этой реформы было письмо К. Зотова, легшее въ основу его же проекта о генералъ-ревизорѣ. Такъ, изъ этого проекта заимствована Петромъ первая статья инструкціи генералъ-прокурору, изданной 27 Апр. 1722 года, послѣ тщательной переработки послѣдней самимъ государемъ. Затѣмъ изъ проекта заимствовано нѣсколько выраженій и терминовъ въ томъ числѣ „око государево" и „стряпчій о дѣлахъ государственныхъ" (Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, стр. 75 и слѣд.).

[3]) Собственно говоря, по указу 12 Янв. 1722 г., генералъ и оберъ-прокуроры должны были быть избираемы Сенатомъ, однако, на практикѣ Сенатъ никогда не пользовался этимъ правомъ, и оба должностныхъ лица, какъ при Петрѣ, такъ и при его преемникахъ, всегда назначались государями.

амымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись“, т. е., чтобы сенатскіе приговоры и указы были быстро отправляемы въ надлежащія мѣста для исполненія, а не валялись подолгу въ канцеляріи. Кромѣ того, генералъ-прокуроръ заботился о хорошемъ устройствѣ послѣдней и о лучшемъ распредѣленіи ея занятій. Всѣ дѣла, поступавшія въ Сенатъ, обязательно проходили черезъ руки генералъ-прокурора и имъ вносились на разсмотрѣніе Сената. Онъ созывалъ чрезвычайныя и общія сенатскія засѣданія и присутствовалъ на нихъ въ качествѣ предсѣдателя, т. е. руководилъ преніями, ставилъ вопросы на баллотировку, надзиралъ за порядкомъ и за исполненіемъ законовъ и т. п. Наконецъ, онъ пользовался правомъ протеста относительно сенатскихъ рѣшеній и правомъ донесенія государю о неправильныхъ, по его мнѣнію, дѣйствіяхъ Сената. Осуществленію этого права предшествовало „предложеніе“ Сенату, заключавшее въ себѣ напоминаніе и предостереженіе. И только въ случаѣ неисполненія Сенатомъ „предложенія“, наступалъ моментъ протеста и донесенія государю, останавливавшій дальнѣйшее теченіе дѣла до разрѣшенія конфликта государемъ. Подобная должность являлась въ то время крайне необходимой, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе указы, имѣвшіе цѣлью регулировать сенатскія засѣданія. Вотъ что читаемъ, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ: „чтобы въ засѣданіи лишнихъ словъ и болтовни не было, то время ни о чемъ другомъ, только о настоящемъ говорить, рѣчи другому не перебивать, но дать окончить и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ“. Затѣмъ такіе факты, какъ, напримѣръ, столкновеніе Шафирова и Писарева [1]), и другіе, также свидѣтельствовали, что далеко не всѣ засѣданія Сената проходили безупречно, и что чувствовалась необходимость въ извѣстномъ органѣ надзора за Сенатомъ.

Въ качествѣ стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ, генералъ-прокурору принадлежала извѣстная активная роль въ области законодательства. Такъ, онъ могъ возбуждать вопросы объ изданіи новыхъ законовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ указъ 17 Апрѣля 1722 года, предписывая генералъ-прокурору, „о которыхъ дѣлахъ указами ясно не изъяснено“, предлагать Сенату, „чтобы учинили на тѣ дѣла ясные указы,

---

[1]) См. у Соловьева, т. XVIII, стр. 146.

и доносить намъ“ (т. е. государю). Наконецъ, генералъ-прокуроръ объявлялъ Сенату высочайшіе указы и представлялъ на усмотрѣніе государя всѣ исходящіе изъ Сената доклады, рапорты и меморіи. Генералъ-прокуроръ въ отношеніи Сената былъ вполнѣ независимъ, что, конечно, являлось необходимымъ въ виду контролирующей власти, которая была ему присуща. „Генералъ и оберъ-прокуроры“, читаемъ въ указѣ 17 Апрѣля 1722 года, „ничьему суду не подлежать, кромѣ нашего“. Этотъ судъ могъ приговорить ихъ къ слѣдующимъ наказаніямъ. За умышленное преступленіе („ежели въ чемъ поманитъ или инако, какимъ образомъ ни есть, должность свою вѣдѣніемъ и волею преступитъ“) они, „какъ преступники указовъ и явные раззорители отечества“, должны быть приравнены къ измѣнникамъ, и даже „вящше“ измѣнниковъ, и подвергаться смертной казни. Ложный, но неумышленный доносъ, какъ единичный фактъ, не влекъ за собою уголовной кары, такъ какъ „лучше донесеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ“; впрочемъ, при частомъ повтореніи прокуроры „не безъ вины бывали“.

Положеніе прокуроровъ при коллегіяхъ и при надворныхъ судахъ было вполнѣ аналогично съ положеніемъ генералъ-прокурора при Сенатѣ, съ тою разницею, что они пользовались меньшею независимостью, такъ какъ подчинялись генералъ-прокурору [1]), которому и представляли свои протесты для доклада Сенату.

Изъ сказаннаго видно, какою большею властью пользовался представитель „ока государева“. „Будучи всегда почти во мнѣніяхъ подкрѣпляемъ высочайшею властью“, говоритъ о генералъ-прокурорѣ одинъ современникъ Сперанскаго, „и слѣдственно получая вліяніе на сужденіе членовъ Сената, онъ составлялъ кормило государственнаго управленія. Не нося званія перваго министра, онъ былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ. По этой причинѣ названъ онъ окомъ государя“ [2]).

Третьимъ должностнымъ лицомъ, состоявшимъ при Сенатѣ, былъ *рекетмейстеръ*. Наличность его объясняется функціями высшаго апелляціоннаго суда по отношенію къ коллегіямъ и другимъ судебнымъ мѣстамъ, принадлежавшими

---

[1]) Въ адмиралтейскомъ регламентѣ прокуроръ при коллегіи названъ „окомъ генералъ-прокурора“ („единымъ словомъ чинъ сей есть око генералъ-прокурора въ сей коллегіи“).

[2]) Градовскій, Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры, стр. 125.

Сенату. На обязанности рекетмейстера лежали пріемъ жалобъ на коллегіи и докладъ по нимъ Сенату. Впрочемъ, если изъ поданныхъ жалобъ рекетмейстеръ убѣждался въ наличности злоупотребленія со стороны коллегій и другихъ судебныхъ мѣстъ, то онъ былъ обязанъ самъ поднять объ этомъ дѣло и донести о немъ уже не до свѣдѣнія Сената, но самого государя (указъ 1722 года). Вообще жалобы, поступавшія къ рекетмейстеру, могли быть двухъ родовъ: 1) на медленность рѣшенія (волокиту) и 2) на неправильность рѣшенія. Въ первомъ случаѣ рекетмейстеръ долженъ былъ лично справляться въ коллегіи о причинѣ волокиты и понуждать коллежскихъ членовъ скорѣе кончать дѣло. Если же коллегія на его понужденія не обращала вниманія, то онъ докладывалъ объ этомъ Сенату. Во второмъ же случаѣ рекетмейстеръ докладывалъ самому государю, и только въ его отсутствіе Сенату. Будучи органомъ надзора надъ коллегіями, рекетмейстеръ, однако, вполнѣ зависѣлъ отъ Сената, такъ какъ на основаніи указа 6 Апр. 1722 г. было предписано на его дѣйствія, результатомъ которыхъ явятся „волокиты и у[illegible]тки“, жаловаться въ Сенатъ. При немъ состояла особая канцелярія, какъ часть сенатской канцеляріи.

Четвертымъ сенатскимъ должностнымъ лицомъ былъ *герольдмейстеръ*, вѣдавшій шляхетство и также докладывавшій Сенату по предмету своей компетенціи. Герольдмейстеръ, какъ уже было сказано выше, унаслѣдовалъ функціи Разряда.

Наконецъ, послѣдними должностными лицами являлись коммиссары отъ губерній (двое отъ каждой), учрежденные для облегченія сношеній Сената съ губерніями. На обязанности коммиссаровъ было доставлять Сенату всѣ необходимыя ему свѣдѣнія по дѣламъ губерній, принимать отъ него указы, отсылать ихъ къ губернаторамъ и подавать Сенату рапорты и вѣдомости губернаторовъ. Впрочемъ, на практикѣ функціи коммиссаровъ не рѣдко расширялись путемъ порученія имъ исполненія по тѣмъ или инымъ дѣламъ [1]).

Дѣлопроизводство Сената, въ отличіе отъ московской думы характеризовалось двумя признаками: усиленіемъ письменности и увеличеніемъ формальности. Современники даже жаловались на это, говоря, что, благодаря письменному элементу и излишнимъ формальностямъ, страдали какъ инте-

---

[1]) Петровскій, назв. сочин., стр. 82.

ресы государства, такъ и частныхъ лицъ. Въ особенности любопытна въ этомъ отношеніи жалоба извѣстнаго Фика, подробно излагающаго весь процессъ рѣшенія дѣлъ со всѣми его стадіями и свидѣтельствующаго, что „одно дѣло чрезъ шесть и больше недѣль не окончится“ [1]).

Обыкновенно порядокъ рѣшенія всякаго дѣла былъ слѣдующій: вначалѣ дѣло поступало къ оберъ-секретарю, который и подготовлялъ его къ докладу въ канцеляріи Сената; затѣмъ слѣдовалъ самый докладъ, послѣ чего происходили диспуты, т. е. пренія по поводу доклада. Регулировать ихъ было обязанностью генералъ-прокурора, передъ которымъ стояли песочные часы для наблюденія за тѣмъ, чтобы пренія не затягивались. За „диспутами“ слѣдовала баллотировка, причемъ, на основаніи указа 5 Марта 1711 года, дѣла должны были рѣшаться единогласно. Впрочемъ, это продолжалось недолго, и въ 1714 году (4 Апрѣля) былъ изданъ другой указъ, которымъ вводилось рѣшеніе по большинству голосовъ [2]). Все, что происходило на засѣданіи, вносилось въ протоколъ, подписывавшійся всѣми сенаторами, съ цѣлью открытія „дурости“ каждаго изъ нихъ, по выраженію Петра [3]). Однако, на практикѣ послѣднее правило не всегда соблюдалось.

---

[1]) „Здѣсь“, говоритъ Фикъ, „когда какое дѣло вступитъ, то обычайно такая резолюція бываетъ: записать въ протоколъ и выписать и потомъ: 1) оное дѣло и по оному дана резолюція, въ протоколѣ запишется; 2) подъячему въ руки придетъ, который выписку сочинять имѣетъ—у него медлитъ нѣсколько дней, пока начнется; 3) а когда сочинится и на столъ положится, то лежитъ нѣсколько дней, пока прочтена будетъ; 4) когда такъ порядочно сочинена, что нѣтъ нужды нѣсколько разъ чернить и переписывать, то сочиняется по ней приговоръ и лежитъ паки нѣсколько времени, пока подписана будетъ; 5) и когда все то учинено, то проходитъ паки нѣсколько времени, пока указъ написанъ и закрѣпленъ будетъ; 6) а случается, что при закрѣпленіи указа объ одномъ или другомъ дѣлѣ упомянется, для чего все дѣло вновь передѣлать нужда бываетъ; 7) и такъ одно дѣло чрезъ 6 или больше недѣль не окончится“ (Петровскій, назв. соч., стр. 329).

[2]) „А съ той диспуты“, гласитъ указъ, „куда болѣе голосовъ явится, такъ и вершить, и подписывать всѣмъ общую сентенцію, кто и спорить будетъ, понеже болѣе его голосовъ туда стало“. Въ подлинныхъ дѣлахъ Сената, по свидѣтельству г. Петровскаго, единогласное рѣшеніе всегда выражается въ формулѣ: „согласно приговорили“, рѣшеніе же по большинству голосовъ—въ формулѣ: „по диспуту приговорили“. Такимъ образомъ анализъ содержанія архивныхъ данныхъ, касающихся дѣлопроизводства Сената и найденныхъ г. Петровскимъ, вполнѣ опровергаетъ мнѣніе, высказанное нѣкоторыми учеными (напр., Неволинымъ, Дмитріевымъ, Градовскимъ, Андреевскимъ и др.), будто при Петрѣ дѣла въ Сенатѣ всегда рѣшались единогласно (Петровскій, назв. соч., стр. 333).

[3]) Протоколъ обязаны были подписывать и отсутствовавшіе сенаторы, почему онъ посылался имъ на домъ. Вообще, посѣщеніе сенатскихъ засѣданій было обязательно, за исключеніемъ случаевъ „крайней нужды“ и болѣзни; непосѣщеніе-же засѣданій по другимъ причинамъ влекло за собою штрафъ въ 50 руб.

Такъ, до насъ дошла жалоба генералъ-прокурора Писарева на извѣстнаго Щафирова, изъ которой видно, что послѣднiй „никогда голоса своего записывать не велитъ, чтобы неизвѣстны были приговоры его, которые онъ чинитъ по страстямъ и кричитъ на оберъ-секретаря, такъ и на секретарей неучтивостью и бранью". Сенатскiй приговоръ облекался въ канцелярiи въ форму указа и разсылался въ соотвѣтствующiя учрежденiя, обязанныя немедлено исполнить его и рапортовать о томъ Сенату. Вначалѣ послѣднiй засѣдалъ ежедневно, но съ 1714 года засѣданiя происходили въ опредѣленные дни, причемъ зимою съ 6 часовъ утра, а лѣтомъ съ 8-ми. Каждое засѣданiе должно было продолжаться не менѣе 5 часовъ.

Компетенцiя Сената была весьма обширна. Въ виду того, что онъ являлся помощникомъ государя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ сказать, его двойникомъ („вмѣсто его величества персоны"—въ отсутствiе государя), онъ вѣдалъ рѣшительно все и всѣхъ. Не было отрасли управленiя (въ особенности до учрежденiя коллегiй), которая не входила бы въ составъ компетенцiи Сената. „Все на васъ положено", „все у васъ въ рукахъ", неоднократно заявлялъ Петръ въ своихъ указахъ и письмахъ Сенату.

Во-первыхъ, Сенатъ фигурировалъ въ качествѣ высшей *судебной* инстанцiи въ аппеляцiонномъ отношенiи. Только, въ видѣ исключенiя, въ отношенiи нѣкоторыхъ дѣлъ и лицъ, Сенатъ являлся судомъ первой инстанцiи [1]). Обыкновенно-же Сенатъ, въ качествѣ высшаго аппеляцiоннаго суда, разрѣшалъ всѣ жалобы на рѣшенiя коллегiй и другихъ судебныхъ мѣстъ, причемъ рѣшенiя Сената не подлежали обжалованiю, „понеже вышнiй Сенатъ", какъ гласитъ указъ 22 Декабря 1718 года, „отъ его царскаго величества высоковѣреннымъ есть и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ не токмо челобитчиковы дѣла, но и правленiе государства повѣрено есть". Было уже сказано, при обзорѣ судебныхъ правъ государя, въ какомъ случаѣ нарушалось названное правило, и когда, слѣдовательно, можно было жаловаться на Сенатъ.

---

[1]) Такъ, Сенатъ судилъ дѣла по политическимъ преступленiямъ (по двумъ первымъ пунктамъ), конкуррируя въ этомъ отношенiи съ Преображенскимъ приказомъ и Тайной розыскной канцелярiей, а также по преступленiямъ нѣкоторыхъ лицъ, напр., фискаловъ, казначеевъ, членовъ коммиссарiата и др. Наконецъ, иногда самъ государь предписывалъ то или другое дѣло разсмотрѣть прямо въ Сенатѣ.

Въ отличіе отъ московской думы послѣдній, постановляя судебный приговоръ, не законодательствовалъ ad hoc, но примѣнялъ законъ къ конкретному случаю; только, вслѣдствіе отсутствія или неясности закона, онъ, на основаніи указа 25 Августа 1713 г., могъ постановить рѣшеніе по собственному усмотрѣнію, которое съ 1722 года должно было получать санкцію со стороны государя.

Во-вторыхъ, Сенатъ являлся органомъ надзора надъ судомъ, финансовымъ управленіемъ и вообще надъ законностью управленія. Въ виду наличности у него этой контролирующей функціи, Петръ предписалъ „Ревизіонъ-коллегіи быть въ Сенатѣ, понеже дѣло едино есть, что Сенатъ дѣлаетъ", а прочимъ коллегіямъ немедленно рапортовать о полученіи и объ исполненіи сенатскихъ указовъ [1]). Осуществляя свой надзоръ черезъ посредство фискалата, прокуратуры и рекетмейстера, Сенатъ, кромѣ того, на основаніи указа 4 Апр. 1722 г., получилъ право посылать ежегодно въ губерніи и провинціи одного ревизующаго сенатора. Подобнымъ сенаторскимъ ревизіямъ, установленнымъ для того, „чтобы во всякихъ дѣлахъ была правда", придавалось въ то время огромное значеніе. Генералъ-прокуроръ графъ Ягужинскій даже настаивалъ на томъ, чтобы каждому ревизующему сенатору было предоставлено право жизни и смерти, полагая, что „пока сіе въ дѣйствіе не будетъ произведено, то ни страху, ни порядку въ правленіи не будетъ" [2]).

Въ-третьихъ, Сенату принадлежала масса функцій въ области *управленія*, въ виду присущаго ему характера высшаго правительственно-административнаго учрежденія. Не ошибаясь, можно сказать, что не было отрасли управленія, не

---

[1]) При преемникахъ Петра это постановленіе постоянно подтверждалось и за неисполненіе его налагался штрафъ на виновныхъ, однако, по свидѣтельству Екатерины II, въ губерніяхъ „такъ худо исполняли указы Сената, что въ пословицу почти вошло: „ждутъ третьяго указа", понеже по первому и по второму не исполняли".

[2]) Впослѣдствіи, когда сенаторскія ревизіи на практикѣ вышли изъ употребленія, о возстановленіи ихъ мечталъ въ своемъ „генеральномъ проектѣ" извѣстный Арт. П. Волынскій. „Сенаторамъ, писалъ онъ, ежегодно обозрѣвать всѣ губерніи для усмотрѣнія тамошнихъ непорядковъ, и для того число ихъ умножить" (см. Корсакова, А. П. Волынскій въ Древн. и Нов. Россіи, т. II, стр. 291). При Елизаветѣ Петровнѣ сенаторскія ревизіи были возстановлены, однако, какъ въ это царствованіе, такъ и при Екатеринѣ II фактически не примѣнялись, если не считать нѣсколькихъ случаевъ въ концѣ царствованія Екатерины II *послѣ* обнаруженія разныхъ злоупотребленій. Сенаторскія ревизіи были упорядочены только при Павлѣ I (см. ниже).

входившей въ составъ его компетенціи. „Едино сказать", читаемъ въ указѣ 1718 г., перечислявшемъ функціи Сената, „всегда Сенату подобаетъ имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, доброе-бы простирать и все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать". Такимъ образомъ Сенатъ являлся средоточіемъ всего управленія, въ особенности до учрежденія коллегій, когда нѣкоторыя сенатскія функціи перешли къ нимъ. Въ отдѣльности въ области управленія Сенатъ вѣдалъ: 1) военное дѣло, т. е. снабженіе арміи и флота людьми, лошадьми, аммуниціей, боевыми припасами, жалованьемъ, провіантомъ и фуражемъ, сборъ и доставку рекрутъ, а также надзоръ за службою и обученіемъ шляхетства (черезъ герольдмейстера); 2) финансы, торговлю и промышленность, т. е. приходы и расходы государственныхъ суммъ (имѣя въ виду „денегъ, какъ возможно болѣе сбирать"), установленіе новыхъ налоговъ, монетное дѣло и урегулированіе всѣхъ видовъ торговли и промышленности; 3) полицію безопасности и благосостоянія, т. е. постройку городовъ, прорытіе каналовъ, проведеніе дорогъ, организацію почтовой части, принятіе мѣръ противъ пожаровъ, голода, заразительныхъ болѣзней и разбоевъ, заботу о школахъ и духовныя дѣла (до учрежденія Св. Синода, когда неоднократно происходили совмѣстныя засѣданія Сената и освященнаго собора; послѣ учрежденія Синода такія совмѣстныя засѣданія происходили между нимъ и Сенатомъ, но только при разрѣшеніи дѣлъ, затрогивавшихъ интересы какъ церкви, такъ и государства); 4) иностранную политику, т. е. сношенія съ иностранными государствами черезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ и русскихъ посланниковъ непосредственно.

Наконецъ, въ четвертыхъ, Сенату принадлежали нѣкоторыя права въ области *законодательства.* Не будучи участникомъ верховной власти, какъ боярская дума, Сенатъ не имѣлъ того законодательнаго значенія, какое принадлежало послѣдней, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 1722 года законодательныя права его значительно расширялись, напоминая собою права думы [1]). Вообще, при изложеніи значенія

---

[1]) Законодательное значеніе Сената при Петрѣ обстоятельно выяснено г. Петровскимъ въ назв. соч. Однако, противъ мнѣнія, что Сенатъ до 1722 г. имѣлъ права въ области законодательства выступилъ проф. Коркуновъ въ своемъ отзывѣ о книгѣ г. Петровскаго (Журн. гражд. и уголовн. права, 1875 г.). По мнѣнію Коркунова, у Сената была только одна распорядительная, а не законодательная власть. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, въ виду яснаго и категоричнаго заявленія памят-

Сената въ области законодательства, всегда необходимо имѣть въ виду два періода, раздѣленные между собою 1722 годомъ.

Въ первомъ періодѣ, Петръ, занятый шведскою войною и реформаторскою дѣятельностью, неоднократно покидалъ не только столицу, но и предѣлы государства, и тогда права Сената, фигурировавшаго въ качествѣ регентства, облеченнаго всѣми атрибутами верховной власти, крайне расширялись. Въ присутствіи-же государя Сенату не принадлежало *право* законодательства, но только *участіе* въ послѣднемъ въ роли законосовѣщательнаго учрежденія. Въ качествѣ такового, онъ могъ возбуждать законодательные вопросы и участвовать въ составленіи и обсужденіи проектовъ, но санкція послѣднихъ сосредоточивалась исключительно въ рукахъ государя. Иначе обстояло дѣло въ отсутствіи послѣдняго, когда Сенатъ являлся „собраніемъ, установленнымъ вмѣсто его царскаго величества собственной персоны“. Тогда, замѣняя собою государя, онъ пользовался правомъ издавать своею властью законы, вступавшіе въ дѣйствіе безъ санкціи со стороны государя. Это право Сената было выражено въ собственноручной помѣтѣ Петра на докладныхъ пунктахъ Сената, представленныхъ имъ государю въ 1721 г. „Какое дѣло позоветъ“, читаемъ здѣсь, „о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ (т. е. о законѣ), то не должно въ Сенатѣ безъ подписанія нашей руки чинить; а буде въ *отлученіи нашемъ* такое дѣло случится, а обождать до прибытія нашего невозможно, то Сенату подписать и потомъ публиковать“.

Сенатъ широко пользовался названнымъ правомъ, издавая указы, какъ измѣнявшіе составъ и компетенцію государственныхъ учрежденій, такъ и отмѣнявшіе или пріостанавливавшіе на время именные указы, т. е. изданные самимъ государемъ. Такъ, Сенатъ въ отсутствіи Петра взялъ въ свое вѣдѣніе Помѣстный приказъ, подчиненный до тѣхъ поръ московскому губернатору, передалъ розыскныя дѣла въ вѣдѣніе Преображенскаго приказа, уничтожилъ Ямской приказъ, возстановилъ приказъ церковныхъ дѣлъ, учредилъ Купецкую палату и т. п. Что касается до отмѣны именныхъ указовъ, то любопытными примѣрами подобной отмѣны могутъ служить слѣдующіе. Такъ, именной указъ 1719 года

никовъ (см. текстъ). Распорядительную власть Сенатъ дѣйствительно получилъ, но только съ 1722 г. послѣ того, когда у него были ограничены права въ области законодательства.

запретилъ повсюду рубку дуба, но, не смотря на это, Сенатъ, своею властію, издалъ указъ, которымъ разрѣшилъ рубить дубъ въ Сибири, въ Астраханской губерніи и Уфимской провинціи, такъ какъ на матеріальномъ благосостояніи этихъ мѣстностей указъ 1719 года отозвался тяжело. Затѣмъ, именной указъ 1722 года постановилъ, чтобы въ бурмистры и цѣловальники къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ не выбирались купцы, но только дворяне и офицеры. Однако, Сенатъ, по донесенію Камеръ-коллегіи, что такихъ лицъ оказывается немного, возстановилъ своимъ указомъ прежній порядокъ вещей, т. е., отмѣнилъ именной указъ. Наконецъ, Сенатъ своею властію пріостановилъ на время дѣйствіе именного указа 1712 года о запискѣ охотниковъ въ солдаты и т. п.

Второй періодъ въ дѣятельности Сената въ области законодательства начинается съ 1722 года. Къ этому времени прекратились тѣ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, вслѣдствіе шведской войны, почему государь могъ уже чаще находиться въ столицѣ и принимать болѣе дѣятельное участіе въ государственномъ управленіи. Въ этомъ году издается указъ (17 Апрѣля), ограничивающій законодательныя права Сената, въ случаѣ отсутствія государя изъ столицы. „Всѣ, при отправленіи своихъ дѣлъ, читаемъ въ указѣ, „встрѣтя недоразумѣніе, которое регламентами не устраняется, или о чемъ въ регламентахъ сказано темно, не рѣшая, приносили бы выписки въ Сенатъ, который обязанъ объ ономъ мыслить и толковать подъ присягою, однако же не опредѣлять, но, положа на примѣръ свое мнѣніе, объявить намъ, и когда опредѣлимъ и подпишемъ, тогда оное напечатать и приложить къ регламентамъ и потомъ въ дѣйство производить“. Такимъ образомъ, изъ цитированнаго отрывка указа 1722 года видно, что, въ случаѣ присутствія государя въ столицѣ, сохраняется прежнее значеніе Сената, въ качествѣ законосовѣщательнаго учрежденія. Но и въ отсутствіе государя Сенатъ не получаетъ теперь права законодательства, а одну только, такъ называемую, распорядительную власть. Это видно изъ дальнѣйшихъ словъ указа: „Буде же“, гласитъ онъ, „когда отлучимся въ даль, а дѣло нужное, то учиня, какъ выше писано, и подписавъ, *всѣмъ чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ насъ оный апробованъ* (т. е. утвержденъ), *напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ*“. Иначе

говоря, право законодательной санкціи было отнято отъ Сената.

Но лишившись его, Сенатъ попрежнему принималъ участіе въ законодательствѣ, какъ законосовѣщательное учрежденіе. Въ качествѣ таковаго, ему принадлежали слѣдующія права: 1) иниціатива законовъ, которая выражалась въ двухъ формахъ, а именно, во-первыхъ, когда подчиненныя Сенату присутственныя мѣста (коллегіи, канцеляріи, конторы и друг.) обращались къ нему съ ходатайствомъ о разъясненіи темноты и противорѣчія въ законахъ или объ изданіи новыхъ или отмѣнѣ старыхъ законовъ и, во вторыхъ, когда Сенатъ самъ приходилъ къ сознанію необходимости видоизмѣнить дѣйствующее законодательство; 2) составленіе проекта закона и обсужденіе его, благодаря которымъ Сенатъ имѣлъ важное значеніе въ качествѣ законосовѣщательнаго учрежденія. Такъ, желая уничтожить тотъ законодательный хаосъ, который существовалъ въ то время въ Россіи, и, благодаря которому, судьи „играли въ законы, какъ въ карты, подбирая масть къ масти", Петръ въ 1714 году предписалъ Сенату разобрать всѣ указы и изъ многихъ, противорѣчащихъ другъ другу, „выбрать приличные къ инстинѣ и учинить на всякое дѣло одинъ указъ". Затѣмъ, при учрежденіи коллегій, Санатъ также игралъ весьма видную роль, что явствуетъ изъ двухъ указовъ, изданныхъ въ 1718 году. На основаніи перваго изъ нихъ (28 Апрѣля) Сенатъ долженъ былъ, имѣя въ виду шведскіе законы, составить регламенты и инструкціи для коллегій, причемъ обо всемъ, что въ названныхъ законахъ оказалось бы „неудобнымъ или съ ситуаціею сего государства (т. е. Россіи) несходнымъ, о томъ разсуждать, разсмотрѣть и на мѣрѣ поставить". На основаніи второго указа (11 Іюня) было предписано, разсмотрѣвъ предварительно регламенты въ коллегіяхъ, внести ихъ въ Сенатъ, гдѣ рѣшить спорныя дѣла, составить по поводу нихъ мнѣнія и „выписать" въ докладъ государю. Въ этомъ же году (19 Мая) Петръ издалъ третій указъ (касавшійся реформы мѣстнаго управленія), которымъ предписалъ Сенату „выписать изъ шведскихъ законовъ и шведскіе порядки спускать съ русскими обычаями, что можетъ быть по старому и что перемѣнить, то все ставить на мѣрѣ". Въ 1719 году на Сенатъ, какъ уже извѣстно, была возложена обязанность составленія новаго Уложенія. Наконецъ, въ 1722 году онъ долженъ былъ, примѣняясь къ Воинскому и

Морскому уставамъ, составить уставъ о наказаніяхъ за государственныя преступленія и т. п.; 3) публикація законовъ, о чемъ было уже говорено прежде.

Послѣ смерти Петра въ положеніи Сената произошли большія перемѣны, а именно, съ учрежденіемъ въ 1726 году Верховнаго тайнаго совѣта значеніе Сената въ государственномъ управленіи крайне умалилось. Неудивительно поэтому, что онъ отказался принять указъ объ учрежденіи совѣта, „для того, что присланъ къ нимъ (сенаторамъ) указъ и велѣно Сенату быть въ прежнемъ состояніи и достоинствѣ“ [1]). Однако, въ виду вторичнаго предписанія со стороны императрицы, Сенатъ долженъ былъ подчиниться и признать совѣтъ, въ которомъ, какъ уже было сказано, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ—иностранцевъ, сказался „шагъ къ перемѣны формы правленія“.

Съ этого момента начинается періодъ упадка Сената, что отразилось на всемъ характерѣ послѣдняго. Такъ, назначеніе сенаторовъ стало до извѣстной степени функціей совѣта (кандидаты въ сенаторы представлялись совѣту сенатомъ или же самъ совѣтъ предлагалъ императрицѣ лицъ для назначенія въ Сенатъ, причемъ присяга вновь назначеннаго сенатора происходила въ присутствіи одного изъ членовъ совѣта), а должность генералъ-прокурора была фактически упразднена [2]). Функціи его отчасти перешли къ совѣту, ставшему отнынѣ посредникомъ между Сенатомъ и государыней, отчасти (напр., контроль надъ дѣятельностью Сената, предсѣдательствованіе на его засѣданіяхъ, управленіе сенатскою канцеляріею и т. п.) къ оберъ-прокурору. Компетенція Сената была крайне съужена, такъ какъ всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла перешли къ совѣту, а среди неважныхъ, оставленныхъ въ рукахъ Сената, очень многія разрѣшались не иначе, какъ съ вѣдома и согласія совѣта. Вообще въ отправленіи своихъ функцій Сенатъ оказывался далеко не самостоятельнымъ, такъ, денежныя выдачи, на основаніи указа 15 Іюля 1726 г., онъ могъ производить только по указамъ совѣта; затѣмъ, согласно указу

---

[1]) По словамъ проф. Филиппова „ни въ дѣлахъ совѣта, ни въ сенатскомъ архивѣ мин. юстиціи слѣдовъ этого указа не осталось“ (Исторія Сената въ правленіе Верховнаго тайнаго совѣта, стр. 148).

[2]) Генералъ-прокуроръ Ягужинскій получилъ другое назначеніе, причемъ на его мѣсто не только никто не былъ назначенъ, но совѣтъ даже рѣшилъ: „отставить окладъ, который даванъ генералъ-прокурору“, т. е. уничтожилъ генералъ-прокурорскій окладъ въ штатѣ Сената, не уничтожая однако de jure самой должности.

4 Янв. 1727 г., былъ обязанъ подавать въ Совѣтъ еженедѣльныя перечневыя вѣдомости о движеніи государственныхъ доходовъ и расходовъ; мало того, съ изъятіемъ въ томъ же 1727 году Ревизіонъ-коллегіи изъ вѣдѣнія Сената и съ подчиненіемъ ея непосредственно совѣту, Сенатъ наравнѣ со всѣми коллегіями долженъ былъ представлять ей свои счеты и отчеты. Что Сенатъ являлся въ это время учрежденіемъ, далеко не самостоятельнымъ, видно также и изъ того, что онъ получалъ указы изъ совѣта, которые былъ обязанъ исполнять, фигурируя такимъ образомъ въ роли исполнительнаго органа совѣта. По словамъ проф. Филиппова, имѣвшаго въ своихъ рукахъ архивныя данныя этого періода въ исторіи Сената, „въ подлинныхъ протоколахъ и журналахъ Сената всегда на первомъ мѣстѣ стоятъ приказы Сената по исполненіи указовъ совѣта“, которыхъ было такъ много, что Сенатъ большую часть времени отдавалъ имъ [1]). За неисправное исполненіе своихъ обязанностей Сенатъ получаетъ выговоры и замѣчанія отъ Совѣта, а иногда даже и штрафуется послѣднимъ. Съуженіе компетенціи Сената выразилось въ томъ, что вся сфера верховнаго управленія перешла къ совѣту, въ области же законодательства за Сенатомъ были оставлены: иниціатива законовъ, принадлежавшая ему, впрочемъ въ той же мѣрѣ, какъ и коллегіямъ, толкованіе законовъ и ихъ публикація. Что касается до судебныхъ функцій Сената, то и онѣ оказались крайне умаленными, такъ какъ право высшаго апелляціоннаго суда по многимъ дѣламъ перешло къ совѣту, Сенатъ же въ такихъ случаяхъ сдѣлался одною изъ судебныхъ инстанцій, на рѣшенія которой можно было жаловаться въ совѣтъ, въ виду чего должность рекетмейстера оказалась упраздненной и ея функціи были переданы оберъ-прокурору (указъ 7 Марта 1727 г.). Наконецъ, многія дѣла (напр., о важныхъ политическихъ и служебныхъ преступленіяхъ) были совсѣмъ изъяты изъ сферы юрисдикціи Сената, приговоры же его по другимъ дѣламъ, оставшимся въ его вѣдѣніи, нуждались въ утвержденіи со стороны совѣта (напр., по преступленіямъ, влекшимъ за собою смертную казнь или политическую смерть, дѣла о политическихъ преступникахъ „меньшей важности“ и др.). Постепенно Сенатъ приравнивается къ коллегіямъ, тѣмъ болѣе что три главныя изъ нихъ (военная, морская и иностранныхъ дѣлъ) даже формально

---

[1]) Исторія Сената, стр. 317.

эмансипируются изъ подъ его власти [1]), причемъ начинаютъ сноситься съ нимъ промеморіями, а не рапортами, какъ прежде (указъ 8 Февр. 1726 г.) Затѣмъ до насъ дошло много указовъ, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ попыткою приравнять Сенатъ къ коллегіямъ, такъ какъ слова: „Сенатъ и *прочія* коллегіи" являются въ нихъ стереотипными. Наконецъ, обязательная отчетность передъ Ревизіонъ-коллегіею, посылка въ совѣтъ рапортовъ и полученіе отъ него, какъ и коллегіи, указовъ, призывъ сенаторовъ наравнѣ съ членами коллегій для объясненій въ совѣтъ, полученіе Сенатомъ, какъ и коллегіями, выговоровъ отъ совѣта и т. п., все это довершило названное приравненіе. Поэтому неудивительно, что современники, въ особенности иностранцы, считали Сенатъ за особую коллегію (см. у Бюшинга, гдѣ Сенатъ помѣщенъ въ число коллегій и гдѣ ему „принадлежитъ управленіе государственнымъ хозяйствомъ, юстиціею и полиціею") [2]). При такомъ упадкѣ Сената, онъ, конечно, не могъ болѣе титуловаться „правительствующимъ" и сталъ называться „высокимъ" (указъ 14 Марта 1726 г.). Итакъ, вотъ во что превратился Сенатъ, это любимое дѣтище царя-реформатора, учрежденное имъ „вмѣсто собственной его царскаго величества персоны"!

По вступленіи на престолъ Анны Ивановны, когда партія шляхетства, стоявшая за самодержавіе, подала государынѣ свою извѣстную челобитную о воспріятіи послѣдняго, то она просила, между прочимъ, „чтобъ соизволили учинить вмѣсто Верховнаго тайнаго совѣта и высокаго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при его величествѣ Петрѣ I было, и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною". Анна Ивановна исполнила это желаніе. Она уничтожила Верховный тайный совѣтъ, возвратила Сенату титулъ— „правительствующій", значительно расширила его компетенцію, увеличила число сенаторовъ до 21, возстановила должности рекетмейстера и генералъ-прокурора, подчинила Сенату коллегіи и даже раздѣлила его на пять департаментовъ (впрочемъ, на практикѣ это дѣленіе не было осуществ-

---

[1]) Въ п. 11 Мнѣнія не въ указъ читаемъ: „первыя три коллегіи подъ Сенатомъ быть не могутъ" (Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. LV, стр. 95.)

[2]) Градовскій, Высшая администрація въ Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры, стр. 143. Другой иностранецъ, Цедеркрейцъ замѣчаетъ, „что русскій Сенатъ похожъ на особую коллегію, изъ которой исходятъ всѣ ордера и экспедиціи касательно внутреннихъ дѣлъ государства" (Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи. стр. 680).

лено [1]). Однако, съ учрежденіемъ Кабинета, который, по вѣрному выраженію указа, изданнаго впослѣдствіи Елизаветой Петровной (въ 1741 году), „сочиненъ былъ въ равной силѣ, какъ Верховный тайный совѣтъ, и только одно имя перемѣнено“[2]), наступилъ опять періодъ упадка Сената. Во-первыхъ, огромная масса дѣлъ, входившая прежде въ составъ компетенціи Сената, теперь была передана Кабинету, такъ что къ категоріи предметовъ вѣдомства перваго стали относиться только одни маловажныя дѣла, при рѣшеніи которыхъ онъ также далеко не всегда былъ самостоятеленъ; во-вторыхъ, Сенатъ наравнѣ съ коллегіями долженъ былъ, на основаніи двухъ указовъ 1731 г., представлять ежемѣсячно рапорты и реэстры въ кабинетъ „о производящихся въ немъ дѣлахъ для усмотрѣнія, безволокитно ли по онымъ рѣшенія бываютъ“, т. е., иначе говоря, былъ созданъ контроль Кабинета надъ дѣятельностью Сената[3]); въ-третьихъ, Кабинетъ посылалъ въ Сенатъ сообщенія, приказы (даже словесные) и указы, получая отъ него представленія, рапорты (доношенія) и доклады[4]); въ-четвертыхъ, должность генералъ-прокурора опять

---

[1]) Департаменты при Аннѣ Ивановнѣ отличались отъ департаментовъ при Екатеринѣ II тѣмъ, что сами не рѣшали никакихъ дѣлъ, а только подготовляли къ рѣшенію въ общемъ собраніи, причемъ къ этой подготовкѣ были привлечены и сенаторы, а не только одна канцелярія. При Екатеринѣ же II въ департаментахъ сосредоточивалось рѣшеніе массы дѣлъ, и въ общее собраніе поступали только такія дѣла, по которымъ не состоялось единогласнаго рѣшенія въ департаментахъ. Кромѣ того, сенаторы въ подготовкѣ дѣлъ не участвовали.

[2]) Точно также по словамъ доклада, представленнаго Елизаветѣ Петровнѣ собраніемъ министровъ, сенаторовъ и генералитета 3 Декабря 1741 г. у Верховнаго тайнаго совѣта и Кабинета „имена разныя, а дѣйство почти одно въ обѣихъ было“ (Филипповъ. „Докладъ имп. Елизаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти Сената“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1897 г., кн. 2).

[3]) По словамъ проф. Филиппова, изучавшаго исторію Кабинета на основаніи архивныхъ данныхъ, эти рапорты, будучи всеьма обширны, передаютъ точно и обстоятельно обо всемъ томъ, что дѣлалъ Сенатъ въ теченіи мѣсяца (Филипповъ, Кабинетъ министровъ и Прав. Сенатъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ (Сборникъ Правовѣдѣнія, т. VII, стр. 1—61).

[4]) Въ первые годы царствованія Анны Ивановны преобладающей формою сношеній Кабинета съ Сенатомъ были сообщенія и приказы, но съ 1735 г. указы. Въ 1739 г. вопросъ о формѣ сношеній между двумя учрежденіями былъ предметомъ обсужденія въ Кабинетѣ, причемъ послѣдній постановилъ: „за подписаніемъ г.г. каб.—министровъ о всякихъ дѣлахъ *сообщеніями* писать въ Прав. Сенатъ и въ Прав. Св. Синодъ, а въ коллегіи, канцеляріи и конторы писать *указами*“. Такимъ образомъ повидимому Сенатъ и Синодъ были выдѣлены изъ ряда другихъ учрежденій, но, по справедливому замѣчанію проф. Филиппова, какъ съ этого времени, такъ и раньше, „сообщенія“ въ сущности были тѣми же указами, такъ, извѣщая Сенатъ о томъ или другомъ фактѣ или разсужденіи Кабинета по его поводу, Кабинетъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказывалъ или указывалъ Сенату поступить такъ или иначе. Точно также „представленія“ Сената Кабинету по существу ни чѣмъ не отличались отъ его ра-

была фактически отмѣнена, что продолжалось въ теченіе почти десяти лѣтъ, т. е. до 28 Апрѣля 1740 г., когда на нее былъ назначенъ кн. Трубецкой; въ-пятыхъ, три первыя коллегіи были изъяты изъ вѣдѣнія Сената, а военная коллегія даже получила право въ нѣкоторыхъ случаяхъ не исполнять сенатскихъ указовъ [1]. Единственно, что осталось за Сенатомъ, это—его титулъ „правительствующій“, бывшій, однако, теперь совсѣмъ не у мѣста. Такимъ образомъ, Сенатъ, по выраженію фельдмаршала Миниха, обратился въ ничто, вслѣдствіе чего старые сенаторы перестали ѣздить на его засѣданія, отговариваясь болѣзнью [2].

Въ царствованіе Ивана Антоновича, когда правительницей, послѣ низверженія Бирона, была мать малолѣтняго государя, Анна Леопольдовна, упадокъ Сената достигъ апогея своего развитія. Лишенный законодательной функціи, Сенатъ и въ области администраціи и суда вполнѣ зависѣлъ отъ Кабинета. Въ это время была учреждена должность рекетмейстера при высочайшемъ дворѣ, которому можно было подавать жалобы на медленность рѣшенія дѣлъ Сенатомъ, „а тѣ коллегіи, канцеляріи и самый Сенатъ“ читаемъ въ указѣ объ учрежденіи названной должности, (27 Ноября 1740 г.), „которые челобитчиковъ въ указные сроки не удовольствовали, имѣютъ быть за нерадѣніе и во-

---

портовъ или докладовъ (Филипповъ, назв. статья въ Сборн. Правов., т. VII; см. также Сбор. Русск. Истор. Общ., т. CIV, предисловіе, стр. LXV).

[1] А именно, въ томъ случаѣ, когда они противорѣчили именнымъ указамъ, чѣмъ по вѣрному замѣчанію Градовскаго, нарушалось основное положеніе Генеральнаго регламента, по которому коллегія, получивши сенатскій указъ, не сходный, по ея мнѣнію, съ именнымъ, должна была представить объ этомъ Сенату и, въ случаѣ подтвержденія имъ, исполнить его безпрекословно, донеся государю (Градовскій, назв. соч., стр. 153).

[2] Записки Миниха, изд. Семевскаго, стр. 46. Впрочемъ, въ концѣ царствованія Анны Ивановны значеніе Сената нѣсколько увеличилось, что выразилось въ учащеніи такъ называемыхъ „генеральныхъ собраній“, т. е., совмѣстныхъ засѣданій Сената и Кабинета, созывавшихся за все время сущестованія Кабинета, но учащившихся въ періодъ времени отъ 1737 года по 1739 годъ включительно и результатомъ дѣятельности которыхъ было изданіе общихъ указовъ за подписью членовъ кабинета и сенаторовъ, въ возстановленіи, какъ мы видѣли, должности генералъ-прокурора, въ подчиненіи нѣкоторыхъ коллегій и канцелярій Сенату и въ обязанности съ ихъ стороны обращаться къ нему за разрѣшеніемъ дѣлъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ. Мало того, къ этому времени относится проектъ преобразованія Сената, имѣвшій цѣлью, по словамъ маркиза де-Шетарди, доставить ему прежній блескъ, причемъ предполагалось составить его изъ лицъ, принадлежащихъ къ лучшимъ фамиліямъ. Отрывки изъ этого проекта принадлежавшаго перу А. П. Волынскаго до насъ дошли. Изъ нихъ видно, что Волынскій дѣйствительно мечталъ устроить изъ Сената „высшее правительство“, состоящее изъ представителей лучшихъ русскихъ фамилій (Корсаковъ, А. П. Волынскій, Древн. и Нов. Россія, т. II, стр. 222 и 291).

локиту штрафованы". Кромѣ того, въ это время Сенатъ долженъ былъ подавать о своей дѣятельности въ Кабинетъ уже не ежемѣсячные, но еженедѣльные рапорты [1]).

Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны положеніе вещей сразу измѣнилось, и наступилъ золотой вѣкъ въ исторіи Сената. Вѣрная традиціямъ политики своего отца, Елизавета Петровна возстановила Сенатъ въ прежнемъ его значеніи и упразднила Кабинетъ [2]). „Повелѣваемъ къ отвращенію бывшихъ до сего времени непорядковъ, читаемъ въ указѣ, изданномъ по этому поводу, „въ правленіи государства слѣдующее: правительствующій нашъ Сенатъ да будетъ имѣть прежнюю свою силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ". Въ виду этого, Сенатъ снова сталъ во главѣ управленія государствомъ, фактически же, вслѣдствіе индифферентизма Елизаветы Петровны къ государственнымъ дѣламъ, пріобрѣлъ огромную власть. На это впослѣдствіи жаловалась Екатерина II, когда писала князю Вяземскому, что „Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ, почти все и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ". По мнѣнію Екатерины, подобный порядокъ вещей происходилъ вслѣдствіе „неприлежанія къ дѣламъ нѣкоторыхъ моихъ предковъ" [3]). И дѣйствительно, власть Сената въ это время была огромна, онъ фактически являлся распорядителемъ всѣхъ судебъ государства, и никто не имѣлъ возможности ему противостоять [4]).

---

[1]) По исторіи Сената за это время см. статью г. Лазовскаго „Правительствующій Сенатъ съ 17 Октября 1740 по 25 Ноября 1741 г." (Внутренній бытъ русскаго государства, кн. II).

[2]) Мы уже говорили о томъ докладѣ, который былъ представленъ Елизаветѣ Петровнѣ собраніемъ министровъ, сенаторовъ и генералитета 3 Декабря 1741 г. Докладъ явился отвѣтомъ на словесный указъ государыни, въ которомъ она высказала свое „намѣреніе возобновить правительство *на томъ фундаментѣ*, какъ оное было при жизни гусударя—родителя ея величества, Петра Великаго" (Филипповъ, назв. статья въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1897 г., кн. 2).

[3]) Чтенія въ общ. ист. и древн. росс., кн. I, стр. 102. Это мнѣніе Екатерины II подтверждается и иностранцами, бывшими въ то время въ Россіи. Такъ, по словамъ Пецольда, Сенатъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, что, если это продлится нѣсколько времени, то отъ самодержавія останется лишь тѣнь". Сама же императрица „обнаруживаетъ такъ мало желанія знать о дѣлахъ, что нерѣдко проходятъ цѣлыя недѣли, прежде чѣмъ она удостоится выслушать самый короткій докладъ или подписать свое имя" (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. VI; см. также Тимирязева, „Дочь Петра Великаго" въ Истор. Вѣстн. 1900 г., кн. 8).

[4]) Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить слѣдующій под-

До какой степени доходила эта власть, можно видѣть по тѣмъ примѣрамъ, въ полномъ смыслѣ этого слова диктаторскихъ мѣръ, которыя иногда примѣнялись Сенатомъ. Такъ, въ 1750 г., во время голода, онъ велѣлъ описать весь хлѣбъ, имѣвшійся у помѣщиковъ, купцовъ и промышленниковъ, для раздачи бѣднымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запретилъ помѣщикамъ винокуреніе, обязавъ ихъ не только кормить крестьянъ, но и снабжать ихъ сѣменами для посѣвовъ. Затѣмъ въ 1754 году, ради сохраненія лѣсовъ, онъ предписалъ уничтожить всѣ, отстоявшіе отъ Москвы менѣе, чѣмъ на 200 верстъ, хрустальные, стеклянные и желѣзные заводы; та же мѣра, но въ отношеніи Петербурга, была предпринята имъ въ 1759 году. Наконецъ, однажды, вслѣдствіе недостатка мѣди для чеканки монеты, онъ распорядился конфисковать половину наличной мѣди у частныхъ собственниковъ и т. п. Законодательное значеніе Сената въ это время также было громадно; фактически онъ сплошь и рядомъ фигурировалъ въ роли единственнаго субъекта законодательной власти, такъ какъ всѣ моменты составленія закона, съ санкціей послѣдняго включительно, сосредоточивались въ немъ. Такъ, въ 1742 году онъ издалъ указъ, которымъ призналъ малолѣтними всѣхъ лицъ, не достигшихъ 17 лѣтъ, причемъ освободилъ ихъ отъ пытки и смертной казни. Въ 1744 г. онъ предписалъ исполнять смертные приговоры только по утвержденіи ихъ имъ самимъ. Въ 1757 г. онъ собственною властью смягчилъ тѣлесныя наказанія для женщинъ, предписавъ послѣднихъ, по наказаніи кнутомъ, ссылать въ Сибирь, не вырывая имъ ноздрей и не клеймя ихъ. Затѣмъ Сенатъ разрѣшилъ давать деньги въ долгъ на годовой срокъ, хотя банковый уставъ запретилъ занимать болѣе, чѣмъ на полъ-года, причемъ, измѣняя такимъ образомъ дѣйствующій законъ, онъ мотивировалъ подобную мѣру широкими полномочіями, принадлежащими ему въ области законодательства. Наконецъ, Сенатъ широко пользовался правомъ толкованія законовъ, понимая крайне своеобразно это право (такъ, въ одномъ случаѣ онъ примѣнилъ къ

счетъ, сдѣланный проф. Иконниковымъ: изъ актовъ, относящихся къ періоду 1740—1762 гг. и помѣщенныхъ въ Полн. Собр. Зак., лишь 1/5 часть приходится на акты, исходящіе отъ верховной власти, тогда какъ остальныя 4/5 составляютъ въ большинствѣ случаевъ указы Сената (Сенатъ въ царствованіе Екатерины II, Русскій Архивъ 1888 г., кн. I, стр. 22).

Малороссіи Уложеніе, а не Литовскій статутъ, дѣйствовавшій тамъ)[1] и т. п.

Само собою разумѣется, что въ царствованіе Елизаветы Петровны всѣ коллегіи и вообще всѣ учрежденія—центральныя и мѣстныя, были подчинены Сенату и, по свидѣтельству Екатерины II, „черезъ такія великія гоненія нижнихъ мѣстъ, они пришли въ такой упадокъ, что и регламентъ свой позабыли; раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется".

Правда, въ концѣ разсматриваемаго царствованія получила нѣкоторое значеніе Конференція при высочайшемъ дворѣ[2]), но она не имѣла ничего общаго ни съ Кабинетомъ, ни съ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, такъ какъ вѣдала почти исключительно одну иностранную политику. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что она сносилась съ Сенатомъ, какъ равная съ равнымъ, а именно экстрактами изъ протоколовъ засѣданій. Послѣдній же попрежнему завѣдывалъ всею внутреннею политикою государства, о чемъ свидѣтельствуетъ указъ Елизаветы Петровны, изданный за два года до ея смерти, въ которомъ Сенатъ назывался „первымъ государственнымъ мѣстомъ по должности своей и по данной ему власти"[3]).

Начало паденія столь огромнаго значенія Сената относится къ царствованію Петра III, когда, во-первыхъ, изъ его вѣдѣнія были изъяты три первыя коллегіи и непосредственно подчинены особому Совѣту при высочайшемъ дворѣ, и когда, во-вторыхъ, отъ Сената было отнято право законодательной дѣятельности, а именно ему было предписано

---

[1]) Въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны возникъ вопросъ о правѣ наслѣдованія въ Малороссіи семейства Капнистовъ. Малороссійскіе суды рѣшили, конечно, дѣло на основаніи Литовскаго статута, но Сенатъ, куда это дѣло поступило на разсмотрѣніе, перерѣшилъ его на основаніи великороссійскаго права, мотивируя свой поступокъ тѣмъ, что Капнисты были выходцы, а не природные малороссы (Градовскій, Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры, въ Собраніи сочиненій, т. I, стр. 205).

[2]) Конференція существовала съ самаго упраздненія Кабинета, но слѣды ея дѣятельности впервые встрѣчаются въ 1745 г. (Щегловъ, Государственный Совѣтъ въ Россіи, т. I, стр. 642).

[3]) Правда, Конференція имѣла поползновеніе стать выше Сената, но встрѣтила энергичный отпоръ со стороны послѣдняго. Такъ, въ 1759 г., Конференція потребовала отъ Сената донесенія по поводу одного дѣла. Сенатъ отказалъ и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что онъ, „какъ первое государственное мѣсто, кромѣ ея импер. величества, не обязанъ никому свои мнѣнія подавать" (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XXIV., стр. 365).

„отнюдь не издавать въ публику такихъ указовъ, кои въ законъ или въ подтвержденіе прежнихъ служатъ, не представя напередъ намъ (т. е. государю) и не получа на то нашу апробацію" (указъ 1762 г.)[1]).

Екатерина II въ этомъ отношеніи продолжала политику своего супруга. Мы уже видѣли ея точку зрѣнія на значеніе Сената. Къ этому необходимо прибавить, что она опасалась съ его стороны посягательства на свою власть. „Можетъ быть", говорила она, „что и для любочестія инымъ членамъ (Сената) прежніе примѣры прелестны, однако же, покамѣсть я жива, то останется такъ, какъ долгъ велитъ. Россійская Имперія столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государства, всякая другая форма правленія вредна ей" [2]). Понятно, что политика Екатерины II въ отношеніи Сената была иная, чѣмъ у Елизаветы Петровны. Желая ослабить Сенатъ, она въ 1763 году раздѣлила его на шесть департаментовъ, въ которыхъ и сосредоточилось рѣшеніе большинства дѣлъ, такъ, что общее собраніе созывалось весьма рѣдко [3]). Первый департаментъ вѣдалъ важнѣйшія дѣла государственнаго управленія, а именно: „государственныя внутреннія и политическія дѣла", т. е. финансы („приходы и расходы государственныхъ суммъ", монетное и банковое дѣло), торговлю и промышленность, дѣла по секретной и тайной экспедиціямъ, дѣла о дворянствѣ и купечествѣ, а также объ иностранцахъ и др. Второй департаментъ вѣдалъ судебныя и межевыя дѣла, третій—народное просвѣщеніе, пути сообщенія, полицію и дѣла областей, находившихся на особомъ положеніи, четвертый — военное и морское дѣло, пятый и шестой, находившіеся въ Москвѣ,—снова административныя (пятый) и судебныя (шестой) дѣла [4]). Впрочемъ, указанное распредѣленіе дѣлъ между департаментами было только примѣрнымъ и впослѣдствіи неоднократно видоизмѣнялось [5]). Всѣ дѣла, при условіи единогласнаго голосова-

---

[1]) Въ это же время при Сенатѣ учреждается одинъ департаментъ „для скорѣйшаго рѣшенія юстицкихъ, вотчинныхъ и всякихъ аппелляціонныхъ дѣлъ".

[2]) Чтенія въ общ. ист. и древн. росс. 1858 г., кн. 1, стр. 102; см. также Сборн. Русс. Ист. Общ., т. VII, стр. 345 и слѣд.

[3]) Раздѣленіе Сената на 6 департаментовъ рекомендовалъ императрицѣ и Панинъ въ своемъ проектѣ „Устава Верховнаго правительства" (о немъ см. ниже), который и легъ въ основу этой реформы.

[4]) При Александрѣ I съ 1805 г. Сенатъ раздѣлялся уже на 9 департаментовъ, а при Николаѣ I съ 1841 г. на 11, причемъ три были въ Москвѣ, а два въ Варшавѣ.

[5]) См. Грибовскаго, Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія Екатерины II, стр. 174 и слѣд.

нія, окончательно разрѣшались въ департаментахъ и только въ случахъ разногласія вносились въ общее собраніе. Если же и здѣсь не достигалось единогласнаго рѣшенія, то дѣло переносилось на усмотрѣніе императрицы. При каждомъ департаментѣ состоялъ оберъ-прокуроръ, а при первомъ департаментѣ генералъ - прокуроръ. Впрочемъ, указомъ 14 Сент. 1774 г. мѣсто генералъ-прокурора при первомъ департаментѣ занялъ также оберъ-прокуроръ. Раздробивъ Сенатъ, императрица, кромѣ того, увеличила значеніе должности генералъ-прокурора путемъ усиленія его контроля надъ Сенатомъ, въ общемъ собраніи котораго онъ обязательно присутствовалъ, и постепенной передачи въ его непосредственное вѣдѣніе многихъ дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія Сената. Благодаря этой реформѣ, генералъ-прокуроръ сталъ настоящимъ министромъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ [1]). Затѣмъ три первыя и нѣкоторыя другія коллегіи [2]) были освобождены изъ-подъ опеки Сената, а съ изданіемъ Учрежденія о губерніяхъ 1775 года и мѣстное управленіе до извѣстной степени было изъято изъ его вѣдѣнія, главнымъ образомъ вслѣдствіе учрежденія должности генералъ-губернаторовъ, непосредственно подчиненныхъ государынѣ и въ свою бытность въ столицѣ присутствовавшихъ въ Сенатѣ съ правомъ голоса [3]). Благодаря этой реформѣ, устройство Сената оказалось совершенно несогласованнымъ съ устройствомъ мѣстныхъ учрежденій. Екатерина II желала уничтожить эту несогласованность, но всѣ попытки ея въ названномъ отношеніи оказались неудачными и не получили силы закона [4]). Такъ, до насъ дошло три проекта преобразованія Сената съ цѣлью согласовать его дѣятельность съ дѣятельностью губернскихъ

---

[1]) Припомнимъ слова Державина: „злоупотребленіемъ законовъ, генералъ-прокуроръ присвоилъ себѣ всю власть, такъ сказать, самодержавную“.

[2]) А именно: камеръ-коллегія, коллегія экономіи и канцелярія опекунства иностранныхъ. Всѣ эти шесть (считая и три первыхъ) коллегій стали получать именные указы отъ самой императрицы и имѣли право входить съ докладами прямо къ ней, а не черезъ посредство Сената.

[3]) За Сенатомъ остался высшій надзоръ надъ мѣстнымъ управленіемъ и право назначенія на нѣкоторыя должности. Въ качествѣ органа надзора, онъ являлся аппелляціонной и ревизіонной инстанціей по отношенію къ губернскому правленію и гражданской и уголовный палатамъ.

[4]) Не смотря даже на то, что императрица считала всѣ свои реформы „мелочью безъ большой работы о Сенатѣ“ и въ теченіе всего своего царствованія была занята составленіемъ „устава Сената“ (см. Иконникова Сенатъ въ царствованіе Екатерины II, Русскій Архивъ 1888 г., кн. 1, стр. 17 и слѣд.).

учрежденій. Первый, носящій названіе „Плана новаго преобразованія Сената“, относится къ 1775 году и, оставляя шесть департаментовъ Сената, значительно измѣняетъ ихъ компетенцію. По Плану первый департаментъ долженъ былъ соотвѣтствовать губернскому правленію, и поэтому въ составъ его компетенціи входило: публикація и исполненіе законовъ, высшая полиція, надзоръ за чиновниками и опредѣленіе на нѣкоторыя должности. Второй департаментъ соотвѣтствовалъ казеннымъ палатамъ и, въ силу этого, вѣдалъ финансы, контролируя дѣятельность палатъ; во главѣ его стоялъ государственный казначей. Третій департаментъ, ровно какъ и два московскіе, остались въ прежнемъ видѣ, за то четвертый былъ преобразованъ, ставъ аппелляціонной инстанціей для гражданскихъ и уголовныхъ палатъ [1]). Другой проектъ, такъ называемый, „Проектъ учрежденія Сената“, относится къ 1788 году и дѣлитъ Сенатъ на четыре департамента, причемъ компетенція ихъ снова измѣняется. Такъ, первый департаментъ, „простирая прилѣжное бдѣніе, дабы законы были исполняемы“, является аппелляціонной инстанціей для губернскихъ правленій, второй вѣдаетъ уголовныя дѣла въ качествѣ аппелляціоннаго суда въ отношеніи уголовныхъ палатъ, третій—гражданскія дѣла въ отношеніи гражданскихъ палатъ и, наконецъ, четвертый, сосредоточивая въ себѣ „домостроительныя и казенныя дѣла“, является аппелляціонной инстанціей для казенныхъ палатъ. Въ составъ каждаго департамента входитъ не менѣе трехъ засѣдателей причемъ четвертый департаментъ дѣлится еще на семь отдѣленій. Третій проектъ относится къ 1794 г. и имѣетъ много общаго съ предыдущимъ. Особенность его заключается въ томъ, что четыре департамента Сената дѣлятся на присутствія (по три на департаментъ), къ которымъ проектъ приписываетъ дѣла южной, средней и сѣверной полосы Россіи, причемъ присутствіямъ присвоивается высшій контроль надъ дѣятельностью губернскихъ учрежденій—каждому въ своей полосѣ. Въ составъ департамента входитъ 12 засѣдателей, по четыре на присутствіе [2]).

---

[1]) Щегловъ, Государственный Совѣтъ въ Россіи, т. II, стр. 132.

[2]) Коркуновъ, Два проекта преобразованія Сената второй половины царствованія Екатерины II (Журн. Мин. Юст. 1899 г., кн. V). По весьма вѣроятному предположенію проф. Коркунова, проекты 1788 и 1794 г.г., какъ „отражающіе въ себѣ очень ярко вліяніе ученій Беккаріи и Наказа“, а также „наполненные многими собственноручными поправками, дополненіями и поясненіями“ Екатерины II, могутъ разсматриваться, какъ произведенія самой императрицы.

Параллельно съ ограниченіемъ функцій Сената въ области управленія шло и умаленіе его значенія въ области законодательства [1]). Такъ, манифестъ 1763 года отнялъ у Сената право толкованія законовъ, предписавъ ему буквально примѣнять послѣдніе. Указъ 1788 г. вмѣнилъ Сенату въ обязанность обо всѣхъ разъясненіяхъ законовъ и о всякихъ сомнѣніяхъ въ ихъ примѣніи докладывать государынѣ. Затѣмъ, такая важная законодательная работа, какъ составленіе проекта новаго Уложенія, была поручена особой коммиссіи, въ которой Сенатъ, наравнѣ съ другими учрежденіями, представлялся однимъ депутатомъ. Наконецъ, съ учрежденіемъ Императорскаго Совѣта въ 1769 году, всѣ законодательныя функціи Сената перешли къ нему. Такимъ образомъ единственный предметъ сенатскаго вѣдомства, не тронутый Екатериною II, былъ судъ, въ силу чего, къ концу разсматриваемаго царствованія Сенатъ постепенно преобразился въ судебное учрежденіе по преимуществу. Въ качествѣ таковаго онъ фигурировалъ въ роли высшаго аппелляціоннаго и ревизіоннаго суда, а по нѣкоторымъ дѣламъ (напр., важнѣйшимъ государственнымъ и должностнымъ преступленіямъ, о малолѣтнихъ преступникахъ и др.) и въ роли суда первой инстанціи [2]).

Этотъ судебный характеръ еще болѣе усилился при Павлѣ I, когда для скорѣйшаго окончанія массы нерѣшенныхъ дѣлъ, оставшихся отъ прошлаго царствованія (такихъ дѣлъ было: 11476—въ департаментахъ и 360—въ общемъ собраніи), всѣ административные департаменты Сената были преобразованы въ судебные [3]). Павелъ I, усиливая судебный характеръ Сената, въ то же время крайне умалилъ его значеніе

---

[1]) Уже Панинъ въ своемъ проектѣ высказалъ, что Сенатъ подъ государевою державною властью не можетъ имѣть права законодавца, а управляетъ по предписаннымъ законамъ и правиламъ" (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. VII, стр. 202 и слѣд.). Впрочемъ, тотъ же Панинъ предоставлялъ Сенату „имѣть свободность представлять на высочайшія повелѣнія, ежели они въ исполненіи своемъ могутъ утѣснять наши государственные законы или народа нашего благосостояніе".

[2]) О судебныхъ функціяхъ Сената см. Грибовскаго, Высшій судъ и надзоръ въ первую половину царствованія Екатерины II.

[3]) Еще до восшествія своего на престолъ, Павелъ I смотрѣлъ на Сенатъ какъ на судебное учрежденіе. Такъ, въ дошедшей до насъ собственноручной записке государя объ устройствѣ Сената послѣдній называется „единственно судебнымъ мѣстомъ", въ которое поступаютъ „дѣла чрезъ подчиненныя мѣста на конфирмацію во всѣхъ казусахъ, которые не во власти нижнихъ судебныхъ мѣстъ". Съ этою цѣлью Сенатъ раздѣляется на два департамента—уголовный и гражданскій, собирающіеся иногда въ общее собраніе. Рѣшенія Сената утверждаются государемъ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XC, стр. 146).

въ качествѣ высшей судебной инстанціи. Такъ, онъ разрѣшилъ жаловаться на приговоры Сената непосредственно ему, въ силу чего сенатскія рѣшенія потеряли свой окончательный характеръ[1]). Затѣмъ по нѣкоторымъ дѣламъ (напр., между казною и частными лицами) рѣшенія Сената должны были получать санкцію со стороны государя, въ противномъ случаѣ они не имѣли никакого юридическаго значенія. Такимъ образомъ Сенатъ вступилъ снова въ періодъ упадка[2]) столь картинно описанный въ докладѣ Александру I „О правахъ и обязанностяхъ Сената“, составленномъ графомъ Завадовскимъ. „Хотя отъ самой кончины Петра I, гласитъ записка, „властолюбивыя лица, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому, чтобы имъ, а не мѣстамъ, властвовать, но никогда только не успѣли въ уничиженіи Сената, какъ въ послѣдніе годы (при Павлѣ I). Безъ напряженія можемъ уподобить его немощному тѣлу въ такія времена, когда онъ не видѣлъ у себя предсѣдательствующими государей, и отношенія его къ нимъ шли не черезъ самихъ членовъ, а черезъ третьи руки. Сенатъ въ первый разъ подвергнутъ былъ въ своихъ рѣшеніяхъ аппеляціи, подобно судебнымъ мѣстамъ, и даже опубликованъ назначенный къ оной годовой срокъ. Слѣдствіемъ того было, что рекетмейстеръ, учрежденный Петромъ I для принятія въ Сенатъ прошенія на коллегіи, началъ принимать просьбы на Сенатъ и возвышенъ въ судью дѣламъ того правительства, которому былъ подчиненъ. По выбору и произволу прерывалась очередь теченія дѣлъ, и Сенатъ, объятый сильнымъ вліяніемъ на дѣла его, по нѣскольку разъ перевершивалъ свои рѣшенія. Се образъ порабощеннаго Сената, въ которомъ молчать было тяжко, говорить было бѣдственно!...“

Александръ I, вступивъ на престолъ, пожелалъ возстановить Сенатъ въ прежнемъ его значеніи[3]); поэтому онъ

---

[1]) Въ такихъ случаяхъ жалобы докладывались государю, а затѣмъ отсылались къ генералъ-прокурору, который, собравъ необходимыя свѣдѣнія по поданной жалобѣ, снова докладывалъ о ней государю. Резолюція послѣдняго объявлялась Сенату.

[2]) Паденію Сената не помогла даже такая мѣра, какъ упорядоченіе въ 1799 г. сенаторскихъ ревизій по губерніямъ, „препорученное“ ему, „яко первенствующему во всей Имперіи трибуналу“. Ревизіи должны были касаться теченія правосудія въ присутственныхъ мѣстахъ, состоянія полиціи и вопроса о лихоимствѣ и поборахъ. Онѣ происходили каждые три года, причемъ для производства ревизіи сенаторы избирались Сенатомъ и утверждались государемъ. Въ 1805 г. была издана особая инструкція для ревизующихъ сенаторовъ.

[3]) По словамъ графа Строганова, „императору было больно видѣть

издалъ указъ 5 Iюня 1801 года, въ которомъ предписалъ Сенату высказать въ особомъ докладѣ на имя государя желанія сенаторовъ касательно своихъ правъ и обязанностей. Указъ уже самъ намѣтилъ тотъ путь, по которому долженъ былъ идти Сенатъ въ этомъ докладѣ. „Уважая всегда правительствующій Сенатъ“, гласилъ указъ, „яко *верховное мѣсто правосудія и исполненія законовъ*, и, зная, сколь много права и преимущества отъ государей, предковъ моихъ, ему присвоенныя, по времени и различнымъ обстоятельствамъ подверглися перемѣнѣ *къ ослабленію и самой силы закона*, всѣмъ управлять долженствующаго, *я желаю возстановить его на прежнюю степень*, ему приличную, и для управленія мѣстъ, ему подвластныхъ, толико нужную. И на сей конецъ требую отъ Сената, чтобъ онъ, собравъ, представилъ мнѣ докладомъ все то, что составляетъ существенную должность, права и обязанности его, съ отверженіемъ всего того, что въ отмѣну или въ ослабленіе оныхъ доселѣ введено было. Права сіи и преимущества Правительствующаго Сената я намѣренъ поставить на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ, и силою данной мнѣ отъ Бога власти потщусь подкрѣплять, сохранять и содѣлать его на вѣки непоколебимымъ“.

Исполняя указъ государя, Сенатъ приступилъ къ составленію доклада, причемъ мнѣнія сенаторовъ по этому вопросу значительно раздѣлились. Одни желали реставраціи Сената времени Елизаветы Петровны, приданія ему законодательнаго и правительственнаго значенія, даже ограниченія имъ власти государя, снабженія его такими правами, какъ право составленія государственнаго бюджета, право присужденія къ смертной казни безъ конфирмаціи государя и т. п. Другіе настаивали на необходимости подчиненія министровъ Сенату путемъ объявленія имъ указовъ черезъ Сенатъ и путемъ представленія государю со стороны послѣдняго о превышеніи ими власти. Третьи высказывались за измѣненіе состава Сената, требуя избранія сенаторовъ изъ лицъ первыхъ четырехъ классовъ губернскими дворянскими со-

---

Сенатъ въ томъ унизительномъ состояніи, въ какое онъ впалъ въ послѣднее время, и потому его величество, считая это учрежденіе необходимымъ противовѣсомъ произволу, желалъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и утвердить его авторитетъ на такомъ прочномъ основаніи, чтобъ онъ могъ сохранить его“ (Дневникъ графа Строганова, содержащій въ себѣ описаніе засѣданій неоффиціальнаго комитета 1801 года и напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“ 1866 г., т. I).

браніями или, какъ, напр., Державинъ, особымъ собраніемъ высшихъ чиновниковъ присутственныхъ мѣстъ въ обѣихъ столицахъ, и т. п. [1]). Такимъ образомъ, по словамъ одного современника (Шторха), „вмѣсто историческихъ объясненій членовъ Сената о прежде бывшемъ его положеніи сообразно съ существовавшими постановленіями, Сенатъ, напротивъ, собралъ политическія мнѣнія своихъ членовъ о томъ, чѣмъ онъ могъ бы быть въ новомъ порядкѣ вещей". Нужно думать, что въ виду этого, многія изъ приведенныхъ мнѣній не получили одобренія государя. Но, какъ бы то ни было, результатомъ преній явился докладъ Сената объ его правахъ и обязанностяхъ, представленный государю [2]). Докладъ начинался слѣдующими словами: „О достопамятный указъ 5 Іюня, чрезъ столѣтіе Александръ I съ Петромъ I встрѣчаются единомысліемъ о правительствѣ, которое имѣло бы пространную власть и довѣренность своего государя и именемъ его дѣйствовало бы на всѣ дѣла Имперіи". Въ своемъ докладѣ Сенатъ ходатайствовалъ о возвращеніи къ временамъ Петра I и Елизаветы Петровны, прося реставраціи прежняго своего значенія, правъ и преимуществъ. „Сенатъ", читаемъ въ докладѣ, „по основанію своему есть первое государственное правительство, снабженное отъ государя и законодателя силою и всею исполнительною властью, потому управляетъ всѣми гражданскими мѣстами въ Имперіи и высшей надъ собою власти не имѣетъ, кромѣ единой самодержавнаго государя. Должность и обязанность его—предохранять права и преимущества своего самодержавца, соблюдать законы, пещись всемѣрно объ исполненіи воли и повелѣній государя, всякой вообще пользѣ народной и о теченіи законнаго правосудія повсемѣстно; изъ сихъ правъ изливается преимущество, чтобы повелѣнія его исполняемы были, какъ *именные* государя указы. По симъ правиламъ принадлежитъ ему ходатайство у престола по всѣмъ нуждамъ народа, и, въ случаѣ потребъ государственныхъ, докладывая Имп. Величеству, прибавлять по статьямъ доходовъ необходимую прибавку платы или податей. Отъ сихъ правъ слѣдуетъ и то, что судъ и расправа верховнымъ образомъ принадлежитъ Сенату по входящимъ въ оный

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній, напр., Воронцова, Мордвинова, Державина и др., до насъ дошли. О проектѣ Державина см. статью проф. Коркунова „Проектъ устройства Сената Г. Р. Державина" въ „Сборникѣ статей" названнаго ученаго, стр. 123—133.

[2]) Авторомъ доклада былъ графъ Завадовскій.

гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ". Затѣмъ, „должно постановить, чтобы въ единой власти Сената состояло точное и непосредственное управленіе всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ Имперіи, и чтобъ одинъ государь или именной указъ могъ перемѣнить или остановить повелѣнія Сената, который только бы могъ предписывать образъ исполненія законовъ и разрѣшать всѣ представляемые ему недоразумѣнія". Наконецъ, Сенатъ долженъ имѣть право „представлять государю, если бы законъ или указъ, отъ него вышедшій, противенъ прежде изданнымъ, вреденъ или неясенъ былъ".

Докладъ поступилъ на разсмотрѣніе, такъ называемаго, неоффиціальнаго комитета, собиравшагося во дворцѣ у Александра I и состоявшаго изъ нѣсколькихъ близкихъ къ нему людей (Кочубей, Новосильцевъ, Чарторыйскій, Строгановъ и др.). Послѣдніе, разсматривая его, сдѣлали противъ него не мало возраженій, а Новосильцевъ представилъ даже цѣлое „донесеніе", въ которомъ высказался противъ дарованія Сенату законодательной и исполнительной власти. Сенатъ, по мнѣнію Новосильцева, „не могъ быть разсматриваемъ, какъ законодательный корпусъ". Организація его „не позволяетъ и думать о врученіи столь важной власти собранію, которое уже по своему составу не можетъ заслужить себѣ довѣріе націи и которое, будучи наполнено людьми, назначенными властью, не допускаетъ и мысли объ участіи большинства общества въ изданіи тѣхъ законовъ, которые выходятъ изъ рукъ этого собранія". Новосильцевъ стоялъ за ограниченіе дѣятельности Сената одною только судебною сферою, но „такъ, чтобъ онъ пользовался судебною властью самымъ широкимъ образомъ, съ полною независимостью отъ опеки генералъ-прокурора" [1]). Изъ неоффиціальнаго комитета докладъ поступилъ въ Непремѣнный совѣтъ. Однако, изъ 14 членовъ послѣдняго девять высказались противъ него, причемъ нѣкоторыя представили свои проекты преобразованія Сената, напр., графъ Румянцевъ, Беклешовъ и др. Куракинъ находилъ несвоевременнымъ дарованіе Сенату какихъ бы то нибыло правъ, ссылаясь на „сожалѣтельный

[1]) Вѣстникъ Европы 1866 г., т. I. По словамъ Чарторыйскаго, „идея реформы, отстаиваемой членами неоффиціальнаго комитета, заключалась въ томъ, чтобы отнять у Сената его исполнительную функцію, оставивъ ему роль высшаго судебнаго учрежденія и постепенно преобразовать его въ родъ верхней палаты, въ которую современемъ вошли бы депутаты отъ русской знати" (Щегловъ, назв. соч., т. I, стр. 180 и т. II, стр. 756).

покатъ всѣхъ умовъ, ложными правилами себя соблазняющихъ къ вольности необузданной и ко всякому посягательству на уничтоженіе древняго порядка и законной власти", тѣмъ болѣе, что докладъ „клонится къ умноженію и введенію правъ и преимуществъ, существомъ и дѣйствіемъ своими власть самодержавную умаляющихъ". Мордвиновъ указывалъ на то, что „Сенатъ, бывъ мѣстомъ присутственнымъ, а не корпусомъ политическимъ, можетъ имѣть должности, а не права" и т. п.[1]).

Однако, государь не согласился съ этими мнѣніями, въ силу чего 8 Сент. 1802 г. состоялся указъ о возстановленіи правъ Сената. Послѣдній опредѣлялся въ указѣ, какъ „верховное мѣсто въ Имперіи, которому въ порядкѣ суда и управленія подчиняются всѣ другія присутственныя мѣста", причемъ власть его „ограничивается единою властью государя", а указы его исполняются, какъ именные. Сенатъ „какъ хранитель правосудія и законовъ, печется о повсемѣстномъ соблюденіи праваго суда". Онъ „долженъ наблюдать за сборомъ податей и штатными расходами, имѣть попеченіе о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, соблюденія общаго спокойствія и тишины и прекращенія всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ". Затѣмъ Сенатъ получилъ право доклада государю черезъ посылку особой депутаціи къ послѣднему о неудобствахъ въ исполненіи законовъ и о противорѣчіи вновь издаваемыхъ законовъ съ прежними и, наконецъ, въ случаѣ какого либо конфликта съ генералъ-прокуроромъ, онъ пользовался правомъ переносить спорное дѣло на разсмотрѣніе государя, причемъ, при разбирательствѣ его, должна была присутствовать опять-таки особая сенатская депутація.

Съ учрежденіемъ министровъ (8 Сент. 1802 г.) правительственное значеніе Сената не должно было умалиться, такъ какъ онъ получилъ право „разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣреннымъ, и по надлежашемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и донесеніями, прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, дѣлать свои заключенія и представлять государю докладъ". Иначе говоря, Сенатъ получилъ право контроля и надзора за дѣятельностью министровъ, обязанныхъ представлять ему ежегодные отчеты объ этой послѣд-

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. III, стр. 15 и слѣд.

ней, причемъ въ случаѣ наличности злоупотребленій или при производствѣ дѣлъ „безпорядочно и противозаконно", онъ могъ требовать отъ нихъ нужныя объясненія (ст. 13 манифеста 8 Сент. 1802 г.).

Такимъ образомъ, повидимому, Сенатъ былъ возстановленъ во всемъ своемъ прежнемъ значеніи. Однако, на практикѣ, а затѣмъ и de jure Сенатъ вскорѣ лишился этого значенія. Во-первыхъ, отчетность министровъ [1]) и контроль надъ ихъ дѣятельностью со стороны Сената продержались очень не долго, такъ какъ министры, стѣсняемые въ своей дѣятельности Сенатомъ, стали испрашивать на каждый отдѣльный случай высочайшія повелѣнія и дѣйствовать на основаніи ихъ; а такъ какъ высочайшія повелѣнія, само собою разумѣется, не подлежали контролю со стороны Сената, то de facto названный контроль превратился въ одну формальность, отвѣтственность же министровъ сдѣлалась по словамъ Трощинскаго, „мечтательною и идеальною", а, по словамъ Державина, стала не то „проформою", не то „епанчою, подъ которою министры могли крыть свои небреженія и самыя злоупотребленія безнаказанно [2]). Во-вторыхъ, съ учрежденіемъ должности государственнаго контролера, отчетность предъ Сенатомъ въ расходѣ штатныхъ суммъ также вышла изъ употребленія. Въ-третьихъ, административно-правительственная дѣятельность Сената была узурпирована Комитетомъ министровъ, ставшимъ вскорѣ послѣ своего учрежденія во главѣ всего государственнаго управленія. Въ-четвертыхъ,

---

[1]) Вопросъ объ отчетности министровъ подымался только въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ послѣ учрежденія министерствъ, и только два министра (внутр. дѣлъ и финансовъ) изготовили за это время свои отчеты.

[2]) „Министры, говоритъ также и Карамзинъ (см. его извѣстную Записку о древней и новой Россіи), основавъ бытіе свое на развалинахъ коллегій, стали между государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величіе; хотя подвѣдомые ему отчетами, но, сказавъ: „я имѣю счастіе докладывать государю", заграждали уста сенаторамъ, и сія мнимая отвѣтственность была пустымъ обрядомъ". Впрочемъ, по словамъ Чарторыйскаго, нѣкоторые изъ ближайшихъ совѣтниковъ Александра I вполнѣ сознавали, при самомъ появленіи указа о Сенатѣ, неосуществимость многихъ изъ провозглашенныхъ въ указѣ началъ, а между ними, по справедливому замѣчанію проф. Филиппова, важнѣйшимъ было подчиненіе министровъ контролю Сената (Филипповъ, Историческій очеркъ образованія министерствъ въ Россіи, Журн. Мин. Юстиціи 1902 г., кн. 9). Еще Сперанскій совершенно правильно указалъ на то, что Сенатъ не могъ быть учрежденіемъ, привлекающимъ министровъ къ отвѣтственности, такъ какъ „никогда мѣсто по существу своему исполнительное и во всѣхъ отношеніяхъ отъ произволенія власти зависящее, не можетъ замѣнить сословія государственнаго, составленнаго посредствомъ народнаго представленія" (представительства), предъ которымъ „государственная отвѣтственность" только и „должна быть изъявляема".

право представлять государю о неудобствѣ вновь издаваемыхъ законовъ было истолковано (указъ 21 Марта 1803 г.) въ томъ смыслѣ, что Сенатъ можетъ дѣлать такія представленія касательно только *старыхъ* законовъ [1]). Наконецъ, въ-пятыхъ, у Сената было отнято право посылать депутацію къ государю при разбирательствѣ послѣднимъ столкновеній Сената съ генералъ-прокуроромъ [2]). Такимъ образомъ, въ самомъ скоромъ времени послѣ реставраціи Сената, онъ снова обратился въ учрежденіе преимущественно судебнаго характера, причемъ нѣкоторыя рѣшенія его съ 1813 г. должны были вноситься въ Государственный Совѣтъ, ставшій, иначе говоря, высшимъ аппеляціоннымъ судомъ.

Одно время можно было думать, что снова произойдетъ реставрація Сената въ его прежнихъ правахъ. Это случилось тогда, когда Сперанскій сталъ пріобрѣтать извѣстное вліяніе на государственныя дѣла. Еще въ 1803—1804 г.г. онъ составилъ Проектъ учрежденія губернскихъ мѣстъ [3]), въ которомъ, выставивъ положеніе, что „усовершеніе мѣстнаго управленія не можетъ быть сдѣлано безъ усовершенія общаго государственнаго", обратилъ вниманіе и на организацію центральныхъ учрежденій. По проекту во главѣ всѣхъ государственныхъ установленій былъ поставленъ Сенатъ, дѣлившійся на закодательный и исполнительный. Въ составъ компетенціи перваго входило „все то, что принадлежитъ до постановленія, усовершенія и охраненія государственнаго закона и уложенія". Въ составъ компетенціи второго—„все то, что принадлежитъ до постановленія временныхъ учрежденій и исполненія законовъ". Исполни-

---

[1]) Дѣло въ томъ, что 5 Декабря 1802 г. государь утвердилъ докладъ военной коллегіи о правилахъ увольненія отъ службы дворянъ, которыми было предписано отставлять отъ службы не дослужившихся до оберъ-офицерскихъ чиновъ лицъ этого сословія, только при условіи нахожденія ихъ на дѣйствительной службѣ не менѣе 12 лѣтъ. Сенатъ увидѣлъ въ этомъ законѣ нарушеніе постановленія Жалованной грамоты и сдѣлалъ въ такомъ смыслѣ представленіе государю. Въ отвѣтъ на это былъ изданъ указъ 21 Марта 1803 г., въ которомъ разъяснялось, что право Сената дѣлать представленія государю не касается „вновь издаваемыхъ и подтверждаемыхъ" законовъ, относясь единственно къ „существовавшимъ уже законамъ".

[2]) Это право никогда не было отмѣнено закономъ, но, по словамъ Державина, вышло изъ употребленія на практикѣ въ періодъ времени отъ 1803 до 1809 г., когда генералъ-прокуроромъ былъ князь П. В. Лопухинъ (Записки Державина, Сочиненія, т. VI, стр. 757).

[3]) Проектъ былъ составленъ Сперанскимъ по порученію имп. Александра I, переданному не лично ему, но черезъ посредство графа Кочубея (Коркуновъ, Четыре проекта Сперанскаго о преобразованіи Сената, Вѣстн. Всемірн. Исторіи 1900 г., кн. 2, стр. 52).

тельный Сенатъ въ свою очередь подраздѣлялся на судный и управляющій или, выражаясь словами проекта, на два „отдѣленія—суда и управленія“. Для разрѣшенія дѣлъ первостепенной важности, могли происходить совмѣстныя засѣданія законодательнаго Сената съ обоими изъ отдѣленій исполнительнаго. Такъ, при разрѣшеніи дѣлъ „верховной важности, относящихся до суда“, законодательный и судный Сенатъ образовали верховный судъ, „могущій не только рѣшить дѣло по существующимъ законамъ, но въ недостаткѣ оныхъ или очевидномъ несходствѣ постановить законъ новый, не взирая на то, что постановленіе сіе учреждается по частному случаю“. При разрѣшеніи дѣлъ, касающихся до управленія, происходили совмѣстныя засѣданія законодательнаго и управляющаго Сената, образовывавшія верховное правительство, также пользовавшееся законодательной властью.

Сперанскій придавалъ большое значеніе своему проекту. По его мнѣнію, послѣдній „возводилъ народное мнѣніе ближе къ монархическимъ идеямъ и ставилъ Россію на одну чреду европейскихъ государствъ“. Но „главная польза“ проекта, съ точки зрѣнія Сперанскаго, заключалась „въ удобности, какую сей образъ правленія имѣлъ, чтобы современемъ превратиться въ совершенную монархическую систему“, т. е. на представительныхъ началахъ [1]).

Вторично вопросомъ о Сенатѣ занялся Сперанскій въ своемъ извѣстномъ Проектѣ уложенія государственныхъ законовъ. Въ основу его, какъ мы уже говорили, была положена теорія Монтескье о раздѣленіи властей, въ силу чего законодательная власть должна была сосредоточиться въ Государственной Думѣ, исполнительная—въ министерствахъ, подъ контролемъ Государственнаго Совѣта, и судебная—въ Сенатѣ. По проекту послѣдній дѣлился на четыре департамента: два гражданскихъ и два уголовныхъ, причемъ сенаторы избирались губернскими думами, а государь четырехъ изъ нихъ назначалъ на три года президентами департаментовъ. Министръ юстиціи являлся блюстителемъ судебныхъ формъ въ дѣлопроизводствѣ Сената. Засѣданія послѣдняго были публичны.

Послѣ преобразованія министерствъ къ 1811 г., Сперанскій опять обратилъ вниманіе на Сенатъ, желая согласо-

---

[1]) Щегловъ, назв. соч., т. I, стр. 817 и слѣд.; Коркуновъ, назв. ст. (Вѣстн. Всем. Ист. 1900 г., кн. 2).

вать его устройство съ устройствомъ министерствъ. „Образованіе Сената“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ „должно быть въ необходимой связи съ учрежденіемъ министерствъ. Не могутъ два сіи установленія идти на двухъ началахъ, совершенно противоположныхъ“. Для достиженія этой цѣли Сперанскій составилъ проектъ преобразованія Сената (счетомъ третій), по которому послѣдній дѣлился на правительствующій и судный [1]. Первый (одинъ на всю Россію) состоялъ изъ министровъ, ихъ товарищей и главноуправляющихъ, подъ предсѣдательствомъ государя, а въ его отсутствіе государственнаго канцлера. Второй—изъ лицъ, отчасти назначенныхъ государемъ, отчасти избранныхъ дворянствомъ, учреждался въ четырехъ городахъ (Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани). Въ каждомъ изъ этихъ городовъ Сенатъ состоялъ изъ трехъ департаментовъ (казенныхъ тяжебныхъ, частныхъ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ), причемъ послѣдніе въ свою очередь состояли изъ двухъ отдѣленій [2].

При разсмотрѣніи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ, было сдѣлано много возраженій противъ него, сущность которыхъ состояла въ слѣдующемъ: 1) „перемѣна учрежденія, великими монархами установленнаго и цѣлый вѣкъ существовавшаго, произведетъ печальное впечатлѣніе на умы“; 2) „раздѣленіе Сената умалитъ его важность, и если слабость, а можетъ быть и пристрастіе находятъ входъ въ это верховное судилище передъ глазами монарха, то не болѣе ли еще должно опасаться за тысячами верстъ? Притомъ раздѣленіе Сената по округамъ повлечетъ за собою большія издержки и еще большую трудность въ пріисканіи способныхъ людей какъ въ должности канцелярскія, такъ и въ самые сенаторы“; 3) „назначеніе части сенаторовъ по выбору противно разуму самодержавнаго правленія и скорѣе обратится во вредъ, нежели въ пользу, ибо въ однихъ такіе выборы

---

[1]) За годъ передъ тѣмъ, а именно въ 1810 г. Сперанскій составилъ еще одинъ проектъ о преобразованіи Сената, по которому послѣдній долженъ былъ быть исключительно „средоточіемъ власти судной“, а „всѣ части управленія“, находившіяся до тѣхъ поръ въ его рукахъ, предполагалось передать министерствамъ и другимъ учрежденіямъ. Организація Сената по этому проекту почти тожественна съ организаціей суднаго Сената по проекту 1811 г. (Коркуновъ, назв. ст., Вѣстн. Всем. Ист. 1900 г., кн. 2).

[2]) Проектъ (весьма обширный, такъ какъ онъ состоитъ изъ двѣнадцати главъ и 282 статей) напечатанъ въ приложеніяхъ къ III т. сочиненія Шильдера „Имп. Александръ I, его жизнь и царствованіе“, стр. 405—471.

могутъ быть произведены подъ вліяніемъ мѣстныхъ чиновниковъ, а въ другихъ богатые помѣщики наполнятъ Сенатъ людьми, имъ преданными, и присвоятъ себѣ чрезъ это возможность и власть безнаказанно тѣснить, кого захотятъ"; 4) „министры, занятые своими дѣлами, не всегда могутъ присутствовать въ Сенатѣ (правительствующемъ), почему не излишне было бы, для вящшаго обезпеченія безпристрастнаго правосудія, присовокупить нѣсколько изъ сенаторовъ". Кромѣ этихъ возраженій, было сдѣлано еще много и другихъ, но чисто детальнаго характера. Сперанскій представилъ подробныя объясненія, которыми пытался отпарировать названныя возраженія. Такъ, на первое возраженіе онъ отвѣчалъ, что вопросъ о необходимости и своевременности преобразованія Сената уже предрѣшенъ манифестомъ 1 Янв. 1810 г., установившемъ новое образованіе Государственнаго Совѣта. По поводу второго возраженія онъ доказывалъ, что „править и судить—разнородные предметы", и что „формы суда и управленія столь различны между собою, что безъ крайняго смѣшенія никакъ не можно ихъ соединить въ одномъ сословіи". Что же касается до раздѣленія Сената по округамъ, то въ этой реформѣ, по мнѣнію Сперанскаго, „должно различать два разныхъ смысла". „Въ первомъ смыслѣ раздѣленіе сіе есть ничто иное, какъ росписаніе губерній въ судебной ихъ зависимости отъ разныхъ департаментовъ". „Во второмъ смыслѣ раздѣленіе Сената по городамъ необходимо, чтобы соразмѣрить способы правосудія съ разстояніемъ мѣстъ". „Нельзя не уважить интересы тяжущихся, читаемъ въ объясненіяхъ Сперанскаго, такъ какъ чѣмъ ближе къ нимъ судъ, тѣмъ легче вести дѣло". На третье возраженіе Сперанскій отвѣчалъ, что, „если въ двухъ среднихъ инстанціяхъ суда выборы признаны нужными, то нѣтъ причинъ отвергать ихъ и въ третьей, тѣмъ болѣе, что установленіе сіе въ существѣ своемъ не что иное, какъ дозволеніе дворянству представлять на усмотрѣніе государя людей, коихъ оно считаетъ отличными, и нѣтъ сомнѣнія, что сіе, утверждая связь довѣрія между правительствомъ и дворянствомъ, будетъ имѣть полезное на судъ вліяніе". Наконецъ, противъ послѣдняго возраженія Сперанскій замѣтилъ, что по проекту „полагаются въ составѣ Сената министры, управляющіе частями и носящіе званіе сіе безъ управленія; сіи послѣдніе сами собою замѣняютъ сенаторовъ".

При голосованіи въ Государственномъ Совѣтѣ, вопросъ о проектѣ былъ раздѣленъ на 12 вопросовъ, и всѣ они были приняты большинствомъ голосовъ членовъ Совѣта. Государь согласился съ большинствомъ, но проектъ не былъ осуществленъ вслѣдствіе паденія Сперанскаго [1]).

Подобные же планы о раздѣленіи Сената разсматривались и въ царствованіе имп. Николая I. Изъ нихъ болѣе любопытенъ планъ князя Лобанова-Ростовскаго, по которому Сенатъ дѣлился на три учрежденія, а именно: 1) законодательный Сенатъ, который былъ ничѣмъ инымъ, какъ преобразованнымъ Государственнымъ Совѣтомъ, вѣдавшій „предметы общаго государственнаго законодательства", 2) правительствующій Сенатъ, составленный изъ Комитета министровъ и перваго департамента Сената, и 3) судебный Сенатъ, составленный изъ остальныхъ департаментовъ Сената и дѣлившійся на три общихъ собранія (два въ СПБ. и одно въ Москвѣ). Согласно этому плану государственный секретарь долженъ былъ получить права и обязанности министра юстиціи, управляющій дѣлами Комитета министровъ—права и обязанности товарища министра юстиціи, а статсъ-секретари при Государственномъ Совѣтѣ—права и обязанности оберъ-прокуроровъ Сената. По мнѣнію князя Лобанова-Ростовскаго, принятіемъ его плана было бы достигнуто „соглашеніе учрежденій Александра I съ духомъ учрежденій Петра Великаго и Екатерины II" [2]). Однако, изъ всѣхъ этихъ плановъ ничего не вышло, и Сенатъ попрежнему оставался по преимуществу судебнымъ учрежденіемъ. Этотъ его судебный характеръ былъ еще усиленъ реформою 1864 г., учредившей кассаціонные департаменты Сената, благодаря которымъ послѣдній сталъ высшимъ кассаціоннымъ судомъ.

Б. Совѣты при особѣ государя.

Въ продолженіе всего императорскаго періода постоянно чувствовалась потребность въ особомъ учрежденіи, которое, во-первыхъ, состояло бы при государѣ, помогая ему осу-

---

[1]) Баронъ Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго, т. I, стр. 129; Коркуновъ, назван. ст. (Вѣстникъ Всемірной Исторіи 1900 г., кн. 2 и 3). Впослѣдствіи этотъ проектъ разсматривался извѣстнымъ комитетомъ 6 Дек. 1826 г., который сдѣлалъ въ немъ много измѣненій (см. т. LXXIV, стр. 50—259 и т. ХС, стр. 125 и слѣд. Сборн. Русск. Ист. Общ.).

[2]) Русскій Архивъ 1871 г., кн. XI, стр. 1914.

ществлять всѣ функціи государственнаго управленія, и, во-вторыхъ, являлось бы посредствующемъ звеномъ между государемъ и Сенатомъ. Потребность въ подобномъ учрежденіи вполнѣ сознавалась людьми XVIII ст., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ историческая записка фельдмаршала Миниха, представленная имъ Екатеринѣ II и изданная покойнымъ М. И. Семевскимъ. Минихъ доказываетъ въ ней рядомъ историческихъ фактовъ необходимость учрежденія особаго совѣта, который былъ бы соединительнымъ звеномъ между государемъ и Сенатомъ (Совѣтъ долженъ „наполнить пустоту между верховною властью и Сенатомъ"). „Благо государства, писалъ Минихъ, требуетъ, чтобы громадное разстояніе, существующее между высшею властью и властью Сената, было восполнено учрежденіемъ совѣта" [1]).

Потребность въ подобномъ учрежденіи чувствовалась уже при Петрѣ I, не смотря на то, что въ это время до извѣстной степени роль его игралъ Сенатъ. Такъ, до насъ дошли три проекта, составленные Либерасомъ, Фикомъ и Курбатовымъ и говорящіе о подобномъ совѣтѣ. Первый, ссылаясь на Швецію, высказывается за необходимость учрежденія особой „дирекціонсъ-коллегіи", называемой имъ еще „реляціонною коллегіею" и „референдатомъ", функціи которой заключались бы въ надзорѣ за дѣятельностью всѣхъ остальныхъ коллегій. Въ свою очередь дирекціонсъ-коллегія должна была зависѣть отъ особаго кабинета или тайнаго совѣта, являющагося высшимъ законодательнымъ и административнымъ учрежденіемъ [2]). Фикъ предлагаетъ раздѣлить сенатъ на двѣ „высшія инстанціи" или „генеральныя директоріи": 1) юстиціи и полиціи и 2) финансовъ. Эти двѣ директоріи въ соединенномъ засѣданіи съ синодомъ и съ особымъ тайнымъ совѣтомъ иностранныхъ дѣлъ должны были разрѣшать всѣ важные вопросы законодательства, управленія и суда [3]). Наконецъ, Курбатовъ въ своихъ „Пунктахъ о кабинетъ-коллегіумѣ", представленныхъ имъ Петру, подробно разработываетъ вопросъ объ учрежденіи этого „коллегіума", называемаго имъ еще „архиканцеляріей имперіи". Любо-

---

[1]) Записки Михина, стр. 96.

[2]) Берендтсъ, Баронъ Люберасъ и его записка объ устройствѣ коллегій въ Россіи, стр. 18. По словамъ проф. Берендтса, видѣвшаго въ архивѣ бывшаго кондификаціоннаго отдѣла подлинникъ проекта Люберáса, послѣдній часто говоритъ о тайномъ совѣтѣ, „не входя въ подробное разсужденіе его роли и значенія" (ibid, стр. 18).

[3]) Милюковъ, назв. соч., стр. 674.

пытно, что мотивировка необходимости учрежденія „коллегіума“ таже самая, которую мы встрѣчаемъ впослѣдствіи при учрежденіи Верховнаго тайнаго совѣта, а именно — облегчить положеніе государя (пунктъ 16 проекта гласитъ: „отъ многихъ стужаній и трудовъ воспріиметъ его величество многую свободность“). Кабинетъ-коллегіумъ является высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, и въ немъ присутствуетъ самъ государь. Онъ вѣдаетъ законодательныя дѣла (п. п. 2 и 9), ему присуща масса административныхъ дѣлъ, онъ фигурируетъ въ роли высшей судебной инстанціи (п. 3), а дѣла по политическимъ преступленіямъ разсматриваетъ въ качествѣ суда первой инстанціи (п. 8); наконецъ, въ немъ сосредоточивается надзоръ надъ всѣмъ управленіемъ, вслѣдстіе чего онъ контролируетъ дѣятельность какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ учрежденій. Одна только область внѣшней политики не входитъ въ составъ его компетенціи [1]).

Самъ Петръ былъ также сторонникомъ учрежденія особаго совѣта. До насъ дошла его собственноручная замѣтка слѣдующаго содержанія: „о коллегіи такой, которая бъ смотрѣла, что исправить, перемѣнить, оставить, вновь сдѣлать, наченше отъ порядковъ прибыли, даже до чистоты и украшенія въ государствѣ“ [2]). И дѣйствительно, въ концѣ своего царствованія указомъ 13 Февр. 1720 г. государь учредилъ особый тайный совѣтъ, въ составъ котораго, кромѣ государя, канцлера и подканцлера, должны были войти „всѣ или нѣсколько, по важности дѣла“ дѣйствительные тайные совѣтники. Кругъ вѣдомства совѣта опредѣлялся рѣшеніемъ „важныхъ“ государственныхъ дѣлъ. Секретарскія обязанности при совѣтѣ были возложены на двухъ совѣтниковъ Тайной канцеляріи. Они же должны были „сочинять грамоты къ чужестраннымъ государямъ, рескрипты къ министрамъ и резолюціи и деклараціи, которыя подлежатъ великаго секрета и важности“. Въ указѣ объ учрежденіи Верховнаго тайнаго совѣта 8 Февр. 1726 г. мы также находимъ свѣдѣнія объ

---

[1]) „Пункты о кабинетъ-коллегіумѣ“ изданы Павловымъ-Сильванскимъ („Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго“, Спб. 1897 г., стр. 47 и слѣд.). Попытка же его сблизить проектъ Курбатова съ петровскимъ Сенатомъ 1721—1723 г.г., на нашъ взглядъ, мало обоснована (стр, 64 и слѣд.).

[2]) Павловъ-Сильванскій, назв. соч., стр. 66. Названная замѣтка сдѣлана карандашомъ и находится въ дѣлахъ кабинета. См. также Щеглова. Государственный Совѣтъ въ Россіи, томъ II, 1895 г., стр. 5.

этомъ петровскомъ совѣтѣ. „Тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникамъ, гласитъ указъ 1726 г., и, кромѣ сенатскаго правленія, есть немалый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) что они часто имѣютъ по должности своей, яко первые министры, *тайные совѣты* о политическихъ и о другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ; 2) изъ нихъ же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ, отъ чего въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ *въ тайномъ совѣтѣ* немалое имъ чинится помѣшательство" [1]). Въ какихъ отношеніяхъ находился этотъ совѣтъ къ Сенату и къ коллегіямъ и вообще какую роль онъ игралъ въ сферѣ государственнаго управленія—неизвѣстно.

Первымъ совѣтомъ при особѣ государя, о которомъ мы имѣемъ много свѣдѣній, былъ *Верховный тайный совѣтъ*, учрежденный 8-го Февраля 1726 года. Въ составъ совѣта входили лица по назначенію государя, причемъ онъ вѣдалъ всѣ отрасли государственнаго управленія (внѣшняя политика, финансы, военное дѣло, назначеніе на высшія должности и проч.), законодательства и суда (дѣла по важнымъ политическимъ и служебнымъ преступленіямъ, а также высшій судъ по нѣкоторымъ другимъ преступленіямъ), какъ о томъ свидѣтельствуютъ протоколы разсматриваемаго учрежденія, изданные Русскимъ Историческимъ Обществомъ подъ редакціей академика Дубровина [2]). Совѣтъ долженъ былъ быть раздѣленъ на департаменты, но на дѣлѣ этого не случилось [3]). Согласно указу 1-го Янв. 1727 г. дѣла въ совѣтѣ рѣшались „общимъ мнѣніемъ" всѣхъ его членовъ, т. е. единогласно. Указъ безусловно запрещаетъ рѣшеніе по боль-

[1]) Существованіе петровскаго тайнаго совѣта, созданнаго указомъ 1720 г., до послѣдняго времени игнорировалось историками права. Впервые обращено на него вниманіе Соловьевымъ (Исторія Россіи, т. XVII (изд. 3), стр. 139), а затѣмъ проф. Коркуновымъ въ его рецензіи на книгу г. Филиппова „Исторія Сената въ правленіе Верховнаго тайнаго совѣта" (Журн. Мин. Нар. Просв., 1895 г., кн. IX). Однако, проф. Филипповъ и въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ не упоминаетъ о немъ (см. его рѣчь „Кабинетъ министровъ и его сравненіе съ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ" въ Ученыхъ запискахъ Юрьевскаго университета 1898 г., № 1, стр. 6).

[2]) Томы LV, LVI, LXIII, LXIX, LXXIX, LXXXIV, XCIV и CI.

[3]) См. п. 5. Мнѣнія не въ указъ, по которому каждый членъ совѣта долженъ былъ стать во главѣ особаго департамента или „повытья" (Сб. Р. Ист. Общ. т., LV). О департаментахъ говоритъ и указъ 1727 г., предписывая, „по примѣру другихъ государствъ", распредѣлить дѣла между членами совѣта „по особливымъ департаментамъ" и свидѣтельствуя, что „сіе до сего времени еще не учинено". Впрочемъ, фактически дѣла были распредѣлены между отдѣльными членами совѣта, не смотря на отсутствіе департаментовъ (См. Филиппова Исторія Сената въ правленіе Верх. т. совѣта, стр. 36).

шинству голосовъ. Если же достигнуть единогласія оказывалось невозможнымъ, то отдѣльныя мнѣнія членовъ совѣта представлялись императрицѣ, и отъ нея уже зависѣло утвердить то мнѣніе, которое ей казалось болѣе другихъ соотвѣтвѣтствующимъ обстоятельствамъ дѣла. Все, что происходило на засѣданіяхъ совѣта вносилось въ особые журналы, которые отличались отъ протоколовъ, заключавшихъ въ себѣ только одни постановленія и резолюціи совѣта. Эти послѣднія и подписывались членами [1]). На основаніи протоколовъ составлялись указы. Наконецъ, при совѣтѣ состояла особая канцелярія съ очень ограниченнымъ составомъ служащихъ и съ оберъ-секретаремъ во главѣ.

Было уже сказано, что совѣтъ, съ одной стороны, узурпировалъ права Сената, а, съ другой, сперва de facto, а затѣмъ и de jure (при Петрѣ II) ограничилъ власть государя. Въ 1730 г., послѣ неудачной попытки стать во главѣ государства, онъ былъ уничтоженъ [2]).

Однако, на его мѣстѣ былъ вскорѣ учрежденъ, такъ называемый, *Кабинетъ министровъ*, просуществовавшій до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны. Оффиціально Кабинетъ былъ созданъ указомъ 10-го Ноября 1731 г., но фактически онъ возникъ сейчасъ же послѣ уничтоженія Верховнаго тайнаго совѣта и возстановленія Сената. По крайней мѣрѣ въ извѣстномъ докладѣ, поданномъ впослѣдствіи (въ 1741 г.) Елизаветѣ Петровны и о которомъ мы уже говорили, было указано, что „потомъ (т. е. послѣ обнародованія манифеста, возстановившаго Сенатъ въ его прежнемъ значе-

---

[1]) Пунктъ 6 Мнѣнія не въ указъ гласитъ: „Въ тайномъ совѣтѣ надобно два протокола держать, одинъ образомъ журнала, который подписывать не надлежитъ, другой же—о учиненныхъ въ тайномъ совѣтѣ резолюціяхъ и опредѣленіяхъ, которыя тайному совѣту закрѣплять“. Г. Грибовскій разъяснилъ, что въ современномъ смыслѣ этого слова понятія журнала и протокола понимались только въ Петровское время. Съ учрежденіемъ же Верховнаго тайнаго совѣта „произошло измѣненіе и путаница въ терминалогіи“ и, какъ свидѣтельствуютъ пунктъ 6 Мнѣнія не въ указъ и другіе акты, подъ протоколомъ въ нашемъ смыслѣ этого слова сталъ пониматься „журналъ“, а въ форму „протокола“ начали облекать приговоры, постановленія и резолюціи. Въ такомъ смыслѣ эти два термина понимались въ теченіе всего XVIII ст. (Матеріалы для исторіи высшаго суда и надзора при Екатеринѣ II, стр. I—VI).

[2]) О Верховномъ тайномъ совѣтѣ см. изслѣдованіе проф. Филиппова „Исторія Сената“ и его же брошюру „Къ вопросу о Верховномъ тайномъ совѣтѣ“ и рѣчь „Кабинетъ министровъ и его сравненіе съ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ“ (Ученыя записки Юрьевск., унив. 1898 г., № 1, а также брошюру проф. Алексѣева „Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго тайнаго совѣта“. Любопытная полемика названныхъ ученыхъ выяснила много темныхъ сторонъ въ исторіи Верховнаго тайнаго совѣта при Екатеринѣ I.

ніи) почти чрезъ цѣлый годъ тайно содержался въ рукахъ Остермана Кабинетъ". Есть и другія данныя, подтверждающія фактъ существованія Кабинета, если и не за годъ, то по крайней мѣрѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до его оффиціальнаго учрежденія по указу 10-го Ноября 1731 г. Мало того, еще за три недѣли до этого указа былъ изданъ другой указъ (18 Октября), говорящій о составѣ и компетенціи Кабинета, но объявленный лишь Сенату, а не „во всенародное извѣстіе" [1]).

Мы уже говорили, что въ сущности Кабинетъ ничѣмъ не отличался отъ Верховнаго тайнаго совѣта (по крайней мѣрѣ времени Екатерины I), пользуясь такимъ же огромнымъ значеніемъ въ области государственнаго управленія, какъ и совѣтъ [2]). Кабинетъ, по словамъ указа 10-го Ноября 1731 г., былъ установленъ „для лучшаго и порядочнаго управленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ и пользы подданныхъ", въ силу чего онъ получилъ (опять на счетъ Сената) самыя широкія полномочія въ области законодательства, управленія и суда. Въ немъ, подобно Верховному тайному совѣту, сосредоточивались всѣ моменты законодательной дѣятельности (число именныхъ указовъ, не прошедшихъ черезъ Кабинетъ ничтожно) [3]), причемъ, какъ можно судить на основаніи именнаго указа, объявленнаго Кабинету Волынскимъ въ Декабрѣ 1738 г., резолюціи его представлялись на

---

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ., т. CIV, предисловіе, стр. XXXIV и т. CVIII, стр. LVI. Въ этихъ томахъ изданы проф. Филипповымъ бумаги Кабинета за первые годы его существованія. См. также статью того же ученаго „Новыя данныя о Кабинетѣ министровъ имп. Анны Іоанновны" (Русск. Мысль 1901 г., кн. 1).

[2]) Проф. Филипповъ дѣлитъ исторію Кабинета на три періода: до указа 9-го Іюля 1735 г., до смерти Анны Ивановны и въ царствованіе Ивана Антоновича. Однако, изъ его же словъ вытекаетъ, что въ первомъ періодѣ Кабинетъ, стоя во главѣ государственнаго управленія, пользуется своею властью не столько формально, сколько фактически, во второмъ же періодѣ этотъ „фактъ превращается въ право", ничего не прибавляя къ власти Кабинета по существу. Что же касается до 3-го періода, то самъ г. Филипповъ, полемизируя съ Градовскимъ, утверждаетъ, что событія царствованія Ивана Антоновича „не могли въ томъ или иномъ смыслѣ повліять на развитіе Кабинета" или отразиться на его отношеніяхъ къ Сенату и найти какое либо „яркое выраженіе въ измѣніяхъ его устройства и компетенціи" (Сборн. Правовѣд., т. VII; Ученыя записки Юрьевскаго университета 1898 г., № 12). Но если третій періодъ ничѣмъ не отличается отъ втораго, а второй, какъ мы видѣли, по существу ничѣмъ не отличается отъ перваго, то зачѣмъ же въ такомъ случаѣ дѣлить исторію Кабинета на періоды?

[3]) Однако, не смотря на прохожденіе черезъ Кабинетъ почти всѣхъ именныхъ указовъ, они, въ первые годы существованія разсматриваемаго учрежденія, нигдѣ не упоминаютъ объ этомъ, и мы можемъ констатировать названный фактъ только благодаря дошедшимъ до насъ журналамъ Кабинета (Филипповъ, назв. ст. въ Русск. Мысли 1901 г., кн. 1).

утвержденіе императрицѣ лишь въ наиболѣе важныхъ случаяхъ [1]). Мало того, по указу 9 Іюня 1735 г. указы Кабинета, если они подписаны тремя кабинетъ-министрами, приравнивались по силѣ дѣйствія къ именнымъ указамъ. Кромѣ законодательной функціи, въ Кабинетѣ сосредоточивались функціи верховнаго управленія и надзора, такъ, онъ вѣдалъ иностранныя дѣла, финансы (преимущественно дѣла о доходахъ и расходахъ), военныя дѣла, назначенія на высшія должности, контроль надъ дѣятельностью учрежденій и лицъ и т. п. Наконецъ, ему были присущи и судебныя функціи, причемъ онъ фигурировалъ въ роли какъ слѣдственной, такъ и судебной камеры, а также въ роли суда первой и высшей инстанціи. Ему же принадлежало право смягчать наказанія или даже вовсе освобождать отъ нихъ [2]).

Составъ Кабинета былъ крайне ограниченъ: въ него входили три лица по назначенію государыни, носившія названіе министровъ. Очевидно, въ виду такого небольшого числа членовъ Кабинета, на его засѣданія не рѣдко приглашались и другія лица, иногда же происходили соединенныя засѣданія Кабинета и Сената, такъ называемыя, генеральныя собранія, на которыхъ сенаторы пользовались одинаковымъ правомъ голоса съ кабинетъ-министрами и результатомъ дѣятельности которыхъ было изданіе общихъ указовъ за подписью тѣхъ и другихъ. Во время регенства Анны Леопольдовны Кабинетъ былъ раздѣленъ на три департамента—внутреннихъ, военныхъ и морскихъ и иностранныхъ дѣлъ, каждый съ однимъ изъ кабинетъ-министровъ во главѣ, хотя рѣшающій голосъ остался за общимъ собраніемъ [3]).

При Кабинетѣ состояла канцелярія, отличавшаяся первоначально крайнею простотою (въ нее входило нѣсколько секретарей). Впослѣдствіи (въ 1739 г.) она была раздѣлена на три экспедиціи—иностранныхъ, внутреннихъ и секретныхъ дѣлъ, „дабы впредь конфузіи происходить не могли“.

Кабинетъ былъ упраздненъ Елизаветою Петровною. Взамѣнъ его она учредила *Конференцію при высочайшемъ дворѣ*, „для произведенія съ лучшимъ порядкомъ и успѣхомъ

---

[1]) Филипповъ, назв. ст. (Сборн. Правов., т. VII).

[2]) Сборн. Русск. Ист. Общ., т. CIV, предисловіе, стр. LXXIV и слѣд.

[3]) „Буде же которому департаменту случится, гласитъ указъ 1740 г., такое важное дѣло, которое требуетъ неотмѣннаго общаго разсужденія, а одному на мѣрѣ положить невозможно, о таковомъ тотчасъ учинить общій совѣтъ“. По исторіи Кабинета см. статью г. Пестова „Императорскій Кабинетъ съ 17 Окт. 1740 г. по 25 Ноября 1741 г.“ въ т. II изданія „Внутренній бытъ Русскаго государства“.

весьма важныхъ дѣлъ и для скорѣйшаго исполненія ея имп. вел. повелѣній". Конференція, хотя и не имѣла значенія Кабинета, но была поставлена въ независимое положеніе относительно Сената, что видно изъ факта сношеній ея съ Сенатомъ экстрактами изъ протоколовъ засѣданій, излагавшихъ *мнѣнія* Конференціи. Послѣдняя вѣдала иностранную политику и отчасти военныя дѣла [1]).

Петръ III, вступивъ на престолъ, заявилъ, что онъ самъ будетъ всѣмъ управлять, и поэтому „отнынѣ никакого особливаго совѣта или конференціи не будетъ, а всѣ дѣла въ своихъ коллегіяхъ отправляться имѣютъ". Но подобный порядокъ вещей оказался неудобнымъ, почему и вызвалъ докладъ государю со стороны канцлера графа Воронцова, въ которомъ послѣдній высказался за необходимость учрежденія особаго совѣта при государѣ. „Генеральныя дѣла Европы", писалъ Воронцовъ, „въ такую теперь кризу пришли, что систему или совсѣмъ новую принять, или же во многомъ перемѣнить надобно будетъ. Но сію новую систему составить и всѣ распоряженія согласно тому учредить не можетъ ни Сенатъ, ни иностранная коллегія, паче же, когда пойдутъ дѣла на перепискахъ между Сенатомъ и коллегіями". Въ послѣднемъ случаѣ „во-первыхъ, секретъ поверженъ во многихъ рукахъ большой опасности, а дѣла промедленію, а притомъ и то легко случиться можетъ, что между равными мѣстами произойдутъ отъ неясности разныя мнѣнія, отъ того несогласія, а отъ несогласія разногласные доклады государю". „Буде же государю угодно будетъ прежнюю-ли Конференцію или какой тому подобный совѣтъ возстановить", то „настоящее смѣшеніе дѣлъ въ объясненіе придетъ, и система установлена будетъ". Кромѣ того, государь, „присутствуя въ такомъ совѣтѣ и видя въ одномъ мѣстѣ все сопряженіе главныхъ дѣлъ, меньше будетъ имѣть затрудненій, а несравненно больше способа и времени все собственными очами видѣть и все собственнымъ трудомъ управлять" [2]). Доводы Воронцова убѣдили Петра III, и онъ взамѣнъ Конференціи учредилъ, такъ называемый, *Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ*, „чтобы

---

[1]) Обѣ попытки вице-канцлера Бестужева (въ 1747 и 1757 г.г.) поставить Конференцію во главѣ государственнаго управленія и въ частности подчинить ей Сенатъ не удались вслѣдствіе упорной оппозиціи со стороны Елизаветы Петровны (см. у Соловьева, т. XXII, стр. 176 и т. XXIV, стр. 26).

[2]) Цаневскій, Исторія образованія Государств. Совѣта въ Россіи, приложенія, стр. 4.

многія наши къ пользѣ и славѣ Имперіи нашей и къ благополучію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ принятыя намѣренія наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли". Совѣтъ вѣдалъ преимущественно военныя дѣла, въ силу чего ему были подчинены обѣ военныя коллегіи. Затѣмъ указъ, подписанный членами совѣта, приравнивался по силѣ дѣйствія къ именному указу [1]. Совѣтъ былъ упраздненъ Екатериною II.

При вступленіи послѣдней на престолъ, существовалъ проектъ создать особый императорскій совѣтъ, долженствовавшій до нѣкоторой степени ограничить власть государыни [2] (раньше уже было сказано, что такой же проектъ существовалъ и относительно Сената). Авторомъ проекта былъ графъ Н. И. Панинъ, представившій императрицѣ докладъ о предполагаемой имъ реформѣ, а также и проектъ послѣд-

---

[1]) Въ дѣлахъ московскаго архива мин. иностр. дѣлъ сохранился проектъ плана Совѣта, по всей вѣроятности составленный Воронцовымъ, по которому Совѣтъ долженъ былъ быть раздѣленъ на четыре департамента (военныхъ дѣлъ, морскихъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и внѣшнихъ дѣлъ), съ особымъ статсъ-секретаремъ каждый. Однако, стотъ планъ не былъ осуществленъ на практикѣ (Щегловъ, Государственный Совѣтъ въ Россіи, т. II, стр. 15).

[2]) По словамъ Ратынскаго, Панинъ желалъ создать такой порядокъ вещей, который, „оставляя верховную власть въ принципѣ самодержавною, давалъ бы возможность нѣсколькимъ сановникамъ имѣть вліяніе на ея рѣшенія и тѣмъ ее ограничивать (Русскій Архивъ, 1886 г., т. XXIV). О такой же тенденціи проекта Панина свидѣтельствуютъ очень много и другихъ современниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ. Мало того, тѣ лица, которымъ было поручено императрицею предварительно разсмотрѣть проектъ, высказались противъ него главнымъ образомъ изъ-за названной его тенденціи. Такъ, одно изъ нихъ (авторъ „замѣчаній на проектъ", по всей вѣроятности, Воронцовъ) совѣтуетъ императрицѣ „недреманнымъ окомъ смотрѣть, чтобы самодержавную власть подобно уздѣ изъ рукъ не выпускать". Точно также и Бестужевъ указываетъ Екатеринѣ II на опасность „раздѣлить съ императорскимъ совѣтомъ власть, пріобрѣтенную съ такимъ трудомъ". Наконецъ, вотъ что писалъ третій рецензентъ, генералъ-фельдцейгмейстеръ Вильбуа: „мнѣ кажется, что составитель проекта подъ видомъ защиты монархіи тонкимъ образомъ склоняется къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей... Въ случаѣ учрежденія совѣта, воля императрицы будетъ связана избранными въ него членами... Для русскаго монарха нужна неограниченная власть, совѣтъ же слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ" (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. VII, стр. 217; Соловьевъ, т. XXV, стр. 182). Анализъ содержанія самаго проекта, приведеннаго въ текстѣ, вполнѣ подтверждаетъ наличность въ немъ названной тенденціи его автора. Въ виду всего сказаннаго, попытка г. Чечулина (Проектъ импер. совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II, Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г., кн. III) доказать, что Панинъ въ своемъ проектѣ совершенно не стремился ограничить власть Екатерины II, должна быть признана вполнѣ неудачной. Несостоятельность аргументаціи г. Чечулина выяснена проф. Щегловымъ (Госуд. Совѣтъ въ Россіи, т. II, стр. 56 и слѣд.).

ней, подъ названіемъ „Устава верховному правительству". Въ докладѣ Панинъ высказался за необходимость „раздѣленія" самодержавной власти государыни „между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ", долженствующихъ составить „верховное мѣсто лежислаціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго мѣста, истекать будетъ собственное монаршее изволеніе". По проекту „Устава" въ составъ названнаго совѣта должны были войти шесть членовъ, носившихъ названіе императорскихъ совѣтниковъ, изъ которыхъ четверо получали названіе „штатскихъ" министровъ: иностранныхъ дѣлъ, внутренныхъ, военный и морской. Совѣтъ являлся главнымъ образомъ законодательнымъ учрежденіемъ, въ силу чего „всякое новое узаконеніе, актъ постановленія, манифесты, грамоты и патенты, которые государи сами подписываютъ, должны быть контрасигнованы тѣмъ штатскимъ министромъ, по департаменту котораго то дѣло производилось, дабы тѣмъ публика оное отличать могла". Кромѣ того, совѣтъ служилъ средоточіемъ всего управленія, въ силу чего всѣ дѣла должны были быть раздѣлены между штатскими министрами, которые по своимъ департаментамъ ихъ „разсматриваютъ, вырабатываютъ, въ ясность приводятъ, предлагаютъ въ совѣтѣ государю и по нимъ отправленія чинятъ по резолюціямъ и повелѣніямъ государя" [1]. Однако, въ виду ограниченія власти государыни со стороны совѣта, проектъ не былъ утвержденъ Екатериной II, тѣмъ болѣе, что встрѣтилъ, какъ было уже сказано, сильную оппозицію со стороны многихъ лицъ [2].

Но высказавшись противъ ограниченія своей власти совѣтомъ, императрица вполнѣ сознавала необходимость въ подобномъ учрежденіи, почему въ 1768 года, по случаю войны съ Турціею, учредила, такъ называемый, *Императорскій совѣтъ* [3]. Первоначально онъ имѣлъ времен-

---

[1]) Сборн. Русск. Ист. Общ., т. VII, стр. 202. См. также у Соловьева, т. XXV, стр. 174.

[2]) Императрица въ теченіе почти цѣлаго полугодія держала проектъ у себя, причемъ сдѣлала въ немъ много поправокъ и все же въ результатѣ не утвердила его. Впрочемъ, одно время она хотѣла уже „уступить" (ея выраженіе въ письмѣ къ Понятовскому) и даже подписала манифестъ объ учрежденіи совѣта, но въ 1763 г. измѣнила свое намѣреніе и надорвала манифестъ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. VII, стр. 210).

[3]) Впрочемъ, еще раньше, а именно въ 1763 г. она поручила фельдмаршалу Миниху составить проектъ совѣта, что и было исполнено послѣднимъ. По этому проекту совѣтъ долженъ былъ состоять изъ пяти лицъ, „находящихся у государственнаго кормила", которыя могли бы

ной характеръ, какъ то видно изъ манифеста, учредившаго его. Совѣтъ былъ организованъ, „дабы, по причинѣ теперешнихъ военныхъ обстоятельствъ, ни въ которой части, къ тому принадлежащей, ничего проронено не было, что служить можетъ къ безопасности имперіи, и дабы скорѣйшія сношенія установить между политическихъ, военныхъ и казенныхъ мѣстъ“. Въ началѣ онъ учреждался только на время войны, „дабы имѣть какъ разсуждніе, такъ и бдѣніе, чтобъ ничего не было упущено къ оборонѣ и къ безопасности государства, также и къ военнымъ дѣйствіямъ“. Однако, уже со слѣдующаго 1769 года Совѣтъ превратился въ постоянное учрежденіе, причемъ былъ раздѣленъ на два департамента—для политическихъ и военныхъ дѣлъ, и, какъ видно изъ журналовъ его засѣданій, изданныхъ покойнымъ Калачовымъ подъ названіемъ „Архивъ Государственнаго Совѣта“, сталъ во главѣ всего государственнаго управленія, хотя и не ограничивалъ власти государыни, такъ какъ имѣлъ строго совѣщательный характеръ. Черезъ Совѣтъ прошли всѣ болѣе или менѣе важные законодательные памятники, изданные Екатериною II, напримѣръ, Учрежденіе о губерніяхъ 1775 года, уставъ благочинія 1782 года, манифестъ о горныхъ промыслахъ, Жалованныя грамоты дворянству и городамъ 1785 года и другіе. Одновремено съ этимъ Совѣтъ игралъ весьма важную роль въ области управленія. Такъ, онъ принималъ всевозможныя мѣры для благополучнаго окончанія войны съ Турціею, для подавленія пугачевскаго бунта, для прекращенія моровой язвы и т. п. Въ составъ его входили вначалѣ семь членовъ, затѣмъ гораздо больше, причемъ всѣ они назначались императрицею, принимавшею самое дѣятельное участіе въ трудахъ Совѣта.

Послѣдній продолжалъ свое существованіе и въ царствованіе Павла I, хотя значеніе его было крайне умалено, во-первыхъ, потому, что за нимъ осталась только одна функція, а именно, цензура, всѣ же остальныя не входили болѣе

направлять всѣ дѣла имперіи, облегчить этимъ трудъ ея величества императрицы и избавлять ее отъ тягости входить въ подробности не особенно важныхъ дѣлъ“. Совѣтъ долженъ былъ быть раздѣленъ на пять департаментовъ, во главѣ которыхъ императрицею назначены были стоять лица „изъ способныхъ администраторовъ“. Эти лица входили бы въ совѣтъ, обязанный руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ „мудрыми рѣшеніями государыни“ (Записки Миниха, изд. Семевскаго, стр. 95 и слѣд.). Мысль Миниха о раздѣленіи Совѣта на пять департаментовъ не была осуществлена.

въ составъ его компетенціи [1]), во-вторыхъ, потому, что государь почти не присутствовалъ на его засѣданіяхъ (за все время своего царствованія Павелъ I былъ только одинъ разъ на засѣданіи, въ то время, какъ Екатерина II присутствовала на 63 засѣданіяхъ) и, въ-третьихъ, потому, что онъ созывался крайне рѣдко (во все царствованіе Павла I онъ былъ созванъ 143 раза, въ то время, какъ при Екатеринѣ II онъ засѣдалъ 1597 разъ).

Со вступленіемъ на престолъ Александра I, Совѣтъ былъ упраздненъ, въ виду того, что, „бывъ рѣдко занимаемъ предметами существенными, доселѣ носилъ одно имя государственнаго установленія безъ ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя". Въ замѣнъ же его, по плану извѣстнаго Трощинскаго, былъ учрежденъ 30 Марта 1801 г., такъ называемый, *Непремѣнный совѣтъ*, какъ „мѣсто установленное при Его Императорскомъ Величествѣ для обсужденія и уваженія дѣлъ государственныхъ", причемъ „онъ не входитъ ни въ какія распоряженія по части исполнительной и силы другой въ государственномъ управленіи не имѣетъ, кромѣ силы соображенія". Въ составъ его входили „особы, довѣренностью государя и общею почтенныя". Что касается до компетенціи Совѣта, то она была опредѣлена слѣдующимъ образомъ: „предметъ разсужденій Совѣта составляетъ все, что принадлежитъ къ государственнымъ установленіямъ временнымъ или кореннымъ и непреложнымъ", такъ какъ, поручаемое ему дѣло „относится только къ части законодательной" [2]). Въ виду этого, цѣлью Совѣта должно было быть слѣдующее: „поставить силу и блаженство Всероссійской имперіи на незыблемомъ основаніи закона". Для достиженія же этой цѣли Совѣтъ, согласно данному ему наказу, долженъ былъ пересмотрѣть всѣ законы и, начертать проекты перемѣнъ и исправленій, имѣя въ виду „любовь къ человѣчеству и къ всеобщему порядку", а также, „чтобы новыми законами вдохнуть жизнь и бодрость во всѣ низшія

---

[1]) Впрочемъ, въ началѣ царствованія имп. Павла онъ вѣдалъ еще и другія дѣла. Самъ государь въ своей „Запискѣ объ устройствѣ разныхъ частей государственнаго управленія" смотрѣлъ на Совѣтъ, „какъ на мѣсто не законодательное, а единственно для въ помощь и сношеніе государю и министрамъ", почему высказался за то, чтобы „Совѣту себѣ дѣлъ не присвоять, а разсматривать представленныя министрами" (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XC, стр. 2).

[2]) Любопытно, что Совѣтъ получилъ право законодательной инициативы, такъ какъ дѣла могли вступать въ него не только по Высочайшему повелѣнію, но и по предложеніямъ его членовъ.

состоянія людей, обращая покровительство законовъ на земледѣліе, мануфактуру, промыслы и ремесла и на торговлю, какъ первые источники силы государственной". Наконецъ, совѣтъ долженъ былъ, „отличивъ просвѣщеніе истинное отъ ложнаго, постановить твердыя начала къ возрожденію перваго и къ уклоненію отъ второго". При Совѣтѣ была учреждена канцелярія, раздѣленная на четыре отдѣленія. Всѣ дѣла поступали въ эти послѣднія и подготовлялись въ нихъ къ слушанію въ Совѣтѣ, въ которомъ рѣшались по большинству голосовъ. Впрочемъ, какъ мнѣніе большинства членовъ совѣта, такъ и мнѣнія отдѣльныхъ его членовъ представлялись на „уваженіе" государя [1]).

Однако, уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ открытія засѣданій Совѣта, дѣятельность его вызвала не мало нареканій. По словамъ графа А. Р. Воронцова, „въ немъ мало что дѣлалось: вступали въ Совѣтъ только тѣ дѣла, кои докладчики дѣлать не хотѣли, были даже собранія онаго, въ коихъ, еслибы не прочесть журнала предыдущаго засѣданія и подписать оный, и собираться бы въ Совѣтъ не для чего". Въ виду такого положенія вещей, Воронцовъ предлагалъ „привесть Совѣтъ въ состояніе, дѣйствительное для пользы общей и ближе къ намѣренію, съ коимъ онъ, какъ изъ наказа его видно, императоромъ и учрежденъ былъ". Для достиженія этой цѣли, Воронцовъ находилъ необходимымъ присутствіе государя въ Совѣтѣ, расширеніе его компетенціи съ точнымъ опредѣленіемъ послѣдней и реформу въ области его дѣлопроизводства. Помимо законодательства, Совѣтъ долженъ былъ вѣдать еще политическія (т. е. иностранныя), военныя и финансовыя дѣла [2]). Дѣйствительно, реформа Непремѣннаго совѣта вскорѣ сдѣлалась предметомъ обсужденія въ „неоффиціальномъ комитетѣ" Александра I, причемъ большинство членовъ послѣдняго высказалось за присутствіе министровъ въ Совѣтѣ и за внесеніе на его разсмотрѣніе всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ дѣлъ [3]). Это мнѣніе членовъ комитета получило силу закона съ учрежденіемъ въ 1802 г. министерствъ, такъ какъ всѣ министры вошли въ составъ Совѣта, причемъ на засѣданіяхъ послѣдняго должны были присутствовать не менѣе пяти изъ

---

[1]) Даневскій, назв. соч., стр. 45 и слѣд.; Государственный Совѣтъ, изд. Госуд. канцеляріи, стр. 5.

[2]) Щегловъ, назв. соч., т. I. стр. 740, т. II, стр. 167.

[3]) Вѣстникъ Европы 1866 г., т. I. [illegible]

нихъ, считая въ томъ числѣ и того министра, къ компетенціи котораго относилось разсматриваемое въ Совѣтѣ дѣло. Манифестомъ же, учредившимъ министерства, было опредѣлено, что „дѣла, особенную важность въ себѣ содержащія", обязательно вносились въ Совѣтъ, обыкновенныя же дѣла разсматривались въ Комитетѣ министровъ. Вплоть до учрежденія Государственнаго Совѣта Непремѣнный совѣтъ функціонировалъ въ роли высшаго законодательнаго, отчасти административнаго и даже судебнаго учрежденія [1]), хотя въ этомъ отношеніи имѣлъ сильнаго конкуррента въ лицѣ Комитета министровъ, который, благодаря присутствію на его засѣданіяхъ государя, постепенно фактически сталъ во главѣ государственнаго управленія, оттѣснивъ на второй планъ какъ Сенатъ, такъ и Совѣтъ.

Такой порядокъ вещей продолжался до тѣхъ поръ, пока во главѣ государственнаго управленія не сталъ Сперанскій, сдѣлавшійся въ полномъ смыслѣ этого слова правою рукою государя. Онъ, какъ извѣстно, пришелъ къ сознанію необходимости преобразовать все государственное устройство и началъ съ Совѣта. Было уже сказано, что въ основу своего плана онъ положилъ теорію Монтескье и, сообразно съ нею, для осуществленія административно-исполнительной власти, создалъ министерства, дѣйствовавшія подъ контролемъ *Государственнаго Совѣта*. Впрочемъ, по проекту „Уложенія государственныхъ законовъ", значеніе послѣдняго далеко не исчерпывалось названнымъ контролемъ. Задачей Государственнаго Совѣта, главнымъ образомъ, было посредничество между государемъ, съ одной стороны, и законодательной (Государственная Дума), исполнительной (министерства) и судебной (Сенатъ) властью, съ другой стороны. „Дѣйствіе этихъ трехъ учрежденій", читаемъ въ проектѣ, „соединяется въ Государственномъ Совѣтѣ и чрезъ него восходитъ къ державной власти", такъ какъ Совѣтъ стоитъ во главѣ всѣхъ государственныхъ учрежденій, составляя „вершину всей государственной организаціи и послѣднее ея звено". Въ виду этого, „въ порядкѣ государственныхъ установленій Совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и чрезъ него восхо-

[1]) Протоколы совѣта обнародованы Калачовымъ, въ сборникѣ „Архивъ Государственнаго Совѣта" и разработаны проф. Щегловымъ во II т. его „Государственнаго Совѣта въ Россіи", стр. 212—356.

дятъ къ державной власти и отъ нея изливаются". Какъ слѣдствіе изъ указаннаго значенія Совѣта, являлось участіе его въ разработкѣ законопроектовъ, поступавшихъ въ Государственную Думу. Предсѣдателемъ Совѣта былъ государь или лицо, назначенное послѣднимъ, членами же — „особы, высочайшею довѣренностью въ сословіе сіе призываемыя", а также министры, какъ члены ex officio. Совѣтъ раздѣлялся на четыре департамента: 1) законовъ, 2) дѣлъ военныхъ, 3) гражданскихъ и духовныхъ и 4) государственной экономіи. Члены департаментовъ вмѣстѣ съ особо назначенными лицами составляли общее собраніе Совѣта. Кромѣ того, при Совѣтѣ имѣлась канцелярія, подъ названіемъ государственной, изъ пяти отдѣленій, управляемая государственнымъ секретаремъ и подчиненная государственному канцлеру. Черезъ нее „идутъ всѣ дѣла, входящія въ Совѣтъ и исходящія изъ Совѣта, пріуготовляются въ ней и отъ нея, по утвержденіи ихъ отправляются къ надлежащему исполненію".

Кромѣ названнаго проекта, до насъ дошла еще „Записка о необходимости учрежденія Государственнаго Совѣта", написанная также Сперанскимъ [1]). Въ ней собраны всѣ доводы въ пользу необходимости учрежденія Совѣта, какъ мѣста „для общаго соображенія государственныхъ дѣлъ въ отношеніи ихъ къ части законодательной", а уже не мѣста для „соединенія" законовъ, администраціи и суда, какъ по проекту. Государственный Совѣтъ по Запискѣ является по преимуществу законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, на разсмотрѣніе котораго вносятся законопроекты, долженствовавшіе быть, по Проекту, внесенными на разсмотрѣніе Государственной Думы. Въ такой модифицированной формѣ Совѣтъ долженъ былъ водворить господство „закона твердаго и постояннаго", изгнать изъ управленія произволъ и личное

---

[1]) „Записка" хранится въ архивѣ Госуд. Сов. и впервые обнародована проф. Щегловымъ (назв., соч. т., I, стр. 860 и т. II, стр. 371). Она написана Сперанскимъ позже „Проекта" и представлена Александру I уже тогда, когда онъ рѣшился осуществить на практикѣ только нѣкоторыя части послѣдняго. Впрочемъ, и послѣ учрежденія Государственнаго Совѣта въ 1810 г. Сперанскій считалъ его только первымъ шагомъ на пути преобразованій государственнаго устройства Россіи въ духѣ „Проекта". Вотъ, напр., что мы читаемъ въ его отчетѣ за 1810 г. Александру I: „тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое Совѣтъ занимаетъ въ *намѣреніяхъ* Вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ *полагается еще только начало*; они судятъ объ огромномъ зданіи *по одному краеугольному камню*" (Пыпинъ, назв. соч., стр. 135).

довѣріе къ отдѣльнымъ лицамъ, благодаря которому въ законахъ „развилась великая несвязность, они часто соображались втайнѣ, издавались безъ всякаго публичнаго и единообразнаго ихъ уваженія (т. е. обсужденія), перемѣнялись по личнымъ случаямъ и удобностямъ и слабо исполнялись на дѣлѣ". Для уничтоженія подобнаго порядка вещей и необходимо было учрежденіе Государственнаго Совѣта. Дѣйствительно, послѣдній былъ торжественно открытъ 1 Янв. 1810 г., причемъ Алексаннръ I произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ сущность новаго учрежденія [1]). „Мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ", сказалъ государь, „никогда меня не оставляла. Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе Имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ, такъ какъ лица умираютъ, и одни установленія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основанія государствъ. Я имѣю удовольствіе положить твердое основаніе одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ установленій: Государственный Совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія; бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій, непремѣнныхъ и къ самому существу Имперіи принадлежащихъ" [2]).

На основаніи Учрежденія или "Образованія" Совѣта, компетенція его была опредѣлена слѣдующимъ образомъ: „въ порядкѣ государственныхъ установленій Совѣтъ составляетъ сословіе, въ которомъ всѣ части управленія, въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству, соображаются и черезъ него восходятъ къ верховной императорской власти... Посему всѣ законы, уставы и учрежденія, въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ, предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному ихъ совершенію... Никакой новый законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ Совѣта и не можетъ имѣть совершенія безъ утвержденія верховной власти". Такимъ образомъ этими постановленіями „Образованія" подчеркивался законосовѣщательный характеръ Государственнаго Совѣта, какъ онъ и былъ опредѣленъ Сперанскимъ въ его Запискѣ, но не въ Проектѣ, въ виду измѣненія возрѣній государя. Къ законодательнымъ функціямъ

---

[1]) Рѣчь была составлена Сперанскимъ, но собственноручно исправлена государемъ (Бар. Корфъ, назв. соч., т. I, стр. 118).

[2]) Даневскій, назв. соч., стр. 56, Государственный Совѣтъ, изъ Госуд. канцеляріи, стр. 18 и слѣд.

совѣта, были еще присоединены и нѣкоторыя другія, какъ-то: 1) общія внутреннія мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ; 2) объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры, „когда, по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію", 3) ежегодныя смѣты государственныхъ приходовъ и расходовъ, способы ихъ уравненія, назначеніе новыхъ издержекъ въ теченіе года и чрезвычайныя финансовыя мѣры; 4) отчеты всѣхъ министерствъ въ управленіи ввѣренными имъ частями. Съ теченіемъ времени функціи Государственнаго Совѣта расширились еще болѣе. Такъ, въ 1813 году онъ получилъ права высшаго аппелляціоннаго суда по отношенію къ Сенату [1]). Еще раньше онъ получилъ нѣкоторыя права въ области финансоваго управленія и пр.

Государственный Совѣтъ былъ раздѣленъ на четыре департамента: законовъ, военныхъ дѣлъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи, причемъ по нѣкоторымъ дѣламъ департаменты постановляли окончательное рѣшеніе [2]), по всѣмъ же остальнымъ дѣламъ рѣшеніе департамента вносилось на разсмотрѣніе общаго собранія. При совѣтѣ была учреждена канцелярія (государственная) съ государственнымъ секретаремъ во главѣ.

Сперанскій придавалъ огромное значеніе учрежденному по его иниціативѣ Совѣту. Вотъ, что писалъ онъ въ отчетѣ, представленномъ государю, за 1810 г.: „излишне было бы изображать здѣсь пользу сего установленія; приводя его въ движеніе и поддерживая личнымъ Вашимъ дѣйствіемъ, Ваше Величество, лучше другихъ можете объять все его вліяніе на общее благоустройство. Совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія. Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы

---

[1]) Дѣло въ томъ, что до 1813 г. нѣкоторыя судебныя дѣла изъ Сената поступали въ Комитетъ министровъ (напр., если съ рѣшеніемъ Сената не соглашался министръ юстиціи или же по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ), но такъ какъ разсмотрѣніе этихъ дѣлъ значительно обременяло Комитетъ, то предсѣдателемъ его было испрошено въ 1813 г. разрѣшеніе государя передавать ихъ въ Государственный Совѣтъ (Журналы Комитета министровъ, т. II, стр. 27—28).

[2]) А именно: дѣла, „заключающія въ себѣ изъясненія точнаго разума существующихъ законовъ и приложенія ихъ къ частнымъ случаямъ и не предполагающія новаго закона, устава или учрежденія, ни отмѣны прежнихъ постановленій или дополненія ихъ".

не были разсматриваемы съ большею зрѣлостью, какъ нынѣ, никогда государю самодержавному не представляли истины съ большею свободою, такъ какъ и никогда, должно сознаться, самодержецъ не внималъ ей съ большимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ“ [1]).

В. Св. Синодъ [2]).

Мотивы и цѣли учрежденія Синода и замѣны имъ патріаршей власти изложены въ Духовномъ регламентѣ, бывшемъ, какъ уже сказано, учредительнымъ актомъ духовной коллегіи, переименованной въ Св. Синодъ. Петръ I, преобразуя Московское государство по образцу существовавшаго въ то время на Западѣ, такъ называемаго, полицейскаго государства, и будучи сторонникомъ теоріи просвѣщеннаго деспотизма, съ нѣкоторыми адептами которой (напр., съ Лейбницемъ) онъ даже находился въ близкихъ отношеніяхъ, ставилъ очень высоко абсолютную власть государя, относясь крайне надружелюбно ко всему тому, что хотя бы до нѣкоторой степени ограничивало эту власть. Кромѣ того, совершая свою радикальную реформу всего государственнаго и общественнаго строя древней Руси и видя упорную, хотя и пассивную, оппозицію своей преобразовательной дѣятельности со стороны населенія, естественно не могъ сочувствовать такимъ сторонамъ московской государственной жизни, которыя могли служить, если не преградой, то во всякомъ случаѣ и до извѣстной степени препятствіемъ свободному отправленію функцій со стороны верховной власти. Такимъ препятствіемъ былъ, между прочимъ, институтъ патріаршества, причинившій не мало хлопотъ еще отцу

---

[1]) Баронъ Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго, т. 1, стр. 120.

[2]) По исторіи Синода см. Кедрова Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго; Востокова, Св. Синодъ и отношенія его къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ при Петрѣ I (Жур. Мин. Нар. Просв. 1875 г., кн. VII, VIII и XII); статью Голубева и Тихомірова „Св. Синодъ“ во II кн. сборника „Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17 Октября 1740 г. по 25 Ноября 1741 г.“; Ольшевскаго Св. Прав. Синодъ при Петрѣ Великомъ (Кіевскія Унив. Извѣстія 1894 г., кн. II и III); Попова О Св. Синодѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра В.; Барсова Св. Синодъ въ его прошломъ; Благовидова Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст. и Рункевича Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Прав. Синода.

Петра, царю Алексѣю Михаиловичу, въ его борьбѣ съ извѣстнымъ Никономъ. Затѣмъ оппозиція духовенства реформѣ, вызвавшая столь рѣзкія слова со стороны государя: „о бородачи, отецъ мой имѣлъ дѣло только съ однимъ, а мнѣ приходится имѣть дѣло съ тысячами, многому злу корень—старцы и попы", и, наконецъ, нелюбовь Петра ко всему тому, что напоминало ему „папежскій духъ", заставили его покончить съ патріаршествомъ. „Отъ единаго собственнаго правителя духовнаго можно опасаться отечеству мятежей и смущенія", гласилъ духовный регламентъ, „ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной; но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство". При такомъ взглядѣ на патріарха, какъ на лицо, облеченное властью, равной монаршей (читаемъ въ Духовномъ регламентѣ), въ случаѣ конфликта между государемъ и патріархомъ, „простыя сердца" (синонимъ „простого народа") „духовному паче, нежели мірскому, правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ и льстятъ себѣ окаянные, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ". Этимъ пользуются „коварные человѣцы", враждуюшіе на своего государя, и подстрекаютъ простой народъ къ подобному „беззаконію". Такимъ образомъ первый мотивъ уничтоженія патріаршества заключался въ чрезмѣрной власти патріарха, являвшейся опасной для цѣлости и спокойствія государства. Но, кромѣ этого мотива, былъ и другой. Петръ отчасти подъ вліяніемъ Лейбница, былъ большой сторонникъ коллегіальной системы управленія, считая ее гарантіей противъ произвола и многихъ другихъ злоупотребленій; между тѣмъ патріаршеская власть являлась вполнѣ единоличной, а въ единой персонѣ, по словамъ регламента, „не безъ страсти бываетъ, къ тому жъ не наслѣдственная власть" [1]), не говоря уже о томъ, что въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка, за случаюшимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнью, а когда въ живыхъ не станетъ его, то и паче пресѣцаются дѣла". Въ виду всего этого, составитель регла-

---

[1]) Слова, вставленныя въ регламентъ самимъ Петромъ.

мента высказывается за примѣненіе къ управленію духовными дѣлами „лучшей и совершеннѣйшей“ формы управленія, какою является коллегіальная или соборная форма. Этою послѣднею „извѣстнѣе взыскуется истина, нежели единымъ лицомъ“, такъ какъ „что единъ не постигнетъ, то постигнетъ другой, а чего не увидитъ сей, то онъ увидитъ, и тако вещь сумнительная и извѣстнѣе, и скорѣе объяснится, и какого требуетъ опредѣленія, не трудно покажется“. Кромѣ того, „и сила въ опредѣленіи дѣла у соборнаго правительства большая есть, понеже вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ“. Наконецъ, „въ коллегіумѣ не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству и лихоимному суду“, Такимъ образомъ, преимущество коллегіальной власти надъ единоличной было другимъ мотивомъ уничтоженія патріаршества и замѣны его духовной коллегіей, впослѣдствіи Синодомъ, организація, компетенція и дѣлопроизводство котораго были опредѣлены въ Духовномъ регламентѣ.

Поводомъ учрежденія Синода послужила смерть патріарха Адріана (16 Октября 1700 г.). Впрочемъ, вначалѣ Петръ распорядился только не избирать новаго патріарха, а взамѣнъ его учредилъ должность „мѣстоблюстителя патріаршаго престола“ [1]), на которую назначилъ Стефана Яворскаго. Послѣдній долженъ былъ управлять церковными дѣлами совмѣстно съ освященнымъ соборомъ, въ составъ котораго по очереди входили всѣ митрополиты, архіепископы и епископы [2]). Такимъ образомъ этотъ соборъ отличался отъ московскаго церковнаго собора, во-первыхъ, тѣмъ, что засѣдалъ постоянно, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что состоялъ изъ очередныхъ высшихъ чиновъ духовенства, а не изъ всѣхъ, какъ въ Москвѣ [3]). Иначе говоря, названный соборъ

---

[1]) Эту мысль подалъ государю извѣстный „прибыльщикъ“ Курбатовъ въ своемъ письмѣ, посланномъ Петру 25 Октября 1700 г. Онъ же рекомендовалъ учредить „особливый расправный приказъ“ для управленія церковными имуществами, что также было исполнено 24 Янв. 1701 г., когда послѣдовало возстановленіе Монастырскаго приказа. Письмо Курбатова напечатано цѣликомъ въ изслѣдованіи г. Рункевича „Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Прав. Синода“, стр. 27.

[2]) Кругъ вѣдомства мѣстоблюстителя съ соборомъ ограничивался только духовными дѣлами, т. е. о расколѣ, ересяхъ и „противностяхъ церкви Божіей“, дѣла же хозяйственныя, напр., управленіе церковными имуществами, сосредоточились въ Монастырскомъ приказѣ, во главѣ котораго былъ поставленъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ.

[3]) Впрочемъ, иногда, въ исключительныхъ случаяхъ, составъ собора расширялся. Такъ, въ 1714 г. соборъ, осудившій Тверитинова, со-

являлся ничѣмъ инымъ, какъ прообразомъ Синода, составляя промежуточное звено между послѣднимъ и древнерусскимъ церковнымъ соборомъ. Такъ продолжалось до 1721 г., когда былъ изданъ Духовный регламентъ, учредившій духовную коллегію [1]), переименованную вскорѣ (высочайшею резолюціею 14 Февр. 1721 г.) въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ [2]).

Составъ послѣдняго былъ организованъ по образцу другихъ коллегій, а именно Синодъ состоялъ изъ опредѣленнаго числа „правительствующихъ особъ" [3]), назначавшихся государемъ изъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ [4]), причемъ упомянутые духовные чины должны были по очереди исполнять обязанности синодальныхъ членовъ, состоя въ числѣ названныхъ „особъ". Эти послѣдніе образовывали присутствіе Синода, состоявшее изъ президента, двухъ вице-президентовъ, четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ. Президентъ назначался государемъ обязательно изъ архіереевъ, причемъ былъ только предсѣдателемъ, а не начальникомъ Синода. Выясненію роли президента Петръ удѣлилъ не мало мѣста въ регламентѣ. „Имя это, читаемъ въ послѣднемъ, „не гордое есть и не иное что значитъ, только предсѣдатель; не можетъ убо ниже самъ о себѣ, ниже кто иной о немъ высоко помышляти" [5]).

При Синодѣ, какъ и при Сенатѣ, было учреждено нѣсколько должностей. Такъ, при немъ вначалѣ существовали

стоялъ не только изъ однихъ архіереевъ, но также и изъ архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ (Рункевичъ, назв. соч., стр. 91).

[1]) Мысль о ней, какъ было сказано выше, занимала Петра уже въ 1717 г. Вотъ что написалъ государь на докладѣ Яворскаго, представленномъ ему въ этомъ году: „а для лучшаго впредь управленія мнится быть удобнѣе *духовной коллегіи*, дабы удобнѣе такія дѣла исправлять было возможно".

[2]) Въ Сентябрѣ 1721 г. Петръ извѣстилъ объ учрежденіи Синода константинопольскаго патріарха, который вмѣстѣ съ антіохійскимъ патріархомъ призналъ его въ 1723 г. Александрійская патріаршая каѳедра въ то время была вакантна, а іерусалимскій патріархъ заболѣлъ и „лежалъ на одрѣ".

[3]) По Духовному регламенту ихъ полагалось 12, но назначено было 11.

[4]) Относительно архимандритовъ и протопоповъ Духовный регламентъ требовалъ, чтобы они не принадлежали къ епархіи засѣдающаго съ ними архіерея, иначе, вслѣдствіе зависимости ихъ отъ послѣдняго, „двѣ или три особы будутъ уже одинъ человѣкъ".

[5]) Со смертію Стефана Яворскаго въ 1723 г., бывшаго первымъ президентомъ, названная должность фактически была уничтожена, и обязанности предсѣдателя въ Синодѣ исполнялъ одинъ изъ вице-президентовъ.

фискалы, называвшіеся инквизиторами, съ протоинквизиторомъ во главѣ. Вскорѣ они были подчинены созданной въ 1722 г. (11 Мая) должности синодальнаго оберъ-прокурора, обязанности котораго были тожественны съ обязанностями генералъ-прокурора при Сенатѣ. Онъ такъ-же, какъ и послѣдній, стоялъ во главѣ синодальной канцеріи, ближайшее завѣдываніе которой было поручено оберъ-секретарю. Однако, не смотря на равноправное положеніе съ сенатскимъ генералъ-прокуроромъ, синодальный прокуроръ, хотя и дѣйствовавшій по дословной копіи съ генералъ-прокурорской инструкціи 27 Апрѣля 1722 г., de facto въ теченіе всего царствованія Петра и его ближайшихъ преемниковъ имѣлъ очень небольшое значеніе, во многомъ завися отъ Синода, и только со времени Елизаветы Петровны синодальные прокуроры начинаютъ постепенно пріобрѣтать ту власть, которую имъ подобало имѣть въ качествѣ органовъ надзора [1]). Наконецъ, при Синодѣ существовала должность агента, переименованнаго въ 1724 г. въ экзекуторы, главная обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы слѣдить затѣмъ, „дабы духовныя дѣла въ Сенатѣ слушались прежде всѣхъ коллежскихъ дѣлъ, первыми послѣ его имп. величества указовъ", а также, чтобы „рекордовать въ Сенатѣ и коллегіяхъ настоятельно, дабы по синодскимъ вѣдѣніямъ и указамъ надлежащая отправа чинена была безъ продолженія времени". Въ противоположномъ-же случаѣ онъ долженъ былъ „протестовать" предъ „президуюшими персонами" (въ коллегіяхъ) и доносить генеру-прокурору.

Дѣлопроизводство въ Синодѣ, какъ и въ коллегіяхъ, опредѣлялось Генеральнымъ регламентомъ (гл. VI). Всякое дѣло сначала поступало въ канцелярію, на обязанности которой было составить докладъ о немъ и внести на разсмотрѣніе присутствія, т. е. общаго собранія синодальныхъ членовъ. По выслушаніи доклада, послѣдніе приступали къ преніямъ, руководимымъ президентомъ, а съ уничтоженія этой должности—вице-президентомъ. Съ 1763 г. роль предсѣдателя въ Синодѣ сталъ играть, такъ называемый, „первенствующій" членъ, каковымъ былъ сперва новгородскій, а затѣмъ петербургскій митрополитъ. Пренія заканчивались баллотировкою, причемъ подача голосовъ начиналась съ младшихъ членовъ.

[1]) Исторіи постепеннаго развитія оберъ-прокурорской власти въ Синодѣ посвящено изслѣдованіе г. Благовидова „Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст.".

дѣла рѣшались по большинству голосовъ, причемъ при равенствѣ послѣднихъ голосъ предсѣдателя давалъ перевѣсъ. Однако, въ общее собраніе Синода вносились только болѣе важныя дѣла, остальныя-же разсматривались въ особыхъ конторахъ, учрежденныхъ при Синодѣ (напр., для судныхъ дѣлъ, для инквизиторскихъ дѣлъ, для раскольническихъ дѣлъ и т. д.), изъ которыхъ большое значеніе впослѣдствіи получила московская синодальная контора. Первоначально во главѣ конторъ стояли синодальные совѣтники и ассессоры, въ московскую-же контору съ теченіемъ времени стали назначаться особые члены на правахъ синодальныхъ членовъ.

Наконецъ, нѣкоторыя дѣла (напр., возбуждавшія какія-либо сомнѣнія или разрѣшаемыя въ отсутствіе государя) Синодъ долженъ былъ рѣшать совмѣстно съ Сенатомъ на особыхъ конференціяхъ.

Въ составъ компетенціи Синода входили административныя, судебныя и законодательныя дѣла, касающіяся церкви и духовенства. Такъ, къ *административнымъ* функціямъ Синода должны быть отнесены слѣдующія дѣла: 1) наблюденіе за чистотою вѣры („здѣ наблюдать подобаетъ", гласитъ Духовный регламентъ, „аще все правильно и по закону христіанскому дѣется и не дѣется-ли что и гдѣ закону оному противное", а также „аще довольное христіанамъ наставленіе употребляется"), въ силу чего на немъ лежали слѣдующія обязанности: истолкованіе догматовъ вѣры, распространеніе христіанства среди язычниковъ, искорененіе ересей, борьба съ расколомъ, наблюденіе за чистотою обрядовъ, забота о религіозномъ просвѣщеніи народа и т. п., 2) надзоръ за церковнымъ управленіемъ, органы котораго были непосредственно подчинены Синоду; 3) назначеніе духовныхъ лицъ на мѣста и должности; 4) попеченіе о матеріальномъ положеніи церквей, управленіе церковными имуществами, переданными Петромъ Синоду изъ Монастырскаго приказа [1]) и т. п.

Что касается *судебныхъ* функцій Синода, то онѣ заключались въ разсмотрѣніи: 1) преступленій противъ вѣры (дѣла

---

[1]) Эта весьма важная мѣра, отсрочившая секуляризацію церковныхъ имуществъ почти на полъ-столѣтія, произошла по иниціативѣ Синода, который на первомъ-же своемъ засѣданіи (14 Февр. 1721 г.) рѣшилъ обратиться по поводу нея съ докладомъ къ государю. Въ докладѣ Синодъ, указывая на то, что духовныя вотчины „отъ гражданскихъ правителей пришли въ скудость и пустоту", ходатайствовалъ о передачѣ ихъ въ его вѣдѣніе. На докладѣ Петромъ написано: „быть по сему".

о богохульствѣ, расколѣ, ересяхъ и волшебствѣ); 2) преступленій противъ семейственнаго права, напр., дѣла о бракахъ, заключенныхъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства и свойства или-же совершенныхъ посредствомъ принужденія, и 3) нѣкоторыя преступленія духовныхъ лицъ, напр., при обвиненіи „въ брани, въ бою, въ кражѣ, въ обидахъ и въ безчестіяхъ“. Впрочемъ, всѣ эти дѣла входили въ составъ юрисдикціи Синода только при наличности факта „самоизвольности“, сознанія со стороны подсудимаго; если-же онъ не сознавался, и приходилось прибѣгнуть къ пыткѣ, въ такомъ случаѣ дѣло переносилось на разсмотрѣніе Сената [1]). Въ противномъ случаѣ Синодъ рѣшалъ названныя дѣла, въ качествѣ высшаго аппеляціоннаго суда. Однако, по нѣкоторымъ дѣламъ (напр., по жалобамъ на архіереевъ со стороны другихъ духовныхъ лицъ или по жалобамъ архіереевъ другъ на друга, а также по такимъ дѣламъ, въ которыхъ отвѣтчиками были синодальные члены) Синодъ, согласно Духовному регламенту и указу 22 Іюня 1722 г., фигурировалъ въ качествѣ суда первой инстанціи.

Наконецъ, степень *законодательной* власти Синода (по крайней мѣрѣ до 1722 г.) находилась въ зависимости отъ факта присутствія государя въ столицѣ или въ предѣлахъ государства или отсутствія его изъ нихъ. Въ первомъ случаѣ Синодъ, участвуя въ законодательной дѣятельности по церковнымъ дѣламъ, не пользовался правомъ санкціи закона, принадлежавшимъ исключительно государю. „Должна-же есть сія коллегія“, гласитъ Духовный регламентъ, „новыми впредь правилами дополнять регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи; однакожъ, дѣлать сіе должна коллегія не безъ нашего соизволенія“. Во второмъ случаѣ Синодъ пользовался большими правами, а именно: „буде въ отлученіи нашемъ (гласитъ резолюція Петра 19 Ноября 1721 г.) такое дѣло случится, а обождать до прибытія нашего будетъ невозможно, то Синоду согласиться съ Сенатомъ и подписать и потомъ публиковать“. Изъ цитированнаго

---

[1]) Прямого узаконенія на этотъ предметъ не было, но основанія такому правилу находили въ указѣ Петра, чтобы „всѣмъ дѣламъ криминальнымъ, которыя доходятъ до розыску и тѣлеснаго наказанія и казни— быть въ Юстицъ-коллегіи, какъ и прочимъ“. „Это правило, говоритъ г. Голубевъ, обосновывая его существованіе на цѣломъ рядѣ архивныхъ данныхъ, въ то время утвердилось и дѣйствовало въ судебной практикѣ, какъ обязательный законъ“ (Внутр. бытъ Русскаго государства, кн. II, стр. 246).

мѣста видно, что Синодъ въ отсутствіе государя пользовался меньшими законодательными правами, чѣмъ Сенатъ, такъ какъ онъ обязательно долженъ былъ совѣщаться съ Сенатомъ и издавать законъ не иначе, какъ совмѣстно съ нимъ. Напротивъ, Сенатъ дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ совершенно самостоятельно и совѣщался съ Синодомъ только при изданіи такихъ „генеральныхъ опредѣленій, въ чемъ и синодская команда заключается“, т. е. касающихся компетенціи Синода. Въ 1722 г. государь предписалъ въ случаѣ своего отсутствія „рѣшать Синоду обще съ Сенатомъ до нашей апробаціи“, т. е. „подписавъ всѣмъ, чинить, но не печатать, ниже утверждать по тѣхъ мѣстъ, пока отъ насъ оное апробовано будетъ“.

Разсматривая юридическое положеніе Синода, необходимо констатировать фактъ крайней неопредѣленности послѣдняго. Съ одной стороны, Синодъ является преемникомъ власти патріарха, на что указываетъ его титулъ „святѣйшій“. Мало того, власть Синода считается даже большею, чѣмъ патріарха. Вотъ что, напр., читаемъ въ докладѣ Синода Петру 14 февр. 1721 г., утвержденномъ государемъ: „Синоду честь изъяснять безъ всякаго умаленія и повиноватися ему во всемъ безпрекословно, понеже оный Синодъ имѣетъ честь, силу и власть *патріаршескую* или *едва-ли не большую, понеже соборъ есть*“. Самъ Петръ говорилъ въ одномъ изъ своихъ указовъ, что „за благо разсудили мы установить со властью *равнопатріаршескою* духовный Синодъ“. Затѣмъ послѣдній ставился въ равноправное положеніе съ Сенатомъ, на что, между прочимъ, указывалъ его титулъ „правительствующій“ и многіе акты, опредѣлявшіе его юридическое положеніе. „Повелѣваемъ всѣмъ“, гласитъ, между прочимъ, манифестъ 25 Янв. 1721 г. объ учрежденіи Синода, „всякаго чина духовнымъ и мірскимъ имѣть Синодъ за важное и сильное правительство“. До насъ дошелъ также слѣдующій отвѣтъ Петра на докладные пункты Синода о формѣ сношеній его съ Сенатомъ и съ коллегіями: „въ Сенатъ сноситься вѣдѣніемъ и за подписаніемъ всѣхъ (т. е. какъ равный съ равнымъ), а въ коллегіи такъ, какъ изъ Сената пишутъ, и за подписаніемъ только секретарскимъ“ (опять равенство съ Сенатомъ). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о слѣдующихъ словахъ резолюціи государя на докладъ Синода въ 1722 г. (12 Апрѣля), вполнѣ подтверждающихъ мнѣніе о равноправности Синода съ Сенатомъ: „понеже Синодъ въ духовномъ

дѣлѣ равную власть имѣетъ, какъ Сенатъ въ гражданскомъ, того ради респектъ и послушаніе ему равное отдавать надлежитъ" [1]).

И вдругъ оказывается, съ другой стороны, что Синодъ „есть коллегія, какъ и прочія коллегіи" и, въ силу этого, права его далеко не одинаковы съ Сенатомъ. Такъ, мы уже видѣли неравноправность его положенія съ послѣднимъ въ области законодательства во время отсутствія государя. Но подобная неравноправность существовала и въ присутствіи государя, такъ какъ всякіе докладные пункты Синода по законодательнымъ дѣламъ, прежде представленія ихъ Петру, проходили чрезъ Сенатъ, гдѣ подвергались обсужденію и нарѣдко измѣнялись [2]). Наконецъ, публикація синодскихъ указовъ являлась функціею Сената. Точно также и въ области суда Синодъ не былъ равноправенъ съ Сенатомъ, на что уже было указано выше. Не пользовался онъ равноправностью и въ области администраціи, такъ какъ многія его мѣры въ этой отрасли управленія также проходили чрезъ Сенатъ и даже могли быть имъ кассированы. Затѣмъ, осуществленіе этихъ мѣръ на практикѣ во многихъ случаяхъ зависѣло отъ Сената [3]). Эта неопредѣленность юри-

---

[1]) Самъ Синодъ, само собою разумѣется, всегда старался отстаиватъ свое равноправное положеніе съ Сенатомъ, До насъ дошло весьма характерное въ этомъ отношеніи объясненіе между двумя названными учрежденіями, происшедшее въ 1721 г. Оставшись недоволенъ однимъ сенатскимъ опредѣленіемъ, Синодъ писалъ Сенату, что оно „предложено ко уменьшенію его чести и учиненнаго съ Сенатомъ равенства, ибо объявляетъ Сенатъ свое приказаніе Синоду, аки бы подчиненному, не взирая на оное равенство и не упоминая того, что Синодъ имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, а къ патріаршескому лицу отъ свѣтскаго правленія повелительныхъ писемъ не посылалось" (Востоковъ, назв. ст. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г., кн. VIII, стр. 156). И въ 1723 г. Синодъ дважды указалъ на то, что онъ „въ поступкахъ и дѣйствіяхъ удостоенъ противъ Сената", и что онъ „во всемъ равенъ съ Сенатомъ" (Рункевичъ, назв. соч., стр. 331).

[2]) Г. Голубевъ въ своей статьѣ о Синодѣ, написанной на основаніи архивныхъ данныхъ (Внутр. бытъ Русскаго государства, кн. II) сообщаетъ, что при Петрѣ синодскіе докладные пункты только одинъ разъ разсматривались государемъ совмѣстно съ Синодомъ безъ всякаго участія со стороны Сената. По справедливому заключанію г. Голубева такой фактъ „несомнѣнно указываетъ на то, что Петръ считалъ Сенатъ высшимъ органомъ государственнаго управленія и единственнымъ помощникомъ въ законодательныхъ работахъ" (стр. 238).

[3]) См. назв. статью Голубева и Тихомірова (Внутр. бытъ Русскаго государства, кн. II). Даже проф. Барсовъ, отстаивающій равенство Синода съ Сенатомъ при Петрѣ, вынужденъ признать, что этотъ государь „въ своихъ частныхъ распоряженіяхъ поставлялъ Синодъ въ нѣкоторую зависимость отъ Сената" (Св. Синодъ въ его прошломъ, стр. 414). Точно также г. Благовидовъ, хотя и полемизируетъ съ г. Голубевымъ (на нашъ взглядъ, впрочемъ, далеко неудачно), въ концѣ концовъ считаетъ нужнымъ придти къ заключенію, что „существуетъ не мало несомнѣн-

дическаго положенія Синода крайне вредно отразилась на его судьбахъ послѣ смерти Петра. 99

Съ учрежденіемъ Верховнаго тайнаго совѣта, Синодъ сдѣлалъ было попытку стать выше Сената, находившагося въ то время въ періодѣ упадка, подавъ императрицѣ докладъ, въ которомъ довольно ясно намекнулъ о своемъ желаніи сноситься „вѣдѣніемъ“ съ совѣтомъ и „указами“ съ Сенатомъ. Но императрица не утвердила доклада, и Синодъ наравнѣ съ Сенатомъ сталъ получать изъ Совѣта указы, а въ Совѣтъ подавать доношенія. Вскорѣ послѣ того (въ 1726 г.) онъ былъ раздѣленъ на два „аппартамента“ (т. е. департамента), причемъ въ составъ перваго вошли шесть духовныхъ лицъ (архіереевъ), а въ составъ второго шесть свѣтскихъ лицъ. Первый вѣдалъ исключительно духовныя дѣла, второй—судебныя и административно-хозяйственныя [1]), въ силу чего и сталъ называеться коллегіей экономіи. Одновременно съ этимъ было видоизмѣнено названіе членовъ духовнаго департамента: они стали называться членами и присутствующими въ Синодѣ. Въ это время Синодъ пришелъ въ состояніе такого-же упадка, какъ и Сенатъ, что, между прочимъ, выразилось въ лишеніи его титула „правительствующій“, въ подачѣ имъ Верховному тайному совѣту ежемѣсячныхъ реестровъ о количествѣ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлъ и отчетовъ по финансовымъ дѣламъ и въ значительной эмансипаціи изъ подъ его власти коллегіи экономіи. Мало того, Верховный тайный совѣтъ постоянно вмѣшивался въ дѣла Синода, приговоры котораго очень часто не утверждались

ныхъ документальныхъ данныхъ, которыя говорятъ, что Синодъ, по своимъ полномочіямъ приравненный къ Сенату, въ практической жизни не всегда и не во всемъ стоялъ на одинаковой высотѣ съ нимъ“ (Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII и въ XIX ст., стр. 20). Послѣдній по времени историкъ Синода г. Рункевичъ старается дать слѣдующую формулировку отношеній Сената и Синода: „и Сенатъ и Синодъ, говоритъ названный ученый, были высшими органами управленія, Сенатъ по части государственной, Синодъ по части церковной съ прибавленіемъ нѣкоторой доли дѣлъ сословныхъ государственнаго характера (?!). Въ дѣлахъ церковныхъ исключительный голосъ принадлежалъ Синоду, въ дѣлахъ государственныхъ первый голосъ принадлежалъ Сенату“ (Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Прав. Синода, стр. 318). Однако, и г. Рункевичъ вынужденъ признать, что „при неясности и запутанности правовыхъ понятій того времени точное взаимоотношеніе Синода и Сената не соотвѣтствовало бы дѣйствительности“.

[1]) Манифестъ 1726 г. предписалъ во второмъ департаментѣ „быть суду и расправѣ, такожъ смотрѣнію сборовъ и экономіи и проч. по примѣру прежде бывшаго патріаршаго разряда“. По нѣкоторымъ дѣламъ этотъ департаментъ долженъ былъ сноситься не съ Синодомъ, но съ Сенатомъ.

Совѣтомъ или прямо замѣнялись распоряженіями послѣдняго. Даже такія мѣропріятія Синода, какъ избраніе кандидатовъ на епископскія каѳедры, замѣщеніе духовныхъ должностей, назначеніе священниковъ и т. п., зависѣли отъ Совѣта. Послѣдній вполнѣ контролировалъ дѣятельность Синода и, въ случаѣ замедленія рѣшеніемъ какого-либо дѣла, требовалъ объясненій отъ него [1]).

Послѣ уничтоженія Верховнаго тайнаго совѣта и съ усиленіемъ власти Сената, что, какъ извѣстно, имѣло мѣсто въ началѣ царствованія Анны Ивановны, возбужденъ былъ вопросъ и объ усиленіи значенія Синода. Послѣдній представилъ въ Сенатъ по этому поводу свое мнѣніе, въ которомъ доказывалъ необходимость несмѣняемости синодальныхъ членовъ. Мнѣніе Синода до насъ не дошло, и мы знаемъ о немъ изъ доклада Сената государынѣ, въ которомъ Сенатъ энергически высказался противъ стремленій Синода. Указывая на „требованіе" послѣдняго, „чтобы всѣмъ онаго членамъ быть безперемѣнно", Сенатъ объяснялъ наличность его ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ „получить большую власть и силу" [2]). Однако, Анна Ивановна видимо не согласилась съ мнѣніемъ Сената, такъ какъ указомъ 21 Іюля 1730 г. назначила въ Синодъ постоянныхъ, а не перемѣнныхъ членовъ.

Съ учрежденіемъ Кабинета Синодъ, по примѣру Сената, сталъ въ подчиненное положеніе къ нему, вполнѣ аналогичное съ тѣмъ, которое онъ занималъ въ отношеніи Верховнаго тайнаго совѣта. Въ это-же время коллегія экономіи была уже формально изъята изъ его вѣдомства и подчинена исключительно Сенату. Всякое сношеніе съ ней со стороны Синода должно было обязательно идти черезъ Сенатъ. Такая реформа оправдывалась тѣмъ, что въ коллегіи „состоятъ токмо сборы и другія экономическія дѣла, которыя подлежатъ къ вѣдѣнію Сената, а духовныхъ дѣлъ не бываетъ".

Правда, Елизавета Петровна возстановила прежнее значеніе Синода, но при Екатеринѣ II онъ снова былъ нѣсколько ограниченъ въ своихъ правахъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе возстановленія коллегіи экономіи (упраздненной Елизаветой Петровной) и подчиненія ея непосредственно Сенату и императрицѣ. Независимость коллегіи выразилась также и въ томъ, что по многимъ дѣламъ она получила

[1]) Барсовъ, Св. Синодъ въ его прошломъ, стр. 432 и слѣд.
[2]) См. статью Голубева и Тихомірова „Св. Синодъ" въ кн. II изданія „Внутренній бытъ Русскаго государства", стр. 269 и слѣд.

право „по довѣренности нашей (т. е. государыни) къ ней сама своею властью поступать“. При Александрѣ I значеніе Синода было значительно умалено, вслѣдствіе учрежденія 24 Октября 1817 г. министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“, причемъ министръ духовныхъ дѣлъ въ отношеніи Синода получилъ огромныя права, какъ органъ надзора и контроля надъ дѣятельностью послѣдняго. Такъ, ему принадлежали въ отношеніи Синода функціи генералъ-прокурора относительно Сената, почему онъ долженъ былъ „накрѣпко смотрѣть, дабы Синодъ въ своемъ званіи правильно и нелицемѣрно поступалъ“. Затѣмъ приговоры Синода поступали на его разсмотрѣніе, и онъ имѣлъ право возвращать ихъ обратно для новаго обсужденія вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ. Наконецъ, всѣ доклады Синода государю подносились послѣднему министромъ, который и объявлялъ Синоду высочайшія повелѣнія. Синодальный оберъ прокуроръ былъ непосредственно подчиненъ министру. Въ 1824 г. министерство духовныхъ дѣлъ было уничтожено, но всѣ права министра постепенно перешли къ синодальному оберъ-прокурору. При Александрѣ I, а именно 13 Іюля 1805 г., произошло также измѣненіе въ порядкѣ назначенія членовъ Синода. Съ этого времени къ присутствованію въ послѣднемъ стали призываться *по очереди* на извѣстный срокъ всѣ епархіальные архіереи, причемъ, до полученія высочайшаго указа объ обратномъ возвращеніи въ свои епархіи, исполняли обязанности синодальныхъ членовъ.

I. Коллегіи

Выше мы сказали, что Петръ былъ большой сторонникъ коллегіальной формы управленія, въ приказахъ-же конца XVII ст. эта форма совершенно выродилась, и, по свидѣтельству самого Петра (указъ 22 Дек. 1718 г.), главные приказные судьи рѣшали дѣла вполнѣ единолично безъ всякаго участія „товарищей“ [1]).

Находясь подъ вліяніемъ многихъ лицъ, бывшихъ адеп-

[1]) Вотъ что говоритъ Петръ въ указѣ 1718 г.: „коллегіи. т. е. собранія многихъ персонъ, въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи дѣлали, что хотѣли; въ коллегіяхъ-же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищей своихъ ничего учинить“.

тами коллегіальной системы управленія [1]), Петръ рѣшился взамѣнъ прежнихъ приказовъ учредить по образцу Даніи, Швеціи и Германіи коллегіи для отправленія отдѣльныхъ функцій въ области суда и управленія. Такъ, еще въ 1698 г., во время пребыванія Петра въ Англіи, нѣкто Френсисъ Ли подалъ ему „предложеніе о правильной организаціи правительства", именно объ учрежденіи „комитетовъ или коллегій" (всѣхъ ихъ должно было быть шесть). Затѣмъ въ 1711 г. „рудокопный офицеръ" Блигеръ представилъ государю „меморіалъ", въ которомъ высказался за необходимость учрежденія „бергъ-коллегіума, состоящаго въ искусныхъ сему художеству особахъ". Къ этому же году обыкновенно пріурочивается подача Петру извѣстнаго проекта о коллегіяхъ, приписываемаго Лейбницу [2]). „Опытъ достаточно показалъ, читаемъ въ немъ, что для государствъ и областей не можетъ быть лучшаго устройства, какъ учрежденіе хорошихъ коллегій, внутренняя организація которыхъ похожа на механизмъ часовъ, гдѣ колеса взаимно приводятъ другъ друга въ движеніе". „Какъ въ часахъ одно колесо двигаетъ другое, такъ въ большихъ часахъ—государствѣ, одна коллегія должна приводить въ движеніе другую". Авторъ проекта высказывается за учрежденіе девяти коллегій, изъ которыхъ въ особенности обращаетъ вниманіе на ученую коллегію. Наконецъ, въ 1712 г. мы встрѣчаемъ еще одно предложеніе относительно коллегій неизвѣстнаго автора, въ которомъ рекомендуется „учинить коммерцъ-коллегіумъ и ревизіонъ-коммиссіонъ, т. е. пересмотрительный приказъ, который бы во всемъ государствѣ по вся годы всѣ приходы и расходы свыше всѣхъ приказовъ считать могъ подробно". Съ 1715 года государь самъ принимается за дѣло введенія

---

[1]) До насъ дошли извѣстія о томъ, что многія лица старались воздѣйствовать на Петра въ дѣлѣ введенія коллегій. Такъ, по словамъ ганноверскаго резидента Вебера, „ген. Вейде и нѣкоторые русскіе офицеры, находившіеся въ плѣну въ Швеціи, руководятъ его величествомъ въ учрежденіи коллегій". Затѣмъ въ одномъ проектѣ, поданномъ Петру, внушалось ему, что „искусство до сего времени довольно доказало, что государство и земли въ лучшее состояніе приведены быть не могутъ иначе, какъ учрежденіемъ добрыхъ коллегій" и т. д.

[2]) Такъ, Лейбница считаютъ авторомъ проекта Пекарскій (Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., т. I, стр. 29 и слѣд.), проф. Герье (Письма и меморіалы Лейбница, стр. 312 и др.), Градовскій (Собраніе сочиненій, т. I, стр. 103) и проф. Александренко (Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII ст., т. I, стр. 464). Напротивъ, г. Милюковъ (Государственное хозяйство въ Россіи въ XVIII ст., стр. 567, прим. 3) не признаетъ Лейбница за автора проекта, ссылаясь на тотъ фактъ, что самъ Лейбницъ нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ проектѣ.

коллегій. Такъ, отъ этого года до насъ дошла собственноручная записка Петра (отъ 23 Марта) „о коллегіяхъ къ соображенію“, перечисляющая шесть коллегій, подлежащихъ введенію въ Россіи. Въ основу проекта былъ положенъ проектъ неизвѣстнаго автора, представленный государю въ томъ же 1715 году и перечисляющій не шесть, но семь коллегій съ опредѣленіемъ компетенціи каждой [1]). Тогда же Петръ командировалъ извѣстнаго Фика въ Швецію собирать матеріалы для предстоящей реформы, а своему министру при датскомъ дворѣ кн. Долгорукову предписалъ прислать печатные или письменные уставы датскихъ коллегій [2]). Одновременно съ этимъ государемъ было поручено Вейде „достать ученыхъ и въ правостяхъ искусныхъ людей для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ“. Такое же порученіе получилъ резидентъ при австрійскомъ дворѣ Веселовскій, долженствовавшій сыскать изъ шрейберовъ (писцовъ) „не гораздо высокихъ чиновъ, которые бывали на службѣ цесарской, изъ чеховъ, силезцовъ и моравянъ, которые знаютъ по-славянски, отъ всѣхъ коллегій, которые есть у цезаря, кромѣ духовныхъ, по одному человѣку, и чтобы они... могли тѣ дѣла здѣсь основать“. Въ томъ же 1715 г. извѣстный баронъ Гюйсенъ, по приказанію государя, составилъ записку объ образованіи коллегій, для которой онъ „изъ цесарскихъ, французскихъ, итальянскихъ, англійскихъ, прусскихъ и голландскихъ регламентовъ... самопотребное, что въ Россійское государство ввести можно, сочинилъ“. Въ 1717 г. Фикъ вернулся изъ заграницы и привезъ съ собою „нѣсколько сотъ регламентовъ и разныхъ вѣдомостей“. Для разработки названнаго матеріала въ помощь Фику былъ опредѣленъ Брюсъ. Оба они должны были „въ генеральныхъ терминахъ положить, какія дѣла къ какой коллегіи принадлежатъ, и что имъ вырабатывать и до чего не касаться“; кромѣ того, имъ было предписано опредѣлить штаты коллегій и размѣры жалованія, „дабы можно было выбрать со временемъ президентовъ, годныхъ къ каждой коллегіи“. Къ дѣлу реформы былъ привлеченъ еще одинъ иностранецъ, а именно Любе-

---

[1]) По предположенію (весьма вѣроятному) проф. Берендтса, въ основу этихъ проектовъ положена организація французскаго высшаго управленія того времени (Опытъ системы административнаго права, т. I, стр. 116).

[2]) Мало того, въ бытность свою въ Копенгагенѣ въ 1716 г., Петръ, по свидѣтельству датскаго исторіографа Понтопинадуса, лично осматривалъ датскія коллегіи и самъ списывалъ правила ихъ дѣлопроизводства. (Берендтсъ, назв. соч., т. I, вып. I, стр. 115).

расъ, которому государь поручилъ составить „очеркъ устройства коллегій въ правильномъ государственномъ хозяйствѣ“. Люберасъ написалъ два сочиненія: одно, касающееся государственныхъ учрежденій Швеціи, а другое, посвященное изложенію тѣхъ измѣненій, которыя, по его мнѣнію, слѣдовало въ нихъ произвести при посадкѣ на русскую почву, и, кромѣ того, составилъ 28 проектовъ, уставовъ и регламентовъ для коллегій [1]).

Между тѣмъ, на основаніи матеріала, привезеннаго Фикомъ, составленъ былъ въ томъ же 1717 г. примѣрный реестръ персонала всѣхъ коллегій, а также окончательно опредѣлено, какія коллегіи должны быть введены. Наконецъ, въ концѣ 1717 года Петръ назначилъ коллежскихъ президентовъ и вице-президентовъ, предписавъ въ теченіе года окончательно покончить съ устройствомъ коллегій. Государь собственноручно написалъ инструкцію президентамъ, которою они должны были руководствоваться при избраніи членовъ коллегій. „Выбирать президентамъ, гласила инструкція, подручныхъ или товарищей своихъ такимъ образомъ: 1) чтобы не было отнюдь свойственниковъ или собственныхъ креатуръ; 2) выбрать по два или по три человѣка во всякое мѣсто, а изъ нихъ всѣхъ коллегіи выбирать баллотиромъ“. Въ слѣдующемъ 1718 году государь издалъ указъ, которымъ оффиціально опредѣлилъ способъ устройства коллегій. „Всѣмъ коллегіямъ“, гласилъ указъ, „надлежитъ нынѣ на основаніи шведскаго устава сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ по пунктамъ регламенты, а которые пункты въ шведскомъ регламентѣ неудобны или съ ситуаціей сего государства не сходны, и оные ставить по своему разсужденію“. Однако, только въ 1719 г. оказались составленными нѣкоторые изъ регламентовъ коллегій, Генеральный же регламентъ, служащій учредительнымъ актомъ для всѣхъ коллегій, былъ изданъ въ 1720 году (28-го Февраля).

[1]) Сочиненія и проекты Любераса хранятся въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ и въ архивѣ бывшаго кодификаціоннаго отдѣла въ СПБ., содержаніе же ихъ изложено въ сочиненіяхъ Берендтса „Баронъ Люберасъ и его записка объ устройствѣ коллегій въ Россіи“ и Милюкова „Госуд. хозяйство Россіи и реформа Петра В.“; изъ послѣдняго сочиненія нами заимствованы и нѣкоторыя другія свѣдѣнія, касающіяся исторіи коллегій, стр. 564—588. См. также Берендтса Опытъ системы административнаго права, т. I. вып. I, стр. 108—125 и Александренка Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в., т. I, гдѣ довольно подробно изложена исторія коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и т. II, въ приложеніяхъ къ которому напечатана записка Фика о государственныхъ учрежденіяхъ Швеціи.

Каждая коллегія состояла изъ присутствія и канцеляріи. Въ составъ перваго входили президентъ, вице-президентъ, четыре совѣтника и четыре ассесора [1]). Послѣдніе (т. е., совѣтники и ассессоры) назначались Сенатомъ по представленію коллегій. Президентъ назначался государемъ [2]), вице-президентъ Сенатомъ, но съ утвержденіемъ (государя быкновенно Сенатъ избиралъ нѣсколькихъ кандидатовъ, изъ которыхъ государь одного и назначалъ вице-президентомъ). Президентъ исполнялъ обязанности предсѣдателя; въ качествѣ таковаго, ему принадлежала „генеральная и верховная дирекція" [3]), причемъ онъ имѣлъ право доносить Сенату о злоупотребленіяхъ и неспособности членовъ коллегіи и просить о назначеніи другихъ на ихъ мѣсто. Канцелярія состояла изъ секретаря, регистраторовъ, протоколистовъ и другихъ приказныхъ служителей. Секретарь являлся начальникомъ канцеларіи и, въ качествѣ таковаго, подготовлялъ доклады для присутствія, гдѣ ихъ и докладывалъ, принималъ прошенія челобитчиковъ, составлялъ реестръ дѣлъ и надзиралъ за дѣятельностью канцелярскихъ чиновниковъ. Протоколистъ или нотаріусъ составлялъ протоколы засѣданій присутствія; регистраторъ велъ реестры входящимъ и исходящимъ бумагамъ; актуаріусъ хранилъ у себя бумаги, отвѣчая за ихъ сохранность; переводчикъ переводилъ на русскій языкъ бумаги, написанныя на иностранныхъ языкахъ и поступавшія въ коллегіи; канцеляристы, вмѣстѣ со

---

[1]) При Екатеринѣ I въ составъ присутствія входили только двое совѣтниковъ и двое ассессоровъ, причемъ половина всего присутствія получила право по очереди не бывать на засѣданіяхъ въ виду того, что „въ такомъ множайшемъ числѣ членовъ въ исправленіи дѣлъ лучшаго успѣха не находится, но паче въ разногласіяхъ въ дѣлалъ остановка и помѣшательство происходитъ" (указъ 16 Іюля 1726 года).

[2]) Впрочемъ, президентъ Юстицъ-коллегій избирался особымъ собраніемъ изъ сенаторовъ, офицеровъ и „ста дворянъ" (указъ 12 Янв. 172? г.). Собраніе избирало 9 кандидатовъ, по три отъ каждой группы. „Сто дворянъ"—весьма любопытный институтъ, бывшій, по справедливому замѣчанію г. Богословскаго („Областная реформа Петра В.", стр. 60), своеобразной коллегіей представителей дворянства, назначенныхъ правительствомъ, которая должна была участвовать въ выборахъ кандидатовъ на высшія должности. „Дворянское сто" являлось постоянной корпораціей, что видно изъ факта неоднократныхъ собраній дворянъ, считавшихся его членами и факта увольненія послѣднихъ изъ ея состава.

[3]) Однако, по старой привычкѣ, президенты не рѣдко выходили изъ роли предсѣдателей, стремясь рѣшать дѣла единолично. Подобные факты вызвали указъ 9 Мая 1719 г., въ которомъ государь писалъ: „понеже коллегіи нынѣ устроены для того, дабы каждая съ совѣту и приговору всѣхъ своей коллегіи дѣлала, того ради подтверждается симъ указомъ, дабы президенты никакихъ дѣлъ, ни указовъ одни не дѣлали и не подписывали".

своими помощниками копiистами, приготовляли дѣла къ докладу подъ наблюденiемъ секретаря. Высшiе изъ названныхъ чиновниковъ назначались Сенатомъ по представленiю коллегiй, низшiе—самою коллегiею. Будучи знатоками законовъ и письменнаго дѣлопроизводства, канцелярскiе чины скоро прiобрѣли рѣшающее значенiе въ коллегiяхъ, и на практикѣ коллегiальное начало было сведено къ нулю, главнымъ образомъ вслѣдствiе того, что присутствiе обыкновенно соглашалось съ докладомъ канцелярiи. Подобный порядокъ вещей и вызвалъ замѣчанiе Миниха, что Россiя управляется секретарями и оберъ-секретарями [1].

При каждой коллегiи, какъ было уже сказано выше, состоялъ особый фискалъ.

Дѣла въ коллегiяхъ рѣшались слѣдующимъ образомъ: прежде слушались государственныя дѣла, а потомъ уже частныя, причемъ на рѣшенiе первыхъ полагалась недѣля, а вторыхъ шесть мѣсяцевъ. По окончанiи пренiй, приступали къ баллотировкѣ, которая обязательно должна была вестись такимъ порядкомъ, чтобы младшiе члены подавали голоса раньше старшихъ. Приговоръ составлялся по большинству голосовъ, причемъ при равенствѣ ихъ голосъ предсѣдателя давалъ перевѣсъ. Всякiй членъ, въ случаѣ разногласiя съ большинствомъ, имѣлъ право требовать занесенiя своего мнѣнiя въ протоколъ.

Всѣхъ коллегiй учреждено 12, а именно: три государственныя коллегiи—иностранныхъ дѣлъ, военная и морская (Адмиралтействъ-коллегiя); три финансовыя—Камеръ-коллегiя, вѣдавшая государственные доходы, Штатсъ-конторъ-коллегiя, вѣдавшая государственные расходы, и Ревизiонъ-коллегiя, наблюдавшая за исполненiемъ смѣтъ по доходамъ и расходамъ; три торгово-промышленныя коллегiи—Бергъ-коллегiя, вѣдавшая горное дѣло, Мануфактуръ-коллегiя, вѣдавшая промышленность, и Коммерцъ-коллегiя, вѣдавшая торговлю; затѣмъ Юстицъ-Коллегiя, имѣвшая двоякое значенiе: 1) въ качествѣ учрежденiя, управлявшаго судебною

---

[1] „Въ коллегiяхъ, справедливо замѣчаетъ проф. Алексѣевъ, благодаря недостатку подготовленныхъ и свѣдущихъ людей правила не коллективная воля коллегiи, а воля секретарей, которые господствовали не въ силу своего общественнаго положенiя, не въ силу своего политическаго вѣса, не въ силу своего знанiя, а въ силу только того, что они постигли канцелярскую мудрость, что они были знакомы съ дѣлопроизводствомъ, съ разными бумажными тонкостями, съ формальною процедурою, съ канцелярскими изворотами“ (Русское государственное право изд. 1897 г., стр. 454).

частью (надзоръ за судебными учрежденіями, руководство ихъ дѣятельностью, представленіе Сенату кандидатовъ на разныя судебныя должности) и 2) въ качествѣ аппелляціоннаго и ревизіоннаго суда по отношенію къ низшимъ судамъ, жаловаться на рѣшенія котораго можно было только въ Сенатъ; Вотчинная коллегія, явившаяся на смѣну Помѣстному приказу [1]), и Духовная коллегія, впослѣдствіи Св. Синодъ.

Почти всѣ коллегіи были не только административными, но и судебными учрежденіями, чѣмъ напоминали старые приказы, въ которыхъ также судъ и администрація не раздѣлялись [2]). Въ качествѣ судебныхъ учрежденій, онѣ главнымъ образомъ фигурировали въ роли суда второй инстанціи, и рѣшенія ихъ могли быть обжалованы въ Сенатъ, которому вообще коллегіи были подчинены. Нѣкоторыя коллегіи обладали еще своими конторами; такъ, если коллегія находилась въ Петербургѣ, то въ Москвѣ учреждалась ея контора, рѣшавшая дѣла въ большинствѣ случаевъ вполнѣ самостоятельно.

Большинство коллегій просуществовало до Екатерины II, когда многія изъ нихъ были закрыты, вслѣдствіе изданія Учрежденія о губерніяхъ 1775 года, перенесшаго коллегіи въ формѣ палатъ (казенной, гражданскаго и уголовнаго суда, губернскаго правленія, приказа общественнаго призрѣнія и т. п.) изъ центра въ провинцію и преобразовавшаго ихъ изъ органовъ центральнаго въ органы мѣстнаго управленія [3]). Оставшіяся же коллегіи были уничтожены при Александрѣ I, когда взамѣнъ ихъ государь учредилъ министерства—институтъ, построенный не на коллегіальномъ, а на единоличномъ началѣ.

Д. Министерства.

Терминъ „министръ“ неоднократно употреблялся въ императорскомъ періодѣ еще задолго до образованія министерствъ. Такъ, при Петрѣ I, существовала консилія мини-

---

[1]) Вотчинная коллегія, какъ и нѣкоторыя другія коллегіи, не имѣла своего регламента, но три проекта послѣдняго, не получившіе законодательной санкціи, до насъ дошли. См. Ардашева „Регламентъ Вотчинной коллегіи въ проектахъ 1723, 1732 и 1740 г.г.“.

[2]) Одна только Юстицъ-коллегія вѣдала исключительно судъ (гражданскій и уголовный) и не имѣла административныхъ функцій.

[3]) Слѣдующія коллегіи были упразднены при Екатеринѣ II: въ 1777 г.—Мануфактуръ-коллегія, въ 1781 г.—Штатсъ-контора и Ревизіонъ-коллегія, въ 1783 г.—Бергъ-коллегія, въ 1785 г.—Камеръ-коллегія, въ 1786 г.—Юстицъ-коллегія и въ 1796 г. Коммерцъ-коллегія. Такимъ образомъ остались только три коллегіи: Военная, Морская и Иностранныхъ дѣлъ.

стровъ, при Аннѣ Ивановнѣ Кабинетъ министровъ и т. д., но всѣ эти учрежденія не были представителями министерскаго, т. е., единоличнаго начала въ управленіи [1]). Впервые это начало стало сказываться въ царствованіе Екатерины II. Такъ, уже въ докладѣ Панина императрицѣ былъ выставленъ принципъ, что „самодержавный государь можетъ произвести свою власть въ полезное дѣйство только разумнымъ раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому персонъ". По мнѣнію Панина, государственное управленіе должно быть раздѣлено между нѣсколькими лицами, обязанными заботиться „о тѣхъ государственныхъ частяхъ, кои по ихъ натурѣ требуютъ всегдашняго поправленія, частыхъ перемѣнъ и полезныхъ новостей". Такихъ „частей", т. е., министерствъ, должно быть восемь: 1) судъ народа (министерство юстиціи), 2) внѣшняя политика (министерство иностранныхъ дѣлъ), 3) внутренняя политика—духовный законъ и права гражданскія (министерство внутреннихъ дѣлъ), 4) оборона государственная (министерства военное и морское), 5) казенныя дѣла управленія, т. е., „сравненіе и доброта ходячей монеты, государственные доходы и расходы и государственная экономія" (министерство финансовъ) и 6) торговля и промышленность. Указанныхъ рубрикъ шесть, а не восемь, потому что подъ третьей и четвертой рубриками помѣщены по два министерства. Точно также по проекту Миниха всѣ государственныя дѣла должны были распредѣляться между пятью лицами, стоявшими во главѣ департаментовъ совѣта и входившими въ составъ послѣдняго на правахъ членовъ.

На практикѣ, въ особенности въ концѣ царствованія Екатерины II, личное начало стало вытѣснять коллегіальную систему управленія (по крайней мѣрѣ, въ центрѣ), пришедшую въ состояніе полнѣйшаго упадка. Такъ, мы уже говорили, что генералъ-прокуроръ въ это время сталъ вполнѣ министромъ финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ [2]). За-

---

[1]) Впрочемъ, наличность министерскаго начала, конечно, только до извѣстной степени, можетъ быть отмѣчена и въ это время. Такъ, члены Верховнаго тайнаго совѣта завѣдывали отдѣльными отраслями управленія, по которымъ и докладывали въ совѣтѣ. Отчасти тоже самое было и въ Кабинетѣ.

[2]) Въ составъ его компенціи входило вѣдѣніе слѣдующихъ частей управленія: внутренняго управленія въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, юстиціи, ревизіи счетовъ, монетнаго дѣла, соляного и виннаго управленія, горнозаводской промышленности и банковаго дѣла; къ этому надо добавить, что генералъ-прокуроръ стоялъ во главѣ всей централь-

тѣмъ, другія отрасли управленія также постепенно стали сосредоточиваться въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, напримѣръ, народное просвѣщеніе въ рукахъ Бецкаго, пути сообщенія въ рукахъ Муравьева и т. д. Всѣ эти лица имѣли свои отдѣльныя вѣдомства, состояли подъ личнымъ надзоромъ императрицы и пользовались у нея правомъ доклада. Такимъ образомъ министерская почва, по справедливому замѣчанію А. Д. Градовскаго, была уже готова, оставалось продолжать начатое дѣло и закрѣпить его органическимъ учрежденіемъ [1]).

При Павлѣ I личное начало управленія усилилось еще болѣе [2]), во-первыхъ, вслѣдствіе подчиненія каждой коллегіи [3]) особому главному директору, не участвовавшему въ засѣданіяхъ коллегіи и сносившемуся съ нею предложеніями, но обладавшему правомъ личнаго доклада у государя и объявлявшему коллегіи высочайшія повелѣнія и, во-вторыхъ, вслѣдствіе еще большей, чѣмъ при Екатеринѣ II, дифференціаціи отдѣльныхъ отраслей управленія между лицами, пользовавшимися особымъ довѣріемъ государя (такъ, появляются должности государственнаго казначея и даже двухъ *министровъ:* удѣловъ и коммерціи). Однако, министерское начало не было согласовано съ коллегіальнымъ, въ силу чего получилась крайняя запутанность отношеній между министрами и коллегіями. Такъ, съ учрежденіемъ должности министра коммерціи, Коммерцъ-коллегія не была уничтожена, но была поставлена въ извѣстную зависимость отъ министра. Послѣдній имѣлъ право дѣлать свои замѣчанія на рѣшенія коллегіи, но не могъ ихъ измѣнять; въ случаѣ же несогласія коллегіи съ этими замѣчаніями, онъ долженъ былъ докладывать государю. Согласно инструкціи, полученной министромъ, обсужденіе разныхъ мѣропріятій относительно торговли было возложено главнымъ образомъ на него, приведеніе же въ исполненіе этихъ мѣропріятій—на

ной администраціи и обладалъ обширною властью (Градовскій, назв. соч., стр. 238 и слѣд.).

[1]) Назв. соч. (Собр. соч., т. I, стр. 271).

[2]) Самъ государь высказалъ свои взгляды на этотъ счетъ въ извѣстной „Запискѣ объ устройствѣ разныхъ частей госуд. управленія". По мнѣнію Павла I, послѣднее должно сосредоточиться въ рукахъ семи министровъ, поставленныхъ во главѣ департаментовъ: юстиціи, финансовъ, военнаго, морского, иностранныхъ дѣлъ, коммерціи и казны (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XC, стр. 1—2).

[3]) При Павлѣ I были возстановлены Коммерцъ,—Камеръ,—Бергъ и Мануфактуръ-коллегіи и, кромѣ того, продолжали существовать три государственныя коллегіи.

коллегію, въ то время какъ слѣдовало бы какъ разъ наоборотъ на основаніи правила, что обсужденіе—дѣло многихъ, исполненіе же—одного [1]).

Свое господство личное начало пріобрѣтаетъ при Александрѣ I, когда учреждаются министерства. Вопросъ о нихъ впервые обсуждался въ томъ неоффиціальномъ комитетѣ, который собирался у государя. Одинъ изъ членовъ комитета, именно Новосильцевъ, разработалъ проектъ названной реформы, по которой въ Россіи учреждалось одно министерство, раздѣленное на части, подвѣдомственныя восьми министрамъ. Этотъ проектъ и легъ въ основаніе перваго учрежденія министерствъ въ 1802 г. Въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу, былъ указанъ слѣдующій мотивъ: „мы заблагоразсудили раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ нами министровъ, постановивъ имъ главныя правила, коими они имѣютъ руководствоваться въ исполненіи всего того, чего будетъ требовать отъ нихъ должность, и чего мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія ко благу общему“ [2]). Всѣхъ министерствъ было учреждено восемь [3]), причемъ обращено вниманіе на уясненіе ихъ отношеній къ Сенату и къ коллегіямъ. Объ отношеніи министерствъ къ Сенату было уже говорено прежде, поэтому скажемъ теперь объ отношеніяхъ ихъ къ коллегіямъ. Послѣднія были *росписаны* по отдѣльнымъ министерствамъ, хотя и не вошли въ ихъ составъ въ видѣ департаментовъ, которыхъ вообще, на основаніи учрежденія 1802 года, не существовало. Отношенія между коллегіями и министер-

---

[1]) Щегловъ, назв. соч., т. I, стр. 695, т. II, стр. 94.

[2]) Въ сущности тотъ же мотивъ реформы выставляетъ и Чарторыйскій въ своихъ мемуарахъ. „Цѣлью этой реформы“, говоритъ онъ, „было отдѣлить министерства, опредѣлить ихъ границы, соединить въ каждомъ отдѣльномъ министерствѣ всѣ однородныя дѣла, централизировать руководство ими и такимъ образомъ увеличить отвѣтственность главныхъ органовъ государственной власти“ (Щегловъ, назв. соч., т. I, стр. 792).

[3]) Военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, коммерціи, финансовъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, въ положеніи, равнымъ съ министерскимъ, находилась должность государственнаго казначея. Какъ основательно замѣтилъ проф. Филипповъ, манифестъ является актомъ „мало продуманнымъ и спѣшно составленнымъ“. Такъ, съ одной стороны, онъ говоритъ объ единомъ министерствѣ, раздѣляющимся на 8 отдѣленій, а съ другой, эти отдѣленія называются особыми министерствами, во главѣ которыхъ находится повидимому совершенно самостоятельные министры (Филипповъ, назв. ст. въ Журн Мин. Юст. 1902 г., кн. 9).

ствами были крайне своеобразны. Каждая коллегія о всѣхъ дѣлахъ посылала министру *меморію*, а по дѣламъ затруднительнымъ особыя представленія. Министръ разрѣшалъ представленія, а на меморіи, если считалъ нужнымъ, дѣлалъ возраженія. И отвѣты, и замѣчанія министра сообщались коллегіямъ предложеніями. Если коллегіи не соглашались съ замѣчаніями министра, то представляли ему свои разсужденія. При подтвержденіи со стороны министра, если съ нимъ не соглашались коллегіи, мнѣнія послѣднихъ записывались въ журналъ, а резолюціи министра приводились въ исполненіе. Изъ этого видно, что первое учрежденіе министерствъ имѣло характеръ компромисса между коллегіальной и министерской системами управленія [1]). Правда, первоначально предполагалось коллегіи уничтожить и замѣнить ихъ особыми бюро (проектъ графа Кочубея), но Александръ I нашелъ, что „нельзя уничтожить разомъ всѣ старинныя формы и что достаточно подчинить ихъ министрамъ, а впослѣдствіи, когда онѣ на опытѣ окажутся безполезными, замѣнить ихъ другими учрежденіями“ [2]). И дѣйствительно, какъ свидѣтельствуетъ графъ А. Д. Гурьевъ, вскорѣ, послѣ учрежденія министерствъ, „коллегіальный порядокъ былъ отмѣненъ, и коллегіи были обращены въ департаменты и канцеляріи“ [3]).

Александръ I былъ очень доволенъ этой реформой. „Мѣра, о которой мы такъ часто говорили, писалъ онъ Лагарпу, „въ полномъ дѣйствіи: министерство образовано и идетъ хорошо уже болѣе мѣсяца. Дѣла отъ этого пріобрѣли болѣе ясности и методы, и я знаю тотчасъ, съ кого взыскать, если что не такъ, какъ слѣдуетъ“. Были довольны реформою и другіе, напримѣръ, извѣстный сторонникъ коллегіальной системы, Трощинскій, выставлявшій на видъ въ своей запискѣ, что „въ производствѣ дѣлъ сохранялся прежній коллежскій порядокъ, и власти министровъ положены предѣлы,

---

[1]) „Министры, замѣчаетъ А. Д. Градовскій, не входили органически въ составъ управляемыхъ ими коллегій, они стояли какъ бы внѣ ихъ; самое коллежское устройство осталось неприкосновеннымъ, такъ что необходимое условіе министерскаго управленія—единоличный составъ не былъ еще допущенъ въ новое учрежденіе“ (Назв. соч. въ Собр. соч., т. I, стр. 289).

[2]) Точно также и Сперанскій въ своемъ Проектѣ Уложенія государственныхъ законовъ свидѣтельствуетъ, что „казалось несходнымъ пуститься съ перваго шага въ большія уновленія и, строя новое зданіе, разрушить все прежнее до основанія“.

[3]) См. его записку „Объ устройствѣ верховныхъ правительствъ въ Россіи“ въ Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XL, стр. 58.

ибо въ обыкновенныхъ случаяхъ они не должны вмѣшиваться въ сужденія коллегій, а въ необыкновенныхъ быть только посредниками между коллегіями и государемъ, посредствомъ чего министры, получая дѣйствительно всѣ способы къ ускоренію теченія дѣлъ, не иначе могли препятствовать сему теченію, какъ подъ точною отвѣтственностью".

Однако, сами министры были крайне недовольны своимъ положеніемъ, и это недовольство высказалъ одинъ изъ нихъ, а именно Кочубей, въ своемъ докладѣ государю. Докладъ содержитъ въ себѣ изложеніе слѣдующихъ недостатковъ реформы: 1) „медленность въ дѣлахъ управленія нестерпимая составляетъ, такъ сказать, существо коллежскаго обряда"; 2) недостатокъ раздѣленія работы и постепеннаго ея совершенія; 3) множество формъ совершенно излишнихъ и образъ письмоводства весьма затруднительный; 4) недостатокъ отвѣтственности; 5) „министръ, дѣйствуя въ коллегіи, какъ главный директоръ, не можетъ иначе управлять ею, какъ только внѣшнимъ образомъ, т. е. онъ долженъ получать отъ нея меморіи о дѣлахъ текущихъ, разсматривать ея представленія, давать на нихъ предложенія, составлять доклады, предписывать по нимъ исполненіе: сколько излишней и ничего въ себѣ существеннаго не заключающей переписки! Онъ долженъ имѣть въ каждой коллегіи свою канцелярію и свой архивъ, и все сіе только для того, чтобы сказать ей свою резолюцію или объявить указъ. Сіе вводитъ министра въ безполезныя подробности, развлекаетъ вниманіе, отнимаетъ время и средства обозрѣвать ихъ въ совокупности". Докладъ заканчивался признаніемъ того основнаго положенія, что необходимымъ условіемъ правильной администраціи должна быть признана личная система управленія. „Никакъ не должно, говорится въ докладѣ, употреблять къ такому дѣлу два лица, которое можетъ кончить одно съ равнымъ успѣхомъ, ибо всякое дѣйствіе излишнее есть по тому самому дѣйствіе вредное"[1]). Докладъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и указомъ 1803 года было предписано упразднить коллегіальныя учрежденія, подвѣдомственныя министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ томъ же году во всѣхъ министерствахъ (кромѣ министерства иностранныхъ дѣлъ) были учреждены

---

[1]) Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XC, стр. 5—26. См. также Дмитріева, Сперанскій и его государственная дѣятельность (Русскій Архивъ 1869 г., стр. 1592).

департаменты, а затѣмъ мало-по-малу уничтожены и другія коллегіи.

Другимъ недостаткомъ разсматриваемой реформы, на что Кочубей не обратилъ вниманія, было крайне неопредѣленное въ юридическомъ отношеніи положеніе особаго государственнаго учрежденія, впервые установленнаго учрежденіемъ министерствъ 1802 года и, въ силу этого, вскорѣ узурпировавшаго многія права Непремѣннаго совѣта и Сената. Мы говоримъ о *Комитетѣ Министровъ*, учрежденіе котораго находилось въ тѣснѣйшей связи съ учрежденіемъ министерствъ [1]).

Еще въ неоффиціальномъ комитетѣ былъ возбужденъ вопросъ объ этомъ установленіи. Такъ, на одномъ изъ засѣданій комитета въ 1801 году нѣсколькими его членами была высказана мысль, что всѣ важнѣйшія государственныя дѣла должны разсматриваться въ Непремѣнномъ совѣтѣ, дѣла же, требующія особенной тайны, необходимо обсуждать въ особомъ комитетѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, а именно 21 Апрѣля 1802 года, въ неоффиціальномъ комитетѣ былъ снова возбужденъ вопросъ о разсматриваемомъ учрежденіи, когда при чтеніи Новосильцевымъ своего проекта о министерствахъ, онъ высказалъ слѣдующую мысль относительно способа составленія докладовъ государю: „Доклады долженствовали подвергаться обсужденію комитета, составленнаго изъ всѣхъ министровъ, и, въ случаѣ несоблюденія сей формальности, каждый изъ нихъ имѣлъ бы право дѣлать отъ себя представленія по предмету доклада". Въ виду того, что государь изъявилъ нѣкоторое сомнѣніе относительно пользы подобнаго установленія, члены комитета постарались убѣдить его въ цѣлесообразности послѣдняго, заявляя, что „всѣ отрасли управленія составляютъ какъ бы звенья цѣлаго; слѣдовательно, всякое новое распоряженіе должно быть обсуждаемо совокупно всѣми лицами, участвующими въ управленіи, дабы дѣйствія одного изъ нихъ не мѣшали другому, и чтобы всѣ части государственной администраціи были направлены къ общей цѣли. Мѣры сіи могли также предупредить, чтобы министры не вводили въ заблужденіе государя и, будучи связаны между со-

---

[1]) Куломзинъ, Журналы Комитета министровъ, т. I и II; Середонинъ, Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ, т. I; *моя* статья „Комитетъ министровъ въ началѣ царствованія Александра I" (Юрид. Вѣстникъ 1889 г., т, III).

бою взаимною отвѣтственностью, оставались въ точныхъ предѣлахъ своихъ обязанностей". Государь согласился съ этими доводами. Затѣмъ, члены комитета снова высказались за то, „чтобы текущія дѣла рѣшались въ комитетѣ министровъ, а важнѣйшие вопросы вносились на обсужденіе въ совѣтъ". Такимъ образомъ, изъ сказаннаго видно, что, съ точки зрѣнія членовъ неоффиціальнаго комитета, вновь проектированный Комитетъ министровъ долженъ былъ явиться такимъ учрежденіемъ, въ которомъ всѣ новыя распоряженія или предположенія министровъ, предварительно представленія ихъ на утвержденіе государя, подвергались бы совокупному со стороны всѣхъ министровъ обсужденію, для достиженія полнаго по отношенію къ нимъ соглашенія всѣхъ вѣдомствъ, и который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ бы гарантіей противъ возможности нарушенія отдѣльными министрами путемъ единоличныхъ докладовъ необходимаго единства въ направленіи и образѣ дѣйствій правительства. Въ этомъ стремленіи къ установленіи солидарности въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ отдѣльныхъ органовъ правительственной власти и къ централизаціи этой власти заключается вся сущность совершившагося въ то время административнаго переустройства вообще и въ частности учрежденія Комитета министровъ [1].

Если мы обратимся къ „Образованію" министерствъ 1802 года, то убѣдимся въ истинности сказаннаго. На основаніи ст. 15 Образованія „всѣ министры суть члены Совѣта, дѣла же обыкновенныя трактуются въ Комитетѣ, составленномъ единственно изъ министровъ". Затѣмъ, на основаніи ст. 10 и 11 выясняется еще другое назначеніе Комитета, а именно, въ случаѣ представленія государю со стороны кого либо изъ министровъ доклада, осуществленіе котораго на практикѣ сопряжено „съ отмѣною существующихъ законовъ" или вызоветъ необходимость „изданія новыхъ узаконеній", „каждый министръ, прежде поднесенія государю такого доклада, долженъ предварительно предложить прочимъ министрамъ для обсужденія и надлежащаго соображенія со всѣми государственными частями". Такимъ образомъ, задача Комитета заключалась 1) въ разсмотрѣніи „дѣлъ обыкновенныхъ", болѣе точно не опредѣленныхъ въ законѣ и 2) „въ соображеніи со всѣми государственными частями" министер-

---

[1]) Журналы Комитета министровъ, томъ 1, предисловіе, стр. 9.

скихъ докладовъ, имѣющихъ цѣлью видоизмѣненіе существующаго законодательства.

Вскорѣ послѣ своего учрежденія, Комитетъ министровъ, въ составѣ своихъ членовъ, т. е. министровъ, ихъ товарищей и государственнаго казначея, собрался на первое свое засѣданіе, въ которомъ постановилъ ходатайствовать предъ государемъ, „не благоугодно ли будетъ ему удостоить Комитетъ своимъ присутствіемъ", что имѣло огромное значеніе въ исторіи Комитета, служа факторомъ увеличенія его власти и сконцентрированія въ немъ всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ. Государь согласился съ постановленіемъ Комитета и рѣдко когда не посѣщалъ его засѣданій.

Въ 1805 и 1808 г.г. были изданы правила, долженствовавшія опредѣлить компетенцію и дѣлопроизводство Комитета; однако, не смотря на это, положеніе его оставалось въ сущности крайне неопредѣленнымъ. Въ особенности этой неопредѣленностью отличалась его компетенція. Какъ „дѣла обыкновенныя" учрежденія 1802 года, такъ и различныя „категоріи дѣлъ" правилъ 1805 и 1808 годовъ требовали дальнѣйшаго разъясненія въ законодательномъ порядкѣ, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ Комитетомъ функціонировали еще Сенатъ и Непремѣнный совѣтъ, въ составъ компетенціи которыхъ также входило вѣдѣніе различныхъ „дѣлъ", почти не разграниченныхъ отъ дѣлъ Комитета [1]).

Между тѣмъ, не смотря на эту юридическую неопредѣленность своего положенія, Комитетъ министровъ вскорѣ занялъ вполнѣ опредѣленное de facto мѣсто, чему главнымъ образомъ способствовало постоянное присутствіе государя на его засѣданіяхъ. Не будучи ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ никакими законодательными предѣлами и благодаря присутствію государя на его засѣданіяхъ, Комитетъ въ самомъ скоромъ времени сдѣлался средоточіемъ всего государственнаго управленія, „верховнымъ мѣстомъ имперіи", какъ это видно изъ журналовъ его засѣданій, обнародован-

---

[1]) Правила 1805 г. опредѣлили компетенцію Комитета слѣдующимъ образомъ. Онъ разрѣшаетъ „дѣла": 1) „по которымъ министръ обязанъ подносить его императорскому величеству всеподданнѣйшіе доклады, 2) изъ текущихъ дѣлъ тѣ, которыя угодно будетъ государю особымъ повелѣніемъ къ тому назначить, и 3) которыя министръ, для разрѣшенія собственныхъ сомнѣній, сочтетъ за нужное туда представить". Правила 1808 года нѣсколько видоизмѣнили эту компетенцію, предписавъ вносить въ Комитетъ тѣ изъ текущихъ дѣлъ, которыя требуютъ высочайшей резолюціи, а также дѣла по нѣкоторымъ отраслямъ управленія, перечисленнымъ въ правилахъ (Журналы Комитета министровъ, т. I, стр. 15 и 18).

ныхъ статсъ-секретаремъ Куломзинымъ, узурпировавъ такимъ образомъ права Сената и Совѣта [1]).

Такое ненормальное положеніе вещей вызвало сѣтованіе со стороны не только такихъ принципіальныхъ противниковъ министерскаго управленія, какъ Трощинскій и Карамзинъ, но и со стороны такого приверженца названнаго управленія, какъ Сперанскій. „Всѣ принятые въ 1802 г. къ ограниченію власти министровъ мѣры, писалъ Трощинскій, сдѣлались недѣйствительными, и Сенатъ лишился способа дѣйствовать во всѣхъ его частяхъ, кромѣ судебной; самыми сильными сенаторами по своему мнѣнію были министры“[2]). Еще болѣе рѣзко, какъ мы уже видѣли, выражался Карамзинъ въ своей „Запискѣ о древней и новой Россіи“. „Министры, читаемъ у него, основавъ свое бытіе на развалинахъ коллегій, стали между государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величіе, хотя подвѣдомые—ему отчетами, но сказавъ: „я имѣлъ счастіе докладывать государю“, заграждали уста сенаторамъ, и сія мнимая отвѣтственность была пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые миииистрами, одобряемыя государемъ, сообщались Сенату только для обнародованія; выходило, что Россіею правили министры“. Что касается Сперанскаго, то свои воззрѣнія по этому предмету онъ высказалъ въ запискѣ „О государственеыхъ установленіяхъ“[3]). Говоря объ организаціи министерствъ въ 1802 г., онъ замѣчаетъ, что три главныя неудобства опытомъ обнаружены въ семъ установленіи“: 1) смѣшеніе дѣлъ и власти между Сенатомъ и министерствами, 2) введеніемъ коллегій въ составъ министерствъ хотя усилены скорость и единство управленія, но за то ничѣмъ не преграждена самопроизвольность дѣйствій и не удостовѣрена зрѣлость соображеній, 3) неопредѣленность власти и недостатокъ отвѣтственности.

---

[1]) Какъ было указано выше, по манифесту 8 Сент. 1802 г. Сенатъ долженъ былъ разсматривать отчеты министровъ, а на дѣлѣ послѣдніе въ Комитетѣ разсматривали, измѣняли и даже отмѣняли приговоры Сената (Середонинъ, Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ, т. I, стр. 10, 77 и слѣд.).

[2]) Сборн. Русск. Ист. Общ., т. III, стр. 35—42. По мнѣнію Трощинскаго, система министерскаго управленія „въ такомъ только случаѣ допустительна: 1) когда всѣ мѣста заняты чиновниками одинаковой честности и одинаковой степени просвѣщенія, и 2) когда чиновники, пользующіеся личною властію, встрѣчаютъ преграду въ народныхъ установленіяхъ, имѣющихъ достаточную силу для составленія противовѣсія ихъ произволу“ (Тамъ же, стр. 45).

[3]) Напечатана въ Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній Калачова 1859 г., кн. 5, стр. 42 и слѣд.

Столь ненормальное положеніе государственныхъ учрежденій вообще и Комитета министровъ въ частности вынудило правительство Александра I-го приступить къ новымъ реформамъ. Дѣйствительно, съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта въ 1810 году, съ преобразованіемъ министерствъ въ 1811 и 1812 годахъ и съ изданіемъ „Учрежденія" Комитета министровъ 1812 года прекратилась неопредѣленность положенія высшихъ органовъ управленія, и дѣятельность Комитета министровъ постепенно стала вводиться въ очерченные закономъ предѣлы [1]).

§ 3. *Мѣстное управленіе.*

А. Правительственное управленіе.

Мѣстное управленіе также подверглось реформѣ при Петрѣ I, причемъ за образецъ были приняты шведскіе порядки. Реформа началась съ указа 1702 года, отмѣнившаго губныхъ старостъ и сыщиковъ и передавшаго ихъ функціи въ руки воеводъ. Однако, послѣдніе должны были управлять совмѣстно съ особыми *дворянскими совѣтами*, члены которыхъ (въ большихъ городахъ по три и по четыре, въ небольшихъ— по два) избирались по уѣздамъ помѣщиками и вотчинниками изъ своей среды, „изъ добрыхъ и знатныхъ людей". Воеводы были обязаны „всякія дѣла вѣдать обще съ дворянами, и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и дворянамъ всякому своими руками", а одному воеводѣ „безъ нихъ дворянъ, дѣлъ никакихъ не дѣлать и указу никакого не чинить". Такимъ образомъ, коллегіальное начало оказалось перенесеннымъ и въ сферу мѣстнаго управленія.

Въ 1708 г. (въ 1710 г.), какъ уже было сказано, Петръ учредилъ губернаторовъ, поставленныхъ во главѣ губерній, причемъ поручилъ имъ вѣдать чрезвычайно многочисленныя и сложныя дѣла. Такъ, губернаторамъ принадлежали извѣстныя функціи въ области военнаго управленія, а именно: они должны были заботиться о правильномъ отправленіи рекрутской повинности, о снабженіи войскъ провіантомъ и фуражемъ, о размѣщеніи полковъ по губерніямъ, о постройкѣ и содержаніи крѣпостей и т. п. Затѣмъ имъ принадлежали

---

[1]) См. *мою* статью въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1889 года „Комитетъ министровъ въ началѣ царствованія Александра I го", подробности же см. у Середонина Истор. обзоръ дѣятельности Комитета министровъ, т. I.

извѣстныя функціи въ области финансоваго управленія, а именно: надзоръ за правильнымъ поступленіемъ податей и за отправленіемъ повинностей. Наконецъ, въ ихъ рукахъ сосредоточивалось не мало полицейскихъ функцій, а именно: вѣдѣніе почтовой части, борьба съ повальными болѣзнями, преслѣдованіе бѣглыхъ и безпаспортныхъ, производство смотровъ недорослямъ и т. п. Губернаторы зависѣли непосредственно отъ Сената, являясь исполнителями его предначертаній. Иногда они даже и назначались сенатскими, а не именными указами[1]). Власть губернаторовъ ограничивалась особыми выборными органами, такъ называемыми, *ландратскими коллегіями*, заимствованными изъ Остзейскаго края и состоявшими изъ 12, 10 или 8 членовъ, (смотря по величинѣ городовъ), избираемыхъ дворянами и утверждаемыхъ Сенатомъ. Губернаторъ въ отношеніи ихъ былъ „не яко властитель, но яко президентъ" и „никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлалъ". Въ скоромъ времени, однако, ландраты были поставлены во главѣ долей, „для управленія всякихъ сборовъ и земскихъ дѣлъ", въ предѣлахъ которыхъ, на основаніи указа 1 Іюля 1716 года, и было опредѣлено постоянное ихъ мѣстопребываніе (этотъ указъ предписываетъ ландратамъ завести въ доляхъ свои дворы для помѣщенія „приказа, тюрьмы и хоромъ, гдѣ можно имъ жить"). При губернаторѣ же были оставлены два ландрата, а управлявшіе долями должны были съѣзжаться въ губернскій городъ разъ въ годъ, „для счета и исправленія дѣлъ". Такимъ образомъ, ландраты изъ товарищей губернатора оказались въ подчиненномъ у него положеніи, что, конечно, не согласовалось совершенно съ духомъ первоначальной реформы. Кромѣ ландратовъ, въ подчиненіи у губернаторовъ находились и другіе областные правители, а именно: вице-губернаторы, воеводы, коменданты и приказные люди. Послѣдніе (дьяки, секретари и др.) входили въ составъ губернскихъ и другихъ канцелярій, существовавшихъ при губернаторахъ и нѣкоторыхъ областныхъ правителяхъ, напр., воеводахъ.

Съ учрежденіемъ въ 1719 году провинцій, во главѣ ихъ были поставлены воеводы, подчиненные губернаторамъ[2]),

---

[1]) Мрочекъ-Дроздовскій, назв. соч., стр. 27 и 141; Блиновъ, Губернаторы, стр. 94 и слѣд:

[2]) Впрочемъ, первоначально воеводы подчинялись губернаторамъ только въ военномъ и судебномъ отношеніи, а во всемъ остальномъ считались независимыми, но подобная независимость не могла долго удержаться въ виду необходимости для воеводъ сноситься съ центромъ

въ виду того, что провинція въ скоромъ времени стала частію губерніи. Воеводы получили особую инструкцію, переведенную со шведской инструкціи ландсгевдингамъ 1687 года, должность которыхъ имѣла много общаго съ должностью воеводы. Согласно съ ней, воевода долженъ былъ заботиться о расквартировкѣ и продовольствіи войскъ, бороться со шпіонствомъ и заботиться о хорошемъ состояніи крѣпостей. Затѣмъ, ему принадлежали нѣкоторыя функціи въ области казеннаго управленія; такъ, онъ наблюдалъ за казенными заводами, лѣсами, рудниками, за собираніемъ и исправнымъ поступленіемъ доходовъ. Въ области судебныхъ дѣлъ, „хотя ему не подлежало ссоръ тяжебнаго дѣла между подданныхъ судить и судьямъ въ расправѣ ихъ помѣшательство чинить", однако, на него возлагалось: пресѣченіе волокиты, отсылка преступниковъ къ суду и распоряженіе по приведенію въ дѣйствіе судебныхъ приговоровъ. Наконецъ, воеводѣ принадлежало не мало полицейскихъ функцій (см. ниже). Точно также воевода надзиралъ за дѣятельностью всей провинціальной администраціи, но сносился съ органами центральнаго управленія, не иначе, какъ черезъ губернатора. Вообще отношенія воеводы къ губернатору были весьма неясны, что объяснялось намѣреніемъ правительства замѣнить губернское управленіе провинціальнымъ. При воеводѣ находилась земская канцелярія, во главѣ которой стоялъ земскій секретарь, докладывавшій дѣла воеводѣ.

Одновременно съ воеводами государь учредилъ еще одну должность, также заимствованную изъ Швеціи,—земскихъ камерировъ, поставленныхъ въ зависимость отъ Камеръ-коллегіи и завѣдовавшихъ мѣстными сборами. Согласно инструкціи, также переведенной со шведскаго, камериръ являлся „знатнѣйшимъ камернымъ чиновникомъ въ провинціи" и, въ качествѣ такового, получалъ всѣ отчеты отъ мѣстныхъ властей, представляя ихъ на разсмотрѣніе Камеръ-коллегіи и Штатсъ-конторы. Обязанности его, кромѣ отчетности, заключались въ наблюденіи за всѣми сборами, въ надзорѣ за продовольствіемъ войскъ, за подрядами и поставками провіанта и фуража въ армію, за государственными имуществами и отдачей на откупъ казенныхъ статей и за хозяйствомъ общественныхъ учрежденій. Камериръ состоялъ

черезъ губернаторовъ и въ виду отвѣтственности губернаторовъ за воеводскія недоимки (Богословскій, Областная реформа при Петрѣ В., стр. 76 и слѣд.).

„подъ вѣдѣніемъ и надзираніемъ“ воеводы и самостоятельно велъ только текущія дѣла. Дѣла же, выходящія за предѣлы текущихъ, велись имъ совмѣстно съ воеводою.

Въ вѣдѣніи камерировъ находились земскіе коммиссары—прообразъ будущихъ земскихъ исправниковъ. До послѣдняго времени въ научной литературѣ не различались земскіе коммиссары по назначенію правительства отъ выборныхъ земскихъ коммиссаровъ. Но съ появленіемъ труда г. Богословскаго объ областной реформѣ Петра Великаго необходимо признать въ исторіи этого института два періода: первый—съ 1719 по 1724 г., когда были учреждены и дѣйствовали земскіе коммиссары, безсрочно назначаемые Камеръ-коллегіей, и второй—съ 1724 г., когда рядомъ съ первыми начинаютъ дѣйствовать „коммиссары отъ земли“, избираемые дворянами. Округомъ назначаемыхъ коммиссаровъ была новая областная единица—дистриктъ, въ большинствѣ случаевъ совпадавшій съ уѣздомъ. Функціи ихъ состояли въ сборѣ всѣхъ доходовъ подъ наблюденіемъ камерировъ, что являлось „главнѣйшею должностью“ коммиссаровъ, въ надзорѣ за правильнымъ исполненіемъ рекрутской, постойной и другихъ повинностей, въ вѣдѣніи путей сообщенія, въ принятіи полицейскихъ мѣръ противъ бѣглыхъ и разбойниковъ, въ смотрѣніи затѣмъ, „чтобы подданные при всѣхъ случаяхъ къ страху Божію и добродѣтели, къ добрымъ поступкамъ, правдѣ и справедливости ко всѣмъ людямъ, такожъ и къ подданнѣйшей вѣрности его величеству обучены и наставливаны были“, и въ содѣйствіи отправленію правосудія, напримѣръ, въ производствѣ дознанія, въ представленіи преступниковъ въ судъ, въ исполненіи приговоровъ суда и тому подобное [1].

Выборные коммиссары, учрежденные въ 1724 г. для сбора подушной подати, избирались на годъ дворянствомъ уѣзда (дистрикта), а въ недворянскихъ уѣздахъ всѣми „обывателями“, причемъ, по окончаніи службы, представляли отчетъ о своей дѣятельности избирателямъ на особомъ съѣздѣ, пользовавшимся правомъ „штрафовать“ (т. е. наказывать) ихъ за неисправность. Мало того, съѣздъ судилъ ихъ за всѣ преступленія по должности и могъ примѣнять всякія наказанія, кромѣ смертной казни. Дистриктомъ выборнаго коммиссара являлся округъ, въ которомъ былъ расположенъ на души

[1]) Земскіе коммиссары получили также особую инструкцію (въ 1719 году), переведенную со шведской инструкціи герадсфоху 1688 года.

полкъ и количество населенія котораго было достаточно для содержанія полка путемъ сбора подушной подати. Дѣятельность выборныхъ коммиссаровъ опредѣлялась особой инструкціей, составленной въ 1724 г. Согласно ей, а равно и послѣдующимъ указамъ, выборные коммиссары—прежде всего финансовые чиновники, а затѣмъ уже полицейскіе. Главной ихъ обязанностью является сборъ подушной подати и передача ея полковому начальству. Въ виду этого, становится понятнымъ зависимость коммиссаровъ отъ полковника, а не отъ камерира или воеводы. Впрочемъ, находясь въ вѣдѣніи военнаго начальства, выборный коммиссаръ подчинялся и Камеръ-коллегіи, съ которой сносился непосредственно [1]).

Одновременно съ названными должностями, Петръ учредилъ также и земскихъ *рентмейстеровъ*, т. е., казначеевъ, функціи которыхъ заключались въ пріемѣ поступленій какъ отъ самихъ плательщиковъ, такъ и отъ коммиссаровъ, въ храненіи ихъ въ особой земской казнѣ (рентереѣ) и въ выдачѣ по ассигновкамъ воеводы и камерира. Рентмейстеры получили также особую инструкцію, переведенную со шведскаго [2]).

Реформы Петра въ области мѣстнаго управленія подверглись коренной ломкѣ при его преемникахъ. Послѣдніе мотивировали необходимость такой ломки въ указѣ 9 Января 1727 года [3]). „Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ, читаемъ въ указѣ, „не только служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народа, понеже вмѣсто, что прежде къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, нынѣ къ 10 и можетъ и больше, а всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей и свой особливый судъ, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящей народной тягости ежедневно происходятъ или происходить будутъ". Въ виду этого, указъ предписалъ „всѣхъ лишнихъ управителей и

---

[1]) Богословскій, назв. соч., стр. 404 и слѣд.

[2]) Должность рентмейстера существовала недолго и была уничтожена въ 1726 году, причемъ функціи ея перешли къ камериру.

[3]) Въ основу этого указа легло мнѣніе Меньшикова, заслушанное въ Сенатѣ. Въ немъ, между прочимъ, тогдашній фактическій правитель государства писалъ: „теперь надъ крестьянами десять и больше командировъ вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками. въ стадо ворвавшимися, назваться могутъ".

канцеляріи, и конторы земскихъ коммиссаровъ, и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить". Правительство пощадило только губернаторовъ и воеводъ, въ рукахъ которыхъ (особенно послѣднихъ) и сосредоточились всѣ функціи мѣстнаго управленія и суда (при Петрѣ была сдѣлана попытка отдѣлить судъ отъ администраціи, какъ объ этомъ увидимъ ниже) [1]. Въ помощь названнымъ должностнымъ лицамъ были оставлены, получившія теперь важное значеніе, канцеляріи: губернская при губернаторѣ, провинціальная при провинціальномъ воеводѣ и воеводская при уѣздномъ воеводѣ. Въ составъ канцелярій входили: губернаторскій или воеводскій товарищъ (смотря, потому при комъ находилась канцелярія), секретарь, канцеляристы и копіисты, причемъ высшіе канцелярскіе чиновники (т. е. секретарь и канцеляристы) обязательно должны были назначаться изъ дворянъ. Канцеляріи подчинялись губернаторамъ, такъ какъ правительство неоднократно подтверждало, что онѣ „въ точной губернаторской дирекціи состоять имѣютъ" [2]. Воеводы также были подчинены губернаторамъ, „чтобъ, вѣдая надъ собою ближнюю команду, осторожнѣе и исправнѣе поступали". Для руководства имъ былъ составленъ особый наказъ (12 Сентября 1728 года), въ отличіе отъ предъидущихъ инструкцій, заимствованный уже не изъ Швеціи, но въ значительной степени повторяющій постановленія воеводскихъ наказовъ XVII ст. Согласно ему, воевода получилъ функціи упраздненныхъ камерира и рентмейстера, т. е., онъ велъ и провѣрялъ книги, необходимыя для отчетности, а также собиралъ сборы и расходывалъ ихъ по ассигновкамъ финансовыхъ коллегій. Затѣмъ, ему принадлежали весьма обширныя полномочія въ области администраціи вообще и полиціи въ частности, а также въ области какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго суда. При Аннѣ Ивановнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ, воеводы, въ предупрежденіе лихоимства и вообще „обидъ и разореній" съ ихъ стороны, назначались на короткое время (при Аннѣ Ивановнѣ—на два года, при Елизаветѣ Петровнѣ—на пять лѣтъ), и только тѣ изъ нихъ могли разсчитывать на дальнѣйшее исправленіе своей должности, за которыхъ высказывалось мѣстное населеніе.

[1]) Впрочемъ, должность выборнаго земскаго коммиссара продолжала свое существованіе, но земскіе коммиссары были подчинены воеводамъ.

[2]) Дмитріевъ, Исторія судебныхъ инстанцій отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ (Сочиненія т. I, стр. 449 и слѣд.); Блиновъ, назв. соч., стр. 62.

Такъ продолжалось до Екатерины II, когда правительство снова вступило на путь реформъ [1]). О послѣднихъ ходатайствовали сословія въ своихъ наказахъ, подданныхъ въ законодательную комиссію 1767 года [2]); въ особенности этимъ занялось дворянство, причемъ наказы его по своимъ стремленіямъ могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: къ первой относятся такіе, которые желаютъ, по крайней мѣрѣ, въ уѣздахъ всѣ функціи мѣстнаго управленія передать въ руки дворянства, органъ котораго дворянскій съѣздъ избираетъ уѣздныхъ должностныхъ лицъ и контролируетъ ихъ дѣятельность. Ко второй категоріи относятся такіе, которые высказываются за одновременное существованіе двухъ администрацій—правительственной и дворянской, а именно: правительство назначаетъ въ уѣздъ воеводу, дворянство же избираетъ его „товарища" [3]).

---

[1]) Впрочемъ, уже Елизавета Петровна сдѣлала попытку реформировать строй мѣстнаго управленія въ духѣ политики своего отца. Такъ, незадолго до своей смерти (указомъ 5 Іюня 1761 г.). она предоставила помѣщикамъ право избирать изъ своей среды воеводъ. Таковыми должны были быть лица, владѣвшія населенными имѣніями вблизи городовъ и имѣвшія возможность содержать себя собственными доходами. Едвали, однако, этотъ указъ былъ приведенъ въ исполненіе.

[2]) Еще до созванія комиссіи 1767 года правительство приступило къ нѣкоторымъ реформамъ; такъ, 21 Апрѣля 1764 г. было издано,такъ называемое, „Наставленіе губернаторамъ", въ которомъ императрица обратила вниманіе на мѣстное управленіе. „Все цѣлое, гласило„ Наставленіе", не можетъ быть отнюдь совершенно, если части его въ непорядкѣ и неустройствѣ пребудутъ. Главныя же части, составляющія цѣлое отечество наше, суть губерніи, и онѣ самыя тѣ, которыя болѣе всего исправленія требуютъ". „Наставленіе" значительно эмансипировало губернаторовъ изъ подъ власти коллегій. „Губернаторъ, читаемъ въ немъ, какъ повѣренная отъ насъ особа и какъ глава и хозяинъ всей врученной его смотрѣнію губерніи, состоять имѣетъ подъ собственнымъ нашимъ и Сената нашего вѣдѣніемъ, потому и указы только отъ насъ и Сената нашего пріемлетъ". Это положеніе вполнѣ тождественно съ основною мыслью Учрежденія 1775 года. Согласно „Наставленію", губернаторамъ были ввѣрены обширныя права надзора и активнаго управленія, также напоминающія права, предоставленныя генералъ-губернаторамъ учрежденіемъ 1775 года.

[3]) См. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст." т. I, стр. 411. Кромѣ наказовъ, изъ которыхъ императрица могла ознакомиться съ желаніями сословій на счетъ реформъ въ области мѣстнаго управленія, ей былъ представленъ въ 1775 г. проектъ такихъ реформъ, составленный московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ М. Н. Волконскимъ, стоящій весьма близко къ Учрежденію о губерніяхъ 1775 г. По проекту территорія государства должна быть раздѣлена на губерніи съ населеніемъ отъ 300 до 400 тысячъ душъ „въ подушномъ окладѣ", что и было установлено Учрежденіемъ о губерніяхъ. Въ каждой губерніи проектъ предлагаетъ учредить четыре коллегіи: 1) губернскую, раздѣленную на четыре департамента, а именно: криминальныхъ и полицейскихъ дѣлъ, экономическихъ дѣлъ, крѣпостныхъ дѣлъ и счетный, 2) коллегію вотчинныхъ и судныхъ дѣлъ, 3) государственныхъ доходовъ и 4) горныхъ, мануфактурныхъ и коммерческихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ губернской коллегіи, по проекту, является губернаторъ, ко-

Екатерина II до извѣстной степени удовлетворила желанія дворянъ путемъ изданія Учрежденія о губерніяхъ 1775 года, преобразовавшаго весь строй мѣстнаго управленія [1]). Этому важному законодательному акту предпосланы мотивы, которыми руководилась императрица въ своей реформаторской дѣятельности. „Входя вновь во всѣ подробности внутренняго управленія имперіи, читаемъ въ Учрежденіи, нашли мы, во-первыхъ, что, по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, оныя недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми; что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, совокуплены и казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ или полиціею и, сверхъ того, еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются, а таковымъ же неудобствамъ тѣхъ же губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія не меньше подвержены, ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія. Съ одной стороны, медленность, упущенія и волокита суть естественныя послѣдствія такого неудобнаго и недостаточнаго положенія, гдѣ дѣла одно другое останавливаетъ и гдѣ опять невозможность исправить на единую воеводскую канцелярію множество различнаго существа возложенныхъ дѣлъ, служить можетъ иногда и долгою отговоркою, и покрывать неисправленіе должности и быть поводомъ страстному производству. Съ другой стороны, отъ медлительняго производства возрастаютъ своевольство и ябеда обще со многими пороками, ибо возмездія за преступленіе и пороки производятся не съ таковою поспѣшностью, какъ бы надлежало для укрощенія и въ страхъ продерзостныхъ“, Руководствуясь этими мотивами, императрица, во-первыхъ, децентрализуетъ все управленіе, перенося изъ центра въ мѣстности не мало функцій послѣдняго,

---

торый въ ней „во всемъ дирекцію имѣетъ“. По отношенію же къ другимъ коллегіямъ ему принадлежатъ только права надзора. Съ переносомъ коллегій въ губерніи „нынѣ -находящіяся“ должны быть уничтожены, за исключеніемъ военной, морской и иностранныхъ дѣлъ. Въ виду сходства проекта съ Учрежденіемъ о губерніяхъ нужно признать его однимъ изъ главныхъ источниковъ послѣдняго. Проектъ напечатанъ въ Сборн. Русск. Ист. Общ., т. V, стр. 122 и слѣд.

[1]) Императрица ставила очень высоко свое Урежденіе. Вотъ что она писала о немъ Гримму: „это мое лучшее произведеніе, и въ сравненіи съ этимъ трудомъ Наказъ мой представляется мнѣ сію минуту не болѣе какъ пустойболтовней“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т., XXIII, стр. 39). Точно также и Сперанскій полагалъ, что „со времени Петра Великаго никакое законоположеніе не подвигло Россію столь далеко въ путяхъ благоустройства, какъ Учрежденіе губерній“.

и, во-вторыхъ, дифференцируетъ отдѣльныя отрасли управленія между разными ею созданными учрежденіями.

Во главѣ всего мѣстнаго управленія поставленъ *государевъ намѣстникъ* или *генералъ-губернаторъ*, вѣдующій одну губернію [1]). Онъ обязанъ „строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ, ему подчиненныхъ, мѣстъ и людей, о исполненіи законовъ и опредѣленнаго ихъ званія и должностей". Кромѣ того, онъ является „оберегателемъ Имп. Величества изданнаго узаконенія" и, наконецъ, „споспѣшествованіе въ исполненіи законовъ и способъ къ удовольствію каждаго законнымъ образомъ отъ его попеченія зависитъ". Еще покойный А. Д. Градовскій справедливо замѣтилъ, что такой общій надзоръ или, вѣрнѣе, попеченіе объ исполненіи законовъ составляетъ сущность генералъ-губернаторской должности [2]). Однако, это начало не было послѣдовательно проведено, такъ какъ на генералъ-губернатора были возложены и обязанности по активному управленію. Такъ, онъ является начальникомъ полиціи и поэтому долженъ „пресѣкать разнаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и заразительную, обуздывать излишество, безпутство, мотовство, тиранство и жестокость". Наконецъ, онъ надзираетъ за сборомъ налоговъ и податей и за отправленіемъ повинностей. Въ качествѣ намѣстника государя, генералъ-губернаторъ пользуется особымъ почетомъ: такъ, онъ имѣетъ право на особый конвой и почетную стражу изъ молодыхъ дворянъ, а во время своего пребыванія въ Петербургѣ можетъ засѣдать въ Сенатѣ и по дѣламъ своей губерніи подавать голосъ наравнѣ съ другими сенаторами.

Генералъ-губернаторъ управляетъ губерніей вмѣстѣ съ съ губернскимъ правленіемъ, въ которомъ играетъ роль предсѣдателя. Въ составъ губернскаго правленія, въ качествѣ членовъ, входятъ губернаторъ, два губернскихъ совѣтника и губернскій прокуроръ. Губернское правленіе не ограничиваетъ власти генералъ-губернатора, такъ какъ имѣетъ только совѣщательное значеніе и обязано подчиняться его

---

[1]) Впрочемъ, на практикѣ этого не было, такъ какъ въ составъ одного намѣстничества вошло нѣсколько губерній (въ большинствѣ случаевъ двѣ). Терминъ „генералъ-губернаторъ" встрѣчался еще раньше, напр., при Петрѣ I, но тогда онъ имѣлъ значеніе почетнаго титула (Блиновъ, назв. соч., стр. 48).

[2]) Историческій очеркъ учрежденія генералъ-губернаторствъ въ Россіи (Собраніе сочиненій, т. I, стр. 306).

предписаніямъ [1]). Однако, не смотря на это, оно „есть мѣсто, управляющее всей губерніей въ силу законовъ именемъ императорскаго величества“, и потому „оно обнародоваетъ и объявляетъ повсюду въ подчиненныхъ оному областяхъ законы и приказанія имп. величества и выходящіе изъ Сената и прочихъ государственныхъ мѣстъ, на то власть имѣющихъ“. Затѣмъ ему принадлежитъ надзоръ за исполненіемъ законовъ, и оно обязано принимать мѣры къ прекращенію всякаго безпорядка. Этотъ дуализмъ въ положеніи губернскаго правленія былъ еще подмѣченъ Сперанскимъ. „Въ отношеніи ко внѣшнимъ мѣстамъ, писалъ онъ въ своемъ „Отчетѣ въ обозрѣніи Сибири“ [2]), оно (т. е. губернское правленіе) есть мѣсто присутственное, коллегія, имѣющая своихъ членовъ и предсѣдателя. Въ существѣ своемъ и въ отношеніи ко внутреннему своему устройству, оно есть приказъ или канцелярія губернатора, не имѣющая никакой исполнительной власти“. Въ первомъ случаѣ губернаторъ фигурируетъ въ роли предсѣдателя, во второмъ—въ роли начальника. По мнѣнію Сперанскаго, „сіе противорѣчіе между внѣшнимъ видомъ и внутреннимъ устройствомъ сего мѣста, сіе сбивчивое понятіе власти и бездѣйствія, сіе смѣшеніе коллегіи и канцеляріи всегда было главнымъ началомъ всѣхъ безпорядковъ въ губернскомъ управленіи“.

Въ каждой губерніи находился *губернаторъ*, получившій весьма важное значеніе, въ виду того, что генералъ-губернаторы были учреждены далеко не вездѣ. Помощникомъ его являлся *вице-губернаторъ*, своявшій вдобавокъ во главѣ *казенной палаты* [3]). Послѣдняя опредѣляется „ничѣмъ инымъ, какъ соединеннымъ департаментомъ Камеръ и Ревизіонъ-коллегій, которому поручаются въ смотрѣніи домостроительныя и казенныя дѣла губерніи“. Казенная палата вѣдаетъ производство народныхъ переписей, казенные доходы и расходы, ревизію счетовъ, казенныя зданія, соляныя дѣла и

---

[1]) Впрочемъ, если окажется, что предписаніе губернатора „не соотвѣтствуетъ пользѣ общей или службѣ имп. величества или нарушаетъ узаконенія, и губернатора разсужденіями оттого отвратить не можно“, то губернское правленіе, исполнивъ его, обязано представить свое „письменное мнѣніе“ о томъ въ Сенатъ.

[2]) Отчетъ напечатанъ г. Прутченко въ Приложеніяхъ къ его изслѣдованію „Сибирскія Окраины“, стр. 34 и 35.

[3]) Судя по первоначальнымъ рукописямъ Учрежденія о губерніяхъ, вице-губернаторъ первоначально предназначался для управленія провинціей и долженъ былъ предсѣдательствовать въ особомъ „областномъ казенномъ приказѣ“, состоящимъ изъ двухъ засѣдателей (см. Григорьева назв. ст. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1908 г., кн. 9).

винные откупа и подряды. Въ составъ казенной палаты входятъ вице-губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя, директоръ экономіи или домоводства, совѣтникъ, два ассесора и губернскій казначей. Органами казенной палаты въ уѣздахъ являются уѣздныя казначейства. Наконецъ, послѣднимъ губернскимъ учрежденіемъ нужно признать *приказъ общественнаго призрѣнія*, состоящій изъ 6 засѣдателей — по двое отъ трехъ сословныхъ судовъ и подъ предсѣдательствомъ губернатора. Названное учрежденіе вѣдаетъ народныя школы, сиротскіе дома, госпитали, больницы, богодѣльни, дома для неизлѣчимо-больныхъ, сумасшедшихъ, смирительные и рабочіе дома.

Уѣздными учрежденіями были земскій исправникъ и нижній земскій судъ. *Земскій исправникъ* или *капитанъ* избирался дворянами [1]) и стоялъ во главѣ уѣзда, управляя имъ, „яко опекунъ“ вмѣстѣ съ *нижнимъ земскимъ судомъ*. Въ составъ послѣдняго входили: исправникъ, въ качествѣ предсѣдателя, и два засѣдателя, также избиравшіеся дворянами (такимъ образомъ желаніе наказовъ было исполнено). Функціи суда были слѣдующія: 1) „имѣть бдѣніе, дабы въ уѣздѣ сохранены были благочиніе, добронравіе и порядокъ“; 2) „чтобъ предписанное законами полезное всюду въ уѣздѣ исполняемо и охраняемо было“ и 3) „судъ одинъ въ уѣздѣ право имѣетъ приводить въ дѣйствіе повелѣнія правленія, рѣшенія палатъ, верхнихъ и уѣздныхъ судовъ и чинить отказы“. Кромѣ того, ему принадлежали извѣстныя права въ области полиціи безопасности и благосостоянія; такъ, онъ заботился о торговлѣ и промышленности, вѣдалъ пути сообщенія, принималъ мѣры противъ эпидемій и эпизоотій, боролся съ пожарами и нищенствомъ и т. п. Иначе говоря, нижній земскій судъ, хотя и назывался судомъ, но былъ исключительно административно-полицейскимъ учрежденіемъ [2]).

Не мало мѣста удѣлило Учрежденіе о губерніяхъ и институту прокуратуры, созданному имъ по крайней мѣрѣ въ сферѣ мѣстнаго управленія. Какъ уже было сказано, губерн-

---

[1]) Выборные исправники просуществовали до 1853 г., когда стали назначаться правительствомъ.

[2]) Впрочемъ, по желанію заинтересованныхъ лицъ, онъ иногда могъ фигурировать и въ качествѣ суда (см. ниже). Судя по первоначальнымъ рукописямъ Учрежденія о губерніяхъ, нижній земскій судъ долженъ былъ быть дѣйствително судебнымъ учрежденіемъ, а административныя функціи возлагались на особаго „уѣзднаго надзирателя“, назначаемаго губернаторомъ на три года (см. Григорьева назв. ст. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1908 г., кн. 9).

скій прокуроръ состоялъ при губернскомъ правленіи, которому и обязанъ былъ доносить о всѣхъ замѣченныхъ имъ злоупотребленіяхъ и нарушеніяхъ закона. Функціи прокурора заключались въ слѣдующемъ: „онъ смотритъ и бдѣніе имѣетъ о сохраненіи вездѣ всякаго порядка, законами опредѣленнаго, и въ производствѣ и отправленіи самыхъ дѣлъ". Затѣмъ онъ „сохраняетъ цѣлость власти, установленій и интереса имп. величества, наблюдаетъ, чтобъ запрещенныхъ сборовъ съ народа никто не бралъ, и долгъ имѣетъ истреблять повсюду зловредныя взятки". Кромѣ того, на его обязанности было слѣдить за тѣмъ, чтобъ одно присутственное мѣсто не вторгалось въ вѣдомство другого, давать заключенія въ спорахъ о подсудности и въ случаѣ сомнѣнія на счетъ смысла закона и просматривать, также съ цѣлью дачи заключеній, всѣ приговоры по дѣламъ казеннымъ и общественнымъ. Наконецъ, въ составъ его же компетенціи входили: наблюденіе за порядкомъ въ обществѣ и доносы о непослушаніи и ропотѣ жителей губерніи, о нарушеніи правилъ благочинія и общественнаго спокойствія и т. п. Губернскій прокуроръ былъ подчиненъ генералъ-прокурору и стоялъ во главѣ прокуроровъ, находившихся при другихъ учрежденіяхъ, напримѣръ, при верхнемъ земскомъ судѣ, при губернскомъ магистратѣ, при верхней расправѣ и др. Кромѣ того, при немъ, въ качествѣ помощниковъ, состояли два стряпчихъ: одинъ— казенныхъ, другой—уголовныхъ дѣлъ, на обязанности которыхъ было:—перваго – отыскивать судомъ убытки, понесенные казною, а второго—возбуждать такія уголовныя дѣла, по которымъ не было исцовъ. Остальныя обязанности стряпчихъ были тѣ же, что и прокуроровъ. Въ уѣздѣ былъ особый уѣздный стряпчій.

Хотя Учрежденіе о губерніяхъ 1775 года просуществовало вплоть до реформъ Александра II, но и за этотъ періодъ оно испытало извѣстныя модификаціи. Прежде всего таковая коснулась должности генералъ-губернатора, придавъ ей характеръ чрезвычайной власти и поставивъ ее внѣ губернскихъ учрежденій. По вѣрному замѣчанію покойнаго А. Д. Градовскаго, начало этому превращенію разсматриваемой должности положено самою учредительницею губерній [1]). Мы уже говорили, что на практикѣ въ составъ намѣстничества вошло нѣсколько губерній (большею частью двѣ), въ силу

[1]) Градовскій, Начала русскаго государственнаго права, т. III, стр. 202, 203 и 205. См. также его Собраніе сочиненій, т. I, стр. 311.

чего, выражаясь словами Градовскаго, была разорвана связь между намѣстниками и губернскими учрежденіями, чѣмъ, въ свою очередь, нарушилась основная мысль Екатерины II, чтобы между губерніями и высшимъ правительствомъ не было никакихъ посредствующихъ инстанцій, каковою и явился тотъ же намѣстникъ. Послѣдній съ теченіемъ времени, будучи поставленъ въ столь исключительное положеніе, вдобавокъ не ограниченный въ своей дѣятельности закономъ (какъ извѣстно, Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. только въ общихъ чертахъ опредѣлило функціи генералъ-губернатора), превратился изъ органа надзора въ органъ управленія, въ высшей степени личнаго. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ характеризуетъ Сперанскій положеніе мѣстнаго управленія: „губернскія мѣста въ прямомъ смыслѣ не имѣютъ надъ собою мѣстнаго надзора: гражданскій губернаторъ, бывъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, не можетъ надзирать ни самъ за собою, ни за мѣстами, ему равными; прокуроръ имѣетъ въ сихъ мѣстахъ одно право предъявленія; надзоръ со властью исправленія по общему учрежденію принадлежитъ генералъ-губернаторамъ. Но тамъ, гдѣ званіе сіе существуетъ, дѣйствіе его, яко личное и съ точностью не опредѣленное, непрестанно колеблется между самовластіемъ и послабленіемъ“ [1]).

Съ учрежденіемъ министерствъ, должность генералъ-губернатора по своей идеѣ стала въ противорѣчіе съ ними, какъ посредствующая исполнительная власть между высшимъ правительствомъ и мѣстными учрежденіями, уничтоженіе которой являлось одной изъ цѣлей учрежденія министерствъ. Мало того, функціи генералъ-губернаторовъ, какъ органа надзора, по существу своему противорѣчили началамъ министерскаго надзора. Наконецъ, являясь представителемъ высшей политической власти въ мѣстности, генералъ-губернаторы какъ бы узурпировали права министровъ, въ рукахъ которыхъ исключительно должна была сосредоточиваться вся сила политической власти [2]). Чтобы уничтожить эти противорѣчія,

---

[1]) Цитируемъ по сочиненію Градовскаго „Историческій очеркъ учрежденія генералъ-губернаторствъ въ Россіи“ (Собр. соч., т. I, стр. 313).

[2]) Градовскій, назв. соч., т. III, стр. 206—207; см. также его Собраніе сочиненій, т. I, стр. 315; Соколовъ, Очеркъ исторіи и современнаго значенія генералъ-губернатора (Вѣстникъ Права 1903 г., кн. 7). „Между органами губернскаго управленія, говоритъ г. Соколовъ, и высшей исполнительной властью главные мѣстные начальники образовали своего рода средостѣніе“.

правительство рѣшило согласовать между собою указанныя двѣ должности. Такъ, уже въ 1816 г., по высочайшему повелѣнію, былъ составленъ проектъ новаго учрежденія намѣстничествъ. Согласно съ нимъ имперія раздѣлялась на 12 намѣстничествъ, изъ 3—5 губерній каждое [1]). Во главѣ намѣстничества стоялъ намѣстникъ, причемъ при немъ учреждался совѣтъ, но только съ правомъ совѣщательнаго голоса. Въ рукахъ намѣстника и совѣта сосредоточивались всѣ отрасли управленія въ намѣстничествѣ, кромѣ военнаго. Затѣмъ намѣстникъ имѣлъ право, за нѣкоторыми исключеніями, назначать и смѣнять должностныхъ лицъ, ему подвѣдомственныхъ. Представленія государю намѣстникъ могъ дѣлать не иначе, какъ чрезъ Комитетъ министровъ, равно какъ чрезъ то же учрежденіе онъ получалъ и высочайшія повелѣнія. Что касается до указовъ Сената, то они адресовались непосредственно ему. Съ другой стороны, министры посылали свои распоряженія губернскимъ властямъ не иначе, какъ чрезъ намѣстниковъ, равно какъ и эти власти чрезъ намѣстниковъ же дѣлали свои представленія высшему правительству. Мало того, намѣстникъ получилъ право въ извѣстныхъ случаяхъ пріостанавливать исполненіе указовъ Сената и распоряженій министровъ [2]). Этотъ проектъ не былъ осуществленъ на практикѣ повсемѣстно [3]) по всей вѣроятности вслѣдствіе оппозиціи министра финансовъ графа Гурьева, доказывавшаго, что чрезвычайная власть намѣстниковъ, предоставленная имъ по проекту, парализуетъ дѣятельность министерствъ, тѣмъ болѣе, что по существу своему эта власть противорѣчитъ началамъ министерскаго управленія. Съ точки зрѣнія Гурьева, всѣ функціи управленія должны сосредоточиваться въ министерствахъ, съ одной, и въ губернскихъ учрежденіяхъ, съ другой стороны, главный же мѣстный надзоръ долженъ быть ввѣренъ намѣстникамъ, которые явятся своего рода „мѣстными главными инспекторами“, причемъ должность ихъ обязательно должна быть поставлена въ такія условія, чтобъ не служить препятствіемъ

---

[1]) Сбор. Русск. Ист. Общ., т. XC, стр. 212.

[2]) Анучинъ, Историческій обзоръ развитія административно-полицейскихъ учрежденій въ Россіи, стр. 13—14; Соколовъ, назв. ст. (Вѣстн. Права 1903 г.).

[3]) Было учреждено только одно намѣстничество изъ пяти губерній (Рязанской, Тульской, Воронежской, Курской и Тамбовской), во главѣ котораго генералъ-губернаторомъ былъ поставленъ Балашовъ, долженствовавшій произвести опытъ примѣненія проекта на практикѣ.

для дѣйствія высшихъ и низшихъ исполнительныхъ властей [1]). Въ 1819 г. государь поручилъ Балашову составить новый проектъ, причемъ руководствоваться данными практики, почерпнутыми имъ изъ управленія названными пятью губерніями. Любопытно, что въ то же время Александръ I высказалъ свой взглядъ на должность генералъ-губернатора. „Министры“, сказалъ государь, „по обязанности своей, должны давать направленіе каждой части своей, а подвѣдомственныя мѣста и лица въ губерніяхъ должны дѣлать распорядки и исполненія по предписанію министровъ на основаніи законовъ и уставовъ; генералъ-губернаторъ же—всегдашній наблюдатель всякаго распорядка и всякаго исполненія въ порученныхъ ему губерніяхъ или ежеминутный инспекторъ всѣхъ частей управленія въ его округѣ“. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія государя, генералъ-губернаторъ являлся органомъ надзора, а не управленія. Эта мысль легла въ основу проекта Балашова. Согласно съ ней, только министры должны направлять дѣятельность подчиненныхъ властей, роль же генералъ-губернатора сводилась къ наблюденію за исполненіемъ предписаній правительства. Что касается до самаго управленія, то оно возлагалось исключительно на губернатора, причемъ послѣдній отвѣчалъ за то, „правильно ли распорядился или исполнилъ“, а генералъ-губернаторъ, какъ власть надзирающая, за то, „не попустилъ ли онъ въ молчаніи и невзысканіи неправильнаго распорядка или исполненія“. „Итакъ, заключаетъ Балашевъ“, „я полагаю управленіе лежащимъ на губернаторѣ, а надзоръ за управленіемъ на генералъ-губернаторѣ“ [2]). Въ то же время былъ составленъ и проектъ Сперанскимъ, въ основу котораго была положена мысль объ изъятіи должности генералъ-губернатора изъ круга мѣстныхъ учрежденій и отнесенія ея къ кругу „государственныхъ“, т. е., центральныхъ установленій. „Генералъ-губернаторъ, гласитъ проектъ, „есть ничто иное, какъ министерство, дѣйствующее на мѣстѣ и принадлежащее къ общему всѣхъ министерствъ составу, къ Сенату. Такимъ образомъ, министерское установленіе будетъ имѣть два вида: одинъ общій, въ коемъ всѣ дѣла раздѣляются по предметамъ, другой мѣстный, въ коемъ дѣла раздѣляются по округамъ.

[1]) Анучинъ, назв. соч., стр. 17; Соколовъ, назв. ст. (Вѣстн. Права 1903 г., кн. 7).

[2]) Градовскій, назв. соч., т. III, стр. 209 и слѣд., его же Собраніе сочиненій, т, I, стр. 318—319.

Изъ сего само собой уже слѣдуетъ, что нѣтъ никакой причины давать сему установленію видъ средній, ни къ тому, ни къ другому порядку не принадлежащій. Сей средній видъ въ многосложности управленія было нѣчто излишнее, а потому вредное“ [1]).

По вступленіи императора Николая I на престолъ, всѣ эти проекты перешли на разсмотрѣніе комитета, учрежденнаго, какъ уже извѣстно, 6 Дек. 1826 года, который рѣшительно высказался противъ нихъ. Вообще необходимо констатировать тотъ фактъ, что комитетъ отнесся крайне отрицательно къ должности генералъ-губернатора, какъ къ органу съ чрезвычайною властію. „Твердость, единство и сила управленія, гласилъ, между прочимъ, одинъ изъ журналовъ комитета (4 Мая 1827 г.). „зависятъ отъ совершенства установленій, отъ хорошаго выбора лицъ, а не отъ безмѣрной ихъ власти. Напротивъ того, сіи установленія теряютъ свою силу и разрушаются, когда высшіе сановники (какъ сіе нерѣдко бывало) употребляютъ данныя имъ полномочія на то, чтобы затруднять или останавливать законное теченіе дѣлъ и одинъ другому противодѣйствовать. Желаемый порядокъ въ губерніяхъ тогда только учредится, когда постановлены будутъ точныя и единообразныя правила для всѣхъ мѣстъ управленія и суда, и когда мѣста сіи зависѣть будутъ отъ одного центральнаго верховнаго правительства, которое бы руководствовало каждаго по одинаковымъ началамъ, и, такъ сказать, единымъ движеніемъ“. Въ виду этихъ соображеній, комитетъ призналъ необходимымъ сохранить генералъ-губернаторовъ только на окраинахъ, въ центральныхъ же губерніяхъ функціи надзора рѣшено было возложить на губернаторовъ [2]). Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ наказъ послѣднимъ въ 1837 году. Согласно съ нимъ, дѣятельность губернатора опредѣлясь въ двоякомъ отношеніи: какъ представителя верховной власти и охранителя законовъ и какъ администратора. Какъ представитель верховной власти, онъ предсѣдательствуетъ въ губернскомъ правленіи, которое и является непосредственнымъ органомъ правительства. Какъ блюститель порядка и законовъ, онъ пользуется правомъ ревизіи и непрерывнаго надзора. Какъ администраторъ, онъ имѣетъ обширный кругъ дѣлъ, которыми завѣдуетъ чрезъ

---

[1]) Градовскій, назв. соч., стр. 211; Анучинъ, назв. соч., стр. 19 и слѣд.; Соколовъ, назв. ст. (Вѣстн. Права 1903 г., кн. 7).

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXIV, стр. 145.

посредство разныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, наказъ 1837 г. соединилъ въ лицѣ губернатора два элемента, разъединенные по Учрежденію о губерніяхъ [1]). Что касается до функцій губернатора по наказу, то онѣ крайне разнообразны, такъ что, не ошибаясь, можно сказать, что не было почти ни одной отрасли, которая не входила бы въ составъ его компетенціи [2]). Такъ, въ качествѣ представителя верховной власти, онъ является оберегателемъ ея интересовъ, причемъ его надзору подчинено все губернское управленіе; затѣмъ, въ качествѣ „хозяина" губерніи, онъ завѣдуетъ мѣстнымъ хозяйствомъ и благоустройствомъ, дѣйствуя чрезъ приказъ общественнаго призрѣнія, разныя комиссіи (напр., строительная и дорожная, продовольственная и т. д.), уѣздные комитеты по тѣмъже дѣламъ, городскія думы и т. д.; далѣе въ его вѣдѣніи находится вся мѣстная полиція; наконецъ, онъ принимаетъ мѣры къ обезпеченію интересовъ казны, т. е. по отбыванію различныхъ повинностей и по поступленію налоговъ. Кромѣ этихъ, чисто административныхъ функцій, ему принадлежатъ извѣстныя функціи и въ области правосудія; такъ, онъ наблюдаетъ за отправленіемъ послѣдняго, производитъ ревизіи судебныхъ мѣстъ и расматриваетъ и утверждаетъ приговоры уголовныхъ палатъ по нѣкоторымъ дѣламъ.

Урегулировавъ положеніе губернаторовъ, привительство обратило вниманіе и на болѣе точное опредѣленіе правъ и обязанностей губернскаго правленія. Еще въ комитетѣ 6 Декабря 1826 г. этому вопросу было посвящено не мало засѣданій, при обсужденіи двухъ проектовъ губернскихъ учрежденій, изъ которыхъ одинъ былъ составленъ Балугьянскимъ, а другой Сперанскимъ. По первому проекту губернское правленіе должно было состоять изъ губернатора, вице-губернатора и 6-ти совѣтниковъ, причемъ компетенція его признавалась очень обширною. Проектъ весьма подробно останавливается на вопросѣ объ отношеніяхъ губернатора къ правленію и, разбирая три формы мѣстнаго управленія—единоличную, коллегіальную и смѣшанную, высказывается за примѣ-

[1]) Градовскій, назв. соч., т. III. стр. 212, его же Собраніе сочиненій, т. I, стр. 322.

[2]) По оффиціальному отзыву министра вн. дѣлъ въ 1843 г., губернаторъ, кромѣ ежедневнаго присутствія въ губернскомъ правленіи, присутствовалъ еще въ 17 учрежденіяхъ. По свѣдѣніямъ же 40-хъ гг. прошлаго вѣка губернаторы должны были подписывать въ годъ до ста тысячъ бумагъ или около 270 ежедневно (Блиновъ, Губернаторы, стр. 161).

неніе къ Россіи послѣдней. Такимъ образомъ дѣла, „до одного исполненія касающіяся“, должны разрѣшаться губернаторомъ, дѣла же, „требующія соображенія или техническія и мѣстныя свѣдѣнія“, должны разрѣшаться правленіемъ по большинству голосовъ. Впрочемъ, губернаторъ пользуется правомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ останавливать исполненіе опредѣленій правленія, но обязанъ довести объ этомъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ [1]). Основныя положенія проекта Балугьянскаго были приняты комитетомъ, и онъ сдѣлалъ въ немъ поправки исключительно детальнаго характера [2]).

По проекту Сперанскаго губернское правленіе должно было быть исключительно полицейскимъ учрежденіемъ, раздѣлявшимся на четыре отдѣленія, по которымъ и распредѣлялись функціи полиціи безопасности и благосостоянія. Нѣкоторыя дѣла отдѣленія рѣшали самостоятельно, другія же вносили на разсмотрѣніе всего присутствія правленія, состоявшаго изъ вице-губернатора, двухъ совѣтниковъ и двухъ ассессоровъ. Хозяйственныя дѣла сосредоточивались въ казенной палатѣ, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ составляла „общее присутствіе“ съ губернскимъ правленіемъ. Въ этомъ „общемъ присутствіи“ предсѣдательствовалъ губернаторъ, и оно являлось органомъ надзора въ губерніи Во всѣхъ трехъ учрежденіяхъ дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Такимъ образомъ, въ основу проекта было положено коллегіальное начало, роль же губернатора сводилась къ предсѣдательствованію въ „общемъ присутствіи“ и къ надзору за канцеляріей послѣдняго [3]). Комитетъ, при обсужденіи проекта, сдѣлалъ много поправокъ къ нему, причемъ значительно умалилъ значеніе коллегіальнаго начала путемъ увеличенія власти губернатора. Такъ, онъ предоставилъ ему право, въ случаяхъ своего несогласія съ большинствомъ „общаго присутствія“, останавливать исполненіе опредѣленій послѣдняго и переносить дѣло на разсмотрѣніе того министра, до компетенціи котораго оно касается. Затѣмъ „въ случаяхъ важныхъ, когда нужны рѣши-

---

[1]) Проектъ напечатанъ въ XC т. Сборн. Русск. Истор. Общ., стр. 214 и слѣд., но еще раньше свѣдѣнія о немъ были сообщены въ назв. соч. Анучина, стр. 25 и слѣд.

[2]) См. журналы засѣданій комитета за Февраль и Мартъ 1828 г. (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. LXXIV, стр. 264—285).

[3]) Проектъ напечатанъ въ Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній Калачова 1859 г., кн. IV, стр. 92 и V, стр. 71 и въ XC т. Сбор. Русск. Ист. Общ., стр. 274 и слѣд.

тельныя мѣры“, губернаторъ получилъ право принимать ихъ даже вопреки единогласному опредѣленію „общаго присутствія“, но подъ личною своею отвѣтственностью [1]). Иначе говоря, коллегіальное начало, положенное въ основу проекта Сперанскаго, было замѣнено началомъ смѣшаннымъ, сторонникомъ котораго уже заявилъ себя комитетъ, при обсужденіи проекта Балугьянскаго.

Однако, не смотря на эту дѣятельность комитета, вплоть до 1837 г. не было издано никакого закона, касающагося губернскихъ правленій и только въ этомъ году было обнародовано положеніе о порядкѣ производства дѣлъ въ названныхъ правленіяхъ, по своимъ основнымъ началамъ не имѣющее ничего общаго съ предположеніями комитета. По положенію губернскія правленія были раздѣлены на отдѣленія, съ совѣтниками въ качествѣ ихъ управляющихъ во главѣ. Среди нихъ была создана новая должность старшаго совѣтника, получившая названіе вице-губернатора. Въ проектѣ положенія старшій совѣтникъ назывался товарищемъ губернатора, однако, Государственный Совѣтъ предпочелъ названіе вице-губернатора, причемъ прежній вице-губернаторъ былъ переименованъ въ предсѣдатели казенной палаты [2]). Старшій совѣтникъ являлся помощникомъ губернатора, предсѣдательствовалъ въ его отсутствіе въ правленіи и наравнѣ съ остальными совѣтниками управлялъ однимъ изъ отдѣленій. Дѣла въ правленіи рѣшались по резолюціи губернатора, и только для рѣшенія нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ требовался коллегіальный порядокъ, т. е. они рѣшались по большинству голосовъ.

Вскорѣ по введеніи въ дѣйствіе положенія 1837 г., стали поступать въ министерство внутреннихъ дѣлъ представленія отъ губернаторовъ съ указаніемъ на различныя неудобства, встрѣченныя ими при осуществленіи реформы на практикѣ. Однако, до назначенія министромъ графа Перовскаго на эти указанія не было обращено никакого вниманія. Перовскій, напротивъ, собравъ весь находившійся въ министерствѣ матеріалъ о недостаткахъ положенія 1837 г., выработалъ проектъ новаго положенія, основныя начала котораго были предложены (въ 1842 г.) на обсужденіе губернаторовъ, а затѣмъ и самый проектъ былъ разосланъ по губерніямъ

---

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXIV, стр. 379—438 (Журналы комитета за 1829 г. и за Январь и Февраль 1830 г.).

[2]) Анучинъ, назв. соч., стр. 51.

для разсмотрѣнія въ особыхъ губернскихъ комитетахъ. Изъ 43 комитетовъ 39 высказались за проектъ, послѣ чего онъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, а въ 1845 г. въ качествѣ новаго положенія о губернскихъ правленіяхъ обнародованъ [1]).

Согласно съ нимъ, въ составъ правленія входили: губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя, причемъ онъ долженъ былъ присутствовать только при рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ, вице-губернаторъ, предсѣдательствовавшій въ отсутствіе губернатора и болѣе не завѣдывавшій никакимъ отдѣленіемъ, и совѣтники и ассесоры, назначавшіеся министромъ внутреннихъ дѣлъ, причемъ первые попрежнему стояли во главѣ отдѣленій правленія. Затѣмъ, что касается до компетенціи послѣдняго, то въ составъ ея должны были входить дѣла, дѣлившіяся по способу ихъ рѣшенія и по степени важности на три рода; на дѣла судебныя, рѣшаемыя коллегіальнымъ порядкомъ, т. е. по большинству голосовъ (напр., разрѣшеніе пререканій между различными учрежденіями, преданіе суду должностныхъ лицъ, наложеніе на нихъ штрафовъ, понужденіе къ скорому исполненію возложенныхъ на нихъ дѣлъ, разъясненіе смысла закона, въ случаѣ сомнѣнія и т. п.), на дѣла распорядительныя, рѣшаемыя по журналамъ губернскаго правленія съ утвержденія губернатора, и на дѣла исполнительныя, рѣшаемыя вице-губернаторомъ и отдѣльными совѣтниками по отдѣленіямъ губернскаго правленія. Одновременно съ этимъ казенныя палаты, получившія въ 1837 г. особаго предсѣдателя (вмѣсто вице-губернатора), были подчинены министру финансовъ, ставъ учрежденіемъ, исключительно завѣдывающимъ казенными сборами и счетною частью. Еще раньше, а именно въ 1838 г., въ связи съ преобразованіемъ управленія государственными крестьянами (см. выше), правительство учредило, такъ называемыя, палаты государственныхъ имуществъ, состоявшія изъ управляющаго палатой, совѣтниковъ, губернскаго лѣсничаго, ассессора и врача государственныхъ имуществъ. Функціи палатъ заключались въ вѣдѣніи дѣлъ хозяйственныхъ, т. е. въ попечительствѣ надъ государственными крестьянами и въ управленіи ненаселенными землями и оброчными статьями, въ вѣдѣніи дѣлъ по управленію лѣсному, какъ въ отношеніи казенныхъ, такъ и въ отношеніи кре-

[1]) Подробности исторіи составленія положенія 1845 г. см. у Анучина назв. соч., стр. 53 и слѣд.

стьянскихъ лѣсовъ, и въ вѣдѣніи контрольныхъ дѣлъ, т. е. въ ревизіи счетовъ и отчетовъ объ оборотахъ суммъ. Органами палатъ государственныхъ имуществъ въ уѣздахъ являлись окружныя правленія, состоявшія изъ окружного начальника, его помощника, лѣсничаго и врача.

Б. Дворянское самоуправленіе.

Было уже указано на попытку Петра I привлечь дворянство къ участію въ мѣстномъ управленіи (дворянскіе совѣты, ландратскія коллегіи, земскіе коммиссары). Однако, изъ этихъ попытокъ ничего не вышло, и дворянству въ первой половинѣ XVIII столѣтія не удалось превратиться въ исключительно мѣстный землевладѣльческій классъ и сосредоточить въ своихъ рукахъ мѣстное управленіе. Главная причина этого заключалась въ обязательной службѣ дворянъ, мѣшавшей имъ осѣсться въ своихъ имѣніяхъ и связаться съ интересами мѣстности. Съ другой стороны, нравы и стремленія самого дворянства, сложившіеся подъ вліяніемъ обязательной службы и возращенные на почвѣ послѣдней, также не могли способствовать успѣху Петра: привлечь дворянство къ участію въ мѣстномъ управленіи и сложиться въ извѣстное самоуправляющееся тѣло.

Но рядъ попытокъ правительства организовать мѣстныя дворянскія общества не прошелъ даромъ. Къ тому же въ 1762 году была уничтожена обязательная служба дворянства, слѣдовательно, оно получило возможность осѣсться въ мѣстности, стать уже исключительно землевладѣльческимъ классомъ. Все это отразилось на стремленіяхъ и политическихъ идеалахъ дворянъ. И вотъ, во главѣ о дворянствѣ III части проекта Елизаветинской законодательной комиссіи мы встрѣчаемъ статью, говорящую, что „до особливыхъ дворянамъ преимуществъ надлежитъ также и позволеніе имъ отъ насъ земскіе по провинціямъ съѣзды имѣть“. Такимъ образомъ, проектъ призналъ существованіе провинціальнаго дворянскаго общества, органомъ котораго долженъ былъ быть „земскій“ съѣздъ. Точно также въ „Пунктахъ къ разсужденію о вольности дворянства“, данныхъ дворянской комиссіи 1763 г. Екатериною II, мы встрѣчаемъ вопросъ императрицы, касающійся „употребленія“ неслужащихъ дворянъ „въ земскіе и городскіе службы и наряды“ (п. 5). О томъ же говоритъ и графъ А. П. Бестужевъ Рюминъ въ своихъ пунктахъ, составленныхъ имъ для той же комиссіи.

По его мнѣнію, дворяне должны получить право избирать особыхъ ландратовъ, „которые бы имѣли въ своемъ вѣдомствѣ принадлежащіе дворянскому обществу уѣзды, и въ оныхъ все потребное какъ для службы государственной, такъ и для пользы дворянства исправляли, разбирая при томъ случающіеся между дворянствомъ споры и ссоры". Мало того, Бестужевъ-Рюминъ высказался и за избраніе дворянствомъ „въ губерніи, провинціи и городахъ губернаторскихъ товарищей, воеводъ и воеводскихъ товарищей" съ правомъ „отрѣшенія" ихъ отъ должности (п. 11) [1].

Созваніемъ законодательной комиссіи 1767 года правительство признало за дворянствомъ уѣзда характеръ извѣстной общественной единицы, представителями которой являлись: избираемый на два года *предводитель*, получавшій отъ избирателей особое полномочіе, и депутатъ, снабжавшійся наказомъ. Обязанность предводителя заключалась въ сохраненіи между дворянами „порядка, не только при нынѣшнемъ выборѣ депутатовъ, но и при случаяхъ, если даны будутъ отъ верховной власти какія особыя повелѣнія, принадлежащія до нашего (дворянъ) общаго разсужденія и положенія всѣхъ, живущихъ въ уѣздѣ, дворянъ". Предводителемъ обязательно долженъ былъ быть дворянинъ, владѣвшій деревнею и достигшій 30 лѣтъ, депутатомъ—также владѣлецъ деревни, но достигшій 25 лѣтъ.

Сами дворяне въ своихъ наказахъ также высказались за корпоративное устройство дворянства и за предоставленіе ему весьма видной роли въ дѣлѣ мѣстнаго управленія. Говоря о дворянскомъ обществѣ и о согласованіи его съ предѣлами опредѣленной территоріальной единицы, громадное большинство наказовъ высказалось за организацію уѣздныхъ дворянскихъ обществъ. Органомъ ихъ былъ признанъ съѣздъ, собиравшійся въ опредѣленные сроки. Функціи его административно-судебныя. Онъ избираетъ должностныхъ лицъ, смѣщаетъ ихъ, выслушиваетъ ихъ отчеты, даже судитъ ихъ и штрафуетъ. Затѣмъ онъ является судомъ по отношенію ко всѣмъ дворянамъ. Представителемъ дворянскаго общества долженъ быть предводитель дворянства, избираемый съѣздомъ на опредѣленное время. Функціи его также админи-

[1]) Матеріалы для исторіи дворянства, вып. II, стр. 32. По мнѣнію Соловьева (Исторія Россіи, т. XXV), раздѣляемому и г. Куломзинымъ, устраненіе дворянства изъ сферы мѣстнаго управленія, допущенное въ извѣстномъ „Докладѣ" дворянской комиссіи 1763 г., послужило поводомъ къ неутвержденію его со стороны Екатерины II, что весьма вѣроятно.

стративно-судебныя, причемъ онъ далеко не является должностнымъ лицомъ, завѣдующимъ исключительно дѣлами одного дворянскаго общества, напротивъ, онъ играетъ весьма видную роль въ области всего мѣстнаго управленія.

Екатерина II удовлетворила желаніе дворянъ, даровавъ имъ Жалованную грамоту 1785 года, организовавшую дворянское самоуправленіе [1]. На основаніи грамоты дворянство каждой губерніи составляло особую корпорацію съ правами юридическаго лица [2]; такъ, оно имѣло право составлять свою „особливую казну" посредствомъ „добровольныхъ складокъ" дворянъ, владѣть домомъ для собраній, имѣть свой архивъ и свою печать. Послѣдующее законодательство еще болѣе усилило значеніе дворянскаго общества, какъ юридическаго лица. Такъ, положеніемъ о земскихъ повинностяхъ 1805 года было предписано допускать дворянскія общества предпочтительно передъ другими желающими къ подрядамъ по земскимъ повинностямъ въ губерніи, а положеніемъ о провіантскомъ управленіи 1816 г. дворянскимъ обществамъ предоставлено право безъ узаконеннаго залога вступать въ подряды и поставки для войскъ, расположенныхъ въ предѣлахъ губерніи.

Органомъ дворянскаго общества являлось дворянское собраніе, въ составъ котораго, по грамотѣ, входили лица, достигшія 25-ти лѣтняго возраста, владѣющія деревнями и имѣющія оберъ-офицерскій чинъ. Что касается до пассивнаго права, т. е., до права быть избраннымъ на какую либо должность, то грамота, кромѣ указанныхъ условій, требуетъ еще наличности ежегоднаго дохода въ размѣрѣ по крайней мѣрѣ 100 рублей. Подобный порядокъ вещей продолжался до закона 1831 года и дополненій къ нему 1836 года, когда имущественный цензъ былъ значительно повышенъ. По этимъ узаконеніямъ въ составъ дворянскаго собранія входятъ потомственные дворяне двухъ категорій, имѣющіе и не имѣющіе право голоса въ собраніи. Что касается до первыхъ, то та-

---

[1] Многія постановленія грамоты были отмѣнены при Павлѣ I. Александръ I хотя ихъ возстановилъ, но сдѣлалъ это съ большой неохотою, вслѣдствіе „исключительности" правъ, предоставляемыхъ грамотою дворянамъ. Манифестомъ 6 Декабря 1831 года грамоту постигли новыя измѣненія, но уже въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія ея постановленій.

[2] Уѣздное дворянство такого значенія не получило, и только при Павлѣ I правительство сдѣлало попытку раздробить губернское общество на уѣздныя, предписавъ закономъ 1799 года производить всѣ выборы по уѣздамъ. Однако, съ возстановленіемъ грамоты Александромъ I этотъ порядокъ вещей былъ уничтоженъ.

ковыми должны быть лица: 1) честнаго и безукоризненнаго поведенія, не находящіяся въ явномъ порокѣ и подозрѣніи 2) записанныя въ одну изъ дворянскихъ книгъ и обладающія недвижимою собственностью въ предѣлахъ губерніи, 3) достигшія возраста не менѣе 21-го года, 4) имѣющія по крайней мѣрѣ чинъ XIV класса или прослужившія три года по выборамъ, или получившія на службѣ орденъ и 5) представившія указъ объ увольненіи отъ службы. Вторыми должны быть потомственные дворяне, не имѣющіе чина, не служившіе по выборамъ, не обладающіе никакимъ недвижимымъ имуществомъ. Самое право голоса въ собраніи можетъ быть двоякимъ: для постановленій собранія и для выборовъ. Второе, кромѣ условій, дающихъ дворянину право участвовать въ постановленіяхъ собраній, зависитъ еще отъ качества и количества состоящей за нимъ недвижимой собственности и, сообразно тому, можетъ быть непосредственнымъ и посредствомъ уполномоченныхъ. Непосредственное право принадлежитъ дворянину, имѣющему не менѣе 100 душъ крестьянъ мужескаго пола или 100 человѣкъ поселянъ, живущихъ на его землѣ по условію съ нимъ, а также не менѣе 3000 десятинъ земли, хотя бы и не заселенной, но въ предѣлахъ одной губерніи. По дополненію 1836 года, непосредственное право распространено и на лицъ, получившихъ на службѣ чинъ полковника или дѣйствительнаго статскаго совѣтника, если при томъ они имѣютъ въ предѣлахъ одной или разныхъ губерній не менѣе 5 душъ поселенныхъ крестьянъ или же 150 десятинъ удобной, хотя и не заселенной, земли. Дворянинъ, имѣющій непосредственный голосъ, можетъ вмѣсто себя послать въ собраніе одного изъ неотдѣленныхъ сыновей, если онъ удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ для участія въ дворянскихъ собраніяхъ. Точно также дворянка, обладающая правомъ непосредственнаго голоса, можетъ предоставить это право мужу, сыну или зятю, хотя бы они не владѣли никакимъ недвижимымъ имуществомъ въ губерніи, если только имѣютъ право участвовать въ собраніи. За неимѣніемъ такихъ лицъ, дворянка можетъ передать свое право и постороннему лицу, обладающему правомъ непосредственнаго голоса. Право участія выбора черезъ уполномоченныхъ принадлежитъ тѣмъ дворянамъ, которые обладаютъ въ предѣлахъ одной губерніи не менѣе 5 душъ поселенныхъ крестьянъ или же не менѣе 150 деситинъ удобной, хотя и не заселенной земли, причемъ сами они не состоятъ

въ чинѣ полковника или дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Неполные участки складываются въ полные и на каждый полный полагается уполномоченный, какъ бы ни было велико число неполныхъ участковъ, составляющихъ полные [1]).

Повысивъ активный цензъ, законъ 1831 года значительно понизилъ пассивный, а именно въ должности по выбору дворянства получили право избираться: 1) потомственные дворяне губерніи, „имѣющіе право участія въ дѣлахъ собранія“, 2) потомственные дворяне, не участвующіе въ дѣлахъ собранія, вслѣдствіе необладанія недвижимымъ имуществомъ 3) потомственные дворяне, не участвующіе въ дѣлахъ собранія вслѣдствіе неимѣнія чина, и 4) личные дворяне губерніи, но только въ должности засѣдателей земскихъ судовъ и, въ случаѣ недостатка потомственныхъ дворянъ, въ земскіе исправники.

Дворянскія собранія дѣлились на губернскія и уѣздныя, причемъ тѣ и другія могли быть обыкновенными и чрезвычайными: первыя для выборовъ, вторыя для выслушанія предложеній генералъ-губернатора и губернатора.

Павелъ I уничтожилъ губернскія собранія, оставивъ однѣ уѣздныя. Александръ I, какъ уже было сказано, возстановилъ постановленія Жалованной грамоты. Положеніе 1831 года опредѣлило болѣе точно роды и виды собраній. Согласно съ нимъ, собранія могутъ быть губернскія и уѣздныя—обыкновенныя и чрезвычайныя. Обыкновенныя губернскія собранія созываются черезъ каждые три года, чрезвычайныя—по мѣрѣ надобности. Обыкновенныя уѣздныя собранія созываются за три мѣсяца до открытія обыкновеннаго губернскаго собранія, а чрезвычайныя—по мѣрѣ надобности, но не иначе, какъ по испрошеніи уѣздными предводителями черезъ губернскаго разрѣшенія губернатора. Въ составъ компетенціи губернскихъ дворянскихъ собраній по Жалованной грамотѣ и по послѣдующему законодательству входили слѣдующія дѣла: 1) избраніе должностныхъ лицъ; 2) представленія генералъ-губернатору или губернатору объ общественныхъ нуждахъ и пользахъ дворянства [2]), а съ 1831 года и о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ уничтоженіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, стр. 436.

[2]) Въ 1831 году дворянство получило право дѣлать представленія о своихъ нуждахъ также и министру внутреннихъ дѣлъ.

происходили и отъ общаго какого либо постановленія; съ 1836 года дворянство получило право для принесенія подобныхъ жалобъ избирать депутатовъ; 3) представленія и жалобы, приносимыя черезъ депутатовъ какъ Сенату, такъ и государю, причемъ съ 1831 года представленія прошеній государю въ конвертахъ, адресованныхъ въ собственныя руки Его Императорскому Величеству [1]); 4) составленіе особливой казны добровольными складками дворянства, причемъ съ 1805 года предложеніе о нихъ должно было обязательно вноситься губернскимъ предводителемъ, испросившимъ предварительно на это дозволеніе губернатора, и рѣшаться не иначе, какъ большинствомъ двухъ третей голосовъ собранія. Законъ 1831 года раздѣлилъ складки на двѣ категоріи: 1) на надобности всей губерніи или общеполезныя и 2) на предметы, общей надобности не составляющіе, или на издержки частныя. Первыя устанавливались большинствомъ двухъ третей голосовъ и представлялись губернскимъ предводителемъ черезъ губернатора, министра внутреннихъ дѣлъ и Комитетъ министровъ на утвержденіе государя, причемъ санкціонированныя имъ ставовились обязательными для всѣхъ дворянъ, какъ присутствовавшихъ въ собраніи, такъ и отсутвовавшихъ изъ него. Вторыя же становились обязательными только для дворянъ, принявшихъ ихъ; 5) повѣрка родословной книги, составляемой депутатскимъ собраніемъ, и опредѣленіе размѣра суммы въ дворянскую казну, взимаемой при запискѣ въ книгу; 6) исключеніе опороченныхъ судомъ или такихъ, „явный и безчестный поступокъ коихъ всѣмъ извѣстенъ", причемъ въ 1831 году для этого требовалось единогласное рѣшеніе или по крайней мѣрѣ рѣшеніе большинствомъ двухъ третей голосовъ собранія съ подписаніемъ протокола послѣдняго всѣми предводителями губерніи, и 7) участіе въ составленіи смѣтъ и раскладки земскихъ повинностей (съ 1805 года).

Функціи уѣздныхъ собраній заключались въ: 1) избраніи нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, напримѣръ, уѣзднаго предводителя дворянства, засѣдателей верхняго земскаго, совѣстнаго, уѣзднаго и нижняго земскаго судовъ, а также, уѣзднаго или окружного судьи и исправника, 2) въ приготовительныхъ распоряженіяхъ къ губернскимъ выборамъ и 3) въ из-

[1]) Представленія черезъ депутатовъ Сенату были въ этомъ году отмѣнены.

браніи одного члена для разсмотрѣнія отчетовъ въ употребленіи дворянскихъ суммъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію юридическаго положенія должностныхъ лицъ, избираемыхъ дворянскими собраніями. Съ изданіемъ Жалованной грамоты, сперва фактически, а затѣмъ и юридически, установилось начало, что спеціально дворянскія должности, т. е., для управленія дѣлами дворянскихъ обществъ, безвозмездны, должности же для завѣдыванія разными отраслями мѣстнаго управленія должны оплачиваться жалованьемъ, причемъ въ 1797 году источникомъ послѣдняго былъ признанъ сборъ съ дворянскихъ имѣній, собираемый подъ наблюденіемъ предводителей въ два полугодовые срока. Что касается до характера службы, то до 1831 года она имѣла нѣкоторыя особенности. отличавшія ее отъ службы коронной. Правда, спеціальныя дворянскія должности состояли въ извѣстномъ классѣ, но относительно повышенія въ чины, представленія къ орденамъ и къ другимъ наградамъ онѣ отличались отъ коронныхъ должностей. Въ 1831 году дворянская служба была окончательно сравнена съ государственной.

Среди спеціально дворянскихъ должностей на первомъ планѣ безспорно стоятъ предводители—губернскіе и уѣздные. Послѣдніе, какъ уже сказано, появились въ 1766 году, причемъ по Учрежденію о губерніяхъ ихъ функціи были расширены, вслѣдствіе представленія имъ правъ предсѣдателей въ дворянскихъ опекахъ. Первые появляются въ періодъ времени между 1775 и 1778 г.г. [1]), а съ изданіемъ Жалованной грамоты опредѣляется ихъ юридическое положеніе и способъ избранія. Что касается до послѣдняго, то онъ состоялъ въ слѣдующемъ: каждые три года дворянское собраніе представляетъ изъ уѣздныхъ предводителей двухъ кандидатовъ генералъ-губернатору или губернатору, который и назначаетъ одного изъ нихъ въ губернскіе предводители. Функціи послѣдняго по грамотѣ сводились только къ наблюденію надъ составленіемъ дворянской родословной книги. Положеніе 1831 года измѣнило способъ избранія губернскаго предводителя, узаконенный грамотою, предписавъ дворянскому собранію избирать каждые три года двухъ кандидатовъ, которыхъ и представлять чрезъ начальника гу-

[1]) Такъ, изъ вопросовъ генералъ-губернаторовъ о порядкѣ дворянскихъ выборовъ, предложенныхъ императрицѣ въ 1778 г., видно, что въ это время уже вездѣ существовали губернскіе предводители.

берніи и министра внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе одного изъ нихъ государю. Въ виду отсутствія въ законѣ какихъ либо постановленій, регулирующихъ отношеніе между губернскимъ и уѣзднымъ предводителями, первые неоднократно старались стать въ начальственныя отношенія къ послѣднимъ, что принуждало правительство ограждать независимость послѣднихъ (указы Сената 1808 и 1809 г.г.), мотивируя это тѣмъ, что предводители одинаково избираются однимъ и тѣмъ же дворянскимъ сословіемъ, а потому и независимы другъ отъ друга (указъ Сената 1809 г.). Точно также существовала большая неопредѣленность въ порядкѣ сношеній между предводителями и начальникомъ губерніи, пока въ 1808 г. не была принята форма отношеній. Въ виду же неопредѣленности отношеній между предводнтелями и другими губернскими должностными лицами, результатомъ чего были частыя столкновенія между ними, Комитетъ министровъ положеніемъ 1816 г. постановилъ, что во всѣхъ случаяхъ общаго присутствія съ губернскими чиновниками, губернскій предводитель всегда долженъ занимать мѣсто послѣ губернатора. Функціи предводителя, какъ губернскаго, такъ и уѣзднаго, образовались постепенно. Однѣми изъ первыхъ были: руководство дѣятельностью дворянскихъ собраній, составленіе родословной книги и дѣла по опекѣ. Затѣмъ, мало по малу появляются и другія обязанности, а именно: съ 1776 г. раскладка рекрутской повинности въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, съ 1805 г. участіе въ составленіи смѣтъ земскихъ повинностей, съ 1807 г. — забота о хлѣбныхъ магазинахъ и вообще участіе въ продовольственномъ дѣлѣ, а съ 1818 г. надзоръ за нимъ, съ 1727 г. — попеченіе о почтовыхъ станціяхъ и надзоръ за отношеніемъ помѣщиковъ въ крѣпостнымъ и т. д. Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію проф. Романовича-Славатинскаго, предводительская должность, созданная для завѣдыванія внутренними дѣлами дворянскихъ обществъ, превратилась въ общеправительственную [1]).

Къ числу спеціально дворянскихъ должностей, кромѣ предводителей, должны быть отнесены и депутаты дворянскаго собранія, избираемые по одному отъ каждаго уѣзда на три года. Они составляютъ подъ предсѣдательствомъ гу-

---

[1]) Назв. соч., стр. 462. См. также бар. Корфа Дворянство и его сословное управленіе, стр. 318 и слѣд., 402 и слѣд.

бернскаго предводителя депутатское собраніе, функціи котораго состоятъ въ веденіи родословной книги, въ разсмотрѣніи доказательствъ на дворянство (для рѣшенія этихъ дѣлъ требуется единогласіе или большинство двухъ третей голосовъ), во внесеніи дворянскихъ родовъ въ книгу и въ выдачѣ грамотъ на дворянство. Послѣдняя функція была уничтожена Павломъ I въ 1796 г., такъ какъ оказалось, что въ дворянскихъ собраніяхъ „по просьбамъ ищущихъ дворянства съ великимъ небреженіемъ разборъ чинится, и дворянское къ тому право обращается въ злоупотребленіе“. Составленіе родословной книги контролировалось губернскимъ дворянскимъ собраніемъ; кромѣ того, всякій недовольный разборомъ доказательствъ на дворянство со стороны депутатскаго собранія, имѣлъ право представить ихъ въ герольдію.

Наконецъ, послѣдними спеціальными дворянскими должностями были должности секретарей дворянскаго собранія и депутатовъ для составленія раскладки земскихъ повинностей. Первые избирались на три года для завѣдыванія канцелярскою частью какъ дворянскихъ, такъ и депутатскихъ собраній, послѣдніе входили въ составъ особаго комитета о земскихъ повинностяхъ, собиравшагося черезъ каждые три года.

Кромѣ спеціально дворянскихъ должностей, дворянскія собранія избирали еще немалое число должностныхъ лицъ по разнымъ вѣдомствамъ. Мы говорили уже объ административно-должностныхъ лицахъ и въ своемъ мѣстѣ скажемъ о судебныхъ. Здѣсь же упомянемъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя не имѣютъ отношенія къ названнымъ двумъ вѣдомствамъ. Такъ, уставомъ гимназій 1828 г. дворянству было предоставлено право избирать изъ своей среды почетнаго попечителя гимназіи, имѣвшаго немалое значеніе въ дѣлѣ администраціи гимназій и въ особенности въ дѣлѣ изысканія средствъ для открытія при нихъ пансіоновъ. Положеніе 1831 г. опредѣлило порядокъ избранія почетнаго попечителя, утверждаемаго государемъ по представленію министра народнаго просвѣщенія. Согласно закону 1836 г. было постановлено, что въ городахъ, гдѣ нѣсколько гимназій, дворянство избираетъ одного попечителя для нихъ всѣхъ. Кромѣ почетнаго попечителя гимназіи, дворянство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ избирало и другихъ должностныхъ лицъ по учебному вѣдомству, напр., трехъ депутатовъ въ совѣтъ института благородныхъ дѣвицъ въ Полтавѣ, особаго члена

для завѣдыванія хозяйственной частью въ совѣтъ института для воспитанія дѣвицъ въ Астрахани и т. п. Дворянство избирало также нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ по кредитному вѣдомству. Такъ, съ учрежденіемъ совѣта по государственнымъ кредитнымъ установленіямъ въ 1817 г., дворянству СПБ. губерніи было предоставлено право черезъ каждые три года избирать въ составъ его по 6 членовъ, причемъ губернскій предводитель обязательно долженъ былъ входить въ число послѣднихъ. Съ учрежденіемъ разныхъ банковъ, дворянству было предоставлено право избирать директоровъ и другихъ членовъ правленія названныхъ учрежденій. Затѣмъ, по вѣдомству народнаго продовольствія дворянство избирало слѣдующихъ лицъ: непремѣннаго члена коммиссій продовольствія, учрежденныхъ въ 1834 г., и нѣсколькихъ попечителей хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Наконецъ, по вѣдомству путей сообщенія и строительному дворянству предоставлено было право избирать на слѣдующія должности: депутата окружного правленія путей сообщенія (въ столицахъ съ 1845 г.) и депутатовъ въ строительныя и дорожныя коммиссіи (съ 1851 г.). Кромѣ того, съ 1808 г. дворянство избирало еще депутатовъ въ квартирныя коммиссіи, завѣдывавшія квартирной повинностію, и съ 1839 г.—посредниковъ для постояннаго ходатайства по дѣламъ межеванія (по одному на уѣздъ). Въ послѣднихъ выборахъ могли принимать участіе всѣ дворяне, имѣющіе въ уѣздѣ поземельную (какъ бы мала она ни была) собственность.

Изъ сказаннаго видно, что дворянство пользовалось огромнымъ значеніемъ въ сферѣ мѣстнаго управленія, такъ какъ масса должностей послѣдняго избиралась дворянскимъ собраніемъ. Однако, судить на основаніи этого факта *о степени власти* органовъ дворянскаго самоуправленія нельзя. Напротивъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, дворянское самоуправленіе обладало весьма слабою дозою самостоятельности находясь совершенно подъ опекою правительственной власти. Уже при избраніи депутатовъ въ законодательную комиссію въ 1767 г., губернаторы играли весьма важную роль, такъ какъ выборы должны были происходить подъ ихъ надзоромъ и руководствомъ (они смотрѣли за тѣмъ, чтобы „выборы происходили съ тихостью, учтивостью и безмолвіемъ“). Первые выборы по Учрежденію о губерніяхъ 1775 г. производились также въ присутствіе губернскаго начальства (гу-

бернатора, вице-губернатора и одного изъ предсѣдателей палатъ). Въ виду неопредѣленности отношеній начальниковъ губерній къ дворянскимъ собраніямъ по Учрежденію о губерніяхъ, названныя отношенія разъяснялись вопросными пунктами, предлагаемыми генералъ-губернаторами императрицѣ, при наступленіи новыхъ выборовъ, и отвѣтами на нихъ послѣдней. Согласно подобнымъ отвѣтамъ, даннымъ императрицею въ 1778 году, генералъ-губернаторъ получилъ право назначать срокъ для созыва дворянскихъ собраній, но за то ему было запрещено присутствовать въ собраніяхъ и вести дворянъ къ присягѣ, что стало функціею губернскаго предводителя. Жалованная грамота также обратила мало вниманія на отношенія мѣстныхъ властей къ органамъ дворянскаго самоуправленія. Она опредѣлила только, что собраніе дворянства въ губерніи собирается по созыву или дозволенію генералъ-губернатора или губернатора, какъ для выборовъ, такъ и для выслушиванія ихъ предложеній, и что въ случаѣ представленія этихъ предложеній, они берутся собраніемъ въ уваженіе и по нимъ дѣлаются пристойные отвѣты, рѣшенія и соглашенія. При такой неопредѣленности законодательныхъ постановленій, фактически начальники губерній поработили собранія своей власти, тѣмъ болѣе, что назначеніе губернскаго предводителя изъ двухъ кандидатовъ, избираемыхъ собраніемъ, первоначально зависѣло исключительно отъ нихъ. „Да и какъ было устоять собраніямъ, замѣчаетъ профессоръ Романовичъ-Славатинскій, при той огромной степени полномочій, которую Екатерина II дала своимъ намѣстникамъ [1]). Эта зависимость собраній отъ генералъ-губернаторовъ обратила на себя вниманіе даже иностранцевъ, сводившихъ значеніе дворянскихъ собраній въ сферѣ мѣстнаго управленія къ нулю [2]). Мало того, дѣло дошло до того, что само правительство неоднократно стремилось эмансипировать собранія изъ подъ власти начальниковъ губерній и защитить ихъ отъ захватовъ послѣднихъ. Такъ, указомъ Сената 1788 г. было запрещено губернаторамъ входить въ дворянскія собранія. Впрочемъ, императоръ Павелъ I въ 1798 г. отмѣнилъ это запрещеніе, предписавъ начальникамъ губерній присутствовать на собраніяхъ „для соблюденія добраго порядка“.

---

[1]) Назв. соч., стр. 441 и 442.

[2]) Романовичъ-Славатинскій, назв. соч., стр. 441 и 442.

При Александрѣ I правительство снова вступило на путь огражденія свободы дворянскихъ собраній отъ посягательствъ на нее со стороны администраціи. Такъ, указъ 1802 г. запретилъ губернаторамъ вмѣшиваться въ дворянскіе выборы, домогаясь избранія однихъ и удаленія другихъ. Напротивъ, положеніе 1831 г. значительно усилило административную опеку надъ дворянскимъ самоуправленіемъ. Такъ, дворянскія собранія собираются съ разрѣшенія начальника губерніи. Мало того, даже для открытія собранія требуется испрошеніе разрѣшенія у губернатора, причемъ наканунѣ дня, назначеннаго для открытія, губернскій предводитель обязанъ представить списки всѣхъ дворянъ, прибывшихъ на собраніе губернатору. Губернаторъ же приводитъ дворянство къ присягѣ. Собраніе должно исполнять всѣ законныя требованія начальника губерніи и доставлять ему всѣ нужныя свѣдѣнія по предметамъ, относящимся до выборовъ. Вообще, оно черезъ губернскаго предводителя обязано доводить до свѣдѣнія начальника губерніи о всѣхъ своихъ постановленіяхъ. Въ случаѣ какихъ либо безпорядковъ въ собраніи (о чемъ губернскій предводитель обязанъ немедленно доводить до свѣдѣнія губернатора), начальникъ губерніи призываетъ къ себѣ виновниковъ безпорядковъ и дѣлаетъ имъ надлежащее внушеніе, постановляя на видъ, что, при возобновленіи безпорядковъ, онъ донесетъ о нихъ высшему начальству. Засѣданія собранія могутъ быть продолжены только съ разрѣшенія губернатора, причемъ самое закрытіе собранія происходитъ не иначе, какъ по его письменному предложенію. Если къ сказанному прибавимъ, что уѣздные предводители утверждались въ своихъ должностяхъ губернаторомъ и, въ случаѣ наличности съ ихъ стороны какихъ либо злоупотребленій, могли быть вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ удалены отъ должности временно съ преданіемъ суду, то увидимъ, какъ ничтожна была степень самостоятельности, оставленная за дворянскимъ самоуправленіемъ. Въ сущности это послѣднее, выражаясь словами проф. Романовича-Славатинскаго, было ничѣмъ инымъ, какъ преобразованіемъ военной обязательной службы дворянъ, сообразно потребностямъ правительства, въ мѣстную обязательную службу гражданскую, сообразно потребностямъ мѣстнаго управленія, иначе говоря, обязанностью губернскихъ дворянскихъ обществъ наряжать чиновниковъ въ губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста, т. е. тянуть но-

вое тягло мѣстной службы [1]). Само дворянство мало-по-малу усвоило себѣ подобный взглядъ, результатомъ чего явилось крайне халатное отношеніе съ его стороны къ мѣстной службѣ, выразившееся въ традиціонномъ отлыниваніи отъ нея. Впрочемъ, первые выборы, по словамъ современниковъ, прошли хорошо, такъ какъ „тогда не успѣли еще разсмотрѣть всѣхъ сихъ послѣдствій, и намѣренія монархини произвели всеобщій энтузіазмъ къ добру, но скоро сей жаръ простылъ". Кромѣ указанной причины, была еще другая, почему дворянство съ крайней неохотой относилось къ занятію мѣстныхъ должностей и къ отправленію обязанностей въ сферѣ мѣстнаго управленія. Дѣло въ томъ, что послѣ отмѣны обязательной службы, дворянство стало смотрѣть на нее, какъ на необходимую принадлежность каждаго дворянина, тѣмъ болѣе, что служба давала чинъ, столь чтимый всегда въ Россіи. Наконецъ, государственная служба признавалась во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе выборной мѣстной, и вотъ дворянство потянулось на первую, отлынивая отъ послѣдней. Правительство неоднократно обращало вниманіе на это явленіе и принимало разныя мѣры къ его искорененію. Такъ, въ 1802 г. былъ изданъ указъ, предписавшій Сенату довести до свѣдѣнія дворянъ „волю" государя, что ему „весьма пріятно будетъ, если они съ большею ревностью собираться будутъ къ выборамъ и съ возможнымъ безпристрастіемъ, по силѣ законовъ, удостоивать лучшихъ людей къ опредѣленію въ должности для составленія ихъ же собственнаго и прочаго народа блага". Государь надѣется, что его воззваніе приведетъ къ благопріятнымъ результатамъ, такъ какъ онъ не можетъ себѣ представить, „чтобы, по нерадѣнію къ общему благу въ семъ знаменитомъ поприщѣ, въ гражданскихъ, а паче въ благородныхъ, обществахъ соревнованіе угасло". Однако, это воззваніе мало подѣйствовало, и дворянство попрежнему продолжало уклоняться отъ службы по выборамъ, въ силу чего положеніемъ 1831 года участіе дворянъ въ собраніяхъ уже прямо было признано *обязанностью*, отъ которой можно освободиться только при наличности законныхъ причинъ. При неявкѣ въ собраніе, дворянинъ долженъ былъ посылать отзывъ съ изложеніемъ причинъ неявки, причемъ послѣдній поступалъ на разсмотрѣніе собранія. Если оно находило отзывъ неосновательнымъ, то, боль-

---

[1]) Назв. соч., стр. 491.

шинствомъ двухъ-третей голосовъ, могло сдѣлать дворянину въ первый разъ замѣчаніе, во второй — наложить на него штрафъ въ размѣрѣ отъ 25 до 250 руб., а въ третій разъ исключить на время изъ собранія. 1-го Января 1832 г. былъ изданъ новый указъ, въ которомъ государь снова выражалъ надежду, что „дворянство устремится къ исполненію одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей", а также будетъ избирать лицъ, „истинно достойныхъ имени блюстителей порядка и правосудія". Однако, и на этотъ разъ надеждамъ государя не суждено было осуществиться, и вплоть до реформъ императора Александра II мѣстное управленіе, находившееся въ рукахъ дворянства, оставляло желать очень многаго и, по выраженію графа Завадовскаго, „далеко уклонилось отъ прямой цѣли своего установленія".

В. Городское самоуправленіе [1]).

Первыми законодательными актами Петра, касающимися городского управленія, были два указа 30 Янв. 1699 года, учредившіе Бурмистерскую палату или Ратушу въ Москвѣ и земскія избы въ городахъ. Мотивы реформы высказаны въ указахъ, а именно: „всѣ черныхъ сотенъ и слободъ посадскіе и купецкіе и промышленные люди купецкими и всякими расправными и его, великаго государя, окладными доходами *вѣдомы въ разныхъ приказахъ*, и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и раззореніе, а его великаго государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлинъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы"... И вотъ, чтобы уничтожить подобный порядокъ вещей, взамѣнъ „многихъ приказовъ", утверждается *одна* Бурмистерская палата, въ качествѣ *центральнаго* государственнаго установленія, вѣдающаго „всего Московскаго государства посадскихъ и купецкихъ и промышленныхъ людей" черезъ посредство земскихъ избъ, въ свою очередь вѣдающихъ по отдѣльнымъ городамъ „всякихъ чиновъ торговыхъ и промышленныхъ людей во всякихъ мірскихъ, расправныхъ

[1]) Дитятинъ, Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I и II, а также его статьи: „Русскій дореформенный городъ" („Русская Мысль", 1884 г., №№ 5 и 6) и „Къ исторіи жалованныхъ грамотъ" („Русская Мысль" 1885 г., №№ 4—8); Семеновъ, Городское представительство въ Екатерининскую эпоху („Русское Богатство", 1898 г., № 1); Кизеветтеръ, Посадскіе избирательные сходы XVIII ст. („Русское Богатство", 1901 г., №№ 9—12); его же, Посадская община въ Россіи XVIII ст.

и челобитныхъ дѣлахъ въ сборахъ“. Такимъ образомъ, реформа имѣла строго государственно-фискальный характеръ, имѣя въ виду организацію торгово-промышленнаго класса, какъ общегосударственнаго сословія, въ цѣляхъ упорядоченія отправленія повинностей, лежащихъ на немъ. Любопытно, что подобная же реформа была проведена (но не примѣнена на практикѣ) извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ XVII ст. Ординъ-Нащокинымъ въ Новоторговомъ уставѣ 1667 г. Послѣдній также имѣлъ цѣлью слить торгово-промышленное населеніе въ одно цѣлое путемъ изъятія его изъ вѣдомства многихъ приказовъ и подчиненія „одному пристойному приказу, гдѣ великій государь укажетъ своему боярину“. Названный приказъ долженъ былъ быть „купецкимъ людямъ обороною, защитою и управою... и давать имъ судъ, если они будутъ бить челомъ на другихъ чиновъ людей“. Однако, проектъ Ординъ-Нащокина не былъ осуществленъ въ то время и возродился въ указахъ Петра I 1699 г.

Что касается до состава Бурмистерской палаты и земскихъ избъ, то онъ былъ выборный, такъ какъ члены ихъ, такъ называемые, бурмистры избирались сотнями и слободами, т. е. торгово-промышленнымъ населеніемъ, а также селами и деревнями, т. е. „уѣздными людьми“, иначе говоря, крестьянами, („великій государь указалъ во всѣхъ городахъ посадскимъ и всякихъ чиновъ купецкимъ людямъ и его великаго государя волостей и селъ и деревень вѣдаться въ земскихъ избахъ“, въ составъ членовъ которыхъ „выбирать имъ посадскимъ, и купецкимъ, и промышленнымъ, и уѣзднымъ людямъ“ бурмистровъ). Выборы происходили ежегодно, причемъ избиратели были отвѣтственны за избранныхъ („а буде они бурмистры, въ которомъ году какихъ его, великаго государя, доходовъ не выберутъ по окладу или какихъ сборовъ чего не доберутъ, и то все взять на тѣхъ людяхъ на всѣхъ, которые ихъ въ бурмистры выберутъ“). Въ составъ компетенціи изучаемыхъ учрежденій входилъ главнымъ образомъ сборъ „всякихъ денежныхъ доходовъ“, раскладка податей и повинностей между членами торгово-промышленнаго класса и отдача „всякихъ статей въ оброкъ съ торга“, причемъ права расходованія собранныхъ суммъ у земскихъ избъ не было, какъ не было и своего имущества (для произведенія каждаго расхода требовался указъ государя за печатью Бурмистерской палаты) [1]).

[1]) По свидѣтельству иностранца Перри, Петръ I, при проведеніи ре-

Изъ сказаннаго видно, что реформа 1699 г. не исходила отъ понятія города, какъ единаго цѣлаго, какъ юридическаго лица, однимъ словомъ, какъ извѣстной общественной единицы, имѣя въ виду только торгово-промышленное населеніе городовъ, тянувшее извѣстное тягло въ пользу государства. Земскія избы съ Бурмистерскою палатою, по справедливому замѣчанію Дитятина, могутъ быть названы городскими учрежденіями развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что онѣ находились въ городахъ, такъ какъ и по составу своему (какъ было уже сказано, бурмистры избирались только торгово-промышленнымъ классомъ, т. е. *частью* всего городского населенія, а, съ другой стороны, въ выборахъ принимали участіе и „уѣздные люди", вовсе не входившіе въ составъ городского населенія), и по предметамъ вѣдомства (ихъ вѣдѣнію подлежали сборы въ *цѣломъ государствѣ*) онѣ являлись ничѣмъ инымъ, какъ сословно-государственными учрежденіями, созданными съ исключительною цѣлью—уничтоженія „недоборовъ въ сборахъ" и „доимокъ въ доходахъ". Этимъ государственно-тягловымъ характеромъ изучаемыхъ учрежденій объясняется фактъ отсутствія у нихъ своего имущества, приписка малыхъ городовъ къ большимъ и подчиненность земскихъ избъ Бурмистерской палатѣ, равно какъ и отсутствіе у нихъ права расходованія денежныхъ суммъ на городскія нужды.

Вторая попытка Петра организовать городское управленіе была болѣе удачна. Путемъ изданія регламента Главному магистрату 1721 г. и инструкціи городовымъ магистратамъ 1724 г. Петръ преобразовалъ городское устройство и управленіе по образцу существовавшаго въ Эстляндіи и Лифляндіи, значительно, впрочемъ, какъ увидимъ ниже, модифицировавъ его. Во всѣхъ городахъ были учреждены магистраты и ратуши, а въ Петербургѣ Главный магистратъ, играв-

формы 1699 г. натолкнулся на сильную оппозицію со стороны бояръ. Реформа, имѣвшая въ виду уничтоженіе злоупотребленій воеводъ и приказныхъ людей по взиманію сборовъ съ промысловъ и торговли, при обсужденіи ея въ думѣ, вызвала цѣлую бурю. Бояре доказывали царю, что честь собирать царскіе доходы, какъ знакъ особаго довѣрія, всегда принадлежала имъ и упрашивали его не дѣлать имъ такого всенароднаго оскорбленія, отнимая у нихъ это довѣріе и отдавая его въ руки мужиковъ, мірскихъ выборныхъ бурмистровъ, недостойныхъ стать наряду съ ними. Не получивъ согласія царя, они просили его по крайней мѣрѣ назначить нѣсколько знатныхъ людей въ Бурмистерскую палату. Но царь стоялъ на своемъ, и дума вынуждена была уступить при первыхъ признакахъ раздраженія царя (См. Ключевскаго Боярская дума древней Руси, 1-е изд., стр. 449).

шій роль „главнаго начальства“ всѣхъ „купецкихъ людей“. Инціаторомъ этой реформы былъ извѣстный Фикъ, представившій государю особый меморіалъ, на который послѣдній положилъ слѣдующую резолюцію: „магистратовъ городскихъ установить и добрыми регулы снабдить, учинивъ сіе, на основаніи рижскаго и ревельскаго регламентовъ, по всѣмъ городамъ“. Резолюція состоялась въ 1718 г., а въ 1720 г. былъ уже учрежденъ въ С.-Петербургѣ Главный магистратъ, причемъ государь поручилъ ему „вѣдать всѣхъ купецкихъ людей... и разсыпанную сію храмину паки собрать“. Съ изданіемъ регламента 1721 г. Главному магистрату было поручено организовать магистраты въ городахъ. Однако, это порученіе исполнялось крайне медленно, что заставило Петра въ 1722 г. издать на имя президента Главнаго магистрата князя Трубецкого грозный указъ. „Понеже“, гласитъ послѣдній, „давно имѣется указъ и регламентъ о исправленіи дѣла, вамъ врученнаго, а именно, о учиненіи перво магистрата правильнаго и цеховъ въ Петербургѣ въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и тако въ прочихъ, но по сіе время никакого успѣху въ томъ не дѣлается. Того ради симъ опредѣляемъ, что, ежели въ Петербургѣ сихъ двухъ дѣлъ, т. е. магистратовъ и цеховъ не учините въ пять мѣсяцевъ или въ полъ-года, то ты и товарищъ твой Исаевъ будете въ работу каторжную посланы“. Должно быть этотъ указъ подѣйствовалъ, и Главный магистратъ былъ организованъ, а съ изданіемъ инструкціи городовымъ магистратамъ въ 1724 г. послѣдніе были введены и въ городахъ, хотя далеко не во всѣхъ. Согласно инструкціи, всѣ города были раздѣлены на пять разрядовъ по количеству дворовъ. Первый составляли города, обладавшіе не менѣе 2000 дворовъ, второй не менѣе 1500, третій не менѣе 500, четвертый не менѣе 250 и пятый—всѣ остальные. Въ первомъ разрядѣ въ составъ магистратовъ входили четыре бургомистра и одинъ президентъ, во второмъ три бургомистра и одинъ президентъ, въ третьемъ и въ четвертомъ два бургомистра и одинъ президентъ и въ пятомъ—только одинъ бургомистръ. Всѣ названныя должностныя лица были выборныя, причемъ избирались пожизненно [1]) регулярными гражданами на мірскихъ посадскихъ сходахъ изъ „угодныхъ и искусныхъ персонъ“, принадлежащихъ къ

[1]) Впослѣдствіи, а именно съ 1728 г. члены ратушъ стали избираться на годъ, а съ изданіемъ указа 28 Іюня 1731 г. на три года.

„первостатейнымъ и пожиточнымъ“ обывателямъ. По избраніи, утверждались Главнымъ магистратомъ и считались находящимися на государственной службѣ, почему получали чины. Составъ Главнаго магистрата былъ иной, имѣя смѣшанный характеръ, такъ какъ онъ состоялъ изъ оберъ-президента и его товарища, по назначенію отъ правительства, и изъ нѣсколькихъ бургомистровъ и ратмановъ, по избранію со стороны регулярныхъ гражданъ.

Говоря о компетенціи магистратовъ, нужно замѣтить прежде всего, что изучаемыя учрежденія трактовались, съ одной стороны, „яко начальство города“ или „градское начальство“, а съ другой стороны, „яко глава всего гражданства“. Такимъ образомъ, согласно первому опредѣленію, магистратъ былъ городскимъ учрежденіемъ, т. е. стоялъ во главѣ города, какъ извѣстной общественной единицы; согласно же второму опредѣленію, онъ былъ *сословнымъ* учрежденіемъ, вѣдавшимъ классъ регулярныхъ и нерегулярныхъ гражданъ. Не смотря на противорѣчіе указанныхъ опредѣленій, они, однако, не были согласованы въ регламентѣ Главному магистрату.

Въ рукахъ магистрата сосредоточивалась власть судебная, хозяйственная, финансовая и полицейская, въ силу чего онъ вѣдалъ судъ (гражданскій и уголовный), но только въ отношеніи гражданъ, какъ регулярныхъ, такъ и нерегулярныхъ [1]), полицію, („содержати въ смотрѣніи своемъ полицію“), школы, сиротскіе и смирительныя дома, госпитали и биржи (все это слѣдовало вѣдать „земскимъ иждивеніемъ“ и „городскимъ тщаніемъ“, „понеже въ другихъ государствахъ такія учрежденія не только въ большихъ, но и въ малыхъ городахъ обрѣтаются и имѣютъ первое свое начало отъ фундаціи земскаго начальства и подаянія людей“); онъ заботился о безопасности города отъ „пожарнаго случая“ и „пристраивалъ гулякъ и нищихъ, дабы весьма не шатались и праздны не были“; наконецъ, онъ раскладывалъ и собиралъ государственные сборы и пошлины, хотя по примѣру земскихъ избъ, не пользовался правомъ самообложенія и расходыванія собранныхъ суммъ („безъ указа

[1]) Въ большихъ городахъ судебныя функціи принадлежали не всѣмъ членамъ магистрата, но для этого избирался одинъ бургомистръ изъ опытныхъ и способныхъ людей, который и отправлялъ гражданскій и уголовный судъ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ государственныхъ преступленій.

никакого расположенія на гражданъ не ать раскладыви не сбирать, подъ опасеніемъ наказанія штафомъ") и наблюдалъ за отправленіемъ повинностей со стороны гражданъ. Но, пользуясь такими правами, магистратъ былъ лишенъ всякой самостоятельности, такъ какъ, для осуществленія своего права въ каждомъ конкретномъ случаѣ, онъ долженъ былъ заручаться согласіемъ, даннымъ въ формѣ указа, со стороны Главнаго магистрата, куда всѣ магистраты, кромѣ того, ежегодно посылали отчеты о своей дѣятельности. За то относительно административныхъ властей (губернаторовъ и воеводъ) магистраты были поставлены въ независимое положеніе, „понеже, яко глава и начальство всему гражданству... они губернаторамъ и воеводамъ не должны подчинены быть въ томъ, что до градского суда и экономіи касается".

Магистраты не были единственными городскими учрежденіями. Рядомъ съ ними существовали, такъ называемые, мірскіе посадскіе сходы или „земскіе совѣты", созывавшіеся посадскими старостами, бывшими исполнительными органами сходовъ и предсѣдательствовавшими на нихъ. Старосты отвѣчали за свои дѣйствія предъ сходами, имѣвшими право ихъ наказывать. Въ составъ сходовъ входили „всѣ мірскіе люди", „всѣ граждане" (нужно думать, что одни „регулярные", такъ какъ, судя по архивнымъ даннымъ, обнародованнымъ проф. Кизеветтеромъ, на сходахъ принимали участіе купцы и ремесленники). Посадскимъ сходамъ принадлежало право совѣщаться о „мірскихъ нуждахъ", раскладывать на гражданъ нѣкоторые сборы (напр., экстренные), а также подушныя деньги, причемъ принимать во вниманіе „каждаго гражданина въ пожиткахъ состояніе" (ст. 18 Инстр. город. магистр.), вѣдать нѣкоторыя отрасли городского хозяйства, составлять петиціи о мѣстныхъ нуждахъ и даже отправлять нѣкоторыя функціи полицейскаго характера. Но главной функціей посадскихъ сходовъ было избраніе членовъ магистратовъ и ратушъ и другихъ должностныхъ лицъ, причемъ какъ губернаторамъ и воеводамъ, такъ и членамъ магистратовъ было воспрещено оказывать какое бы то ни было давленіе на нихъ. Даже одинъ фактъ присутствія на выборахъ бургомистра или ратмана служилъ уже поводомъ кассаціи со стороны Главнаго магистрата, утверждавшаго приговоръ избирательнаго схода. Избранными считались тѣ, „на которыхъ больше го-

лосовъ будетъ“, хотя Главный магистратъ далеко не всегда утверждалъ кандидатовъ большинства [1]).

Итакъ, внесла ли вторая реформа Петра новыя начала въ строй городского управленія, создала ли она понятіе города, какъ извѣстной общественной единицы? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Правда, магистраты были заимствованы изъ Европы, но Петръ значительно модифицировалъ ихъ: онъ не только не перенесъ самой сути западно-европейскихъ муниципальныхъ учрежденій его времени, но даже значительно измѣнилъ ихъ форму. „Въ заморскую форму“, говоритъ Дитятинъ, „приспособленную къ чуждому ей содержанію, царь влилъ московское родное вино“. Если на Западѣ магистраты были болѣе или менѣе *автономными общинно-городскими* учрежденіями, то у насъ они оказались просто правительственными органами, хотя и построенными на выборномъ началѣ, имѣвшими цѣлью вѣдать извѣстное сословіе. Правда, регламентъ Главному магистрату называетъ магистратъ „градскимъ начальствомъ“, изъ чего можно было бы вывести, что онъ является учрежденіемъ *городскимъ* въ томъ смыслѣ, что вѣдаетъ *весь городъ*, какъ данный пунктъ населенія, всю совокупность послѣдняго, а не какую либо часть его. Но подобное заключеніе совершенно ошибочно. Указанное выраженіе является ничѣмъ инымъ, какъ простымъ недосмотромъ составителей регламента, и вкралось въ него, вслѣдствіе заимствованія изъ иностранныхъ образцовъ. Затѣмъ на магистраты были возложены нѣкоторыя полицейскія функціи въ отношеніи *всего города*, но онѣ остались на бумагѣ, въ виду учрежденія Петромъ особыхъ полицейскихъ должностей, вѣдавшихъ городскую полицію [2]).

Послѣ смерти Петра указомъ 1727 г. „для лучшаго посадскихъ охраненія“, магистраты, называемые теперь ратушами, были подчинены губернаторамъ и воеводамъ, причемъ города, по количеству населенія, раздѣлены на три категоріи: малые, приписанные къ провинціальнымъ, а послѣдніе къ губернскимъ [3]). Въ это же время, а именно въ 1734 г.

---

1) Любопытныя данныя объ избирательныхъ посадскихъ сходахъ, извлеченныхъ изъ архивнаго матеріала, собраны Кизеветтеромъ; см. его Посадская община въ Россіи въ XVIII ст., стр. 618 и слѣд.

2) Дитятинъ „Къ исторіи жалованныхъ грамотъ 1785 г. (Русская Мысль 1885 г.), а также *моя* статья „И. И. Дитятинъ“ (некрологъ) въ „Юрид. Лѣтописи“ 1892 г., № 12.

3) Тогда же былъ упраздненъ и Главный магистратъ, возстановленный только при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1743 г.

было дано магистратское устройство Оренбургу, весьма важное въ томъ отношеніи, что въ немъ впервые городъ сталъ трактоваться, какъ извѣстная общественная единица, пользующаяся опредѣленными автономическими правами. Составъ оренбургскаго магистрата былъ выборный, такъ какъ въ него входили три бургомистра и шесть ратсгеровъ, избиравшихся самимъ магистратомъ совмѣстно съ гильдейскими старшинами. Магистратъ пользовался правомъ *самообложенія*, такъ, онъ могъ устанавливать сборы съ караванъ-сарая, кладовыхъ, рынка, лавокъ, съ городской печати, съ записи въ гражданство и въ цехи („поскольку магистратъ и гражданство безъ тягости установятъ"). Мало того, онъ получилъ возможность *самостоятельнаго* расходованія на городскія нужды полученныя такимъ образомъ суммы и имѣлъ право на владѣніе какъ движимою, такъ и недвижимою *собственностью*. Иначе говоря, городъ разсматривался какъ юридическое лицо [1]). Наконецъ, городское начальство было поставлено въ положеніе независимое отъ административныхъ властей, и даже состоялось предписаніе магистратскихъ членовъ, „решпектовать, какъ отъ насъ (т. е. государыни) къ правительству гражданскому утвержденныхъ".

Въ исторіи городского управленія изданіе обряда выборовъ депутатовъ по случаю созванія Екатерининской комиссіи 1767 г., по справедливому замѣчанію Дитятина, составляетъ поворотный пунктъ. До сего времени городскія учрежденія были по своей сущности учрежденіями сословными, вѣдавшими торгово-промышленное населеніе, живущее въ городахъ, т. е. извѣстный слой городского населенія, а никакъ не все населеніе. Ни одна изъ выборныхъ городскихъ должностей не представляла собою города, какъ совокупности всего городского населенія; городской обыватель и гражданинъ до сихъ поръ были совершенно различными понятіями. Напротивъ, въ обрядѣ выборовъ эти понятія сливаются, всякій гражданинъ есть городской обыватель и наоборотъ. Такъ, депутатъ избирается отъ города, отъ жителей

---

[1]) Но говоря такимъ образомъ, мы имѣемъ въ виду исключительно *магистратское* устройство города, такъ какъ посадская община со своимъ мірскимъ сходомъ, какъ это установлено проф. Кизеветтеромъ путемъ анализа содержанія архивныхъ документовъ, всегда пользовалась правомъ самообложенія на нужды посадовъ и правомъ расходованія мірскими суммами на эти нужды. Однако, тотъ же ученый вынужденъ констатировать, что, „если кое гдѣ и перепадало что либо на эти цѣли изъ мірской кассы, то это были ничтожныя крохи" (Посадская община въ Россіи XVIII ст., стр. 551).

его („жители въ каждомъ городѣ избираютъ по одному депутату“), причемъ подъ жителями подразумѣваются всѣ лица, имѣющія извѣстный имущественный цензъ, а именно домъ, независимо отъ принадлежности къ тому или иному сословію („избираетъ депутата *всякій хозяинъ*, дѣйствительно домъ въ томъ городѣ имѣющій“). Мало того, обрядъ выборовъ впервые создаетъ новую должность *городского головы*, въ лицѣ котораго признается представитель города, какъ всей совокупности населенія опредѣленнаго пункта, и въ которомъ городъ олицетворяется, какъ юридическое лицо. Первоначально городской голова долженъ былъ только руководить выборами депутата въ комиссію и затѣмъ исполнять особыя повелѣнія, „могущія быть изданными отъ верховной власти и касающіяся всѣхъ живущихъ въ городѣ“. Онъ избирался всѣми домовладѣльцами на два года изъ домовладѣльцевъ же, достигшихъ 30-лѣтняго возраста.

Вопросамъ городского устройства и управленія не мало мѣста удѣлили городскіе наказы, поданные въ Екатерининскую комиссію. Съ точки зрѣнія наказовъ, организація городскихъ учрежденій должна была быть исключительно сословная, хотя многіе предметы ихъ вѣдомства далеко не касались одного сословія, а непосредственно относились до всего городского населенія [1]). Исходя изъ такого соображенія, составители городскихъ наказовъ въ отношеніи устройства городскихъ учрежденій остались вполнѣ вѣрными принципамъ регламента Главному магистрату, какъ извѣстно, организовавшаго городскія учрежденія исключительно на сословныхъ началахъ. Что же касается до компетенціи городскихъ учрежденій, то въ разрѣшеніи этого вопроса наказы отступили отъ началъ петровскаго законодательства и стали на точку зрѣнія привиллегіи городу Оренбургу 1734 г., на которую нѣкоторые изъ нихъ и ссылаются. Какъ было уже сказано, на основаніи названной привиллегіи, магистратъ, хотя по своему составу и являлся сколкомъ съ петровскихъ

[1]) Съ этимъ мнѣніемъ не согласенъ г. Семеновъ (назв. статья въ „Русск. Богатствѣ“ 1898 г., № 1), отвергающій „безусловное господство сословныхъ принциповъ“ въ заявленіяхъ наказовъ. Однако, тѣ цитаты, которыя онъ приводитъ изъ наказовъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, какъ разъ опровергаютъ это послѣднее, такъ какъ сословная точка зрѣнія является въ нихъ господствующей. Впрочемъ, мнѣніе г. Семенова страдаетъ большою неопредѣленностію. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своей статьи (стр. 51) онъ видитъ проявленіе сословнаго начала „въ требованіи исключительнаго для купцовъ и цеховыхъ торга и промысла“, а въ другомъ мѣстѣ (стр. 43) торгъ и промыселъ являются у него признаками уже не сословнаго, но профессіональнаго начала!

магистратовъ, т. е. былъ учрежденіемъ вполнѣ сословнымъ, но по своей компетенціи и объему власти могъ считаться органомъ земско-городскимъ, такъ какъ въ административно-хозяйственномъ отношеніи вѣдалъ *весь* городъ, а не одно только его торгово-промышленное населеніе. Къ такой же организаціи городского устройства и управленія стремятся и наказы, желая, чтобы магистратъ, составленный исключительно изъ однихъ членовъ торгово-промышленнаго класса, сосредоточивалъ въ себѣ какъ управленіе дѣлами этого послѣдняго, такъ и управленіе дѣлами всего города. По мнѣнію наказовъ, во главѣ каждаго города долженъ попрежнему находиться магистратъ или ратуша, подчиненные исключительно одному Главному магистрату. Въ составъ его избираются только купцы, безразлично изъ какой гильдіи, всѣмъ же остальнымъ членамъ городского населенія, не принадлежащимъ къ торгово-промышленному классу, доступъ въ магистратъ закрытъ. Исключеніе составляютъ оба столичныхъ наказа, съ точки зрѣнія которыхъ необходимо „избирать изъ гражданъ здѣшнимъ городомъ или повѣренными отъ онаго: двѣ трети изъ купцовъ и одну треть изъ *дворянъ*". Органомъ купеческаго общества, избирающимъ магистратскихъ членовъ, является собраніе всѣхъ купцовъ города, созываемое магистратомъ. Выборы должны происходить единогласно („по общему всего купецкаго согласію"), съ точки зрѣнія однихъ наказовъ, по большинству голосовъ—съ точки зрѣнія другихъ, причемъ администрація не должна оказывать на нихъ никакого давленія. Число членовъ магистрата должно быть невелико, и они не могутъ избираться пожизненно, но на время. Послѣднее опредѣляется различно (годъ, два года, три года). Весьма много занимаются наказы юридическимъ положеніемъ магистратскихъ членовъ, настаивая на необходимости снабдить ихъ особыми преимуществами, чинами и жалованьемъ, смотря „по степени городовъ".

По своей компетенціи, съ точки зрѣнія наказовъ, магистраты являются судебно-административными учрежденіями. Въ качествѣ судебныхъ органовъ, они остаются строго сословными учрежденіями, такъ какъ пространство ихъ юрисдикціи простирается исключительно на членовъ торгово-промышленнаго класса, причемъ наказы желаютъ, чтобы магистраты были единственнымъ судебнымъ мѣстомъ, гдѣ бы разбирались дѣла купцовъ и о купцахъ. Что касается до адми-

нистративныхъ функцій изучаемыхъ учрежденій, то онѣ должны быть расширены путемъ распространенія компетенціи магистрата на все населеніе города. Такъ, полиція въ узкомъ смыслѣ этого слова должна стать однимъ изъ предметовъ вѣдомства магистрата, причемъ всѣ правительственные полицейскіе органы должны быть упразднены. Съ точки зрѣнія наказовъ, только подобной реформой и можно достигнуть того, чтобы магистратъ дѣйствительно сталъ „главой и начальствомъ" города. Кромѣ полиціи, магистрату должны быть присущи и другія функціи въ области управленія. Такъ, онъ долженъ завѣдывать народнымъ образованіемъ въ предѣлахъ города, причемъ нѣкоторые наказы высказываются за обязательность послѣдняго, предлагая разрѣшить магистрату штрафовать тѣхъ изъ отцовъ, которые не станутъ посылать дѣтей своихъ въ школу. Другой функціей городскихъ учрежденій должно быть управленіе больницами, смирительными домами, госпиталями и сиропитательными установленіями. Затѣмъ всякія крѣпости и акты должны совершаться въ магистратахъ, которые обязаны завести у себя особыя „шнуро-запечатанныя книги", куда вносить взимаемыя за совершеніе крѣпостей пошлины. Магистраты же должны заниматься регулированіемъ торговли и промышленности, почему всѣ должности, учрежденныя, „для благоспѣшенія коммерціи", находятся въ ихъ вѣдѣніи, завися только отъ нихъ, а не отъ Коммерцъ-коллегіи. Наконецъ, магистратамъ же поручается завѣдываніе цехами и банками. Въ составъ компетенціи магистратовъ входитъ также наблюденіе за поступленіемъ всякихъ сборовъ, распредѣленіе войскъ на постой по обывательскимъ квартирамъ и защита городского населенія отъ притѣсненій со стороны солдатъ и офицеровъ. Управленіе городскимъ имуществомъ, напр., выгонами, землями, покосами, домами и т. п., также должно быть функціей исключительно одного магистрата, который, вопреки петровскому законодательству, пользуется правомъ распоряженія по отношенію къ нему [1]).

Любопытно сравнить со стремленіями наказовъ въ области городского управленія постановленія на этотъ счетъ проекта Елизаветинской комиссіи. Изъ такого сравненія оказывается, что проекту присущи какъ черты сходства, такъ и различія съ наказами. Во-первыхъ, составъ маги-

[1]) См. *мои* Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., стр. 501.

страта по проекту вполнѣ сословный. о чемъ хлопотали и наказы. Во-вторыхъ, срокъ службы членовъ магистрата временной, а не пожизненный. Въ-третьихъ, бургомистры и ратманы получаютъ чины и жалованье. Какъ о томъ, такъ и о другомъ просили и наказы. Но этимъ сходство и исчерпывается. Что касается до различій, то они сказываются главнымъ образомъ въ вопросѣ о компетенціи магистратовъ. Послѣднимъ по проекту присущи какъ судебныя, такъ и административныя функціи, но объемъ ихъ иной, чѣмъ желали наказы. Какъ извѣстно, послѣдніе стояли на той точкѣ зрѣнія, что магистратъ долженъ быть единственнымъ мѣстомъ суда надъ купцами по всѣмъ преступленіямъ. Проектъ остался вѣренъ началамъ дѣйствующаго права и не сосредоточилъ въ магистратѣ функцій единственнаго купеческаго суда, такъ какъ „розыскныя", „татинныя" и „убійственныя" дѣла должны были разсматриваться въ канцеляріяхъ, хотя и въ присутствіе одного изъ магистратскихъ членовъ. Въ отношеніи административно-хозяйственныхъ функцій проектъ также разошелся съ наказами. Такъ, полиція не была передана магистратамъ и осталась попрежнему въ рукахъ полицейскихъ органовъ и учрежденій. Но за то проектъ даровалъ купечеству весьма важное право самообложенія, въ силу котораго оно получило возможность налагать на себя чрезвычайные сборы исключительно на нужды города („на градскія надобности") и, кромѣ того, установилъ довольно точно источникъ городскихъ доходовъ, введя, такъ называемую, „гражданскую подать", платимую двумя первыми гильдіями, въ качествѣ „особыхъ доходовъ городу и мѣщанству". Раскладка подати, равно какъ расходованіе полученныхъ суммъ, зависѣло исключительно отъ „обще-мірскихъ приговоровъ" купцовъ [1]). Обо всемъ этомъ наказы вовсе не упомянули, оставаясь въ данномъ вопросѣ вполнѣ на почвѣ регламента Главному магистрату.

Жалованная грамота городамъ 1785 г. уже окончательно опредѣлила понятіе города, какъ юридическаго лица. „Городовымъ обывателямъ каждаго города, читаемъ въ грамотѣ, жалуется дозволеніе собираться въ этомъ городѣ и составить общество градское". Мало того, ст. 77 грамоты подъ городскими обывателями понимаетъ не только членовъ

---

[1]) См. *мое* изданіе проекта (1893 г.), стр. 194 и 195.

торгово-промышленнаго класса („кои въ гильдіи или цехъ записаны или службу городскую отправляли, или въ окладъ записаны"), но также и „кои въ томъ городѣ или сторожилы, или родились, или поселились, или домы, или иное строеніе или мѣста, или землю имѣютъ... и по тому городу носятъ службу или тягость". Такимъ образомъ, все населеніе, безъ различія сословій, входитъ въ составъ „градского общества". Послѣднее, въ качествѣ юридическаго лица, обладаетъ собственностью, какъ движимою, такъ и недвижимою. Движимая составляется „добровольными складками", возникающими въ силу права самообложенія, принадлежащаго городскимъ обывателямъ, доходами съ недвижимостей, взносами, взимаемыми съ лицъ, поступающихъ въ составъ градского общества, и опредѣленнымъ процентнымъ сборомъ съ питейныхъ и таможенныхъ доходовъ (послѣдніе шли на нужды государства, но извѣстный % отчислялся въ пользу города). Недвижимая собственность состояла изъ земель, т. е. выгоновъ, садовъ, полей, луговъ, рощъ и пустопорожнихъ мѣстъ, а также изъ зданій, напримѣръ, домъ для собранія членовъ городского общества, дома для помѣщеній разныхъ промышленныхъ заведеній (мельницы, трактиры и т. п.) и др. Наконецъ, каждый городъ, въ качествѣ юридическаго лица, имѣлъ свой гербъ и печать.

Органомъ „градского общества" являлось собраніе городскихъ обывателей, собиравшееся одинъ разъ въ три года и не иначе, какъ „по приказанію и дозволенію" генералъ-губернатора или губернатора, результатомъ чего была полная зависимость собранія отъ администраціи. Функціи собранія заключались въ: 1) представленіи губернатору (или генералъ-губернатору) „о своихъ общественныхъ пользахъ и нуждахъ"; 2) выслушиваніи „предложеній" губернатора (или генералъ-губернатора), принятіи ихъ „въ уваженіе" и дачѣ на нихъ „приличнаго отвѣта, сходственнаго съ узаконеніями и общественнымъ благомъ"; 3) повѣркѣ обывательской книги, составляемой депутатскимъ собраніемъ, и 4) избраніи должностныхъ лицъ, какъ по городскому управленію (городской голова и депутаты собранія для составленія обывательской книги), такъ и по судебно-сословному вѣдомству (бургомистры и ратманы городовыхъ магистратовъ, засѣдатели губернскаго магистрата и судьи совѣстнаго суда).

Жалованная грамота создала два новыхъ городскихъ учрежденія, неизвѣстныя прежнему законодательству. Мы

говоримъ объ общей и шестигласной думахъ. Первая состояла изъ гласныхъ, избиравшихся шестью разрядами городскихъ обывателей, каждымъ разрядомъ отдѣльно. Процессъ выборовъ происходилъ слѣдующимъ образомъ. Настоящіе городскіе обыватели и посадскіе составляли столько избирательныхъ собраній, сколько было въ городѣ полицейскихъ частей, причемъ каждое собраніе избирало одного гласнаго. Именитые граждане составляли избирательныя собранія по числу своихъ разрядовъ (отъ одного до семи), причемъ каждый разрядъ пользовался правомъ на особое собраніе лишь въ томъ случаѣ, если въ его составъ входило не менѣе пяти человѣкъ, въ противномъ случаѣ, онъ избиралъ гласнаго вмѣстѣ съ другимъ разрядомъ. Купцы и цеховые составляли собранія по гильдіямъ и цехамъ, избирая отъ каждой гильдіи и цеха одного гласнаго. Наконецъ, иностранное и иногороднее купечество избирало гласныхъ особо „отъ каждаго народа". Изъ сказаннаго видно, что Жалованной грамотѣ совершенно чужда всякая мысль о равномѣрномъ представительствѣ городскихъ сословій, въ силу чего такой, сравнительно малочисленный, разрядъ, какъ именитые граждане, представлялся въ думѣ семью гласными, въ то время, какъ обширный по числу членовъ разрядъ гильдейскаго купечества представлялся только тремя (по числу гильдій). Какъ справедливо замѣтилъ Дитятинъ, въ подобномъ фактѣ ясно проглядываетъ мысль законодателя дать преобладаніе въ управленіи городомъ представителямъ высшаго имущественнаго и умственнаго ценза [1]).

Выборы происходили каждые три года, но кто созывалъ избирателей—неизвѣстно, такъ какъ грамота объ этомъ молчитъ. Нужно думать, что въ данномъ случаѣ видную роль игралъ городской голова, бывшій предсѣдателемъ въ обѣихъ думахъ и также избиравшійся на три года. Гласные отдѣльныхъ сословій не смѣшивались между собой и въ думѣ; такъ, подача голосовъ происходила по разрядамъ, причемъ каждый разрядъ имѣлъ только одинъ голосъ [2]), въ предѣлахъ же разряда баллотировка происходила по большинству голосовъ. Общая дума созывалась не періодически, а „когда нужда и польза городская потребуетъ". Единственными функціями ея было: 1) избраніе гласныхъ въ

---

[1]) Назв. соч., т. I, стр. 441.

[2]) Предположеніе Дитятина, основанное на нѣкоторыхъ выраженіяхъ Жалованный грамоты въ ст. 158—163 (назв. соч., т. I, стр. 443).

шестигласную думу (по одному отъ каждаго разряда) и 2) разрѣшеніе „важныхъ и трудныхъ дѣлъ“. Напротивъ, шестигласная дума засѣдала, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю, такъ какъ была тѣмъ постояннымъ городскимъ органомъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось все городское управленіе. Мы нарочно назвали ее городскимъ органомъ, такъ какъ, въ отличіе отъ прежнихъ магистратовъ, она вѣдала только городскія дѣла, сословный же судъ и надзоръ за сборомъ государственныхъ податей и за отправленіемъ повинностей со стороны горожанъ совсѣмъ не входили въ составъ ея компетенціи. Предметами вѣдомства думы были сдѣдующія дѣла. Во-первыхъ, на ея обязанности лежало „доставлять жителямъ нужное пособіе къ ихъ прокормленію и содержанію“ и поощрять „привозъ въ городъ и продажу всего того, что можетъ служить ко благу и выгодамъ жителей“. Во-вторыхъ, она должна заботиться о внѣшнемъ благосостояніи и благообразіи города, въ силу чего и надзоръ за хорошимъ состояніемъ общественныхъ зданій, амбаровъ, магазиновъ, пристаней, площадей, улицъ и т. п. лежалъ на ней. Въ-третьихъ, на думу были возложены и полицейскія функціи. Такъ, на основаніи ст. 167 грамоты „думѣ принадлежатъ попеченія сохранять между жителями города миръ, тишину и доброе согласіе“, а также „возбранять все, что доброму порядку и благочинію противно“. Между тѣмъ, на основаніи Учрежденія о губерніяхъ и устава благочинія, въ городахъ были организованы спеціально полицейскія учрежденія, въ лицѣ управы благочинія, городничихъ и другихъ органовъ. Спрашивается теперь, въ чемъ же должна была заключаться полицейская дѣятельность думы, и въ какія отношенія была поставлена послѣдняя къ полицейскимъ учрежденіямъ? Однако, на эти вопросы Жалованная грамота не даетъ никакого отвѣта. Мало того, она не только не уясняетъ дѣла, но значительно запутываетъ его, постановивъ, что дума (снабженная полицейскими функціями) должна „оставлять относящееся къ части полицейской исполнять мѣстамъ и людямъ, для того установленнымъ“. Въ результатѣ всего этого долженъ былъ получиться фактъ полнѣйшей фиктивности правъ думы въ области полицейской дѣятельности и полнаго безсилія ея въ отношеніи административныхъ властей. Въ-четвертыхъ, на обязанности думы лежало, „охранять какъ всякое городовое, такъ и ремесленное положеніе, и наблюдать, чтобъ они всѣми и каждымъ исполняемы были безъ

нарушенія и точно"; она же должна была разрѣшать всякаго рода „сомнѣнія и недоразумѣнія по ремесламъ и гильдіямъ, руководствуясь при этомъ изданными положеніями". Наконецъ, въ-пятыхъ, дума обязывалась „стараться о приращеніи доходовъ для распространенія заведеній по приказу общественнаго призрѣнія", то есть, школъ, богаделенъ, домовъ для умалишенныхъ, рабочихъ и смирительныхъ домовъ, госпиталей и тому подобное.

Въ какихъ же отношеніяхъ находились вновь созданныя городскія учрежденія къ администраціи? Отъ разрѣшенія этого вопроса въ томъ или иномъ направленіи зависѣло разрѣшеніе другого вопроса, а именно объ объемѣ власти, присущей органамъ городского управленія. Мы уже видѣли, что собраніе городского общества созывалось, не иначе, какъ „по приказанію и дозволенію" генералъ-губернатора или губернатора. Мало того, послѣдніе пользовались правомъ контроля надъ расходованіемъ городскихъ суммъ, въ силу чего думы были связаны отчетностью, какъ въ названномъ расходованіи, такъ и въ полученіи доходовъ, и при томъ не только предъ губернаторомъ, но и предъ казенною палатою. Даже въ сферѣ городского управленія думы были вполнѣ подчинены губернатору и въ полномъ смыслѣ этого слова не смѣли шагу ступить безъ разрѣшенія послѣдняго. Такъ, ст. 154 грамоты предписываетъ, что, если органы городского управленія, „усмотрятъ что либо нужное для общей пользы, для выгоды и украшенія города", то должны доложить о томъ губернатору и ждать его разрѣшенія. Этимъ постановленіемъ всякая независимость городского управленія была уничтожена, и послѣднее стало въ подчиненное положеніе къ администраціи.

Павелъ I, упразднивъ Жалованную грамоту городамъ, радикально преобразовалъ все городское устройство и управленіе. Реформа началась съ Петербурга. Во главѣ его, въ качествѣ „главнаго городского начальства", была поставлена „коммиссія о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей, до полиціи принадлежащихъ". На ея обязанности было „имѣть предметомъ своихъ упражненій все то, что только ко благоустройству города и благосостоянію жителей его относиться можетъ". Коммиссіи были подчинены городское правленіе или ратгаузъ и двѣ конторы: правленія запасныхъ магазиновъ и городскихъ строеній. Ратгаузъ раздѣлялся на три департа-

мента: два сословно-судебныхъ и одинъ камеральный, завѣдывавшій дѣлами города. Составъ ратгауза былъ слѣдующій: президентъ, назначаемый государемъ, директоръ экономіи, назначаемый коммиссіей о снабженіи припасами и утверждаемый государемъ, шесть бургмейстеровъ и десять ратсгеровъ, изъ которыхъ одна часть назначалась коммиссіею, а другая избиралась городскимъ обществомъ изъ достойнѣйшихъ гражданъ. Функціи ратгауза сводились къ управленію городскимъ хозяйствомъ, причемъ онъ былъ лишенъ всякой самостоятельности, играя роль исполнительнаго органа коммиссіи. Въ качествѣ таковаго, онъ еженедѣльно представлялъ послѣдней отчеты о своихъ засѣданіяхъ, и коммиссія имѣла право „во всѣхъ городскихъ надобностяхъ и нуждахъ, буде усмотритъ что либо полезнымъ или вреднымъ, предписывать ему оное разсмотрѣть и представить со своимъ мнѣніемъ“. Что касается до конторъ, то первая вѣдала хлѣбные запасы города, а вторая—городскія строенія; составъ ихъ былъ по назначенію отъ коммиссіи.

Въ 1799 году императоръ Павелъ преобразовалъ и городское устройство Москвы, введя въ ней учрежденія, аналогичныя петербургскимъ, съ тѣмъ различіемъ, что московское городское управленіе было поставлено въ зависимость отъ петербургской коммиссіи. Указомъ же 4 Сентября 1800 года императоръ предписалъ также и во всѣхъ губернскихъ городахъ учредить ратгаузы. Послѣдніе составлялись изъ лицъ по назначенію отъ правительства и по избранію городского общества, причемъ президентъ назначался государемъ изъ кандидатовъ, представленныхъ Сенатомъ. Ратгаузы дѣлились на два департамента: судебный и камеральный, въ которомъ и сосредоточивалось управленіе городскими дѣлами. Названныя учрежденія, находясь въ зависимости отъ губернаторовъ, имѣли характеръ вполнѣ правительственныхъ установленій. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія слова сенатскаго указа 25 Февраля 1801 года, а именно: „ратгаузы суть ничто иное, какъ отдѣльный департаментъ по городскимъ дѣламъ, слѣдовательно, они входятъ въ общій составъ губернскаго правительства и поэтому долженствуютъ со всѣми своими чинами, какъ и прочія губернскія мѣста, состоять въ положенной закономъ зависимости отъ управляющаго губерніею“.

Александръ I въ 1801 году возстановилъ Жалованную грамоту городамъ, „соображая великимъ намѣреніямъ все-

любезнѣйшей бабкѣ своей, сохраняя святость ея установленій и будучи удостовѣренъ въ той истинѣ, что безъ правъ и преимуществъ, непоколебимыхъ и всею силою закона охраняемыхъ, не могутъ промыслы, рукодѣлія и торговля достигнуть цвѣтущаго состоянія". Одновременно съ этимъ, государь отмѣнилъ „все, что противно грамотѣ или несообразно силѣ ея допущено или установлено было". Положенія грамоты съ несущественными измѣненіями вошли и въ Сводъ Законовъ перваго изданія.

Однако, неудовлетворительность городского управленія на практикѣ постоянно возбуждала въ правительственныхъ сферахъ цѣлый рядъ вопросовъ о преобразованіи названнаго управленія, необходимость котораго сознавалась какъ правительствомъ, такъ и обществомъ въ теченіе всего XIX столѣтія. А что, дѣйствительно, городское управленіе было крайне неудовлетворительно въ изучаемую эпоху, это видно изъ многихъ фактовъ. Прежде всего, общество относилось съ крайнимъ индифферентизмомъ къ участію въ городскомъ управленіи, въ силу чего отлыниваніе отъ выборовъ стало самымъ заурядным явленіемъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, собранныхъ покойнымъ Дитятинымъ [1]). Такъ, въ 1850 году въ Пошехони на выборахъ городского головы, вмѣсто 1046 избирателей присутствовало только 78; въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ на выборы въ городскія должности являлось вмѣсто 2500 купцовъ только 300, а изъ цеховыхъ, вмѣсто 950 только 100! Любопытно, что подобные факты не были исключительнымъ явленіемъ, такъ какъ, по свидѣтельству вице-директора хозяйственнаго департамента Лекса, въ Петербургѣ обыкновенно вмѣсто 1000 избирателей участвовало на выборахъ отъ 400 до 500. Мало того, выборы происходили подъ сильнымъ административнымъ давленіемъ и, въ силу этого, иногда давали неожиданные результаты. Такъ, въ одномъ городѣ въ 1856 году было избрано въ городскіе головы лицо, дважды состоявшее подъ судомъ за подлогъ, но имѣвшее большія связи въ администраціи. Такой фактъ имѣлъ мѣсто въ Пошехони въ 1847 году, когда головой оказалось избраннымъ лицо, обвинявшееся въ цѣлой серіи преступленій, и т. п. Къ числу удивительныхъ явленій, происходившихъ въ сферѣ городского управленія, долженъ быть отнесенъ и фактъ исчезновенія нѣкоторыхъ го-

---

[1]) Назв. соч., т. II.

родскихъ учрежденій, продолжавшихъ, однако, считаться неотмѣненными въ законодательномъ порядкѣ. Такъ, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 1867 г., оказалось, что во многихъ городахъ городскія учрежденія вовсе не существуютъ, а „дѣлами ихъ вѣдаетъ городская полиція", вслѣдствіе чего министерство было вынуждено „возстановить" исчезнувшія учрежденія. Циркуляръ министра по этому поводу крайне характеристиченъ. „Сосредоточеніе въ полицейскихъ учрежденіяхъ", читаемъ въ немъ, дѣлъ общественнаго управленія и хозяйства, съ одной стороны, не соотвѣтствуетъ коренному закону (sic!), предписывающему дѣла подобнаго рода вѣдать городскимъ общественнымъ управленіямъ, а съ другой — не можетъ не отражаться неблагопріятно не только на дѣлахъ подобнаго рода, но и на всякой вообще дѣятельности полиціи въ данной мѣстности. Вслѣдствіе сего, министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ необходимымъ возстановить повсемѣстно дѣйствіе ст. 4429 общ. учр. гор. общ. упр."!.. Затѣмъ, нерѣдко имѣлъ мѣсто слѣдующій фактъ: исчезало или совершенно подвергалось модификаціи одно изъ городскихъ учрежденій. Такъ, въ первой половинѣ XIX столѣтія повсюду исчезла общая дума. Въ Петербургѣ же она настолько модифицировалась, что перестала имѣть что-либо общее съ общей думой Жалованной грамоты. Такъ, по словамъ одного изъ Петербургскихъ губернаторовъ (1843 года), „въ распоряженіи шестигласной думы состояло 38 гласныхъ, избираемыхъ изъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ на три года для составленія общей городской думы". Названные гласные исполняли всякія *порученія* шестигласной думы, а именно: четверо изъ нихъ назначались для сбора 1/2% денегъ, двое—для сбора съ судовъ, проходящихъ черезъ мосты, одинъ—для наблюденія за торговлею иногороднихъ купцовъ и т. д. И такъ, общая дума превратилась въ исполнительный органъ шестигласной!.. Точно также нигдѣ не существовало депутатскихъ собраній, а, въ силу этого, нигдѣ не было и обывательскихъ книгъ. Мало того, иногда возникали новыя учрежденія, никакимъ закономъ не предусмотрѣнныя, однако, существовавшія въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Для примѣра приведемъ „домъ гражданскаго общества" въ Москвѣ, существовавшій, по словамъ одного оффиціальнаго акта, „съ давняго времени" и „по уваженію давняго существованія, вѣдавшій сборы податей и повинностей съ купцовъ и мѣщанъ, равно какъ и обще-

ственныя складки на извѣстные расходы". По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ упомянутый „домъ" существовалъ еще до 1805 года и завѣдывалъ „дѣлами общественными, гражданскими и купеческими", причемъ въ составъ его входили особые „повѣренные", избиравшіеся на три года именитыми гражданами, купцами и мѣщанами.

Дѣятельность органовъ городского управленія также не отличалась успѣшностью. По словамъ одного оффиціальнаго акта, въ области городского управленія царствовали „нераспорядительность, неправильность и медленность въ дѣлопроизводствѣ". Смѣты составлялись совершенно неправильно, такъ какъ въ нихъ вносились не существующіе доходы и расходы, а существующіе не вносились. Самыя смѣты представлялись до нельзя неаккуратно. Такъ, въ 1848 году въ нѣкоторыхъ городахъ были представлены смѣты за 1828 – 1829 гг. и за 1835 г. Какіе бы то ни было документы, напримѣръ, протоколы засѣданій, канцелярскія книги и т. п. не существовали. Въ дѣлопроизводствѣ господствовали канцеляріи и секретари, самыя же присутствія не имѣли никакого значенія. Вотъ что, напримѣръ, имѣло мѣсто, по словамъ одного изъ петербургскихъ губернаторовъ, въ петербургской думѣ въ 1843 году: „опредѣленнаго закономъ полнаго присутствія думы не существуетъ, потому что члены думы ежедневно въ неприсутствіи, между прочимъ, для исполненія различныхъ порученій начальства; если же появляются въ думу, то подписываютъ бумаги, не читая ихъ, отсюда полное разрушеніе всякой подчиненности со стороны секретаря и канцеляріи". Точно также по словамъ д. ст. сов. Игнатьева, въ Москвѣ дума „давно утратила свой коллегіальный характеръ и приняла видъ какой то канцеляріи, ни мало не заботясь о городскихъ интересахъ; члены думы собираются не для разсужденія о дѣлахъ, но для подписыванія ихъ, уже рѣшенныхъ канцеляріею". Въ результатѣ такого порядка вещей получалась большая проволочка времени, и нѣкоторыя дѣла по нѣсколько лѣтъ оставались нерѣшенными. Другимъ результатомъ описаннаго веденія городского хозяйства была ничтожность доходовъ, не смотря на существованіе въ большихъ размѣрахъ городского имущества. Послѣднее, по словамъ оффиціальныхъ памятниковъ, расхищалось систематически. Такъ, въ одномъ городѣ „многіе мѣщане поселились на городскихъ земляхъ самовольно, ничего не платя за пользованіе ими въ городскую казну";

въ другихъ городахъ „при раздачѣ участковъ городской земли царствовалъ полный произволъ, какъ относительно величины участка, такъ и платы за него“. „Общественныя сооруженія находились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ полномъ почти разрушеніи, а городскія зданія въ ужасномъ видѣ“. Думы „не имѣли понятія о городской собственности и часто, для рѣшенія вопроса, принадлежитъ ли данный участокъ земли городу или частному лицу, созываютъ сосѣдей и рѣшаютъ вопросъ большинствомъ голосовъ“.

Не мудрено, что, въ виду изложеннаго состоянія городского управленія, правительство не разъ возбуждало вопросъ о реформѣ послѣдняго. До насъ дошло не мало проектовъ городского устройства, начиная съ 1821 года. Изъ нихъ болѣе важны проекты 1827 и 1842 гг., составленные въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Отличительною чертою перваго проекта являлось всесословное начало, положенное въ его основу. Такъ въ составъ городского общества, по проекту, должны были войти всѣ сословія, причемъ избирательныя собранія происходили не по сословіямъ, а по частямъ города, и состояли изъ лицъ, владѣющихъ недвижимою собственностью, стоимость которой не была ниже 8000 рублей, или записанныхъ въ гильдіи. Каждое избирательное собраніе избирало пять депутатовъ въ городское собраніе, являвшееся „высшей дирекціей градского управленія“ и созывавшееся для рѣшенія „особенныхъ случаевъ“. Собраніе избирало гласныхъ думы, въ рукахъ которой сосредоточивалось „постоянное и непрерывное управленіе городскими дѣлами“. Число гласныхъ равнялось десяти: четверо изъ дворянъ (причемъ двое изъ нихъ считались пожизненными), трое изъ купечества и трое изъ мѣщанъ и цеховыхъ. Такимъ образомъ, при опредѣленіи состава думы, проектъ отступилъ отъ всесословнаго начала. Однако, допущеніе въ составъ городского общества дворянства, вызвало протестъ противъ проекта со стороны купечества, выразителемъ котораго, между прочимъ, явился московскій городской голова. Съ точки зрѣнія послѣдняго, проектъ заключалъ въ себѣ „явное подавленіе правъ купеческаго сословія, могущее повести ко всякаго рода безпорядкамъ и замѣшательству, тѣмъ болѣе противное законамъ, что оно противно разуму и естественному порядку вещей, такъ какъ доколѣ существуетъ раздѣленіе народа на различныя состоянія съ разными правами, до тѣхъ поръ нѣтъ причины измѣнять состава городского об-

щества". Еще болѣе былъ энергиченъ протестъ петербургскаго городского головы. По его мнѣнію, „составъ думы (по проекту), это — небывалое соединеніе разнородныхъ и противоположныхъ сословій... буквальное копированіе съ палаты депутатовъ во Франціи, соединеніе въ высшей степени вредное у насъ, какъ по степени образованности низшихъ классовъ людей, такъ и потому, что дворяне въ томъ случаѣ возьмутъ перевѣсъ, и получится дворянское общество или... анархія, не свойственная нашему народному духу"... Любопытно, что и дворяне отнеслись отрицательно къ проекту, признавъ въ лицѣ московскаго предводителя, что „каждая черта закона, положеннаго въ основаніе нынѣ дѣйствующей думы (т. е. по Жалованной грамотѣ) совершенно согласна съ естественнымъ, столь справедливымъ и правильнымъ правомъ: разсуждать о коммерціи купцу, о помѣстьѣ помѣщику". А между тѣмъ, какъ извѣстно, Жалованная грамота допускала и дворянъ къ участію въ городскомъ управленіи, которые, въ качествѣ „настоящихъ городскихъ обывателей" имѣли полное право считаться въ числѣ гражданъ и даже быть записанными въ одну изъ частей обывательской книги. Очевидно, на практикѣ этого не было, чѣмъ и объясняется протестъ купечества и дворянства противъ проекта 1827 г. Послѣдній, по всей вѣроятности, вслѣдствіе названнаго протеста, не былъ утвержденъ Государственнымъ Совѣтомъ и не получилъ законодательной санкціи.

Второй проектъ (1842 г.), касающійся только Петербурга получилъ силу закона въ 1846 г. и былъ изданъ въ формѣ „Положенія объ общественномъ управленіи" Петербурга [1]. Согласно названному „Положенію" петербургское городское общество должно было состоять изъ пяти сословій: 1) потомственныхъ дворянъ, владѣющихъ въ предѣлахъ города недвижимою собственностью, 2) личныхъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и разночинцевъ, также владѣющихъ недвижимою собственностью, 3) купцовъ всѣхъ гильдій, 4) мѣщанъ и 5) цеховыхъ. Сравнивая составъ городского общества по Жалованной грамотѣ съ составомъ по „Положенію" 1846 г., мы должны признать, что послѣднее значительно съуживаетъ понятіе общества, исключая изъ него настоящихъ городскихъ обывателей, которыми могли быть не только дворяне и разно-

---

[1]) Иниціаторомъ и авторомъ его былъ извѣстный Н. А. Милютинъ (см. Шумахера „Позднія воспоминанія" въ „Вѣстн. Европы" 1899 г., кн. III).

чинцы, но и члены другихъ сословій, напр., духовныя лица, крестьяне и т. п., а также именитыхъ гражданъ (далеко не соотвѣтствующихъ почетнымъ гражданамъ) и иностранныхъ и иногороднихъ купцовъ. Органомъ городского общества по Положенію, являлась общая дума. Выборы въ нее происходили слѣдующимъ образомъ. Участіе въ нихъ принадлежало членамъ названныхъ пяти сословій, при достиженіи ими 21 года, владѣніи собственностью, приносящей ежегоднаго дохода не менѣе 100 р. и записи ихъ въ городскую обывательскую книгу въ теченіе двухъ лѣтъ. Выборы происходили въ пяти избирательныхъ собраніяхъ (по числу сословій); впрочемъ, въ случаѣ многочисленности избирателей, каждое сословіе имѣло право организовать собранія по частямъ города (исключеніе составляли цеховые, которые въ данномъ случаѣ избирали по ремесламъ). Съ 1862 г. были введены двухстепенные выборы, а именно сперва избирались выборщики, которые изъ своей среды (также по сословіямъ) избирали гласныхъ. Для избранія въ послѣдніе требовался 25-лѣтній возрастъ. Число гласныхъ опредѣлялось отъ каждаго сословія въ размѣрѣ 100—150; иначе говоря, въ думѣ ихъ могло быть отъ 500 до 750. Столь огромное число гласныхъ заставило петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева въ запискѣ, поданной на высочайшее имя въ 1859 г., высказаться за необходимость его ограниченія. „Ни одно государство", писалъ Игнатьевъ, „не допускаетъ столь широкаго представительства даже при конституціонныхъ правленіяхъ". По мнѣнію Игнатьева, нѣтъ никакой „соразмѣрности" въ основѣ городского представительства съ дворянскимъ, гдѣ „право голоса принадлежитъ только имѣющему 100 душъ или 3000 десятинъ земли". Въ виду этихъ соображеній, „для самой пользы дѣла, для выгодъ самихъ городскихъ сословій", не слѣдуетъ допускать такого огромнаго количества гласныхъ. Другого рода соображенія, заставляющія автора записки высказаться за необходимость уменьшенія количества гласныхъ, носятъ чисто политическую окраску. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему: „столь быстрый и рѣзкій переходъ отъ административной централизаціи къ представительному самоуправленію, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ допускаемому, при нынѣшнемъ направленіи умовъ, можетъ быть существенно вреденъ и несовмѣстимъ съ коренными началами самодержавнаго правленія". Результатомъ записки генерала Игнатьева было

изданіе закона 1862 г., который, между прочимъ, ограничилъ число гласныхъ 250, по 50 отъ каждаго сословія.

Гласные, засѣдая въ думѣ, не смѣшивались между собою, такъ какъ засѣдали по отдѣленіямъ (каждое сословіе составляло одно отдѣленіе) и подъ предсѣдательствомъ сословныхъ старшинъ, избираемыхъ отдѣленіями. Только, въ видѣ исключенія, „для важнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ“ и не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора, созывалось общее собраніе всей думы, подъ предсѣдательствомъ городского головы, назначаемаго государемъ изъ двухъ кандидатовъ, избранныхъ думою обязательно изъ „почетнѣйшихъ лицъ“, принадлежащихъ къ одному изъ слѣдующихъ сословій: дворянамъ, почетнымъ гражданамъ и купцамъ первой гильдіи, при томъ при достиженіи ими 30 лѣтъ и при обладаніи въ предѣлахъ города недвижимою собственностью, стоимостью въ 15000 руб. До 1862 г. голова избирался на шесть лѣтъ, съ этого же времени только на четыре. Дѣла рѣшались въ думѣ большинствомъ голосовъ по всѣмъ отдѣленіямъ вообще, а не въ каждомъ въ отдѣльности, но только въ томъ случаѣ, если дѣло касалось всѣхъ городскихъ сословій; если же оно имѣло отношеніе только до одного сословія, то и рѣшалось послѣднимъ, считаясь въ то же время какъ бы рѣшеніемъ всей думы. Въ первомъ случаѣ баллотировка происходила сперва въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ (дворянъ и почетныхъ гражданъ), называвшихся „старшими“. Затѣмъ результатъ ея, т. е. мнѣнія большинства и меньшинства (въ обоихъ отдѣленіяхъ) вносились въ младшія отдѣленія для баллотировки. Если же послѣднія ихъ отвергали, то имъ разрѣшалось „приступать къ сужденію дѣла на общемъ основаніи“, т. е. обсуждать его по существу. Результатомъ такого голосованія было сильное давленіе старшихъ отдѣленій на рѣшенія младшихъ, сведшееся на практикѣ къ рѣшенію всѣхъ дѣлъ одними дворянами и подписанію названныхъ рѣшеній членами всѣхъ остальныхъ сословій.

При думѣ имѣлась своя канцелярія, во главѣ которой находился городской секретарь, назначаемый генералъ-губернаторомъ изъ двухъ кандидатовъ, избираемыхъ думою. Канцелярія, съ своей стороны, оказывала сильное вліяніе на рѣшенія думы.

Рядомъ съ общей думой существовала распорядительная дума, въ составъ которой входили 12 гласныхъ и одинъ членъ отъ короны. Сословія представлялись въ распоряди-

тельной думѣ крайне неравномѣрно, а именно: первыя два сословія избирали 6 гласныхъ (по три отъ сословія), купцы первой гильдіи избирали двухъ, купцы остальныхъ гильдій, мѣщане и ремесленники—по одному. Избраніе происходило на три года. Членъ отъ короны наблюдалъ „за правильностью канцелярскаго порядка и счетоводства и за отчетностью вообще", а также „за успѣшнымъ движеніемъ дѣлъ въ думѣ". До 1862 г. гласные распорядительной думы избирались по отдѣленіямъ общей думы, но изъ всѣхъ членовъ городского общества (не только изъ гласныхъ), обладающихъ избирательными правами. Съ 1862 года выборы стали производиться не по отдѣленіямъ, но собраніемъ выборщиковъ, въ свою очередь избираемыхъ на избирательныхъ собраніяхъ.

Отношенія обѣихъ думъ другъ къ другу были крайне неопредѣленны. Такъ, распорядительная дума имѣла право не исполнять приговоровъ общей думы, въ случаѣ своего „разномыслія" или „несогласія" съ ними. Положеніе опредѣляетъ два исхода подобнаго конфликта между думами, но оба крайне неопредѣленнаго характера, а именно распорядительная дума „или предлагаетъ о причинахъ своего несогласія, чрезъ городского голову, на разсужденіе общей думы, или представляетъ о томъ начальнику губерніи, который, если не успѣетъ согласить происшедшаго между думами разногласія, вноситъ дѣло на разрѣшеніе генералъ-губернатора". Отношенія между думами получили болѣе опредѣленный характеръ по закону 1862 года. Согласно съ нимъ „общая дума не дѣлаетъ отъ себя непосредственно никакихъ распоряженій; она ограничивается только составленіемъ общественныхъ приговоровъ, которые и передаетъ въ распорядительную думу для надлежащаго съ ея стороны положенія или представленія начальству, если по существующимъ узаконеніямъ разрѣшеніе онаго необходимо. Въ случаѣ какихъ либо затрудненій, при исполненіи приговора, распорядительная дума сообщаетъ о томъ общей думѣ, но если послѣдняя не признаетъ нужнымъ измѣнить свой приговоръ, то оный получаетъ дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядкѣ".

Предсѣдателемъ распорядительной думы является городской голова, въ качествѣ „начальника всего общественнаго управленія и главнаго уполномоченнаго всего городского общества".

Наконецъ, послѣднимъ городскимъ учрежденіемъ было депутатское собраніе для веденія обывательской книги. До 1862 г. члены его избирались общею думою, послѣ же этого года собраніемъ выборщиковъ, причемъ каждое сословіе избирало по пяти человѣкъ. Предсѣдателемъ собранія былъ также городской голова.

Переходимъ къ разсмотрѣнію компетенціи городскихъ учрежденій и начнемъ съ общей думы. Главное назначеніе послѣдней заключалось въ производствѣ выборовъ по городскому общественному управленію, что продолжалось до изданія закона 1862 г., когда выборы стали производиться въ собраніяхъ выборщиковъ. Другая функція общей думы заключалась въ постановкѣ приговоровъ, касающихся „представленія правительству о нуждахъ общественныхъ". Наконецъ, третьей функціей было „разсмотрѣніе предложеній начальства" и приходо-расходной росписи. Фактически общая дума имѣла самое ничтожное значеніе и въ промежутокъ времени отъ 1846 по 1860 годъ собиралась только 17 разъ, главнымъ образомъ, для производства выборовъ и, „по какимъ либо чрезвычайнымъ или же торжественнымъ случаямъ". Напротивъ, функціи распорядительной думы были весьма разнообразны. Такъ, прежде всего она вѣдала „общественныя дѣла", т. е., дѣла, касающіяся выборовъ, собраній и вообще должностныхъ лицъ торгово-промышленнаго класса, вела купеческую бархатную книгу и списки почетныхъ гражданъ, завѣдывала записью въ городскія сословія лицъ другихъ сословій, управляла гильдіями, цехами и т. п. [1]) Затѣмъ, въ составъ ея компетенціи входило вѣдѣніе городского хозяйства, какъ въ отношеніи доходовъ, такъ и въ отношеніи расходовъ. Источниками первыхъ являлись доходы съ общественной собственности и сборы. Собственность, какъ движимая, такъ и недвижимая могла эксплоатироваться всякими способами, напримѣръ, отдачею въ наемъ, учрежденіемъ общественныхъ банковъ и т. п. Что касается сборовъ, то ихъ было нѣсколько, а именно: 1) личный, взимаемый при запискѣ обывателей въ городскую думу; 2) съ недвижимаго имущества, напримѣръ, оцѣночный (до 1861 года основаніемъ его являлась не доходность, но стоимость имущества, напротивъ, съ 1861 года основаніемъ его сталъ чи-

---

[1]) Такимъ образомъ подъ „общественными дѣлами" въ сущности понимались сословныя дѣла.

стый доходъ, причемъ оцѣнка имущества производилась особыми комиссіями изъ членовъ всѣхъ сословій); 3) за право производства торговли и промысловъ, причемъ промысловые сборы могли быть съ промысла и съ личнаго труда (первые взимались съ торговцевъ и съ ремесленниковъ, какъ хозяевъ извѣстныхъ заведеній, вторые—съ рабочихъ). Расходы могли быть двухъ категорій, общественно-городскіе и общественно-государственные. Къ первымъ относились, напримѣръ, расходы на содержаніе общественныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ (опредѣленное жалованье за службу по городскимъ выборамъ было впервые введено положеніемъ 1846 года), на внѣшнее благоустройство и благосостояніе города, на цѣли безопасности, напримѣръ, на содержаніе полиціи и пожарной команды и т. п. Ко вторымъ должны быть отнесены расходы на содержаніе и ремонтъ тюремъ, казармъ и т. п. Наконецъ, въ составъ компетенціи распорядительной думы входили дѣла по торговой полиціи и, такъ называемыя, казенныя дѣла. Къ первымъ относились: наблюденіе за исполненіемъ правилъ и предписаній касательно торговли и выдача патентовъ и свидѣтельствъ на производство послѣдней; ко вторымъ: раскладка и сборъ государственныхъ податей.

Степень власти органовъ городского управленія по Положенію 1846 года была самая ничтожная, такъ какъ всѣ постановленія названнаго памятника попрежнему проникнуты началами правительственной опеки. Такъ, думы были лишены всякой самостоятельности въ опредѣленіи объема и вообще въ установленіи доходовъ и расходовъ, потому что въ годовыя росписи, согласно Положенію, должны были вноситься доходы и расходы лишь „въ томъ самомъ количествѣ, въ какомъ они опредѣлены высочайше конфирмованными положеніями, штатами, росписаніями или особыми высочайшими повелѣніями“. Самое составленіе росписи происходило подъ сильнымъ давленіемъ администраціи, а именно, по составленіи ея распорядительною думою, она вносилась на обсужденіе общей думы, затѣмъ, вторично разсматривалась распорядительною думою, но уже подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора; послѣ этого вносилась „для дальнѣйшаго распоряженія“ на разсмотрѣніе къ генералъ-губернатору и обсуждалась имъ въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ губернатора, оберъ-полицеймейстера, городского головы и 15 выборныхъ—по три отъ каждаго сословія; изъ

комитета она поступила къ министру внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ въ Государственный Совѣтъ и, наконецъ, на высочайшее утвержденіе; приводилась же въ исполненіе не иначе, какъ по указу Сената. Такимъ образомъ роспись должна была быть *буквально* исполнена, и всякое отступленіе отъ нея, безъ разрѣшенія правительства, разсматривалось, какъ противозаконное дѣяніе. Что органы городского управленія находились въ подопечномъ положеніи у администраціи, объ этомъ свидѣтельствуетъ также и фактъ присутствія въ распорядительной думѣ члена отъ короны, обязаннаго наблюдать „за успѣшнымъ движеніемъ дѣлъ въ думѣ". Наконецъ, на основаніи закона 1858 года, „общественное управленіе Петербурга" было признано состоящимъ „подъ главнымъ наблюденіемъ и вѣдѣніемъ генералъ-губернатора".

Введеніе Положенія 1846 года въ Петербургѣ побудило въ 1859 году московское дворянство ходатайствовать передъ правительствомъ о распространеніи его дѣйствія и на Москву. Тогда же и о томъ же ходатайствовалъ новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Строгановъ относительно Одессы, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что Одесса занимаетъ „первое мѣсто послѣ столицъ по своему торговому положенію и по сложности городского хозяйства". Правительство вняло этимъ ходатайствамъ и поручило двумъ комитетамъ (одинъ въ Москвѣ, другой въ Одессѣ) подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернаторовъ выработать проекты преобразованія городского устройства и управленія Москвы и Одессы на началахъ Положенія 1846 года. Названные проекты, по составленіи ихъ въ комитетахъ, поступили въ Государственный Совѣтъ и были имъ утверждены: московскій—въ 1862 году, одесскій—въ 1863 году. Въ 1863 же году они получили свое практическое осуществленіе.

Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Одессѣ Положеніе 1846 года было значительно модифицировано; на эти то модификаціи мы теперь и укажемъ. Такъ, въ составъ московскаго городского общества, раздѣленнаго также на пять сословій, были отнесены еще (ко второму сословію) иностранцы и „другихъ званій лица, не принадлежащія къ купеческому и къ городскимъ податнымъ сословіямъ", чѣмъ понятіе городского общества значительно расширялось. Одесское городское общество, въ отличіе отъ петербургскаго и московскаго, дѣлилось только на три разряда, а именно: 1) „всѣ владѣльцы недвижимой собственности въ предѣлахъ города, какого бы званія

и происхожденія ни были, не записанные въ число мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ“, 2) купцы и 3) мѣщане. Иначе говоря, первый разрядъ не представлялъ собою сословной группы, но, по примѣру Жалованной грамоты 1785 года, обнималъ собою лицъ, обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ. Мотивами названнаго постановленія послужили слѣдующія соображенія, изложенныя въ объяснительной запискѣ графа Строганова, представленной имъ въ Государственный Совѣтъ: допущеніе всѣхъ лицъ, владѣющихъ недвижимою собственностью, къ участію въ городскомъ управленіи „въ высшей степени справедливо“, такъ какъ недвижимая собственность—самая прочная основа обывательства; кромѣ того, владѣльцы этой собственности приносятъ городу наибольшій доходъ. Въ виду этого, крайне несправедливо дѣлить владѣльцевъ на сословныя группы и однихъ допускать къ участію въ городскомъ управленіи, а другихъ нѣтъ.

Что касается до активнаго и пассивнаго ценза при избраніи гласныхъ, то онъ остался тѣмъ же, что и по Положенію 1846 года. Однако, въ проектахъ, составленныхъ, комитетами, онъ былъ значительно повышенъ. Это повышеніе вызвало возраженіе со стороны министра внутреннихъ дѣлъ. Многочисленность недостаточныхъ мѣщанъ и ремесленниковъ, говорилъ министръ, „должна бы, кажется, служить поводомъ не къ увеличенію, но скорѣе къ удержанію опредѣленнаго въ Петербургѣ ценза, ибо устраненіе столь большого числа гражданъ, несущихъ разныя повинности, отъ участія въ избраніи выборныхъ было бы въ отношеніи къ нимъ несправедливо“. Государственный Совѣтъ согласился съ доводами министра, и цензъ былъ пониженъ.

Выборы были двухстепенные, какъ и въ Петербургѣ съ 1862 года, число же гласныхъ значительно уменьшилось; такъ, въ Москвѣ оно равнялось 175, т. е., по 35 на сословіе, въ Одессѣ же—75, т. е. по 25 на разрядъ. Затѣмъ, должность городского секретаря изъ должности по назначенію превратилась въ должность по избранію (секретарь избирался общею думою и утверждался генералъ-губернаторомъ).

Собранія общей думы были раздѣлены на двѣ категоріи: обыкновенныя—въ Москвѣ или срочныя—въ Одессѣ. Первыя собирались въ опредѣленные заранѣе сроки, причемъ въ Москвѣ они опредѣлялись самою думою, а въ Одессѣ были опредѣлены городовымъ положеніемъ; вторыя же созывались:

въ Москвѣ: — „по распоряженію городского головы“, въ Одессѣ — „по желанію, изъявленному десятью гласными“. Во время засѣданій гласные засѣдали вмѣстѣ, такъ какъ общая дума не дѣлилась на отдѣленія. Что касается до распорядительной думы, то она являлась *исключительно* исполнительнымъ органомъ общей думы (приговоры послѣдней передавались первой „для надлежащаго съ ея стороны исполненія“). Московскій комитетъ мотивировалъ необходимость подобнаго постановленія тѣмъ соображеніемъ, что „было бы несообразно предоставлять распорядительной думѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ лицъ, избираемыхъ общею же думою, входить въ обсужденіе сущности состоявшихся въ сей послѣдней общественныхъ приговоровъ и давать или не давать на оные свое согласіе“. Самый составъ распорядительной думы нѣсколько видоизмѣнился, вслѣдствіе упраздненія членовъ отъ короны [1]). Кромѣ того, была уничтожена та неравномѣрность представительства, которая существовала по Положенію 1846 г. Такъ, въ Москвѣ каждое сословіе избирало двухъ (т. е. поровну) членовъ распорядительной думы; тоже самое имѣло мѣсто и въ Одессѣ, гдѣ каждый разрядъ избиралъ трехъ членовъ.

Городской голова избирался изъ всѣхъ сословій или разрядовъ, а не изъ „старшихъ“ сословій, какъ по Положенію 1846 г.

Компетенція органовъ городского управленія осталась прежняя, но степень ихъ власти нѣсколько повысилась. Такъ, только распорядительная дума, „находится въ непосредственномъ вѣдѣніи“ (въ Москвѣ) или „состоитъ подъ главнымъ наблюденіемъ“ (въ Одессѣ) мѣстнаго начальства. Но даже и она (въ Одессѣ) „возведена на равную съ губернскими

---

[1]) Любопытны мотивы, выставленные московскимъ генералъ-губернаторомъ въ своей объяснительной запискѣ, на основаніи которыхъ должность члена отъ короны должна была быть уничтожена. „Членъ отъ короны“ читаемъ въ запискѣ, „фактически становится какъ бы начальникомъ членовъ распорядительной думы, что должно подрывать довѣріе къ нимъ со стороны выбравшихъ ихъ сословій и ослаблять ихъ усердіе къ пользѣ общественной, которое растетъ только въ трудѣ самостоятельномъ“. „Члену отъ короны (продолжаетъ генералъ-губернаторъ) не грозитъ, въ случаѣ упущеній или растратъ, кромѣ обыкновенной отвѣтственности по суду, та нравственная отвѣтственность, которой подвергается предъ обществомъ членъ, выбранный этимъ послѣднимъ, да и вообще высшіе интересы самого общества, которыми не можетъ не быть затронутъ членъ общества, чужды чиновнику“. На основаніи всего сказаннаго, авторъ записки приходитъ къ убѣжденію, что участіе въ городской думѣ члена отъ короны „нельзя не признать совершенно излишнимъ и скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ“.

мѣстами *степень*", въ то время, какъ по Положенію 1846 г. распорядительная дума относилась къ разряду „низшихъ мѣстъ". Затѣмъ, представители мѣстнаго начальства не предсѣдательствуютъ въ распорядительной думѣ, но за то къ нимъ посылаются „для подписанія" журналы думы по тѣмъ дѣламъ, „кои восходятъ до разсмотрѣнія губернскаго начальства".

Такимъ образомъ, городовыя положенія Москвы и Одессы не представляютъ собою *въ цѣломъ* чего либо новаго. И то, и другое были только примѣненіемъ или измѣненіемъ Положенія 1846 г., притомъ, какъ справедливо замѣтилъ Дитятинъ, измѣненія не коснулись самыхъ *началъ* городового строя; послѣднія остались неприкосновенными: оба новыя положенія въ сущности одинаково покоятся на началѣ сословности, оба проникнуты началомъ правительственной опеки [1]).

Г. Сельское управленіе.

Вплоть до Екатерины II законодательство игнорировало сельское управленіе, и крестьяне попрежнему управлялись своими старостами, дѣйствовавшими на основаніи обычнаго права. Конечно, на сельское управленіе имѣли огромное вліяніе воеводы и губернаторы, а также особые „правители", назначавшіеся для управленія тѣми или другими разрядами крестьянъ. Въ своихъ наказахъ и заявленіяхъ въ коммиссіи 1767 г. крестьяне ходатайствовали объ уничтоженіи „правителей" и о дарованіи имъ самоуправленія путемъ избранія изъ своей среды старостъ и судей. Екатерина II въ видѣ опыта даровала самоуправленіе крестьянамъ Екатеринославскаго намѣстничества. Послѣдніе, подобно дворянамъ и горожанамъ, составляли крестьянскіе общества (отъ 500 до 1000 дворовъ) съ правами юридическихъ лицъ, т. е. могли путемъ добровольныхъ складокъ составлять свою казну, владѣть недвижимымъ имуществомъ и т. п. Органомъ крестьянскаго общества являлся *сходъ*, избиравшій должностныхъ лицъ, представлявшій о своихъ нуждахъ губернатору и выслушивавшій предложенія послѣдняго. Представителемъ общества былъ старшина, наблюдавшій за сохраненіемъ спокойствія и управлявшій дѣлами общества, а также принимавшій извѣстныя мѣры, въ случаѣ эпидеміи, эпизоотіи, пожаровъ и

---

[1]) Назв. соч., т. II, стр. 539.

т. п. Во главѣ каждой деревни, входившей въ составъ общества, находился *сельскій староста*, обладавшій по преимуществу хозяйственными функціями; такъ, онъ долженъ былъ заботиться объ удобреніи полей, объ исправномъ содержаніи скота и т. п. Кромѣ того, въ каждой деревнѣ должны были быть сельскіе выборные для раскладки податей и сборщикъ для сбора послѣднихъ.

Узаконеніями Павла I среди государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ была введена *волостная организація*, а именно: каждая волость должна была заключать въ себѣ не болѣе трехъ тысячъ душъ и вмѣщала въ себѣ опредѣленное число деревень. Во главѣ волости находилось *волостное правленіе*, состоявшее изъ волостного головы, старосты и писаря, избиравшихся на волостномъ сходѣ (голова на два года, остальные на годъ). Въ каждомъ селеніи избирались выборный старшина и десятскіе. Обязанности всѣхъ этихъ лицъ были административно-судебныя, такъ, они обнародовали законы и распоряженія правительства, принимали мѣры для обезпеченія благочинія и безопасности, наблюдали за нравственностью, собирали подати, прекращали нищенство, заботились объ исправномъ состояніи мостовъ и дорогъ, пеклись о развитіи сельскаго хозяйства, творили судъ въ мелкихъ дѣлахъ и т. п.

Съ учрежденіемъ въ 1837 году министерства государственныхъ имуществъ, главнымъ назначеніемъ котораго являлось попечительство надъ государственными крестьянами, сельское управленіе было преобразовано, хотя волостная организація и осталась. Во главѣ волости попрежнему стояло *волостное правленіе*, но составъ его былъ иной, а именно: членами правленія считались волостной голова, засѣдатели и волостной писарь. Волостной голова избирался на три года волостнымъ сходомъ и утверждался въ должности управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ. Впрочемъ, по прошествіи трехъ лѣтъ, голова могъ остаться въ должности и на неопредѣленное время, пока управляющій палатою не признавалъ нужнымъ избрать на его мѣсто другого. Мало того, министру государственныхъ имуществъ было предоставлено право назначать на должность головы „благонадежныхъ“ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и вахмистровъ. Такимъ образомъ выборное начало было сведено къ нулю. Засѣдатели также избирались волостнымъ сходомъ на три года и утверждались управляющимъ палатою государствен-

ныхъ имуществъ. Напротивъ, писарь, стоявшій во главѣ канцеляріи волостного правленія, назначался окружнымъ начальникомъ, съ утвержденія управляющаго палатою. Волостное правленіе вѣдало массу всевозможныхъ дѣлъ какъ въ сферѣ общественной, такъ и въ сферѣ частной жизни крестьянъ. Такъ, оно заботилось „о водвореніи добрыхъ нравовъ", направляло крестьянъ „къ благочестивой, безпорочной и трудолюбивой жизни", принимало „мѣры предупрежденія противъ пороковъ", наблюдало за неоставленіемъ крестьянами земель въ запустѣніи, а также за обработкою ихъ, какъ слѣдуетъ, вообще поощряло ихъ „къ производству земледѣлія, къ учрежденію садовъ и къ размноженію скота". Наконецъ, на немъ лежали административно-судебныя функціи.

Въ составъ волости входили отдѣльныя селенія, органами которыхъ являлись *сельскій сходъ* и сельскія выборныя власти. Первый составлялся изъ послѣднихъ, а также изъ двухъ выборныхъ отъ каждыхъ десяти дворовъ. Сходъ созывался три раза въ годъ: въ Январѣ—для раскладки податей и повинностей и для постановки приговоровъ касательно недоимокъ, въ Апрѣлѣ или Маѣ—для распредѣленія полей и въ Сентябрѣ или Октябрѣ—для составленія приговоровъ касательно мірскихъ расходовъ. Что касается до сельскаго начальства, то оно состояло изъ сельскаго старшины, сельскаго старосты, нѣсколькихъ сборщиковъ податей, смотрителя сельскаго запаснаго хлѣбнаго магазина и сельскаго писаря. Старшина избирался на три года сходомъ и утверждался управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ; впрочемъ, министръ пользовался правомъ назначать и на эту должность отставныхъ нижнихъ чиновъ вышеназванныхъ категорій. Сельскій староста также избирался на три года сходомъ и утверждался управляющимъ палатою, но не иначе, какъ по представленію сельскаго старшины, волостного правленія и окружного начальника. Тѣмъ же порядкомъ избирались и утверждались въ должностяхъ сборщики податей и смотрители запасныхъ магазиновъ. Наконецъ, сельскіе писаря назначались окружными начальниками съ утвержденія управляющаго палатою государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ идея правительственной опеки еще въ гораздо большей степени проникала собою законодательство о сельскомъ управленіи, чѣмъ законодательство о городскомъ управленіи, что, впрочемъ, и имѣлось въ виду при созданіи министерства государственныхъ имуществъ.

§ 4. *Отрасли управленія.*

А. Полиція.

Въ XVIII столѣтіи Россія была въ полномъ смыслѣ этого слова полицейскимъ государствомъ (Polizeistaat), главнымъ образомъ, благодаря реформѣ Петра I, пересоздавшаго древне-русскій государственный и общественный бытъ по образцу западно-европейскихъ государствъ. Петръ дѣйствовалъ такимъ образомъ не только вслѣдствіе своего личнаго знакомства съ западно европейскими порядками, ревностнымъ поклонникомъ которыхъ онъ былъ, но и въ силу господства въ то время такихъ политическихъ ученій, какъ теорія просвѣщеннаго абсолютизма, допускавшая во имя общаго блага самую широкую регламентацію всѣхъ сторонъ жизни со стороны государственной власти. Такимъ образомъ, полицейское государство, какъ единственно возможная панацея противъ всякаго зла и какъ необходимое условіе всяческаго благосостоянія (духовнаго и матеріальнаго), господствовало въ то время и на практикѣ, и въ теоріи. Послѣ реформы Россія вполнѣ приблизилась къ типу полицейскаго государства, въ силу чего у насъ, какъ и на Западѣ, стало практиковаться самое широкое вмѣшательство правительства въ частную жизнь подданнаго. Такъ указами воспрещалось ношеніе бородъ, указами предписывался особый покрой платья и опредѣлялось количество лошадей въ экипажахъ, указами же повелѣвалось употребленіе опредѣленныхъ орудій для воздѣлыванія замли, матеріала для обуви и для постройки домовъ и т. п.

Наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ этихъ предписаній было возложено отчасти на общеадминистративныя власти (губернаторы, воеводы, земскіе коммиссары и магистраты), отчасти на спеціальныя полицейскія учрежденія. Уже Петръ вполнѣ сознавалъ, что полиція имѣетъ свое особливое состояніе, являясь „душою гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ", а также „фундаментальнымъ подпоромъ человѣческой безопасности и удобности" [1]) и поэтому должна отправ-

[1]) Гл. II и X Регламента Главному Магистрату. Это опредѣленіе вполнѣ совпадаетъ со сдѣланнымъ значительно позднѣе, а именно въ 1765 г., нѣмецкимъ публицистомъ Зонненфельсомъ, который говорилъ, что полиція имѣетъ предметомъ публичное благосостояніе, заключающееся въ безопасности и удобствѣ жизни (см. Тарасова, Исторія русской полиціи и отношенія ея къ юстиціи, Юрид. Вѣстн. 1884 г., кн. 2, стр. 183).

ляться особыми должностными лицами. Однако, подобное сознаніе явилось не сразу, и вначалѣ полицейскія функціи были возложены на общеадминистративныя учрежденія (въ уѣздѣ). Такъ, уѣздную или „земскую" полицію вѣдали губернаторы и въ особенности воеводы и земскіе коммиссары. По воеводскому наказу 1719 года воевода долженъ былъ заботиться объ охранѣ правъ и безопасности мѣстныхъ жителей, преслѣдовать гулящихъ людей и нищихъ, наблюдать за поведеніемъ помѣщиковъ и за отношеніемъ ихъ къ крестьянамъ, заботиться объ исправности дорогъ, блюсти правильность мѣръ, вѣсовъ и монеты и оказывать всяческое содѣйствіе развитію мѣстной торговли и промышленности. Эти функціи воевода раздѣлялъ съ земскими коммиссарами, которые, на основаніи данной имъ инструкціи (также въ 1719 году), должны были, между прочимъ, наблюдать за исправностью и безопасностью путей сообщенія и постоялыхъ дворовъ, преслѣдовать бѣглыхъ и разбойниковъ и заботиться о нравственности и религіозности обывателей („чтобъ подданные при всѣхъ случаяхъ къ страху Божію и добродѣтели, къ добрымъ поступкамъ, правдѣ и справедливости ко всѣмъ людямъ и къ подданнѣйшей вѣрности его императорскаго величества обучены и наставлены были"). Высшій надзоръ за дѣятельностью воеводъ и коммиссаровъ, какъ сказано было, принадлежалъ губернаторамъ. Въ городахъ полицейскія функціи входили въ составъ компетенціи магистратовъ, такъ, Главный магистратъ, согласно своему регламенту, долженъ былъ, „во всѣхъ городахъ добрую полицію учредить" и, кромѣ того, „ежели усмотритъ что полезное ко установленію полиціи или добрыхъ гражданскихъ порядковъ къ поправленію, и о томъ... надлежитъ новые уставы сочинить". Мы уже говорили, что вышло на практикѣ изъ этихъ предписаній регламента Главному магистрату (см. выше).

Первоначально полиція, какъ особая отрасль управленія, для завѣдыванія которой необходимы спеціальные органы, учреждается въ Петербургѣ на основаніи указа 1718 года. Согласно съ нимъ, во главѣ петербургской полиціи поставленъ генералъ-полицеймейстеръ, при которомъ имѣется особая канцелярія; низшими органами, попрежнему, продолжаютъ быть старосты—для цѣлой улицы и десятскіе—для десяти домовъ, избираемые торгово-промышленнымъ классомъ изъ своей среды. Четыре года спустя, по примѣру Петербурга, учреждается должность оберъ-полицеймейстера въ Мо-

сквѣ и полицеймейстеровъ въ остальныхъ городахъ (впрочемъ, послѣдніе были учреждены далеко не вездѣ). Особенность этой реформы заключалась въ томъ, что петербургскій генералъ-полицеймейстеръ являлся не только мѣстною должностью, но былъ поставленъ во главѣ всей полиціи въ Россіи, что, между прочимъ, видно изъ факта „депенденціи“ отъ него московскаго оберъ-полицеймейстера [1]). Функціи послѣднихъ опредѣляются въ ихъ инструкціяхъ и заключается въ слѣдующемъ. Прежде всего на нихъ возложены извѣстныя обязанности въ области строительной полиціи; такъ, они должны были, „смотрѣть, дабы все строеніе регулярно построено... печи, камели и трубы печныя были-бъ по указу... чтобы улицы и переулки были ровны и изрядны, и никакое бы строеніе за линію или изъ линіи не строилось“. Въ московской инструкціи весьма подробно говорится о городскихъ постройкахъ каменныхъ и деревянныхъ, причемъ тѣ или другія допускаются лишь въ извѣстныхъ частяхъ города; затѣмъ опредѣляется характеръ постройки домовъ и предписывается крыть ихъ непременно гонтомъ или черепицею и „буде можно... смыкать въ одну стѣну, для чего при постройкѣ зданій, не имѣющихъ съ обѣихъ сторонъ сосѣдей, въ наружныхъ стѣнахъ оставлять, выставляя изъ стѣнъ кирпичи впредь до смычки, дабы сосѣди къ стѣнамъ примкнуть стѣну своихъ палатъ свободно могли“; наконецъ, подробно описывается способъ устройства печей, причемъ опредѣляется размѣръ печныхъ трубъ и воспрещается строить курныя избы. Кромѣ строительной полиціи, полицеймейстерамъ принадлежали извѣстныя функціи и въ области санитарной полиціи, такъ, они должны были „смотрѣть, чтобы улицы, переулки, рынки, ряды и мосты въ чистотѣ содержались“, „а наипаче хранить, чтобы берега рѣки и протоковъ были крѣпко укрѣплены, и чтобъ на рѣку зимою соръ не возили, а лѣтомъ не бросали, также протоки и каналы соромъ не засыпали“; въ особенности же инструкція обращала вниманіе на то, „чтобъ отнюдь нездороваго какого харчу не продавалось“. Наконецъ, на полицеймейстеровъ

---

[1]) Къ установленію этой зависимости отъ начальника петербургской полиціи полицейскихъ органовъ остальной Россіи правительство возвращалось неоднократно и впослѣдствіи. Такъ, въ 1732 г. петербургскому генералъ-полицеймейстеру была поручена „дирекція надъ всѣми полиціями въ государствѣ“, а въ 1762 г. только что учрежденному московскому генералъ-полицеймейстеру предписывалось находиться въ вѣдомствѣ петербургскаго.

были возложены обязанности и въ области полиціи нравовъ, такъ, они должны были заявлять о всѣхъ „подозрительныхъ домахъ, шинкахъ, картежной игрѣ и другихъ похабствахъ... и все велѣть досматривать, дабы всѣ таковыя мерзости, отчего всякое зло и лихо происходитъ, были ниспровергнуты"; въ московской инструкціи предписывается еще „ловить винныхъ бабъ и дѣвокъ... и отдавать на прядильные дворы и къ прочимъ мануфактурнымъ дѣламъ".

Послѣ смерти Петра, какъ извѣстно, во всѣхъ городахъ, кромѣ столицъ, были снова введены воеводы, но „подъ надзоромъ губернаторовъ", причемъ полицейскія функціи оказались переданными имъ. Однако, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе факты, воеводы въ роли полицейской должности оказались вполнѣ несостоятельными, и русскіе города въ первой половинѣ XVIII столѣтія, въ смыслѣ безопасности и благосостоянія находились въ невозможныхъ условіяхъ. Покойный Дитятинъ собралъ не мало фактовъ, иллюстрирующихъ это положеніе [1]). Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, сама императрица Анна Іоанновна должна была констатировать, что даже въ Петербургѣ „по улицамъ мертвечина валяется" и во множествѣ встрѣчаются „нищіе престарѣлые, дряхлые и весьма больные безъ всякаго призрѣнія"; въ Москвѣ же, какъ это видно изъ одного доклада генералъ-прокурора отъ 1752 года, въ Китаѣ-городѣ пустыя лавки въ иконномъ ряду оказались заваленными навозомъ и грязью, которые свозились туда съ улицъ, причемъ эти импровизированные склады нечистотъ издавали удушающее зловоніе. Мало того, даже въ самомъ Кремлѣ площадь передъ коллегіями была затоплена невылазною грязью, а площадки у входовъ въ соборы цѣлыми горами щепокъ, кирпичей и другого мусора. Если въ такомъ положеніи находились столицы, то можно себѣ представить, что было въ провинціи. И дѣйствительно, въ Астрахани, напримѣръ, по словамъ принца Гессенъ-Гомбурскаго, повсюду распространенъ „самый вредный и язвительный смрадъ отъ несоблюденія чистоты"; въ другихъ городахъ разбои происходятъ даже днемъ, причемъ разбойники нападаютъ правильно организованными шайками. Самъ Сенатъ долженъ былъ констатировать въ одномъ изъ донесеній императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, что „полиція

---

[1]) См. Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, т. I.

имѣетъ весьма слабое и нерадѣтельное смотрѣніе, и что все, порученное ей, упущено", такъ, „караулы содержатся весьма слабо, и во многихъ мѣстахъ происходятъ воровство и драка; въ жильѣ стрѣляютъ изъ ружей, и чистоты почти никакой нѣтъ". Въ виду подобнаго положенія вещей, вопросъ объ организаціи спеціальной полиціи постоянно озабочивалъ правительство въ XVIII столѣтіи, и оно рядомъ многочисленныхъ указовъ то создавало, то упраздняло разныя полицейскія должности, причемъ кругъ ихъ обязанностей постоянно видоизмѣнялся или въ формѣ новыхъ опредѣленій задачъ полиціи вообще, или въ формѣ частныхъ опредѣленій отдѣльныхъ функцій полиціи, пока, наконецъ, при Екатеринѣ II этотъ вопросъ не получилъ своего окончательнаго рѣшенія [1]).

Еще въ Наказѣ Екатерина II посвятила цѣлую главу „благочинію, называемому инако полиціею" (XXI). Подъ нею (говоритъ императрица) часто понимаютъ вообще порядокъ въ государствѣ. Но это неправильно, такъ какъ полиція есть такого рода „установленіе, попеченію котораго все то принадлежитъ, что служитъ къ сохраненію благочинія въ обществѣ. Въ виду же того, что полиціи (какъ думаетъ императрица) приходится быть постоянно занятой подробностями и мелочами и, кромѣ того, дѣйствія ея должны быть скоры, то она должна руководствоваться не столько законами, сколько уставами, т. е., административными распоряженіями. Вотъ почему Наказъ, говоря о полицейскихъ правонарушеніяхъ, называетъ ихъ „нарушеніями установленнаго благочинія", противополагая „великимъ нарушеніямъ закона", т. е., преступленіямъ. Полиція дѣлится по Наказу на два вида: на полицію городскую и на полицію земскую, но въ чемъ выражается ихъ различіе, объ этомъ Наказъ умалчиваетъ. Функціи полиціи состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ недозволеніи ничего такого, что можетъ служить нарушеніемъ порядка отправленія богослуженія и совершенія всякихъ церковныхъ обрядовъ; 2) въ охраненіи цѣломудрія нравовъ, вслѣдствіе чего полиція должна принимать мѣры къ стѣсненію роскоши, къ уничтоженію пьянства, къ пресѣченію запрещенныхъ игръ и разврата и т. п.; 3) въ принятіи санитарныхъ мѣръ, состоящихъ въ сохраненіи безвредности воздуха, въ надзорѣ

---

[1]) Подробности см. у Тарасова, назв. ст. въ Юрид. Вѣстн. 1884 г., кн. 2.

за чистотою улицъ, рѣкъ и т. п., въ надзорѣ за качествомъ съѣстныхъ припасовъ и, наконецъ, въ борьбѣ съ болѣзнями; 4) въ наблюденіи за хорошимъ состояніемъ хлѣбовъ, скота, луговъ для пастбищъ, рыбныхъ ловель и т. п.; 5) въ предупрежденіи опасностей со стороны зданій, въ надзорѣ за архитекторами и рабочими, „отъ которыхъ твердость зданій зависитъ", въ хорошемъ содержаніи мостовыхъ, въ украшеніи городовъ, въ охранѣ свободнаго прохода и проѣзда по улицамъ и т. п.; 6) въ принятіи мѣръ, охраняющихъ народное спокойствіе, а именно: въ предупрежденіи пожаровъ, въ борьбѣ съ бродягами и безпаспортными, въ запрещеніи ношенія оружія, въ недозволеніи сходбищъ и собраній, равно какъ разноски и распространеніи возмутительныхъ прокламацій и поносительныхъ писемъ; 7) въ установленіи правильныхъ вѣсовъ и мѣръ; 8) въ надзорѣ за слугами и рабочими и 9) въ борьбѣ съ нищенствомъ. Изъ изложенія функцій полиціи слѣдуетъ (говоритъ Наказъ), что „тамъ, гдѣ предѣлы власти полицейской кончаются, начинается власть гражданскаго правосудія, напримѣръ, полиція беретъ подъ стражу преступника, она дѣлаетъ ему допросъ, однако, производство дѣла его передаетъ тому судебному мѣсту, къ которому оно принадлежитъ". „Полиція не можетъ налагать тяжкихъ наказаній; довольно для обузданія особъ и содержанія въ порядкѣ дѣлъ, ей порученныхъ, чтобъ ея наказанія состояли въ исправленіяхъ, пеняхъ денежныхъ и другихъ наказаніяхъ, наносящихъ стыдъ и поношеніе на поступающихъ худо и безчинно и удерживающихъ въ почтеніи сію часть правительства и въ повиновеніи оному всѣхъ прочихъ гражданъ".

Для достиженія этихъ цѣлей Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года и Уставомъ благочинія 1782 года были созданы особыя полицейскія должности, существовавшія до послѣдняго времени [1]). Въ уѣздѣ полицейскія функціи перешли къ нижнему земскому суду и къ капитану-исправнику, подъ надзоромъ губернатора и губернскаго правленія, въ городѣ—къ городничему и (съ 1782 года) къ управѣ благочинія (въ столицахъ вмѣсто городничихъ были оберъ-полицеймейстеры и въ городахъ съ гарнизонами —коменданты). Учрежденіе о

[1]) Впрочемъ, какъ было сказано выше, полицейскія функціи въ то же время принадлежали и общеадминистративнымъ учрежденіямъ, а именно: генералъ-губернатору, губернатору, губернскому правленію, приказу общественнаго призрѣнія и даже прокурорамъ.

губерніяхъ только въ общихъ чертахъ опредѣляетъ функціи полиціи. Такъ, она должна заботиться о безопасности города и о хорошемъ состояніи послѣдняго въ санитарномъ отношеніи, равно какъ о „прокормленіи нищихъ и убогихъ", „смотрѣть и имѣть попеченіе надъ казенными заведеніями", наблюдать за мѣрами и вѣсами, блюсти „добронравіе и порядокъ" и вообще смотрѣть за тѣмъ, чтобъ „предписанное законами полезное исполняемо и сохраняемо было". Съ этою цѣлью, напримѣръ, городничій „долженствуетъ поощрять обывателей не токмо ко всякому роду дозволеннаго трудолюбія, рукодѣлія и промысла, но и вообще всѣхъ людей, въ городѣ живущихъ, къ добронравію, человѣколюбію и порядочному житію".

Уставомъ благочинія 1782 года при полицеймейстерѣ и городничемъ былъ созданъ особый органъ—управа благочинія, составъ которой отчасти являлся чиновнымъ, отчасти выборнымъ. Чиновный элементъ представлялся полицеймейстеромъ или городничимъ и двумя приставами—уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, выборный—двумя ратманами, избиравшимися городскимъ собраніемъ. Затѣмъ городъ дѣлился на части и кварталы, во главѣ которыхъ были поставлены частные пристава, квартальные надзиратели и квартальные поручики (послѣдніе избирались горожанами изъ своей среды на три года, причемъ управа благочинія старшихъ изъ нихъ назначала квартальными надзирателями). Для руководства въ своей дѣятельности, управа получила особый наказъ, содержащій въ себѣ не мало нравственныхъ сентенцій, выраженныхъ въ афоризмахъ въ родѣ слѣдующихъ: „не чини ближнему, чего самъ терпѣть не можешь", „дай хлѣба неимѣющему", „напой жаждущаго", „протяни руку помощи падающему", „блаженъ, кто и скотъ милуетъ, буде скотина и злодѣя твоего спотыкнется, подъими ее" и т. п. Согласно наказу, на управу возлагались слѣдующія обязанности. Прежде всего, она должна была заботиться о благоустройствѣ и благообразіи города. Такъ, ей предписывалось имѣть нѣсколько подрядчиковъ для мощенія и чистки улицъ и мостовъ, а также для свозки изъ города нечистотъ, равно какъ для содержанія и зажиганія фонарей. Кромѣ того, она, черезъ квартальныхъ надзирателей, должна была „имѣть попеченіе о возстановленіи строеній, падающихъ или опасныхъ... равно стараться о выстройкѣ пустопорожнихъ мѣстъ въ улицахъ". Затѣмъ, ей принадлежали извѣстныя функціи

въ области полиціи нравовъ. Такъ, она должна была „имѣть попеченіе, чтобъ всѣ и всякій оставался въ законопредписанномъ порядкѣ, чтобъ молодые и младшіе почитали старыхъ и старшихъ, и чтобъ слуги и служанки повиновались хозяевамъ и хозяйкамъ во всякомъ добрѣ“. Затѣмъ, на управу возлагалось „бденіе, дабы всякъ къ церкви Божіей почтителенъ былъ... и пребывалъ въ ней во время службы со страхомъ въ молчаніи, въ тишинѣ и во всякомъ почтеніи“. Наконецъ, управа должна была „не дозволять въ городѣ гражданину учинять новизну въ томъ, на что узаконеніе есть; всякую же новизну, узаконенію противную, пресѣкать въ самомъ началѣ“. Кромѣ того, она надзирала за обществами, товариществами, лотереями, „общественными играми и забавами“, театральными представленіями и т. п. Одновременно съ этимъ, управа должна была вести борьбу съ расколомъ и наблюдать за семейными отношеніями. Въ виду подобныхъ функцій, уставъ предъявляетъ извѣстныя требованія къ членамъ полиціи, а именно, послѣдніе обязательно должны обладать слѣдующими качествами и добродѣтелями: „здравымъ разсудкомъ, человѣколюбіемъ, усердіемъ къ общему добру, честностью, безкорыстіемъ, безпорочностью поведенія, доброхотствомъ къ людямъ и прилежаніемъ къ должности“.

При Александрѣ I (въ 1810 г.) было учреждено особое министерство полиціи, вѣдавшее, въ качествѣ центральнаго учрежденія, полицію во всемъ государствѣ[1]. Функціи его были двухъ категорій, а именно: дѣла полиціи „предохранительной“, какъ-то: дѣла медицинскія и карантинныя, дѣла по продовольствію, безопасность путей сообщенія, цензура и дѣла приказовъ общественнаго призрѣнія, и исполнительной, напр., сборъ недоимокъ, приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ, организація внутренней стражи и т. п.[2]. Впослѣдствіи (въ 1819 г.) это министерство вошло въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое, черезъ посредство департамента полиціи исполнительной, стало

---

[1]) До этого же времени высшее завѣдываніе полиціей сосредоточивалось въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, причемъ съ 1806 г. въ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ названнаго министерства. Кромѣ того, съ 1804 г. вѣдѣніе „части полицейской“ было также функціей и перваго департамента Сената.

[2]) Въ 1811 г. министерство полиціи было раздѣлено на три департамента: хозяйственный, исполнительный и медицинскій. Кромѣ того, въ составъ его вошли медицинскій совѣтъ и канцелярія министра.

центральнымъ учрежденіемъ въ полицейскомъ отношеніи. При Николаѣ I былъ изданъ законъ 3 Іюня 1837 года, касающійся уѣздной полиціи, преобразовавшій составъ земскаго суда и учредившій особую должность становыхъ приставовъ. Земскій судъ, называвшійся теперь безъ эпитета — нижній, состоялъ по закону 1837 г. изъ исправника (предсѣдателя), одного непремѣннаго засѣдателя и двухъ сельскихъ. Первые попрежнему избирались дворянами, послѣдніе крестьянами. Дѣла въ немъ рѣшались словесно и письменно, причемъ для большинства дѣлъ былъ сохраненъ коллегіальный порядокъ, но зато въ нѣкоторыхъ случаяхъ исправникъ получилъ право дѣйствовать по личному усмотрѣнію. Затѣмъ уѣздъ дѣлился на станы, во главѣ которыхъ были поставлены становые пристава. Они считались членами земскаго суда, но обязаны были жить въ своихъ станахъ. Дворянство получило право представлять начальнику губерніи списки дворянъ, достойныхъ занять эту должность, но губернаторъ, при назначеніи пристава, могъ и не руководствоваться этими списками. Кромѣ становыхъ приставовъ, законъ 1837 года учредилъ также и низшія полицейскія должности сотскихъ и десятскихъ, избиравшихся государственными и удѣльными крестьянами [1]). Изложенное устройство полицейскихъ учрежденій существовало вплоть до 60-хъ годовъ, когда былъ изданъ цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ, опредѣляющихъ организацію полицейскихъ учрежденій и теперь.

Б. Финансы.

Источникомъ доходовъ въ изучаемомъ періодѣ были налоги, пошлины и регаліи. Кромѣ того, извѣстный доходъ получался и съ государственныхъ имуществъ. До введенія подушной подати, основнымъ налогомъ являлась подворная подать, установленная еще въ 1679 году на смѣну посошной и унаслѣдованная XVIII столѣтіемъ. Хотя единицей обло-

[1]) Вопросомъ о реорганизаціи уѣздныхъ учрежденій не мало занимался и комитетъ 6-го Дек. 1826 г. Въ него было внесено нѣсколько проектовъ уѣзднаго управленія (напр., Балашова, Валугьянскаго, Сперанскаго и др.). Разсмотрѣвъ ихъ, комитетъ высказался за учрежденіе особой уѣздной управы, раздѣленной на три отдѣленія и состоящей изъ уѣзднаго исправника, названнаго впослѣдствіи правителемъ уѣзда, и 6-ти засѣдателей, по два въ каждомъ отдѣленіи. Составъ управы избирался дворянствомъ. Однако, предположенія комитета не получили силы закона (см. т. LXXIV Сборн. Русск. Ист. Общ., стр. 277, а также Анучина назв. соч., стр. 122).

женія при этой подати являлся дворъ, но на практикѣ, какъ и въ Московскомъ государствѣ, она распредѣлялась „по животамъ и промысламъ“. Этой модификаціи подати въ платежъ, пропорціональный имущественной состоятельности каждаго плательщика, не препятствовало законодательство; напротивъ, оно даже стремилось къ равномѣрному распредѣленію ея между населеніемъ, какъ это видно изъ регламента Камеръ-коллегіи. Послѣдній предписываетъ, чтобъ „всѣ окладныя земскія подати зѣло крѣпко, по состоянію натуры и обстоятельству провинцій, какъ могутъ придать, и по цѣнѣ полевыхъ плодовъ и прочихъ товаровъ, и по другимъ потребнымъ резонамъ и обрѣтающимся обстоятельствамъ опредѣлены были, чтобъ межъ великими и нижними, убогими и богатыми по препорціи надлежащее равенство, и никто бъ отъ надлежащаго болѣе другого уволенъ или отягченъ не былъ“.

Въ виду разстройства финансовъ и необходимости содержать армію, вызванныхъ шведской войной, Петръ I рѣшилъ приступить къ реформамъ въ области налоговъ. Этотъ вопросъ, видимо, долго обсуждался прежде, чѣмъ былъ выполненъ на практикѣ. До насъ дошло нѣсколько финансовыхъ проектовъ, представленныхъ Петру, въ которыхъ авторы ихъ доказывали необходимость положить въ основу всей финансовой системы „поголовщину“, т. е., создать новую единицу обложенія въ видѣ души. Такъ, уже въ 1714 г, оберъ-фискалъ Нестеровъ въ своемъ доношеніи Петру высказался за введеніе особаго „уравнительнаго платежа“, которымъ „всѣ будутъ довольны и платить станутъ безъ доимокъ“. Мало того, онъ указалъ даже на тотъ путь, по которому позднѣе пошло правительство, при опредѣленіи цифры подушнаго оклада, а именно: сосчитать „наличныхъ людей всѣхъ губерній“, вычислить общую сумму собиравшихся до того прямыхъ податей и „росписать, по чему изъ того окладу достанется по расположенію на всякаго человѣка числомъ онаго платежу“. Затѣмъ вотъ что читаемъ въ другомъ проектѣ („Новый проектъ расположенія собранія казны денежной“): необходимо „послать вѣрныхъописчиковъ по провинціямъ всей имперіи и велѣть описать всѣхъ жителей, не утая ниже единой души... и положа по полтинѣ на всякую душу дани государевой на годъ“. Впрочемъ, авторъ оговаривается, что подобная „дань“ должна взиматься только съ одного „подлаго“ народа, а не со „шляхетства, гражданства и духов-

наго чина“. Точно также и третій проектъ (Филиппова) высказывается за необходимость „дворами не писать, а написать крестьянство, въ крестьянски дворы счисленіемъ мужеска и женска пола людей, поскольку семей во дворѣ, и оттого никому обиды и тягости излишней не будетъ, а будетъ всѣмъ равность“. Наконецъ, и въ четвертомъ проектѣ (неизвѣстнаго автора) предлагается обложить все населеніе поголовно сборомъ въ размѣрѣ 75 копѣекъ съ души въ годъ [1]). Идея, положенная въ основу всѣхъ этихъ проектовъ, получила осуществленіе въ 1718 году. А именно Петръ, воспользовавшись пребываніемъ въ Финляндіи Романа Брюса (брата извѣстнаго Якова), поручилъ ему „освѣдомиться, съ коликаго числа мужиковъ у шведовъ былъ солдатъ, и почему положено было на дворъ, или на гакъ, или поголовщину, и какимъ образомъ оныхъ и ихъ офицеровъ держали на квартирахъ“. Брюсъ исполнилъ порученіе государя и доставилъ ему записку о содержаніи арміи въ Финляндіи. Тогда, не рѣшаясь самъ высказаться за введеніе подушной подати, государь предписалъ Сенату разъяснить вопросъ, „сколькихъ *душъ* или *дворовъ* (что удобнѣе) будетъ солдатъ, драгунъ и офицеръ“? Сенатъ, по всей вѣроятности, высказался за введеніе подушной подати, почему государь и рѣшилъ взимать новый налогъ не съ дворовъ. но „съ работныхъ персонъ“ [2]). Въ виду этого указомъ 26 Января 1718 года было предписано произвести перепись населенія. „Взять сказки у всѣхъ“, гласитъ указъ, „сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужеска пола, объявя имъ то, что кто что утаитъ, то отдано будетъ тому, кто объявитъ о томъ“. Во исполненіе этого указа, Сенатъ предписалъ въ 1719 году „учинить общую перепись людей податного состоянія“ [3]), а въ два слѣдующіе года государь велѣлъ переписать также церковнослужителей съ ихъ дѣтьми (19 Янв. 1720 г.) и посадскихъ (26 Февр. 1721 г.). Въ виду же того, что во время переписи происходила утайка душъ, правительство предписало въ 1721 году губернаторамъ и воеводамъ произвести ревизію переписи (съ этого года и самая

---

[1]) Милюковъ, Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго, стр. 556—562; Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, стр. 106.

[2]) Пвловъ-Сильванскій, назв. соч., стр. 108.

[3]) Однако, не смотря на этотъ указъ, далеко не всѣ разряды податного населенія были переписаны (см. Пландовскаго, Народная перепись, стр. 213).

перепись получила названіе ревизіи). Переписавъ населеніе, государь пожелалъ опредѣлить количество налога съ души. Съ этою цѣлью онъ предписалъ привести въ извѣстность, „со сколькихъ работныхъ персонъ можетъ содержанъ быть одинъ человѣкъ пѣшій со всѣмъ, что къ нему принадлежитъ, въ годъ, также конный, лошади, палатки, телѣги и проч.“. По произведенному расчету оказалось, что содержаніе одного кавалериста обходится правительству въ 40 рублей 50 копѣекъ, а пѣхотинца—въ 28 рублей 52 копѣйки въ годъ, общій же расходъ на армію не превышаетъ 4-хъ милліоновъ. Раздѣливъ это число на число душъ (5.000,000), мы получимъ частное—80 копѣекъ на душу. Впрочемъ, уже въ 1724 году размѣръ подати былъ пониженъ до 74 копѣекъ. При Екатеринѣ I онъ уже равнялся 70 копѣйкамъ, при Екатеринѣ II (съ 1794 г.) 1 рублю [1]), при Павлѣ I—1 р. 26 к.. съ 1816 г.—3 р. 30 к. Посадскіе же платили по 40 алтынъ (указъ 1722 года) [2]). Самый предметъ уплаты былъ опредѣленъ при Екатеринѣ I, а именно: императрица разрѣшила вносить подать не только деньгами, но и натурою, „по разсужденію провинцій, по хлѣбному уроду и по способности къ магазинамъ, понеже крестьяне ничѣмъ такъ не скудны, какъ для платежа подушныхъ денегъ многіе принуждены хлѣбъ продавать за половину цѣны“. Подобный способъ уплаты просуществовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вплоть до конца царствованія Екатерины II [3]). Подушная подать, подобно подворной, распредѣлялась по тяглой способности плательщиковъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ указовъ Петровскаго и Екатерининскаго времени. „Въ платежѣ тѣхъ денегъ, читаемъ, напр., въ указѣ 1725 г., надлежитъ верстатися по землѣ и по тягламъ, усматривая, чтобъ однимъ

---

[1]) Правда, при Екатеринѣ II, еще въ 1769 г. по случаю турецкой войны, возникъ вопросъ объ увеличеніи размѣра подушной подати, но тогда императрица заявила, что „она на сіе согласиться не можетъ и почитаетъ сіе за послѣдній рессурсъ, котораго безъ самой крайности употреблять не надлежитъ“. (Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, стр. 408 и слѣд.)

[2]) Обложенію посадскихъ предшествовало разсмотрѣніе Петромъ особыхъ проектовъ, и между прочимъ выписи о томъ, „какъ съ купечества положены сборы въ Голландіи, Ригѣ и Швеціи“. Что касается до нормы въ 40 алтынъ, т. е. въ 1 р. 20 к., то она получилась вслѣдствіе надбавки къ назначенному съ крестьянъ 80 к. окладу дополнительныхъ 40 к. въ виду свободы посадскихъ отъ помѣщичьихъ оброковъ, падавшихъ на крестьянъ (Кизеветтеръ, Посадская община въ Россіи въ XVIII ст., стр. 396—400).

[3]) Графъ Толстой, Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи, стр. 40—41; Ключевскій, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи. (Русская Мысль 1886 г., кн. V).

предъ другими тягости не было“. Точно также и при Екатеринѣ II было предписано „взиманіе подати дѣлать не съ душъ, но съ тяголъ“ [1]). И все же подушная подать легла тяжелымъ бременемъ на народъ въ виду необходимости платить ее за умершихъ (до новой ревизіи) и за нетрудоспособныхъ младенцевъ (послѣ новой ревизіи). Что касается до способовъ взиманія, то при Петрѣ, какъ извѣстно, были созданы особыя должности выборныхъ земскихъ коммиссаровъ, на обязанности которыхъ и лежало взиманіе подати. Однако, въ виду того, что подушная подать была установлена на содержаніе арміи, то къ названному дѣлу были привлечены и полковые коммиссары, получавшіе подушныя деньги отъ земскихъ коммиссаровъ и передававшіе ихъ мѣстному военному начальству. Съ Екатерины I, по уничтоженіи указанныхъ должностей, подушная подать взималась крестьянскими и посадскими старостами и десятскими подъ надзоромъ провинціальной администраціи, а съ Петра III помѣщиками (съ крѣпостныхъ крестьянъ). Уже при Екатеринѣ I былъ возбужденъ вопросъ о преобразованіи подушной подати. Для этой цѣли была даже организована особая комиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Голицына (въ 1727 г.) которой императрица предписала обратить вниманіе на то, „почему впредь съ крестьянъ какимъ образомъ удобнѣе и сходнѣе съ пользою народною, съ душъ такъ, какъ нынѣ, или, по примѣру другихъ государствъ, съ однихъ работниковъ, кромѣ старыхъ и малолѣтнихъ, или тотъ платежъ съ двороваго числа, или съ тяголъ, или съ земли положить“. Такимъ образомъ, комиссіи было предоставлено право совершенно преобразовать характеръ подушной подати и даже замѣнить ее новымъ налогомъ съ иною единицею обложенія. Однако, комиссія высказалась за сохраненіе подушной подати, но за необходимость произвести новую ревизію. Дѣйствительно, въ 1742 г. было предписано произвести ревизію и впредь производить ихъ каждые 15 лѣтъ. При Екатеринѣ II отъ подушной подати были освобождены купцы (въ 1775 г.), для которыхъ она была замѣнена уплатою одного процента съ объявленнаго ими капитала. Окончательное уничтоженіе подати произошло только въ царствованіе Александра III (1 Янв. 1887 г.).

[1]) Чечулинъ, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II (Журн. Мин. Нар. Пр. 1905 г., Январь).

Вторымъ источникомъ доходовъ являлись *пошлины*, которыхъ было довольно много. Такъ, существовала вѣсчая пошлина или вѣсчее, взимавшаяся съ продажи вѣсчихъ товаровъ, причемъ она вычислялась съ рубля. Впрочемъ, иногда пошлина бралась и съ самаго вѣса. Слѣдующая пошлина была дрягильская, шедшая въ пользу лицъ, находившихся при вѣсахъ, такъ называемыхъ, дрягилей. При Петрѣ (въ 1698 г.) отъ уплаты этой пошлины были освобождены лица, вѣсившія товары своими людьми. Затѣмъ существовало нѣсколько пошлинъ, взимавшихся при продажѣ лошадей. Къ ихъ категоріи относились: пятенное, уплачиваемое съ пятнанія продаваемыхъ лошадей какъ покупщикомъ, такъ и продавцомъ (при Петрѣ эта пошлина давала около 20 тысячъ дохода), писчее—съ записи образца пятна и масти продаваемой лошади и поводное—со врученія пятенщикомъ, т. е., особымъ должностнымъ лицомъ, производящимъ пятнаніе проданной лошади покупателю, причемъ эта пошлина бралась только съ послѣдняго. Не мало было также и дорожныхъ пошлинъ. Среди нихъ главную роль игралъ мытъ, взимавшійся съ привозимыхъ товаровъ, съ возовъ, съ судовъ, съ проѣзжавшихъ и проходившихъ людей, съ прогоняемаго скота и т. п., причемъ какъ по сухому пути, такъ и водою. Эта пошлина, доставляя большія выгоды казнѣ, крайне стѣсняла торговлю, на что неоднократно жаловались купцы. Кромѣ мыта, существовали еще слѣдующія пошлины: перевозъ, уплачивавшійся съ людей, съ товаровъ и со скота, перевозимыхъ съ одного берега на другой на паромахъ или на лодкахъ (при Петрѣ эта пошлина доставляла казнѣ до 8,000 руб.), мостовщина, т. е., пошлина за проѣздъ чрезъ мосты, и др. Большинство названныхъ пошлинъ было уничтожено при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1753 г., по инціативѣ графа Петра Ив. Шувалова. Послѣдній въ 1752 г. представилъ Сенату проектъ уничтоженія этихъ пошлинъ и замѣны доставляемаго ими дохода увеличеніемъ пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ изъ-за границы, получившій санкцію со стороны императрицы въ 1753 г. Пошлины же съ продажи лошадей, падавшія преимущественно на бѣднѣйшій классъ населенія—крестьянъ, просуществовали до Екатерины II и были отмѣнены лишь манифестомъ 28 Іюля 1777 г.

Послѣднюю категорію пошлинъ представляли таможенныя пошлины съ заграничныхъ товаровъ. Какъ извѣстно, торговля съ иностранцами получила настоящее свое развитіе

лишь при Петрѣ, причемъ государь всѣми, зависящими отъ него, мѣрами старался поощрять это развитіе. До насъ дошелъ любопытный указъ Коммерцъ-коллегіи (1724 г.), въ которомъ государь говорилъ: „понеже всѣмъ извѣстно, что наши люди ни во что сами не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ, того ради Коммерцъ-коллегія для сей новости (рѣчь шла объ учрежденіи частной компаніи для торговли съ Испаніей) дирекцію надъ симъ и управленіе должна имѣть, какъ мать надъ дитятемъ во всемъ, пока въ совершенство придетъ“. Въ другомъ указѣ государь писалъ, что „надлежитъ умножать свои коммерціи, которыя великую прибыль принести могутъ“. Но, поощряя торговлю съ иностранцами, Петръ не думалъ объ уничтоженіи таможенныхъ пошлинъ. Напротивъ, при немъ, вслѣдствіе возникновенія въ Россіи мануфактурной промышленности, явилась необходимость охраненія ея отъ конкурренціи западно-европейскихъ фабрикатовъ, достигшихъ уже извѣстнаго совершенства. Съ этою цѣлью съ Петра вводится система покровительственныхъ пошлинъ, т. е., на такіе иностранные продукты, для выдѣлки которыхъ были основаны въ Россіи фабрики и заводы, напр., на бумажныя и шерстяныя матеріи, на разныя выдѣланныя вещи, какъ-то: ножи, вилки, иглы, гвозди, башмаки и т. п. Что эти пошлины имѣли характеръ покровительственныхъ, явствуетъ изъ того, что произведенія, не выдѣлывавшіяся на русскихъ фабрикахъ, были освобождены отъ пошлинъ. Послѣ смерти Петра таможенный тарифъ сталъ измѣняться въ сторону пониженія ставокъ, а въ 1731 г. правительство совершенно отказалось отъ покровительственной системы. Однако, такой порядокъ вещей продолжался недолго, и при Елизаветѣ Петровнѣ (въ 1757 г.) былъ изданъ новый тарифъ, крайне высокій по своимъ ставкамъ. Царствованіе Екатерины II въ отношеніи таможенной политики раздѣляется на два періода. До 1782 г. дѣйствовалъ довольно высокій тарифъ 1766 г., но въ 1782 г. былъ введенъ, подъ вліяніемъ идей свободной торговли, тарифъ съ весьма умѣренными ставками [1]). Что касается до управленія таможенными пошлинами, то оно было двухъ родовъ: казенное и откупное. Съ Петра I и до Екатерины II правительство предпочитало систему откупного управленія, „понеже никакіе сборы не при-

[1]) Подробности см. у Лодыженскаго, Исторія русскаго таможеннаго тарифа. [illegible]

личествуютъ быть толико на откупѣ, какъ таможенные". При Екатеринѣ II откупъ былъ уничтоженъ, и управленіе таможенными сборами перешло непосредственно въ казну, причемъ расчетъ съ откупщиками и организація таможеннаго управленія были возложены на извѣстнаго Миниха [1]).

Третьимъ источникомъ доходовъ являлись *регаліи*. Среди нихъ первую роль, безспорно, играла питейная регалія, унаслѣдованная еще отъ временъ Московскаго государства. Вплоть до царствованія Елизаветы Петровны у насъ существовало казенное управленіе питейной регаліей, установленное еще указомъ 18 Іюля 1681 г. Казна, пользовавшаяся питейной регаліей, обыкновенно проявляла свою дѣятельность при двухъ операціяхъ—при приготовленіи и при продажѣ вина. Первая производилась въ мѣстахъ, наиболѣе плодородныхъ, причемъ въ случаѣ неурожая въ однѣхъ губерніяхъ, хлѣбъ поставлялся на винокуреніе изъ другихъ. Вообще, когда, появлялась нужда въ запасахъ, употребляемыхъ на производство вина, то винокуреніе временно запрещалось въ разныхъ мѣстностяхъ. Вино для государевыхъ кабаковъ или приготовлялось на казенныхъ винокурняхъ, или поставлялось по подряду частными лицами. При Петрѣ казенное винокуреніе было очень распространено, причемъ многіе частные заводы государь предписалъ уничтожить или обратить въ казенные, причемъ, „управителей къ нимъ опредѣлить людей добрыхъ и вѣрныхъ, которые бы не токмо во всемъ томъ исправные счеты чинить и показывать могли, но и способы сыскивали, чрезъ что можетъ дешевле и казнѣ прибыльнѣе сдѣланные на такихъ заводахъ и промыслахъ казенные товары и куреніе вина становиться". Что касается до подряда на поставку, то онъ могъ выражаться или въ формѣ поставки однихъ матеріаловъ, нужныхъ для винокуренія, напр., хлѣба, хмѣля и самаго вина, причемъ въ послѣднемъ случаѣ подрядчикъ уплачивалъ пошлину, которая долженствовала бы быть взята съ количества, употребленнаго имъ на винокуреніе хлѣба, если бы онъ поступилъ въ продажу. Продажа вина, по справедливому замѣчанію графа Толстого, есть тотъ актъ дѣятельности правительства по управленію питейною регаліею, при которомъ

---

[1]) Подробности см. у Куломзина, Государственные доходы и расходы въ царствованіе Екатерины II (Русск. Вѣстн. 1869 г., кн. 11, стр. 119 и слѣд.) и у Чечулина, назв. ст. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1905 г., Мартъ.

оно получаетъ свои доходы опредѣленіемъ цѣны вину [1]). Въ виду полученія наибольшаго дохода, вино продавалось гораздо дороже его поставки и приготовленія, причемъ въ разныхъ мѣстахъ цѣна вина была различна. На это жаловался еще Посошковъ, говоря, что „вину имя одно, а цѣною продаютъ разною, и каждый городъ особливую цѣну имѣетъ; обаче и та цѣна непостоянная, но на каждый годъ измѣняютъ, а иное и дважды въ году измѣняютъ, и то стало быть непостоянство“.

Вино обязательно продавалось на наличныя деньги, причемъ платить за него не деньгами, а другими предметами было запрещено. Продавали вино особые цѣловальники и (съ 1699 г.) бурмистры (впрочемъ, скоро уничтоженные), избиравшіеся членами торгово-промышленнаго класса изъ зажиточныхъ („лучшіе и прожиточные“), хорошаго поведенія („добрые, которые душою прямы, а не воры и не бражники“), знающихъ дѣло („чтобъ кабацкій сборъ былъ имъ за обычай“) и грамотныхъ людей. Въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили о тяжести этой повинности и о просьбѣ городскихъ наказовъ, поданныхъ въ законодательную комиссію 1767 г., объ освобожденіи отъ нея купечества. На обязанности цѣловальниковъ было, по продажѣ вина, полученныя деньги немедленно класть въ особые запечатанные ящики, а „мимо ящиковъ въ мошны и карманы, и подъ блюда, и подъ ставцы никуда не класть“. Въ особенности регламентируютъ дѣятельность цѣловальниковъ, сплошь и рядомъ до мельчайшихъ деталей, петровскіе указы. Такъ, въ указѣ 30 Августа 1698 г. мы читаемъ: „ящики всѣ осматривать, чтобъ у нихъ какъ за печатью крышки не отодвигались и деньги изъ нихъ не высыпались, и дыръ бы у ящиковъ цѣловальники для воровства не прибавливали“. Относясь, вообще, крайне недовѣрчиво къ дѣятельности цѣловальниковъ, Петръ указомъ 1696 г. разрѣшилъ покупщикамъ самимъ мѣрить покупаемое ими вино, „чтобъ впредь купцамъ для покупки питій приходить было повадно, и оттого въ сборѣ денежной казны чинилось пополненіе“. Ежегодно, соразмѣрно со сборами въ прошедшіе годы, опредѣлялся размѣръ сбора съ каждаго питейнаго дома или, какъ тогда говорилось, съ кружечнаго двора, причемъ недоборъ доправлялся съ цѣловальниковъ, а при ихъ несостоятельности, съ ихъ избирателей. Мало

---

[1]) Графъ Толстой, назв. соч., стр. 157.

того, правительство даже требовало, чтобъ цѣловальники сбирали больше противъ прежнихъ годовъ. Но заботясь, съ одной стороны, объ увеличенiи дохода отъ продажи питей, правительство, съ другой стороны, принимая во вниманiе религiозно-нравственныя соображенiя, старалось объ ограниченiи пьянства, т. е., въ сущности попадало въ извѣстный заколдованный кругъ, изъ котораго не было выхода. Такъ, продажа вина запрещалась въ посты и въ постные дни (впрочемъ, съ изданiя указа 1698 г. продажа питей ограничивалась только одной страстной недѣлею великаго поста). Затѣмъ лѣтомъ кабаки открывались съ трехъ часовъ пополудни и закрывались до вечера, зимою-же съ трехъ часовъ и до сумерекъ (это подтвердилъ и уставъ о винокуренiи 1765 г.).

При Елизаветѣ Петровнѣ, а именно указомъ 19 Сентября 1755 г. казенное управленiе питейной регалiей было уничтожено и замѣнено откупнымъ содержанiемъ. Мотивы подобной реформы были изложены въ названномъ указѣ и состояли въ слѣдующемъ: 1) благодаря откупамъ, достигалось уничтоженiе многихъ затрудненiй при поставкѣ вина на кабаки и уничтожалось корчемство, „не употребляя противъ такого законамъ преступленiя строгости"; 2) казенный доходъ значительно увеличивался, „ибо отъ ежегодныхъ вину подрядовъ не токмо какое казнѣ приращенiе есть, но многое... бываетъ затрудненiе и въ дѣлахъ помѣшательство и остановка"; 3) дворянство получало извѣстныя выгоды, въ виду прiобрѣтенiя исключительныхъ правъ на винокуренiе, и 4) прекращалось излишнее употребленiе хлѣба на производство вина. Однако, ожидаемыя выгоды не получились, и уже въ царствованiе Екатерины II была назначена комиссiя подъ предсѣдательствомъ графа Фермора для разсмотрѣнiя всѣхъ подробностей состоянiя питейной регалiи. Хотя лично императрица не была сторонницей откупкой системы (см. указъ 23 Марта 1764 г.), однако, комиссiя высказалась за необходимость сохраненiя послѣдней, почему манифестомъ 1 Авг. 1765 г. правительство предписало, „чтобы питейная продажа была во всемъ государствѣ на откупѣ и съ торговъ отдавалась охочимъ людямъ изъ купечества". Этотъ же указъ „обнадежилъ" откупщиковъ „монаршимъ покровительствомъ", причемъ они получили право называться „коронными повѣренными служителями" и носить шпаги, а кабаки было предписано называть „питейными домами", потому-что „отъ происшедшихъ

злоупотребленій названіе кабака сдѣлалось весьма подло и безчестно". Вино заготовлялось казною, хотя винокуреніемъ могли заниматься не только казенные, но и частные заводы, откупщики же продавали вино. Помѣщикамъ было разрѣшено курить вино для себя, но не на продажу. Провозъ вина изъ одной губерніи въ другую былъ ограниченъ, а крестьяне даже не имѣли права вывозить его за предѣлы уѣзда. Откупа были уничтожены только при имп. Александрѣ II.

Питейная регалія являлась однимъ изъ главныхъ источниковъ доходовъ, но, не смотря на это, величина дохода, получавшагося съ нея, не была точно извѣстна (по крайней мѣрѣ въ XVIII ст.) и опредѣлялась приблизительно. Такъ, при Елизаветѣ Петровнѣ, она, нужно думать, давала ежегодно слишкомъ два милліона рубл., а при Екатеринѣ II, по расчету комиссіи графа Фермора, этотъ доходъ достигъ уже цифры 4 милліоновъ рублей; въ концѣ же царствованія императрицы возросъ до 15 милл. рублей [1]).

Слѣдующей регаліей являлась табачная, возникшая при Петрѣ, такъ какъ до него употребленіе табаку было воспрещено. Эта регалія, въ большинствѣ случаевъ, отдавалась на откупъ и приносила государству до 70.000 р. доходу. При Екатеринѣ II регалія была уничтожена, и торговля табакомъ стала свободной, но правительство, взамѣнъ регаліи, ввело акцизъ на табакъ.

Третьей регаліей являлась соляная, введенная съ 1705 г. что немедленно выразилось на цѣнѣ соли, значнтельно увеличившейся. Само собою разумѣется, что вздорожаніе такого предмета первой необходимости, какъ соль, должно было привести къ весьма печальнымъ результатамъ, о чемъ и сохранилось не мало свидѣтельствъ. Вотъ, напр., что говоритъ Посошковъ: „нынѣ въ деревняхъ такую нужду подъемлютъ, что многіе безъ соли ѣдятъ и оцынжаютъ, и умираютъ, и отъ задержанія соли въ иныхъ мѣстахъ выше рубля пудъ покупаютъ, да и то не всегда, и отъ такой безсолицы напрасно люди помираютъ". Правительство неоднократно обращало вниманіе на соляную регалію и даже нѣсколько разъ объявляло вольную продажу (напр., въ 1727 г., въ 1733 г. и т. д.), но чрезъ нѣкоторое время опять обращалось къ ре-

---

[1]) Графъ Толстой, назв. соч., стр. 148 и слѣд.; Куломзинъ, назв. ст. (Русск. Вѣстн. 1869 г., кн. 11); Чечулинъ, назв. ст. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1905 г., кн. 2).

галій. Наконецъ, при Екатеринѣ II (23 Марта 1764 г.) была организована особая комиссія изъ четырехъ лицъ [1]), долженствовавшая отвѣтить на слѣдующій вопросъ: „можетъ-ли безъ ущерба казеннаго дохода, но съ нѣкоторою, напротивъ того, выгодою и прибылью дозволена быть вольная продажа соли“? Комиссія 28 Янв. 1766 г. представила императрицѣ донесеніе, въ которомъ высказалась за сохраненіе казенной продажи соли лишь въ городахъ, а въ остальныхъ мѣстахъ за разрѣшеніе, какъ добычи, такъ и продажи соли всѣмъ, кто пожелаетъ заняться этимъ дѣломъ. Кромѣ того, комиссія высказалась за необходимость удешевленія цѣны соли путемъ удешевленія ея поставки. Однако, предположенія комиссіи не были утверждены Екатериною II, и соляная регалія продолжала существовать попрежнему [2]).

Четвертой регаліей была горная („намъ однимъ“, гласитъ Бергъ—Привилегія 1719 г., „яко монарху, принадлежатъ рудокопные заводы и ихъ употребленіе“), но, въ виду поощренія развитія горнаго дѣла, Петръ предоставилъ всѣмъ право искать и вырабатывать металлы какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ съ единственнымъ условіемъ отчисленія 10% съ дохода казнѣ. Кромѣ того, правительству принадлежало право покупки золота, серебра, мѣди и селитры преимущественно предъ частными лицами по цѣнамъ, установленнымъ Бергъ коллегіей. Одновременно съ этимъ правительство заводило не мало своихъ заводовъ для эксплоатаціи горныхъ богатствъ, получившихъ большое развитіе въ царствованіе Екатерины II.

Пятой регаліей являлась монетная, благодаря которой чеканка монеты, какъ изъ мѣди, такъ и изъ серебра и золота, производилась не иначе, какъ особыми денежными мастерами на казенныхъ монетныхъ дворахъ, на казенныхъ станкахъ и казенными инструментами.

Шестой регаліей была почтовая, дававшая при Петрѣ въ годъ доходу лишь 16.000 р., а при Екатеринѣ II уже до 139.000 р. Вплоть до 1783 г. не существовало однообразія въ платежѣ за посылки и письма, и только съ этого года была введена однообразная почтовая такса во всемъ государствѣ. Управленіе почтами сосредоточивалось въ генеральномъ почтамтѣ, учрежденномъ въ 1722 г. Однако, въ 1727 г,

---

[1]) Та-же самая, которой было поручено разрѣшить и питейный вопросъ.

[2]) Куломзинъ, назв. ст. (Русск. Вѣстн. 1869 г., кн. 11).

почтамтъ былъ уничтоженъ, и управленіе почтами раздѣлилось между коллегіей иностранныхъ дѣлъ и ямскимъ приказомъ.

Кромѣ перечисленныхъ регалій, существовало еще не мало другихъ, то появляясь, то исчезая, напр., регаліи хлѣба, льна, пеньки, сала, поташа, ревеня и т. п. Большинство этихъ предметовъ не долго играло роль объектовъ правительственной монополіи, и съ теченіемъ времени была разрѣшена свободная торговля ими съ обязательствомъ уплаты опредѣленной пошлины въ казну.

Что касается до государственныхъ имуществъ, то главную роль среди нихъ играли лѣса. При Петрѣ правительство впервые обратило вниманіе на необходимость введенія правильности въ лѣсоводство, такъ какъ лѣсъ съ этого времени получилъ большую цѣнность въ виду созданія флота и учрежденія фабрикъ и заводовъ. Въ 1722 г. была издана инструкція оберъ-вальдмейстеру, положившая начало нашему лѣсному законодательству. По инструкціи во главѣ лѣсного управленія былъ поставленъ оберъ-вальдмейстеръ, подчиненный Адмиралтействъ-коллегіи. Ему, въ свою очередь, были подчинены губернскіе вальдмейстеры, избиравшіеся изъ дворянъ и имѣвшіе при себѣ унтеръ-вальдмейстеровъ и особыхъ надсмотрщиковъ изъ отставныхъ солдатъ и крестьянъ. При Екатеринѣ II вальдмейстеры были уничтожены (въ 1782 г.), и надзоръ за лѣсами былъ возложенъ на полѣсовщиковъ и лѣсныхъ старостъ, избиравшихся изъ крестьянъ. Въ то же время управленіе лѣсами было изъято изъ вѣдѣнія Адмиралтействъ-коллегіи и поручено, такъ называемымъ, директорамъ государственнаго домоводства. Съ этого времени лѣса стали приносить казнѣ большой доходъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе вывоза заграницу; на нужды же флота была назначена только пятая часть всего лѣса. Такимъ образомъ, Екатерина II измѣнила кореннымъ образомъ самую цѣль, которую желалъ достигнуть Петръ, сохраняя лѣса, получившіе въ концѣ XVIII ст. преимущественно финансовое значеніе [1]).

Къ числу источниковъ доходовъ слѣдуетъ также отнести и повинности, ложившіяся, какъ было уже сказано (см. выше), исключительно на членовъ торгово-промышленнаго класса и на крестьянъ. Къ числу этихъ послѣднихъ отно-

[1]) Графъ Толстой, назв. соч., стр. 231.

сились разныя обязательныя службы у казенныхъ сборовъ (напр., у продажи питей, соли, гербовой бумаги и т. п.), полицейская служба, т. е., избраніе изъ своей среды низшихъ полицейскихъ органовъ и слѣдующія повинности: рекрутская, постойная, подводная, фуражная, ямская, мостовая, караульная и др. Какъ мы уже сказали, всѣ эти повинности ложились тяжелымъ бременемъ на матеріальное благосостояніе купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, яркою иллюстраціею чего служатъ наказы, поданные въ законодательную комиссію 1767 г.

Въ царствованіе Екатерины II былъ составленъ первый сводъ государственныхъ доходовъ въ Россіи, чѣмъ правительство сдѣлало большой шагъ впередъ въ дѣлѣ приведенія доходовъ въ извѣстный порядокъ и единство. Такъ, въ 1770 г. состоялось высочайшее повелѣніе генералъ-прокурору князю Вяземскому составить „для совершеннаго свѣдѣнія и исчисленія о всѣхъ государственныхъ доходахъ окладную книгу“. На основаніи этого повелѣнія была составлена окладная книга за 1769 г., и съ этого времени ежегодно составлялись подобныя книги. Доходы въ нихъ были сгруппированы по четыремъ отдѣламъ, а именно: 1) окладные непремѣнные (прямые налоги), 2) окладные, по временамъ перемѣняющіеся, 3) неокладные (напр., таможенные и соляные сборы) и 4) неокладные, временно вступающіе [1]).

В. Войско.

Какъ извѣстно, Петръ I преимущественное свое вниманіе обращалъ на организацію арміи и флота. Создать хорошую армію и флотъ было конечною цѣлью всѣхъ его стремленій, къ достиженію которыхъ онъ стремился въ теченіе всей своей жизни. Еще будучи 11-лѣтнимъ ребенкомъ, онъ создалъ потѣшныхъ бомбардировъ, съ которыми и занимался воинскими упражненіями. Впослѣдствіи (въ 1687 г.) изъ нихъ были учреждены два полка: Преображенскій и Семеновскій. Однако, въ нихъ нельзя видѣть начало регулярной арміи въ Россіи, такъ какъ имъ не доставало еще многаго, чтобы считаться войскомъ въ европейскомъ смыслѣ этого

---

[1]) Куломзинъ, назв. ст. (Русскій Вѣстн. 1870 г., кн. 10); см. также другую статью того-же автора „О финансовомъ управленіи въ царствованіе Екатерины II“ (Юрид. Вѣстн. 1869 г. кн. 2) и Чечулина, назв. ст. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1904, 1905 и 1906 гг.

слова. Вотъ что писалъ по этому поводу Корбъ въ своемъ дневникѣ: „6-го Сент. 1698 г. царь сдѣлалъ ученье своимъ полкамъ и убѣдился, что многаго еще не достаетъ этимъ толпамъ, чтобъ можно было назвать ихъ воинами. Онъ лично показывалъ, какъ нужно дѣлать движенія и обороты наклоненіемъ своего тѣла, какую нестройныя толпы должны имѣть выправку". Начало возникновенія регулярной арміи должно быть отнесено къ 1699 г. Въ этомъ году были уничтожены стрѣльцы и взамѣнъ ихъ учреждены 27 пѣхотныхъ и два драгунскихъ полка изъ даточныхъ людей, охочихъ людей и боярскихъ слугъ. Шведская война и въ частности пораженіе подъ Нарвою еще болѣе способствовали переформированію арміи. Такъ, въ 1705 г., по предложенію генерала Огильви, полки были раздѣлены на соотвѣтствующее число баталіоновъ (въ пѣхотѣ) и эскадроновъ (въ конницѣ), которые, въ свою очередь, дѣлились на роты. По роду оружія армія при Петрѣ состояла изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Пѣхота, судя по отзывамъ современниковъ, являлась лучшимъ войскомъ. „Имѣй солдаты навыкъ къ войнѣ", писалъ въ одномъ изъ своихъ донесеній Витвортъ (30 Янв. 1705 г.), „будь во главѣ ихъ хорошіе офицеры, они явились бы непріятелемъ гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ полагаютъ сосѣди". Напротивъ, кавалерія (драгуны) была наиболѣе неудовлетворительнымъ войскомъ какъ въ боевомъ, такъ и въ административномъ отношеніи. Что касается до артиллеріи, то она была сформирована въ одинъ полкъ (артиллерійскій), въ составъ котораго входили одна бомбардирская и нѣсколько канонирскихъ ротъ, а также минерная, понтонная и инженерная рота. Обособленіе инженерныхъ войскъ произошло уже въ 1727 г. [1]). Изданіемъ Воинскаго устава 1716 г. переформированіе арміи было завершено. Полтавская побѣда и Ништадтскій мирный договоръ, закончившій шведскую войну, доказали, что усилія Петра сдѣлать изъ Россіи могущественное государство не пропали даромъ. Событія въ исторіи Европы XVIII и XIX ст., въ которыхъ живѣйшее участіе принимала и Россія, неоднократно подтверждали выше названное положеніе.

---

[1]) Бобровскій, Переходъ Россіи къ регулярной арміи, стр. 148—172; Гудима-Левковичъ, Очеркъ историческаго развитія вооруженныхъ силъ Россіи до 1708 г.; Соловьевъ, Историческіе очерки устройства и довольствія русскихъ регулярныхъ войскъ, вып. 1, стр. 1—62.

Одновременно съ преобразованіемъ организаціи арміи Петръ преобразовалъ и способы ея комплектованія и содержанія. Указомъ 20 Февраля 1705 г. была введена рекрутская повинность, существовавшая вплоть до 1875 г. [1]). Рекрутскіе наборы происходили отъ времени до времени, причемъ на каждый разъ опредѣлялось число, возрастъ (отъ 15 до 20 лѣтъ или отъ 20 до 30 л.) и „человѣчность" рекрутовъ. Подъ послѣдней понималась годность къ службѣ вслѣдствіе отсутствія физическихъ и нравственныхъ недостатковъ. При Петрѣ количество дворовъ, обязанныхъ поставлять одного рекрута, не было однимъ и тѣмъ же, но на практикѣ чаще всего поставлялся рекрутъ отъ 20 дворовъ. Нѣкоторыя мѣстности, вслѣдствіе отдаленности разстоянія, напр. Сибирь, а также лица, напр., помѣщики, не обладавшіе 20 дворами, освобождались отъ рекрутской повинности, но платили за нее деньгами. При поставкѣ рекрута, населеніе обязывалось снабжать его провіантомъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а также вооруженіемъ и лошадью, если онъ былъ кавалеристомъ. Въ 1766 г. произошло упорядоченіе рекрутской повинности путемъ изданія Генеральнаго учрежденія о ежегодномъ сборѣ рекрутъ [2]). Съ этого времени всѣ губерніи раздѣлены были на пять частей, причемъ ежегодно только съ одной изъ нихъ брались рекруты, со ста душъ по одному человѣку. До 1776 г. рекрутская повинность падала на крестьянъ и на членовъ торгово-промышленнаго класса, такъ какъ дворяне, и безъ того обязанные службою, были освобождены отъ нея. Въ 1776 г. эта привиллегія распространилась и на купцовъ съ обязательствомъ, впрочемъ, вносить вмѣсто каждаго рекрута по 360 р. Въ 1783 г., „въ уваженіе на возвышеніе цѣнъ на всѣ вообще вещи и для большаго соразмѣра противу тѣхъ, кои изъ среды себѣ людей на службу воинскую ставить обязаны", указанная сумма была увеличена до 500 р. Какъ извѣстно, и дворяне вплоть до манифеста о вольностяхъ 1762 г. были обязаны отправлять службу, преимущественно военную, начиная ее съ солдата. Въ 1875 году способъ комплектованія войска былъ существенно видоизмѣненъ путемъ введенія всеобщей воинской повинности.

---

[1]) См. Поливанова, Историческій очеркъ законовъ о рекрутской повинности отъ Петра I до 1810 г. и Мрочекъ-Дроздовскаго, Областное управленіе Россіи XVIII вѣка, стр. 149 и слѣд.

[2]) До этого же времени наборы происходили по мѣрѣ надобности. Такъ, въ теченіе 20 лѣтъ при Петрѣ (съ 1705 по 1725 г.) состоялось 39 наборовъ, послѣ же смерти Петра и до вступленія на престолъ Екатерины II (съ 1725 по 1762 г.) 27 наборовъ.

Что касается до содержанія войска, то для этой цѣли существовало нѣсколько повинностей, напр., сборъ на провіантъ, поставка фуража, постойная повинность и т. п. Среди нихъ главную роль играла послѣдняя. Она существовала какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, и заключалась въ распредѣленіи солдатъ по избамъ и домамъ обывателей. что являлось функціей земскаго и полковаго комиссара. Отъ постоя были освобождены дома нѣкоторыхъ лицъ, напр., священнослужителей разныхъ вѣроисповѣданій, „для того, что во время отправленія правила къ священнослуженію такому постою неприлично быть“, иностранныхъ купцовъ, придворныхъ чиновъ, питейныхъ откупщиковъ и др. Постойная повинность являлась одною изъ самыхъ непопулярныхъ и постоянно вызывала жалобы со стороны населенія. Еще Посошковъ писалъ, что „при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смирно стоятъ и обиды страшныя чинятъ, что и исчислить ихъ не можно; а гдѣ офицеры стоятъ, то и того горше чинятъ... и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а въ обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ“. Само правительство не отрицало „многихъ неудобностей“, возникавшихъ вслѣдствіе постоя, и должно было признать, что „бѣдные россійскіе крестьяне не отъ одного хлѣбнаго недороду и отъ подати подушной раззоряются и бѣгаютъ, какъ отъ несогласія у офицеровъ съ земскими управителями и у солдатъ съ мужиками“ (указъ 9 Янв. 1727 года). Въ виду этого, еще Петръ въ 1721 г. разрѣшилъ помѣщикамъ строить особыя квартиры для постоя „для того, что если станутъ стоять по дворамъ мужичьимъ, то будутъ ссоры“. Такое же разрѣшеніе иногда давалось и нѣкоторымъ городамъ. Однако, не смотря на это, постойная повинность попрежнему считалась одною изъ самыхъ тяжкихъ, и жалобами на нее наполнены всѣ наказы, поданные въ законодательную комиссію 1767 г.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Уголовное право.

ГЛАВА I.

Ученіе о преступленіи.

Въ началѣ XVIII ст. законодательные памятники (напр., Воинскій уставъ) смотрятъ на преступленіе съ той же точки зрѣнія (формальной), какъ и Уложеніе 1649 г., иначе говоря, преступленіе трактуется, какъ нарушеніе закона и ослушаніе царской воли. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что преступники всегда назывались или „нарушителями государственныхъ правъ", или „преступниками указу", или „презирателями" и „ослушателями указовъ" и т. п. Наконецъ, изъ опредѣленія преступленія съ одной формальной стороны вытекалъ также фактъ наказуемости многихъ совершенно *безразличныхъ* дѣяній, причемъ кара за нихъ полагалась именно за „ослушаніе" и „призрѣніе указовъ". Впрочемъ, уже въ это время въ нѣкоторыхъ указахъ появляется и другая точка зрѣнія. Вотъ, что напр., гласитъ указъ 24 Дек. 1714 г.: „многіе якобы оправляя себя, говорятъ, что сіе не заказано было, не разсуждая того, что все то, что вредъ и убытокъ государству приключити можетъ, суть преступленія". Иначе говоря, указъ 1714 г. трактуетъ преступленіе съ матеріальной точки зрѣнія, опредѣляя его, какъ дѣяніе вредоносное.

Съ изданіемъ Наказа имп. Екатерины, написаннаго подъ вліяніемъ идей Беккарія, формальная точка зрѣнія на преступленіе совершенно отступаетъ на второй планъ. Что же такое преступленіе по Наказу? Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ Наказа. „Гораздо лучше", говоритъ послѣдній, „предупреждать преступленія, чѣмъ наказывать". „Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законодательства, которое есть ничто иное, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу или оставлять между

ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло". „Хотите ли предупредить преступленія"? „Сдѣлайте, чтобы законы меньше благоденствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому гражданину особо. Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ, и никого, кромѣ нихъ, не боялись. Хотите ли предупредить преступленія?—„Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми". „Еще можно предупредить преступленіе награжденіемъ добродѣтели; наконецъ, самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія".

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Наказа, преступленіе можетъ быть, если не окончательно уничтожено, то по крайней мѣрѣ, доведено до ничтожныхъ размѣровъ. И если преступленіе еще существуетъ, то въ этомъ виновна не столько частная воля, совершающая преступленіе, сколько само общество, не устранившее условій, порождающихъ и питающихъ преступленіе. Далѣе, изъ многихъ другихъ статей Наказа видно, что законодатель долженъ воспрещать только такія дѣянія, которыя вредны или цѣлому обществу, или отдѣльному лицу. Воспрещеніе же дѣйствій, не приносящихъ ни пользы, ни вреда, т. е., безразличныхъ, не имѣетъ никакого основанія. Отсюда слѣдуетъ, что подъ преступленіемъ Наказъ понимаетъ дѣяніе, противное общему и частному благу и вслѣдствіе этого запрещенное закономъ. Такое опредѣленіе представляетъ большой шагъ впередъ сравнительно съ прежней, исключительно формальной точкой зрѣнія, на которой стояли Уложеніе, Воинскій уставъ и другіе законодательные памятники.

Что касается до субъектовъ преступленія и до степени участія въ немъ каждаго изъ нихъ, то этотъ вопросъ разрѣшается въ законодательствѣ изучаемаго періода такъ же неудачно, какъ и въ Уложеніи. Общимъ правиломъ, напримѣръ, по Воинскому уставу, является примѣненіе одинаковаго наказанія, какъ къ главнымъ виновникамъ, такъ и къ пособникамъ и къ лицамъ, прикосновеннымъ къ преступленію, въ силу чего степень виновности каждаго изъ нихъ не находится ни въ какомъ соотношеніи съ размѣромъ наказаніт „Яко убійца самъ", гласитъ уставъ, „такъ и прочіе имѣнія быть наказаны, которые подлинно къ смертному убійству вспомогали или совѣтомъ, или дѣломъ вступались" (арт. 155, гл. XIX). Что касается до интеллектуальнаго и физи-

ческаго виновника, то Воинскій уставъ такъ же, какъ и Уложеніе, подвергаетъ ихъ одинаковому наказанію. „Ежели кто кому прикажетъ“, читаемъ въ уставѣ, „кого смертію убить, оный такожъ, яко убійца самъ имѣетъ быть казненъ смертію, а именно, голову ему отсѣчь“ (арт. 160). Только Наказъ высказывается за примѣненіе неодинаковой мѣры наказанія къ разнымъ участникамъ преступленія; онъ желаетъ „положить наказанія, не столь великія сообщникамъ, какъ самымъ настоящимъ исполнителямъ“.

Разсматривая преступленіе съ внутренней стороны, Воинскій уставъ вполнѣ признаетъ дѣянія случайныя, неосторожныя и умышленныя, но придаетъ имъ различныя термины, называя, напримѣръ, небрежными, винными и неосторожными, иногда же невинными, ненарочными и невольными. Но, не смотря на подобную неудовлетворительность терминологіи, уставъ выдѣляетъ понятіе случайнаго дѣянія отъ понятія неосторожнаго. Первое не подлежитъ наказанію. Объ этомъ довольно категорично заявляетъ арт. 159 гл. XIX; въ толкованіи же къ нему приводится слѣдующій примѣръ случайнаго дѣянія; солдатъ, стрѣляющій въ цѣль на ученьи и убившій подвернувшагося ему человѣка, освобождается отъ всякаго наказанія. Напротивъ, неосторожныя дѣянія всегда наказуемы, смотря по степени неосторожности (арт. 158). Въ толкованіи къ этому артикулу приводится слѣдующій случай неосторожнаго дѣянія: солдатъ, стрѣляющій изъ мушкета въ людномъ мѣстѣ и убившій кого-нибудь, подлежитъ наказанію. Впрочемъ, иногда уставъ смѣшиваетъ понятія неосторожнаго и умышленнаго дѣянія. Такъ, въ толкованіи къ арт. 158 мы читаемъ: „ежели кто кого съ ненависти толкнетъ или что со злости на него броситъ, или учинитъ ему что изъ недружбы, отчего умретъ, то оный обыкновенной казни смертной подверженъ“. Такимъ образомъ, неосторожное дѣяніе приравнивается къ умышленному и карается одинаково съ нимъ [1]). Что же касается до умыш-

[1]) Гораздо болѣе точную формулировку неосторожнаго дѣянія мы встрѣчаемъ въ проектѣ уголовнаго уложенія 1813 года. Вотъ, что гласитъ по этому поводу статья 10 проекта: „небреженіемъ, неосторожностью, оплошностью или легкомысліемъ необходимо почитать не токмо, когда кто что нибудь недозволенное сдѣлаетъ, отчего вредъ другому случился или случиться могъ бы, но и тогда, ежели дозволенное сдѣлано въ непристойномъ мѣстѣ, или въ ненадлежащее время, или ненадлежащимъ образомъ, отчего другому также вредъ приключился“. Какъ замѣчаетъ профессоръ Таганцевъ, эта формулировка неосторожной вины, несомнѣнно, повліяла и на дѣйствующее право (Учебникъ русскаго уголовнаго права, книга I, стр. 82).

леннаго дѣянія, то уставъ по отношенію къ нему выставляетъ новое начало сравнительно съ Уложеніемъ 1649 года, различая умышленное и предумышленное дѣяніе, чего не знаетъ Уложеніе. Такъ, за умышленное убійство полагается смертная казнь чрезъ отсѣченіе головы, за предумышленное же, т. е., за убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, какимъ уставъ признаетъ отравленіе или убійство по найму, полагается квалифицированная смертная казнь, именно колесованіе (арт. 161 и 162 XIX гл.). Иначе говоря, предумышленное дѣяніе, какъ дѣяніе, въ которомъ, согласно уставу, преступная воля достигаетъ наибольшаго напряженія, карается строже умышленнаго, гдѣ преступная воля имѣетъ гораздо меньшее напряженіе.

Перехожу къ разсмотрѣнію преступнаго дѣйствія съ внѣшней стороны, т. е., по мѣрѣ того, насколько намѣреніе человѣка обнаруживается вовнѣ. Въ этомъ отношеніи Воинскій уставъ отличаетъ голый умыселъ, покушеніе и совершеніе преступленія. Съ точки зрѣнія современной науки уголовнаго права, голый умыселъ—не наказуемъ, такъ какъ одной злой воли человѣка мало для наказанія, необходима еще наличность преступнаго дѣйствія. Иначе смотритъ на дѣло Воинскій уставъ. Онъ, подобно Уложенію, караетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и голый умыселъ; такъ, въ преступленіяхъ политическихъ голый умыселъ подлежитъ наказанію наравнѣ съ совершеніемъ преступленія, причемъ уставъ довольно ясно опредѣляетъ, что наказаніе должно имѣть мѣсто, не смотря на то, что преступленіе, „хотя къ дѣйству и не произведено, но только воля и хотѣніе къ тому было“ (арт. 19 III гл.). Морской уставъ еще болѣе расширяетъ наказуемость голаго умысла, распространяя ее не только на однѣ политическія преступленія, но и на другія преступныя дѣянія („всѣ убійцы и намѣренные къ тому“, гласитъ ст. 107 XV гл., „будутъ казнены смертью“). На совершенно иной точкѣ зрѣнія стоитъ Наказъ. Вотъ, что, между прочимъ, читаемъ въ немъ: „человѣку снилося, что онъ умертвилъ царя; сей царь приказалъ казнить его смертью, говоря, что не приснилося бы ему сіе ночью, если бы онъ о томъ днемъ на яву не думалъ. Сей поступокъ былъ великое тиранство, ибо, если бъ онъ то и думалъ, однако жъ, на исполненіе мысли своей не поступилъ—законы не обязаны наказывать никакихъ другихъ, кромѣ внѣшнихъ и наружныхъ дѣйствій“. Нѣсколько

далѣе Наказъ говоритъ: „слова не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ они пріуготовляютъ или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному“. Что касается до покушенія, то Воинскій уставъ раздѣляетъ его на оконченное и неоконченное. Какъ то, такъ и другое всегда наказуемы, но иногда причины неоканчанія могутъ вліять на смягченіе приговора, напримѣръ, покушеніе на дуэль, неоконченное по собственному желанію дуэлянтовъ, наказывается значительно слабѣе, чѣмъ покушеніе, неоконченное вслѣдствіе какихъ нибудь внѣшнихъ причинъ (XLI гл. 1 ч.). Наказъ караетъ какъ покушеніе, такъ и совершеніе преступленія, причемъ первое слабѣе, чѣмъ второе. Мотивируется это слѣдующими соображеніями: „наказаніе потребно для того, что весьма нужно предупреждать и самыя первыя покушенія ко преступленію, но какъ между сими покушеніями и исполненіемъ беззаконія можетъ быти промежутокъ времени, то не худо оставить большее наказаніе для исполненнаго уже преступленія, чтобы тѣмъ начавшему злодѣяніе дать нѣкоторое побужденіе, могущее его отвратить отъ исполненія начатаго злодѣянія“.

Законодательство императорскаго періода вполнѣ признаетъ существованіе нѣкоторыхъ особенныхъ условій, наличность которыхъ или совершенно устраняетъ наказуемость, или смягчаетъ, или же увеличиваетъ наказаніе. Такъ, Воинскій уставъ знаетъ состояніе *необходимой обороны*, называемой имъ „нужнымъ обороненіемъ“, но, въ отличіе отъ Уложенія, значительно ограничиваетъ ея примѣненіе. Во-первыхъ, оборона можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ защиты своей жизни (арт. 156) [1]. Во-вторыхъ, оборона считается дѣйствительной, если соотвѣтствуетъ нападенію („обороненіе съ обиженіемъ равно есть“), въ силу чего обороняющійся не имѣетъ права пускать въ ходъ оружіе, если нападающій безоруженъ (арт. 157 XIX гл.) [2]. Въ-третьихъ, для необхо-

---

[1]) Правда, въ толкованіи къ арт. 185 XIX гл. сказано, что „вора, который въ ночи въ домъ ворвется, безъ страха наказанія умертвить, ежели его безъ своего опасенія преодолѣть было невозможно“, т. е., повидимому, допускается и защита имущественныхъ правъ, однако, тутъ же прибавлено: „ибо надлежитъ разсудить, что воръ не для единой кражи, но чтобы и умертвить, въ домъ ночью врывается“.

[2]) Впрочемъ, отъ этого положенія было сдѣлано отступленіе; такъ въ томъ же уставѣ читаемъ далѣе: „надобно смотрѣть, когда кто кого ударитъ рукою, и того сильнѣе, кого бьетъ, тогда обиженный можетъ оружіемъ обороняться, ибо есть все равно, какъ и чѣмъ смертный страхъ угроженъ будетъ“ (арт. 157 XIX гл.).

димости законной обороны требуется наличность нападенія, почему убіеніе бѣгущаго врага строго воспрещается, но за то, съ другой стороны, дозволяется обороняться, не ожидая перваго удара, „ибо чрезъ такой первый ударъ", гласитъ уставъ, „можетъ тако учиниться, что и противиться весьма позабудетъ". Въ-четвертыхъ, обороняющійся не долженъ быть зачинщикомъ драки, въ силу чего на немъ лежитъ обязанность доказать, что онъ „отъ убитаго нападенъ и зацѣпленъ и безъ опасенія смертнаго уступитъ или уйти не могъ" (арт. 157). Наконецъ, въ-пятыхъ, оборона допускается только при наличности „не праваго нападенія, въ силу чего сопротивленіе должностнымъ лицамъ, исполняющимъ свою обязанность, не можетъ считаться необходимою обороною. За нарушеніе указанныхъ правилъ виновный наказывается тюрьмою, штрафомъ, или шпицрутенами, смотря „по судейскому разсужденію". Такимъ образомъ, убійство нападающаго, хотя бы и не въ состояніи необходимой обороны, карается значительно легче обыкновеннаго убійства, всегда наказываемаго смертью.

Сравнивая постановленія о необходимой оборонѣ по Воинскому уставу и по Уложенію, мы видимъ, что первый значительно ограничиваетъ случаи этой обороны, въ то время, какъ послѣднее совершенно не знаетъ никакихъ ограниченій и допускаетъ оборону въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Морской уставъ еще болѣе ограничиваетъ необходимую оборону, допуская ее только въ крайнемъ случаѣ, и разрѣшая обороняющемуся противъ невооруженнаго употреблять оружіе только тогда, „когда крѣпко станетъ нападать и смертно бить" [1]).

Кромѣ необходимой обороны, Воинскому уставу извѣстно и состояніе *крайней необходимости*. Такъ, онъ говоритъ о подобномъ случаѣ въ XIX главѣ, а именно: если голодный человѣкъ („изъ крайней голодной нужды") совершитъ кражу („съѣстное или питейное или иное что украдетъ"), то уставъ предписываетъ „наказаніе умалять или весьма отставлять" (толков. къ арт. 195, XIX гл.) [2]).

---

[1]) О необходимой оборонѣ см. Кони, Необходимая оборона (Моск. Унив. Изв. 1866 г.); Долпчевъ, О правѣ необхоцимой обороны (Юрид. Вѣстн. 1874 г., кн. XI и XII); Пусторословъ, Незамѣнимая саморасправа, какъ учрежденіе уголовнаго права; его же, Понятіе о незамѣнимой саморасправѣ; Фельдштейнъ, О необходимой оборонѣ и ея отношеніи къ правомѣрному самоуправству (Журн. Мин. Юст., 1899 г., кн. V).

[2]) Кромѣ того, въ арт. 180, въ которомъ устанавливается наказанія за поврежденіе чужого имущества, находимъ слѣдующую оговорку: „развѣ по необходимой нуждѣ востребуется, и на то позволится" (См. Розина О крайней необходимости, стр. 174).

Наконецъ, законодательству императорскаго періода извѣстна и *давность*, какъ обстоятельство, освобождающее отъ наказанія. Впервые о давности говоритъ манифестъ 17 Марта 1775 года, предписавшій не подвергать преступниковъ наказанію, если со времени совершенія ими преступленія прошло 10 лѣтъ, причемъ въ теченіе всего давностнаго срока преступленіе не сдѣлалось гласнымъ и по отношенію къ нему не было начато производства. Согласно манифесту дѣйствіе десятилѣтней давности было распространено на *всѣ* преступленія. Но уже въ 1787 г. этотъ срокъ былъ значительно сокращенъ по отношенію къ личнымъ оскорбленіямъ. Такъ, искъ объ обидѣ словомъ или на письмѣ погашался по прошествіи года, а искъ объ обидѣ дѣйствіемъ— по прошествіи двухъ лѣтъ (манифестъ о поединкахъ 1787 г.). Затѣмъ въ 1829 г. Государственный Совѣтъ изъялъ изъ подъ дѣйствія давности дезертирство, мотивируя подобное изъятіе тѣмъ, что „побѣги нижнихъ воинскихъ чиновъ, сколько бы долго ни продолжались, въ безгласности не остаются, ибо о семъ тотчасъ же объявляется отъ начальства“. Проектъ уголовнаго уложенія 1813 года, удерживая 10-ти лѣтній срокъ давности, ввелъ еще другое условіе, а именно, „чтобы преступникъ во все сіе время не учинилъ другой вины“. При обсужденіи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ, это постановленіе было значительно измѣнено такъ, для государственныхъ преступленій, давность была уничтожена, для тяжкихъ преступленій, караемыхъ каторжными работами, срокъ давности былъ увеличенъ до двадцати лѣтъ и только для мелкихъ преступленій оставлена десятилѣтняя давность. Впрочемъ, какъ извѣстно, проектъ 1813 года не получилъ законодательной санкціи, и вплоть до Уложенія 1845 года дѣйствовали постановленія манифеста 1775 года [1]).

До сихъ поръ я говорилъ объ условіяхъ, устраняющихъ или увеличивающихъ наказуемость, лежащихъ исключительно во внѣшнихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовалъ человѣкъ. Перехожу теперь къ условіямъ, имѣющимъ свой источникъ, такъ сказать, въ самомъ человѣкѣ. Здѣсь

---

[1]) См. Саблера, О значеніи давности въ уголовномъ правѣ, стр. 30—40 и Фойницкаго, Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ, стр. 115.

на первомъ мѣстѣ будетъ *опьяненіе*. Уложеніе смотритъ на опьяненіе, какъ на обстоятельство, уменьшающее вину [1]); напротивъ, Воинскій уставъ стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, что объясняется, конечно, его, такъ сказать, военнымъ характеромъ, въ силу чего, уже самый фактъ опьяненія разсматривается, какъ дѣяніе, подлежащее наказанію [2]). Въ одномъ только случаѣ опьяненіе, если не увеличиваетъ, то во всякомъ случаѣ и не уменьшаетъ наказанія это—при богохульствѣ (арт. 3 I гл.). Иначе относится къ опьяненію уставъ благочинія 1782 года. Онъ проводитъ различіе между умышленнымъ и неумышленнымъ совершеніемъ преступленія въ состояніи опьяненія. Въ первомъ случаѣ опьяненіе не принимается въ разсчетъ, и преступникъ наказывается какъ трезвый; во второмъ опьяненіе играетъ роль обстоятельства, смягчающаго вину (ст. 256).

Кромѣ опьяненія, изучаемой эпохѣ извѣстны еще слѣдующія обстоятельства, вліяющія на наказуемость и имѣющія источникъ свой въ самомъ человѣкѣ. Большинство этихъ обстоятельствъ введено въ наше законодательство Воинскимъ уставомъ. Во-первыхъ, состояніе *аффекта*, куда уставъ относитъ раздраженіе; такъ, оскорбленіе словомъ, совершенное въ раздраженіи, наказывается легче, чѣмъ совершенное безъ раздраженія (арт, 152 XVIII гл.). Во-вторыхъ, *служебная ревность*, куда относится слѣдующій случай: начальникъ (напримѣръ, офицеръ), наказывая своего подчиненнаго (напримѣръ, солдата), засѣкаетъ его до смерти; въ такомъ случаѣ онъ не подвергается смертной казни, какъ за убійство, но карается или штрафомъ, или временной отставкой, или разжалованіемъ въ рядовые (толк. къ арт. 154 XIX гл.). Въ-третьихъ, *малолѣтній возрастъ*; такъ, уставъ освобождаетъ отъ наказанія „воровъ-младенцевъ“ [3]), предписывая наказывать ихъ только розгами („лозами“) со стороны родителей (толк. къ арт. 195 XXI гл.). Въ царствованіе Елизаветы Петровны (въ 1742 году) по поводу одного частнаго случая Сенатъ постановилъ считать несовершеннолѣтіе до 17 лѣтъ, когда преступники подвергались наказанію плетьми и отсылкѣ въ

---

[1]) Въ одномъ только случаѣ Уложеніе приравниваетъ опьяненіе умыслу и то потому, что оно производится сознательно для бодрости при совершеніи преступленія (ст. 17 гл. XXII).

[2]) „Пьянство никого не извиняетъ, понеже онъ (преступникъ) въ пьянствѣ уже непристойное дѣло учинилъ“.

[3]) Младенческій возрастъ считался до 7 лѣтъ.

монастырь [1]). Это сенатское рѣшеніе было подтверждено указомъ 1765 года, предписавшимъ лицъ, не достигнувшихъ 17 лѣтъ, за совершеніе преступленій, влекущихъ за собою смертную казнь или кнутъ, представлять на усмотрѣніе Сената, „гдѣ съ ними поступлено быть имѣетъ, по благоусмотрѣнію и по мѣрѣ ихъ винъ", за совершеніе же всѣхъ прочихъ преступленій наказывать плетьми. Кромѣ того, этотъ же указъ предписалъ лицамъ, не достигшимъ 15 лѣтъ, замѣнять плети розгами, а лицъ, не достигшихъ 10 лѣтъ, отдавать для наказанія родителямъ или помѣщикамъ. Въ-четвертыхъ, *престарѣлый возрастъ*, опредѣленный указомъ 1798 г. въ 70 лѣтъ, когда было предписано лицъ, достигшихъ названнаго возраста, освобождать отъ тѣлеснаго наказанія и клейменія и подвергать только ссылкѣ. Въ-пятыхъ, *умопомѣшательство*, при наличности котораго, по словамъ Воинскаго устава, „наказаніе обыкновенно умаляется или совсѣмъ отставляется". На основаніи сенатской практики, можно вывести то заключеніе, что въ XVIII столѣтіи сумасшествіе только смягчало наказаніе, а не служило обстоятельствомъ, освобождающимъ отъ него. Вотъ, что, напримѣръ, читаемъ въ одномъ сенатскомъ рѣшеніи (по дѣлу Подлуцкаго): „хотя по его императорскаго величества указу надлежало бы учинить ему, яко измѣннику и вору, смертную казнь, но, понеже по виду признается онъ, Подлуцкій, въ умѣ помѣшателенъ, того ради смертной казни ему не чинить, а, вмѣсто того, учинить наказаніе: бивъ его кнутомъ, сослать на галеры въ вѣчную работу". Только съ 1801 года было предписано лицъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи умопомѣшательства, освобождать отъ суда и наказанія, взамѣнъ чего отсылать во врачебную управу для освидѣтельствованія и, въ случаѣ признанія ихъ больными, помѣщать въ дома для умалищенныхъ. Закономъ 1827 года было опредѣлено сумасшедшихъ, совершившихъ убійство, освобождать изъ названныхъ домовъ не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и притомъ пять лѣтъ спустя послѣ выздоровленія. Въ-шестыхъ, *непривычка къ службѣ*, вслѣдствіе недавняго поступленія на нее: такъ, солдатъ за побѣгъ въ первый годъ службы наказывается легче, чѣмъ

---

[1]) Впрочемъ, Синодъ, на заключеніе котораго поступило названное рѣшеніе Сената, нашелъ, что 17-ти лѣтній срокъ слишкомъ поздній, такъ какъ по закону даже въ бракъ можно было вступать ранѣе 17 лѣтъ, почему и высказался за 12-ти лѣтній срокъ. Однако, на практикѣ оба рѣшенія не имѣли никакой силы, и самъ Сенатъ не стѣснялся ихъ нарушать (Таганцевъ. Учебникъ русскаго уголовнаго права, кн. 1, стр. 90).

за побѣгъ въ послѣдующіе годы (арт. 95 XII гл.), или солдатъ, недавно принятый на службу и „не слыхавшій воинскаго артикула“, за преступленіе противъ караульной службы наказывается не смертью (какъ слѣдовало бы по уставу), но шпицрутенами (толк. къ арт. 41 IV гл.). Въ-седьмыхъ, *повтореніе преступленій*, допускаемое уставомъ такимъ образомъ, что возрастаніе наказанія замедляется еще болѣе, чѣмъ по Уложенію. Такъ, за первую кражу (если цѣна украденнаго не свыше 20 рублей) полагается прогнать шпицрутенами 6 разъ сквозь строй, за вторую—прогнать сквозь строй двѣнадцать разъ, за третью кражу—отрѣзать нось и уши и сослать на каторгу и только за четвертую кражу полагается смертная казнь (арт. 189 XXI гл.). Позднѣйшіе законодательные памятники, напримѣръ, проектъ уголовнаго уложенія 1754 года и указъ 3 Апрѣля 1781 года еще болѣе понижаютъ наказаніе при повтореніи преступленій. До указа 18 Іюля 1726 г. повтореніе смѣшивалось со стеченіемъ преступленій и только со времени изданія этого указа можно говорить о повтореніи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (рецедивъ), т. е. о совершеніи преступленія послѣ отбытія наказанія за ранѣе совершенное преступленіе. Такъ, указъ говоритъ о ворахъ, которые „ни отъ кого изобличены не были, почему за первыя кражи наказанія, отъ чего бы было можно имъ воздержаться, не было“, предписывая карать ихъ, какъ за первую кражу [1]).

Перехожу къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ преступленій и начну съ преступленій *противъ вѣры*. Къ этому разряду преступленій Воинскій уставъ относитъ богохульство, несоблюденіе церковныхъ обрядовъ, божбу и клятву, чародѣйство и вообще всякаго рода суевѣрное богоотступничество. Подъ богохульствомъ уставъ понимаетъ не только хулу на Бога, но также и на Божью Матерь, святыхъ, службу и слово Божіе и таинства. Такого рода преступленія караются прожженіемъ языка раскаленнымъ желѣзомъ и затѣмъ отсѣченіемъ головы (арт. 3 и 4 I гл.). Къ несоблюденію церковныхъ обрядовъ уставъ относитъ непосѣщеніе церковной службы и прибытіе въ церковь въ пьяномъ видѣ, что ка-

[1]) Проектъ уголовнаго уложенія 1754 года знаетъ еще три обстоятельства, вліяющія на наказуемость въ смыслѣ ея усиленія (заимствованныя имъ изъ Уложенія 1649 года и указной практики), а именно: 1) совершеніе преступленія въ церкви, на государевомъ „дворѣ“ и 3) въ присутствіе государя.

раетея штрафомъ или тюремнымъ заключенiемъ (10—12 арт. II гл.).[1]). Подъ клятвой или божбой уставъ понимаетъ употребленiе имени Божiя всуе, что наказывается публичнымъ покаянiемъ и вычетомъ изъ жалованiя (арт. 7 и 8 гл. I). Наконецъ, чародѣйство и всякаго рода суевѣрное богоотступничество, напр., заговариванiе ружья, подкупъ чародѣя во вредъ кому либо, чернокнижество и т. п. караются „жестокимъ" тюремнымъ заключенiемъ, шпицрутенами и сожженiемъ. Послѣднее, впрочемъ, можетъ имѣть мѣсто только тогда, если обвиняемый въ чародѣйствѣ „вредъ кому учинилъ или дѣйствительно съ дьяволомъ обязательство имѣлъ", (арт. 1 и 2 гл. I).[2]). Названныя постановленiя проникли въ Воинскiй уставъ изъ западно-европейскихъ военно-уголовныхъ сборниковъ, чѣмъ поставили его въ этомъ отношенiи неизмѣримо ниже Уложенiя, совершенно не знающаго подобныхъ преступленiй.

Проектъ уголовнаго уложенiя, составленный Елизаветинской законодательной коммиссiею 1754 г., упоминаетъ еще о нѣсколькихъ видахъ преступленiй противъ вѣры, неизвѣстныхъ Воинскому уставу. Такъ, онъ довольно много говоритъ о небытiи у исповѣди, наказывая это преступленiе въ первый разъ штрафомъ, во второй разъ также штрафомъ и батогами „нещадно" (впрочемъ, только „подлыхъ", дворяне же отсылаются на мѣсяцъ въ монастырь) (ст. 4 гл. XV). Затѣмъ проектъ говоритъ о церковномъ „мятежѣ", т. е. о перывѣ богослуженiя, карая его смертной казнью (ст. 1 гл. XVII). Наконецъ, онъ упоминаетъ о совращенiи въ еврейство мусульманство, идолопоклонство и расколъ, карая эти преступленiя, при отсутствiи раскаянiя со стороны преступниковъ, сожженiемъ (раскаянiе требуется также и отъ совратителя, причемъ, для спасенiя своей жизни онъ долженъ принять привославiе), и о разнаго рода суевѣрiяхъ (причемъ, считая самихъ „суевѣрцевъ" обманщиками,—проектъ предписываетъ карать ихъ кнутомъ или плетьми) (гл. XVIII

[1]) Отдѣльные указы говорятъ еще о небытiи у исповѣди, что предписывалось дѣлать по крайней мѣрѣ разъ въ годъ (указъ 8 Февр. 1716 г.), о неприличномъ поведенiи во время богослуженiя, о непосѣщенiи церкви въ праздники и воскресные дни и т. п. Всѣ эти проступки карались въ большинствѣ случаевъ штрафомъ.

[2]) Точно также и Морской уставъ „съ великимъ подверждениемъ запрещаетъ всѣ чародѣйства". Даже позднѣйшее законодательство продолжаетъ трактовать волшебство, какъ тяжкое преступленiе. Такъ, указъ 25 Мая 1731 г. грозитъ волшебникамъ сожженiемъ и подъ страхомъ наказанiя кнутомъ запрещаетъ всякое общенiе съ ними.

и XIX). Эти постановленія проекта являются результатомъ кодификаціи, такъ какъ до составленія проекта о нихъ говоритъ цѣлый рядъ сепаратныхъ указовъ. Такъ, указомъ 8 Дек. 1718 г. было предписано карать штрафомъ за неблагочиніе и разговоры во время церковной службы; указъ 16 Іюля 1722 года караетъ за небытіе у исповѣди. Не мало указовъ упоминаетъ о разнаго рода „суевѣрныхъ шалостяхъ“ и о совращеніи изъ православія въ другую религію, расколъ или ересь и т. п.[1]).

Наказу также извѣстны преступленія противъ вѣры, называемыя имъ святотатствомъ. По мнѣнію имп. Екатерины II, они должны быть наказываемы „лишеніемъ тѣхъ выгодъ, которыя даруетъ вѣра, т. е. изгнаніемъ изъ храмовъ, исключеніемъ изъ собранія вѣрующихъ на время или навсегда и удаленіемъ отъ ихъ присутствія“. Затѣмъ Наказъ совѣтуетъ „весьма беречься, чтобы не наказывать тѣлесными наказаніями людей, зараженныхъ порокомъ ложной святости. Сіе преступленіе, основанное на гордости или кичени, изъ самой боли получитъ себѣ славу и пищу, чему примѣры были въ бывшей Тайной канцеляріи, что таковые по особымъ днямъ прихаживали единственно для того, чтобы претерпѣть наказанія“. Въ заключеніе Наказъ говоритъ о волшебствѣ и еретичествѣ. „Обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ“, читаемъ въ немъ, „можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено“ [2]). Однако, съ этими воззрѣніями не согласились высшія духовныя особы, которымъ императрица читала Наказъ. Они высказались за усиленіе наказуемости преступленій противъ вѣры. „Святотатства и богохуленія, читаемъ въ ихъ примѣчаніяхъ на Наказъ, всегда нарушаютъ покой общества, а потому, кромѣ церковнаго наказанія, они должны быть караемы и свѣтскимъ“. Въ позднѣйшее же

---

[1]) Въ особенности было много издано указовъ противъ раскола въ царствованіе Петра I, т. е. того государя, который въ теоріи признавалъ свободу вѣроисповѣданія. До насъ дошли замѣчательныя слова Петра, сказанныя имъ въ указѣ 16 Апр. 1702 г., а именно: „мы (т. е. государь) по дарованной намъ отъ Всевышняго власти совѣсти человѣческой приневолить не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей“.

[2]) Вообще Екатерина II была сторонницей религіозной терпимости. До насъ дошелъ ея отвѣтъ Синоду по поводу одного его представленія, что она, „какъ Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и вѣроисповѣданія“ (см. Гольцева, Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в., изд. 2-е, стр. 98).

время и сама императрица стала на точку зрѣнія дѣйствующаго права. Вотъ что гласитъ, напр., ст. 266 Устава благочинія 1782 г.: „буде кто учнетъ чинить колдовство или чародѣйство... того отослать къ суду, гдѣ учинить съ нимъ, какъ законы повелѣваютъ".

Среди *государственныхъ* преступленій по законодательству изучаемаго періода на первомъ мѣстѣ находятся преступленія *политическія*, получившія въ Воинскомъ уставѣ весьма широкое развитіе. Къ этимъ преступленіямъ названный сборникъ относитъ оскорбленіе величества, подъ которымъ понимается не только всякое преступное дѣйствіе противъ жизни и здоровья государя, государыни и наслѣдника, но также и словесное оскорбленіе государя, равно какъ и всякое осужденіе его намѣреній и дѣйствій. Всѣ эти преступленія считались самыми тяжкими и поэтому карались смертною казнью чрезъ четвертованіе или отсѣченіе головы (19 и 20 арт. III гл.) [1]. Къ политическимъ преступленіямъ относится и измѣна, подъ понятіе которой подводятся слѣдующія преступныя дѣянія: тайная переписка и тайные переговоры съ непріятелемъ, открытіе ему какимъ-либо способомъ пароля или лозунга, разглашеніе о состояніи воинскихъ дѣлъ и крѣпостей, распространеніе непріятельскихъ манифестовъ и т. п. Всѣ эти преступленія караются большею частью смертною казнью (гл. XVI). Наконецъ, къ политическимъ же преступленіямъ относится возмущеніе или бунтъ, подъ понятіе котораго уставъ подводитъ и „непристойныя сходбища", т. е. недозволенныя собранія, хотя бы и не ради преступныхъ цѣлей, напр., для подачи коллективной челобитной, для совѣщанія по поводу какого-либо вопроса и т. п. Виновные въ бунтѣ наказываются смертною казнью чрезъ повѣшеніе, причемъ уставъ постановляетъ приводить это накатаніе въ исполненіе прямо на мѣстѣ совершенія преступленія, т. е. безъ суда, „дабы чрезъ то другимъ страхъ подать и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать" (арт. 133—137 XVII гл.).

Для лучшаго открытія и преслѣдованія преступниковъ вообще, а политическихъ въ частности, Петръ возложилъ на каждаго подданнаго обязанность доносовъ [2]), причемъ по

---

[1]) Точно также и указъ 30 Янв. 1727 г. подтвердилъ, что за „непристойныя и противныя слова" противъ государя и членовъ его семьи „безъ всякихъ отговорокъ учинена будетъ смертная казнь безъ пощады".

[2]) Такъ, по Воинскому уставу, „если кто увѣдаетъ, что единъ или

„первымъ двумъ пунктамъ“ лично государю (подъ „первыми двумя пунктами“ понимались пункты указовъ 23 Дек. 1713 г. и 25 Янв. 1715 г., а именно: 1) о всякомъ зломъ умыслѣ противъ персоны его величества и 2) о бунтѣ и измѣнѣ [1]).

Политическимъ преступленіямъ удѣляетъ не мало мѣста и Наказъ, называя ихъ оскорбленіемъ величества и считая ихъ самымъ тяжкимъ видомъ изъ преступленій противъ общественной безопасности. Подъ политическими преступленіями Наказъ признаетъ преступныя дѣянія, направленныя противъ жизни и безопасности государя, и измѣну государству. Такъ какъ, съ его точки зрѣнія, оскорбленіемъ величества можетъ считаться только дѣйствіе, то „слова не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ они приготовляютъ или соединяются или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному“. Такимъ образомъ человѣкъ, „пришедшій, напр., на мѣсто большого собранія увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи величества, потому что слова совокуплены съ дѣйствіемъ и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слово наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены“. „Письма (т. е. сочиненія) суть вещь не такъ скоро преходящая, какъ слова, но когда они не пріуготовляютъ къ преступленію оскорбленія величества, то они не могутъ быть вещью, содержащею въ себѣ преступленіе въ оскорбленіи величества“. Но не признавая за „словомъ“ и „письмомъ“ государственнаго преступленія, Наказъ всетаки стоитъ на точкѣ зрѣнія наказуемости за эти дѣянія, но не въ той мѣрѣ, какъ за государственныя преступленія, а гораздо легче. Эту точку зрѣнія императрица усвоила себѣ, благодаря возраженіямъ на Наказъ (въ которомъ названныя дѣянія были признаны ненаказуемыми) со стороны высшихъ духовныхъ лицъ. Послѣднія сдѣлали слѣдующее замѣчаніе по поводу разсматриваемаго пункта: „безопасность особы государя

многіе нѣчто вредительное учинить намѣрены, и о томъ въ удобное время не объявитъ, тотъ имѣетъ по состоянію дѣла, на тѣлѣ или животомъ наказанъ быть“ (арт. 129 гл. III).

[1]) Подробную регламентацію доносовъ мы встрѣчаемъ въ проектѣ уголовнаго уложенія 1754 г. (гл. XXII), причемъ за ложный доносъ предписывается смертная казнь (ст. 7). Доносы вмѣнялись въ обязанность и во вторую половину XVIII ст. Такъ, при Екатеринѣ II (8 Іюня 1764 г.) было предписано доносить о неправильно захваченныхъ земляхъ, при Павлѣ I указомъ 20 Дек. 1798 года правительство опредѣлило денежное вознагражденіе за доносъ о бѣглыхъ солдатахъ и т. д.

соединяется съ безопасностью всего государства, и потому малѣйшее противъ сего недоразумѣніе не должно быть оставлено безъ изслѣдованія, и потому эта рѣчь требуетъ подробнѣйшаго разъясненія“. Названное замѣчаніе побудило императрицу отказаться отъ своихъ первоначальныхъ мыслей и признать „слова“ и „письма“, направленныя противъ особы государя и хотя бы не сопряженныя ни съ какими „дѣяніями“, также наказуемыми [1]).

Съ Петра III правительство начинаетъ ограничивать доносы, широко распространенные, вслѣдствіе прежнихъ узаконеній. Такъ, указомъ 21 Февраля 1762 года было предписано, при наличности каждаго доноса, предлагать доносчику вопросъ, извѣстно ли ему содержаніе двухъ первыхъ пунктовъ (когда доносъ касался ихъ), причемъ, въ случаѣ незнанія, доносъ не принимался. Если же получался удовлетворительный отвѣтъ, то доносчикъ обязывался представлять доказательства; при неимѣніи же таковыхъ, онъ подвергался аресту на два дня безъ пищи и питья „для оставленія ему всего сего времени на размышленіе“. Если же онъ и послѣ этого продолжалъ настаивать на доносѣ, то показаніе его принималось во вниманіе. Заключительныя слова указа весьма характерны. „Вышеизложенные пункты“, читаемъ въ немъ, „гласятъ наипаче о подлыхъ людяхъ; совсѣмъ не чаемъ мы, чтобы благородные дворяне или офицеры, или же кто либо изъ знатнаго купечества нашлись когда либо въ толь мерзкихъ предъ Богомъ и передъ свѣтомъ преступленіяхъ, каковы суть преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ“ [2]).

Весьма много значенія придаетъ Воинскій уставъ другому виду государственныхъ преступленій, а именно преступленіямъ *противъ службы* (военной), что, впрочемъ, вполнѣ понятно въ военно-уголовномъ сборникѣ. За всякое нарушеніе дисциплины, за всякое небрежное отношеніе къ своимъ

---

[1]) Точку зрѣнія Наказа на государственныя преступленія усвоилъ себѣ и проектъ „коронаціонной всемилостивѣйшей грамоты, русскому народу жалуемой“, составленный при Александрѣ I. Ст. 19 проекта также не признаетъ за „словами“ и „сочиненіями“ значенія оскорбленія Величества, опредѣляемаго ею слѣдующимъ образомъ: „преступленіемъ оскорбленія Величества почитаться должны слѣдующія дѣянія: чѣмъ кто сдѣлаетъ и производить будетъ самымъ дѣйствіемъ заговоръ на ниспроверженіе Высшей власти въ государствѣ“ (Коркуновъ, Политическія воззрѣнія Сперанскаго, см. Вѣстникъ Права 1899 г., кн. VIII).

[2]) Этотъ указъ былъ подтвержденъ Екатериною II 19 Октября того же 1762 г.

обязанностямъ и вообще за всякое упущеніе по дѣламъ службы, случаи которыхъ подробно перечисляются въ уставѣ, положены крайне строгія наказанія. Точно также и проектъ уголовнаго уложенія 1754 года на основаніи сепаратныхъ указовъ, изданныхъ по преимуществу при Петрѣ, предписываетъ всѣмъ, „обрѣтающимся на службѣ, должность свою рачительно отправлять", грозя, что если „кто... по дружбѣ или по враждѣ, или изъ взятокъ умышленно что учинитъ, и вѣдѣніемъ и волю пренебрежетъ, что ему по званію его должности и въ силѣ государственныхъ правъ и указовъ, чинить надлежало, и оный, по важности вины и преступленія, живота, чести лишенъ и въ ссылку сосланъ, или отнятіемъ на нѣсколько времени всѣхъ или одного чина, или денежнымъ штрафомъ быть имѣетъ" (ст. 1 гл. L). Проектъ въ особенности обращаетъ вниманіе на „проклятое" лихоимство, этотъ источникъ „всенародной тягости", карая его тѣлеснымъ наказаніемъ и ссылкою (ст. 4). Вообще нужно сказать, что съ лихоимствомъ правительство вело безпощадную борьбу въ теченіе всей изучаемой эпохи. До насъ дошла масса указовъ, грозящихъ всевозможными карами „плутамъ, которые ни во что иное тщатся, точію мины подъ всякое добро дѣлать н несытость свою исполнять" (слова указа 24 Дек. 1714 г.). Однако, не смотря на строгія наказанія до смертной казни включительно[1]), взяточничество процвѣтало на русской почвѣ, что неоднократно констатировало и само правительство. Такъ, указъ 22 Іюня 1720 г. свидѣтельствуетъ, что „возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ пріобрѣтеній великія неправды и грабительства и тѣмъ многіе люди приходятъ въ раззореніе и бѣдность". А по словамъ указа 16 Авг. 1760 г. „несытая алчба корысти до того дошла, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство предводительствомъ судей, а потворство и упущеніе—ободреніе беззаконникамъ". Черезъ два года (18 Іюня 1762 г.) правительство снова было вынуждено признать, что „едвали есть самое малое мѣсто правительства, въ которомъ божественное сіе дѣйствіе—судъ безъ зараженія сей язвы (лихоимства) отправлялося". При Екатеринѣ II имена взяточниковъ и лихоимцевъ, наказанныхъ по суду, публикуются во всеобщее свѣдѣніе, причемъ

[1]) Такъ, по указу 24 Дек. 1714 г. лихоимство могло быть наказано тѣлеснымъ наказаніемъ, конфискаціею имущества, шельмованіемъ и даже смертною казнью.

этой карѣ подвергаются многія лица изъ высшей губернской администраціи.

По справедливому замѣчанію г. Анциферова, развитое въ законодательствѣ XVIII ст. ученіе о взяточничествѣ представляетъ стройную трехчленную систему, принятую и въ современныхъ кодексахъ. Согласно съ этой системою первый видъ взяточничества состоитъ собственно въ принятіи подарка, взятки; второй—въ нарушеніи служебнаго долга изъ за взятки и третій—въ совершеніи преступленія за взятку. По этой системѣ только то взяточничество влечетъ за собою смертную казнь, которое сопровождается совершеніемъ преступленія [1]).

Третій видъ государственныхъ преступленій, это—преступленія противъ *порядка управленія и суда.* Къ первой категоріи (противъ порядка управленія) могутъ быть отнесены: срываніе и истребленіе правительственныхъ указовъ и распоряженій, дѣланіе фальшивой монеты и поддѣлка актовъ и печатей; ко второй категоріи (противъ суда)—лжеприсяга и лжесвидѣтельство. О первомъ преступленіи говоритъ арт. 203 гл. XXII Воинскаго устава, предписывая всякаго, „кто явно прибитые указы, повелѣнія нарочно и нагло раздеретъ, отброситъ или вычернитъ“, ссылать въ каторжную работу съ жестокимъ наказаніемъ или же „подвергать смертной казни“. Дѣланіе фальшивой монеты влечетъ за собою сожженіе (арт. 199 XXII гл.). Въ толкованіи къ этому артикулу опредѣляется понятіе названнаго преступленія, а именно уставъ гласитъ, что фальшивая монета можетъ дѣлаться троякимъ образомъ: 1) „когда кто воровски чужимъ чеканомъ напечатаетъ“, 2) „когда непрямую руду примѣшиваетъ“ и 3) „когда кто у монеты надлежащій вѣсъ отъиметъ“. Что касается до поддѣлки печатей и актовъ („писемъ“), то она карается тѣлеснымъ наказаніемъ, а иногда и смертью, смотря по тому, „ежели обманъ великъ или малъ или вредителенъ есть“ (арт. 201 XXII гл.) [2]). Лжеприсяга наказывается отсѣ-

---

[1]) Анциферовъ, Взяточничество въ исторіи русскаго законодательства (Журн. гражд. и уголовн. права 1884 г., кн. 2).

[2]) Объ этомъ преступленіи говорятъ и послѣдующіе законодательные памятники. Такъ, въ Инструкціи крѣпостныхъ дѣлъ дьякамъ 20 Окт. 1719 г. оно уже называется подлогомъ („ежели оный дьякъ въ своихъ врученныхъ ему дѣлахъ самъ или съ подчиненными своими учнетъ какіе *подлоги* дѣлать“). Затѣмъ имъ занимается и Генеральный регламентъ (гл. XIII и L). Въ главѣ XIII этого памятника говорится о совершеніи подлога должностнымъ лицомъ посредствомъ печати коллегіи („кто дерзнетъ оною печатью какіе подлоги чинить“), а въ главѣ L идетъ рѣчь о подлогѣ разныхъ оффиціальныхъ документовъ („кто неправдиво учи-

ченіемъ тѣхъ двухъ пальцевъ, которыми преступникъ присягалъ, и ссылкою въ каторжную работу (арт. 196); такъ же каралось и лжесвидѣтельство (арт. 198). Проектъ уголовнаго уложенія 1754 года къ указаннымъ преступленіямъ прибавляетъ еще слѣдующія: 1) сопротивленіе властямъ („которые посланнымъ отъ суда съ указами противность окажутъ и повелѣннаго имъ дѣла силою исполнять не допустятъ... или кого взятыхъ ими въ судебныя правительства людей на дорогѣ отобьютъ, или у тѣхъ посланныхъ указы сильно отымутъ и издерутъ“, см. ст. 1 и 2 гл. LXX), 2) выѣздъ за границу безъ установленнаго паспорта или проѣзжей грамоты (гл. LXII), 3) вывозъ за границу золота и серебра, а также ввозъ въ Россію мѣдныхъ денегъ, что карается смертной казнью чрезъ повѣшаніе (ст. 8 гл. XXXVIII) и 4) ябедничество или ложный доносъ. Впрочемъ, о послѣднемъ преступленіи говорятъ многіе указы, изданные до и послѣ составленія проекта. Такъ, еще указъ 10 Апр. 1730 г. предписываетъ „за ложный и затѣйный доносъ чинить смертную казнь безъ всякой пощады“. Другіе указы, хотя и смягчаютъ наказаніе за это преступленіе, но все же караютъ его кнутомъ, батогами, ссылкою въ Сибирь и т. п.

Четвертый видъ государственныхъ преступленій, встрѣчающійся въ Воинскомъ уставѣ, это—преступленія противъ *общественнаго благоустройства, благочинія, порядка и спокойствія.* Сюда можно отнести: укрывательство преступниковъ, пристанодержательство, присвоеніе себѣ ложныхъ именъ и прозвищъ и др. [1]).

Гораздо болѣе указаній на эту группу преступленій мы встрѣчаемъ въ отдѣльныхъ указахъ. Такъ, очень много послѣднихъ воспрещаетъ разнаго рода проступки противъ

нитъ репортъ или о состояніи дѣла, а нѣкоторыя предложенія съ умыслу удержитъ или весьма утаитъ; или кто протоколы или другіе документы переправитъ фальшиво“). Регламентъ караетъ подлогъ смертною казнію или вѣчною ссылкою на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей и конфискаціею имущества. Но помимо оффиціальныхъ документовъ подлогу могли подвергаться и частные документы. О такомъ видѣ подлога также говорятъ многіе памятники. Такъ, вексельный уставъ 1729 г. упоминаетъ о подлогѣ векселей („а ежели кто подъ руки кого нибудь въ векселяхъ подпишется и тѣмъ или инымъ образомъ сдѣлаетъ воровски вексель“); указъ 23 Авг. 1737 г.—о подлогѣ закладной и т. п. Всѣ эти постановленія были приведены въ нѣкоторую систему въ проектѣ уголовнаго Уложенія 1754 г. въ главѣ LIV. О подлогѣ см. Жижиленко Подлогъ документовъ, стр. 252 и слѣд.

[1]) Проектъ уголовнаго уложенія 1754 г. знаетъ еще порчу межей и граней (гл. LVI), продажу золотыхъ и серебрянныхъ вещей безъ клейма пробирныхъ мастеровъ (ст. 12, 13 и слѣд. XXXIX гл.) и др.

благочинія, порядка и спокойствія, а именно: буйство и драки, игру въ карты на деньги, въ особенности азартныя игры, произнесеніе бранныхъ словъ въ публичномъ мѣстѣ, роскошь въ одеждѣ и экипажахъ, пьянство и др. Въ виду того, что игра въ карты очень часто подавала поводъ къ буйству, ссорамъ и дракамъ, правительство издавало много указовъ противъ нея. Въ первой половинѣ XVIII ст. игра въ карты на деньги была вовсе запрещена (инструкція россійскому флоту 1710 г. и указъ 1717 г). Но, въ виду того, что на практикѣ это запрещеніе не исполнялось и, выражаясь словами указа 23 Янв. 1733 г., „богомерзкая игра не пресѣклась, отчего не только въ крейнее убожество и раззореніе приходятъ, но и въ самый тяжкій грѣхъ впадаютъ и души свои въ конечную погибель приводятъ“, правительство усилило кару за названный проступокъ. А именно: за первый разъ виновные штрафовались, за второй разъ дворяне и офицеры подвергались тюремному заключенію на мѣсяцъ, а „подлые люди“ наказывались нещадно батогами и наконецъ, за третій разъ наказаніе удваивалось“. „Кто же затѣмъ пойманъ будетъ, заключаетъ указъ, съ таковыми поступать жесточае, смотря по важности дѣла“. Въ царствованіе Елизаветы Петровны указомъ 16 Іюня 1761 г. игра въ карты на небольшую сумму была дозволена, но „единственно для препровожденіи времени“ и только въ извѣстныя игры (ломберъ, кадрилія, пикетъ и контра). Что же касается до азартныхъ игръ, то онѣ подъ страхомъ большого штрафа, были запрещены, „исключая во дворцахъ Ея Имп. Величества апартаменты“. При Екатеринѣ II правительство точно также неоднократно подверждало запрещеніе азартныхъ игръ, причемъ иногда (какъ, напр., въ 1766 г. и въ 1771 г.) освобождало отъ платежа карточныхъ долговъ. Съ изданіемъ же Устава благочинія было вообще постановлено, что „о долгѣ и платежѣ по запрещенной игрѣ просьба не пріемлется и искъ уничтожается“ (ст. 257) [1]).

Не мало указовъ было издано и противъ другого проступка изъ разсматриваемой категоріи преступленій, а меннои противъ употребленія бранныхъ словъ, причемъ, иногда правительство карало очень строго за этотъ проступокъ. Такъ, въ 1744 г. нѣкто Татариновъ за произнесеніе браннаго

---

[1]) См. Михневича, Исторія карточной игры на Руси (Истор. Вѣстн. 1901 г., кн. 1—3).

слова былъ наказанъ нещадно кнутомъ [1]). По Уставу благочинія употребленіе бранныхъ словъ въ „общенародномъ мѣстѣ“ или при „степенныхъ людяхъ“ и женщинахъ влекло за собою штрафъ (ст. 264).

Къ этой же группѣ проступковъ можно отнести и роскошь, съ чѣмъ правительство, согласно съ идеями полицейскаго государства, считало необходимымъ бороться. До насъ дошла масса указовъ, направленныхъ противъ роскоши (главнымъ образомъ въ одеждѣ и экипажахъ), причемъ эти указы издавались въ теченіе всего XVIII ст. За нарушеніе ихъ виновные подвергались штрафу, а иногда и конфискаціи предметовъ роскоши [2]).

Точно также и пьянство разсматривалось, какъ проступокъ. По Уставу благочинія за него полагалось суточное „воздержаніе“ на хлѣбѣ и водѣ. Впрочемъ, если кто оказывался „злообыченъ въ пьянствѣ, безпрерывно пьянъ или болѣе времени въ году пьянъ, нежели трезвъ“, тотъ заключался въ смирительный домъ, „дондеже не исправится“ (ст. 256).

Среди преступленій противъ *частныхъ лицъ* на первое мѣсто Воинскій уставъ ставитъ *убійство* (XIX гл.) [3]). Онъ знаетъ нѣсколько видовъ этого преступленія, но всѣ они могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ. Къ первой категоріи относится обыкновеное убійство и убійство жены и дѣтей. Въ отношеніи послѣдняго уставъ придерживается слѣдующаго правила: если оно было умышленное, то виновный подвергается наказанію, какъ за обыкновенное убійство, если же оно являлось результатомъ неосторожности и произошло при наказаніи жены и дѣтей, то виновный наказывается легче [4]). Ко второй категоріи относятся квалифицированные виды убійства, а именно: отце-

---

[1]) Гольцевъ, Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка, стр. 113 (изд. 2-е).

[2]) Подробности см. у Гольцева, назв. соч., стр. 117 и слѣд.

[3]) См. Таганцева О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву (изд. 2-е 1873 г.).

[4]) Проектъ 1754 г. понижаетъ наказаніе за убійство дѣтей, карая родителей вѣчною ссылкою въ монастырь „для покаянія“ (ст. 1, гл. XXIX), но за то повышаетъ наказаніе за убійство жены, предписывая виновнаго мужа подвергать колесованію; впрочемъ, если мужъ убилъ свою жену „въ запальчивости“, заставъ ее съ кѣмъ либо въ „прелюбодѣйствѣ“, то смертная казнь замѣняется церковнымъ покаяніемъ (ст. 7 и 9). Затѣмъ проектъ говоритъ еще о вытравленіи плода, карая его кнутомъ и вѣчною каторгою (ст. 3). Окончательное уравленіе наказанія за убійство дѣтей съ наказаніемъ за обыкновенное убійство произошло въ указѣ 4-го Іюля 1836 года.

убійство, убійство ребенка „во младенчествѣ“, убійство офицера солдатомъ, отравленіе и убійство по догору или найму. За обыкновенное убійство уставъ полагаетъ отсѣченіе головы, „чтобы кровь паки отмстить“, за квалифицированное же убійство—колесованіе, причемъ тѣло преступника дожно быть положено на нѣкоторое время на колесо. Кромѣ того, уставу извѣстны два вида ненаказуемаго убійства, а именно: 1) убійство часовымъ человѣка, не отвѣтившаго на его двукратный окликъ (арт. 44) и 2) убійство „осужденнаго“ въ случаѣ его сопротивленія тому, „который командированъ будетъ его взять“ (арт. 205). Въ случаѣ совершенія убійства, уставъ требуетъ констатированіе его черезъ судебно-медицинское вскрытіе тѣла убитаго и даетъ при этомъ весьма любопытную классификацію ранъ по мѣсту, куда онѣ нанесены, и по оружію, которымъ нанесены. Эта классификація заимствована уставомъ изъ западно-европейскихъ уголовныхъ сборниковъ, такъ какъ ничего подобнаго наше законодательство не знало.

Къ убійству уставъ причисляетъ также *самоубійство* и *убійство на дуэли.* Самоубійство [1]) наказывается слѣдующимъ образомъ: если самоубійца покончилъ съ собою въ полномъ разсудкѣ, то уставъ предписываетъ палачу „тѣло его въ безчестное мѣсто отволочь и закопать, волоча прежде по улицамъ и по обозу“. Если же самоубійца покончилъ съ собою „въ безпамятствѣ, болѣзни или въ меланхоліи“, то тѣло его хоронятъ, хотя и въ „особливомъ“, но не въ безчестномъ мѣстѣ. Но кромѣ совершенія этого преступленія, подлежитъ также наказанію и покушеніе на него. Такъ, если солдатъ, руководствуясь „мученіемъ“, „досадой“, „безпамятствомъ“ или „стыдомъ“, покусится на свою жизнь, то подлежитъ изгнанію „съ безчестіемъ“ изъ полка. Если же совершитъ покушеніе по какимъ нибудь другимъ мотивамъ, то подвергается смертной казни (арт. 164 XIX гл.). Морской уставъ относится еще строже къ самоубійству. Такъ, въ ст. 107 этого законодательнаго памятника мы читаемъ: „кто захочетъ самъ себя убить, и его въ томъ застанутъ, того повѣсить на районѣ, а ежели кто самъ себя

---

[1]) О самоубійствѣ см. Веселовскаго, Изслѣдованіе о самоубійствѣ въ Россіи (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1847 г., кн. 5) и Булацеля, Историческій очеркъ философскихъ воззрѣній и законодательствъ о самоубійствѣ.

убьетъ, тотъ и мертвый за ноги повѣшенъ быть имѣетъ“ [1]. Такимъ образомъ мотивы самоубійства, принимались во вниманіе Воинскимъ уставомъ, какъ обстоятельства, смягчающія наказаніе, по Морскому же уставу они не имѣютъ никакого значенія.

Что касается до дуэли [2]), то всѣ участвовавшіе въ ней (даже, если дѣло и не дошло до поединка), какъ дуэлянты, такъ и секунданты, подлежатъ смертной казни чрезъ повѣщеніе. Мало того, уставъ предписываетъ наказавать даже убитыхъ на дуэли, постановляя вѣшать ихъ трупы за ноги (арт. 139 и 140 XVII гл. и LXIX гл. I ч.). Самый вызовъ на дуэль велъ къ лишенію чести и конфискаціи имущества. Въ этомъ отношеніи Наказъ стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія, высказываясь за наказаніе только одного „наступателя“. Екатерина II значительно смягчила наказаніе за дуэль, предписавъ манифестомъ о поединкахъ 1787 г. наказывать не за дуэль, а за ея послѣдствія, смотря по тому, будутъ ли таковыми раны, увѣчья или смерть.

Постановленія Воинскаго устава касательно преступленій противъ *тѣлесной неприкосновенности* отличаются крайней неопредѣленностью и противорѣчивостью. Онѣ дѣлятся на двѣ категоріи: на побои и на увѣчья. Уставъ перечисляетъ нѣсколько видовъ тѣхъ и другихъ. Такъ, онъ говоритъ о побояхъ, произведенныхъ рукою, причемъ полагаетъ за нихъ въ разныхъ главахъ разныя наказанія. Изъ нихъ уставъ выдѣляетъ, въ качествѣ спеціальнаго вида преступленія, ударъ рукою по щекѣ, караемый такимъ же ударомъ по щекѣ со стороны профоса (палача) въ присутствіи всей роты (арт. 145 XVII гл.). Другой видъ побоевъ, о которыхъ говоритъ уставъ, это побои, произведенныя палкою и вообще тупымъ орудіемъ, наказываемые по одной статьѣ испрашиваніемъ прощенія у обиженнаго, а по другой отсѣченіемъ руки. Что касается до увѣчій, то они наказываются или отсѣченіемъ руки, или слѣдующимъ наказаніемъ: преступникъ ставится подъ висѣлицу, и затѣмъ ему прокалываютъ руки гвоздемъ или ножемъ; въ такомъ положеніи онъ находится цѣлый часъ, послѣ чего прогоняется шпицрутенами сквозь строй (арт. 143 XVII гл.).

---

[1]) Проектъ 1754 г. замѣняетъ смертную казнь наказаніемъ плетьми и тюремнымъ заключеніемъ на два мѣсяца (ст. 2 гл. XXVII).

[2]) О дуэли см. Курнатовскаго Дуэль, историко-догматическое изслѣдованіе, а также отзывъ объ этой книгѣ г. Ретвиха въ Журн. Юрид. Общ. 1898 г., кн. 12.

Къ преступленіямъ противъ *чести* по Воинскому уставу относится клевета. Она можетъ быть высказана на словахъ и на письмѣ. Въ первомъ случаѣ она карается легче, чѣмъ во второмъ. Такъ, за устную клевету полагается полугодичное тюремное заключеніе и, кромѣ того, обязанность со стороны клеветника публично заявить предъ судомъ, что онъ солгалъ (арт. 151 XVIII гл.). Клевета, высказанная на письмѣ, называется уставомъ пасквилемъ и опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „пасквиль есть сіе, когда кто письмо изготовитъ, напишетъ или напечатаетъ и въ томъ кого въ какомъ дѣлѣ обвинитъ, черезъ что его доброму имени нѣкакой стыдъ причиненъ быть можетъ, и оное явно прибьетъ или прибить велитъ, а имени своего или прозвища въ ономъ не изобразитъ“ (арт. 149 XVIII гл.). Такимъ образомъ для наличности пасквиля уставъ требуетъ неизвѣстность его автора, чѣмъ крайне съуживаетъ понятіе клеветы, выраженной въ письменной формѣ. Послѣдняя всегда наказуема, но степень этой наказуемости находится въ зависимости отъ истинности или ложности извѣстій, заключающихся въ пасквилѣ. Если извѣстія ложны, то пасквилянтъ, въ случаѣ его отысканія, подвергается тому наказанію, которое положено за преступленіе, приписанное имъ въ пасквилѣ невинному человѣку. Если же обвиненіе вѣрно, то пасквилянтъ подвергается или тюремному заключенію, или ссылкѣ въ каторгу, или шпицрутенамъ. Мотивируется это тѣмъ, что „онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы другого погрѣшенія объявить“. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ пасквиль сжигается палачемъ подъ висѣлицею.

Что касается до *имущественныхъ* преступленій [1]), то Воинскому уставу извѣстны кража, грабежъ, поджогъ и насильственное истребленіе или поврежденіе чужого имущества [2]). Опредѣляя кражу, какъ тайное похищеніе чужой собственности, уставъ дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно съ предшествующимъ законодательствомъ посредствомъ вве-

---

[1]) См. Фойницкаго, Мошенничество по русскому праву; Тальберга, Насильственное похищеніе имуществъ по русскому праву (разбой и грабежъ); Бѣлогрицъ-Котляревскаго, О воровствѣ—кражѣ по русскому праву; его же, Особые виды воровства—кражи по русскому праву; Есипова, Поврежденіе имущества огнемъ по русскому праву; его же, Святотатство въ исторіи русскаго законодательства.

[2]) О мошенничествѣ уставъ ничего не говоритъ, но знаетъ нѣкоторые виды обмановъ съ корыстною цѣлію, напр., обмѣръ и обвѣсъ (арт. 200 XXII гл.), записываніе въ приходъ менѣе дѣйствительно полученнаго (арт. 194 XXI гл.) и др. (см. Фойницкаго, назв. соч., стр. 42).

денія въ оцѣнку кражи цѣны украденнаго [1]). Такъ, онъ различаетъ кражу на сумму не свыше 20 рублей отъ кражи свыше 20 р. [2]). Это постановленіе устава просуществовало до указа 1802 г., раздѣлившаго кражу до 20 р., отъ 20 р., до 100 р. и свыше 100 р. Указъ 1812 г. ввелъ еще одно подраздѣленіе кражи до 5 р. Наконецъ, указомъ 1816 г. кража была раздѣлена на пять разрядовъ: до 5 р., отъ 5 до 10 р., отъ 10 до 15 р., отъ 15 до 20 р. и выше 20 р. (причемъ попрежнему различалась кража отъ 20 р. до 100 р. и свыше 100 р.). Постановленія указа 1816 г. перешли въ Сводъ Законовъ изд. 1832 г.

О наказуемости кражи до 20 р. по Воинскому уставу мы уже говорили, при разсмотрѣніи повторенія преступленій. Кража же свыше 20 р. карается смертной казнью через повѣшеніе. Съ ней въ отношеніи наказанія уравнены еще слѣдующіе виды кражи: 1) во время наводненія и пожара, 2) изъ военныхъ хранилищъ (напр., изъ цейхгауза, магазина его величества и др.), 3) у своего господина (такъ называемая домашняя кража) или товарища и 4) во время караула со стороны караульнаго. Кромѣ этихъ видовъ кражи, уставъ знаетъ еще нѣсколько спеціальныхъ видовъ, а именно: кражу человѣка, караемую отсѣченіемъ головы (арт. 187 XXI гл.), кражу изъ намета, въ полѣ и въ походѣ, караемую отсѣченіемъ ушей и носа (арт. 188) и церковную кражу (святотатство), караемую колесованіемъ. Понятіе церковной кражи по уставу крайне неопредѣленно („кто церкви или иныя святыя мѣста покрадетъ или у оныхъ что насильно отъиметъ“, арт. 186 XXI гл.), почему послѣдняя понималась въ это время очень широко. Напротивъ, проектъ 1754 г. съуживаетъ понятіе святотатства, понимая подъ нимъ кражу священныхъ вещей изъ церкви. „Кто изъ церкви, гласитъ ст. 1 гл. XXXIV, покрадетъ освященныя и прочія вещи, а именно: потиръ, сосуды, оклады съ образовъ, ризы, деньги, собранныя на церковное строеніе, или престолъ обдеретъ“. Кража

---

[1]) Впрочемъ, на практикѣ цѣна украденнаго и до изданія Воинскаго устава играла важную роль въ назначеніи преступнику судами того или другого наказанія (см. Липинскаго, Къ исторіи русскаго уголовнаго права XVIII ст., Журн. Гражд. и Уголовн. Права 1885 г., кн. X, стр. 15).

[2]) Напротивъ, проектъ 1754 г. (I-ой ред.) различаетъ кражу на сумму свыше 40 р., караемую повѣшеніемъ, отъ кражи на сумму свыше 30 р., караемой кнутомъ и каторжными работами. Кромѣ того, ему извѣстна и кража на сумму не свыше 20 р., караемая смертною казнью только за третій разъ (кража же на сумму свыше 20 р., но ниже 30 р., влечетъ за собою кнутъ, см. гл. XXXIII).

же изъ церкви „какихъ другихъ вещей“ приравнивается къ обыкновенному воровству („съ таковыми поступать такъ, какъ о прочихъ татяхъ положено“). Наконецъ, къ святотатству проектъ относитъ и ограбленіе мертвыхъ („кто жъ гробы будетъ выкапывать и мертвому тѣлу грабительство чинить“, гласитъ ст. 3 той же главы). Наказъ Екатерины II опять затемняетъ понятіе церковной кражи, съ одной стороны, трактуя ее, какъ преступленіе противъ вѣры, съ другой, смотря на нее, какъ на имущественное преступленіе. По проекту уголовнаго Уложенія 1813 г. святотатство, во-первыхъ, признается имущественнымъ преступленіемъ (какъ и по проекту 1754 г.) и, во-вторыхъ, подъ нимъ понимается кража всѣхъ вещей, принадлежащихъ церкви и въ церкви находящихся. Кража же вещей, не находящихся въ церкви, считается святотатствомъ только тогда, когда касается священныхъ вещей. Отчасти на эту точку зрѣнія стало и законодательство. Такъ, еще указомъ Синода 1808 г. было разъяснено, что всѣ вещи, находящіяся въ церкви и принадлежащія ей, должны считаться священными, а слѣдовательно, и кража ихъ должна трактоваться, какъ святотатство. Мало того, указъ 19 Дек. 1810 г. пошелъ еще дальше и подвелъ подъ понятіе святотатства кражу всѣхъ вообще принадлежащихъ церкви вещей, хотя бы онѣ въ моментъ кражи и находились внѣ церкви. Эти указы легли въ основу XV т. Свода Законовъ, причемъ послѣдній, вопреки традиціямъ нашего законодательства, отнесъ святотатство къ преступленіямъ противъ вѣры [1]).

Къ области кражи Воинскій уставъ относитъ также утайку чужихъ вещей, взятыхъ на сохраненіе (арт. 193), растрату казенныхъ денегъ (арт. 194) и присвоеніе находки (арт. 195). Всѣ эти преступленія караются повѣшеніемъ.

Что касается до грабежа, то уставъ понимаетъ подъ нимъ явное, но не всегда насильственное похищеніе чужой собственности [2]). Онъ дѣлитъ его на два вида: совершенный „невооруженной рукой“ и съ оружіемъ въ рукахъ. Первый

---

[1]) Бѣлогрицъ-Котляревскій, О воровствѣ—кражѣ по русскому праву, стр. 121, 195 и 214; Есиповъ, Святотатство въ исторіи русскаго законодательства, стр. 22 и слѣд.

[2]) О томъ, что признакъ насилія далеко не всегда прилагается Воинскимъ уставомъ къ понятію грабежа, иначе говоря, что уставу извѣстенъ грабежъ и безъ насилія см. толкованіе артикуловъ 185, 106 и 107 XXI гл., предложенное проф. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ (О воровствѣ—кражѣ, стр. 100—101).

карается повѣшеніемъ, второй колесованіемъ (арт. 182—185, XXI гл.).

Поджогъ разсматривается уставомъ какъ видъ поврежденія и истребленія чужого имущества, и оба преступленія караются посредствомъ сожженія (арт. 178 XXI гл.) [1]).

Въ царствованіе Екатерины II указомъ 1781 г. „о судѣ и наказаніяхъ за воровство разныхъ родовъ“ было впервые смягчено наказаніе за мелкія кражи. Подъ послѣдними указъ призналъ кражи „цѣною ниже 20 р.“. За совершеніе подобнаго преступленія въ первый разъ по указу было положено: „имать подъ стражу и отослать въ рабочій домъ, гдѣ работать, дондеже заплатитъ то, что укралъ, и 6% выше того тому, у кого укралъ“. За вторую кражу полагалось то же, но съ прибавленіемъ двухъ ударовъ плети и обязательной работы въ пользу рабочаго дома въ размѣрѣ тоже 6% цѣны украденнаго. За третью кражу виновный подвергался тремъ ударамъ плети, кромѣ того, отдавался въ рабочій домъ съ обязательствомъ заработать цѣну украденнаго, затѣмъ 6% этой цѣны на вознагражденіе пострадавшему и 12% въ пользу рабочаго дома. За крупныя кражи наказаніе осталось прежнее, т. е. смертная казнь, замѣненная на практикѣ при Елизаветѣ Петровнѣ ссылкою въ каторжную работу съ вырываніемъ ноздрей. Другая особенность разсматриваемаго указа состояла въ томъ, что онъ провелъ точное разграниченіе между воровствомъ и грабежомъ, указавъ отличительный признакъ послѣдняго въ насиліи физическомъ или психическомъ (грабежъ „есть, буде на кого нападетъ и остановитъ, стращая дѣйствіемъ... и нахально ограбитъ или что отниметъ, или дать себѣ принудитъ“) [2]). Наконецъ, третья особенность указа заключалась въ томъ, что онъ различалъ понятіе „воровства—кражи“, отъ понятія „воровства—мошенничества“, понимая подъ послѣднимъ карманную кражу на торгахъ и въ многолюдныхъ собраніяхъ, затѣмъ внезапно открытое похищеніе чужого имущества, а также и похищеніе его по-

---

[1]) Впрочемъ, уставъ знаетъ особый видъ поджога, не влекущій за собою смерти, это—поджогъ на непріятельской землѣ, являющійся ничѣмъ инымъ, какъ самовольнымъ истребленіемъ имущества огнемъ „безъ указу“, т. е. безъ разрѣшенія начальства. Проектъ 1754 г. различаетъ поджогъ строеній отъ поджога другихъ предметовъ; первый, какъ болѣе опасный видъ преступленія, влечетъ за собою сожженіе, второй—отсѣченіе головы (ст. 1 и 3 гл. XXXIX).

[2]) См. Сергѣевича „Лекціи и изслѣдованія“, стр. 923. Впрочемъ, въ изложеніи проф. Сергѣевича содержаніе указа 1781 г. передано не совсѣмъ вѣрно.

средствомъ обмана (воровство-мошенничество есть „буде кто на торгу или въ иномъ многолюдствѣ у кого изъ кармана что выметъ или вымысломъ или внезапно у кого что отыметъ или унесетъ, или отъ платья полу отрѣжетъ, или шапку сорветъ, или обманомъ или вымысломъ продастъ, или вѣсомъ обвѣситъ, или мѣрою обмѣритъ“) [1]).

Къ преступленіямъ противъ *нравственности* Воинскій уставъ относитъ изнасилованіе, прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе и др. Изнасилованіе карается смертною казнью чрезъ отсѣченіе головы; но при этомъ въ фактѣ изнасилованія судьѣ вмѣняется обязанность удостовѣриться посредствомъ освидѣтельствованія пострадавшей. На показанія женщинъ дурного поведенія уставъ запрещаетъ полагаться, „хотя правда“, говоритъ онъ, „нѣкоторыя права насилія надъ явною блудницею не жестоко наказать повелѣваютъ, однако же, сіе все едино, ибо насиліе есть насиліе, хотя надъ блудницею или честною жинщиною, и надлежитъ судьѣ не на особу, но на дѣло и на самое обстоятельство смотрѣть“. Эти „обстоятельства“ по уставу слѣдующія: 1) „ежели у женщины или у насильника, или у нихъ у обоихъ найдется, что платье отъ обороны разодрано“, 2) „или у единаго, или у другого или синевы или кровавые знаки найдутся“, 3) „ежели изнасиленная по скоромъ времени къ судьѣ придетъ и о насильствіи жалобу принесетъ“ (арт. 167 XX гл.). Единственный случай изнасилованія, который не наказывался уставомъ, это—изнасилованіе невѣсты (арт. 168, XX гл.) [2]). Подъ прелюбодѣяніемъ уставъ понимаетъ не-

---

[1]) Такое же опредѣленіе мошенничества даетъ и проектъ 1754 г (см. ст. 22 XXXII гл., ст. 22 XXXIII гл., а также главы LVI и LV). Въ виду этого, нельзя не согласиться съ г. Червонецкимъ, что въ законодательствѣ XVIII ст. „утратилось ясное пониманіе мошенничества, какъ имущественнаго обмана“ (Мошенничество по новому уголовному уложенію, Журн. Мин. Юст. 1906 г., кн. 9). И только, при составленіи Уложенія о наказаніяхъ 1845 г. было обращено вниманіе на неудачную конструкцію мошенничества по нашему праву, каковая, по справедливому замѣчанію составителей сборника, „не соотвѣтствовала обоснованному и истинному о мошенничествѣ понятію“.

[2]) Проектъ 1754 г. къ этимъ постановленіямъ добавляетъ еще два слѣдующихъ: 1) въ случаѣ, если изнасилованная дѣвушка пожелаетъ выйти за „насильника“ замужъ, то смертная казнь замѣняется ему или денежнымъ штрафомъ (если онъ дворянинъ), или наказаніемъ плетьми (если онъ изъ „подлыхъ“) и 2) смертная казнь замѣняется штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ (для „подлыхъ“ тѣлеснымъ наказаніемъ), если поводъ къ насилію подала сама женщина „черезъ непристойные свои поступки“ (ст. 4 и 5 гл. XLVI). Затѣмъ наравнѣ съ изнасилованіемъ проектъ караетъ также и похищеніе женщинъ для развратныхъ цѣлей („насильный увозъ женъ и дѣвокъ“, см. гл. XLVI).

дозволенную связь между мужчиной и женщиной, какъ между женатымъ и замужней, такъ и между холостымъ и незамужней. Подъ понятіе этого преступленія подводится и связь между женатымъ и незамужней и нооборотъ. Прелюбодѣяніе карается тюремнымъ заключеніемъ, шпицрутенами и ссылкою въ каторжныя работы (арт. 169 и 170 XX гл.). Кромѣ того, если отъ связи между холостымъ и незамужней родится ребенокъ, или женщина только еще забеременитъ, то отецъ обязуется, выражаясь словами устава, „для содержанія матери и младенца, по состоянію своему и платы, нѣчто дать". Если же будетъ доказано, что женщина вступила въ связь, вслѣдствіе обѣщанія на ней жениться, то ея соблазнитель обязуется исполнить свое обѣщаніе (арт. 176). Въ одномъ только случаѣ прелюбодѣяніе наказывается значительно легче, это—если обвиненные въ немъ женатые люди докажутъ, что „въ супружествѣ способу не могутъ получить тѣлесную охоту утолить", т. е. что супруги оказываются неспособными къ половому сожитію (арт. 170) [1]. Подъ кровосмѣшеніемъ или блудомъ уставъ понимаетъ недозволенную связь между близкими родственниками и свойственниками, т. е. между такими лицами, которыя не могутъ вступать въ бракъ между собой по соображеніямъ родства или свойства. Уставъ знаетъ два вида этого преступленія: 1) связь между свойственниками и родственниками прямыхъ линій, караемую смертною казнью, и 2) связь между родственниками и свойственниками боковыхъ линій, караемую „по судейскому разсужденію" и церковнымъ покаяніемъ (арт. 173 и 174 XX гл.). Что касается до мужеложства — преступной связи между мужчинами, скотоложства—преступной связи между человѣкомъ и животнымъ, то эти преступленія были внесены впервые въ наше законодательство Воинскимъ уставомъ. Первое изъ нихъ, если было соединено съ насиліемъ, карается смертною казнью или вѣчною ссылкою на галеры (арт. 166 XX гл.); второе влечетъ за собою „жестокое" тѣлесное наказаніе (арт. 165 XX гл.).

Законодательство XVIII ст. склонно было разсматривать, какъ особый видъ прелюбодѣянія, многобрачіе (двоеженство). Проектъ уголовнаго уложенія, составленный Елизаветин-

---

[1]) Проектъ 1754 г. наравнѣ съ прелюбодѣяніемъ караетъ также сводничество и содержаніе публичныхъ домовъ, предписывая виновныхъ въ томъ мужчинъ наказывать плетьми, а женщинъ (какъ сводницъ, такъ и „непотребныхъ дѣвокъ")—еще, кромѣ того, ссылать на прядильный дворъ.

ской законодательной комиссіей, даже прямо помѣщаетъ многобрачіе подъ рубрику „прелюбодѣйства“, очевидно, трактуя его, какъ прелюбодѣяніе, осложненное повтореніемъ формъ заключенія брака [1]. Что касается до наказанія многобрачія, то оно отличалось крайней неопредѣленностью. Такъ, Воинскій уставъ предписываетъ тѣхъ, „кто при живой женѣ на другой бракомъ сочетается и тако двѣ жены разомъ имѣть будетъ“, судить „церковнымъ правиломъ“ (арт. 171). Синодскій указъ 1723 г. въ нѣкоторыхъ случаяхъ считалъ даже возможнымъ признавать второй бракъ законнымъ (если „оставленное лицо причиною тому есть“). Другіе указы наказывали многобрачіе различно и въ общемъ довольно мягко (ук. 1766, 1770 и 1784 гг.).

ГЛАВА II.

Ученіе о наказаніи [2].

Наказывая преступника, законодательство императорскаго періода преслѣдовало нѣкоторыя опредѣленныя *цѣли*, какъ и въ періодъ Московскаго государства. Такою цѣлью было, во-первыхъ, *устрашеніе*. „Такимъ ворамъ“, писалъ, напр., Петръ I Виніусу о раскольникахъ, которые, собравъ людей, сожигали, безъ всякой пощады *во страхъ инымъ*, такимъ же ворамъ, сжечь“ [3]. Точно также и Воинскій уставъ предписываетъ казнить бунтовщиковъ „безъ всякой милости“, „дабы чрезъ то другимъ *страхъ подать* и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать“ (арт. 157). Что устрашеніе было одною изъ цѣлей наказанія, на это указываетъ и терминологія законодательныхъ памятниковъ, напр.: „подъ жестокимъ страхомъ“, „подъ жестокимъ его государевымъ гнѣвомъ“, „подъ страхомъ жестокаго наказанія“ и т. п. „Того ради“, читаемъ въ Генеральномъ регламентѣ (гл. XLVII), „надлежитъ публичному мѣсту быть, гдѣ въ указное время все наказаніе чинено быть имѣетъ, дабы всякъ, смотря на то, отъ такихъ

---

[1] См. Фалѣева, Многобрачіе, какъ преступленіе (Вѣстн. Права 1903 г. кн. 8).

[2] Сергѣевскій, Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка; Ступинъ, Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи; Загоскинъ, Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи; Филипповъ, О наказаніи по законодательству Петра Великаго; Тимофеевъ, Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Остальныя сочиненія и статьи будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

[3] Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV, стр. 112 и слѣд.

прегрѣшеній и преступленій себя могъ охранить". Точно также и указъ 19 Янв. 1721 г. предписываетъ: „всѣмъ бѣглымъ чинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ, дабы впредь, на то *смотря*, другимъ никому бѣжать было неповадно". Наконецъ, указъ 1718 г. „для большаго страха" велитъ „по знатнымъ дорогамъ, гдѣ проѣздъ бываетъ, поставить висѣлицы", на которыхъ и вѣшать, „не отписываяся", преступниковъ. Иначе говоря, публичность казней также являлась орудіемъ устрашенія [1]), эту же цѣль преслѣдовало законодательство, усиливая жестокость наказанія и ввода массу, такъ называемыхъ, квалифицированныхъ наказаній.

Другою цѣлью наказанія было *возмездіе* въ формѣ главнымъ образомъ матеріальнаго таліона. Возмездіе преобладаетъ въ Воинскомъ уставѣ. „Кто имени Божію хуленіе наноситъ", читаемъ въ немъ, „и оное презираетъ, и службу Божію поноситъ, и ругается слову Божію и св. таинствамъ, ему языкъ раскаленнымъ желѣзомъ прожженъ будетъ" (арт. 3), или „кто пистолетъ или шпагу на кого подыметъ, оному рука отсѣчена да будетъ" (арт. 144), или же за лжеприсягу—„два пальца, которыми присягалъ, отсѣчь" (арт. 196), или „кто кого убьетъ, онаго (убитаго) кровь паки отмстить и безъ всякой милости оному голову отсѣчь" (арт. 154), или „кто кого ударитъ по щекѣ, онаго профосъ имѣетъ также ударить" (арт. 145) и т. п. Но и другіе законодательные памятники, а также и практика нерѣдко преслѣдовали цѣли возмездія. Вотъ, что читаемъ, напр., въ одномъ сенатскомъ рѣшеніи 1722 г. по дѣлу Левина, который „показалъ себя не только злымъ порицателемъ его имп. величества высокія персоны и злодѣемъ къ народу, но и богохульникомъ и иконоборцемъ", почему и былъ приговоренъ къ сожженію: „прежде той казни (т. е. сожженія) вырѣзать ему языкъ, понеже которымъ удомъ прежде злобу онъ произносилъ, тотъ удъ и казнь прежде воспріемлетъ". При осуществленіи цѣлей возмездія, законодательство заботилось о постоянномъ соотвѣтствіи и соразмѣрности между преступленіемъ и наказаніемъ; это стремленіе лучше всего сказывается въ наказаніи пасквилянта. „Онаго", гласитъ Воинскій уставъ, „надлежитъ наказать та-

---

[1]) Вотъ что читаемъ по этому поводу въ указѣ 1720 г.: „не въ коллегіальныхъ прихожихъ камерахъ, ниже въ коллегіяхъ самыхъ или въ канцеляріяхъ и конторахъ кого... за тяжкія вины никогда наказывать... но надлежитъ *публичному мѣсту быть*, гдѣ въ указанное время все наказаніе... чинено быть имѣетъ".

кимъ же наказаніемъ, каковою страстью онъ обруганнаго хотѣлъ обвинить, т. е., если кто нибудь въ пасквилѣ бранилъ кого измѣнникомъ или инымъ злымъ дѣломъ, пасквилотворецъ и самъ долженъ быть наказанъ, яко измѣнникъ или такихъ дѣлъ дѣлатель, о которыхъ описалъ" (ар. 149).

Третья цѣль, преслѣдовавшаяся наказаніемъ, заключалась въ *обезпеченіи* общества отъ преступниковъ путемъ принятія мѣръ, долженствовавшихъ гарантировать населеніе отъ проявленія злой воли лицъ, впавшихъ въ преступленіе. Для этой цѣли служила ссылка и тюремное заключеніе, получившія довольно широкое развитіе въ императорскомъ періодѣ, а также членовредительныя наказанія и наложеніе на тѣло преступниковъ неизгладимыхъ знаковъ, благодаря которымъ, они всегда могли быть извѣстны всѣмъ, какъ заклейменные, и въ случаѣ бѣгства, легко могли быть отысканы. Вотъ, что гласитъ, напр., указъ 15 Янв. 1723 г.: „его имп. величество усмотрѣть соизволили, что у каторжныхъ невольниковъ, которые присланы въ вѣчную работу, ноздри вынуты малознатны; того ради его имп. величество указалъ: во всѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ въ каторжную работу присылаютъ, вынимать ноздри до кости, дабы, когда случится такимъ бѣжать, чтобы вездѣ утаиться было не можно и для лучшей поимки были знатны; также которые нынѣ есть при каторжныхъ дворахъ, такіе-жъ невольники учинить тожъ". Цѣль подобнаго „пятнанія" объясняется въ указѣ 9 Іюля 1698 г.: „смотрѣть по дорогамъ и рѣкамъ накрѣпко... ссыльныхъ же бѣглыхъ, и буде гдѣ у кого бѣглый или ссыльный человѣкъ явится, а по осмотру на комъ на спинѣ объявится, что онъ пытанъ или приложено пятно, и такихъ пытанныхъ и запятнанныхъ не пропускать и задерживать".

Наконецъ, послѣднею цѣлью наказанія было *извлеченіе выгодъ изъ преступника*, для чего служили эксплоатація его личнаго труда и имущественныя наказанія. Первая крайне развилась при Петрѣ, доказательствомъ чего служитъ огромная масса указовъ послѣдняго. „Послать преступниковъ туда, гдѣ дѣлаютъ новую гавань" (указъ 1722 г.), читаемъ въ одномъ изъ нихъ. „Каторжныхъ не употреблять въ мелкія и разныя работы", читаемъ въ другомъ, „но на тѣ, кои на одномъ мѣстѣ, а именно: сваи бить и прочія, тому подобныя" (указъ 1715 г.). „Ссылать на тамошніе разные заводы на работу" (указъ 1722 г.), гласитъ третій. „Винныхъ бабъ и дѣвокъ", читаемъ въ четвертомъ, „отсылать въ опредѣлен-

ный прядильный дворъ“ (указъ 1719 г.). Вотъ, что писалъ самъ Петръ князю Ромодановскому: „Henadigste Herr, азъ доношу вашему величеству, что добрыхъ людей довольство имѣемъ; нынѣ же зѣло нужда есть, дабы нѣсколько тысячъ воровъ (а именно, если возможно, 2.000 человѣкъ) приготовить къ будущему лѣту, которыхъ по всѣмъ приказамъ, ратушамъ и городамъ собрать по первому пути и которые посланы въ Сибирь, а нынѣ еще въ Вологдѣ“. До насъ дошли также слѣдующія слова Виніуса: „всякихъ воровъ и басурманскихъ полонянниковъ можно на каторги сажать для гребли на цѣпяхъ, чтобъ не разбѣжались и зла не учинили; и чѣмъ такимъ ворамъ и полонянникамъ, которыхъ по тюрьмамъ бываетъ много, хлѣбъ тунѣ давать, и они бъ на каторгахъ хлѣбъ зарабатывали“. Имущественныя взысканія также утилизировались государствомъ; одни изъ нихъ шли въ казну (такъ, по указу 1721 г, „положенныя деньги съ раскольщиковъ, которыя будутъ собираться вдвое“, было предписано отсылать въ Штатсъ-конторъ-коллегію, а „штрафы по духовнымъ дѣламъ имать въ Синодъ“), а другія „на госпитали лечебные“, на больницы и т. п.

Иначе смотрѣла на цѣли наказанія имп. Екатерина II въ своемъ Наказѣ. Мысли ея касательно наказанія весьма важны въ области русскаго уголовнаго права, такъ какъ Наказъ былъ первый памятникъ, ставшій проповѣдывать у насъ гуманныя идеи въ обращеніи съ преступникомъ, заимствованныя съ Запада. Цѣль наказанія по Наказу заключается не въ возмездіи и не въ устрашеніи. Напротивъ, съ точки зрѣнія императрицы, въ области мелкихъ преступленій цѣль наказанія состоитъ въ исправленіи, въ области же крупныхъ преступленій—въ воспрепятствованіи преступникамъ причинять вредъ обществу. Говоря о наказаніи, Наказъ задается вопросомъ, на основаніи какого права общество можетъ наказывать своихъ членовъ. „Откуда“, говоритъ онъ, „имѣютъ начало свое наказанія, и на какомъ основаніи утверждается право наказывать людей?“ „Законы“, отвѣчаетъ императрица, „можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ, и безъ которыхъ бы общество разрушилось. Но не довольно было установить сіи способы, кои сдѣлались залогомъ общества, надлежало и предохранить оный: наказанія установлены на нарушителей. Всякое наказаніе несправедливо, какъ скоро оно не надобное для сохраненія въ цѣлости сего залога“. „Когда бы жестокость наказанія не

была бы уже опровергнута добродѣтелями, человѣчество милующими, то къ отриновенію оныя довольно было бы и сего, что она безполезна; и сіе служитъ къ показанію, что она несправедлива. Намѣреніе установленныхъ наказаній не то, чтобы мучить тварь, чувствами одаренную; они на тотъ конецъ предписаны, чтобы воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впредь не могъ вредить обществу, и чтобъ отвратить согражданъ отъ содѣланія подобныхъ преступленій. Для сего между наказаніями надлежитъ употреблять такія, которыя, будучи уравнены съ преступленіями, впечатлѣли бы въ сердцахъ людскихъ начертаніе самое живое и долго пребывающее и въ то же время были бы меньше люты надъ преступниковымъ тѣломъ". „Кто не объемлется ужасомъ, видя въ исторіи, сколько варварскихъ и безполезныхъ мученій, вышесказанныхъ и въ дѣйство произведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ. Кто не чувствуетъ внутри содраганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячъ безчастныхъ людей, которые оныя претерпѣли и претерпѣваютъ, многажды обвиненные въ преступленіяхъ, сбыться трудныхъ или немогущихъ, часто сосплетенныхъ отъ незнанія, а иногда отъ суевѣрія. Кто можетъ смотрѣть на растерзаніе сихъ людей, съ великими пріуготовленіями отправляемое людьми же, ихъ собратіею. Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣлалися беззаконія самыя безчеловѣчныя. Искусство научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими". „Гражданская вольность тогда торжествуетъ, когда законы на преступниковъ всякое наказаніе выводятъ изъ особливаго каждому преступленію свойства. Все произвольное въ наложеніи наказаніи исчезаетъ. Наказаніе не должно происходить отъ прихоти законоположника, но отъ самой вещи, и не человѣкъ здѣсь долженъ дѣлать насиліе человѣку, но собственное дѣйствіе человѣка. Чтобы наказаніе не казалось насильствомъ одного или многихъ, противу гражданина возставшихъ, надлежитъ, чтобы оно было народное, по надлежащему скорое, потребное для общества, умѣренное, сколь можно при данныхъ обстоятельствахъ, уравненное съ преступленіемъ и точно показанное въ законахъ". Чѣмъ ближе будетъ отстоять наказаніе отъ преступленія и въ надлежащей учинится скорости, тѣмъ оно будетъ полезнѣе и спра-

ведливѣе: справедливѣе, потому что оно преступника избавитъ отъ жестокаго и излишняго мученія сердечнаго о неизвѣстности своего жребія". „Сказано мною, что въ надлежащей скорости чинимое наказаніе полезно для того, что, чѣмъ меньше времени пройдетъ между наказаніемъ и преступленіемъ, тѣмъ больше будутъ почитать преступленіе причиною наказанія, а наказаніе дѣйствомъ преступленія". „Наказаніе должно быть непреложно и неизбѣжно. Самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непремѣнно будетъ наказанъ"...

Мы нарочно привели много цитатъ изъ Наказа касательно наказанія, чтобы показать, какъ несходны и какъ мало точекъ соприкосновенія имѣютъ воззрѣнія Наказа на этотъ институтъ уголовнаго права съ воззрѣніями прежняго законодательства. Такъ по Уложенію и Воинскому уставу, смотрящихъ на наказаніе, какъ на средство возмездія, устрашенія и т. п., оно должно быть по возможности сурово и жестоко. Око за око и зубъ за зубъ и „наказати его нещадно, чтобъ смотря на то, и другимъ неповадно было такъ дѣлати"—вотъ два принципа, которые провозглашаются Уложеніемъ въ области уголовнаго права. Воинскій уставъ въ этомъ отношеніи еще болѣе суровъ, чѣмъ Уложеніе. Каждая строка его, можно сказать, дышетъ страшною жестокостью и ненавистью по отношенію къ преступнику. Между этими двумя памятниками и Наказомъ цѣлая бездна. Смотря на наказаніе, какъ на средство исправленія преступника или изолированія его отъ окружающаго его общества, Наказъ отвергаетъ жестокость, какъ необходимый признакъ наказанія, считая вліяніе ея на общество въ высшей степени деморализующимъ. Не жестокость наказанія, а сознаніе его неизбѣжности должно воздерживать преступника отъ совершенія преступленія, вотъ новая мысль, которую старается популяризировать Наказъ. Одна изъ главныхъ функцій законодательства должна состоять въ предупрежденіи преступленій, вотъ другая, также совершенно новая мысль, высказанная у насъ впервые въ Наказѣ. Отношеніе послѣдняго къ преступнику въ полномъ смыслѣ слова гуманное: онъ старается избавить его отъ излишняго мученія, вслѣдстіе чего настаиваетъ на скорости наказанія. Кромѣ того, ему не слѣдуетъ имѣть характера насилія, въ силу чего оно должно вполнѣ соотвѣтствовать преступленію.

Отличительными *свойствами* наказанія въ изучаемую эпоху были: во-первыхъ, *отсутствіе индивидуальности* наказанія, въ силу чего нерѣдко карались не только одни преступники, но и близкія къ нимъ лица, напр., жена, дѣти и др. Такъ, въ сенатскомъ указѣ 1713 г. о неявившихся купецкихъ людяхъ въ Ригу, читаемъ: „а женъ ихъ и дѣтей, и людей ихъ держать за карауломъ, а пожитки ихъ, запечатавъ, поставить караулъ, пока они (купцы) явятся въ Ригу". „Будe нѣтчики и бѣглепы", гласитъ указъ 1699 г. о штрафѣ съ нѣтчиковъ, „учнуть отъ взятья тѣхъ денегъ изъ домовъ своихъ избѣгать и укрываться въ иныя села и деревни, и у тѣхъ велѣть имать женъ и дѣтей ихъ, и свойственниковъ, которые съ ними живутъ въ однихъ домахъ, и держать въ тюрьмѣ и за караулы, покамѣстъ тѣ деньги на нихъ направлены будутъ". Объ отсутствіи индивидуальности наказанія свидѣтельствуетъ также указъ 1698 г. о воронежскихъ солдатахъ. „Кто изъ нихъ", читаемъ въ указѣ, „нынѣ, по высылкѣ, къ тому дѣлу не пойдутъ, учинено будетъ жестокое наказаніе на козлѣ, и въ проводку будутъ биты кнутомъ и съ женами, съ дѣтьми сосланы будутъ на вѣчное житье въ Азовъ". Принципъ индивидуальности наказанія впервые провозглашается въ уставѣ благочинія 1782 г., признавшемъ невозможность отвѣтственности родителей за дѣтей. Наконецъ, тотъ же принципъ исключительно личной отвѣтственности окончательно устанавливается въ нашемъ законодательствѣ указомъ 4 Ноября 1803 г.

Во-вторыхъ, наказаніе отличалось крайнею *неопредѣленностью* своей законодательной формулировки, въ силу чего часто не опредѣлялся не только видъ, но и самый родъ наказанія. Такими терминами, какъ, напр., „подъ опасеніемъ жестокаго наказанія", „подъ опасеніемъ государева гнѣва и жестокаго истязанія", „быть въ казни", „по суду наказанъ быть имѣетъ" (Воинск. уст., арт. 75) и т. п. буквально испещрены указы первой половины XVIII ст. Иногда опредѣляется родъ, но не опредѣляется видъ наказанія, напр. „бить кнутомъ нещадно" (ничего не сказано о количествѣ ударовъ), „положены будутъ великіе денежные штрафы", „за первую вину будутъ биты кошками, а за вторую кнутами", или по Воинскому уставу: „штрафу, нѣсколько денегъ на шпиталь дать" (арт. 17), „жестоко шпицрутенами наказанъ будетъ" (арт. 58), „наказаніемъ денежнымъ и сноснымъ

заключенiемъ наказанъ будетъ" (арт. 152), „на тѣлѣ имѣетъ быть наказанъ (арт. 200 и т. п.).

Въ-третьихъ, *отсутствiе равенства* всѣхъ предъ закономъ въ отношенiи наказанiя, что объяснялось сословнымъ духомъ эпохи. Вотъ что гласитъ, напр., указъ 1711 г.: „тѣмъ вышнихъ чиновъ дворянамъ быть въ его великаго государя гнѣвѣ, а нижнимъ въ жестокомъ истязанiи". Въ другомъ указѣ того же года читаемъ: „съ вышнихъ и нижнихъ чиновъ людей взятъ будетъ штрафъ, смотря по персонамъ". На основанiи указа 1700 г. было предписано съ гостей брать „пени большiя", а остальныхъ купцовъ подвергать тѣлесному наказанiю. Въ указахъ объ утайкѣ душъ въ ревизскихъ сказкахъ со стороны помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ и старостъ правительство предписало подвергать виновныхъ слѣдующему наказанiю; съ помѣщиковъ брать вдвое людей противъ утаеннаго, а приказчиковъ и старостъ карать смертью [1]). Точно также и Воинскiй уставъ опредѣляетъ далеко не одинаковый родъ наказанiя для офицеровъ и солдатъ, причемъ первые иногда наказываются строже, чѣмъ послѣднiе [2]), наконецъ, нерѣдко встрѣчаются такiя выраженiя въ уставѣ: „наказать, смотря по состоянiю особъ", или „смотря по чину особъ".—Неравенство наказанiй и соотношенiе ихъ съ общественнымъ положенiемъ преступника значительно увеличилось и развилось при Екатеринѣ Второй, когда дворяне, купцы двухъ первыхъ гильдiй и именитые граждане получили разные льготы въ области уголовнаго права [3]). При Александрѣ I нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, освобожденiе отъ тѣлеснаго наказанiя, получило и духовенство.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, *мучительность* наказанiй, значительно увеличившаяся съ изданiемъ Воинскаго устава. Только Наказъ призналъ, что „наказанiе должно быть непреложно и неизбѣжно", и что „самое надежнѣйшее обузданiе отъ преступленiй есть не строгость наказанiя, но когда

---

[1]) См. Филиппова, О наказанiи по законодательству Петра Великаго, а также *мою* рецензiю на это сочиненiе въ „Истор. Вѣстн." 1891 г., № 9.

[2]) Арт. 101 устава выставляетъ слѣдующее общее правило: „коль болѣе чина и состоянiя преступитель, толь жесточае оный и накажется, ибо оный долженствуетъ другимъ добрый прикладъ подавать и собою оказываетъ, что оные чинить имѣютъ". Впрочемъ, это правило не всегда соблюдается. Такъ, въ томъ же уставѣ встрѣчаются артикулы (напр., въ главахъ II и XIV), по которымъ офицеры караются даже легче солдатъ за совершенiе одного и того же преступленiя. См. Ступина Исторiя тѣлесныхъ наказанiй въ Россiи, стр. 30.

[3]) Дворянъ и купцовъ первой гильдiи освобождаетъ отъ тѣлеснаго наказанiя и проектъ уголовнаго уложенiя 1754 года.

люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непремѣнно будетъ наказанъ".

Переходимъ къ разсмотрѣнію *видовъ* наказаній. Самымъ тяжкимъ наказаніемъ считалась *смертная казнь*, но, не смотря на это, она полагалась въ огромномъ количествѣ случаевъ, какъ въ сепаратныхъ указахъ, такъ и въ Воинскомъ уставѣ (уставъ опредѣляетъ ее въ 122-хъ случаяхъ, причемъ въ 62-хъ—съ обозначеніемъ вида и въ 60-ти безъ обозначенія). Однако, на практикѣ смертная казнь примѣнялась далеко не всегда и нерѣдко замѣнялась другими наказаніями. Вотъ, что гласитъ, напримѣръ, указъ 19 Ноября 1703 года: „на Москвѣ во всѣхъ приказахъ приводныхъ всякихъ чиновъ людей, которые явятся по розыскнымъ дѣламъ въ его государевыхъ дѣлахъ, въ измѣнѣ и бунтѣ, и въ смертныхъ умышленныхъ убивствахъ, или кто кого какимъ питіемъ или отравою уморитъ, и тѣхъ людей за тѣ ихъ вины казнить смертью". Иначе говоря, этимъ указомъ, не смотря на существованіе Уложенія, новоуказныхъ статей и сепаратныхъ указовъ, въ изобиліи расточающихъ смертную казнь за массу всевозможныхъ преступленій и проступковъ, на практикѣ примѣненіе ея ограничивается всего нѣсколькими случаями, точно указанными въ указѣ 1703-го года. И, дѣйствительно, изъ послѣдующихъ указовъ мы видимъ, что смертная казнь постоянно замѣнялась другими наказаніями и, если примѣнялась, то только за болѣе важныя преступленія.—„Воровъ и разбойниковъ, читаемъ, напримѣръ, въ указѣ 1704-го года, „которые въ убивствѣ, въ прямомъ воровствѣ, измѣнѣ и бунтѣ, казнить, а которые, кромѣ вышеписанныхъ винъ, а *по закону достойны смерти*, тѣхъ бить кнутомъ и, запятнавъ новыми пятнами, послать вѣчно въ каторгу". „Разбойниковъ за второй разбой", гласитъ указъ 1714-го года, „*вмѣсто смерти*, послать на вѣчную каторгу". Указъ 1721-го года предписываетъ „*освобождать отъ смерти* убійцъ, которые явятся сами и въ томъ (убійствѣ) вину принесутъ добровольно" и т. д.

Виды смертной казни были слѣдующіе: обыкновенные и квалифицированные. Къ первымъ относились: 1) отсѣченіе головы (по Воинскому уставу, въ 8-ми случаяхъ), производившееся съ Петра при помощи меча („царь, говоритъ Корбъ, „пожелалъ казнить преступниковъ новымъ, еще неизвѣстнымъ его народу, способомъ—не топоромъ, а мечемъ"); точно также Воинскій уставъ говоритъ о мечѣ, какъ орудіи казни:

„наказанія смертныя чинятся застрѣленіемъ, *мечемъ*, висѣлицею“ и т. п.; см. III часть: „Оглавленіе приговоровъ“); 2) повѣшеніе, примѣнявшееся, по Воинскому уставу, въ 33-хъ случаяхъ, причемъ въ 7-ми случаяхъ оно принимало коллективный характеръ, когда, кромѣ начальниковъ, подвергался висѣлицѣ десятый изъ солдатъ; 3) аркебузированіе или разстрѣляніе, впервые получившее законодательную санкцію въ Воинскомъ уставѣ (7 случаевъ). Квалифицированные виды были слѣдующіе: 1) четвертованіе, т. е., отсѣченіе топоромъ сперва рукъ и ногъ, а затѣмъ головы, иногда сопровождавшееся рваніемъ тѣла клещами (впрочемъ, четвертованіе иногда производилось послѣ казни надъ трупомъ преступника); 2) окопаніе въ землю вмѣстѣ съ руками по плечо съ цѣлью оставленія безъ пищи и питья до наступленія смерти, причемъ въ послѣдній разъ эта казнь была примѣнена въ 1740 году; 3) залитіе горла металломъ, смягченная указомъ 1723-го года, предписавшимъ, „буде такіе заливающіе горло скоро не умрутъ, то отсѣкать для скорой смерти голову“; 4) колесованіе, т. е., раздробленіе тѣла колесомъ, причемъ тѣло преступника послѣ казни оставлялось на нѣкоторое время на колесѣ; 5) сожженіе, иногда выражавшееся въ формѣ копченія, т. е., сожженія на медленномъ огнѣ, причемъ преступникъ, по словамъ шведа Штраленберга, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ обкуривался какимъ то ѣдкимъ составомъ, такъ что у него вылѣзали всѣ волосы на тѣлѣ; 6) повѣшаніе за ребро на крюкѣ, вонзавшемся осужденному въ бокъ между ребрами и продѣвавшемся подъ однимъ изъ нихъ, впервые введенное инструкціею для искорененія разбойниковъ 24-го Декабря 1719 года, „для вящихъ воровъ и разбойниковъ и особливо тѣхъ, кои чинили смертныя убивства и мученія“, и имѣвшее мѣсто въ послѣдній разъ при усмиреніи Пугачевскаго бунта [1]).

Смертная казнь сравнительно широко примѣнялась до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, питавшей глубокое отвращеніе къ этому виду наказанія [2]). Этимъ отвращеніемъ

---

[1]) Проектъ уголовнаго уложенія 1754-го года вводитъ еще новый видъ квалифицированной казни, а именно: разорваніе пятью лошадьми („разорвать пятью запряженными лошадьми на пять частей“, гласитъ статья 1-ая гл. XX); впрочемъ, уже вторая редакція проекта уничтожаетъ этотъ видъ казни.

[2]) По словамъ извѣстнаго историка прошлаго вѣка князя Щербатова, Елизавета Петровна, идя на сверженіе съ престола Ивана Антоновича, дала обѣтъ, что, если ей удастся взойти на престолъ, то во все

объясняется появленіе указа 1744-го года, фактически пріостановившаго дѣйствіе смертной казни въ Россіи [1]). „Усмотрѣно въ правительственномъ Сенатѣ,—гласитъ этотъ указъ, „что въ губерніяхъ и въ провинціяхъ, и въ городахъ, такожъ и въ войскѣ, и въ прочихъ мѣстахъ имперіи смертныя казни чинятъ не по надлежащимъ винамъ, а другимъ и безвинно“. Въ виду этого, указъ предписалъ: „для лучшаго разсмотрѣнія“ присылать въ Сенатъ „обстоятельныя перечневыя выписки“, т. е., экстракты изъ всѣхъ дѣлъ, по которымъ состоялись смертные приговоры, и до полученія изъ Сената соотвѣтственныхъ указовъ не приводить въ исполненіе этихъ приговоровъ, руководствуясь тѣмъ же правиломъ и на будущее время. 29-го Марта 1753 года Сенатъ вошелъ къ государынѣ съ докладомъ, въ которомъ ходатайствовалъ объ опредѣленіи въ законодательномъ порядкѣ наказанія, долженствовавшаго быть примѣняемымъ къ лицамъ, до сихъ поръ присуждавшимся къ смертной казни, причемъ предложилъ подвергать ихъ наказанію кнутомъ и, вырѣзавъ у нихъ ноздри, а также заклеймивъ и заклепавъ ихъ въ ножные кандалы, ссылать въ вѣчную каторжную работу. Елизавета Петровна утвердила названный докладъ. Однако, уже 25-го Мая 1753 года появляется новый сенатскій указъ, которымъ опять предписывается присылать въ Сенатъ экстракты изъ дѣлъ со смертными приговорами, пріостанавливая исполненіе этихъ послѣднихъ [2]). Результатомъ упомянутыхъ указовъ

свое царствованіе никого не лишать жизни (см. Загоскина, Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, стр. 75).

[1]) Впрочемъ, еще въ указѣ отъ 2-го Августа 1743-го года, даннымъ на имя главнокомандующаго русскими войсками въ Финляндіи, фельдмаршала Ласси, императрица высказалась за необходимость отмѣны смертной казни съ замѣною ея политическою смертью. Этотъ указъ до насъ не дошелъ, и объ его содержаніи мы узнаемъ изъ сенатскаго доклада императрицѣ отъ 29-го Марта 1753-го года (Сергѣевскій, Смертная казнь при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 1892-го года).

[2]) Профессоръ Сергѣевскій видитъ въ несогласіи постановленій какъ названнаго, такъ и позднѣйшаго (30-го Сентября 1754 года) указовъ съ постановленіями высочайше утвержденнаго доклада 29-го Марта 1753 г. результатъ оппозиціи Сената намѣреніямъ императрицы уничтожить смертную казнь (Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 1890 года), забывая, что докладъ 29-го Марта, замѣнившій смертную казнь наказаніемъ кнутомъ и ссылкою въ каторжную работу, исходилъ вовсе не отъ императрицы, а также отъ Сената, слѣдовательно, послѣдній долженъ былъ оппонировать самому себѣ. Правда, до насъ дошло „всеподданнѣйшее мнѣніе“ Сената, поданное имъ Елизаветѣ Петровнѣ въ 1743 г., въ которомъ онъ высказываетъ опасеніе, что, „буде убійцъ, воровъ и разбойниковъ не казнить, то чтобъ такихъ злодѣевъ не умножилось“, но на этотъ документъ проф. Сергѣевскій не ссылается, да и относится

было, съ одной стороны, накопленіе въ Сенатѣ массы подобныхъ приговоровъ, остававшихся, по повелѣнію императрицы, безъ разсмотрѣнія, а съ другой стороны, переполненіе тюремъ присужденными къ казни преступниками, ожидавшими дальнѣйшаго сенатскаго указа. Вотъ почему 30-го Сентября 1754 года появился, наконецъ, сенатскій указъ, въ которомъ еще разъ было подтверждено, чтобы „приговореннымъ къ смертной казни смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго о нихъ указа не чинить; а дабы оные, за долговременнымъ разсматриваніемъ присылаемыхъ объ нихъ экстрактовъ, не избывали наказанія и изъ ссылки побѣговъ чинить и, за непостановленіемъ на нихъ законовъ, укрываясь, въ такія же воровства вступать не дерзали", предписывается ссылать ихъ въ Рогервикъ (Балтійскій портъ) и въ другія мѣста, подвергать жестокому наказанію кнутомъ, рванью ноздрей и клеймленію словомъ—воръ". Елизавета Петровна, хотя только пріостановила дѣйствіе смертной казни, но безспорно желала и совершенной ея отмѣны, о чемъ свидѣтельствуетъ ея словесный указъ, данный въ 1761 году законодательной комиссіи, которымъ она „высочайше повелѣть соизволила въ новосочиняемомъ Уложеніи за подлежащія вины смертной казни не писать" (см. *мои* Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.).

Точно также и Екатерина II, хотя въ принципѣ и не отрицала смертной казни, но въ необходимости ея далеко была не увѣрена, что и выразилось въ крайней неопредѣленности статей Наказа касательно этого вида наказанія. Такъ, въ статьѣ 79-ой говорится, что „гражданинъ бываетъ достоинъ смерти, когда онъ нарушилъ безопасность даже до того, что отнялъ у кого жизнь или предпріялъ отнять". Въ этомъ отношеніи смертная казнь есть „нѣкоторое лѣкарство больного общества". Такимъ образомъ, въ названной статьѣ высказывается мысль, что убійство должно наказываться смертью. Напротивъ, въ статьѣ 210-ой смертная казнь допускается только тогда, когда общество находится въ анархическомъ состояніи, и когда преступникъ можетъ быть освобожденъ изъ тюрьмы. При нормальномъ же теченіи дѣлъ въ государствѣ, когда хорошее устройство тюремъ вполнѣ можетъ гарантировать общество отъ бѣгства

онъ къ 1743 г. Кромѣ того, едва-ли въ немъ можно видѣть признаки какой бы то ни было „оппозиціи".

преступниковъ, смертная казнь излишня, потому что „ни чрезмѣрная жестокость и разрушеніе бытія человѣческаго производятъ великое дѣйствіе въ сердцахъ гражданъ, но непрерывное продолженіе наказанія". Въ виду противорѣчія этихъ двухъ статей другъ другу, ясно, что императрица не выработала себѣ опредѣленной точки зрѣнія на разрѣшеніе вопроса о смертной казни. На практикѣ же въ ея царствованіе все оставалось попрежнему, т. е. смертная казнь не примѣнялась, хотя продолжала существовать въ законѣ (преступниковъ подвергали смерти только въ исключительныхъ случаяхъ).

Въ царствованіе Александра I этотъ вопросъ снова былъ поднятъ. Дѣло въ томъ, что въ 1813 году законодательная комиссія составила проектъ уголовнаго Уложенія и внесла его на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ. Проектъ, хотя допустилъ примѣненіе смертной казни, но, во-первыхъ, ограничилъ виды ея, признавъ только два вида: повѣшеніе или казнь первой степени, и отсѣченіе головы или казнь второй степени, и, во-вторыхъ, значительно съузилъ самую сферу примѣненія смертной казни, постановивъ, вдобавокъ, что ни один смертный приговоръ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе безъ утвержденія его государемъ. Тѣмъ не менѣе, допущеніе въ проектѣ разсматриваемаго вида наказанія вызвало въ Государственномъ Совѣтѣ серьезные протесты. Ярымъ противникомъ смертной казни выступилъ извѣстный адмиралъ, графъ Мордвиновъ. „Когда благодѣтельными самодержцами Россіи,—говорилъ Мордвиновъ въ своемъ письменномъ мнѣніи,—отмѣнена смертная казнь, то возстановленіе ея въ новоизданномъ уставѣ при царствованіи Александра I невольно приводитъ меня въ трепетъ и смущеніе. Знаменитѣйшіе по уголовной части писатели признали и доказали ненадобность и безполезность смертной казни, приводя всѣмъ другимъ народамъ въ изящный примѣръ тому Россію"; „Имѣетъ ли человѣкъ",—читаемъ далѣе,—„право отнять у подобнаго себѣ то, чего, раскаявшись впослѣдствіи, онъ не въ силахъ ему возвратить? Судья, постановляющій смертный приговоръ, невольно чувствуетъ душевное содроганіе, не есть ли это напоминаніе ему совѣстью о томъ, что онъ принимаетъ на себя ему не принадлежащее? Нравственный и всеобщій законъ, воспрещающій убивать безоружнаго, долженъ ли измѣниться въ своей правости въ примѣненіи къ обществу, а окованный, лишенный свободы,

предаваемый смерти, по невозможности его быть далѣе вреднымъ, не есть ли жертва безполезная и невинная? Облечь кроткаго и человѣколюбиваго императора Александра I въ званіе возобновителя въ Россіи смертной казни, самое благоговѣніе мое, никогда въ сердцѣ моемъ къ особѣ Его Величества неумолчное, меня не допускаетъ" [1]). Однако, и въ это царствованіе вопросъ о смертной казни не былъ разрѣшенъ, и только уже съ изданіемъ Свода Законовъ и Уложенія о наказаніяхъ 1845 года вышелъ, наконецъ, изъ своего крайне неопредѣленнаго положенія [2]).

Вторымъ по тяжести наказаніемъ были *тѣлесныя наказанія*, раздѣлявшіяся на членовредительныя и болѣзненныя. Къ первымъ относились: урѣзаніе языка, заключавшееся въ томъ, что палачъ, вытянувъ у преступника языкъ особыми клещами, отрѣзалъ часть его, обыкновенно половину (въ послѣдній разъ это наказаніе было примѣнено въ 1743 г. въ отношеніи къ Лопухиной и Бестужевой); прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ, введенное Воинскимъ уставомъ, какъ наказаніе за богохульство (арт. 3); отсѣченіе суставовъ, руки и пальцевъ, причемъ рука въ большинствѣ случаевъ отсѣкалась по запястье, а пальцы (по Воинскому уставу (арт. 196)—два), за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, отсѣкались на лѣвой рукѣ; прибитіе гвоздемъ или ножемъ руки къ висѣлицѣ на одинъ часъ (Воинск. уставъ, арт. 143—за драку съ оружіемъ въ рукахъ), отсѣченіе носа и ушей (Воинск. уст., арт. 188 и 189; послѣдній разъ отсѣченіе ушей было примѣнено въ 1774 г., при подавленіи Пугачевскаго бунта); рванье ноздрей и клейменіе. Послѣдніе два вида наказанія преслѣдовали не только карательныя, но и полицейскія цѣли. Такъ, по словамъ указа 1757 г., „ноздри вырѣзать и знаки ставить положено въ томъ разсужденіи,

---

[1]) Загоскинъ, Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, стр. 91.

[2]) По Своду Законовъ 1832 года смертная казнь примѣнялась за преступленія политическія, „когда оныя, по особой ихъ важности, предаются разсмотрѣнію и рѣшенію верховнаго уголовнаго суда", за нарушенія карантинныхъ правилъ и за воинскія преступленія. Въ 1833 г. былъ учрежденъ особый секретный комитетъ для обсужденія вопроса о примѣненіи смертной казни къ ссыльнымъ въ Сибири, высказавшійся за разрѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ, но государь высочайшимъ повелѣніемъ 7-го Декабря того же года возстановилъ смертную казнь только для каторжныхъ за совершеніе ими преступленій „политическаго оттѣнка" (см. Саломона, Ссылка въ Сибирь, стр. 30). При составленіи Уложенія 1845 года, явилось предположеніе еще расширить примѣненіе смертной казни, не получившее, однако, практическаго осуществленія.

чтобы они изъ ссылки... побѣговъ чинить и, непоставленіемъ на нихъ знаковъ, укрываясь, въ такія воровства вступать не дерзали“. Еще раньше указъ 1746 г., говоря о клейменіи, мотивировалъ его необходимость тѣмъ, чтобы преступники „отъ прочихъ добрыхъ людей были отличены, и когда... учинятъ утечку... таковыхъ къ поимкѣ чрезъ то клейменіе удобный способъ быть можетъ“. Наличностью этихъ полицейскихъ цѣлей объясняется предписаніе указа 1724 г. „ноздри вынуть до кости“ у тѣхъ преступниковъ, у которыхъ они уже были вынуты, но „мало знатно“. Рванье ноздрей производилось особыми щипцами, одна половина которыхъ, представлявшая собою желѣзный стержень, вкладывалась въ ноздрю, другая—острая и вогнутая—приходилась съ наружной стороны носа—щипцами этими дѣйствовали, какъ ножницами [1]). Что касается до клейменія, то оно состояло въ наложеніи на тѣло преступника (обыкновенно на лицо, т. е. на лобъ и щеки, а иногда и на руки или на спину) раскаленнымъ желѣзомъ особыхъ знаковъ, форма которыхъ нерѣдко мѣнялась. Такъ, при Петрѣ I клеймо было съ изображеніемъ орла (отсюда выраженіе „заорленіе“ вмѣсто: клейменіе), а затѣмъ (съ 1705 г.) съ буквою „В“ (воръ). При Екатеринѣ II появляются и другія буквы, напр., „У“ (убійца), „Л“ (лжецъ) и т. п. Иногда употреблялись клеймы съ нѣсколькими буквами, напр., „В. О. Р.“. Уложеніе 1845 г. предписало употреблять только слѣдующія клейма: для каторжниковъ—„К. А. Т.“, для бѣглыхъ и бродягъ—„Б“, для ссыльно-каторжныхъ — „С. К.“ и для ссыльно-поселенцевъ — „С. П.“ Клейма старательно охранялись отъ исчезновенія, почему въ 1705 г. было предписано натирать ихъ порохомъ „многажды накрѣпко, чтобы они (преступники) тѣхъ пятенъ ничѣмъ не вытравливали и не живили, и чтобъ тѣ пятна на нихъ были знатны по смерть ихъ“.

Екатерина II, хотя и высказала въ Наказѣ, что „всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить“, однако, этого не сдѣлала, и честь отмѣны членовредительныхъ наказаній (кромѣ клейменія) принадлежитъ Александру I. Впрочемъ, послѣдній отмѣнилъ въ 1817 году только рванье ноздрей, такъ какъ остальныя на-

---

[1]) Тимофеевъ, Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ стр. 142.

казанія къ этому времени вышли уже на практикѣ изъ употребленія. Клейменіе же было отмѣнено въ 1863 г. [1]).

Среди болѣзненныхъ наказаній самымъ тяжкимъ былъ кнутъ, унаслѣдованный еще отъ временъ Московскаго государства. Такъ, въ указѣ 1846 г. 10 ударовъ кнута считались равными 30 ударамъ плети и 120 ударамъ розогъ, такъ какъ 10 ударовъ плетей, въ свою очередь, приравнивались къ 40 ударамъ розогъ. Кнутъ состоялъ изъ толстой деревянной рукоятки, 5⁵/₈ вершковъ длиною и ⁵/₈ вершка въ діаметрѣ. Къ ней прикрѣплялась плетенная часть, представлявшая собою упругій столбецъ изъ ременнаго плетива, обнимавшаго твердый стержень изъ плотно сложеннаго куска кожи. По серединѣ столбца стержень прерывался на вершокъ, и оставалось одно плетиво, вслѣдствіе чего въ этомъ мѣстѣ образовывался перегибъ. Въ длину плетенная часть имѣла 14¹/₂ вершк., въ толщину у рукоятки около 2 вершк., а въ концѣ 1 вершокъ. Тонкій конецъ заключался желѣзнымъ кольцомъ около вершка въ діаметрѣ, къ которому привязывался хвостъ изъ ремня, длиною въ 13 вершковъ и шириною въ ⁶/₈ вершка, твердый, какъ кость и загнутый съ обѣихъ сторонъ въ видѣ желобка. Весь кнутъ съ рукояткою имѣлъ въ длину 2 аршина и 2 вершка [2]). Въ 1840 г. министерство внутреннихъ дѣлъ изготовило образцовый кнутъ и предписало по разосланнымъ образцамъ его приготовить „хозяйственнымъ способомъ" новые кнуты взамѣнъ старыхъ, подлежавшихъ уничтоженію.

Какъ извѣстно, по Уложенію 1649 г. наказаніе кнутомъ упоминается въ 140 статьяхъ [3]). Напротивъ, въ XVIII ст., въ виду введенія новыхъ тѣлесныхъ наказаній (плетей и шпицрутеновъ), сфера примѣненія кнута постепенно съуживается. Наконецъ, по Своду Законовъ 1832 г. о немъ упоминается уже въ 50 статьяхъ [4]). Наказаніе кнутомъ раздѣлялось на простое и нещадное, причемъ разница между

---

[1]) Вопросъ объ отмѣнѣ клейменія возникъ уже въ 1817 г. по инициативѣ московской палаты уголовнаго суда. Дѣло въ томъ, что по одному частному случаю секретарь палаты, полагая, что клейменіе, какъ предохранительная мѣра, отмѣнена вмѣстѣ съ рваніемъ ноздрей, обратился къ присутствію палаты съ вопросомъ: клеймить или нѣтъ? Присутствіе вмѣстѣ съ прокуроромъ затруднилось отвѣтомъ и представило вопросъ на разрѣшеніе Сената. Послѣдній высказался за продолженіе клейменія. (Записки бар. Штейнгеля, Истор. Вѣстн. 1900 г., кн. VI, стр. 829).

[2]) По крайней мѣрѣ такой экземпляръ кнута видѣлъ проф. Сергѣевскій. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, стр. 154.

[3]) Сергѣевскій, назв. соч., стр. 150.

[4]) Тимофеевъ, назв. соч., стр. 158.

ними зависѣла отъ количества ударовъ. Нещадное наказаніе очень часто являлось замаскированною смертною казнью. Законъ не опредѣлялъ числа ударовъ, и практика на этотъ счетъ была крайне разнообразна. Minimum наказанія, конечно, равнялся одному удару, Что касается до maximum'а, то онъ достигалъ невѣроятныхъ размѣровъ, а именно, какъ свидѣтельствуютъ многіе источники, 300 ударовъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, простое наказаніе выражалось въ числѣ ударовъ, не превышавшемъ 50-ти, больше же 50 ударовъ составляло уже нещадное наказаніе. Указы 1802 и 1808 гг. запретили употреблять въ судебныхъ приговорахъ (какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ судовъ) выраженія „наказать жестоко" или „нещадно", а въ 1812 г. было предписано въ каждомъ судебномъ приговорѣ точно означать число ударовъ, которымъ долженъ былъ подвергнуться преступникъ, причемъ самые приговоры должны были представляться на утвержденіе губернаторовъ; при неутвержденіи же ихъ со стороны послѣднихъ, они поступали на разсмотрѣніе Сената. Наконецъ, только въ 1830 г. нещадное наказаніе было уничтожено, такъ какъ въ этомъ году состоялось запрещеніе назначать болѣе 50 ударовъ.

По способу исполненія наказаніе кнутомъ раздѣлялось на три вида; обыкновенное, въ проводку и на козлѣ. Первое состояло въ томъ, что преступника, предварительно раздѣвъ до пояса, помѣщали на спинѣ одного изъ палачей, державшаго его за руки, причемъ ноги преступника связывались. Удары наносились по спинѣ. Битье въ проводку отличалось отъ обыкновеннаго битья тѣмъ, что преступника водили подъ руки по улицамъ, причемъ палачъ шелъ сзади и билъ. Оба названные способа были отмѣнены при Александрѣ I. Битье на козлѣ или, какъ еще говорилось, на кобылѣ происходило слѣдующимъ образомъ. Кобыла, по описанію современниковъ, представляла собою крестообразный станокъ, приспособленный такъ, что преступникъ, обнаженный до пояса, привязывался къ нему руками и ногами и находился въ полустоячемъ положеніи. Руки его прикрѣплялись ремнями отдѣльно къ каждой сторонѣ креста, ноги также привязывались, равно какъ и шея, притягивавшаяся ремнями къ серединѣ креста [1]. Удары при этомъ способѣ наносились по спинѣ. Битье на козлѣ просуществовало вплоть до отмѣны кнута въ 1845 г.,

[1]) Тимофеевъ, назв. соч., стр. 163.

причемъ въ 1840 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были даже изготовлены образцовые пристяжные ремни для кобылы. Въ цѣляхъ устрашенія наказаніе кнутомъ происходило публично на эшафотѣ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядностей, а именно: преступника, одѣтаго въ особый кафтанъ съ прикрѣпленною на груди доскою, на которой писалось названіе совершеннаго имъ преступленія, и посаженнаго спиною къ лошадямъ, привозили на мѣсто совершенія наказанія, сперва (въ XVIII ст.) въ особой телегѣ, а послѣ (въ XIX ст.) на позорной колесницѣ. Затѣмъ иногда ставили на нѣкоторое время къ позорному столбу и уже затѣмъ подвергали наказанію.

Вопросъ объ уничтоженіе кнута возбуждался нѣсколько разъ въ первой половинѣ XIX ст. Такъ, уже въ 1817 г. былъ учрежденъ особый комитетъ для разрѣшенія этого вопроса, причемъ членамъ его было передано личное мнѣніе Александра I, въ которомъ кнутъ назывался „безчеловѣчною жестокостью, каковой нѣтъ примѣровъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ,“ и „что жестокость сія, будучи, такъ сказать, отдана на произволъ палача, не токмо не удовлетворяетъ цѣли правосудія, но по большей части находится съ нею въ противоположности“. Однако, комитетъ, высказавшись въ принципѣ противъ кнута, не уничтожилъ его, почему въ 1824 г. вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи его снова былъ поднятъ и обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ, причемъ извѣстный противникъ смертной казни, адмиралъ Мордвиновъ представилъ письменное мнѣніе въ пользу уничтоженія этого вида наказанія. „Съ того знаменитаго для правосудія и человѣчества времени, писалъ между прочимъ Мордвиновъ, когда европейскіе народы отмѣнили пытку и истребили орудія ея, одна Россія сохранила у себя кнутъ, коего одно наименованіе поражаетъ ужасомъ народъ россійскій и даетъ поводъ иностранцамъ заключать, что Россія находится еще въ дикомъ состояніи. Кнутъ есть орудіе, которое раздираетъ человѣческое тѣло, отрываетъ мясо отъ костей, мечетъ по воздуху кровавыя брызги и потоками крови обливаетъ тѣло человѣческое — мученіе лютѣйшее всѣхъ, другихъ извѣстныхъ. При кровавомъ зрѣлищѣ такого мученія зрители приводимы бываютъ въ изступленное состояніе, многіе изъ нихъ плачутъ, многіе даютъ наказанному милостыню, трепещутъ, негодуютъ на жестокость мученія. До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать кнутъ въ Россіи, втунѣ

мы заниматься будемъ уголовнымъ уставомъ; съ кнутомъ въ употребленіи напрасны будутъ уголовные законы, судейскіе приговоры и точность въ опредѣленіи наказаній: дѣйствіе закона и мѣра наказанія останутся всегда въ рукахъ и волѣ палача, который стами ударовъ можетъ сдѣлать наказаніе легкимъ, десятью жестокимъ и увѣчнымъ, если не смертельнымъ“ [1]). Государственный Совѣтъ почти единогласно высказался за уничтоженіе кнута и за замѣну его плетьми, но это постановленіе не получило законодательной санкціи изъ опасенія, какъ бы народъ не счелъ отмѣну кнута за отмѣну всякихъ наказаній вообще. И только съ изданіемъ Уложенія о наказаніяхъ 1845 г. кнутъ былъ уничтоженъ и замѣненъ плетьми причемъ эта замѣна мотивировалась тѣмъ, что „наказаніе кнутомъ, завися отъ произвола палача, можетъ быть орудіемъ смерти или же, особливо при маломъ числѣ ударовъ, сдѣлаться слишкомъ слабымъ, и что сіе бываетъ довольно часто вслѣдствіе подкуповъ“.

Другимъ болѣзненнымъ наказаніемъ были батоги, т. е. прутья толщиною въ мизинецъ, которыми били по спинѣ преступника, предварительно положивъ его на землю, лицемъ внизъ. Это наказаніе также дѣлилось на простое и нещадное, причемъ число ударовъ не было опредѣлено. По способу исполненія битье батогами могло быть въ рубашкѣ и безъ нея. Со второй половины XVIII ст. батоги постепенно выходятъ изъ употребленія (такъ, проектъ уголовнаго Уложенія 1754 г. упоминаетъ о нихъ только въ трехъ случаевъ, см. гл. 48, 49 и 50), а въ XIX ст. они замѣняются палками (Сводъ законовъ 1832 г. и Уложеніе 1845 г., напр., ст. 635 и др.).

Третьимъ видомъ болѣзненнаго наказанія, были плети, появившіяся впервые въ XVIII ст. на смѣну кнута, вслѣдствіе чего одновременно съ съуженіемъ сферы примѣненія послѣдняго расширяется сфера примѣненія первыхъ, пока, наконецъ, Уложеніе 1845 г. окончательно не замѣняетъ кнута плетьми. Плеть состояла изъ короткой деревянной рукоятки и плетива въ палецъ толщиной, въ концѣ котораго прикрѣплялись сперва два, а затѣмъ три хвоста. Наказаніе плетьми производилось на кобылѣ, причемъ вплоть до Уложенія 1845 г. число ударовъ не было опредѣлено. Послѣднее назначило количество ударовъ въ предѣлахъ отъ 10 до 100. Особымъ

---

[1]) Загоскинъ, Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, стр. 98.

видомъ плетей были, такъ называемыя, кошки, введенныя Морскимъ уставомъ 1720 г. во флотѣ. Впрочемъ, на практикѣ кошками наказывались и лица, совершенно не принадлежавшія ко флоту.

Четвертымъ видомъ наказанія являлись шпицрутены, введенные Петромъ I и получившіе окончательно законодательную санкцію въ Воинскомъ уставѣ [1]). Подъ ними понимались длинные, гибкіе прутья, употреблявшіеся при, такъ называемомъ, проведеніи преступника сквозь строй, т. е. по „шереножной улицѣ", образованной изъ двухъ рядовъ солдатъ, вооруженныхъ шпицрутенами и наносившихъ удары по оголенной спинѣ преступника. Воинскій уставъ говоритъ о прогнаніи сквозь строй или полкъ три, шесть и двѣнадцать разъ (арт. 95, 141 и 189), не опредѣляя, однако, числа солдатъ, а, слѣдовательно, и ударовъ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ мы имѣемъ возможность судить, что maximum наказанія опредѣлялся въ XVIII и XIX ст. въ 12000 ударовъ, когда шпицрутены являлись замаскированной смертною казнью, да еще въ квалифицированной формѣ. Что касается до minimum'а наказанія, то онъ въ XIX ст. былъ не ниже 250 ударовъ [2]).

Пятымъ видомъ наказанія были розги, введенныя Воинскимъ уставомъ для воровъ младенцевъ, но на практикѣ получившія большое распространеніе и въ отношеніи взрослыхъ, въ особенности съ изданія Уложенія 1845 г., опредѣлившаго и количество ударовъ (отъ 50 и до 100).

Наконецъ, шестымъ видомъ наказанія были линьки, т. е. куски каната съ узлами, введенные Петромъ I для флота.

Къ категоріи болѣзненныхъ же наказаній слѣдуетъ также отнести: ношеніе ружей и сѣделъ, хожденіе по деревяннымъ кольямъ, сажаніе на деревянную лошадь, содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, бритье половины головы и окованіе рукъ и ногъ въ желѣзо. Послѣднее наказаніе было введено Воинскимъ уставомъ, но впослѣдствіи стало разсматриваться, какъ полицейская мѣра. При помощи оковъ цѣлая партія преступниковъ прикрѣплялась къ желѣзному пруту и такимъ образомъ направлялась въ Сибирь. Мучительность прута обратила на себя вниманіе извѣстнаго филантропа, доктора Гааза и, благодаря его вмѣшательству, въ 1832 г. прутъ

---

[1]) По подсчету г. Ступина, шпицрутены примѣняются Воинскимъ уставомъ 39 разъ (назв. соч., стр. 31—33).

[2]) Тимофеевъ, назв. соч., стр. 206 и слѣд.

былъ замѣненъ особыми наручниками, изобрѣтенными Газомъ и испытанными имъ на себѣ [1]).

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній, а именно: плетей, шпицрутеновъ, кошекъ и отчасти розогъ состоялась на основаніи указовъ 17 Апрѣля 1863 г.

Третьимъ наказаніемъ являлась *ссылка* на каторжныя и другія работы [2]). Каторги или галеры были особыя суда, двигавшіяся веслами. Работа послѣдними и была поручена каторжникамъ или „каторжнымъ невольникамъ“, какъ тогда говорилось. Вдоль борта галеры придѣлывались особыя „банки“, по 25 на каждой сторонѣ, къ которымъ приковывалось по 5 или 6 невольниковъ, управлявшихъ однимъ весломъ. Точность гребли была такова, что 50 веселъ составляли какъ бы одно; впрочемъ, это было необходимо, потому что, если бы одно весло поднялось или опустилось скорѣе другихъ, гребцы, имъ управлявшіе, ударили бы въ спину сидящихъ впереди и въ свою очередь получили бы ударъ заднихъ. Никакой свободный человѣкъ не могъ бы грести подобнымъ образомъ безъ отдыха болѣе часа, между тѣмъ каторжники иногда должны были продолжать свою работу по десяти, а иногда и по двадцати часовъ сряду. Если кто изъ невольниковъ падалъ въ безсиліи, на него сыпались удары плетей приставовъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ не исчезали признаки жизни; затѣмъ, его бросали въ море [3]). Работа на галерахъ вышла изъ употребленія съ замѣною гребныхъ судовъ парусными. Иногда вмѣсто каторги преступники ссылались на другія работы, напримѣръ, на постройку крѣпости, въ порты, въ рудники, на заводы, въ прядильный дворъ (женщины) и т. п. [4]). И

---

[1]) Кони, За послѣдніе годы, стр. 533. См. также *мою* статью „Памяти рѣдкаго человѣка“ (Журн. Юрид. Общ., 1897 г., кн. VII).

[2]) Каторжныя работы не были извѣстны Московскому государству, хотя мысль о введеніи ихъ возникла уже въ 1668 г. и принадлежала Андрею Виніусу, представившему Посольскому приказу составленный имъ проектъ о „постройкѣ каторгъ для плаванія по Каспійскому морю“. Однако, первый случай ссылки на каторгу относится къ 1699 г., когда къ этому виду наказанія были приговорены 269 стрѣльцовъ за участіе въ бунтѣ 1698 г. См. Сергѣевскаго, Русское уголовное право, стр. 153 и Жижина, Ссылка въ Россіи (Журн. Мин. Юст. 1900 г., кн. 2).

[3]) Елагинъ, Исторія русскаго флота, томъ I, стр. 257—259.

[4]) Вначалѣ средоточіемъ подобныхъ работъ былъ Азовъ, затѣмъ вплоть до 1767 года Рогервикъ (Балтійскій портъ), куда, для сооруженія порта, ежегодно отправлялось до 600 человѣкъ. Точно также надъ постройкою Петербурга, Оренбурга и Екатеринбурга работало не мало преступниковъ (въ Екатеринбургѣ они работали вплоть до 1800 года). Въ концѣ XVIII ст. (начиная съ 1760 года) преступники ссылались глав-

тотъ и другой видъ ссылки могъ быть временнымъ или вѣчнымъ [1]). Ссылка на галеры и на другія работы примѣнялась въ массѣ случаевъ. Правда, Воинскій уставъ назначаетъ ее только въ десяти случаяхъ [2]), но за-то область примѣненія ея крайне расширялась отдѣльными указами.

Съ изданіемъ Учрежденія о губерніяхъ въ 1775 году во всѣхъ губернскихъ городахъ было предписано учредить рабочіе дома для преступниковъ обоего пола, причемъ поставить ихъ въ непосредственную зависимость отъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Указъ 1781 г. подтвердилъ это постановленіе, предписавъ Сенату озаботиться открытіемъ такихъ домовъ и заведеніемъ въ нихъ необходимыхъ работъ. Впрочемъ, дѣло устройства рабочихъ домовъ подвигалось впередъ очень медленно, главнымъ образомъ вслѣдствіе крайней нужды въ рабочихъ рукахъ для правительственныхъ сооруженій, какъ то видно, между прочимъ, изъ письма генералъ-адъютанта Князева отъ 1795 г. генералъ-прокурору. „Ссылочные невольники", писалъ Князевъ, „для работъ вездѣ нужны... наипаче же потому, что во многихъ мѣстахъ вольнонаемныхъ людей ни за какія деньги отыскать невозможно". Этою же нуждою объясняется появленіе указа 13 Сент. 1797 г., какъ бы вовсе упраздняющаго рабочіе дома, такъ какъ, согласно съ указомъ, всѣхъ лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ рабочіе дома, было предписано отправлять на работу въ крѣпостяхъ. Въ виду порожденія названнымъ указомъ многихъ недоразумѣній (напримѣръ, что дѣлать съ женщинами, что дѣлать съ преступниками, осужденными на короткіе сроки, если разстояніе до крѣпостей было далеко, и т. п.), Сенатъ въ 1798 году разъяснилъ, что къ крѣпостнымъ работамъ слѣдуетъ отправлять только мужчинъ, осужденныхъ на долгіе сроки, остальныя же категоріи преступниковъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, попрежнему должны быть заключаемы въ рабочіе дома [3]).

нымъ образомъ въ нерчинскіе рудники (см. Фойницкаго Ученіе о наказаніи, стр. 268 и Саломона, Ссылка въ Россіи, стр. 10).

[1]) Что касается до сроковъ, на которые назначалась временная ссылка, то они были крайне разнообразны. Такъ. встрѣчаются указы о ссылкѣ на 15, на 10 и на 5 лѣтъ (Жижинъ, назв. ст. въ Журн. Мин. Юст. 1900 г., кн. 2). Съ изданіемъ устава о ссыльныхъ 1822 г. вѣчная или безсрочная ссылка въ каторжныя работы была ограничена 20 годами.

[2]) Подсчетъ г. Жижина, чѣмъ опровергается мнѣніе проф. Фойницкаго, будто о ссылкѣ „молчатъ воинскіе артикулы" (назв. ст. въ Журн. Мин. Юст. 1900 г., кн. 2).

[3]) Фойницкій, Ученіе о наказаніи, стр. 270 и слѣд.

Что касается до ссылки на поселеніе, то она въ началѣ изучаемаго періода не была распространена и своего развитія достигла уже въ концѣ XVIII столѣтія, когда мало по малу мѣстомъ ея сдѣлалась Сибирь. Съ указа 1753 г. ссылка раздѣлилась на два вида: на ссылку въ работу или на вѣчное поселеніе и на ссылку на житье или простую, причемъ послѣдняя назначалась за мелкія преступленія (такъ, по указу 1775 г. за первую кражу). Сосланные на вѣчное поселеніе поступали въ казенное управленіе, причемъ до 1798 г. способные изъ нихъ назначались въ каторжныя и другія работы. Съ 1798 г. ссыльныхъ, однако, перестали посылать для работъ совмѣстно съ каторжными, „дабы тѣмъ ихъ не сравнять съ преступниками, за тяжкія преступленія, вмѣсто смертной казни, вѣчно въ работу осужденными“. Сосланныхъ на житье распредѣляли по Сибири, причемъ осужденныхъ за менѣе тяжкія преступленія селили въ мѣстахъ, ближайшихъ къ европейской границѣ. Обыкновенно, при поселеніи, правительство отводило ссыльнымъ земли, снабжало ихъ сѣменами для обсѣмененія полей и нужными орудіями и освобождало на время, отъ податей. Съ указа 1799 г. сосланные на житье получили право записываться въ купечество. Значительную реформу въ области ссылки произвелъ уставъ о ссыльныхъ 1822 года, составленный Сперанскимъ. Согласно съ уставомъ ссылка дѣлилась на ссылку въ каторгу и на поселеніе. Каторга же подраздѣлялась на безсрочную и срочную, впрочемъ и первая не могла продолжаться болѣе 20 лѣтъ. По окончаніи этого срока, преступникъ водворялся при томъ заведеніи, гдѣ прежде работалъ, какъ каторжный. Напротивъ, срочные каторжники, по отбытіи ими наказанія, поступали въ разрядъ поселенцевъ. Послѣдніе раздѣлялись на 6 разрядовъ, а именно: 1) „временные заводскіе работники“, 2) „дорожные работники“, 3) ремесленники, 4) цеховые слуги, 5) поселенцы, способные къ сельскимъ работамъ и 6) неспособные ни къ какой работѣ, помѣщавшіеся въ больницы и пріюты или приписывавшіеся къ волостямъ на пропитаніе. Въ 1-й разрядъ поступали лица, наказанныя плетьми, причемъ въ теченіе 1-го года онѣ должны были работать на фабрикахъ и заводахъ вмѣстѣ съ каторжными; во 2-й разрядъ помѣщались „самые лучшіе, здоровые, крѣпкіе и молодые, преимущественно знающіе мастерства“ и переходившіе въ составъ государственныхъ крестьянъ по истеченіи пяти

лѣтъ хорошаго поведенія и трудолюбивой жизни; третій разрядъ дѣлился на отдѣленія или артели и также рекрутировался изъ лицъ, знающихъ ремесла [1]); четвертый разрядъ состоялъ изъ дворовыхъ, евреевъ и лицъ, неспособныхъ къ сельскимъ занятіямъ и отдававшихся въ наемъ частнымъ лицамъ на восемъ лѣтъ, причемъ, по окончаніи этого срока, цеховые слуги имѣли право записываться въ мѣщане. Поселенцы распредѣлялись по волостямъ со льготами въ области податей и рекрутской повинности, но безъ пособія отъ казны, и, по истеченіи трехъ лѣтъ, поступали въ сословіе государственныхъ крестьянъ. Однако, на практикѣ попытка Сперанскаго пріурочить ссыльныхъ къ работамъ оказалась совершенно несостоятельной. Фабрики и заводы, переполненные каторжными, уклонялись отъ пріема ссыльныхъ. Дорожные работники фактически не существовали и въ 1828 г. были упразднены и de jure. Устройство ремесленныхъ домовъ также потерпѣло неудачу, вслѣдствіе чего они постепенно были закрыты. Цехъ же слугъ, по заявленію западно-сибирскаго генералъ-губернатора князя Горчакова, „упадалъ самъ собою отъ основательной недовѣрчивости жителей къ людямъ развращеннымъ“ [2]).

Практика знала еще третій видъ ссылки, сложившійся, какъ было уже сказано, до устава 1822 года, а именно: ссылку на житье, дѣлившуюся на безсрочную и срочную, причемъ опредѣленіе срока въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависѣло отъ суда. По закону 4 Янв. 1839 г. всѣ сосланные на житье были обязаны, немедленно по прибытіи на мѣсто ссылки, приписаться къ мѣщанскому или крестьянскому обществу, а по прошествіи трехъ лѣтъ, могли причислиться къ купеческому обществу.

Въ виду постояннаго увеличенія контингента сосланныхъ въ Сибирь и, въ силу этого, возникновенія крайнихъ затрудненій при управленіи ими, не предвидѣнныхъ уставомъ 1822 года, сибирская администрація неоднократно возбуждала вопросъ объ ограниченіи количества ссылаемыхъ. Въ 30-хъ годахъ этотъ вопросъ обсуждался сперва въ Сибирскомъ комитетѣ, а затѣмъ и въ Государственномъ Совѣтѣ [3]),

---

[1]) Этотъ разрядъ въ губернскихъ городахъ долженъ былъ работать въ особыхъ ремесленныхъ домахъ.

[2]) Саломонъ, Ссылка въ Россіи, стр. 18.

[3]) Вопросъ былъ возбужденъ вслѣдствіе резолюціи императора Николая I на рапортѣ томскаго губернатора слѣдующаго содержанія: „разсмотрѣть, нѣтъ ли возможности вовсе прекратить ссылку въ Сибирь на

высказавшимся, однако, въ томъ смыслѣ, что „мысль объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь на поселеніе надлежитъ оставить, потому что нѣтъ способовъ удовлетворительно замѣнить ее иными назначеніями", такъ какъ „во всякомъ другомъ мѣстѣ соединеніе ссыльныхъ было бы истинною тягостью и для правительства, и для самаго края" [1]). Единственно, что рѣшено было сдѣлать, это—нѣсколько сократить количество ссылаемыхъ въ Сибирь путемъ, во-первыхъ, ссылки ихъ въ европейскія окраиныя губерніи и, во-вторыхъ, путемъ отдачи ихъ въ арестантскія роты. Послѣднія были заведены въ 1827 году во всѣхъ губернскихъ городахъ главнымъ образомъ по иниціативѣ самого государя, находившаго, что „чрезъ сформированіе сихъ ротъ пріобрѣтены будутъ двѣ главныя выгоды: дешевѣйшій способъ къ устройству губернскихъ городовъ и къ производству разныхъ городскихъ работъ и отмѣна издержекъ на отправленіе арестантовъ въ Сибирь и продовольствіе ихъ въ пути" [2]).

Четвертымъ видомъ наказанія было *тюремное заключеніе*, извѣстное въ формѣ простого и „жестокаго" заключенія; впрочемъ, памятники не указываютъ на черты различія этихъ двухъ видовъ наказанія. Воинскому уставу извѣстенъ еще третій видъ, это, такъ называемый арестъ у профоса (палача). Наказъ является большимъ сторонникомъ тюремнаго заключенія, рекомендуя вѣчное заключеніе въ тюрьмѣ, какъ эквивалентъ смертной казни. Затѣмъ въ немъ высказывается мысль о необходимости гуманнаго отношенія къ подслѣдственнымъ арестантамъ и объ отдѣленіи ихъ отъ осужденныхъ. Въ 1787 г. императрица Екатерина II написала проектъ устава о тюрьмахъ, въ которомъ высказалась за учрежденіе разныхъ мѣстъ заключенія для различныхъ категорій заключенныхъ и за введеніе обязательныхъ работъ [3]). Однако, проектъ не былъ утвержденъ, и на практикѣ тюрьма XVIII столѣтія ничѣмъ не отличалась отъ тюрьмы XVII ст. „Тюрем-

---

поселеніе, оставя сіе для одних каторжныхъ" (Саломонъ, назв. соч., стр. 31).

[1]) Мнѣніе Сперанскаго, принятое Государственнымъ Совѣтомъ. Любопытно, что два министра, а именно: внутреннихъ дѣлъ (графъ Блудовъ) и юстиціи (Дашковъ) подали весьма обстоятельныя мнѣнія въ пользу упраздненія ссылки и замѣны ея другими наказаніями (Подробности см. у Саломона, назв. соч., стр. 34 и слѣд.).

[2]) Фойницкій, назв. соч., стр. 278 и слѣд.; Жижинъ, наз. ст. въ Журн. Мин. Юст. 1900 г., кн. 2; Саломонъ, назв. соч., стр. 31 и слѣд.

[3]) По проекту тюрьмы должны были быть трехъ категорій, а именно: уголовныя, гражданскія и пересыльныя, причемъ гражданскія состояли изъ трехъ отдѣленій: подстражнаго, приговорнаго и осужденнаго.

ныхъ сидѣльцевъ“ хотя и заставляли иногда работать, но это не велось систематически. Какъ и въ XVII ст., они нерѣдко дожны были содержать себя подаяніемъ, для чего ихъ водили по улицамъ партіями (указы 1736 и 1749 г.г.). Самыя тюрьмы содержались до невозможности плохо, какъ о томъ свидѣтельствуетъ отчетъ князя Вяземскаго отъ 1767 г., а также и извѣстное „доношеніе“ Вальтера Виннинга, представленное имъ Александру I въ 1818 г. [1]). Нѣкоторое улучшеніе въ области тюремнаго заключенія замѣчается въ началѣ XIX ст., главнымъ образомъ подъ вліяніемъ идей извѣстнаго филантропа Говарда. Такъ, въ 1819 г., по мысли братьевъ Виннингъ, послѣдователей Говарда, учреждается первое въ Россіи попечительное общество о тюрьмахъ, причемъ его обязанностью было надзирать за заключенными, размѣщать ихъ, смотря по роду преступленій, ими совершенныхъ, наставлять ихъ въ правилахъ религіи и нравственности и заботиться о доставленіи имъ работы. Такимъ образомъ общество получило участіе въ тюремномъ управленіи. При императорѣ Николаѣ I вводятся во многихъ мѣстахъ заключенія обязательныя работы съ цѣлью исправленія и т. п. [2]).

Пятымъ видомъ наказанія было *лишеніе чести и правъ*, выражавшееся въ формѣ особыхъ позорящихъ наказаній и въ формѣ шельмованія. Къ первымъ относились слѣдующія наказанія: изгнаніе со службы съ безчестіемъ, прибитіе имени къ висѣлицѣ, повѣшеніе за ноги послѣ смерти, публичное испрошеніе прощенія на колѣняхъ, полученіе пощечины со стороны профоса предъ ротою, раздѣваніе женщинъ до нага и т. п. Что касается до шельмованія, то это наказаніе впервые введено Петромъ I и довольно подробно опредѣляется въ Воинскомъ уставѣ. „Котораго имя къ висѣлицѣ прибито, или шпага его отъ палача переломлена“, гласитъ уставъ- „воромъ (шельмъ) объявленъ будетъ“. Какія были послѣдствія шельмованія, объ этомъ мы узнаемъ изъ приписки къ Воинскому артикулу, сдѣланной самимъ Петромъ. Подлинный текстъ этой приписки заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „изъясненіе о лишеніи чести надлежитъ знать всѣмъ, какъ съ тѣмъ поступать, кто чести лишенъ и шельмованъ, т. е.

---

[1]) „Доношеніе“ напечатано въ сочиненіи Никитина „Тюрьма и ссылка“ (стр. 11 и слѣд.) и очень любопытно въ бытовомъ отношеніи.

[2]) Никитинъ, Тюрьма и ссылка, стр. 1—28 и Фойницкій, назв. соч., стр. 317.

изъ числа добрыхъ людей честныхъ извергнуть: 1) ни въ какое дѣло, ниже свидѣтельство не принимать; 2) кто такого ограбитъ, побьетъ или ранитъ, или у него отыметъ, и у онаго челобитныя не принимать и суда ему не давать, развѣ до смерти кто его убьетъ, то, яко убійца, судится; 3) въ компанію не допускать, и единымъ словомъ таковой вѣчно лишенъ общества добрыхъ людей, а кто сіе преступитъ, самъ можетъ наказанъ быть“ [1]). Изъ этой приписки видно, что результатомъ шельмованія была постановка человѣка почти внѣ закона и внѣ общества. Его нельзя было только убить, но за то все остальное позволялось по отношенію къ нему, даже всякое общеніе съ нимъ трактовалось какъ преступленіе, подлежащее извѣстному наказанію. Шельмованіе не рѣдко влекло за собою еще другія наказанія, напримѣръ, смертную казнь, конфискацію имущества и т. п. Упомянутымъ наказаніемъ занимается и Генеральный регламентъ. Вотъ, что читаемъ въ немъ: „никакое воздаяніе такъ людей не приводитъ къ добру, какъ любленіе чести, равнымъ же образомъ никакая казнь такъ не страшитъ, какъ лишеніе оной (т. е. чести); того ради всякаго не точію шельмованнаго, но и того, кто въ публичномъ мѣстѣ наказанъ или обнаженъ былъ, отчуждаться и якобы мерзить имъ надлежитъ, а не точію къ дѣлу какому допускать, посѣщать или компанію съ нимъ имѣть подъ штрафомъ, дабы нарушеніе чести въ вящшую казнь людей имѣли и тѣмъ бы себя болѣе отъ худыхъ дѣлъ воздерживали, ибо, когда хотя-бъ что кому и учинено было, а увидитъ, что онъ съ своею братьею въ равенствѣ, то скоро забудетъ все, что ему учинено, и такое наказаніе не въ наказаніе будетъ“ [2]). Въ виду этого, Духовный регламентъ предисываетъ шельмованныхъ предавать анаѳемѣ, отлучать отъ церкви, не допускать къ таинствамъ причащенія и брака, а равно и къ присягѣ. Указомъ 1766 г. шельмованіе было преобразовано въ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, раздѣлившееся, со времени изданія Свода Законовъ, на лишеніе *всѣхъ и нѣкоторыхъ* правъ состоянія.

Уже при Петрѣ I шельмованіе иногда называлось *политическою смертью* („казнить смертью натуральною и политическою“, гласитъ указъ 5 Февраля 1724 г., „по важности

---

[1]) Розенгеймъ, Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи, стр. 127 и слѣд., Бобровскій, Военные законы Петра В. въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ, стр. 53.

[2]) Толкованіе къ главѣ LIII.

дѣла и всего имѣнія лишить"), однако, свою законодательную формулировку она получила только при Елизаветѣ Петровнѣ. Послѣдняя предписала Сенату представить ей докладъ, „за какія вины политическая смерть и какая именно по указамъ положена?" Исполняя повелѣніе государыни, Сенатъ въ 1753 г. постановилъ рѣшеніе, которымъ опредѣлилъ понятіе политической смерти. Подъ нею, гласило рѣшеніе, „должно именовать то, ежели кто положенъ будетъ на плаху, взведенъ на висѣлицу, а затѣмъ наказанъ будетъ кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей или хотя и безъ всякаго наказанія токмо вѣчной ссылкѣ" [1]). Послѣдствіемъ политической смерти являлось лишеніе всѣхъ правъ состоянія и конфискація имущества. „Женамъ" (мужей, подвергнутыхъ политической смерти), читаемъ въ указѣ 1724 г., „которыя похотятъ идти замужъ или постричься, или въ своихъ приданыхъ деревняхъ жить, и въ томъ дать имъ свободу, понеже мужья отлучены вѣчно, подобно якобы умре". Также и табель о рангахъ предписываетъ политически умершихъ „лишать отъ имѣвшаго титла и рангу, развѣ они отъ насъ за какія выслуги паки за собственною рукою и печатью въ совершенную ихъ честь возстановлены, и о томъ публично объявлено будетъ".

Послѣднимъ видомъ наказанія были *имущественныя наказанія*, дѣлившіяся на три категоріи, а именно: вычетъ изъ жалованья, штрафъ, шедшій въ казну и частнымъ лицамъ, и конфискація имущества. Послѣдняя касалась или всего, или только части имущества. О первомъ случаѣ указы говорятъ обыкновенно въ слѣдующихъ выраженіяхъ; „движимое и недвижимое ихъ имѣніе будетъ взято на государя", „деревни и животы у такихъ брать", или „дворы ихъ и пожитки, и заводы, какіе у нихъ есть", или „отобраніе всего, что имѣетъ, и лишеніе всего своего имѣнія". Во второмъ случаѣ упоминаются вотчины или помѣстья, а также „пожитки и прочее, что случится".

Наконецъ, кромѣ свѣтскихъ наказаній. было извѣстно еще и *церковное покаяніе*.

---

[1]) Съ опредѣленіемъ понятія политической смерти встрѣчаемся мы и въ проектѣ уголовнаго уложенія 1754 г. „Политическая смерть", читаемъ здѣсь, „состоитъ въ томъ, когда кто къ вѣчной на каторгу или въ отдаленныя мѣста съ наказаніемъ или безъ наказаніи на казенную работу и для содержанія въ вѣчномъ заключеніи, ссылкѣ съ лишеніемъ всѣхъ чиновъ и имѣнія приговоренъ или приговоромъ ошельмованъ, ибо всѣ оные люди отъ всякаго гражданскаго общества вовсе выключены, и для того въ разсужденіи прочихъ, въ гражданскомъ обществѣ состоящихъ, за мертвыхъ почитаются" (ст. 6 гл. XIII).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Гражданское право.

ГЛАВА I.

Право семейственное.

§ 1. Союзъ супружескій.

Первымъ условіемъ для вступленія въ бракъ считался опредѣленный *возрастъ*, который до 1830 г. былъ: для мужчинъ—15 лѣтъ, для женщинъ—13 лѣтъ; лицамъ же, не достигшимъ этого возраста, вступленіе въ бракъ было запрещено [1]). Съ указа 19 Іюля 1830 г. возрастъ видоизмѣняется, а именно вступать въ бракъ могли только лица, достигшія—мужчины 18 лѣтъ, а женщины 16 лѣтъ. „Желая предохранить вѣрноподданныхъ, гласитъ указъ, отъ тѣхъ, извѣстныхъ по опыту, вредныхъ послѣдствій, кои происходятъ отъ сочетанія браковъ между несовершеннолѣтними и потрясаютъ добрые нравы, признали мы за благо повелѣть, дабы воспрещено было священникамъ отнынѣ впредь вѣнчать браки, если женихъ и невѣста не достигли еще первый 18, а послѣдняя 16 лѣтъ“ [2]). Это правило вошло и въ Сводъ Законовъ.

Законодательство обратило вниманіе также на предѣльный старческій возрастъ, съ наступленіемъ котораго бракъ воспрещался. Такъ, Св. Синодъ указомъ 1744 г. призналъ такимъ возрастомъ 80 лѣтъ. „Бракъ отъ Бога установленъ, читаемъ въ указѣ Синода, для умноженія рода человѣческаго, чего отъ имѣющаго за 80 лѣтъ надѣяться весьма от-

---

[1]) Постановленія Эклоги (Кормчая книга, законы Леона и Константина, зач. 2, гл. 1), подтверждавшіяся неоднократно синодскими указами (напр., въ 1756, 1774, 1775, 1781 гг.). Впрочемъ, указъ о единонаслѣдіи опредѣлилъ брачный возрастъ для мужчинъ въ 20 лѣтъ, а для женщинъ въ 17 лѣтъ, но, какъ извѣстно, указъ былъ отмѣненъ въ 1731 г.

[2]) Впрочемъ, указъ 1830 г. сдѣлалъ исключеніе для природныхъ жителей Закавказскаго края, гдѣ постановленія Эклоги, на основаніи которыхъ бракъ разрѣшался мужчинамъ въ 15 лѣтъ, а женщинамъ въ 13 лѣтъ, не были отмѣнены.

чаянно, ибо, по словамъ псалмопѣвца, человѣкъ можетъ быть въ силахъ только до 80 лѣтъ, а множае трудъ и болѣзнь, которые трудъ и болѣзнь клонятъ къ смерти человѣка, а не къ умноженію рода человѣческаго“ [1]).

Синодъ обратилъ вниманіе также и на пропорціональность лѣтъ жениха и невѣсты, хотя и не постановилъ на этотъ счетъ никакихъ правилъ [2]). Указомъ 5 Августа 1775 г. онъ осудилъ только несоразмѣрность лѣтъ между брачущимися сторонами. „Вступаютъ въ бракъ, гласилъ указъ, въ лѣтахъ, между собою весьма несходственныхъ; женятъ же въ крестьянствѣ малолѣтнихъ ребятъ съ возрастными дѣвками, а сіи малолѣтнихъ ребятъ умерщвляютъ, за что нѣкоторыя по гражданскому суду и къ смертной казни были приговорены“. Однако, и позднѣйшему законодательству не разъ приходилось считаться съ обычаемъ вѣнчать малолѣтнихъ съ взрослыми дѣвицами, до совершеннолѣтія мужей своихъ, жившими обыкновенно съ ихъ отцами. Такъ, запрещаютъ подобный обычай указы 31-го Іюля 1779 г. и 10 Декабря 1781 г. О томъ же говоритъ и инструкція благочиннымъ 1806 г. „Наблюдать, читаемъ въ ней, чтобъ священники сумнительныхъ браковъ не вѣнчали; сумнительный же бракъ есть... если едино изъ нихъ лицо весьма младолѣтно, а другое престарѣло“.

Вторымъ условіемъ считалась *правильность сознанія*, при отсутствіи котораго бракъ возбранялся. Такъ, указъ 1722 г. воспретилъ вступать въ бракъ „дуракамъ“, т. е. слабоумнымъ. „Понеже, гласилъ указъ, какъ послѣ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей движимое и недвижимое имѣніе даютъ въ наслѣдіе дѣтямъ ихъ, таковымъ дуракамъ, что ни въ какую науку и службу не годятся, а другіе, не смотря на ихъ дурачество, но для богатства отдаютъ за оныхъ дочерей своихъ и свойственницъ замужъ, отъ которыхъ добраго наслѣдія въ государственной пользѣ надѣяться не можно; того ради повелѣваемъ какъ вышнихъ, такъ и нижнихъ чи-

---

[1]) Указъ состоялся по частному случаю, а именно, вслѣдствіе брака Григорія Ергольскаго, достигшаго 82 лѣтняго возраста, съ Парасковьею Девятовою, расторгнутаго Синодомъ. Впрочемъ, еще въ инструкціи патріарха Адріана поповскимъ старостамъ 1697 г. встрѣчается запрещеніе вѣнчать лицъ „престарѣлыхъ“ лѣтъ.

[2]) Впрочемъ, въ „пунктахъ“, данныхъ Синодомъ своему депутату въ Екатерининскую законодательную комиссію 1767 г., было возстановлено: „не вѣнчать бы великое неравенство въ лѣтахъ имѣющихъ, напр., жениха 17-ти или 18-ти-лѣтняго на 35 или 40-лѣтней или 50—55-ти-лѣтняго на 17-ти или 18-ти-лѣтней невѣстѣ“. Однако, эти „пункты“, вслѣдствіе неудачи комиссіи, не получили силы закона.

новъ людямъ, и ежели у кого въ фамиліи нынѣ есть или впредь будутъ таковые, которые ни въ науку, ни въ службу не годились и впредь не годятся, отнюдь жениться и замужъ идти не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать". Этотъ указъ неоднократно подтверждался и впослѣдствіи (указы 1762 и 1775 гг., законъ 1815 г.), причемъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 8 Іюня 1815 г. было разъяснено, что подъ „дураками" слѣдуетъ понимать лицъ, лишенныхъ здраваго разсудка съ самого рожденія.

Третьимъ условіемъ считалась *свободная воля* брачущихся. Петръ I энергически воспротивился тому порядку вешей, при которомъ родители и господа безконтрольно распоряжались своими дѣтьми и рабами, заключая ихъ браки. Вотъ, что писалъ онъ Сенату въ 1724 г.: „въ прошломъ 1722 г., въ бытность нашу въ Сенатѣ, вы (т. е. сенаторы) предлагали намъ пунктъ о принужденныхъ бракахъ, которые бываютъ въ дѣтяхъ за страхъ родителей, а въ рабахъ по принужденіи господъ ихъ, безъ произволенія сочетанныхъ, и требовали на оный рѣшенія; и по оному предложенію повелѣваемъ учинить во всемъ Россійскомъ государствѣ такое запрещеніе, дабы отнынѣ родители дѣтей и всякаго званія люди рабовъ своихъ и рабынь къ брачному сочетанію не принуждали и не брачили подъ опасеніемъ тяжкаго штрафованія". Согласно съ этимъ рѣшеніемъ, родители и господа обязывались предъ вѣнчаніемъ своихъ дѣтей и рабовъ приносить присягу, что они не принуждаютъ ихъ къ вступленію въ бракъ [1]). Но, съ другой стороны, согласіе родителей считалось необходимымъ условіемъ для вступленія въ бракъ дѣтей (революція Петра 12 Апр. 1722 г.). Свободной волѣ брачущихся Синодъ всегда придавалъ огромное значеніе. Такъ, въ трактатѣ о порядкѣ и условіяхъ брака, составленномъ отъ лица Синода архіепископомъ Кременицкимъ между 1765 и 1787 гг., бракъ, совершенный по принужденію, признавался „не имѣющимъ того,

---

[1]) По мнѣнію Неволина (Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ, ч. I, стр. 148), названная присяга была отмѣнена въ 1775 г., но, по справедливому замѣчанію проф. Павлова (50 глава Кормчей книги, стр. 87), указъ 1775 г. такъ глухо говоритъ о „прежнихъ присягахъ", что изъ его словъ трудно вывести какое либо заключеніе. Напротивъ, проф. Горчаковъ (О тайнѣ супружества, стр. 336) думаетъ, что петровскій законъ 1724 г. крайне рѣдко примѣнялся на практикѣ и въ 1765 г., съ упрощеніемъ порядка установленія брака, совершенно потерялъ свою силу.

въ чемъ состоитъ самое существо сего таинства“ [1]). Затѣмъ въ 1798 г. Синодъ снова высказалъ въ одномъ изъ своихъ опредѣленій, что отъ свободной воли брачущихся „всего болѣе зависитъ и таинство браковѣнчанія“ [2]). Точно также въ указѣ 9 Сент. 1796 г. было подтверждено, что „браковѣнчаніе имѣетъ свое основаніе во взаимномъ сочетавающихся согласіи“.

Четвертымъ условіемъ считалось *отсутствіе родства или свойства* между лицами, предполагающими вступить въ бракъ. Въ этомъ отношеніи въ XVIII ст. примѣнялись правила 50 главы Кормчей книги, настолько расширившія сравнительно съ прежнимъ временемъ объемъ почти каждаго вида родства и свойства, что многія изъ нихъ сдѣлались неудобопримѣнимыми къ русской жизни. Въ виду этого Синодъ оказался вынужденнымъ отступать на практикѣ отъ положеній Кормчей, но, вслѣдствіе отсутствія у него какихъ бы то ни было руководящихъ началъ въ этомъ отношеніи, дѣятельность его постоянно подвергалась колебаніямъ, и въ однихъ случаяхъ онъ допускалъ вступленіе въ бракъ въ такихъ степеняхъ родства и свойства, въ какихъ въ другихъ не разрѣшалъ [3]). Это колебаніе въ практикѣ Синода въ связи съ неопредѣленностью объема степеней родства и свойства, въ предѣлахъ которыхъ не должны были заключаться браки, побудило правительство указомъ 6 Іюня 1765 г. предписать Синоду „немедленно сочинить и издать въ народъ“ опредѣленіе, „въ какомъ родствѣ и свойствѣ бракосочетанію быть запрещается по правиламъ церковнымъ“. Синодъ составилъ обширный трактатъ о порядкѣ и условіяхъ заключенія брака (написанный, какъ уже было сказано, архіепископомъ Кременицкимъ), въ которомъ точно опредѣлилъ объемъ степеней родства и свойства и значительно сократилъ число препятствій къ браку, установленныхъ въ 50-й главѣ Кормчей. Однако, еще прежде, чѣмъ Синодъ окончилъ составленіе своего трактата, была созвана Екатериною II законодательная комиссія 1767 г., причемъ въ данномъ ей Наказѣ императрица опять указала на необходимость „сдѣлать единожды извѣстное и ясное положеніе, въ какой степени родства бракъ дозволенъ и въ какой запрещенъ“. Какъ извѣстно, въ комиссіи Синодъ былъ

---

[1]) Трактатъ напечатанъ у Павлова, назв. соч., стр. 344—369.
[2]) Горчаковъ, назв. соч., стр. 334.
[3]) Подробности см. въ названн. соч. проф. Горчакова и Павлова.

представленъ однимъ депутатомъ, котораго онъ снабдилъ особымъ наказомъ. Въ послѣднемъ, между прочимъ, былъ обстоятельно разработанъ вопросъ о „бракахъ, дозволенныхъ и запрещенныхъ по родству и свойству“ (гл. X) въ формѣ подробнаго проекта. Онъ былъ переданъ на разсмотрѣніе частной духовно-гражданской комиссіи при особомъ „наставленіи“ отъ дирекціонной коммиссіи, въ которомъ послѣдняя, высказываясь за необходимость изданія закона о бракахъ, запрещенныхъ по родству и свойству, мотивируетъ эту необходимость слѣдующимъ соображеніемъ (взятымъ, впрочемъ, изъ наказа Синода): „дабы не искать уже на то разногласныхъ правилъ въ такихъ книгахъ, которыя народу весьма неизвѣстны“. Однако, изъ трудовъ коммиссіи, какъ извѣстно, ничего не вышло, и въ 1777 г. императрица снова была вынуждена напомнить Синоду о нообходимости составить законъ о бракахъ, „Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, писала она синодальному члену, архіепископу Гавріилу (Петрову), мною предвидимо было, что потребны объяснительныя постановленія для брачныхъ обязательствъ, кои отъ меня Синоду приказано было сочинить, но и по сіе время осталось то безъ исполненія“ [1]. Однако, Екатеринѣ II не пришлось увидѣть окончанія составленія закона о бракахъ, и этимъ дѣломъ пришлось опять заняться въ царствованіе Александра I. Уже въ 1806 г. на необходимость изданія подобнаго закона обратилъ вниманіе Непремѣнный совѣтъ, указавшій по одному частному дѣлу, что онъ „считаетъ весьма нужнымъ, чтобы законы о бракахъ приведены были въ единообразіе, и чтобъ изъ многихъ частныхъ правилъ составлено было одно ясное положеніе, опредѣляющее со всею точностью какъ степени родства, въ коихъ браки должны быть воспрещаемы, такъ и случаи, въ коихъ они могутъ быть расторгаемы“. Мало того, Непремѣнный совѣтъ призналъ еще, что составленіемъ закона о бракахъ, „по важности и существенной связи его съ самыми первыми основаніями общественнаго порядка“, нужно заняться „предпочтительно предъ другими частями узаконеній“ [2]. И только 19 Янв. 1810 г. составленъ былъ Синодомъ извѣстный законъ о бракахъ въ кругу родства и свойства, объемъ которыхъ въ отношеніи брачущихся получилъ свое законодательное опредѣленіе.

---

1) Павловъ, назв. соч., стр. 151.

2) Архивъ Госуд. Сов., т. III, ч. 2, стр. 28 и слѣд. См. также Павлова, назв. соч., стр. 155.

Пятымъ условіемъ для вступленія въ бракъ нужно признать *знаніе* брачущимися основныхъ началъ вѣроученія (символъ вѣры, Отче нашъ и десять заповѣдей). Это условіе было введено въ наше право 50-ой главой Кормчей и подверждено инструкціей благочиннымъ 1806 г., запретившей вѣнчать лицъ, не знающихъ „закона Божія и нужныхъ членовъ вѣры, доколѣ не научатся“ [1].

Шестымъ условіемъ было *дозволеніе начальства* для служащихъ лицъ [2]) и дозволеніе воеводъ и губернаторовъ для неслужащихъ. Воеводы и губернаторы за каждый бракъ получали особую плату (древняя выводная куница), отмѣненную въ 1775 г. „Гдѣ въ которой области Имперіи нашей, читаемъ въ манифестѣ этого года, состоитъ запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія губернаторскаго и градоначальника, и за такое дозволеніе собирается сборъ или деньгами, или скотомъ, чрезъ сіе всемилостиво отрѣшаемъ таковое запрещеніе и сборъ и дозволяемъ всякому роду и поколѣнію людей вступать въ бракъ безъ подобнаго дозволенія и платежа“.

Послѣднимъ условіемъ, имѣвшимъ мѣсто при вступленіи въ бракъ дворянъ, считалось *образованіе*. Петръ I предписалъ указомъ 1714 г. вѣнчать только тѣхъ дворянъ, которые представятъ особое свидѣтельство отъ учителя, что знаютъ ариѳметику и геометрію [3]).

Что касается до самого *совершенія* брака, то оно подверглось нѣкоторой модификаціи, сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Такъ, при Петрѣ были уничтожены сговорныя записи, имѣвшія столь важное значеніе въ московскомъ періодѣ [4]). Затѣмъ обрученіе обязательно должно было совершаться за шесть недѣль до вѣнчанія, причемъ при из-

---

[1]) Горчаковъ, назв. соч.. стр. 335. Инструкція была издана въ 1775 московскимъ митрополитомъ Платономъ для своей епархіи, но въ 1806 г. принята Синодомъ для всѣхъ епархій (Павловъ, назв. соч., стр. 106).

[2]) Указы 1722, 1764. 1766, 1796 и 1808 г.г. Впрочемъ, всѣ эти указы говорятъ только о военнослужащихъ.

[3]) Инструкція благочиннымъ 1806 г. говоритъ еще объ одномъ условіи для вступленія въ бракъ, а именно объ отсутствіи изувѣченія и неспособности къ половому сожитію (см. Побѣдоносцева Курсъ гражданскаго права, ч. II (изд, 2-ое), стр. 37).

[4]) Сговорная запись, т. е. договоръ объ имуществѣ брачущихся, въ частности о приданомъ, писалась во время сговора и обезпечивалась неустойкой, называвшейся зарядомъ и платившейся стороною, отказавшейся отъ заключенія брака безъ основательной причины. Петръ I указомъ 3 Апр. 1702 г. предписалъ: „рядныя и сговорныя записи отставить и впредь ихъ не писать, а вмѣсто того приданому писать росписи за руками, а заряду никакого въ тѣхъ росписяхъ не писать“.

вѣстныхъ условіяхъ могло быть расторгнуто (чего не было въ московскомъ періодѣ). Вотъ, что читаемъ, напр., въ указѣ 1702 г.: „буде обручатся, а послѣ обрученія женихъ невѣсты взять не похочетъ или невѣста за жениха замужъ идти не похочетъ же, и въ томъ быть свободѣ по правильному св. отецъ разсужденію“ [1]). Что касается до поводовъ къ расторженію обрученія, то о нихъ указъ говоритъ слѣдующее: „обрученіе упразднятися можетъ винъ ради сицевыхъ: аще бы женихъ обручилъ себѣ невѣсту сущу неблагообразну или во удеси коемъ пагубну, повреждену, мнящи, яко красна есть и благообразна, нескорбна и здрава; по обрученіи же, аще бы увѣдалъ, яко есть безобразна, скорбна и нездрава, можетъ отъ нея быти свободенъ“. Однако, высочайшимъ повелѣніемъ 13 Дек. 1744 г. эта свобода, какъ несогласная съ церковными законами, была уничтожена, и лица, обрученныя между собою, лишились права самовольно оставлять другъ друга. При Екатеринѣ II (въ 1765 г.) вѣнечныя памяти, существовавшія еще въ до—петровской Россіи, были отмѣнены, и указомъ 5 Авг. 1775 г. обрученіе слито съ вѣнчаніемъ [2]). Какъ видно изъ практики XVIII ст., обѣщаніе вступить въ бракъ считалось имѣющимъ юридическое значеніе, т. е. связывало обѣщавшую сторону. Такъ, когда предъ бракомъ или при его совершеніи дѣлалось заявленіе, что женихъ обѣщалъ жениться на другой невѣстѣ, то епархіальная власть допрашивала жениха, производила дознаніе, разбирала доказательства и, въ случаѣ правильности заявленія, запрещала вѣнчаніе новаго брака, оповѣщая о томъ всѣ епархіи [3]). Обрядъ вѣнчанія обязательно долженъ былъ совершаться въ присутствіи брачущихся. Изъ этого правила было сдѣлано указомъ 1796 г. одно исключеніе только для особъ императорской фамиліи въ случаяхъ ихъ женитьбы на иностранныхъ принцессахъ. Особы императорской

---

[1]) Хотя въ указѣ говорится: „по правильному св. отецъ разсужденію“, но на самомъ дѣлѣ предписанія указа шли въ разрѣзъ съ церковными законами, признававшими обрученіе столь же нерасторжимымъ, какъ и самый бракъ (см. постановленіе 6-го вселенскаго собора, а также новеллы византійскихъ императоровъ Льва Философа и Алексѣя Комнена).

[2]) Вѣнечною памятью назывался актъ, выдававшійся епархіальнымъ архіереемъ желающему вступить въ бракъ и содержавшій въ себѣ предписаніе священнику совершить вѣнчаніе; съ выдачи вѣнечной памяти взимался особый сборъ. Въ изучаемое время вѣнчаніе обязательно должно было совершаться приходскимъ священникомъ жениха, что неоднократно предписывалось, начиная съ Петра I (см. Духовный регламентъ и указы 1731, 1765, 1775 гг. и др.).

[3]) Побѣдоносцевъ, назв. соч., ч. II, стр. 54.

фамиліи получили право довѣрять посторонним лицамъ присутствовать вмѣсто себя при обрядѣ вѣнчанія.

На основаніи указа 1769 г. было предписано совершать браки исключительно въ церкви, развѣ „оказалось бы въ томъ необходимая нужда по весьма дальнимъ разстояніямъ церквей“, когда, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, можно вѣнчаться и внѣ церкви. Въ 1775 г. было подтверждено правило о совершеніи браковъ только въ приходской церкви брачущихся.

Съ Петра I впервые появляются смѣшанные браки, немыслимые въ московскомъ періодѣ. Такъ, въ 1721 г. синодскимъ указомъ было дозволено шведамъ, жившимъ въ Сибири, вступать въ бракъ съ русскими, но при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) принятія русскаго подданства и 2) несовращенія женъ и дѣтей изъ православія. Это постановленіе было видоизмѣнено въ 1768 г. относительно западныхъ губерній, гдѣ, при заключеніи смѣшанныхъ браковъ, Екатерина II разрѣшила воспитывать сыновей въ отцовской, а дочерей въ материнской вѣрѣ.

Поводами *прекращенія* брака [1]) въ изучаемую эпоху были: во-первыхъ, политическая смерть и ссылка въ вѣчную каторжную работу; такъ, указомъ 16 Авг. 1720 г. женамъ такихъ сосланныхъ было предоставлено или постригаться въ монашество, или жить въ своихъ приданыхъ деревняхъ, въ виду того, что мужья ихъ разсматривались, какъ бы умершіе, а бракъ считался расторгнутымъ безъ всякаго ходатайства съ ихъ стороны. Напротивъ, въ 1753 г. состоялось высочайшее повелѣніе Синоду, по которому для расторженія брака лицъ, сосланныхъ на вѣчную каторгу, требовалась санкція Синода, разрѣшавшаго женамъ сосланныхъ выходить снова замужъ. Съ 1767 г. выдача подобнаго разрѣшенія стала функціей епархіальныхъ архіереевъ. Тѣ же правила примѣнялись и къ мужьямъ, если ихъ жены ссылались въ вѣчныя каторжныя работы. Такимъ образомъ съ середины XVIII ст. установилось правило, по которому ссылка на вѣчную каторгу сама по себѣ не расторгала брака, но являлась однимъ изъ поводовъ къ разводу.

Во-вторыхъ, поступленіе въ монашество, служившее поводомъ къ разводу, на основаніи Духовнаго регламента (прибавленіе къ нему о чинѣ монашескомъ), при наличности

---

[1]) Кромѣ назв. соч. Ниволина, см. Способина „О разводѣ въ Россіи“ и Загоровскаго „О разводѣ по русскому праву“.

слѣдующихъ условій: 1) при одновременности постриженія обоихъ супруговъ; 2) при достиженіи женою извѣстнаго возраста, а именно не менѣе 50 лѣтъ и 3) при отсутствіи малолѣтнихъ дѣтей (лица, не удовлетворяющія этимъ условіямъ, не могли поступать въ монашество).

Въ-третьихъ, безвѣстное отстутствіе одного изъ супруговъ, признанное за поводъ къ разводу резолюціей Петра I на докладныхъ пунктахъ Синода 12 Апрѣля 1722 г. и синодскимъ указомъ 1723 г., при условіи, что оно произошло не по винѣ оставшагося супруга. Въ 1810 г. Синодъ постановилъ, что прошенія о расторженіи брака по этому поводу могутъ подаваться не иначе, какъ по прошествіи пятилѣтняго срока со времени исчезновенія одного изъ супруговъ, причемъ самое расторженіе брака должно имѣть мѣсто послѣ удостовѣренія со стороны консисторіи въ дѣйствительномъ исчезновеніи лица. Къ безвѣстному же отсутствію можно причислить и невозвращеніе въ Россію въ теченіе года или двухъ лѣтъ военноплѣннаго (неправославнаго), женившагося на русской (указы 1721 и 1743 гг.),

Въ-четвертыхъ, неизлѣчимая болѣзнь, о чемъ говоритъ синодскій указъ 22 Марта 1723 г. Вотъ, что читаемъ въ немъ по этому поводу: „разлучающихся мужа и жену отъ брачнаго союза за болѣзнями отнюдь безъ синодальнаго разсужденія не разводить и не постригать; токмо изслѣдовать о томъ обстоятельно и опасно и, освидѣтельствовавъ болѣзни докторами, присылать доношенія съ письменнымъ свидѣтельствомъ въ Синодъ и ожидать синодской резолюціи“. Позднѣйшіе законодательные памятники о неизлѣчимой болѣзни, какъ о поводѣ къ разводу, ничего не говорятъ, хотя на практикѣ въ XVIII ст. допускались разводы при психической болѣзни одного изъ супруговъ [1]).

Въ—пятыхъ, прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ [2]) (резолюція Петра, на докладныхъ пунктахъ Синода 1722 г.) или развратная жизнь, по выраженію указа 1798 г. Съ изданіемъ указа 28 Іюня 1811 г. было запрещено расторгать браки, основываясь на простомъ признаніи одной изъ сторонъ, виновной въ прелюбодѣяніи. Признаніе должно было быть сдѣлано въ судѣ предъ судьею „произвольно,

---

1) Загоровскій, назв. соч., стр. 328.

2) Въ отличіе отъ московскаго времени прелюбодѣяніе мужа въ такой же степени признается поводомъ къ разводу, какъ и прелюбодѣяніе жены. Первый разъ мы встрѣчаемъ дѣло о такомъ разводѣ въ 1746 г. (Загоровскій, назв. соч., стр. 305).

истинно и съ обстоятельствами дѣла согласно". Виновной сторонѣ воспрещалось вступать въ новый бракъ (впрочемъ, въ XVIII ст. о воспрещеніи виновному мужу вступленія въ новый бракъ въ рѣшеніяхъ церковныхъ судовъ умалчивается), и она подвергалась духовнымъ и свѣтскимъ наказаніямъ. Такъ, виновныя жены карались семилѣтнею эпитиміею, иногда пожизненною ссылкою въ монастырь, наказаніемъ плетьми, отсылкою на прядильный дворъ, даже ссылкою въ Сибирь и т. д. Имущество женъ возвращалось имъ обратно, но только „для пропитанія на смерть", такъ какъ собственниками его признавались дѣти, происшедшія отъ расторгнутаго брака, почему на имущество налагалось запрещеніе въ написаніи купчихъ и закладныхъ (указъ Синода 22 Августа 1748 г.) [1].

Въ-шестыхъ, неспособность одного изъ супруговъ къ брачному сожитію (указы 1806 и 1824 г.г.), причемъ послѣдняя въ большинствѣ случаевъ констатировалась медицинскою экспертизою. Неспособность должна была быть добрачной. Впрочемъ, въ 1824 г. было постановлено, что жены самовольно оскопившихся имѣютъ право выходить замужъ за другихъ. Для наличности развода по разсматриваемому поводу требовалось существованіе неспособности въ теченіе извѣстнаго времени (не менѣе трехъ лѣтъ). Въ XVIII ст. не только неспособность мужа, но также и жены считалась поводомъ къ разводу, что, какъ извѣстно, въ московскую эпоху не существовало. Неспособный супругъ лишался права вступать въ новый бракъ.

Въ-седьмыхъ, покушеніе одного супруга на жизнь другого также играло роль повода къ разводу. Такъ, въ одной резолюціи Синода (22 Марта 1723 г.) было предписано: „а буде оставленнаго (супругомъ) лица явится вина, яко умышленіе на животъ... то таковаго разводить". Впрочемъ, въ позднѣйшее время этотъ поводъ къ разводу прекращаетъ свое существованіе, и супруговъ, ведущихъ несогласную жизнь, не разводятъ, но совѣтуютъ имъ жить въ мирѣ.

Наконецъ, въ-восьмыхъ, принятіе христіанства кѣмъ либо изъ супруговъ, при нежеланіи одною изъ сторонъ продолжать супружескую жизнь, также составляло поводъ къ разводу (указы 1739 г., 1771 г. и др.). Точно также, на

---

[1]) Загоровскій, назв. соч., стр. 306 и слѣд.

основанiи синодскаго указа 11 Мая 1722 г., въ случаѣ обращенія одного изъ супруговъ изъ раскола въ православіе и нежеланія другого послѣдовать этому примѣру, бракъ ихъ расторгался, и принявшій православіе получалъ право вступать въ новый бракъ.

Кромѣ развода, въ изучаемую эпоху становится извѣстнымъ и разлученіе супруговъ, назначавшееся церковнымъ судомъ вмѣсто развода. Въ большинствѣ случаевъ эта мѣра принималась при несогласной жизни супруговъ и при жестокомъ обращеніи мужа съ женою. Такъ, въ 1723 г. Синодъ по одному дѣлу опредѣлилъ: „дать временный разводъ, а не совершенный, т. е. быть имъ (супругамъ лишенными супружескаго сожитія, другимъ бракомъ отнюдь не сочетаваться и въ этомъ временномъ разводѣ пребывать дотолѣ, пока оба не смирятся и купно жить не восхотятъ“ [1]). Обыкновенно такому разлученію предшествовало принятіе мѣръ къ примиренію супруговъ путемъ увѣщанія со стороны духовныхъ отцовъ, консисторіи и даже епархіальнаго архіерея, причемъ супруговъ дурного поведенія епархіальное начальство иногда отсылало въ монастыри „для вразумленія къ согласной жизни“. Разлученіе супруговъ прекратило свое существованіе на основаніи высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 26 Мая 1819 г., что было подтверждено и Сводомъ Законовъ 1-го изданія (т. X, ст. 59 и 76).

Вопросъ о разводѣ былъ затронутъ Синодомъ въ своемъ наказѣ, поданномъ имъ въ 1767 г. въ Екатерининскую законодательную коммиссію. Въ немъ Синодъ высказался за признаніе слѣдующихъ поводовъ къ разводу: 1) прелюбодѣяніе, 2) бой и мученіе со стороны мужа, 3) умыселъ одного супруга на жизнь другого, 4) отнятіе имѣнія мужемъ у жены и 5) самовольные отлучка, побѣгъ и укрывательство со стороны жены. Дѣла о разводѣ должны были разсматриваться „въ свѣтскихъ командахъ“, т. е. въ свѣтскомъ судѣ, а затѣмъ препровождаться въ духовныя [2]). Однако, въ виду неудачи комиссіи, предположенія Синода не получили силы закона.

До 1805 г. дѣла о разводѣ входили въ составъ юрисдикціи епархіальныхъ архіереевъ [3]), рѣшавшихъ ихъ вполнѣ

---

[1]) Загоровскій, назв. соч., стр. 351.
[2]) Христіанское Чтеніе 1876 г., №№ 9 и 10.
[3]) Обыкновенно дѣло поступало въ духовную дикастерію или, какъ

самостоятельно, безъ санкціи со стороны Синода. Послѣдняя считалась необходимой только для нѣкоторыхъ дѣлъ, напр., въ случаѣ неизлѣчимой болѣзни, поступленія въ монашество и др. Но съ 1805 г. всѣ дѣла о разводѣ перешли въ непосредственное вѣдѣніе Синода.

Личныя отношенія супруговъ основывались на началѣ неравноправности, такъ какъ жена находилась въ подчиненномъ положеніи у мужа. „Мужъ, гласитъ уставъ благочинія, да прилѣпится къ своей женѣ въ согласіи и любви, уважая, защищая и извиняя ея недостатки, облегчая ея немощи, доставляя ей пропитаніе по состоянію и возможности хозяина"; „жена да пребываетъ въ любви, почтеніи и послушаніи къ своему мужу и да оказываетъ ему всякое угожденіе и привязанность, аки хозяйка". Вплоть до изданія Уложенія о наказаніяхъ 1845 г. мужъ пользовался правомъ наказывать свою жену. Объ этомъ правѣ говоритъ, напр., Воинскій уставъ (арт. 163). Если во время такого наказанія жена умирала, то мужъ, хотя и подвергался карѣ, но болѣе легкой, чѣмъ за обыкновенное убійство. Только съ изданіемъ Уложенія 1845 г. у мужей было отнято право наказанія женъ, такъ какъ состоялось запрещеніе бить и увѣчить послѣднихъ.

Что касается до видоизмѣненій въ правахъ состоянія, обусловливаемыхъ бракомъ, то здѣсь необходимо различать два случая: бракъ между свободными и бракъ между свободными и несвободными. Въ первомъ случаѣ состояніе жены опредѣлялось состояніемъ мужа. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе законодательные памятники разсматриваемаго времени. Такъ, уже Табель о рангахъ постановляетъ, что „замужнія жены поступаютъ въ рангахъ по чинамъ мужей ихъ" (п. 7). Затѣмъ манифестъ 1775 г. предписываетъ „женамъ всѣхъ классовъ пользоваться преимуществами мужей ихъ". Наконецъ, обѣ Жалованныя грамоты говорятъ о томъ же („дворянинъ, читаемъ въ дворянской грамотѣ, сообщаетъ дворянское достоинство женѣ своей", „мѣщанинъ, гласитъ Жалованная грамота городамъ, сообщаетъ мѣщанское состояніе женѣ своей, буде она породы равной или низшей"). Единственное исключеніе изъ этого правила было

она стала называться съ 1744 г., консисторію. Послѣдняя, разсмотрѣвъ дѣло, представляла мотивированное рѣшеніе его на усмотрѣніе архіерея, который или утверждалъ рѣшеніе консисторіи, или измѣнялъ его, или постановлялъ новое.

введено Жалованной грамотою дворянству, по которой дворянка никогда не лишалась дворянскаго достоинства, за кого бы она не вышла замужъ [1]). Во второмъ случаѣ до Екатерины II дѣйствовало прежнее правило, унаслѣдованное еще отъ московскаго времени: „по холопу раба, по рабѣ холопъ“ (указы 1741 и 1744 гг.), но съ Екатерины II въ этомъ отношеніи въ законодательство стали проникать новыя начала. Въ разсматриваемомъ вопросѣ нужно различать два случая: бракъ свободнаго съ несвободною и бракъ свободной съ несвободнымъ. Относительно перваго случая измѣненіе правила: „по рабѣ холопъ“ началось съ 1763 г. (если не считать указа 1742 г., пожаловавшаго обитателямъ Малороссіи особое преимущество: не быть укрѣпляемымъ по женамъ), когда было предписано освобождать отъ прикрѣпленія питомцевъ воспитательнаго дома въ случаѣ ихъ браковъ съ крѣпостными. Та же привиллегія была распространена въ 1764 г. на воспитанниковъ Академіи Художествъ, Затѣмъ законы, изданные при Екатеринѣ II и воспретившіе укрѣплять какими бы то ни было способами, свободныхъ людей, имѣли, по справедливому замѣчанію Неволина, своимъ послѣдствіемъ установленіе начала, что посредствомъ брака съ крѣпостною мужъ ея не только не дѣлается крѣпостнымъ, но и сообщаетъ ей самой права свободнаго состоянія (указы 1780, 1781 и 1783 гг.) [2]).

Относительно второго случая измѣненіе правила: „по холопу раба“ также началось съ указа 1763 г., освободившаго питомицъ воспитательнаго дома, въ случаѣ выхода ихъ за крѣпостныхъ, отъ прикрѣпленія. Та же привиллегія была распространена въ 1765 г. и на воспитанницъ мѣщанскаго училища при Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Указомъ 1808 г. эти привиллегіи были подтверждены, причемъ постановлено, что мужья воспитанницъ, въ случаѣ наличности разрѣшенія отъ помѣщиковъ на женитьбу, также получаютъ свободу. Въ 1815 г. состоялся, наконецъ, общій законъ, постановившій, что посредствомъ брака женщинамъ свободнаго состоянія крѣпостное состояніе не сообщается.

Имущественныя отношенія супруговъ основывались на

---

[1]) То же начало подтверждается и манифестомъ 10 Апрѣля 1832 г.. а именно: „сообщеніе почетнаго гражданства лицамъ женскаго пола утверждается на общемъ законѣ, по коему мужъ высшаго состоянія сообщаетъ оное женѣ, *а жена высшаго состоянія сама по замужеству его не теряетъ*“.

[2]) Назв. соч., ч. I, стр. 65.

принципѣ раздѣльности, причемъ жена пользовалась полною правоспособностью. „Жены недвижимое и движимое, читаемъ въ указѣ 1716 г., съ чѣмъ она шла замужъ или по родству ей данное, по свидѣтельству письменному, при ней да будетъ". „Собственнымъ женъ приданымъ имѣніямъ, читаемъ въ другомъ указѣ (1731 г.), и что онѣ, будучи замужемъ, куплею себѣ или послѣ родственниковъ по наслѣдству присовокупили, быть при нихъ, не зачитая того въ ту указную дачу, что надлежитъ дать имъ изъ мужня" (имѣнія, послѣ смерти мужа) [1]). Что касается до дѣеспособности жены, то она также ничѣмъ не была ограничена. Такъ, указъ 1715 г. предоставилъ женамъ право продавать и закладывать свои вотчины, не спрашивая при этомъ согласія своихъ мужей. Однако, на практикѣ не рѣдко, при совершеніи разныхъ крѣпостей женами, требовались особыя дозволительныя письма отъ мужей, въ силу чего Сенатъ въ 1753 г. предписалъ писать всякія крѣпости отъ имени женъ на ихъ имущество вполнѣ безпрепятственно, не оговаривая въ нихъ, что онѣ пишутся съ согласія мужей и по ихъ письмамъ. Подтверждая такимъ образомъ полную дѣеспособность женъ, Сенатъ ссылался на указъ 1715 г. Единственное исключеніе изъ названнаго правила было введено вексельнымъ уставомъ 1832 г., по которому жена, безъ согласія мужа, не могла выдавать векселей, но выдавала, такъ называемыя, заемныя письма.

§ 2. Союзъ родителей и дѣтей.

Этотъ союзъ устанавливался, какъ и прежде, рожденіемъ и усыновленіемъ. Что касается до незаконнорожденныхъ дѣтей, то законодательство, въ отличіе отъ до-петровскаго времени, начинаетъ интересоваться ихъ судьбой [2]). Такъ, Воинскій уставъ возложилъ на отца обязанность содержать незаконныхъ дѣтей вмѣстѣ съ матерью[3]). Вопросъ объ усынов-

[1]) Охраняя имущественные интересы жены отъ посягательства на нихъ со стороны мужа, Сенатъ въ 1763 г. запретилъ женамъ продавать свои имѣнія мужьямъ, потому что жена, какъ находящаяся подъ властію мужа, „въ дачѣ ему купчей противу его воли спорить не можетъ". Это постановленіе было отмѣнено въ 1825 г.

[2]) Вопросу о незаконнорожденныхъ посвящена статья проф. Загоровскаго „О незаконнорожденныхъ по русскому гражданскому праву" (Журн. Мин. Юстиціи 1898 г., кн. V).

[3]) Если отъ связи между холостымъ и незамужней родится ребенокъ, или даже женщина еще только забеременѣетъ, то отецъ обязуется „для содержанія матери и младенца по состоянію своему и платы нѣчто дать" (арт. 176).

леніи незаконнорожденныхъ былъ поднятъ при Александрѣ I (въ 1801 г.), причемъ Непремѣнный совѣтъ высказался за возможность подобнаго усыновленія при послѣдующемъ бракѣ родителей [1]), но только въ исключительныхъ случаяхъ, а именно въ видѣ награды за особенные заслуги и не иначе, какъ съ разрѣшенія государя. Однако, при Николаѣ I указомъ 23 Іюля 1829 г. подача всякихъ просьбъ объ усыновленіи была воспрещена.

Усыновленіе, какъ второй способъ установленія союза родителей и дѣтей, невозбранно разрѣшалось всѣмъ сословіямъ, кромѣ дворянъ. Послѣдніе же могли усыновлять только при наличности слѣдующихъ условій: 1) при отсутствіи нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ той же фамиліи, къ которой принадлежалъ усыновитель, 2) при усыновленіи родственниковъ, а не постороннихъ людей, и 3) не иначе какъ съ высочайшаго соизволенія. Правда, докладъ дворянской коммиссіи 1763 г. высказался за дарованіе права усыновленія или „адопціона" также и дворянамъ въ случаѣ пресѣченія ихъ „рода" („въ случаѣ неимѣнія того роду") или наличности „неспособныхъ" наслѣдниковъ, причемъ разрѣшилъ усыновлять постороннихъ, лишь бы они были дворянами и согласились присоединить къ своей фамиліи фамилію усыновителя, на что не требовалось высочайшаго соизволенія, но только „сообщеніе для извѣстія въ герольдію" (ст. 20 и 21), но, какъ извѣстно, докладъ не получилъ законодательной санкціи [2]).

Способами прекращенія союза родителей и дѣтей были: 1) политическая смерть и ссылка на вѣчную каторгу, согласно съ указомъ 1720 г., подтвержденнымъ въ 1753 г.; 2) поступленіе въ монашество и 3) замужество дочерей („одно лицо, читаемъ въ сенатскомъ рѣшеніи 1802 г., двумъ неограниченнымъ властямъ, каковы суть родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не въ состояніи, а

---

[1]) Съ точки зрѣнія Непремѣннаго совѣта подобная „мѣра не только справедлива, но и содержитъ въ себѣ сильнѣйшее побужденіе къ заключенію законныхъ супружествъ и къ прикрытію соблазна, происходящаго отъ сожитій, не утвержденныхъ бракомъ" (Неволинъ, назв. соч., ч. I, стр. 375).

[2]) Докладъ мотивировалъ необходимость дарованіи дворянамъ права усыновленія и при наличности наслѣдниковъ „неспособныхъ, неудачныхъ и наслѣдства недостойныхъ" тѣмъ, что „настоящіе во всякой фамиліи наслѣдники принуждены будутъ больше старанія прилагать своимъ поведеніемъ имѣнія не лишаться" (Матеріалы для исторіи русскаго дворянства, вып. II, стр. 69—70).

особливо, въ случаѣ могущей быть между изволеніями ихъ противоположности" [1]).

Въ *личномъ отношеніи* дѣти были вполнѣ подчинены родителямъ. Вотъ, что читаемъ по этому поводу въ уставѣ благочинія: „родители суть властелины надъ своими дѣтьми; природная любовь къ дѣтямъ предписываетъ имъ долгъ дать дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе, доброе и честное, по состоянію"; „дѣти долгъ имѣютъ оказывать родителямъ чистосердечное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь и служить имъ самымъ дѣломъ, словами же и рѣчьми отзываться объ нихъ съ величайшимъ почтеніемъ, сносить родительскія поправленія и увѣщанія терпѣливо, безъ ропота, и да продолжится почтеніе и по кончинѣ родителей". Въ качествѣ „властелиновъ надъ своими дѣтьми", родители пользовались правомъ наказанія по отношенію къ послѣднимъ. Объ этомъ говоритъ еще Воинскій уставъ, разрѣшая родителямъ употреблять „лозы" относительно непокорныхъ дѣтей (арт. 163). Затѣмъ Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. дозволило родителямъ заключать въ смирительные дома такихъ изъ своихъ дѣтей, „кои имъ непослушны или пребываютъ злаго житія, или ни къ чему доброму несклонны". Наконецъ, высочайше утвержденнымъ докладомъ Сената 1802 г. было постановлено, что оскорбленіе родителей замужними дочерьми должно входить въ составъ юрисдикціи совѣстнаго суда. Этотъ же послѣдній былъ признанъ съ 1826 г. единственнымъ судебнымъ мѣстомъ, долженствовавшимъ разбирать дѣла объ оскорбленіи родителей дѣтьми вообще, а не только однѣми замужними дочерьми. Самый фактъ оскорбленія родителей дѣтьми былъ признанъ еще манифестомъ о поединкахъ 1787 г. за тяжкую обиду, причемъ съ 1820 г. (указъ 29 Янв.) всякое слѣдствіе по такимъ дѣламъ считалось неумѣстнымъ, въ силу чего отъ дѣтей не принимались никакія оправданія [2]). Однако, въ

[1]) Впрочемъ, два послѣдніе повода не прекращали разсматриваемый союзъ, а только ограничивали родительскую власть.

[2]) Съ тѣмъ же принципомъ неограниченной родительской власти встрѣчаемся мы и въ проектѣ новаго Уложенія 1754—1766 гг. Вотъ, что гласитъ по этому поводу ст. 14 гл. IV проекта: „должно дѣтямъ родителей своихъ по закону Божію почитать и во всемъ имъ безъ всякаго прекословія послушнымъ быть, и при старости и въ случаѣ недостатка по возможности всѣмъ снабдевать, и до нужды не допускать. А которыя дѣти родителямъ своимъ ослушны будутъ и ихъ по должности своей почитать не будутъ, и такихъ наказывать по волѣ родителей безъ суда". Ст. 15 воспрещаетъ дѣтямъ бить челомъ на своихъ родителей, а ст. 16 дозволяетъ родителямъ „пристойнымъ образомъ" наказывать своихъ дѣ-

императорскомъ періодѣ встрѣчаются уже попытки ограничить родительскую власть, такъ: 1) родители могутъ отдавать въ наймы малолѣтнихъ дѣтей только на пять лѣтъ; 2) родители попрежнему могутъ отдавать дѣтей въ монастырь, но этотъ обычай осуждается законодательствомъ („сей обычай душепагубный есть, говоритъ прибавленіе къ Духовному регламенту 1722 г. и хотя чада воли родительской подлежатъ, но не какъ скоты безсловесные, въ томъ наипаче, что требуетъ самихъ ихъ разсужденія и воли, каково есть избраніе житія“); 3) умышленное убійство дѣтей карается, какъ всякое убійство и даже строже, и только неумышленное, во время наказанія, карается легче [1]), и 4) родителямъ, по законодательству Николая I, запрещается увѣчить и ранить дѣтей.

Въ *имущественномъ отношеніи* отдѣленныя дѣти были вполнѣ независимы отъ родителей, такъ какъ пользовались всѣми имущественными правами и распоряжались своею собственностью безъ согласія родителей. Напротивъ, неотдѣленныя дѣти, не имѣющія собственности, хотя и обладали полною правоспособностью, но въ отношеніи дѣеспособности были ограничены, не имѣя права вступать въ какія бы то ни было обязательства и выдавать крѣпости и векселя безъ согласія родителей (указъ 1761 г.) [2]).

§ 3. *Опека.*

Законодательство изучаемаго періода обратило вниманіе и на *опеку* [3]). Такъ, при Петрѣ Великомъ были изданы два законодательныхъ памятника, касающіеся послѣдней. Мы го-

тей (см. *мое* изданіе проекта, СПБ. 1893 г., стр. 25 и 26). Кромѣ того, въ проектѣ уголовнаго Уложенія, составленномъ той же комиссіей (въ 1754—1766 гг.), было предписано дѣтей, которыя „дерзнутъ родителей своихъ какими побоями бить, казнить смертію—отсѣчь голову“ (2 ст. гл. XXX), а тѣхъ изъ нихъ, „которыя дерзнутъ ихъ поносными и бранными словами ругать, ссылать: мужескій полъ въ каторжную работу, а женскій въ прядильный домъ“ (Востоковъ, Проекты уголовнаго Уложе- 1754—1766 гг., стр. 106).

[1]) Воинскій уставъ, арт. 163: „кто убьетъ дитя во младенчествѣ“ подвергается смертной казни чрезъ колесованіе, впрочемъ, „ежели сіе убійство учинится не нарочно или не въ намѣреніи кого умертвить, якобы кто похотѣлъ дитя наказать, и оное такъ жестоко побьетъ, что подлинно отъ того умретъ, то правда, что наказаніе легче бываетъ“.

[2]) Названный указъ былъ отмѣненъ въ 1824 г.

[3]) Вопросомъ объ опекѣ много занимается проектъ новаго Уложенія, составленный Елизаветинской законодательной комиссіей 1754—1766 гг., посвящая ему нѣсколько главъ (см. *мое* изданіе проекта, СПБ. 1893 г.).

воримъ объ указѣ о единонаслѣдіи 1714 г. и объ инструкціи городовымъ магистратамъ 1724 г. Опека назначалась надъ малолѣтними и продолжалась до времени ихъ совершеннолѣтія. Возрастъ послѣдняго былъ опредѣленъ въ указѣ 1714 г.: для наслѣдниковъ недвижимаго имущества — 20 лѣтъ, для наслѣдниковъ движимаго имущества мужескаго пола—18 лѣтъ и женскаго пола—17 лѣтъ. Наслѣдникъ недвижимаго имущества, согласно съ указомъ 1714 г., былъ опекуномъ ex officio своихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ и поэтому обязывался имѣть попеченіе о сохраненіи имущества послѣднихъ, а также объ ихъ прокормленіи и воспитаніи. Инструкціей городовымъ магистратамъ были созданы особыя учрежденія, на обязанности которыхъ лежала забота объ интересахъ опекаемыхъ. Такими учрежденіями были магистраты, назначавшіе опекуновъ, въ случаѣ неназначенія ихъ родителями, и надзиравшіе за ихъ дѣятельностью. Послѣдніе, по окончаніи опеки, обязывались представлять отчеты въ магистраты по управленію имуществомъ опекаемыхъ и по воспитанію послѣднихъ.

Екатерина II Учрежденіемъ о губерніяхъ установила дворянскую опеку при каждомъ уѣздномъ судѣ и городовой сиротскій судъ при каждомъ городовомъ магистратѣ. Первая вѣдала опеку надъ малолѣтними дворянами, послѣдній надъ городовыми обывателями. Учрежденіе же о губерніяхъ опредѣлило качества опекуновъ: послѣдними могли быть лица, „по своимъ добродѣтельнымъ качествамъ, честности и незазорному поведенію наиболѣе подающія надежды къ призрѣнію малолѣтняго въ здравіи, добромъ воспитаніи и пристойномъ содержаніи“ (ст. 215); въ виду этого, не могли быть опекунами: расточители, имѣющіе „явные или гласные пороки“, находящіеся подъ судомъ или суроваго нрава, а также враги родителей опекаемыхъ. Опекуны получали ежегодно, въ видѣ вознагражденія за твои труды 5% изъ дохода управляемаго ими имущества и обязывались ежегодно же представлять отчеты о своей дѣятельности, а по окончаніи опеки, общій отчетъ.

Съ 1785 г. были учреждены попечители, которые замѣняли опекуновъ, при достиженіи опекаемымъ 14 лѣтъ. Попечительство продолжалось до наступленія опекаемому 21 года. Находясь подъ наблюденіемъ попечителя, опекаемый пользовался правомъ распоряженія своимъ имуществомъ, но не иначе, какъ съ согласія попечителя. Указъ 1785 г. не-

однократно подтверждался и разъяснялся впослѣдствіи (напр., въ 1826, 1830, 1836 гг.).

Съ Петра I была учреждена опека надъ безумными и сумасшедшими; такъ, указъ 1722 г. предписалъ представлять въ Сенатъ для освидѣтельствованія, такъ называемыхъ, дураковъ и затѣмъ отдавать ихъ вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ на попеченіе ближайшимъ родственникамъ или свойственникамъ. Указъ запретилъ „дуракамъ“ вступать въ бракъ, такъ какъ отъ нихъ „добраго наслѣдія къ государственной пользѣ надѣяться не можно“, а также управлять своими имѣніями [1]). Въ 1762 г. было предписано учредить, такъ называемый, долгаузъ (домъ для сумасшедшихъ), куда и помѣщать безумныхъ, если родственники не пожелали бы держать ихъ у себя, имущество же ихъ передавать законнымъ наслѣдникамъ, впрочемъ, безъ права продажи и заклада съ ихъ стороны въ теченіе жизни безумнаго, причемъ опредѣленный доходъ съ имущества наслѣдники обязаны были употреблять на содержаніе больного. Въ 1815 г. Государственный Совѣтъ разъяснилъ, что въ Сенатѣ слѣдуетъ свидѣтельствовать не имѣющихъ здраваго разсудка съ самого рожденія, сошедшихъ же съ ума впослѣдствіи и въ особенности буйныхъ было предписано свидѣтельствовать въ губерніяхъ въ особомъ присутствіи изъ губернатора, вице-губернатора, губернскаго прокурора, предводителей дворянства: губернскаго и одного изъ уѣздныхъ, а если свидѣтельствуемый изъ городскихъ обывателей, то приглашать и городского голову вмѣстѣ съ однимъ изъ членовъ магистрата.

Съ Петра I же была учреждена и опека надъ жестокими помѣщиками.

---

[1]) Г. фонъ Бринкманъ совершенно невѣрно указываетъ на то, что указъ 1722 г. имѣетъ въ виду только „дураковъ мужского пола“ (см. его статью „Ограниченіе правоспособности по безумію и сумасшествію“, въ Журн. Мин. Юст. 1908 г., кн. 6). Во-первыхъ, указъ, говоря о „дуракахъ“, передъ этимъ словомъ ставитъ слово „дѣти“ („имѣвіе даютъ въ наслѣдіе дѣтямъ, таковымъ дуракамъ“), т. е. имѣетъ въ виду сумасшедшихъ *дѣтей*, могущихъ быть, какъ мужского, такъ и женскаго пола. Во-вторыхъ, предписывая дуракамъ запретъ вступать въ бракъ, указъ употребляетъ два выраженія: „жениться“ и „замужъ идти“. Послѣднее выраженіе ясно указываетъ на то, что Петръ имѣлъ въ виду не только сумасшедшихъ мужчинъ, но и женщинъ.

ГЛАВА II.

Право наслѣдственное.

§ 1. Наслѣдованіе по завѣщанію [1]).

Указъ о единонаслѣдіи 1714 г., обязательный для всѣхъ сословій, кромѣ крестьянъ [2]), значительно видоизмѣнилъ наслѣдственное право, чѣмъ и вызвалъ противъ себя сильную оппозицію со стороны общества. По указу отецъ, имѣющій нѣсколькихъ сыновей, обязывался назначить одного изъ нихъ (безразлично котораго) наслѣдникомъ всего своего недвижимаго имущества; остальнымъ же сыновьямъ, называемымъ „кадетами", онъ могъ оставить только движимое имущество, раздѣливъ его между ними, по своему усмотрѣнію [3]). При неимѣніи сыновей, отецъ долженъ былъ завѣщать имущество которой либо изъ своихъ дочерей. За отсутствіемъ же дѣтей, собственникъ обязывался передать имущество кому либо изъ своихъ родственниковъ, но непремѣнно той же фамиліи, къ которой принадлежалъ самъ. Этотъ пунктъ указа подвергался различнымъ толкованіямъ. Такъ, въ одномъ случаѣ Сенатъ (въ 1791 г.) призналъ, что въ означенномъ пунктѣ слово „фамилія" нужно понимать не въ значеніи семейства (прозвища), а вообще родства, почему предоставилъ бездѣтному собственнику неограниченную свободу въ назначеніи наслѣдниковъ изъ родственниковъ [4]). Наконецъ, за отсутствіемъ послѣднихъ, онъ могъ передать имущество

---

[1]) Кромѣ назв. соч. Неволина и Побѣдоносцева, см. Полежаева „О завѣщаніяхъ въ трехъ періодахъ" (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній 1859 г., кн. 1); Сахарова „О формѣ завѣщаній"; Руднева „О духовныхъ завѣщаніяхъ по русскому праву въ историческомъ развитіи"; Товстолѣса, Свобода завѣщательной воли по русскому праву въ различные періоды его развитія (Журн. Мин. Юст. 1902 г., № 8) и Бѣляева, Историческія основы и юридическая природа современнаго русскаго завѣщанія (Журн. Мин. Юст. 1903 г., №№ 5 и 6).

[2]) Въ этомъ, между прочимъ, заключалась одна изъ его отличительныхъ чертъ сравнительно съ западно-европейскимъ майоратомъ, обязательнымъ только для высшихъ сословій (см. *мои* Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, стр. 228).

[3]) „Кадеты" вообще были лишены права пріобрѣтать недвижимое имущество. Только поступившіе на службу и вошедшіе въ составъ купечества получали это право, но черезъ извѣстный промежутокъ времени, а именно: на военной службѣ—не ранѣе 7 лѣтъ службы, на гражданской—не ранѣе 10, а записавшіеся въ купечество—не ранѣе 15 лѣтъ.

[4]) Товсталѣсъ, назв. ст. (Журн. Мин. Юст. 1902 г., № 8).

которой либо изъ своихъ родственницъ (безразлично какой фамиліи съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы ея мужъ принялъ фамилію наслѣдодателя—тоже обязательство имѣло мѣсто и при наслѣдованіи дочери). Извѣстно, что указъ 1714 г. былъ отмѣненъ въ 1731 г.

Завѣщать свое имущество могли какъ мужчины, такъ и женщины, находившіеся въ здравомъ умѣ и твердой памяти [1]). Единственное ограниченіе въ отношеніи лицъ завѣщающихъ существовало касательно самоубійцъ. Такъ, по указу Сената 1766 г. была признана недѣйствительность завѣщаній самоубійцъ, въ виду преступнаго характера самоубійства („посему отъ таковыхъ никакой завѣтъ принятъ быть не долженъ“). Впрочемъ, если самоубійство совершено въ безуміи и въ безпамятствѣ, а завѣщаніе не написано въ такомъ состояніи, но въ здравомъ умѣ, то оно признается дѣйствительнымъ [2]).

Съ Екатерины II, раздѣлившей имущество на родовое и благопріобрѣтенное, завѣщать постороннимъ лицамъ можно было только послѣднее, такъ какъ первое обязательно переходило къ законнымъ наслѣдникамъ (Жалованныя грамоты дворянству, ст. 22 и городамъ, ст. 88). Но завѣщать родовое имущество въ пользу законныхъ наслѣдниковъ вполнѣ разрѣшалось [3]). При отсутствіи же таковыхъ было дозволено завѣщать постороннимъ лицамъ и родовое имущество (сенатское рѣшеніе 1791 г.) Впрочемъ, въ началѣ XIX ст. Сенатъ не всегда придерживался этого правила.

До 1823 г. духовныя завѣщанія совершались какъ въ устной, такъ и въ письменной формѣ [4]), но указомъ 1823 г. устная форма была уничтожена. Что касается до письменной формы, то съ 1701 г. (указъ 30 Янв.) завѣщанія обязательно должны были совершаться крѣпостнымъ порядкомъ. Такъ продолжалось до 1726 г., когда было разрѣшено писать завѣщанія домашнимъ порядкомъ. Для дѣйствительности духовной требовалась подпись завѣщателя и душеприказчиковъ; въ случаѣ же безграмотности перваго требова-

---

[1]) Предположеніе Неволина на основаніи анализа содержанія нѣсколькихъ указовъ (назв. соч., ч. III, стр. 304).

[2]) Собственно говоря, указъ Сената состоялся по частному дѣлу о духовномъ завѣщаніи кн. Шаховского), но послѣдующая практика возвела его въ общее правило.

[3]) Рудневъ, назв. соч., стр. 120,

[4]) Впрочемъ, еще указомъ 1704 г. были запрещены „изустныя памяти“, т. е. завѣщанія въ устной формѣ; однако, на практикѣ онѣ существовали вплоть до 1823 г.

лась также и подпись его духовнаго отца (указы 1726, 1766, 1786 гг. и др.). Составленное такимъ образомъ завѣщаніе обязательно являлось въ судебномъ мѣстѣ для засвидѣтельствованія со стороны послѣдняго. До Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. такимъ мѣстомъ считалась Юстицъ-коллегія, съ 1775 же года—палаты гражданскаго суда. При засвидѣтельствованіи завѣщаній взимались особыя пошлины, уничтоженныя манифестомъ 1775 года.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускались особые порядки составленія завѣщаній. Такъ, Морской уставъ 1720 г. установилъ такой порядокъ для моряковъ на кораблѣ (кн. III, гл. V); въ 1803 г. былъ установленъ особый сокращенный порядокъ для вдовъ, въ 1818 г. для выдерживающихъ карантинъ и т. д.

Въ XVIII ст. постепенно устанавливается положеніе, что завѣщатель имѣетъ право уничтожить свое завѣщаніе и составить новое. Но это положеніе не сразу получаетъ всеобщее признаніе, и мы встрѣчаемся съ фактами отказа со стороны судебныхъ учрежденій отмѣнить разъ составленныя завѣщанія. Не даромъ многіе завѣщатели, при составленіи завѣщаній, дѣлали оговорки, что, отказывая имущество, они оставляютъ за собою право измѣнить свои распоряженія. Даже въ XIX ст. (въ 1814 г.) по одному частному дѣлу (дѣло Ртищевой) потребовалось вмѣшательство Верховной власти, чтобъ установить господство принципа, что „духовная по самому существу своему не есть крѣпость или другой актъ, на обязательства установленный, но только одно объявленіе воли, долженствующей воспріять силу и дѣйствія не прежде, какъ послѣ смерти завѣщателя“ [1]).

§ 2. Наслѣдованіе по закону.

Законный порядокъ наслѣдованія, получившій свою законодательную санкцію въ Уложеніи 1649 г. и заключавшійся въ раздѣлѣ недвижимаго имущества между всѣми дѣтьми, былъ отмѣненъ указомъ о единонаслѣдіи 1714 г. и замѣненъ системою майората, при которой все имущество переходило къ одному сыну. Мы уже видѣли, какими мотивами руководствовался Петръ I, совершая подобную реформу.

---

[1]) Бѣляевъ, назв. ст. (Журн. Мин. Юст. 1903 г., №№ 5 и 6).

Согласно съ указомъ 1714 г., въ случаѣ отсутствія завѣщанія, наслѣдникомъ всего недвижимаго имущества родителей становился старшій сынъ, являвшійся, какъ уже было сказано, опекуномъ ex officio своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. Послѣдніе получали движимое имущество, дѣлившееся между ними поровну, причемъ сестры наслѣдовали только при отсутствіи братьевъ. За неимѣніемъ сыновей, имущество переходило къ старшей дочери, мужъ которой (если она была замужемъ) принималъ фамилію тестя. Наконецъ, въ случаѣ смерти бездѣтнаго лица, недвижимое имущество его переходило къ одному изъ близкихъ родственниковъ, а движимое дѣлилось между остальными (также близкими). Указъ 1714 г. былъ подтвержденъ и дополненъ въ 1725 г.

Съ отмѣною указа о единонаслѣдіи въ 1731 г., былъ возстановленъ порядокъ наслѣдованія по Уложенію, видоизмѣненный въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ позднѣйшими узаконеніями. Согласно законодательству разсматриваемаго періода, ближайшее право наслѣдованія принадлежало нисходящимъ, т. е. дѣтямъ и внукамъ, причемъ дочери получали изъ недвижимаго имущества $^1/_{14}$ часть, а изъ движимаго—$^1/_8$ (указъ 17 Марта 1731 г.). Въ 1815 г. Государственный Совѣтъ разъяснилъ, что, въ случаѣ наличности большаго числа дочерей, чѣмъ сыновей, движимое имущество должно было дѣлиться слѣдующимъ образомъ: по выдѣленіи изъ него четвертой части, приходящейся на долю жены, остальныя три части дѣлились поровну между братьями и сестрами. То же правило было въ 1824 г. распространено и на тотъ случай, когда, за выдѣломъ каждой дочери ея части, прочія, оставшіяся на долю сыновей, оказались бы менѣе дочернихъ. При отсутствіи сыновей, все имущество переходило къ дочерямъ (указъ 1763 г.).

За отсутствіемъ нисходящихъ, къ наслѣдованію призывались боковые родственники, причемъ братья исключали сестеръ; послѣднія наслѣдовали при неимѣніи братьевъ (указы 1770, 1805, 1815 гг. и др.).

Въ изучаемую эпоху было также урегулировано наслѣдованіе восходящихъ, а именно Государственный Совѣтъ въ 1823 г. постановилъ, что послѣ смерти бездѣтныхъ (слѣдовательно, при отсутствіи нисходящихъ) къ наслѣдованію въ недвижимомъ имуществѣ (родовомъ) призываются отецъ и

мать, получающіе обратно все, ими подаренное дѣтямъ [1]. Что касается до благопріобрѣтеннаго имущества послѣднихъ, то родители пользуются правомъ пожизненно имъ владѣть, но лишаются права продажи, заклада и вообще отчужденія. Въ 1827 г. дѣйствіе этого закона было распространено и на движимое имущество, а именно на денежные капиталы дѣтей, внесенные въ кредитныя установленія. Эти капиталы возвращаются родителямъ, если дѣти получили ихъ отъ нихъ и если это удостовѣрено судомъ. За отсутствіемъ же подобнаго удостовѣренія, родители получаютъ право только пожизненно пользоваться процентами съ капиталовъ [2]).

Наконецъ, законодательство обратило вниманіе и на наслѣдованіе супруговъ, такъ, указомъ 1731 г. женѣ было предоставлено право наслѣдовать въ недвижимомъ имуществѣ мужа часть, равную пятнадцати четвертей со ста. Впослѣдствіи (указъ 1763 г.) разъяснено это постановленіе въ томъ смыслѣ, что жена должна получать одну седьмую часть въ недвижимомъ имуществѣ мужа. Что касается до наслѣдованія ея въ движимомъ имуществѣ, то въ этомъ случаѣ продолжали дѣйствовать постановленія Уложенія 1649 г., согласно съ которыми жена получала четвертую часть. Кромѣ того, жена и послѣ смерти мужа продолжала владѣть приданымъ и вообще своимъ имуществомъ (указъ 1731 г.). Право наслѣдованія мужа въ имуществѣ жены опредѣлялось тѣми же узаконеніями.

Право на открывшееся наслѣдство принадлежитъ наслѣдникамъ съ самой кончины наслѣдодателя. „Наслѣдство, гласитъ указъ 17 Марта 1770 г., утверждается не по челобитіямъ или полученіемъ дачъ наслѣдниками, но причиною смерти". Тоже начало проводитъ и проектъ гражданскаго уложенія 1814 г., говоря, что право владѣнія на открывшееся наслѣдство „начинается съ самого открытія наслѣдства". Наслѣдникъ, принимая наслѣдство, обязывается уплатить долги, лежащіе на послѣднемъ, причемъ принятіе этого обязательства превращаетъ долги наслѣдства въ личные долги наслѣдника („наслѣдники, гласитъ Банкротскій уставъ 1800 г., обязаны наслѣдственнымъ и всѣмъ

---

[1]) Впрочемъ, по словамъ закона 14 Іюня 1823 г., имущество дѣтей возвращается родителямъ *не въ видѣ наслѣдства*, но „яко даръ", полученный отъ нихъ.

[2]) См. Побѣдоносцева, назв. соч., ч. II, стр. 309.

собственнымъ своимъ имѣніемъ и лицомъ отвѣтствовать, какъ самъ должникъ“).

Въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ или неявки ихъ въ установленный срокъ, для доказательства своихъ правъ на наслѣдство, послѣднее признавалось выморочнымъ и поступало въ казну (инструкція канцеляріи конфискаціи 7 Авг. 1730 г., неоднакратно подтвержденная впослѣдствіи) [1]. Впрочемъ, изъ этого правила существовало нѣсколько исключеній. Такъ, уже по Морскому уставу 1720 г. было признано, что имущество офицера или матроса, умершаго въ компаніи и не оставившаго наслѣдниковъ, поступаетъ не въ казну, а въ госпиталь. Затѣмъ, по указу 1766 г., выморочное имущество монашествующихъ поступало въ коллегію экономіи, т. е. на нужды церкви. Наконецъ, Жалованная грамота городамъ постановила, что выморочное имущество городскихъ обывателей поступаетъ на нужды города. Были еще и другія исключенія.

Въ заключеніе необходимо сказать, что съ 1700 г. для московской епархіи, а съ 1722 г. для всей Россіи дѣла по наслѣдствамъ были изъяты изъ состава юрисдикціи церковнаго суда, вѣдавшаго ихъ со времени принятія христіанства, и стали подсудны исключительно свѣтскому суду,

ГЛАВА III.

Право вещное.

§ 1. *Общее ученіе.*

Указомъ 1714 г. о единонаслѣдіи помѣстья были окончательно слиты съ вотчинами и названы недвижимостью („всѣ недвижимыя вещи, т. е. родовыя, выслуженныя и купленныя вотчины и помѣстья, также дворы и лавки“) [2]. Анна Ива-

---

[1]) Инструкція канцеляріи конфискаціи не устанавливаетъ никакого срока для явки наслѣдниковъ, и онъ впервые вводится сенатскимъ указомъ 1767 г., предписывающимъ вызывать наслѣдниковъ въ теченіе полугода. Въ 1787 г. этотъ срокъ былъ увеличенъ до 10 лѣтъ. Впрочемъ, на практикѣ долго еще придерживались указа 1767 г., почему въ 1827 г. Сенатъ вынужденъ былъ подтвердить губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ въ отношеніи срока слѣдовать началамъ манифеста 1787 г. (см. Курдиновскаго, Выморочныя имущества въ Журн. Мин. Юст. 1902 г., кн. 5).

[2]) Впрочемъ, терминъ „недвижимое имущество“ впервые встрѣчается въ указѣ 1712 г. „Когда родъ чей вымретъ, читаемъ здѣсь, то послѣдній въ роду не имѣетъ никому никакимъ образомъ своихъ *добръ недвижимыхъ* продать или отдать“.

новна, отмѣнивъ въ 1731 г. указъ 1714 г., не только не измѣнила этого его постановленія, но, напротивъ, „повелѣла впредь съ сего нашего указа (1731 г.) какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать равно одно—недвижимое имѣніе". Однако, въ виду того, что указъ 1731 г. умолчалъ о дворахъ и лавкахъ, о чемъ говорилось въ указѣ 1714 г., то Сенатъ нашелъ нужнымъ въ 1740 г. по одному частному дѣлу постановить: „дворовъ другимъ званіемъ, кромѣ того, что недвижимое имѣніе, именовать уже не должно". Затѣмъ указомъ Петра III 1762 г. (20 Апр.) было предписано считать недвижимымъ имуществомъ, кромѣ дворовъ, также заводы и фабрики. Этотъ указъ въ томъ же году былъ подтвержденъ Екатериною II, причемъ, при перечисленіи недвижимаго имущества, императрица упомянула и о лавкахъ.

Что касается до движимаго имущества, то Тестаментомъ Екатерины I 1727 г. за таковое были признаны: деньги, драгоцѣнные камни, серебро, уборы и экипажи. Указъ 1761 г. къ категоріи движимаго имущества отнесъ еще заводскіе матеріалы и инструменты. Наконецъ, указъ 1761 г.—минералы (руда) и металлы, лошадей, скотъ, хлѣбъ (сжатый и молоченый), всякіе инструменты, матеріалы, припасы и вообще всякія вещи, могущія быть объектомъ движенія [1]).

При Екатеринѣ II, путемъ изданія Жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ 1785 г., имущество окончательно раздѣлилось на родовое и благопріобрѣтенное. Вотъ, что гласитъ по этому поводу ст. 22 дворянской грамоты: „благородному свободная власть и воля оставляется, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить или завѣщать, или въ приданое или на прожитокъ отдать, или передать, или продать, кому заблагоразсудить; наслѣдственнымъ же имѣніемъ да не распоряжаетъ, инако, какъ законами предписано". Почти то же самое говорится и въ Жалованной грамотѣ городамъ. Такимъ образомъ въ отношеніи благопріобрѣтеннаго имущества была допущена полная, ничѣмъ не ограниченная свобода распоряженія. Напротивъ, родовое имущество подлежало только тѣмъ сдѣлкамъ, какія „предписаны законами". Это мѣсто

[1]) Движимыя имущества дѣлились на тлѣнныя и нетлѣнныя. Къ первымъ относились: платье, мѣха, съѣстные припасы и вообще такія вещи, которыя „отъ долговременнаго лежанія погибнуть и утратиться могутъ" (Инструкція городовымъ магистратамъ 1724 г. и указы 1748 и 1807 гг.); остальныя вещи, напр., деньги, драгоцѣнные камни, золото, серебро, посуда, галантерейныя вещи и т. п. считались нетлѣнными.

грамоты очень темно, такъ какъ, за отмѣною указа о единонаслѣдіи, такихъ законовъ не существовало, въ силу чего позднѣйшему законодательству (напр., мнѣніе Госуд. Совѣта 1823 г.) пришлось разъяснять, что ст. 22 грамоты имѣетъ въ виду воспрещеніе распоряжаться родовымъ имуществомъ помимо ближайщихъ наслѣдниковъ [1]).

Движимое имущество, хотя бы и наслѣдственное, всегда признавалось за благопріобрѣтенное [2]). Напротивъ, наслѣдственное недвижимое имущество всегда считалось родовымъ; къ родовому же имуществу причислялись (до 1805 г.) и пожалованныя имѣнія. Такъ продолжалось до указа 22 Февр. 1805 года, когда было предписано подобныя имѣнія признавать за благопріобрѣтенное имущество („считать пожалованныя мнѣнія въ равномъ достоинствѣ съ благопріобрѣтенными“).

§ 2. Владѣніе.

Праву на вещь, иначе называемому правомъ собственности, какъ отношенію юридическому, противополагается и въ историческомъ развитіи предшествуетъ владѣніе, какъ отношеніе фактическое [3]). Владѣніе, какъ фактическое господство лица надъ вещью, само собою разумѣется, извѣстно законодательству изучаемаго періода, и оно защищаетъ его судомъ противъ всякаго самоуправства и насилія (указы 1720, 1748, 1782 гг. и др.). Мало того, законодательство запрещаетъ даже собственнику самовластно отбирать у владѣльца имущество, предоставляя ему право обращаться къ содѣйствію только суда (указы 7 и 28 Іюня 1731 г. и 24 Янв. 1752 г.). Точно также каждый владѣлецъ пользовался правомъ защищать свое имущество силою противъ всѣхъ, покушающихся посягнуть на его интересы (Воинскій уставъ, арт. 185). Наконецъ, со второй половины XVIII ст. выясняется различіе въ охранѣ собственности и владѣнія, въ силу чего производство дѣлъ о завладѣніи обособляется отъ производства дѣлъ о собственности. Впервые съ этимъ обособленіемъ мы встрѣчаемся въ Учрежденіи о губерніяхъ

---

[1]) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 1823 г. состоялось по частному дѣлу (нѣкоего Вердеревскаго). Подробности см. у Побѣдоносцева, назв. соч., ч. I (изд. 3-е), стр. 75.

[2]) Неволинъ, назв. соч., ч. II, стр. 28.

[3]) Неволинъ, назв. соч., ч. II, стр. 107.

1775 г., по которому возстановленіе нарушеннаго владѣнія стало функціей административныхъ властей: городничихъ въ городѣ и исправниковъ въ уѣздѣ, возстановленіе же права собственности стало функціей исключительно суда (ст. 243 и 266). Постановленія Учрежденія о губерніяхъ были подтверждены указомъ 1809 г. (первоначально изданнымъ для западныхъ губерній, но съ 1823 г. распространеннымъ на всю Россію). Вотъ, что читаемъ въ этомъ указѣ: „по силѣ законовъ предоставлено всякому на волю за насильное завладѣніе имѣніемъ и грабежъ отъискивать удовлетворенія не однимъ токмо судомъ гражданскимъ, но и слѣдственнымъ. И потому, когда дойдетъ до *полиціи* просьба о таковомъ поступкѣ, то оная немедленно приступаетъ на мѣстѣ къ изслѣдованію и открытію истины, *не требуя и не входя въ разборъ представляемыхъ сторонами письменныхъ документовъ, принадлежащихъ единственно разбору суда* по законамъ, приводитъ только въ ясность, въ чьемъ владѣніи было имѣніе тогда, когда наономъ учинено насиліе, и, по изслѣдованіи, возвращаетъ тотчасъ оное тому, у кого что отнято или заграблено; *принадлежность же имѣнія, на коемъ насиліе или грабежъ учиненъ, по письменнымъ документамъ относится къ формальному судопроизводству гражданскаго суда*". Указъ 1809 г. по примѣру Литовскаго статута, назначилъ 6-ти недѣльный срокъ, въ теченіе котораго можно было подавать жалобы полиціи о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Въ 1824 г. Государственный Совѣтъ увеличилъ этотъ срокъ до 10-ти недѣль.

§ 3. Право собственности [1].

Въ XVIII ст. появляется прилагательное, отъ котораго происходитъ слово: собственность. „Тѣмъ, читаемъ, напр., въ указѣ 1732 г., которые что въ церковь отдадутъ, своимъ почитать уже не должно, но церковное есть и единой церкви надлежитъ, а не до *собственной* кому духовному или свѣтскому" и т. д. „Которыя дѣти мужеска и женска полу, гласитъ указъ 1761 г., *собственно* своего ничего не имѣя" и т. д. Впервые терминъ собственность начинаетъ употреб-

---

[1] Кромѣ назв. соч. Неволина, см. Курдиновскаго, Къ ученію о легальныхъ ограниченіяхъ права собственности на недвижимость въ Россіи; Энгельмана, О пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву и Полежаева, О правѣ собственности по русскимъ законамъ (Журн. Мин. Юст. 1861 г., кн. 3).

ляться при Екатеринѣ II. Такъ, въ Наказѣ генералъ-прокурору 1767 г. читаемъ: „разсужденіе о взаимности всѣхъ гражданъ между собою составляетъ право гражданское, которое сохраняетъ и въ безопасность приводитъ *собственность* всякаго гражданина“ (ст. 10). Точно также Жалованная грамота городамъ постановляетъ: „въ городѣ живущимъ сохраняется *собственность* и владѣніе“.

Съ другой стороны, въ императорскомъ періодѣ появляются такія ограниченія права собственности, какія совершенно не были извѣстны въ московскомъ періодѣ. Онѣ касаются какъ права распоряженія, такъ и права пользованія. Къ первой категоріи относится запрещеніе по указу 23 Янв. 1712 г. послѣднему въ родѣ распоряжаться своимъ родовымъ имуществомъ. „Когда родъ чей вымретъ, гласитъ указъ, то послѣдній въ роду не имѣетъ никому никакимъ образомъ своихъ добръ недвижимыхъ продать или отдать ни при себѣ, ни по себѣ“. Это постановленіе продержалось въ нашемъ правѣ до 26-го Ноября 1801 г., когда было разрѣшено „послѣднему въ родѣ продавать и закладывать родовое имѣніе наравнѣ съ прочими владѣльцами, имѣющими по себѣ наслѣдниковъ“. Къ этой же категоріи относится и запрещеніе, по указу 1714 г., всякаго вида отчужденій недвижимаго имущества, за исключеніемъ продажи, и то „по особенной нуждѣ“ [1]. Въ связи съ этимъ находилось расширеніе права выкупа, выразившееся въ томъ, что, во-первыхъ, имъ можно было пользоваться по отношенію ко всякому имуществу и, во-вторыхъ, дѣти могли выкупать въ продолженіи 40 лѣтъ. Но, какъ извѣстно, указъ о единонаслѣдіи былъ отмѣненъ въ 1731 г. А съ изданіемъ Жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ было разрѣшено каждому собственнику распоряжаться своимъ имуществомъ безъ всякихъ ограниченій. Впрочемъ, Сенатъ въ 1786 г., ссылаясь на указъ 1714 г., призналъ мѣну сдѣлкою запрещенною, что просуществовало до 1788 г., когда тотъ же Сенатъ высказалъ иной взглядъ на мѣну [2].

Ко второй категоріи относились: 1) права государства на нѣдра земли [3] („намъ однимъ, яко монарху, гласила

---

[1]) Мало того, чтобы затруднить подобную продажу, было предписано взимать съ цѣны продаваемаго имущества пошлины въ размѣрѣ гривны съ рубля.

[2]) См. ниже (гл. IV, § 3).

[3]) Кромѣ назв. соч. Неволина и Курдиновскаго, см. Удинцева, Посессіонное право, а также его статью „Право на залегающія въ нѣдрахъ

Бергъ-Привилегія 1719 г., принадлежатъ рудокопные заводы“; впрочемъ, государь „милостиво соизволяетъ употребленіе ихъ всѣмъ и каждому“), въ силу чего добыча металловъ и минераловъ на земляхъ частныхъ собственниковъ составляло привилегію казны. Логическимъ слѣдствіемъ сказаннаго было дозволеніе каждому отыскивать руду и строить заводы на чужой землѣ безъ разрѣшенія собственника послѣдней, получавшаго только опредѣленный доходъ съ завода [1]). Это ограниченіе было уничтожено Екатериной II въ 1782 г., признавшей „право собственности не только на поверхности земли, каждому изъ нихъ (собственниковъ) принадлежащей, но и въ нѣдрахъ той земли, и въ водахъ, ему принадлежащихъ, на всѣ сокровенные минералы и произрастанія и на всѣ изъ того дѣлаемые металлы“ [2]); 2) право государства на произрастанія земли, т. е. на лѣса, въ силу чего при Петрѣ I [3]) нѣкоторые виды деревьевъ были объявлены заповѣдными, т. е. принадлежащими казнѣ, причемъ рубка ихъ была запрещена подъ страхомъ штрафа (кленъ, ильмъ, лиственница, вязъ и сосна) и даже смертной казни (рубка дуба) [4]). Названное право также было уничтожено въ 1782 г., что подтвердила и Жалованная грамота дворянству („подтверждается благороднымъ право собственности въ лѣсахъ, растущихъ въ ихъ дачахъ, и свободнаго ихъ употребленія“) [5]); 3) права угодій (съ 1704 г.), въ силу которыхъ, нѣкоторыя

ископаемыя“ въ „Журн. Юрид. Общ.“ 1897 г., кн. IV и Штофъ, Сравн. очеркъ горнаго законодательства въ Россіи и Западной Европѣ.

[1]) Названный доходъ равнялся 1/32 изъ прибыли отъ каждой руды или минерала. Кромѣ того, собственники земель пользовались преимущественнымъ правомъ на устройство заводовъ. Бергъ-регламентомъ 1739 г. доходъ собственника былъ опредѣленъ въ размѣрѣ двухъ % съ каждаго выработаннаго металла и минерала, безъ всякаго соотношенія съ прибылью заводчика.

[2]) Этотъ указъ былъ подтвержденъ дворянскою грамотою 1785 г. (ст. 33), что явилось отвѣтомъ со стороны императрицы на просьбу нѣкоторыхъ дворянскихъ наказовъ 1767 г. (напр., наказы: устюженскій, мещовскій и др.).

[3]) Отдѣльные указы, изданные по этому поводу, начиная съ 1703 г., были соединены въ двухъ инструкціяхъ: вальдмейстерамъ 1722 г. и оберъ-вальдмейстеру 1723 г.

[4]) Рубка дуба была запрещена повсюду, рубка же остальныхъ деревьевъ, признанныхъ заповѣдными, считалась недозволенною только на разстояніи въ сторону: отъ большихъ рѣкъ на 50 верстъ, отъ небольшихъ на 20 верстъ. Впрочемъ, въ 1705 г. было разрѣшено рубить заповѣдныя деревья, но только для производства саней, телѣгъ, осей и полозьевъ.

[5]) Аналогичное постановленіе мы встрѣчаемъ уже въ проектѣ новаго Уложенія 1754—1766 гг., разрѣшившемъ помѣщикамъ „употреблять свой лѣсъ на строеніе или на сожиганіе, продавать и обмѣнивать безъ всякаго препятствія“ (ст. 17 гл. XXII).

угодія (напр., рыбная ловля) были объявлены собственностью государства, а другія обложены опредѣленнымъ оброкомъ (напр., пчельники и бортныя ухожья) [1]); 4) право охоты, благодаря которому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., около Петербурга и Москвы) было запрещено ловить и убивать опредѣленные виды животныхъ и птицъ, напр., лосей, зайцевъ и соловьевъ [2]); кромѣ того, со времени Екатерины II было вообще запрещено охотиться съ 1-го Марта до 29-го Іюня на всякихъ звѣрей и птицъ, кромѣ хищныхъ; 5) право на промышленныя заведенія, въ силу чего нѣкоторыя изъ нихъ были обложены оброкомъ, напр., мельницы (съ 1704 г.) [3]).

Эти ограниченія права собственности вызывали сильное неудовольствіе общества, почему, когда въ 1767 г. была созвана законодательная коммиссія, то всѣ сословія въ своихъ наказахъ ходатайствовали предъ Екатериною II объ уничтоженіи названныхъ ограниченій. Государыня исполнила желанія наказовъ, и, какъ было уже сказано, нѣсколькими мѣропріятіями въ 1775, 1782 и 1785 гг. уничтожила ихъ, причемъ Жалованная грамота дворянству подтвердила дворянамъ полное право собственности на ихъ недвижимое имущество. „Благородному, гласила грамота, свободная воля и власть оставляется, бывъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить или завѣщать, или въ приданое, или въ прожитокъ отдать, или продать кому заблагоразсудитъ“ [4]).

Переходимъ къ разсмотрѣнію способовъ установленія права собственности. Такимъ способомъ было, во-первыхъ,

---

[1]) Права угодій были уничтожены въ 1775 г., что въ отношеніи рыбныхъ ловель было подтверждено въ 1782 и 1785 гг. Впрочемъ, уже въ проектѣ 1754—1766 г. мы читаемъ: „дворянинъ можетъ въ своихъ деревняхъ строить мельницы, копать пруды и рвы.. имѣть рыбную ловлю въ своихъ озерахъ и въ близъ лежащихъ озерахъ и прудахъ“ (ст. 17 гл. XXII). Объ уничтоженіи правъ государства на угодія ходатайствовали также почти всѣ дворянскіе и городскіе наказы 1767 г. (см. *мои* „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“, т. I).

[2]) Указами 1740 и 1747 гг. было вообще запрещено около Петербурга ловить и стрѣлять какихъ бы то ни было птицъ и звѣрей. Съ 1802 г. это запрещеніе, оставаясь въ силѣ для казенныхъ земель, не распространялось на земли частныхъ собственниковъ.

[3]) Этотъ оброкъ былъ уничтоженъ въ 1775 г.

[4]) Такое же признаніе права собственности мы встрѣчаемъ уже въ проектѣ 1754—1766 гг. „Дворянинъ, читаемъ въ немъ, деревни свои можетъ отдавать подъ закладъ, продавать и дѣлать съ ними и въ нихъ, по своему соизволенію, все то, что законамъ не противно, продавать и обмѣнивать безъ всякаго препятствія и прочія, домостроительству его нужныя и полезныя, дѣла предпринимать“.

завладѣніе никому не принадлежащей вещи (occupatio) въ формѣ ли добыванія металловъ и минераловъ (по законодательству Петра I, когда это было разрѣшено всѣмъ и повсюду), въ формѣ ли собиранія произведеній царства растительнаго, въ формѣ ли ловли животныхъ (звѣрей, птицъ и рыбъ) [1].

Другимъ способомъ пріобрѣтенія права собственности была *находка* [2]). О ней впервые говорятъ Воинскій и Морской уставы, предписывая нашедшему какую либо вещь объявить объ этомъ по начальству (Воинск. уст., арт. 195, подтвержденный Морскимъ уставомъ 1720 г., указомъ 1779 г, и др.), а этому послѣднему распорядиться объявленіемъ для отысканія хозяина (указъ 1779 г. предписываетъ подобное объявленіе печатать три раза въ газетахъ и, кромѣ того, объявлять въ каждомъ домѣ съ подпискою). Послѣдній получалъ свою вещь обратно, по предъявленіи доказательствъ, что она ему принадлежитъ, но обязывался вознаградить нашедшаго. Размѣръ награды былъ опредѣленъ Воинскимъ (арт. 195) и Морскимъ уставами (кн. V, гл. XVII, ст. 131) и равнялся третьей части цѣны вещи. Въ случаѣ ненахожденія хозяина, вещь становилась собственностью нашедшаго (Морской уставъ, кн. V, гл. XVII, ст. 131 и указъ 1779 г.).

Третьимъ способомъ являлась *военная добыча*, притомъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. О первой говоритъ Воинскій уставъ, предписывая предметомъ добычи считать только движимую собственность, принадлежащую непріятелю, и строго воспрещая захватывать добычу безъ позволенія начальства и внѣ опредѣленнаго для этого мѣста. Нѣкоторыя вещи, какъ то: знамена, оружіе, провіантъ, казенныя и общественныя деньги составляли исключительную собствен-

---

[1]) Однимъ изъ видовъ завладѣнія можно разсматривать *заимку*, т. е. захватъ поземельной собственности, имѣвшей юридическое значеніе до середины XVIII ст., т. е. до изданія манифеста о межеваніи 1765 г. Послѣ же этого времени, когда всѣ поземельныя имущества, какъ частныхъ лицъ, такъ и государственныя, стали приводиться въ извѣстность, заимка, естественно, должна была потерять свое юридическое значеніе (см. Побѣдоносцева, назв. соч., ч. I, изд. 3-е, стр. 392 и слѣд.)

[2]) Кромѣ названнаго сочиненія Неволина, см. Товстолѣса Находка и мѣсто ея въ системѣ русскаго законодательства (Журн. Мин. Юст. 1901 г., кн. XI). Впрочемъ, доводы автора въ пользу мнѣнія, будто находка не являлась способомъ установленія собственности, не убѣдительны (по крайней мѣрѣ для XVIII ст). Напротивъ, постановленія Морского устава 1720 г. и указа 1779 г. (въ особенности послѣдняго, изданнаго по случаю ненахожденія собственника найденнаго „брилліантоваго камня") не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія.

ность государя; все же остальное отдавалось солдатамъ (арт. 104—113). О морской добычѣ или о призахъ говоритъ по преимуществу Морской уставъ, разрѣшая захватывать призы только военнымъ судамъ и каперамъ, т. е. частнымъ судамъ, вооруженнымъ для этой цѣли, съ разрѣшенія правительства Предметомъ добычи могли быть непріятельскіе военные и купеческіе корабли со всѣмъ тѣмъ, что находилось на нихъ а также русскіе военные корабли, захваченные непріятелемъ и бывшіе въ его власти болѣе сутокъ. Захватъ приза могъ имѣть мѣсто только съ разрѣшенія начальства и съ обязательствомъ представить его съ подробнымъ донесеніемъ послѣднему. Призовое судоговореніе, т. е. выясненіе вопроса, правильно ли былъ взятъ призъ или нѣтъ, происходило въ Адмиралтействъ-коллегіи, и только послѣ этого призъ выдавался взявшимъ его и раздѣлялся по особымъ правиламъ между всѣми участниками въ его захватѣ, причемъ казна имѣла право за особое вознагражденіе, сообразно съ величиной судна, получить его въ свою собственность (Морской уставъ, книга III, IV и V, также регламентъ о управленіи адмиралтейства и верфи 1722 г., гл. I, ст. 95—106). Эти постановленія были дополнены и отчасти видоизмѣнены извѣстными правилами вооруженнаго нейтралитета 1780 г., уставомъ купеческаго водоходства 1781 г. и въ особенности положеніемъ о призахъ 1806 г. [1]).

Четвертымъ способомъ являлось пріобрѣтеніе *плодовъ* вещи, въ формѣ, напр., приплода отъ животныхъ, плодовъ отъ растеній и т. п. (указы 1740, 1754, 1801 гг. и др.).

Пятымъ способомъ были *договоры*: дареніе, мѣна и купля-продажа, а также залогъ или закладъ (въ случаѣ просрочки выкупа вещи), причемъ въ отношеніи недвижимыхъ имуществъ требовалось: заключеніе договора въ письменной формѣ и вводъ пріобрѣтателя во владѣніе. До Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. укрѣпленіе актовъ на недвижимое имущество и вводъ во владѣніе являлось функціей Вотчинной коллегіи. Съ Учрежденіемъ о губерніяхъ эта функція перешла къ уѣздному суду (относительно деревень), къ городовому магистрату или ратушѣ (относительно городскихъ строеній) и къ нижней расправѣ (относительно крестьянскихъ земель), причемъ упомянутыя учрежденія были обязаны публиковать путемъ прибивки къ дверямъ особаго

[1]) Подробности см. у Неволина, назв. соч., ч. II, стр. 432 и слѣд.

листа съ извѣщеніемъ о сдѣлкѣ (уѣздный судъ, кромѣ того, о сдѣлкѣ доводилъ до свѣдѣнія верхняго земскаго суда и Сената для публикаціи въ столичныхъ вѣдомостяхъ). Если въ теченіе двухъ лѣтъ со дня публикаціи никто не предъявлялъ никакихъ претензій, то сдѣлка признавалась дѣйствительной, и пріобрѣтатель вступалъ во всѣ права собственника (ст. 205, 290 и 346). Въ противномъ случаѣ дѣло рѣшалось судебнымъ приговоромъ, признававшимъ или отрицавшимъ право покупщика.

Шестымъ способомъ была *давность*. До изданія манифеста 28 Іюня 1787 г. срокъ давности опредѣлялся по Уложенію (ст. 13 гл, XVII) и равнялся 40 годамъ [1]), но со времени названнаго манифеста (изданнаго по случаю 25 лѣтъ царствованія Екатерины II) срокъ давности былъ уменьшонъ до 10-ти лѣтъ. Съ этого времени безспорное и непрерывное владѣніе вещью въ продолженіи 10 лѣтъ стало однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія собственности.

Седьмымъ способомъ являлось *пожалованіе* государемъ какъ населенныхъ, такъ и ненаселенныхъ земель. Какъ было уже говорено, пожалованіе достигло апогея своего развитія при Екатеринѣ II и Павлѣ I и продолжалось до 1801 г., когда было прекращено. Въ 1733 г. состоялось запрещеніе подачи просьбъ о пожалованіи; впрочемъ, указомъ 1742 г. было снова разрѣшено подавать такія просьбы, но только заслуженнымъ лицамъ [2]).

Послѣднимъ способомъ являлось *приращеніе*, въ силу чего межевой инструкціей 1766 г. и въ особенности сенатскимъ указомъ 1829 г. было признано, что собственнику земли, лежащей на берегу рѣки, въ случаѣ уклоненія этой послѣдней въ сторону, принадлежитъ право собственности на часть обсохшаго фарватера, прилегающаго къ его землѣ въ томъ пространствѣ широты, какое значится на выданномъ ему планѣ.

Что касается до способовъ прекращенія права собствен-

---

[1]) Проф. Энгельманъ (О давности по русскому гражданскому праву, изд. 2-е, стр. 53) утверждаетъ, что въ XVIII ст., до изданія манифеста 1787 г. „постановленія Уложенія вышли изъ употребленія и не примѣнялись на практикѣ, въ которой господствовалъ, по всей вѣроятности, произволъ". Однако, это мнѣніе совершенно голословно.

[2]) О пожалованіи см., кромѣ назв. соч. Неволина и Побѣдоносцева (ч. I, изд. 3-е, стр, 383 и слѣд.), статью Семевскаго „Пожалованіе населенныхъ имѣній при имп. Павлѣ (Русск. Мысль 1882 г., кн. XII).

ности, то они по большей части были тѣ же, что и установленія [1]).

Общая собственность (condominium) [2]) также была извѣстна законодательству XVIII ст. какъ въ формѣ имуществъ, доставшихся собственникамъ по наслѣдству, такъ и въ формѣ нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній, напр., фабрикъ и заводовъ. Доходы съ общей собственности поступали въ пользу всѣхъ собственниковъ по соразмѣрности частей; этотъ же принципъ составлялъ основу отправленія повинностей, лежащихъ на собственности (указъ 1739 г. и уставъ купеческаго водоходства 1781 г.). Управленіе и распоряженіе общею собственностью должно было происходить не иначе, какъ съ согласія всѣхъ собственниковъ, имѣвшихъ право поручать завѣдываніе собственностью одному лицу изъ своей среды. Указъ 1739 г. призналъ право за каждымъ собственникомъ продавать или закладывать свою часть въ собственности безъ согласія прочихъ (рѣчь идетъ о горномъ заводѣ), но уставъ купеческаго водоходства 1781 г. отступилъ отъ этого начала, постановивъ, что участникъ въ общемъ суднѣ можетъ распоряжаться своею частью не иначе, какъ съ согласія прочихъ. Но за то эти послѣдніе, въ случаѣ несогласія на такое распоряженіе, напр., на отчужденіе части соучастника, должны сами ее выкупить (рѣчь идетъ о кораблѣ). Въ случаѣ желанія всѣхъ соучастниковъ, общая собственность (если она по свойству своему дѣлима) могла быть раздѣлена между ними.

§ 4. Право выкупа [3]).

Третьимъ видомъ имущественныхъ правъ является право выкупа. Въ исторіи этого права весьма важную роль игралъ указъ о единонаслѣдіи 1714 г. Въ отличіе отъ Уложенія

---

[1]) Мы сказали: „по большей части“, такъ какъ встрѣчались и такіе способы прекращенія собственности, какъ, напр., конфискація имущества, которые, конечно, не имѣли ничего общаго со способами установленія собственности. Конфискація имущества практиковалась въ первую половину XVIII ст. и, какъ мы уже говорили, была отмѣнена Жалованной грамотой дворянству 1785 г.

[2]) Кромѣ назв. соч. Неволина, см. Товсталѣса, Общая собственность по русскому гражданскому праву (Журналъ Мин. Юст. 1900 г., кн. 8). Къ сожалѣнію, авторъ названной статьи, говоря довольно много объ уставѣ купеческаго водоходства 1781 г., ни единымъ словомъ не упоминаетъ объ указѣ 1739 г.

[3]) Кромѣ назв. соч. Неволина и Побѣдоносцева, см. Ильяшенко Институтъ родовыхъ имуществъ (Журн. Мин. Юст. 1900 г., кн. 2, 3 и 4)

указъ установилъ выкупъ, какъ право не только одного служилаго класса и относительно однѣхъ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ, но какъ право всѣхъ сословій, обладающихъ тѣмъ или другимъ родомъ недвижимыхъ имуществъ. Такимъ образомъ съ 1714 г. предметомъ выкупа, кромѣ вотчинъ, стали еще помѣстья и городское имущество (дома, лавки, фабрики). Единственное исключеніе изъ названнаго правила представляли деревни, купленныя къ заводамъ и фабрикамъ на, такъ называемомъ, поссессіонномъ правѣ и не подлежавшія выкупу (указъ 18 Янв. 1721 г.). Право выкупа принадлежало наслѣдникамъ, „по линіи ближнимъ", т. е. старшему сыну и его потомству (съ 1725 г. послѣ смерти отца); остальные же родственники (указъ говоритъ о кадетахъ) отъ пользованія этимъ правомъ исключались. Какъ извѣстно, по Уложенію выкупать могли только одни боковые родственники, нисходящимъ же это право не принадлежало. Срокъ выкупа остался прежній—сорокалѣтній, причемъ за вновь выстроенныя строенія взималась приплата, но не по сказкѣ собственника, какъ было по Уложенію, а по оцѣнкѣ или, какъ выражается указъ 1714 г., по „свидѣтельству и по осмотру, наложа настоящую правдивую цѣну, во что стало". Послѣ отмѣны указа 1714 г., въ законодательствѣ о выкупѣ произошли большія перемѣны, главнымъ образомъ вслѣдствіе изданія указа 1 Авг. 1737 г. Прежде всего этимъ указомъ былъ отмѣненъ сорокалѣтній срокъ выкупа и замѣненъ трехлѣтнимъ [1]) (это постановленіе неоднократно подтверждалось и впослѣдствіи, напр., въ 1744, въ 1766, въ 1778 г.г.), причемъ въ 1766 г. состоялось предписаніе считать начало срока: для купчихъ отъ ихъ написанія, а для закладныхъ отъ ихъ явки въ Вотчинной коллегіи. Другое измѣненіе, произведенное относительно выкупа указомъ 1737 г., заключалось въ распространеніи этого права на всѣхъ ближайшихъ родственниковъ продавца или закладчика. Подробности порядка, въ какомъ родственники должны были слѣдовать другъ за другомъ по отношенію къ пользованію правомъ выкупа, были опредѣлены указомъ 11 Мая 1744 г. На основаніи его, правомъ выкупа прежде всего пользовались сыновья (отдѣленные и неотдѣленные), но только

---

[1]) Мотивомъ принятія этой мѣры послужило слѣдующее соображеніе: „сорокалѣтній срокъ весьма далекъ положенъ, въ который помѣщики, имѣя за собою деревни, опасаясь выкупа, не токмо ихъ снабдѣвать и распространять, но поколику возможно, отягощать будутъ, дабы оныхъ видя не въ состояніи, не выкупали.

послѣ смерти отцовъ, и при томъ если послѣдніе умерли до истеченія назначеннаго трехлѣтняго срока. Въ случаѣ смерти сыновей, къ выкупу допускались ихъ дѣти мужескаго пола, т. е. внуки продавца или закладчика, причемъ нестдѣленные отъ дѣдовъ послѣ смерти послѣднихъ, а отдѣленные и при жизни. За отсутствіемъ сыновей и внуковъ право выкупа переходило къ дочерямъ-дѣвицамъ, а за неимѣніемъ ихъ, къ замужнимъ и къ ихъ дѣтямъ (сыновьямъ, а при ихъ отсутствіи къ дочерямъ-дѣвицамъ). За отсутствіемъ названныхъ наслѣдниковъ, право выкупа переходило къ боковымъ родственникамъ, т. е. къ братьямъ и племянникамъ продавца, если они не подписались подъ купчей или закладной. Если же и ихъ не было, то право выкупа переходило къ сестрамъ (сперва дѣвицамъ, а затѣмъ замужнимъ) и къ ихъ сыновьямъ и дочерямъ-дѣвицамъ. Наконецъ, послѣдними родственниками, пользовавшимися разсматриваемымъ правомъ, являлись двоюродные братья и племянники продавцы или закладчика.

Это ограниченіе права выкупа извѣстными линіями и степенями родства съ заключеніемъ этого права для боковыхъ родственниковъ въ тѣснѣйшіе предѣлы сохранилось недолго и указомъ 1766 г. было отмѣнено. Названный указъ даровалъ право выкупа *всѣмъ* родственникамъ, начиная съ ближайшихъ и кончая дальними, по линіямъ и степенямъ, согласно съ правилами законнаго наслѣдованія, что окончательно и было санкціонировано въ Сводѣ Законовъ.

Со времени изданія указа 20 Апр. 1807 г. установилось правило, по которому „право выкупа должно было существовать единственно между людьми одинаковаго состоянія, такъ, чтобы никоторое изъ нихъ не имѣло права на выкупъ имѣнія, перешедшаго изъ одного состоянія въ другое". Во исполненіе этого правила было предписано дворянскія земли, пріобрѣтенныя крестьянами, купцами и „прочаго званія людьми", а также и наоборотъ, „на выкупъ не отдавать".

Указами 1737, 1744, 1755 и 1766 гг. не было прямо выражено, какое имущество подлежитъ выкупу, вслѣдствіе чего въ 1799 г. Сенатъ разъяснилъ, что правомъ выкупа можно пользоваться исключительно въ отношеніи родового имущества, причемъ еще съ 1744 г. было признано, что выкупать можно только то имущество, которое отчуждено въ чужой родъ, а не родственникамъ.

Что касается до цѣны выкупа, то на этотъ счетъ всегда существовало правило о соотвѣтствіи ея съ цѣною, за ко-

торую имущество было продано или заложено, причемъ, если бы оно оказалось перепроданнымъ или перезаложеннымъ въ третьи руки, то выкупающій обязанъ уже платить ту цѣну, которая означена въ послѣдней купчей или закладной (указы 1744 и 1766 гг.). Впрочемъ, указомъ 1744 г. было постановлено, что заимодавецъ не имѣетъ права продавать, закладывать и отдавать въ приданое имѣніе въ теченіе одного года отъ написаннаго въ закладной срока. Кромѣ цѣны за имѣніе, выкупающій обязанъ еще заплатить издержки, произведенныя покупщикомъ или залогопринимателемъ на поддержаніе и улучшеніе имѣнія, по оцѣнкѣ, и крѣпостныя пошлины.

§ 5. *Права на чужую вещь.*

Четвертымъ видомъ имущественныхъ правъ являются права на чужую вещь, т. е. сервитуты, какъ личные, такъ и реальные. Этотъ видъ имущественныхъ правъ также былъ извѣстенъ законодательству XVIII ст., хотя оно разработало его довольно мало. Къ личнымъ сервитутамъ могутъ быть отнесены слѣдующіе: 1) право проѣзжающихъ, а также прогоняющихъ скотъ останавливаться на лугахъ, прилегающихъ къ дорогѣ, въ силу чего луга не должны были запираться ранѣе Троицына дня. Какъ извѣстно, это право получило свою законодательную санкцію еще въ Уложеніи 1649 г. (ст. 4 гл. VII) и было подтверждено въ 1765 г. Тогда же состоялось предписаніе косить луга въ опредѣленное время и, по окончаніи сѣнокоса, снова отпирать ихъ для нуждъ прогоняемаго скота. Въ 1766 г. (30 Марта) былъ изданъ другой указъ, которымъ постановлено отпирать луга на разстояніи версты по большимъ дорогамъ и полуверсты по проселочнымъ не позже сентября. Это же постановленіе было распространено и на пашенныя земли. Во время закрытія луговъ, владѣльцы послѣднихъ должны были по обѣ стороны дорогъ оставлять свободное пространство опредѣленной мѣры съ лишеніемъ права косить его. Этимъ пространствомъ могли пользоваться проѣзжающіе и прогоняемый скотъ (указы 1744 г. 9 Января и 11 Сентября, 1754 г., 1766 г.). Вопросъ о запираніи луговъ былъ затронутъ въ 1767 г. во многихъ дворянскихъ наказахъ, причемъ, не высказываясь въ принципѣ противъ этого сервитута, наказы просятъ только о точномъ установленіи срока для закрытія

и открытія луговъ, въ виду переходящаго характера праздника Троицы. Такъ, нѣкоторые просятъ запирать луга съ 1-го Іюня (костромской наказъ), нѣкоторые съ 20 Мая (любимскій наказъ), нѣкоторые съ 15 Мая (ржеволодимірскій наказъ) и т. д. Однако, Екатерина II не обратила вниманія на эти заявлянія, и прежнее законодательство осталось въ силѣ. Наконецъ, межевая инструкція 1766 г. предписала „выключать" изъ частныхъ владѣній для проведенія дорогъ опредѣленное количество земли: отъ 60-ти и до 3-хъ саженъ, причемъ безъ всякаго вознагражденія собственнику. Эти постановленія были значительно развиты въ 1817 и 1819 гг. съ изданіемъ правилъ объ устройствѣ дорогъ, когда послѣднія были раздѣлены на особыя „статьи" или группы [1]).

Другимъ личнымъ сервитутомъ было право проѣзжающихъ на судахъ пользоваться бечевникомъ, т. е. извѣстнымъ пространствомъ берега, а именно: приставать къ нему, выгружать на него свои товары, тянуть на немъ бечевою суда и т. п., хотя бы берегъ входилъ въ составъ собственности частныхъ лицъ (указы 1734, 1741, 1743 гг. и др.). Съ 1766 г. этотъ сервитутъ прекратилъ свое существованіе, такъ какъ изданной тогда межевой инструкціей было предписано считать пространство берега, занимаемое подъ бечевникъ, государственнымъ имуществомъ и исключать изъ числа дачъ. Инструкція предписала „отрѣзать" для бечевника по берегамъ судоходныхъ рѣкъ полосу земли въ 10 саженъ „отъ тѣхъ мѣстъ, откуда по состоянію обыкновенной воды землемѣры усмотрятъ удобнымъ быть бечевникамъ". Но въ виду того, что подобный бечевникъ во время половодья затоплялся, позднѣйшее законодательство было вынуждено возстановить разсматриваемый сервитутъ и признать за проѣзжающими на судахъ право пользоваться во время половодья полосою берега, шириною отъ 1 и до 2½ саженъ, „за линіею наводненія" (законъ 16 Ноября 1817 г.) [2]).

Реальные сервитуты, какъ извѣстно, дѣлятся на сельскіе и городскіе. Къ первымъ относились слѣдующіе: 1) право прохода и проѣзда изъ одного имѣнія черезъ другое по проложенной черезъ него дорогѣ, если иначе нѣтъ возможности попасть на отхожія пашни, сѣнные покосы, въ лѣса и дру-

---

[1]) Кромѣ назв. соч. Неволина и Курдиновскаго, см. Селифантова, О правѣ собственности на землю изъ подъ упраздненныхъ дорогъ (Журн. гражд. и уголовн. права 1873 г., кн. 4).

[2]) Курдиновскій, назв. соч., стр. 155 и слѣд.

гія угодія, а также къ рѣкамъ для водопоя (межевыя инструкціи 1754 и 1766 гг., законъ 20 Декабря 1829 г. и др. [1]); 2) право владѣльца выше лежащаго по рѣкѣ имѣнія на запретъ по отношенію къ владѣльцу нижележащаго имѣнія строить плотины и мельницы, если, вслѣдствіе этого, затопляются водою его луга, пашни и сѣнные покосы (Уложеніе, ст. 238 гл. X); 3) право въѣзда въ чужіе лѣса для рубки строевыхъ и дровяныхъ деревьевъ, но не на продажу, а на свои нужды, также для производства звѣриныхъ промысловъ и для эксплоатаціи бортныхъ и другихъ угодій (указъ 6 Іюня 1799 г. предписалъ относительно казенныхъ въѣзжихъ лѣсовъ уничтожать право въѣзда путемъ размежеванія частей лѣса между частными владѣльцами, пользующимися названнымъ сервитутомъ) [2]); 4) право ловли рыбы въ рѣкахъ и озерахъ, находящихся на земляхъ частныхъ собственниковъ или казенныхъ, въ силу чего на основаніи указа 1778 г. было предписано по берегамъ такихъ озеръ отмѣривать по 10 саженъ для пристанища ловцамъ и для просушки ихъ снастей.

Къ городскимъ сервитутамъ, кромѣ тѣхъ о которыхъ говоритъ Уложеніе 1649 г. (запрещеніе строить домъ на межѣ чужого участка (ст. 277), ставить печь у стѣны своего сосѣда (ст. 278) и сваливать соръ на чужую землю (ст. 279 X гл.), относились еще слѣдующіе: 1) запрещеніе дѣлать скатъ кровли на дворъ сосѣда (указъ 1737 г.) и 2) обязанность строить брантмауеры, отдѣляющіе кровли смежныхъ домовъ (указъ 1809 г.) [3]).

§ 6. Право залога [4]).

Послѣднимъ видомъ имущественныхъ правъ является право залога, объектомъ котораго можетъ быть какъ недви-

---

[1]) Для осуществленія этого права на собственниковъ была возложена обязанность безвозмездно предоставлять для проведенія дороги пространство земли шириною въ 3 сажени,

[2]) Со времени Екатерины II законодательство ограничиваетъ право въѣзда въ чужіе лѣса тѣмъ, что на будущее время запрещаетъ давать его кому-бы то ни было, а существующее уже старается ограничить во времени.

[3]) Остальные городскіе сервитуты, о которыхъ говоритъ Сводъ Законовъ, установлены въ 1834 г.

[4]) Кромѣ назв. соч. Неволина, ч. II и Побѣдоносцева, ч. I, см. Мейера. Древнее русское право залога; Гантовера, Залоговое право и Товстолѣса Сущность залога въ историческомъ развитіи по русскому гражданскому праву (Журн. Мин. Юст. 1898 г., кн. VIII и IX).

жимое, такъ и движимое имущество. Разсмотримъ сперва первое. По законодательству изучаемаго времени закладывать можно было только свободное имущество, т. е. такое, которое не находилось подъ запрещеніемъ (указы 1810 г. 24 Января и 30 Сентября, 1823 г. и др.). Затѣмъ съ 1737 г. было запрещено закладывать въ разныя руки, въ силу чего дѣйствительной признавалась только первая закладная. Наконецъ, нѣкоторые виды имуществъ разрѣшалось закладывать не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства; такъ, вплоть до царствованія Екатерины II фабрики и горные заводы могли быть закладываемы только съ разрѣшенія Мануфактуръ и Бергъ-коллегіи.

Актъ на залогъ недвижимаго имущества обязательно долженъ былъ совершаться крѣпостнымъ порядкомъ и назывался закладною крѣпостью (указы 1701 г. 30 Января, 7 Марта и 30 Апрѣля, 1703, 1705, 1706 гг. и др.). Банкротскій уставъ 1800 г. предписалъ писать закладныя по особой формѣ на установленной для крѣпостей гербовой бумагѣ и за подписью не менѣе, какъ двухъ свидѣтелей.

Залогъ прекращался путемъ платежа въ опредѣленный срокъ со стороны залогодателя (закладчика) полученной имъ отъ залогопринимателя суммы денегъ, а также взысканіемъ послѣдней въ случаѣ неплатежа. Указомъ 1 Августа 1737 г. было постановлено, что залогоприниматель, по полученіи денегъ, обязанъ былъ сдѣлать соотвѣтствующую надпись на закладной и затѣмъ явить ее въ воеводскую канцелярію для записанія въ особую шнуровую книгу, въ которой оба контрагента обязаны были подписаться подъ заявленіемъ, что всякія обязательственныя отношенія между ними покончены. Послѣ этого закладная отдавалась залогодателю [1]). Съ Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. роль воеводской канцеляріи стали исполнять судебныя мѣста. Въ случаѣ, если-бы залогоприниматель отказался принять слѣдуемую ему сумму денегъ, залогодатель представлялъ ее въ канцелярію, на обязанности которой было принудить залогопринимателя принять ее

---

[1]) Въ указѣ 1737 г. нѣтъ прямого указанія на то, кто владѣетъ заложеннымъ имуществомъ до истеченія срока, залогодатель или залогоприниматель, въ силу чего этотъ вопросъ спорный. Такъ, Мейеръ (назв. соч., стр. 48) и Побѣдоносцевъ (назв. соч., ч. I, стр. 586 3-го изд.) думаютъ, что владѣетъ имуществомъ залогоприниматель, но ни чѣмъ не аргументируютъ этого своего мнѣнія. Напротивъ, г. Товстолѣсъ, основываясь на нѣкоторыхъ мѣстахъ текста указа, весьма убѣдительно доказываетъ, что владѣніе заложеннымъ имуществомъ до срока принадлежитъ залогодателю (назв. статья въ Журн. Мин. Юст. 1898 г., кн. VIII, стр 164—165).

и выдать закладную своему контрагенту. При неуплатѣ послѣднимъ долга въ назначенный срокъ, до 1737 г. дѣйствовало правило Уложенія 1649 г., что закладная, по просрочкѣ ея, превращается въ купчую, т. е., что заложенное имущество становится собственностью залогопринимателя (ст. 33 XVII гл.). Но въ 1737 г. былъ установленъ новый порядокъ взысканія по просроченнымъ закладнымъ, заключавшійся въ слѣдующемъ. Залогоприниматель, не получивъ своихъ денегъ въ установленный для этого срокъ, являлъ закладную въ воеводскую канцелярію (въ губернскихъ городахъ—въ губернскую канцелярію, въ столицахъ—въ Вотчинную коллегію или ея контору). Послѣдняя, не справляя ее за залогопринимателемъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отъ просрочки, принимаетъ мѣры для вызова закладчика или его ближайшихъ родственниковъ съ цѣлью выслушанія отъ нихъ заявленія, желаютъ ли они платить или нѣтъ, причемъ, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, обязана отсрочить эту уплату еще на шесть мѣсяцевъ, если о томъ будутъ просить закладчикъ или его родственники (въ такомъ случаѣ за каждый мѣсяцъ взыскивается по одному проценту). По истеченіи указанныхъ восьми (двухъ первыхъ и шести послѣднихъ) мѣсяцевъ и при новой просрочкѣ, имущество продается съ публичнаго торга, къ которому допускается и залогоприниматель. Если денегъ выручится болѣе, чѣмъ взялъ закладчикъ, тогда излишнее количество отдается ему. Если же покупщики будутъ давать меньше суммы, записанной въ закладной, то торгъ прекращается, и имущество переходитъ къ залогопринимателю, обязанному его принять.

Въ 1744 г. этотъ порядокъ взысканія былъ отмѣненъ, и возстановлено правило Уложенія о превращеніи закладной въ купчую. Однако, Банкротскій уставъ 1800 г. снова вернулся къ принципамъ указа 1737 г., видоизмѣнивъ ихъ въ деталяхъ. Послѣднія заключались въ слѣдующемъ. По просрочкѣ уплаты долга, имущество хотя и не справляется за залогопринимателемъ, но отдается ему во временное владѣніе съ цѣлью пользованія его доходами вмѣсто годичныхъ процентовъ, но безъ права распоряженія. Собственникъ же, т. е. закладчикъ получаетъ шестимѣсячную отсрочку для уплаты долга, причемъ онъ имѣетъ право продать или снова заложить свое, уже заложенное, имущество. При неуплатѣ долга, по прошествіи указанныхъ 6-ти мѣсяцевъ, имущество назначается къ публичной продажѣ. Во всемъ остальномъ

Банкротскій уставъ повторяетъ законъ 1737 г., дѣлая, впрочемъ, нѣкоторыя неважныя измѣненія въ послѣднемъ.

Что касается заклада движимаго имущества, то общимъ правиломъ было признано, что закладывать можно только *свое* имущество (Банкротскій уставъ 1800 г., ч. II, ст. 53 и 54). Въ виду этого, считались недѣйствительными: 1) закладъ казеннаго оружія и мундира, отбиравшихся отъ залогопринимателя безъ всякаго вознагражденія послѣдняго (Воинскій уставъ, арт. 59, Морской уставъ, кн. V, гл. IV, ст. 53). Указомъ 1743 г. было запрещено также закладывать и всѣ вещи, касающіяся аммуниціи, кромѣ полученныхъ въ видѣ награды за службу; 2) закладъ вообще чужого имущества безъ разрѣшенія собственника, также возвращаемаго послѣднему безвозмездно, причемъ залогопринимателю предоставляется право взыскивать свои деньги съ закладчика (указъ 2-го Ноября 1769 г.), и 3) закладъ своего имущества, состоящаго въ описи или секвестрѣ по взысканіямъ (Банкр. уставъ, ч. II, ст. 58, 60 и 61). Кромѣ того, въ виду непозволительности цѣли заклада, было запрещено въ 1735 г. закладывать въ питейныхъ домахъ платье, посуду и другія вещи, а въ 1761 г. признано считать недѣйствительнымъ заемъ подъ закладъ, сдѣланный во время игры или для игры, причемъ заложенная вещь конфисковалась въ казну.

Вплоть до изданія Банкротскаго устава 1800 г. закладъ движимаго имущества обязательно долженъ былъ совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, съ изданіемъ же названнаго устава актъ о закладѣ можно было совершать или крѣпостнымъ, или явочнымъ, или домашнимъ порядкомъ. Въ первомъ случаѣ актъ совершается у крѣпостныхъ дѣлъ въ палатахъ суда или въ уѣздныхъ судахъ, причемъ закладная пишется на установленной для крѣпостныхъ актовъ бумагѣ, по приложенной формѣ, и должна быть удостовѣрена, не менѣе, какъ двумя свидѣтелями. Закладываемымъ вещамъ составляется опись, одинъ экземпляръ которой вмѣстѣ съ вещами вручается залогопринимателю, другой же закладчику. Описи подписываются обоими контрагентами и свидѣтелями. Домовыя заемныя письма съ закладомъ движимаго имущества также составляются по крайней мѣрѣ при двухъ свидѣтеляхъ, по приложенной формѣ и съ присоединеніемъ описи, причемъ, если они не явлены въ палатѣ или въ уѣздномъ судѣ, то, при взысканіи удовлетво-

ряются послѣ всѣхъ явленныхъ обязательствъ (Банкр. уставъ, ч. II, ст. 4, 6, 7, 8, 9, 13 и 14).

Прекращается закладъ такъ же, какъ и залогъ, платежемъ занятой суммы или же взысканіемъ ея въ случаѣ неплатежа въ установленный срокъ. До 1800 г. относительно платежа дѣйствовали правила Уложенія, а именно: въ случаѣ уничтоженія заложенной вещи, напр., смерти животнаго, залогодатель выплачивалъ только половину суммы (гл. X, ст. 197). Съ изданіемъ же въ 1800 г. Банкротскаго устава было предписано, что, въ случаѣ утраты предмета заклада какимъ бы то ни было образомъ, залогоприниматель не только лишается *своей* долговой суммы, но еще обязывается уплатить убытки залогодателя (съ вычетомъ, конечно, изъ этой уплаты потерянной имъ суммы денегъ; см. Банкр. уставъ, ч. II, ст. 16). Что касается до взысканія въ случаѣ неуплаты въ опредѣленный срокъ, то до 1737 г. дѣйствовало также правило Уложенія о превращеніи закладной въ купчую. Съ 1737 же года былъ установленъ тотъ порядокъ взысканія, какой имѣлъ мѣсто и по отношенію къ залогу недвижимыхъ имуществъ. Въ 1744 г. онъ былъ отмѣненъ, и только съ изданіемъ Банкротскаго устава 1800 г. было постановлено слѣдующее: въ случаѣ просрочки уплаты долга, залогоприниматель имѣетъ право въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ этого представить закладную ко взысканію въ палату той губерніи или въ уѣздный судъ того города, гдѣ закладчикъ имѣетъ или недвижимую собственность, или жительство. Названныя присутственныя мѣста, вывѣсивъ объявленіе о просрочкѣ долга такимъ то, ожидаютъ его въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ того. Если за это время закладчикъ явится и заплатитъ всю сумму съ процентами, то заложенная вещь возвращается ему. Если же закладчикъ не явится или явится, но заявитъ, что заплатить не можетъ, то вещь отдается въ собственность залогопринимателю. Наконецъ, если закладчикъ станетъ требовать продажи вещи съ аукціона, то присутственное мѣсто обязано назначить день для нея. Результатомъ продажи можетъ быть слѣдующее: если сумма денегъ, полученная отъ продажи, превышаетъ сумму долга, то, по удовлетвореніи залогопринимателя, излишекъ отдается закладчику. Если же, напротивъ, сумма долга превышаетъ сумму, полученную отъ продажи, то недостатокъ взыскивается съ закладчика (ч. II, ст. 11—15, 35—37, 51—55, 80 и 82).

ГЛАВА IV.

Право обязательственное.

§ 1. Общее ученіе о договорахъ.

Въ изучаемую эпоху вступать въ договоры предоставлялось всѣмъ лицамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ это было запрещено закономъ. Такъ, лица, находившіяся въ подъопечномъ состояніи, вслѣдствіе несовершеннолѣтія, сумасшествія, какихъ либо природныхъ недостатковъ, расточительности или мотовства и т. п., естественно отстранялись отъ права на заключеніе какихъ бы то ни было обязательствъ, причемъ это право переходило къ ихъ опекунамъ. Затѣмъ Банкротскимъ уставомъ 1800 г. названнаго права были лишены также и лица, объявленныя банкротами (ч. I, ст. 58). Наконецъ, лица, подвергнутыя шельмованію или политической смерти, слѣдовательно, лишенныя чести и правъ, также отстранялись отъ права вступать въ обязательства.

Изъ лицъ, имѣющихъ право на совершеніе договоровъ, законодательство выдѣляло такихъ, которыя подлежали въ этомъ случаѣ извѣстнаго рода ограниченіямъ. Такъ, нѣкоторыя изъ послѣднихъ находились въ прямой зависимости отъ правъ состоянія лица, въ силу чего лица извѣстныхъ сословій, напр., крестьяне, мѣщане, купцы, дворяне, духовенство и т. д. не могли обладать въ сферѣ обязательственнаго права одинаковыми правами и подвергались тѣмъ или инымъ ограниченіямъ по отношенію къ нимъ. Затѣмъ указомъ 1740 г. лица губернской, провинціальной, уѣздной и городской администраціи (напр., губернаторы, вице-губернаторы, воеводы и ихъ товарищи, совѣтники, ассессоры, секретари и приказные служители, а также ихъ жены и дѣти) въ мѣстахъ своего служенія, т. е. въ предѣлахъ губерніи, провинціи, уѣзда и города, были лишены права совершать нѣкоторыя сдѣлки, напр., покупать и брать подъ закладъ деревни, земли, крестьянъ и т. п. у дворянъ и у другихъ лицъ, имѣющихъ недвижимую собственность въ названныхъ: губерніи, провинціи, уѣздѣ и городѣ, а также совершать заемныя крѣпости и домовыя заемныя письма. Названнымъ лицамъ было разрѣшено покупать только дома, но не иначе, какъ для своего жительства, а не для какихъ либо спеку-

лятивныхъ цѣлей. Наконецъ, Карантиннымъ уставомъ 1818 г. было запрещено всѣмъ, служащимъ въ карантинѣ, вступать въ какія бы то ни было обязательственныя отношенія съ лицами, находящимися въ карантинѣ.

Предметомъ договора всегда могли быть всякія дѣйствія лицъ, не запрещенныя закономъ; въ силу этого, дѣйствіе, противное закону, благочинію и общественному порядку, было предписано не считать за предметъ договора (уставъ благочинія 1782 г., ст. 30, 41 и 65) и самый договоръ признавать недѣйствительнымъ (ст. 67). Сообразно съ этимъ основнымъ началомъ были признаны противозаконными слѣдующіе предметы договоровъ: подложное переукрѣпленіе имѣнія во избѣжаніе платежа долговъ (въ 1800 г.), присвоеніе кому либо такого права, котораго онъ по своему состоянію имѣть не можетъ (въ 1811 г.), расторженіе законнаго супружества (въ 1819 г.), лихоимственные извороты (въ 1821 г.) и избѣжаніе платежа пошлинъ ко вреду казны (въ 1825 г) [1]. Затѣмъ распоряжаться имуществомъ какъ предметомъ извѣстной сдѣлки, можетъ, конечно, только тотъ, кому оно принадлежитъ, причемъ и послѣдній распоряжается имъ только въ предѣлахъ своего права. Логическимъ слѣдствіемъ этого было запрещеніе распоряжаться имуществомъ, поступившимъ въ опеку или взятымъ въ завѣдываніе правительства (подъ секвестръ—относительно недвижимаго имущества и подъ арестъ—относительно движимаго; см. указы 1727 и 1737 гг.). Точно также нельзя было распоряжаться имуществомъ, находящимся подъ запрещеніемъ, т. е. такимъ, относительно котораго, для предупрежденія перехода его изъ однѣхъ рукъ въ другія, состоялось запрещеніе въ письмѣ крѣпостей, напр., купчихъ, закладныхъ и др. (указъ 1738 г.). Затѣмъ, какъ было уже сказано, съ 1737 г. состоялось запрещеніе распоряжаться заложеннымъ имуществомъ, напр., залогъ одной и той же деревни въ нѣсколько рукъ. Наконецъ, нѣкоторые виды имуществъ считались не подлежащими никакимъ сдѣлкамъ. Такъ, по законамъ Петра I, фабрики и горные заводы, если и становились предметами обязательствъ, то не иначе, какъ съ разрѣшенія на каждый отдѣльный случай Мануфактуръ и Бергъ-коллегій. Съ 1798 г. купленныя къ фабрикамъ и заводамъ деревни также могли быть предметомъ сдѣлокъ

---

[1]) Неволинъ, назв. соч., ч. III, стр. 6.

только съ разрѣшенія названныхъ коллегій, а съ 1812 г. съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ (въ виду причисленія въ 1817 г. департамента мануфактуръ къ министерству финансовъ, съ этого времени требовалось разрѣшеніе послѣдняго).

Что касается до заключенія договора, то необходимымъ условіемъ для этого считалась свободная воля договаривающихся лицъ, выраженная въ формѣ обоюднаго согласія послѣднихъ. Поэтому нарушеніе такой свободы, при заключеніи договора, путемъ насилія или обмана влекло за собою признаніе договора недѣйствительнымъ (Уложеніе, гл. X, ст. 251 и законъ 21 Февраля 1803 г.). Форма совершенія договора могла быть словесная и письменная. Порядокъ заключенія словесныхъ договоровъ всегда состоялъ въ полной волѣ договаривающихся лицъ, лишь бы договоръ основывался на свободной волѣ и взаимномъ согласіи контрагентовъ, а также не заключалъ бы въ себѣ ничего противозаконнаго [1]). Напротивъ, письменный порядокъ совершенія актовъ опредѣлялся до мельчайшихъ деталей законами и съ теченіемъ времени раздѣлился на три вида: домашній, явочный и крѣпостной. Такимъ образомъ договоры могли совершаться порядкомъ крѣпостнымъ, быть являемы для засвидѣтельствованія въ присутственныхъ мѣстахъ или въ особо для того установленныхъ учрежденіяхъ, напр., у маклеровъ, и составляться на дому. Разсмотримъ въ отдѣльности всѣ эти три вида.

Со времени Петра I всѣ акты обязательно должны были совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, и только въ видѣ исключенія допускались явочный и домашній порядки. Однако, съ теченіемъ времени, въ особенности съ Екатерины II два послѣдніе порядка теряютъ характеръ исключенія и постепенно начинаютъ конкуррировать съ первымъ. Мѣстами, вѣдавшими совершеніе актовъ, при Петрѣ первоначально были приказы, но, въ виду того, что подъячіе этихъ государственныхъ установленій и безъ того оказались обремененными дѣлами, а, слѣдовательно, не имѣли времени для писанія крѣпостей, было предписано въ 1701 г. изъять изъ ихъ вѣдѣнія совершеніе актовъ и, по примѣру Московскаго государства, передать ихъ въ руки, такъ называемыхъ, площадныхъ подъячихъ, писавшихъ акты на Ивановской площади въ

---

[1]) Неволинъ, назв. соч., ч. III, стр. 13.

Москвѣ. Однако, государь рѣшилъ упорядочить дѣятельность послѣднихъ, почему нѣсколькими указами, изданными въ 1701 г., подтвержденными впослѣдствіи, организовалъ классъ подъячихъ или крѣпостныхъ писцовъ изъ 24 человѣкъ, изъ которыхъ четверо были назначены надсмотрщиками. Для поступленія въ подъячіе требовались знаніе законовъ и опытность въ письменномъ дѣлопроизводствѣ, въ частности умѣніе писать акты, а также хорошее поведеніе и честность. Они считались на государственной службѣ, въ силу чего приводились къ присягѣ и получали жалованье. Отправлять свои обязанности подъячіе должны были сообразно съ особымъ наказомъ, составленнымъ Петромъ. Вначалѣ подъячіе были подчинены оружейной палатѣ, затѣмъ приказу крѣпостныхъ дѣлъ (въ 1706 г.), подчиненному московской ратушѣ. Наконецъ, по передачѣ крѣпостныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе Юстицъ-коллегіи (въ 1719 г.), при послѣдней была учреждена крѣпостная контора, вѣдавшая составленіе актовъ въ Петербургѣ; для Москвы же была учреждена другая контора при надворномъ судѣ. Что касается устройства крѣпостныхъ дѣлъ въ городахъ, то еще въ 1699 году Петръ предписалъ писать крѣпости у воеводъ, причемъ въ городахъ, гдѣ имѣлись разряды—на всякую сумму, а гдѣ ихъ не было—не свыше ста рублей. Въ 1701 г. правительство предписало воеводамъ, а, при ихъ отсутствіи, бурмистрамъ организовать въ каждомъ городѣ, по примѣру Москвы, классъ подъячихъ, избрать надсмотрщиковъ надъ ними (по одному или по два, смотря по величинѣ города) и поручить имъ писаніе крѣпостей, причемъ въ волостяхъ, отстоящихъ отъ города далѣе, чѣмъ на 10 верстъ, возложить названную обязанность, при составленіи актовъ на небольшую сумму, на земскихъ и церковныхъ дьячковъ. Съ 1706 г. крѣпостныя дѣла были изъяты изъ компетенціи воеводъ и переданы бурмистрамъ, что продолжалось до учрежденія Юстицъ-коллегіи, когда названныя дѣла перешли въ вѣдѣніе надворныхъ судовъ. Въ 1731 г. крѣпостныя дѣла были переданы въ руки губернаторовъ и воеводъ, въ силу чего составленіе актовъ стало функціей губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, причемъ правительство предписало писать крѣпости на всякія суммы исключительно въ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ, въ приписныхъ же городахъ—только до 100 рублей, а въ уѣздахъ писаніе крѣпостей было запрещено. Тѣмъ же указомъ было предписано

надсмотрщиковъ назначать только на два года, а затѣмъ ихъ учитывать; жалованья имъ не полагалось, и они должны были довольствоваться приношеніями просителей.

Обрядъ совершенія актовъ заключался въ слѣдующемъ. Прежде всего надсмотрщикъ долженъ былъ удостовѣриться въ самоличности контрагентовъ (указъ 1719 г.) и затѣмъ наблюдать, чтобъ актъ не былъ противозаконенъ и не заключалъ въ себѣ ничего ябедническаго (указъ 1701 г.). Съ 1699 г. Петръ предписалъ писать всѣ акты на гербовой бумагѣ подъ страхомъ признанія ихъ недѣйствительными, причемъ строго воспрещалось подскабливать и перемарывать съ цѣлью поправокъ и приписокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ означены числа годовъ и дней, названія вещей и количество денегъ, а также въ подписяхъ; въ остальныхъ мѣстахъ поправки и переписки допускались, но не иначе, какъ съ описью въ концѣ акта (указы 1701 г. 30 Янв. и 7 Марта и 1705 г.). Послѣдніе обязательно писались по общей формѣ и въ присутствіи опредѣленнаго числа свидѣтелей (въ дѣлахъ выше 200 рублей требовалось отъ трехъ до пяти свидѣтелей; въ дѣлахъ ниже этой суммы не менѣе двухъ) изъ извѣстныхъ, добрыхъ и достойныхъ вѣры людей, подписывавшихся подъ актомъ. Кромѣ нихъ и одного изъ контрагентовъ (дающаго актъ), подъ крѣпостью подписывались еще подъячій, а съ 1731 г. и воевода (кромѣ столицъ). Затѣмъ взимались пошлины, и актъ записывался въ особыя книги, имѣвшіяся въ мѣстахъ, вѣдавшихъ крѣпостныя дѣла. Съ 1738 г. была узаконена выдача записей изъ крѣпостныхъ книгъ вмѣсто утраченныхъ актовъ.

Выше было уже указано на то, что до Екатерины II всѣ акты обязательно должны были совершаться крѣпостнымъ порядкомъ; въ особенности это правило имѣло значеніе при Петрѣ I. Однако, и до Екатерины II допускались нѣкоторыя исключенія, число которыхъ стало увеличиваться послѣ смерти Петра. Такъ, по Воинскому уставу къ числу письменныхъ доказательствъ были отнесены не только крѣпости, но и домашніе акты, какъ то: купеческія книги и письма, духовныя завѣщанія, договоры и т. п., имѣвшіе, впрочемъ, характеръ не полнаго, но половиннаго доказательства (ст. 1—6 IV гл. „Воинскихъ процессовъ“). Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію Неволина, по дѣламъ лицъ военнаго званія, подлежавшихъ военному суду, могли имѣть

силу и акты, совершенные не у крѣпостныхъ дѣлъ [1]). Затѣмъ, Морской уставъ разрѣшилъ корабельному секретарю писать контракты и духовныя завѣщанія, составляемые на кораблѣ даже не на гербовой бумагѣ, лишь бы названные акты были подписаны офицерами и занесены въ корабельный протоколъ (кн. III, гл. V, ст. 2). Наконецъ, были допущены и нѣкоторыя изъятія для купечества. Такъ, регламентомъ Главному магистрату 1721 г. Петръ установилъ институтъ маклеровъ или торговыхъ сводчиковъ во всѣхъ большихъ городахъ (въ „приморскихъ" и „знатныхъ", производящихъ большую торговлю), избиравшихся купечествомъ изъ своей среды. На обязанности маклеровъ было участвовать при заключеніи всѣхъ договоровъ по торговымъ дѣламъ, причемъ ихъ дневныя записки, т. е. журналы имѣли такое же юридическое значеніе, какъ и судебные протоколы. Маклеры избирались изъ „добрыхъ и во всѣхъ торгахъ и вексельныхъ переводахъ искусныхъ людей", приводились къ присягѣ и получали особое жалованіе, ассигновавшееся имъ купечествомъ.

Послѣ смерти Петра I число указанныхъ изъятій значительно увеличилось. Такъ, съ 1731 г. было разрѣшено заключать всѣ договоры между казною и частными лицами не крѣпостнымъ порядкомъ, а по особому порядку. Затѣмъ уставъ о векселяхъ 1729 г. опредѣлилъ особый порядокъ совершенія векселей. Дѣло въ томъ, что, на основаніи этого указа, названный порядокъ былъ крайне упрощенъ, въ виду того, что векселя оказывалось возможнымъ писать на дому, причемъ не требовались ни подписи свидѣтелей, ни явка векселя въ какомъ либо присутственномъ мѣстѣ. Только протестъ векселя, а также запись объ отсрочкѣ въ платежѣ денегъ по немъ должны были совершаться публичнымъ нотаріусомъ—должностью, установленною вексельнымъ уставомъ. Наконецъ, съ 1726 г. было разрѣшено писать духовныя завѣщанія на дому, а съ 1731 г. также и приданыя росписи и т. д.

Новый періодъ въ исторіи составленія актовъ наступилъ съ царствованія Екатерины II, когда послѣдніе стали составляться не только крѣпостнымъ порядкомъ, но также явочнымъ и домашнимъ уже не въ видѣ исключенія.

Законодательство Екатерины II прежде всего измѣнило

[1]) Назв. соч., ч. II, стр. 71—72.

мѣста, вѣдавшія крѣпостныя дѣла. Съ Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. и въ силу этого, съ уничтоженіемъ Юстицъ-коллегіи, совершеніе крѣпостей перешло въ руки палатъ гражданскаго суда и уѣздныхъ судовъ (послѣдніе совершали акты на сумму, не превышавшую ста рублей; впрочемъ, впослѣдствіи эта сумма постоянно увеличивалась). Съ 1820 г. право совершать крѣпости получили и нѣкоторые коммерческіе суды (сперва одесскій, затѣмъ и другіе). Въ царствованіе имп. Николая I это право было также дано нѣкоторымъ городовымъ магистратамъ и ратушамъ и полицейскимъ и уѣзднымъ управленіямъ на одинаковомъ основаніи съ уѣздными судами. При всѣхъ этихъ учрежденіяхъ должны были находиться крѣпостные писцы и надсмотрщики, дѣятельность которыхъ регулировалась прежними петровскими законами.

Что касается до актовъ, обязательно совершавшихся крѣпостнымъ порядыомъ, то таковыми признавались: купчія и закладныя крѣпости, дарственныя записи и вообще всякаго рода акты, при посредствѣ которыхъ право собственности на недвижимое имущество переходило отъ одного лица къ другому. Совершеніе другихъ актовъ крѣпостнымъ порядкомъ не требовалось, но они также могли быть совершены, если-бы того пожелали контрагенты [1]).

Обрядъ совершенія актовъ крѣпостнымъ порядкомъ въ обшемъ остался прежній и былъ только развитъ съ большими подробностями въ деталяхъ. Само собою разумѣется, что акты должны были писаться на гербовой бумагѣ (впрочемъ, въ 1763 г. было дозволено вмѣсто бумаги употреблять пергаментъ; однако, послѣдующими узаконеніями это было уничтожено), по опредѣленной формѣ и въ присутствіи свидѣтелей, обязанныхъ отвѣтствовать за самоличность контрагентовъ, за нахожденіе ихъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти и за отсутствіе принужденія при заключеніи договора (Банкротскій уставъ 1800 г., ч. II, ст. 9). Нѣкоторые акты должны были предаваться гласности. Такъ, до 1786 г. о всѣхъ крѣпостяхъ на недвижимое имущество, при посредствѣ которыхъ производился переходъ отъ одного лица къ другому права собственности, увѣдомлялся государственный заемный банкъ. Съ этого же года увѣдомленіе посылалось въ ту палату гражданскаго суда, въ районѣ которой находилось

---

[1]) Неволинъ, назв. соч., ч. II, стр. 88.

имущество. Съ 1811 г. о каждомъ актѣ (купчей или закладной) печатались объявленія въ столичныхъ вѣдомостяхъ.

Что касается до учрежденій, на обязанности которыхъ было свидѣтельствовать явочные акты, то таковыми были: 1) мѣста, вѣдавшія крѣпостныя дѣла, 2) нотаріусы и маклеры и 3) нѣкоторыя другія мѣста и лица. Нотаріусы были двухъ категорій: публичные и биржевые. Первыхъ учредилъ уставъ о векселяхъ 1729 г., и въ началѣ имъ принадлежало только право протеста векселей. Однако, уже Банкротскій уставъ 1800 г. расширилъ ихъ функціи, предоставивъ имъ право свидѣтельствовать заемныя обязательства и закладныя на движимое имущество. Наконецъ, положеніемъ о гербовыхъ и крѣпостныхъ сборахъ 1821 г. они получили право удостовѣрять всякія сдѣлки. Биржевые нотаріусы были учреждены въ 1831 г.

Что касается до маклеровъ, то ихъ было нѣсколько категорій. Первую категорію составляли прежніе присяжные маклеры, до 1831 г. свидѣтельствовавшіе всякія сдѣлки, Съ этого же года они были преобразованы въ биржевыхъ маклеровъ. Вторую категорію составляли частные маклеры, учрежденные въ 1781 г. для свидѣтельствованія только нѣкоторыхъ актовъ (напр., по купеческому судоходству, актовъ о городскихъ недвижимыхъ имуществахъ и т. п.), но съ теченіемъ времени (съ изданіемъ Банкротскаго устава 1800 г. и въ особенности законовъ 1815, 1821, 1826 и 1828 гг.) вполнѣ уравненные въ правахъ съ публичными нотаріусами. Третью категорію составляли разные спеціальные виды маклеровъ, напр., слугъ и рабочихъ людей (съ 1782 г.), ремесленныхъ управъ (съ 1785 г.), судоходныхъ расправъ (съ 1810 г.) и цеховые маклеры для Петербурга (съ 1846 г.). Въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было ни нотаріусовъ, ни маклеровъ, обязанность ихъ исправляли: таможенные чиновники (гдѣ были таможни), магистраты и ратуши (съ 1830 г.) и словесные суды; въ заштатныхъ же городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ—становые пристава (съ 1838 г.).

Явочнымъ порядкомъ могли быть совершаемы всѣ вообще акты, за исключеніемъ тѣхъ, которые обязательно должны были совершаться крѣпостнымъ порядкомъ. Изъ явочныхъ актовъ, однако, нѣкоторые (напр., вѣрющія письма, отпускныя, духовныя завѣщанія и нѣкоторые другіе акты) обязательно должны были являться въ мѣстахъ, вѣдающихъ крѣпостныя дѣла. Самый обрядъ совершенія явочныхъ актовъ

состоялъ изъ написанія и засвидѣтельствованія. Написаніе акта могло имѣть мѣсто на дому, причемъ обязательно на гербовой бумагѣ, по установленной формѣ и въ присутствіи свидѣтелей. По написаніи, актъ представлялся къ засвидѣтельствованію, причемъ заносился въ особыя книги, имѣвшіяся у нотаріусовъ, маклеровъ и другихъ лицъ, вѣдавшихъ явочныя дѣла и прикладывавшихъ къ актамъ свои печати.

Наконецъ, домашнимъ порядкомъ составлялись всѣ остальные акты. Съ 1765 г. законодательство обратило вниманіе на совершеніе актовъ за границею, разрѣшивъ совершать ихъ въ арміи и при посольствахъ (въ первомъ случаѣ—за свидѣтельствомъ полковыхъ командировъ, во второмъ случаѣ—за свидѣтельствомъ пословъ), но съ обязательствомъ являть ихъ, по возвращеніи въ Россію, въ полугодичный срокъ, въ надлежащихъ мѣстахъ для записи и для взиманія пошлинъ.

Разъ договоръ заключенъ, то контрагенты обязывались его исполнить. Это правило всегда признавалось законодательствомъ. Такъ, уже законы Петра I требовали, чтобы даже сама казна свято соблюдала заключенные ею договоры, и чтобы присутственныя мѣста и должностныя лица, заключившія ихъ съ частными лицами, исполняли ихъ съ такой силою и твердостью, какъ, еслибы они были за собственноручнымъ подписаніемъ самого государя (регламентъ объ управл. адмир. и верфи, гл. VI, ст. 5, подтвержденный въ названномъ отношеніи въ 1731 г., въ 1744 и въ 1776 гг.). Затѣмъ указомъ 1766 г. было предписано всѣмъ судебнымъ и полицейскимъ мѣстамъ, въ случаѣ поступленія къ нимъ просьбъ о неисполненіи договоровъ, строго разслѣдовать дѣло и постановлять рѣшеніе на точномъ разумѣ договора, не обращая вниманія ни на какія побочныя обстоятельства.

Кромѣ исполненія, договоры прекращались еще слѣдующими способами. Во-первыхъ, по обоюдному согласію контрагентовъ. Во-вторыхъ, по одностороннему согласію той изъ сторонъ, которая имѣла право требовать отъ другой стороны исполненія договора, такъ какъ каждый воленъ добровольно отказываться отъ своего права. Этотъ принципъ былъ впервые высказанъ въ 1727 г. Однако, Банкротскій уставъ 1800 г. воспретилъ этотъ способъ прекращенія договора, если имъ нарушались интересы третьихъ лицъ, напр., отказъ отъ своихъ правъ при несостоятельности во вредъ конкурсу, т. е.

во вредѣ другихъ кредиторовъ (ч. I. ст. 104). Въ-третьихъ, договоры прекращались давностью (съ 1787 г.—десятилѣтнею). На основаніи Банкротскаго устава 1800 г. срокъ давности считался со дня подписанія договора (ч. II, ст. 69), но съ 1822 г. было предписано вести счетъ давности не со времени подписанія договора, но со дня истеченія срока, назначеннаго для дѣйствія договора по согласію сторонъ. Однако, въ 1824 г. Государственный Совѣтъ опредѣлилъ, что давность начинается лишь съ того дня, съ котораго кредиторъ былъ вправѣ требовать уплату должной суммы, и что давность прерывается какъ искомъ, такъ и, относительно казеннаго учрежденія, просьбою о выдачѣ, Если же выдача со стороны казны пріостановлена распоряженіемъ начальства, впредь до рѣшенія какого либо спора, то во все время, до устраненія этого обстоятельства, теченіе давности пріостанавливается, и затѣмъ она уже не можетъ продолжаться, но должна начинаться снова со времени прекращенія названнаго обстоятельства. Это постановленіе было распространено въ слѣдующемъ 1825 году (21 Іюля) и на всѣ остальныя обязательства [1]). Въ-четвертыхъ, договоры прекращались несостоятельностью одного изъ контрагентовъ (обязывающагося). Впрочемъ, до изданія Банкротскаго устава 1800 г. это правило не было извѣстно, такъ какъ, не говоря уже объ Уложеніи 1649 г., по уставу о таможенномъ словесномъ судѣ 1727 г. должникъ, сдѣлавшійся несостоятельнымъ не по своей винѣ, но по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, не освобождался отъ своихъ долговъ, а получалъ только отсрочку въ ихъ уплатѣ. Должникъ же, раззорившійся по своей винѣ, отдавался для заработки долга кому либо въ услуженіе, причемъ его хозяинъ обязывался выплатить имѣвшійся на немъ долгъ. Если таковаго не отыскивалось, то должникъ отдавался въ солдаты, и за него платила кредитору та изъ слободъ, за которую онъ поступалъ на службу, но не болѣе ста рублей (если же долгъ превышалъ эту сумму, то излишекъ кредиторъ терялъ). Негодный для солдатской службы ссылался въ Сибирь. Съ иной точки зрѣнія взглянулъ на несостоятельность Банкротскій уставъ 1800 г. Несчастный несостоятельный должникъ, по уставу, по продажѣ всего его имущества на платежъ долговъ, никакому дальнѣйшему взысканію не подвергался (такимъ образомъ договоръ счи-

---

[1]) См. Энгельмана, О давности по русскому гражданскому праву, стр. 54—56 (изд. 2-ое).

тался прекращеннымъ), и если впослѣдствіи онъ снова пріобрѣталъ имущество, то оно уже не шло на уплату его долговъ (ч. I, ст. 133). Неосторожный несостоятельный должникъ (если онъ не былъ изъ купцовъ) заключался въ тюрьму и лишался кредита. Въ случаѣ же пріобрѣтенія имъ недвижимаго имущества во время нахожденія въ тюрьмѣ (напр., по наслѣдству) и, несмотря на это, на неуплату имъ добровольно своихъ долговъ, имущество поступало въ опеку, выдававшую пятую часть доходовъ на удовлетвореніе кредиторовъ, а четыре пятыхъ на содержаніе должника и его семейства, что должно было продолжаться только до смерти послѣдняго, когда имущество переходило къ его наслѣдникамъ безъ всякаго дальнѣйшаго удовлетворенія кредиторовъ. Если должникъ былъ изъ купцовъ, то вновь пріобрѣтенное имъ имущество обязательно поступало на уплату долговъ (ч. II, ст. 100—104 и ч. I, ст. 136). Наконецъ, злостный банкротъ предавался уголовному суду и, кромѣ того, если былъ изъ купцовъ, обязывался уплатить долги (ч. II, ст. 105 и ч. I, ст. 139). Такимъ образомъ принципъ, что несостоятельность является однимъ изъ способовъ прекращенія договоровъ, проходитъ, за небольшимъ исключеніемъ, черезъ всѣ указанныя постановленія устава 1800 г.

Способами обезпеченія договоровъ были неустойка и поручительство. Подъ первой понималась опредѣленная сумма денегъ, выплачивавшаяся обязавшейся стороною, при неисполненіи своего обязательства. Уже при Петрѣ I былъ извѣстенъ цѣлый рядъ крѣпостей, писавшихся съ неустойкою (указъ 1705 г.), причемъ послѣдняя могла включаться въ самый договоръ. Съ другой стороны, были договоры, обезпеченіе которыхъ неустойкою законодательство запрещало, напр., договоръ о заключеніи брака (указъ 1702 г.).

Что касается до поручительства [1]), то сущность его заключалась въ отвѣтственности имуществомъ со стороны поручителя, въ случаѣ неисполненія обязательства. Условія поручительства были весьма разнообразны, причемъ нѣкоторымъ лицамъ, напр., духовенству, было запрещено ручаться по нѣкоторымъ обязательствамъ (указъ 1743 года).

---

[1]) Кромѣ назв. соч. Неволина, см. Капустина, „Древнее русское поручительство“ (Юрид. Сборникъ, изд. Мейеромъ, 1855 г., стр. 279 и слѣд.) и Никонова „Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву“.

Точно также по указу 1761 г. было предписано „не принимать въ поручительство“ по займамъ крестьянъ (дворцовыхъ, монастырскихъ, черносошныхъ и крѣпостныхъ). Вообще поручителями могли быть только обезпеченныя въ матеріальномъ отношеніи лица (по указу 1758 г.—только такія, у которыхъ „есть капиталы и деревни не малые“). Начиная съ царствованія Петра I поручители должны были подписываться не въ началѣ договора, какъ прежде, а по изложеніи его содержанія, чтобы дать имъ возможность ознакомиться съ послѣднимъ (указъ 1705 г.).

Переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ *видовъ* обязательствъ.

§ 2. *Дареніе.*

Однимъ изъ такихъ видовъ является *дареніе.* Какъ уже извѣстно, въ началѣ XVIII ст. распоряжаться своимъ имуществомъ дарственнымъ образомъ было весьма ограничено. Такъ, указъ 1712 г. запретилъ послѣднему въ родѣ всякое отчужденіе, и въ томъ числѣ и дареніе своихъ недвижимыхъ имуществъ. Еще далѣе пошелъ указъ о единонаслѣдіи 1714 года, уничтоживъ вообще право владѣльцевъ распоряжаться своимъ недвижимымъ имуществомъ дарственнымъ образомъ. Съ изданіемъ Жалованной грамоты дворянству 1785 г. и въ особенности съ указа 1823 г. осталось только запрещеніе дарить родовое имущество, помимо законныхъ наслѣдниковъ. Актъ о дареніи недвижимаго имущества назывался дарственною записью и обязательно долженъ былъ совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, на гербовой бумагѣ, со взысканіемъ опредѣленныхъ пошлинъ (законъ 1797 года 18 Декабря) [1]). Для опредѣленія цѣны гербовой бумагѣ и размѣра крѣпостныхъ пошлинъ было предписано въ дарственной записи означать цѣну имущества (съ 1785 г.—по совѣсти), причемъ послѣдняя не должна была быть ниже опредѣленной закономъ (законъ 1805 г.). Если предметомъ даренія было движимое имущество, то

---

[1]) Когда въ началѣ XIX ст. оказалось нужнымъ по одному частному дѣлу разграничить понятіе дарственнаго акта отъ понятія завѣщанія, то Государственный Совѣтъ (въ 1827 г.) постановилъ считать единственною отличительною чертою завѣщанія посмертность перехода имущества къ наслѣднику. Въ виду этого духовное завѣщаніе нѣкоей Олсуфьевой Госуд. Совѣтъ опредѣлилъ считать за дарственный актъ (см. Товсталѣса „Дареніе по дѣйствующему праву“, Журн. Мин. Юст. 1906 г., кн. 8).

никакого письменнаго акта не требовалось. Даръ, принятый одариваемымъ, не могъ уже возвратится къ дарителю, а по смерти одариваемаго переходилъ къ его наслѣдникамъ (резолюція 1725 года, указы 1773, 1823 гг. и др.). Впрочемъ, изъ этого правила существовали нѣкоторыя исключенія. Такъ, въ 1779 году былъ подтвержденъ указъ 1679 года, по которому даритель имѣлъ право требовать возвращенія своего дара обратно, если принявшій даръ совершитъ покушеніе на его жизнь, причинитъ ему побои, оклевещетъ его въ какомъ либо преступленіи или вообще окажетъ ему явное непочтеніе. Затѣмъ закономъ 1823 г. было постановлено, что имущество, подаренное дѣтямъ родителями, по смерти первыхъ и при отсутствіи у нихъ нисходящихъ наслѣдниковъ, возвращается обратно къ родителямъ. Наконецъ, на основаніи закона 1827 года, возвращеніе дара можетъ быть выговорено при самомъ дареніи, въ силу чего даритель, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ требовать отъ наслѣдниковъ лица, получившаго даръ, возвращеніе подареннаго.

Особыми видами даренія являются: пожертвованіе, выдѣлъ и назначеніе приданаго. Пожертвованіемъ называется дареніе на пользу общую. Подъ выдѣломъ понимается назначеніе дѣтямъ со стороны родителей еще при ихъ жизни части имущества, которую они имѣли бы право получить по наслѣдству. Какъ уже извѣстно, это право было очень ограничено по указу о единонаслѣдіи 1714 г. Послѣ отмѣны этого указа и со времени изданія Жалованной грамоты дворянству 1785 г. право выдѣла было ограничено относительно родовыхъ имуществъ, изъ которыхъ можно было выдѣлять извѣстныя части только законнымъ наслѣдникамъ. Актъ о выдѣлѣ назывался отдѣльною записью. Выдѣлъ дочерей по случаю ихъ замужества совершался въ формѣ назначенія приданаго. Съ 1731 г., какъ извѣстно, дочери стали получать въ наслѣдство по закону опредѣленную часть изъ движимаго и недвижимаго имущества родителей, почему въ изучаемую эпоху для устраненія дочери, получившей приданое, отъ наслѣдства, требовалось, чтобы она въ рядной записи прямо отказалась отъ наслѣдства (законы 1770, 1814, 1818 гг.).

§ 3. *Мѣна* [1]).

Вторымъ видомъ обязательствъ является *мѣна*, причемъ актъ о мѣнѣ носилъ названіе мѣновной записи и долженъ былъ совершаться крѣпостнымъ порядкомъ. По мнѣнію Неволина, указъ о единонаслѣдіи 1714 г. уничтожилъ мѣну недвижимаго имущества. Однако, это мнѣніе вполнѣ опровергнуто г. Курдиновскимъ, доказавшимъ путемъ анализа содержанія указа, что въ немъ идетъ рѣчь только о продажѣ и закладѣ, а о мѣнѣ вовсе не упоминается и „потому, конечно, что мѣна не противорѣчила цѣли закона — сохранить имѣніе въ фамиліяхъ и тѣмъ обезпечить ихъ отъ паденія“. Во всякомъ случаѣ съ отмѣною указа въ 1731 г., были отмѣнены и всѣ ограниченія права собственности, установленныя имъ. Даже сто лѣтъ спустя (17 Ноября 1831 г.) Сенатъ, разъясняя смыслъ указа 1731 г., заявилъ, что имъ было разрѣшено писать на имѣнія „рядныя и поступныя или *мѣновыя*“. Жалованныя грамоты дворянству и городамъ также не лишили „пріобрѣтателя недвижимости“ права обмѣниваться послѣдней. Напротивъ, ему было разрѣшено „имѣніе дарить или завѣщать, или въ приданое, или на прожитокъ отдать, или *передать*, или продать, кому заблагоразсудитъ“. А „передача имѣній“ значила, по разъясненію Сената 18 Декабря 1788 г., „ни что иное, какъ мѣна“. Наконецъ, Учрежденіемъ объ императорской фамиліи были разрѣшены „продажа и *промѣнъ*“ всѣхъ недвижимыхъ имѣній, кромѣ удѣльныхъ. Мало того, въ теченіе XVIII и XIX ст. правительство неоднократно рекомендовало мѣну, смотря на нее, какъ на „способъ наиболѣе дѣйствующій къ скорѣйшему окончанію миролюбивыхъ разводовъ“ (слова закона 1836 г.). Такъ, въ 1766 г. была дозволена мѣна казенныхъ земель на земли помѣщиковъ для доставленія городамъ удобнаго выгона. 10 Авг. 1807 г. „мѣстное начальство“ получило инструкцію „употребить стараніе“ промѣнивать свободныя земли, лежащія вдали отъ посадовъ, на ближайшія къ посадамъ, „если на сей промѣнъ казенные крестьяне или помѣщики согла-

---

[1]) Кромѣ назв. соч. Неволина и Курдиновскаго, см. Соколова, Историческое изложеніе договора мѣны недвижимыхъ имуществъ по русскимъ законодательнымъ памятникамъ (Кіевск. Унив. Изв. 1880 г., кн. 9).

сятся". Въ 1808 г. разрѣшено, для уничтоженія чрезполоснаго владѣнія между помѣщиками и казенными крестьянами, обмѣниваться землями, причемъ мѣна названа способомъ, имѣющимъ „не малыя взаимныя выгоды". Въ 1836 г. „взаимный размѣнъ землями", „для вящшаго поощренія къ тому владѣльцевъ" былъ даже освобожденъ отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ. И все-же, не смотря на только что сказанное, въ 1786 г. Сенатъ, опираясь на указъ 1714 г., постановилъ: „поступныхъ и промѣнныхъ на деревни записей ни въ какое дѣйство принимать не слѣдуетъ". „Такое заключеніе, вполнѣ основательно замѣчаетъ г. Курдиновскій, противно буквальному смыслу закона 1714 г., кромѣ того, оно не имѣло никакого значенія для той эпохи, ибо петровскій законъ былъ отмѣненъ еще при Аннѣ Ивановнѣ и во второй половинѣ XVIII ст. уже былъ достояніемъ исторіи". Однако, запрещеніе мѣны продолжалось недолго, такъ какъ тотъ же Сенатъ въ 1788 г., ссылаясь на Жалованную грамоту дворянству, допустилъ мѣну недвижимыхъ имуществъ, обязавъ „всякаго въ такомъ случаѣ по совѣсти своей показать въ записи или крѣпости его цѣну имѣнію, дабы по тому съ того, кому по договору между ними условлено, платить пошлину". Но, при составленіи Свода Законовъ, Сперанскій принялъ во вниманіе только сенатскій указъ 1786 г., почему мѣна недвижимыхъ имуществъ по Своду оказалась запрещенной (ст. 1374 I ч. X т.) [1].

Мѣна движимаго имущества всегда считалась дозволенной, и для этого не требовался никакой письменный актъ.

§ 4. Купля—продажа.

Третьимъ видомъ обязательствъ является *купля—продажа*. Продавать имущество могли только тѣ лица, которымъ не было запрещено распоряжаться своею собственностью; точно также покупать имущество могли только тѣ, которые имѣли право имъ владѣть. Разсматриваемый договоръ могъ заключаться или непосредственно между покупщикомъ и продавцемъ, или же посредствомъ уполномоченныхъ (указы 1733 и 1744 гг.). Само собою разумѣется, что продавать можно было только *свое* имущество. Впрочемъ, изъ этого правила существовали нѣкоторыя исключенія. Такъ, указомъ

---

[1]) Неволинъ, назв. соч., ч. II, стр. 351 и слѣд.; Курдиновскій, назв. соч., стр. 358 и слѣд.

1730 г., подтвержденнымъ въ 1786 г., было запрещено продавать такое имущество, которое могло перейти къ продавцу по наслѣдству. Затѣмъ законодательство запрещало продажу имущества, находящагося въ опекѣ, взятаго правительствомъ въ секвестръ или подъ арестъ и состоящаго подъ запрещеніемъ въ письмѣ крѣпостей. Изъ послѣдняго правила существовали также исключенія, а именно: законами о государственныхъ и губернскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ 1772, 1786, 1813, 1824, 1825, 1827 и 1829 гг. дозволялось продавать заложенныя въ нихъ имѣнія другимъ лицамъ, но не иначе, какъ съ согласія этихъ учрежденій и съ переводомъ долга на покупщика, и законами 1808 и 1809 гг. разрѣшалась продажа имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ въ видѣ обезпеченія какого либо дохода, получавшагося съ него въ пользу государственныхъ или общественныхъ заведеній, когда упомянутое обезпеченіе замѣнялось постояннымъ и равнымъ доходомъ съ наличнаго капитала. Наконецъ, имущество, для отчужденія котораго требовалось разрѣшеніе начальства, не могло быть продаваемо безъ этого разрѣшенія. Логическимъ слѣдствіемъ изъ сказаннаго являлась невозможность продажи имущества, состоящаго въ пользованіи или владѣніи, хотя бы и пожизненномъ, на которое, слѣдовательно, право собственности принадлежало другому лицу (законы 1803, 1814 и 1817 гг.). Этимъ объяснялся тотъ фактъ, что продажа имущества общественнаго, т. е. принадлежащаго городу или селенію на правѣ пользованія, считалась недѣйствительчой (законы 1754, 1766 и 1808 гг.). При продажѣ и покупкѣ, кромѣ необходимыхъ условій, напр., опредѣленіе продаваемаго имущества и его цѣны, допускались различныя произвольныя, среди которыхъ однимъ изъ первыхъ считалось условіе объ очисткахъ, т. е. продавецъ удостовѣрялъ покупщика въ томъ, что имущество до этого времени никому не было продано, заложено или какимъ либо инымъ способомъ укрѣплено, и принималъ на себя обязанность очищать покупщика отъ всякихъ на это имущество притязаній съ обязательствомъ вознаградить его за убытки, если бы таковые произошли (указы 1701, 1729, 1738, 1809 гг. и др.). Кромѣ условія объ очисткахъ, другими произвольными условіями были: объ издержкахъ на гербовую бумагу (законъ 1827 г.), о переводѣ долговъ и платежей съ продавца на покупщика (законъ 1827 г.) и т. п.

Продажа недвижимаго имущества и крѣпостныхъ людей безъ земли обязательно должна была совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, причемъ актъ о продажѣ назывался купчею крѣпостью. Форма послѣдней была установлена въ 1738 г. На основаніи ея въ составъ содержанія купчей входило: 1) объявленіе продавца о продажѣ имѣнія покупщику, съ означеніемъ званія, имени, отчества и фамиліи того и другого; 2) изложеніе способа возникновенія права собственности на имѣніе со стороны продавца; 3) подробное описаніе имѣнія; 4) заявленіе на счетъ свободы имѣнія отъ запрещенія; 5) цѣна, за которую имѣніе продано [1]. Кромѣ того, до указа 1801 г., разрѣшившаго послѣднему въ родѣ продавать и закладывать свое имущество, что, какъ извѣстно, было запрещено въ 1712 г., въ купчей обязательно означалось, что продавецъ имѣнія не является послѣднимъ въ родѣ. Затѣмъ, въ виду того, что указомъ о единонаслѣдіи 1714 г. продажа недвижимаго имущества разрѣшалась только въ случаѣ нужды, указаніе на эту послѣднюю также должно было имѣть мѣсто въ купчей (впрочемъ, названное правило было уничтожено въ 1729 г.).

Въ первые годы изучаемаго періода продолжало существовать клейменіе (такъ называемое пятнаніе) покупаемыхъ лошадей (наказы воеводамъ 1697 и 1700 гг.), унаслѣдованное еще отъ временъ Московскаго государства. Затѣмъ оно вышло изъ употребленія и было замѣнено явкою и записываніемъ у сборщиковъ пошлинъ каждой купленной или вымѣненной лошади, что продолжалось до 1777 г., когда названный сборъ съ лошадей былъ уничтоженъ.

Со времени изданія регламента Коммерцъ-коллегіи 1724 г. продажа новопостроенныхъ мореходныхъ судовъ также должна была происходить, при соблюденіи нѣкоторыхъ особенностей, а именно: каждое подобное судно записывалось въ мѣстной таможнѣ, а отъ мѣстнаго магистрата или ратуши хозяинъ судна получалъ актъ съ описаніемъ всѣхъ обстоятельствъ, касающихся постройки и качества судна. Въ случаѣ продажи судна, этотъ актъ передавался покупщику. Указанный порядокъ продажи судна былъ подтвер-

---

[1]) Опредѣленіе цѣны всегда предоставлялось обоюдному согласію контрагентовъ, но, по указу 1752 г., съ виновныхъ въ утайкѣ истинныхъ цѣнъ взыскивалась пошлина вдвое. Затѣмъ съ 1801 г. цѣны продаваемаго недвижимаго имущества и крѣпостныхъ людей должны были означаться не ниже установленныхъ закономъ.

жденъ уставомъ купеческаго водоходства 1781 г. съ тѣмъ различіемъ, что актъ, называемый крѣпостью на судно, передавался покупщику съ записью у частнаго маклера.

Для продажи движимаго имущества никакого письменнаго акта не требовалось.

Что касается до исполненія по договору купли-продажи, то оно совершалось путемъ ввода покупщика во владѣніе имуществомъ (относительно недвижимостей) или путемъ передачи ему проданнаго имуществства (отнсительно движимостей), а также уплатою денегъ съ его стороны продавцу. Вопросомъ объ исполненіи разсматриваемаго договора занимается уставъ о словесномъ таможенномъ судѣ 1727 г., содержа въ себѣ нѣсколько правилъ по этому поводу, перешедшихъ впослѣдствіи въ Сводъ Законовъ.

§ 5. *Наемъ имущества* [1].

Четвертымъ видомъ обязательствъ является *наемъ имущества.* Предметомъ послѣдняго могло быть какъ движимое, такъ и недвижимое имущество, причемъ контрагенты въ отношенія его обязательно должны были пользоваться правомъ распоряженія. Такъ, закономъ 1842 г. отдача въ наемъ со стороны крѣпостныхъ крестьянъ земель, мельницъ и разныхъ угодій безъ разрѣшенія помѣщиковъ, т. е. лицъ, пользовавшихся правомъ распоряженія названнымъ имуществомъ, была признана недѣйствительной. Срокъ найма въ большинствѣ случаевъ (по крайней мѣрѣ до 1824 г.) опредѣлялся добровольнымъ согласіемъ сторонъ [2]). Впрочемъ, иногда само законодательство считало нужнымъ опредѣлить максимальный срокъ. Такъ, межевой инструкціей 1766 г. было постановлено, что однодворцы могутъ сдавать въ наемъ тѣ изъ своихъ земель, на которыхъ они въ подушномъ окладѣ положены не болѣе, какъ на годъ. Въ 1824 г. Государственный Совѣтъ по одному частному дѣлу постановилъ, что недвижимыя имущества можно отдавать въ наемъ на срокъ не болѣе 12 лѣтъ, чѣмъ свобода въ опредѣленіи срока найма

---

[1]) Кромѣ соч. Неволина и Побѣдоносцева, см. Змирлова Договоръ найма имуществъ по нашимъ законамъ (Журн. гражд. и уголовн. права 1884 г., кн. 2).

[2]) Правда, при Елизаветѣ Петровнѣ было высказано требованіе писать наемныя записи „погодно", чтобы „въ сборѣ крѣпостныхъ пошлинъ недобора не чинилось", но при уплатѣ пошлинъ впередъ „по тотъ годъ, какъ въ записи срокъ написанъ будетъ", разрѣшалось писать записи и „на многіе годы".

была уничтожена. Впрочемъ, въ 1835 г. этотъ срокъ былъ увеличенъ до 30 лѣтъ относительно сдачи въ наемъ пустопорожнихъ земель для постройки на нихъ фабрикъ и заводовъ, а въ 1847 г. для постройки дачъ въ окрестностяхъ обѣихъ столицъ.

Что касается до наемной платы, то размѣръ ея всегда опредѣлялся добровольнымъ согласіемъ сторонъ. Закономъ 1738 г. было постановлено, что дворовыя, лавочныя, мельничныя и другія, предназначенныя для хозяйственныхъ заведеній, мѣста, выстроенныя на счетъ нанимателя, по прошествіи срока найма должны были поступать въ собственность хозяина земли.

Съ 1701 г. разсматриваемый договоръ долженъ былъ совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, что продолжалось до 1780 г., когда была отмѣнена пошлина съ заключенія этого договора. По учрежденіи въ 1782 г. частныхъ маклеровъ, наемъ сталъ совершаться явочнымъ порядкомъ у послѣднихъ съ записью явки, при двухъ свидѣтеляхъ, въ маклерской книгѣ. Съ 1833 г. было предоставлено на волю контрагентовъ заключать названный договоръ относительно городскихъ строеній и участковъ въ письменной или словесной формѣ, явочнымъ или домашнимъ порядкомъ. Наемъ движимаго имущества законодательство, изданное послѣ Петра, всегда разрѣшало заключать въ устной формѣ [1]). Единственное исключеніе составлялъ наемъ судовъ, какъ морскихъ, такъ и рѣчныхъ, который со времени изданія устава купеческаго водоходства 1781 г. обязательно долженъ былъ совершаться въ письменной формѣ съ записью у маклера.

Исполненіе по договору найма наступало съ окончаніемъ срока, на который договоръ былъ заключенъ, причемъ до этого окончанія хозяинъ имущества не имѣлъ права отказать нанимателю, равно какъ и этотъ послѣдній обязывался выплачивать договоренную плату за нанимаемое имущество (указъ 1727 г.).

§ 6. Личный наемъ.

Пятымъ видомъ обязательствъ являлся *личный наемъ*, выражавшійся въ формѣ найма: 1) для домашнихъ услугъ

---

[1]) Впрочемъ, какъ весьма основательно предполагаетъ Змирловъ (назв. ст. въ Журн. гражд. и уголовн. права 1884 г., кн. 2), нужно думать, что петровскіе указы, предъявляя категорическое требованіе о заключеніи договора найма недвижимаго имущества формальнымъ письменнымъ порядкомъ, „даютъ право умозаключить, что движимость и тогда дозволялось отдавать въ наемъ безъ всякихъ письменныхъ условій“.

и 2) отправленія земледѣльческихъ, ремесленныхъ и заводскихъ работъ, а также торговыхъ и прочихъ промысловъ. Право нанимать себѣ кого-либо имѣли вообще всѣ тѣ лица, которымъ принадлежало право вступленія въ договоры[1]. Впрочемъ, закономъ 1818 г. было признано, что евреи не имѣютъ права нанимать себѣ въ услуженіе христіанъ (то же было подтверждено и въ 1820 г.). Однако, въ 1827 г. было разъяснено, что для отправленія всевозможнаго рода кратковременныхъ работъ и промысловъ евреи сохраняютъ за собою право нанимать и христіанъ, причемъ съ 1835 г. рабочіе, нанявшіеся къ евреямъ на работы, должны были жить не въ однихъ домахъ съ хозяевами, но отдѣльно.

Нѣкоторыя лица могли наниматься только съ согласія тѣхъ лицъ, въ зависимости отъ которыхъ или подъ начальствомъ которыхъ они находились. Такъ, несовершеннолѣтнія дѣти и жена не могли наниматься безъ согласія отца или мужа. Затѣмъ, когда въ 1724 г. были установлены особые виды для отлучекъ изъ мѣста постояннаго жительства, было запрещено нанимать въ услуженіе или на какія либо работы лицъ, не имѣвшихъ подобныхъ видовъ, т. е. не получившихъ на отлучку разрѣшенія отъ своего мѣстнаго начальства. Крѣпостные могли наниматься только съ согласія помѣщиковъ или ихъ управителей. Наконецъ, по полковничьимъ инструкціямъ 1724, 1765 и 1766 гг. нижнимъ чинамъ было запрещено наниматься на какія либо работы безъ разрѣшенія своего начальства и въ ущербъ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Срокъ, на который заключался наемъ, опредѣлялся контрагентами. Впрочемъ, по отношенію къ нѣкоторымъ разрядамъ лицъ примѣнялось постановленіе Уложенія (ст. 116 гл. XX) о заключеніи договора не далѣе пяти лѣтъ, напр., къ крестьянамъ духовныхъ вотчинъ (въ 1702 г.) къ крѣпостнымъ (въ 1775 г.), къ лицамъ, отдаваемымъ въ ученіе ремеслу (въ 1785 г.) и т. п. Затѣмъ указомъ 1724 г. было постановлено, что срокъ найма не можетъ простираться далѣе срока, на который выданъ видъ для отлучки изъ мѣста жительства. Наконецъ, Жалованной грамотой городамъ 1785 г. было вмѣнено въ обязанность ремесленной управѣ назначать срокъ, въ какой ремесленники должны были кончать опредѣленныя работы (Ремесленное положеніе, ст. 123).

Что касается до цѣны найма, то по Ремесленному поло-

---

[1]) Неволинъ, назв. соч., ч. III, стр. 205.

женію 1785 г. размѣръ ея, по крайней мѣрѣ относительно договоровъ, заключаемыхъ цеховыми мастерами съ подмастерьями и учениками, опредѣлялся разъ въ годъ приговоромъ ремесленнаго схода. Затѣмъ, въ случаѣ спора, между ремесленникомъ и заказчикомъ по поводу цѣны за работу-оцѣнка послѣдней производилась ремесленною управою (ст. 123). Уставъ о цехахъ 1799 г. предписалъ въ подобныхъ спорахъ оцѣнку производить альдерманамъ и старостамъ изъ рядовъ (ст. 7 гл. IX). Тотъ же уставъ разрѣшилъ лицамъ, нанимающимся управлять дѣлами купцовъ и фабрикантовъ, вмѣсто опредѣленной платы, получать проценты отъ полученной ими суммы денегъ или нѣкоторую часть отъ доставленной ими хозяину прибыли (ст. 4 гл. XVI). За то уставъ о винокуреніи 1765 г. запретилъ винокуреннымъ заводчикамъ платить рабочимъ, вмѣсто денегъ, водкою (ст. 5, гл. I).

До Екатерины II договоры о личномъ наймѣ совершались крѣпостнымъ порядкомъ. По Уставу благочинія наемъ слугъ и рабочихъ могъ совершаться или явочнымъ, или домашнимъ порядкомъ. Для явки такихъ договоровъ уставъ учредилъ должность маклера слугъ и рабочихъ людей. Если договоръ заключался домашнимъ порядкомъ, то въ случаѣ спора о работѣ или платы за нея, контрагенты не могли разсчитывать на содѣйствіе управы благочинія, но должны были обращаться въ словесный судъ (ст. 187 и 189). Заключеніе договора между мастеромъ и ученикомъ должно было происходить по особому порядку, установленному Ремесленнымъ положеніемъ 1785 г., а именно: ученикъ принимался при двухъ свидѣтеляхъ (одномъ со стороны мастера, другомъ со стороны ученика), затѣмъ представлялся управному старшинѣ и его товарищемъ, и, наконецъ, имя его заносилось въ книгу учениковъ управы (ст. 123). Точно также по уставу о цехахъ 1799 г. всякіе договоры о служеніи и работахъ должны были записываться у маклера слугъ и рабочихъ людей, а договоры между мастерами и учениками цеха, по представленіи послѣднихъ альдерманамъ, записываться въ особую книгу учениковъ цеха (ст. 15 гл. VI и ст. 13 гл. IX). Впрочемъ, уставъ о цехахъ допускалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и словесные договоры, а именно: между заказчиками и цеховыми мастерами, принимающими на себя извѣстную работу (ст. 7 гл. IX).

Что касается до исполненія договора, то правила, касающіяся его, также изложены въ Ремесленномъ положеніи и

уставѣ о цехахъ. По первому памятнику ремесленникъ обязанъ отправлять ремесло исправно и производить работу, какъ слѣдуетъ, т. е. безъ недостатковъ и сообразно съ предписаніями управы касательно вѣса, мѣры и пробы. Мастеръ обязанъ учить ученика хорошо, обходиться съ нимъ человѣколюбиво, безъ причины не наказывать и излишней работы на него не налагать. Онъ не имѣетъ права прогнать ученика до наступленія срока окончанія ученія подъ страхомъ уплаты штрафа и обратнаго возвращенія къ нему ученика. По окончаніи ученія, мастеръ обязанъ выдать ученику или подмастерью свидѣтельство, „какое онъ заслужилъ по вѣрности, послушанію, почтительности, прилежанію, искусству и поведенію“ (ст. 123). Тѣ же правила содержитъ въ себѣ и уставъ о цехахъ 1799 г. съ тѣмъ только различіемъ, что мастеръ, убѣдившись въ неспособности ученика, вслѣдствіе слабаго умственнаго развитія или болѣзненности его, долженъ по прошествіи шести мѣсяцевъ со времени заключенія договора, извѣстить объ этомъ лицо, отдавшее ему ученика; въ противномъ случаѣ онъ платилъ штрафъ (ст. 14 и 17 гл. IX).

§ 7. *Подрядъ и поставка.*

Шестымъ видомъ обязательствъ являлись *подрядъ и поставка.* Предметомъ названнаго договора, согласно съ законодательствомъ изучаемаго періода (указы 1701, 1738, 1782 гг. и др.), могли быть: 1) постройка, ремонтъ, передѣлка и ломка зданій и вообще производство всякихъ работъ, 2) поставка матеріаловъ, припасовъ и вещей и 3) перевозка людей и вещей, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою [1]).

До Екатерины II договоръ подряда совершался крѣпостнымъ порядкомъ (указы 1701, 1703, 1705 и 1706 гг.), причемъ въ 1738 г. былъ изданъ образецъ подрядной записи. Въ 1782 г. Екатерина II предписала: „буде кто въ части домъ построить или ломать хочетъ... да объявитъ о томъ частному маклеру“, т. е. съ этого времени изучаемый договоръ сталъ заключаться явочнымъ порядкомъ. Что касается до договора подряда и поставки съ казною, то съ 1704 г. онъ долженъ былъ обязательно обезпечиваться поручительствомъ, причемъ, согласно позднѣйшимъ указамъ (1733 г. и

---

[1]) Неволинъ, назв. соч., ч. III, стр. 120.

1758 г.), въ случаѣ несостоятельности главныхъ контрагентовъ, отвѣчали не только сами поручители, а въ случаѣ ихъ смерти, и ихъ наслѣдники.

§ 8. *Заемъ.*

Седьмымъ видомъ обязательствъ являлся *заемъ*. Законодательство изучаемаго періода разрѣшало далеко не всѣмъ лицамъ вступать въ это обязательство. Не говоря уже о несовершеннолѣтнихъ и неотдѣленныхъ дѣтяхъ, которымъ это было запрещено, существовали еще лица, въ отношеніи которыхъ названный договоръ считался недѣйствительнымъ, и заключеніе его влекло за собою опредѣленныя кары для контрагентовъ. Такъ, указомъ 1740 г. было подтверждено правило Уложенія 1649 г. (ст. 58 гл. XX) о воспрещеніи воеводамъ и приказнымъ людямъ въ мѣстахъ своего служенія брать на комъ либо заемныя обязательства. На основаніи этого указа было запрещено всѣмъ чиновникамъ, служащимъ въ губерніяхъ, вступать въ названное обязательство съ кѣмъ нибудь изъ мѣстныхъ жителей. Въ 1837 г. было признано за лихоимство взятіе заемныхъ обязательствъ со стороны чиновниковъ земскаго суда и полиціи, во время производства слѣдствія, съ преступниковъ или съ прикосновенныхъ къ преступленію лицъ. Еще раньше, а именно въ 1829 г. было постановлено, что лица, занимающія на государственной службѣ мѣста казначеевъ, могутъ производить денежныя ссуды не иначе, какъ съ разрѣшенія ихъ начальства. До сихъ поръ мы говорили о лицахъ, коимъ было запрещено ссужать деньги. Перейдемъ теперь къ лицамъ, коимъ было запрещено, по крайней мѣрѣ безъ разрѣшенія ихъ властей, брать деньги взаймы. Кромѣ несовершеннолѣтнихъ и неотдѣленныхъ дѣтей, съ 1761 г. было запрещено также и крестьянамъ (государственнымъ, дворцовымъ, духовныхъ вотчинъ и крѣпостнымъ, а съ 1771 г. и дворовымъ людямъ) обязываться векселями. Впрочемъ, они могли писать заемныя письма, но не иначе, какъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ и съ разрѣшенія своихъ властей и помѣщиковъ. Точно также въ 1796 г. состоялось запрещеніе нижнимъ чинамъ брать у кого либо въ долгъ подъ страхомъ наказанія и подъ страхомъ отсылки къ гражданскому суду ихъ кредиторовъ.

Въ 1754 г. состоялась отмѣна постановленія Уложенія о

запрещеніи процентовъ (ст. 255 гл. X), причемъ названнымъ указомъ (объ учрежденіи заемнаго банка) было разрѣшено взимать не болѣе шести % въ годъ. Впрочемъ, уже въ 1786 г. это количество % было ограничено только пятью въ годъ, что продолжалось до 1808 г., когда снова были разрѣшены шесть %. Выше этого числа % не дозволялись и, считались лихвенными, т. е. влекли за собою наказаніе контрагентовъ (законы 1782, 1815 гг. и др.). Единственное исключеніо было сдѣлано Сенатомъ въ 1830 г., признавшимъ, что отдача денегъ взаймы, произведенная дворянскою опекою гласнымъ, а не тайнымъ образомъ, за излишніе %, т. е. выше числа шести, исключительно въ пользу опекаемыхъ малолѣтнихъ, по доброй волѣ и желанію самихъ заемщиковъ, не должна быть подводима подъ общее правило о лихвенныхъ % (это постановленіе вошло и въ Сводъ Законовъ).

По незаконности цѣли займа послѣдній признавался недѣйствительнымъ; такъ, если оказывалось, что онъ безденежный, что учиненъ подложно во вредъ конкурса, учрежденнаго надъ несостоятельнымъ должникомъ, и что онъ произведенъ по игрѣ или для игры съ вѣдома заимодавца. Что касается до безденежнаго займа, то указаніе на него мы встрѣчаемъ уже въ 1743 г. Въ это время до свѣдѣнія правительства дошло, что въ Казанской губерніи многія лица укрѣпляютъ себѣ иновѣрцевъ, взимая съ нихъ заемныя обязательства на большія суммы, и, чтобъ впредь подобное уничтожить, было предписано, что, если иновѣрцы примутъ православіе, то имѣютъ право на зачетъ имъ въ платежъ долга: женатымъ по пяти рублей, холостымъ по три рубля, съ освобожденіемъ ихъ отъ заимодавцевъ (постановленіе это должно было примѣняться въ тѣхъ случаяхъ, когда заемныя письма заключены крѣпостнымъ порядкомъ; въ противномъ случаѣ иновѣрцы освобождались безъ всякаго платежа). Подобнаго же рода постановленія издавались впослѣдствіи и въ пользу крестьянъ (напр., въ 1761 и въ 1765 гг.). Банкротскій уставъ 1800 г. призналъ вообще за правило, что безденежность займа признается основаніемъ, по которому должникъ освобождается отъ платежа долга заимодавцу (ч. II, ст. 67). Но названный памятникъ, съ другой стороны, постановилъ не принимать никакихъ показаній отъ должника или его наслѣдниковъ о безденежности крѣпостныхъ заемныхъ писемъ и не считать за безденежныя такія заемныя письма,

которыя выданы вмѣсто наличнаго платежа за работу, услуги, товары и издѣлія, также въ удовлетвореніе взысканій, основанныхъ на договорахъ (ч. II, ст. 29–31 и 63).

О займѣ, учиненномъ подложно во вредъ конкурса, говоритъ уже указъ 1700 г. (отъ 15 Іюля), предписывая наказывать кнутомъ и ссылать на вѣчныя каторжныя работы лицъ, принявшихъ подставою заемныя обязательства отъ несостоятельныхъ должниковъ, для освобожденія послѣднихъ отъ взысканій со стороны дѣйствительныхъ кредиторовъ. Въ Банкротскомъ уставѣ по этому поводу встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: „кто предъявитъ ко взысканію съ несостоятельнаго подложный долгъ, тотъ не только лишается всякаго требованія, но и отсылается къ суду, гдѣ, по разсмотрѣніи и обличеніи, взыскивается съ него вдвое противъ того, сколько недолжнаго требовалъ, съ отдачею изъ сего одной части въ пользу конкурсной массы, а другой части въ казну; если же присужденный заплатить будетъ не въ состояніи, то отсылается къ заработыванію, безъ отдачи на искупленіе; сверхъ сего, о таковомъ безчестномъ поступкѣ объявляется въ вѣдомостяхъ“ (ч. I, ст. 67 и 68).

О займѣ, произведенномъ по игрѣ, впервые упоминаетъ регламентъ объ управленіи адмир. и верфи, запрещая платить деньги при проигрышѣ и требовать ихъ уплаты судебнымъ порядкомъ (ст. 74 гл. I). Послѣдующее законодательство стояло на той же точкѣ зрѣнія. Вотъ, что гласитъ, напр., указъ 1761 г.: „всѣ-жъ донынѣ отъ разныхъ всякаго званія и возраста людей данные за проигрыши въ карты и другія игры векселя и заемныя крѣпости и всякаго званія заклады, кои по яснымъ доказательствамъ удостовѣрены будутъ, яко въ противность указовъ сочиненные, почесть недѣйствительными, уничтожить и платежа не чинить“. Точно также и указъ 1766 г. предписываетъ: „картежные долги уничтожить“. Наконецъ, и въ уставѣ благочинія 1782 г. мы читаемъ: „просьба и искъ о долгѣ и платежѣ по игрѣ да уничтожится“ (ст. 67).

До изданія Банкротскаго устава 1800 г. всѣ заемныя обязательства должны были совершаться крѣпостнымъ порядкомъ (указы 1701, 1703, 1705, 1706, 1740, 1743, 1748, 1761, 1765 и 1771 гг.). Кромѣ того, съ изданія устава о векселяхъ 1729 г. лицамъ торговаго сословія было предоставлено право обязываться векселями (см. выше). Банкротскій уставъ 1800 г. категорически подтвердилъ это по-

становленіе, запретивъ некупцамъ быть субъектами вексельнаго права (ч. II, ст. 1—4). Прочимъ же лицамъ онъ разрѣшилъ заключать заемныя обязательства не только крѣпостнымъ, но также явочнымъ и домашнимъ порядкомъ. Въ первомъ случаѣ заемное обязательство получало названіе крѣпостного заемнаго письма, въ двухъ послѣднихъ случаяхъ домового заемнаго письма. Къ заемнымъ обязательствамъ, составленнымъ домашнимъ порядкомъ, кромѣ домовыхъ заемныхъ писемъ, не явленныхъ въ установленныхъ мѣстахъ, принадлежали еще подписанные должникомъ счеты въ суммахъ, слѣдующихъ за работу, услуги, забранные издѣлія или товары и т. п. Счетъ не долженъ былъ превосходить пятисотъ рублей, и его слѣдовало въ теченіе шести мѣсяцевъ представить ко взысканію подъ страхомъ лишенія при конкурсѣ равнаго съ другими кредиторами удовлетворенія. Домовое заемное письмо, составляемое явочнымъ порядкомъ, должно было быть явлено у нотаріуса или маклера въ семидневный отъ написанія срокъ (уѣздными же жителями въ мѣсячный срокъ), подъ страхомъ лишенія при конкурсѣ равнаго съ другими кредиторами удовлетворенія. Наконецъ, крѣпостное заемное письмо обязательно должно было составляться у крѣпостныхъ дѣлъ (ч. II, ст. 4, 6, 8, 13, 14, 29, 31, 33 и 34).

Исполненіе по договору займа происходило или платежемъ должникомъ заимодавцу занятой суммы, или взысканіемъ долга въ случаѣ неплатежа, или передачею заемнаго обязательства заимодавцемъ другому лицу. Въ первомъ случаѣ заемъ прекращался фактомъ платежа долга и процентовъ (если они были) въ установленный по договору срокъ, причемъ доказательствомъ подобной уплаты служило заемное письмо, передававшееся заимодавцемъ должнику съ надписью на немъ объ этомъ, сдѣланною рукою перваго (Банкротскій уставъ 1800 г., ч. II, ст. 35, 63 и 67).

Въ случаѣ неплатежа въ срокъ, производилось взысканіе, чѣмъ и происходило исполненіе по договору. По Банкротскому уставу 1800 г. заимодавецъ, въ случаѣ неплатежа, обязанъ былъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по окончаніи срока явить заемное письмо у нотаріуса для вѣдома или представить прямо ко взысканію; въ противномъ случаѣ, при конкурсѣ, онъ лишался права на равную съ прочими кредиторами, явившими свои обязательства, удовлетвореніе (ч. II, ст. 2—14). Во время запрещенія процентовъ послѣдніе взы-

скивались только въ случаѣ просрочки долга въ размѣрѣ шести въ годъ, что являлось удовлетвореніемъ кредитора со стороны должника за неаккуратный платежъ занятой суммы (уставъ о судѣ таможенномъ 1727 г.). Уставъ о векселяхъ 1729 г. предписалъ взимать съ протестованныхъ въ неплатежѣ векселей восемь процентовъ единовременно и по полтора процентовъ ежемѣсячно. По Банкротскому уставу 1800 г. кредиторъ, въ случаѣ неплатежа должника, получалъ единовременно три процента съ незаплаченнаго капитала и по пяти процентовъ ежегодно. Въ случаѣ выручки процентами капитала, проценты должны были пресѣчься (Уставъ благочинія 1782 г., ст. 49: „буде процентами капиталъ выручень, тогда проценты пресѣкаются"; Банкротскій уставъ 1800 г., ч. II, ст. 37: „когда сумма процентовъ будетъ равна капиталу, тогда проценты пресѣкаются"); впрочемъ, это правило просуществовало только до 1849 г., когда было отмѣнено.

Если должникъ оказывался несостоятельнымъ, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, то ему, согласно съ уставомъ о судѣ таможенномъ 1727 г., давалась разсрочка въ платежѣ долговъ. Банкротскій уставъ 1800 г., опредѣливъ послѣдствія несчастной несостоятельности (см. выше), уничтожилъ это постановленіе (ч. I, ст. 133 и ч. II, ст. 99).

Передача заемныхъ обязательствъ отъ однихъ лицъ къ другимъ постоянно допускалась по законодательству изучаемаго періода. Болѣе подробно говоритъ о ней Банкротскій уставъ 1800 г. Согласно съ его постановленіями, заимодавецъ имѣетъ право всегда (какъ до срока, такъ и послѣ срока) передавать третьему лицу всякія заемныя письма (крѣпостныя и домовыя), если послѣдній согласенъ уплатить по нимъ. При подобной передачѣ заимодавецъ долженъ совершить на заемномъ письмѣ передаточную надпись, но не иначе, какъ при свидѣтельствѣ маклера или нотаріуса или съ засвидѣтельствованіемъ ихъ; въ противномъ случаѣ пріобрѣвшій заемное письмо лишается, при конкурсѣ, права на равное съ прочими кредиторами удовлетвореніе (ч. II, ст. 17—20).

Особымъ видомъ займа является заемъ, обезпеченный поручительствомъ. Право вступать въ поручительство по займу опредѣлялось на основаніи общихъ правилъ о правѣ вступать въ договоры [1]). Съ 1761 г., какъ мы уже сказали,

[1]) Неволинъ, назв. соч., ч. III, стр. 145.

было запрещено крестьянамъ (черносошнымъ, дворцовымъ, духовныхъ вотчинъ и крѣпостнымъ) быть поручителями по займамъ. Что касается до условій поручительства, то по Банкротскому уставу 1800 г. было признано, что 1) поручительство могло имѣть мѣсто или въ части долга, или во всей его суммѣ, и что 2) оно могло быть дано или только въ платежѣ суммы, или и въ платежѣ ея на срокъ (ч. II, ст. 95 и 97).

На основаніи указа 1705 г. (6 Ноября) поручители должны были подписаться на актѣ немедленно вслѣдъ за должникомъ, что было подтверждено и Банкротскимъ уставомъ 1800 г. (ч. II, ст. 95 и слѣд.), причемъ за неграмотныхъ подписывались ихъ довѣренные.

Исполненіе по поручительству опредѣлялось условіями договора. Такъ, если поручительство было дано въ платежѣ суммы, то поручитель отвѣтствовалъ только въ случаѣ несостоятельности должника, причемъ отвѣтствовалъ не только въ платежѣ капитала, но и процентовъ. Если же поручительство было дано на срокъ, то отвѣтственность поручителя наступала одновременно съ должникомъ, т. е. съ наступленіемъ срока, но только въ томъ случаѣ, когда обязательство представлялось ко взысканію въ теченіе мѣсяца послѣ просрочки уплаты долга; въ противномъ случаѣ поручитель освобождался отъ платежа какъ процентовъ, такъ и самаго капитала (Банкротскій уставъ 1800 г., ч. II, ст. 95, 96 и 97). Поручитель, съ своей стороны, заплативъ долгъ должника, имѣлъ право, въ качествѣ обыкновеннаго кредитора, участвовать въ конкурсѣ и требовать удовлетворенія себѣ наравнѣ съ остальными кредиторами (Банкротскій уставъ, ч. I, ст. 55).

§ 9. Поклажа.

Восьмымъ видомъ обязательствъ являлась *поклажа* или *отдача и пріемъ на сохраненіе.* Что касается до контрагентовъ этого договора, то таковыми могли быть всѣ лица, которымъ не было запрещено вступать въ договоры. Кромѣ того, прибавленіе къ Духовному регламенту запретило монашествующимъ брать на сохраненіе въ монастырь чужія вещи и деньги (ч. о монахахъ, ст. 29 и 30).

Предметомъ изучаемаго договора могли быть всѣ движимыя вещи или, какъ перечисляетъ уставъ о судѣ таможен-

номъ 1727 г., деньги, товары, крѣпостныя и вексельныя письма.

По законамъ Петра I договоръ поклажи долженъ былъ совершаться крѣпостнымъ порядкомъ. Впослѣдствіи, согласно Уложенію 1649 г. (ст. 189 и 192 гл. X), всегда требовалось, чтобы отдача вещей на сохраненіе совершалась по письменному акту и съ роспискою пріемщика. Впрочемъ, изъ этого правила существовало нѣсколько исключеній. Такъ, продолжало дѣйствовать правило Уложенія, по которому воинскіе чины, при скоромъ отправленіи въ походъ или въ посылку, могли отдавать свои вещи на сохраненіе хозяевамъ, у которыхъ они стояли на квартирѣ, безъ всякаго письменнаго акта и росписки (ст. 190 и 192 гл. X). Затѣмъ въ 1726 г. было предписано не требовать никакихъ актовъ и росписокъ въ поклажахъ, произведенныхъ по торговлѣ и вообще между торгующими лицами по купеческому обычаю. Наконецъ, уставомъ судопроизводства въ коммерческихъ судахъ 1832 г. было разрѣшено обходиться безъ письменныхъ актовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, по не зависящимъ отъ контрагентовъ обстоятельствамъ, напр., въ поклажахъ, во время пожара, наводненія, кораблекрушенія и т. п., не могъ быть составленъ (§ 267). Что касается до исполненія по договору, то на этотъ счетъ продолжали дѣйствовать правила Уложенія, точнѣе развитыя въ уставѣ таможенномъ 1727 г., а именно: пріемщикъ обязанъ содержать вещи въ цѣлости и сохранять ихъ отъ пропажи и поврежденія; если же имущество, взятое на сохраненіе, погибнетъ во время пожара или будетъ похищено вмѣстѣ съ вещами пріемщика, то въ такомъ случаѣ послѣдній освобождается отъ всякой отвѣтственности; если имущество отдано на сохраненіе за замкомъ и печатью, и пріемщикъ въ отсутствіи хозяина отопретъ, распечатаетъ и пересмотритъ поклажу, то хозяинъ получаетъ право на удовлетвореніе за всѣ вещи, какихъ не окажется въ поклажѣ (Улож., ст. 194 и 195 гл. X). Затѣмъ, по Воинскому уставу предписывалось всѣхъ лицъ, умышленно запирающихся въ принятіи поклажи съ цѣлью присвоить ее себѣ, подвергать наказанію, какъ за воровство (арт. 193). Уставъ о судѣ таможенномъ 1727 г. смягчилъ это постановленіе, предписавъ запирающихся въ пріемѣ поклажи пріемщиковъ карать штрафомъ по десяти гривенъ съ рубля въ пользу госпиталей и богадѣленъ. Само собою разумѣется, что собственникъ вещей, отданныхъ на сохраненіе, имѣлъ право

требовать ихъ обратно себѣ. Это право собственника признавалось и въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ. Такъ, въ 1718 г. было предписано отдавать вещи обратно ихъ собственникамъ даже въ томъ случаѣ, когда имущество пріемщика подвергнется описи. Затѣмъ, по Банкротскому уставу 1800 г. было признано, что, если пріемщикъ торговаго званія окажется несостоятельнымъ, то отданное ему имущество не причисляется къ его имуществу, а отдается собственнику, но не иначе, какъ по представленіи послѣднимъ доказательствъ, что имущество было ввѣрено пріемщику только на сохраненіе и безъ всякой для собственника отъ того пользы или прибыли (ч. I, ст. 46 и 47). Съ другой стороны, если отдавшій на сохраненіе свое имущество окажется несостоятельнымъ, то пріемщикъ обязанъ объ этомъ имуществѣ извѣстить конкурсъ. Если же онъ, въ теченіе извѣстнаго срока, этого не сдѣлаетъ и не представитъ законныхъ причинъ отсрочки, то подвергается конфискаціи поклажи несостоятельнаго должника и, кромѣ того, взысканію равной цѣнности поклажи суммы денегъ въ казну (ч. I, ст. 15, 16, 69—71, а также ч. II ст. 87—92).

§ 10. *Товарищество* [1]).

Девятымъ видомъ обязательствъ являлось *товарищество*, извѣстное уже въ XVII ст. Подъ вліяніемъ западно-европейскихъ порядковъ этотъ видъ договора постепенно распространился на практикѣ и получилъ свою санкцію въ законѣ. Такъ, еще въ 1698 г. голландецъ Небель предложилъ Петру I свой проектъ устройства компаній для успѣшнаго развитія сѣверныхъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ. Хотя Небель не получилъ никакихъ привилегіей, однако, въ 1698 г. государь издалъ указъ, которымъ разрѣшилъ „купецкимъ людямъ торговать такъ, какъ торгуютъ въ иныхъ государствахъ: компаніями". Точно также Салтыковъ, какъ въ своихъ „Пропозиціяхъ", такъ и въ „Изъявленіяхъ, прибыточныхъ государству", совѣтывалъ Петру учредить заводы „во всѣхъ губерніяхъ купецкими людьми, собравъ изъ нихъ нѣсколькое число въ компаніи, и отъ нихъ учинить къ тому

---

[1]) Кромѣ назв. соч. Неволина и Побѣдоносцева. см. Ѳирсова. Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII в.; Лаппо-Данилевскаго, Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII ст. и Каминка, Акціонерныя компаніи.

складку, смотря по пропорціи пожитковъ ихъ". Мало того, Салтыковъ даже высказывался за принудительный путь въ дѣлѣ организаціи компаній. Такъ, въ „Пропозиціяхъ" онъ предлагалъ „велѣть во всѣхъ губерніяхъ учредить колоніи или компаніи торговыхъ людей, и тѣмъ компаніямъ съ принужденіемъ велѣть торговать въ иныя государства" [1]). И въ позднѣйшее время не разъ обращалось вниманіе правительства на необходимость содѣйствовать развитію „компанейскихъ предпріятій". Такъ, до насъ дошелъ проектъ извѣстнаго Теплова, составленный имъ, вѣроятно, въ 1764 г. Въ немъ высказывается слѣдующее мнѣніе о компаніяхъ: „учредить компаніи или общества торговыя, дабы общимъ богатствомъ надъ привилегіями сильнѣе было дѣйствовать. А такимъ компаніямъ надобно кажется сочиненнымъ быть изъ всякаго рода людей, такъ какъ то во многихъ государствахъ съ великою пользою производятъ" [2]).

Въ первую половину XVIII ст. правительство всячески поощряло развитіе компаній и снабжало ихъ цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ привилегій. Послѣднія состояли въ надѣленіи предпринимателей постоянными капиталами, напр., дворами, землями и инструментами, а также частью оборотнаго капитала, т. е. денежными безпроцентными ссудами, не всегда возвращавшимися обратно въ казну [3]). Кромѣ того, компанейщики получали разныя льготы въ области повинностей, такъ, дома ихъ освобождались отъ постоя, сами они могли не служить по выборамъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и т. п. Но за-то правительство считало себя въ правѣ контролировать дѣятельность компаній, причемъ доводило свое вмѣшательство въ эту послѣднюю даже до награжденія исправныхъ предпринимателей и до наказанія неисправныхъ. Вообще надзоръ за дѣятельностью компаній сосредоточивался въ Мануфактуръ и Коммерцъ-коллегіяхъ, „имѣвшихъ дирекцію и управленіе" надъ ними и наблюдавшихъ „за порядочнымъ содержаніемъ ихъ".

Въ XVIII ст., когда русскія компаніи стали пріобрѣтать кое какую организацію, по справедливому замѣчанію проф.

---

[1]) Отчеты о засѣд. Общ. люб. древн. письм. 1892 г., прил. V, стр. 15 и Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В., стр. 41 и прил., стр. 27.

[2]) Лаппо-Данилевскій, назв. соч., стр. 22.

[3]) „Сія компанія, читаемъ въ указѣ 1724 г., собою сперва не можетъ дѣла своего исправить для скудости денегъ, того ради вспоможена имѣетъ быть, а именно кораблями и матросами изъ адмиралтействъ, деньгами частью изъ казны".

Лаппо-Данилевскаго, еще довольно трудно установить ихъ основные типы. Однѣ изъ нихъ (преимущественно фабричныя компаніи) обнаруживали нѣкоторыя изъ свойствъ полныхъ товариществъ, другія можно считать коммандитными обществами, третія ближе подходили къ акціонернымъ компаніямъ. Всѣ эти формы далеко еще не успѣли опредѣлиться и смѣшивались между собою, тѣмъ болѣе, что одно и тоже товарищество иногда проходило нѣсколько такихъ формъ [1]).

Въ нѣкоторыхъ товариществахъ, напр., въ фабричныхъ компаніяхъ, члены участвовали или трудомъ, или капиталомъ, причемъ члены послѣдней категоріи, т. е. вкладчики назывались, какъ и на Западѣ „интересентами“ [2]). Вкладчики участвовали въ выгодахъ и убыткахъ предпріятія пропорціонально вложенному ими капиталу. „А когда Всемогущій, читаемъ въ постановленіи компаніи графа Ѳ. Апраксина, подастъ сей нашей компаніи изъ общаго промыслу и дѣлу сего компанейскаго прибытокъ, то давать ему (новому члену) того прибытку противъ 5000 рубл., почему на тысячу по расчету прибыли придетъ“. А „ежели, читаемъ въ томъ же постановленіи, отчего сохрани Боже, какой убытокъ учинится, то несть ему оный обще съ другими компанейщиками по препорціи своего паю и по расчету“.

Когда всѣ члены товарищества становились ея интересентами, она легко принимала акціонерный характеръ. Уже Небель предлагалъ въ своемъ проектѣ устроить компанію, въ которую могъ бы вступить всякій „партикулярный человѣкъ, внесшій въ нее опредѣленный капиталъ путемъ покупки извѣстнаго количества „порцей или акціевъ“. Затѣмъ въ 1739 г. якутскій вице-губернаторъ Лангъ также совѣтывалъ „изъ акціевъ банку учредить“. Дѣйствительно, на практикѣ въ первой половинѣ XVIII ст. у насъ начинаютъ появляться акціонерныя компаніи, причемъ, по весьма вѣроятному предположенію проф. Лаппо-Данилевскаго, акціи первоначально были исключительно именныя [3]). Впрочемъ, въ серединѣ столѣтія появляются и акціи на предъявителя. Такъ, уже Небель и Лангъ высказывались за право компаній выдавать акціи, которыя могли бы переходить отъ одного

---

1) Назв. соч., стр. 49 и 61.

2) Въ 1724 г. Главный магистратъ опредѣлилъ „интересентовъ“, какъ лицъ, „которыя положатъ въ компанію деньги“.

3) Назв. соч., стр. 53.

лица къ другому („чтобъ всякому вольно было, читаемъ въ проектѣ Небеля, свою порцію другимъ персонамъ продать“, или, какъ говоритъ Лангъ, „которые интересенты отъ компаніи свободны быть пожелаютъ, тѣмъ позволяется ихъ акціи другимъ продавать“), что и было разрѣшено въ 1757—1758 гг. членамъ морскихъ компаній.

Внутренняя организація товариществъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя приближались къ типу коммандитныхъ и акціонерныхъ компаній, заключалась въ слѣдующемъ. Члены или „компанейщики“ собирались на совѣщанія, на которыхъ и избирали изъ своей среды правленіе. Уже указъ 1699 г. предписалъ „имѣть о томъ (о торговлѣ компаніями) всѣмъ купецкимъ людямъ *межъ собою съ общаго совѣта установленія*, какъ пристойно бъ было къ распространенію торговъ ихъ“. Точно также въ указѣ объ учрежденіи одной московской фабрики мы читаемъ: „для порядочнаго въ работахъ и въ добротѣ мастерства смотрѣнія опредѣлить имъ, компанейщикамъ“, изъ своей компаніи одного старосту присяжнаго и нѣсколько человѣкъ изъ лучшихъ фабрикантовъ по своему усмотрѣнію, кого похотятъ“.

О собраніяхъ акціонеровъ болѣе подробныя свѣдѣнія находимъ въ проектѣ Ланга. „И какъ оная банка, читаемъ здѣсь, въ состояніи приведена будетъ, и тогда для потребныхъ учрежденій и регламентовъ той компаніи голосы дѣйствительны быть должны тѣхъ, которые десять и болѣе акціевъ имѣютъ, а у кого меньше десяти акціевъ имѣется, должны исполнять по тому, что отъ вышеписанныхъ учреждено; и для того надлежитъ изъ оныхъ персонъ генеральное собраніе имѣть, въ которомъ тогда генералъ-директора и другихъ директоровъ и конторныхъ же служителей и имъ жалованье учредить“. Изъ сказаннаго видно, что во главѣ товариществъ стояли правленія, члены которыхъ назывались директорами. Послѣдніе обыкновенно избирались изъ крупныхъ пайщиковъ и, нужно думать, получали жалованье за труды. Полномочія директоровъ были весьма значительны. Дѣятельность правленій, отъ времени до времени подвергалась ревизіи. Между прочимъ на этомъ очень настаиваетъ проектъ Ланга, высказываясь за необходимость ежегодно избирать „вѣродостойныхъ и присяжныхъ депутатовъ“ для „изслѣдованія“ всѣхъ книгъ, „дабы нигдѣ непорядковъ и подлоговъ не происходило“.

Вообще нужно замѣтить, что вопросы внутренней орга-

низаціи товариществъ мало интересовали законодательство, почему оно предоставляло „компанейщикамъ“ полную свободу при ихъ разрѣшеніи. Члены компаній на своихъ „генеральныхъ собраніяхъ“ могли „такіе регламенты, договоры и уставы между собою учреждать, каковыя только для учрежденія и приведенія въ состояніе компаніи... потребно разсудить“ [1]). Такая свобода въ дѣлѣ внутренней организаціи товариществъ привела на практикѣ къ большимъ злоупотребленіямъ, что вынудило правительство указомъ 28 Марта 1762 г. закрыть нѣкоторыя компаніи, „ибо оныя не суть что либо иное, какъ только неправедное присвоеніе одному того, что всѣмъ принадлежитъ“, и вообще на будущее время лишить товарищества многихъ привилегій (указъ 31 Іюня 1762 г.). Вообще же законодательство вплоть до изданія Свода Законовъ сравнительно мало занимается товариществами. Болѣе важными постановленіями касательно этого предмета были слѣдующія. Во-первыхъ, въ Уставѣ благочинія 1782 г. въ числѣ функцій управы благочинія признавалась обязанность охранять въ законной силѣ общества, товарищества, братства и другія подобныя учрежденія, уважать ихъ правила и постановленія и отвращать отъ нихъ вредъ, ущербъ и убытокъ (ст. 64). Во-вторыхъ, указомъ 1 Авг. 1805 г. было разъяснено, что акціонерныя компаніи отвѣчаютъ только однимъ складочнымъ капиталомъ, и слѣдовательно, ни одинъ изъ акціонеровъ, при неудачѣ въ дѣятельности компаній, не теряетъ свыше положеннаго въ компанію капитала. Въ-третьихъ, манифестомъ 1 Янв. 1807 г. было опредѣлено, что компанія на акціяхъ (товарищество по участкамъ) слагается изъ многихъ лицъ, складывающихъ воедино опредѣленныя суммы, составляющія складочный капиталъ, причемъ акціонерами такихъ компаній могутъ быть лица изъ всѣхъ сословій, а не только изъ одного купечества; однако, учрежденіе подобныхъ компаній возможно не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія (ст. 1). Кромѣ того, манифестъ высказываетъ надежду, чтобы купечество, „особливо для преобладанія во внѣшней торговлѣ, впредь производило свой торгъ въ образѣ товарищества, образъ котораго да будетъ въ законѣ двоякій: 1) товарищество полное и 2) товарищество на вѣрѣ“. Впрочемъ, говорится въ манифестѣ, никто къ сему не принуждается закономъ, который только указуетъ новую стезю“. Наконецъ,

[1]) Каминка, назв. соч., стр. 344.

въ-четвертыхъ, закономъ 15 Апр. 1831 г. было предписано всѣ споры, возникающіе въ товариществахъ по дѣламъ, непосредственно ихъ касающимся, разбирать особымъ третейскимъ судомъ.

Народною формою товарищества въ XVIII ст., какъ и теперь, являлась *артель*, возникшая непосредственно изъ хозяйственныхъ потребностей и условій природы и быта. Какъ вполнѣ основательно замѣтилъ Побѣдоносцевъ, въ этомъ смыслѣ артель можно назвать не учрежденіемъ, а явленіемъ быта, по преимуществу общиннаго: отсюда возникъ самъ собою обычай жить и промышлять не въ одиночку, а міромъ и массою [1]. Однако, въ XVIII ст. уже встрѣчаются попытки регламентировать артель въ законодательномъ отношеніи. Такъ, объ артели водоходцевъ говоритъ уставъ купеческаго водоходства 1781 г., не давая ей, впрочемъ, никакого опредѣленія. За то въ уставѣ о цехахъ 1799 г. имѣется уже цѣлая глава объ артеляхъ (биржевыхъ и рабочихъ), причемъ дѣлается попытка опредѣлить понятіе артели. Подъ таковою уставъ понимаетъ „общество работниковъ, по добровольному между собою условію, составленное для отправленія службъ и работъ, силамъ одного человѣка не соразмѣрныхъ". Наконецъ, не мало данныхъ объ артели мы находимъ въ указѣ 1823 г., откуда онѣ проникли и въ Сводъ Законовъ.

§ 11 *Довѣренность.*

Послѣднимъ видомъ обязательствъ являлась *довѣренность.* Что касается до заключенія названнаго договора, то далеко не всѣ лица могли пользоваться этимъ правомъ. Такъ, въ 1811 г. Сенатъ уничтожилъ довѣренность на управленіе деревнями съ передачею всѣхъ вотчинныхъ правъ, данную лицу, не имѣвшему права владѣть крѣпостными людьми. Въ 1816 г. было точнѣе опредѣлено, при какихъ условіяхъ помѣщикъ можетъ давать недворянину довѣренность на управленіе его деревнями, а именно: въ подобныя вѣрющія письма было воспрещено включать какія бы то ни было долговыя сдѣлки, а также снабжать названными письмами повѣренныхъ правомъ на продажу и закладъ имѣнія (для этого требовалось особое вѣрющее письмо); затѣмъ, въ случаѣ включенія въ

[1]) Курсъ гражданскаго права, ч. III (изд. 1880 г.), стр. 524. Объ артеляхъ см. также Калачова. Артели древней Россіи (1864 г.) и его же Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи (1873—1875 г.г.).

довѣренность права отдачи на воспитаніе или въ ученіе крѣпостныхъ людей, было запрещено заключать названный договоръ далѣе пяти лѣтъ. Въ томъ же 1816 г. состоялись подробныя правила, на основаніи которыхъ дворяне могли выдавать вѣрющія письма недворянамъ на продажу крѣпостныхъ людей съ землею. Согласно съ ними, такія вѣрющія письма могли сохранять свою силу только въ теченіе одного года, а затѣмъ должны были быть возобновлены; продаваемые люди не могли жить у повѣренныхъ, но обязятельно оставались на своей землѣ, и, наконецъ, въ подобныя вѣрющія письма возбранялось включеніе какихъ либо долговыхъ сдѣлокъ. Въ 1822 г. было запрещено чиновникамъ въ мѣстахъ ихъ службы хожденіе по частнымъ дѣламъ. Наконецъ, съ 1812 г. ведетъ свое начало правило, вошедшее и въ Сводъ Законовъ, о воспрещеніи купцамъ давать довѣренности на производство торговли лицамъ, не принадлежащимъ къ торгово-промышленному классу.

Срокъ, на который заключался изучаемый договоръ, обыкновенно зависѣлъ отъ воли довѣрителя, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ былъ прямо указанъ въ законѣ. Такъ, выше мы уже указали на сроки, въ продолженіе которыхъ могли выдаваться нѣкоторыя дворянскія довѣренности. Затѣмъ, указомъ 1781 г. было предписано уполномочивать кого либо на полученіе жалованья или пенсій срокомъ не далѣе, какъ на одинъ годъ.

Порядокъ совершенія довѣренностей былъ установленъ нѣсколькими указами. Такъ, въ 1733 г. было предписано отъ повѣренныхъ, уполномоченныхъ на совершеніе крѣпостей и представившихъ вѣрющія письма, отбирать показанія за ихъ подписью, что ихъ вѣрющія письма не подложны. Въ 1737 г. было запрещено совершать купчія и закладныя посредствомъ повѣренныхъ, не имѣвшихъ вѣрющихъ писемъ (послѣднія должны были быть подписаны довѣрителями и засвидѣтельствованы судьями, у которыхъ писались). Въ 1749 г. былъ опредѣленъ порядокъ совершенія вѣрющихъ писемъ на участіе въ подрядѣ о поставкѣ вина на кружечные дворы (письма помѣщиковъ свидѣтельствовались губернаторами и воеводами, а купцовъ—магистратами). Въ 1765 г. было предписано въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при засвидѣтельствованіи вѣрющаго письма, отбирать въ присутственномъ мѣстѣ лично отъ вѣрителя письменное показаніе о томъ, что вѣрющее письмо дѣйствительно имъ дается. Въ 1828 г. Сенатъ под-

твердилъ гражданскимъ палатамъ и другимъ присутственнымъ мѣстамъ принимать всѣ, зависящія отъ нихъ, мѣры для удостовѣренія въ томъ, что лица, отъ имени которыхъ составляются вѣрющія письма дѣйствительно тѣ лица, а не какія нибудь другія.

Изъ сказаннаго видно, что договоръ довѣренности долженъ былъ составляться явочнымъ порядкомъ, причемъ съ 1821 г. состоялось предписаніе писать вѣрющія письма исключительно на гербовой бумагѣ. Впрочемъ, для составленія нѣкоторыхъ довѣренностей былъ установленъ особенный порядокъ. Такъ, въ 1758 г. было разрѣшено, вопреки указу о формѣ суда 1723 г., тяжущимся въ судѣ уполномочивать другихъ на хожденіе по дѣламъ безъ особыхъ вѣрющихъ писемъ, а просто подавая о томъ за своими руками прошенія. Въ 1812 г. было разъяснено, что подобный способъ уполномоченія можетъ имѣть мѣсто только на подачу въ присутственныя мѣста прошеній (апелляціонныхъ и иныхъ), но не на хожденіе по дѣламъ, для котораго требовалась выдача вѣрющаго письма съ засвидѣтельствованіемъ и приложеніемъ печати. Затѣмъ, довѣренность на присутствованіе при межеваніи, согласно съ межевою инструкціею 1766 г., могла быть засвидѣтельствована не въ присутственномъ мѣстѣ, но двумя свидѣтелями изъ частныхъ лицъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса объ исполненіи по довѣренности. Еще въ 1686 г. было постановлено, что вѣрители не могутъ оспаривать дѣйствій, совершенныхъ ихъ повѣренными на судѣ, и просить о перевершеніи дѣлъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они не велѣли своимъ повѣреннымъ говорить тѣхъ или другихъ словъ. Въ 1749 г. состоялось распоряженіе о включеніи въ довѣренности на подрядъ о поставкѣ вина заявленій со стороны вѣрителей, что они во всемъ, что повѣренные ихъ сдѣлаютъ, имъ вѣрятъ, спорить и прекословить не станутъ. Но за то и повѣренный не имѣлъ права выходить за предѣлы своей довѣренности; въ противномъ случаѣ вѣритель не отвѣчалъ за его дѣйствія (законы 1799 г. 24 Марта и 1819 г. 10 Марта).

Прекращалась довѣренность или смертью вѣрителя, или его заявленіемъ, или истеченіемъ срока, на который она была выдана. Смерть вѣрителя, какъ одинъ изъ способовъ прекращенія довѣренности, была признана рѣшеніемъ по одному частному дѣлу въ 1809 г., что подтвердилъ и Сенатъ въ 1818 г. Что довѣренность прекращалась съ истече-

ніемъ срока, на который была выдана, это всегда подразумѣвалось само собою [1]) и было высказано въ законѣ въ 1816 г. Наконецъ, довѣренность, выданная на неопредѣленное время, могла быть уничтожена письменнымъ заявленіемъ вѣрителя (уставъ комиссіи погашенія долговъ 1817 г., § 48 и законъ 16 Марта 1839 г.).

---

[1]) Неволинъ, назв. соч., ч. III, стр. 227.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ГЛАВА I.

Судопроизводство [1].

§ 1. *Судоустройство.*

При Петрѣ I впервые произошла попытка отдѣленія суда отъ администраціи, хотя это начало и не было послѣдовательно проведено, такъ какъ нѣкоторыя административныя власти, напр., губернаторы, должны были контролировать дѣятельность судебныхъ органовъ, и, кромѣ того, многія чисто административныя учрежденія имѣли судебныя функціи [2]. Но какъ бы то ни было, Петръ создалъ особые органы, долженствовавшіе вѣдать только судъ, чѣмъ и положилъ начало отдѣленію суда отъ администраціи, болѣе или менѣе завершившемуся при Екатеринѣ II. Впрочемъ, подобное отдѣленіе произошло уже позднѣе (въ 1718 г.), первоначально же судебные органы были поставлены въ полную зависимость отъ административныхъ. Такъ, указомъ 24 Апр. 1713 г. въ губерніяхъ были учреждены *ландрихтеры*, подчиненные губернаторамъ и ландратскимъ коллегіямъ [3]. На

---

[1] Троцина, Исторія судебныхъ учрежденій; его же, Историческое развитіе судоустройства въ Россіи отъ в. кн. Іоанна III до нашихъ дней; Кавелинъ, Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ (Сочиненія, ч. I); Дмитріевъ, Исторія судебныхъ инстанцій отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ; Стефановскій, Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права (Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., кн. 2, 3, 7, 8 и 9); Розенгеймъ, Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи; Богословскій, Областная реформа Петра В.

[2] Такъ, полицейскіе органы пользовались судебною властью въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ и могли примѣнять ее во многихъ случаяхъ, карая преступниковъ штрафомъ, конфискаціею имущества, тѣлесными наказаніями и даже ссылкою на галеры (Тарасовъ. Исторія русской полиціи и отношенія ея къ юстиціи, Юрид. Вѣстн. 1884 г., кн. 2).

[3] Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ландрихтеры существовали и раньше, причемъ вѣдали далеко не однѣ судебныя функціи, но не мало и административныхъ. Эта должность заимствована Петромъ изъ Швеціи, но

основаніи этого указа судебныя функціи въ сущности были возложены на ландратовъ, и только, въ случаяхъ „впаденія ихъ въ какое прегрѣшеніе“ или возникновенія спорнаго дѣла о землѣ, губернаторъ обязывался посылать ландрихтера для разбора дѣла.

Въ 1718 г. была, наконецъ, произведена попытка отдѣлить судъ отъ администраціи путемъ учрежденія должности оберъ-ландрихтера (одного на всю губернію), съ подчиненіемъ ему ландрихтеровъ. Юрисдикція послѣднихъ не была, однако, опредѣлена съ точностью. Такъ, указъ 1719 г. предписалъ, чтобы ландрихтеры, „кромѣ посредственныхъ дѣлъ въ назначенныхъ имъ городахъ не вершили, а отписывались о важныхъ и многотрудныхъ и самыхъ спорныхъ дѣлахъ, особенно же о разбойникахъ въ Юстицъ-коллегію“, въ вѣдѣніи которой они должны были находиться. Ландрихтеры просуществовали недолго и съ учрежденіемъ надворныхъ судовъ были уничтожены. Въ 1719 г. (указомъ 8 Янв) учреждаются, такъ называемые, *надворные суды*, подчиненные Юстицъ-коллегіи [1]). Надзоръ за ихъ дѣятельностью, а также пріемъ жалобъ и приведеніе въ исполненіе судебныхъ рѣшеній было возложено на губернаторовъ и воеводъ. Послѣдніе, въ случаѣ несогласія съ рѣшеніемъ суда, могли дѣлать ему мотивированное представленіе, съ чѣмъ судъ долженъ былъ считаться [2]). Составъ судовъ былъ слѣдующій: президентъ, вице-президентъ и нѣсколько членовъ, называвшихся ассессорами; при каждомъ судѣ въ качествѣ органа надзора состоялъ прокуроръ. Во многихъ мѣстахъ въ качествѣ президентовъ, были назначены губернаторъ, вице-губернаторъ или воевода. Подобныя назначенія, конечно, свели на нѣтъ попытку отдѣлить судъ отъ администраціи. Въ сферу юридикціи надворныхъ судовъ входили

тамъ ландрихтеръ или герарсъ-гевдингъ былъ только судьею и никакаго отношенія къ администраціи не имѣлъ (Мрочекъ-Дроздовскій, назв. соч., стр. 52).

[1]) Первоначально предполагалось учредить надворные суды въ каждой губерніи, но въ дѣйствительности они были учреждены только въ восьми главныхъ городахъ. Что надворные суды не существовали повсемѣстно, видно также изъ указа 1722 г., предписавшаго, „гдѣ нѣтъ надворныхъ судовъ, судить воеводамъ и губернаторамъ“, но придавать имъ для вспомоществованія одного или двухъ ассессоровъ или коммиссаровъ.

[2]) Губернаторы и воеводы надзирали за дѣятельностью судовъ съ цѣлью пресѣченія волокиты и постановки несправедливыхъ рѣшеній, чѣмъ, конечно, принципъ отдѣленія суда отъ администраціи былъ нарушенъ.

дѣла „криминальныя“ (уголовныя) и гражданскія, кромѣ политическихъ и поземельныхъ дѣлъ, разбиравшихся особыми судами (см. ниже).

Одновременно съ надворными судами были учреждены „нижніе“ суды: коллегіальные и единоличные, также подчиненные Юстицъ-коллегіи. Первые были введены въ 9-ти главныхъ городахъ, и въ составъ ихъ вошли предсѣдатели, называвшіеся оберъ-ландрихтерами и члены-ассесоры. Вторые, учреждались во всѣхъ остальныхъ городахъ и получили названіе *городовыхъ судей*. Какъ выяснено г. Богословскимъ (Областная реформа Петра В., стр. 210), „низшіе“ суды обоихъ типовъ были равны между собою какъ въ инстанціонномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи юрисдикціи, одинаково вѣдая однѣ и тѣ-же гражданскія и уголовныя дѣла. Впрочемъ, уже въ 1722 году эти суды были уничтожены, функціи же ихъ переданы воеводамъ и подчиненнымъ имъ „судебнымъ коммиссарамъ“, получившимъ право разбирать дѣла, не превышавшія цѣною 50 рублей. Въ городахъ судебными учрежденіями были магистраты [1]). Второй инстанціей являлись коллегіи (въ особенности Юстицъ-коллегія) [2]), высшимъ же судомъ, рѣшенія котораго были безапелляціонны— Сенатъ.

Кромѣ гражданскихъ судовъ, Петръ учредилъ и военный судъ или кригсрехтъ, состоявшій изъ двухъ инстанцій. Первой и высшей изъ нихъ былъ генеральный кригсрехтъ, въ составъ юрисдикціи котораго входилъ судъ по государственнымъ преступленіямъ, по преступленіямъ цѣлыхъ частей войскъ и по преступленіямъ высшихъ воинскихъ чиновъ, равно какъ и по преступленіямъ противъ этихъ по-

---

[1]) Магистраты, какъ было уже сказано, вѣдали гражданскія и уголовныя дѣла горожанъ, причемъ судебныя рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ, влекущимъ за собою смертную казнь, должны были представляться на утвержденіе Главнаго магистрата. Въ области гражданскихъ дѣлъ магистраты небольшихъ городовъ составляли судъ первой инстанціи, аппелировать на рѣшенія которыхъ можно было сперва въ провинціальный магистратъ, затѣмъ въ Главный и, наконецъ, въ Сенатъ.

[2]) Какъ извѣстно, почти всѣ коллегіи обладали судебною властью, но только по отношенію къ извѣстнымъ дѣламъ или лицамъ. Такъ, Камеръ-коллегія судила преступленія противъ финансовыхъ интересовъ казны, Мануфактуръ-коллегія разбирала споры между членами цеховъ, а также фабричными рабочими, Коммерцъ-коллегія—по торговымъ дѣламъ, Вотчинная-коллегія—по поземельнымъ дѣламъ и т. п. Единственной коллегіей, вѣдавшей только судъ, безъ примѣси какихъ нибудь отраслей управленія, была Юстицъ-коллегія. Такими же учрежденіями, но вѣдавшими премущественно судъ по политическимъ преступленіямъ, являлись Преображенскій приказъ (уничтоженный въ 1729 г.) и Тайная канцелярія (упраздненная Петромъ III 21 Февр. 1762 г.).

слѣднихъ. Этотъ же судъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлся апелляціонной инстанціей по отношенію къ низшему суду. Послѣднему или полковому кригсрехту были подсудны всѣ оберъ-офицеры и низшіе чины за всѣ преступленія, кромѣ тѣхъ, которыя входили въ составъ юрисдикціи высшаго суда. Оба суда являлись коллегіальными учрежденіями, состоявшими изъ предсѣдателя (презуса) и нѣсколькихъ ассессоровъ изъ военныхъ чиновъ. Кромѣ того, въ каждомъ судѣ имѣлся, въ качествѣ представителя юридическаго элемента, аудиторъ, обязанный наблюдать за правильнымъ примѣненіемъ законовъ и за соблюденіемъ предписаннаго законами дѣлопроизводства, и секретарь.

Петръ I обратилъ также вниманіе и на духовный судъ. Такъ, указомъ 4 Сентября 1722 г. въ городахъ, въ качествѣ суда первой инстанціи, были учреждены „духовныхъ дѣлъ управители", въ составъ юрисдикціи которыхъ входили всѣ церковныя дѣла мірянъ и судъ между духовенствомъ „въ брани, въ бою, въ кражѣ и въ другихъ обидахъ и безчестіяхъ, и въ прочихъ искахъ". Судъ второй инстанціи сосредоточивался въ рукахъ епархіальныхъ архіереевъ, при которыхъ существовали учрежденія, носившія до 1744 г. разныя названія, напр., дикастеріи, консисторіи и т. п. Въ 1744 г. всѣ эти назнанія были замѣнены однимъ, а именно консисторіей, причемъ въ составъ послѣдней вошло опредѣленное количество секретарей, канцеляристовъ и копіистовъ. Высшимъ судомъ являлся Синодъ.

Послѣ смерти Петра, правительство Екатерины I возвратилось къ старому порядку вещей и снова соединило судъ и администрацію въ однѣхъ рукахъ. Такъ, указомъ 1727 г. надворные суды были уничтожены, а судебныя функціи возложены на губернаторовъ и воеводъ, причемъ апелляціонной инстанціей по отношенію къ нимъ была признана Юстицъ-коллегія [1]). Такимъ образомъ гражданскій и уголовный судъ сосредоточился въ губернской, провинціальной и воеводской канцеляріяхъ, а въ городахъ въ магистратахъ (съ 1728 же г. въ ратушахъ), раздѣленныхъ на губернскіе, провинціальные и городовые и подчиненныхъ губернаторамъ и воеводамъ. По наказу 1728 г. послѣдніе рѣшали какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, безъ всякаго ограниченія, причемъ въ со-

---

[1]) Судебные коммиссары были еще уничтожены въ 1726 г., причемъ ихъ функціи перешли къ городовымъ воеводамъ.

ставъ ихъ юрисдикціи входили даже и нѣкоторыя государственныя преступленія, по которымъ они имѣли право приговаривать къ ссылкѣ на галеры или въ каторжную работу и къ смертной казни, съ однимъ только обязательствомъ кончать эти дѣла въ опредѣленный срокъ (отъ двухъ недѣль до мѣсяца). Кромѣ того, рѣшенія воеводъ, присуждавшія къ такимъ наказаніямъ, должны были утверждаться губернаторами. Въ инстанціонномъ отношеніи воеводская и провинціальная канцеляріи, въ качествѣ суда первой инстанціи, подчинялись губернской канцеляріи, а эта послѣдняя Юстицъ-коллегіи.

Дворянамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ наказы, поданные въ коммиссію 1767 г., такой порядокъ вещей крайне не нравился, и они ходатайствовали предъ Екатериною II объ организаціи суда на совершенно иныхъ началахъ. Анализируя содержаніе наказовъ въ этомъ отношеніи, мы видимъ, что они высказываются за два типа судоустройства. Какъ тотъ, такъ и другой построенъ на выборномъ началѣ. Къ первому типу относится одна судебная коллегія на весь уѣздъ, причемъ члены ея, называемые земскими или словесными судьями, а также медіаторами, коммисарами и опекунами, избираются уѣзднымъ дворянскимъ съѣздомъ на одинъ или два года. По прошествіи этого срока, судьи представляютъ съѣзду отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, и онъ имѣетъ право судить и „штрафовать“ ихъ. Въ составъ юрисдикціи названнаго суда входятъ какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, „кромѣ смертнаго убійства, разбойнаго дѣла и другихъ криминальныхъ и государственныхъ дѣлъ“. Второй типъ суда отличается децентрализаціоннымъ характеромъ, такъ какъ уѣздъ дѣлится на станы или округа, во главѣ которыхъ находятся особые судьи, избираемые дворянскимъ съѣздомъ [1]).

Екатерина II вняла просьбамъ дворянъ и Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. организовала цѣлую серію сословныхъ судовъ на выборномъ началѣ, взявъ за образецъ порядки въ Остзейскомъ краѣ, чему не противорѣчило ея тогдашнее увлеченіе идеями Блекстона, изложенными имъ въ его извѣстныхъ „Камментаріяхъ на англійскіе законы“ [2]). Для

---

[1]) См. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“ стр. 412.

[2]) Впрочемъ, еще за три года до изданія Учрежденія о губерніяхъ въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи послѣ

дворянъ были учреждены два суда—*уѣздный судъ и верхній земскій судъ*; первый состоялъ изъ уѣзднаго судьи и двухъ засѣдателей, избиравшихся дворянами на три года, второй (одинъ на всю губернію)—изъ двухъ предсѣдателей, назначавшихся государыней по докладу Сената, и 10 засѣдателей, избиравшихся дворянами на три года [1]). Въ составъ юрисдикціи уѣзднаго суда входили какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, причемъ разбирательство ихъ могло происходить не иначе, какъ по жалобѣ частныхъ лицъ или стряпчихъ, а также по сообщенію другихъ судовъ или по предписанію высшихъ губернскихъ мѣстъ. Верхній земскій судъ дѣлился на два департамента: гражданскій и уголовный и являлся апелляціонной и ревизіонной инстанціей по отношенію къ уѣздному суду, дворянской опекѣ и нижнему земскому суду „въ дѣлахъ и тяжбахъ, гражданскихъ и уголовныхъ, касающихся до вотчинъ, привиллегій, завѣщаній, до наслѣдства въ имѣніи и до права наслѣдованія, спорныхъ о владѣніи, тяжкихъ до безчестія и до права стряпчихъ касающихся“ (ст. 175). Для городовыхъ обывателей судебными учрежденіями являлись—*городовой и губернскій магистраты*; послѣдній (одинъ на всю губернію) также дѣлился на два департамента и также былъ апелляціоннымъ и ревизіоннымъ судомъ по отношенію къ городовому магистрату, сиротскому суду и ратушамъ [2]). Для свободныхъ крестьянъ императрица учредила двѣ *расправы—верхнюю и нижнюю*, причемъ первая была апелляціоннымъ и ревизіоннымъ судомъ по отношенію ко второй и также дѣлилась на два департамента [3]). Третьей апелляціонной и ревизіон-

---

перваго раздѣла Польши въ 1772 г., Екатерина ввела выборный элементъ въ судѣ. Такъ, въ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ обѣихъ губерній были учреждены особые земскіе суды изъ главнаго судьи и нѣсколькихъ членовъ. Право выбора ихъ принадлежало мѣстному дворянству. Судьи избирались на четыре года и вѣдали только гражданскій судъ.

[1]) Какъ свидѣтельствуютъ первоначальныя рукописи Учрежденія о губерніяхъ, верхній земскій судъ вначалѣ предназначался для провинціи, на которыя должна была дѣлиться губерія (Григорьевъ, назв. ст. въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1908 г., кн. 11).

[2]) Въ составъ губернскаго магистрата входили два предсѣдателя, назначаемые Сенатомъ, и шесть засѣдателей, избираемыхъ изъ купцовъ и мѣщанъ губернскаго города; въ составъ же городового магистрата входили два бургомистра и четыре ратмана, также избиравшіеся купцами и мѣщанами; выборы въ оба магистрата происходили черезъ три года.

[3]) Верхняя расправа состояла изъ двухъ предсѣдателей по назначенію отъ Сената и 10 засѣдателей по избранію отъ крестьянъ (на три года); нижняя же изъ расправнаго судьи по назначенію отъ губернскаго

ной инстанціей по отношенію ко всѣмъ названнымъ судамъ были двѣ *палаты—гражданскаго и уголовнаго суда*, состоявшія каждая: изъ предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ и двухъ ассессоровъ, назначавшихся Сенатомъ, причемъ предсѣдатели утверждались государыней [1]). Высшей инстанціей по отношенію къ нимъ являлся Сенатъ [2]). Затѣмъ императрица учредила еще, такъ называемый, *совѣстный судъ*, „понеже личная безопастнось каждаго вѣрноподданнаго весьма драгоцѣнна есть человѣколюбивому монаршему сердцу, и для того, чтобы подать руку помощи страждущимъ иногда болѣе по несчастливому какому ни на есть приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ, отягощающихъ судьбу его, выше мѣры имъ содѣяннаго“. Совѣстный судъ былъ одинъ на всю губернію и состоялъ изъ одного совѣстнаго судьи и шести засѣдателей, избираемыхъ сословіями по два отъ каждаго. Совѣстный судья долженъ былъ быть „способнымъ, совѣстнымъ, разсудительнымъ, справедливымъ и безпорочнымъ человѣкомъ, котораго всякое судное мѣсто особо представляетъ намѣстнику (т. е. генералъ-губернатору или губернатору), и сей изъ представленныхъ опредѣляетъ одного быть судьею“. Въ составъ юрисдикціи этого суда должны были входить гражданскія дѣла въ примирительномъ порядкѣ [3]) и нѣкоторыя уголовныя дѣла, а именно: „такія преступленія, которыя совершены по несчастному какому нибудь приключенію или по стеченію разныхъ обстоятельствъ, отягощающихъ судьбу

правленія изъ чиновныхъ людей и 8 засѣдателей по избранію отъ крестьянъ (также на три года).

[1]) При Александрѣ I составъ палатъ былъ смѣшанный: часть членовъ назначалась правительствомъ, часть избиралась дворянствомъ и купечествомъ, а при Николаѣ I даже и предсѣдатели палатъ избирались дворянствомъ.

[2]) Вотъ что писала Екатерина II по поводу этой реформы Вольтеру: „я убѣждена и признала въ своемъ Учрежденіи, что лучшій и болѣе вѣрный способъ уголовнаго судопроизводства есть тотъ, когда дѣла подобнаго рода разсматриваются чрезъ извѣстные сроки тремя инстанціями, безъ чего личная безопасность могла бы быть во власти страстей, невѣжества, невольныхъ промаховъ или вспыльчивости“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. XXVII, стр. 136).

[3]) Дѣла въ примирительномъ порядкѣ разбирались слѣдующимъ образомъ: сперва судьи старались примирить стороны сами; если это имъ не удавалось, то предлагали тяжущимся избрать посредниковъ (по одному или по два отъ каждой стороны) и вмѣстѣ съ ними изыскивали средства къ примиренію. Если посредники приходили къ какому-нибудь соглашенію, то судъ утверждалъ его, если же соглашеніе не достигалось, то судъ предлагалъ свое рѣшеніе спора, причемъ при непринятіи его посредниками, оно предлагалось самимъ противникамъ. Если же они и послѣ этого не мирились, то дѣло передавалось въ обыкновенный судъ.

виновнаго, свыше мѣры имъ содѣяннаго", т. е. „нуждающіяся въ томъ, чтобъ ихъ разсматривали съ особенною снисходительностью". Такими были признаны: 1) дѣла по преступленіямъ, совершаемымъ безумными или малолѣтними; 2) дѣла о колдовствѣ, „поколику въ оныхъ заключается глупость, обманъ или невѣжество", и 3) дѣла по освобожденію изъ тюрьмы по нѣкоторымъ преступленіямъ (ст. 399 и 401). Совѣстный судъ долженъ былъ судить не на основаніи законовъ, но руководствуясь естественною справедливостью, почему, при постановкѣ рѣшеній, онъ долженъ былъ обращать вниманіе на: „1) человѣколюбіе вообще; 2) почтеніе къ особѣ ближняго, яко человѣку, и 3) отвращеніе отъ угнетенія или притѣсненія человѣчества; и для того совѣстный судъ никогда судьбы ничьей да не отяготитъ, но ввѣряется оному совѣстный разборъ и осторожное и милосердное окончаніе дѣлъ, ему порученныхъ" (ст. 397). Въ виду такого характера дѣятельности суда, и чтобы предупредить возможность перерѣшеній имъ приговоровъ другихъ судовъ, было постановлено, что „совѣстный судъ ни въ какое дѣло самъ собою не вступаетъ", и разбирательство въ немъ происходитъ или по прошеніямъ частныхъ лицъ, или по сообщеніямъ судебныхъ мѣстъ [1]). Наконецъ, послѣднимъ судебнымъ учрежденіемъ можно считать *управу благочинія*, въ составъ которой входили два пристава: гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и ратманы, избиравшіеся горожанами. Управа вѣдала мелкія гражданскія и уголовныя дѣла, не превышавшія 20 рублей, а также судебно-слѣдственную часть по всѣмъ преступленіямъ [2]).

Резюмируя сказанное относительно реформъ Екатерины II

---

[1]) Какъ выяснилъ г. Барацъ (Очеркъ происхожденія и постепеннаго затѣмъ упраздненія въ Россіи совѣстныхъ судовъ въ Журн. гражд. и уголовн. права 1893 г., кн. 3) вся 25 глава Учрежденія о губерніяхъ, посвященная совѣстному суду, заимствована по преимуществу изъ сборника „правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ", составленнаго въ Глуховѣ въ 1743 г. Кромѣ того, на нѣкоторыя статьи этой главы имѣли также вліяніе постановленія англійскаго права касательно суда совѣсти или справедливости (court of equity), что было, конечно, результатомъ чтенія императрицей „Комментарій" Блекстона.

[2]) Въ столицахъ, кромѣ того, были еще учреждены надворные суды— нижній и верхній. Первый состоялъ изъ надворнаго судьи и двухъ засѣдателей, второй, раздѣленный на два департамента (гражданскій и уголовный), изъ двухъ предсѣдателей, двухъ совѣтниковъ и двухъ ассессоровъ. Надворные суды рѣшали дѣла лицъ, не имѣвшихъ постоянной осѣдлости въ столицахъ и находившихся въ нихъ только „по службѣ военной, придворной и гражданской, такожъ по дѣламъ, промысламъ и упражненіямъ своимъ" (ст. 477).

въ области судоустройства, мы видимъ, что она внесла въ послѣднее слѣдующія начала. Во-первыхъ, Учрежденiемъ о губерніяхъ 1775 г. былъ сдѣланъ большой шагъ впередъ въ смыслѣ отдѣленія судебной власти отъ административной, путемъ установленія особыхъ судебныхъ и административныхъ органовъ. Однако, и названный законодательный памятникъ не рѣшился еще окончательно отдѣлить судъ отъ администраціи. Такъ, ст. 85 Учрежденія о губерніяхъ ставитъ дѣятельность судебныхъ мѣстъ подъ контроль намѣстника, предписывая послѣднему „вступаться за всякаго, кого по дѣламъ волочатъ, и принуждать судебныя мѣста своего намѣстничества рѣшать такое дѣло, но отнюдь не мѣшаться въ производство онаго". Впрочемъ, по ст. 86 генералъ-губернаторъ имѣлъ право и на послѣднее, а именно: „если въ судебномъ мѣстѣ опредѣлено было что несправедливо", то онъ могъ „остановить исполненіе и донести Сенату, а о времени нетерпящихъ дѣлахъ и импер. величеству". Въ виду этого, всѣ судебные приговоры, которыми обвиненные приговаривались къ смертной казни или къ лишенію чести, прежде приведенія ихъ въ исполненіе, обязательно представлялись на усмотрѣніе генералъ-губернатора. Точно также исправникъ съ нижнимъ земскимъ судомъ, бывшимъ, какъ извѣстно, административно-полицейскимъ учрежденіемъ, согласно со ст. 229, могъ, по желанію заинтересованныхъ лицъ, разбирать ихъ дѣла въ качествѣ судьи, причемъ эти лица пользовались правомъ переносить дѣло на разсмотрѣніе судебныхъ учрежденій. Даже совѣстный судъ, бывшій болѣе или менѣе независимымъ, все же „подчинялся" губернскому правленію и былъ обязанъ „принимать отъ него предложенія". Наконецъ, управа благочинія, будучи главнымъ образомъ полицейскимъ учрежденіемъ, обладала, какъ мы видѣли, также и судебными функціями, причемъ пользовалась правомъ налагать самыя разнообразныя кары, отъ штрафа и ареста въ смирительномъ или рабочемъ домѣ и до тѣлеснаго наказанія включительно. Мало того, указъ 8 Авг. 1783 г. предписалъ, чтобъ на увольненіе въ отпускъ предсѣдателей и членовъ палатъ гр. и уг. дѣлъ испрашивалось разрѣшеніе у генералъ-губернатора, такъ какъ онъ „хозяинъ своей губерніи и чинитъ строгое и точное взысканіе со всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстъ и людей".

Во-вторыхъ, реформами Екатерины II судъ уголовный и гражданскій были отдѣлены другъ отъ друга. Правда, суды

первой инстанціи вѣдаютъ еще и тѣ, и другія дѣла, но за то суды слѣдующихъ инстанцій, въ лицѣ-ли отдѣльныхъ департаментовъ или отдѣльныхъ палатъ, разрѣшаютъ гражданскія и уголовныя дѣла отдѣльно. Въ-третьихъ, Учрежденіе о губерніяхъ ввело повсюду однообразное судебное устройство, что сказалось также, какъ на одинаковомъ порядкѣ дѣлопроизводства, такъ и на правильной организаціи инстанцій. Въ-четвертыхъ, все судоустройство было построено на коллегіальномъ и сословномъ началахъ. Въ-пятыхъ, слѣдственная часть была отдѣлена отъ судебной, такъ какъ производство слѣдствій стало функціей полиціи: въ городахъ—управы благочинія, въ уѣздахъ—нижняго земскаго суда съ исправникомъ во главѣ.

§ 2. *Процессъ.*

Петръ I относился крайне отрицательно къ староу мо-московскому процессу, главнымъ образомъ, за свободное состояніе сторонъ и за допущеніе повѣренныхъ, въ чемъ онъ видѣлъ источникъ волокиты, ябедничества и другихъ преступленій. Вотъ, что писалъ онъ въ указѣ 21 Февраля 1697 г.: „въ судахъ и въ очныхъ ставкахъ отъ истцовъ и отвѣтчиковъ бываетъ многая неправда и лукавство, и ищутъ многіе истцы исковъ своихъ, затѣвая напрасно, также и отвѣтчики въ прямыхъ искахъ отвѣчаютъ неправду же, составными вымыслами своими и лукавствомъ, хотя тѣми составными затѣйливыми отвѣтами прямыхъ исковъ напрасно отбыть, забывъ страхъ Божій. А иные истцы и отвѣтчики, для такихъ же своихъ коварствъ и неправды, нанимаютъ за себя въ суды и въ очныя ставки свою братью и боярскихъ людей (т. е. повѣренныхъ), ябедниковъ и составщиковъ же, воровъ и душеврѣдцевъ, и за тѣми ихъ воровскими и ябедническими, и составными вымыслами и лукавствомъ въ вершеніи тѣхъ дѣлъ правымъ и маломочнымъ людямъ чинится многая волокита, и напрасные харчи, и убытки, и раззореніе, а ябедникамъ и ворамъ поживки“. Чтобъ уничтожить подобный порядокъ вещей, указъ предписалъ „суду и очнымъ ставкамъ не быть, а вѣдать всѣ дѣла розыскомъ“.

Какъ извѣстно, въ слѣдственномъ процессѣ (сыскъ, розыскъ) судья имѣлъ гораздо большее вліяніе на ходъ и развитіе судоговоренія, чѣмъ въ состязательномъ (судъ),

такъ какъ въ сыскѣ все движеніе процесса совершалось черезъ посредство судьи. Напротивъ, въ судѣ судья игралъ роль простого свидѣтеля того, что говорили тяжущіеся, и ему оставалось только наблюдать за правильностію преній и удостовѣряться въ подлинности и достовѣрности доказательствъ, приводимыхъ тяжущимися. Такимъ образомъ, становится яснымъ, съ какою цѣлью Петръ уничтожилъ судъ и замѣнилъ его розыскомъ. Видя жалкое состояніе правосудія, вслѣдствіе ябедъ, волокиты и другихъ неправдъ тяжущихся, онъ, по справедливому замѣчанію Кавелина, понималъ, что словесное судопроизводство — судъ и очныя ставки—воспитывало зло, отдавая весь ходъ процесса во власть тяжущихся, и тѣмъ открывая поле ихъ дѣятельности. Ему казалось лучшимъ средствомъ противъ произвола тяжущихся подчинить ихъ и самое развитіе процесса контролю судей, которые уже по самому званію своему должны были быть блюстителями правосудія. Съ этою цѣлью и введенъ имъ розыскъ, какъ такая форма судопроизводства, по которой судьи принимаютъ дѣятельное участіе въ ходѣ и развитіи спорнаго дѣла, чѣмъ и стѣсняется произволъ истца и отвѣтчика [1]).

Однако, уничтоженіе состязательнаго процесса и замѣна его слѣдственнымъ представляла много неудобствъ, почему Петръ и рѣшилъ совершенно преобразовать судебные порядки Россіи. Это ему удалось сдѣлать путемъ изданія двухъ законодательныхъ актовъ: „Воинскихъ процессовъ" (2-я часть первой книги Воинскаго устава) и указа о формѣ суда 1723 г.

Воинскіе процессы внесли въ судоговореніе канцелярскую тайну, что видно, напр., изъ обязанности предсѣдателя просить и уговаривать членовъ суда хранить въ тайнѣ все то, что происходитъ на засѣданіяхъ послѣдняго. Затѣмъ они усилили письменный элементъ (такъ, кромѣ прошенія истца и отвѣта отвѣтчика, было разрѣшено еще подавать по возраженію отъ каждой стороны) и ограничили роль повѣренныхъ на судѣ, допуская ихъ только въ гражданскихъ дѣлахъ и не иначе, какъ въ случаѣ болѣзни сторонъ или другихъ уважительныхъ причинъ. Мотивомъ къ подобному ограниченію правъ повѣренныхъ послужила точка зрѣнія

---

[1]) Кавелинъ, Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ (Сочиненія, ч. I, стр. 283—285).

на нихъ Воинскихъ процессовъ, какъ на лицъ, которыя „своими непотребными пространными приводами судью болѣе утруждаютъ, и оное дѣло толь паче къ вящщему пространству, нежели къ скорому приводятъ къ окончанію“ (ст. I, V гл.).

Судоговореніе по Воинскимъ процессамъ начиналось или по частной жалобѣ (напр., въ личныхъ обидахъ и гражданскихъ дѣлахъ), или по усмотрѣнію судьи (въ уголовныхъ дѣлахъ). Подобно тому, какъ руководящимъ началомъ и конечною цѣлью уголовнаго законодательства того времени было главнымъ образомъ устрашеніе, такъ и форма не только воинскаго, но и всякаго уголовнаго процесса была инквизиціонная или розыскная, основанная на, такъ называемыхъ, формальныхъ доказательствахъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ и почти необходимымъ для обвиненія было собственное сознаніе, для достиженія котораго и направлялась вся судебная процедура при помощи главнымъ образомъ пытки [1]). Подчиняясь духу времени и господствовавшимъ юридическимъ понятіямъ, эту самую инквизиціонную или розыскную форму процесса принялъ и Петръ, что явствуетъ, по вѣрному замѣчанію Розенгейма, изъ самаго опредѣленія процесса, помѣщеннаго въ военно-судебномъ уставѣ Петра. „Процессъ есть, говоритъ ст. 1, II гл., дѣло судимое, чрезъ которое тяжебныя дѣла основательнымъ представленіемъ и изъ обстоятельства дѣлъ обрѣтенныхъ доказовъ явныя сочиняются, и потомъ отъ судей, по изобрѣтенію оныхъ причинъ, рѣшеніе чинится“. Вонскій уставъ сознаетъ различіе между гражданскимъ („обвинительнымъ“) и уголовнымъ („слѣдственнымъ“) процессами [2]), хотя и постановляетъ, что „при обоихъ процессахъ порядокъ одинъ есть, какъ въ рѣчахъ, отвѣтахъ, въ доказахъ и пр.“ (ст. 2 II гл.) [3]). Это различіе прежде всего, какъ было уже сказано, выражается въ томъ, что для начатія обвинительнаго процесса необходима частная жалоба заинтересованнаго лица, а для начатія слѣдственнаго про-

---

[1]) Розенгеймъ, Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи, стр. 145. См. также Дмитріева, Исторія судебныхъ инстанцій отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ, стр. 556 и слѣд., а также его Сочиненія, т. I, стр. 539 и слѣд.

[2]) Считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку, что въ порядкѣ „обвинительнаго“ процесса, кромѣ гражданскихъ дѣлъ, разсматривались и нѣкоторыя мелкія уголовныя дѣла, напр., по личнымъ обидамъ.

[3]) По этому вопросу см. Стефановскаго, назв. ст. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., кн. 8, стр. 357 и слѣд.

цесса—усмотрѣніе судьи, „чинящаго розыскъ ради своего чину, по должности судебной (ст. 2 II гл.). Затѣмъ въ дѣлахъ гражданскихъ обязательно должны участвовать обѣ стороны—истецъ и отвѣтчикъ, какъ частныя лица, спорящія между собою о правѣ; въ уголовныхъ же дѣлахъ участіе частнаго лица (истца) не обязательно, такъ какъ роль его играетъ государство. Третье различіе, это—особенность слѣдственнаго процесса, заключающаяся въ недопущеніи на немъ повѣренныхъ, могущихъ фигурировать въ качествѣ представителей сторонъ только на обвинительномъ процессѣ. Четвертое различіе состоитъ въ отношеніи обоихъ процессовъ къ пыткѣ. Въ то время, какъ въ уголовныхъ дѣлахъ пытка считалась необходимымъ элементомъ процесса, въ гражданскихъ дѣлахъ примѣненіе ея было ограничено, и къ ней слѣдовало прибѣгать только въ „большихъ и важныхъ дѣлахъ", „когда свидѣтель оробѣетъ или смутится, или въ лицѣ измѣнится" (ст. 3 VI гл.). Наконецъ, существовали еще нѣкоторыя другія различія между обоими процессами, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Процессъ распадается на двѣ части: на слѣдствіе (фергеръ) и на самый судъ (кригсрехтъ), т. е. обсужденіе добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ и постановленіе на основаніи ихъ приговора. При производствѣ слѣдствія, какъ уже сказано, весьма важную роль играла пытка. Степень ея жестокости должна была находиться въ извѣстномъ соотношеніи, какъ съ важностью дѣла, такъ и съ физическимъ состояніемъ подсудимаго, почему людей „твердыхъ", „безстыдныхъ" и „худыхъ" разрѣшалось пытать сильнѣе, чѣмъ „честныхъ" людей и „деликатнаго тѣла". Если кто былъ пытанъ и не сознавался въ взводимомъ на него преступленіи, то тотъ уже, въ случаѣ неоткрытія какого-нибудь новаго обстоятельства, не могъ быть подвергнутъ новой пыткѣ [1]). Уставъ освобождаетъ отъ пытки (за исключеніемъ обвиненій въ убійствѣ и въ государственныхъ преступленіяхъ) дворянъ, лицъ, обладающихъ высшими чинами, стариковъ 70 лѣтъ, недорослей и беременныхъ женщинъ (ст. 3—10 VI гл.) [2]). Пыткѣ всегда

[1]) Это новое обстоятельство могло быть трехъ родовъ: 1) если противъ обвиняемаго открывалась другая улика, неизвѣстная прежде, 2) если первая пытка была слишкомъ легка и 3) если кто, повинившись, потомъ отказывался отъ своего показанія. Въ послѣднемъ случаѣ пытку могли повторять до трехъ разъ, и только послѣ третьяго раза, если обвиняемый продолжалъ настаивать на своемъ отказѣ, онъ освобождался на поруки.

[2]) Весьма много говоритъ о пыткѣ проектъ Уголовнаго уложенія 1754 г.

предшествуетъ, такъ называемый, „распросъ съ пристрастіемъ“, т. е. допросъ, сопровождаемый угрозами, а иногда тѣлеснымъ наказаніемъ [1]). Слѣдствіе заканчивается постановленіемъ сентенціи, куда вносятся всѣ добытыя данныя pro и contra обвиняемаго, и затѣмъ уже начинается самое судоговореніе.

Въ началѣ его, послѣ разныхъ формальностей, сторонамъ предоставляется воспользоваться правомъ отвода судей. Уважительными причинами къ отводу уставъ признаетъ: свойство, дружбу, вражду и обязательство благодарностью, существующія между судьей и одной изъ сторонъ. Кромѣ того, допускаются и другія причины, такъ какъ, по выраженію устава, „всѣхъ ихъ описать не можно“ (ст. 12 и 13 гл.). Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя, челобитчикъ, въ присутствіи отвѣтчика, „кратко“ и „явно“ излагаетъ свою жалобу (ст. 3 III гл.), по выслушаніи которой, отвѣтчикъ долженъ точно также „кратко“ и „явно“ дать отвѣтъ. Обѣимъ сторонамъ дозволяется устныя показанія замѣнять письменными (ст. 2 IV гл.). Въ случаѣ болѣзни или другихъ уважи-

---

По проекту пытка является „чрезвычайнымъ средствомъ“, почему „безъ крайней нужды“ прибѣгать къ ней было запрещено. Затѣмъ употреблять пытку проектъ разрѣшаетъ только въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь, политическую смерть и вѣчную каторжную работу. Кромѣ лицъ, освобожденныхъ отъ пытки Воинскимъ уставомъ, проектъ освобождаетъ еще „состоящихъ въ классахъ“, купцовъ первой гильдіи, безумныхъ, глухихъ и нѣмыхъ. Наконецъ, въ проектѣ впервые опредѣляется родъ пытки, а именно три „градуса“, т. е. степени ея: 1) подъемъ на дыбу, 2) подъемъ съ „стряскою“ безъ огня и 3) съ „стряскою“ съ огнемъ, когда обвиняемый поджигается при помощи вѣника или утюга. Проектъ предписываетъ при первомъ градусѣ держать на дыбѣ десять минутъ, причемъ дать 25 ударовъ кнутомъ, при второмъ—держать 15 минутъ и дать 35 ударовъ, сопровождая ихъ двумя „стрясками“ съ бревномъ, при третьемъ—держать 20 мин., дать 50 ударовъ и три „стряски“ и, наконецъ, жечь огнемъ. Между пытками судьи обязательно должны были давать время „для исправленія“ пытаемому въ размѣрѣ отъ одной до двухъ недѣль (главы VII, VIII и IX).

[1]) Понятіе пристрастнаго распроса весьма обстоятельно опредѣляется въ проектѣ уголовнаго Уложенія 1754 г., а именно „пристрастный распросъ есть, когда подозрительный въ застѣнокъ приведется и, по изъясненіи находящихся на него по дѣлу подозрѣній, въ показаніи истины отъ судей увѣщевается, которые дѣйствительною пыткою устращиваютъ; а буде такой по увѣщаніи не признается, тогда палачу въ руки отдается, который его къ дыбѣ приводитъ и всякими пріуготовленіями стращаетъ, токмо самымъ дѣйствомъ до него ничѣмъ не касается“ (ст. 2 гл. X). Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, когда обвинаемые изъ „подлаго“ класса, т. е. не принадлежатъ къ „состоящимъ въ классахъ“, дворянамъ и купцамъ первой гильдіи, проектъ разрѣшаетъ во время пристрастнаго распроса прибѣгать къ кошкамъ, плетямъ и батогамъ, „смотря только того, чтобы между онымъ къ сысканію истины средствомъ и будущимъ наказаніемъ пристойная всегда пропорція наблюдаема была“ (ст. 3 гл. X).

тельныхъ причинъ, разрѣшается (въ гражданскихъ дѣлахъ) нанимать повѣренныхъ (ст. 1 V гл.). Отвѣтъ или показаніе обвиняемаго подраздѣляется на три вида: 1) „когда отвѣтчикъ въ жалобѣ весьма повинится“ (полное сознаніе), 2) „въ оной весьма запрется“ (полное отрицаніе) и 3) „оную признаваетъ, токмо при томъ такія обстоятельства представляетъ, по которымъ дѣло противъ челобитчикова доношенія не сходно“ (сознаніе, но съ приведеніемъ обстоятельствъ, несходныхъ съ обвиненіемъ). При полномъ сознаніи судъ прямо приступаетъ къ постановкѣ приговора; въ двухъ же другихъ случаяхъ обращается къ разсмотрѣнію доказательствъ (ст. 2 VI гл.).

Воинскій уставъ впервые внесъ въ наше право теорію формальныхъ доказательствъ, сложившуюся въ это время на Западѣ. Съ точки зрѣнія этой теоріи, судья, при выборѣ доказательствъ, долженъ быть поставленъ въ извѣстные предѣлы, крайне стѣсняющіе его дѣятельность. Рѣшеніе его являлось ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ простого ариѳметическаго сложенія, такъ какъ по формальной теоріи относительное значеніе доказательствъ опредѣлялось цифрами. Такъ, полнымъ доказательствомъ считалось показаніе двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, показаніе одного достовѣрнаго свидѣтеля составляло половину доказательства, а иногда и четверть и т. д. [1]). Воинскій уставъ, согласно формальной теоріи, дѣлитъ доказательства на полныя или совершенныя и на неполныя или несовершенныя. Одного совершеннаго доказательства считалось вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ справедливости доказываемаго факта. Напротивъ, несовершенныя доказательства ведутъ только къ подозрѣнію въ виновности. По Воинскому уставу сумма несовершенныхъ доказательствъ никогда не можетъ составить совершеннаго доказательства.

Доказательствами вообще уставъ считаетъ собственное сознаніе, показаніе свидѣтелей, письменные документы и присягу (ст. 5 I гл. II ч.). Собственное сознаніе является по уставу „лучшимъ свидѣтельствомъ всего свѣта“ (ст. 1 гл. II, II ч.), но для этого требуется, чтобъ оно было полнымъ, добровольнымъ и дано на судѣ (ст. 2 II гл.). Что касается до свидѣтелей, то ими могутъ быть лица обоихъ половъ, „добрыя“, безпорочныя и не лишенныя чести и достоинства

[1]) Малышевъ, Курсъ гражданскаго судопроизводства, т. I, стр. 265.

(ст. 1 III гл.). „Негодными“ свидѣтелями уставъ признаетъ клятвопреступниковъ, изгнанныхъ изъ государства, проклятыхъ церковью („банизированныхъ“), не бывшихъ у причастія и осужденныхъ за разныя преступленія. Точно также не допускаются къ свидѣтельству состоящіе съ которой либо изъ сторонъ во враждебныхъ отношеніяхъ, родственники и свойственники, дѣти моложе 15 лѣтъ, нѣкоторые иностанцы, напр., тѣ изъ нихъ, о которыхъ не имѣется достаточныхъ свѣдѣній, и т. п. (ст. 2 III гл.). Стороны пользуются правомъ отвода свидѣтелей, но только до принесенія ими присяги, причемъ отводящая сторона обязана представить поводъ къ отводу (ст. 3 III гл.). Та сторона выигрываетъ дѣло, которая представитъ лучшихъ свидѣтелей. Такими признаются лица мужского пола противъ женскаго, знатные противъ незнатныхъ, ученые противъ неученыхъ и духовныя лица противъ свѣтскихъ (ст. 12 и 13 III гл.). Показаніе одного свидѣтеля не считается еще полнымъ или совершеннымъ доказательствомъ. Свидѣтель за ложное показаніе подвергается отсѣченію двухъ пальцевъ, изгнанію изъ земли или ссылкѣ на каторгу и воспрещенію быть когда либо свидѣтелемъ (ст. 17 III гл.). Третьимъ доказательствомъ являются письменные документы (по гражданскимъ дѣламъ), а именно: долговыя обязательства и всякаго рода имущественные акты, записанные въ городовыхъ и судейскихъ книгахъ. Сюда же относятся и купеческія книги, имѣющія, впрочемъ, характеръ не полнаго, но половиннаго доказательства. Для пріобрѣтенія же ими характера полнаго доказательства требуется подтвержденіе ихъ достовѣрности присягой купца (ст. 1—6 IV гл.). Послѣднимъ доказательствомъ уставъ считаетъ присягу (очистительную). Она можетъ быть употребляема со стороны отвѣтчика въ случаѣ неполноты обвиненія. Судъ можетъ обращатьси къ присягѣ только по исчерпаніи всѣхъ остальныхъ средствъ къ открытію истины, такъ какъ въ случаи принятія отвѣтчикомъ присяги, онъ считается оправданнымъ. Если же онъ отказывается отъ присяги, то, хотя и признается виновнымъ, но не наказывается такъ строго, какъ бы наказывался въ случаѣ доказательства его виновности при помощи другихъ, болѣе вѣрныхъ, средствъ. Въ особенности необходимо было имѣть это въ виду при обвиненіи въ преступленіяхъ, влекущихъ за собой смертную казнь, „понеже, говоритъ уставъ, къ свидѣтельствованію явные и довольные требуются доказы“ (т. е. до-

казательства), какимъ не можетъ считаться присяга; „того ради судьѣ надлежитъ пристойнымъ наказаніемъ его наказать опасаться, толь паче чрезвычайно наказать, понеже лучше есть десять винныхъ (т. е. виновныхъ) освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить“ (ст. 1—10 V гл. [1]). Такимъ образомъ эта извѣстная фраза, которую обыкновенно приписываютъ Екатеринѣ II, въ первый разъ была произнесена, собственно говоря, Петромъ.

По окончаніи разсмотрѣнія доказательствъ, судъ приступаетъ къ постановкѣ приговора, причемъ каждый членъ суда, начиная съ младшаго, подаетъ свое мнѣніе. Въ случаѣ разногласія, дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ (ст. 1 I гл. III ч.). Затѣмъ секретарь облекаетъ приговоръ въ письменную форму, подписываемый судьями и скрѣпляемый аудиторомъ. Въ такомъ видѣ приговоръ читается сторонамъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ стороны могутъ апеллировать въ высшій судъ, въ уголовныхъ же дѣлахъ рѣшенія низшаго суда не подлежитъ апелляціи, но приговоръ представляется на утвержденіе военнаго начальства. пользующагося правомъ измѣнить наказаніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подробно перечисляемыхъ уставомъ, приговоръ можетъ быть уничтоженъ и лишенъ юридической силы (обыкновенно при нарушеніи законовъ, регулирующихъ отправленіе дѣлопроизводства въ судѣ) (I и II гл. III ч.).

Что касается до указа о формѣ суда 1723 г., то онъ, начинаясь жалобой на то, что „въ судахъ много даютъ лишняго говорить и много неподобнаго пишутъ“, не только не усиливаетъ письменнаго элемента въ судопроизводствѣ, какъ Воинскіе процессы, но, напротивъ, вводитъ исключительно словесное судоговореніе, дозволяя секретарямъ записывать только рѣчя тяжущихся, исключая изъ нихъ все то, что, по ихъ мнѣнію, не идетъ къ дѣлу. Судоговореніе по указу происходило слѣдующимъ образомъ. Дѣло начиналось подачею прошенія, изложеннаго по пунктамъ. Затѣмъ вызывали въ судъ отвѣтчика, причемъ онъ давалъ реверсъ, что обязуется явиться въ назначенное время въ судъ [2]) или

[1]) Проектъ уголовнаго Уложенія 1754 г. предписываетъ прибѣгать къ присягѣ только въ мелкихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою тѣлесное наказаніе, тюремное заключеніе и штрафъ, причемъ отказывающихся отъ присяги велитъ пытать или подвергать пристрастному допросу (глава XI).

[2]) По указу 1723 г. отвѣтчикъ обязательно долженъ былъ явиться черезъ семь дней по полученіи вызова, т. е. копіи съ прошенія истца. Однако, не смотря на подобное обязательство, поручительство съ него

представить, вмѣсто себя, своего повѣреннаго, права которыхъ по указу 1723 г. были снова расширены. Повѣренными стороны могли назначать кого угодно, но не иначе, какъ съ выдачею имъ вѣрющихъ писемъ и съ обязательствомъ признанія всѣхъ ихъ дѣйствій („что оный (повѣренный) учинитъ, онъ (довѣритель) прекословить не будетъ"). Что касается до неявки одной изъ сторонъ, то указъ признавалъ нѣсколько законныхъ причинъ ея, а именно: 1) „ежели отъ непріятеля какое помѣшательство имѣлъ, 2) безъ ума сталъ, 3) отъ водянаго и пожарнаго случая и воровскихъ людей какое несчастіе имѣлъ, и 4) ежели родители или жена и дѣти умрутъ". О причинахъ неявки судъ обязанъ былъ производить разслѣдованіе. Неявившагося челобитчика или отвѣтчика, если онъ не представлялъ причинъ своей неявки, розыскивали слѣдующимъ образомъ: отъ имени суда, съ барабаннымъ боемъ, публиковался указъ съ предписаніемъ неявившемуся явиться въ продолженіе недѣли подъ угрозой быть обвиненнымъ путемъ заочнаго рѣшенія. По явкѣ обѣихъ сторонъ, приступали къ чтенію прошенія. Когда первый пунктъ былъ прочтенъ, начинался отвѣтъ, но отвѣтчикъ долженъ былъ отвѣчать на каждый пунктъ особо, не касаясь другихъ. „Не очистивъ" одного пункта, запрещалось переходить къ другому, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требовались какія либо справки. По окончаніи допроса, съ обоихъ тяжущихся брали поруки въ томъ, чтобъ, до постановки судебнаго приговора, они никуда не уѣзжали, что было въ высшей степени затруднительно, такъ какъ указъ не опредѣлилъ срока, въ продолженіе котораго судьи были обязаны постановить рѣшеніе [1]).

Первоначально указъ о формѣ суда долженъ былъ примѣняться, при разсмотрѣніи какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ, въ виду того, что онъ окончательно уничтожилъ древнее раздѣленіе суда на судъ и сыскъ, предписавъ всѣ дѣла рѣшать, вопреки указу 1697 г., однимъ только судомъ. Единственное исключеніе изъ этого составили дѣла объ оскорбленіи величества, измѣнѣ, бунтѣ и „злодѣйствѣ", не вошедшія въ составъ юрисдикціи суда по формѣ (ст. 5). Однако, уже въ 1724 г. (30 Ноября) было разъяснено, что

требовалось только тогда, когда у него не было достаточно имущества для обезпеченія иска.

[1]) Дмитріевъ, Исторія судебныхъ инстанцій отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ, стр. 514 и слѣд. Кавелинъ, Сочиненія, ч. I, стр. 286 и слѣд.

„форма суда“ должна относиться къ „исковымъ партикулярнымъ“ дѣламъ, т. е. гражданскимъ, а не къ „доносительскимъ и фискальскимъ“, т. е. уголовнымъ, „понеже въ той формѣ упоминается болѣе о челобитчикахъ и отвѣтчикахъ“ Затѣмъ въ 1725 г. Сенатъ разъяснилъ, что богохульники, церковные мятежники, раскольники, смертоубійцы, разбойники и тати, которые пойманы будутъ или съ поличнымъ приведены, хотя съ казеннымъ или партикулярныхъ людей“, также не должны судиться на основаніи указа о формѣ суда [1]). Нужно думать, что большинство уголовныхъ дѣлъ послѣ того стали разбираться на основаніи Воинскихъ процессовъ, гражданскія же дѣла и нѣкоторыя уголовныя, напр. дѣла о татьбѣ безъ поличнаго и вообще возникавшія по жалобѣ потерпѣвшаго, разбирались на основаніи указа о формѣ суда [2]). Проектъ уголовнаго Уложенія 1754 г. опять возстановляетъ розыскъ, хотя въ нѣсколько модифицированной формѣ. Такъ, ст. 1 гл. I проекта опредѣляетъ понятіе „розыскныхъ дѣлъ“, понимая подъ ними дѣла, „состоящія въ томъ, когда кто въ какомъ злодѣйствѣ или въ важномъ преступленіи въ самомъ дѣлѣ пойманъ или хотя и отчасти изобличенъ, или по судейскому слѣдствію подозрительнымъ явился, и въ томъ производятся розыски, а не судъ“. Однако, тотъ же проектъ считаетъ нужнымъ оговорить, что „которыя дѣла хотя сами собою злодѣйскія, но токмо въ оныхъ никто не пойманъ и ни въ чемъ еще не изобличенъ, и таковыя дѣла надлежатъ производить судомъ, а не розыскомъ... до тѣхъ поръ, покамѣстъ кто по суду въ томъ хотя частію чѣмъ изобличенъ будетъ“. Въ этой оговоркѣ и заключается модификація проекта, благодаря которой совре-

---

[1]) Указъ былъ изданъ въ „поясненіи“ ст. 5 указа о формѣ суда, гдѣ въ числѣ дѣлъ, изъятыхъ изъ юрисдикціи формальнаго суда, было упомянуто и „злодѣйство“. Къ категоріи послѣдняго Сенатъ отнесъ: богохульство, церковный мятежъ, расколъ, убійство, разбой и татьбу съ поличнымъ.

[2]) По весьма вѣроятному предположенію проф. Владимірскаго-Буданова „такая двойственность формъ процесса—гражданскаго и уголовнаго не удержалась: какъ узаконенія, такъ и практика рѣшительно наклонялись въ сторону инквизиціоннаго процесса“, почему съ 70 годовъ XVIII ст. указъ о формѣ суда сталъ примѣняться только въ исключительныхъ случаяхъ, а въ XIX ст., какъ можно думать изъ одного постановленія Государственнаго Совѣта въ 1812 г., для этого требовалось даже высочайшее разрѣшеніе (Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 3-е, стр. 666—667). Мало того, въ 1801 г. правительство, осудивъ очень рѣзко недостатки суда по формѣ и указавъ на то, что „самые простые и удоборѣшимые споры, воспріявъ форму сію, превращаются въ тяжкія и раззорительныя тяжбы“, поручило графу Завадовскому составить новый проектъ судопроизводства. Однако, это порученіе не было исполнено.

менный розыскъ существенно отличался отъ московскаго сыска, обязательно разрѣшавшаго и дѣла, оговоренныя въ проектѣ. Розыскъ, по проекту, всегда начинался по доносу (древняя явка) или „по судейской должности“, судъ же по частному челобитью (ст. 3 гл. I).

Мы уже говорили, что указъ о формѣ суда не только не улучшилъ недостатковъ судопроизводства, но еще значительно увеличилъ ихъ число. Крайнимъ стѣсненіемъ дѣйствій сторонъ, расширеніемъ произвола судей, широкимъ допущеніемъ повѣренныхъ, отсутствіемъ установленія сроковъ для постановки приговоровъ и, наконецъ, несогласованіемъ и противорѣчіемъ своихъ постановленій съ постановленіями Воинскихъ процессовъ онѣ произвелъ полнѣйшую дезорганизацію въ области судопроизводства, подъ покровомъ которой стали процвѣтать такіе порядки, которые не могли имѣть ничего общаго съ цѣлями правосудія. Это и побудило сословія въ своихъ наказахъ, поданныхъ въ 1767 г. въ законодательную комиссію, ходатайствовать предъ Екатериной II о реформѣ суда. Послѣдняя посвятила судопроизводству не мало мѣста въ Наказѣ, причемъ и здѣсь высказала мысли и возрѣнія, ничего общаго не имѣющія съ тѣми принципами, которыми было проникнуто наше предшествующее законодательство. Прежде всего Наказъ задается опредѣленіемъ судебной власти. „Власть судейская, читаемъ въ немъ, состоитъ въ одномъ исполненіи законовъ и то для того, чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопасности гражданъ“. Конечно, съ нашей точки зрѣнія, подобное опредѣленіе далеко не совершенно, такъ какъ, съ одной стороны, не исчерпываетъ всего существа судебной власти, съ другой же стороны, не проводитъ различія между ней и административно-исполнительной властью, функціи которой также заключаются въ исполненіи закона. „Въ самодержавномъ государствѣ, говоритъ далѣе Наказъ, отправленіе правосудія, отъ приговоровъ котораго не только жизнь и имѣніе, но и честь зависитъ, много трудныхъ требуетъ испытаній. Вотъ, почему нельзя ставить въ образецъ, какъ это многіе дѣлаютъ, турецкое правосудіе, отличающееся своею скоростью. Напротивъ, во всякомъ государствѣ, въ которомъ уважаются честь, имѣніе, жизнь и свобода гражданъ, необходимо умноженіе судебныхъ обрядовъ, такъ какъ лишеніе всѣхъ этихъ благъ можетъ произойти не иначе, какъ послѣ долгаго и строгаго изысканія истины. Съ другой сто-

роны, вышеназванные обряды должны быть такъ опредѣлены законами, чтобы никогда не могли служить къ пагубѣ невинности". Такимъ образомъ изъ приведенныхъ цитатъ видно, что Наказъ совершенно измѣняетъ точку зрѣнія на подсудимаго, господствовавшую въ Уложеніи и въ Воинскомъ уставѣ. Въ то время, какъ эти послѣдніе относились съ явной враждебностью къ подсудимому и, такъ сказать, были предубѣждены противъ него, видя въ немъ уже преступника еще до обвиненія, Наказъ, напротивъ, относится къ обвиняемому вполнѣ гуманно и заботится о томъ, чтобы не могъ пострадать невинный. „Судья, говоритъ императрица, долженъ входить въ тонкости и въ подробности тѣмъ больше, чѣмъ большій у него хранится залогъ, и чѣмъ важнѣе вещь, о которой онъ чинитъ рѣшеніе". Итакъ не должно удивляться,что въ законахъ находится столько правилъ ограниченія и распространенія статей закона, имѣющихъ въ виду гарантію интересовъ подсудимаго. Наказъ запрещаетъ судьямъ толковать законы о наказаніяхъ, говоря, что единственный ихъ толкователь, — это представитель верховной власти. Затѣмъ здѣсь же мы находимъ цѣлую, такъ сказать, инструкцію судьямъ для постановки приговоровъ, а именно: „судья (разсуждаетъ императрица), судящій о какомъ бы то ни было преступленіи, долженъ одинъ только силлогизмъ или разсужденіе сдѣлать, въ которомъ первое предложеніе или посылка первая есть общій законъ; второе предложеніе или посылка вторая изъявляетъ дѣйствіе, о которомъ дѣло идетъ, сходно ли оное съ законами или противно имъ; заключеніе содержитъ оправданіе или наказаніе обвиняемаго. Ежели судья самъ собою или убѣжденный темностью законовъ дѣлаетъ больше одного силлогизма въ дѣлѣ криминальномъ, тогда уже все будетъ неизвѣстно и темно". Далѣе императрица вооружается противъ дозволенія судьямъ брать какіе бы то ни было подарки. „Достойный хулы законъ римскій, читаемъ здѣсь, который дозволялъ судьямъ брать малые подарки, лишь бы они во весь годъ не больше, какъ до ста ефимковъ простирались. Тѣ, которымъ ничего не даютъ, не желаютъ ничего, а которымъ даютъ мало, тѣ желаютъ тотчасъ немного поболѣе и потомъ много".

Въ области судопроизводства Наказъ предлагаетъ введеніе слѣдующихъ реформъ: суда равныхъ, отвода судей и гласности. Вотъ, что читаемъ въ Наказѣ о первой реформѣ: „надлежало бы нѣсколькимъ изъ судей быти чина по гра.

жданству такого же, какого и отвѣтчикъ, т. е. ему равнымъ, чтобы онъ не могъ подумать, будто бы попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насильство во вредъ ему употребить могутъ. Сему уже примѣры есть въ законахъ военныхъ. Ради того сей законъ весьма полезенъ для общества, гдѣ онъ установленъ, который предписываетъ всякаго человѣка судити чрезъ равныхъ ему, ибо, когда дѣло идетъ о жребіи гражданина, то должно наложить молчаніе всѣмъ умствованіямъ, вперяемымъ въ насъ отъ различія чиновъ и богатства или счастія; имъ не надобно имѣть мѣста между судьями и обвиняемымъ. Но когда преступленіе касается до оскорбленія третьяго, тогда половину судей должно взять изъ равныхъ обвиняемому, а другую половину изъ равныхъ обиженному“.

Что касается до отвода судей, то онъ, какъ извѣстно, допускался уже и Уложеніемъ, такъ что реформой, въ собственномъ смыслѣ этого слова, его назвать нельзя. Положеніе, высказанное въ Уложеніи, повторяется и Наказомъ, а именно: „что „справедливо, дабы обвиняемый могъ отрѣшить нѣкоторое число изъ своихъ судей, на которыхъ онъ имѣетъ подозрѣніе. Гдѣ обвиняемый пользуется симъ правомъ, тамъ виноватый казаться будетъ, что онъ самъ себя осуждаетъ“. Но за—то, высказавъ подобное положеніе, Наказъ дѣлаетъ къ нему поправку, совершенно неизвѣстную Уложенію и этимъ значительно расширяетъ право отвода судей. „Надлежитъ, говоритъ онъ, чтобы судимые въ великихъ винахъ, съ согласія законовъ, избирали себѣ судей или по крайней мѣрѣ могли бы отрѣшить изъ нихъ толикое число, чтобъ оставшіеся казались быти въ судѣ по выбору судимыхъ преступниковъ“. Такимъ образомъ получается уже почти цѣлая реформа: судьи не только отводятся по подозрѣнію, но прямо избираются подсудимымъ, въ силу права со стороны послѣдняго самому выбирать себѣ судей.

Третья реформа устанавливаетъ гласность, какъ для судебныхъ приговоровъ, такъ и равно для всего процесса. „Приговоры, говоритъ Наказъ, должны быть, сколь возможно, ясны и тверды, даже до того, чтобы они самыя точныя слова закона въ себѣ содержали“. Затѣмъ они должны быть „вѣдомы“ народу, равно какъ и доказательства преступленій, „чтобъ всякъ изъ гражданъ могъ сказать, что онъ живетъ подъ защитою законовъ—мысль, которая подаетъ гражда-

намъ ободреніе и которая больше всѣхъ угодна и выгодна самодержавному правителю".

Раздѣленіе судопроизводства на гражданское и уголовное совершенно не извѣстно Наказу, что крайне странно. такъ какъ та же имп. Екатерина осуществила это раздѣленіе на практикѣ въ 1775 г. путемъ учрежденія двухъ разныхъ палатъ: гражданскаго и уголовнаго суда. Что же касается до отдѣленія слѣдствія отъ суда, то необходимость подобной реформы Наказъ вполнѣ сознаетъ, мотивируя ее тѣмъ, что лица, собирающія доказательства виновности, не желая, чтобы ихъ работа пропала даромъ, всегда болѣе склонны къ обвиненію, чѣмъ къ оправданію подсудимаго.

Доказательства Наказъ, вѣрный господствовавшей въ то время доктринѣ, дѣлить на двѣ категоріи: на совершенныя и несовершенныя. Сила одного совершеннаго доказательства такого рода, что разъ наличность послѣдняго устанавливается, подсудимый долженъ быть обвиненъ. Напротивъ, сила несовершеннныхъ доказательствъ значительно слабѣе, въ силу чего совокупность ихъ можетъ иногда повлечь за собой даже оправданіе подсудимаго. „Въ изысканіи доказательствъ преступленія, говоритъ Наказъ, надлежитъ имѣть проворство и способность, чтобы вывесть изъ сихъ изысканій окончательное положеніе, надобно имѣть точность и ясность мыслей, но, чтобы судить по окончательному сему положенію, не требуется больше ничего, какъ простое здравое разсужденіе, которое вѣрнѣйшимъ будетъ предводителемъ, нежели все званіе судьи, пріобыкшаго находить вездѣ виноватыхъ". Къ числу доказательствъ Наказъ относитъ показанія свидѣтелей, присягу и собственное признаніе подсудимаго. Свидѣтелемъ можетъ быть, по словамъ Наказа, „всякій здраваго разсудка человѣкъ, т. е. такой, мысли котораго имѣютъ нѣкоторую связь однѣ съ другими и котораго чувствованія сходствуютъ съ чувствованіями ему подобныхъ". Наказъ допускаетъ также и свидѣтельство человѣка, граждански умершаго, т. е. осужденнаго судомъ. Степень довѣрія къ показанію свидѣтеля должно находиться въ зависимости отъ отношенія его къ подсудимому. Чинъ свидѣтеля не можетъ играть роли аргумента въ пользу необходимости большаго довѣрія къ его показаніямъ. Въ случаѣ, если имѣется только одинъ свидѣтель виновности подсудимаго, послѣдній же не признаетъ себя виновнымъ и отрицаетъ свидѣтельское показаніе, то судъ долженъ вѣрить

подсудимому, а не свидѣтелю, такъ какъ „законы, осуждающіе человѣка, по выслушаніи одного свидѣтеля, суть пагубны вольности“. Для обвиненія подсудимаго необходимы, по крайней мѣрѣ, показанія двухъ свидѣтелей.

Что касается до присяги, то Наказъ, хотя и признаетъ ее, но совѣтуетъ употреблять очень рѣдко и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы присягающаго не замѣшаны въ дѣлѣ. Собственное признаніе подсудимаго также считается однимъ изъ доказательствъ. Наказъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что подсудимый обязанъ отвѣчать на вопросы суда; если же онъ, по словамъ императрицы, будетъ „упрямиться“ и не давать показаній, то заслуживаетъ строгаго наказанія. Въ одномъ только случаѣ признаніе подсумаго считается излишнимъ, это — когда другія неоспоримыя доказательства вполнѣ показываютъ, что онъ виновенъ.

Пыткѣ императрица посвящаетъ нѣсколько статей, заимствованныхъ изъ сочиненія Баккаріи, и приводитъ слѣдующіе аргументы противъ нея: 1) человѣка нельзя наказывать прежде его осужденія, между тѣмъ пыткѣ подвергаютъ лицъ, виновность которыхъ еще не доказана. Кромѣ того, пытаемый, вслѣдствіе боли, не властенъ въ томъ, что говоритъ и, изъ желанія избавиться отъ мученій, можетъ признаться въ совершеніи преступленій, которыхъ въ дѣйствительности никогда не совершалъ; 2) пытка, употребляемая для разъясненія противорѣчій въ показаніяхъ обвиняемаго, также не имѣетъ смысла, потому что „противорѣчія, столь обыкновенныя у человѣка, пребывающаго въ спокойномъ духѣ, естественно должны умножиться у человѣка, находящагося въ состояніи пытаемаго“; 3) производить пытку для открытія того, не совершилъ ли обвиняемый еще другихъ преступленій, также не достигаетъ никакой цѣли по нижеизложеннымъ причинамъ. „Сей поступокъ, говоритъ Наказъ, будетъ основанъ на слѣдующемъ разсужденіи: ты виноватъ въ одномъ преступленіи, такъ можетъ быть еще сто другихъ беззаконій сдѣлалъ; слѣдуя законамъ, станутъ тебя пытать и мучить не только за то, что ты виноватъ, но и за то, что ты можетъ быть еще гораздо больше виновенъ“; 4) обыкновенно пытаютъ обвиняемаго также и для того, чтобы онъ выдалъ своихъ сообщниковъ, но разъ признано, что пытка не можетъ служить къ познанію истины, то и въ этомъ случаѣ она не

достигаетъ своей цѣли, такъ какъ пытаемый, подъ вліяніемъ боли, можетъ наговорить на лицъ, ни въ чемъ не виновныхъ. Наконецъ, у суда есть достаточно другихъ средствъ для открытія сообщниковъ и помимо пытки.

Довольно любопытны мысли Наказа касательно ареста. Наказъ опредѣляетъ его, какъ наказаніе, „которое ото всѣхъ другихъ наказаній тѣмъ разнится, что, по необходимости, предшествуетъ судебному объявленію преступленія“. Императрица вооружается противъ произвольности ареста. „Наказаніе это, говоритъ она, можетъ быть наложено только въ такомъ случаѣ, когда вѣроятно, что гражданинъ совершилъ преступленіе“. Поэтому законъ долженъ точно опредѣлить тѣ признаки преступленія, по которымъ можно арестовать обвиняемаго. Такими признаками Наказъ считаетъ: голосъ народа, обвиняющій кого либо въ совершеніи преступленія, признаніе въ совершеніи преступленія внѣ суда, свидѣтельство сообщника, угрозы, совершенныя кѣмъ либо, бѣгство извѣстнаго лица, самый фактъ преступленія и т. п. Всѣ эти признаки должны быть опредѣлены закономъ, а не судьями, приговоры которыхъ всегда нарушаютъ свободу, разъ они не являются примѣненіемъ закона къ конкретному случаю. Затѣмъ Наказъ проводитъ различіе между арестомъ и тюремнымъ заключеніемъ. Арестъ является мѣрой предупрежденія, продолжающейся до тѣхъ поръ, пока не выяснится, виновенъ ли обвиняемый или нѣтъ; поэтому онъ долженъ продолжаться, какъ можно меньше времени. Человѣкъ, бывшій подъ стражею и потомъ оправдавшійся, не долженъ, въ силу этого, подлежать безчестію. Арестъ можетъ быть замѣненъ отдачею на поруки, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, которые должны быть точно обозначены въ законѣ. Напротивъ, тюремное заключеніе является наказаніемъ, какъ слѣдствіе судебнаго приговора. Вотъ, почему нельзя содержать въ одномъ и томъ же мѣстѣ какъ арестованнаго, такъ и обвиненнаго по суду.

Однако, на практикѣ Екатерина II далеко не преобразовала судопроизводство, такъ, какъ объ этомъ писала въ Наказѣ. Въ сущности все осталось по старому, и единственно, что сдѣлала императрица въ области процесса, это: 1) отдѣлила слѣдственную часть отъ судебной, поручивъ ее полиціи, 2) организовала судъ равныхъ путемъ учрежденія сословныхъ судовъ и 3) ограничила примѣненіе пытки [1]).

[1]) Впрочемъ, ограниченіе примѣненія пытки началось еще до Ека-

Такъ, въ 1763 г. она предписала прибѣгать къ пыткѣ только въ крайнихъ случаяхъ, при истощеніи всѣхъ остальныхъ средствъ, причемъ въ уѣздныхъ городахъ пытокъ не производить, а отсылать преступниковъ въ провинціальныя и губернскія канцеляріи. Послѣднимъ же въ 1767 г. было вмѣнено въ обязанность прибѣгать къ пыткѣ не иначе, какъ съ докладу губернатору и по его приказанію. Губернаторамъ же императрица секретно предписала слѣдовать въ такихъ случаяхъ X главѣ Наказа, въ которой, какъ извѣстно, пытка была осуждена. Однако, въ виду неисполненія этого указа, императрицѣ пришлось подтвердить его еще въ 1774 и въ 1782 гг. [1]). Окончательно пытка была отмѣнена Александромъ I въ 1801 г. Вотъ, что читаемъ въ указѣ этого года: „Правительствующій Сенатъ, зная всю важность сего злоупотребленія (т. е. пытки), и до какой степени оно противно самымъ первымъ основаніямъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ, не оставитъ при семъ случаѣ сдѣлать повсемѣстно по всей Имперіи наистрожайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ низшихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, въ основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ передъ судомъ сознаніе, чтобъ въ теченіе слѣдствія не были они подвержены какимъ либо пристрастнымъ допросамъ, и чтобъ, наконецъ, самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народа“.

Затѣмъ, кромѣ указанныхъ нововведеній въ области процесса при Екатеринѣ II, нужно еще отмѣтить двѣ слѣдующія реформы: 1) собственное признаніе потеряло прежнее значеніе, такъ какъ указомъ 1775 г. было предписано не вынуждать его, когда другія обстоятельства ясно изобличаютъ виновность подсудимаго, и 2) были упорядочены:

терины II. Такъ, въ 1751 г. пытка была отмѣнена въ корчемныхъ дѣлахъ, причемъ Сенатъ мотивировалъ эту мѣру тѣмъ, чтобы обвиняемые, „не стерпя пытокъ, не могли на кого напрасно говорить“. Затѣмъ при Петрѣ III Сенатъ предписалъ всѣмъ судебнымъ мѣстамъ производить допросы свидѣтелямъ и доносителямъ, „сколь возможно безъ пытки“.

[1]) Подробности см. у Иконникова, Страница изъ исторіи Екатерининскаго Наказа (Объ отмѣнѣ пытки въ Россіи), стр. 4—16.

аппелляціонное судопроизводство и ревизіонный порядокъ пересмотра уголовныхъ дѣлъ. Объ аппелляціонномъ судопроизводствѣ говоритъ указъ 30 Іюля 1762 г., хотя не опредѣляетъ того, что слѣдуетъ понимать подъ аппеляціонною жалобою. За то подобное опредѣленіе мы находимъ въ указѣ 19 Іюля 1764 г., гдѣ подъ аппелляціонными жалобами понимаются „тѣ, которыми просятъ о переносѣ рѣшенныхъ дѣлъ изъ одного судебнаго мѣста въ другое, высшее“. Согласно первому указу во всѣхъ низшихъ судахъ приговоръ долженъ быть немедленно объявленъ сторонамъ, причемъ недовольная имъ сторона обязывалась въ теченіе недѣли письменно заявить объ этомъ суду. Послѣдній въ теченіе не менѣе 10 дней, съ своей стороны, обязывался отправить дѣло въ высшую инстанцію, гдѣ оно должно было лежать до подачи аппелляціонной жалобы. Срокомъ для подачи аппелляціонныхъ жалобъ указъ призналъ годъ—для лицъ, живущихъ въ Россіи, и два года — для лицъ, находящихся заграницею. Высшая инстанція составляла изъ дѣла докладъ, называвшійся „экстрактомъ“, подписывавшійся сторонами, на основаніи котораго и происходило сужденіе дѣла. Предметомъ аппелляціоннаго судопроизводства могли быть только гражданскія дѣла и тѣ изъ уголовныхъ, которыя возникали по жалобамъ пострадавшихъ [1]). Сущность ревизіоннаго порядка опредѣлена ст. 108 Учрежденія о губерніяхъ [2]). Вотъ что гласитъ

---

[1]) См. Грибовскаго, назв. соч., стр. 251 и слѣд.

[2]) Ревизіонный порядокъ переноса дѣлъ существовалъ и до Екатерины II. Мы уже говорили, что, согласно Воинскому уставу, приговоръ по уголовному дѣлу, или, по выраженію устава, „пыточному“ дѣлу, представлялся на утвержденіе, т. е. на ревизію военнаго начальства, имѣвшаго право его измѣнить. Указомъ 10 Ноября 1721 г. Петръ возложилъ ревизіонную функцію въ губерніяхъ на надворные суды, куда должны были посылаться приговоры низшихъ судовъ по дѣламъ, влекущимъ за собою смертную казнь или ссылку на галеры. Надворные суды совмѣстно съ губернаторами и вице-губернаторами „по тѣмъ сентенціямъ разсматривали и свидѣтельствовали и по свидѣтельству подписывали приговоры“. Съ 1724 г. права ревизіоннаго суда въ отношеніи къ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, приговореннымъ къ смертной казни, получила Военная коллегія, что, впрочемъ, на практикѣ существовало и раньше. Высшимъ ревизіоннымъ судомъ послѣ смерти Петра сталъ Верховный Тайный Совѣтъ. Однако, это продолжалось не долго, и пересмотръ приговоровъ по дѣламъ лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни, былъ возложенъ на Сенатъ. Но уже въ 1728 г. ревизія по дѣламъ военныхъ опять сосредоточилась въ рукахъ Военной коллегіи, а по дѣламъ остальныхъ лицъ у губернаторовъ, которымъ „тѣ дѣла разсматривать и рѣшить въ недѣлю, а конечно въ двѣ недѣли, не отговариваясь ничѣмъ“. И только при Елизаветѣ Петровнѣ съ 1744 г. функціи высшаго ревизіоннаго суда сосредоточиваются въ Сенатѣ, но только по нѣкоторымъ дѣламъ (а именно: „кто положенъ будетъ на исключительно плаху или возведенъ будетъ на висѣлицу, а потомъ наказанъ будетъ кну-

названная статья: „ревизія уголовныхъ дѣлъ ничто иное есть, какъ прилежное разсмотрѣніе, произведено ли дѣло порядочно и сходственно съ законами, сколь для оправданія невинности, столь для проведенія въ ясность преступленія“. Въ отличіе отъ аппелляціи дѣло въ ревизіонномъ порядкѣ поступало изъ низшихъ въ высшіе суды не по инициативѣ подсудимаго, а на основаніи закона, почему указомъ 1784 г. аппелляція по такимъ дѣламъ была воспрещена. Въ 1802 г. произошло согласованіе аппелляціоннаго и ревизіоннаго порядка, а именно для начатія ревизіи дѣла требовалась подача аппелляціоннаго отзыва, и въ такомъ случаѣ самъ судъ обязывался представить дѣло въ высшую инстанцію.

Въ проектѣ „Всемилостивѣйшей грамоты, русскому народу жалуемой“ по случаю коронаціи Александра I, мы также встрѣчаемъ нѣсколько статей, касающихся процесса. Такъ, ст. 18 грамоты гласитъ: „если кто будетъ взятъ подъ стражу, или посаженъ въ тюрьму, или задержанъ гдѣ насильственнымъ образомъ, и если въ теченіе трехъ дней не будетъ ему объявлено о причинѣ, для которой онъ взятъ подъ стражу, и если въ сей предѣльный срокъ онъ не будетъ представленъ въ законный судъ... то да освободится непремѣнно въ тотъ часъ“ [1]). Далѣе проектъ разрѣшалъ каждому подсудимому избирать себѣ защитника и „быть судимымъ судьями равнаго съ нимъ состоянія“ (ст. 14 и 15). Наконецъ, проектъ выставлялъ такое положеніе, что никто не могъ быть вторично „потребованъ къ суду“ за такое преступленіе, за которое онъ былъ уже однажды судомъ оправданъ (ст. 20). Проектъ коснулся также судебнаго разбирательства между казною и частными лицами, причемъ постановилъ

томъ съ вырѣзаніемъ ноздрей или, хотя и безъ всякаго наказанія,т окмо къ вѣчной-ссылкѣ“). Остальныя же дѣла попрежнему ревизуются губернаторами. Въ первую половину царствованія Екатераны II Сенатъ, по свидѣтельству г. Грибовскаго, изучавшаго дѣятельность его по архивнымъ даннымъ, по преимуществу сосредоточилъ въ своихъ рукахъ ревизію приговоровъ, влекшихъ за собою смертную казнь или политическую смерть, а также касавшихся малолѣтнихъ преступниковъ, обвиненныхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ (назв. соч., стр. 270, а также 262 и слѣд.).

[1]) Это постановленіе, являющееся заимствованіемъ изъ англійскаго Habeas corpus, встрѣтило возраженіе со стороны Новосильцева, при обсужденіи проекта грамоты въ „неоффиціальномъ комитетѣ“. Новосильцевъ замѣтилъ, что прежде утвержденія такого права, слѣдуетъ хорошенько подумать, не будетъ ли правительство вынуждено иногда нарушать Habeas corpus, а въ такомъ случаѣ лучше уже и не принимать его. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и государь (Вѣстникъ Европы 1866 г., т. I, стр. 177).

во всѣхъ такихъ случаяхъ разсматривать казну, „какъ обыкновеннаго истца и отвѣтчика“, а ея повѣренныхъ лишилъ какихъ бы то ни было преимуществъ (ст. 21) [1]. Однако, грамота не получила силы закона.

Петровское судопроизводство въ общемъ просуществовало до 1864 г., когда были изданы Судебные уставы имп. Александра II, коренным образомъ преобразовшіе нашъ старый процессъ.

1) Шильдеръ, назв. соч., т. II, стр. 76 и слѣд.; Коркуновъ, Политическія воззрѣнія Сперанскаго (Вѣстникъ Права 1899 г., кн. VIII).

Указатель литературы по исторіи русскаго права періода Имперіи *).

А. Общіе курсы.

Рейцъ. Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ. 1836 г.

Рождественскій. Обозрѣніе внѣшней исторіи россійскаго законодательства. 1849 г.

Михайловъ. Исторія русскаго права, 4 выпуска. 1871 г.

Бѣляевъ. Лекціи по исторіи русскаго законодательства. 1879 г. и 1888 г.

Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. 1883 г.

Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, 2 выпуска (изд. 1886, 1888 и 1900 г.).

Латкинъ. Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права (изд. 1888 и 1890 гг.).

Филипповъ. Учебникъ исторіи русскаго права. 1907 г.

Б. Внѣшняя исторія.

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Гагемейстеръ. О законахъ Петра I. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1836 г., Іюль—Августъ).

Неволинъ. Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства. (Энциклопедія законовѣдѣнія, т. II, изд. 2-ое, 1857 г.).

Зейдель. Очеркъ исторіи Морского устава Петра В. (Морск. Сборн. 1860 г., кн. 9-ая и 10-ая).

Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., 2 тома, 1862 г.

Алѣевъ. О Духовномъ регламентѣ Петра В. (Москов. Унив. Изв., 1871 г., т. II, кн. 9).

---

*) Въ указатель не вошли оффиціальныя изданія по исторіи министерствъ, вышедшія въ 1902 и 1903 гг. по случаю столѣтняго юбилея учрежденія министерствъ.

Кедровъ. Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра В., 1886 г.

Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в. (Юрид. Вѣстн. 1886 г., т. XXI и отдѣльно, 1896 г.).

Бобровскій. Происхожденіе Артикула Воинскаго и изображеніе процессовъ Петра В. по Уставу Воинскому. 1881 г.

Его-же. Военное право въ Россіи при Петрѣ В. (Артикулъ Воинскій). Выпуски 1-й (1882 г.), 2-ой (1886 г.) и 3-й (1898 г.).

Его-же. Военные законы Петра В. въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ. 1887 г.

Его-же. Бесѣды о военныхъ законахъ Петра В. 1890 г.

Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.

II. КОДИФИКАЦІЯ.

Сперанскій. Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ (изд. 1833 и 1889 гг.).

Бланкъ. Движеніе законодательства въ Россіи 1869 г.

Пахманъ. Исторія кодификаціи гражданскаго права. Т. I и II. 1876 г.

Латкинъ. Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст., т. I. 1887 г.

Дитятинъ. Изъ исторіи законодательства XVI—XVIII ст. (Русск. Мысль 1888 г., кн. IV, X и XI).

Теличенко. Исторія кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. 1888 г.

Лозина-Лозинскій. Кодификація законовъ по русскому государственному праву (Журн. Мин. Юст. 1897 г., кн. IV и V).

Шершеневичъ. Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи. 1898 г.

Полѣновъ. Матеріалы для исторіи русскаго законодательства. Вып. I. Палата объ Уложеніи. 1865 г.

Калачовъ. Матеріалы для своднаго Уложенія 1701 г. (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній 1863 г., кн. V).

Востоковъ. Проекты Уголовнаго Уложенія 1754—1766 гг. 1882 г.

Латкинъ. Проектъ новаго Уложенія, составленный законодательной коммиссіей 1754—1766 гг. 1892 г.

Полѣновъ. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія 1869—1875 гг. 3 тома.

Изданія Наказа на иностранныхъ языкахъ (Отеч. Зап. 1854 г., кн. 10).

Дмитріевъ. На какомъ языкѣ писанъ Наказъ имп. Екатерины II (Библіогр. Зап. 1859 г., кн. 4).

Лонгиновъ. Матеріалы для исторіи коммиссіи 1767 г. (Русск. Вѣстн. 1861 г., кн. 12).

Соловьевъ. Разсказы изъ русской исторіи XVIII ст. Коммиссія объ Уложеніи 1867 г. (Русск. Вѣстн. 1861 г., кн. 10).

Щаповъ. Земскій соборъ 1649 г. и собраніе депутатовъ 1767 г. (Отеч. Зап. 1862 г., кн. 11).

Авсѣенко. Малороссійское шляхетство въ 1767 г. (Русск. Вѣстн. 1863 г., т. XLVI).

Кистяковскій. Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу Екатерины II (Кіевскія Унив. Изв. 1864 г., кн. 10).

Елисѣевъ. Наказъ имп. Екатерины о сочиненіи проекта новаго Уложенія (Отеч. Зап. 1868 г., кн. 1).

Щебальскій. Екатерина II какъ писательница (Заря 1869 г., кн. 3).

Поповъ. Предположенія депутатовъ Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія о наслѣдствѣ (Заря 1870 г., кн. 1).

Шашковъ. Опыты законодательныхъ собраній въ Россіи (Дѣло 1870 г., кн. 5).

Его-же. Коммиссія Уложенія и крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II (Дѣло, 1880 г., кн. 1—4).

Брюллова. Общественные идеалы въ Екатерининскую эпоху (Вѣстн. Европы 1876 г., кн. 12).

Прилежаевъ. Наказъ и пункты депутату отъ Св. Синода въ Екатерининскую коммиссію 1767 г. (Христ. Чтеніе 1876 г., кн. 9 и 10).

Бланкъ. Екатерининская коммиссія 1767 г. (Русск. Вѣстн. 1876 г., кн. 1—6).

Барсовъ. Дополнительные пункты Наказа и указовъ Св. Синода избранному имъ депутату въ коммиссію 1767 г. (Христ. Чтеніе 1877 г., кн. 11 и 12).

Сергѣевичъ. Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммиссіи (Вѣстн. Европы 1878 г., кн. 1).

Дитятинъ. Екатерининская коммиссія 1767 г. (Юрид. Вѣстн. 1879 г., кн. 3—5).

Брикнеръ. Большая коммиссія (Журн. Мин. Нар. Просв. 1881 г., кн. 9, 10 и 12).

Багалѣй. Къ исторіи Екатерининской коммиссіи для составленія проекта новаго Уложенія (Кіевск. Стар. 1885 г., кн. 9).

Абрамовъ. Сословныя нужды, желанія и стремленія въ эпоху Екатерининской коммиссіи (Сѣв. Вѣстн. 1886 г., кн. 4—6).

Латкинъ. Наказъ города Архангельска въ Екатерининскую законодательную коммиссію 1767 г. (Юрид. Вѣстн. 1886 г., кн. 11).

Липинскій. Новыя данныя для исторіи Екатерининской коммиссіи (Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., кн. 6).

Головачевъ. Сибирь въ Екатерининской коммиссіи. 1889 г.

Иконниковъ. Страница изъ исторіи Екатерининскаго наказа. 1891 г.

Теличенко. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ 1767 г. 1891 г.

Безгинъ. Библіографическія примѣчанія къ изданіямъ Наказа (Предисловіе къ изданію Наказа Л. Ф. Пантелѣева). 1892 г.

Благовидовъ. Отношеніе современниковъ и исторіи къ Наказу и Большой коммиссіи Екатерины II (Наблюдатель 1895 г., кн. 10).

Его-же. Идеи Большого Наказа и практическая дѣятельность Екатерины II (Наблюдатель, 1896 г., кн. 1).

Полетаевъ. Наказъ имп. Екатерины II (Журн. Юрид. Общ. 1895 г., кн. 10).

Богословскій. Дворянскіе наказы въ Екатерининскую коммиссію 1767 г. (Русск. Бог. 1897 г., кн. 6 и 7).

Кизеветтеръ. Происхожденіе городскихъ депутатскихъ наказовъ въ Екатерининскую коммиссію 1767 г. (Русское Богатство, 1898 г., кн. 11).

Лаппо-Данилевскій. Собраніе и сводъ законовъ Россійской Имперіи, составленные въ царствованіе имп. Екатерины II. 1898 г.

Чечулинъ. Объ источникахъ Наказа (Журн. Мин. Нар. Просв., 1902 г., кн. 4).

Его-же. Наказъ имп. Екатерины II, изд. Академіи Наукъ, 1907 г. (см. введеніе).

Тарановскій. Политическая доктрина въ Наказѣ Екатерины II (Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову, 1904 г.).

Фельдштейнъ. Уголовно-правовыя идеи Наказа Екатерины II и ихъ источники. 1909 г.

Латкинъ. Къ исторіи кодификаціи въ Россіи въ XVIII ст. (Журн. Мин. Юст. 1902 г., кн. 5).

Дмитріевъ. О заслугахъ графа Сперанскаго по русскому законовѣдѣнію (Журн. Мин. Нар. Просв. 1852 г., кн. 5).

Бар. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго, 2 части. 1861 г.

Дмитріевъ. Сперанскій и его государственная дѣятельность (Русск. Архивъ 1868 г., кн. 10).

Пыпинъ. Русскія отношенія Бентама (Вѣстн. Европы 1869 г. кн. 2 и 4).

Шимановскій. Первая часть X т. съ ея историческими основаніями. 1870 г.

Погодинъ. Сперанскій (Русскій Архивъ 1871 г.).

Романовичъ-Славатинскій. Государственная дѣятельность графа М. М. Сперанскаго (Отечеств. Записки 1873 г., кн. 4).

Андреевскій. О значеніи разработки архивовъ для успѣховъ кодификацій (Наблюдатель 1882 г., кн. 7).

Нефедьевъ. Причины и цѣль изданія Полнаго Собранія и Свода Законовъ съ точки зрѣнія Сперанскаго. 1889 г.

Березкинъ. Сперанскій, какъ кодификаторъ. 1889 г.

Филипповъ. Значеніе Сперанскаго въ исторіи русскаго законодательства (Русская Мысль 1889 г., кн. 4).

Его-же. Сперанскій, какъ кодификаторъ русскаго права (Русская Мысль 1892 г., кн. 10).

Винаверъ. Объ источникахъ X г. Свода Законовъ (Журн. Мин. Юст. 1897 г., кн. 6).

Бычковъ. Къ 50-лѣтію II отд. собств. Е. И. В. канцеляріи (Русск. Стар. 1876 г., кн. 2).

Нефедьевъ. Причина и цѣль изданія Полнаго Собранія Законовъ и Свода. 1889 г.

Коркуновъ. Значеніе Свода Законовъ (Сборникъ статей 1898 г.).

Корево. Объ изданіяхъ законовъ Россійской Имперіи (1830—1899 г.), 1900 г.

Кассо. Къ исторіи Свода законовъ гражданскихъ (Журн. Мин. Юст. 1904 г., кн. 3).

Майковъ. Второе Отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи (1826—1882). 1906 г.

В. **Государственное право.**

I. ОБЩІЕ КУРСЫ.

+ *Андреевскій.* Русское государственное право. 1866 г.

Градовскій. Начала русскаго государственнаго права, 3 тома. 1875—1883 гг.

Романовичъ-Славатинскій. Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматичесмому, 2 выпуска. 1871—1872 гг.

Его-же. Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи. 1886 г.

Курсы *Алексѣева*, *Куплеваскаго*, *Ивановскаго* и *Коркунова* по государственному праву.

II. НАСЕЛЕНІЕ.

Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права. 1870 г.

Порай-Кошицъ. Очеркъ исторіи дворянъ отъ половины IX до конца XVIII в. 1874 г.

Яблочковъ. Исторія дворянскаго сословія въ Россіи. 1876 г.

Калачовъ. Матеріалы для исторіи русскаго дворянства, 3 выпуска 1885—1886 гг.

Куломзинъ. Первый приступъ въ царствованіе Екатерины II къ составленію грамоты дворянству (Матеріалы по исторіи русскаго дворянства, изд. Калачова, вып. II).

Дитятинъ. Къ исторіи жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ (Русск. Мысль 1885 г., кн. 4 и слѣд.).

Карновичъ. Титулы въ Россіи (Истор. Вѣстн. 1885 г., кн. 4).

Его-же. Служебные, должностные и сословные знаки отличій въ Россіи (Истор. Вѣстн. 1885 г., кн. 11 и 12).

Его-же. Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. 1886 г.

Евреиновъ. Гражданское чинопроизводство въ Россіи. 1888 г.

Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. 1898 г.

Веденяпинъ. Законодательство имп. Елизаветы Петровны относительно православнаго духовенства (Прав. Обозр. 1865 г., кн. 5, 7 и 10).

П. Знаменскій. Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. 1873 г.

Его-же Законододательство Петра Великаго относительно православнаго духовенства (Прав. Соб. 1863 г.).

Бѣликовъ. Отношеніе государственной власти къ церкви и духовенству въ царствованіе Екатерины II (Чтенія въ Общ. Люб. Духовн. Просв., 1876 г., кн. 2, 4, 10, 11).

Семевскій. Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII вѣка (Русск. Стар. 1877 г., т. XIX).

Ив. Знаменскій. Положеніе духовенства въ царствованія Екатерины II и Павла I. 1880 г.

Николевъ. Перехожее духовенство при московскихъ церквахъ за 1712—1723 гг. 1881 г.

Папковъ. Упадокъ православнаго прихода въ XVIII и XIX ст. 1889 г.

Плошинскій. Городское или среднее состояніе русскаго народа въ его историческомъ развитіи отъ начала Руси до новѣйшихъ временъ. 1852 г.

Михайловъ. Исторія состоянія городскихъ обывателей въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. 1849 г.

Варадиновъ. Гильдіи. Историко-юридическій очеркъ. 1861 г.

Пригара. Опытъ исторіи состоянія городскихъ обывателей при Петрѣ В. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г. чч. 135—136.

Его-же. Происхожденіе состоянія городскихъ обывателей въ Россіи и организація его при Петрѣ В. 1868 г.

Ѳирсовъ. Правительство Московской Руси и Петра В. въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу. 1892 г.

Коркуновъ. Наше законодательство о почетномъ гражданствѣ (Вѣстн. Права 1899 г., кн. 4).

Сальнинковъ. Купеческія гильдіи и мѣщанство (Русск. Вѣстн. 1861 г., №№ 43 и 44).

Кулишеръ. Цехи у насъ и въ Европѣ (Русск. Мысль 1887 г., кн. 11 и 12).

Его-же. Изъ исторіи цеховъ у насъ и въ Европѣ (Вѣстн. Евр. 1888 г., кн 8).

Соловьевъ. Объ однодворцахъ. 1849 г.

Его-же Объ однодворцахъ (Отеч. Зап. 1850 г., кн. 1—3).

Поповъ. Половники (Пам. книжка Вологодск. губ 1863 г.).

Половцевъ. Мысль объ освобожденіи крестьянъ въ XVIII в. (Сельск. Благоустр. 1858 г., кн. 6).

Карновичъ. Крестьяне и помѣщики по идеямъ Ив. Посошкова (Соврем. 1858 г., кн. 10).

Вешняковъ. Крестьяне-собственники въ Россіи. Историко-статистическій очеркъ. 1858 г.

Его-же. Ист. обзоръ происхожденія разныхъ названій госуд. крестьянъ (Журн. Мин. Гос. Имущ. 1857 г., кн. 1, 2, 4 и 8).

Мулловъ. Заботы объ улучшеніи быта крестьянъ во второй половинѣ XVIII в. 1859 г.

Бѣляевъ. Крестьяне на Руси (изд. 1860 и 1879 г.).

Смирновъ. Историческое обозрѣніе управленія государственныхъ крестьянъ и предложенія объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ съ имп. Екатерины II. (Журн. Мин. Гос. Им. 1862 г., кн. 11 и 12).

Калмыковъ. Краткое обозрѣніе постепеннаго образованія разныхъ классовъ сельскихъ обывателей въ Россіи (Арх. истор. и практ. свѣд. 1860—62 гг., т. III).

Побѣдоносцевъ. Историческіе очерки крѣпостного права въ Россіи (Истор. изслѣдованія и статьи). 1876 г.

Миллеръ. О нашемъ крѣпостномъ правѣ къ XVIII ст. (Русск. Архивъ 1875 г., т. III).

Тумасовъ. Историко-юридическій быть русскаго крестьянства (Кіевск. Унив. Изв. 1872 г., кн. 6—8).

Вешняковъ. Проектъ имп. Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. 1877 г.

Ефименко. Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ (Изслѣдованія народной жизни).

Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Переводъ съ нѣмецкаго Щербы. 1900 г.

Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I 1881 г., т. II 1901 г.

Его-же. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в., 2 тома. 1888 г.

Его-же. Казенные крестьяне при Екатеринѣ II (Русская Старина 1879 г., т. XXIV).

Его-же. Крестьяне духовныхъ вотчинъ во второй половинѣ XVIII в. (Русская Мысль 1882 г., кн. 9 и 10).

Его-же. Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII в. (Вѣстникъ Европы. 1878 г., кн. 5 и 6).

Его-же. Государевы крестьяне въ XVIII в. (Русск. Мысль 1901 г., кн 1).

Его-же. Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ въ 1760—64 гг. (Вѣстн. Европы 1877 г., кн. 1 и 2).

Его-же. Старыхъ служебъ служилые люди въ XVIII в. (Вѣстн. Права 1901 г., кн. 4—5).

Его-же. Горнозаводскіе крестьяне при Екатеринѣ II (Русская Мысль 1900 г., кн. 1—5).

Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе имп. Александра II. Два тома. 1889—1890 гг.

Верховской. Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при преемникахъ Петра Великаго. 1909 г.

Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія (Русск. Бог. 1900 г., кн. 9—12).

III. ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ.

Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I (Вѣстн. Европы 1871 г., кн. 2 и отдѣльно. 1885 г.).

Карновичъ. Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ въ 1830 г. (Отеч. Зап. 1872 г.).

Корсаковъ. Воцареніе имп. Анны Іоанновны. 1880 г.

Дитятинъ. Верховная власть въ Россіи въ XVIII ст. (Русская Мысль. 1881 г., кн. 3 и 4).

Загоскинъ. Верховники и шляхетство. 1730 г. 1881 г.

Внутренній бытъ русскаго государства въ 1740—1741 гг. (Верховная власть и Императорскій домъ), изд. Моск. Арх. Мин. Юстиціи, т. I. 1880 г.

Лакіеръ. Исторія титула государей Россіи (Журн. Мин. Нар. Просв. 1847 г., ч. 16).

Катаевъ. О священномъ вѣнчаніи и помазаніи царей на царство. 1847 г.

Лѣсковъ. Царская коронація (Истор. Вѣстн. 1881 г., кн. 6).

Карновичъ. Коронованіе государей (Историческіе разсказы и бытовые очерки).

Баршевъ. О религіозномъ, юридическомъ и историческомъ значеніи вѣрноподданнической присяги (Пам. книжка Алекс. Лицея. 1882 г.).

Лопаревъ. О чинѣ вѣнчанія русскихъ царей (Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., ч. 253).

Бѣлозерская. Царское вѣнчаніе въ Россіи (Русская Мысль 1883 г.).

Воронецъ. Четырехсотлѣтіе россійскаго государственнаго герба. 1898 г.

Хартулари. Право помилованія и суда, какъ прерогативы россійской державности. 1898 г.

Семевскій. Проектъ уложенія государственныхъ законовъ Сперанскаго (Истор. Обозр., т. X).

Коркуновъ. Политическія воззрѣнія Сперанскаго (Вѣстн. Права 1899 г., кн. VIII).

Люблинскій. Право амнистіи. 1907 г.

IV. ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Вицынъ. Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра В. до изданія общаго учрежденія министерствъ. 1855 г.

Сперанскій. О государственныхъ установленіяхъ (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній Калачова 1859 г., кн. 5).

Неволинъ. Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В. (Сочиненія, т. VI).

Лешковъ. Черты управленія въ Россіи по указамъ XVIII в. (Русск. Вѣстникъ 1863 г., кн. 7).

Колюпановъ. Очеркъ внутренняго управленія въ Россіи, начиная съ Московскаго періода (Русск. Мысль. 1882 г., кн. 1 и 2).

Токаревъ. Ближняя канцелярія при Петрѣ В. (Описаніе документовъ и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст., 1888 г., кн. 5).

Градовскій. Высшая администрація XVIII в. и генералъ-прокуроры. 1866 г.

Ивановъ. Сенатъ при Петрѣ В. (Журн. Мин. Юст. 1859 г., кн. 1).

Соловьевъ. Сенатъ въ началѣ царствованія имп. Екатерины II (Древн. и Нов. Россія, 1875 г., кн. 1).

Петровскій. О Сенатѣ въ царствованіе Петра В. 1875 г.

Иконниковъ. Прав. Сенатъ при Екатеринѣ В. (Русск. Арх. 1888 г., кн. 1).

Степановъ. О формахъ правительственнаго надзора въ Россіи въ XVIII ст. (Кіевск. Унив. Изв. 1867 г., кн. 6, 7 и 8).

Барсовъ. О свѣтскихъ фискалахъ и духовныхъ инквизиторахъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г., кн. 2).

Голубевъ. Расправная палата при Сенатѣ (Опис. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст. 1888 г., кн. 5).

Муравьевъ. Прокурорскій надзоръ отъ Петра В. до Екатерины II (Юрид. Вѣстн. 1888 г.. кн. 10).

Филипповъ. Исторія Сената въ правленіе Верховнаго тайнаго совѣта.

Его-же. Правительственная олигархія послѣ Петра В. (Русск. Мысль. 1894 г., кн. 1, 8 и 9).

Его-же. Объ экспрессіи „сенаторъ" и о россійскомъ Сенатѣ (Журн. Юрид. Общ. 1897 г., кн. 4).

Его-же. Докладъ имп. Елизаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти Сената (Журн. Мин. Нар. Просв. 1897 г., кн. 2).

Лазовскій. Прав. Сенатъ съ 17 Окт. 1740 г. по 25 Нояб. 1741 г. (Внутр. бытъ русск. госуд., т. II).

Грибовскій. Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія Екатерины II. 1900 г.

Его-жс Матеріалы для исторіи высшаго суда и надзора при Екатеринѣ II, 1901 г.

Коркуновъ. Проектъ устройства Сената Г. Р. Державина (Сборн. статей).

Его-же. Два проекта преобразованія Сената второй половины царствованія имп. Екатерины II (Журн. Мин. Юст. 1899 г., кн. 5).

Его-же. Четыре проекта Сперанскаго о преобразованіи Сената (Вѣстн. Всемірн. Ист. 1900 г., кн. 2 и 3).

Соловьевъ. Императорскіе совѣты въ Россіи въ XVIII в. (Русск. Стар. 1870 г., кн. 11).

Филипповъ. Къ вопросу о Верховномъ тайномъ совѣтѣ.

Его-же. Кабинетъ министровъ и его сравненіе съ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ (Учен. Зап. Юрьевск. Унив. 1898 г., кн. 1).

Алексѣевъ. Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго тайнаго совѣта.

Филипповъ. Кабинетъ министровъ и Прав. Сенатъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ (Сборн. Правовѣд., т. VII).

Его-же. Новыя данныя о кабинетѣ министровъ имп. Анны Іоанновны (Русск. Мысль. 1901 г., кн. 1, 4 и 12).

Пестовъ. Импер. Кабинетъ съ 17 Окт. 1740 г. по 25 Нояб. 1741 г. (Внутр. бытъ русск. госуд., т. II).

Чистовичъ. Истор. записка о Совѣтѣ въ царствованіе имп. Екатерины II. 1870 г.

Чечулинъ. Проектъ Имп. совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II (Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г., кн. 3).

Даневскій. Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи. 1859 г.

Щегловъ. Государственный Совѣтъ въ Россіи, 2 тома, 1892 и 1895 гг.

Коркуновъ. Значеніе формулы: „Внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта“ (Юрид. Лѣтоп. 1892 г., кн. 12).

Государственный Совѣтъ (1801—1901 гг.), изд. Госуд. канцеляріи. 1901 г.

Горчаковъ. Монастырскій приказъ. 1868 г.

Образцовъ. Первый годъ синодальнаго управленія (Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г., ч. 140).

Востоковъ. Св. Синодъ и его отношенія къ другимъ госуд. учрежденіямъ при Петрѣ I (Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г.).

Поповъ. О Св. Синодѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра В. 1881 г.

Жорданій. Св. Синодъ при Петрѣ В. въ его отношеніи къ Прав. Сенату. 1882 г.

Громовъ. Преобразовательная дѣятельность Петра В. по церковному управленію (Вѣра и Разумъ. 1891 г., кн. 2).

Голубевъ и Тихоміровъ. Св. Синодъ съ 17 Окт. 1740 г. по 25 Ноября 1741 г. (Внутр. бытъ русск. госуд., т. II).

Ольшевскій. Св. Прав. Синодъ при Петрѣ В. (Кіевск. Унив. Изв. 1894 г., кн. 2 и 3).

Барсовъ. Св. Синодъ въ его прошломъ.

Его-же. Синодальныя учрежденія прежняго времени. 1897 г.

Благовидовъ. Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII и XIX ст. 1899 г.

Рункевичъ. Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Синода. 1900 г.

Андреевскій. Канцелярія конфискаціи 1729—1780 гг. (Русск. Стар. 1881 г., т. XXXI).

Лазовскій. Розыскная экспедиція при московск. губернской канцеляріи 1763—1782 гг. (Описаніе докум. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст. 1884 г., т. IV).

Голубевъ. Сыскной приказъ въ 1730—1763 гг. (Опис. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст. 1884 г., т. IV).

Востоковъ. О дѣлахъ генеральнаго двора (Опис. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст. 1888 г., т. V).

Гр. Толстой. О первоначальномъ учрежденіи и послѣдовавшихъ

измѣненіяхъ въ устройствѣ Адмиралтействъ—коллегіи (Морк. Сборн. 1855 г., кн. 5).

Сѣверный. Устройство, составъ и дѣлопроизводство сыскного приказа (Опис. докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., т. II).

Веретенниковъ. Очерки по исторіи Тайной канцеляріи Петровскаго времени (Журн. Мин. Нар. Прос. 1908 г., кн. 5 и 11).

Берендтсъ. Бар. Люберасъ и его записка объ устройствѣ коллегій въ Россіи.

Его-же. Опытъ системы административнаго права. 1898 г.

Ардашевъ. Регламентъ Вотчинной коллегіи въ проектахъ 1723, 1732 и 1740 гг. 1890 г.

Александренко. Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в., 2 тома. 1897 г. (см. т. I, отдѣлъ IV: Національные органы международныхъ сношеній).

Варадиновъ. Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 8 томовъ. 1858—1863 гг.

Латкинъ. Комитетъ министровъ въ началѣ царствованія Александра I (Юрид. Вѣстн. 1889 г., т. III).

Середонинъ. Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ, т. I. 1902 г.

Филипповъ. Историческій очеркъ образованія министерствъ въ Россіи (Журн. Мин. Юст. 1902 г., кн. 11 и 12).

Довнаръ-Запольскій. Зарожденіе министерствъ въ Россіи и указъ о правахъ Сената 1802 г. (Всемірный Вѣстникъ, 1904 г., кн. 7 и 8).

Столѣтіе департамента удѣловъ. 1903 г.

V. МѢСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Лешковъ. Раздѣленіе Россіи на губерніи и области по законамъ Петра В. и Екатерины II (Русск. Вѣстн. 1859 г., кн. 12).

Романовичъ-Славатинскій. Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра В. до учрежденія о губерніяхъ. 1775 г. 1859 г.

Полежаевъ. О губернскомъ надзорѣ (Журн. Мин. Юст. 1859 г., кн. 5).

Поповъ. Административныя преобразованія Петра В. и первая служба Татищева (Русск. Вѣстн. 1861 г., т. XXXII).

Киселевъ. Замѣтка о раздѣленіи Россіи на губерніи въ XVIII в. (Русск. Арх. 1863 г.).

Лохвицкій. Губернія. 1864 г.

Андреевскій. О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. 1864 т.

Цеплинъ. Областное управленіе Россіи XVIII в. до учрежденія о губерніяхъ. 1876 г.

Мрочекъ-Дроздовскій. Областное управленіе Россіи въ XVIII в. до Учрежденія о губерніяхъ. 1876 г.

Колюпановъ. Уѣздъ (Русск. Мысль. 1881 г., кн. 5).

Градовскій. Историческій очеркъ генералъ-губернаторствъ въ Россіи (Сочиненія, т. I).

Коркуновъ. Время перваго учрежденія губерній (Сборникъ статей).

Прутченко. Сибирскія окраины. Историко-юридическіе очерки. Два тома. 1899 г.

Бар. Корфъ. Очеркъ истор. развитія губернаторской должности въ Россіи (Вѣстн. Права. 1901 г., кн. 9).

Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ Россіи, 2 тома (1875 и 1877 гг).

Его-же. Наши города за первыя три четверти настоящаго столѣтія (Юрид. Вѣстн. 1880 г., кн. 2).

Его-же. Русскій дореформенный городъ (Русск. Мысль 1884 г., кн. 5 и 6).

Его-же. Столѣтіе. СПБ. городского общества 1785—1885 гг. 1885 г.

Его-же. Къ исторіи городового положенія 1870 г. (Юрид. Вѣстн. 1885 г., т. XVIII).

Бѣловъ. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII ст. 1885 г.

Латкинъ. И. И. Дитятинъ (Некрологъ, Юрид. Лѣтоп. 1892 г., кн. 12).

Семеновъ. Городское представительство въ Екатерининскую эпоху (Русск. Богатство. 1898 г., кн. 1).

Кизеветтеръ. Посадскіе избирательные сходы XVIII ст. (Русское Богатство 1901 г., кн. 9—12).

Его-же. Посадская община въ Россіи въ XVIII ст. 1903 г.

Богословскій. Областная реформа Петра Великаго. 1902 г.

Блиновъ. Надзоръ за дѣятельностью губернаторовъ (Вѣст. Права. 1902 г., кн. 9).

Его-же. Изъ исторіи должности губернатора (Вѣстн. Права 1903 г., кн. 4).

Его-же. Губернаторы. 1905 г.

Соколовъ. Очеркъ исторіи генералъ-губернатора (Вѣстн. Права. 1903 г., кн. 7 и 8).

Богословскій. Изслѣдованіе по исторіи мѣстнаго управленія при Петрѣ Великомъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1903 г., кн. 9).

VI. ОТРАСЛИ УПРАВЛЕНІЯ.

Юсуповъ. Матеріалы для исторіи городской полиціи въ Россіи до царствованія Екатерины II (Пам. кн. Алекс. Лицея 1852 г.).

Андреевскій. Полицейское право, 2 тома (1871—1874 гг).

Афанасьевъ. Государственное хозяйство при Петрѣ В. (Отеч. Зап. 1842 г., кн. 2; Соврем. 1847 г., кн. 6 и 7).

Кранихфельдъ. Взглядъ на финансовую систему и финансовыя учрежденія Петра В. 1845 г.

Гр. Толстой. Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи до кончины Екатерины II. 1848 г.

Осокинъ. Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи. 1850 г.

Его-же. О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ развитіи его въ Россіи. 1856 г.

Руковскій. Историко-статистическія свѣдѣнія о подушныхъ податяхъ. 1862 г.

Алексѣенко. О подушной подати въ Россіи. 1870 г.

Куломзинъ. Государственные доходы и расходы въ царствованіе Екатерины II (Русск. Вѣстн. 1869 г. кн. 11 и 1870 г., кн. 10).

Его-же. Государств. доходы и расходы въ Россіи XVIII ст. (Вѣстн. Евр. 1869 г., кн. 5).

Его-же. О финансовомъ управленіи въ царствованіе Екатерины II (Юрид. Вѣстн. 1869 г., кн. 2),

Тарасовъ. Исторія русской полиціи и отношенія ея къ юстиціи (Юрид. Вѣстникъ. 1884 г., кн. 2, 3, 4 и 11).

Его-же. Полицейскій арестъ въ Россіи въ XVIII ст. (Журн. гражд. и уголовн. права 1885 г., кн. 7).

Ключевскій. Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи (Русск. Мысль 1886 г., кн. 5, 7, 9 и 10).

Милюковъ. Государственное хозяйство въ Россіи въ связи съ реформою Петра В. 1891 г.

Корсуновъ. Опытъ исторіи отправленія личной воинской повинности въ Россіи. 1850 г.

Поливановъ. Историческій очеркъ законовъ о рекрутской повинности отъ Петра I до 1810 г. 1850 г.

Аргамаковъ. Историческій обзоръ военныхъ учрежденій Петра I (Юрид. Журн. 1860 и 1861 гг., кн. 1, 4 и 9).

Бобровскій. Переходъ Россіи къ регулярной арміи.

Гудима-Левковичъ. Очеркъ историческаго развитія вооруженныхъ силъ Россіи до 1708 г.

Соловьевъ. Историческіе очерки устройства русскихъ регулярныхъ войскъ въ первой половинѣ XVIII ст. 1900 г.

Чечулинъ Очерки по исторіи финансовъ при Екатеринѣ II (Журн, Мин. Нар. Просв. 1904 г., кн. 1, 1905 г., кн. 1, 2 и 3, 1906 г.. кн. 3).

Г. Уголовное право.

Курсы *Кистяковскаго*, *Таганцева*, *Фойницкаго*, *Сергѣевскаго* и др. по уголовному праву.

Максимовичъ. О развитіи идеи преступленія по смыслу помятниковъ русскаго законодательства. 1845 г.

Тобинъ. Взглядъ на основныя начала русскаго уголовнаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ до Уложенія о наказаніяхъ 1845 г. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1847 г., кн. 6).

Веселовскій. Изслѣдованіе о самоубійствѣ въ Россіи (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. 1847 г., кн. 5).

Собѣщанскій. Опытъ историческихъ изысканій о тюремномъ заключеніи въ Россіи (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. 1849 г., кн. 2).

Колосовскій. Очеркъ исторіи развитія преступленій противъ жизни и здоровья. 1857 г.

Полетаевъ. Необходимая оборона (Журн. Мин. Юст. 1863 г.).

Городискій. Вліяніе Беккаріи на русское уголовное право (Журн. Мин. Юст. 1864 г., кн. 9).

Кистяковскій. Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу имп. Екатерины II (Кіевск. Унив. Изв. 1864 г., кн. 10).

Его-же. Изслѣдованіе о смертной казни. 1867 г.

Кони. Необходимая оборона (Моск. Унив. Изв. 1866 г.

Таганцевъ. О повтореніи преступленій. 1867 г.

Его-же. О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву, 2 ое изданіе. 1873 г.

Фойницкій. Мошенничество по русскому праву. 1871 г.

Саблеръ. О значеніи давности въ уголовномъ правѣ. 1872 г.

Филипповъ. Исторія и современное состояніе карательныхъ учрежденій въ Россіи и заграницей. 1873 г.

Долончевъ. О правѣ необходимой обороны (Юрид. Вѣст. 1874 г., кн. 11 и 12).

Ядринцевъ. Историческіе очерки русской ссылки (Дѣло 1876 г., кн. 10).

Никитинъ. Русскій тюремный вопросъ въ старину (Ист. Библ. 1879 г., кн. 6 и 7).

Его-же. Тюрьма и ссылка. 1880 г.

Зарудный. Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ главою Х Наказа Екатерины II. 1879 г.

Тальбергъ. Насильственное похищеніе имуществъ по русскому праву (разбой и грабежъ). 1880 г.

Его-же. Къ исторіи тюремъ и ссылки въ Россіи (Русск. Стар. 1879 г., т. XXIV).

Бѣлогрицъ-Котляревскій. О воровствѣ-кражѣ по русскому праву. 1880 г.

Его-же. Особые виды воровства-кражи по русскому праву.

Анциферовъ. Взяточничество въ исторіи русскаго законодательства (Журн. Гражд. и Угол. Права. 1884 г., кн. 2).

Бесѣдкинъ. Истор. очеркъ преступленія поджога (Врем. Демид. Лиц. 1885 г., кн. 37).

Рева. Ссылка на Сѣверъ въ прошломъ вѣкѣ (Истор. Вѣстн. 1884 г., т. XVI).

Липинскій. Къ исторіи уголовнаго права XVIII в. (Журн. гражд. и уголов. права. 1885 г., кн. 10).

Сшупинъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. 1887 г.

Бѣликовъ. О значеніи Беккаріи въ наукѣ и въ исторіи русскаго законодательства (См. переводъ сочиненія Беккаріи „О преступленіяхъ и наказаніяхъ". 1889 г.

Сергѣевскій. Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в. 1888 г.

Его-же. Таблицы наказаній по Воинскому уставу (Врем. Демид. Лицея 1880 г., кн. 20).

Его-же. Смертная казнь при имп. Елизаветѣ Петровнѣ (Журн. гражд. и уголов. права. 1892 г.).

Пустороелевъ. Незамѣнимая самоасправа, какъ учрежденіе уголовнаго права. 1889 г.

Его-же. Понятіе о незамѣнимой самоасправѣ. 1890 г.

Танковъ. Къ исторіи взяточничества (Истор. Вѣст. 1888 г., кн. 10).

Бобровскій. Къ исторіи воинскихъ преступленій (Журн. гражд. и уголовн. права. 1885 г., кн. 1).

Загоскинъ. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. 1892 г.

Филипповъ. О наказаніи по законодательству Петра В. 1891 г.

Есиповъ. Поврежденіе имущества огнемъ по русскому праву.

Его-же. Святотатство въ исторіи русскаго законодательства.

Булацель. Историческій очеркъ философскихъ воззрѣній и законодательствъ о самоубійствѣ. 1894 г.

Тимофеевъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. 1904 г. (втор. изд.).

Фельдштейнъ. О необходимой оборонѣ и ея отношеніи къ правомѣрному самоуправству (Журн. Мин. Юст. 1899 г., кн. 5).

Курнатовскій. Дуэль; историко-догматическое изслѣдованіе. 1898 г.

Жижинъ. Ссылка въ Россіи (Журн. Мин. Юст. 1900 г., кн. 1 и 2).

Саломонъ. Ссылка въ Сибирь. 1900 г.

Розинъ. О крайней необходимости. 1900 г.

Малиновскій. Ссылка въ Сибирь. 1900 г.

Жижиленко. Подлогъ документовъ. 1900 г.

Фалѣевъ. Многобрачіе какъ преступленіе (Вѣстн. Права 1903 г., кн. 8).

Фельдштейнъ. Уголовно-правовыя идеи Наказа Екатерины II и ихъ источники. 1909 г.

Д. Гражданское право.

Рождественскій. Разсужденіе о вліяніи греко-римскаго права на россійскіе гражданскіе законы. 1843 г.

Неволинъ. Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ, 3 тома (Собр. сочин., т. III—V. 1857—1858 гг.

Никольскій. Обзоръ главнѣйшихъ постановленій Петра I въ области личнаго семейнаго права. 1857 г.

Побѣдоносцевъ. Курсъ гражданскаго права (I—III, 1871—1892 гг.).

Барацъ. О чужеземномъ происхожденіи большинства русскихъ гражданскихъ законовъ (Журн. гражд. и уголовн. права 1884 г., кн. 8 и 10, 1885 г., кн. 5 и 6).

Шимановскій, Первая часть X тома съ ея историческими основаніями. Два выпуска. 1870—1871 гг.

Мулловъ. Русскіе законы о союзѣ семейственномъ (Арх. ист. и практ. свѣдѣній 1860—1861 гг., кн. 4 и 5).

Горчаковъ. О тайнѣ супружества. 1880 г.

Азаревичъ. Русскій бракъ (Журн. гражд. и уголовн. права 1880 г., кн. 5 и 6).

Павловъ. 50-ая глава Кормчей книги. 1887 г.

Способинъ. О разводѣ въ Россіи. 1881 г.

Загоровскій. О разводѣ по русскому праву. 1884 г.

Его-же. О незаконорожденныхъ по русскому праву (Журн. Мин. Юст. 1898 г., кн. 5).

Рождественскій. Истор. изложеніе русскаго законодательства о наслѣдствѣ. 1839 г.

Куницынъ. О наслѣдственныхъ правахъ лицъ женскаго пола. 1844 г.

Полежаевъ. О завѣщаніяхъ въ трехъ періодахъ (Архивъ ист. и практ. свѣдѣній 1859 г., кн. 1).

Кавелинъ. Взглядъ на истор. развитіе русскагс порядка законнаго наслѣдованія (Современникъ 1860 г., кн. 2).

Сахаровъ. О формѣ завѣщаній. 1879 г.

Поповъ. Предположенія депутатовъ Екатерининской комиссіи о наслѣдствѣ (Заря 1870 г., кн. 1).

Демченко. Существо наслѣдства и призваніе къ наслѣдованію по русскому праву. 1877 г.

Рудневъ. О духовныхъ завѣщаніяхъ по русскому праву въ историческомъ развитіи.

Товсталѣсъ. Свобода завѣщательной воли по русскому праву въ различные періоды его развитія (Журн. Мин. Юст. 1902 г., кн. 8).

Бѣляевъ. Историческія основы и юридическая природа современнаго русскаго завѣщанія (Журн. Мин. Юст., 1903 г., кн. 5 и 6).

Морошкинъ. О владѣніи по началамъ россійскаго законодательства. 1837 г.

Краннхфельдъ. Начертаніе россійскаго гражданскаго права въ историческомъ его развитіи. 1843 г.

Бѣляевъ. Какъ понимали давность въ разное время и русское общество въ своей жизни и русскіе законы. 1855 г.

Мейеръ. Древнее русское право залога. 1855 г.

Варадиновъ. Объ имущественныхъ или вещественныхъ правахъ по законамъ русскимъ. 1855 г.

Малиновскій. Историческій взглядъ на межеваніе въ Россіи до 1765 г. 1844 г.

Ивановъ. Опытъ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи. 1846 г.

Гр. Толстой. О статистическихъ работахъ межевыхъ чиновъ при Екатеринѣ II (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1847 г., ч. XXI).

Милютинъ. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи (Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1859 г., кн. 4, 1860 г., кн. 3, 1861 г. кн. 1 и 2).

Энгельманъ. О пріобрѣтеніи права собственности на землю. 1859 г.

Полежаевъ. О правѣ собственности по русскимъ законамъ (Журн. Мин. Юст. 1861 г., кн. 3).

Неволинъ. Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Екатерины II (Соч., т. VI, 1859 г.).

Побѣдоносцевъ. Однодворческія земли и начало спеціальнаго межеванія въ Россіи (Журн. Мин. Юст. 1863 г., кн. 1)

Лешковъ. Имущественныя и личныя права по указамъ Петра В. (Русск. Вѣстн. 1861 г., кн. 12).

Касперовичъ. Истор. разв. постановленій русскаго законодательства о наложеніи запрещеній на недвижимыя имущества (Юрид. Журн. 1861 г., кн. 7 и 8).

Энгельманъ. О давности по русскому гражданскому праву. 1868 г.

Горчаковъ. О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода. 1871 г.

Соколовскій. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. 1877 г.

Семевскій. Пожалованіе населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ (Русск. Мысль 1882 г., кн. 12).

Его-же. Очерки изъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи въ XVIII в. (Русск. Бог. 1901 г., кн. 1 и 2).

Ефименко. Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ (Русск. Мысль 1882 г., кн. 4).

Щепотьевъ. Къ исторіи разрушенія сложныхъ формъ общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ (Русск. Мысль 1883 г., кн. 12)

Его-же. Законодательство и старинныя формы землевладѣнія на сѣверѣ (Сѣв. Вѣстн. 1886 г., кн. 2).

Приклонскій. Народная жизнь на сѣверѣ. 1884 г.

Миловецкій. Судьба церковныхъ имуществъ въ Россіи до обращенія ихъ въ казенное вѣдомство (Странникъ 1877 г., кн. 7).

Никольскій. Воды общаго пользованія по русскому законодательству. 1883 г.

Штофъ. Сравн. очеркъ горнаго законодательства въ Россіи и Западной Европѣ 1882 г.

Германъ. Состояніе поземельной собственности наканунѣ генеральнаго межеванія (Труды топографо-геодезической комиссіи, вып. I, 1893 г).

Гантоверъ. Залоговое право. 1890 г.

Якушкинъ. Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX в. 1890 г.

Благовѣщенскій. Четвертное право. 1899 г.

Курдиновскій. Къ ученію о легальныхъ ограниченіяхъ права собственности на недвижимость въ Россіи. 1899 г.

Ильяшенко. Институтъ родовыхъ имуществъ (Журн. Мин. Юст. 1900 г., кн. 2, 3 и 4).

Завьяловъ. Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при имп. Екатеринѣ II. 1900 г.

Товстолѣсъ. Общая собственность по русскому гражданскому праву. (Журн. Мин. Юст. 1900 г., кн. 8).

Его-же. Находка и мѣсто ея въ системѣ русскаго законодательства (Журн. Мин. Юст. 1901 г., кн. 11).

Удинцевъ. Поссессіонное право. 1896 г.

Его-же. Право на залегающія въ нѣдрахъ ископаемыя (Журн. Юрид. Общ. 1897 г., кн. 4).

Товстолѣсъ. Сущность залога въ историческомъ развитіи по русскому праву (Журн. Мин. Юст. 1898 г., кн. 8 и 9).

Рѣдкинъ. О казенныхъ подрядахъ и поставкахъ въ Россіи (Юрид. Зап., т. I, 1841 г.).

Капустинъ. Древне-русское поручительство (Юрид. Сборн., изд. Мейеромъ. 1855 г.).

Калачовъ. Обозрѣніе постановленій о долговыхъ процессахъ по русскому законодательству (Юрид. Вѣстн. 1867—1868 гг., кн. 5).

Соколовъ. Истор. изложеніе договора мѣны недвижимыхъ имуществъ по русскимъ законодательнымъ памятникамъ (Кіев. Унив. Изв. 1880 г., кн. 9).

Никоновъ. Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву.

Ѳирсовъ. Русскія торгово-промышленныя компаніи въ XVIII вѣкѣ. 1896 г.

Лаппо-Данилевскій. Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ XVIII ст. 1899 г.

Змирловъ. Договоръ найма имуществъ по нашимъ законамъ (Журн. гражд. и уголовн. права 1884 г., кн. 2).

Каминка. Акціонерныя компаніи. 1902 г.

Курдиновскій. Выморочныя имущества (Журн. Мин. Юст. 1902 г., кн. 5—10).

Е. Судопроизводство.

Кавелинъ. Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ. 1844 г.

Троцина. Историческое развитіе судопроизводства въ Россіи отъ временъ вел. кн. Іоанна III до нашихъ дней. 1847 г.

Митюковъ. О собственномъ признаніи, какъ доказательствѣ по дѣламъ гражданскимъ. 1847 г.

Рязановъ. Объ очистительной присягѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. 1849 г.

Неволинъ. О пространствѣ церковнаго суда (Сочин., т. 6).

Михайловъ. Русское гражданское судопроизводство отъ Уложенія 1649 г. до изданія Свода Законовъ. 1856 г.

Вицынъ. Третейскій судъ по русскому праву. 1856 г.

Троцина. Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи. 1851 г.

Дмитріевъ. Исторія судебныхъ инстанцій отъ судебника до Учрежденія о губерніяхъ. 1859 г. и 1899 г.

Линовскій. Изслѣдованіе о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ.

Арсеньевъ. Судъ по формѣ. Истор. изложеніе причинъ, породившихъ судъ по формѣ (Наше Время 1860 г., № 5 и 49).

Циммерманъ. Русскія пытки. Истор. очеркъ (Русск. Архивъ 1867 г., кн. 7).

Сокольскій. Главнѣйшіе моменты въ исторіи повальнаго обыска 1871 г.

Малышевъ. Историческій очеркъ конкурснаго процесса. 1871 г.

Пихно. Историческій очеркъ мѣръ гражданскаго взысканія по русскому праву. 1874 г.

Стефановскій. Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права (Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., кн. 2, 3, 6, 7 и 8).

Малышевъ. Курсъ гражданскаго судопроизводства. 1874—1879 гг.

Розенгеймъ. Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій до кончины Петра В. 1878 г.

Бобровскій. Періодъ преобразованій при Петрѣ В. (Учрежденіе военныхъ судовъ и пр.). 1881 г.

Андреевскій. О правѣ экзекуціи по актамъ XVIII ст. (Наблюдатель 1883 г., кн. 4).

Гольмстенъ. Историческій очеркъ конкурснаго процесса. 1888 г.

Барацъ. Очеркъ происхожденія и постепеннаго упраздненія совѣстныхъ судовъ (Журн. Гражд. и Уголовн. Права, 1893 г., кн. 3).

Хартулари. Право суда и помилованія, какъ прерогативы россійской державности. 1898 г.

Люблинскій. Свобода личности въ уголовномъ процессѣ. 1906 г.

Его-же. Право амнистіи. 1907 г.

